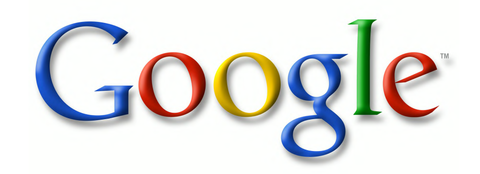
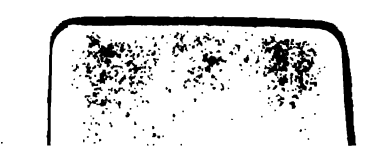

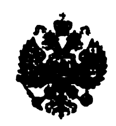

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ИЗДАНІЕ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ

ОХОТСКО-КАМЧАТСКІЙ КРАЙ

(СЪ КАРТОЙ)

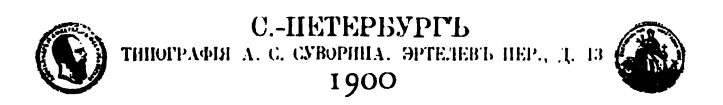
ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

СОСТАВИЛЪ Д-РЪ Н. В. СЛЮНИНЪ

СЪ 32 ФОТОТИПІЯМИ И 54 ЦИНКОГРАФІЯМИ

Т. I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

Дозволено цензурою 2 мая 1900 г. С.-Петербургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ связи съ сооруженіемъ Великой Сибирской желѣзной дороги, въ 1894 г. былъ поставленъ на очередь вопросъ о подробномъ изслѣдованіи, въ районѣ означенной дороги, сибирской золотопромышленности, тѣсно связанной съ важнѣйшими и многочисленными интересами страны. При предварительной разработкѣ этого вопроса, какъ въ Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, такъ и въ Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги, сначала предполагалось командировать нѣсколько горныхъ партій для техническаго и экономическаго обслѣдованія золотыхъ пріисковъ въ шести намѣченныхъ районахъ и для собранія на мѣстѣ обстоятельныхъ свѣдѣній относительно требующихся геологическихъ, развѣдочныхъ и топографическихъ работъ.

Принимая всегда горячее участіе во всѣхъ вопросахъ экономическаго изученія Россіи и желая, чтобы намѣченная выше цѣль въ полной мѣрѣ удовлетворяла весьма серьезной потребности развитія сибирской золотопромышленности, г. Министръ Финансовъ высказался за расширеніе этихъ изслѣдованій на всемъ пространствѣ Сибири. Руководствуясь, съ одной стороны, мнѣніями спеціалистовъ о возможности нахожденія золота на Охотско-Камчатскомъ побережьи, а, съ другой, справедливо полагая, что̀ проведеніе Великаго Сибир-

скаго пути окажетъ благотворное вліяніе на развитіе золотопромышленности и въ этой отдаленной и заброшенной окраинѣ, Министръ Финансовъ возбудилъ вопросъ о снаряженіи Охотско-Камчатской экспедиціи и объ изслѣдованіи этого края не только въ золотоносномъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Съ этою цѣлію, въ 1895 г., при Горномъ Департаментѣ, была образована изъ свѣдущихъ людей, спеціалистовъ и частныхъ промышленниковъ особая комиссія для разработки программы Охотско-Камчатской экспедиціи.

Благодаря просвѣщенному вниманію и широкому взгляду на дѣло г. Министра Финансовъ, С. Ю. Витте, названная экспедиція была обставлена въ научномъ и матеріальномъ отношеніи съ полнымъ удобствомъ, что̀ немало облегчало изслѣдованія и способствовало ихъ успѣху, при тяжелой, подъ часъ безотрадной обстановкѣ мѣстныхъ условій. Въ составъ экспедиціи вошли: ея начальникъ, горный инженеръ К. И. Богдановичъ, съ помощникомъ горнымъ инженеромъ С. П. Кишенскимъ и двумя штейгерами—для развѣдки золота и геологическихъ изслѣдованій; корпуса флотскихъ штурмановъ штабсъ-капитанъ Н. Н. Лелянинъ—для топографическихъ работъ и астрономическихъ наблюденій; я же, помимо обязанностей врача экспедиціи и съ согласія Морского Министерства, былъ командированъ Министерствомъ Финансовъ, въ качествѣ его представителя, для естественно-историческаго и экономическаго изученія края и изслѣдованія мѣстныхъ богатствъ.

Данная мнѣ означеннымъ Министерствомъ программа обнимала все обширное побережье и касалась всѣхъ сторонъ инородческой жизни; для выполненія такой сложной задачи, помимо обязанностей врача экспедиціи, мнѣ предоставлено было [1]) право самостоятельныхъ разъѣздовъ и отдѣльной зимовки, если это оказывалось необходимымъ для моихъ спе-

[1]) Журналъ подготовительной при комитетѣ Сибирской желѣзной дороги Комиссіи (засѣданіе 21 марта 1895 г.).

ціальныхъ работъ. Пользуясь этимъ я, дѣйствительно, познакомился со всѣмъ краемъ и объѣхалъ все Охотско-Камчатское побережье, начиная отъ поселка Чумиканъ, при устьѣ р. Уды, до бухты барона Корфа, на сѣверо-восточномъ берегу Камчатки, какъ это показано на прилагаемой картѣ, сдѣлавъ такимъ образомъ болѣе 4½ т. верстъ сухопутьемъ и до 3½ тыс. верстъ на пароходѣ и шлюпкѣ. Я посѣтилъ до 85 селеній, выселковъ и стойбищъ, останавливаясь въ каждомъ изъ нихъ и заѣзжая на мѣста кочевокъ, находившихся по близости. Маршрутъ путешествія въ общемъ былъ слѣдующій: лѣто и осень 1896 г. проведены въ Аянѣ и путешествіи по окрестностямъ и въ Чумиканъ; октябрь того же года употребленъ на разъѣзды по окрестнымъ селеніямъ Охотска; время съ 15 ноября по 5-е апрѣля 1897 г. пошло на поѣздку отъ Охотска до Петропавловска и на разъѣзды въ сторону, причемъ три раза пришлось переваливать чрезъ Камчатскій хребетъ; апрѣль—май потрачены на изученіе весенняго рыбнаго промысла въ Авачинской губѣ; въ іюнѣ я перебрался изъ Петропавловска въ Усть-Камчатскъ, оттуда на бату по рр. Камчаткѣ и Еловкѣ доплылъ до сел. Еловскаго. Послѣ этого на лошадяхъ снова перевалилъ чрезъ Столбовую тундру и Камчатскій хребетъ и изъ сел. Сѣданки на паромѣ спустился до устья р. Тигиль.

Послѣ мѣсячной остановки, на пароходѣ «Котикъ», вмѣстѣ съ начальникомъ экспедиціи К. И. Богдановичемъ, я отправился на Гижигинскую тундру, для провѣрки указаннаго мною раньше мѣстонахожденія золота по р. Авековой. Изъ Гижиги на томъ же пароходѣ я отправился въ Пенжинскую губу для изслѣдованія указанныхъ мною залежей каменнаго угля, по близости отъ устья р. Лѣсновской, и извѣстныхъ раньше у сел. Подкагирнаго. Къ сожалѣнію, неточность карты не позволила намъ найти оба эти пункта, и я, будучи больнымъ, ушелъ въ Петропавловскъ для леченія. По пути высадился въ устьѣ рѣки Озерной для ознакомленія съ рыбными промыслами, которые

производило Русское Товарищество котиковыхъ промысловъ при помощи японскихъ рабочихъ.

Оправившись послѣ тяжелой болѣзни, я, въ январѣ 1898 г., изъ Петропавловска черезъ Камчатскій хребетъ перевалилъ въ Большерѣцкъ и прибылъ потомъ въ сел. Облуковино, для присоединенія къ другимъ членамъ нашей экспедиціи; проживъ здѣсь мѣсяцъ, я направился по западному берегу Камчатки до сел. Явина, оттуда, снова чрезъ хребетъ, спустился на вершину р. Камчатки для ознакомленія съ мѣстными острожками и строевымъ хвойнымъ лѣсомъ, которымъ славится долина Камчатки. Осмотрѣвъ верхнюю часть этой долины, я, по причинѣ уже начавшагося вскрытія рѣкъ, поторопился въ Петропавловскъ, откуда на пароходѣ «Хабаровскъ», 20-го мая ушелъ во Владивостокъ.

При изученіи литературы, касающейся Охотско-Камчатскаго края, невольно бросается въ глаза ея бѣднота и отсутствіе точныхъ изслѣдованій какъ по исторіи, географіи, флорѣ и фаунѣ окраины, такъ и по этнографіи инородцевъ, составляющихъ главный контингентъ населенія. Экономическая сторона его жизни, хотя и обращала на себя вниманіе Правительства почти съ начала завоеванія, но никогда не служила тэмой для подробнаго описанія: промысла, рыбные и пушные, служащіе основой благосостоянія, или зависѣли отъ измѣнявшихся взглядовъ мѣстной администраціи, или оставлялись на произволъ судьбы, или же, наконецъ, предоставлялись собственному усмотрѣнію полудикаго инородца.

Пользуясь имѣющейся небогатой литературой, а главнымъ образомъ своими, личными наблюденіями, въ предлагаемомъ Естественно-историческомъ Описаніи я старался дать по возможности полную общую картину, какъ физической природы, такъ экономической, бытовой и умственно-религіозной жизни здѣшнихъ инородцевъ. Охотско-Камчатскій край, съ одной стороны, такъ мало изслѣдованъ, а съ другой—представляетъ столько своеобразнаго и интереснаго въ деталяхъ

каждаго затронутаго мною вопроса (каждому изъ нихъ отведена особая глава,—всѣхъ 12), что, понятно, я не могъ исчерпать всего собраннаго мною матеріала, не выходя изъ намѣченныхъ рамокъ описанія. Большая часть собранныхъ мною коллекцій, розданныхъ спеціалистамъ, не могла быть обработана въ короткое время; таковы, напр., коллекціи горныхъ породъ съ сѣвернаго побережья Охотскаго моря, гдѣ подобныхъ изслѣдованій никогда не производилось; коллекціи окаменѣлостей, растеній, рыбъ, сухопутныхъ и морскихъ животныхъ, насѣкомыхъ, болѣзнетворныхъ паразитовъ нѣкоторыхъ животныхъ; коллекціи этнографическія и орудій каменнаго вѣка и проч.; только привезенныя нами птицы и бабочки опредѣлены спеціалистами.

Бытовая сторона инородцевъ, т. е. строй семьи, юридическіе обычаи, община, ясачный вопросъ, натуральная повинность, промысловые участки, характеръ и правила самыхъ промысловъ, ихъ регламентація мѣстной администраціей, обязательный платежъ на школу—безъ обязательности образованія, врачебная помощь, частыя эпидеміи, наконецъ, отсутствіе естественнаго прироста, а по мѣстамъ вымираніе населенія,—все это такіе важные вопросы въ жизни окраины, что требуютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія и описанія, чѣмъ то, какое я могъ удѣлить въ настоящей книгѣ, имѣя въ виду, со временемъ, пополнить этотъ пробѣлъ изданіемъ третьяго тома, гдѣ будетъ напечатанъ «Дневникъ путешествія», съ обработанными результатами метеорологическаго журнала и описаніемъ собранныхъ нами коллекцій.

Выпуская въ свѣтъ описаніе «Охотско-Камчатскаго края», я хорошо сознаю недостатки настоящаго труда, для составленія котораго, вмѣстѣ съ изученіемъ литературы предмета, имѣлъ довольно ограниченное время; самое печатаніе производилось поспѣшно, что̀ всегда сопряжено съ опечатками, которыя указаны въ концѣ книги. Немало также труда потребовало составленіе карты, орографію и гидрогра-

фію которой, въ особенности въ сѣверной части района, пришлось въ значительной степени измѣнить и дополнить по нашему дневнику и глазомѣрной съемкѣ. Правда, при экспедиціи находился спеціалистъ астрономъ и штурманъ Н. Н. Лелякинъ для составленія карты, которая и будетъ издана впослѣдствіи, но ему не пришлось посѣтить всю обширную полосу отъ Охотска до села Подкагирнаго (на Камчаткѣ); указанныя имъ поправки по западному берегу полуострова, къ сожалѣнію, не могли быть сдѣланы на нашей картѣ, находившейся уже въ печатаніи.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить свою искреннюю благодарность слѣдующимъ лицамъ, охотно взявшимъ на себя трудъ редактированія спеціальныхъ главъ: П. П. Семенову—(географическій очеркъ, гл. II и III); Н. И. Кузнецову (флора, гл. V); А. М. Никольскому (фауна, гл. VI); не менѣе признательны и благодарны мы М. А. Мензбиру за опредѣленіе птицъ и ихъ описаніе (въ главѣ VI); Г. Е. Грумъ-Гржимайло за разработку нашей коллекціи бабочекъ и составленіе ихъ списка; А. Н. Сѣдельникову, работающему по ботаникѣ при Юрьевскомъ Ботаническомъ садѣ,—за содѣйствіе при составленіи описанія Охотско-Камчатской флоры; Н. А. Холодковскому за опредѣленіе кишечныхъ паразитовъ нашей коллекціи и І. А. Порчинскому за опредѣленіе интересной личинки оленьяго овода.

Приложенные въ текстѣ рисунки сдѣланы по моделямъ нашихъ коллекцій или сняты фотографически съ оригиналовъ; фототипіи воспроизведены художественной мастерской В. Класенъ (преемникъ Н. Каминскій) съ нашихъ негативовъ.

Н. Слюнинъ.

1 мая 1900 г.

Памятникъ „СЛАВА"-въ воспоминаніе геройской защиты порта противъ нападенія Англо-Французской эскадры въ 1854 году.

ГЛАВА I.

Историческій очеркъ.

Подъ именемъ Охотско-Камчатскаго края мы будемъ понимать: 1) сравнительно узкую полосу земли, съ одной стороны прилегающую къ Охотскому морю, а съ другой отдѣленную отъ материка рядомъ горъ, и 2) полуостровъ Камчатку включительно на сѣверъ до Анадырскаго водораздѣла. Открытіе этого края и присоединеніе его къ русскимъ владѣніямъ совершилось въ недавнее время и представляетъ заключительный финалъ дѣятельности небольшой партіи казаковъ, охочихъ людей и промышленниковъ, которые сначала подъ начальствомъ Ермака взяли въ 1581 г. столицу Сибирскаго Царства—Искеръ, а потомъ, въ 1697 г., руководимые приказчикомъ Анадырскаго острога, пятидесятникомъ Атласовымъ, основали первое зимовье въ Камчаткѣ—Верхнекамчатскій острожекъ. Такимъ образомъ въ теченіи одного съ небольшимъ столѣтія (116 л.), эти небольшіе отряды удальцовъ и всякаго рода вольницы, провѣдывая неизвѣстныя землицы и собирая мягкую рухлядь, какъ дань-ясакъ русскому Царю, совершили небывалый въ исторіи подвигъ завоеванія такого обширнаго пространства по непроходимой тайгѣ и безжизненной тундрѣ, среди суровой обстановки негостепріимнаго сѣвера. Этой удивительной быстротѣ провѣдыванія новыхъ землицъ и объясачиванія разбросанныхъ мелкихъ родовъ инородцевъ помогло, съ одной стороны, закаленное удальство, а съ другой промышленная алчность, понявъ которую и сознавая свое безсиліе инородцы тотчасъ же соглашались платить ясакъ, вполнѣ удовлетворявшій побѣдителей. О какой-нибудь культурной миссіи среди этихъ полудикихъ племенъ не могло быть тогда и рѣчи, да о ней, правда тогда никто и не думалъ.

Еще до присылки въ Москву сибирскимъ ханомъ Едигеромъ первой партіи ясачныхъ соболей, Московское царство уже хорошо было знакомо съ мягкою рухлядью и потребность въ ней была настолько велика, что неудивительно, если у многихъ удальцовъ и опальныхъ лицъ явилось желаніе пуститься на добычу этого красиваго и дорогого звѣря, который служилъ главнымъ импульсомъ къ движенію русскихъ внутрь Сибири до ея сѣверо-восточной оконечности. Шли на обумъ, пролѣзая тайгой, блуждали по ровной тундрѣ, не имѣя ни карты, ни компаса, — и лишь только основывался казацкій острожекъ съ ясачной избой [1]), какъ вокругъ его группировались партіи охочихъ людей, которые потомъ выискивали далѣе новыя мѣстности или помогали казакамъ въ ихъ походахъ и жестокихъ битвахъ съ разнородными инородцами, или, осѣвши на мѣстѣ, занимались мѣновой съ ними торговлей. Насколько великъ былъ наплывъ промышленниковъ, видно изъ приводимыхъ Фишеромъ вѣдомостей [2]): на нижнюю Тунгузку—отправилось казаковъ только 28, а промышленниковъ 189; на Подкаменную Тунгузку казаковъ—44, промышленниковъ — 312.

Тотъ же исторіографъ такъ характеризуетъ промышленныхъ людей: сіи отваги, которые сами отъ себя таскались повсюду, такъ что ихъ не могла устрашить никакая опасность, когда они могли гдѣ-нибудь получить свою корысть. Они обыкновенно показывали казакамъ дорогу къ завоеваніямъ, и были, такъ сказать, ихъ предшественниками [3]). Возникавшія при каждой такой развѣдкѣ стычки и сраженія съ обѣихъ сторонъ носили слишкомъ звѣрскій характеръ рѣзни, невѣроятныхъ истязаній и жестокихъ пытокъ; да это и понятно: вопросъ о жизни или смерти ставился ребромъ,—и если русскіе брали превосходствомъ своего огнестрѣльнаго оружія, зато инородцы превосходили массой, хитростью и своимъ знаніемъ мѣстности.

Къ этимъ мрачнымъ страницамъ исторіи завоеванія сибирскихъ инородцевъ часто присоединялось личное звѣрство, крайняя жестокость и ненасытная алчность начальниковъ отдѣльныхъ партій и ясачныхъ приказчиковъ, которые, будучи увлечены личной наживой, не щадили своихъ товарищей — соратниковъ и до-нага обирали инородцевъ,

---

[1]) Первоначальный типъ ясачной избы, это простой бревенчатый срубъ, для зимовья, огороженный высокимъ тыномъ или частоколомъ для защиты отъ неожиданнаго нападенія инородцевъ; впослѣдствіи она составляла отдѣльное зданіе, среди двора, гдѣ собиралась и хранилась ясачная рухлядь.

[2]) Фишеръ І. Сибирская Исторія, Спб., 1774, стр. 361.

[3]) Ib. стр. 360.

пришедшихъ съ аманатами [1]) въ ясачную избу бить челомъ русскому Царю и принесшихъ посильный ясакъ. Чѣмъ дальше, въ глубь Сибири, заходили эти развѣдочныя партіи, тѣмъ обращенія съ инородцами становились болѣе жестокими, а сборъ ясака превратился въ широкій грабежъ. Эта алчность переходила отъ младшихъ къ старшимъ, заражая всѣхъ и каждаго: грабили не одни казаки-завоеватели, расхищали «царскую казну» приказные и воеводы, не смотря на постоянные наказы, инструкціи и грамоты Правительства и частую смѣну управителей. Иногда это требованіе ясака Царю достигало крайне жестокихъ формъ грабежа, такъ что само Правительство приняло инородцевъ подъ свою защиту. Познавъ всю неприглядную сторону сбора царскаго ясака, Правительство время отъ времени предпринимало тяжелыя наказанія: первый сибирскій губернаторъ князь М. П. Гагаринъ былъ повѣшенъ (1721 г.), вице-губернатору Иркутскому Жолобову отсѣчена голова (1736 г.), Шелихову купцу Императрица Екатерина грозила оковами, но и это мало помогало, ибо съ окраины Сибири до Царя дѣйствительно было далеко.

Чтобы лучше понять ходъ событій и нагляднѣе обрисовать тогдашнее положеніе Сибири и ея окраинъ, а также уяснить взглядъ и отношеніе къ нимъ правящихъ классовъ, необходимо сказать нѣсколько словъ, потому что историческая картина Охотско-Камчатскаго края не представляла чего-нибудь своеобразнаго и самобытнаго за исключеніемъ мореходства, а носила общій отпечатокъ тогдашней жизни и нравовъ. Пріобрѣтаемыя новыя землицы, вслѣдствіе отсутствія среди завоевателей интеллигентныхъ лицъ, долгое время оставались неизвѣстными, а потому высшія власти и не могли установить на нихъ какого-нибудь опредѣленнаго взгляда. То онѣ смотрѣли на эти землицы, какъ на колонію звѣроловную (періодъ ясачный), то какъ на страну горнозаводскую; потомъ, съ накопленіемъ въ центрѣ Россіи разныхъ «опальныхъ людей», сюда стали ссылать на жительство штрафныхъ и неблагонадежныхъ; наконецъ послѣ наплыва казаковъ, административныхъ лицъ и вольницы Сибирь стали считать страною земледѣльческою. Эти поочередно смѣнявшіеся взгляды слѣдовали отъ Урала до Якутска, переходя напослѣдокъ Становой хребетъ, гдѣ, на Охотско-Камчатскомъ побе-

[1]) Аманатами назывались заложники, которыхъ брали казаки въ доказательство вѣрноподданности и акуратнаго взноса ясака.

режьѣ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и энергіей примѣнялись на практикѣ.

Признавая свое незнакомство съ Сибирью и мѣстными условіями, Правительство поэтому, въ видахъ скорѣйшаго успѣха, предоставляло неограниченную власть воеводамъ: «дѣлать по своему высмотру». Въ силу такихъ особыхъ обстоятельствъ нѣтъ ничего удивительнаго, что каждая власть отъ воеводы и губернаторовъ до послѣдняго ясачнаго приказчика усваивала неограниченное самовластіе и творила подъ часъ жестокую расправу, при чемъ отдаленность края и канцелярскія проволоки представляли всѣ шансы скрывать свои злоупотребленія. Могущество воеводъ и приказныхъ возрастало прямо пропорціонально отдаленности ихъ резиденціи.

Воспитанные на ужасахъ царствованія Грознаго, говоритъ Головачевъ [1]), привыкшіе къ постояннымъ человѣческимъ гекатомбамъ и жестокостямъ опричнины, русскіе Колумбы, естественно, переносили все это и на дѣвственную почву Сибири, гдѣ нашли для проявленія своихъ дикихъ и хищническихъ инстинктовъ полный просторъ и множество поводовъ: съ одной стороны, цѣлыя массы беззащитныхъ и добродушныхъ инородцевъ, людей другой расы, годной только для эксплоатаціи и кабалы; съ другой все то, что считалось роскошнымъ и изящнымъ въ старинной Руси: бархатный, пушистый бобръ, бѣлоснѣжный горностай, соболь—«съ давнихъ дней предметъ горячаго желанія бояръ московскихъ и князей».

Въ 1636 г. въ первый разъ до начальства Сибири дошли слухи объ этомъ богатствѣ отдаленнаго, на краю Великаго моря, края и очаровательнымъ звукомъ должны были прозвучать въ ушахъ ненасытныхъ искателей приключеній, на долю которыхъ выпалъ жребій открывать новый міръ, провѣдывать «новыя землицы» и объясачивать «поганыхъ идолопоклонниковъ» «подъ высокую Государеву руку». Подвиги этихъ піонеровъ Сибири—казаковъ и хожалыхъ людей XVII вѣка были ничто иное, какъ проявленіе того же хищнически-колонизаторскаго инстинкта, который когда-то воспламенялъ Западную Европу жадностью до тропическихъ богатствъ. Заманчивые слухи, проникшіе изъ Сибири до Волги, и потомъ до Московскаго царства, превосходили богатства даже баснословныхъ тропиковъ; помимо другихъ сокровищъ, тамъ, въ невѣдомой землѣ, были

---

[1]) Головачевъ. Сибирь въ Екатерининской комиссіи. Этюдъ по исторіи Сибири XVIII вѣка. Москва, 1889, стр. 111.

мускусъ и бобровая струя—магическое средство, способное даже не допустить души умирающихъ разстаться съ тѣломъ, какъ говоритъ Мидцендорфъ [1]).

Кромѣ этихъ причинъ географически-административнаго характера, другую особенность въ управленіи отдѣленій Сибирью составляло полное отсутствіе хотя какого-нибудь образовательнаго ценза и кодекса нравственныхъ понятій у лицъ, которымъ судьбою суждено было занять этотъ край и потомъ долгое время управлять имъ. Первыми колонизаторами Сибири и первыми вносителями въ нее «русской идеи» и русской культуры были, какъ мы знаемъ, гулящіе русскіе люди конца XVI в., «казацкая вольница», всякій сбродъ, люди, часто озлобленные на все и всѣхъ за свою неудавшуюся жизнь, чаще всего развращенные нравственно и физически, полюбившіе разбой и грабежъ, какъ средство для проявленія своей дикой удали, безпечнаго житья и всякаго рода грубыхъ наслажденій.

Правящій классъ комплектовался случайно изъ всякаго люда, бывшаго раньше въ казакахъ, и даже въ «холопствѣ»; между ними часто были и такіе, которые бывали въ розыскахъ и наказаніяхъ, и потомъ чрезъ ихъ происки, воеводами-жъ опредѣлены; а понеже оные люди произыскиваютъ не для того, чтобы имъ радѣніе къ труду показать, но чтобы самимъ обогощаться и только въ правленіи дѣлъ добраго порядка исполненіе государственныхъ доходовъ ожидать отъ нихъ невозможно, какъ говорится въ правительственномъ указѣ [2]). Такимъ образомъ въ начальники попадали ссыльные, каторжники и пройдохи и въ концѣ концовъ, отуманенные большими полномочіями и жадностью къ наживѣ, сами снова попадали въ ссылку, тюрьму или на плаху палача. Правительство хорошо знало объ этомъ и, поощряя казаковъ въ ихъ провѣдываніи новыхъ землицъ, ничего не могло, долгое время, подѣлать съ этими тиранами страны: «отъ лакомства тамошнихъ городовъ воеводъ и другихъ управителей обыватели несносно претерпѣваютъ разореніе» [3]). Могущество мѣстнаго управленія доходило до того, что нѣкоторые воеводы, какъ князь Гагаринъ, помышляли отдѣлить Сибирь отъ Россіи, а приказчики и начальники округовъ не хотѣли сдавать дѣла пріѣхавшимъ имъ на смѣну; тѣхъ и другихъ приходилось убирать силой, «съ пушками и барабаннымъ боемъ». Ясачныя экспе-

[1]) Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. Спб., 1869 г., ч. I, стр. 40.
[2]) Полное Собраніе законовъ. № 6553, отъ 12 янв. 1739 г.
[3]) Ib. № 7730.

диціи, недовольствуясь сборомъ мягкой рухляди, стали закабалять и обращать въ рабство плѣнныхъ и аманатовъ, для чего иногда предпринимались спеціальные походы. Сначала вошло въ мѣстный обычай, а потомъ въ законъ—возвращать инородцамъ только тѣхъ ясырей, которые не были крещены; поэтому русскіе, обыкновенно, плѣнниковъ крестили, т. е. надѣвали на шею крестъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ ихъ освобожденіе. Это крещеніе въ неволю дикарей-инородцевъ было чрезвычайно распространено въ Сибири и давало на нихъ право собственности. Конечно, не древнесибирская ревность къ православію, не идеалъ христіанской любви и процвѣтаніе государства руководили въ этомъ случаѣ управителями и даже духовными лицами, а чисто корыстный, эгоистическій расчетъ рабовладѣльца, совершенно оскорбительный для религіи.

Новый видъ сибирскаго крѣпостничества или закабаленія инородцевъ до того развился, что Правительство, сначала относившееся къ этому вопросу безразлично, въ XVII в., наконецъ вынуждено было вмѣшаться въ это дѣло и стать на сторону угнетенныхъ. Такъ изъ исторіи церкви Филарета видно, что указомъ 1796 г. всѣ новокрещеные, находившіеся въ кабальной зависимости у разныхъ лицъ, освобождаются, не смотря ни на какія крѣпости. Изъ слѣдственнаго дѣла полковника Мерлина по поводу злоупотребленій камчатскаго начальника видно, что онъ освободилъ отъ крѣпостной неволи камчадаловъ, закабаленныхъ тамошними казаками [1]).

Насколько низокъ былъ нравственный уровень шедшихъ въ Сибирь завоевателей и посылавшихся Правительствомъ управителей, мы увидимъ дальше; теперь достаточно будетъ указать на то, что даже повидимому интеллигентныя лица ученыхъ экспедицій, попавъ въ Сибирь, заражались царившей въ ней атмосферой произвола, самодурства и личной наживы. Примѣромъ этого можетъ служить знаменитый Биллингсъ съ своими торговыми операціями; даже экспедиція болѣе симпатичнаго Беринга въ 30 годахъ прошлаго столѣтія безобразничала и насильствовала въ Якутскѣ. Офицеры силой врывались въ дома обывателей и производили въ нихъ всякіе безпорядки, а самъ Берингъ, по словамъ Шашкова [2]) любовался подвигами своей команды. Не болѣе похвально вели себя геодезисты историка Миллера Скобельцинъ и Шатиловъ: били батогами за ма-

[1]) Шашковъ. Историческіе этюды, Спб., т. II.
[2]) От. Зап. 1867 г., № 11. Очеркъ русскихъ нравовъ въ Старой Сибири.

лѣйшую провинность, отбирали у конвойныхъ провіантъ, порохъ, быковъ, оставили въ глухой тайгѣ на произволъ судьбы заболѣвшаго служилаго человѣка Чернецкаго; нѣкоего Судакова довели до того, что онъ бѣжалъ отъ экспедиціи безъ припасовъ и оружія и, конечно, погибъ [1]).

По поводу такого, широко распространившагося самоуправства, Правительство посылало внушенія, давало инструкціи, издавало указы, иногда, употребляя болѣе строгія мѣры, наказывало плетьми, тюрьмой и плахой, но всѣ эти доброжелательныя мѣропріятія оказывались безполезными: сибирскіе правители чувствовали себя вдали настолько сильными и независимыми, что иногда убивали даже посыльщиковъ съ царской грамотой [2]).

Разсматривая въ совокупности все прошлое Охотско-Камчатскаго края, наряду съ событіями въ остальной Сибири, мы должны раздѣлить его, ради удобства обозрѣнія, на нѣсколько періодовъ, смотря по характеру преобладающаго направленія или тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовались въ данное время.

Не въ упрекъ будь сказано русскимъ исторіографамъ, мы до сихъ поръ не имѣемъ сколько-нибудь полной и обстоятельной исторіи Сибири, и наши свѣдѣнія объ этой обширной странѣ до настоящаго времени основываются на архивныхъ документахъ Миллера [3]), и Фишера [4]); позднѣйшія попытки въ этомъ направленіи Словцова [5]), Андріевича [6]), Спасскаго [7]) и др. далеко не обнимаютъ всего предмета. Что касается окраинъ Сибири, то исторія ихъ почти не тронута, да едва-ли теперь и мыслима за пропажей и расхищеніемъ мѣстныхъ архивовъ. Мы просматривали архивы въ Охотскѣ, Гижигѣ, Большерѣцкѣ и Петропавловскѣ и, къ удивленію своему, не нашли почти никакихъ документовъ прошлаго, кромѣ бумагъ пустого и канцелярскаго содержанія; а еще недавно въ Большерѣцкѣ цѣлый сарай былъ заваленъ старыми и интересными бумагами.

Такимъ образомъ исторія Охотско-Камчатскаго края крайне бѣдна матеріалами; къ упомянутымъ источникамъ нужно отнести историче-

---

[1]) «Восточное Обозрѣніе», 1882 г., №№ 25, 26 и 29.
[2]) Головачевъ, l. c. стр. 71.
[3]) Миллеръ. Описаніе Сибирскаго Царства. Спб. 1750.
[4]) Фишеръ. Сибирская Исторія, Спб., 1774.
[5]) «Сибирскій Вѣстникъ» Спасскаго, съ 1818 по 1825 г.
[6]) П. Словцовъ. Историческое Обозрѣніе Сибири, Спб., 1886 г.
[7]) В. Андріевичъ. Исторія Сибири, Спб. 1889 г., 2 ч.

скую часть описанія Крашенинникова [1]), нѣсколько статей Щеглова [2]), Сгибнева [3]), Берха и другихъ авторовъ [4]), статьи которыхъ разбросаны въ повременныхъ изданіяхъ прежнихъ годовъ.

Изучая въ подробности историческія событія описываемой окраины, мы видимъ, что они совершались не подъ вліяніемъ самостоятельнаго развитія края и его интересовъ, а были сначала опредѣлены завоевательными цѣлями, потомъ же развиты подъ натискомъ алчной промышленности, посылавшей одну экспедицію за другой; научныя провѣдыванія кончались коммерческими флотиліями, для которыхъ нуженъ былъ морской портъ со всѣми его приспособленіями. Поэтому по преобладанію тѣхъ или другихъ тенденцій, мы намѣрены раздѣлить исторію Охотско-Камчатскаго края на три слѣдующія періода:

1) Періодъ ясачный, начавшійся съ перваго проникновенія сюда русскихъ и кончающійся въ то время, когда интересъ къ новой окраинѣ—научный и торговый выдвинулъ на первый планъ цѣлый рядъ экспедицій съ устройствомъ для этого порта, хотя эта дѣятельность начинается неодновременно въ Охотскѣ и Камчаткѣ, гдѣ вообще жизнь сначала, такъ сказать, отставала въ административномъ отношеніи.

2) Періодъ экспедицій, начатый собственно Берингомъ, хотя заботы о нахожденіи морского пути изъ Охотска въ Камчатку, объ открытіи Америки и горныхъ развѣдкахъ проявились нѣсколько раньше.

Вызванный этимъ наплывъ всякаго служилаго, рабочаго, промышленнаго и ссыльнаго люда, повлекъ за собою рядъ административныхъ реформъ, которыя съ одной стороны представляли продолженіе ряда мѣръ въ устройствѣ Сибири вообще, а съ другой отвѣчали потребностямъ, указаннымъ мѣстными дѣятелями. Эти экспедиціи столько поглощали вниманія Правительства и частныхъ лицъ, что подъ часъ нужды края отодвигались на второй планъ. Достаточно указать на то, что одна переписка о неудобствахъ Охотскаго

---

[1]) Ст. Крашенинниковъ. Описаніе земли Камчатки. Спб., 1818 г., 2 ч. Тоже самое было издано по французски, съ хорошими гравюрами: въ Voyage en Siberie, t. II, Paris, MDCCLXVIII.

[2]) Щегловъ. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ Исторіи Сибири. Иркутскъ, 1883 г.

[3]) Рядъ историческихъ очерковъ и матеріаловъ, напечатанныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ», см. въ концѣ Библіографію.

[4]) См. подробныя указанія въ Библіографіи.

порта и связанныя съ этимъ изысканія продолжались 118 лѣтъ, пока наконецъ открытіе кругосвѣтнаго пути и рѣшительное слово генералъ-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева не положили конца этой непроизводительной тратѣ времени, средствъ и и жизней. Періодъ экспедицій (или портовый) кончается переносомъ въ Петропавловскъ порта съ назначеніемъ въ Камчатскую область губернаторомъ адмирала Вас. Завойко.

Въ то время, когда начался періодъ лучшаго управленія краемъ, и отеческихъ заботъ объ его развитіи, внѣшнія политическія событія въ Европѣ останавливаютъ дальнѣйшее его развитіе въ самомъ началѣ: нападеніе англо-французской эскадры на Петропавловскъ и занятіе русскими устья р. Амура сразу и на долго отодвигаютъ на задній планъ всѣ вѣковые интересы русскаго Правительства и общества въ этой окраинѣ.

Послѣ 1855 г. начинается третій періодъ въ исторіи Охотско-Камчатскаго края,—періодъ его упадка и забвенія. Правда, и послѣ того мы встрѣчаемся съ разными реформами по управленію краемъ съ вопросами о мѣстныхъ нуждахъ, наконецъ съ вопросами о дальнѣйшей его судьбѣ, ибо оффиціально было признано, что инородцы вымираютъ, а условія жизни ихъ становятся невозможными, по причинѣ уменьшенія пушного звѣря, который когда-то составлялъ богатство окраины и единственный заработокъ инородца для удовлетворенія разныхъ жизненныхъ потребностей. Естественно возникалъ вопросъ объ изысканіи новыхъ источниковъ существованія въ эксплоатаціи тѣхъ богатствахъ, которыми природа не обидѣла этотъ край. Къ изслѣдованію этихъ природныхъ богатствъ и были въ послѣднее время направлены заботы Правительства: изученіе рыбныхъ и пушныхъ промысловъ [1]), обслѣдованіе строевого лѣса и горныя изысканія Охотско-Камчатской экспедиція должны послужить толчкомъ къ подъему экономическаго положенія страны и къ открытію новыхъ районовъ для эксплоатаціи, которая теперь все больше и больше обращаетъ вниманія на этотъ непочатый уголокъ.

---

[1]) М. Васильевъ. Нашъ востокъ и его промысла. Спб., 1891.—Н. Слюнинъ Промысловыя богатства Камчатки, Сахалина и Командорскихъ острововъ (изд. Министерства Земледѣлія). Спб. 1895. Его же. Водныя богатства Приморской Области, въ «Вѣстникѣ рыбоводства и рыболовства» 1895.—Его же Экономическое положеніе инородцевъ Сѣверо-Восточной Сибири; въ Извѣстіяхъ Императорскаго Русск. Географическаго Общества, 1895 и пр.

А. Ясачный періодъ, 1639—1731.

Въ широкомъ завоевательномъ движеніи русскихъ казаковъ и вольницы послѣднимъ развѣдочнымъ и опорнымъ пунктомъ былъ Якутскій острогъ, основанный въ 1632 г. дѣятельнымъ сотникомъ Бекетовымъ; отсюда одна партія направилась къ берегамъ Ледовитаго океана, гдѣ въ 1644 г. казакомъ Стадухинымъ основано было Нижне-Колымское зимовье, а казакомъ С. Дежневымъ Анадырскій острогъ, 1649 г.; вторая партія спустились на югъ и, переваливъ хребты, вышла съ письменнымъ головой Поярковымъ во главѣ на р. Амуръ, по которой дошла въ 1645 г. до устья; третья партія продолжала свою завоевательную дѣятельность на востокъ отъ Якутска; въ 1635 г. были объясачены тунгусы по рр. Алдану, Маѣ и Юдомѣ, а въ 1739 г. казачій атаманъ Копыловъ отправилъ казака Ивана Москвитина съ партіей изъ 20 человѣкъ томскихъ и 11 красноярскихъ казаковъ, которая должна была проникнуть дальше на востокъ. Въ это время административная жизнь и дѣятельность въ Якутскомъ острогѣ достигла широкихъ размѣровъ и подъема, и Приказъ Сибирскій, говоритъ Словцовъ, получая для двора огромные тюки дорогой рухляди, не могъ однако не слышать о казачьихъ самовольствахъ въ обширномъ краю; вслѣдствіе чего послѣдовало отдѣленіе Якутскаго воеводства (1638), и для урегулированія дѣлъ по объясачиванію и управленію краемъ назначены были уже изъ Москвы воеводы (1644). Вышеназванная партія Москвитина отправилась на шитикахъ вверхъ по рр. Алданѣ и Маѣ [1]) до устья притока Юдомы [2]); на этотъ переходъ потрачено шесть недѣль. Отсюда, по мелководью, казаки съ своимъ грузомъ поднялись на мелкихъ шлюпкахъ-вѣткахъ по этой рѣкѣ до горъ въ теченіи шести дней. Перевалъ черезъ хребты оказался небольшимъ и нетруднымъ, потребовалъ всего полдня перехода до истоковъ р. Ульи [3]). Пройдя всего одинъ день по Ульѣ, казаки снова построили суда и въ теченіи пяти дней спустились до устья этой рѣки, впадающей въ море, названное ими Ламскимъ отъ тунгузскаго слова ламъ — море. Здѣсь Москвитинъ основалъ зимовье — первое на берегу дотолѣ неизвѣстнаго моря,

---

[1]) Фишеръ, I. c., стр. 379.

[2]) Это второй правый притокъ рѣки Маи.

[3]) Трудно понять этотъ маршрутъ, съ верховьевъ р. Юдомы было бы гораздо ближе на истоки р. Урака; или же казакамъ нужно было обходить приближающееся здѣсь верховье р. Маи, на что полдня—недостаточно.

откуда и начались (1640 г.) развѣдки какъ къ сѣверу, такъ и на югъ вдоль побережья. Томскіе казаки доходили къ СВ. до р. Тауй, т. е. 600 в. по берегу, а съ другой стороны до р. Уды, т. е. отстоящей отъ зимовья на 1.200 в. Отъ Удскихъ тунгусовъ они узнали про р. Амуръ и Натканскій народъ, но, принятые недружелюбно, вернулись обратно на Улью, а потомъ въ Якутскъ, собравъ ясакъ и основавъ зимовья. Послѣ первыхъ свѣдѣній о новомъ морѣ и о богатой Даурской землѣ, полученныхъ въ Якутскѣ, на основаніи разсказовъ Удскихъ тунгусовъ, въ 1643 г. письменный голова В. Поярковъ, съ 130 промышленниками, переписанными въ казаки, перевалилъ Становой хребетъ, спустился по Амуру и лѣтомъ слѣдующаго года «онъ Василій Поярковъ съ устья Амура рѣки назадъ въ Якутскій острогъ, къ устью р. Ульѣ въ судахъ пошолъ, а моремъ шолъ до той усть Ульѣ рѣки двѣнадцать недѣль; и на Ульѣ рѣкѣ зимовалъ и, Божіею милостью и Государевымъ счастіемъ, аманаты изыскалъ и ясаку изъ-за него собралъ 17 соболей да семеры наполники собольи да семь пластинъ собольихъ же»[1]).

Оставивъ здѣсь для ясачнаго сбору служилыхъ и промышленныхъ людей двадцать человѣкъ, кои должны были продолжать начатое завоеваніе тамошнихъ мѣстъ, онъ по послѣднему зимнему пути отправился черезъ хребетъ на нартахъ. Въ годъ возвращенія въ Якутскъ Пояркова, отправлена была новая партія къ «большому морю океану» подъ начальствомъ десятника Семена Шелковникова, которая прибыла 16 мая на Улью съ 47 служилыми, гдѣ встрѣтилась съ оставленными здѣсь Поярковымъ 17 казаками. Взявъ ихъ подъ свое вѣдѣніе Шелковниковъ на построенныхъ кочахъ пошелъ моремъ вдоль берега къ устью р. Охоты[2]). Въ тѣ поры, пишетъ онъ, на устьѣ сидячихъ тунгусовъ было 1000 и больше. Тунгусы не пускали русскихъ въ рѣку, вслѣдствіе чего завязалась борьба, но «Божіею милостію и Государевымъ счастіемъ, доносилъ онъ, за большимъ боемъ Охоту взялъ, и зимовье поставилъ, и аманаты изъ пѣшихъ людей Баяншинскаго роду Кошка поими».

Водворившись на Охотѣ, Шелковниковъ энергично принялся за объясачиваніе инородцевъ; такъ въ 1649 г. онъ отпустилъ на государеву службу служилыхъ людей Дениса Васильева да Алешку Филипова съ 24 товарищи за Иню[3]) рѣку провѣдать, гдѣ они встрѣтили

[1]) Дополненіе къ Актамъ Историческимъ, 1818, т. III, стр. 55.
[2]) По тунгузски—ахоть.
[3]) Отъ Охотска до села Иня считается 100 в.

сидячихъ тунгусовъ ста три и больше, съ которыми вступили въ бой и разгромили. Послѣ этого пошли моремъ дальше, но бурею разбило ихъ судно и выбросило на кошку, тѣмъ не менѣе они достигли р. Мотыклей [1]), гдѣ также собрали ясакъ, основавъ зимовье. Здѣшніе тунгусы были хорошо вооружены; они имѣли ружья, луки, стрѣлы, рогатины, куяки и шишаки костяные; пѣшихъ тунгусовъ считалось больше 500, а конныхъ—много [2]). Поэтому они постоянно тѣснили русскихъ и даже заняли ихъ зимовье.

Вскорѣ послѣ этого похода, Шелковниковъ умеръ, а оставшаяся команда (24 ч.) должна была сидѣть въ постоянной осадѣ среди инородцевъ. На выручку ихъ въ 1656 г. посланъ былъ С. Епишевъ со служилыми людьми, который, придя 3-го іюня на устье Охоты, встрѣтилъ много инородцевъ «збруйны и оружейны, съ луки и съ копьи, въ куякахъ и шишакахъ въ желѣзныхъ и въ костяныхъ». Это однако не помѣшало ему, послѣ упорнаго боя, прорваться въ острогъ. Соединившись съ мѣстными казаками, онъ пытался сдѣлать двѣ экскурсіи вверхъ по рр. Кухтую и Охотѣ. Въ длинной отпискѣ объ этихъ путешествіяхъ Епишева рисуется неприглядная картина разнузданности, вольности, грабежа, пытокъ и истязаній инородцевъ. Всякъ сказывается большимъ, говоритъ онъ; всѣмъ хочется дѣлать «по изволамъ, а не по Государеву указу» [3]). А между тѣмъ эти же боярскія дѣти и казаки въ свою очередь жаловались на свое тяжелое положеніе. «Посылаютъ насъ холопей твоихъ, пишется въ одной челобитной; на твои великаго государя службы и для ясачнаго сбору, и въ посылку за измѣнниками въ походы ходимъ, и твои государевы измѣнники, ясачные и неясачные иноземцы, насъ холопей твоихъ побиваютъ до смерти, и поругательство чинятъ многое, груди спарываютъ, и сердце вынимаютъ, и руки обсѣкаютъ, и глазы выкопываютъ, у рукъ персты обсѣкаютъ [4]).

Дѣйствительно, тунгусы при всякомъ удобномъ случаѣ нападали на русскихъ и истребляли ихъ иногда цѣлыми партіями. Въ синодикѣ Охотской церкви записана, для поминовенія, часть этихъ жертвъ, убитыхъ тунгусами. Изъ него видно, что въ 1662 г. на Юдомѣ, Охотѣ и Инѣ убито русскихъ 66 ч.; въ 1663 г. убитъ Мухоплевъ съ 50 товарищами; въ 1670 г.—52 ч., въ 1677 г. тунгусъ Некрунко

[1]) Мотыклейская бухта и рѣка находится южнѣе села Тауйскъ.
[2]) Дополненія, т. III, стр. 318.
[3]) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. III, стр. 337—342.
[4]) Дополненія, т. 7, стр. 32.

Корякская и Авачинская сопки.

на р. Уракѣ убилъ пядисятника Панфилова съ товарищами и потомъ осадилъ Охотскій острогъ; въ 1678 г. тамъ же тунгусъ Ванга убилъ Томилова съ 87 ч., въ 1680 г. убитъ на Юдомѣ Данило Бибиковъ съ 62 ч. Это тотъ самый Д. Бибиковъ, который послѣ смерти отца, былъ назначенъ приказчикомъ въ Охотскѣ, а черезъ два года своего управленія однихъ тунгусовъ вѣшалъ, другихъ билъ кнутомъ, третьимъ рѣзалъ уши и носы. Казаки, видя ненадежность стараго острога, въ 1665 г. перенесли его на болѣе удобное мѣсто, въ 7 верстахъ отъ устья, обнесли его тыномъ и валомъ и въ теченіи многихъ лѣтъ вели постоянную войну съ осаждавшими ихъ тунгусами. Зато и русскіе приказные люди, посылавшіеся въ острогъ за ясакомъ, были крайне жестоки съ тунгусами. Въ особенности же отличались своею жестокостью и взяточничествомъ боярскій сынъ Крыжановскій, убитый тунгусами, приказный Ярышкинъ и Данило Бибиковъ. Доведенные до отчаянія, тунгусы являются сначала въ Охотскъ къ приказному, жалуясь на Ярышкина:ималъ у насъ соболи и олени силою и плевалъ намъ въ глаза; съ человѣка соболи по четыре и по пяти, за малыхъ ребятъ велѣлъ приносить по соболю.

Разслѣдуя дѣло, приказный принималъ виновныхъ тунгусовъ у себя дома, а не въ ясачной избѣ, какъ это было принято. Тунгусы, видя, что этотъ приказный выбиралъ изъ ясака лучшихъ соболей, чернобурыхъ лисицъ и велѣлъ относить ихъ къ нему на домъ, убили его и отправились съ жалобой въ Якутскъ къ стольнику И. Приклонскому. Донеся объ этомъ Царю, воевода приговорилъ Крыжановскаго и Ярышкина бить на козлѣ и въ проводку кнутомъ нещадно и сослать въ Даурскіе остроги въ пѣшую казачью службу, а имущество ихъ отобрать въ казну [1]).

Положеніе острога становилось дѣйствительно весьма затруднительнымъ; неясачные тунгусы подступили къ острогу, подбивая и ясачныхъ принять участіе въ бунтѣ; въ виду этого въ 1681 г. гарнизонъ острога былъ значительно усиленъ, а въ 1688 г. была окончена постройка новаго зданія острога; онъ былъ рубленный, кругомъ 35 саж. печатныхъ, а вышиной 5 сажень, съ двумя башнями. Въ новомъ острогѣ по срединѣ двора была воздвигнута ясачная изба, въ которой производились судъ и расправа; тогда тунгусы, видя силу на сторонѣ русскихъ, подчинились окончательно и выдали амана-

---

[1]) Въ Дополненіяхъ къ истор. актамъ, т. 7, эта переписка занимаетъ много страницъ и богата подробностями.

товъ. Такимъ образомъ жизнь казаковъ-охранителей становилась спокойнѣе и безопаснѣе; они брали себѣ женъ изъ инородческой семьи, а покорившихся тунгусовъ превращали часто въ работниковъ и крѣпостныхъ. Каждый казакъ въ инородческой средѣ представлялъ въ нѣкоторомъ родѣ начальство, собиралъ себѣ по немногу мягкую рухлядь, для продовольствія отбирали оленей. Только прибытіе каждую весну новаго ясачнаго сборщика заставляло ихъ немного волноваться.

Въ такомъ положеніи острогъ оставался до 1711 г., когда стала возникать мысль объ устройствѣ порта. Изъ другихъ наиболѣе интересныхъ фактовъ того времени нужно упомянуть посылку на р. Охоту письменнаго головы Козинскаго для развѣдыванія руды и другихъ морскихъ драгоцѣнностей, который безъ знанія дѣла и мастера ничего не могъ найдти.

Въ то время, когда около Охотска раздоры поутихли и инородцы признали себя подданными русскаго Царя, на югѣ, въ окрестностяхъ р. Уды повторилась та же исторія. Раньше всѣхъ сюда проникли казаки партіи Москвитина[1]), которые и доставили первыя свѣдѣнія объ этомъ районѣ, равно какъ о богатой Даурской землѣ и о р. Шилкѣ[2]) (Амуръ), впадающей въ Ламу. Поярковъ, этотъ первый амурскій піонеръ, плывшій въ 1645 г. вдоль берега Охотскаго моря изъ устья Амура до р. Ульи, также долженъ былъ знать это мѣсто, но въ его донесеніяхъ ничего не говорится ни объ Удскомъ зимовьѣ, ни о Шантарскихъ островахъ. Казакъ Ив. Нагиба[3]), въ 1652 г., выйдя изъ устья Амура въ Охотское море, на небольшой лодкѣ, разбился о прибрежный рифъ, во время сильной бури. Зимой онъ перебрался черезъ хребты, на р. Тугуръ, при устьѣ которой нашелъ большое стойбище тунгусовъ, до 150 юртъ, у которыхъ послѣ боя добылъ съѣстныхъ припасовъ; потомъ здѣсь казакомъ Уваровымъ былъ построенъ острогъ (1653 г.) Для продолженія объясачиванія тунгусовъ этого края, въ 1678 г. изъ Якутска посылается пятидесятникъ Д. Михайловъ на р. Удь, которому наказано: поставить зимовье и укрѣпить на крѣпко и укрѣпя, прося у Бога милости, чинить про-

[1]) «Морской Сборникъ» 1862 г., кн. 4, библіографія.

[2]) Томскіе казаки назвали Амуромъ, потому что слышали отъ тунгусовъ при р. Уда, которые передали это со словъ гиляковъ, на языкѣ которыхъ амаръ означаетъ вообще большую рѣку. Фишеръ. Сибирская Исторія. 1774 г. Спб., примѣчаніе стр. 579—582.

[3]) Андріевичъ. Исторія Сибири. Спб. 1889, ч. I, стр. 92.

мыселъ надъ тѣми неясачными тунгусами и ходить на нихъ въ походы, а «жесточи имъ не чинить» [1]).

Эти двѣ удачныя развѣдки послужили къ тому, что въ 1681 г. сюда выслана особая команда, выстроившая въ 6 верстахъ отъ устья р. Уды укрѣпленное зимовье, послужившее основаніемъ Удскому острогу. Между тѣмъ доставленныя Поярковымъ и Нагибой свѣдѣнія о Шантарскихъ островахъ и Тугурской бухтѣ съ ихъ пушнымъ богатствомъ сильно заинтересовали Якутскую канцелярію; поэтому въ 1709 г. воеводы послали въ Удской острогъ нарочитаго приказчика Ив. Сорокоумова [2]), чтобы подробнѣе ознакомиться съ этими островами. Но Сорокоумовъ ограничился одними только распросами и сообщилъ воеводѣ, что изъ устья Уды острова̀ дѣйствительно видны. Тогда по приказу сибирскаго губернатора кн. Гагарина отъ 17 марта 1710 г. предписано было [3]) новому приказному Удского острога В. Игнатьеву построить приличныя лодіи и послать казаковъ для осмотра Шантарскихъ острововъ. Въ 1712 г. казаки на двухъ набойныхъ шлюпкахъ дошли вдоль берега до р. Тугуръ, но, якобы за недостаткомъ провизіи, остались здѣсь на зимовку. Весной слѣдующаго года отправились въ дальнѣйшій путь на двухъ лодкахъ и одномъ шитикѣ,—и черезъ нѣсколько часовъ уже были на первомъ Шантарскомъ островѣ. На третьемъ (Большомъ) островѣ, гдѣ встрѣтили много соболей, лисицъ, волковъ и медвѣдей, остались зимовать. Они нашли здѣсь «женку» вѣроятно гилячку или тунгуску, которая проживъ у нихъ 4 недѣли сбѣжала... Сообщая обо всемъ видѣнномъ въ Якутскѣ, эти казаки добавили, что на этихъ островахъ приамурскіе гиляки занимаются звѣриными промыслами.

Въ 1717 г. новый сборщикъ ясака, прибывшій въ Удской острогъ, Ал. Карповъ, на двухъ шестисаженныхъ каюкахъ перешелъ на первый Шантарскій островъ, гдѣ и зимовалъ.

Одновременно съ развѣдками въ юго-западномъ углу Охотскаго моря, завоевательная дѣятельность русскихъ по сѣверному побережью распространялась къ востоку изъ Охотска и на югъ — изъ Анадырска. Основанный въ 1650 г., Анадырскій острогъ къ 1690 г. покорилъ всѣхъ корякъ, казаки дошли отсюда до рр. Олюторы, Пенжины и далѣе на западъ до Тауйска. Атласовъ посланъ изъ Якутска

---

[1]) Дополненія, т. V, стр. 164.

[2]) Памятники Сибирской Исторіи, кн. 2, № 118, стр. 493.

[3]) Ib., № 123.

воеводою стольникомъ Мих. Арсеньевымъ; по словамъ «Сборника» Спасскаго[1]), онъ былъ родомъ устюжанинъ, крестьянскій сынъ, отъ скудости прибрелъ въ Сибирь съ родственниками своими; въ малыхъ лѣтахъ, и по возрастѣ гулялъ по низовымъ городамъ (Ленскимъ). Но когда отъ коряковъ узнали, что самые дорогіе мѣха они добываютъ не сами, а вымѣниваютъ ихъ отъ живущихъ на югѣ полуострова камчадаловъ, то казаки рѣшили, пишетъ Майдель[2]), покорить и ихъ. Первымъ отправился въ Камчатку казакъ Царицынъ[3]); а за нимъ послѣдовали и другіе, подтвердивъ принесенныя Царицынымъ извѣстія о богатствѣ страны цѣнной пушниной. Владиміръ Атласовъ, сдѣлавшись въ 1695 г. комендантомъ Анадырска, въ слѣдующемъ году послалъ Луку Морозко съ 16 казаками въ Камчатку, чтобы провѣдать о ней и обложить тамошнихъ жителей ясакомъ. Отчетъ, представленный по возвращеніи Морозко, такъ сильно заинтересовалъ Атласова, что въ 1697 г. онъ самъ выступилъ въ походъ съ цѣлью дать прочное и надежное основаніе русскому владычеству надъ коряками и находившимися съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ камчадалами.

До сихъ поръ въ описываемомъ районѣ русскимъ завоевателямъ приходилось имѣть дѣло съ кочующими инородцами и время отъ времени собирать съ нихъ царскій ясакъ; но постоянной данью его нельзя было считать.

На пути Атласову теперь попадались другіе инородцы, которые имѣли осѣдлость и укрѣпленныя сельбища, которыя располагались такъ, что вблизи ихъ находились также пастбища для оленей; или же эти сельбища изъ постоянныхъ земляныхъ юртъ ютились при устьѣ рѣкъ, богатыхъ рыбою. Юрты устраивались изъ толстыхъ бревенъ, поставленныхъ подъ угломъ, безъ оконъ, снаружи обкладывались толстымъ слоемъ дерна, такъ что представляли изъ себя небольшія крѣпости; взять такую юрту штурмомъ было невозможно и

---

[1]) «Вѣстникъ Импер. Русск. Геогр. Общества, Спб., 1858 г., ч. 24, стр. 160.

[2]) Майдель. Путешествіе по сѣверо-восточной части Якутской области въ 1868—1870 г. Спб. 1894 г. т. I, стр. 528. Мы не знаемъ указаній, чтобы анадырскіе казаки въ это время проникали до Тауйска; наоборотъ, завоеваніе сѣвернаго побережья Охотскаго моря раньше производилось изъ Охотска.

[3]) Раньше этого (1654 г.) еще Дежневъ, захвативъ въ плѣнъ у корякъ якутку, узналъ отъ нея разныя подробности о Камчаткѣ и доставилъ ихъ потомъ въ Анадырскъ. Булычевъ, И. Путешествіе по восточной Сибири Спб., 1856, ч. I, стр. 9.

думать. Приходилось вести осаду или добиваться сдачи измором, но при этомъ естественно возникалъ вопросъ, у кого раньше явится недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ—у осаждавшихъ или осаждаемыхъ. Но зато осѣдлость новыхъ инородцевъ имѣла для завоевателей нѣкоторыя выгоды: за ними не нужно было гнаться по неизвѣстнымъ мѣстамъ; ихъ всегда можно было настичь и, пользуясь превосходствомъ своего оружія, одерживать побѣду.

Атласовъ, переваливъ водораздѣльный Анадырскій хребетъ, спустился на югъ, вѣроятно по р. Пенжинѣ, и здѣсь обложилъ постоянной данью три коряцкихъ сельбища Окландскъ, Каменскъ и Усть-Таловскъ. Здѣсь изъ своей команды (60 казаковъ и 60 юкагировъ) онъ отдѣлилъ четвертую часть и послалъ ее подъ начальствомъ Морозко на востокъ, главнымъ образомъ къ Олюторской коряцкой крѣпостцѣ; а самъ отправился по западному берегу полуострова Камчатки для покоренія тамошнихъ жителей. Насколько трудны были подобные походы и — каково было обращеніе съ инородцами, можно судить по тому, что привычные къ холоду и голоду юкагиры, участвовавшіе въ походѣ, на р. Паланѣ взбунтовались, убили трехъ служилыхъ, а самого Атласова ранили. На р. Тигиль оба отряда соединились, и затѣмъ Атласовъ вмѣстѣ съ Морозко продолжалъ путь по Охотскому побережью до р. Озерной; вернувшись назадъ на р. Игачи (переименованную въ Голыгину, по случаю погибели здѣсь одного казака Голыгина), направились той же дорогой и на р. Ичи нашли у камчадаловъ одного плѣннаго японца, выброшеннаго года два назадъ бурею съ судна у р. Опальной. Съ Ичи онъ перевалилъ хребетъ и спустился на р. Камчатку, въ вершинѣ которой построилъ Верхне-Камчатское зимовье, и, по примѣру другихъ завоевателей, водрузилъ крестъ съ слѣдующею надписью: «҂ЗЄ году іюля ГІ (13) дня, поставилъ сей крестъ пятидесятникъ Володиміръ Атласовъ съ товарищами НЄ (55) челов.». Въ теченіи трехъ лѣтъ онъ оставался здѣсь, собирая ясакъ, котораго для казны у него оказалось 3,200 соболей, много сотъ лисицъ и около сотни морскихъ бобровъ, да для себя 400 собольихъ мѣховъ [1]). Объ административной дѣятельности Атласова мы ничего не знаемъ; извѣстно только, что въ 1700 г. онъ отправился чрезъ Анадырскъ въ Москву съ донесеніемъ о покореніи

---

[1]) Эта цифра Майделя повидимому есть недоразумѣніе: по другимъ историческимъ даннымъ онъ повезъ себѣ 10 сороковъ соболей, т. е. 400, а по Майделю выходитъ до 4 т., такъ какъ на мѣхъ нужно не менѣе 100 соболей.

Камчатской земли, оставивъ въ зимовьѣ 16 казаковъ подъ начальствомъ Сѣрякова. Этотъ послѣдній, видя по своему малолюдству невозможность не только собирать ясакъ, но даже спокойно жить въ краѣ, среди населенія, недовольнаго появленіемъ русскихъ, рѣшился, недождавшись себѣ никакой помощи, въ 1699 г. вернуться въ Анадырскъ, но въ пути былъ убитъ коряками, которые отобрали обратно весь собранный ясакъ и купленные мѣха, а потомъ разрушили русское зимовье. Вѣсть объ этомъ дошла до Якутска въ то время, когда тамъ еще находился Атласовъ; послѣдній выставилъ отпаденіе вновь покоренныхъ корякъ и камчадаловъ въ крайне опасномъ видѣ. Благодаря чему, якутскій воевода Трауэрнихтъ немедленно отправилъ боярскаго сына Тимоѳея Кобелева съ новымъ отрядомъ казаковъ, чтобы они могли отомстить за нападеніе и возстановить русское владычество. Кобелевъ быстро исполнилъ приказаніе: разоривъ коряцкій укрѣпленный поселокъ Кохча, онъ возстановилъ Верхне-Камчатскій острогъ и положилъ основаніе Большерѣцкому [1]); въ 1702 г. вернулся въ Якутскъ съ очень богатой добычей какъ для казны, такъ и для себя. Его мѣсто заступилъ приказчикъ Мих. Зиновьевъ, основавшій Нижне-Камчатское зимовье и заведшій ясачныя книги; онъ перевелъ сюда анадырскихъ служилыхъ съ р. Уки, подъ командою Кутьина, которые успѣли поставить тамъ 6 зимовьевъ и обложить тамошнихъ корякъ ясакомъ.

Слѣдующій приказчикъ пятидесятникъ Колесовъ (1704—1706) проявилъ большую дѣятельность; такъ около Верхняго зимовья построилъ козельчатый острогъ, мѣрою вокругъ 70 сажень, а вышиною полтретья сажени печатныхъ; близь Нижняго зимовья поставилъ другой острогъ, мѣрою кругомъ 30 сажень, въ вышину полтретья сажени; на р. Большой поставилъ зимовье для ясачнаго сбору. Въ 1705 г. онъ посылалъ казака Ламаева на немирныхъ курилъ [2]), которые сначала не соглашались на ясакъ, но послѣ боя, гдѣ убито

---

[1]) Хронологич. данныя къ Исторіи Сибири—Щеглова, стр. 148, тогда какъ Сгибневъ, изучавшій архивы того времени, говоритъ, что Кобелевъ основалъ не Большерѣцкій острогъ, а Нижне-Камчатскій. «Морской Сборникъ», 1869, № 4, стр. 76.

[2]) Курилами называли жителей южной части Камчатки и Курильскихъ острововъ. По донесенію Атласова, курильскіе иноземцы видомъ противъ камчадаловъ чернѣе и бороды меньше и сказываютъ, что въ той Курильской землѣ противъ Камчадальской теплѣе, и одежду носятъ такую же, что и камчадалы, и соболи у нихъ есть только зѣло плохи, а бобровъ и лисицъ красныхъ много. «Морской Сборникъ», 1869, № 4, стр. 74.

до 100 курильцевъ, остальные покорились. За время своего пребыванія собралъ много ясаку[1]), съ которымъ отправился въ Якутскъ, откуда былъ вытребованъ въ Москву для доклада. Здѣсь онъ былъ пожалованъ въ дворяне по московскому списку и награжденъ подаркомъ.

По прибытіи въ Москву Атласовъ представилъ подробное донесеніе какъ о своемъ пути въ Камчатку, такъ о встрѣченныхъ имъ инородцахъ, за что и былъ пожалованъ въ Якутскія казачьи головы и назначенъ правителемъ новаго полуострова. Въ этомъ донесеніи, переданномъ въ лѣтописи Есипова, которое Сгибневъ приводитъ почти цѣликомъ, приводятся первыя любопытныя указанія о характерѣ страны, пушномъ звѣрѣ, о густобородыхъ корякахъ, о камчадалахъ съ средними бородами и лицомъ, похожими на зырянъ, объ японцахъ, которые—подобіемъ какъ гречанинъ: сухощавъ, усъ не великъ, волосъ черенъ. Словомъ, помимо мѣстныхъ свѣдѣній, Атласовъ, какъ видно изъ этихъ его выраженій, далъ довольно правдоподобную характеристику новыхъ инородцевъ, приведенныхъ имъ въ русское подданство.

Въ этомъ краснорѣчивомъ описаніи онъ, однако, ничего не говоритъ о характерѣ своихъ съ ними столкновеній. Послѣ этого въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ на полуостровѣ водворилось видимое спокойствіе, хотя жившіе сѣвернѣе коряки по прежнему продолжали враждебно относиться къ русскимъ: въ 1705 г. они убили новаго приказчика боярскаго сына Протопопова (онъ же Верхотуровъ) съ 7 казаками, потомъ В. Шелковникова съ 10 казаками, везшими въ Камчатку порохъ и свинецъ. Казаки обзавелись здѣсь домами и хозяйствомъ: забирая въ плѣнъ малолѣтнихъ дѣтей и женщинъ, они первыхъ обращали въ холопей, а вторыя дѣлались сперва невольницами, а потомъ—женами и до того иногда вѣрными и привязанными, что не разъ спасали своихъ мужей отъ разныхъ злодѣяній своихъ соотчичей. Отъ этихъ браковъ впослѣдствіи возникло новое поколѣніе — полурусское, полукамчатское. Все домашнее хозяйство казаковъ и воспитаніе дѣтей лежало на обязанности женщинъ, что послужило къ тому, что русскіе переняли обычаи и образъ жизни побѣжденныхъ. Служилый, если онъ не былъ въ походѣ, время проводилъ праздно, и по большей части въ ясачной избѣ, которая, до заведенія въ Камчаткѣ кабаковъ, служила мѣстомъ сборища. Здѣсь

[1]) 88 сороковъ и 14 соболей (3534), 5 чернобурыхъ лисицъ, до 900 сиводушекъ и красныхъ и 93 морскихъ бобра.

производились судъ и расправа, здѣсь управители и побѣдители играли въ зернь и карты. Игры носили такой азартный характеръ, что заставляли приносить въ избу послѣднее свое достояніе, жертвовать свободою слугъ, давая на нихъ кабальные записки.

Эта мирная жизнь нарушалась только притѣсненіями туземцевъ, такъ какъ приказчики заботились больше всего о своихъ выгодахъ, чѣмъ о потеряхъ казны. Камчадалы временно присмирѣли, повидимому, только для того, чтобы собраться съ силами и сговориться между собой, такъ какъ камчадальскіе тайоны (начальники), управляя родовичами, часто между собою не ладили и ходили другъ противъ друга походами, о чемъ еще теперь намъ приходилось слышать преданія, во время путешествія по долинѣ рр. Камчатки и Еловки. Въ 1706 г. въ Камчатку прислали 100 казаковъ для подкрѣпленія гарнизоновъ мѣстныхъ острожковъ, но инородцы, видя для себя новую опасность, возстали и совершенно уничтожили отрядъ прежде, чѣмъ онъ достигъ острожковъ; потомъ уничтожили Большерѣцкъ, а всѣхъ служилыхъ перебили. Это возстаніе, не успѣвшее распространиться, было подавлено казаками двухъ другихъ укрѣпленій. Для усмиренія и наказанія камчадаловъ снова былъ назначенъ Атласовъ, которому, при отправленіи его изъ Москвы, по особому указу, назначено было подъ его начальство въ Тобольскѣ 30 казачьихъ дѣтей съ барабанщиками и сиповщикомъ; сверхъ того въ Москвѣ и частью въ Тобольскѣ велѣно снабдить его небольшими пушками, пищалями, свинцомъ и порохомъ. Облеченный «совершенною властью» надъ служилыми, Атласовъ уже въ пути вооружилъ ихъ противъ себя, а на р. Тунгузкѣ (или же, по Есипову на Ленѣ) занялся грабежомъ принадлежавшаго купцу Добрынину досчанника (паруснаго судна) съ китайскими товарами и взялъ ихъ силою; за что былъ посаженъ съ 10 казаками въ тюрьму, гдѣ и находился до вышеупомянутаго возстанія камчадаловъ. Тогда его выпустили и вмѣсто какого либо взысканія сибирскимъ приказомъ ему подтверждено, чтобы онъ прежнюю вину и разбой старался загладить доброй службой и пріискомъ новыхъ земель; съ инородцами же предписывалось избѣгать строгости. Но уже до Анадырска безвинными побоями и другими предосудительными поступками, пишетъ Крашенинниковъ [1]), онъ привелъ служащихъ въ такое огорченіе, что они почти всѣ послали въ Якутскъ на него челобитную. Въ Кам-

[1]) Описаніе земли Камчатки, Спб., 1818 г., т. II, стр. 337.

чаткѣ, правда, возстаніе было подавлено Атласовымъ, но тогда противъ него возстали казаки, возмущенные его жестокостью и сборомъ ясака въ свою пользу. Усмиреніе возставшихъ инородцевъ Атласовъ началъ съ того, что въ августѣ 1707 г. послалъ партію казаковъ въ Бобровое море [1]), гдѣ было убито 70 служилыхъ, бывшихъ тамъ за сборомъ ясака. Но одолѣть ихъ было не легко, потому что иноземцевъ собралось тамъ, на восточномъ побережьѣ Камчатки, до 3,000 человѣкъ, и они, зная малочисленность служилыхъ, сговорились не бить ихъ, а связать приготовленнымъ для каждаго ремнемъ. Между тѣмъ служилые при первой встрѣчѣ въ бой съ ними не вступили, а рѣшились на другой день отойти къ Авачинской губѣ, гдѣ стояли лодки и байдары этихъ мятежниковъ; эти послѣдніе, скрывшись въ лѣсу и сдѣлавъ внезапное нападеніе, долго сражались съ служилыми. Не смотря на свое численное превосходство, инородцы были разбиты, часть ихъ осталась на мѣстѣ; причемъ служилыхъ убито 6 человѣкъ и нѣсколько ранено. Въ плѣнъ казаки успѣли захватить только трехъ важныхъ камчадаловъ, за освобожденіе которыхъ получили отъ товарищей 10 соболей, 4 лисицы и 19 бобровъ.

Послѣ этого сраженія послана была другая партія на рр. Большую и Бобровую, противъ камчадаловъ, которые до прибытія ея успѣли подъ начальствомъ князька Канача [2]) убить ясачнаго сборщика съ 19 казаками и разорить зимовье. Передъ посылкой этой партіи Атласовъ увѣдомилъ бунтовавшихъ о своемъ противъ нихъ походѣ, что было не малой ошибкой, ибо камчадалы, оставивъ свои жилища, собрались въ удобномъ для нападенія на казаковъ мѣстѣ, причемъ трехъ убили, а нѣсколькихъ ранили. Въ декабрѣ того же года сверхъ жалобы на Атласова анадырскихъ служилыхъ о его противозаконныхъ дѣйствіяхъ и ненасытномъ корыстолюбіи, камчатскіе казаки также приносятъ якутскимъ воеводамъ жалобу на своего начальника зато, что онъ дурно съ ними обращается, сильно притѣсняетъ ихъ и удерживаетъ въ свою личную пользу половину ясачной рухляди, собираемой отъ имени Правительства. Зачинщиками

---

[1]) Бобровымъ моремъ въ то время называли заливъ на восточной сторонѣ Камчатки между Кроноцкимъ и Шипунскимъ носомъ, — на сѣверъ отъ Авачинской губы. По словамъ Черепановской лѣтописи Атласовъ самъ предводительствовалъ этой партіей, но это мало вѣроятно.

[2]) Владиміръ Атласовъ, покоритель Камчатки. Статья Спасскаго въ «Вѣстникѣ Импер. Географич. Общества», 1858 г., ч. 24, стр. 168.

этого заговора явились казаки Данило Анцифировъ и Иванъ Козыревскій [1]); они арестовали Атласова и посадили его въ тюрьму, изъ которой онъ впрочемъ скоро бѣжалъ въ Нижне-Камчатскъ съ намѣреніемъ тамъ начальствовать, но заказчикъ Ярыгинъ не сдалъ ему должности, а потому Атласовъ проживалъ праздно. Все имущество начальника Камчатки было конфисковано, а командиромъ выбранъ приказчикъ Верхне-Камчатскаго острога Ломаевъ, а на смѣну посланъ Панютинъ, убитый на р. Карагѣ [2]).

Якутская воеводская канцелярія, получивъ первыя жалобы служилыхъ на Атласова, посланныя ими съ дороги, предугадывала уже, что по прибытіи въ Камчатку произойдутъ между ними еще большія несогласія, а потому поторопилась послать въ слѣдъ новаго начальника, боярскаго сына Панютина, придавъ ему пятидесятника, 4 десятниковъ и 50 человѣкъ рядовыхъ и снабдивъ его также двумя мѣдными пушками, 100 ядрами, 5 пудами свинцу и 8 пуд. пороху. Ему предписано произвести слѣдствіе, но на пути, при переправѣ чрезъ р. Карагу, 20 іюня 1709 г., олюторцы напали на отрядъ, убили Панютина съ 10 казаками, а казну, пушки и аммуницію разграбили; остальные же служилые отбились и подъ начальствомъ П. Чирикова добрались до Камчатки. Ему не удалось усмирить казаковъ; его походъ на Большую рѣку для усмиренія туземцевъ былъ также неудаченъ; волненія среди казаковъ и недовольство лично новымъ начальникомъ росло больше. Онъ не могъ выполнить возложеннаго на него порученія еще потому, что прибылъ, 1709 г. новый начальникъ Мироновъ-Липинъ съ 40 казаками. Такимъ образомъ кромѣ приказчиковъ въ Верхне и Нижне—Камчатскихъ острогахъ въ Камчаткѣ собралось три начальника: Атласовъ, Чириковъ и Мироновъ, которые находятся въ неприязненныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ и ведутъ междуусобную войну. Нерѣшительность и полумѣры со стороны воеводской канцеляріи не только не предупредили разгоравшагося недовольства и буйства Камчатскихъ служилыхъ, но даже допустили развиться казацкому бунту. Два года продолжались эти междуусобія, и въ концѣ концовъ подчиненные казаки рѣшили положить этому конецъ. Мятежники прежде всего за-

---

[1]) Извѣстные въ исторіи Камчатки Козыревскіе отецъ и сынъ прибыли вмѣстѣ съ приказчикомъ Кобелевымъ. Отецъ былъ убитъ въ сраженіи съ туземцами въ 1705 г.

[2]) Андріевичъ (l. c., стр. 107) смѣшиваетъ событія, говоря, что на смѣну Атласову посланъ Чириковъ.

думали покончить съ послѣднимъ начальникомъ, и когда Мироновъ возвращался снизу изъ Нижне-Камчатскаго острога, куда онъ ходилъ, чтобы пріучить людей къ судостроенію, 23 января 1711 г. они зарѣзали его [1]); Чирикова заковали въ кандалы, оставя на этотъ разъ его живымъ, чтобы, по его просьбѣ, дать ему время покаяться. Потомъ отправились внизъ для расправы съ Атласовымъ, котораго также зарѣзали, заставъ его спящимъ [2]). Отсюда мятежники, поощряемые своимъ успѣхомъ и такъ сказать пресыщенные злодѣяніями, вернулись въ Верхне-Камчатскій острогъ и покончили съ пощаженнымъ прежде Чириковымъ: закованнаго въ кандалы, они бросили его въ море, 20 марта 1711 г. Послѣ послѣдняго звѣрства мятежники занялись дѣленіемъ имущества убитыхъ приказчиковъ, и поднявъ знамя, избрали Анцифирова казачьимъ атаманомъ, а Козыревскаго есауломъ, разъѣзжали по Камчаткѣ для сбора ясака; въ Тигилѣ разграбили ясачную казну, съѣстные припасы, паруса и снасти, заготовленные Мироновымъ для служилыхъ людей, отправлявшихся отсюда съ казною по Пенжинскому заливу. Послѣ всѣхъ этихъ убійствъ и грабежа зачинщики бунта Анцифировъ и Козыревскій отправили 17 апрѣля 1711 г. челобитную Царю, въ которой сообщали о произведенной казаками расправѣ надъ Мироновымъ и Чириковымъ (не упоминая вовсе объ Атласовѣ), поясняя, что вынуждены были поступить такъ потому, что названные приказчики, вмѣсто положеннаго казакамъ жалованья ($5^1/_4$ р.), выдавали имъ по 12 аршинъ холста или по 6 золотниковъ китайскаго табаку; да кромѣ того съ каждаго брали скупу по 2 р. [3]).

Послѣ этого, имѣя передъ собой примѣръ Атласова, бунтовщики, чтобы загладить свои преступленія, выступили весной на р. Большую противъ возмутившихся камчадаловъ, пригласивъ съ собою престарѣлаго архимандрита Мартиміана [4]), присланнаго сюда еще въ 1705 г. для проповѣди слова Божія мѣстнымъ язычникамъ. По прибытіи на мѣсто и послѣ занятія одного острожка Мартиміанъ напутствовалъ служилыхъ молебнымъ пѣніемъ къ бою. Камчадаловъ и

[1]) Памятники Сибирской Исторіи, кн. 1, № 106.

[2]) Крашенинниковъ, 1819 г., т. II, стр. 347, а Спасскій говоритъ, что онъ умеръ собственною смертію (Вѣст. Имп. Р. Г. Общ. 1858 г., ч. 24, стр. 170). Сгибневъ, на основаніи слѣдственнаго дѣла, соглашается съ первымъ: «Морск. Сборн.», 1869 г., № 4, стр. 81.

[3]) Андріевичъ, стр. 108.

[4]) Спасскій, Вѣстникъ, стр. 171.

курильцевъ собралась огромная толпа, которая осадила Камчатскій (Большерѣцкій) острожекъ и угрожала засѣвшихъ въ острогѣ русскихъ забросать своими шапками, не прибѣгая ни къ какому оружію. Послѣ боя, продолжавшагося цѣлый день, уронъ туземцевъ былъ такъ великъ, что, по донесенію казаковъ, р. Большая была заполнена трупами убитыхъ [1]).

Результатъ этого сраженія оказался очень важнымъ: всѣ острожки по названной рѣкѣ окончательно покорились и такимъ образомъ съ р. Камчатки открылась безопасная дорога на Курильскіе острова, куда бунтовщики теперь и отправились на небольшихъ байдарахъ[2]). Это было первое знакомство русскихъ съ Курильскими островами, гдѣ на первомъ изъ нихъ инородцы принесли ясакъ.

Отправленная челобитная казаковъ еще не дошла до Якутска, какъ въ Камчаткѣ появляется въ 1711 г. новый начальникъ на смѣну Миронова Вас. Щепетной (онъ же Севастьяновъ), который повидимому ничего не предпринималъ противъ бунтовавшей партіи Анцифирова и Козыревскаго. Мало того: боясь Анцифирова, онъ предоставилъ ему начальство въ Большерѣцкѣ, а самъ ограничился долиною р. Камчатки, гдѣ съ инородцевъ собиралъ ясакъ. Въ слѣдующемъ году Анцифировъ сходитъ со сцены, убитый вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ подчиненныхъ камчадалами, напавшими на него близъ Авачинской губы [3]). Послѣ этого возмущенія видимо стихаютъ; Щепетной пользуясь спокойствіемъ передаетъ начальство Козыреву въ Верхнемъ и Ярыгину—въ Нижнемъ острогахъ, и уходитъ изъ Камчатки подъ предлогомъ доставить накопившійся за все время ясакъ. Онъ выбралъ практиковавшійся тогда путь изъ устья р. Камчатки на байдарахъ до р. Олюторской, гдѣ построилъ зимовье, огородивъ его валомъ для защиты отъ нападенія олюторцевъ, но принужденъ былъ самъ просидѣть до января 1713 г., пока не прибыло изъ Анадырска подкрѣпленіе. Въ то время ясакъ изъ Камчатки всегда направлялся чрезъ Анадырскъ, потому что между Окландскомъ по р. Пенжинѣ и Тауйскомъ, т. е. почти по всему сѣверному побережью Охотскаго моря обитали коряки, не признававшіе надъ собою русской власти [4]).

---

[1]) Ib. 172, «Морской Сборникъ», 1869 г., № 1, стр. 82.

[2]) Щегловъ, стр. 159.

[3]) Изъ Большерѣцка по р. Большой на р. Авачу перевалъ черезъ Камчатскій хребетъ считается лучшимъ.

[4]) Съ 1703 по 1715 г. въ проѣздѣ съ казною погибло отъ нападенія корякъ до 200 служилыхъ.

Ключевская сопка и Ключевское селеніе.

Съ отъѣздомъ Щепетного безпорядки въ Камчаткѣ возобновились: въ Верхнемъ острогѣ казакъ Киргизовъ взбунтовалъ служилыхъ людей и, спустившись на ботахъ въ Нижній, разными пытками принудилъ здѣшняго приказчика Ярыгина отказаться отъ власти, а острогъ сдать казаку Канашеву; онъ мучилъ нижне-камчатскаго заказчика свинцовыми кистенями, а голову вертѣлъ «клячемъ» [1]). Самъ же, подговоривъ 18 казаковъ присоединиться къ бунтовавшей партіи, вернулся обратно, надѣлавъ множество безчинствъ и грабежа. Якутская канцелярія, наконецъ, понявъ всю важность камчатскихъ безпорядковъ, посылаетъ Колесова [2]) съ приказаніемъ положить конецъ всѣмъ смутамъ и привлечь къ отвѣтственности зачинщиковъ мятежа. хотя въ наказѣ и оговорено, чтобы смертію не казнить и служилымъ наказанія не чинить, если они будутъ стараться заслужить это приведеніемъ въ подданство немирныхъ инородцевъ или открытіемъ новыхъ земель. Дѣйствительно, первый зачинщикъ Козыревскій отдѣлался штрафомъ и посланъ для изслѣдованія Курильскихъ островоъ; Киргизовъ не пошелъ на слѣдствіе, съ угрозами требуя отъ Колесова разрѣшенія идти для осмотра Карагинскаго острова, за что былъ повѣшенъ.

При слѣдующемъ начальникѣ - усмирителѣ Ив. Енисейскомъ, 1713 г., построившимъ церковь въ Ключевскомъ поселкѣ, партія казаковъ ходила въ Авачинскую губу, чтобы наказать мѣстныхъ инородцевъ за убійство Анцифирова и его сподвижниковъ. Наконецъ, для подавленія казацкаго бунта Сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ посылаетъ П. Татаринова, произведя его въ капитаны Тобольскаго драгунскаго полка и снабдивъ его большими полномочіями. Въ данной ему инструкціи между прочимъ говорилось: «ѣхать въ Камчатку, также вѣдать Анадырскій острогъ, виновныхъ дѣтей боярскихъ и служилыхъ бить батожьемъ и по винѣ кнутомъ; если же кого нужно, казнить и смертію за великія вины, то чинить не отписываясь; построить въ Камчаткѣ церкви и крестить инородцевъ; домо-

[1]) Крашенинниковъ, ч. IV, стр. 351.

[2]) Въ отпискѣ Колесова, усмирявшаго Камчатскій бунтъ, между прочимъ говорится (1713 г., іюнь): «отъ картежныхъ и костяныхъ откуповъ въ Камчатскихъ островахъ чинитца промежъ служилыми людьми шалости и убійства, и всякіе грабежи, потому что они на тѣ зерны, на картахъ и на костяхъ испроигрываютца до нага, и достальную лопоть свою и обувь и собаки и нарты и всякіе свои заводы проигрываютъ безъ остатку». Изъ дѣла видно, что эти откупы тогда стоили весьма дорого: 148 лисицъ въ Нижнемъ и 140 въ Верхнемъ острогѣ. Памятники Сибирской Исторіи, кн. 1, № 123.

гаться открыть путь въ Камчатку моремъ; дѣлать всѣ дѣла въ Камчаткѣ, какъ вразумитъ Христосъ, не отписываясь» [1]).

Изъ этого видно, что послѣ разныхъ полумѣръ Правительство рѣшилось энергично приняться за водвореніе порядка въ Камчаткѣ, не давая поблажки никому. А между тѣмъ возстаніе распространилось по всей Камчаткѣ и ободрило всегда непокорныхъ олюторскихъ корякъ, для которыхъ вновь построенный и укрѣпленный острогъ равнялся потери навсегда своей дикой независимости. Къ сожалѣнію, эта мѣра являлась запоздалой, да и самый походъ Татаринова сопровождался цѣлымъ рядомъ несчастій. Прежде всего новоприбывшіе драгуны и казаки занесли въ Анадырскъ оспу, эпидемія которой произвела страшныя опустошенія, начиная съ 1-го мая 1713 г. Потомъ олюторцы объявили войну всѣмъ русскимъ; предварительно они возвели на холмѣ укрѣпленіе изъ земли и камней, обнесли его землянымъ валомъ, къ которому внутри примыкалъ каменный брустверъ; хотя прежній управитель Анадырскаго острога Аѳ. Петровъ взялъ эту крѣпость и перебилъ буквально всѣхъ. Когда прибыли возвращавшіеся Колесовъ и Енисейскій, онъ отпустилъ казаковъ, оставшись для постройки новаго острога съ изувѣчеными юкагирами и чуванцами, которые за сильныя притѣсненія потомъ отплатили кровавой измѣной: Петрова съ 10 казаками убили и завладѣли всѣмъ камчатскимъ ясакомъ. Послѣдній состоялъ изъ 5640 соболей, 751 красной лисицы, 10 сиводушекъ, 137 морскихъ бобровъ, 12 сшитыхъ лисьихъ шубъ, 22 золотниковъ золота и пр. Только благодаря случайности Колесовъ и Енисейскій спаслись отъ смерти въ этотъ день, хотя потомъ были сожжены въ Окландскомъ острогѣ, который осадили юкагиры, вступивъ въ союзъ съ коряками, направившимися къ Олюторскому острогу для окончательнаго уничтоженія тамъ русскихъ. Возстаніе сильно разрослось и захватило обширную площадь отъ Олюторска чрезъ Парапольскій долъ, Окландскъ, до самаго Анадырскаго острога. Получивъ обо всемъ этомъ свѣдѣнія, Татариновъ ничего не могъ предпринять, потому что съ одной стороны вся его команда умерла отъ оспы, а во вторыхъ, самъ находился безъ продовольствія въ осадѣ; сообщеніе съ Окландскомъ, Олюторскомъ и Камчаткой прекратилось. Прибывшій 19 января 1716 г. для подкрѣпленія дворянинъ Трифоновъ [2]) вступилъ въ разныя препирательства съ озлобленнымъ и

[1]) «Морской Сборникъ», 1869 г. № 4, стр. 86.

[2]) Этотъ довѣренный Правительствомъ человѣкъ за деньги отпускалъ съ дороги обратно въ Якутскъ служилыхъ людей, бралъ взятки съ юкагировъ, разбирать грабежъ и убійство которыхъ онъ самъ былъ посланъ.

измученнымъ Татариновымъ, который подъ конецъ былъ лишенъ капитанскаго чина [1]). Такимъ образомъ вмѣсто водворенія порядка въ Камчаткѣ были созданы, нераспорядительностью и корыстолюбіемъ, новыя и сильныя смуты между коряками и юкагирами.

Это какъ нельзя лучше подтверждается дѣятельностью пятидесятника Петриловскаго, прибывшаго въ Камчатку 1714 г. для водворенія спокойствія и съ первыхъ же дней проявившаго крайнюю жестокость и безграничное лихоимство. Онъ ограбилъ не только инородцевъ, но и казаковъ, имѣвшихъ что нибудь лишнее, употребляя для этого кнуты, батоги и даже пытки. У Козыревскаго [2]) вымучилъ всѣ его пожитки, вывезенныя съ Курильскихъ острововъ, а потомъ разными жестокими мѣрами заставилъ его и Ярыгина постричься въ монахи.

Выведенные изъ терпѣнія казаки, еще недавно сами производившіе всякія безчинства, смѣнили Петриловскаго и заключили въ тюрьму, конфисковавъ все его имущество [3]), а второго, Нижне-Камчатскаго приказчика Вас. Кочанова, устранивъ отъ должности, посадили въ аманатскую казенку и мучили вилами [4]).

Разсматривая всѣ описанные безпорядки, приходишь къ тому заключенію, что, помимо плохого выбора начальниковъ и дикости тогдашнихъ нравовъ, они много обусловливались отдаленностью края и трудностью сообщенія. На проѣздъ изъ Якутска до Анадырскаго острога

[1]) Князь Гагаринъ былъ тогда преданъ суду и при разбирательствѣ дѣлъ выяснилось, что Татариновъ неправильно былъ произведенъ въ капитаны, потому что въ солдатахъ никогда не служилъ.

[2]) Въ 1817 г. онъ построилъ между Нижнимъ острогомъ у р. Ключевской Успенскую пустынь, на удобномъ мѣстѣ, для разведенія овощей и для посѣва хлѣба. Въ 1718 г. отъ Якутскаго архимандрита получилъ рясу и клобукъ; въ 1720 г. за Курильскій походъ въ награду 10 р. и переведенъ строителемъ Покровскаго монастыря около Якутска. Въ 1724 г. за расхищеніе этого монастыря былъ закованъ и заключенъ подъ стражу, изъ подъ которой бѣжалъ и поступилъ секретаремъ къ Якутскому воеводѣ; отсюда бѣжалъ въ Тобольскъ, гдѣ былъ пойманъ и снова закованъ. Здѣсь онъ объявилъ на архимандрита Ѳеофана «слово и дѣло», а затѣмъ былъ назначенъ въ экспедицію Шестакова; потомъ явился въ Москву, гдѣ хлопоталъ о наградѣ за утрату своего имущества въ Камчаткѣ; ему дѣйствительно Сенатъ опредѣлилъ выдать 500 р. Впослѣдствіи за новыя преступленія Козыревскій былъ разстриженъ. Щегловъ, стр. 163. Памятники Сибирск. Исторіи, кн. II, № 65, стр. 272.

[3]) Эти пожитки по тогдашнимъ цѣнамъ опредѣлялись въ нѣсколько тысячъ рублей.

[4]) Памятники Сибирской Исторіи, кн. II, № 65.

обыкновенно тратилось полгода; не менѣе того требовалось времени на проѣздъ въ Камчатку, гдѣ путь былъ еще болѣе труднымъ и опаснымъ, такъ какъ пролегалъ среди непокорныхъ инородцевъ. Для обезпеченія этого сообщенія и построены были Окландскій, Пенжинскій (1708 г.) и Олюторскій остроги. Изъ этихъ остроговъ, партіи отправлялись водою на небольшихъ судахъ: чаще изъ Окландска внизъ по р. Пенжина и затѣмъ Пенжинскою губою до р. Тигиль; или же сначала переваливъ черезъ хребты къ Олюторску (на восточной сторонѣ Камчатки) и потомъ вдоль берега до устья р. Камчатки. Въ этихъ исходныхъ пунктахъ лодки строились изъ тополя или осины, саженъ въ 5—5$^1/_2$ длиною, сшивались ивовыми прутьями и проконапачивались мохомъ; паруса дѣлали изъ ровдуги (оленей шкуры), а вмѣсто якоря служилъ большой камень. Помимо Тигиля, смотря по погодѣ, приставали къ устью р. Пустой или Лѣсновской и оттуда слѣдовали до Нижне-Камчатска сухимъ путемъ. Изъ Тигиля шли всегда на камчатскихъ батахъ вверхъ по рѣкѣ того же имени: потомъ на протяженіи 100 верстъ переносили баты волокомъ на р. Еловку и оттуда спускались къ Нижне-Камчатскому острогу.

Сознавая всѣ невыгоды такого продолжительнаго и труднаго пути, Якутская администрація и высшая власть подняли вопросъ объ изысканіи средствъ сообщенія чрезъ Ламское (Охотское) море. Еще Петръ Великій обратилъ особенное вниманіе на сибирскіе порядки вообще и Охотско-Камчатскаго района въ особенности. Съ первыхъ годовъ его царствованія послѣдовалъ рядъ указовъ о тѣхъ насиліяхъ и грабежѣ, которые производили служилые люди въ этомъ отдаленномъ краѣ. Въ грамотѣ Петра I отъ 28 октября 1697 г. на имя одного изъ воеводъ сказано: «вѣдомо намъ учинилось, что въ Сибирскихъ городахъ, а больше въ Якутскомъ, многіе служилые люди дѣлаютъ себѣ и женамъ своимъ и дѣтямъ портища золотыя и серебряныя, бархатныя и объяринныя и байбероковыя, а иные на соболяхъ и на лисьихъ, черныхъ дорогихъ мѣхахъ... и знамо, что тѣ служилые люди, у которыхъ такое излишнее дорогое платье есть, дѣлаютъ не отъ праваго своего пожитку, кражею нашея великаго государя казны... грабежемъ съ иноземцевъ тѣ богатства себѣ наживаютъ».

Тогда же по одному разслѣдованію въ Якутскѣ выяснилось, что служилые люди, «накупаясь у воеводъ», ходятъ въ сборщики и чинятъ ясачникамъ многія грабительства и разорѣнія. [1]) Дѣла всѣхъ

[1]) П. С. З., № 1594, 1522.

упомянутыхъ нами Камчатскихъ приказчиковъ представляютъ этому полное подтвержденіе. Кромѣ того въ 1695 г. Сибирскому приказу данъ былъ именной указъ «о нечиненіи казней и пытокъ Сибирскимъ ясачникамъ безъ предварительнаго доклада Государю», но видимо оно, какъ и многое другое оставалось въ этой окраинѣ мертвой буквой. Постоянные наказы тогдашняго времени о томъ, чтобы воеводы не «корыствовались», ясно доказываютъ, что это зло было сильно распространено среди сибирской администраціи. Съ этою же цѣлью въ 1713 г. Якутскій воевода полковникъ Яковъ Ельчинъ былъ вызванъ въ Москву для точныхъ объясненій о положеніи вновь пріобрѣтенныхъ земель.

Ранѣе этого была сдѣлана первая попытка пробраться моремъ до Камчатки охотскимъ приказчикомъ Гуторовымъ (1712 г.), который въ тоже время имѣлъ въ виду и немирныхъ корякъ. Придя на батахъ на р. Иглиланъ до большого острога, онъ засталъ тамъ большое сборище Иглиланскихъ, Туманскихъ и Таватомскихъ корякъ (120 ч.). Здѣсь онъ «огненнымъ боемъ» побилъ 70 корякъ, и до 200 душъ подростковъ и дѣтей[1]). Дальше онъ не могъ идти, потому что сопровождавшіе его тунгусы отказались. Въ слѣдующемъ году послѣдовалъ указъ Петра I объ отысканіи морского пути въ Камчатку. На этомъ указѣ, посланномъ вышеупомянутому Ельчину,[2]) Гагаринъ собственной рукой приписалъ: «послать не охотниковъ, а по очереди, ибо дѣло нужное, и по возвратѣ пожалованы будутъ чинами и богатствомъ; Церковь заступница, чтобы посланные шли безъ сомнѣнія; прибавить содержаніе, а сына боярскаго написать при посылкѣ въ дворяне». Такое важное дѣло поручено было дворянину Сорокоумову, которому Гагаринымъ дано нѣсколько матросовъ, корабельныхъ плотниковъ, военные и судовые припасы, холстъ для парусовъ и даже 2.000 корольковъ (бисеръ) для подарка инородцамъ.

Съ своей стороны Петръ повелѣлъ отправить изъ Петербурга въ Охотскъ архангельскихъ мореходовъ, а въ Сибири отыскать между

---

[1]) Подъ р. Иглиланъ нужно понимать вѣроятно р. Сиглань, впадающую въ море восточнѣе Ольскаго залива, такъ какъ дальше говорится, что Гуторовъ, послѣ поимки заложниковъ съ корякъ между Яною (вѣроятно Ямою) и Туманой собирался проникнуть до р. Таватомы, впадающей уже въ Пенжинскую губу. Любопытное донесеніе Гуторова писано на березовой корѣ старательно, скорописью, съ разными разводами, крючками и сокращеніями. Лѣтопись занятій въ Археологической коммиссіи, 1862 г. Спб., вып. I., стр. 12—14. Здѣсь приложенъ снимокъ этой отписи.

[2]) Памятники Сибирской Исторіи, стр. 38, № 12.

пленными шведами людей свѣдующихъ въ мореплаваніи, съ тѣмъ чтобы они выстроили тамъ ботъ и, взявъ съ собою компасъ, отправились въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ въ Камчатку.

По прибытіи въ Охотскій острогъ (1713 г.), начальникъ этого отряда, Сорокоумовъ подступилъ къ нему какъ къ непріятельской крѣпости—съ пушкою и барабаннымъ боемъ, потому что бывшій приказчикъ Поротовъ заперся въ ясачной избѣ и не сдавался; только послѣ нѣкотораго сопротивленія изба была взята приступомъ; а Сорокоумовъ вмѣсто отысканія морского пути, за что ему обѣщаны были большія царскія милости, занялся пьянствомъ, буйствомъ и грабежемъ. [1])

Эта команда, снабженная всѣми необходимыми припасами, прибыла въ Охотскъ 23 мая 1714 г. подъ начальствомъ казака Соколова. «Уставщикъ», опытный плотникъ Кирилъ Плотницкій, дѣйствительно, построилъ прекрасную, по отзыву Беринга, лодію по образцу архангельскихъ, длиною $8^1/_2$, а шириною 3 сажени, съ осадкою въ водѣ, при полномъ грузѣ, $3^1/_2$ фута [2]). Черезъ два года совершенно готовая лодія, подъ начальствомъ того же Соколова надъ командой и съ мореходами (штурманъ) Треской, въ іюнѣ отправилась на востокъ вдоль берега; у береговъ Ольскаго острога, въ Тауйской губѣ, наши мореплаватели встрѣтили противный вѣтеръ, который отнесъ судно къ берегамъ Камчатки на видъ каменистаго мыса у устья р. Тигиля [3]); въ это время погода перемѣнилась, засвѣжѣвшій вѣтеръ не позволилъ имъ высадиться; судно опять понесло назадъ. Выждавъ благопріятнаго вѣтра, лодія снова направилась къ берегамъ Камчатки и на этотъ разъ благополучно дошла до Тигиля, а оттуда вдоль берега

---

[1]) Сорокоумовъ потомъ былъ вызванъ съ командой къ отвѣту въ Якутскъ, гдѣ и умеръ въ острогѣ въ 1718 г.

[2]) По словамъ Беринга, лодія имѣла видъ карбаса, съ одной мачтой, построенная съ нѣкоторымъ знаніемъ морского дѣла. До того времени казаки по Охотскому и Беринговому морямъ плавали только вдоль берега на байдарахъ, шитикахъ и кочахъ. У первыхъ только рама или остовъ шлюпки былъ деревянный, а вся обшивка изъ шкуръ морскихъ животныхъ, чаще всего моржа, сивуча или лахтака; шитики дѣлались длиною до $5^1/_2$ с., скрѣплялись деревянными нагелами и ремнями и конопатились мохомъ. Кочи были больше шитиковъ, до 12 с., но также плоскодонные. Ходили на такихъ судахъ большею частію на веслахъ и только при попутномъ вѣтрѣ ставили прямой парусъ, подобно тому, какъ теперь ходятъ китайскія, корейскія и японскія джонки подъ парусомъ изъ рогожи.

[3]) По всей вѣроятности высокій мысъ Омгонъ, ближайшій съ юга къ Тигилю. Это крутой утесъ изъ зеленыхъ породъ, соединенный съ материкомъ высокимъ перешейкомъ съ отложеніями лигнита.

спустилась до р. Крутогоровой, гдѣ встрѣченные камчатскіе казаки помогли ввести судно въ устье р. Колпаковой (200 в. сѣвернѣе Большерѣцкаго острога). Прибытіе лодіи въ Камчатку совпадаетъ съ мѣстными безпорядками, вызванными грабежемъ Петриловскаго, аресту котораго начальникъ экспедиціи Соколовъ помогалъ. Прозимовавъ здѣсь, лодія въ маѣ 1717 г. отправилась обратно, но въ Тауйской губѣ была затерта льдами и, послѣ долгихъ усилій наконецъ высвободившись, благополучно прибыла въ Охотскъ 8 іюля.

Такимъ образомъ былъ открытъ морской путь для сообщенія съ Камчаткой неучеными, но смѣлыми мужиками, причемъ удача предпріятія во всякомъ случаѣ принадлежитъ мореходу Трескѣ, какъ спеціалисту.

Согласно предписанію, Соколовъ отправился въ Якутскъ съ донесеніемъ о новомъ пути, за что были обѣщаны «чины и богатство». Въ дѣйствительности же Соколовъ и Треска ничего не получили за свой геройскій подвигъ. По прибытіи въ Якутскъ Соколовъ вскорѣ умеръ, оставивъ жену и сына, которой приказано было выдать, въ видѣ награды за труды ея мужа, соболью шубу и 9 сороковъ соболей. Что касается Трески, оставшагося въ Охотскѣ, то большіе посулы сибирскаго губернатора его совсѣмъ миновали. Впослѣдствіи знаменитый мореплаватель Берингъ вступился за него и въ 1737 г. въ своемъ донесеніи въ Иркутскую провинціальную канцелярію писалъ слѣдующее:

«Въ бытность нашу въ прежней экспедиціи 1725 г. Треска посланъ былъ отъ Якутской воеводской канцеляріи на Камчатку изъ Охотска моремъ, съ прикащикомъ Трифоновымъ, и оттуда возвратился въ Охотскъ въ 1724 г. и послѣ того всегда безотлучно находился при экспедиціи до отбытія нашего изъ Охотска, т. е. до августа 1729 г. Этотъ мореходъ опредѣленъ отъ бывшаго сибирскаго губернатора князя Гагарина, съ прочими мореходами, къ самому нужному сысканію, и именно: для узнанія прямого ходу, чрезъ Ламское и Пенжинское моря на Камчатскій носъ, и что этотъ морской путь былъ необходимъ. Онъ его и провѣдалъ, и какъ всѣмъ здѣсь извѣстно, что онъ, до присылки туда штурмановъ, первый человѣкъ моремъ прошелъ въ Камчатку, съ приказчикомъ Соколовымъ, и показалъ путь другимъ. Также бывшій матросъ Андрей Бушъ [1]) опредѣленъ былъ

[1]) Ихъ было два брата плѣнныхъ шведовъ; жалованье этимъ иноземцамъ было положено по 15 р. въ годъ.

по указу, для ходу на морѣ, и не получалъ жалованья съ 1712 г., а за старостью уволенъ отъ службы, и въ 1736 г. прибылъ Якутскъ, гдѣ и ходитъ по міру».

Имѣло ли это представленіе Беринга какія-нибудь послѣдствія, Сгибневъ, [1]) разбиравшій архивные документы, ничего объ этомъ не говоритъ.

Въ то время, когда Треска плавалъ въ Камчатку, въ Москвѣ, послѣ отчета Ельчина, интересъ къ новой окраинѣ сильно возросъ; готовился «Большой Камчатскій нарядъ» [2]) подъ начальствомъ шведскаго флота поручика Молина и его помощника капитана Абыштова. Центромъ его дѣятельности назначался Охотскъ, гдѣ они должны были построить четыре лодіи и начать морскія путешествія по всѣмъ направленіямъ Охотскаго моря. Инструкція для нихъ дана была въ Тобольскѣ сибирскимъ губернаторомъ 19 декабря 1716 г.; въ ней между прочимъ предписывалось «освѣдомиться о той землѣ (т. е. рудѣ), которую иноземцы берутъ съ острова и возятъ не мало судами».

Морскія изслѣдованія тогда сильно интересовали всѣхъ, начиная отъ Великаго Петра и до малаго воеводы; такъ, въ томъ же году Ельчинымъ былъ командированъ изъ Охотска мореходъ Березинъ въ Анадырскъ, для отысканія морского пути въ Камчатку и отсюда въ Охотскъ, не достигшій никакихъ результатовъ по множеству препятствій; потомъ отъ «Камчатскаго наряду», капитанъ котораго Абыштовъ уже прибылъ на смѣну Ельчина въ Охотскъ 1719 г., былъ командированъ въ Удской острогъ боярскій сынъ Харитоновъ съ помощникомъ Филькѣевымъ; начальникъ этой партіи, боявшійся воды, остался въ острогѣ, а Филькѣевъ, на построенной здѣсь лодіи, съ мореходомъ Татариновымъ отправился для описи Шантарскихъ острововъ. Вѣтромъ лодію забросило въ Тугурскую губу, откуда Филькѣевъ вернулся въ острогъ сухимъ путемъ, а Татариновъ зимовалъ на первомъ островѣ этой группы. Лѣтомъ слѣдующаго (1720) года онъ направился обратно, но какими то судьбами вмѣсто Удского острога попалъ къ устью р. Амура, гдѣ тунгусы перебили большую часть команды, вмѣстѣ съ мореходомъ, а остальные съ большимъ трудомъ черезъ три недѣли добрались до острога [3]).

Удско-Шантарскій районъ съ самого начала, подобно Гижигинскому впослѣдствіи, не имѣлъ большого административнаго значе-

[1]) «Морской Сборникъ», 1899 г. № 11, стр. 7.
[2]) См. статью Сгибнева: «Морской Сборникъ», 1868 г. № 12.
[3]) Подробности объ этомъ см. «Морской Сборникъ», 1868. г. № 12.

нія; казаки мирно жили въ сосѣдствѣ съ тунгусами и аккуратно собирали съ нихъ ясакъ. Но послѣ Филькѣева Удской острогъ начинаетъ играть роль развѣдочнаго пункта; такъ тамошнимъ казакамъ предписывается собирать подробныя свѣдѣнія объ инородцахъ, обитающихъ къ югу и для этого отпускать охотниковъ для промысла съ обязательствомъ достовѣрно увѣдомить, какіе народы живутъ на островахъ и чьего они владѣнія [1]).

Та же неудача преслѣдовала и главную партію «Камчатскаго наряда». Молинъ отправился впередъ и, распорядившись заготовкой лѣса въ Охотскѣ, осенью 1717 г. перебрался для той же цѣли въ Нижне-Камчатскъ. Раннею весною 1718 г. часть экспедиціонныхъ грузовъ была отправлена изъ Якутска съ небольшою командою, которой поручено было между прочимъ прокладывать удобную дорогу и строить въ подходящихъ мѣстахъ зимовья, для того, чтобы установить такимъ образомъ правильное сообщеніе и чтобъ не причинять якутамъ «изнуренія и разоренія». По тайгѣ и непроходимымъ болотистымъ тундрамъ, вдоль крутыхъ береговъ рѣкъ, партія, понятно, подвигалась чрезвычайно медленно; около р. Юдомы Абыштовъ нагналъ ее и, по причинѣ наступившихъ морозовъ, принужденъ былъ остаться здѣсь зимовать, а небольшая часть отправилась въ Охотскъ. Весной Абыштовъ прибылъ съ остальнымъ отрядомъ и вскорѣ послѣ этого умеръ, въ іюнѣ 1719 г. Прибывшій тогда же камчатскій приказчикъ Харитоновъ, которому было поручено наблюдать за скорѣйшимъ снаряженіемъ экспедиціи, доносилъ Якутскому воеводѣ, что въ острогѣ господствуетъ полное безначаліе: команда Камчатскаго наряда безчинствуетъ, и разбрелась по разнымъ мѣстамъ подъ предлогомъ отысканія себѣ пропитанія, а потому лѣсу заготовлено мало.

Въ то время, когда тянулись эти неурядицы, полученъ указъ о прекращеніи этой экспедиціи и объ отозваніи всей команды внутрь Сибири.

Вмѣстѣ съ Молинымъ отправился (1718 г.) въ Камчатку, на лодіи Трески, новый ея начальникъ В. Кочановъ, которому поручалось устроить городъ на Большой рѣкѣ, въ самомъ удобномъ мѣстѣ, для якорной стоянки и зимовки судовъ, приходящихъ изъ Охотска; помощниками ему назначены И. Уваровскій и Поротовъ. Онъ высадился у р. Ичи, откуда добрался до Большерѣцкаго острога. Этому приказчику предписывалось со служилыми и большерѣцкими казаками

[1]) Миддендорфъ, ч. I, стр. 97.

построить тамъ крѣпость для храненія ясачной казны со всѣхъ прочихъ остроговъ; посылать ее только съ мореходами, а самому оставаться до особаго распоряженія, чего никогда прежде не дѣлалось. Поэтому, принявъ подъ свое управленіе всѣ камчатскіе острожки, гдѣ казаки и боярскіе дѣти — участники Камчатскаго наряда грабили жителей и убивали начальниковъ, а инородцы тѣснили казаковъ, Качановъ хотѣлъ прежде всего пріобрѣсть довѣріе у камчадаловъ и потому выпустилъ изъ острога давно тамъ содержавшихся двухъ аманатовъ сел. Воровского Киврю и Купку. Эти два камчадала выдѣлялись своимъ умомъ и непокорностью, имѣя сильное вліяніе на всѣхъ остальныхъ; поэтому сидѣли въ казенкѣ крѣпко закованными. Такая неосторожная мѣра послужила толчкомъ къ новому возстанію. Узнавъ отъ своихъ сородичей о разныхъ притѣсненіяхъ отъ русскихъ, Кивря и Купка возмутили камчадаловъ и сначала убили ясачнаго сборщика Чаплина съ 4 служилыми, потомъ умертвили двухъ служилыхъ посланныхъ за ясакомъ; наконецъ направились къ сѣверу, чтобы сжечь стоявшее тамъ Охотское судно и покончить съ его русской командой. Качаловъ тотчасъ же командировалъ туда боярскаго сына Мухоплева, которому поручилъ сначала уговорить бунтовавшихъ камчадаловъ, которые поставили подъ копье и луки почти всѣ западные поселки. Камчадалы и слышать ничего не хотѣли; тогда Мухоплевъ началъ громить ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, разорилъ и сжегъ ихъ три острожка и перебилъ почти всѣхъ людей.

Усмиреніе этого возстанія не спасло однако Качанова: на отошедшей лодіи изъ Камчатки посланъ былъ на него доносъ казаковъ, въ которомъ указывалось, что причинами измѣны сел. Воровского были безразсудные поступки начальника. Вмѣстѣ съ этимъ, по тогдашнему обычаю, Качанова лишили начальства, посадили въ тюрьму, а имущество его конфисковали. Тогда Якутскій воевода ландратъ Ст. Ракитинъ [1]) предписалъ вышеупомянутому Харитонову отправиться въ Камчатку, куда онъ съ артиллеріей, сколько могъ помѣстить на суднѣ, и прибылъ черезъ 7 дней. Такая скорость показываетъ, что опытный мореходъ Треска хорошо ознакомился какъ съ моремъ, такъ и съ камчатскимъ берегомъ. Возстаніе распространилось къ сѣверу, и паланскіе коряки отказались платить ясакъ. Тогда Харитоновъ

---

[1]) Этотъ смѣлый воевода, не смотря на разъѣзжавшую уже тогда по Сибири ревизію Ельчина, по довѣренности князя Гагарина, обобралъ въ 1717 г. за Байкаломъ караванъ золота, серебра и другихъ вещей, какъ объ этомъ упоминаетъ Иркутская Лѣтопись.

отправился противъ нихъ съ 60 казаками; хитрые паланцы не оказали никакого сопротивленія и, ночью напавъ на спавшихъ въ особой юртѣ русскихъ, Харитонова и 9 казаковъ закололи копьями и ножами, а 14 казаковъ ранили; оставшіеся въ живыхъ казаки жестоко отомстили, не оставивъ въ живыхъ ни одного паланца [1])...

Дальнѣйшая исторія Камчатки до экспедиціи Беринга представляетъ пеструю смѣну приказчиковъ [2]), расписывавшихъ недоимки по книгамъ и тѣмъ не менѣе притѣснявшихъ инородцевъ; эти послѣдніе еще пытались отстаивать свою независимость, въ особенности по берегу Боброваго моря и около Авачинской губы, гдѣ у нихъ были крѣпкіе остроги. Изъ разныхъ мѣропріятій нужно отмѣтить налогъ, который ввелъ приказчикъ Лосевъ за винный откупъ, съ карточной и табачной продажи; устройство соляныхъ заводовъ (1728 г.), въ виду того, что камчатскіе служилые неоднократно жаловались на недостатокъ соли и происходящія отсюда болѣзни, и заботливыя попытки строить суда въ Охотскѣ, чтобы поддерживать постоянное сообщеніе съ Камчаткой; но эта постройка давалась съ большимъ трудомъ: то судно успѣло сгнить на стапелѣ, то не доставлялись матеріалы изъ Якутска; плотникъ Плоскихъ на запросъ о медленности постройки ссылается на то, что у него нѣтъ людей и что Охотскій комиссаръ вмѣсто положенныхъ 30 рабочихъ отпускаетъ только восемь, а этому послѣднему ихъ негдѣ было взять, такъ какъ въ Охотскѣ въ это время было всего 11 дворовъ и острогъ отличался малолюдствомъ. Не смотря на постоянныя донесенія мореходовъ Трески, Мошкова, Бутина и др. о ветхости судовъ, сообщеніе на нихъ съ Камчаткой всетаки заставляли продолжать: камчатскіе приказчики просятъ позволенія идти не моремъ, а чрезъ Анадырскъ, служилые «съ печалью» переносились на суда, ожидая попутнаго вѣтра. Кромѣ того Трифоновъ доносилъ, съ мѣста своего служенія (1726 г.), что «нынѣ въ Камчаткѣ служилыхъ, противъ прежнихъ годовъ, весьма мало и изъ тѣхъ, отъ недостатку кормовъ, многіе умираютъ. Дѣла въ крайнемъ безпорядкѣ и некому поручить.

Общее положеніе всего завоеваннаго края къ концу перваго пе-

---

[1]) См. подробности въ томѣ II. Примѣч. 1-е. Въ дальнѣйшемъ изложеніи эти дополненія будутъ обозначены жирными цифрами.

[2]) Приказчики *въ Камчаткѣ*: Лосевъ 1722--23; Ѳ. Шелковниковъ до 1724; Ст. Трифоновъ 1725—1727; Тарубакинъ 1727; М. Петровъ до 1728 г. Ив. Новгородовъ 1729—1731; *въ Охотскѣ*: послѣ Абыштова Волошакинъ 1719—1720; Безсоновъ 1720; П. Шестаковъ 1721—1722; Шангинъ 1722.

ріода представляется въ слѣдующемъ видѣ: Якутскій полкъ, состоявшій тогда всего изъ 1500 казаковъ, одинъ исполнялъ служебныя обязанности по всѣмъ острогамъ и зимовьямъ — Анадырскій, какъ самый важнѣйшій въ разсматриваемый періодъ, имѣлъ (по числу, но не въ дѣйствительности) до 300 казаковъ; въ трехъ Колымскихъ острогахъ — по 200 ч., Азалейскомъ — 50; въ Охотскомъ, Тауйскомъ и Удскомъ около 200; въ четырехъ Камчатскихъ до 50 чел. Казаки по острогамъ жили не праздно, если не для казны, то для себя: собираясь въ небольшія партіи, иногда подъ начальствомъ приказчиковъ, дѣлали дальнѣйшіе походы для нападенія и объясачиванія немирныхъ инородцевъ, среди которыхъ многіе сложили свои головы, другіе были искалѣчены. Въ 1720 г. уже далеко недоставало людей до полнаго комплекта Якутскаго полка, а изъ оставшихся въ живыхъ по острожкамъ немногіе были способны къ выполненію служебныхъ обязанностей.

Въ виду этого прибывшій (1719 г.) въ Тобольскъ маіоръ Лихаревъ, на основаніи указа (16 янв. 1720 г.) требовалъ изъ Якутска на смотръ, къ военному изготовленію недорослей, дворянъ, подьячихъ и офицеровъ. Якутскій казачій голова Аѳанасій Шестаковъ сильно противился высылкѣ людей его полка, говоря, что «вмѣсто того, чтобы посылать людей, отцы и родственники которыхъ погибли въ походахъ противъ инородцевъ, лучше обратить ихъ на отыскиваніе и покореніе новыхъ земель, на службу къ которой они совершенно обыкли, и дать имъ случай обратить на себя вниманіе и милость Правительства, согласно Высочайшей волѣ: «кто землицы и народы и всякія вещи, которыя указаны, взыскуются, покажетъ, будутъ награждены великою милостью».

Изъ этой отписки Якутскаго казачьяго головы видно, что онъ, находясь въ центрѣ всѣхъ завоевательныхъ движеній по сѣверовосточной Азіи, уже тогда помышлялъ о собственномъ походѣ и только ждалъ наиболѣе удобнаго момента. Всѣ донесенія изъ разныхъ остроговъ онъ конечно зналъ подробно; но еще болѣе былъ знакомъ со многими слухами, которые не доходили до Москвы и Петербурга и изъ которыхъ онъ хотѣлъ извлечь немалую пользу. Неграмотный, кровожадный и падкій до наживы, но ловкій въ практическомъ отношеніи, [1]) Шестаковъ всѣ собранныя ими свѣдѣ-

---

[1]) Майдель говоритъ, что онъ ни къ чему не былъ способенъ (l. c., т. 1, стр. 541), съ чѣмъ мы не можемъ согласиться: онъ хорошо зналъ распущенность своихъ казаковъ и преданную покорность тунгусовъ, болѣе способныхъ къ большимъ переходамъ, и потому предпочиталъ послѣднихъ.

нія, часто совершенно ложныя, перенесъ на бумагу, изобразивъ все это, при помощи умѣлыхъ людей — вѣроятно изъ ссыльныхъ, въ видѣ карты всей обширной площади сѣверовосточной Азіи.

Удской острогъ оставался въ спокойномъ безмолвіи; напротивъ Пенжинское побережье служило ареной постоянныхъ столкновеній и кровопролитія: Трифоновъ, ходившій (1720 г.) противъ коряцкихъ остроговъ Пахача, Окланскъ и Каменскій, хотя и доносилъ, что «корякъ подъ Государеву Самодержавную руку, попрежнему, многихъ въ ясачный платежъ привелъ», тѣмъ не менѣе Парапольская тундра оставалась еще долгое время независимой и внушала страхъ какъ приказчикамъ, такъ и казакамъ. Эта долгая независимость корякъ впослѣдствіи послужила исходной точкой для экспедиціи А. Шестакова, какъ увидимъ ниже.

Ясачный періодъ исторіи Охотско-Камчатскаго края кончается двумя экспедиціями, которыя хотя и преслѣдовали провѣдываніе неизвѣстныхъ землицъ, и усмиреніе бунтовавшихъ инородцевъ, но уже задавались другими цѣлями, а главное, расширивъ наши познанія объ окраинѣ, дали толчокъ къ другому направленію административныхъ мѣропріятій.

Кромѣ того экспедиціи Беринга и Шестакова много способствовали его успокоенію. Правда, не разъ еще случались вспышки, когда туземцы пытались отстоять свою свободу; не разъ происходили сраженія, но уже это не носило характера систематическаго преслѣдованія другъ друга; цензъ и нравственный уровень управителей все больше и больше повышался, а отношенія къ инородцамъ становились болѣе гуманными. Строгіе указы Петра I и въ этой отдаленной глуши имѣли свои хорошія послѣдствія, хотя и не искоренили зла окончательно. Незадолго до своей смерти онъ начертилъ лаконическую программу въ трехъ параграфахъ для рѣшенія вопроса: сходится ли Азія съ Америкой, выполненіе которой поручилъ Берингу [1]).

Эта первая экспедиція Беринга прямого отношенія къ Охотско-Камчатскому краю не имѣла, но тѣмъ не менѣе, на долю инородцевъ и служилыхъ выпало много трудовъ и бѣдствій (2).

Экспедиція Беринга на этотъ разъ мало коснулась Камчатки своими изслѣдованіями, а въ довершеніе внутреннихъ неурядицъ причинила много мукъ и лишеній, что понималъ и самъ начальникъ экспедиціи, какъ видно изъ его послѣдовательныхъ донесеній.

Не успѣлъ Берингъ уѣхать изъ Петербурга, какъ туда явился

вышеупомянутый Аѳ. Шестаковъ съ своей знаменитой картой и проектомъ обширнаго путешествія. Въ Петербургѣ этотъ дальній гость со многими новостями былъ хорошо принятъ и обласканъ; его нахальной болтовнѣ повѣрили правительственныя и ученыя лица, благодаря чему онъ былъ облеченъ большими полномочіями и назначенъ главнымъ командиромъ всего сѣверо-восточнаго края. Согласно именному указу (3 марта 1727 г. [1]) онъ посылался въ Якутскую область, Анадырскій острогъ и Камчатку для покоренія новыхъ землицъ и привлеченія инородцевъ въ русское подданство. Команда его состояла изъ 400 казаковъ, къ которымъ разрѣшено присоединиться охочимъ людямъ; этимъ послѣднимъ даже приказано выдать нѣсколько товаровъ. Пушки для экспедиціи сдѣланы на Уральскихъ заводахъ. Главнымъ его помощникомъ назначенъ капитанъ Павлуцкій, столь же отличный воинъ, по словамъ Майделя, сколько справедливый и прозорливый управитель; кромѣ того присоединено нѣсколько геодезистовъ, рудознатцевъ и пробовальщиковъ.

Добившись давно желанной экспедиціи, куда онъ включилъ и своего сына Ивана, Шестаковъ уже на пути въ Охотскъ проявилъ свой деспотическій, подозрительный характеръ, постоянно ссорясь до драки съ Павлуцкимъ, вызвавъ противъ себя жалобы всѣхъ и вооруживъ Якутскаго воеводу Полуэктова, который просилъ разслѣдованія по поводу самоуправства и неблаговидныхъ поступковъ Шестакова. Тогда послѣдній торопясь уйти отъ всѣхъ, весною отправился въ Охотскъ, гдѣ дѣятельно занялся постройкой двухъ судовъ «Восточный Гавріилъ» и «Левъ». Къ осени когда они были готовы, Шестаковъ присоединилъ еще два судна вернувшагося уже Беринга «Гавріилъ» и «Фортуна», съ которыми и порѣшилъ отправиться. Планъ его состоялъ въ слѣдующемъ: самому отправиться на «Восточномъ Гавріилѣ» вдоль сѣвернаго берега Охотскаго моря до Пенжинской губы; здѣсь или въ какомъ другомъ удобномъ мѣстѣ построить острогъ вмѣсто разореннаго; потомъ идти на р. Олютору и тамъ также возвести острогъ, а измѣнниковъ-олюторцевъ наказать.

«Льву» приказано держаться «Восточнаго Гавріила» на случай несчастія отъ непріязненныхъ дѣйствій инородцевъ или дурной погоды; зимовать ему въ Тигилѣ, а весной спуститься къ югу вдоль берега Камчатки, обогнуть Лопатку и слѣдовать къ устью р. Анадыри.

[1]) Полное Собраніе Законовъ, № 5049.

«Фортуна» назначалась для доставки въ Камчатку приказчиковъ и служилыхъ и для осмотра Курильскихъ острововъ, куда экспедиціи Ив. Козыревскаго и Евреинова были неудачны.

«Гавріилъ», какъ менѣе надежный, долженъ былъ идти вдоль западнаго берега Охотскаго моря; описать всѣ рѣки вплоть до Удского острога, противъ устья р. Уды осмотрѣть землю (острова) и потомъ продолжать путь вдоль Курильской гряды до Камчатки и измѣрить все разстояніе отъ р. Уды до Большерѣцка. По прибытіи въ Нижне-Камчатскъ, если позволитъ время, изслѣдовать «Большую землю» (Америку), лежащую на востокъ.

Павлуцкій, раньше отдѣлившись отъ начальника экспедиціи, направился сухимъ путемъ чрезъ Колымскъ въ Анадырскій острогъ и имѣлъ порученіе усмирить корякъ и чукчей; для другихъ своихъ цѣлей Шестаковъ выхлопоталъ изъ Адмиралтействъ—коллегіи двухъ штурмановъ Генса и Ив. Ѳедорова, геодезиста Гвоздева, нѣсколько матросовъ, около 400 казаковъ и все необходимое для постройки судовъ.

Такимъ образомъ экспедиція была задумана самымъ широкимъ образомъ и обнимала дѣйствительно всю сѣверо-восточную Азію, на возможность потери которой Шестаковъ указывалъ еще въ 1723 г., когда по причинѣ слѣдствія и суда надъ княземъ Гагаринымъ тамъ были прекращены всякія изслѣдованія. Дойдя до Тауйска на суднѣ, а потомъ зимнимъ путемъ до Гижиги, Шестаковъ оставилъ послѣ себя еще невиданные слѣды ужаса и вопля (3), и только здѣсь понялъ свое критическое положеніе, пославъ въ Анадырскій острогъ (около 800 в.) за подкрѣпленіемъ, а на устье р. Гижиги отправивъ Остафьева для объясачиванія. Здѣсь тогда было четыре юрты; изъ двухъ жители убѣжали на Тайгоноскій хребетъ, а съ двухъ получена дань. Долго пришлось сидѣть Шестакову на этой рѣкѣ, любуясь красивыми отдѣльными горами къ западу (Бабушкины горы) и невольно задумываясь надъ тѣмъ, что скрывалось по восточную сторону возвышавшагося передъ нимъ мрачнаго Тайгоноскаго хребта, за которымъ скрылся Гиляшевъ, чтобы сообщить въ Анадырѣ о безвыходномъ положеніи начальника. Прошло шесть недѣль, и вмѣсто ожидавшагося значительнаго подкрѣпленія явилось всего 6 казаковъ съ Сариковымъ во главѣ, чтобы сказать, что данный имъ проводникъ изъ неясачнаго рода князька Отопа по пути убилъ Гиляшева. Получивъ это неутѣшительное извѣстіе, Шестаковъ послалъ впередъ анадырскихъ казаковъ склонить коряцкихъ

главарей, Умьеву, Юлту и Яллаха присоединиться къ нему, напоминая послѣднимъ объ ихъ вѣрноподданническихъ обязанностяхъ. Миссія эта не имѣла ожидаемаго успѣха: Яллахъ подъ разными предлогами отказался; Умьева пришелъ неохотно и съ крайне небольшой партіей, а Юлта съ родомъ Чагубовъ ушелъ на востокъ. Тогда не теряя времени, которымъ могла воспользоваться враждебная партія и только ухудшить его положеніе, Шестаковъ рѣшилъ идти дальше на р. Парень, оставивъ на Гижигѣ въ выстроенномъ имъ амбарѣ лишнія вещи и при нихъ заболѣвшаго тунгуса Бабкина и казака. Бабкинъ въ дѣйствительности не былъ боленъ, а, притворившись таковымъ, совѣтывалъ и своимъ родичамъ бѣжать отъ Шестакова, что впослѣдствіи и сдѣлали эти два хранителя экспедиціонныхъ вещей. Между тѣмъ Шестаковъ перешелъ р. Парень (150 в.) и двинулся дальше, какъ навстрѣчу ему прибѣжалъ корякъ, извѣщая, что идутъ чаукчи (чукчи) въ огромномъ количествѣ и что они погромили уже четыре коряцкихъ юрты. Положеніе Шестакова было безвыходное: онъ остановился, устроивъ нѣчто въ родѣ укрѣпленія изъ нартъ, и послалъ нарочнаго въ Тауйскъ (11 марта 1730 г.), извѣщая, что онъ дошелъ отъ р. Кинжиги до р. Тылки, которая межъ Перенемъ и Пенжиною рѣками; отъ Пенжины до Тылки ходу три дня, а на Парени и подлѣ ея, по край моря до Пенжины, много народу и опасныхъ корякъ рода Чаубъ (одинъ изъ нихъ, жившій въ Тауйскѣ, былъ у него переводчикомъ), кои чинятъ намъ противности собирая войско. Догнавъ оныхъ имѣлъ договоръ, при коемъ пришелъ Атланскій князецъ Юлте, возмутилъ ихъ и чаукчи пошли съ нимъ на побѣгъ отъ насъ въ Акланской, и видимо желаютъ учинить намъ противность. И мы возъимѣли идти за чаукчами, и въ томъ воля Божія.»[1])

Оставивъ на р. Тылхай (Тылка)[2]) казну и нѣсколько нартъ корякъ съ казаками, Шестаковъ съ остальными двинулся къ непріятельскому сборищу. Вечеромъ онъ узналъ, что чукчи расположились на чистомъ мѣстѣ и масса людей покрывала снѣжное ровное поле. Здѣсь въ первый разъ онъ потерялъ спокойствіе духа, спросивъ у своихъ казаковъ и инородцевъ, что имъ дѣлать? Всѣ согласились на томъ, чтобы подойти ближе къ чукчамъ и ночью напасть на нихъ, но Шестакову стало тягостно, какъ видно изъ лѣтописи,

[1]) Морской Сборникъ, 1869, № 2, стр. 14.

[2]) Маленькая рѣченка посреди голой тундры, гдѣ въ настоящее время поселокъ Тылхово, изъ 2 юртъ.

Охотскій округъ: Шилканскія горы.

главарей, Умьеву, Юлту и Яллаха присоединиться къ нему, напоминная послѣднимъ объ ихъ вѣрноподданническихъ обязанностяхъ. Миссія эта не имѣла ожидаемаго успѣха: Яллахъ подъ разными предлогами отказался; Умьева пришелъ неохотно и съ крайне небольшой партіей, а Юлта съ родомъ Чагубовъ ушелъ на востокъ. Тогда не теряя времени, которымъ могла воспользоваться враждебная партія и только ухудшить его положеніе, Шестаковъ рѣшилъ идти дальше на р. Парень, оставивъ на Гижигѣ въ выстроенномъ имъ амбарѣ лишнія вещи и при нихъ заболѣвшаго тунгуса Бабкина и казака. Бабкинъ въ дѣйствительности не былъ боленъ, а, притворившись таковымъ, совѣтывалъ и своимъ родичамъ бѣжать отъ Шестакова, что впослѣдствіи и сдѣлали эти два хранителя экспедиціонныхъ вещей. Между тѣмъ Шестаковъ перешелъ р. Парень (150 в.) и двинулся дальше, какъ навстрѣчу ему прибѣжалъ корякъ, извѣщая, что идутъ чаукчи (чукчи) въ огромномъ количествѣ и что они погромили уже четыре коряцкихъ юрты. Положеніе Шестакова было безвыходное: онъ остановился, устроивъ нѣчто въ родѣ укрѣпленія изъ нартъ, и послалъ нарочнаго въ Тауйскъ (11 марта 1730 г.), извѣщая, что онъ дошелъ отъ р. Кинжиги до р. Тылки, которая межъ Перенемъ и Пенжиною рѣками; отъ Пенжины до Тылки ходу три дня, а на Парени и подлѣ ея, по край моря до Пенжины, много народу и опасныхъ корякъ рода Чаубъ (одинъ изъ нихъ, жившій въ Тауйскѣ, былъ у него переводчикомъ), кои чинятъ намъ противности собирая войско. Догнавъ оныхъ имѣлъ договоръ, при коемъ пришелъ Атланскій князецъ Юлте, возмутилъ ихъ и чаукчи пошли съ нимъ на побѣгъ отъ насъ въ Акланской, и видимо желаютъ учинить намъ противность. И мы возъимѣли идти за чаукчами, и въ томъ воля Божія.»[1])

Оставивъ на р. Тылхай (Тылка)[2]) казну и нѣсколько нартъ корякъ съ казаками, Шестаковъ съ остальными двинулся къ непріятельскому сборищу. Вечеромъ онъ узналъ, что чукчи расположились на чистомъ мѣстѣ и масса людей покрывала снѣжное ровное поле. Здѣсь въ первый разъ онъ потерялъ спокойствіе духа, спросивъ у своихъ казаковъ и инородцевъ, что имъ дѣлать? Всѣ согласились на томъ, чтобы подойти ближе къ чукчамъ и ночью напасти на нихъ, но Шестакову стало тягостно, какъ видно изъ лѣтописи,

[1]) Морской Сборникъ, 1869, № 2, стр. 14.

[2]) Маленькая рѣченка посреди голой тундры, гдѣ въ нас поселокъ Тылхово, изъ 2 юртъ.

поэтому онъ отклонилъ свой обычный пріемъ, а просилъ, чтобы ему дали заснуть, причемъ, повалившись въ кухлянкѣ, прямо на снѣгъ, проспалъ до слѣдующаго полдня. Снявшись съ кочевки, онъ взобрался на вершину горы, съ которой хотя не было видно чукотскихъ юртъ, но по дыму можно было заключить, что и «чайки тамъ не пролетѣть». Приближалась роковая минута для безразсуднаго завоевателя: онъ рѣшился на послѣднее средство — сойтись лицомъ къ лицу съ непріятелемъ на р. Эгачѣ. Приблизившись на близкое разстояніе, противники начали готовиться къ бою; русскіе надѣли куяки и шишаки, чукчи — свои костяные куяки. Размѣстивъ своихъ спутниковъ съ русскими (19 чел.) въ центрѣ (14 марта 1730 г.), самъ съ переводчиками помѣстился позади своего отряда, въ юртѣ изъ санокъ. Русскіе сдѣлали залпъ изъ ружей, чукчи отвѣчали градомъ стрѣлъ, послѣ чего въ обоихъ лагеряхъ повалились убитые и раненые. Не давая времени вторично зарядить ружья, чукчи массой бросились на русскихъ и смяли ихъ; тунгусы и коряки русской партіи въ безпорядкѣ бросились бѣжать. Шестаковъ, видя гибель послѣднихъ товарищей, бросился изъ своей юрты на выручку, побилъ многихъ чукчей, но стрѣла непріятеля попала ему прямо въ самое горло. Выдернувъ стрѣлу, Шестаковъ, сильно раненый, бросился на первую попавшуюся нарту, къ несчастію, — непріятельскую, и олень привезъ его въ станъ чукчей, которые тутъ же закололи его копьями. Чукчи, одержавъ побѣду, раздѣлили добычу, а у бывшихъ съ Шестаковымъ корякъ отняли оленей, также взяли въ плѣнъ дѣтей и ушли. Майдель, вездѣ выгораживающій чукчей, приводитъ нѣсколько указаній, что въ этомъ сраженіи участвовали не чукчи, а коряки, которые выдали себя за чукчей, или по крайней мѣрѣ только часть буйной чукотской молодежи, соединившейся для общаго дѣла — стереть русскихъ съ коряцкой земли (стр. 543—545.). Кромѣ страннаго нахожденія Павлуцкимъ у чукчей знамени отряда Шестакова, мы въ свою бытность въ Гижигинскомъ округѣ получили кусокъ костяной брони отъ коряка Юлты въ сел. Шестаково, по увѣренію котораго это—остатокъ отъ сраженія чукчей съ большимъ тайономъ.

Въ это время преданный Шестакову Остафьевъ былъ на какой то рекогносцировкѣ и вернувшись на р. Эгачь [1]) уже не засталъ своего патрона. Онъ предложилъ оставшимся отомстить, но никто не соглашался идти на вѣрную смерть. Тогда казаки, раздѣливъ между

[1]) Названа съ тѣхъ поръ р. Шестаковка.

собою остатокъ собственности Шестакова — четыре поклонныхъ дѣвочки и мальчика — порѣшили идти въ Анадырь чрезъ Окланскъ, причемъ захватили съ собой тѣло Шестакова, котораго съ честью и похоронили въ Анадырскѣ еще до прихода туда Павлуцкаго (въ сентябрѣ, 1730 г.).

Этотъ несчастный походъ, послѣ всѣхъ жестокостей Шестакова, понятное дѣло, вызвалъ отмщеніе. Вѣсть о пораженіи и гибели Шестакова быстро облетѣла всю окраину отъ Тауйска до Олюторска (около 2½ т. верстъ) и отъ Большерѣцка до устья Колымы, а потому обрадованные коряки вездѣ возстали и принялись за расплату съ угнетателями: гарнизоны и ясачные Тауйска[1]) и Ямска были разбиты и разграблены; олюторцы, куда направился Юлта, возстали и даже въ злополучной Камчаткѣ, гдѣ тогда главнымъ приказчикомъ былъ Новгородовъ [2]), отличавшійся въ особенности взяточничествомъ и жестокостью, вспыхнуло опять кровавое возстаніе. Такимъ образомъ мы видимъ, что главный отрядъ Шестаковской экспедиціи кромѣ разоренія страны и озлобленія въ народѣ ничего не далъ.

Теперь посмотримъ, что сдѣлали изъ намѣченной программы два другихъ судна.

На ботѣ «Гавріилъ» подъ начальствомъ племянника головы, Ивана Шестакова, былъ штурманомъ Генсъ и мореходъ Мошковъ; получивъ предписаніе въ запечатанномъ конвертѣ онъ 1 сентября 1729 г. вышелъ въ море и, отойдя отъ берега 10 верстъ, вскрылъ его. Шестакову предписывалось, начиная отъ Охотска, идти къ Удскому острогу — и послѣдовательно описывать всѣ рѣки, острова, народы, лѣсъ, угодныя мѣста, звѣрей и пр. Въ Удскомъ принять отъ приказчика Чекалова новую партію казаковъ и заняться изслѣдованіемъ Шантарскихъ острововъ; послѣ чего, пройдя мимо Камчатскаго мыса (Лопатки), отправиться къ Нижне-Камчатскому острогу, опредѣляя разстояніе.

---

[1]) Вскорѣ послѣ ухода Шестакова изъ Тауйска коряки взбунтовались и сожгли судно «Левъ» въ устьѣ р. Ямы, гдѣ оно зимовало.

[2]) Онъ умудрялся брать съ каждаго камчадала по два и даже по три ясака, а кромѣ того для себя по 3-4 лисицы или соболя. Установился при немъ новый поборъ; лѣтомъ съ каждаго требовалъ по 3—4 вязки юколы, по 1½ пуда сладкой травы, кипрею и сараны, по 50 утокъ и нѣсколько штукъ гусей и зайцевъ. Прибавьте къ этому, что сборщики всего этого — казаки брали еще для себя по лисицѣ кромѣ продовольствія, и вы получите безотрадную картину жизни камчадала. Впослѣдствіи (въ 1739 г.) онъ былъ казненъ чрезъ повѣшеніе.

Этимъ широкимъ предначертаніямъ уже въ самомъ началѣ помѣшалъ жестокій противный вѣтеръ, промучившій ихъ почти цѣлый мѣсяцъ. Опасаясь потерять расшатанное судно и команду, по совѣту морехода, Ив. Шестаковъ направился къ Камчатской землѣ и зазимовалъ въ Большерѣцкѣ, гдѣ объявилъ себя начальникомъ. Узнавъ здѣсь о крушеніи у м. Лопатка японской бусы (судно), полгода носившейся по безпредѣльному простору Великаго океана, и о произведенномъ пятидесятникомъ Штинниковымъ [1]) грабежѣ и убійствѣ японцевъ, онъ отправилъ на мѣсто крушенія служилаго Карамзина для осмотра и разслѣдованія. Весной слѣдующаго года Ив. Шестаковъ ходилъ къ устью р. Уды, гдѣ приказалъ построить судно для описи берега и острововъ, а самъ вернулся черезъ 2 мѣсяца въ Большерѣцкъ, откуда уѣхалъ (1730 г.) въ Якутскъ сдавъ судно Генсу.

Помимо этого сынъ Шестакова, Вас. Шестаковъ, прибывшій сюда ранѣе, вмѣстѣ съ новымъ начальникомъ, писцомъ Мухоплевымъ и іеромонахомъ Спиридономъ, также распоряжался дѣлами управленія, какъ уполномоченный отъ экспедиціи. Передъ этимъ онъ посѣтилъ первые пять Курильскихъ острововъ, гдѣ собралъ ясакъ, и взялъ двухъ аманатовъ, а потомъ вернулся въ Нижне-Камчатскъ, отправивъ «Фортуну» въ Охотскъ со штурманомъ Энзелемъ.

Такимъ образомъ помимо трехъ прямыхъ начальниковъ въ Камчаткѣ оказалось еще двое Шестаковыхъ, которые принимали участіе, какъ въ грабежѣ японскихъ вещей, такъ въ собираніи ясака, хотя Вас. Шестаковъ и объявилъ по всѣмъ камчадальскимъ острожкамъ, что впредь уже не будетъ имъ обидъ отъ русскихъ; не смотря однако на это, безчинства казаковъ и служилыхъ достигли крайнихъ предѣловъ **(4)**.

При такомъ самоуправленіи могла переполниться всякая чаша терпѣнія и боязливые, трусы по душѣ, камчадалы рѣшались на отпоръ. Къ этому присоединилось слѣдующее обстоятельство: Берингъ въ

---

[1]) Восточный берегъ Камчатки на югъ отъ Авачинской губы никогда не былъ заселенъ, по причинѣ сплошного лабиринта горъ. Штинниковъ, проходя вдоль берега на трехъ байдарахъ, случайно наткнулся у Лопатки на несчастныхъ японцевъ (19 чел.) Недовольствуясь данными подарками, онъ хотѣлъ добыть съ бусы желѣзо, а потому зажегъ ее, послѣ этого перекололъ всѣхъ японцевъ, кромѣ двухъ взятыхъ имъ въ холопство. Эти два японца, отправленные впослѣдствіи Павлуцкимъ въ Петербургъ, были крещены подъ именемъ Косьмы (фамилія Шульцъ) и Демьяна (Поморцевъ); послѣдній былъ назначенъ учителемъ (1730 г.) японскаго языка въ школѣ, учрежденной въ 1706 г. Петромъ I.

на р. Харьюзовской былъ такой укрѣпленный камчадальскій острогъ, что казаки усмирители потомъ ничего не могли съ нимъ подѣлать; сел. Облуковино, Бѣлоголовье, Сопочное и тигильскіе камчадалы также присоединились къ общему движенію; наконецъ камчадалы авачинскіе изъ острога Малый Каначъ [1]) копьями и ножами покололи боярскаго сына Назара Колесова, четырехъ ясачныхъ сборщиковъ и много служилыхъ, собираясь потомъ идти на Большерѣцкій острогъ, чтобы сжечь казачьи зимовья, а казаковъ перебить. Восточное побережье до сел. Укинскаго не отстало отъ своихъ собратьевъ, а на югъ Авачинской губы преслѣдуемые камчадалы занимали пустые острова (камень Отпрядышъ, Велючинскій островъ и Старичковъ) или спасались на Курильской грядѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что возстаніе охватило весь полуостровъ и снова выдвинуло на сцену административный вопросъ, надъ которымъ должно было призадуматься Правительство. Главныя причины начавшейся жестокой и кровавой рѣзни тѣ же, что были и прежде, и довольно обстоятельно изложены плѣнниками при допросѣ Ѳ. Харчинымъ, Ханѣй Юринымъ и Вахлычемъ. Цѣлый годъ тянулась жестокая расправа; много пролито крови, и хотя подъ конецъ казаки взяли верхъ, но Эверстовъ, тогдашній начальникъ, остановилъ дальнѣйшую расправу по крайнему недостатку какъ въ снарядахъ, такъ и въ людяхъ до присылки помощи изъ Якутска, о чемъ онъ писалъ при отправленіи въ 1732 г. «Фортуны» въ Охотскъ. Немного позднѣе получено и отъ Павлуцкаго донесеніе о Камчатскомъ бунтѣ.

Но пока на это послѣдуютъ распоряженія, посмотримъ, что творилось на Гижигинской тундрѣ. Послѣ большого погрома чукчей, Павлуцкій съ огромной партіей, 10 февраля 1732 г. съ огнемъ и мечемъ, какъ онъ пишетъ, выступилъ на непокорныхъ корякъ къ р. Чендой (Гижига) отомстить за смерть пятидесятника Лебедева и сожженіе Шестаковскаго судна на р. Яма. Побоище было настолько жестоко, что нѣкоторые коряки сами потопились въ морѣ; причемъ самъ Павлуцкій былъ раненъ въ ногу. Вернувшись въ Анадырскъ

---

[1]) Малый Каначъ вѣроятно находился на устьѣ р. Паратунки, гдѣ по нынѣ по ямамъ и буграмъ можно видѣть прежнія жилища. По найденнымъ здѣсь копьямъ и наконечникамъ стрѣлъ, въ большомъ количествѣ, на берегу Заимочного озера, близъ теперешняго Паратунскаго поселка, мы думаемъ, что Малый Каначъ находился на берегу этого, богатаго рыбой озера. Коллекція орудій каменнаго вѣка передана нами въ этнографическое отдѣленіе музея Императора Александра III.

и не довольный распоряженіями новаго начальника Охотска, оставилъ партію служилыхъ среди озлобленныхъ чукчей на произволъ судьбы и уѣхалъ въ Якутскъ.

Такимъ образомъ ясачный періодъ кончается полной неурядицей на всемъ сѣверо-востокѣ Сибири въ административномъ отношеніи, доведшей страну до поголовнаго возстанія. Видя это, Правительство съ одной стороны энергично принимается за разслѣдованіе безпорядковъ, а съ другой стороны въ Охотскъ назначаетъ главнаго начальника всей окраины, убѣдясь въ томъ, что якутскому начальству невозможно управлять такимъ обширнымъ и далеко лежащимъ райономъ. Къ принятію такой важной мѣры относительно управленія Охотско-Камчатскаго края послужила записка Беринга, представленная имъ Императрицѣ въ 1731 г. **(5).**

Всѣ предложенія Беринга приняты Правительствомъ, а съ другой стороны подъ вліяніемъ еще неостывшей памяти плановъ Петра Великаго задумана Вторая Камчатская экспедиція, въ исполненіи которой приняла участіе только-что основанная Академія Наукъ. Такимъ образомъ Правительство задумало сразу рѣшить три важныхъ задачи: 1) устройство новаго управленія края и основаніе Охотскаго порта; 2) окончательное изслѣдованіе Америки и сѣверной части Тихаго океана и 3) ученое изслѣдованіе Сибири и въ частности Камчатки.

Исполненіе первой задачи поручено было (1731 г.) Писареву, которому въ заключеніи указано: «и старался, дабы то, яко новое мѣсто, съ добрымъ порядкомъ, къ пользѣ и прибыли государственной приведено было.» Въ дополненіе къ этому Сибирскимъ приказомъ дана весьма подробная инструкція для руководства.

Въ рѣшеніи второй задачи принимали участіе Берингъ, Гвоздевъ, Шпанбергъ, Андреевъ, Шелиховъ и др.; для изслѣдованія Сибири и въ частности ея окраинъ послѣдовалъ цѣлый рядъ экспедицій учениковъ и академиковъ, по слѣдамъ которыхъ шли предприниматели-промышленники. Такимъ образомъ съ назначеніемъ Скорнякова-Писарева начинается второй періодъ въ исторіи Охотско-Камчатскаго края, когда портовыя работы и научно-промышленныя экспедиціи составляютъ главную заботу Правительства; мѣстная жизнь разсматривается и переустраивается настолько, насколько она можетъ отвѣчать этимъ задачамъ; ясакъ отодвигается на второй планъ и пожалуй только одна Камчатка еще нѣкоторое время остается чисто ясачной страной съ своими приказчиками.

В. Періодъ портовый, или періодъ экспедицій, 1731—1855 гг.

Изучая общій ходъ событій въ Охотско-Камчатскомъ краѣ за означенное время, мы видимъ, что созданіе порта и начавшаяся въ связи съ этимъ кипучая дѣятельность по постройкѣ судовъ, заселенію и обслѣдованію окраины вытекали не изъ мѣстныхъ условій и потребностей, а были, такъ сказать, пріурочены къ Охотску искусственно, какъ конечному пункту на материкѣ для расширенія дальнѣйшей дѣятельности нашего Правительства. Во первыхъ Охотскъ на тысячи верстъ былъ удаленъ даже отъ сибирскихъ центровъ правленія, а вдобавокъ огражденъ отъ нихъ громадной стѣной Станового хребта, чрезъ который нужно было переѣзжать каждому казаку и перевозить каждый гвоздь и пушку; во вторыхъ самое положеніе Охотска на наносномъ низкомъ берегу моря у устья бурной рѣки, которая своими разливами размывала рѣчную низину и разрушала портовыя постройки съ самаго начала, далеко не обѣщало успѣха развитію хозяйственной осѣдлости: о хлѣбопашествѣ на такой почвѣ нечего было и думать,—даже для огородовъ не находилось порядочнаго и подходящаго мѣста; скотъ тонулъ на болотистой тундрѣ, а за строевымъ лѣсомъ и дровами нужно было ѣздить вверхъ по рѣкѣ. А самое главное—для порта не хватало пристанища, или бухты, гдѣ бы вновь строящіяся суда могли бы находить хорошую якорную стоянку. Вся ближайшая береговая полоса на сотни верстъ представляла прямую линію безъ малѣйшаго намека на какой-нибудь заливъ, ковшъ или бухточку. Устья рѣкъ Охоты, гдѣ сначала былъ возведенъ портъ, и Кухтуя, куда онъ впослѣдствіи былъ переведенъ, заграждены баромъ, открыты морскому прибою и составляли всегда большое затрудненіе для входа въ нихъ судовъ. Охотскій портъ съ самаго начала былъ, такъ сказать, не на мѣстѣ, что вызывало рядъ изслѣдованій и поисковъ новой бухты, которая отвѣчала бы своему назначенію; но онъ былъ необходимъ для поступательнаго расширенія нашихъ владѣній и ихъ устройства.

Съ другой стороны жизнь въ болѣе отдаленной Камчаткѣ складывалась иначе и весьма невыгоднымъ образомъ для ея самостоятельнаго развитія и административнаго устройства: ея пушное богатство вело къ разоренію жителей; неудачный выборъ алчныхъ приказчиковъ и распущенность казачьей команды способствовали раз-

витію безпорядковъ, непрекращавшихся въ ясачный періодъ, а теперь охватившихъ весь полуостровъ—наканунѣ великихъ географическихъ открытій Беринга и Гвоздева. Изъ указа отъ 21 мая 1733 г. видно [1]), что въ Якутскомъ воеводствѣ и по Камчаткѣ, какъ отъ воеводъ, такъ и отъ посланныхъ для сбора съ ясачныхъ людей ясаку, коммиссаровъ и другихъ сборщиковъ—чинится какъ въ платежѣ, излишняго ясаку, такъ и отъ взятковъ многое разореніе, наипаче-жъ приметками своими женъ и дѣтей отнимаютъ и развозя перепродаютъ; кромѣ того мѣстные казаки закабалили въ крѣпостной неволѣ множество камчадаловъ [2]).

Эти административныя безпорядки, усиливавшіеся съ каждымъ разомъ, теперь, во время экспедиціи Павлуцкаго и Гвоздева, приняли форму поголовнаго возстанія жителей, подобно тому, какъ при Атласовѣ, случилась такая же исторія съ мѣстными казаками. Освѣдомившись объ этомъ, Правительство предпринимало всевозможныя мѣры «для учрежденія добрыхъ порядковъ» и старалось посылать туда «нарочныхъ особливыхъ честныхъ людей»; но, къ сожалѣнію, выборъ не всегда отвѣчалъ своему назначенію и благимъ намѣреніямъ Правительства. Таковы были попытки въ командировкѣ Мерлина для разслѣдованія камчатскаго бунта, въ назначеніи Пленеснера главнымъ командиромъ Анадырскаго острога съ подчиненіемъ ему Камчатки и наконецъ опредѣленіе Нилова комендантомъ Большерѣцкой крѣпости. Не взирая на это, а отчасти подъ вреднымъ вліяніемъ мѣстныхъ ссыльныхъ, злоупотребленія такъ глубоко проникли въ душу каждаго казака и начальника, что Правительство наконецъ обратило особое вниманіе на полуостровъ Камчатку, поводомъ къ чему послужилъ новый бунтъ и уже не среди убитаго горемъ туземнаго населенія, а поднятый находившимися въ Большерѣцкѣ государственными преступниками во главѣ съ конфедератомъ Морицомъ Бѣньёвскимъ. Тогда управленіе Камчаткой отдѣлено отъ Охотска и Анадырска и главнымъ ея командиромъ назначенъ капитанъ Бэмъ (1772); впослѣдствіи полуострову хотѣли придать военное значеніе учрежденіемъ гарнизоннаго баталіона и назначеніемъ туда самостоятельнаго коменданта Сомова (1798). Съ этимъ временемъ совпадаетъ открытіе новыхъ присутственныхъ мѣстъ, обра-

[1]) П. С. З. № 1887.
[2]) Щегловъ. Хронологическія данныя изъ Исторіи Сибири, стр. 98.

зованіе Россійско-Американской К°, первое посѣщеніе Петропавловска иностранными военными судами и открытіе прямого сообщенія изъ Кронштадта въ Петропавловскъ Крузенштерномъ (1805 г.).

Въ силу этого экспедиціонный періодъ по отношенію Камчатки слѣдовало бы раздѣлить на нѣсколько второстепенныхъ, но ради единства обозрѣнія событій Охотско-Камчатскаго края, мы будемъ разсматривать ихъ подъ одной рубрикой, отмѣчая наиболѣе характерныя теченія мѣстной жизни и распорядковъ.

Послѣ краткой характеристики возвратимся къ зарождавшемуся порту и его управителямъ.

Изъ разсмотрѣнія инструкціи, данной Скорнякову - Писареву, видно, что Правительство твердо рѣшило сдѣлать Охотскъ морскимъ портомъ; почему для первоначальнаго заселенія края посылается: 300 семействъ якутскихъ казаковъ, штурмана, ластовые мастеровые, матросы и громадные запасы провіанта и матеріаловъ; помимо этого отправлено 30 семей якутовъ въ Охотскъ на поселеніе, но послѣдніе, узнавъ о сильномъ наводненіи тамъ, рѣшили расположиться на жительство по рѣкамъ и тракту, по которому тогда тянулись тысячи грузовыхъ лошадей и проходили сотни команды. Начальнику порта прежде всего предписывается заготовить въ Охотскѣ судна четыре или шесть, для обыкновеннаго переѣзда въ Камчатку, и строить ихъ казенными людьми **(6)**.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Берингу, отправлявшемуся во вторую свою экспедицію, Адмиралтействъ-коллегія поручаетъ главный надзоръ за его устройствомъ, какъ спеціалисту.

Постройка зданій и судовъ, заготовка лѣса и всѣ первыя приспособленія для порта были начаты и сдѣланы его помощниками, и Шпанбергомъ, участникомъ экспедиціи Беринга; работы, правда, шли медленно, о чемъ жаловался Берингъ, мастеровые были задержаны въ Якутскѣ. Мѣсто было выбрано на низкой, намывной кошкѣ, въ 3 верстахъ отъ устья Охоты; за исключеніемъ команды Беринга жителей было всего 25 человѣкъ. Послѣ Беринга, въ 1736 г. прибылъ Скорняковъ-Писаревъ и выбранное раньше мѣсто нашелъ неудобнымъ; поэтому заложилъ новый портъ, повыше прежняго. Дѣйствительно, сильное наводненіе весной того же года промыло новое устье, разрушило часть построекъ Шпанберга и унесло весь лѣсъ, заготовленный для новыхъ судовъ и зданій.

Въ составъ второй экспедиціи Беринга вошли капитаны Чири-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

чтобы тамъ образовались станы, въ особенности по Якутско-охотской дорогѣ, гдѣ дѣйствительно до 30 якутскихъ семействъ размѣстилось по рѣкамъ; кромѣ того необходимо было установить передачу почты изъ Якутска въ Охотскъ и Камчатку разъ въ два мѣсяца. Но самый главный и трудный вопросъ состоялъ въ продовольствіи и способахъ его доставки. Дѣйствительно, посылая массу людей для выполненія важныхъ порученій въ пустынной и дикой странѣ, нужно было подумать надъ этимъ вопросомъ, чтобы обезпечить успѣхъ новаго и обширнаго предпріятія; поэтому Берингу предписывалось (§§ 9, 10, 11, 12 и 13 инструкціи) поразмыслить, какъ удешевить поставку провіанта въ Охотскъ и какими путями и средствами при этомъ пользоваться; въ крайнемъ же случаѣ, говорится въ инструкціи (§ 19), за трудностью доставки хлѣба въ Охотскъ, пытаться устроить продовольствіе примѣнительно къ тому способу, который практикуется «у коряцкаго народа». Здѣсь вѣроятно подразумѣвалось не столько продовольствіе олениной, какъ питаніе сушеной рыбой у осѣдлыхъ тунгусовъ, корякъ и камчадаловъ.

Но вотъ всѣ эти отдѣльные начальники являются въ Охотскъ, всѣ снабжены отдѣльными инструкціями, которыя, не смотря на свою подробность и корректность, мало помогали успѣху дѣла, такъ какъ сухопутная администрація какъ въ Охотскѣ, такъ и въ Камчаткѣ далеко не оправдывала возложеной на нихъ миссій. Берингъ, который долженъ былъ слѣдить за постройкой порта, доносилъ (31 дек., 1734 г.) Адмиралтействъ-коллегіи, «что не только въ Охотскѣ люди и хлѣбъ умножены или пристойныя суды и заведенія строить начаты, но и мастеровые были задержаны Скорняковымъ-Писаревымъ въ Якутскѣ». Въ общемъ итогѣ, по его словамъ, устройство порта идетъ очень медленно.

Грубый по натурѣ и задира по характеру, Шпанбергъ, по прибытіи въ Охотскъ и не найдя тамъ удобнаго мѣста въ острогѣ для постройки командныхъ помѣщеній, выбралъ низкую кошку у самаго моря, гдѣ скученная его команда сильно болѣла и умирала; Писаревъ нашелъ неудобнымъ какъ старое, такъ и новое мѣсто. Въ самомъ началѣ между этими двумя строителями, облеченными обширною властью, начались ссоры и столкновенія, сильно тормозившія дѣло. Эта любопытная страничка личныхъ отношеній рисуетъ положеніе экспедиціи и тяжело отзывается какъ на жителяхъ, такъ и на экспедиціонной командѣ.

Не смотря на широкое образованіе и выдающіяся способности, Писаревъ, вѣроятно отъ условій долгой ссылки, по прибытіи въ Охотскъ, предался пьянству и разврату; кромѣ того, нуждаясь въ средствахъ для разгульной жизни, не выдавалъ нижнимъ чинамъ жалованья и провіанта, бралъ взятки и казенный ясакъ обращалъ въ свою собственность, а на эти средства содержалъ много бабъ и дѣвокъ. Вмѣсто того, чтобы обстраивать портъ, онъ употреблялъ казенныхъ людей на постройку ледяныхъ горъ и проводилъ на нихъ дни со своей огромной женской дворней **(7)**.

Дѣла постройки Охотскаго порта не ладились и шли очень плохо; по отношенію Камчатки дѣятельность Писарева также отличалась безпечностью и неразборчивостью, такъ что не смотря на подробную инструкцію Сибирскій приказъ подтвердилъ ему о посылкѣ туда дѣйствительно добрыхъ командировъ. Послѣ отказавшагося Бейтона онъ назначилъ въ 1733 г. Добрынскаго, предписывая ему потомъ (1735 г.) сдѣлать запасы для второй Беринговой экспедиціи **(8)**.

Въ это время въ Камчаткѣ, которая была подчинена Писареву, походная экспедиція Мерлина разбирала бывшія тамъ безпорядки. Эта канцелярія состояла изъ помощника Павлуцкаго, оберъ-офицера, капрала, писаря, канцеляриста Литвинцева, копіиста, 25 солдатъ и казаковъ, барабанщика и заплечнаго мастера (т. е. палача) съ инструментами; она тронулась изъ Якутска на 554 подводахъ и потребовала на разъѣздные расходы больше 7.200 р. Дѣятельность ея началась еще въ пути, когда въ Якутскѣ Мерлинъ описалъ имущество бывшихъ камчатскихъ приказчиковъ Новгородова и Шехурдина, а самихъ закованными взялъ съ собою обратно въ Камчатку. Канцелярія такъ быстро двигалась, что черезъ два мѣсяца была уже на полуостровѣ.

Разслѣдованія Мерлина, согласно данной ему инструкціи **(9)**, продолжались до конца 1739 г.; онъ разослалъ по всѣмъ острожкамъ именной указъ (21 мая 1733 г.), данный для успокоенія камчадаловъ отъ притѣсненія русскихъ. Кромѣ того въ каждомъ селеніи назначилъ тайона для присмотра за поведеніемъ прочихъ инородцевъ и за своевременной уплатой ясака; изъ другихъ распоряженій Мерлина нужно отмѣтить постройку Нижне-Камчатскаго острога въ 184 в. ниже прежняго, съ башнею о четырехъ жильяхъ. Въ обращеніи камчадалъ въ православіе онъ принималъ большое, подчасъ какъ увидимъ ниже, грубое участіе, и между прочимъ построилъ двѣ церкви.

Осенью, по конфирмаціи приговора, привезенные приказчики Новгородовъ и Шехурдинъ и пятидесятникъ Штинниковъ были повѣшены; кромѣ того одни сборщики (3) биты на площади кнутомъ нещадно; сборщикъ Новограбленный во время наказанія батожьемъ умеръ; цѣловальники (2) биты кнутомъ, нѣкоторые служилые наказаны плетьми, а подпоручикъ Латышевъ вмѣстѣ съ служилымъ Карповымъ, Аргуновымъ и толмачемъ Агатаровымъ биты кнутомъ, и послѣдніе два сосланы въ вѣчную работу въ Охотскъ.

Насколько безначаліе пустило глубокіе корни въ средѣ камчатскихъ служащихъ, видно изъ того, что, не смотря на присутствіе походной канцеляріи и большія полномочія Мерлина, комиссаръ Эверстовъ и купецъ Глазуновъ занимались грабежемъ и брали запрещенную чащину. Помимо многочисленнаго ясака, посланнаго имъ (за 1732 и 1733 гг.), у него лично оказалось больше пушнины, которая по предписанію Скорнякова-Писарева и была конфискована въ казну.

Трудно во всемъ сплетеніи тогдашнихъ дрязгъ и доносовъ выдѣлить правду; одно только можно сказать, что доносы и безпорядки Писарева послужили къ тому, что указомъ Анны Іоанновны (13 апр. 1739 г.) онъ былъ направленъ въ прежнюю ссылку съ назначеніемъ начальникомъ въ Охотскѣ Антона Девіера, сверстника по ссылкѣ предыдущему [1]).

Честный и энергичный, Девіеръ съ любовью принялся за приведеніе дѣлъ въ порядокъ, а насколько они были запущены, видно изъ его перваго донесенія отъ 27 ноября 1740 г.: «весь скотъ, предназначенный въ Камчатку, писалъ онъ, отъ недоставленія кормовъ, палъ дорогою; вмѣсто 4 судовъ построено только два; команда не получала слѣдующаго ей содержанія; при сдачѣ Охотска, въ порту оказалось только 12 р. денегъ и три пуда муки», отчего во всѣхъ острогахъ терпѣли крайнюю нужду въ продовольствіи, и, наконецъ, Писаревъ [2]) безчеловѣчно обращался съ командою и велъ развратную жизнь. При Девіерѣ жители вздохнули, команда получила жалованье за прежніе годы; къ 1741 г. портъ и городъ были готовы. Это были два разныхъ поселенія; въ первомъ построено

---

[1]) Графъ Девіеръ раньше былъ оберъ-полиціймейстеромъ Петербурга; сосланъ вмѣстѣ съ Писаревымъ.

[2]) Впослѣдствіи ему было возвращено прежнее достоинство и положеніе; онъ умеръ въ 1745 г.

33 обывательскихъ дома, пять казармъ, шесть магазиновъ и кузница, и во второмъ находились зданія канцеляріи, Государевъ дворъ, 40 обывательскихъ домовъ, казарма, три мастерскихъ, пять лавокъ, пять амбаровъ и церковь. Къ этому присоединилась школа, послужившая впослѣдствіи основаніемъ штурманскаго училища сибирской флотиліи. По его же распоряженію и при участіи Беринга были заведены первыя школы въ Камчаткѣ. Экспедиціонныя суда также были готовы къ походу въ 1740 г. **(10).**

Къ сожалѣнію, управленіе этой первой свѣтлой личности на далекой окраинѣ продолжалось недолго: Императрица Елизавета Петровна, вступивъ на престолъ, помиловала Писарева и Девіера, и послѣдній 11-го іюля 1742 г. покинулъ Охотскъ. Послѣ него назначенъ премьеръ-маіоръ Аѳ. Зыбинъ (14 мая 1742 г.), прибывшій на мѣсто въ 1743 г.

Въ виду того, что коряцкіе безпорядки продолжались, мѣшая сухопутному сообщенію, а съ судами происходили частыя аваріи, Иркутская воеводская канцелярія предписала Зыбину устроить опорный пунктъ въ Гижигинскѣ или Пенжинской губѣ. Сначала сержантъ Бѣлобородовъ (1752 г.), а потомъ казакъ Авраамъ Игнатьевъ разрѣшили эту задачу, послѣ крѣпкой борьбы съ коряками: по р. Гижигѣ, въ 25 в. отъ устья, среди голой тундры, построена Гижигинская крѣпость (1753 г.) Въ томъ же году попытались доставить туда грузъ моремъ на бригантинѣ «Михаилъ», но неудачно: въ 70 в. отъ Гижиги во время тумана судно разбилось: командиръ съ женою и дѣтьми и 27 чел. команды утонули; погибъ весь провіантъ, военные снаряды и 5871 р. 70 к. серебряной монеты [1]); спаслось только 16 человѣкъ. Слѣдующая попытка на шхерботѣ «Елизавета» со штурманомъ Балакиревымъ также была неудачна; только въ 1757 г. удалось разгрузить первое судно въ Гижигѣ.

Этотъ рядъ крушеній наряду со многими другими обстоятельствами послужилъ обвиненіемъ противъ Охотскаго командира, хотя онъ, какъ не спеціалистъ, тутъ былъ не причемъ, а морской частію завѣдывалъ лейтенантъ Хметевскій съ 1733 г. Зыбинъ былъ временно удаленъ, но по разслѣдованіи дѣла опять возвращенъ на прежнее мѣсто, а въ слѣдующемъ году присланъ капитанъ Ртищевъ, хотя Зыбинъ не получилъ приказа о сдачѣ порта. Эта канцелярская «волокита» продолжается почти шесть лѣтъ, пока наконецъ Зыбинъ проситъ отпу-

---

[1]) Изъ этой суммы впослѣдствіи волной выброшено 4440 р.

стить его изъ Охотска, «ибо, пишетъ онъ (1760 г.), пришелъ уже къ непониманію ума моего, до дряхлой старости» [1]).

Этому Зыбину хотя и было предписано (17 іюня 1744 г.) заняться описью береговъ, но онъ ничего для этого не сдѣлалъ, а потому съ учащеніемъ мореплаванія начались частыя крушенія судовъ. По поводу его дѣятельности, какъ командира порта, Сибирскій губернаторъ Мятлевъ писалъ, что онъ и Хметевскій не только не привели въ лучшее состояніе порта, но, напротивъ, завели безпорядки, разсорились между собою и разбили всѣ суда» [2]). И неудивительно, потому что командирами назначались люди, незнакомые съ морскимъ дѣломъ, вредныя послѣдствія чего сознало само Правительство.

Пока въ Охотскѣ продолжались подобныя неурядицы, въ Камчаткѣ съ необычайной быстротой возрождался коммерческій флотъ.

Первымъ, воспользовавшимся практическими результатами второй экспедиціи Беринга былъ сержантъ камчатской команды Басовъ. Уже въ 1743 г. онъ, въ компаніи съ московскимъ купцомъ Серебренниковымъ, снарядилъ судно на о. Берингъ и послѣ зимовки получилъ оттуда громадное количество дорогой пушнины. Росшіе, какъ грибы, на р. Камчаткѣ, разные утлые шитики и шхерботы, сшитые лозникомъ, безъ опытныхъ штурмановъ, пускались на Командорскіе, Курильскіе и Алеутскіе острова и доходили даже до береговъ Америки. Теперь предпріимчивыхъ людей соблазнялъ уже не сборъ ясака, а промыселъ бобровъ, морскихъ котиковъ, голубыхъ песцовъ; съ 1760 г. Сибирскій губернаторъ Соймоновъ потребовалъ отъ Охотской канцеляріи, чтобы подобныя суда, безъ осмотра ихъ спеціалистами, не пускались въ море. Кромѣ того онъ запросилъ свѣдѣнія, сколько судовъ ходило за послѣдніе года на острова, на какомъ основаніи и съ какимъ наставленіемъ промышленники посѣщали ихъ. Правда, эта мѣра улучшила постройку судовъ, но не уменьшила алчной предпріимчивости, какъ видно изъ того, что за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ образовалось до 65 отдѣльныхъ компаній. Примѣненіе этихъ правилъ перенесло центръ постройки судовъ изъ Нижне-Камчатска въ Охотскъ; это было удобнѣе и потому, что здѣсь легче пріобрѣтались все необходимые матеріалы, находились свѣдующіе люди и комплектовалась команда. Этотъ народившійся торговый флотъ, на ряду съ усиленной постройкой казенныхъ судовъ, создалъ необходи-

---

[1]) Морской Сборникъ, 1869 г. № 11, стр. 41.

[2]) Ib. Стр. 42.

33 обывательскихъ дома, пять казармъ, шесть магазиновъ и кузница, и во второмъ находились зданія канцеляріи, Государевъ дворъ, 40 обывательскихъ домовъ, казарма, три мастерскихъ, пять лавокъ, пять амбаровъ и церковь. Къ этому присоединилась школа, послужившая впослѣдствіи основаніемъ штурманскаго училища сибирской флотиліи. По его же распоряженію и при участіи Беринга были заведены первыя школы въ Камчаткѣ. Экспедиціонныя суда также были готовы къ походу въ 1740 г. **(10).**

Къ сожалѣнію, управленіе этой первой свѣтлой личности на далекой окраинѣ продолжалось недолго: Императрица Елизавета Петровна, вступивъ на престолъ, помиловала Писарева и Девіера, и послѣдній 11-го іюля 1742 г. покинулъ Охотскъ. Послѣ него назначенъ премьеръ-маіоръ Аѳ. Зыбинъ (14 мая 1742 г.), прибывшій на мѣсто въ 1743 г.

Въ виду того, что коряцкіе безпорядки продолжались, мѣшая сухопутному сообщенію, а съ судами происходили частыя аваріи, Иркутская воеводская канцелярія предписала Зыбину устроить опорный пунктъ въ Гижигинскѣ или Пенжинской губѣ. Сначала сержантъ Бѣлобородовъ (1752 г.), а потомъ казакъ Авраамъ Игнатьевъ разрѣшили эту задачу, послѣ крѣпкой борьбы съ коряками: по р. Гижигѣ, въ 25 в. отъ устья, среди голой тундры, построена Гижигинская крѣпость (1753 г.) Въ томъ же году попытались доставить туда грузъ моремъ на бригантинѣ «Михаилъ», но неудачно: въ 70 в. отъ Гижиги во время тумана судно разбилось: командиръ съ женою и дѣтьми и 27 чел. команды утонули; погибъ весь провіантъ, военные снаряды и 5871 р. 70 к. серебряной монеты [1]); спаслось только 16 человѣкъ. Слѣдующая попытка на шхерботѣ «Елизавета» со штурманомъ Балакиревымъ также была неудачна; только въ 1757 г. удалось разгрузить первое судно въ Гижигѣ.

Этотъ рядъ крушеній наряду со многими другими обстоятельствами послужилъ обвиненіемъ противъ Охотскаго командира, хотя онъ, какъ не спеціалистъ, тутъ былъ не причемъ, а морской частію завѣдывалъ лейтенантъ Хметевскій съ 1733 г. Зыбинъ былъ временно удаленъ, но по разслѣдованіи дѣла опять возвращенъ на прежнее мѣсто, а въ слѣдующемъ году присланъ капитанъ Ртищевъ, хотя Зыбинъ не получилъ приказа о сдачѣ порта. Эта канцелярская «волокита» продолжается почти шесть лѣтъ, пока наконецъ Зыбинъ проситъ отпу-

[1]) Изъ этой суммы впослѣдствіи волной выброшено 4440 р.

стить его изъ Охотска, «ибо, пишетъ онъ (1760 г.), пришелъ уже къ непониманію ума моего, до дряхлой старости» [1]).

Этому Зыбину хотя и было предписано (17 іюня 1744 г.) заняться описью береговъ, но онъ ничего для этого не сдѣлалъ, а потому съ учащеніемъ мореплаванія начались частыя крушенія судовъ. По поводу его дѣятельности, какъ командира порта, Сибирскій губернаторъ Мятлевъ писалъ, что онъ и Хметевскій не только не привели въ лучшее состояніе порта, но, напротивъ, завели безпорядки, разсорились между собою и разбили всѣ суда» [2]). И неудивительно, потому что командирами назначались люди, незнакомые съ морскимъ дѣломъ, вредныя послѣдствія чего сознало само Правительство.

Пока въ Охотскѣ продолжались подобныя неурядицы, въ Камчаткѣ съ необычайной быстротой возрождался коммерческій флотъ.

Первымъ, воспользовавшимся практическими результатами второй экспедиціи Беринга былъ сержантъ камчатской команды Басовъ. Уже въ 1743 г. онъ, въ компаніи съ московскимъ купцомъ Серебренниковымъ, снарядилъ судно на о. Берингъ и послѣ зимовки получилъ оттуда громадное количество дорогой пушнины. Росшіе, какъ грибы, на р. Камчаткѣ, разные утлые шитики и шхерботы, сшитые лозникомъ, безъ опытныхъ штурмановъ, пускались на Командорскіе, Курильскіе и Алеутскіе острова и доходили даже до береговъ Америки. Теперь предпріимчивыхъ людей соблазнялъ уже не сборъ ясака, а промыселъ бобровъ, морскихъ котиковъ, голубыхъ песцовъ; съ 1760 г. Сибирскій губернаторъ Соймоновъ потребовалъ отъ Охотской канцеляріи, чтобы подобныя суда, безъ осмотра ихъ спеціалистами, не пускались въ море. Кромѣ того онъ запросилъ свѣдѣнія, сколько судовъ ходило за послѣдніе года на острова, на какомъ основаніи и съ какимъ наставленіемъ промышленники посѣщали ихъ. Правда, эта мѣра улучшила постройку судовъ, но не уменьшила алчной предпріимчивости, какъ видно изъ того, что за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ образовалось до 65 отдѣльныхъ компаній. Примѣненіе этихъ правилъ перенесло центръ постройки судовъ изъ Нижне-Камчатска въ Охотскъ; это было удобнѣе и потому, что здѣсь легче пріобрѣтались все необходимые матеріалы, находились свѣдующіе люди и комплектовалась команда. Этотъ народившійся торговый флотъ, на ряду съ усиленной постройкой казенныхъ судовъ, создалъ необходи-

---

[1]) Морской Сборникъ, 1869 г. № 11, стр. 41.

[2]) Ib. Стр. 42.

мость въ описи (морскихъ) береговъ и въ устройствѣ Охотской гавани или въ замѣнѣ ея другимъ болѣе удобнымъ портомъ, потому что число судовыхъ аварій съ каждымъ годомъ увеличивалось. А это возбудило такое множество тяжебныхъ дѣлъ объ уплатѣ денегъ казной частнымъ лицамъ за понесенные ими убытки, что администрація наконецъ поставлена была въ безвыходное положеніе. Для удовлетворенія первой потребности, т. е. для сочиненія картъ, былъ отправленъ (1752 г.) унтеръ-офицеръ Неводчиковъ, въ 1761 г. посланъ лейтенантъ Хметевскій съ штурманомъ Балакиревымъ для описи Пенжинской и Гижигинской губы.

Нераспорядительность командира порта Ртищева послужила къ его отставкѣ (1763 г. [1]), съ назначеніемъ его однако для завѣдыванія морскою частью порта; вмѣсто него былъ временно назначенъ Пленеснеръ изъ Анадырска [2]), съ предписаніемъ ѣхать черезъ Камчатку. Это показываетъ, что сообщеніе моремъ съ Гижигинской крѣпостью не установилось окончательно; суда же, слѣдовавшія въ Камчатку, продолжали терпѣть разныя аваріи. Такъ въ 1766 г. у устья р. Воровской разбился гальотъ «Св. Захарій», а въ слѣдующемъ году потерпѣлъ крушеніе «Св. Николай» недалеко отъ Гижиги; въ 1767 г. опрокинулась у устья Морошечной бригантина «Елизавета», причемъ всегда гибли люди, грузъ и казенный провіантъ. Въ это же время пострадали суда: «Св. Павелъ» и «Гавріилъ». Гордый и любившій пожить съ комфортомъ Пленеснеръ [3]) со всѣми ссорился, тормозилъ секретную экспедицію капитана Креницына [4]); какъ подозрительный, онъ вскрывалъ всѣ письма и бумаги, слѣдовавшія чрезъ Охотскъ. Эти безпорядки потребовали удаленія и преданія суду Пленеснера [5]) и повели разслѣдованія, для чего былъ командированъ полковникъ Василій Зубрицкій. Этотъ кутила и картежный игрокъ все время оставался въ Охотскѣ, въ качествѣ командира, а его подъячіе разъѣзжали

---

[1]) Этотъ командиръ украсилъ портъ оригинальной, высокой башней на четырехъ столбахъ, назначеніе которой трудно было опредѣлить. Ее называли памятникомъ Ртищева.

[2]) О его дѣятельности см. Словцовъ, ч. 2, стр. 80.

[3]) До смѣны Пленеснера погибло 15 судовъ Охотской флотиліи.

[4]) Она назначалась для осмотра Алеутскихъ острововъ. Эта безрезультатная экспедиція стоила правительству свыше 100 т. р., самъ Креницынъ утонулъ въ р. Камчаткѣ. См. подробности Зап. Гидрограф. Д-та, статья Соколова, т. X.

[5]) По указу сената, 29 февраля 1772 г., по прибытіи въ Иркутскъ былъ преданъ суду, но въ 1779 г. ему назначена пенсія 200 р. за прежнія заслуги.

Вліяніе сильнаго вѣтра на растительность, близъ Аяна.

по Камчаткѣ для собиранія нужныхъ свѣдѣній. Наконецъ, убѣдясь горькимъ опытомъ, что ввѣрять управленіе Охотскимъ портомъ лицамъ, непосвященнымъ въ морское дѣло, совершенно невозможно, Правительство, по представленію Иркутскаго губернатора Бриля, назначило (1775 г.) Охотскимъ командиромъ отставного капитанъ-лейтенанта Савву Зубова, а для завѣдыванія порта опредѣленъ старикъ шкиперъ Юрловъ, переименованный въ лейтенанты. Не смотря на постоянное нетрезвое поведеніе, въ началѣ своего управленія, онъ выказалъ необыкновенную служебную дѣятельность; первый изъ начальниковъ объѣхалъ и лично осмотрѣлъ Охотскій край и произвелъ народную перепись [1]). При немъ утвержденъ штатъ порта, увеличено содержаніе; въ видахъ улучшенія быта нижнихъ чиновъ онъ ходатайствовалъ объ уничтоженіи откупной системы продажи вина или о замѣнѣ ея казенной. Престарѣлые инвалиды до сихъ поръ на этой окраинѣ были безъ призрѣнія; Зубовъ выхлопоталъ имъ право оставаться на внутренней службѣ и содержаніе. Доходы съ округа, хотя и уменьшились вслѣдствіе отмѣны десятичнаго сбора со всѣхъ пушныхъ звѣрей, привозимыхъ съ острововъ промышленниками (1774 г.), тѣмъ не менѣе достигали порядочной цифры, съ суммѣ которой первое мѣсто занималъ питейный сборъ—(10.233 р. [2]) и неокладной—9.128 р. Ясачная казна, по обыкновенію того времени, продавалась въ Якутскѣ, а деньги употреблялись на расходъ по Камчатскому и Охотскому управленію.

Не менѣе того онъ заботился о народномъ образованіи; по его представленію, утвержденъ новый штатъ навигаціонной школы и указана крайняя необходимость учрежденія школы для дѣтей тунгусовъ, а въ Гижигѣ для казацкихъ дѣтей. Какъ истый морякъ, не довольствующійся службой на берегу, онъ три раза (съ 1776 по 1779 г.) ходатайствовалъ о разрѣшеніи отправиться ему, даже подъ видомъ купца, въ Японію. Неужели, писалъ онъ Иркутскому губернатору Нѣмцову, Охотскій портъ и суда существуютъ только для того, чтобы доставлять провіантъ въ Камчатку, конечно, нѣтъ! Намъ нужны открытія [3]). Вмѣстѣ съ этимъ онъ указывалъ на спѣшную не-

---

[1]) По этой переписи (1776 г.) народонаселеніе края состояло: въ Охотскомъ порту всего 477 чел., въ Тауйскомъ острогѣ—220, Гижигинской крѣпости — 342, крестьянъ на р. Ичѣ — 39.

[2]) Кабаки, писалъ Зубовъ губернатору,—открыты каждый день и жители пропиваютъ въ нихъ послѣднее; пусть лучше продаетъ вино казна, или же предписать откупщику продавать его только по праздникамъ.

[3]) Морской Сборникъ, 1869 г. № 11, стр. 57.

обходимость завоеванія Алеутскихъ острововъ, чтобы предупредить въ этомъ отношеніи иностранцевъ. Спрашивается, почему же всѣмъ этимъ предложеніямъ Зубова не суждено было осуществиться и почему не довѣряли его проэктамъ?

Дѣло въ томъ, что, какъ частный человѣкъ, Зубовъ вооружилъ противъ себя всѣхъ и каждаго: вѣчно пьяный, онъ обращался съ подчиненными безчеловѣчно, дралъ кошками и рубилъ саблей; въ своемъ развратѣ дошелъ до того, что сопротивлявшихся ему женщинъ заключалъ въ кандалы; страдалъ общими тогдашнему времени пороками — взяточничествомъ и не терпѣлъ духовенства. Доносы на него поступали къ иркутскому губернатору почти ежедневно; наконецъ Зубова отдали подъ судъ. Назначенный ему преемникъ Бензингъ также отличался взяточничествомъ; вся заслуга его состояла въ томъ, что по распоряженію Иркутскаго губернатора Клички, представилъ новый штатъ управленія порта и завелъ первую общенародную школу въ Охотскѣ. Онъ зналъ о готовящихся перемѣнахъ въ управленіи всей Сибири и потому мало занимался дѣломъ.

Состоявшееся тогда преобразованіе въ управленіи Сибири [1]) отразилось и на Охотско-Камчатскомъ краѣ: образовалась Охотская область, куда причислены: Охотскъ, Гижигинскъ, Окланскъ и Нижне-Камчатскъ, а также Авачинскій и Большерѣцкій порты.

Прослѣдивъ хронику охотскихъ событій и распорядковъ, заглянемъ въ Камчатку, которую мы оставили накапунѣ чреватыхъ событій, и въ другіе пункты Охотскаго побережья, гдѣ также произошли важныя перемѣны; въ видахъ же удобства обозрѣнія, остановимся сначала на Гижигинскомъ и Удскомъ острогахъ. Послѣ многихъ, но временныхъ побѣдъ надъ чукчами, Правительство рѣшило покинуть Анадырскій острогъ (1771 г.) и перенести центръ управленія въ болѣе безпокойный уголокъ съ непокорными коряками, именно въ Гижигинскъ, тѣмъ болѣе, что развившееся мореплаваніе благодаря описи береговъ Хметевскимъ давало возможность болѣе близкаго и удобнаго сообщенія.

Городъ Гижигинскъ былъ расположенъ на правомъ берегу рѣки того же имени, въ 25 в. отъ устья, среди совершенно голой и топкой тундры, что съ самаго начала исключало возможность разведе-

---

[1]) По Высочайшему указу 19 января 1782 г., а также 2 и 6 марта 1783 г. въ Сибири учреждено три намѣстничества; къ Иркутскому принадлежали четыре области: Иркутская, Нерчинская, Якутская и Охотская.

нія огородовъ. Трудно понять причины такого выбора, тѣмъ болѣе, что для постройки и топлива требовался лѣсъ, за которымъ нужно было ѣздить верстъ 30—40 вверхъ по рѣкѣ. Съ другой стороны открытая тундра зимой, при частыхъ и сильныхъ здѣсь пургахъ, представляла крайне неблагопріятныя условія для жизни. Тѣмъ не менѣе водвореніе въ Гижигинскѣ администраціи и болѣе урегулированныя отношенія къ инородцамъ сразу подѣйствовали на послѣднихъ успокоительно: мѣстнымъ комендантамъ предписывалось не ѣздить по кочевникамъ, а собирать ясакъ съ начальниковъ родовъ и только въ крѣпости; тогда безпорядки прекратились. Гижигинскъ не игралъ дѣятельной роли въ исторіи края.

Удской острогъ представлялъ въ началѣ еще меньше значенія. Съ утвержденіемъ штата Охотскаго порта, онъ подчиненъ въ административномъ отношеніи Охотску, на ряду съ другими второстепенными острожками. Послѣ неудачнаго путешествія Филькѣева (1719—1720), про Удской острогъ съ казаками вспоминали весьма часто, какъ про пограничный пунктъ, откуда можно было проникнуть на Амуръ. Въ этотъ уголокъ Охотскаго моря, какъ видно изъ архивныхъ изслѣдованій Миддендорфа [1]), часто ѣздили охотники, казаки и якуты на промыселъ **(11)**.

Охотскъ, и безъ того плохо устроенный, за это время пришелъ еще въ болѣе худшее состояніе; повторявшіяся наводненія, видимо, хотѣли окончательно его смыть, но Правительство, сознавая всѣ неудобства, упорно отстаивало свою затѣю и потому перенесло (1797 г.) портъ въ другое болѣе безопасное мѣсто.

Вернемся немного назадъ и посмотримъ, что за это время произошло въ Камчаткѣ, оставленной нами на канунѣ второй экспедиціи Беринга, одинъ изъ помощниковъ котораго Шпанбергъ, безпокойный и грубый, занятъ былъ постройкой судовъ; Крашенинниковъ изучалъ полуостровъ и его жителей; штурманъ Елагинъ на байдарѣ занимался (1739 г.) описью западнаго берега южнѣе Большерѣцка; наконецъ въ 1740 г. на двухъ пакеботахъ «Св. Петръ» и «Павелъ» прибыла вся экспедиція. Наступившая зима была одна изъ самыхъ оживленныхъ, но въ то же время и самыхъ тяжелыхъ для инородцевъ: помимо разъѣздовъ Крашенинникова, Стеллера, миссіонеровъ, геодезистовъ и описныхъ штурмановъ, камчадалы должны были пе-

[1]) Миддендорфъ. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. Спб. 1860 г. ч. I, отд. I, ст. 97. Здѣсь авторъ даетъ подробную исторію Шантарскихъ острововъ и ихъ описи.

ревозить чрезъ Камчатскій хребетъ всѣ грузы и припасы Беринга въ Петропавловскую гавань, которую на этотъ разъ послѣдній избралъ мѣстомъ зимовки.

Пребываніе членовъ этой экспедиціи, помимо того, что дало намъ первыя научныя свѣдѣнія объ этомъ полуостровѣ, не осталось безслѣднымъ и для его внутренней жизни: начало развиваться скотоводство отъ пары лошадей и рокатаго скота, доставленныхъ сюда Павлуцкимъ (1737 г.); Крашенинниковъ завелъ огороды; переселены илимскіе крестьяне, «чтобы пахоту и сѣвъ хлѣба размножить», о чемъ хлопоталъ верховный тайный совѣтъ еще въ 1727 г.; была открыта первая школа въ Большерѣцкѣ, учителемъ въ которой назначенъ сосланный поручикъ Пражевскій; доставлена церковная утварь для бывшихъ тогда трехъ церквей и присланы священники, а въ Петропавловской гавани усердіемъ экспедиціонной команды построена новая. Православныхъ среди камчадалъ и коряковъ полуострова было только 800 ч., тогда какъ въ слѣдующемъ году крещеныхъ считалось уже 1417 чел. Православная миссія, сближая духовно инородцевъ съ русскими, служила однимъ изъ вѣрныхъ средствъ для усмиренія ихъ непокорнаго характера. Дѣйствительно, мы видимъ, что по мѣрѣ развитія дѣятельности духовной миссіи монаха Ѳеофилакта, игумена Филевскаго и наконецъ архимандрита Іосифа Хонтунцевскаго, непокорность камчадаловъ прекращается, тогда какъ чукчи и коряки, остававшіеся безъ христіанской проповѣди, продолжали свои набѣги и нападенія какъ на Камчатку, такъ и на русскихъ, что вызвало посылку въ Анадырскъ маіора Павлуцкаго, какъ мы говорили выше. Въ 1737 г. они напали на Нижне-Камчатскій острогъ, въ 1751 г. сожгли только что основанную Тигильскую крѣпость, взявъ гарнизонъ въ плѣнъ, а потомъ черезъ 2 года снова осадили ее; потомъ коряки перевалили на восточный берегъ и разрушили здѣшніе русскіе острожки.

Не взирая на постройку новыхъ острожковъ на р. Туманѣ, Вилигѣ, Гижигѣ и Паланѣ, коряки дѣлали послѣднія усилія, чтобы отстоять свою независимость. Для усмиренія ихъ посланъ былъ изъ Охотска капитанъ Ниловъ, котораго ямскіе коряки сильно испугались; отсюда онъ назначенъ командиромъ Гижигинской крѣпости, гдѣ мѣстные коряки, потерявъ болѣе половины своихъ сородичей, рѣшились покориться (1757 г.): бунтовщики были высланы въ Охотскъ, гдѣ ихъ изрядно пытали въ застѣнкѣ; ибо большая часть ихъ умерла въ истязаніяхъ. Назначенный для разслѣдованія

безпорядковъ секундъ-маіоръ семеновскаго полка Щербачевъ хотя и объявилъ (1763 г.), что «Ея Императорское Величество прощаетъ всѣхъ до единаго», но Охотская канцелярія должна была донести, что всѣ коряки, побивъ караулъ, зажгли тюрьму, а сами всѣ перерѣзались и передавились; другіе же волею Божіею померли».

На ряду съ указанными мѣрами Правительство, заботясь о заселеніи пустынныхъ мѣстъ Сибири, направляло туда массу лицъ по разнымъ преступленіямъ.

Эта невольная колонизація, переполнивъ города и остроги другихъ мѣстъ, достигла Охотска [1]), а потомъ Камчатки [2]), куда по преимуществу ссылались болѣе важные преступники. Первымъ такимъ піонеромъ, кажется, былъ сержантъ семеновскаго полка Ал. Шубинъ; онъ сосланъ (1731 г.) за то, что, любя цесаревну Елизавету, хотѣлъ тайно освободить Долгорукихъ и съ помощію ихъ возвести ее на престолъ. За это онъ предварительно подвергся пыткѣ, наказанъ кнутомъ и съ вырѣзаннымъ языкомъ отправленъ въ Камчатку, гдѣ его заставили жениться на камчадалкѣ [3]). Потомъ слѣдовали: капитанъ азовскаго полка П. Калачевъ; колодники — камеръ-лакей Анны Іоановны Турчаниновъ, прапорщикъ Ивашкинъ и сержантъ Сновидовъ. Первому изъ нихъ былъ отрѣзанъ языкъ и всѣмъ троимъ вырваны ноздри. По отчету Большерѣцкой канцеляріи, въ царствованіе Екатерины II сюда сосланы были: Гурьевъ (1762 г.), капитанъ гвардіи Хрущевъ (1763 г.) и лекарь Мейдеръ (1765 г.); въ 1770 г. на казенномъ гальотѣ «Св. Петръ» сюда доставлены поручикъ гвардіи Пановъ, арміи капитанъ Степановъ, артиллеріи полковникъ Батуринъ и съ ними два иностранца Морицъ-Августъ Бѣньёвскій и шведъ Винбланъ. Послѣдніе два, по указу Императрицы, должны были сами «снискивать содержаніе своими трудами».

Прибытіе ихъ въ Камчатку совпало со вспыхнувшимъ на всемъ полуостровѣ возстаніемъ, начатымъ коряками. Кромѣ обычныхъ при-

---

[1]) Сюда были сосланы: флота капитанъ-поручикъ Казанцевъ (1728), князь Барятинскій (1731 г.), братья Никитины, Яковлевъ, купцы: Дм. Желѣзновъ, Т. Чельцовъ, Ю. Токовъ, П. Климовъ, дворянинъ И. Мотнинъ; духовныя лица: печерскій старецъ Исаія, распопы Васильевы, Морозовъ и пр.

[2]) Изъ множества ссыльныхъ здѣсь были: поручикъ Казанцевъ, дворянинъ Моткинъ, нѣсколько распоповъ и купцовъ, см. Андріевичъ, ч. II, стр. 166—169.

[3]) Максимовъ, «Сибирь и каторга», кн. II, стр. 121.

чинъ подобныхъ, неоднократныхъ здѣсь, безпорядковъ, присоединилось еще новое обстоятельство, на которое указываютъ лѣтописи, именно слишкомъ энергичныя мѣры, принимавшіяся духовенствомъ при обращеніи инородцевъ въ христіанство. Въ это время Большерѣцкъ изъ небольшого зимовья выросъ уже въ порядочное селеніе; въ немъ находилось 35 обывательскихъ домовъ, 90 жителей и 70 чел. гарнизона.

Бывшій передъ этимъ начальникъ, капитанъ-лейтенантъ Извѣковъ, назначенъ особымъ командиромъ «для содержанія и охраненія вѣрноподданныхъ народовъ и учрежденія добрыхъ порядковъ». Назначеніе его служило какой-то ироніей надъ этимъ указомъ: своей безнравственностью и жестокостью онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Выходило, видимо, за отдаленностью края, какое-то недоразумѣніе: Камчаткой управляло два начальника: Пленеснеръ изъ Охотска и Извѣковъ въ Камчаткѣ. Измученные казаки арестовали этого послѣдняго и отправили его въ Охотскъ, куда, въ это время, прибылъ третій, высланный иркутскимъ губернаторомъ, полковникъ Зубрицкій, которому поручалось привести всѣ «замѣшательства» въ порядокъ и учинить слѣдствіе. Покончивъ это наскоро въ Охотскѣ, онъ отправился въ Камчатку, гдѣ предоставилъ управленіе вышеупомянутому Нилову, а самъ вернулся обратно (1770 г.). Къ буйствамъ Извѣкова, распоряжавшагося казеннымъ имуществомъ и деньгами, какъ своей собственностью [1]), присоединилась оспенная эпидемія, завезенная изъ Охотска и опустошившая Камчатку; въ наступившей зимѣ сказался голодъ вслѣдствіе недохода рыбы. Вотъ въ эту то тяжелую годину и прибылъ начальникомъ старикъ, разбитый параличемъ, грубый, малограмотный, вѣчно пьяный, но добродушный Ниловъ, который, правда, отечески заботился о камчадалахъ, но не обращалъ вниманія на массу ссыльныхъ [2]), а одного изъ нихъ именно Бёньёвскаго» сдѣлалъ учителемъ своихъ дѣтей. Пользуясь случаемъ, энергичный авантюристъ, захотѣлъ привести въ исполненіе задуманный имъ планъ. Уже въ началѣ 1771 г. носились по Камчаткѣ слухи, что Бёньёвскій намѣренъ бѣжать; но начальникъ по своей оплошности этому не вѣрилъ.

---

[1]) Водки, провіанта и другихъ казенныхъ припасовъ Извѣковъ употребилъ для собственнаго дома въ теченіи 5 лѣтъ на 68,259 р. 84 к. «Морской Сборникъ», 1869, № 6, стр. 44.

[2]) Списокъ значительнаго числа эмигрантовъ, графинь и маркизъ, послѣдовавшихъ за своими мужьями въ Камчатку, помѣщенъ въ: M. H. Voyages et aventures des emigrés francais depuis le 14 juillet 1789. Paris. 2 vol., p. 61.

Бунтъ Бёньёвскаго интересенъ въ исторіи Камчатки какъ по оплошности администраціи и кровавымъ сценамъ расправы, такъ и по тѣмъ послѣдствіямъ, какія онъ имѣлъ для отдаленнаго полуострова. Сосланный сначала въ Казань на жительство, откуда онъ бѣжалъ въ Петербургъ, Бёньёвскій потомъ былъ препровожденъ въ Большерѣцкъ, гдѣ также не оставлялъ мысли о побѣгѣ. Условившись съ государственными преступниками Пановымъ, Степановымъ, Батуринымъ (бывшіе военные), священникомъ Устюжиновымъ, всѣми ссыльными, кромѣ одного Гурьева, и склонивъ къ побѣгу штурмановъ, служилыхъ, купцовъ и нѣкоторыхъ инородцевъ, Бёньёвскій ночью на 26 апр. съ пьяной оравой бросился на Большерѣцкую канцелярію и связалъ часовыхъ; въ 3 ч. утра они вломились въ квартиру Нилова, сынъ котораго, услышавъ стукъ, бросился въ объятія отца какъ бы чувствуя вѣчную съ нимъ разлуку, и съ крикомъ: «рѣжь, лови, вяжи» принялись за кровавую расправу. Потомъ завладѣли всѣмъ казеннымъ имуществомъ, забрали деньги, пушки, военные снаряды и въ заключеніе, пустивъ въ окна разореннаго дома 40 пуль, принялись хозяйничать... Бёньёвскій, какъ начальникъ Камчатки, приказалъ священнику Семенову отворить царскія врата, вынесть крестъ и евангеліе и привести къ присягѣ всѣхъ соучастниковъ бунта на вѣрность службы Государю Павлу Петровичу. Послѣ такой церемоніи бунтовщики спустились на плотахъ и въ устьѣ р. Большой завладѣли казеннымъ судномъ «Св. Петръ», на которомъ 30 апр. ушли въ море, оставивъ опись всему ими взятому, а въ сенатъ пославъ объясненіе своихъ поступковъ.

Такимъ образомъ бунтъ Бёньёвскаго обнаружилъ полную деморализацію правящихъ и служащихъ классовъ въ Камчаткѣ, а съ другой стороны нашелъ благопріятную почву въ средѣ мѣстнаго населенія. Исторія знаменитаго авантюриста [1]) заставила говорить объ этомъ всю Европу и обратила вниманіе Правительства на положеніе окраины.

Послѣ убіенія Нилова и ухода бунтовщиковъ, камчадалы, казаки и торговые, оставшись безъ начальства, среди продолжавшихся

---

[1]) Записка о бунтѣ, произведенномъ Бёньёвскимъ въ Большерѣцкомъ острогѣ и о послѣдствіяхъ онаго. Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 420.—Записки канцеляриста Рюмина о приключеніяхъ его съ Бёньёвскимъ, Сѣверный Архивъ 1822, ч. I и 12-я.—Записка о бунтѣ Бёньёвскаго въ Извѣст. Имп. Р. Геогр. Общ. 1865, стр. 122.—Сгибневъ. Историческій очеркъ, Морск. Сборн., 1869, № 6, стр. 52—69.

безпорядковъ на сѣверѣ полуострова, выбрали управителемъ командира «Св. Екатерины» Софьина, котораго, по странной случайности и Бёньёвскій [1]) назначилъ для завѣдыванія Камчаткой послѣ себя.

Когда слѣдствіе, при участіи депутатовъ изъ всѣхъ сословій, было кончено, Софьинъ отправился (13 іюня) въ Охотскъ съ донесеніемъ. Послѣдовавшая затѣмъ неурядица въ назначеніи новаго командира и новаго слѣдователя, при непріязненныхъ отношеніяхъ между Пленеснеромъ [2]) и Зубрицкимъ тянулись до конца 1773 г., когда (31 дек.) по волѣ Государыни все дѣло Бёньёвскаго бунта было прекращено. Въ Охотскѣ командиромъ оставленъ Зубрицкій, а въ Камчатку Екатерина II послала, для приведенія камчатскихъ дѣлъ въ порядокъ лично ей извѣстнаго премьеръ-маіора фонъ Бэма.

Назначеніе главнымъ командиромъ Камчатки человѣка, облеченнаго личнымъ довѣріемъ Императрицы составляетъ новую эру въ управленіи полуостровомъ, въ составъ котораго включена Гижигинская крѣпость и Курильскіе острова: Камчатка стала независимой отъ Охотскаго порта, а жители послѣ многихъ тяжелыхъ годовъ впервые вздохнули свободно. Выполненіе широкой инструкціи [3]), представляло большія трудности для Бэма, такъ какъ и жители, и весь полуостровъ находился въ печальномъ положеніи. Помимо этихъ заботъ иркутскій губернаторъ переслалъ ему рядъ проэктовъ, гдѣ разными штурманами, чукчами и даже студентами предлагались личныя услуги по осмотру Чукотской земли и Сѣверной Америки. Первой заботой Бэма было желаніе привести всѣ острожки въ особенности сѣверные [4]) въ новое, лучшее положеніе, а команду ихъ пополнить казацкими и солдатскими дѣтьми; затѣмъ онъ счелъ необходимымъ ознакомиться съ условіями жизни ввѣреннаго ему края и бытомъ населенія, для чего лично посѣтилъ многіе острожки, входя во всѣ мелчайшія подробности жизни. Какъ нѣжный отецъ, онъ не отказывалъ никому въ

---

[1]) Уроженецъ Венгріи, онъ имѣлъ хорошее образованіе и былъ знакомъ съ морскимъ дѣломъ. Послѣ польской конфедераціи сосланъ, какъ плѣнный, въ Камчатку. Впослѣдствіи, въ 1774 г., по порученію французскаго правительства, онъ основалъ колонію на Мадагаскарѣ, гдѣ былъ королемъ, а потомъ убитъ. См. Русская старина 1876 г.; № 4, стр. 768 и далѣе.

[2]) Потомъ былъ уволенъ отъ службы. Послѣ него уже не посылали въ Камчатку государственныхъ преступниковъ.

[3]) Какъ напр. Тигильскій, основанный въ 1744 г.; прежніе жители этого острожка—камчадалы были изгнаны русскими и поселились частію по р. Пирожниковой, частію по р. Сѣданкѣ. Ditmar. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka, St. Petersburg, 1890, S. 559.

добромъ совѣтѣ; разбиралъ семейныя жалобы; своей прямотой и справедливостью, онъ укротилъ наглость служащихъ, примирилъ ихъ съ туземцами и прекратилъ, насколько это было возможно по тогдашнимъ временамъ, взяточничество.

Заботы о продовольствіи жителей неменьше того безпокоили его: онъ завелъ общественные и частные огороды, пріучая жителей къ разведенію картофеля и, гдѣ можно, хлѣбопашества; устроилъ образцовую казенную ферму (заимку) въ сел. Ключевскомъ, гдѣ рожь дала урожай самъ-тринадцать, а ячмень — самъ-шесть. Обратилъ вниманіе на дороговизну желѣза и соли, устроивъ въ сел. Мильково желѣзный заводъ, а соль, вывариваемую на казенномъ заводѣ, сталъ продавать вмѣсто 8 р. по 95 коп. за пудъ. Бэмъ хлопоталъ объ увеличеніи содержанія нижнимъ чинамъ и постройкѣ школъ гражданскаго вѣдомства, когда впервые стали систематически обучать дѣтей инородцевъ; ему Камчатка обязана первой больницей и первымъ врачемъ—Робеномъ, назначеннымъ на постоянную службу.

Не касаясь другихъ его мѣропріятій, улучшеніе края мы видимъ уже изъ того обстоятельства, что доходы казны увеличились на полуостровѣ до того, что на нихъ онъ содержалъ всѣхъ служащихъ и выполнялъ всѣ предпріятія по его устройству, оставивъ своему преемнику 50.000 р. казенныхъ денегъ. Но, видимо, самой судьбой не суждено было камчадаламъ пользоваться мирной жизнью подъ управленіемъ честныхъ и заботливыхъ правителей. Такъ какъ Бэмъ имѣлъ личное довѣріе Императрицы, то генералъ-прокуроръ князь Вяземскій часто писалъ ему лично, помимо иркутскаго губернатора Нѣмцова, который былъ человѣкомъ честолюбивымъ и мелочнымъ. Это и послужило причиной цѣлаго ряда несправедливыхъ оскорбленій Бэма. Личные счеты и клевета, какъ всегда на окраинѣ, взяли верхъ, не смотря на заступничество князя Вяземскаго. Обиженный продолжавшимися доносами Нѣмцова и иркутскаго архіерея, Бэмъ «по вольности дворянства» подалъ въ отставку [1]) и собирался уже уѣзжать, какъ разнесся по Камчаткѣ слухъ, что два иностранныхъ судна пришло въ Петропавловскую гавань, совсѣмъ почти опустѣвшую послѣ Беринга. По странной случайности, и жители, и Правительство ожидали вторичнаго появленія графа Бѣньёвскаго, о чемъ Императрица чрезъ Вяземскаго и извѣщала Бэма съ нарочнымъ курьеромъ.

[1]) См. Сибирскій Вѣстникъ 1823, ч. I, стр. 1—14.—Сѣверный Архивъ, 1826, ч. 22, стр. 33—47.—Сгибневъ. Морской Сборникъ, 1869, № 7.

Дѣйствительно, послѣ всѣхъ стараній Беринга, Петропавловская гавань представляла теперь совершенную пустыню. Церковь и всѣ беринговскія строенія уничтожены пожаромъ, жители переселились въ Большерѣцкъ, а въ гавани остался, для караула, только сержантъ Сургуцкій и десять рядовыхъ, помѣщавшихся въ полуразрушенной казармѣ (12).

Мирное появленіе путешественниковъ экспедиціи Кука на пустынномъ рейдѣ Авачинской губы между прочимъ заставило обратить болѣе серьезное вниманіе на вооруженіе остроговъ и защиту Камчатки.

Шмалевъ, помощникъ Бема, между прочимъ доносилъ по этому поводу, что въ Камчатку посылаютъ только тѣ ружья, которыя негодны къ дѣлу. Хорошей артиллеріи и канонировъ также нѣтъ. Всѣ имѣющіяся здѣсь пушки скорѣе сдѣлаютъ вредъ нашей прислугѣ, чѣмъ непріятелю, а канониры вовсе не знаютъ своего дѣла, такъ что при пальбѣ въ высокоторжественные дни рѣдко обходится безъ несчастія. При отбытіи англичанъ изъ Большерѣцка, служителя, заряжавшаго пушку, совсѣмъ разбило.

Перечисляя далѣе въ своемъ рапортѣ число казачьей команды въ пяти острогахъ (348 чел.), Шмалевъ пояснялъ, что изъ этого состава «весною выбываютъ многіе, болѣвшіе цынгой, а и здоровые, по званію своему, большая половина никакой аммуниціи при себѣ, не только, чтобы представить солдата, но и виду того не имѣютъ, а находятся, по большей части, въ собачьихъ и оленьихъ по здѣшнимъ манерамъ одеждахъ, что съ нихъ за недачею мундировъ и не взыскивается». Указывая потомъ на недостаточное содержаніе командъ, онъ прибавляетъ: «чтобы они пропитаніемъ вовсе лишены и изнуреніемъ отъ крайняго голода болѣть не могли, въ лѣтнія времена для приготовленія на годичное содержаніе рыбныхъ кормовъ отпускаются. По этому построить укрѣпленія лѣтомъ не представляется никакой возможности»[1]).

Донесеніе обо всемъ этомъ суетливаго тогдашняго иркутскаго губернатора Клички было доложено Императрицѣ,—и тогда получилось слѣдующее повелѣніе: «отпущенный провіантъ и скотъ принять на счетъ казны. Но такъ какъ путь въ Камчатку сдѣлался

---

[1]) За содѣйствіе, оказанное экспедиціи, Бэмъ получилъ отъ англійскаго правительства серебряную вазу, а Шмалевъ—столовые часы. С. Шубинскій. Историческіе очерки и разсказы. Спб. 1893, стр. 323.

извѣстнымъ иностранцамъ, то привести ее въ оборонительное положеніе».

Тогда въ Иркутскѣ началась страшная по этому поводу суматоха... (13).

Иркутскій губернаторъ послалъ гонцовъ во всѣ остроги и пограничныя крѣпости для выбора годныхъ къ дѣлу пушекъ и ружей. Назначенному тогда (изъ бывшихъ военныхъ) командиромъ Камчатки Рейнике предписывалось немедленно приступить къ постройкѣ редутовъ въ Петропавловской гавани, но для этого дѣла не нашлось тогда въ Сибири спеціалиста, котораго порѣшили замѣнить сержантомъ, знавшимъ только рисованіе; врача также не оказалось въ Иркутскѣ, и его также замѣнилъ сержантъ, прививавшій тамъ оспу.

Но едва снаряженный такимъ образомъ Рейнике успѣлъ выѣхать изъ Иркутска, какъ губернаторъ получаетъ новое донесеніе Шмалева, что англичане вторично прибыли въ Петропавловскую гавань, 13 авг. того-же 1779 г., на этотъ разъ подъ начальствомъ Гора, ибо Клеркъ умеръ.

По прибытіи въ Камчатку (осенью 1780 г.) Рейнике ознаменовалъ свое управленіе страннымъ образомъ: съ одной стороны строилъ церкви, а съ другой, какъ мы уже говорили, закрывалъ школы и преслѣдовалъ духовенство: въ 1783 г. протоіерей Никифоровъ доносилъ епископу, что камчатскіе командиры отобрали всѣхъ учениковъ [1]).

Выработанное тогда новое управленіе потребовало новыхъ заботъ и назначеній; при этомъ преобразованіи Сибирскаго управленія, масса негоднаго служилаго люда осталась за штатомъ. Камчатку наводнила толпа выгнанныхъ пьяницъ, съ помощью которыхъ Рейнике пришлось открывать всѣ присутственныя мѣста. По новому штату, Камчатка потеряла свою самостоятельность и подчинена Охотской области; въ городахъ положено имѣть присутственныя мѣста и городничихъ, въ округахъ исправниковъ; въ Охотскѣ назначенъ комендантомъ Козловъ-Угренинъ.

Безхарактерный, вялый, Рейнике ограничился только требованіемъ жалованья чиновникамъ, а въ управленіе вовсе не вмѣшивался, предоставивъ власть Шмалеву. Онъ построилъ небольшое укрѣпленіе въ Петропавловской бухтѣ (одна батарея) съ 3 маленькими пушками, куда назначилъ офицера Козлова и 125 казаковъ; а самъ перебрался

[1]) Словцовъ. ч. 2, стр. 23.

(1785 г.) въ Нижне-Камчатскъ, возведенный въ званіе города и ставшій центромъ управленія.

Мы снова возвращаемся къ Охотскому порту и тѣмъ новымъ реформамъ, которыя были введены по новому положенію. По странной случайности, эти мѣры, долженствовавшія урегулировать управленіе, устранить ужасные безпорядки по морской части и улучшить экономическое положеніе обширной области, совпали съ климатическими бѣдствіями Охотска, что, повидимому, обѣщало мало хорошаго. Два года подрядъ, передъ самымъ пріѣздомъ Козлова-Угренина съ безчисленной толпой подъячихъ, безконечными транспортами винъ и продовольственныхъ припасовъ и отрядомъ крѣпостной челяди, сильное наводненіе р. Охоты уничтожило двѣ улицы и смыло нѣсколько домовъ.

Чтобы судить о разнообразіи служебнаго персонала новаго штата, достаточно указать, что помимо совѣстнаго судьи коллежскаго ассесора Коха сюда прибыли члены совѣстнаго суда, верхней и нижней расправы, губернскаго и городового магистрата, нижняго земскаго суда и областного казначейства. О значеніи Охотска, какъ порта, видимо забыли; по крайней мѣрѣ въ составѣ управленія не было ни одного моряка-спеціалиста; а между тѣмъ помимо обычныхъ морскихъ рейсовъ въ Камчатку и Гижигу предстояла новая постройка судовъ для астрономической и географической экспедиціи, начальникомъ которой Высочайшимъ указомъ (8 авг. 1785 г.) былъ назначенъ капитанъ Биллингсъ для изслѣдованій въ сѣверо-восточной части Сибири. Теперь уже не для одного Охотска, а всего Охотско-Камчатскаго и Анадырскаго края наступили тяжелыя времена.

Вскорѣ послѣ прибытія, Угренинъ совсѣмъ не интересовался дѣлами и положеніемъ страны, а, предоставивъ управленіе Коху, отправился въ путешествіе сначала по Охотскому округу, а потомъ по Камчатскому полуострову. Любопытна характеристика, какую даетъ Сгибневъ этимъ двумъ управителямъ, обезсмертившимъ себя и свое пребываніе на окраинѣ тѣмъ, что путешествіе Угренина извѣстно и по настоящее время у камчадаловъ подъ названіемъ собачьей оспы, а про второго современниками сложена была поговорка: на небѣ Богъ, а въ Охотскѣ—Кохъ. Угренинъ, имѣя жену, пять человѣкъ дѣтей и дворню изъ 15 крѣпостныхъ, пишетъ Сгибневъ, жилъ чрезвычайно роскошно. Чтобы покрыть свои расходы, онъ безпощадно грабилъ всѣхъ, не пренебрегая самыми мелочными взятками. При всемъ этомъ онъ былъ деспотъ въ полномъ смыслѣ

этого слова. Не говоря уже о жестокомъ обращеніи съ нижними чинами, онъ канцеляристовъ, безъ всякаго суда, заковывалъ въ кандалы, а канцелярскихъ чиновниковъ по году содержалъ на гауптвахтѣ на хлѣбѣ и водѣ, не дозволяя имъ имѣть книгъ, чернилъ и перьевъ. Были случаи, что онъ ихъ билъ и даже сѣкъ розгами. Такъ поступилъ онъ съ прокуроромъ Баженовымъ, вздумавшимъ сдѣлать ему намекъ на его беззаконные поступки.

Кохъ, какъ умный и хитрый человѣкъ, войдя въ довѣріе Угренина, самовластно всѣмъ распоряжался; слово этого гордаго и плутоватаго совѣстнаго судьи считалось закономъ. Вся политика его сводилась къ тому, чтобы дать возможность Угренину нажить большое состояніе, а по удаленіи послѣдняго самому занять это мѣсто, скрывая по этому всѣ злоупотребленія по управленію. О путешествіи Угренина по области сохранились цѣлыя легенды до нашихъ дней: онъ ѣздилъ въ большой нартѣ, въ которой была даже печка; его сопровождала огромная свита, для чего собаки собирались со всѣхъ селеній и острожковъ **(14)**.

Изъ этого необыкновеннаго путешествія Угренинъ вернулся (10 окт. 1788 г.) въ Охотскъ съ огромнымъ количествомъ соболей и лисицъ, донося въ тоже время губернатору, что дѣти его въ такомъ отдаленномъ краѣ не могутъ получить приличнаго воспитанія, а потому онъ проситъ перевести его въ другую область.

Судостроеніе и вообще портовая часть въ это время находились въ ужасномъ безпорядкѣ; рѣзко бросается въ глаза, что Кохъ любилъ покупать купеческія суда для казенной службы.

Въ порту находилось шесть казенныхъ судовъ, но два изъ нихъ были сломаны за ветхостью; третье «Св. Надежда Благополучія» въ 1782 г. пропало безъ вѣсти; остальныя три разбились. Узнавъ объ этихъ бѣдствіяхъ, генералъ-губернаторъ предписывалъ охотскому коменданту поспѣшить постройкой новыхъ судовъ, которыя снова терпѣли аварію и становились негодными для службы. За переводомъ Угренина якутскимъ комендантомъ, управителемъ остался Кохъ, которому однако предписано было сдать должность секундъ-маіору Тим. Шмалеву, что сразу разстраивало всѣ планы хитроумнаго чиновника, который и въ этомъ случаѣ нашелся: прибывшій Шмалевъ скоропостижно умираетъ, и народная молва приписываетъ его смерть отравѣ. Кохъ, которому предписано было, какъ совѣстному судьѣ, произвести слѣдствіе, донесъ потомъ, что Шмалеву слѣдовало умереть...

Не смотря на всѣ ухищренія Коха, присланъ былъ новый комен-

дантъ князь Мышецкій, человѣкъ честный и глубоко преданный службѣ, открывшій бездну злоупотребленій: Угренина предали суду, но потомъ простили; Кохъ избѣжалъ достойной кары, но зато сильно отомстилъ Мышецкому, будучи любимцемъ иркутскаго начальства.

Ко всѣмъ неурядицамъ, созданнымъ произволомъ Угренина и Коха, жители Охотско-Камчатскаго края несли и другія тяготы: въ Охотскѣ снаряжалась небывалая по царскимъ щедротамъ экспедиція Биллингса, съ участіемъ капитановъ Сарычева и Галла; вторая экспедиція Лаксмана и Крепицина **(15)** отправлялась въ Японію, а по слѣдамъ ея выступилъ рыльскій купецъ Шелиховъ, отправивъ партію промышленниковъ на о. Урупъ (въ Курильской грядѣ) и составивъ потомъ компанію, которой суждено было играть важную роль въ торговлѣ здѣшняго края и Сѣверной Америки.

Между тѣмъ развивавшійся портъ все болѣе и болѣе требовалъ какъ судовыхъ матеріаловъ, такъ и провіанта для команды. Сообщеніе дѣйствительно было настолько плохо, что для перевозки якоря разбивались на куски, канаты разсучивались; наконецъ въ 1762 г. якуты рѣшительно отказались вести провіантъ. Сенатъ, получивъ объ этомъ донесеніе, распорядился не о томъ, чтобы дорога была приведена въ порядочное состояніе или розыскано другое направленіе, а предписалъ, чтобы для доставки провіанта назначались якуты по очереди съ уплатою имъ прогоновъ по плакату. Шесть лѣтъ спустя (въ 1769 г.) послали трехъ геодезистовъ для обслѣдованія пути, но представленный ими проектъ остался безъ послѣдствій. Видимо, «лучшему сообщенію между Охотскомъ и Якутскомъ» не суждено было сбыться: одинъ проектъ слѣдовалъ за другимъ, а смѣта ихъ достигала всегда почти милліона руб. Правительство не рѣшалось на большія затраты по тому, что самое существованіе порта безъ удобнаго рейда и гавани не представляло интереса.

Удской, алдомскій, а впослѣдствіи еще аянскій тракты также имѣли мало привлекательнаго, хотя послѣднія изслѣдованія дорожнаго инженера Сикорскаго и даютъ нѣкоторыя надежды [1]).

Фоминъ считалъ необходимымъ для Алдомскаго рейда постройку фрегата, а вслѣдъ за тѣмъ Сарычевъ, ознакомившійся съ Охотскимъ краемъ въ бытность свою въ экспедиціи Биллингса подалъ въ Адми-

---

[1]) Записки Восточно-Сибирскаго отдѣла Имп. Р. Г. Общ., Иркутскъ, 1896 Аянская экспедиція Сикорскаго: «Отъ Якутска до Аяна».

ралтействъ-Коллегію, проектъ о новомъ устройствѣ Охотскаго порта и заведеніи тамъ необходимаго числа судовъ.

Такимъ образомъ въ Охотскѣ сразу получается нѣсколько начальниковъ со спеціальными порученіями: Фоминъ — начальникъ порта, капитанъ 2-го ранга Бухаринъ—назначенъ для крейсерства, а гражданскою частью завѣдывалъ Матусевичъ. Нехватало только одного— судовъ и команды для плаванія: изъ шести судовъ, числившихся въ портѣ, ни одно не годилось для крейсерства за ветхостью, а два изъ нихъ погибли. Изъ шести штурмановъ, писалъ Мышецкій, только два знаютъ сіе дѣло и то постоянно больны, а остальные четверо изъ учениковъ, не бывшихъ ни разу въ морѣ; мастеръ же судостроенія находится въ глубокой старости, почему ни судостроеніе, ни судоходство не могутъ быть въ надлежащемъ порядкѣ [1]).

Но вернемся однако къ жизни Охотскаго порта и Камчатки. Про Камчатку, какъ мы видѣли, провѣдали иностранныя суда — сначала Клерка, а потомъ Лаперуза. Повторное появленіе иностранныхъ судовъ въ Камчаткѣ усилило подозрительность русскаго Правительства, которое одно до сихъ поръ имѣло суда въ сѣверной части Тихаго океана, а съ другой стороны питало намѣреніе — хотя бы мирнымъ путемъ проникнуть за Амуръ къ югу, въ Китай и Японію. Поэтому въ 1799 г. Камчатка была поставлена на военное положеніе, а въ Петропавловскъ отправленъ генералъ-маіоръ Сомовъ съ полкомъ солдатъ. Этотъ полкъ везъ съ собой 70.000 пудовъ провіанта, переходъ его обошелся казнѣ свыше 65.000 руб., но всѣ эти издержки были ничто въ сравненіи съ тѣмъ разореніемъ якутовъ, которому они подверглись при слѣдованіи его. Они потеряли нѣсколько тысячъ лошадей и кромѣ того были оторваны. отъ своихъ обычныхъ занятій, отчего хозяйство ихъ пришло въ упадокъ.

Къ довершенію несчастія, во всей восточной Сибири былъ неурожай, а потому провіантъ заготовлялся съ помощью энергичныхъ мѣръ, у богатыхъ же мужиковъ отбирался силою—по назначенной начальствомъ цѣнѣ. Разоривъ якутовъ и потерявъ много команды отъ цынги и сыпного тифа, три роты отправились 23 августа 1779 г. въ Камчатку, а четвертая должна была остаться въ Охотскѣ, такъ какъ Сомовъ вынужденъ былъ взять съ собой провіантъ и боевые снаряды.

Разнесшіеся по Европѣ ужасы Французской революціи и объ-

---

[1]) Сгибневъ. Морской Сборникъ, 1869 г. № 11, стр. 73.

явленіе войны съ Испаніей (15 іюня 1799 г.) понудили наше Правительство болѣе прочно укрѣпиться на далекой окраинѣ; вслѣдствіе этого Фоминъ получилъ Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Ввѣренныя начальствованію вашему мѣста повелѣваемъ вамъ содержать во всей осторожности, такъ чтобы въ случаѣ непріятельскихъ покушеній на острова или порты Камчатки, имѣли бы вы въ готовности всѣ средства къ отраженію ихъ. А для сего имѣть извѣстіе отъ Сѣверо-восточной компаніи, которыя и доставлять къ Намъ немедленно».

Къ несчастію, въ Охотскѣ не было ни одного судна; всѣ они были заняты, по приказанію Бухарина, перевозкою провіанта и полка Сомова.

Управленіе Бухарина окраиной представляетъ до поразительности странное явленіе даже въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ. Почти со дня его прибытія въ Охотскъ (7 августа 1805 г.) начался, пишетъ Сгибневъ, рядъ самодурствъ и безчинствъ. Это была необыкновенно-болѣзненно-нервная натура, полная кипучей дѣятельности, жестокостей и взяточничества. Онъ предпринимаетъ путешествіе для осмотра Шантарскихъ острововъ и устья р. Уды, строитъ первую общественную больницу, возводитъ новый солеваренный заводъ, спускаетъ пять новыхъ судовъ; но не смотря на это, всѣ его дѣйствія клонились больше ко вреду, чѣмъ къ пользѣ края. Дикое самодурство, звѣрскія безчинства, баснословное корыстолюбіе, безчеловѣчныя истязанія, ежедневные стоны и вопли подъ часъ невинныхъ жертвъ—вотъ характеристика правителя, какого жители не знали даже въ первый періодъ ясачныхъ приказчиковъ. Три года царилъ этотъ безграничный деспотъ, ничѣмъ не стѣсняемый и никого не опасаясь **(16)**.

Когда подробныя свѣдѣнія о поведеніи Бухарина дошли до Иркутска, то, по представленію мѣстнаго губернатора Трескина, генералъ-губернаторъ Пестель донесъ министру морскихъ силъ Чичагову, что для спасенія жителей Охотскаго края отъ звѣрства и истязаній Бухарина необходимо его смѣнить немедленно.

Это донесеніе произвело большой переполохъ, и тогда, по приказу Государя, составленъ особый комитетъ для изысканія способовъ устраненія всѣхъ безпорядковъ какъ въ Охотскѣ, такъ и въ Камчаткѣ. Въ составъ этого комитета вошли: министръ коммерціи, военный, морскихъ силъ министръ и Сибирскій генералъ-губерна-

Городъ Охотскъ.

Городъ Охотскъ.

торъ Селифонтовъ [1]). Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, комитетъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе, которое мы приводимъ цѣликомъ:

«Впредь до рѣшенія вопроса о переносѣ Охотскаго порта, въ Охотскѣ командовать морскому начальнику, на правахъ коменданта, назначивъ въ помощь ему секретаря и коммиссара, на правахъ земскаго исправника. Для поступающихъ къ начальнику тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, имѣть особую шнуровую книгу, въ которую вписывать всѣ иски и по нимъ рѣшенія. Находящуюся въ Охотскѣ роту солдатъ переименовать въ морскую роту, а удскую роту оставить на ландмилицкомъ положеніи, причисливъ ее къ иркутскому гарнизонному полку. Для устраненія злоупотребленій въ перевозкѣ грузовъ въ Камчатку, запретить перевозку на казенныхъ судахъ компанейскихъ товаровъ; а грузы другихъ купцовъ принимать только въ такомъ случаѣ, когда за нагрузкою назначеннаго въ Камчатку провіанта остается свободное мѣсто. Для почтовыхъ дѣлъ опредѣлить особаго экспедитора при четырехъ почтальонахъ. Въ число назначенныхъ къ постройкѣ судовъ построить два пакебота или катера, для удобнаго доставленія почтъ въ устье р. Воровской, на Тигильскомъ берегу, дабы суда эти могли дѣлать по три рейса въ Камчатку. Всѣмъ служащимъ въ Охотскѣ и Камчаткѣ чиновникамъ производить двойное жалованье, офицерамъ — раціоны, а начальнику столовыя деньги» [2]).

Изъ разсмотрѣнія этого документа ясно видно, что, по странной случайности, главныя нужды, на которыя указывалъ Кошелевъ, здѣсь обойдены молчаніемъ. Бухаринъ, вскорѣ послѣ проѣзда Кошелева, предчувствуя себѣ бѣду, выѣхалъ (1802 г.) въ Петербургъ, гдѣ видимо не только обѣлилъ себя, но даже продиктовалъ всѣ вышеупомянутыя постановленія комитета министровъ, дѣйствуя чрезъ Адмиралтействъ-коллегію, а въ довершеніе всего, черезъ семь мѣсяцевъ

---

[1]) Этому Селифонтову приказано было Правительствомъ представить, какими мѣрами думаетъ онъ исправить положеніе Сибири. Облеченный громадною властью, онъ прибылъ въ Иркутскъ съ своей наперстницей m-me Бойе, «какъ Вице-Рой, говоритъ лѣтописецъ: все пало ницъ и безмолствовало. При немъ всѣмъ управляла наперстница (жена была оставлена по дорогѣ, въ Тобольскѣ) и секретарь Бакунинъ, который раздѣливъ Сибирь на комиссаріатства, продавалъ ихъ управителямъ—кто больше дастъ. О немъ и объ его преемникахъ: Пестель, Трескинъ и К°, какъ типахъ администраторовъ новой формаціи см. Ядринцева: Сибирь—какъ колонія, Спб., 1892 г., стр. 476—492.

[2]) Это положеніе утверждено 4 авг. 1803 г.

начальникомъ Охотска былъ назначенъ (1804 г.) тотъ самый Бухаринъ, который, по донесенію Кошелева, былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ злоупотребленій въ краѣ.

Во всей исторіи Бухарина много поучительнаго и характернаго для тогдашняго времени. Оказалось, что и смѣнить его за вышеуказанныя преступленія было дѣломъ нелегкимъ. Когда назначена была слѣдственная комиссія, то лица для нея были выбраны самимъ Бухаринымъ. Капитанъ-лейтенантъ Миницкій, прибывшій для его смѣны и производства слѣдствія (1809 г.) доносилъ якутскому губернатору, что «по характеру Бухарина нѣтъ возможности избѣжать обиды всѣмъ тѣмъ, кому несчастіе приведетъ имѣть съ нимъ дѣло». Дѣйствительно, отправленный силою подъ конвоемъ, Бухаринъ ссорился съ офицеромъ и билъ конвойныхъ; иркутская уголовная палата, производившая надъ нимъ слѣдствіе, никакими мѣрами не могла добиться отъ него отвѣтовъ на свои запросы. Препровожденный все-таки въ Петербургъ, онъ судился восемь лѣтъ, пока аудиторскимъ департаментомъ, на основаніи стараго манифеста (1801 г. 2 апр.) не былъ признанъ подлежащимъ освобожденію отъ суда, что однако было признано невѣрнымъ, и Бухаринъ лишенъ (1819 г.) чиновъ, орденовъ и сосланъ въ Сибирь на поселеніе [1]).

Такъ послѣ страшнаго грохота бушующаго моря и зловѣщихъ призраковъ окутывающаго тумана путникъ въ утлой ладьѣ пристаетъ къ тихому берегу, гдѣ въ юртѣ гостепріимнаго тунгуса находитъ блаженное успокоеніе: ласкающій огонекъ костра и добродушная улыбка хозяина-хлѣбосола заставляютъ его забыть ужасное прошлое.

Такимъ именно было десятилѣтнее управленіе Охотскимъ краемъ Миницкаго; всѣ вздохнули легко: инородецъ обращался къ нему, какъ къ покровителю; портовая команда получила хорошую казарму, бѣднякъ — работу по своимъ способностямъ; дѣтямъ дана возможность учиться въ навигаціонной школѣ, которую Миницкій сначала завелъ на свои средства [2]). Будучи хорошимъ хозяиномъ, онъ выхлопоталъ перечисленіе охотскихъ мѣщанъ, ходившихъ по міру, въ кре-

---

[1]) Взысканія казны съ Бухарина простирались до 142,000 р.; причемъ у него оказалось наличными деньгами 92,000 р. Впослѣдствіи, когда ему было разрѣшено выѣхать изъ Сибири (1830 г.), онъ подалъ Правительству проэктъ плаванія по Иртышу, Тоболу и др. рѣкамъ на особыхъ парусныхъ судахъ, придуманныхъ имъ. Какъ Коху не хотѣлось разстаться съ Охотскомъ, такъ и Бухарину—съ дѣятельностью въ Сибири.

[2]) На ходатайство о вспомоществованіи морское министерство отказало; только впослѣдствіи губернаторъ Трескинъ нашелъ возможнымъ опредѣлить на эту школу содержаніе въ 3,640 р. (1813 г.)

стьяне и поселилъ ихъ по рѣкамъ, изобилующимъ рыбою; также около Охотска поселилъ нѣсколько семействъ якутовъ-скотоводовъ, которые могли снабжать городскихъ жителей продуктами своего хозяйства.

Портовая часть и Охотская флотилія находились при Бухаринѣ въ плачевномъ положеніи. При вступленіи его на должность было семь судовъ; въ распоряженіе его было выслано значительное число рабочихъ и мастеровыхъ, отпущены такія средства, какъ никому раньше,— не смотря на это, во всемъ царилъ большой безпорядокъ; четыре судна разбились и погибли, остальныя три—требовали капитальныхъ исправленій; Охотскій портъ находился въ бѣдственномъ положеніи; портовые магазины пусты и сгнили; нижніе чины одѣты во что попало, цынга свирѣпствовала въ сильной степени.

Не морякъ по профессіи, Миницкій, понимая однако причины частой гибели судовъ, просилъ разрѣшить ему сдѣлать опись береговъ, въ особенности отъ Тауйска до Гижиги, но получилъ въ этомъ отказъ; что же касается предписанія относительно описи юго-западнаго берега моря, то, писалъ онъ, она необходима, но только никакъ не для того, чтобы туда переносить Охотскій портъ; тѣмъ болѣе, что слухи о неудобствахъ здѣшняго порта, кажется, слишкомъ преувеличены.

Въ этомъ онъ, однако, жестоко ошибся: въ 1810—12 и 1813 г.г. было такое сильное наводненіе, что портъ былъ на половину смытъ; кромѣ того всѣ дома были залиты водой. Это и послужило основаніемъ къ переносу порта на устье р. Кухтуя, на такъ называемую Тунгузскую кошку (1815 г.) съ дресвянымъ наноснымъ грунтомъ, оказавшуюся впослѣдствіи также неудобной.

При Миницкомъ состоялись двѣ административныхъ перемѣны: былъ утвержденъ новый штатъ охотской морской команды, но черезъ два года снова сокращенъ въ той мѣрѣ, въ какой существованіе его представляло необходимость для доставленія въ Камчатку потребныхъ припасовъ, и 2) вскорѣ затѣмъ—реорганизація окружного управленія въ приморское, подъ предсѣдательствомъ морского офицера, куда первоначально назначался Головнинъ, бывшій въ плѣну у японцевъ, а временно завѣдывалъ лейтенантъ князь Шаховской, послѣ отъѣзда Миницкаго [1]).

---

[1]) Савинъ. Записки объ Охотскѣ. Зап. Гидрограф. Д—та. 1851, ч. 9 стр. 148 и слѣд.— Миницкій, ib., 1815. ч. III, 1824, ч. VII.— См. о Миницкомъ, у Сгибнева, Морск. Сборн. 1869, № 12. Полонскій. Исторія Охотскаго порта. Сѣв. обозр. 1850, № 2.

торъ Селифонтовъ [1]). Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, комитетъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе, которое мы приводимъ цѣликомъ:

«Впредь до рѣшенія вопроса о переносѣ Охотскаго порта, въ Охотскѣ командовать морскому начальнику, на правахъ коменданта, назначивъ въ помощь ему секретаря и коммиссара, на правахъ земскаго исправника. Для поступающихъ къ начальнику тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, имѣть особую шнуровую книгу, въ которую вписывать всѣ иски и по нимъ рѣшенія. Находящуюся въ Охотскѣ роту солдатъ переименовать въ морскую роту, а удскую роту оставить на ландмилицкомъ положеніи, причисливъ ее къ иркутскому гарнизонному полку. Для устраненія злоупотребленій въ перевозкѣ грузовъ въ Камчатку, запретить перевозку на казенныхъ судахъ компанейскихъ товаровъ; а грузы другихъ купцовъ принимать только въ такомъ случаѣ, когда за нагрузкою назначеннаго въ Камчатку провіанта остается свободное мѣсто. Для почтовыхъ дѣлъ опредѣлить особаго экспедитора при четырехъ почтальонахъ. Въ число назначенныхъ къ постройкѣ судовъ построить два пакебота или катера, для удобнаго доставленія почтъ въ устье р. Воровской, на Тигильскомъ берегу, дабы суда эти могли дѣлать по три рейса въ Камчатку. Всѣмъ служащимъ въ Охотскѣ и Камчаткѣ чиновникамъ производить двойное жалованье, офицерамъ — раціоны, а начальнику столовыя деньги» [2]).

Изъ разсмотрѣнія этого документа ясно видно, что, по странной случайности, главныя нужды, на которыя указывалъ Кошелевъ, здѣсь обойдены молчаніемъ. Бухаринъ, вскорѣ послѣ проѣзда Кошелева, предчувствуя себѣ бѣду, выѣхалъ (1802 г.) въ Петербургъ, гдѣ видимо не только обѣлилъ себя, но даже продиктовалъ всѣ вышеупомянутыя постановленія комитета министровъ, дѣйствуя чрезъ Адмиралтействъ-коллегію, а въ довершеніе всего, черезъ семь мѣсяцевъ

---

[1]) Этому Селифонтову приказано было Правительствомъ представить, какими мѣрами думаетъ онъ исправить положеніе Сибири. Облеченный громадною властью, онъ прибылъ въ Иркутскъ съ своей наперстницей m-me Бойе, «какъ Вице-Рой, говоритъ лѣтописецъ: все пало ницъ и безмолствовало. При немъ всѣмъ управляла наперстница (жена была оставлена по дорогѣ, въ Тобольскѣ) и секретарь Бакунинъ, который раздѣливъ Сибирь на комиссаріатства, продавалъ ихъ управителямъ—кто больше дасть. О немъ и объ его преемникахъ: Пестель, Трескинъ и К°, какъ типахъ администраторовъ новой формаціи см. Ядринцева: Сибирь—какъ колонія, Спб., 1892 г., стр. 476—492.

[2]) Это положеніе утверждено 4 авг. 1803 г.

начальникомъ Охотска былъ назначенъ (1804 г.) тотъ самый Бухаринъ, который, по донесенію Кошелева, былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ злоупотребленій въ краѣ.

Во всей исторіи Бухарина много поучительнаго и характернаго для тогдашняго времени. Оказалось, что и смѣнить его за вышеуказанныя преступленія было дѣломъ нелегкимъ. Когда назначена была слѣдственная комиссія, то лица для нея были выбраны самимъ Бухаринымъ. Капитанъ-лейтенантъ Миницкій, прибывшій для его смѣны и производства слѣдствія (1809 г.) доносилъ якутскому губернатору, что «по характеру Бухарина нѣтъ возможности избѣжать обиды всѣмъ тѣмъ, кому несчастіе приведетъ имѣть съ нимъ дѣло». Дѣйствительно, отправленный силою подъ конвоемъ, Бухаринъ ссорился съ офицеромъ и билъ конвойныхъ; иркутская уголовная палата, производившая надъ нимъ слѣдствіе, никакими мѣрами не могла добиться отъ него отвѣтовъ на свои запросы. Препровожденный все-таки въ Петербургъ, онъ судился восемь лѣтъ, пока аудиторскимъ департаментомъ, на основаніи стараго манифеста (1801 г. 2 апр.) не былъ признанъ подлежащимъ освобожденію отъ суда, что однако было признано невѣрнымъ, и Бухаринъ лишенъ (1819 г.) чиновъ, орденовъ и сосланъ въ Сибирь на поселеніе[1]).

Такъ послѣ страшнаго грохота бушующаго моря и зловѣщихъ призраковъ окутывающаго тумана путникъ въ утлой ладьѣ пристаетъ къ тихому берегу, гдѣ въ юртѣ гостепріимнаго тунгуса находитъ блаженное успокоеніе: ласкающій огонекъ костра и добродушная улыбка хозяина-хлѣбосола заставляютъ его забыть ужасное прошлое.

Такимъ именно было десятилѣтнее управленіе Охотскимъ краемъ Миницкаго; всѣ вздохнули легко: инородецъ обращался къ нему, какъ къ покровителю; портовая команда получила хорошую казарму, бѣднякъ — работу по своимъ способностямъ; дѣтямъ дана возможность учиться въ навигаціонной школѣ, которую Миницкій сначала завелъ на свои средства[2]). Будучи хорошимъ хозяиномъ, онъ выхлопоталъ перечисленіе охотскихъ мѣщанъ, ходившихъ по міру, въ кре-

[1]) Взысканія казны съ Бухарина простирались до 142,000 р.; причемъ у него оказалось наличными деньгами 92,000 р. Впослѣдствіи, когда ему было разрѣшено выѣхать изъ Сибири (1830 г.), онъ подалъ Правительству проэктъ плаванія по Иртышу, Тоболу и др. рѣкамъ на особыхъ парусныхъ судахъ, придуманныхъ имъ. Какъ Коху не хотѣлось разстаться съ Охотскомъ, такъ и Бухарину—съ дѣятельностью въ Сибири.

[2]) На ходатайство о вспомоществованіи морское министерство отказало; только впослѣдствіи губернаторъ Трескинъ нашелъ возможнымъ опредѣлить на эту школу содержаніе въ 3,640 р. (1813 г.)

стьяне и поселилъ ихъ по рѣкамъ, изобилующимъ рыбою; также около Охотска поселилъ нѣсколько семействъ якутовъ-скотоводовъ, которые могли снабжать городскихъ жителей продуктами своего хозяйства.

Портовая часть и Охотская флотилія находились при Бухаринѣ въ плачевномъ положеніи. При вступленіи его на должность было семь судовъ; въ распоряженіе его было выслано значительное число рабочихъ и мастеровыхъ, отпущены такія средства, какъ никому раньше,— не смотря на это, во всемъ царилъ большой безпорядокъ; четыре судна разбились и погибли, остальныя три—требовали капитальныхъ исправленій; Охотскій портъ находился въ бѣдственномъ положеніи; портовые магазины пусты и сгнили; нижніе чины одѣты во что попало, цынга свирѣпствовала въ сильной степени.

Не морякъ по профессіи, Миницкій, понимая однако причины частой гибели судовъ, просилъ разрѣшить ему сдѣлать опись береговъ, въ особенности отъ Тауйска до Гижиги, но получилъ въ этомъ отказъ; что же касается предписанія относительно описи юго-западнаго берега моря, то, писалъ онъ, она необходима, но только никакъ не для того, чтобы туда переносить Охотскій портъ; тѣмъ болѣе, что слухи о неудобствахъ здѣшняго порта, кажется, слишкомъ преувеличены.

Въ этомъ онъ, однако, жестоко ошибся: въ 1810—12 и 1813 г.г. было такое сильное наводненіе, что портъ былъ на половину смытъ; кромѣ того всѣ дома были залиты водой. Это и послужило основаніемъ къ переносу порта на устье р. Кухтуя, на такъ называемую Тунгузскую кошку (1815 г.) съ дресвянымъ наноснымъ грунтомъ, оказавшуюся впослѣдствіи также неудобной.

При Миницкомъ состоялись двѣ административныхъ перемѣны: былъ утвержденъ новый штатъ охотской морской команды, но черезъ два года снова сокращенъ въ той мѣрѣ, въ какой существованіе его представляло необходимость для доставленія въ Камчатку потребныхъ припасовъ, и 2) вскорѣ затѣмъ—реорганизація окружного управленія въ приморское, подъ предсѣдательствомъ морского офицера, куда первоначально назначался Головнинъ, бывшій въ плѣну у японцевъ, а временно завѣдывалъ лейтенантъ князь Шаховской, послѣ отъѣзда Миницкаго [1]).

---

[1]) Савинъ. Записки объ Охотскѣ. Зап. Гидрограф. Д—та. 1851, ч. 9 стр. 148 и слѣд.— Миницкій, ib., 1815. ч. III, 1824, ч. VII.— См. о Миницкомъ, у Сгибнева, Морск. Сборн. 1869, № 12. Полонскій. Исторія Охотскаго порта. Сѣв. обозр. 1850, № 2.

По новому положенію Удской острогъ потерялъ всякое значеніе: всѣ нижніе чины мѣстной команды уволены въ отставку, а въ Гижигу посылались исправники для наблюденій за промышленниками **(17)**.

Послѣ путешествія Угренина Камчатка находилась въ бѣдственномъ положеніи: «собачья оспа», или падежъ собакъ и недоходъ рыбы окончательно разстроили хозяйство инородцевъ. Къ этому присоединилась реформа управленія съ открытіемъ присутственныхъ мѣстъ и назначеніемъ городничихъ, образцомъ которыхъ можетъ служить Воеводскій, ведшій широкую мѣновую торговлю. Присутственныя мѣста были переполнены чиновниками, выгнанными въ Иркутскѣ со службы и разорявшими теперь камчадаловъ. Судебная реформа, а затѣмъ сформированіе камчатскаго баталіона ясно показываютъ, до какой степени иркутская администрація была мало знакома съ условіями края, на основаніи донесеній мѣстныхъ начальниковъ.

Страннымъ эхомъ отзывалось въ ущельяхъ камчатскихъ горъ слово «баталіонъ», начальниками котораго послѣдовательно были, какъ коменданты Камчатки, Сомовъ, Кошелевъ и Петровскій. Назначеніе его состоялось подъ вліяніемъ политическихъ событій въ Европѣ, но оно далеко не отвѣчало ни мѣстнымъ потребностямъ, ни желанію защитить здѣшнія гавани. Затѣя эта дорого обошлась казнѣ, но еще дороже пришлась несчастнымъ камчадаламъ и Якутскому краю. На содержаніе баталіона за 10 лѣтъ казна истратила 1,791,566 р., не считая единовременныхъ расходовъ.

Появленіе въ Камчаткѣ Сомовскаго баталіона начинается страшнымъ бѣдствіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Сомовскаго повѣтрія». Это была эпидемія гнилой горячки, завезенной ротою солдатъ; на суднѣ она достигла такихъ размѣровъ, что некому было управлять. По прибытіи въ Петропавловскую гавань, генералъ-маіоръ Сомовъ не принялъ никакихъ карантинныхъ мѣръ, и размѣщеніе солдатъ по острожкамъ распространило болѣзнь между камчадалами, которыхъ въ одну зиму умерло до 2.000 человѣкъ.

Не соображаясь ни съ мѣстными нуждами, ни съ условіями страны, Сомовъ былъ въ то же время плохимъ начальникомъ баталіона и не лучшимъ администраторомъ.

Нужно самому побывать въ верховьяхъ р. Камчатки, чтобы понять всю нелѣпость желанія Сомова избрать своей резиденціей Верхне-Камчатскъ, гдѣ, на узкой мокрой тундрѣ, негодной для хлѣбопашества и удаленной отъ гаваней, долженъ былъ поселиться штабъ, гренадерская и имени шефа роты.

Помѣщеній, конечно, не имѣлось; провіанту доставлено было меньше, чѣмъ требовалось, такъ что пришлось пополнять паекъ солдатъ порсою (толченою сухой рыбой), а все населеніе заставить развозить довольствіе по полуострову, потому что транспортныя суда пришли не въ тѣ гавани, которыя имъ назначены по росписанію. Служебныхъ занятій у солдатъ не было никакихъ, а потому большая часть ихъ разъѣзжала по острожкамъ и занималась торговлей, если только этимъ именемъ можно назвать ихъ грабежъ. Почта, эстафеты, курьеры и нарочные скакали на собакахъ ежедневно; кромѣ того ѣхалъ исправникъ для осмотра округа, священникъ съ причтомъ для ревизіи церквей и совершенія требъ: провіантскій комиссаръ долженъ былъ провѣрять казенные магазины; за ними слѣдовали казачій старшина и ротные командиры для осмотра своихъ командъ, и, наконецъ, самъ комендантъ, съ большою свитою, производилъ общій досмотръ.

Уменьшеніе жителей по случаю эпидеміи вызываетъ представленіе Воеводскаго и Сомова о новомъ переселеніи крестьянъ; отсутствіе продовольствія требуетъ присылки рогатаго скота, который, по недостатку корма, сначала погибаетъ въ Ямской крѣпости, а потомъ въ Гижигѣ; сѣмянной хлѣбъ сгнилъ въ пути, между тѣмъ иркутскій губернаторъ Леццано, «по удобству камчатскаго климата къ размноженію хлѣбопашества», предлагаетъ камчатскій баталіонъ, по примѣру бывшихъ ландмилицкихъ полковъ, превратить въ земледѣльческую команду.

Помимо всѣхъ этихъ неудачъ, управленіе Сомова мало отличалось отъ обычаевъ того стараго времени: назначенный новымъ комендантомъ, Кошелевъ (1802 г.), какъ человѣкъ образованный, честный, умный и энергичный, въ началѣ долженъ былъ переживать тяжелыя минуты. Еще въ Охотскѣ онъ познакомился съ мѣстными порядками и типомъ здѣшнихъ дѣятелей въ лицѣ знаменитаго Бухарина; прибывъ въ Камчатку, онъ открылъ, что Сомовъ и большая часть его офицеровъ занимались казнокрадствомъ и грабили солдатъ и обывателей.

При разсмотрѣніи бумагъ оказалось, что принадлежащій нижнимъ чинамъ провіантъ выписывался въ расходъ и продавался частнымъ лицамъ чрезъ посредство приказчиковъ Р.—А. Компаніи; всѣ книги были съ фальшивыми росписками; казенный порохъ служилъ большой доходной статьей чиновникамъ. На казенныхъ судахъ, писалъ Кошелевъ, перевозятся преимущественно грузы Р. А. Ком-

панія, а провіантъ и купеческіе товары остаются неотправленными. Компанія же, не имѣя въ Камчаткѣ конкурентовъ, продаетъ предметы продовольствія по самымъ высокимъ цѣнамъ; напр. пудъ масла 60 р., а флягу водки, около 3 ведеръ, отъ 700 до 1,000 р.

Дѣятельность Кошелева въ Камчаткѣ, подобно Миницкому—въ Охотскѣ, представляетъ свѣтлый лучъ въ мрачной жизни здѣшняго народа. Прежде всего Кошелевъ обратилъ вниманіе на злобу времени: занявшись дѣятельно хлѣбопашествомъ, онъ скоро пришелъ къ отрицательнымъ результатамъ и въ своемъ донесеніи по этому поводу даже удивляется, какъ могло составиться убѣжденіе о возможности его здѣсь, при тѣхъ климатическихъ условіяхъ, въ которыхъ находится край.

Распространившаяся послѣ Сомовскаго полка дурная болѣзнь (Syphilis) обратила на себя вниманіе Кошелева, который для такихъ больныхъ устроилъ отдѣльную больницу въ сел. Малки, на горячихъ ключахъ. Много труда и вниманія посвящено было Кошелевымъ на улучшеніе жизненныхъ условій камчадаловъ и на урегулированіе торговли, находившейся въ рукахъ всемогущей К° и закабалившей жителей. Онъ не могъ видѣть пьянства, взяточничества и разврата, которыми было проникнуто все офицерство и чиновничество; это вызвало рядъ строгихъ мѣръ, но съ другой стороны послужило источникомъ несчастія для самого Кошелева. Среди подчиненныхъ, привыкшихъ къ разгулу, составился заговоръ о тайномъ убійствѣ коменданта; главаремъ этой затѣи явился баталіонный командиръ, полковникъ Сибиряковъ, бывшій прежде вѣстовымъ (слугой) у Биллингса. Нижніе чины и жители, любившіе Кошелева, предупредили его объ этомъ и дали себѣ обѣтъ вырѣзать всѣхъ заговорщиковъ (37 чел.), если они сдѣлаютъ хотя малѣйшую непріятность коменданту. Заговоръ, дѣйствительно, былъ открытъ, но внѣшнія обстоятельства не благопріятствовали плодотворной дѣятельности Кошелева.

Сибирскій генералъ-губернаторъ Пестель постоянно жилъ въ Петербургѣ, и Иркутской губерніей управлялъ Трескинъ, правда, человѣкъ умный, изворотливый, но гордый и мстительный, деспотъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ ненавидѣлъ Кошелева и всѣ его распоряженія съумѣлъ перетолковать въ такомъ видѣ, что обвинилъ любимца камчадалъ въ тысячѣ преступленій. Несчастнаго борца за правду предали суду, и онъ долженъ былъ два года прожить въ Камчаткѣ въ ожиданіи слѣдствія, будучи окруженъ врагами и еже-

дневно подвергаясь оскорбленіямъ со стороны ханжи и взяточника, своего преемника Петровскаго [1]).

Во времена Кошелева отправлена была въ Камчатку и на Курильскіе острова особая экспедиція, состоявшая изъ адъюнкта Академіи Наукъ Редовскаго и землемѣра Кожевина. Экспедиція эта снаряжена была по мысли графа Головкина, назначеннаго посломъ въ Китай (1805 г.), который послѣ тщетныхъ попытокъ туда проникнуть, всѣмъ членамъ своего посольства далъ разныя порученія. Редовскій былъ первымъ натуралистомъ-путешественникомъ, который поѣхалъ изъ Охотска сухимъ путемъ чрезъ Гижигу, но въ дорогѣ отравился, принявъ ядъ и оставивъ послѣ себя рукописный дневникъ.

Чтобы унизить и опозорить Кошелева, Петровскій нуженъ былъ Трескину, почему послѣдній покровительствовалъ новому начальнику Камчатки, представлявшему изъ себя воплощеніе преданнаго раболѣпія. Но лишь только эти два типа—неограниченный господинъ и низкопоклонный слуга оказались на большомъ другъ отъ друга разстояніи, отношенія между ними измѣнились: генералъ-маіоръ Петровскій жалуется министру коммерціи, что «иркутское губернское начальство, желая изъ какихъ-то видовъ отдать Камчатку на откупъ, завело съ камчатскимъ областнымъ правленіемъ безразсудную переписку, обидную и оскорбительную для управленія моею областью и самаго чина моего».

Область онъ считалъ повидимому настолько своею, что, составивъ пріятельскій тріумвиратъ изъ баталіоннаго командира Сибирякова, исправника Донина и полиціймейстера Расторгуева, Петровскій занялся самымъ широкимъ грабительствамъ, собирая лисицъ и соболей при разъѣздахъ, участвуя въ торговлѣ съ купцами, продавая солдатскій провіантъ и пр. Жители безвозмездно подъ видомъ почтовой гоньбы развозили купеческую кладь, женщины еженедѣльно сгонялись для мытья половъ квартиры коменданта и во всѣхъ казенныхъ домахъ. Страна дошла до обнищанія; Петровскій между тѣмъ, только что продавшій 7,000 соболей, доносилъ по начальству, что камчадаламъ нечѣмъ платить ясака, разсылая въ тоже время своихъ по-

---

[1]) До окончанія суда Кошелевъ поступилъ въ ополченіе, въ 1812 г. и за оказанную имъ храбрость, по Высочайшему повелѣнію, былъ освобожденъ.

При всѣхъ натяжкахъ въ слѣдствіи, Кошелевъ по суду оказался виновнымъ только въ превышеніи власти, закрытіи духовнаго правленія и отрѣшеніи отъ должности протоіерея Никифорова—того самаго, котораго раньше побилъ Шмалевъ.

вѣренныхъ для обмѣна водки Р. А. К° на пушнину по стойбищамъ.

Этихъ доходовъ ему было мало; онъ хотѣлъ утилизировать въ свою пользу и камчатское хлѣбопашество, которое предполагалъ на казенный счетъ завести въ широкихъ размѣрахъ. Не трудно предвидѣть, что послѣдствіемъ такого управленія было разслѣдованіе злоупотребленій, порученное маіору Тараканову (1812 г.), котораго однако соблазнили соболя Петровскаго...

Петровскій преданъ суду вмѣстѣ съ офицерами камчатскаго баталіона.

Не много раньше этого начинается цѣлый рядъ кругосвѣтныхъ экспедицій, починъ которымъ положилъ Крузенштернъ [1]), обратившій особое вниманіе на Камчатку. Вскорѣ послѣ него прибылъ въ Петропавловскъ Головнинъ на шлюпѣ «Діана», который во время своей зимовки объѣхалъ почти весь полуостровъ и оставилъ интересныя записки и воспоминанія своего путешествія [2]), и докторъ Шперъ (1808 г.) — спеціально для искорененія венерической болѣзни. Переписка этого послѣдняго съ Трескинымъ рисуетъ печальную картину положенія страны и жителей и отчасти дала толчекъ къ преобразованію камчатскаго управленія.

Такъ печально кончился **комендантскій** періодъ въ исторіи Камчатки. Особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Пестеля, состоявшій изъ вице-адмирала Сарычева, капитана Крузенштерна, проф. Лангсдорфа и лейтенанта Гагенмейстера, по Высочайшему повелѣнію, долженъ былъ снова заняться дѣлами управленія Камчатки и Охотскаго края, причемъ главною цѣлію поставлено, чтобы Петропавловскій портъ былъ средоточіемъ нашихъ морскихъ силъ на Восточномъ океанѣ. Это новое положеніе утверждено 1812 г., а новый начальникъ Камчатки капитанъ Рикордъ вступилъ въ должность въ 1817 г.

Поэтъ—не правъ, говоря, что Рикордъ

Въ Камчатку сосланъ былъ,
Вернулся Алеутомъ...

---

[1]) Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803 — 1806 гг. 3 ч. съ атласомъ. Спб. 1809—1813 г., переведенное на семь иностранныхъ языковъ.

[2]) Путешествіе вокругъ свѣта въ 1807 — 1809 г. 3 ч. Спб. 1819. Его же. Зимованіе въ Камчаткѣ въ 1809 — 1810 гг. Приложеніе къ Морскому Сборн. 1861 г. (Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана).

Онъ по собственному желанію взялъ предложенное ему мѣсто — единственно изъ соболѣзнованія о бѣдныхъ жителяхъ страны сей, говоритъ Головнинъ [1]), съ которымъ Рикордъ раньше былъ въ плаваніи и путешествовалъ по полуострову.

Получивъ тяжелое наслѣдство отъ Петровскаго, разорившаго край, Рикордъ началъ свою дѣятельность при самихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Уже въ 1810 г. случилась такая суровая зима въ сѣверо-восточнымъ краѣ Сибири, что Берингово море и проливы между Курильскими и Алеутскими островами покрылись льдомъ, а Командорскіе острова окружены были громадными торосcами. Съ того времени сталъ наблюдаться частый недоходъ рыбы, а съ 1815 г. онъ сдѣлался хроническимъ явленіемъ до 1821 г. Жители Камчатки и охотскаго берега подверглись тяжелымъ бѣдствіямъ, съ которыми пришлось бороться на полуостровѣ Рикорду, въ Охотскомъ округѣ — Ушинскому, а въ Гижигинскомъ — князю Шаховскому.

Пятилѣтняя дѣятельность свѣтлой личности Рикорда посвящена была всевозможнымъ заботамъ о нуждахъ и благоустройствѣ края. Помощь голодавшимъ, устройство лечебницъ, открытіе школъ, постройка церквей, выписка ремесленниковъ для устроенной ремесленной школы, улучшеніе отношеній съ коряками и чукчами, контроль и урегулированіе торговли, охрана береговыхъ водъ отъ грабительствъ и хищничества китобойныхъ судовъ, наконецъ регистрація ясачнаго сбора и послѣдовавшая въ связи съ этимъ седьмая перепись, — все это требовало его теплаго участія.

Мы не станемъ входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ мѣропріятій Рикорда; достаточно будетъ указать, что, смѣнивъ Петровскаго, онъ пріобрѣлъ такое довѣріе, что камчадалы повѣряли ему самыя задушевныя тайны **(18)**.

Почтенная дѣятельность Рикорда обратила на себя вниманіе, и къ ней относились въ Петербургѣ съ такимъ вниманіемъ, что его преемнику Станицкому Высочайшимъ указомъ повелѣно было: «при управленіи Камчаткой соображаться правиламъ флота капитана Рикорда и воздерживаться отъ всякихъ перемѣнъ».

Въ самомъ управленіи Сибири произошли въ это время крупныя перемѣны, — и сибирскимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ Сперанскій (1817 г.) **(19)**.

Въ то время (1820 г.) Гижига, стоявшая на правомъ берегу

---

[1]) Ib. Ч. I, стр. 106.

рѣки, была подмыта весеннимъ разливомъ и отчасти разрушена [1]). Это увеличило бѣдственное положеніе жителей, терпѣвшихъ нужду отъ недохода рыбы; по ревизскимъ сказкамъ (1824 г.) населеніе округа состояло изъ 332 тунгусовъ, 466 осѣдлыхъ корякъ и 34 якутовъ; всѣ оленные коряки соединены въ одинъ родъ.

Въ это время посѣтили Камчатку и прилежащія моря бригъ «Рюрикъ» подъ командою Коцебу (1816 г.), съ извѣстнымъ поэтомъ-натуралистомъ Шамиссо; шлюпъ «Камчатка» съ вышеупомянутымъ Головнинымъ, опредѣлившимъ положеніе Командорскихъ острововъ. Затѣмъ зашли въ Петропавловскую гавань шлюпы «Благонамѣренный» и «Открытіе». Работы этихъ судовъ хотя касались главнымъ образомъ нашихъ Американскихъ владѣній, но онѣ настолько выяснили вредъ хищническихъ промысловъ иностранцевъ, что, по деклараціи Императора Александра I, Берингово и Охотское моря на разстояніи 100 итальянскихъ миль отъ берега были объявлены закрытыми, или внутренними русскими водами (1821 г.); для охраны же нашихъ прибрежныхъ жителей посланы были шлюпъ «Аполлонъ» [2]) и бригъ «Аяксъ», которыхъ вскорѣ замѣнили фрегатъ «Крейсеръ» и 20-пушечный шлюпъ «Лагода». Въ 1825 году послѣ заключенія конвенціи съ Соединенными Штатами и Англіей о границахъ владѣній и характерѣ торговли и мореплаванія, отмѣнено было наше крейсерство; приходившія военныя суда доставляли только провіантъ и занимались описью береговъ и научными изслѣдованіями; таковы были суда «Предпріятіе» Коцебу (1823 — 26 г. [3]), и Литке (1827 г. [4])

---

[1]) Въ Архивѣ охотской церкви хранится переписка «о мнимой чудотворицѣ», объявившейся послѣ размыва Гижигинскаго кладбища. Въ этой рукописи мы читаемъ: «то была женщина крайне пожилыхъ лѣтъ, виски у ея седыя по старинному обряду въ два ряда плетены косы или кругъ головы объвиты... Воздухъ былъ у ея благовониемъ наполъненъ: отъ сольнычъннаго зною: отъ тела ея текло въ подобіе мира!»

Съ большимъ торжествомъ новоявленныя мощи были перенесены въ церковь, а якутскіе почталіоны занялись продажей «мира». Объ этихъ чудесахъ доносилъ мѣстный исправникъ Колесовъ,—и только черезъ три года, слѣдственная комиссія прекратила дѣло, относительно котораго любопытно слѣдующее заключеніе доктора Сандаровскаго: «это миро есть свинячье сало отъ испорченнаго окорока».

[2]) Плаваніе шлюпа «Апполона» описано въ X т. Зап. Адмиралт.. Д-та. 1826.

[3]) Путешествіе въ Южный океанъ и въ Беринговъ проливъ для отысканія сѣверо-восточнаго морского прохода. Спб. 1821—1824 г., 3 ч. съ атласомъ. Тогда остался въ Камчаткѣ естествоиспытатель Вормскіольдъ. 2-е Путешествіе Коцебу. Спб. 1828 г. Тогда физикъ Ленцъ изучалъ удѣльный вѣсъ морской воды. Въ III томѣ собраны естественно-историческія наблюденія Шамиссо, въ переводѣ Шульгина.

[4]) Литке. Путешествіе вокругъ свѣта на шл. «Сенявинъ», въ 1826—1829 гг. Спб. 1834—6 гг., 3 т. съ атласомъ.

которому поручено было описать берега Чукотской земли, сдѣлать съемку береговъ Камчатки, Охотскаго моря и Шантарскихъ острововъ [1]); его спутнику Китлицу мы обязаны описаніемъ флоры и фауны, а главнымъ образомъ птицъ Камчатки [2]). Послѣ Коцебу въ Петропавловскую гавань зашелъ англійскій шлюпъ «Blossom» съ капитаномъ Бичи, занимавшійся учеными изысканіями въ Беринговомъ морѣ (1827 г.); потомъ слѣдуютъ суда «Кроткій» подъ командою Гагенмейстера, транспортъ «Америка» и др.; словомъ, Петропавловскій портъ получилъ такое оживленіе, какого прежде камчадалы не видали.

Не смотря на хлопоты и опроверженіе капитана Шахова, иностранцамъ запрещено (1820 г.) селиться и записываться въ гильдію въ Охотскѣ и Камчаткѣ, дабы «отклонить ихъ вліяніе на сей далекій полуостровъ» [3]), а затѣмъ выдана была (1821 г.) новая привиллегія Р. А. К° еще на 20 лѣтъ. Правда, на этотъ разъ компанія обязалась ежегодно, въ теченіи срока привиллегіи, выдавать по 7 т. р. на больницу и для пособія возчикамъ ея груза по охотскому тракту, и единовременно пожертвовала 40,000 р. на тѣ же цѣли; но всѣми этими щедрыми расходами она только маскировала свою торговую политику и не преминула скоро ихъ вернуть.

Въ 1822 г. утвердили, по проекту Сперанскаго, новый штатъ сибирскаго управленія; эта реформа коснулась и Охотско-Камчатскаго края. По этому штату портовое управленіе осталось безъ перемѣнъ послѣ переформированія 1819 г. [4]); а для гражданскаго управленія назначены: охотскій начальникъ, совѣтъ изъ чиновниковъ, секретарь, онъ же и стряпчій, окружной врачъ и лекарскій ученикъ, окружной судья и два засѣдателя, окружной казначей, 4 приказныхъ счетчика, исправникъ съ письмоводителемъ, управляющій полиціею, онъ же начальникъ казаковъ, а для городового хозяйства

---

[1]) Болѣе обстоятельнымъ описаніемъ Шантарскихъ острововъ мы обязаны Козьмину (1829—30 г.), журналъ котораго напечатанъ въ IV ч. Записокъ Гидрограф. Департамента, 1846 г.

[2]) H. von Kitlliz. Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem Russischen America, nach Mikronesie und durch Kamtschatka. Gotha, 1858.

[3]) Вагинъ. Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1822. Спб. 1872, т. II, стр. 357.

[4]) По этому положенію охотскимъ морскимъ чинамъ предоставлены преимущества, дарованныя раньше (указомъ 9 апр. 1819 г.) служащимъ въ Камчаткѣ.

мѣщанскій староста; при Гижигинскомъ управленіи полагались: исправникъ, помощникъ, два письмоводителя, врачъ и фельдшеръ.

Читая этотъ длинный списокъ разныхъ начальниковъ, невольно удивляешься излишней канцелярской роскоши: нужно не забывать малочисленности населенія Охотскаго округа, для котораго частые разъѣзды начальниковъ были большой тяготой. По седьмой ревизіи 1822 г. здѣсь числилось тунгусовъ и якутовъ 1,383 души мужского пола, въ Тауйскомъ форпостѣ и Ямской крѣпости [1])—тунгусовъ—504 д.; корякъ—66 д.; якутовъ—42; въ Гижигинскомъ вѣдомствѣ тунгусовъ—332, осѣдлыхъ корякъ 466 и якутовъ-поселенцевъ 34.

Но Ушинскому, любившему писать всякія бумаги, и эта сложная канцелярія показалась недостаточной. Онъ требовалъ 3 столоначальниковъ, журналиста, архиваріуса и двухъ переводчиковъ. Къ счастію для края, Государь, освѣдомясь о насильственной смерти Кларка [2]), повелѣть соизволилъ: немедленно смѣнить Ушинскаго и произвести по этому дѣлу строжайшее слѣдствіе [3]).

Послѣднія 25 лѣтъ разсматриваемаго періода прошли для жизни охотско-гижигинской окраины безъ особенно важныхъ перемѣнъ: неуловы рыбы и слѣдовавшія за ними голодовки становились хроническими явленіями въ Гижигинскомъ краѣ: запасные магазины то открывались, то снова закрывались новыми начальниками (при Балкѣ, 1830—1836 гг.); якутско-охотскій трактъ продолжалъ тяготить якутовъ, служить поводомъ развитія сибирской язвы (1834 г.) и обременять казну [4]); неудобства порта влекли за собою гибель судовъ **(20)**.

Учрежденіе самостоятельной епископской кафедры въ Камчаткѣ, (1840 г.) съ назначеніемъ на это мѣсто неутомимаго труженика Иннокентія Веніаминова, значительно способствовало какъ дѣлу образованія камчадальскихъ дѣтей, такъ и церковнымъ порядкамъ.

Послѣдніе годы экспедиціоннаго періода исторіи Охотско-Камчатскаго края не представляютъ выдающихся и характерныхъ событій во внутренней жизни. Помимо ревизіонныхъ комиссій про-

---

[1]) Тауйскъ и Ямскъ теперь причислены къ Охотскому округу.

[2]) Американецъ, принявшій русское подданство и порицавшій деспотизмъ Ушинскаго. Послѣдній, желая отомстить Кларку, угостилъ его грогомъ, отъ котораго тотъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

[3]) Чѣмъ кончилось слѣдственное дѣло, неизвѣстно.

[4]) На наемъ лошадей въ послѣдніе 10 лѣтъ (1838—1848 г.) израсходовано 660,000 р.

должались ученыя и морскія экспедиціи; изъ первыхъ нужно упомянуть Эрмана (1828—1830 гг.)[1]) и Миддендорфа (1843—1844 гг.)[2]), доставившихъ огромный научный матеріалъ для познанія отдаленной окраины. Къ этому оживленію много прибавили наши военныя суда и затѣмъ нахлынувшая флотилія американскихъ китобоевъ.

Эти изслѣдованія и плаванія русскихъ судовъ подготовляли матеріалъ для выработки болѣе опредѣленнаго взгляда на положеніе и значеніе этой окраины. Страдавшій отъ наводненій и перенесенный на устье Кухтуя, Охотскъ падалъ, какъ потому, что не имѣлъ бухты, такъ и отъ плохого управленія: Валронтъ, подобно своимъ предшественникамъ просилъ денегъ на постройку присутственныхъ мѣстъ, помѣщавшихся въ частныхъ домахъ, и хлопоталъ объ увеличеніи портоваго штата; Балкъ, смѣнившій его (1830 г.), принялся прежде всего за уничтоженіе запасныхъ магазиновъ въ охотскихъ селеніяхъ и предлагалъ сократить почту и подводную гоньбу; недоходы рыбы по Гижигинскому округу сопровождаются сибирской язвой (1834 г.) въ Охотскомъ районѣ. Послѣ этого упраздняется солеваренный заводъ послѣ 80-лѣтняго существованія, какъ безполезное и дорогое учрежденіе, и закрывается ссыльно-каторжная тюрьма. Назначенный тогда начальникомъ Головнинъ (1836 г.) пытается еще водворить порядокъ въ торговлѣ и поддержать значеніе порта, но изслѣдованія Невельского на Сахалинѣ и въ Татарскомъ проливѣ съ одной стороны, а съ другой развѣдки Россійско-Американской Компаніи въ Аянѣ и прибытіе графа Муравьева въ Охотскъ окончательно рѣшили судьбу Охотска: послѣдній произвелъ такое дурное впечатлѣніе, что Муравьевъ въ своей докладной запискѣ князю Меньшикову представилъ сильные доводы въ пользу безотлагательнаго переноса порта въ Авачинскую губу, которую онъ посѣтилъ на транспортѣ «Иртышъ».

По указу 2 дек. 1849 г. Охотское областное и портовое управленіе уничтожено; самъ Охотскъ подчиненъ Якутску, а Гижигинскій округъ снова причисленъ къ Камчатской области; Россійско-Американская Факторія въ Аянѣ получила значеніе правительственнаго порта.

Переносъ порта въ Петропавловскъ и назначеніе генералъ-маіора

---

[1]) Erman. Reise um die Erde durch Nord-Asien. Berlin, 1833—1848. Vol. 3.

[2]) Миддендорфъ. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. Спб. 1860—1869, 4 ч.— Его же «Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens», St. Peterb. 1848—1851 г., В. 4, издано гораздо полнѣе и лучше русскаго перевода.

Завойко генералъ-губернаторомъ Камчатской области служатъ послѣднимъ разцвѣтомъ гористаго полуострова съ его чудными и красивыми сопками. Не смотря на всѣ предшествовавшія заботы Правительства и дѣятельность начальниковъ—морскихъ офицеровъ, изъ которыхъ послѣдній — Машинъ зажегъ постоянный маячный огонь, Петропавловскъ оказался малоподготовленнымъ для новаго назначенія. Закипѣла оживленная портовая и строительная дѣятельность; возводились батареи, предпринятъ рядъ мѣропріятій для подъема экономическаго быта жителей, не исключая изслѣдованій самого полуострова чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ—Дитмаромъ; наконецъ чисто отеческія заботы Завойко о вверенномъ ему краѣ; все вмѣстѣ взятое составляетъ лучшую страницу въ Камчатской исторіи.

В. С. Завойко немедленно принялся за тяжелый и хлопотливый трудъ. Прежде всего нужно было позаботиться о зданіяхъ и помѣщеніи для переведенныхъ изъ Охотска офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и поэтому онъ самъ отправился въ окрестности для осмотра лѣса. Какъ дальше будетъ видно, по всему восточному берегу Камчатки, точно также, какъ и вокругъ Авачинской губы, хвойнаго лѣса совсѣмъ нѣтъ, а встрѣчается только береза и тополь, не отличающіяся крѣпостью; поэтому выборъ лѣса и его доставка представляли трудную задачу.

Второе важное обстоятельство, которое озабочивало Завойко, это недостатокъ средствъ для развоза продовольствія: для морской доставки онъ построилъ въ Петропавловскѣ и на р. Камчаткѣ [1]) шхуну, ботъ, плашкоутъ, датскій ботикъ и 12 весельный катеръ; кромѣ того купилъ шесть вельботовъ и исправилъ три прежнихъ судна «Байкалъ», «Иртышъ» и «Камчадалъ» [2]). Труднѣй было справиться съ сухопутной доставкой: такъ какъ въ Камчаткѣ обыкновенныхъ дорогъ по горамъ и топкимъ тундрамъ не можетъ быть, то доставка зимой на собакахъ требовала разведенія и улучшенія этого перевозочнаго животнаго.

Третьей задачей было улучшеніе торговли. Россійско-Американская Компанія и нѣкоторые частные торговцы держали все населеніе въ кабалѣ, продавая всѣ предметы жизненнаго обихода по край-

---

[1]) Гдѣ есть прекрасный мачтовый хвойный лѣсъ.

[2]) Суда Охотской флотиліи: первый пришелъ изъ Кронштадта въ 1845 г. второй—купленъ былъ въ Англіи, въ 1843 г.; третій—построенъ въ 1849 г.

не высокимъ цѣнамъ. Чтобы урегулировать отношенія при мѣновой торговлѣ онъ учредилъ ярмарки, въ опредѣленное время, подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ, которые обязаны были слѣдить за правильностью сдѣлокъ и объявлять камчадаламъ настоящую стоимость мѣховъ и цѣны товаровъ въ порту [1]).

Обязательный посѣвъ огородныхъ овощей и развитіе возможнаго хлѣбопашества, начатаго здѣсь раньше, составляло предметъ особенныхъ его попеченій. Онъ раздавалъ желѣзныя лопаты, показывалъ, какъ лучше копать гряды, и зорко слѣдилъ за этимъ. Бывало, разсказываютъ теперь старики-камчадалы, при своихъ разъѣздахъ губернаторъ никогда днемъ не подъѣдетъ къ селенію, а остановится ночевать въ пустынномъ мѣстѣ, чтобы на слѣдующій день, рано утромъ, посмотрѣть, что дѣлаютъ жители. Въ Ключевскомъ селеніи построилъ водяную мельницу и кузницу; камчадаловъ сталъ обучать ткацкому ремеслу, хотя это было начато при его предшественникѣ—Машинѣ, когда изъ Петербурга были присланы даже награды за приготовленіе холста изъ Ключевской конопли.

Для наблюденія за рыбными промыслами были назначены особые надзиратели (таіоны), имѣвшіе право понуждать лѣнивыхъ и безпечныхъ жителей. Назначеніе ихъ вполнѣ достигало своей цѣли, и при Завойко [2]) не было голодовокъ. Онъ первый формулировалъ права и обязанности камчадаловъ и вообще всѣхъ обывателей Камчатской области въ особомъ приказѣ, гдѣ обращается особое вниманіе на скотоводство и правильный пушной промыселъ [3]).

Не менѣе того заботился Завойко о больныхъ; при немъ инспекторомъ медицинской части состоялъ Ленчевскій. Тогда кромѣ больницы въ Петропавловскѣ существовали еще больницы въ Тигилѣ, Воровскомъ и Ключевскомъ селеніяхъ, при которыхъ кромѣ фельдшеровъ были врачи: Левитскій, Щутскій и др.

Чтобы болѣе ознакомиться съ областью, В. С. Завойко въ 1853 г. объѣхалъ весь округъ по восточному берегу до Олюторска, оттуда,

---

[1]) Цѣны того времени: байховый чай 1 ф. 5 р., 1 ф. сахару 50 к.—1 р. кулекъ бѣлой муки $7^1/_2$ р., топоръ—8 р., поменьше—5 р.; ситцы—40—50 к. дриль—60—70 к.; суконное треко—2 р. за аршинъ.

[2]) Войтъ. Камчатка и ея обитатели. Спб. 1855 г.—«Русскій Вѣстникъ» 1876 г. № 6. Воспоминанія г-жи Завойко. (Есть отдѣльное изданіе). Сильницкій. Адмиралъ В. С. Завойко и его дѣятельность въ Приамурскомъ краѣ въ Муравьевскую эпоху, см. Приамурск. Вѣд. № 227. — Состояніе Камчатскаго края въ 1853 г., — донесеніе Завойко въ «Морск. Сборн.» 1854 г. № 2.

[3]) См. Приложеніе № 1 во 2 т.

чрезъ сел. Ветвей, въ Каменское, на р. Пенжинѣ, и потомъ въ Гижигу; обратно онъ направился чрезъ Пусторѣцкъ, Тигиль и Большерѣцкъ.

Этой скромной въ началѣ и плодотворной дѣятельности Завойко въ Камчаткѣ мы должны противопоставить широкіе и энергичные планы генералъ-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева [1]), задавшагося цѣлію возстановить наши старыя права на низовья Амура: Невельскому [2]) поручается обслѣдованіе устья этой рѣки, подполковникъ Ахте назначенъ начальникомъ секретной сухопутной экспедиціи въ Амурскую область, одинъ изъ членовъ которой Меглицкій [3]) впервые познакомилъ насъ съ геологическимъ строеніемъ Аяно-Удского района; наконецъ самъ Муравьевъ спустился внизъ по пограничной могучей рѣкѣ (1854 г.) Внѣшнія обстоятельства въ этотъ промежутокъ были довольно тревожнаго характера: всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за фрегатомъ «Палладой», на которомъ находился адмиралъ Путятинъ, ведшій переговоры съ Японіей. Въ Европейской Россіи возгорѣлась Восточная война,—и надъ высокими пиками камчатскихъ сопокъ собирались грозныя тучи, надвигавшіяся изъ туманной дали безпредѣльнаго океана: 17-го августа 1854 г. противъ «Трехъ Братьевъ» входа въ Авачинскую губу показалась соединенная Англо-Французская эскадра.

Крохотному городку, небольшому гарнизону (около 400 чел.) и неоконченнымъ батареямъ пришлось защищаться противъ грозныхъ фрегатовъ и корветовъ съ ихъ 200 орудій. Подробности Петропавловской битвы представляютъ одну изъ славныхъ страницъ исторіи въ концѣ второго періода края и доблестнаго геройства горсти русскихъ храбрецовъ, отстоявшихъ честь Россіи и защитившихъ уютный уголокъ на окраинѣ отъ нападенія сильнаго непріятеля. Пять дней продолжалась бомбардировка; 24-го рано утромъ непріятель открылъ жестокій огонь, и подъ конецъ высадилъ десантъ на Никольской горѣ... Видя свое безвыходное положеніе, когда было подбито послѣднее орудіе, наши храбрецы, прекративъ ружейную стрѣльбу, полѣзли на гору, бросились въ штыки,—и съ высокой, отвѣсной скалы сбросили непріятеля... Такъ кончилась кровавая

---

[1]) Барсуковъ, И. графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. Матеріалы для его біографіи. Москва, 1891 г.

[2]) Невельской. Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ. Спб. 1878.

[3]) Мельниковъ І-й. Описаніе Аянской экспедиціи Меглицкаго 1851 г. Спб. 1893.

Портъ Аянъ.

борьба [6]), подробно описанная во многихъ статьяхъ и хорошо извѣстная публикѣ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ эта война рѣшила дальнѣйшую судьбу Камчатской области и Петропавловскаго порта. Счастливый исходъ Петропавловскаго сраженія показалъ однако всю несостоятельность идеи, искусственно поддерживавшейся болѣе 150 лѣтъ—имѣть на окраинѣ военный портъ, отрѣзанный отъ материка и центровъ управленія непроходимыми тундрами и тайгой. Конечно, Муравьевъ былъ правъ, отдавая предпочтеніе Петропавловской гавани предъ открытымъ моремъ у Охотска, но и его геній не могъ создать здѣсь русскому Правительству прочнаго базиса на берегахъ Тихаго океана. Это какъ нельзя лучше понималъ онъ, энергично поддерживая изысканія капитана Невельского и торопясь съ своей экспедиціей по р. Амуру. Опасаясь вторичнаго нападенія англо-французовъ, Муравьевъ предписалъ поспѣшно перевести портъ на устье Амура.

В) Третій періодъ 1855—1895.

Послѣдній и ближайшій къ намъ періодъ исторіи Охотско-Камчатскаго края представляетъ совершенно противоположную картину только-что описанному: послѣ безконечнаго ряда экспедицій и кипучей дѣятельности наступила невозмутимая тишина. Все вниманіе Правительства было сосредоточено на вновь пріобрѣтенномъ Амурскомъ краѣ, изъ котораго образована новая Приморская область: забытый Удской острогъ, разваливавшійся Охотскъ, безмолвная Гижига и увѣнчанная славой Камчатка вошли въ составъ этой области Весь край повидимому потерялъ всякій интересъ; управленіе было упрощено до нельзя: по штату, полагался исправникъ съ помощникомъ, и только для завѣдыванія остатками Петропавловскаго порта назначенъ временно спеціальный офицеръ.

Эти лица совмѣщали въ себѣ всѣ служебныя функціи: чинили судъ и расправу, собирали ясакъ, объѣзжая округъ, и аккуратно представляли отчеты о благосостояніи края.

Только время отъ времени исключительныя событія нарушали одуряющую тишину монотонной жизни, вызывая длинную переписку и новый рядъ проэктовъ: то нахожденіе «стрѣлокъ и копья» (т. е.

[1]) См. подробныя указанія въ «Библіографіи».

орудій каменнаго вѣка) священникомъ Ямской церкви (1859 г.) заставляетъ мѣстный приходъ поднять святыя иконы, чтобы служить молебенъ на о. Буянѣ (у устья рѣки, гдѣ расположено селеніе) противъ распространенія прежнихъ языческихъ жертвоприношеній [1]); то провозглашеніе исправника — Юрингъ-Тойономъ (т. е. главнымъ богомъ прежняго тунгузскаго и якутскаго пантеона), котораго торжественно носили по городу при безпрерывномъ колокольномъ звонѣ, вызываетъ посылку военнаго судна для прекращенія дикихъ празднествъ.

Такова была пустота внутренней жизни. Вдали отъ надзора военнаго крейсерства хищничество морскихъ и пушныхъ богатствъ достигаетъ такого широкаго развитія, что снова выдвигаетъ старый вопросъ объ охранѣ нашихъ водъ и побережья. Послѣ прекращенія Россійско-Американской Компаніи, монопольная торговля попадаетъ въ руки тѣхъ же американцевъ Гутчинсонъ, Коль и К° и потомъ переходитъ къ Филиппеусу, который, состоя правительственнымъ агентомъ по снабженію сѣверныхъ округовъ провіантомъ, въ то же время былъ довѣреннымъ лицомъ Хольмъ, Вольшъ и К° и монопольнымъ торговцемъ. Промыслы вслѣдствіе нераціональной системы пользованія ими и отсутствія инспекторскаго надзора приходятъ къ полному упадку, такъ что въ 1882 областное управленіе рѣшило созвать въ Петропавловскѣ особую комиссію для выработки правилъ охоты за пушнымъ звѣремъ.

Въ 1875 г. упраздняется Петропавловская крѣпость, а съ 1888 г. вводится новая реформа управленія: вмѣсто исправниковъ назначаются окружные начальники. Въ сущности ни экономическое положеніе края, ни пушные промыслы отъ этого не улучшились, а объ изысканіи новыхъ источниковъ существованія никто не помышлялъ. Геологическія изслѣдованія Дитмара и Меглицкаго были напечатаны спустя долгое время и повидимому не обратили вниманія золотоискателей; новыхъ экспедицій больше уже не посылалось сюда, если не считать работъ барона Майделя [2]) и д-ровъ Дыбовскаго [3]) и Стей-

---

[1]) Изъ Архива Ямской церкви. Прежде о. Буянъ служилъ главнымъ сборнымъ пунктомъ корякъ для жертвоприношеній передъ началомъ промысла.

[2]) Путешествіе по сѣверо-восточной части Якутской области въ 1868—1870 гг. Спб. 1894 г. 3 ч.

[3]) Работы Дыбовскаго о камчатскихъ птицахъ напечатаны въ спеціальныхъ журналахъ и сведены въ трудѣ Тачановскаго—Faune ornithologique de

негера [1]), которые помимо прямыхъ обязанностей занимались научными изслѣдованіями окраины, — и внесли весьма цѣнный вкладъ въ науку.

Оставленные слѣды венерической болѣзни и новыя эпидеміи, безъ должной медицинской помощи, окончательно подкашивали здоровье инородца: во всѣхъ городахъ больницы разрушались и закрывались; временная посылка врачей-спеціалистовъ (1875—1878 гг.) во всѣ округа спеціально для борьбы съ первой болѣзнью имѣла ограниченные результаты, такъ какъ леченіе больныхъ не было доведено до конца.

Повтореніе прежнихъ голодовокъ мало подвинуло этотъ вопросъ къ его практическому рѣшенію; съ 1880 почти по 1888 г. онѣ хронически повторяются то въ Гижигинскомъ, то Камчатскомъ округѣ: голодъ 1880 г. истребилъ почти все сидячее населеніе южной части Гижигинскаго округа; снова заводили общественные рыбные магазины и обращались то къ казенной помощи, то къ человѣколюбію бродячихъ корякъ [2]) и ламутовъ.

Предъ нами проходитъ длинная вереница часто смѣнявшихся окружныхъ начальниковъ, объективная оцѣнка дѣятельности которыхъ въ настоящее время еще невозможна. Въ памяти народа ясно сохранились облики и характеры ихъ недавнихъ правителей, обрисовываемые въ устныхъ разсказахъ двумя—тремя мѣткими словами: одинъ, по разсказамъ стариковъ, больше всего любилъ быструю ѣзду на собакахъ и торжественныя встрѣчи; другой постоянно велъ войну съ торговцами, въ защиту инородцевъ, и, сознавая свое безсиліе, восклицалъ:

— О, Пресвятая Богородица, побей ихъ до смерти!

Третій заботливо и отечески входилъ во всѣ мелочи житейскаго

---

la Siberie orientale. St. Petersbourg. 1893, 2 vol.—Dybowski. Wispy Komandorskie. Lwów, 1885.—Его же Slownik narzecza kąmczadalow опубликовалъ Radlinski, Krakow, 1891 г. Его коллекціи постигла печальная судьба: коллекціи растеній взялся опредѣлить Максимовичъ, но неуспѣлъ за смертію; палеонтологическія коллекціи были доставлены въ Вѣну, но не разработаны; коллекціи рыбъ пропали въ Варшавѣ послѣ смерти Тачановскаго, этнографическій и антропологическій матеріалъ взялся обработать краковскій проф. Баранецкій, но до сихъ поръ ничего не напечаталъ; наконецъ записки и дневники Дыбовскаго были выкрадены ворами въ квартирѣ.

[1]) Работы Stejneger'a напечатаны главнымъ образомъ въ изданіяхъ и отчетахъ of the United States National Museum, Washington, см. Библіографію

[2]) Человѣколюбивый поступокъ корякскаго старшины Этеккъ, Морск. Сборн. 1869 г., № 8.

обихода, записывая, кто сколько съѣлъ хлѣба, сколько израсходовалъ мыла, и осматривая всю одежду до послѣдней принадлежности. Одинъ всегда былъ нарядныимъ и не ладилъ съ духовенствомъ; другой вопреки существующимъ постановленіямъ посылалъ иногда водочки старостамъ.

На монотонномъ фонѣ этого періода исторіи Охотско-Камчатскаго края одно ясно вырисовалось, что край постепенно клонился къ упадку; средства къ жизни истощались, культура и образованіе не проникали сюда, а торговля по прежнему лежала тяжелымъ гнетомъ на инородцѣ. Только за послѣднія 5—6 лѣтъ интересъ къ Охотско-Камчатскому краю снова возникаетъ: сначала рыбный вопросъ, а потомъ рудныя и лѣсныя богатства здѣшнихъ мѣстъ возбуждаютъ живой интересъ и, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ создадутъ новыя условія экономическаго строя Камчатки, 200-лѣтіе которой недавно праздновалось и когда камчадалы были осчастливлены Царскими подарками и наградами.

Рис. 1. Юрта осѣдлыхъ корякъ.

ГЛАВА II.

Географическій очеркъ Охотскаго побережья.

(отъ р. Уды до р. Пенжины).

Подобно тому, какъ ботанику при описаніи ландшафта мѣстности приходится прибѣгать къ подробному опредѣленію растеній, такъ и географу для составленія ясной картины о краѣ нужно детальное знакомство съ тѣми нарушеніями поверхности земной коры, которыя составляютъ, такъ сказать, топографическій ландшафтъ. Только тогда физическій характеръ страны станетъ понятенъ, когда мы прослѣдимъ—какъ разнообразныя поднятія земной коры въ формѣ возвышенностей, горъ и хребтовъ, такъ и расположенныя между ними низменности и ущелья. Кромѣ того для климатологическихъ и біологическихъ задачъ мы должны знать положеніе района по широтѣ; такъ какъ жизненные лучи солнца неодинаково нагрѣваютъ земную поверхность, растительный покровъ которой удовлетворяетъ разнымъ жизненнымъ потребностямъ.

Рѣки всегда служили жизненными артеріями страны и на нихъ возникла первая цивилизація человѣчества; близость моря и расчлененность береговой линіи, способствуя мореходству, создавали культуру и богатство прилежащихъ государствъ. Помимо того, сами моря, съ ихъ теплыми и холодными теченіями, при болѣе постоянной, чѣмъ въ воздухѣ, температурѣ воды, значительно измѣняютъ климатическія условія. Наконецъ геологическое прошлое, съ тѣмъ или другимъ геогностическимъ составомъ породъ, даетъ совершенно особое направленіе практической дѣятельности жителей.

На орографіи и гидрографіи края мы остановимся болѣе подробно,

тогда какъ геогнозіи удѣлимъ небольшое мѣсто въ виду того, что это спеціальное обозрѣніе должно принадлежать геологу.

Охотско-Камчатскій край узкой полосой земли обхватываетъ Охотское море въ формѣ полукруга. Начинаясь отъ Ульбанскаго и Тугурскаго заливовъ, прибрежная полоса идетъ чрезъ Удской острогъ, Аянъ и Охотскъ до р. Пенжины; затѣмъ опять спускается къ югу Камчатскимъ полуостровомъ. Весь этотъ районъ лежитъ между 51° и 63° с. ш., причемъ сѣверная часть Гижигинскаго округа заходитъ небольшимъ клиномъ за 65° с. ш. На западѣ граница его идетъ почти по діагонали отъ 134° до 140° (къ востоку отъ меридіана Гринвича); здѣсь противъ м. Ногданъ пограничная линія хребта поднимается къ сѣверу параллельно меридіану (140°30′) и на широтѣ $62^1/_2$° подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ къ востоку, гдѣ крайній пунктъ ея составляетъ мысъ Наваринъ, лежащій подъ 179° восточной долготы.

Полоса эта лежитъ вдоль берега моря и ограждена отъ Сибирскаго материка сплошнымъ высокимъ хребтомъ, который, начинаясь въ Забайкальѣ громадной высотой Чокондо (или Сохондо), тянется безпрерывной, ломаной линіей до мыса Пээкъ у Берингова пролива, Этотъ-то высокій и мѣстами очень крутой хребетъ долгое время служилъ нашимъ «землепроходамъ» большимъ препятствіемъ въ ихъ постепенномъ движеніи на востокъ: онъ преграждалъ имъ путь какъ съ сѣвера на югъ, такъ и съ запада въ страну Восходящаго солнца. пока наконецъ, перешагнувъ его въ разныхъ пунктахъ, русскіе завоеватели не окрестили этотъ хребетъ разными названіями со словъ мѣстныхъ инородцевъ. Одни назвали его Нюча, т. е. русскимъ; другіе—Яблонымъ отъ бурятскаго слова «яблени-даба», т. е. разбитый, каменный хребетъ; третьи Становымъ, смыслъ котораго производятъ или отъ слова с т а н ъ, о с т а н о в к а [1]), или отъ слова—ѳстовъ [2]).

Съ тѣхъ поръ въ понятіяхъ и описаніяхъ географовъ и путешественниковъ получилась невѣроятная путаница въ названіи этого хребта. Безъ сомнѣнія, инородцы въ каждой данной мѣстности давали этому хребту особое, частное названіе, не зная объ его громадномъ протяженіи; географы же предпочитали то или другое

---

[1]) Семивскій. Новѣйшія любопытныя и достовѣрныя повѣствованія о Восточной Сибири. Спб. 1817, стр. 167. Есть еще объясненіе названія Яблоновый отъ растущей здѣсь въ изобиліи яблони (Pyrus baccata Pall.), не встрѣчающейся во всей Сибири.

[2]) Миддендорфъ, l. c. ч. 2, стр. 201.

наименованіе, мотивируя это разными причинами и создавая такимъ образомъ путаницу въ географической номенклатурѣ. Исходной точной такой путаницы служило отсутствіе подробныхъ топографическихъ и геогностическихъ описаній этой горной цѣпи; мы, дѣйствительно, до сихъ поръ точно не знаемъ ни состава его горныхъ породъ, ни того, произошло ли поднятіе этого хребта одновременно, или же, наоборотъ, только послѣ нѣсколькихъ, отдѣльныхъ поднятій и прорывовъ земной коры въ разные геологическія эпохи, получилась эта громадной длины горная цѣпь. Попытки нѣкоторыхъ ученыхъ, какъ напр. П. П. Семенова [1]), А. Миддендорфа [2]), Риттера [3]), Шперка и др. обобщить отдѣльныя мѣстныя названія не удались или потому, что они были чужды и неизвѣстны мѣстнымъ жителямъ, или потому, что не имѣли достаточной подкладки. Наиболѣе удачной въ этомъ отношеніи намъ кажется номенклатура барона Майделя, которая исходитъ изъ общепринятыхъ мѣстныхъ названій, а во вторыхъ основывается на физическомъ характерѣ самого хребта и на образованіи нагорныхъ плато, составляющихъ какъ бы центръ этого поднятія. По его номенклатурѣ, Яблонымъ хребтомъ будетъ называться часть отъ Сохоито до истоковъ Уды: она гораздо выше остальныхъ и носитъ характеръ плоскаго гребня, а вся окрестная страна представляется плоскогорьемъ настолько, что путешественникъ часто совершенно забываетъ о водораздѣлѣ. Та часть хребта, которая начинается отъ истоковъ рр. Уды и Половинной и простирается до обширнаго Оймеконскаго нагорья, съ рѣзко выраженнымъ гребнемъ, Майделемъ названа Становымъ хребтомъ: оставлять же за нимъ якутское названіе «Джугджуръ» нѣтъ смысла потому, что оно означаетъ просто крутой, горный гребень и туземными племенами пріурочивается въ нѣсколькихъ мѣстахъ [4]).

Характеръ этого хребта, составляющаго западную границу Охотско-Удского побережья, имѣетъ много особенностей сравнительно съ его сѣверной частію, и опредѣляетъ какъ картину мѣстности, такъ и условія растительной и животной жизни.

---

[1]) См. его мнѣніе у Грумъ-Гржимайло: Описаніе Амурской области, стр. 50—51, а также въ Географ. Словарѣ, т. IV, при словѣ Становой хребетъ.

[2]) L. c. ч. 2, стр. 200. Миддендорфъ признаетъ слѣдующіе участки: Яблоновый, Олекминскій, Зейскій, Алданскій (или Джугджуръ).

[3]) См. его Землевѣдѣніе, Спб. 1879 г. т. II, стр. 225.

[4]) L. c. т. II, стр. 77—78.

Яблоный хребетъ, достигнувъ узла наивысшаго подъема [1]) какъ мы сказали, у истоковъ р. Уды переходитъ въ Становой; здѣсь не доходя пяти градусовъ до Охотскаго моря, противъ озера Токо и истока Мыланъ (текущаго на сѣверъ въ Учуръ), онъ даетъ прямо на югъ отрогъ, называемый Джугдыръ, который развѣтвляясь служитъ водораздѣломъ между притоками Охотской стороны и истоками рр. Силимджа и Зея, несущими свои воды въ Амуръ. На востокѣ Джугдыръ соединяется съ отрогами Малаго Хингана и при посредствѣ Тыльскаго хребта какъ бы замыкаетъ неполное кольцо Удского района, такъ что между конечными вѣтвями этого послѣдняго хребта и отрогами Становаго по р. Джала остается сравнительно узкое мѣсто для выхода въ море воды Удской системы. Между собственно р. Удой съ ея небольшими притоками и ея соперницей Половинной (или Мая) вклинился значительный отрогъ Джугдырскаго хребта, вилообразно обхватывающій р. Чогоръ, лѣвый притокъ Уды, и отчасти Половинную. Такимъ образомъ Удской районъ представляетъ обособленное отъ Охотскаго края, замкнутое пространство, которое, какъ дальше увидимъ, по характеру своей флоры и фауны, скорѣе принадлежитъ Амурской области.

Самъ Джугдыръ, въ сѣверной своей части, на мѣстѣ соединенія со Становымъ хребтомъ, представляетъ скорѣе плоскогорье хребтовъ, чѣмъ Альпійскую страну, и служитъ водораздѣломъ: на сѣверѣ для истоковъ Алгомы и Удыма—впадающихъ чрезъ Чегоръ и Учуръ въ Алданъ; на западѣ начинаются Верхняя Зея, Средняя Нара и Средняя Силимджа, а къ востоку катятся горные потоки р. Уды, которыя при каждомъ повышеніи воды заливаютъ сосѣднее пространство до склоновъ и отдѣльныхъ крутыхъ скалъ. Вдоль праваго берега Уды лежатъ гористыя, а на лѣвомъ — низменныя мѣстности [2]).

Что касается направленія хребта, составляющаго границу Охотско-Гижигинскаго края на западѣ и сѣверѣ, то онъ пролегаетъ сначала между Охотско-Удскимъ побережьемъ и Якутской областью, потомъ между Охотско-Гижигинской прибрежной полосой и Колымскимъ краемъ, служа для нихъ водораздѣломъ; въ Камчатку же онъ не заходитъ, и послѣдняя имѣетъ самостоятельное обособленное положеніе какъ

---

[1]) Миддендорфъ, 1 с., стр. 205. Майдель пишетъ: Яблоный, другіе Яблоновый.

[2]) Миддендорфъ, ч. I, отд. I, стр. 135.

по своему геологическому происхожденію, такъ по своей флорѣ и фаунѣ. Поэтому орографія и гидрологія этого послѣдняго полуострова должны составить отдѣльную главу (III).

Отъ Удской системы Становой хребетъ подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ къ сѣверу и идетъ параллельно морскому берегу до мыса Ногданъ, гдѣ отклоняется прямо на сѣверъ, вдоль меридіана, образуя большой прямоугольникъ Охотскаго района, по которому стекаютъ съ него въ Охотское море .рр. Улья, Уракъ, Охота и Кухтуй.

Такимъ образомъ западное побережье Охотского моря тянется узкой полосой (60—80 верстъ) и совершенно выполнено какъ боковыми острогами Станового, такъ и совершенно независимыми хребтами; оно представляется сильно гористымъ и трудно проходимымъ. Начиная съ м. Ногданъ, Становой хребетъ удаляется отъ морского берега и у вершины р. Охота достигаетъ наибольшаго разстоянія отъ моря: длина этой рѣки опредѣляется приблизительно въ 400 верстъ.

Чтобы вѣрно судить о строеніи и развѣтвленіяхъ Станового или, по Миддендорфу, Алданскаго хребта, мы располагаемъ весьма малымъ количествомъ научныхъ описаній и изслѣдованій. Западному склону, т. е. обращенному къ Ленѣ, еще больше посчастливилось, чѣмъ восточному: тамъ путешествовали Сарычевъ (1776—1777 гг.), Врангель съ своими помощниками (1820—1823 г.), Миддендорфъ (1844 г.), Метлицкій и Крутиковъ (1851 г.), Карликовъ (1851 г.); тамъ работали члены экспедиціи Шварца, Ахтэ, Майделя и др., тогда какъ на восточный склонъ этого хребта рѣдко кто изъ ученыхъ проникалъ. Южную оконечность Станового хребта еще посѣтилъ Аргуновъ изъ Удского острога до устья р. Учура (1852 г.), Меглицкій изъ Нелькана въ Удской (1851 г.); Шварцъ по долинѣ р. Уды (1851 г.) и Миддендорфъ. Всѣ эти маршруты начинаются отъ Якутска, съ верховьевъ Алдана и кончаются у р. Уды, или наоборотъ—по одному и тому же направленію. Прибрежную полосу отъ Удского до Аяна, а отсюда чрезъ Становой хребетъ до мѣстечка Нельканъ посѣтили Меглицкій и Крутиковъ и только въ послѣднее время (1894 г.) П. Сикорскій. Сѣверный перевалъ Станового хребта изъ Якутска въ Охотскъ, нѣсколько вѣковъ служившій прямымъ трактомъ для всѣхъ служилыхъ людей и цѣлаго ряда экспедицій, съ нѣкоторой подробностью описанъ Сарычевымъ и Эрманомъ (1829 г.). Правда, по этому пути нѣсколько разъ проѣзжали Берингъ, Кра-

шеникинковъ, Стеллеръ, Фоминъ и др.; но они оставили мало данныхъ для описанія Станового хребта.

Западный склонъ Станового хребта, съ котораго берутъ начало притоки р. Алдана, представляетъ широкую покатость, уступообразно,— террасами спускающуюся къ р. Ленѣ. Каждая изъ этихъ пяти террасъ имѣетъ по одной или нѣсколько ей принадлежащихъ рѣкъ, воды которыхъ въ концѣ концовъ попадають въ общій, Ленскій резервуаръ. Спускаясь на западъ съ остраго гребня Станового хребта, попадаешь въ дикую горную область, съ острыми и высокими цѣпями отроговъ, покрытыхъ лѣсомъ. Этотъ безконечный лабиринтъ горъ, съ ихъ угрюмымъ видомъ, такъ дѣйствовалъ на воображеніе якутовъ, что, по ихъ преданіямъ, говоритъ Майдель [1]), будто-бы послѣ сотворенія и окончательнаго устройства земли у Творца Вселенной остался громадный мѣшокъ съ камнями, которымъ Онъ не могъ найти примѣненія въ другомъ мѣстѣ и высыпалъ ихъ на Становомъ хребтѣ.

Слѣдующія къ западу террасы горъ постепенно понижаются; уже Амгинскій хребетъ значительно разнится, а между р. Амгой и самой Леной горы становятся плоскими, съ широкой вершиной. По направленію изъ Якутска къ Удскому Миддендорфъ встрѣтилъ шесть хребтовъ, постепенно возвышающихся. Такимъ образомъ отъ Якутска идетъ постепенный террасообразный подъемъ на Становой хребетъ, до Охотскаго перевала, на протяженіи 770 верстъ, высота котораго— 2,750 ф. (абсолютной) [2]); отсюда уклонъ къ Охотску становится очень крутымъ, одной террасой, и занимаетъ разстояніе всего около 200 верстъ, причемъ большую часть этого протяженія занимаетъ пологая долина.

По Аянскому тракту мы встрѣчаемся съ совершенно тождественной картиной медленнаго поднятія, уступами, отъ р. Алдана до Станового гребня у Нингмагичангскаго перевала—3.135 ф. (абсолютная высота), и затѣмъ крутого, короткаго (меньше 100 в.) спуска до берега моря [3]). Отсюда на западъ бурливо шумитъ «сердитая старуха Мая», съ ея отвѣстными стѣнами прибрежныхъ скалъ; къ востоку, съ верхней точки вертикально обрывающагося гольца открывается великолѣпный

---

[1]) L. c. т. 2, стр. 86.

[2]) Ermann. Reise, II, S. 378, 392. Лежащій къ западу первый перевалъ внѣ гребня Станового хребта — т. н. Капитанъ равняется 4200 ф. надъ моремъ.

[3]) Другой перевалъ, называемый «Крестяхъ» имѣетъ абсолютную высоту 3,266,8 ф. (996 метровъ). Самая высокая сопка въ этомъ мѣстѣ Станового хребта 4,107,4 ф. (1283 метра). Стефановичъ. Отъ Якутска до Аяна. Иркутскъ 1896, стр. 106—108.

по своей мрачной дикости видъ: широкій горизонтъ, говоритъ Стефановичъ, заполненъ разнообразныхъ формъ сопками съ конусообразными, пирамидальными и кратерообразными макушками. Вся эта сѣрая, голая, гористая поверхность испещрена пятнами глубокихъ ложбинъ и пропастей, желтѣющими морщинами размытыхъ водой рытвинъ и кое-гдѣ отливающими серебромъ снѣжными полосами. Безжизненый, угрюмый характеръ картины напоминаетъ поверхность луны, какой она представляется наблюдателю въ телескопъ [1]).

Якутско-Удской путь весьма обстоятельно описанъ Миддендорфомъ въ его классическомъ сочиненіи. Разстояніе отъ Якутска до Удского острога составляетъ 1,200 вер. и только вблизи послѣдняго, говоритъ онъ, [2]) именно на такомъ разстояніи отъ моря, которое составляетъ менѣе $^1/_6$ части всего пути, подымается громадный кряжъ Станового хребта, возвышающагося на нѣсколько тысячъ футъ. Высота собственно перевала у истока Уяна ($55^2/_3°$ с. ш.) опредѣлена Миддендорфомъ въ 4,300 англ. ф.; иначе сказать, что этотъ конецъ Станового хребта выше Охотской дороги, высота которой значительно возрастаетъ къ сѣверу на Оймеконскомъ плато. [3]). Склонъ его къ Удской сторонѣ вдвое круче, нежели сѣверная покатость, обращенная на С. З. къ Якутску. Подошва юго-восточнаго склона этого хребта находится въ 150 верстахъ отъ главнаго гребня, вблизи Удского, именно тамъ, гдѣ падающіе съ коренного хребта потоки, собираясь въ рѣкѣ Половинной, устремляются на соединеніе съ рѣкою Удою, откуда до моря остается только 80 в., тогда какъ на противоположной сторонѣ Станового хребта воды р. Учура должны совершить огромный путь чрезъ 15° широты, прежде нежели успокоиться въ Ледовитомъ океанѣ.

Выше мы замѣтили, что наши свѣдѣнія относительно Станового хребта и его отроговъ, идущихъ къ морю, крайне недостаточны, а орографія Охотско-Удской прибрежной полосы еще менѣе извѣстна. Достаточно указать на то, что когда въ началѣ зимы 1896—1897 г. мы предполагали изъ Аяна пробраться въ Охотскъ, то тунгусы и жители порта совѣтовали сначала перевалить въ Нельканъ, а оттуда подняться по рѣкѣ Маѣ, считая зимній путь по восточному склону хребта совершенно немыслимымъ. Изъ словесныхъ указаній майскихъ тунгусовъ, однако, слѣдуетъ, что когда-то по Аяно-Нельканскому тракту

[1]) Стефановичъ, l. c. 1896, стр. 107.
[2]) L. c., ч. I, стр. 133.
[3]) L. c., ч. I, стр. 216.

слѣдовали вьючныя лошади, направляясь отсюда вдоль берега къ Охотску. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти въ архивныхъ дѣлахъ подтвержения разсказамъ тунгусовъ.

Если теперь сопоставить весь скудный матеріалъ путешественниковъ, то получается слѣдующая общая орографическая картина: на пространствѣ между Удскимъ и Охотскимъ Становой хребетъ круто спускается къ Охотскому морю, выполняя всю эту узкую полосу цѣлымъ рядомъ крутыхъ утесовъ, между которыми нигдѣ нѣтъ ни широкихъ долинъ, ни зеленыхъ пастбищъ. Всѣ стекающія съ него рѣки носятъ горный характеръ: коротки, мелки, порожисты, съ каменистымъ дномъ. Куда ни взглянешь, вездѣ истокъ рѣки начинается, въ видѣ маленькаго ручейка, на покатости хребта, бѣшено стремится между огромными глыбами разрушенной временемъ вершины; затѣмъ распадается на множество рукавовъ, ложе которыхъ загромождено розсыпями, валунами и плавучимъ лѣсомъ. Дно долины, по которой стрѣмится рѣка, иногда на цѣлыя версты усыпано толстымъ слоемъ рѣчной гальки до гигантовъ-валуновъ, которые стремительность теченія продолжаетъ округлять, разбивать и изъ мелкой рухляди устраивать настоящее ложе. По мѣрѣ приближенія къ морю, гдѣ уклонъ рѣки и стремительность теченія значительно уменьшаются, снесенная съ вершинъ дресва и песокъ отлагаются, рѣка становится еще мельче, но зато воды ея, если не успѣваютъ уйдти подъ почву, разливаются по пространству въ пять, даже десять разъ больше прежней ширины, и скользятъ по широкимъ отмелямъ. Оттого плаваніе по такимъ рѣкамъ становится совершенно невозможнымъ—даже на мелко сидящихъ шлюпкахъ.

Быстрота такихъ рѣкъ всегда значительна; нѣсколько измѣреній, сдѣланныхъ путешественниками, опредѣляютъ ее отъ 7 до 11 и даже до 13 верстъ въ часъ.

Все сказанное касается главнымъ образомъ большихъ рѣкъ Охотско-Удского района, какъ Кэранъ, Немёй, Лантаръ, Алдома, Уракъ, Охота и Кухтуй. Уже первые завоеватели и транспортеры первыхъ экспедиціонныхъ грузовъ должны были отказаться отъ сплава по рѣкамъ Улья [1]) и Уракъ и предпочесть болѣе тяжелый сухопутный трактъ; Охота и Кухтуй, не смотря на обиліе своихъ водъ, не далеко отъ устья уже не судоходны по причинѣ каменистыхъ пороговъ.

[1]) Устье этой рѣки образуетъ широкій лиманъ, при малой водѣ, съ глубиной до 10 ф. А. Ленже подробно описалъ эту рѣку: см. Вѣстникъ Импер. Географ. Общества, VII, 1853 г., стр. 1—14.

Впрочемъ, устья этихъ рѣкъ, равно какъ и Уды во время большой воды, или морского прилива доступны для мелко сидящихъ судовъ, шхунъ и паровыхъ катеровъ. Въ то время, когда Охотскъ считался портомъ, наши парусники всегда стояли сначала въ устьѣ Охоты, а потомъ Кухтуя; въ 100 саженяхъ выше урочища Чумиканъ, гдѣ теперь находится селеніе, въ р. Уду впадаетъ съ правой стороны рѣчка съ глубокимъ рукавомъ, чрезвычайно удобнымъ для стоянки большимъ лодкамъ [1]). Это—небольшая бухточка въ длину 200 с., въ ширину—60, съ песчанымъ дномъ и глубиною въ 7—8 ф. Глубина на устьѣ Уды при отливѣ 3 ф., во время прилива доходитъ до 15 ф. Контрагентъ русскаго Правительства Филиппеусъ въ 80-хъ годахъ доставлялъ казенный провіантъ на своихъ шлюпкахъ по р. Удѣ до острога, и только впослѣдствіи въ виду продолжительности такой доставки отказался отъ этого, а жителей острога перевелъ на мысъ Чумиканъ.

Всматриваясь ближе въ орографію Охотско-Удской мѣстности, вы однако скоро замѣчаете, что не всѣ боковыя вѣтви Станового хребта кончаются у моря отдѣльными сплошными высотами или нависшими обрывами въ нѣсколько сотъ футъ высоты, но что среди этихъ безчисленныхъ отроговъ вырисовывается какъ бы самостоятельный береговой, Морской хребетъ, который если и не представляетъ непрерывной горной цѣпи, то безъ сомнѣнія существуетъ въ видѣ отдѣльныхъ поднятій, связь между которыми нарушена геологическими дислокаціями и прорывами рѣкъ. Такихъ высокихъ остроконечныхъ сопокъ въ особенности много между устьемъ р. Керанъ и Алдомской бухтой. Такъ, между рр. Кераномъ и Немуй очень высокая, скалистая возвышенность, а м. Магджалинда кажется самостоятельнымъ утесомъ; между послѣднимъ и р. Мута—отдѣльная громадная скала; между р. Лантаромъ и р. Уя лежитъ цѣлый береговой хребетъ около 1 т. футъ, дающій къ морю нѣсколько небольшихъ горныхъ рѣкъ и образующій два крутыхъ поднятія — Нядала, съ его острыми ребрами и мрачнымъ видомъ, и Ландоръ-неготни, т. е. трудный подъемъ (болѣе ½ т. ф. или 225 сажень по Сикорскому) Аянскаго полуострова. Далѣе къ сѣверу Морской хребетъ носитъ названіе Алдомскаго и тянется голыми остроконечными вершинами по правому берегу р. Алдомы почти до ея устья, распространяясь къ морю или возвышенными падями, или обрывистыми у моря отрогами. Хотя съ другой стороны Алдомскій хребетъ можно разсматривать какъ самостоятель-

---

[1]) Записки Гидрограф. Департамента, IV, 1846, стр. 60.

ную цѣпь, параллельную Джугджуру, но въ концѣ концовъ соединяющуюся съ нимъ тамъ, гдѣ истоки Алдомы приближаются къ верховьямъ р. Ватамъ (Ленской системы).

Такимъ образомъ Морской хребетъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: отъ Аяна и р. Уя онъ имѣетъ видъ гребня съ крутыми скатами и узкимъ основаніемъ; кой-гдѣ поднимаются надъ его верхней границей отдѣльныя вершины; съ восточной стороны беретъ начало много горныхъ короткихъ рѣчекъ (Нельканка, Мусиканъ, Баргачанъ, Б. и М. Ларганда и Некей); по западной его сторонѣ текутъ на сѣверъ р. Уя, а на юго-западъ р. Теймей, лѣвый притокъ Лантара, сходящіяся вершинами на небольшомъ, пологомъ увалѣ. Пропустивъ р. Лантаръ Морской хребетъ расширяется къ р. Мута, которая стѣснена его высокоми и крутыми скалами, такъ что не имѣетъ ни одного праваго притока; потомъ онъ тянется чрезъ р. Немуй на ЗЮЗ, широкой полосой до 50 верстъ, ограниченный на западѣ правымъ притокамъ Немуя—Келай и лѣвыми притоками Керана—Неляканомъ и Эйкангрой, чрезъ вершины которыхъ проходитъ дорога въ Удской острогъ.

Здѣсь, какъ и въ сѣверной части, на западномъ склонѣ Морского хребта нѣтъ рѣчекъ, тогда какъ къ морю стекаетъ цѣлый рядъ ихъ (рр. Бенгая, Эшканъ, Укой, Быранджа, Меджай, Уктавай, Б. и М. Джалонъ).

Образованіе такихъ обрывковъ береговаго хребта дѣлаетъ совершенно невозможнымъ сухопутное путешествіе по морскому берегу; здѣсь вездѣ, какъ говорятъ, непропуски, т. е. крутизна скалы прямо спускается въ пучину. Для того, чтобы попасть съ одной рѣки на другую, нужно идти въ обходъ этого берегового хребта; для чего удобнымъ трактомъ служатъ боковые притоки, текущіе одинъ на сѣверъ, другой на югъ, по небольшимъ долинамъ, или ровными распадками. Примѣромъ этого можетъ служить путь съ устья р. Уя на р. Лантаръ. Поднимаясь по этой рѣчкѣ, текущей съ юго-запада, вы оставляете налѣво сначала небольшой хребетъ, покрытый хвойнымъ лѣсомъ, который потомъ подходитъ къ вышеупомянутому утесу Нядала. Противъ него лежитъ конецъ отрога—пологаго широкаго хребта, извѣстнаго подъ именемъ Парыгнахъ и служащаго водораздѣломъ между р. Уя и р. Теймей. Парыгнахъ, кажется, совершенно изолированъ отъ вѣтвей Станового хребта; въ этомъ мѣстѣ со стороны моря обрисовывается три пика, выступающіе на Морской горной цѣпи: Нядала, Ларганджа и Джербиканъ.

Слѣды поднятія этого хребта обнаруживаются окаменѣлостями раковинъ, червей, рыбъ и растеній, находимыхъ въ песчанникахъ побережья.

Такимъ образомъ въ разсматриваемой полосѣ мы должны признать 1) Становой пограничный хребетъ, 2) Морской—вдоль берега и 3) слѣды лежащаго между ними болѣе стараго, теперь уже совершенно разрушеннаго и замаскированнаго позднѣйшими образованіями, хребта. Составляетъ ли Алдомскій хребетъ, идущій по правому берегу рѣки того же имени, болѣе уцѣлѣвшую сформированную часть этого промежуточнаго, стараго хребта; служитъ ли онъ боковымъ отрогомъ Джугджура, доходящимъ до моря, или же является независимымъ, самостоятельнымъ поднятіемъ, покажутъ дальнѣйшія изслѣдованія. Подтвержденіе этому взгляду мы найдемъ ниже, въ геогностической характеристикѣ описываемаго пространства.

Сѣвернѣе р. Алдомы, повидимому, слѣды этого несформировавшагося Морского хребта пропадаютъ, чтобы появиться снова на сѣверномъ берегу Охотскаго моря у Шилкапа.

Соотвѣтственно описанному характеру хребта и прибрежнаго пространства измѣняется и морской берегъ. Все западное побережье Охотскаго моря, начиная отъ р. Уда и до р. Улья, съ его отвѣсными, круто обрывающимися берегами, съ его суровыми скалами, бѣдно прикрытыми кедровымъ сланцемъ и тощей лиственницей, съ его кекурами, напоминающими то якутскую урасу, то силуетъ тунгузскаго *сибиктя* (т. е. духа тайги),—производитъ унылое впечатлѣніе. Гребни и скалы такъ близко упираются въ бурливое море, что не оставляютъ подчасъ даже узкой тропы для любопытнаго путешественника. Все это побережье можно назвать вмѣстѣ съ туземцами «непроходомъ».

По странной игрѣ природы, какъ въ самой южной части Охотскаго побережья, такъ и въ самой сѣверной, находится по двѣ длинныхъ и широкихъ губы; это Тугурская и Ульбанская [1]) на югѣ противъ Шантаровъ, раздѣленныя между собою высокимъ и гористымъ полуостровомъ Сеньяќа; Гижигинская и Пенжинская—на сѣверѣ, также разграниченныя гористымъ Тайгоноскимъ полуостровомъ. Дальше на всемъ этомъ побережьѣ до Охотска васъ поражаетъ отсутствіе бухтъ и даже небольшихъ углубленій въ береговой полосѣ, кромѣ Аяна и Алдомы, что конечно отражается самымъ неблагопріятнымъ образомъ

---

[1]) Заливы Ульбанскій и Узаткинъ нужно разсматривать какъ одну губу

на плаванiи. Не только шхунѣ, носимой по волѣ вѣтра и волны, но даже пароходу, вооруженному сильнымъ рычагомъ пара, трудно бываетъ здѣсь найдти спокойное пристанище. Сообщенiе же вдоль берега на парусныхъ шлюпкахъ всегда сопряжено съ большою опасностью. То васъ терзаетъ затишье, принуждая по долгу работать веслами, то вамъ угрожаютъ неожиданные шквалы, прорывающiеся изъ узкихъ ущелiй рѣкъ; частыя же перемѣны погоды заставляютъ смѣлаго моряка на утлой ладьѣ серьезно подчасъ призадуматься надъ своимъ положенiемъ. Предъ вами встаютъ почти вертикальныя стѣны береговой окраины въ 300—500 ф., громадные камни подмытаго и разрушеннаго берега грозятъ опасностью разбиться (см. фототипiю Табл. VII.).

Сквозь пѣнящееся море вы видите камни и столбы съ зеленѣющими водорослями, которые, вслѣдствiе преломленiя свѣта, кажутся вамъ еще больше и ближе, чѣмъ въ дѣйствительности; сила могучаго прибоя неудержимо толкаетъ шлюпку къ берегу, и вамъ въ такихъ случаяхъ рисуется печальная перспектива.

Угрюмая картина берега, тянущагося передъ вами на большомъ протяженiи въ видѣ вертикальной стѣны въ безпорядкѣ перепутанныхъ пластовъ или обрывистыхъ утесовъ, не нарушается ни красивыми островами, ни причудливыми отпрядышами [1]). Только въ началѣ этого побережья, противъ Тугурскаго залива, находится группа гористыхъ Шантарскихъ острововъ, да недалеко отъ Аяна два небольшихъ Мальминскихъ острова, любимое гнѣздовище чаекъ и морскихъ утокъ.

Становой хребетъ, перейдя 62° с. ш., круто, подъ прямымъ угломъ, поворачиваетъ на востокъ и такимъ образомъ вмѣсто меридiальнаго направленiя идетъ все время около 62-й параллели до Гижигинской губы, гдѣ снова отклоняется къ сѣверо-востоку и, отдѣливъ подъ 65° с. ш. нѣсколько отроговъ, служащихъ теперь границей между Гижигинскимъ и Анадырскимъ округами, проходитъ чрезъ всю чукотскую замлю. Мѣсто изгиба охотской части хребта представляетъ глубокiй географическiй и геологическiй интересъ, хотя къ сожалѣнiю почти совершенно не изслѣдовано. Странно подумать, что мѣстность, съ самаго начала проникновенiя туда русскихъ, служившая избитой, проѣздной и проходной дорогой для служащихъ и научнообразованныхъ путешественниковъ, оказалась меньше всего извѣст-

---

[1]) Отпрядыши, или кекуры—высокiе острые камни, стоящiе близь берега.

Восточный берегъ Аянскаго полуострова.

ной. Даже наблюдательный Сарычевъ и аккуратный до мелочей въ своихъ записяхъ Эрманъ не обратили должнаго вниманія на то, что собственно не Становой хребетъ здѣсь служитъ кульминаціонной точкой перевала и водораздѣломъ между тремя водными системами: Леной къ западу, Индигирной и Колымой—къ сѣверу и Охотой на юго-востокъ. Правда, Эрманъ опредѣлилъ, что не Кетанда составляетъ высшую точку по якутско-охотскому тракту, а перевалъ между Хоингой (иначе называемой Анчаканъ, притокъ р. Аллахъ-юна, впадающей въ Алданъ) и Юдомой. Обѣ эти рѣки текутъ параллельно на сѣверо-востокъ и берутъ свое начало въ той части Становового хребта, которая примыкаетъ или вѣрнѣе переходитъ въ обширную плоскую возвышенность, такъ называемое Большое Оймеконское поле, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится нагорье Ураканча, высота котораго, повидимому, много больше, чѣмъ гребни и вершины Станового хребта. Это плоскогорье является господствующимъ надъ остальной страной; болѣе возвышенный пунктъ его лежитъ, по опредѣленію Матюшкина, подъ 63°15′ с. ш. и 160°23′ в. д. отъ Ферро.

Вся длинная и обширная полоса между Охотскомъ и Гижигой представляется до сихъ поръ невѣдомой землей, — и о рельефѣ ея приходится судить только со словъ бродячихъ тунгусовъ и коряковъ. Правда, здѣсь проѣзжали Хметевскій и Шаховской, но они, какъ моряки, заняты были спеціальною описью морскихъ береговъ. Дневникъ Редовскаго, отравившагося въ пути, кончается селеніемъ Ямскомъ, и только Чихачевъ [1]), прослѣдовавшій здѣсь въ 1856 г., оставилъ нѣсколько расспросныхъ свѣдѣній о характерѣ страны. Ровно черезъ десять лѣтъ по тому же пути, только въ обратномъ направленіи изъ Гижиги до Ямска, ѣздилъ Кеннанъ [2]), но онъ въ своемъ описаніи занимался больше поэзіей дикой страны, чѣмъ точнымъ ея описаніемъ. Наконецъ о пути и характерѣ страны, изъ Маркова въ Гижигу, мы имѣемъ краткое описаніе барона Майделя. Прибавьте къ этому морскія описи береговъ, не проникавшія и на 2 вер. въ глубь страны,—и вы будете имѣть ту крайне бѣдную литературу, на основаніи которой приходится говорить объ Охотско-Гижигинскомъ краѣ. Впрочемъ только въ самое послѣднее время (1894 г.) былъ

---

[1]) Н. Чихачевъ. Описаніе сходящихся вершинами рѣкъ, впадающихъ въ Охотское море и рѣку Колыму. Зап. Сибир. Отд. Императ. Р. Геогр. Общ. Спб. 1856, кн. I.

[2]) Дж. Кенанъ. Степная жизнь въ Сибири. Спб. 1871.

открытъ и отчасти описанъ путь[1]) изъ сел. Ола по рѣкѣ того же имени до Колымскаго хребта и потомъ на Баянду, притокъ Колымы.

Переходя къ подробному описанію Колымскаго хребта, мы должны замѣтить, что первый, обратившій на доминирующее надъ всей страной Оймеконское плоскогорье, былъ баронъ Майдель, начальникъ Чукотской экспедиціи 1868—70 г.г., который много положилъ труда на анализъ существующихъ литературныхъ данныхъ и на сборъ распросныхъ свѣдѣній у тунгусовъ и якутовъ, бродящихъ по этому полю. Онъ считаетъ, что это значительное по высотѣ и протяженію вздутіе земной коры является господствующимъ надъ остальной страной мѣстомъ, отъ котораго идутъ въ разныя стороны горныя цѣпи и хребты (пять), изъ которыхъ восточный направляется около 62° и составляетъ водораздѣлъ между рѣками Охотскаго моря и Ледовитаго океана. Этотъ хребетъ Майдель называетъ Колымскимъ. Весьма интересно было бы рѣшить вопросъ, составляетъ ли онъ непосредственное продолженіе Становаго: образовался ли онъ одновременно съ послѣдними и одинаковъ ли ихъ геогностическій характеръ? Но для рѣшенія этихъ важныхъ вопросовъ, въ настоящее время мы рѣшительно не имѣемъ никакихъ данныхъ кромѣ наружной особенности самого Колымскаго хребта. По мнѣнію Майделя, это не настоящій хребетъ, подобно Становому, съ его острымъ голымъ, гребнемъ и уступообразными склонами. Проѣзжая изъ Охотска въ Гижигу, дѣйствительно, прежде всего видишь волнистую мѣстность, изборожденную увалами, высокими тундрами и цѣпями горъ, окаймляющихъ большею частью рѣки, текущія съ сѣвера на югъ. Число этихъ рѣкъ значительно и по каждой изъ нихъ легко подняться до истоковъ Колымы, какъ это и дѣлаютъ кочующіе здѣсь тунгусы: лѣтомъ они спускаются къ устью рѣкъ для заготовки рыбнаго корма, а на зиму перекочевываютъ къ хребту ради пушного промысла. Истоки Охотскихъ рѣкъ не вседа начинаются горными ручейками, стремительно катящимися съ крутизны хребта въ узкой пади, а иногда берутъ свое начало въ озерахъ, расположенныхъ на высокой и ровной тундрѣ, гдѣ о хребтѣ и помину не можетъ быть. Такъ, нѣкоторыя рѣки двухъ противоположныхъ системъ вытекаютъ изъ одного и того же озера; такъ изъ озера Охоть-дарандула (т. е. по тунгузски—вершина рѣки) беретъ начало Иня, а въ Колымскую сторону направляется безъимянный притокъ Детрана; немного восточ-

[1]) Дневникъ Херсонскаго. Приложеніе къ «Приамур. Вѣд.» 1895, №№ 60 и 61.

нѣе по этому возвышенному тундряному полю находится озеро Молокысъ, изъ котораго вытекаетъ вышеупомянутая Детрана, а на югъ спускается отсюда же р. Яма. Еще дальше мы находимъ такого же характера озеро Учище, изъ которато вытекаютъ Бахабча въ Колыму, а р. Армань—въ Охотское море.

Слѣдуя далѣе по водораздѣльной линіи мы встрѣчаемся съ той же возвышенной тундрой, пологимъ и широкимъ уваломъ, на которомъ берутъ свое начало три большихъ правыхъ притока Колымы (Лаптиха, или Ханча; Лавданъ, или Буянда, и Коркодонъ, или Килчага) и въ сторону Охотскаго моря—рр. Кола, Яма и Тахто-ямъ, причемъ послѣдняя приближается къ оз. Тогоръ, откуда вытекаетъ Коркодонъ.

Но эта особенность истоковъ свойственна только нѣкоторымъ рѣкамъ—и о ней мы скажемъ ниже. Самый же Колымскій хребетъ выраженъ не рѣзко: остраго гребня во многихъ мѣстахъ, особенно въ западной его половинѣ, совсѣмъ нѣтъ; при перевалѣ въ такихъ случаяхъ не замѣчаешь, когда находишься на вершинѣ; подъемъ тутъ всегда пологій и небольшой 1—2 версты, а скатъ къ сѣверу оказывается еще болѣе продолжительнымъ. Колымскій хребетъ къ морю спускается широкими языками горныхъ тундръ, или возвышенно-холмистыхъ равнинъ, которыя по мѣрѣ развитія рѣкъ, приблизительно съ половины ихъ длины, получаютъ форму крутого остроконечнаго гребня, потомъ упирающагося въ море, или кончающагося ровной тундрой, или наконецъ сливающагося съ появляющимся у Шилкапа новымъ Морскимъ хребтомъ. Здѣсь нѣтъ уже того лабиринта горъ, какой мы видимъ въ Охотско-Удской полосѣ; мѣстность носитъ болѣе однообразный и менѣе угрюмый видъ, но зато безжизненность и монотонность тундры утомляютъ вашъ взглядъ.

Охотская долина представляетъ самый типичный примѣръ первой категоріи мѣстностей: вдоль самаго моря тянутся дюны параллельными рядами, дресва и песокъ которыхъ едва прикрыты жалкой растительностью; на глубинѣ сажени изъ бортовъ колодца сочится солоноватая водя; песокъ смѣшанъ съ иломъ, въ которомъ ниже слѣдуетъ вѣчная мерзлота и отложенія морскихъ водорослей. Потомъ до сел. Кэхъ-теряхъ (или Кюхъ-теряхъ) тянется полоса низины, мѣстами топкая и болотистая, съ зарослями лиственницы и тополи на болѣе высокихъ площадкахъ. Здѣсь уже появляются холмы, увалы и отдѣльные хребтики, удаляющіеся отъ праваго берега Охоты, а по Кухтую подступающіе къ самой рѣкѣ. За Мундуканомъ (70 в. отъ

Охотска) мѣстность становится болѣе гористой и болотистой въ особенности около Уяги: прежнихъ сухихъ распадковъ болѣе уже не видать, а ихъ замѣняютъ болотистые резервуары и озера.

Сарычевъ, поднявшійся по р. Охотѣ (1786 г.). на 400 в., удивлялся тому обстоятельству, что помимо крутого подъема онъ не встрѣтилъ настоящаго гребня, а шелъ подъ конецъ ровной мѣстностью до р. Куйдусунъ, праваго притока р. Оймекона (системы Индигирки), гдѣ, какъ равно и на р. Учугуй, нашелъ никогда не тающій ледъ въ видѣ тарыновъ.

Окрестности рр. Кавы, Колы и Ямы могутъ служить примѣромъ второго типа. За сравнительно небольшимъ распадкомъ тундряного характера, съ немногими видами злаковъ, полями морского гороха и ягодныхъ кустарниковъ, сейчасъ высятся крутые, скалистые берега, представляющіе сплошные хребты съ острыми гребнями и изрѣдка пологими шапками гольцовъ; кедровникъ, ольха и береза покрываютъ ихъ нижніе склоны, а вершина въ большинствѣ случаевъ остается угрюмой и голой: только разноцвѣтные лишайники пестрѣютъ на утесахъ, немного смягчая суровую картину пустыннаго края.

Эти хребты то подступаютъ къ самому ложу рѣки, образуя пороги и пучины, то удаляются на значительное разстояніе, давая мѣсто обширнымъ долинамъ и тундрамъ, то распадаются на отроги, пропуская надоѣдливо журчащіе притоки.

Херсонскій, обслѣдовавшій Ольско-Колымскій путь, по р. Олѣ на Буянду, говоритъ въ своемъ дневникѣ [1]), что съ вершины р. Мальманды начинаешь подниматься выше и выше вплоть до подножія, виднаго издалека, внушительнаго по своимъ размѣрамъ и непривѣтливаго по очертаніямъ каменнаго гиганта, какимъ является здѣсь водораздѣльный пограничный Колымскій (по его терминологіи Становой) хребетъ. Въ дѣйствительности оказывается, говоритъ далѣе Херсонскій, что ожидая встрѣтить крутой и длинный подъемъ, мы и не замѣтили, какъ добрались уже до его верхней точки, которая является сѣдловиной, или пониженнымъ широкимъ распадкомъ.

Баронъ Майдель, переваливавшій изъ Маркова въ Гижигу, пишетъ [2]), что вообще мѣстность, по которой онъ сдѣлалъ 203 версты, «является ровною, или вѣрнѣе низменностью, потому что анероидъ

---

[1]) L. c. стр. 14.
[2]) L. c. т. I, стр. 225.

во время всего пути показывалъ 30 дюймовъ, рѣдко падая до 29 съ дробью, да и то только при южномъ вѣтрѣ. Хребты, встрѣчавшіеся на пути, подымались на равнинѣ такъ рѣзко и имѣли такую узкую подошву, что я могу опредѣлить ихъ высоту не болѣе какъ 1,000 ф. надъ поверхностью равнины». Колымскій хребетъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ [1]), простирающійся отъ Охоты приблизительно до истоковъ Яблона, или Карулевэма [2]) и Большого Анюя [3]), есть, собственно говоря, не хребетъ, а скорѣе продолженіе самаго плоскогорья и отличается отъ послѣдняго главнымъ образомъ тѣмъ, что значительно ниже его.

Это справедливо только отчасти, если вѣрить мѣстнымъ тунгусамъ, по положительному заявленію которыхъ и отчасти по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, Колымскій хребетъ послѣ Тахтояма орографически болѣе рѣзко обособляется.

Такимъ образомъ характеръ рельефа Колымскаго хребта представляетъ существенную разницу съ Становымъ: склонъ его къ Ледовитому океану представляетъ какъ бы постепенно понижающееся продолженіе Оймеконскаго плоскогорія, границы котораго еще совершенно неизвѣстны, прибрежная полоса становится уже; на морской сторонѣ, вдоль берега, уже нѣтъ больше хребтовъ, — съ рѣки Вилиги (уже въ Гижигинскомъ округѣ), гдѣ ѣдешь по волнистой тундряной возвышенности, все время вблизи Колымскаго хребта, отстоящаго здѣсь отъ морского берега гораздо ближе, чѣмъ это принято изображать на картахъ, въ 40 — 60 в. У р. Пропащей онъ такъ близко подходитъ къ морю, что на ровной низкой тундрѣ, въ случаѣ сѣверныхъ вѣтровъ, стараются подняться къ сѣверу, подъ прикрытіе горъ, а въ противномъ случаѣ рискуютъ погибнуть въ борьбѣ съ бушующей стихіей или быть сброшенными въ море, отчего и самая рѣка получила свое названіе.

Протекающія здѣсь рѣки ограничиваютъ третій районъ мѣстности, который можно характеризовать слѣдующимъ образомъ: берегъ представляетъ ровную полосу отъ 3 до 5 саж. надъ поверхностью моря, состоящую изъ мелкихъ обломковъ горныхъ породъ заложенныхъ въ крупномъ пескѣ; выше слѣдуютъ пласты зеленоватой глины отъ 2 четв. до 1 арш., съ прослойками песку; верхній

---

[1]) L. c. т. 2, стр. 100.
[2]) Притокъ Анадыри.
[3]) Притокъ Колымы.

слой состоитъ изъ толстаго торфяного и мохового покрова. Такая тундра, безъ всякой древесной растительности, тянется на 20—50 верстъ въ глубь материка, гдѣ сначала по уваламъ, а потомъ въ крутыхъ стѣнкахъ отроговъ торчатъ растрескавшіяся плиты глинистыхъ сланцевъ и діоритовыя глыбы. Берега нѣкоторыхъ здѣшнихъ рѣкъ кажутся вертикальными стѣнами, свидѣтельствуя о вѣковой работѣ потока, получившаго наконецъ названіе «Сухой» рѣчки, оживляющейся только послѣ таянія снѣга на сосѣднихъ увалахъ.

Съ другой стороны, по мѣрѣ съуженія прибрежнаго пространства, рельефъ Колымскаго хребта яснѣе обрисовывается; перевалъ чрезъ него становится затруднительнымъ, гребень—острымъ. Перейдя противъ Пропащей рѣки 62°, Колымскій хребетъ круто отклоняется къ сѣверу; противъ устья р. Гижиги онъ переходитъ 63° м. и на 165° отъ Гринвича достигаетъ 66° с. ш., идя дальше въ Чукотіи опять по параллели (67°), гдѣ оканчивается громаднымъ горнымъ узломъ.

Что касается абсолютной высоты Колымскаго хребта, то объ этомъ ничего нельзя сказать, за отсутствіемъ прямыхъ опредѣленій; судя же по разсказамъ тунгусовъ, она не вездѣ одинакова. Изъ ихъ сравненій можно заключить, что она рѣдко достигаетъ 3,000 футъ, но встрѣчающіяся въ Колымскомъ хребтѣ пониженія, или сѣдловины (по тунгузски—ояри) видимо не достигаютъ и 2.000 ф.

Выше мы упоминали, что по западному побережью Охотскаго моря тянется береговой, Морской хребетъ; совершенно то же самое мы наблюдаемъ и здѣсь.

Отъ Охотска до бухты Шилки мѣстность—волнистая, съ болѣе или менѣе значительными увалами и отдѣльными поднятіями, но въ общемъ характеръ тундры преобладаетъ, дѣлая прибрежную полосу невозможной для путешествія. Бухта Шилки ограждена съ восточной стороны высокимъ мысомъ, переходящимъ потомъ въ сильно развитой кряжъ, слѣдующій берегамъ р. Отворотной (см. фототип. Таб. III). Въ вершинѣ ея лѣваго притока онъ образуетъ обширное замкнутое пространство, какъ бы остатокъ горнаго озера, промывшаго себѣ выходъ въ глинистыхъ сланцахъ. Сѣверная часть этого бывшаго бассейна сформирована подходящимъ сюда отрогомъ Колымскаго хребта, служащимъ гранью между рр. Иня и Кава. Высшую точку западнаго конца Шилкапъ-Ямскаго хребта составляютъ рѣзко выдѣляющіяся надъ нимъ двѣ сопки, обѣ двухглавыя, изъ которыхъ одна называется Шилки, а вторая Ушки.

Сначала Морской хребетъ имѣетъ узкое основаніе и крутые

(до 25°) склоны; р. Шилкапъ видимо его промыла, ища себѣ выхода, судя по крутымъ отвѣстнымъ берегамъ на ея устьѣ. Послѣ этого хребетъ обособляется и совершенно формируется, переходя на правый берегъ рр. Курки и Кава; къ послѣдней онъ спускается широкой и покатой пологостью, давая нѣсколько отроговъ, а къ морю кончаясь обрывистымъ и крутымъ берегомъ съ нѣсколькими хорошими, по словамъ тунгусовъ, но еще не описанными бухтами. Противъ р. Черемуховой (или Ингагли, лѣваго притока Кавы) этотъ широкій хребетъ раздвояется, посылая одну вѣтвь вдоль берега послѣдней рѣки до ея устья, а другую съ болѣе острымъ гребнемъ и отдѣльными столовыми горами, видными съ долины р. Кавы черезъ первый хребетъ,— вдоль морского берега, которая кончается мысомъ Шестакова; между этимъ послѣднимъ и м. Матмиля глубоко вдается трехугольникомъ въ материкъ Мотыклейскій заливъ.

Между Тауйскомъ и Олой нѣтъ Морского хребта, но есть недалеко отъ берега отдѣльныя полуразрушенныя сопки: Ояри, Дуватъ и перевалъ Полковника. Круто обрываясь у устья рр. Кава и Мотыклей, описываемый нами Морской хребетъ видимо продолжается чрезъ острова Тауйской бухты: Коровій, Русскій (или Ольскій) и нѣсколько т. н. Талыковъ [1]); за р. Колой сейчасъ у берега моря поднимается снова крутой хребетъ, преграждающій здѣсь зимнюю дорогу, съ сѣверной стороны котораго протекаетъ р. Ланковая, лѣвый притокъ Колы. Вершина Ланковой приближается къ правымъ притокамъ р. Ямы (напр. р. Студеная) и служитъ какъ бы сѣверной границей распространенія отроговъ этого морского хребта. На сѣверномъ склонѣ его берутъ начало рр. Ланковая, Студеная, Коновалова, Каланчига (три притока Ямы) и пр.; съ южной стороны идутъ въ море р. Сигланъ съ притокомъ Хива, рр. Бабушка, Налкачанъ, Шкиперова, Намгынъ и множество другихъ. Хребетъ между Олой и Ямскомъ, по разсказамъ и подробному чертежу, составленному для насъ тунгусомъ Пр. Г. Хабаровымъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Сейчасъ послѣ крутого берега Колы начинается хребетъ Хубкыгилканъ, который тянется на востокъ съ крутымъ, но неострымъ гребнемъ; у вершины р. Ланковой даетъ отрогъ Нитъ, соединяющій его со вторымъ параллельнымъ хребтомъ Халынчанъ, который можно прослѣдить до устья Сиглана подъ именемъ хр. Ыгую и даже далѣе на Сигланскій полуостровъ къ западу (Хрoычанъ); къ востоку

[1]) Небольшіе, каменистые острова.

подъ названіемъ хребетъ Коновалова и г. Сердце-Камень онъ даетъ отроги до праваго берега р. Ямы, а на югъ отсылаетъ нѣсколько небольшихъ, но рѣзко выраженныхъ вѣтвей, между которыми Бабушкины горы господствуютъ. Въ углу между этими послѣдними и г. Сердце-Камень начинается на возвышенной тундрѣ р. Переволачная, на югъ отъ которой быстро выростаютъ скалы хр. Поктрумачанъ, служащія водораздѣломъ между сѣверными и южными рѣчками Ямскаго полуострова; на немъ находится много отдѣльныхъ сопокъ-вершинъ, между которыми гора Пьягинъ занимаетъ господствующее положеніе.

Въ морѣ тянется рядъ скалистыхъ острововъ и, принимая во вниманіе незначительную глубину начала Пенжинской губы (не свыше 130 саженъ), невольно хочется продолжить вышеназванный хребетъ къ скалистому м. Омгонъ или Кинкильскому берегу на Камчаткѣ съ тѣми же колчеданами, горнымъ хрусталемъ и аметистомъ; но для подтвержденія этого требуются подробныя геологическія изслѣдованія.

Что описываемый Морской хребетъ—самостоятельный, а не конечныя развѣтвленія отроговъ Колымскаго хребта, видно 1) изъ того, что высота его гораздо больше этихъ отроговъ; 2) въ нижнемъ теченіи всѣхъ здѣшнихъ рѣкъ отроги эти представляются «эдомкой», т. е. ровной возвышенностью, поросшей то жалкой лиственницей, то ольховникомъ съ березой; 3) здѣсь, въ Морскомъ хребтѣ есть независимыя высоты, какъ Шилкапъ, Ушки, Халынчанъ (при соединеніи хр. Нитъ); 4) Морской хребетъ служитъ водораздѣломъ между нижними притоками большихъ Охотскихъ рѣкъ, текущихъ съ Колымскаго хребта, и самостоятельными рѣчками, впадающими прямо съ него въ море; и 5), наконецъ геогностическій и геологическій характеръ также говорятъ за его самостоятельное поднятіе.

Существованіе этого Морского хребта по Охотскому побережью имѣетъ какое-то загадочное отношеніе къ пограничнымъ хребтамъ—Становому и Колымскому. Противъ мѣстъ, гдѣ отсутствуетъ Морской хребетъ, Пограничный хребетъ (Становой и Колымскій) достигаетъ наибольшей высоты и болѣе рѣзко выраженнаго гребня; тамъ, гдѣ появляется Морской, Пограничный становится ниже, вершина его положе, а иногда совсѣмъ отсутствуетъ; чѣмъ яснѣе выраженъ Морской хребетъ, тѣмъ больше теряетъ въ своемъ рельефѣ Пограничный. У района р. Керанъ, гдѣ Морской хребетъ только что началъ обособляться, и Становой немного сгладилъ и понизилъ свои

острыя глыбы гребня; отроги его короче и имѣютъ видъ плоскихъ высотъ; между Шилкапомъ и Ямскомъ Морской хребетъ достигаетъ своего полнаго развитія, зато въ этомъ мѣстѣ Колымскій представляется плоской возвышенностью, въ тундряныхъ болотахъ которой берутъ свое начало рѣки Колымы и Охотскаго моря. На сѣверо-востокъ отъ Ямска, съ исчезновеніемъ Морского хребта, Колымскій опять является суровымъ остроребернымъ водораздѣломъ.

При продолжительныхъ разъѣздахъ по этому сѣверному побережью съ уклоненіемъ въ обѣ стороны отъ обычнаго тракта, мы невольно обратили вниманіе на это обстоятельство; подробные разспросы бродячихъ тунгусовъ, которымъ хорошо знакомы каждый маленькій холмикъ и каждая неважная рѣченка, вполнѣ подтверждаютъ это мнѣніе, детальное рѣшеніе котораго предоставляемъ будущимъ изслѣдователямъ.

О существованіи горныхъ цѣпей, параллельныхъ Становому (по Миддендорфу—Алданскому) хребту предполагалъ еще Миддендорфъ [1]); что отъ Алданскаго хребта къ морю надобно допустить существованіе по крайней мѣрѣ одной, если не двухъ параллельныхъ цѣпей, подтверждается и взглядомъ на теченіе значительнѣйшихъ горныхъ рѣкъ западнаго берега Охотскаго моря, напр. Немуй, Лантаръ и Алдома: ихъ верхнія теченія идутъ почти параллельно морскому берегу и только подъ конецъ крутымъ колѣномъ поворачиваютъ лишь въ небольшомъ разстояніи отъ своего устья.

Но говоря о параллелизмѣ, Миддендорфъ разумѣлъ боковыя гряды или складки, на которыя распадается главный хребетъ и которыя поэтому одновременны и однородны по происхожденію съ послѣдними. Мы же указываемъ на существованіе здѣсь хребтовъ, хотя и параллельныхъ Становому и Колымскому, но повидимому различныхъ по геологическому и геогностическому характеру.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда въ ближайшей береговой полосѣ происходили самостоятельныя геологическія измѣненія, характеръ мѣстности и рельефъ хребтовъ становится значительно сложнѣе. Примѣромъ чего могутъ служить три смежныхъ рѣки: Кананага, Калалага и Вилига. Первая беретъ начало на Колымскомъ хребтѣ, вторая съ праваго хребта р. Вилиги, а послѣдняя, стѣсненная въ узкомъ ложѣ двухъ смежныхъ хребтовъ, начинается видимо въ низ-

[1]) L. C. стр. 217.

кой пади Колымскаго хребта, и потому служитъ каналомъ для стока холоднаго воздуха Ледовитаго побережья на Охотское море, замерзающее только у береговъ.

Послѣ р. Кананаги черезъ разрушенный высокій увалъ вы спускаетесь на р. Калалагу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она представляетъ озерообразное расширеніе, и поднимаясь по узкому коридору ея террасообразныхъ береговъ, изъ сланцевъ и песчанниковъ, вы попадаете въ гдѣздо энергичной вулканической дѣятельности: въ вершинѣ ея вы находите остатки старыхъ кратеровъ, въ которыхъ унылыми часовыми стоятъ заостренныя бокки, какъ въ кратерѣ Везувія 1841 года.

Что тутъ происходила сравнительно недавняя вулканическая дѣятельность, можно думать по тому, что въ окрестностяхъ находятъ сѣру, пемзу и нѣсколько горячихъ ключей на вершинѣ рр. Баянды, Широкой и Таватома.

Послѣ Вилиги, гдѣ ея боковые хребты и отдѣльныя сопки приближаются къ морю на 15—25 верстъ, идетъ уже сплошная возвышенная тундра почти до р. Гижиги, на правой сторонѣ которой стоятъ полуразрушенные отдѣльные вершины Бабушкцныхъ горъ и Русскаго хребта.

Тайгоносскій полуостровъ, не существовавшій на картахъ Крашенинникова и Стеллера и описанный только мичманомъ Хметевскимъ (1761 г.), тянется узкой полосой между Гижигинской и Пенжинской губами; вся восточная его треть выполнена сплошными скалами—Тайгоносскими, а къ западу раскидывается широкая и покатая тундра отъ р. Тополевки до р. Авековой. Тайгоноскія горы не имѣютъ прямого сообщенія ни съ Гижигинскими отрогами Колымскаго хребта, ни съ Шестаковскимъ хребтомъ, составляющимъ ближайшій, южный отрогъ Колымскаго, упирающагося въ р. Пенжину, южнѣе ея притока Оклана.

Такъ какъ направленіе рѣкъ и характеръ ихъ ложа опредѣляется не однимъ только рельефомъ поверхности, но и геогностическимъ ея строеніемъ, то мы считаемъ болѣе удобнымъ гидрографіи предпослать нѣсколько замѣтокъ по геогнозіи края. Правда, геологія и геогнозія не входили въ нашу программу, но въ виду болѣе яснаго пониманія гидрографіи и орографіи страны, мы коснемся этого вопроса настолько, насколько онъ былъ разработанъ раньше для Охотско-Удского протяженія; что же касается промежутка между Охотскомъ и Тайгоносскимъ хребтомъ, то дѣсь совсѣмъ не было геологическихъ и геогностическихъ изслѣдованій. Къ сожалѣнію, этотъ пробѣлъ мы не

можемъ пополнить, такъ какъ собранныя нами на пути коллекціи горныхъ породъ не опредѣлены еще.

Въ литературѣ относительно первой полосы, т. е. между Удскимъ и Охотскомъ, мы имѣемъ всего нѣсколько указаній въ маршрутахъ прежнихъ путешественниковъ: Эрмана, Меглицкаго, Миддендорфа и отчасти Дитмара. Указанія эти касаются только нѣкоторыхъ пунктовъ тракта, по которому они проѣзжали. Поэтому крайне трудно дать подробный отвѣтъ на вопросъ: изъ какихъ горныхъ породъ построены Становой и Колымскій хребты съ ихъ безчисленными отрогами? Еще болѣе трудно это сдѣлать относительно береговой полосы, не смотря на то, что она вся болѣе подробно осмотрѣна ради морскихъ описей. Но штурмана, гидрографы и прежніе геодезисты были мало знакомы съ петрографіей и геогнозіей, и потому мы напрасно стали бы искать въ ихъ описяхъ какихъ либо точныхъ указаній по этому предмету.

Изъ геологическихъ и петрографическихъ изслѣдованій другихъ районовъ Сибири можно заключить, что поднятіе изъ нѣдръ океана сѣверной части Азіатскаго материка совершилось въ мѣловой періодъ, т. е. въ то время, когда восточная часть Сѣверной Америки погрузилась въ глубину моря. По этому взгляду, значительное развитіе въ Сибири юрскихъ пластовъ съ богатымъ нахожденіемъ молюсковъ этого періода говоритъ за то, что передъ этимъ Сибирскій материкъ впродолженіи нѣсколькихъ періодовъ служилъ морскимъ дномъ. Послѣдовавшіе за тѣмъ осадочные пласты были приподняты и прорваны древнѣйшими, плутоническими породами, поднявшими тѣ параллельные кряжи Станового хребта, о которыхъ мы говорили раньше. Эти древнѣйшія поднятія потомъ были частію снова прорваны, частію прикрыты породами новѣйшихъ образованій. Описывая рельефъ Амурской области въ прежніе геологическіе періоды, Грумъ-Гржимайло говоритъ, что восточнѣе теперяшняго хребта Сихота-Алина былъ океанъ, затоплявшій большую часть береговъ Охотскаго и Японскаго морей. Продольною грядою полуостровов и островов выступали среди водныхъ бассейновъ возвышенныя точки Джугджура, Тукурингра, Кехъ-Кая, Джагду и Буреинскихъ горъ [1]).

Такимъ образомъ образованный въ теченіи нѣсколькихъ геологическихъ періодовъ составъ Становего хребта является довольно сложнымъ. Изслѣдованія Миддендорфа и Меглицкаго въ южной, Дитма-

[1]) Грумъ-Гржимайло. Описаніе Амурской области. СПБ. 1894 г., стр. 224.

ра—въ средней и Эрмана въ сѣверной части этого кряжа показываютъ, что подъемъ его обусловленъ гранитомъ, который впрочемъ мѣстами сильно измѣнился. Тамъ, гдѣ проѣзжалъ Эрманъ (Охотско-Якутскій трактъ) повидимому преобладаютъ полево-шпатовый порфиръ и діоритъ, хотя попадается и гранитъ; по Эрману, гранитные валуны встрѣчаются только на восточномъ склонѣ [1]). Высоты Аянскаго перевала состоятъ изъ гранита и гнейса, а по Стефановичу породы разныхъ переваловъ не одинаковы: то изъ гранита съ примѣсью полевого шпата (стр. 107), то изъ кристаллическаго сланца грязно зеленаго цвѣта съ бурыми прожилками [2]); а на западномъ склонѣ господствуютъ породы діорита и порфира. По пути Миддендорфа, т. е. въ южной части Станового хребта уже нѣтъ такихъ массъ и на такомъ большомъ пространствѣ сѣро-ваковыхъ породъ съ ихъ глинистыми сланцами и кварцевыми конгломератами, какъ на сѣверѣ. Здѣсь прямо на плутоническихъ приподнятыхъ породахъ залегаютъ неизмѣримыя известняковыя толщи, хотя мѣстами и здѣсь обнаружены выступы гранита, порфира, сіенита и діорита, но не сплошными массами, а въ видѣ груды камней и обломковъ [3]).

Миддендорфъ думаетъ, что подъемъ Станового хребта обусловленъ не гранитомъ, но что эта горная порода составляетъ главную его массу; поэтому даже удивляется, что на Охотскомъ перевалѣ Эрманъ нашелъ преобладаніе полево-шпатоваго порфира и только обломки гранита. Нужно приписать случаю, говоритъ онъ придерживаясь своей теоріи [4]), что на пути, которымъ слѣдовалъ путешественникъ, не было цѣльныхъ массъ породы, оставшейся въ обломкахъ. Для доказательства однороднаго строенія Станового хребта онъ приводитъ слѣдующую, составленную имъ таблицу породъ на двухъ концахъ этого хребта [5]).

По Якутско-Удскому тракту.	По Якутско-Охотскому тракту.
У Удского.	На востокъ отъ Охотска на устьѣ Мареканки.
1) Базальтъ съ оливиномъ, лавовидный базальтъ.	Базальтовая порода, перлитъ, мареканитъ, смолистый камень.

---

[1]) Ermann, l. c., ч. II, стр. 380, 398.
[2]) L. c. стр. 110.
[3]) Миддендорфъ, l. c. ч. I, стр. 216.
[4]) L. c. стр. 306.
[5]) Ibid. стр. 305.

По Якутско-Удскому тракту.	По Якутско-Охотскому тракту.
Хребетъ Тыллахъ.	10 верстъ къ востоку отъ Охотска.
2) Гранитъ, прорѣзанный базальтовой породой.	Гранитъ.
Подошва юго-западнаго склона Конуноя.	Аркинское (сел.)
3) Трахитовая порода, полево-шпатовый порфиръ съ содержаніемъ кварца, долеритъ.	Трахитъ, измѣненіе полево-шпатоваго порфира, сходное съ зеленымъ камнемъ.
Главный гребень.	Главный гребень (Кетанда).
4) Гранитъ (красноватый, немного кварца съ роговой обманкой), порфировидный съ лабрадоромъ, прорѣзанный діоритовымъ порфиромъ.	Порфиръ, полево-шпатовый порфиръ.

Начиная отъ этого (по Миддендорфу) гранитнаго гребня по направленію къ морю въ отрогахъ встрѣчается трахитъ, полево-шпатовый порфиръ, наконецъ ближе къ морю по всему протяженію выступили базальтовыя породы, выполнившія всѣ разсѣлины. Такимъ образомъ Миддендорфъ допускаетъ, что между гребнемъ Станового хребта и морскимъ берегомъ слѣдуютъ три параллельныхъ другъ другу дислокаціи земной коры и что первоначальную, господствующую массивную породу Станового (по нашему Яблонаго) воздораздѣла составляетъ безъ сомнѣнія гранитъ, которому и слѣдуетъ приписать плоско-возвышенное образованіе хребта [1]). Выше мы показали, что его Алданскій (и нашъ Становой) хребетъ именно отличается своимъ острымъ гребнемъ,—свойство указывающее на господство здѣсь другихъ болѣе твердыхъ породъ (порфировъ и другихъ) и есть поднятіе болѣе новое, чѣмъ тѣ разсѣянные остатки массъ гранита и гнейса, которые составляли существовавшій здѣсь болѣе древній хребетъ, изъ такъ называемыхъ глубинныхъ или интрузивныхъ породъ (гранита, сіенита и гнейса).

[1]) Миддендорфъ, l. c. ч. I, стр. 216.

Дѣло спеціалистовъ, конечно, рѣшить этотъ вопросъ объ однообразности строенія Становогo хребта, но не можемъ не замѣтить, что Миддендорфъ впалъ здѣсь въ ошибку, допуская, что Становой хребетъ представляетъ одно геогностическое цѣлое и что его отроги изъ тѣхъ же породъ заполняютъ все прибрежное къ востоку пространство. Въ дѣйствительности же оказывается, что это не такъ.

Выше мы говорили, что вдоль берега тянется болѣе молодой Морской хребетъ, сложенный изъ песчанниковъ, сланцевъ, известняковъ, т. е. изъ осадочныхъ образованій, чрезъ которыя по мѣстамъ выступаютъ мощные слои діабазовыхъ и діоритовыхъ породъ. Песчанники обыкновенно занимаютъ самые низшіе пункты и богаты по мѣстамъ окаменѣлостями молюсковъ и рыбъ. Глинистые сланцы тянутся на всемъ протяженіи отъ устья Уды до Алдомской бухты; имѣютъ разнообразную окраску отъ сѣраго, темнаго, зеленаго до чернаго цвѣта. Кой-гдѣ песчанники эти прорѣзаны кварцовыми прожилками и глинистымъ мраморовиднымъ известнякомъ, представляющихъ тѣстообразную массу бѣлаго цвѣта, которая употребляется тунгусами въ пищу и идетъ на бѣленіе домовъ.

Всѣ эти основныя породы прикрыты наносными пластами новѣйшаго времени, глинисто-песчанаго характера, обусловливающими тотъ или другой характеръ почвы.

Діабазо-діоритовыя породы составляютъ отличительную породу этого Морского хребта, хотя онѣ мѣстами прикрыты осадочными образованіями или отрогами сосѣднихъ хребтовъ, геогностическій характеръ которыхъ совершенно другой.

Въ Алдомскомъ хребтѣ, направленіе котораго параллельно Джугджуру, типичными породами являются гнейсы и граниты, съ жилами розоваго (пегматитоваго) и роговообманковаго гранита. Это есть, какъ нужно думать, болѣе древній хребетъ, представляющійся то въ видѣ плоскихъ высотъ, то въ формѣ расчлененныхъ массивныхъ горъ; съ одной стороны его маскируютъ породы Морского хребта, а съ другой—надвинулись отроги Становогo хребта. Для этого послѣдняго наиболѣе характерными нужно признать порфиръ, діоритъ и отчасти гранитъ.

Что касается состава породъ, образующихъ Колымскій хребетъ то мы никакихъ указаній дать не можетъ, за исключеніемъ двухъ пунктовъ, осмотрѣнныхъ на западѣ у Охотска Эрманомъ, а на востокѣ—по Тайгоносскому полуострову Дитмаромъ.

Къ востоку отъ Якутска Эрманомъ [1]) изслѣдованъ только конецъ отрога, идущаго вдоль лѣваго берега р. Кухтуй и оканчивающагося у моря небольшими Мареканскими холмами. По его наблюденіямъ оказалось, что породы, изъ которыхъ состоитъ этотъ береговой склонъ, принадлежатъ къ трахитамъ, граниту, полевому шпату краснаго, какъ мясо, цвѣта, охотскому порфиру и кварцу въ небольшомъ количествѣ. Послѣдняя порода послужила къ образованію бѣлой «смѣтаны», густого тягучаго тѣста, которое тунгусы употребляютъ иногда въ пищу. Кромѣ того мы находимъ здѣсь магнитный желѣзнякъ, титаниты съ сильнымъ стеклянпымъ блескомъ и интересную по своей рѣдкости стекловидную расплавленную массу, въ формѣ шаровъ или эллипсоидовъ, заключенныхъ одинъ въ другой. Эта порода, названная мареканитомъ, напоминаетъ вулканическое стекло, съ теченіемъ времени сильно вывѣтрилась, такъ что цѣлыя глыбы ея выступовъ очень легко разрушаются и распадаются. Она окрашена въ сургучный, красный и оранжевый цвѣта, но встрѣчается и совершенно бѣло-стекловидная. Происхожденіе ея Эрманъ приписываетъ не вліянію вулкановъ, а дѣйствію теплоты подъ вліяніемъ химическихъ процессовъ на мѣстахъ соприкосновенія различныхъ породъ (такъ назыв. контактовый метаморфизмъ). Подвигаясь въ этомъ мѣстѣ съ востока на западъ, Эрманъ замѣчалъ постепенное отвердѣніе породъ, которыя сначала имѣли видъ смолистаго камня, потомъ приняли видъ трахита, уже встрѣчающагося въ смолистомъ камнѣ, а далѣе лежащаго широкими толщами въ скалѣ; еще далѣе породы эти принимаютъ видъ расплавленнаго, но скоро остывшаго стекла.

Мареканитъ занимаетъ весьма ограниченное распространеніе, и уже на незначительномъ разстояніи отъ горы Большой Мареканъ эти мареканитовыя скалы не встрѣчаются.

Вообще районъ между р. Улья и м. Мареканомъ носитъ слѣды разнообразныхъ геологическихъ образованій: нахожденіе мамонтовыхъ бивней по рр. Гусинкѣ, Кухтую и Ульбеѣ, залежей каменнаго угля и золота [2]) по р. Гусинкѣ (лѣвый притокъ Кухтуя) и на Ульѣ, наконецъ встрѣча древнихъ гранитовъ съ болѣе новыми трахитами и толщами базальта,— все это говоритъ за весьма сложный комплексъ различныхъ по времени геологическихъ явленій.

---

[1]) L. c. vol. III, стр. 85—90.

[2]) Прежде Шубкинымъ, а въ 1896 г. г. Богдановичемъ на р. Гусинкѣ; на р. Улья.—Ленже, см. «Вѣстн. Императ. Р. Г. Общ.» 1853, ч. 7, стр. 1—14.

Относительно геогностическаго характера прибрежной полосы до самой Гижиги въ общемъ можемъ сказать, что здѣсь песчанники, сланцы и трахиты занимаютъ значительное пространство; отроги Колымскаго хребта состоятъ изъ діоритовъ и порфировъ, съ прослойками кварцевъ. Наиболѣе характернымъ является постоянная встрѣча разноцвѣтныхъ глинъ—синихъ, голубыхъ, красно-кирпичныхъ,—какъ продуктъ разрушенія полевошпатовыхъ породъ, горнаго хрусталя (бѣлаго и темнаго, даже чернаго) и разныхъ колчедановъ.

Угольныя формаціи выступаютъ по многимъ рѣкамъ, а залежи графита, прекраснаго по своимъ качествамъ, составляютъ цѣлые увалы около Иретскаго мыса.

Весьма интереснымъ въ геогностическомъ отношеніи представляется Ольско-Ямскій полуостровъ; здѣсь кромѣ лигнита и обуглившагося дерева, встрѣчаются пласты известняка, подвергающагося химическому измѣненію, слѣдствіемъ котораго являются выходящіе изъ нихъ пары, по нашимъ наблюденіямъ, имѣющіе температуру около 80° С.; въ одномъ гротѣ отъ бухты Оджанъ къ Олѣ — течетъ жирная глина, негорькая на вкусъ; на устьѣ р. Средней также наблюдается жидкое выдѣлимое, которое, если положить его на рану, то превращается въ сухой струпъ, а въ водѣ образуются маслянистые круги.

На восточномъ концѣ Ямскаго полуострова находимая здѣсь масса разнообразнаго колчедана дала поводъ къ открытію здѣсь золотыхъ развѣдокъ Балашева, Абазы и К°, вскорѣ впрочемъ прекратившихся. На р. Вархаламовкѣ, протекающей въ своей нижней половинѣ по тундрѣ, среди невысокихъ береговъ изъ глинистаго сланца, у самаго устья рѣки мы нашли очень недурного качества граниты.

На Гижигинской тундрѣ среди глинистыхъ сланцевъ, составляющихъ ея почву, встрѣчаются діориты, кремневыя породы и гранито-гнейсы средней части Тайгоносскаго хребта, тогда какъ южная половина ихъ видимо болѣе поздняго происхожденія.

Коренныя породы средней части Тайгоносскаго хребта состоятъ изъ мелко-зернистаго и свѣтло-окрашеннаго гранита и изъ гнейса, тогда какъ южная и сѣверная оконечности его носятъ болѣе новый характеръ образованія. На сѣверѣ, гдѣ пологими «эдомками» или широкими увалами тундры онъ тянется къ отрогамъ Колымскаго хребта, господствуютъ діориты, а по западному берегу идутъ пласты глинистыхъ сланцевъ съ угольными отложеніями. Безчисленные валуны, состоящіе изъ гранитовъ и встрѣчающіеся въ руслахъ рѣкъ Авеко-

вой и Гижиги, по Дитмару [1]), являются обломками Колымскаго хребта, хотя послѣдній въ геогностическомъ отношеніи еще не изслѣдованъ. Скорѣй можно допустить, что въ р. Авекову гранитные валуны попали съ Тайгоноса, отроги котораго стѣсняютъ эту замѣчательно извилистую рѣку, а въ низину Гижигинской рѣки они могли попасть съ Бабушкиныхъ горъ и Русскаго хребта; послѣдній, по своему изолированному положенію и разорваннымъ формамъ, служитъ унылымъ свидѣтелемъ бывшихъ разрушеній на первобытной почвѣ этого уголка. Небольшой отрогъ этихъ горъ доходитъ до Вархаламовскаго мыса, при устьѣ рѣки того же имени, уже въ видѣ тундряного увала.

На восточной сторонѣ Тайгоносскаго полуострова горы и отроги выполняютъ почти все пространство до самой Пенжинской губы, образуя 1—2 уступа, скалы которыхъ только пронизаны гранитными (четырьмя) толщами; здѣсь гранитъ не образуетъ высокихъ горъ, а показывается больше въ видѣ распадковъ на вершинахъ.

Сланцевыя породы на Тайгоносскомъ полуостровѣ играютъ второстепенную роль, главнымъ образомъ по западному берегу, и часто прорѣзаны кварцевыми ходами и жилами известковаго шпата. Здѣсь они подверглись значительнымъ метаморфозамъ; здѣсь же встрѣчаются колчеданистый, хлоритовый и тальковый сланецъ и роговики. На устьѣ р. Тополевки сланцевыя породы представляютъ очень пеструю смѣсь, въ которой рѣзко выступаютъ толстые ходы (до 6 фут.) трахитоваго порфира, богатаго слюдою, а также гнѣзда графита съ кварцевыми жилами.

Къ сѣверу и сѣверозападу отъ Тайгоносскаго хребта раскидывается обширная тундра, которая ограничена на югѣ р. Тополевкой, на западѣ Бабушкиными горами, а на сѣверо-востокѣ р. Куэлъ. Эта равнина носитъ характеръ диллювіальныхъ отложеній, съ остатками мамонтовыхъ клыковъ (какъ мы нашли на р. Черной, притокѣ Гижиги) и съ большими отложеніями вѣчнаго льду. Произведенныя нами въ началѣ августа пробы на устьѣ рѣки и выше самой Гижиги показали, что слой съ вѣчной мерзлотой начинается въ 5—7 ф. отъ поверхности; въ разрѣзахъ Гижигинскихъ береговъ наблюдаются слѣдующія напластованія: 1) сначала отъ 2 до 6 ф. лежитъ моховой торфъ, на которомъ лѣтомъ 1896 г. произошелъ страшный пожаръ, охватившій открытую тундру на десятки верстъ во всѣ стороны отъ

[1]) Mélanges Physiques et chimiques de l' Académie Imper. des sciences de St. Petersbourg., 1856, t. II, livr. 5, p. 509—510, mit. Geognostische General Karte Kamtschatka's.

Гижиги; 2) подъ нимъ слѣдуютъ или пласты глинистаго сланца, образующіе крутые борта рѣки, или же лежитъ слой льду отъ 1 до 2 ф.; ледъ этотъ встрѣчается то въ чистомъ видѣ, то загрязненъ пескомъ, съ примѣсью обломковъ дерева и травы; 3) ниже идетъ толстый пластъ (7—8′) песку и темносѣрой или зеленоватой глины; и 4) наконецъ залегаетъ песчаный слой съ большими или меньшими валунами гранита и сходныхъ ему породъ. Всѣ эти пласты, начиная со второго, представляютъ вѣчную мерзлоту прежнихъ геологическихъ эпохъ и могли бы послужить къ интереснымъ открытіямъ. Диллювіальныя отложенія восточнѣе р. Таватомы и между Тахтоямскомъ и и р. Тополевкой носятъ подобный характеръ, но только здѣсь въ песчаномъ наносѣ глина образуетъ нѣсколько параллельныхъ прослойковъ, между которыми, когда нѣтъ вѣчной мерзлоты, судя по струямъ, вода просачивается изъ нихъ даже при 15° мороза, какъ намъ приходилось наблюдать напр. по берегамъ такъ называемыхъ «12 сестеръ»—рѣчекъ. Такимъ образомъ оказывается, что на Охотскомъ побережьѣ мы встрѣчаемъ продолженіе геологическихъ измѣненій азіатскаго материка, на которомъ развиты всѣ породы отъ архейскихъ до юрскихъ включительно; породы мѣловой эпохи видимо отсутствуютъ, но третичныя образованія получили широкое распространеніе. Каменноугольные осадки встрѣчаются какъ въ долинѣ р. Уда до «Столбовъ» (на 12 в. выше прежняго острога), такъ на устьѣ рр. Гижиги и Пенжины. Долины первыхъ двухъ рѣкъ нужно разсматривать какъ долину поднятія, т. е. тектоническую: землистый лигнитъ, переполненный обугленными стволами деревьевъ, вмѣстѣ съ бѣлыми и желтыми песками, а также пластичными глинами, относится къ міоценовой формаціи. Морской хребетъ съ его песчанниками и окаменѣлостями молюсковъ, и рыбъ долженъ быть причисленъ къ пліоценовымъ осадкамъ. Въ этотъ же періодъ, когда вулканическіе процессы достигали значительнаго распространенія и грандіознаго характера, чрезъ земную кору проложили себѣ дорогу эруптивныя породы, преимущественно базальты и трахиты, которые встрѣчается на Тайгоносѣ и въ Становомъ хребтѣ.

Что касается находимыхъ по рр. Гижигѣ, Охотѣ и др. остатковъ мамонта, то Толь[1]) доказалъ, что они всегда встрѣчаются въ отло-

---

[1]) См. его статью «Die fossilen Eislager und ihre Beziehungen zu den Mammuthleichen» въ Memoir d'Academie des sciences de St. Peter., Serie VII, T. LII, 1895, № 13. А также записку Л. Шренка «О найденныхъ въ послѣднее время въ Сибири мамонтахъ», 1871 г.—Миддендорфъ: О сибирскихъ мамонтахъ, въ «Вѣстн. Естеств. наукъ», Москва, 1860, №№ 26 и 27.

женіяхъ, залегающихъ выше осадковъ несомнѣнно ледниковаго происхожденія.

Послѣ того, какъ мы познакомились съ рельефомъ поверхности Охотскаго края и составляющими ее породами, намъ легче уяснить распредѣленіе водъ и направленіе рѣкъ въ немъ. Сплошной лабиринтъ острыхъ отроговъ Станового хребта, съ крутымъ паденіемъ къ морю и широкія, пологія вѣтви южнаго склона Колымскаго хребта съ одной стороны исключаютъ возможность существованія большихъ озеръ, и съ другой стороны обусловливаютъ быстрое теченіе здѣшнихъ рѣкъ, которыя благодаря климатическимъ особенностямъ имѣютъ характеръ бурныхъ потоковъ, занимающихъ во время весеннихъ разливовъ все возможное между горами пространство.

Дѣйствительно, на всемъ Охотско-Гижигинскомъ побережьѣ мы не можемъ назвать ни одного озера болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ; изъ имѣющихся всѣ носятъ тундряной характеръ и лежатъ въ узкихъ падяхъ между холмами; даже лежащія на пограничномъ хребтѣ имѣютъ тѣ же особенности.

Въ системѣ р. Уды, протекающей по широкой низкой долинѣ, находится нѣсколько небольшихъ озерковъ; таковы напр. съ правой стороны Бохонъ, Копотинское, Сухаревское. Небольшіе хребты вдоль лѣваго берега Уды лежатъ на разстояніи двухъ верстъ; полоса эта низкая, лѣсистая и покрыта множествомъ озеръ, изъ которыхъ упомянемъ: Камешки, Сулукачанъ, Курулимъ. Около р. Джаны (лѣваго послѣдняго притока Уды) есть тоже небольшое, незамерзающее озеро Саярга, гдѣ водится харіусъ и гдѣ зимуютъ утки (плосконоска). Далѣе къ сѣверу нѣтъ озеръ; ради, пожалуй географическаго интереса, назовемъ оз. Нингмагичангъ и Байкаленокъ [1]) на вершинѣ Аянскаго перевала.

Сейчасъ за Алдомой у р. Улаканъ близь морского берега есть небольшое озеро того же имени; у устья р. Гунчи тоже небольшое озеро. Долины рѣкъ Ульи, Уракъ, Охота и Кухтуй, не смотря на свою громадную площадь, съ которой они собираютъ воду, не имѣютъ ни одного значительнаго озера, кромѣ двухъ небольшихъ, о которыхъ слѣдуетъ упомянуть: изъ перваго беретъ начало р. Каторъ, правый притокъ Охоты, а второе находится недалеко отъ устья р.

[1]) Это озеро, открытое Сикорскимъ, лежитъ на высотѣ 2,724 ф. у одного изъ истоковъ Алдомы очень глубоко; (больше 50 сажень) и замѣчательно по своей величаво мрачной красотѣ.

Мареканки, видимо морского происхожденія и обособилось вслѣдствіе поднятія морского берега.

Отправляясь изъ Охотска на востокъ мы встрѣчаемъ озера какъ на вершинѣ Колымскаго хребта, такъ и вблизи морской полосы. Къ первой группѣ относятся три озера, о которыхъ мы говорили выше.

Въ широкой (до 60 в.) долинѣ рѣки Кавы находится нѣсколько озеръ, напр. Тангвынъ, Кэталъ, интересныя если не по своимъ размѣрамъ, то по нахожденію въ нихъ мамонтовыхъ бивней [1]). Далѣе, верстахъ въ 40 отъ берега, находится озеро Ояри [2]), съ истокомъ того же имени, впадающимъ въ р. Армань у самаго устья. Образованіе этого озера вѣроятно вызвано поднятіемъ, ближе къ морю, сопки (Голый Камень), вершина которой представляется разорваннымъ кратеромъ; а къ сѣверу отъ него лежитъ хребетъ Абкитъ. Съ лѣвой стороны р. Ямы между крутизной морского берега и хребтомъ вдоль лѣваго берега р. Ланковой находится большое безымянное озеро, въ сторонѣ отъ зимняго и лѣтняго трактовъ; поэтому о немъ никакихъ точныхъ свѣдѣній не удалось собрать, кромѣ того, что оно имѣетъ въ длину и ширину верстъ по 15, что въ немъ находятся ракушки морскія (Mitylus edulis?) и что высота воды въ немъ находится въ зависимости отъ морскихъ приливовъ (?).

Наконецъ небольшія озерки мы встрѣчаемъ на Гижигинской тундрѣ: Харитоновское [3]), Мельниковское, Чукотское [4]), Анкудиновское, Ошаркино, Багулинское и Пареньское [5]), интересныя по своему изобилію щуками и налимами, которые могли бы прокормить населеніе всего округа въ случаяхъ голодовки.

Этимъ небольшимъ перечнемъ мы должны покончить съ озерами или вѣрнѣе съ озерками разсматриваемаго края и передти къ описанію рѣкъ.

---

[1]) Между Морскимъ хребтомъ и правымъ берегомъ Кавы есть нѣсколько отдѣльно стоящихъ на низинѣ высокихъ сопокъ; одна изъ такихъ называется Бальгуръ (т. е. Кедровая); на югъ отъ нея по отлогому скату песчанаго наноса находится озеро Тангвынъ, около котораго находятся бивни.

[2]) Пишутъ иногда Аяри — это невѣрно: названіе это происходитъ отъ тунгузскаго слова Аяри — перевалъ, черезъ что.., а Ояри — значитъ сѣдло.

[3]) Находится у Волчьяго камня, который у горы Майхана: это высшая обособленная сопка въ хребтѣ, идущемъ съ сѣвера; здѣсь есть залежи чистой сѣры. Озеро имѣетъ протокъ въ р. Турумча.

[4]) Названо въ воспоминаніе сраженія съ чукчами, которыхъ много потонуло въ этомъ озерѣ.

[5]) Имѣетъ въ окружности болѣе 30 верстъ и самое богатое рыбой, преимущественно щуками. Чрезъ него протекаетъ р. Продольная, притокъ Парени.

Всѣ онѣ проходятъ большею частію въ узкихъ долинахъ или стѣсненныхъ отрогами ущельяхъ, по каменистому ложу изъ наносныхъ разрушенныхъ обломковъ горныхъ породъ. Эти глыбы обломковъ и лѣсовъ иногда загромождаютъ все русло,—и тогда рѣка съ бѣшенымъ шумомъ падаетъ каскадами чрезъ эти препятствія или прокладываетъ себѣ новый путь среди болѣе мягкихъ и легче размываемыхъ породъ. Берега такихъ рѣкъ или опредѣляются основаніемъ смежныхъ холмовъ, или представляютъ вертикальныя стѣны промытыхъ возвышенностей. Величественно дикую картину въ этомъ отношеніи представляетъ напр. р. Калалага, берега которой идутъ въ три уступа отъ 5 до 20 саженъ, съ широкими площадками каждаго уступа. Видимо, горный потокъ съ большимъ трудомъ и долгими вѣками прокладывалъ себѣ дорогу среди двухъ высокихъ хребтовъ. Здѣсь, когда-то были альпійскія озера, со дна которыхъ выдвинуты отдѣльно стоящіе хребты сланцевыхъ породъ.

Есть еще одна особенность здѣшнихъ рѣкъ, чрезвычайно характерная; это такъ называемыя щеки. Подъ именемъ щекъ разумѣется узкое мѣсто между двумя хребтами или двумя сходящимися выступами хребтовъ, въ которомъ рѣка промыла себѣ ложе. Щеки образуются и тогда, если горное озеро, стекая въ сосѣднюю рѣку, размыло одинъ изъ бортовъ до своей глубины и такимъ образомъ превратилось въ горный ручей. Такія красивыя образованія щекъ мы находимъ при подъемѣ на грозный Шилкапъ; рѣчка Курки, впадающая въ Каву при ея крутомъ поворотѣ съ юга на востокъ, также промыла правый хребтовый берегъ этой послѣдней, на протяженіи 40 саженъ. Ширина такихъ щекъ на здѣшнихъ рѣкахъ обыкновенно колеблется между 5 — 10 саженями, и рѣдко превышаетъ 50 саженъ.

Высокихъ, наносныхъ береговъ изъ песку и глины почти не встрѣчается, даже въ нижнихъ частяхъ рѣкъ, у морского берега; стремительность теченія, характерная для здѣшнихъ рѣкъ, уноситъ всѣ мелкія частицы къ морскому берегу, гдѣ послѣднія и отлагаются или въ устьѣ самихъ рѣкъ, или идутъ отчасти на образованіе бара, кошекъ и вязкихъ отмелей, обнаруживающихся при отливѣ.

Послѣ общей характеристики перейдемъ къ описанію наиболѣе важныхъ рѣкъ.

Изъ рѣкъ южнаго и западнаго побережья Охотскаго моря намъ знакомы только нѣкоторыя, а потому для полноты описанія и ради

могущихъ быть промышленныхъ задачъ мы воспользуемся работами другихъ путешественниковъ и указаніями туземныхъ жителей.

По южному берегу самая большая р. Тугуръ[1]), текущая по широкой долинѣ (20—30 верстъ).

Она начинается тремя главными истоками (собственно Тугуръ, Муника и Ассыни) между отрогами Малаго Хингана и послѣ слiянiя крутымъ изгибомъ подходитъ къ хребту Меванджа, у Бурукан-ской часовни, служащему водораздѣломъ съ Амурскими притоками; отсюда она идетъ въ обратномъ направленіи своему главному истоку, и мало-по-малу теряетъ свой горный характеръ. Ниже Бурукана до устья, Тугуръ проходитъ больше ста верстъ сначала по каменистымъ розсыпямъ, а потомъ все время по болотистой долинѣ со множествомъ озеръ. Въ нижнемъ своемъ теченіи эта равнинная рѣка порядочной величины съ лѣсистыми берегами. На этомъ протяженіи она принимаетъ нѣсколько мелкихъ притоковъ. Глубина всей рѣки незначительная, а на барѣ при впаденіи въ Тугурскій заливъ, отъ 1 до 3 футъ [2]).

Рѣка Уда съ многочисленными своими притоками занимаетъ обособленное пространство, съ сѣвера ограниченное Становымъ хребтомъ, съ запада и юга Джугдыромъ, съ востока—Тыльскимъ, который вмѣстѣ съ противоположнымъ Удскимъ (съ NW—къ SO) почти замыкаютъ рѣчную долину [3]). Отроги названныхъ хребтовъ частію врѣзываются между притоками Уды, частію подходятъ къ самому ложу; изъ нихъ цѣпь Шенгаръ самая высокая изъ идущихъ вдоль рѣки. Уда въ верхнемъ и среднемъ теченіи проходитъ по сырой и суровой альпійской мѣстности, въ отрогахъ крутыхъ хребтовъ, гдѣ носитъ характеръ горной рѣки; ложе ея здѣсь узко; ниже оно расширяется отъ 25 с. до 2 верстъ, вслѣдствіе этого рѣка распадается на нѣсколько протокъ, а въ большія воды заливаетъ окрестныя низины; теченіе довольно медленное. Правый берегъ въ общемъ болѣе возвышенный, да и хребты здѣсь подходятъ ближе, какъ напр. противъ большого притока Джаны. Вся низина покрыта богатой растительностью; сначала тянутся богатые луга, затѣмъ выше—могучій лѣсъ, сзади котораго, далеко виднѣются грозныя вершины гольцовъ. Въ нижнемъ теченіи уклонъ рѣки увеличивается, теченіе ста-

[1]) Миддендорфъ, l. c. стр. 177.

[2]) Здѣсь былъ основанъ (1653 г.) одинъ изъ первыхъ остроговъ, разрушенный потомъ китайцами въ 1683 г.

[3]) Миддендорфъ, l. c., стр. 135—210 (Примѣчанія).

новится быстрѣй: отъ 7 до 11 в. въ часъ, а за 20 в. до устья начинается мокрая тундра со множествомъ небольшихъ застойныхъ водоемовъ. Верхніе слои почвы глинистыя, а подпочва состоитъ изъ кристаллическихъ породъ. Длина рѣки до 700 в. При высокомъ уровнѣ воды въ рѣкѣ, когда она разливается до самыхъ горъ, могутъ ходить лодки глубоко сидящія, а при обыкновенномъ—только небольшіе челноки. По наблюденіямъ Козмина [1]), дно рѣки каменистое, глубина не ровная, но не превышаетъ $3^1/_2$ саж.; ближе къ устью 9—10 футъ. Устье разбивается на два притока: главный идетъ около мыса Чумиканъ, который и подмываетъ, а второй сѣверный—у лѣваго берега; ихъ раздѣляетъ каменистая, покрытая плавниковымъ лѣсомъ банка. Оба протока при впаденіи въ море имѣютъ розсыпи, которыя въ лѣвомъ совсѣмъ обсыхаютъ въ малую воду, а въ правомъ всегда покрыты водой до 2 ф.

Главный притокъ Уды—Половинная или Мая, берущая начало близь истоковъ Алдана, отличается стремительнымъ теченіемъ и значительными разливами съ 40 до 200 с. ширины. Скорость теченія не менѣе 10 верстъ; она впадаетъ въ Уду въ 30 в. ниже бывшаго острога; выше впаденія между хребтами Анхая и Оусъ-Хаята находится знаменитый лѣсъ подъ названіемъ «Сытыгалъ-Тюбя», т. е. прокислое мѣсто. За Оусъ-Хаята (т. е. Бычьимъ хребтомъ) открывается живописный видъ на извилистое ложе Половинной. По обѣимъ сторонамъ раскинулись луга, покрытые богатой высокой травой; широкія поляны, усѣянныя кустами шиповниковъ, между тѣмъ какъ вѣковые тополи, ели, пихта, лиственница и кусты бузины столпились по берегу Половинной, какъ будто желая доказать силу богатой растительности пустынной тайги. Въ послѣдній разъ собралось здѣсь пернатое царство въ своемъ пестро-красивомъ и яркомъ нарядѣ, напѣвая одинокому путешественнику, что здѣсь конецъ живому міру, а дальше на Охотскомъ побережьѣ начинается настоящая мертвая тайга.

Рѣка вскрывается ото льда 10—15 мая, а замерзаетъ около 5—12 ноября.

На пространствѣ между Удскимъ и Охотскомъ мы имѣемъ до 12 болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ и до 50 незначительныхъ горныхъ истоковъ. Къ первой группѣ нужно отнести: Керанъ, Нёмёй, Муту, Лантаръ, Алдому, Улаканъ, Кекру, Улью, Уракъ и Охоту съ Кухтуемъ. Большинство изъ нихъ текутъ въ узкихъ горныхъ ущельяхъ,

---

[1]) Записки Гидр. Д-та, IV, 1846 г., стр. 60.

по дну, загроможденному громадными глыбами породъ, составляющихъ сосѣднiе хребты. Примѣромъ можетъ служить бурная и стремительная Алдома,—самая широкая изъ нихъ и въ тоже время наименѣе удобная не только для плаванiя на шлюпкѣ, но и для пешеходной тропы. Начинаясь тремя истоками на Становомъ хребтѣ по близости къ истокамъ Маи, она вскорѣ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ и идетъ на сѣверо-востокъ параллельно морскому берегу, отъ котораго отдѣлена Алдомскимъ хребтомъ. Длина ея теченiя около 200 в.; ширина отъ 20 саж. до 100 саж. Прибрежные хребты съ отвѣсными боковыми отклоненiями покрыты сплошными зарослями хвойнаго лѣса, съ примѣсью березы и ольховника. Она принимаетъ множество горныхъ рѣченокъ, благодаря которымъ въ дождливую погоду уровень воды заливаетъ все смѣжное пространство, и путнику остается одно: сложить свои дорожные пожитки въ походной урасѣ и выжидать спада воды. Тамъ, гдѣ есть небольшiя долинки, онѣ настолько топки, что не разъ въ нихъ погибали лошади съ грузомъ. Широкое устье загромождено наносомъ и плавникомъ; посрединѣ его стоитъ высокiй островокъ Марфинъ, поросшiй березнякомъ и травой.

Зимой Алдома покрывается, подобно другимъ рѣкамъ, наледями до 2—3 с. толщины, отъ выступающихъ быстрыхъ горныхъ ручьевъ; вслѣдствiе чего проѣздъ на нартахъ становится почти невозможнымъ.

Недоходя р. Ульи Становой хребетъ удаляется отъ морского берега на разстоянiе въ трое большее противъ прежняго; это даетъ возможность развитiю водной системы этой рѣки, имѣющей въ общемъ также параллельное берегу направленiе. Вершины ея потоковъ сходятся съ начальными вѣтвями Маи: между р. Аманкой западнаго склона и р. Исакчи Охотскаго паденiя лежитъ некрутой перевалъ въ 20 в., идущiй извилисто. Сначала Улья имѣетъ бурное горное теченiе до пороговъ между щеками; ниже обыкновенно нашими вольными и невольными путешественниками строились суда для сплава грузовъ.

Ширина рѣки измѣняется отъ 75 до 200 саж.; глубина до 12 ф., и потому судоходна до пороговъ въ узкомъ ущельи, 200 верстъ отъ устья (положенiе ихъ 58°56′ с. ш. 142°3′ къ в. отъ Гринвича), длина 450 в.

Недоходя 60 в. до устья, влѣво отъ рѣки Нодгана (праваго притока) есть горячiе ключи, на которыхъ зимуютъ утки, лебеди и гуси. Вся долина изобилуетъ лѣсомъ, въ которомъ больше всего лиственницы, потомъ слѣдуетъ ель; по побережью рѣки растутъ крупные тополи,

береза, ольха и черемуха. Устье Ульи образуетъ широкій лиманъ (75 саж.), въ которомъ при малой водѣ глубина не меньше 10 ф. Заботы объ устьѣ р. Ульи начались давно; еще Шпанбергъ занимался ея изслѣдованіемъ; Бензингъ предлагалъ перенести сюда портъ; потомъ ее осматривали Фоминъ и Сарычевъ, наконецъ Ленже по порученію Р.-А. К°. Замерзаетъ въ концѣ октября.

Не меньше того обращала вниманіе на себя р. Уракъ, въ устье которой еще Шпанбергъ предлагалъ (1738 г.) перенести Охотскій портъ. Такъ какъ эта рѣка ближе къ Охотску, то она чаще служила транзитнымъ путемъ; капралъ Уваровскій для второй экспедиціи Беринга даже расчищалъ (1736 г.) дорогу между Юдомой и истоками Урака; въ 1768 г. этотъ путь, по распоряженію сената, осматривалъ геодезистъ Воиновъ. По Ураку мелкое судоходство возможно только во время весеннихъ водъ. На устьѣ когда-то были поселены якуты для разведенія рогатаго скота. Недалеко отъ Урака былъ солеваренный заводъ (1756 г.)

Рѣка Охота начинается двумя истоками въ углу крутого поворота Станового хребта, причемъ вершины Арки и Кэтанды подходятъ къ верховьямъ р. Аллахъ-Юня, изливающейся въ Алданъ. Сарычевъ поднялся (1786 г. августъ) по Охотѣ на 400 в., гдѣ, достигнувъ края Оймеконскаго плоскогорія, на вершинѣ рч. Куйдусукъ, на отмеляхъ, нашелъ никогда не тающій ледъ. Такой вѣчный ледъ онъ нашелъ на притокѣ Омекона—Учугуй-тарынъ-урякъ (т. е. Малая ледяная рѣка). Поэтому нужно думать, что этотъ водораздѣлъ, если не находится въ зонѣ вѣчнаго снѣга, то тѣмъ не менѣе круглый годъ сохраняетъ по вершинамъ рѣкъ ледяныя глыбы. Это явленіе обще всѣмъ здѣшнимъ возвышенностямъ—даже гораздо меньшей высоты: въ половинѣ августа мы нашли обледенѣлый снѣгъ на перевалѣ съ р. Уя на р. Таймей (аб. в. не больше 1 т. ф.); при перевалѣ (1897 г. конецъ іюня) чрезъ Становую тундру (въ Камчаткѣ) по склонамъ ея и въ ущельяхъ сосѣднихъ рѣкъ лежали большія толщи такого снѣгу, какъ и въ верховьяхъ Сѣданки.

Охота до соединенія съ Аркой течетъ въ горныхъ ущельяхъ; потомъ по гористой и болотистой мѣстности и только за 100 в. (выше сел. Мундуканъ на 20) до устья мѣстность становится суше. Миновавъ послѣдніе хребты, независимо пересѣкающіе охотскую низину, отъ сел. Кюхъ-теряхъ, она разбивается на много протокъ. Длина ея до 450 в., наибольшая ширина 150 с., теченіе быстрое, глубина значительная, и только подходя къ устью она разбивается на

4 рукава, которые протекаютъ по мокрой тундрѣ въ наносныхъ пластахъ—изъ глины, гальки и песку. Берега и почва самаго устья должны быть отнесены къ морскимъ образованіямъ, такъ какъ при рытьѣ ямъ и колодцевъ около рр. Охота и Кухтуй на глубинѣ сажени встрѣчается черный илъ, потомъ желтый песокъ съ остатками морскихъ водорослей. На этой солончаковой почвѣ крайне бѣдная растительность и мелкій кустарникъ. Характеръ береговъ Охоты и Кухтуя одинаковъ; послѣдняя, какъ полагаютъ имѣетъ длины 300 в.

Во время весеннихъ разливовъ, Охота и Кухтуй выходятъ изъ береговъ и съ неудержимой силой подмываютъ ихъ, сносятъ постройки и кучи кустовъ. Эти подмывки служили причиной троекратнаго переноса Охотскаго порта до его окончательнаго водворенія на лѣвомъ берегу Кухтуя, гдѣ въ ближайшихъ окрестностяхъ на 7 в. нѣтъ ни лѣсу, ни травы, ни даже прѣсной воды, такъ какъ морскіе приливы заходятъ въ рѣку гораздо выше города. Крупный хвойный лѣсъ начинается не ближе 20 в. отъ устья. Лѣвый берегъ р. Кухтуя у большого порога интересенъ въ томъ отношеніи, что состоитъ изъ толстаго слоя (до 7 с.) наноснаго песку съ галькой, а по лѣвымъ притокамъ ея есть выходы угольныхъ пластовъ плохого качества, на ряду съ признаками золота въ 40 в. отъ устья. Еще выше въ Кухтуй впадаетъ рч. Улаханъ, въ которую изливается небольшой протокой Большое озеро (50 в. въ окружности), находящееся на Падеринской тундрѣ. Кухтуй и Охота вскрываются ото льда въ концѣ апрѣля, а замерзаютъ въ концѣ октября.

На всемъ протяженіи въ 2,350 в. отъ Охотска до Пенжины на картахъ нанесено 35 рѣкъ; если къ этому прибавить 5 рѣкъ, стекающихъ въ Охотское море съ западнаго склона Тайганоскаго полуострова, то получится сумма рѣкъ, которая далеко ниже дѣйствительнаго числа.

Дѣло въ томъ, что помимо многихъ рѣкъ, текущихъ съ Колымскаго хребта въ море, на картахъ совсѣмъ нѣтъ рѣчекъ, берущихъ начало на указанномъ нами Морскомъ хребтѣ, протяженіе которыхъ достигаетъ 50—60 в.

Всѣ сѣверныя рѣки носятъ горно-тундряной, болѣе или менѣе, выраженный характеръ; немногія должны быть причислены къ чисто горнымъ, по своему быстрому теченію въ крайне узкихъ ущельяхъ, и только одна рѣка Кава можетъ быть названа равнинной рѣкой. Въ началѣ онѣ бѣгутъ мелкими ручьями по каменистому ложу среди хребтовъ, и по мѣрѣ того, какъ эти хребты расходятся и прини-

маютъ болѣе покатую, пологую форму, ширина рѣкъ увеличивается, и она разбивается на нѣсколько протокъ, раздѣленныхъ наносными островами съ богатой растительностью. Ближе къ морю долины рѣкъ иногда достигаютъ значительныхъ размѣровъ, и самыя устья рѣдко бываютъ стѣснены горами, а большею частію находятся на низкой тундрѣ или на солончаковыхъ наносахъ. Самый выходъ въ море бываетъ прикрытъ узкой и низкой кошкой, изъ морского песку, которая производитъ впечатлѣніе обсохшаго бара, стоящаго перпендикулярно по теченію рѣки. Такія кошки иногда разбиваются на нѣсколько частей, образуя нѣсколько выходовъ для рѣки или обсыхающія глухія лагуны.

Между всѣми рѣками лежатъ пологіе увалы съ мелкимъ лѣсомъ, или волнистыя тундры съ ихъ жалкимъ кустарникомъ; первые носятъ мѣстное названіе эдомки. Поэтому переѣздъ зимой съ одной рѣки на другую не представляетъ никакихъ трудностей; въ рѣдкихъ случаяхъ приходится подниматься на большія крутизны хребтовъ, раздѣляющихъ двѣ сосѣднихъ рѣки. Почва на тундрѣ и даже по уваламъ постоянно топкая и вязкая, что заставляетъ мѣстныхъ жителей лѣтомъ и осенью избирать себѣ другой путь, преимущественно вдоль Морского хребта. Изъ многихъ рѣкъ того побережья, остановимся на нѣкоторыхъ.

Въ 100 в. отъ Охотска—рѣка Иня, памятная по первому острожку на сѣверномъ побережьи Охотскаго моря, по когда-то бывшему здѣсь маяку и неудачнымъ опытамъ хлѣбопашества; она падаетъ такъ сказать широкимъ карманомъ, въ который изливается еще нѣсколько рѣченокъ; таковы, считая съ запада: Глубокая, Перегонка, потомъ Иня съ Тунгуской, р. Мысъ, Казенная и видимо сюда же впадала Харьюзовка [1]), но теперь песчаная кошка обособила ея устье. Сейчасъ выше селенія Иньского (расположеннаго въ 2 вер. отъ устья) поднимаются высокіе гольцы по правому берегу и острые пики по лѣвому, покрытые у подошвы мелкимъ хвойнымъ лѣсомъ; множество острововъ заросли крупнымъ тальникомъ. Хребты лѣвой стороны имѣютъ особыя названія: Горѣлый, Новый, Поперечный, Травяной (покрытый густой травой), Быковъ и Дюжинка (т. е. острый). 15 верстъ выше сблизившіеся хребты образовали самое узкое мѣсто, называемое Садомна; 200 в. отъ устья

---

[1]) Названіе отъ тунгузскаго слова: Харгизъ — харіусъ — рыба прѣсноводная.

находится зимнее становище тунгусовъ, которое названо Гономня [1]). Этимъ же именемъ окрещены и хребты обѣихъ сторонъ Ини.

Иня принимаетъ три значительныхъ притока справа (Темная, Учуличанъ и Хиджа) и четыре съ лѣвой стороны (Амниканъ, т. е. кривая, Джолтолсы, 60 в. отъ устья, т. е. рѣка съ камнями, Духчанджа и Махана, т. е. промысловая).

Длина рѣки около 300 в., замерзаетъ въ концѣ ноября, вскрывается ото льда между 15—20 мая.

Ближайшая приморская полоса представляетъ низкую песчаную мѣстность, по которой пролегаетъ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, впадающихъ въ одно общее расширеніе устья Ини.

Кава — одна изъ самыхъ большихъ рѣкъ этого побережья; беретъ начало, какъ мы выше сказали, на хребтѣ и идетъ большую половину прямо на югъ; въ разстояніи 30 в. отъ моря, встрѣтивъ два параллельныхъ хребта, идущихъ на сѣверо-востокъ отъ р. Шилкапъ, она промыла сѣверную часть и завернувъ подъ прямымъ угломъ, дальше пошла по широкой (отъ 20 до 60 в.) долинѣ между двумя хребтами прямо на востокъ. Хребты, начинающіеся у р. Шилкапъ, чрезвычайно характерны по своей конфигураціи: сѣверный—съ острымъ гребнемъ, южный—пологій, за которымъ видны отдѣльныя высоты сопокъ; все пространство между ними занято ровной почти безлѣсной тундрой, съ тремя едва замѣтными возвышеніями-эдомками. Около второй изъ нихъ начинается на мокрой тундрѣ р. Курки, вливающаяся въ Каву на мѣстѣ ея поворота крутымъ паденіемъ въ узкихъ щекахъ. Отъ этого мѣста въ 20 дней по большому снѣгу доѣзжаютъ до Колымскаго хребта; переводя это на цифры, можно сказать, что это разстояніе 300—350 в. Отсюда до устья считается 280 в. Рѣка течетъ спокойно, широкимъ ложемъ, отъ 50 с. до 150 с., съ низкими берегами, поросшими крупной лиственницей; по лѣвому берегу площадь лѣса гуще и самыя бревна толще. До юрты Колба или отдѣльно стоящей у самой рѣки сопки Болгыръ (350 ф.) [2]) Кава судоходна для большихъ шлюпокъ.

---

[1]) Происхожденіе этого названія слѣдующее: тунгуса, пришедшаго съ Верховаго озера (Охотъ-дарандула), спросили: изъ далека ли онъ пришелъ. Онъ отвѣтилъ: «Хо-гономъ», т. е. шибко далеко. Поэтому русскіе и прозвали это мѣсто Гономня.

[2]) Эта рѣка любопытна по своему образованію: она начинается на увалѣ, съ котораго въ морскую сторону течетъ р. Натяхъ; кругомъ растянулась ровная широкая тундра, верстъ на 20; на этой же тундрѣ лежитъ озеро

Отсюда поднимаются на шлюпкѣ вверхъ по р. Челасинѣ на 50 в. до Гэрбычана, — небольшой горы, упирающейся въ лѣвый берегъ рѣки. Слѣва, т. е. со стороны Колымскаго хребта, въ нее впадаютъ значительные притоки рр. Ингагли [1]), Челасина [2]) и Тауй [3]) и др. Съ правой стороны Кавы на картахъ не нанесено ни одного притока, а между тѣмъ здѣсь проходитъ, какъ мы упоминали выше, Морской хребетъ (до 2 ф.), круто обрывающійся къ морю и покато спускающійся къ правому берегу Кавы. По этой покатости течетъ много ея правыхъ притоковъ, изъ которыхъ рр. Чукча и Аянджа [4]) достигаетъ 100 в. длины. Первая впадаетъ въ Каву выше сопки Болгыръ, противъ юрты Колба [5]), а вторая—недалеко отъ юртъ Бургагла, противъ р. Челасина. Послѣдняя рѣка течетъ въ узкой долинѣ между хребтами (Кавинскими и Аянджи), поднявшись по которой и переваливъ водораздѣлъ, попадаемъ на вершину рѣки Мотыклей, впадающую въ бухту того же имени, южнѣе устья Кавы. Если по этому водораздѣлу направиться на западъ, то черезъ два дня пути на лошадяхъ придешь на вершину р. Чукчи, спускающейся вдоль отрога Антакча [6]). Если съ высоты птичьяго полета посмотрѣть на долину Кавы [7]), то она представляется рядомъ кольцеобразныхъ расширеній, причемъ узкимъ перехватамъ будутъ соотвѣтствовать боковые отроги, спускающіеся съ двухъ противоположныхъ хребтовъ. Такимъ образомъ съ Морского хребта мы имѣемъ слѣдующіе, начиная съ запада, отроги: 1) Чутлаванъ, спускающійся къ мѣсту поворота Кавы; около этого водораздѣла лежитъ большое озеро и гдѣ находятъ остатки мамонта; 2) Антакча и Чутловаръ съ рѣкою Чукчи; 3) Аянджа; 4) Калинскій; 5) Буссеръ; 6-й называется

Тавья (5 в. въ діаметрѣ), протока изъ котораго идетъ въ р. Чукчи; на 1 в. ниже, къ рѣкѣ подошли два крутыхъ мыса, которые ее спираютъ на протяженіи 20 в. по теченію, потомъ хребты расходятся далеко и кругомъ лежитъ широкая тундра. Эту рѣку называютъ Ташне Чаламжи.

[1]) Кромѣ этихъ еще справа впадаютъ: Умтери (т. е. разливная), противъ юрты Старая Колба; Чутлэунъ-охата, пять дней длины, и Ояри противъ новой юрты, вытекаетъ изъ озера (30 в. кругомъ).

[2]) Балгыръ—значитъ по-тунгузски—кедровая,

[3]) Ингагли переводятъ невѣрно: Тополевая, а нужно Черемуховая, такъ какъ только по этой рѣкѣ встрѣчается черемуха.

[4]) Челасина имѣетъ двѣ, а не одну протоку; вторая проходитъ параллельно Кавѣ, впадаетъ недалеко отъ р. Тауй.

[5]) Тауй—значитъ кривой, кривая.

[6]) Колба по-тунгузски значитъ голый хребетъ.

[7]) По-тунгузски кава означаетъ щеки, или два сходящихся хребта.

просто мысомъ; 7) Глина; 8) Охеръ, 9) Чевахтя; 10) Передній Камень; 11) Средній Камень и 12) Бѣлуха у самаго устья Кавы; весь же Морской хребетъ носитъ тунгузское названіе Чуткаваръ. Съ сѣвернаго хребта, откуда идутъ три вышеназванныхъ притока, также тянутся отроги: 1) между сѣверной частью Кавы и р. Черемуховой лежитъ хребетъ Накэми[1]); 2) между этой послѣдней рѣкой и Колбой — хребетъ Экгенъ, т. е. низкій; 3) между Колбой и р. Челасиной—Туучакъ, т. е. зимовье и 4) между Челасиной и рѣкой Тауй — хребетъ Бургалявъ, восточнѣй котораго за хребтомъ видны двѣ острыхъ и очень высокихъ вершины (до 2 т. ф.), на сѣверѣ отъ юрты Кандолъ.

Что касается притоковъ Кавы въ ея сѣверной части, то извѣстны только двѣ рѣчки Бурга (т. е. Тальниковыя), впадающія обѣ съ правой стороны: 5 дней пути отъ Курковъ 1-я Бурга, и пять дней потомъ—2-я Бурга; слѣва до поворота совсѣмъ нѣтъ притоковъ. Ледъ въ Кавѣ и Янѣ проходитъ около 20-го мая; замерзаютъ рѣки въ срединѣ октября.

Въ южную сторону съ Морского хребта стекаетъ много мелкихъ горныхъ рѣчекъ[2]), изъ которыхъ нужно упомянуть р. Беранджа, около которой есть небольшая сопка. На половинѣ ея высоты бьетъ горячій ключъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; вода этого ключа соленая, безъ горькаго вкуса, сѣрой не пахнетъ. Отъ этихъ горячихъ ключей рѣчка (1—3 саж. ширины) никогда не замерзаетъ: здѣсь никогда не лежитъ снѣгъ и зимой даже трава не блекнетъ.

Двѣ смежныя рѣки Яна и Армань текутъ на протяженіи не менѣе 250 в. съ Колымскаго хребта, который здѣшніе кочующіе тунгусы называютъ Нэры (т. е. спина), а тауйскіе осѣдлые—Крассъ; эти рѣки проходятъ между пологихъ горъ и по высокой тундрѣ; Армань даже судоходна для шлюпокъ на протяженіи 40 в., т. е. до первыхъ большихъ притоковъ, которые окружены высокими гольцами[3]). Въ Яну впадаютъ слѣва р. Студеная, 40 в. отъ Тауйска;

---

[1]) По р. Черемуховой встрѣчаются сплошныя заросли кедровника, каждый кустъ котораго кажется мохнатой накидкой: накэми значитъ накидка отъ дождя изъ медвѣжьей шкуры.

[2]) Таковы: Малта, сходящаяся вершиной съ Курками; Нятахъ, Беранджа, Талханъ, Петрикова, Укалъ, Томлякисъ, Менинканъ, Тельпель, Чаломсянъ и Ламоравъ, послѣдняя—въ Мотыклейскій заливъ.

[3]) Притоки Армани: правые—Ояри, Иэннъ, 50 в. отъ устья; Пебкиленъ, Гассонъ, 150 в.; лѣвые—снизу: Уптаръ (или Охтаръ), 100 в. длиною; Нельканджа, 200 в. длиною, съ притокомъ Палатка.

и р. Бѣлоустье, 30 в. дальше, по-тунгузски—Нираканъ; съ правой стороны нѣтъ ни одного притока, такъ какъ здѣсь близко проходитъ высокій хребетъ Бургагла, который для приходящихъ сюда судовъ служитъ маякомъ или створнымъ знакомъ. По берегамъ этихъ рѣкъ мы впервые встрѣчаемся съ толстыми наносными пластами песку, глины и мелкой гальки; видимо, разрушительное дѣйствіе времени и воды здѣсь проявились въ большей степени, чѣмъ въ рѣкахъ раньше описанныхъ: да и самыя горныя породы—другія: на ряду съ массивами краснаго порфира мы встрѣчаемъ по Армани, въ 90 в. отъ устья, крутыя осыпи каменнаго угля на правомъ берегу, а немного дальше по лѣвому берегу въ толщѣ песчаныхъ пластовъ большія прослойки голубой и другихъ цвѣтныхъ глинъ, съ остатками мамонта: на р. Гассонъ (правый притокъ, въ 150 в. отъ селенія) были найдены (1878 г.) бивни, длиною въ двѣ сажени.

Рѣкѣ Колѣ въ послѣдніе годы посчастливилось: сначала на нее обратили вниманіе колымскіе купцы съ пятидесятникомъ Калинкинымъ во главѣ; потомъ проѣздъ по этой рѣкѣ до Колымы осматривалъ (1894 г.) Охотскій окружной начальникъ Херсонскій [1]); наконецъ морское министерство послало штурмана Михельсона для описи Ольской бухты. Изъ этихъ изслѣдованій получились слѣдующіе результаты: устье Олы проходимо для катеровъ съ грузомъ въ 600 пудовъ и не имѣетъ бара; вверхъ по берегамъ рѣки параллельно другъ другу тянутся цѣпи невысокихъ горъ, покрытыхъ отъ подножія на $^2/_3$ высоты лиственичнымъ лѣсомъ, а овальныя верхушки ихъ совершенно безлѣсны. Рѣка имѣетъ быстрое теченіе и весной разливается на довольно значительное разстояніе, но постоянно встрѣчающіеся шивера, плесы и кучи наносныхъ камней говорятъ объ ея непригодности для судоходства. Отъ мѣста впаденія лѣваго притока Нухъ высокіе хребты сходятся ближе, а по послѣдней рѣчкѣ уже теряютъ свою округленную форму и переходятъ въ остроребровые утесы. Эти суровые хребты, какъ тисками, сжимаютъ р. Нухъ, которая здѣсь бурлитъ по каменистому ложу; послѣ этого хребты переходятъ въ волнистую возвышенность, которая на 12 верстъ приближается къ подножію отрога, раздѣляющаго воды Колы и Ямы. Высота подъема, по словамъ Херсонскаго, на кряжъ и спускъ съ него

---

[1]) Дневникъ г. Херсонскаго, въ прилож. къ № 61 «Приамурск. Вѣдом.» 1895 г.

въ вершину р. Дондачанъ, правый притокъ Ямы, не превышаетъ $^1/_4$ версты, и представляется отлогимъ. По лѣвому притоку Мальмандѣ, истокъ которой начинается на образовавшейся въ Колымскомъ хребтѣ значительной сѣдловинѣ, поднимаешься на удобный во всѣхъ отношеніяхъ перевалъ, имѣющій отъ подножія до вершины не болѣе $1^1/_2$ версты. Спускъ по ту сторону, к истокамъ Колымы отлогій и короткій, не больше 1 версты, на вершину рѣчки Илгенъ, притока Буянды.

Изслѣдованія Ольскаго устья и якорной стоянки дало благопріятныя для судоходства результаты, которые опубликованы морскимъ министерствомъ на картѣ № 444 (изд. 1896 г.).

Р. Яма интересна по историческимъ воспоминаніямъ объ упорномъ сопротивленіи коряковъ русскимъ завоевателямъ; въ устьѣ ея когда-то былъ маякъ для судовъ, идущихъ изъ Охотска въ Гижигу и Большерѣцкъ; въ 50-хъ годахъ Ямская бухта служила пристанищемъ американскимъ китобоямъ, ежегодно приходившимъ сюда; въ 70-хъ годахъ для Ямска блеснула отрадная будущность — въ виду организовавшейся компаніи Балашевъ, Абаза и К° для эксплоатаціи рудныхъ богатствъ Ямскаго полуострова, но не надолго: предпріятіе скоро разстроилось. Яма беретъ начало, какъ выше сказано, изъ озера на Колымскомъ хребтѣ. Это любопытное озеро богато особаго рода мальмой и щуками [1]), которыхъ иногда сноситъ въ р. Яму. По Колымскому склону у Буянды есть горячіе сѣрные ключи; но и въ Ямскую сторону еще теперь иногда сказываются слѣды вулканической дѣятельности; такъ во время нашего проѣзда, недалеко отъ р. Студеной, впадающей въ Яму, въ Новенькой юртѣ, 30-го ноября 1896 г., въ 9 ч. утра ощущалось сильное землетрясеніе, толчками снизу вверхъ, отчего вся юрта заколебалась. Булычевъ подробно описываетъ [2]) сильное и продолжительное землетрясеніе, начавшееся 16-го ноября 1851 г. и кончившееся только 25-го января 1852 г. Оно ощущалось на всемъ протяженіи (700 в.) отъ Тауйска до Туманы. Въ 5 ч. у. въ Тауйскѣ послышался легкій

[1]) Здѣшняя мальма, называемая по-тунгузски «эіамка» въ рѣку не спускается. Въ 1893 г. жители Ямска поймали одну щуку около заимки.

[2]) Путешествіе по Восточной Сибири. Спб. 1856 г. ч. I, стр. 181—183. Въ объясненіи этого явленія Вулычевъ ошибается, говоря, что это землетрясеніе зависѣло отъ дымящейся небольшой сопки по близости Сиглана. Тамъ дѣйствительно есть такая сопка Ангынканъ (т. е. Сирота), отдѣльно стоящая), но она въ историческое время никогда не дымила.

Гижига-зимой.

Мѣстечко Кушка, на устьѣ р. Гижиги,-лѣтомъ.

подземный гулъ, повторившійся нѣсколько разъ подъ рядъ. Потомъ послѣдовали подземные удары, отъ которыхъ деревья колебались, человѣкъ едва могъ держаться на ногахъ; въ нѣкоторыхъ домахъ, упали трубы и треснули печи; землянки около Ямска разрушились, земля на тундрахъ около Сиглана дала трещины отъ одного до двухъ аршинъ ширины и до 1½ сажени въ длину. Ледъ въ рр. Сигланъ и Малкачанъ совершенно изломало, вода стала мутною. Въ этомъ районѣ во все время слышался подземный гулъ, подобный грому. Сильныя сотрясенія почвы повторились 16-го числа четыре раза, а потомъ возобновились чрезъ 23 дня. Судя по силѣ колебанія почвы нужно думать, что центръ этого явленія находился между Сигланомъ и Ямскомъ, постепенно ослабѣвая въ оба направленія.

Что здѣсь когда-то были вулканы, можно судить по нахожденію пемзы въ окрестностяхъ Ямска. Вообще въ окрестности Ямска мы встрѣчаемся съ большимъ разнообразіемъ горныхъ породъ и ихъ дальнѣйшихъ измѣненій. Въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются колчеданы, горный хрусталь, самородная мѣдь, разноцвѣтныя глины, лигнитъ, окаменѣлыя деревья, аспидные пласты и залежи мягкаго и нѣжнаго графита.

Рѣка Яма имѣетъ нѣсколько лѣвыхъ притоковъ, берега которыхъ уже носятъ слѣды глубокаго разрушенія и состоятъ изъ толстаго слоя песку подъ черноземомъ; ниже песка, почти горизонтально, идутъ толстые слои зеленой глины, изъ которой даже при 20°C струятся ключи, образуя по берегу большія наледи. Вдоль праваго берега тянется крутой заостренный хребетъ на протяженіи 70 в. отъ устья, послѣ чего онъ переходитъ въ плоскую возвышенность, а рѣка Яма подъ прямымъ угломъ сворачиваетъ на востокъ; это мѣсто называется Гадъ, т. е. застой рыбы по-тунгузски; здѣсь она близко подходитъ къ р. Тахтоямъ и, пройдя небольшое разстояніе, такое же колѣно дѣлаетъ къ западу; тутъ вслѣдствіе быстроты теченія образуются накипи, почему тунгусы и называютъ Маяканъ; отсюда уже недалеко до озера, изъ котораго Яма вытекаетъ.

Большой полуостровъ, лежащій между Олой и Ямскомъ, весь заполненъ лабиринтомъ горъ. На берегу бухты Оджанъ, отстоящей всего на 2 в. отъ праваго берега р. Сигланъ, есть мѣсто, изъ котораго выходятъ сильно нагрѣтые пары, обусловливаемые самовозгораніемъ извести, соприкасающейся здѣсь съ пластами бураго угля и обугленнаго дерева. Вообще рѣки и озера этого полуострова представляютъ самостоятельную и независимую отъ Колымскаго хребта вод-

ную систему. Онъ отдѣляется отъ отроговъ этого хребта высокимъ и острымъ гребнемъ, идущимъ дугообразно по правому берегу р. Ланковой, вершина которой на низкомъ пологомъ перевалѣ сходится съ р. Студеной, притокомъ Ямы. Правый берегъ Ланковой представляетъ слѣды большого размыва и состоитъ изъ песку и гальки толщиной иногда до 5—8 сажень.

Изъ остальной массы рѣкъ этого побережья, до Гижиги нужно упомянуть рѣки Тахтоямъ, Туманы, Калалагу, Вилигу и Таватому; остальныя маловажны и ничѣмъ не замѣчательны.

Р. Тахтоямъ, слѣдующая сейчасъ за Иретскимъ мысомъ, окружена хребтами, изъ которыхъ правый называется Культэръ, а лѣвый—Инголинъ, съ котораго беретъ начало притокъ Гурумки. По этой рѣкѣ, въ верхней ея части [1]) — приближающейся къ р. Туманы, поднимаются на Колымскій хребетъ и попадаютъ на р. Кубки, впадающую въ Колыму.

Слѣдуя далѣе къ востоку, на рѣку Туманы [2]) попадаешь черезъ такъ называемый Бабушкинъ перевалъ, который состоитъ изъ цѣлаго гнѣзда отдѣльно стоящихъ высокихъ и мрачныхъ сопокъ. Высота этого перевала надъ уровнемъ воды въ р. Туманы 31 m. m. (по анероиду); крутой спускъ приводитъ на обширную низкую тундру, кольцеобразно расширяющуюся у самого моря; среди этой тундры стоитъ одиноко высокая, полуразрушенная сопка. Отсюда къ сѣверу по обѣ стороны рѣки тянутся высокія хребты до самаго Колымскаго водораздѣла, гдѣ начинается р. Кубка. Эти боковые отроги такъ стѣсняютъ р. Туманы, что она почти не имѣетъ никакихъ притоковъ, кромѣ горныхъ ручьевъ.

Между горной и бурливой рѣчкой Кананага и памятной по своимъ несчастіямъ Вилигой, начинающимися на Колымскомъ хребтѣ, лежитъ интересная по строенію своихъ береговъ р. Калалага, истокъ которой стекаетъ съ перевала по правому берегу Вилиги. Недалеко отъ устья она бурлитъ въ узкомъ ущельѣ громадныхъ скалъ, выше которыхъ образуетъ большое расширеніе, въ видѣ озера. Отсюда

---

[1]) Названіе рѣки Туманы происходитъ отъ слова туманъ и дано ей потому, что надъ ея ущельемъ часто господствуютъ туманы или тянутся облака, когда въ окрестностяхъ небо совершенно чистое. Склоны хребтовъ покрыты лиственницей, ольхой и березой; въ долинѣ крупная тополь образуетъ густыя заросли.

[2]) Здѣсь есть одно мѣсто Арбутла (по-тунгузски), гдѣ рѣка лѣтомъ пересыхаетъ и скрывается подъ галькой.

берега ея представляютъ величественную панораму трехъ террасообразныхъ уступовъ; берега самой рѣки образуютъ вертикальныя стѣны (до 3 саж.), изъ крупно зернистаго песчаника съ гнѣздами блестящихъ кристалловъ; дальше слѣдуетъ горизонтальная площадка, подъ конецъ поднимающаяся тоже вертикально на 5—20 саж.; потомъ опять ровное мѣсто, заросшее лиственницей и березой, и наконецъ начинается острый хребетъ съ отдѣльно поднимающейся сопкой Горностай. Въ вершинѣ рѣки есть второй распадокъ, окруженный хребтами, и на нихъ стоитъ отдѣльный хребетъ изъ твердаго сланца.

Вилига, составляющая теперешнюю границу между Охотскимъ и Гижигинскимъ округами, интересна по своимъ несчастіямъ и тому ужасу, который появляется у путника при этомъ имени. Дѣйствительно, всѣ ея маленькіе притоки, мысы и сопки названы именемъ погибшихъ здѣсь проѣзжихъ. Такова рѣчка Воробьева, гдѣ купецъ Воробьевъ пропалъ со своими караванами нартъ; весной нашли только кости собакъ и голову человѣка; на правой сторонѣ высится сопка Старкова, заблудившагося и погибшаго здѣсь. Такая репутація страшной рѣки основана на характерѣ ея береговъ. Дѣло въ томъ, что начиная съ 20 в. отъ устья, цѣпи съ острыми гребнями и крутыми скатами такъ близко подступили къ самой рѣкѣ, что образовался глубокій и узкій каналъ, идущій болѣе чѣмъ на сотню верстъ, прорѣзывающій Колымскій хребетъ. По этому каналу холодный и тяжелый воздухъ Ледовитаго побережья съ неудержимой силой и страшными порывами устремляется на побережье Охотскаго моря, которое зимой все не замерзаетъ, и гдѣ благодаря болѣе высокой температурѣ существуетъ всегда болѣе низкое давленіе. Колымскій хребетъ вообще является благодѣтельной преградой для холодныхъ теченій съ Ледовитаго океана. Но вотъ въ одномъ мѣстѣ эта преграда разорвана или доведена до minimum'a,—и потокъ холоднаго воздуха, какъ грозный водопадъ, несется по Вилигинскому каналу, сметая со скалъ послѣдніе остатки снѣга и срывая съ нихъ массивныя глыбы. Стремительный потокъ холоднаго воздуха видимо не превосходитъ высоту сосѣднихъ хребтовъ: спускаясь съ перевала отъ р. Калалаги, видишь совершенно ясное, безоблачное небо; въ пади Воробьевой рѣчки и на перевалѣ господствуетъ мертвая тишина воздуха; косые лучи заходящаго солнца играютъ брилліантовыми огнями въ кристаллахъ рыхлыхъ снѣжинокъ по склону увала. Еще за 20—30 саженей до берега царитъ зловѣщая тишина, только по временамъ налетаютъ откуда-то вертящіеся шквалики; но спустив-

шись на рѣку, путникъ сразу попадаетъ въ облако снѣжной пыли, со свистомъ и завываніемъ несущееся къ морю по гладкому, какъ зеркало, льду названной рѣки. Снѣжный вихрь замораживаетъ вамъ вѣки, забиваетъ носъ и ротъ, рветъ съ васъ одежду и съ какой-то бѣшеной яростію увлекаетъ нарту, несетъ собакъ, быстро превращая ихъ шерсть въ ледяной панцырь. Несчастныя животныя, путаясь въ постромкахъ упряжи, скользя по гладкому льду, визжатъ отъ боли, которую причиняетъ смерзаніе рѣсницъ. Вотъ грозная картина обычной зимней погоды на р. Вилигѣ, напоминающая тождественныя явленія въ Каптагайской тѣснинѣ [1]), служащей дорогой съ сѣвера въ Кульджу. Ураганы, господствующіе на Вилигѣ въ теченіи почти всей зимы, совершенно прекращаются во второй половинѣ марта, когда наступаютъ такіе жары, что каюры, проѣзжая по льду этой рѣки, остаются въ однѣхъ рубашкахъ.

Въ нижней трети своего теченія Вилига принимаетъ два притока; слѣва Малую Вилигу, справа, у сопки Старкова — рѣчку того же имени, по которой идетъ конная лѣтняя дорога изъ Туманы.

Р. Таватома, на которой во времена Сперанскаго хотѣли устроить большое селеніе и потратили нѣсколько десятковъ тысячъ руб., замѣчательна своимъ выдающимся изобиліемъ рыбы, колоссальными тополями (до $1^1/_2$—2 арш. въ діаметрѣ) и густыми зарослями вѣковой лиственницы. Кромѣ того на одномъ изъ ея притоковъ горячіе ключи [2]) бьютъ со дна низины и кипящимъ ручьемъ скатываются съ другого высокаго увала.

Послѣ р. Тополевки попадаешь въ узкое ущелье изъ крутыхъ и высокихъ горъ, по которому нужно подниматься на перевалъ въ р. Таватому. Съ вершины этого перевала открывается мрачно-величественная картина: впереди лежитъ обширная волнистая низина, окаймляющаяся высокими цѣпями горъ. Отъ р. Калалага до этого мѣста хребты и отдѣльныя горы лишены не только древесной растительности, но даже мелкихъ кустарниковъ; теперь картина совершенно измѣняется: по волнистой низинѣ торчатъ изъ подъ снѣга кустики и высокая трава; ложе рѣки занято могучими тополями, ольховникомъ и ерникомъ; дальше по склону хребтовъ виднѣется корявая береза Эрмана (Betula Ermani), а вершины покрыты лиственницей.

[1]) Венюковъ. Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи. Спб. 1873, стр. 241.

[2]) Такіе же минеральные ключи, только съ болѣе низкой температурой, находятся въ верховьяхъ сосѣдней рѣки Широкой.

Устье рѣки, немного закрытое, удобно для якорной стоянки; Таватома вскрывается около 8—10 мая, а замерзаетъ въ половинѣ ноября; морской ледъ отъ берега уходитъ около 15—20 апрѣля.

Съ моря тянуло влажнымъ воздухомъ, а надъ всей этой долиной висѣли тяжелыя синія тучи, касаясь, какъ казалось, вершинъ Таватомскихъ хребтовъ. Въ довершеніе мрачной дикой картины природы на одномъ рѣчномъ островкѣ стояли домики съ забитыми окнами и съ открытыми дверьми... Жители этого поселка нѣсколько лѣтъ тому назадъ большею частію перемерли отъ какой-то эпидеміи, а остальные разбрелись по сосѣднимъ селеніямъ.

Чтобы покончить съ описаніемъ рѣкъ сѣвернаго побережья, нужно упомянуть о Гижигѣ и Пенжинѣ, имѣвшихъ значеніе въ исторіи края.

Гижига большею частью проходитъ по низкой тундрѣ, лишенной всякой растительности; берега ея состоятъ изъ глинистыхъ сланцевъ и отчасти изъ разрушенныхъ гранитныхъ породъ. Длина ея до 250 в.; на протяженіи 40—70 в. судоходна для большихъ шлюпокъ кромѣ устья; правый берегъ болѣе возвышенный; здѣсь стоятъ полуразрушенные остатки Бабушкиныхъ горъ и съ этой стороны впадаетъ р. Туромча, долина которой—единственное мѣсто съ хорошимъ лиственичнымъ лѣсомъ.

Выше впаденія р. Туромча справа и р. Черной слѣва, морской берегъ Гижиги становится выше, хотя всетаки съ тундрянымъ характеромъ. Выше на 15 в. отъ сел. Крестоваго (при впаденіи Черной) находится такъ называемый отворотъ Пенжинскаго тракта; здѣсь уже начинаются увалы, тянущіеся волнистой полосой; р. Черная, подойдя къ вершинѣ р. Парень, уклоняется подобно Гижигѣ на сѣверо-западъ, между высокими отрогами Колымскаго хребта. Съ этого мѣста растительность ея достигаетъ большихъ размѣровъ, хотя и не представляетъ сплошныхъ зарослей. Здѣсь же идетъ очень удобный путь и легкій перевалъ къ чукчамъ на р. Омолокъ, чрезъ ея притоки Крестовую или Отворотную. Этотъ путь, очень удобный какъ для лошадей лѣтомъ, такъ и для зимнихъ переѣздовъ на собакахъ и оленяхъ, до сихъ поръ мало обращалъ на себя вниманіе, а между тѣмъ доставка груза въ Колымскъ обходилась бы гораздо дешевле, чѣмъ изъ Якутска. Единственное затрудненіе заключается въ неудобствѣ Гижигинской выгрузки.

Впадающая недалеко отъ Гижигинскаго устья р. Авекова (Абвекова) одна изъ самыхъ кривыхъ и извилистыхъ рѣкъ; нѣсколько разъ она уклоняется на югъ, чтобы потомъ снова повернуть на

сѣверо-востокъ; питается водами, спадающими съ Тайгоносскихъ горъ; на небольшихъ шлюпкахъ по ней можно подняться верстъ на 50. Современемъ окрестности Авековой быть можетъ оживятся, если найденное здѣсь Охотско-Камчатской экспедиціей золото будетъ разрабатываться кустарнымъ способомъ.

Пенжина гораздо больше Гижиги и богаче притоками, начинающимися на отрогахъ Колымскаго хребта; еще въ прежнія времена по ней спускались и поднимались шлюпки приказчиковъ съ царской рухлядью изъ Камчатки. Устье ограждено группой камней и мелкихъ островковъ; по правому берегу высокій хребетъ съ отдѣльно торчащими камнями [1]) и столовыми вершинами (шапками, какъ здѣсь называютъ) подходитъ къ самому морю; такъ что не остается даже узкой полосы для проѣзда собачьей нарты; лѣвый берегъ сначала представляетъ широкую низину, на восточной сторонѣ которой протекаетъ р. Таловка, а потомъ поодаль тянется острый гребень горъ, постепенно понижающійся къ Парапольскому долу.

Главные ея притоки впадаютъ съ правой стороны и берутъ начало на отрогахъ Колымскаго хребта: Шестаковскомъ (или Гайгомскомъ), Ушканьемъ, Ычигенскомъ и Налгинскомъ. Послѣдній служитъ водораздѣломъ для правыхъ истоковъ чукотской рѣки Анадырь и обязуетъ продолженіе Русскаго отрога Колымскаго хребта. Уже при сліяніи съ притокомъ Чернымъ, гдѣ расположенъ Пенжинскъ, р. Пенжина представляетъ значительную рѣку, спокойно текущую въ широкой долинѣ; по обѣимъ сторонамъ ея растутъ тополи; самые водораздѣльные хребты лишены даже мелкихъ кустарниковъ. Ниже по рѣкѣ площадь древесной растительности расширяется, а у Окланска встрѣчается уже густой и стройный лѣсъ изъ тополей. Окланскъ является самымъ большимъ притокомъ Пенжины и имѣетъ совершенно одинаковую съ ней ширину. Здѣсь, въ 1868 г. служащіе телеграфной американской компаніи, производили большія порубки лѣса какъ для телеграфныхъ столбовъ, такъ и для жилыхъ помѣщеній, теперь разбросанныхъ по всему тракту. Здѣсь же Пенжина достигаетъ своей наибольшей ширины и имѣетъ характеръ вполнѣ равнинной рѣки. Далѣе къ лѣвому берегу Пенжины подходитъ острый гребень довольно высокихъ горъ, отдѣляющій правый, сѣверный истокъ р. Таловки. Этотъ хребетъ тянется на нѣкоторомъ

[1]) Между ними любопытна «гробница-камень» — Авицу, верстахъ въ 15 отъ сел. Каменскаго, вверхъ по рѣкѣ.

разстоянія, тогда какъ справа вѣтви Шестаковскаго хребта почти упираются крутыми обрывами въ Пенжину. Помимо тополей появляется по склонамъ корявая береза, а по лѣвому хребту — лиственница.

Интересна по своему образованію р. Таловка. Она начинается однимъ истокомъ на восточной сторонѣ лѣваго Пенжинскаго хребта а другимъ—на западномъ склонѣ Камчатскаго и все время держится 62° параллели, до присоединенія лѣваго притока того же имени, начинающагося на Парапольскомъ долѣ изъ Большого озера (Итхыняко), съ прѣсноводными рыбами. Параллельно этому притоку, отдѣленный съ востока хребтомъ Вейтха-войганъ, проходитъ второй ея притокъ Айханъ (т. е. Бурливая). Послѣдній начинается на пологомъ, хотя высокомъ хребтѣ — водораздѣлѣ р. Палаланъ, впадающей уже въ Пенжинскую губу. Судя по тому, что берега Айхана въ крутыхъ осыпяхъ заключаютъ морскія ракушки и куски окаменѣлаго плавника, нужно думать, что образованіе Большого озера на Парапольскомъ долѣ, какъ и лѣвыхъ притоковъ Таловки вызвано поднятіемъ Морского хребта по восточному берегу Пенжинской губы.

Но это побережье вмѣстѣ съ Парапольскимъ доломъ мы относимъ къ полуострову Камчатки, и оно будетъ описано въ III гл.

Перечисливъ главныя рѣки Охотскаго побережья, остановимся на нѣкоторыхъ ихъ особенностяхъ, имѣвшихъ вліяніе на жизнь и культуру здѣшнихъ обитателей. Извѣстно, что рѣки въ исторіи цивилизаціи играли важную роль и служили такъ сказать колыбелью первобытной культуры; по нимъ разселялись патріархи человѣчества и передавались первыя изобрѣтенія. Разливъ Нила, подавая хорошіе надежды на урожай хлѣбныхъ злаковъ, заставлялъ египтянъ сплотиться въ общество, чтобы потомъ совмѣстными силами работать надъ утилизацiей этого явленія, повторявшагося съ замѣчательной правильностью. Съ другой стороны особенное плодородіе почвы по Амуру и Сунгари служило крайне неблагопріятнымъ обстоятельствомъ для дальнѣйшаго культурно-соціальнаго развитія: оно не вызывало усиленнаго труда и не заставляло работать надъ усовершенствованіемъ сельско-хозяйственной техники. Тутъ былъ рай для охотниковъ и рыболововъ, не стремившихся къ морю для эксплоатаціи его богатствъ, не помышлявшихъ объ улучшеніи способовъ своего промысла и не задававшихся вопросомъ о прiисканіи другихъ, болѣе разнообразныхъ источниковъ для подъема своего экономическаго положенія.

Такимъ образомъ рѣки для того, чтобы онѣ могли благопріятствовать культурному росту страны, должны имѣть извѣстное протяженіе и глубину, небольшое паденіе и кончаться удобными бухтами, какъ исходной точкой для международнаго обмѣна. Еще Риттеръ указывалъ на тѣсную связь или даже зависимость культуры человѣка отъ степени расчлененія береговой линіи.

Характеръ рѣкъ описываемой полосы, создавъ извѣстный строй жизни, далеко не благопріятствовалъ ея прогрессивному росту: разливъ ихъ отнималъ у инородца послѣднюю возможность пропитанія; топкое или гористое побережье не позволяло широкаго выбора мѣста для осѣдлости, а высокая стремительная вода весенняго разлива смывала избушки, ломала рѣчные запоры и уносила послѣднія сѣти. Заброшенный гдѣ-нибудь около устья горной рѣчки, среди непроходимыхъ лѣтомъ тундръ или въ ущельѣ мрачныхъ скалъ (коряцкій поселокъ Иткана, на Тайгоносѣ), и изолированный отъ всего остального міра, осѣдлый корякъ или тунгусъ не могъ представить себѣ другой жизни и лучшихъ ея удобствъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ жили его предки. На скалистомъ и обрывистомъ побережьѣ, каково все пространство между рр. Уда и Кекра, не могъ поселиться даже сѣверный, нетребовательный аборигенъ. Эти мѣста самой природой какъ бы обречены на то, чтобы служить убѣжищемъ для боязливаго звѣря.

Такимъ образомъ рельефъ почвы и гидрографическія особенности его наложили извѣстный отпечатокъ на всемъ строѣ жизни здѣшняго инородца. Мы выше видѣли, что особенность положенія Колымско-Становаго хребта и его сравнительно крутое паденіе къ Охотскому морю обусловили короткое протяженіе всѣхъ здѣшнихъ рѣкъ.

Начинаясь на склонѣ, а иногда на самой вершинѣ въ 3—4000 футъ надъ уровнемъ моря, истоки стремительно падаютъ, прокладывая себѣ путь среди огромныхъ глыбъ, въ узкихъ ущельяхъ; ниже, если русло рѣки и расширяется, то—все-таки до извѣстнаго предѣла, положеннаго боковыми отрогами главнаго хребта. Ложе такой рѣки состоитъ изъ мелкаго щебня,—продукта вѣкового разрушенія отщепленныхъ отъ хребта массивовъ, и кругляковъ въ нѣсколько пудовъ вѣсу. При переправѣ черезъ подобную рѣку нога и шестъ тонутъ въ булыжникѣ, камни шелестятъ и тутъ же неудержимо уносятся ниже; вся розсыпь ложа подается и не представляетъ достаточной опоры. Поэтому въ верхнемъ и среднемъ теченіи рѣки совершенно отсутствуютъ песчаные наносы, и глубина ея незначительна. Въ то время,

Гижига-зимой.

Мѣстечко Кушка, на устьѣ р. Гижиги,-лѣтомъ.

когда у Якутска толщина намывной аллювіальной почвы опредѣляется въ 400 футъ, въ Инскомъ, Олѣ и Тауйскѣ она едва достигаетъ 1—2 саженей. Да и во время весенняго половодья, когда масса лежащаго по хребтамъ и въ ущельяхъ снѣгу превращается въ воду, русло, выступая изъ своихъ береговъ, только увеличиваетъ глубину рѣчки и стремительность теченія, но не измѣняетъ своего направленія, — т. е. повторяется явленіе, совершенно обратное тому, что мы наблюдаемъ на большинствѣ сибирскихъ рѣкъ, протекающихъ въ низинахъ или среди наносныхъ образованій; какъ напр. Лена, Енисей и пр. Только весьма немногія рѣки, несопровождаемыя горными отрогами и протекающія меридіально по ровнымъ тундрамъ мѣняли свое русло, подмывая обыкновенно правый берегъ, таковы Иня, Армань, Кола и Гижига; селенія этихъ рѣкъ уже не разъ мѣняли свое мѣсто, а нѣкоторымъ, какъ Ямску, это предстоитъ въ недалекомъ будущемъ. Только здѣсь размывы праваго берега, въ силу крѣпости породъ, образующихъ борта рѣки, не достигаютъ такихъ размѣровъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Сибири, напр. около Якутска, Семипалатинска, Нарыма; послѣдній городъ стоялъ въ 70 саженяхъ отъ Оби, но потомъ былъ окончательно смытъ.

Ближе къ устью, гдѣ паденіе рѣки меньше, а падь вслѣдствіе расхожденія и уменьшенія отроговъ до вида простого увала, расширяется, теченіе становится медленнѣе. Тогда все снесенное съ верховьевъ отлагается, разбивая рѣку на нѣсколько мелкихъ протокъ — то посредствомъ образованія съ растительнымъ покровомъ островковъ, то благодаря отложенію мелкаго щебня и песку вокругъ тяжеловѣсныхъ валуновъ, снесенныхъ бурнымъ разливомъ, то наконецъ отъ задержки плавучаго лѣса, или, какъ здѣсь говорятъ, плавника, на глинистыхъ меляхъ, гдѣ благодаря изгибу русла, образуется чисто застойная вода. Этотъ застрявшій плавникъ въ свою очередь, при слѣдующемъ разливѣ, задерживаетъ новые экземпляры, отчего застой щебня, булыжника, песку и илу здѣсь увеличивается. Такимъ образомъ получается періодическое напластованіе растительныхъ остатковъ, иногда въ нѣсколько сажень въ вышину (толщину), изъ которыхъ въ теченія тысячелѣтій образуются гнѣзда ископаемаго угля и окаменѣлыхъ деревьевъ, если берегъ со временемъ поднимется. Примѣры такихъ отложеній мы встрѣчали во многихъ охотскихъ рѣкахъ, напр.: Алдома, Кухтуй, Иня, Гижига и пр. Съ другой стороны отложеніе всего этого при устьѣ заграждаетъ свободный выходъ рѣки, отчего, при малѣйшемъ

поднятіи въ ней уровня, вода среди этихъ преградъ кипитъ, бурлитъ и еще съ большею яростью уноситъ все въ море. Но здѣсь она встрѣчаетъ новое для себя препятствіе въ формѣ регулярныхъ приливовъ и отливовъ моря и отъ напора бушующихъ волнъ въ свѣжую погоду: могучія волны, задерживая бурливое теченіе горнаго потока, заставляютъ несомый имъ песокъ и щебень откладывать у порога чужихъ владѣній, потомъ прикрываемаго мелкимъ морскимъ пескомъ. Такимъ образомъ возникаютъ бары отъ столкновенія двухъ противоположныхъ силъ. Форма, положеніе и величина такихъ баровъ зависитъ отъ совокупности многихъ мѣстныхъ условій: 1) отъ стремительности рѣки; 2) отъ силы и высоты морского прилива; 3) отъ господствующаго теченія въ морѣ; 4) отъ направленія прилива по отношенію къ устью рѣки; 5) отъ частоты прибойныхъ волнъ въ одномъ извѣстномъ направленіи, 6) отъ характера берега и ложа рѣки и 7) отъ вліянія суточнаго круговращенія земли.

Что касается перваго обстоятельства, т. е. степени паденія рѣки или стремительности ея теченія, то на побережьѣ Охотскаго моря мы встрѣчаемъ большую разницу. Проведемъ мысленно съ вершины водораздѣльнаго хребта прямыя линіи, перпендикулярно къ морю, и, взявъ высоту хребта надъ уровнемъ моря и длину перпендикуляровъ, мы получимъ цифровыя данныя для характеристики этой стремительности. Такъ въ нашемъ районѣ мы имѣли среднее разстояніе береговой линіи отъ хребта въ 60—100 и 300 верстъ; при приблизительно одинаковой высотѣ Колымско-Станового хребта въ 3000 футъ получается большая разница въ уклонѣ или скатѣ водной поверхности, а слѣдовательно и неодинаковая стремительность. По этому простому вычисленію, на каждыя 100 сажень протяженія рѣки, получится слѣдующая величина уклона:

для	1-ой группы	(разстояніе	60	верстъ)	10 футъ.
»	2-ой »	(»	100	»)	6 »
»	3-ей »	(»	300	»)	2 »

Отсюда понятно, что помимо массы воды, какъ агента, разрушительное дѣйствіе рѣки на омываемые породы и пласты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея стремительность для разныхъ группъ будетъ чрезвычайно различна: въ то время, когда на лѣвомъ берегу Лантара наносный слой песку, лежащаго на почвѣ, достигаетъ 1—1½ сажени, по лѣвому берегу Кухтуя онъ образуетъ крутую осыпь въ 6—8 саженей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эта сила паденія должна сказываться на большей или меньшей величинѣ бара, на близости или отдаленности его отъ берега.

Не касаясь здѣсь вопроса о причинѣ и характерѣ морскихъ приливовъ и отливовъ, а разсматривая послѣдніе, какъ механическую силу, прослѣдимъ, какъ они отзываются на образованіи устья и формированіи бара. Главную роль играетъ высота приливной волны, неодинаковая даже для двухъ сосѣднихъ пунктовъ; чтобы дать приблизительное понятіе объ этомъ, приведемъ слѣдующую табличку, данныя которой заимствованы изъ наблюденія нашихъ моряковъ. Къ сожалѣнію параллельно этому мы не можемъ сопоставить цифръ, которыя указывали бы на скорость приливного и отливного теченія, чтобы судить о созидательной и разрушительной его роли.

Слѣдующая таблица показываетъ высоту прилива.

Пункты наблюденія:	Высота: въ футахъ	и метрахъ [1])
Заливъ В. К. Константина (Ульбанская губа)	до $12^{1}/_{2}$	3,7
Малый Шантаръ	9—15	4,6
О. Феклистовъ	8—21	6,4
Р. Уда	11—18	—
Портъ Аянъ	—	3,3
Охотскъ	8—13	4,0
Амахтонскій заливъ (устье р. Кавы)	до 22	—
Кола	10—12	—
Гижига (скорость отъ $1^{3}/_{4}$ до $3\ /_{2}$ верстъ въ часъ)	12—24	7,2
Пенжина » » » $10^{1}/_{2}$ » » »	20—30	—
Падкагирное	6— 8	2,4
Тигиль	16—20	6,0

Изъ разсмотрѣнія этой таблицы слѣдуетъ, что высота приливной волны, помимо другихъ причинъ, обусловливается открытымъ или закрытымъ положеніемъ пунктовъ; въ первомъ случаѣ, каковы напр. Подкагирное, Охотскъ, Ола и отчасти р. Уда, вода не достигаетъ большой высоты, тогда какъ узкіе и длинные заливы Амахтонскій, Гижигинскій и въ особенности Пенжинскій благопріятствуютъ ея вы-

[1]) Instructions nautiques sur la mer et des iles du Japon comprenant la Corée, la Tartarie russe et la mer d'Okhotsk. Paris, 1895.

сокому подъему, а вмѣстѣ съ тѣмъ помогаетъ ея разрушительному на берега дѣйствію. Нужно полюбоваться на мѣстѣ, когда масса ледяныхъ громадныхъ глыбъ, увлекаемая напоромъ прилива, стираетъ острыя ребра островов и выступы берега, запружая устье рѣки, съ только что тронувшимся льдомъ: въ нѣсколько часовъ вырастаютъ причудливыя горы, готовыя въ любой моментъ стереть прибрежный поселокъ, какъ это не разъ случалось съ Охотскомъ.

Помимо этихъ періодическихъ приливовъ и отливовъ, измѣняющихъ очертанія береговъ и устья рѣкъ и способствующихъ образованію баровъ, въ Охотскомъ морѣ наблюдаются постоянныя теченія въ извѣстномъ направленіи. Такъ какъ эти теченія также служатъ причиной загражденія барами устьевъ рѣкъ, то мы на нихъ остановимся раньше, чѣмъ перейдти къ барамъ.

Теченія эти довольно подробно изучены Шренкомъ[1]), Онацевичемъ[2]) и Макаровымъ[3]). Главная причина подобныхъ явленій заключается въ неодинаковой температурѣ и разномъ удѣльномъ вѣсѣ воды Охотскаго моря и Тихаго океана.

Охотское море даетъ три постоянныхъ теченія на югъ: 1) изъ его сѣверной части, въ углубленіи Пенжинскаго и Гижигинскаго заливовъ, зарождается холодное теченіе, спускающееся вдоль западнаго берега Камчатки къ крайнимъ на сѣверѣ Курильскимъ островамъ, потомъ минуя вулканическій островъ Алаидъ и отчасти изливаясь въ Тихій океанъ первыми двумя проливами, продолжается до восточной стороны Ессо; это такъ называемое Курильское теченіе.

Второе холодное теченіе также зарождается въ сѣверо-восточной части моря и видимо составляетъ западную вѣтвь Курильскаго. На меридіанѣ р. Колы оно дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ первая по видимому слѣдуетъ направленію берега и такимъ образомъ достигаетъ Шантарскихъ островов, а вторая поворачиваетъ къ юго-западу и, минуя о. Іоны съ восточной стороны и въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, направляется къ сѣверо-восточной оконечности Сахалина, гдѣ смѣшивается съ теченіемъ отъ Шантарскихъ островов. Первая вѣтвь не носитъ особаго наименованія, а вторая называется Сахалинской.

---

[1]) Шренкъ. Очеркъ физической географіи Сѣверо-Японскаго моря. Спб. 1869 г.—Его же, О теченіяхъ Охотскаго, Японскаго и смежныхъ съ ними морей. Спб. 1874 г.

[2]) Онацевичъ. Краткій гидрографическій обзоръ плаванія шхуны «Востокъ». Морской Сборникъ. 1876 г., № 9; 1877 г., № 5.

[3]) Макаровъ. «Витязь» и Тихій океанъ. Спб.

Третье теченіе зарождается въ сѣверо-западномъ углу Охотскаго моря, около Шантарскихъ острововъ, и частію спускается черезъ Амурскій лиманъ въ Татарскій проливъ въ видѣ подводнаго теченія, а частію вмѣстѣ съ водой р. Амура огибаетъ на сѣверѣ Сахалинъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи оно смѣшивается съ Сахалинскимъ и опускается въ нижніе, болѣе холодные слои. Послѣднее теченіе называютъ Амуро-лиманскимъ, или просто Лиманскимъ, но вѣрнѣе было бы пріурочить ему названіе Шантарскаго. Для уравненія статическаго момента и пополненія образующейся убыли отъ существующихъ теченій, мы теоретически должны допустить существованіе обратныхъ токовъ, или теченій, направляющихся въ Охотское море. Дѣйствительно, эти противоположныя теченія существуютъ какъ изъ Лаперузова пролива, такъ и чрезъ Курильскіе проливы, съ чѣмъ мы подробнѣе познакомимся ниже, при изученіи климата и температуры моря (гл. IV).

Сопоставляя эти постоянныя теченія съ періодическими приливами и отливами, мы видимъ, что они должны постоянно вступать въ борьбу съ напоромъ рѣчныхъ водъ и такъ или иначе дѣйствовать на образованіе баровъ.

Баръ есть песчаная, наносная отмель противъ устья рѣки, лежащая поперекъ теченія послѣдней; величина и конфигурація такого бара обусловливается многими моментами сложной борьбы указанныхъ агентовъ.

Такъ какъ бары составляютъ большое затрудненіе для судоходныхъ сообщеній съ берегомъ и прямо отзываются на благосостояніи этого рѣчного района, то не безъинтересно остановиться болѣе подробно на ихъ происхожденіи. Генезисъ ихъ кроется во взаимной борьбѣ главнымъ образомъ двухъ противоположныхъ силъ: съ одной стороны стремительности рѣки, а съ другой—силы и высоты морского прилива. Кромѣ этихъ двухъ факторовъ въ созданіи баровъ и ихъ направленіи принимаютъ участіе: характеръ берега, механическая примѣсь къ рѣчнымъ потокамъ и направленіе морского теченія въ данномъ случаѣ. Бушующій весенній разливъ горныхъ рѣкъ катитъ по наклонному ложу не только мелкій щебень и гальку, но и большіе обломки скалъ, донося ихъ до мѣстъ тихаго теченія въ низовьяхъ рѣкъ, а иногда выбрасывая ихъ за черту своего ложа—въ море, гдѣ частію вслѣдствіе ослабѣвшаго теченія рѣки, а частію по причинѣ противнаго прилива они располагаются рядами въ формѣ полудуги. Какъ только эти валуны, щебень и галька погрузились на дно мор-

ское, море начинаетъ работать надъ сооруженіемъ настоящаго бара: волна, катящаяся за волной, будоражитъ морское дно, взбивая песокъ, осаждающійся вокругъ валуновъ и камней. Со стороны рѣки идетъ такая же работа.

Клоденъ въ своей «Физической Географіи» слѣдующимъ образомъ описываетъ этотъ процессъ: когда вода рѣки встрѣчается въ устьѣ съ морскою водою, то первая, внезапно задержанная въ своемъ движеніи, естественно осаждаетъ находящіяся въ ней твердыя частицы; послѣ чего рѣчная вода, какъ болѣе легкая по удѣльному вѣсу, продолжаетъ течь по поверхности морской, а движущаяся внизу, въ противномъ направленіи, морская вода подхватываетъ опускающіяся землистыя частицы и уноситъ ихъ назадъ ближе къ берегу,—тогда болѣе тяжелыя частицы падаютъ на дно моря. Эти наносы, постепенно скопляясь, и образуютъ баръ, дальнѣйшій ростъ котораго увеличивается отъ намывного морского песку, въ массу котораго падаютъ морскія водоросли, еще болѣе задерживающія отложеніе. Между баромъ и берегомъ отлагается илъ, потому что морскимъ приливомъ онъ относится обратно, къ устью рѣки, а главное потому что какъ оказывается изъ изслѣдованій Brewer'а, тончайшій илъ въ морской водѣ осѣдаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ въ прѣсной [1]). Такимъ образомъ баръ есть результатъ періодической борьбы рѣчныхъ и морскихъ водъ, изъ которыхъ каждый доставляетъ матеріалъ для его роста. Смотря по разницѣ этихъ двухъ противоположныхъ силъ и въ зависимости отъ ихъ направленія измѣняется величина бара, его положеніе и наконецъ соединеніе его съ берегомъ, тогда образуется песчаная кошка или стрѣлка, въ особенности, если направленіе прилива по отношенію берега не перпендикулярное, а касательное, подъ острымъ угломъ. Въ такихъ случаяхъ рѣка пробиваетъ эту преграду съ одной стороны, но бываетъ и такъ, что старое русло совершенно заносится, образуется крѣпкая плотина, имѣющая видъ дюнъ; за ней часто остаются озера, которыя или совершенно заносятся иломъ и образуютъ солончаковую почву, или же съ теченіемъ времени опрѣснѣваютъ и узкимъ истокомъ изливаются въ рѣку или въ море. Такими солончаковыми низинами, въ особенности богаты рѣки сѣвернаго побережья Охотскаго моря, гдѣ вы наблюдаете чах-

---

[1]) Цитировано по Мушкетову: Физическая Геологія, Спб. 1891 г., ч. 2, стр. 301: «для осѣданія тонкаго ила въ морской водѣ требуется 30 минутъ, а въ прѣсной—30 мѣсяцевъ—разница слишкомъ большая и требующая провѣрки. Въ общемъ принимаютъ какъ 1: 15.

лую и своеобразную растительность: корявый, кедровый сланецъ (Pinus cembra), лапчатку (Potentilla anserina), одуванчикъ (Leontodon Taraxacum), морской горохъ и нѣсколько видовъ злаковъ.

Устья рѣкъ впадающихъ въ заливы, гдѣ приливъ такъ сказать спираетъ теченіе рѣки, будутъ имѣть большія и длинныя отмели, какъ Уда и Гижига; Тигиль и Тауйскъ имѣютъ большіе бары—вслѣдствіе карманообразныхъ расширеній при своихъ устьяхъ; Охота, Иня, Яма и Иреть—имѣютъ кромѣ бара длинныя узкія кошки, какъ результатъ взаимной борьбы между теченіемъ рѣки и приливомъ, наваливающимся перпендикулярно къ устью.

Періодическіе вѣтры, дующіе съ моря въ опредѣленномъ направленіи, создавая громадный прибой высокихъ волнъ, прямо способствуютъ образованію бара противъ устья и песчанаго мола вдоль берега, изъ-за котораго рѣка съ усиліемъ должна пробиваться. Это образованіе иногда достигаетъ такихъ значительныхъ размѣровъ, что окончательно забрасываетъ и заграждаетъ устье; кругомъ на большое разстояніе появляется ровная отмель, представляющая чрезвычайно плотную и вязкую почву, чрезъ которую во время отлива почти невозможно пробраться. Такова напр. прибрежная правая сторона р. Уды, лѣвая—Гижиги и Пенжины, гдѣ когда-то завязъ Гейне съ своими путниками и потерялъ сапоги [1]).

На устьяхъ рѣки Охотскаго моря вы можете прослѣдить послѣдовательую картину такого образованія бара. Если прибойная волна не велика, а теченіе не стремительно, то во время отлива, вы ясно видите ряды огромныхъ каменныхъ массъ, припутешествовавшихъ сюда, быть можетъ, съ вершины водораздѣльнаго хребта и еще не прикрытыхъ ни пескомъ, ни иломъ, какъ это наблюдается противъ устья р. Тугуръ, и около р. Кола. При такомъ характерѣ теченія рѣки, но съ возростаніемъ высоты и силы прилива, эти каменные подкидыши, по выраженію Миддендорфа, уже начинаютъ соединяться съ берегомъ посредствомъ песчаной кошки, какъ это можно теперь наблюдать на р. Иреть, Иня и пр. Тогда образуется узкій глухой карманъ, который съ дальнѣйшимъ развитіемъ при бурныхъ явленіяхъ прилива и прибоя, можетъ превратиться въ прибрежное озеро, съ истокомъ въ море; таковы устья р. Иня, Ульбея и западный барегъ Камчатки между рр. Большой и Явиной. Тогда отдѣльно стоявшій

---

[1]) Heine. Die Expedition in die Seen von China, Japan und Ochotsk. 1859, S. 248—250.

баръ приходитъ въ непосредственную связь съ материкомъ; сзади его образуется озеро, сначала соленое, съ морскими ракушками, которое съ теченіемъ времени опрѣсняется.

Можно привести длинный перечень перемѣнъ устья и бара здѣшнихъ рѣкъ подъ вліяніемъ подобныхъ обстоятельствъ; въ особенности это часто повторяется на сѣверномъ побережьѣ Охотскаго моря.

Само собою понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣка, вливаясь въ море, выходитъ изъ устья, окруженнаго массивными берегами или огражденнаго скалистыми мысами, такого измѣненія въ положеніи русла не можетъ быть. Спертыя при выходѣ въ море хребтами, Уда, Алдома, Кола, Калалага и др. не могутъ измѣнить своего направленія, а протекающая по низинамъ и тундрамъ р. Охота при загроможденіи устья, проложила себѣ дорогу въ сосѣднюю рѣку, чрезъ которую теперь и изливаются въ море.

Наконецъ послѣднее обстоятельство — измѣненіе русла и устья въ зависимости отъ вращенія земли вокругъ своей оси, на здѣшнихъ берегахъ является чрезвычайно сложнымъ и запутаннымъ. Общее, признаваемое всѣми, правило таково, что рѣки, текущія по меридіану, всегда отклоняются къ западу, если онѣ текутъ на югъ въ нашемъ полушаріи, и къ востоку — если онѣ катятся на сѣверъ. Примѣровъ этому очень много на Охотскомъ сѣверномъ побережьѣ.

Что касается измѣненія ложа и устья рѣкъ, текущихъ приблизительно съ запада на востокъ, то мы чаще замѣчаемъ здѣсь отклоненія къ сѣверу отъ первоначальнаго мѣста. Таковы устья рр. Ульи, Аянки, Алдомы, Охоты и пр. Это явленіе нагляднѣе можно наблюдать на Камчатскомъ полуостровѣ, и потому мы подробнѣе поговоримъ о немъ въ слѣдующей главѣ.

Главный недостатокъ береговой линіи Охотскаго моря—это отсутствіе удобныхъ бухтъ и бѣднота заливами. Мы имѣемъ всего только пять большихъ заливовъ: два въ юго-западномъ углу—Ульбанскій и Тугурскій и три на сѣверѣ: Пенжинская, Гижигинская и Тауйская губы. Всѣ они представляютъ узкія и длинныя углубленія въ материкъ и окружены высокими и скалистыми берегами, дающими много мелкихъ острововъ, подводныхъ камней и кекуръ.

Ульбанскій заливъ вдается въ материкъ почти на 100 вер. и имѣетъ три бухты: на восточной сторонѣ—Св. Николая, на западѣ Великаго Князя Константина и на югѣ собственно Ульбанскую бухту,

Портъ Петропавловскъ.

окруженную болотистой низменностью. Впадающія сюда рѣки (Сыранъ, Джавракъ и Эльге) коротки, узки, но глубоки. Всѣ эти бухты заполняются иломъ, и въ настоящее время Константиновская уже по мелководью не имѣетъ прежней якорной стоянки.

Тугурскій заливъ нѣсколько короче (около 65 вер.) и уже; онъ окруженъ моховымъ болотомъ съ рѣзкими выступами береговыхъ утесовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, во время отливовъ, берега обнажаются на 2 версты, тогда какъ противъ устья Уды и восточнѣе ея—верстъ на 6—7. Удобная якорная стоянка находится въ маленькой бухточкѣ Уямбинъ, на восточной сторонѣ, около песчанаго, низкаго переволока въ заливъ Константина. Она видимо мелѣетъ отъ наносовъ впадающихъ на югѣ рѣчекъ Навгуканъ и Бранджа. Помимо главной р. Тугуръ, сюда изливаются Кутинъ, Мальмасинъ, Уяконъ, Корелъ и Мамга; около послѣдней есть якорная стоянка.

Такъ называемая Удская губа есть широкое и мало очерченное углубленіе въ материкъ, которое отличается незначительной глубиной и обширнымъ наноснымъ слоемъ всякаго ила, обнажающагося при отливѣ.

Алдомскую бухту ограничиваетъ съ восточной стороны гористый полуостровъ Нурки, простирающійся къ югу на 15 верстъ. Стоянка здѣсь удобна для судовъ только около этого полуострова, тогда какъ у материка тянется отмель съ огромными глыбами глинистыхъ сланцевъ, обнажающаяся въ малую воду. Посреди самаго устья р. Алдомы стоитъ высокій и плоскій островокъ Марфинъ, поросшій рѣдкой березой и ольхой.

Рѣка доступна для шлюпокъ немного выше этого островка, а дальше загромождена рѣчною галькой и громадными отложеніями плавника, уже покрытаго торфомъ.

Устье ея, прежде проходило немного южнѣе, что ясно замѣтно по каналу, теперь заросшему тундряной травой и кустарникомъ. По обѣимъ сторонамъ этого канала растутъ лиственницы, образуя узкую, красивую аллею. Когда-то американская компанія имѣла здѣсь большія постройки, теперь разрушенныя и поросшія мхомъ. Лѣтомъ этотъ уголокъ оживляется тунгусами, приходящими изъ-за Джугджура сюда для лова рыбы и исполненія христіанскихъ обязанностей. Здѣсь есть ветхая и жалкая часовня, построенная въ 1855 г.

Сѣверное побережье гораздо разнообразнѣе и представляетъ больше удобствъ для плаванія и якорной стоянки; жаль только, что нѣкоторыя бухты мало обслѣдованы и не имѣютъ морского про-

мѣра; но, судя по ихъ очертанію береговъ и разсказамъ тунгусовъ, нужно думать, что очень удобны для стоянки, въ особенности при вѣтрахъ отъ С. З. и С. В. Такова бухта Шилки, куда впадаютъ рр. Алаглы и Отворотная. Съ восточной стороны ея далеко вдается въ море отрогъ большого конуса Угня, стоящаго дальше, и кончается Шилкапскимъ мысомъ, за которымъ находится небольшая, но глубокая Шилкапская бухта, съ впадающими въ нее рѣками: Уня, Шилкапъ и Маша. За Шилкапской бухтой лежитъ очень глубоко вдающаяся бухта Лимачанъ [1]); за ней къ востоку, послѣ широкаго мыса слѣдуетъ Молтинская бухта, съ рѣкой Молтой, вершина которой сходится съ р. Курки. Рѣка Молта имѣетъ очень круглое паденіе и служитъ трактомъ для тунгусовъ, приходящихъ къ морю съ Гономни для промысла нерпъ. Эта рѣка проходитъ съ западной стороны высокой и красивой вершины Ушки. Здѣсь въ береговыхъ обнаженіяхъ Молты видны толстые пласты кварцу и бѣлая, вязкая, какъ тѣсто, глина съ ароматическимъ запахомъ. Далѣе слѣдуетъ нѣсколько небольшихъ бухточекъ: Дулгинская, Беранджа и пр.

Тауйская губа имѣетъ подковообразную форму съ двумя большими и удобными бухтами: Оджанъ на востокѣ и Мотыклей на западѣ; кромѣ того здѣсь нѣсколько бухтъ меньшихъ размѣровъ; такова б. Бантамланъ, по сѣверному берегу Мотыклея и бухты Мивканъ и Олакъ, образующія Мивканскій полуостровъ. Кромѣ того противъ устья Кавы и Яны лежитъ закрытый Амахтонскій заливъ.

Послѣ Сигнальной губы съ большими отмелями слѣдуетъ Бабушкина, которая распадается на три залива, со многими (до 15), впадающими въ нихъ рѣчками.

Въ особенности важна Ямская губа, болѣе удобная для судовъ, чѣмъ Ольскій рейдъ. На Ямскомъ полуостровѣ есть также нѣсколько небольшихъ, но удобныхъ бухточекъ, которыя со временемъ, быть можетъ, пригодятся при эксплоатаціи горныхъ богатствъ этого полуострова.

Самыми большими въ сѣверовосточномъ углу Охотскаго моря служатъ губы Гижигинская и Пенжинская; первая вдается на 200, а вторая на 250 вер. Глубина ихъ постепенно убываетъ по мѣрѣ приближенія къ устью рѣкъ, хотя въ неодинаковой степени. Въ то время, когда отъ устья Гижиги суда должны становиться на якорь

---

[1]) На картахъ она обозначена губа Еіринейская. Такого названія мѣстные тунгусы не знаютъ.

въ 20 вер., до сел. Каменскаго доходятъ шхуны и, вѣроятно, возможенъ доступъ пароходамъ, если бы былъ сдѣланъ морской промѣръ.

Въ Гижигинской губѣ есть нѣсколько маленькихъ бухтъ; таковы Ямская, заливъ «Пестрая Дресва» около р. Вилиги; небольшая, но вполнѣ закрытая бухточка въ устьѣ р. Студеной, куда прежде заходили американскія суда; Вархоламская губа, и наконецъ Внутрення бухта на юго-западной оконечности Тайгоносскаго полуострова. Въ Пенжинскомъ заливѣ мы имѣемъ двѣ большихъ губы—Мамечинскую и Рекиникскую, и три бухты—Подкагирную, Итканскую (на восточномъ берегу Тайгоноса) и противъ устья р. Исхатнынъ, у сел. Мамечи. Глубина Пенжинской губы мало обслѣдована и потому суда неохотно туда заходятъ. Въ 1897 г. пароходъ «Котикъ» потерпѣлъ неудачу въ своей попыткѣ высадиться въ селѣ Каменскомъ, потому что устье рѣки оказалось заграждено подводными камнями, проходъ между которыми безъ надлежащаго промѣра былъ бы рискованнымъ дѣломъ, хотя въ 1895—1896 г. шхуна «Сибирь» и выгружала здѣсь товары, стоя у самаго селенія.

Аянская бухта закрыта съ трехъ сторонъ отрогами хребта и простирается на 2 версты въ длину и около 1 версты въ ширину. Она вскрывается ото льда въ первой трети іюня, а покрывается тонкимъ льдомъ въ началѣ ноября.

Островами Охотское море при своей громадной площади [1]) также небогато; въ юго-западномъ его углу лежитъ группа Шантарскихъ острововъ, изъ которыхъ Б. Шантаръ и Феклистовъ по величинѣ занимаютъ первое мѣсто. Первый имѣетъ въ длину около 60 вер. (съ востока на западъ) и почти такую же ширину, съ небольшой бухточкой на южной сторонѣ (Яшкина), и порядочнымъ озеромъ на сѣверномъ склонѣ; сильно гористъ и покрытъ лѣсомъ. Сюда пріѣзжаютъ инородцы за промысломъ медвѣдей, лисицъ и соболей. Въ прежнее время Шантары были на откупѣ для промысла, а въ 1830—31 г. здѣсь существовалъ поселокъ Р. А. Компаніи.

О. Феклистовъ лежитъ къ западу отъ Б. Шантара и имѣетъ въ длину до 9 верстъ; также съ небольшой бухтой—Лебяжьей, на южной сторонѣ.

Къ этой же группѣ принадлежитъ до 10 менѣе значительныхъ острововъ [2]), множество отдѣльныхъ кекуръ и подводныхъ мелей.

---

[1]) Наибольшая длина, 2,300 верстъ, а ширина 1,200 верстъ.

[2]) Поклонскій, на бригѣ «Охотскъ» въ 1847 г. открылъ два новыхъ острова—Меньшикова и Рейнеке, см. Свенске. Обзоръ главнѣйшихъ путешествій. Спб. 1855, т. 1, стр. 163.

Прикрывая съ сѣвера Тугурскій заливъ и находясь на пути двухъ теченій, Шантарскіе острова служатъ мѣстомъ скопленія льдинъ въ Охотскомъ морѣ, которыя, благодаря существующимъ водоворотамъ, подолгу здѣсь задерживаются, что служитъ причиной тумановъ и значительнаго пониженія температуры воздуха. Льды здѣсь держатся, обыкновенно, до второй половины іюня; въ 1896 г. промышленники изъ Чумикана вернулись съ Б. Шантара 8-го іюля. Около этого времени доступъ судамъ обыкновенно свободенъ; но бываютъ случаи и болѣе поздняго задержанія льда. Такъ Старицкій, 3 авг. 1869 г., подходя къ сѣверо-западной оконечности Сахалина, наткнулся на необозримыя массы льда[1]).

На С.-В. отъ Б. Шантара и прямо на С. отъ Сахалина, въ 210 в. лежитъ интересный о. Св. Іоны, открытый экспедиціей Биллингса. Это—голый и отвѣсный утесъ около $3^1/_2$ в. въ окружности, возвышающійся надъ моремъ на 366 метровъ.

Судя по глубинамъ моря вокругъ острова, нужно думать, что онъ вулканическаго происхожденія и представляетъ остатокъ провалившагося вулкана.

По всему западному берегу Охотскаго моря можно назвать только два Мальминскихъ острова въ 300 саж. отъ берега и въ 15 в. отъ полуострова Нурки. Это совершенно голыя скалы безъ всякой растительности; онѣ состоятъ, по опредѣленію Богдановича, изъ біотитоваго гранита розоваго и сѣраго цвѣта и метаморфизированныхъ известняковъ. На разстояніи отъ Охотска до Пенжинской губы мы имѣемъ всего одинъ сравнительно большой Русскій (Ольскій) островъ, имѣющій въ миніатюрѣ конфигурацію Б. Шантара, также съ истокомъ прѣсной воды на сѣверной сторонѣ. Кромѣ того мы встрѣчаемъ много «талыковъ» и скалистыхъ мелкихъ островковъ въ Тауйской, Ямской и Пенжинской губахъ.

Такимъ образомъ, при разсмотрѣніи береговой линіи [2]), васъ поражаетъ ея бѣднота, нерасчлененность, отсутствіе удобныхъ бухточекъ и прибрежныхъ островковъ; почему плаваніе здѣсь не только на парусныхъ, но даже на паровыхъ судахъ становится крайне затруд-

---

[1]) Старицкій. Гидрографическая командировка въ Восточномъ океанѣ. Спб. 1873, стр. 42—48.

[2]) По классификаціи Рихтгофена западный берегъ моря относится къ типу продольныхъ береговъ, т. е. береговая линія идетъ параллельно направленію горной цѣпи Станового хребта, а названные заливы имѣютъ типъ лиманный, въ видѣ треугольниковъ.

нительнымъ, а иногда почти невозможнымъ. Подобная конфигурація берега всегда будетъ тормозить широкое развитіе плаванія,—и только обиліе рыбы, китовъ, хорошаго лѣса и присутствіе полезныхъ ископаемыхъ какъ-то: золота, графита и др. можетъ вознаградить рискъ и тяжелыя условія судоходства.

Охотское море замерзаетъ только у береговъ болѣе или менѣе широкой полосой, которая однако прибоемъ и теченіями разбивается; ледъ стоитъ большею частію у сѣвернаго берега.

Въ то время, когда Гижигинская губа покрывается льдомъ на большое разстояніе, Пенжинская—всю зиму совершенно открыта, и изъ села Мамечи можно переплывать на шлюпкѣ на Тайгоносъ въ село Иткану; только отдѣльныя льдины носятся взадъ и впередъ, толкаемыя приливомъ и отливомъ.

Рис. 2. Орудія каменнаго вѣка въ Камчаткѣ: наконечники стрѣлъ и топоръ.

ГЛАВА III.

Географическій очеркъ Камчатки.

Полуостровъ Камчатку мы будемъ разсматривать не въ границахъ ея административнаго отдѣленія, а такъ, какъ она представляется съ географической и геологической точекъ зрѣнія. Петропавловскій округъ, заключающій Камчатскій полуостровъ, обыкновенно проводитъ свою сѣверную границу по р. Лѣсновской чрезъ Камчатскій хребетъ на р. Карагу, гдѣ находится послѣдній сѣверный его острожекъ; между тѣмъ, какъ самый полуостровъ, такъ и его хребетъ тянутся еще далеко къ сѣверо-востоку. Насколько такая граница удобно въ административномъ отношеніи, судить не беремся; съ своей стороны можемъ только указать на то, что съ одной стороны тунгусы и коряки, кочующіе на такъ называемомъ Парапольскомъ долѣ, переходятъ южный берегъ пограничной рѣки, доходятъ до Тигиля и даже спускаются къ Большерѣцку; а съ другой—не только жители селеній Тымлаты и Караги, но Олюторскаго и Вывнуки приходятъ для промысла на Карагинскій островъ, принадлежащій Петропавловскому округу. На этотъ островъ въ послѣднее время переселилось нѣсколько семействъ коряковъ-кочевниковъ съ своими табунами оленей. Съ точки зрѣнія географической и геологической подобное разграниченіе не выдерживаетъ строгой критики. Представляя ниже основанія для другого взгляда на границы Камчатки, мы будемъ принимать, что сѣверная граница этого полуострова проходитъ по р. Таловкѣ; затѣмъ чрезъ Парапольскій долъ по Камчатскому хребту до вершины р. Олюторской; далѣе по Олюторскому отрогу до мыса того же имени; на С. В. отъ этого отрога сейчасъ поднимается большой горный узелъ Полъ-Полъ, съ широкимъ основаніемъ; почти

на пересеченіи 63° с. ш. съ 170° в. д. отъ Гринвича, отрогъ соединяется съ главнымъ Камчатскимъ хребтомъ. Такимъ образомъ по нашему взгляду, Камчатка будетъ лежать между 51° и 62½° с. ш. [1]); долготное простираніе, въ силу ея направленія на NNO, сильно варьируетъ: западный берегъ до 56½ параллели поднимается почти прямо на сѣверъ по 155½ миридіану (къ востоку отъ Гринвича); далѣе сохраняетъ общее направленіе полуострова, т. е. С. С. В. до глубины Пенжинской губы; иначе сказать, что все побережье сѣвернѣе Тигиля лежитъ восточнѣе, чѣмъ м. Лопатка и вся восточная половина Камчатки на югъ отъ Авачинской губы. Восточный берегъ идетъ весьма неправильно, выдвигаясь съ 156° 45′ (в. д. Гр.) большими выступами на востокъ; первый изъ этихъ выступовъ съ мысомъ Шипунскимъ достигаетъ подъ 53° с. ш. 160 меридіана; второй выступъ кончается Кроноцкимъ мысомъ почти на пересѣченіи 55° с. ш. съ 162° в. д.; далѣе слѣдуетъ третій выступъ съ Камчатскимъ мысомъ подъ 56° ш. и 163½° в. д. Послѣ этого восточный берегъ отклоняется на западъ двумя длинными, но небольшими углубленіями (заливы Столбовой и Укинскій) — достигая опять 162° 30 в. д.; наконецъ у сел. Кичиги (60° с. ш.) круто поворачиваетъ на востокъ, образуя небольшую дугу съ глубоко врѣзывающимся въ материкъ заливомъ барона Корфа, — дальше котораго слѣдуетъ Олюторскій заливъ, мысы котораго на востокѣ Олюторскій, а на западѣ — Говенскій упираются въ 60 параллель. Изъ этого видно, что наиболѣе широкая полоса Камчатскаго полуострова лежитъ на 56 параллели, а самая узкая на 59½ параллели у устья р. Тымлаты, судя по картѣ; но коряки и камчадалы увѣряли насъ, что самое узкое разстояніе находится между устьемъ р. Пустой, по западному берегу, и бухтой Айхгвынъ, на восточномъ, сѣвернѣе сел. Кичиги, которой на картахъ нѣтъ. Этому показанію старожиловъ, ежегодно переваливающихъ съ одного берега на другой въ разныхъ пунктахъ, легко повѣрить, потому что, находясь на низкомъ перевалѣ «Капитанъ» въ Камчатскомъ хребтѣ, при его незначительной высотѣ, намъ хорошо видны были съ одной стороны устье р. Пустой и Большой Камень (противъ устья этой рѣки), а съ другой—большая площадь вышеназванной бухты Айхгвынъ.

Площадь Камчатки, опредѣленная въ административныхъ грани-

---

[1]) Точнѣе: между 50°50′ и 62½°.

цахъ, равняется 339,697 кв. верстъ, а при нашей сѣверной границѣ полуострова она достигаетъ гораздо большей величины.

Изъ всѣхъ четырехъ округовъ Охотско-Камчатскаго края, Камчатка, открытая сравнительно позже всѣхъ, раньше всего обратила на себя вниманіе изслѣдователей, и потому сравнительно болѣе извѣстна, чѣмъ остальные. Можетъ быть, ея грозные и величественные вулканы-сопки привлекали сюда ученыхъ путешественниковъ, или же ея изолированное положеніе среди двухъ морей сулило пытливому уму больше научнаго интереса, какъ въ мѣстной флорѣ, такъ и въ фаунѣ. Какъ-бы то ни было, но уже во вторую экспедицію Беринга, минуя Охотскъ, являются сюда два молодыхъ ученыхъ, на долю которыхъ выпала счастливая судьба описать дикую, но любопытную страну и ея первыхъ аборигеновъ. Это были, какъ мы говорили, студенты Ст. Крашенинниковъ и адьюнктъ Стеллеръ; первый присланъ былъ сюда изъ сухопутной половины экспедиціи Беринга Гмелинымъ и Миллеромъ, въ 1737 г., а Стеллеръ явился немного позже (21 сент. 1740 г.) и, проведя зиму на полуостровѣ въ разъѣздахъ, весной вмѣстѣ съ начальникомъ экспедиціи отправился (4 іюня 1741 г.) для отысканія Американскаго берега.

Благодаря этимъ первымъ натуралистамъ, бывшимъ на полуостровѣ, мы имѣемъ подробное и всестороннее описаніе Камчатки, ея природы, флоры, фауны и жителей въ ихъ первобытномъ состояніи [1]). Дальнѣйшія изслѣдованія въ этомъ направленіи надолго прерываются; видимо, этотъ вопросъ казался тогда достаточно исчерпаннымъ,— и только почти чрезъ сто лѣтъ послѣ Крашенинникова и

---

[1]) Крашенинникову Правительство предоставило всѣ возможные способы и средства: безплатная прислуга — казаки, подводы; онъ долженъ былъ объѣхать всю Камчатку, все видѣть, испытать и наблюдать; ему позволенъ былъ доступъ въ архивы и присутственныя мѣста для обозрѣнія бумагъ прошлаго времени; тогда какъ Стеллеръ часто долженъ былъ путешествовать по Камчаткѣ пѣшкомъ, встрѣчая всевозможныя притѣсненія со стороны мичмана Хметевскаго.

Послѣ возвращенія съ о. Беринга, проведя еще два года въ Камчаткѣ, Стеллеръ по несчастному недоразумѣнію былъ задержанъ на обратномъ пути и погибъ отъ горячки въ Тюмени (12 нояб. 1746 г.), не приведя своихъ изслѣдованій въ порядокъ.

Труды Стеллера отчасти остались неизданными и хранятся въ архивахъ Академіи Наукъ, частію были напечатаны у насъ и за границей: Steller. De bestis marinis. 1751. Novi commentarii Academiae Petropolitanae, II, Записки Академіи Наукъ, т. XV.—Его же. Beschreibung von den Lande Kamtschatka. Frankfurt und Leipzig, 1774, съ рисунками и картой.

Стеллера наука снова начинаетъ интересоваться какъ физической природой полуострова, такъ животными и растительными формами ему свойственными. Сначала Эрманъ (въ 1829 г.) а потомъ Дитмаръ (въ 1851—1854 г.) много сдѣлали для изученія геологическаго строенія полуострова; въ ихъ описаніяхъ путешествія разбросано много указаній какъ на мѣстную флору и фауну, такъ и на бытъ, нравы и экономическое положеніе жителей [1]).

Послѣ этого посѣтили Камчатку ради зоологическихъ цѣлей Вознесенскій (1847 г.), Дыбовскій и Стейнегеръ; изъ нихъ д-ръ Дыбовскій, въ качествѣ окружнаго врача, прожилъ на полуостровѣ четыре года (1879—1883 г.), а остальные два были только временно.

Этимъ заканчивается изученіе полуострова и его жизни въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Гораздо больше потрачено времени и труда на изученіе береговой полосы, на морскія описи и астрономическія наблюденія, безъ чего, конечно, немыслима была бы карта Камчатки. Рядъ подобныхъ изслѣдованій начинается со второй Камчатской экспедиціи, и первыя описи южной части полуострова были сдѣланы штурманомъ Елагинымъ въ 1739 г. Послѣ него слѣдуетъ почти безпрерывный рядъ такихъ работъ, производившихся то геодезистами, то унтеръ-офицерами, то сержантами геодезіи [2]), то наконецъ нашими знаме-

[1]) Эрманъ засталъ еще остатки прежнихъ юртъ и балагановъ, равно какъ и прежнія языческіе обычаи и нравы; при немъ мухоморы были въ большомъ употребленіи, а шаманы пользовались прежнимъ почетомъ. Камчадалы, говоритъ онъ, держались не только далеко отъ русскихъ, но даже избѣгали родственнаго смѣшенія съ своими сосѣдями, языкъ которыхъ отличался. Перерожденіе камчадалъ и ассимиляція ихъ русскими шли такъ быстро, что Дитмару, при его многочисленныхъ поѣздкахъ по Камчаткѣ, приходилось только записывать старину по разсказамъ, или довольствоваться этнографическими находками.

[2]) Работы этихъ скромныхъ тружениковъ достойны упоминанія: въ 1739 г. Елагинъ вышелъ на байдарѣ изъ Большерѣцка и, обогнувъ Лопатку, достигъ Авачинской губы, сдѣлавъ такимъ образомъ опись всей южной оконечности полуострова. Отъ него сохранилась карта. Къ тому же времени относятся работы геодезиста Андр. Красильникова, о заслугахъ котораго хорошо отзывался академикъ Струве. (Записки Гидрограф. Д-та, 1849 г., кн. I, стр. 24—25). Въ 1742 г. отсюда опись была продолжена къ сѣверу до Кроноцкаго мыса гардемариномъ Юрловымъ, журналъ работъ котораго также сохранился одновременно, на западномъ берегу, съ одной стороны отъ Большерѣцка до р. Палана занимался описью геодезистъ Ушаковъ, на собакахъ зимой; мичманъ Хметевскій, завѣдывавшій морской частью Охотскаго порта, въ 1743 г. производилъ опись отъ Охотска до Гижигинска, но оставивъ эту работу на р. Вилигѣ и минуя Гижигинскую и Пенжинскую губы, на суднѣ перебрался

нятыми мореплавателями, какъ Крузенштернъ, Головнинъ, Коцебу и Литке, въ путешествіяхъ которыхъ можно найдти много данныхъ какъ для изученія жизни страны и инородцевъ, такъ и для картографіи полуострова. Не смотря однако на всѣ соединенныя старанія опытныхъ моряковъ, нельзя сказать, чтобы Камчатка была удовлетворительно описана: астрономическихъ опредѣленій было сдѣлано мало, а потому береговая черта, равно какъ и вся карта Камчатки оставляетъ желать еще многаго, въ особености по части топографіи и орографіи полуострова.

Что касается описныхъ работъ съ морскихъ судовъ, то дававшіяся въ этомъ отношеніи инструкціи и любовь къ дѣлу командировъ судовъ встрѣчали непреодолимое препятствіе въ неблагопріятной погодѣ, заставлявшей обыкновенно ихъ въ такихъ случаяхъ удаляться отъ берега; тѣмъ не менѣе работы Коцебу, Крузенштерна, Литке и др. доставили богатый матеріалъ. Когда же изъ Петропавловска портъ былъ перенесенъ (1855 г.) въ Николаевскъ, то Камчатка потеряла видимо всякій интересъ для моряковъ. Этимъ только и можно объяснить, что бухта барона Корфа описана въ самое послѣднее время, въ 1885 г. шкиперомъ Гекомъ на шхунѣ «Сибирь», а побережье на югъ отъ нея до сел. Карагинскаго до сихъ поръ на картахъ обозначается пунктиромъ, какъ неизслѣдованное.

Познакомившись съ историческимъ ходомъ изслѣдованій и описаній Камчатки, перейдемъ теперь къ подробному разсмотрѣнію ея границъ и орографическаго характера.

Камчатка представляетъ широкій, неправильной формы полуостровъ, кончающійся на югѣ острымъ и низменнымъ мысомъ, называемымъ Лопаткой; по своему очертанію она напоминаетъ гигантскій кремневый наконечникъ, каменнаго періода, аборигеновъ края. Этотъ полуостровъ лежитъ между Охотскимъ моремъ съ запада и

въ Камчатку, гдѣ продолжалъ эти работы (зимой 1743—1744 гг.) между селеніями Кахтана и Большерѣцкъ. Третья съемка того же берега была произведена геодезистомъ Елистратовымъ въ 1787 г. (ib. Ч. X, стр. 130 и слѣд.) на байдарахъ. Послѣ этого на западномъ берегу описныхъ работъ не производилось, а на восточномъ работалъ въ 1790 г. сержантъ геодезіи Гилевъ отъ Авачи до Лопатки и далѣе на Курильскихъ островахъ; въ это время унтеръ-офицеръ Худяковъ ходилъ къ сѣверу до Шипунскаго мыса.

Наконецъ въ 1831 г., при управленіи Камчаткой капитаномъ 1 ранга Голеницевымъ, штабсъ-капитанъ корпуса штурмановъ Ильинъ (1830—1831 гг. много потрудился надъ исправленіемъ описи и карты, начиная отъ Лопатки и до м. Шипунскаго; его работу продолжалъ отъ Шипунскаго до устья р. Камчатки штурманъ Скрыповъ (1833 г.).

Тихимъ океаномъ и его сѣверною частію—Беринговымъ моремъ на востокѣ. Сѣверную границу этого полуострова можно опредѣлять различнымъ образомъ. Въ административномъ отношеніи, какъ мы говорили выше, сѣверная граница Петропавловскаго (Камчатскаго) округа проводится съ устья р. Тымлаты черезъ перевалъ на р. Лѣсновскую до устья. Это дѣленіе искусственное и конечно не даетъ никакого представленія о размѣрахъ полуострова; нѣкоторые путешественники хотѣли видѣть сѣверную границу полуострова въ водораздѣлѣ рѣкъ[1]). Такъ между прочимъ Головнинъ пишетъ[2]): если весь полуостровъ включить подъ одно сіе наименованіе, что кажется и должно сдѣлать, то сама природа почти отдѣляетъ уже оный отъ материка Азіи рѣками Анадыромъ и Пенжиною, изъ коихъ первая течетъ въ восточный океанъ, а послѣдняя въ заливъ Охотскаго моря, именуемый по сей рѣкѣ Пенжинскимъ; обѣ онѣ вершинами весьма близко одна къ другой подходятъ.

Принятіе такой границы имѣло бы основаніе, еслибы подтверждалось геологическими данными, какъ мы увидимъ ниже. Это мнѣніе раньше было высказано Крашенинниковымъ, хотя онъ признаетъ и другую, болѣе южную границу, именно самое узкое мѣсто полуострова между рр. Пустая и Анапкой[3]). Иногда въ основу отграниченія полуострова принимался этнографическій элементъ; и Камчаткой называли такую страну, гдѣ обитали Камчадалы во время перваго появленія тамъ русскихъ. Но это воззрѣніе теряетъ всякую почву, потому что, по лингвистическимъ изслѣдованіямъ, и сами камчадалы не представляли одной опредѣленной народности, а сѣверные скорѣе были родственной варіаціей корякъ, чѣмъ настоящихъ камчадаловъ.

Въ основу разграниченія Камчатки отъ материка должны быть приняты физическія особенности полуострова и ея геологическое прошлое. Мы выше говорили, что Колымскій хребетъ, начинаясь отъ Оймеконскаго плоскогорія, постепенно спадаетъ къ Охотскому морю; отроги его, врѣзывающіеся между Пенжиной и Майномъ, не вы-

---

[1]) Крашенниковъ. Описаніе земли Камчатки. Спб. 1818 г, т. I, стр. 2.
[2]) L. c. ч. II, стр. 103.
[3]) Р. Анапкой, по словамъ Крашенинникова, находится въ 100 в. отъ Кичиги (стр. 79), т. е. дальше, чѣмъ р. Култушная, впадающая въ глубину залива барона Корфа. Очевидно, это—несообразность, которую онъ самъ не провѣрилъ.

дѣляются ни своею высотою, ни сильнымъ развитіемъ своей подошвы въ ширину. Съ другой стороны хребты Камчатскаго полуострова, идущіе параллельно, по его длинѣ, отличаются своимъ вулканическимъ характеромъ, а громадныя сопки его, поднимающіяся гигантскими конусами, не имѣютъ ничего общаго съ материковымъ — Колымскимъ хребтомъ. Между тѣми и другими тянется тундряная низменность — Парапольскій долъ, который по характеру своего образованія и по находимымъ морскимъ окаменѣлостямъ нужно признать за дно бывшаго пролива, отдѣлявшаго Камчатскій островъ отъ материка [1]). Срединный Камчатскій хребетъ не переходитъ въ Колымскій, а поворачивая на С. В. съ $61^1/_2$ параллели, упирается въ отроги хребта Полъ-Полъ, изъ которыхъ одинъ направляется къ Олюторскому, а другой къ мысу Ѳадѣя.

Чтобы яснѣе обрисовать рельефъ Камчатскаго полуострова прежде всего нужно обратить вниманіе на расположеніе хребтовъ. При бѣгломъ обзорѣ карты Камчатки, мы видимъ, что, начиная съ южной оконечности полуострова, сейчасъ за низкимъ песчанымъ мысомъ Лопаткой встаетъ гряда горъ съ обособленными сопками, которая, постепенно возвышаясь, занимаетъ все восточное побережье, а по западному начинается низкая тундра.

У вершины рр. Начикинской и Коряцкой строеніе горной цѣпи усложняется вслѣдствіе самостоятельнаго поднятія на западѣ Опальной сопки и образованія горной перемычки между прежнимъ хребтомъ и началомъ новаго—Срединнаго, Камчатскаго хребта; между ними лежитъ такъ называемая Камчатская вершина (или Ганальская тундра), съ которой берутъ начало р. Камчатка, идущая на сѣверъ, и р. Быстрая, огибающая южный конецъ послѣдняго хребта и текущая на юго-западъ.

Начиная съ Камчатской вершины, мы имѣемъ двѣ горныхъ, почти параллельныхъ цѣпи. Разсмотримъ сначала главную, или Срединный Камчатскій хребетъ.

Онъ, какъ мы говорили, начинается отъ Ганальской тундры массивной цѣпью горъ съ широкимъ основаніемъ, на которой рѣзко выдѣляются конусы двухъ сопокъ—Кыргырыкъ и Китачалнъ, откуда уже идутъ сильно развитые отроги вдоль праваго берега р. Быстрой, почти до ея сліянія съ р. Большой. Далѣе Камчатскій Срединный хребетъ направляется почти по срединѣ полуострова, въ своихъ

---

[1]) Майдель, L. c. т. II, стр. 100, 101 и 115.

уклоненіяхъ слѣдуя главнымъ образомъ очертанію западнаго берега, до вершины р. Ича, гдѣ характеръ хребта и его отроговъ видимо измѣняется и гдѣ поднимается громадный массивъ Ичинской (или Бѣлой) сопки. Все это пространство занято сплошной горной цѣпью съ острымъ гребнемъ и короткими, пологими отрогами какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. Съ западной его стороны обособляется нѣсколько конусообразныхъ сопокъ, какъ Кичуа у вершины р. Кихчики, Кошхольнъ—у Колы, Ита у Воровской, Ашова—у Колпаковой и Яканъ у Крутогоровой; по правой вершинѣ р. Ичи жители называютъ еще сопку Красною.

Сѣвернѣе этой рѣки Срединный хребетъ, продолжая свое прежнее направленіе и сохраняя острый гребень, даетъ уже громадные отроги въ обѣ стороны, которые, въ видѣ холмовъ и высокихъ уваловъ, выполняютъ все пространство до берега Охотскаго моря съ одной стороны и до р. Камчатки съ другой, — особенно у селеній Козыревскъ и Ушки.

У Тигильской вершины рельефъ хребта снова мѣняется, вслѣдствіе образованія какъ бы самостоятельной цѣпи горъ на восточной сторонѣ, лежащей между вершинами Иджаганъ и Крестовой (притоковъ Камчатки); на западной сторонѣ противъ этого отдѣльнаго хребтика обособляется сначала сопка Ангвай, у лѣвой вершины р. Харьюзовки, а затѣмъ ближе къ морю, отъ праваго притока послѣдней начинаются двѣ параллельныхъ цѣпи горъ, изъ которыхъ западная называется Медвѣжьей, а лежащая между ней и Срединнымъ хребтомъ—Нейны[1]). Обѣ эти цѣпи, образуя щеки на р. Тигиль, продолжаются на правой ея сторонѣ подъ именемъ: первая — Тигильскаго хребта, а вторая—Пирожникова, на сѣверъ почти до вершины р. Воямполки, гдѣ онѣ переходятъ въ высокіе увалы, отчасти сливаясь съ Срединнымъ хребтомъ.

Этотъ послѣдній въ районѣ истоковъ Тигиля — р. Сѣданки и собственно Тигиля также подвергся значительному измѣненію. Трехъугольникъ между названными истоками представляетъ горную мѣстность, безъ рѣзкихъ очертаній гребня, переходящую на востокъ, послѣ пологихъ формъ хребта, въ обширную ровную и нагорную тундру—такъ называемую Столбовую. По обѣ стороны р. Сѣданки, мы уже находимъ вулканическое кольцо горъ, отдѣльныя вершины которыхъ подни-

---

[1]) По Дитмару, этотъ хребетъ начинается отъ сопки Тепана, а по нашимъ наблюденіямъ и словамъ казакамъ—отъ с. Баяхинъ.

маются до $2^1/_2$ т. ф. надъ уровнемъ моря. Переваливъ со стороны Еловки отлогій хребетъ, вы попадаете на р. Сѣданку, гдѣ по лѣвому берегу ея стоитъ Столовая отдѣльная гора, названная нами Палатой, въ которой на высотѣ почти 1 т. ф. находятся отложенія лигнита, а далѣе на правомъ берегу въ полукольцѣ острыхъ гребней высится Двухглавая, или Двухъюрточная сопка; отъ вершины послѣдней начинается каналъ застывшей лавы, выполнившей долину названнаго полукольца. Западнѣе ея выдаются изъ потоковъ лавы острыя ребра провалившагося другого кратера, лава котораго, толщиной отъ 3 до 8 сажень, не дошла до р. Сѣданки всего какихъ-нибудь 10—15 верстъ.

Въ этомъ мѣстѣ недавней вулканической дѣятельности, судя по неизмѣнившейся лавѣ, Срединный хребетъ, давъ широкіе отроги въ обѣ стороны, въ особенности къ востоку, снова обособляется до узкаго и остраго подъема, который продолжается въ такомъ видѣ до Паланскаго озера. Здѣсь, къ востоку онъ круто обрывается, а на западѣ даетъ путаную сѣть отроговъ, среди которой выдѣляется какъ бы отдѣльный хребетъ, начинающійся немного выше слiянія двухъ истоковъ рѣки Лѣсновской и продолжающійся на югъ до рѣки Палаланъ, западнѣе ея праваго притока Иннувея, потомъ чрезъ эту рѣку въ видѣ щекъ до р. Воямполки.

У вершины правой Лѣсновской р. кончаются западные отроги Станового хребта, сѣвернѣе которыхъ начинается ровная возвышенная тундра, переходящая потомъ въ Парапольскій долъ до р. Таловки. На всемъ этомъ протяженіи Срединный хребетъ съ западной стороны представляется высокой стѣной, перевалить черезъ которую можно только въ немногихъ пунктахъ.

На восточномъ склонѣ отъ р. Уки идутъ небольшіе, но короткіе и высокіе отроги до истоковъ Караги; сѣвернѣе ея почти до р. Кичиги Срединный хребетъ круто спускается къ широкой тундрѣ, занимающей все пространство до моря.

У селенія и рѣки Вирувея снова начинаются отроги, доходящіе до Берингова моря; здѣсь рельефъ мѣстности сильно измѣненъ вслѣдствіе новаго поднятія горъ и сопокъ въ прибрежной полосѣ, обхватывающихъ дугой какъ заливъ барона Корфа, такъи Олюторскую губу.

Отъ Большого озера, лежащаго на Парапольскомъ долѣ и изливающагося въ лѣвую Таловку, Камчатскій хребетъ сильно уклоняется къ востоку, гдѣ, какъ мы говорили, подъ 170° в. д. встрѣчается съ самостоятельнымъ платообразнымъ поднятіемъ Полъ-Пола.

Оставивъ на время сѣверный конецъ Срединнаго Камчатскаго хребта и его отношеніе къ материковому—Колымскому, прослѣдимъ за Восточной Камчатской цѣпью, которую мы оставили у сел. Ганалы.

Тамъ, гдѣ лежитъ вышеупомянутая Камчатская вершина, Восточный хребетъ образуетъ высокую угрюмую стѣну съ острыми ребрами и гребнемъ, надъ которой выдѣляется громадныхъ размѣровъ потухшій кратеръ Беннbackenъ[1]); дальше этотъ хребетъ тянется подъ именемъ Ганальскихъ остряковъ[2]), которые къ югу служатъ водораздѣломъ между рр. Большая и Авача, а къ сѣверу подъ именемъ Валагинскаго хребта—между рр. Камчаткой и Жупановой, текущими въ разныхъ направленіяхъ. У вершины послѣдней рѣки съ Восточнымъ хребтомъ сливаются отроги цѣлой группы вулканическихъ сопокъ, охватывающихъ Кроноцкое озеро. Дальше этотъ правильный контуръ Восточнаго хребта затемненъ цѣлымъ рядомъ частію дѣйствующихъ, частію потухшихъ вулкановъ, склоны и подножія которыхъ образуютъ гористую мѣстность какъ въ сторону моря, такъ къ Камчатской долинѣ. Но въ общемъ, по разсказамъ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ этотъ районъ, сплошная цѣпь описываемаго хребта тянется дальше восточнѣе Ключевской группы сопокъ и р. Хапичанъ; при устьѣ ея и противоположнаго лѣваго притока Камчатка-Хабылкананъ, онъ образуетъ высокія и узкія щеки, пропуская р. Камчатку, и дальше, оставляя на западѣ сопку Шевелючъ, теряется въ платообразномъ возвышеніи, которое идетъ отъ Срединнаго хребта къ восточному берегу, подъ именемъ Новиковской вершины.

На восточномъ побережьѣ отъ этого хребта мы встрѣчаемъ нѣсколько группъ вулканическихъ поднятій самаго послѣдняго (въ геологическомъ смыслѣ) времени. Таковы: Авачинская группа сопокъ, Жупанова, Кроноцкая, а къ западу по правому берегу р. Камчатки Ключевская и Толбачинская, но объ этихъ сопкахъ мы поговоримъ ниже.

Такимъ образомъ основу Камчатскаго полуострова и такъ сказать его первоначальное ядро составляетъ Срединный Камчатскій хребетъ, который дѣлитъ Камчатку почти на двѣ равныя части; параллельно ему лежитъ Восточная цѣпь, которая тянется непрерывной линіей отъ Курильскаго озера до р. Озерной. На западной сторонѣ

---

[1]) Дитмаръ пишетъ Баккенингъ.

[2]) Высота ихъ отъ 4,000 до 4,800 по Эрману.

нѣтъ соотвѣтствующаго хребта этому послѣднему, но сѣвернѣе р. Харьюзовой обособляются двѣ горныхъ цѣпи, доходящія до Воямполки или даже до р. Лѣсной. Въ сѣверной оконечности Камчатскаго полуострова по тому же западному берегу снова встаетъ Морской, береговой хребетъ, начинающійся Мамечинскими горами и оканчивающійся у р. Таловки пологимъ уваломъ Ветхавойгенъ, т. е. плоскій хребетъ по-коряцки.

Сообразно такому распредѣленію хребтовъ, рельефъ западной и восточной сторонъ полуострова сильно варьируетъ. Отъ Лопатки до м. Озерного восточный склонъ представляетъ гористую мѣстность, съ крутыми берегами и рѣдкой древесной растительностью. Отъ Укинскаго селенія до Кичиги лежитъ моховая тундра, которая достигаетъ своего наибольшаго развитія между Дранкой и Кичигой.

Южный уголокъ западнаго побережья занятъ высокими горами вулканическаго происхожденія; отъ сел. Явино до Большерѣцка лежитъ болотистая тундра; дальше идетъ травяная тундра, переходящая у р. Крутогоровой въ волнообразную, состоящую изъ пологихъ уваловъ мѣстность. Здѣсь къ травяному покрову тундры начинаетъ примѣшиваться кой-гдѣ моховой.

Съ поднятіемъ западныхъ прибрежныхъ хребтовъ мѣстность носитъ то характеръ луговъ, то травяной тундры, то покрытыхъ березникомъ уваловъ; наконецъ за Лѣсновскимъ отрогомъ[1]) отъ Средняго хребта начинается настоящая моховая обширная тундра Парапольскаго дола.

Это безлѣсная, слегка волнообразная низина, топкая лѣтомъ и кажущаяся гладкой скатертью зимой, изрѣзана широкими оврагами, по которымъ стекаютъ тундряныя рѣчки; скатъ ея къ Охотскому морю кончается небольшимъ обрывомъ. Но уже у Рекиникикской бухты берега поднимаются до 600—700′ надъ уровнемъ моря; затѣмъ у самаго берега тянется очень массивный кряжъ, съ острыми пиками и крутыми склонами, который какъ самъ по себѣ, такъ и своими отрогами отгораживаетъ Парапольскій долъ со стороны моря. Близъ сел. Мамечи, у м. Мама и устья р. Палаланъ, этотъ хребетъ

[1]) Онъ въ свою очередь даетъ къ Охотскому морю слѣдующія 12 пологихъ отроговъ, между которыми протекаютъ небольшія рѣчки, — считая съ юга: 1) Лупановскій, 2) Тывенскій, 3) безъ имени, 4) Котогора-кэнъ, 5) Кавраренъ-кэнъ, 6) Кыгэмэнъ-энель-кэнъ, 7) Безъимянный, 9) Оканчо-кэнъ, 10) Аямо-кэнъ, 11) Безъимянный и 12) у сел. Подкагирнаго—Этлаванъ-кэнъ. Эти увалы безъ всякой почти растительности.

Видъ Авачинской губы, Петропавловской бухты и Никольской горы.

достигаетъ своего наибольшаго развитія какъ по высотѣ, такъ и по числу отроговъ; такимъ образомъ онъ совершенно обособляетъ отъ береговой линіи Парапольскій долъ, который въ этомъ мѣстѣ видимо выше и служитъ мѣстомъ стока водъ какъ на югъ, такъ и на сѣверъ. Среди этого дола лежитъ Большое озеро (Итхыняко по-корякски). Хребетъ этотъ называется Мамечинскимъ и занимаетъ протяженіе между селеніями Рекиники и Мамеча; со стороны моря онъ круто обрывается, образуя на всемъ протяженіи непропускъ. Между этимъ хребтомъ и другимъ, лежащимъ отъ него на востокъ, можно проѣхать, минуя совершенно Парапольскій долъ. Этотъ послѣдній хребетъ, представляющійся въ формѣ отдѣльной цѣпи громадныхъ уваловъ или сплошныхъ гольцовъ; минуя сел. Мамечи, онъ тянется къ сѣверу, постепенно понижаясь и переходя наконецъ въ высокую равнину, съ отдѣльнымъ кряжемъ напр. Иннуняху, служащимъ западной оградой для Парапольскаго дола. Такимъ образомъ этотъ долъ, начинаясь отъ р. Подкагирной, образуетъ низкую тундру, лежащую сначала между Камчатскимъ хребтомъ и Охотскимъ моремъ; далѣе онъ залегаетъ между тѣмъ-же Срединнымъ хребтомъ и Мамечинскими скалами, наконецъ западную его границу составляетъ приморскій хребетъ Иннуняху, заключающій много остатковъ морскихъ животныхъ, собранныхъ нами близъ сел. Мамечи.

Таково положеніе и характеръ Парапольскаго дола; онъ имѣетъ форму неправильнаго трехугольника, вершина котораго упирается въ р. Подкагирную, а основаніе—граничитъ съ Налгинскими отрогами Колымскаго хребта на сѣверо-западѣ, на сѣверо-востокѣ — съ хребтомъ Полъ-Полъ; къ востоку и юго-востоку по прежнему идетъ Срединный Камчатскій хребетъ; на западѣ лежитъ Иннуняху-Мамечинскій хребетъ. Мы нарочно подробно остановились на Парапольскомъ долѣ, такъ какъ существующій на него взглядъ совершенно невѣренъ. Въ географической литературѣ почему-то принято говорить, что Срединный Камчатскій хребетъ дальше 60° с. ш. не распространяется, а переходитъ въ Парапольское плоскогорье. Даже Дитмаръ, проѣзжавшій по западному берегу Камчатки и описывающій характеръ Камчатскаго хребта на многихъ перевалахъ съ восточной стороны на западную, утверждаетъ, что на пути изъ Караги на р. Лѣсновскую и Подкагирную Срединный хребетъ сглаживается въ высокую равнину [1]); на 60° хребетъ этотъ, продолжаетъ онъ, по-

[1]) K. Ditmar. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka, 1851—1855 S.-Petersburg. S. 385.

нижается и остается чуть-чуть волнистый [1]); на перевалѣ Кичиги-Пусторѣцкъ, по его словамъ, не приходится переѣзжать чрезъ горы; только въ срединѣ пути — встрѣчаешь высокоподнимающуюся моховую тундру. Это безконечная пустынная равнина, это—моховое море, по его выраженію, совершенно лишенное деревьевъ, горъ и даже выступовъ горныхъ породъ, отъ р. Шаманки простирается до Анадырской системы, постепенно поднимаясь отъ Охотскаго моря, достигаетъ своей высшей точки и также равномѣрно падаетъ къ Берингову морю. Послѣдній изъ сѣверныхъ путешественниковъ этого района баронъ Майдель пишетъ [2]): было бы крайне желательно, чтобы съ картъ Восточной Азіи исчезли, наконецъ, отроги которые продолжаются обыкновенно отъ Колымскаго хребта на полуостровъ Камчатку въ видѣ возвышенности, несущей въ своей южной части громадные вулканы. Этотъ громадный горный массивъ (т. е. Камчатскій) не имѣетъ ровно ничего общаго съ возвышенностями, отходящими отъ Оймеконскаго нагорья и представляетъ совершенно изолированное поднятіе, быстро ниспадающее въ сѣверо-камчатскую ровную моховую тундру — въ Парапольскій долъ.

Такимъ образомъ этотъ ложный взглядъ сдѣлался общимъ мѣстомъ географовъ; между тѣмъ стоитъ только изъ Пусторѣцка перевалить къ сел. Кичиги, или съ р. Таловки перебраться на вершину р. Култушной, чтобы убѣдиться въ обратномъ. Вѣрно то, что Срединный Камчатскій хребетъ въ общемъ понижается къ сѣверу, но онъ ясно сохраняетъ свою прежнюю форму съ крутыми, обрывистыми боками и рѣзко выраженнымъ острымъ гребнемъ. Какъ здѣсь за 60° с. ш., такъ южнѣе у вершины р. Камчатки, подъ 55°, онъ въ своей верхней части лишенъ всякой растительности; восточный склонъ его сильно развитъ крутыми, боковыми отрогами, представляющими цѣлый лабиринтъ суровыхъ скалъ или нагорныхъ мѣстъ. Эти боковыя вѣтви здѣсь, также какъ и по западному берегу, достигаютъ мощнаго широкаго залеганія въ особенности тамъ, гдѣ вдоль берега встаютъ самостоятельныя сопки, или хребты, видимо, позднѣйшаго происхожденія. Тамъ же, гдѣ морская цѣпь сопокъ какъ напр. на Карагинскомъ островѣ, геологическими явленіями оторвана отъ берега, разрушительное дѣйствіе воды и атмосферы сказалось сильнѣе на размываніи боковыхъ отроговъ Срединнаго хребта. Поэтому побережье между Ка-

---

[1]) Ib. s. 597.

[2]) L. c. т. 2, стр. 101.

рагой и Кичигой представляетъ широкое поле размыва боковыхъ отроговъ, отъ которыхъ только кое-гдѣ уцѣлѣли небольшія сопочки, стоящія сиротами на волнистой береговой тундрѣ [1]).

Нарисовавъ общую картину рельефа Камчатскаго полуострова, посмотримъ теперь, каковъ его геогностическій составъ и что говорятъ намъ находимыя горныя породы объ его прошломъ? Какъ и въ предыдущей главѣ, мы коснемся этого вопроса настолько, насколько это необходимо для нашей цѣли: насъ занимаетъ современная поверхность Камчатскаго полуострова, какъ арена человѣческой жизни и какъ извѣстная зоо-ботаническая область. Дѣло спеціалиста—геолога возсоздать прошлую исторію Камчатки, опредѣлить геологическія эпохи ея поднятія, прослѣдить дальнѣйшія измѣненія въ береговой полосѣ выходами болѣе новыхъ породъ. Для насъ достаточно знать, что, на основаніи изслѣдованій Эрмана и Дитмара, геогностическій составъ Камчатской поверхности весьма разнообразенъ и заключаетъ какъ древнія плутоническія породы, такъ болѣе новые третичные песчаники и породы теперь дѣйствующихъ вулкановъ.

Резюмируя наблюденія названныхъ геологовъ, мы получаемъ слѣдующую схему геогностическаго строенія Камчатки и послѣдовательнаго поднятія хребтовъ, тундръ и дѣйствія вулкановъ.

Коренную и самую древнюю породу Камчатки, такъ же, какъ и Тайгоноса, составляютъ гранитъ, гнейсы, сіенитъ и слюдяной сланецъ; они образовали основу узкаго Камчатскаго острова, начинавшагося у вершинъ теперешней р. Ичи и оканчивавшагося близъ сел. Малки; кромѣ того находятъ гранитъ у Шипунскаго мыса и сел. Начики. Слюдяной сланецъ занимаетъ главнымъ образомъ западный склонъ этого гранитоваго поднятія, ибо всѣ валуны Кихчины, Немчика и Колы исключительно состоятъ изъ него.

За гранитовымъ поднятіемъ послѣдовали выходы порфира, которые распространились непосредственно къ сѣверу отъ гранитовъ Срединнаго хребта. Нахожденіе обломковъ порфира въ немногихъ рѣкахъ, какъ Ича, Кинкиль и Козыревская, заставляетъ предпола-

---

[1]) Такіе разрушенные временемъ камни описаны Дитмаромъ подъ именемъ кучигоры по западному берегу; около р. Ветвей, по восточному, мы встрѣтили небольшіе холмы, или груды разрушенныхъ камней, по увѣренію жителей, сложенныя коряцкими силачами, приносившими ихъ съ западнаго берега. Интересно, что это коряцкое преданіе напоминаетъ апачеты Перу и Боливіи, т. е. памятники мѣстныхъ погонщиковъ муловъ (см. Петри. Антропологія, стр. 23.)

гать его ограниченное распространеніе. Образованіе этого гранито-порфироваго острова отъ теперешнихъ вершинъ рр. Ички и Козыревской до р. Быстрой произошло одновременно съ поднятіемъ Тайгоноса.

Послѣ наступившаго долгаго покоя, когда отложились третичные пласты, выступилъ по краямъ Камчатки базальтъ съ миндалевиднымъ камнемъ, весьма небольшими участками. Потомъ быстро слѣдовали одно за другимъ массовыя изверженія трахитовыхъ и старовулканическихъ породъ, произведя значительныя и неоднократныя измѣненія и перемѣщенія во всемъ томъ, что раньше показалось надъ поверхностью моря. Наконецъ послѣ всеобщаго хаоса, который былъ созданъ поднятіемъ старыхъ кратеровъ, появились дѣйствующіе теперь вулканы, поднятіе которыхъ закончило современную конфигурацію Камчатскаго полуострова.

Изъ распространенія названныхъ породъ по Камчаткѣ оказывается, что онѣ, принимали далеко не одинаковое участіе въ образованіи ея поверхности: самую большую площадь занимаютъ старовулканическія породы, трахитъ и андезитъ, къ востоку отъ Срединнаго хребта до вершины р. Козыревской; затѣмъ всю восточную половину долины Камчатки отъ Ключей до Авачинской губы; тогда какъ по всему западному склону отъ Голыгина до р. Колпаковой и узкой полосой дальше до р. Сопочной тянутся наносные пласты; а дальше къ сѣверу по берегу моря до Паланы идутъ третичныя образованія. Отъ этихъ двухъ послѣднихъ пластовъ до Срединнаго хребта сначала залегаютъ метаморфизированные сланцы, а сѣвернѣе миндалевидныя породы.

Такимъ образомъ Срединный хребетъ, представляя одно орографическое цѣльное, по составу образующихъ его породъ является весьма сложнымъ сочетаніемъ. «Надъ общей линіей этого хребта выступаютъ, говоритъ Дитмаръ, отдѣльныя болѣе высокія, прекрасныя трахитовыя или андезитовыя горы, какъ напр. ледяные конусы Бѣлой сопки, Сисселя, Воямпольской сопки, а также и распавшіяся кратерообразныя: Тепана, Пирожникова и Бѣлый хребетъ. Отъ Сисселя слѣдуютъ подобныя породы въ юго-восточномъ направленіи, т. е. къ Столбовой тундрѣ, гдѣ образовали идущій къ югу параллельный Срединному хребетъ, который почти исключительно представляетъ собою рядъ старыхъ распавшихся кратеровъ, изъ середины которыхъ недавно прорвались многіе дѣйствующіе вулканы. Еще издали выдаются изъ этого хребта кратеры и конусы, и тамъ,

гдѣ я самъ побывалъ въ такихъ мѣстахъ, я находилъ пеструю, дико нагроможденную другъ на друга кучу трахитовъ, старыхъ, очень пористыхъ лавъ, отложенія пемзы, туфовъ и конгломератовъ. Горячіе ключи и даже сольфатары встрѣчаются въ этихъ мѣстахъ во множествѣ [1]).

Базальтовыя отложенія, проникшія на поверхность одновременно съ трахитами, образуютъ массы мысовъ Кропоцкаго, Шипунскаго Омбона, Утхолоки и пр. Эти породы выступаютъ маленькими кучевыми горами.

Миндалевидныя породы лежатъ большею частію параллельно Срединному хребту и образуютъ невысокіе хребты горъ, а также отдѣльныя сопки Кичуа и Кошхольнъ (у р. Воровской). Къ сѣверу эти породы появляются ближе къ морю и выступаютъ многочисленными мысами у Кахтаны, Паланы, Кинкиля, Лѣсновской и пр.

Что касается метаморфизированныхъ и третичныхъ породъ, частію смѣшанныхъ съ базальтовыми туфами, то онѣ большею частію появляются на разорванныхъ низкихъ холмахъ и отдѣльныхъ горкахъ; какъ напр. у Паланскаго озера, въ верхнемъ теченіи Тигиля; но въ общемъ весьма мало развиты.

Часто третичная формація западнаго берега Камчатки принадлежитъ къ эоценовому періоду и состоитъ: 1) изъ песчаниковъ и пластинчатой глины съ морскими раковинами, какъ у Тигиля, Каврана, Крутогоровой и др. и 2) изъ горизонтальныхъ пластовъ бураго угля съ прѣсноводными раковинами и листьями растеній, у Сѣданки, Воямполки, Ичи и пр.

Къ угольнымъ отложеніямъ по р. Облуковинѣ нужно отнести графиты и окаменѣлости, встрѣчающіеся также и въ осыпяхъ р. Морошечной, вмѣстѣ съ прѣсноводными раковинами (Paludina).

Пласты послѣдней рѣки отличаются отъ раковистыхъ отложеній Ваямполки и Каврана (Pecten, Scutella). Всѣ эти разнородныя отложенія сверху покрыты мощнымъ (до сажени) слоемъ валуновъ, въ которыхъ главную роль играютъ базальто-трахитовые обломки. Кстати замѣтимъ, что р. Облуковина является границей борьбы вулканическихъ породъ сѣвера и плутоническихъ юга: Ичинская сопка служитъ южнымъ предѣломъ базальто-трахитовыхъ поднятій Срединнаго хребта; а съ р. Колпаковой (60 верстъ отъ Облуковины) идутъ уже представители болѣе старыхъ формацій: валуны и щебень

---

[1]) Ditmar, Melanges phys. et chimiq., t. II, liv. 5, p. 503.

рѣкъ состоятъ изъ гранита, сіенита, гнейса, слюдяного и глинистаго сланца, съ прослойками бѣлаго кварца, и полевого шпата.

Образцами третичныхъ отложеній можно считать берега рѣки Тигиль, хорошо обслѣдованные Дитмаромъ. Изъ его описанія видно, что при устьѣ подъ толстымъ (до 4 ф.) торфянистымъ слоемъ моха лежитъ слой жирной темно-синесѣрой глины; подъ нимъ идетъ, отъ 20—25 ф. песчаный и колчеданистый слой; ниже опять слой глины, похожій на второй рядъ, только темнѣе и крѣпче, съ растительными жилками; далѣе слѣдуетъ тонкая полоса торфяного угля. Въ пескѣ встрѣчается много шарообразныхъ валуновъ свѣтло-сѣраго или желтаго цвѣта, величиною въ діаметрѣ отъ 2 вершковъ до 1½ арш. Эти шары отличаются замѣчательною правильностью и въ своемъ центрѣ всегда содержатъ органическія вещества растительнаго или животнаго характера; такъ намъ попадались шишки хвойныхъ деревьевъ и мелкія раковины.

Изъ вулканическихъ породъ встрѣчаются пористыя, красныя и черныя, скалистыя породы, кромѣ того, куски обсидіана, глинистый сланецъ, въ большомъ количествѣ куски кремня всѣхъ цвѣтовъ и куски сферосидерита Эрмана, въ которыхъ находились отпечатки только листьевъ двудольнихъ растеній, а въ углесодержащихъ пластахъ преобладали растительные остатки болотныхъ травъ.

У самаго селенія болѣе развиты диллювіальные наносы, въ которыхъ попадаются куски окаменѣлыхъ деревьевъ; въ здѣшнихъ песчаникахъ—большое количество двустворчатыхъ раковинъ. Выше, по правому притоку — р. Пирожниковой, встрѣчающіеся валуны уже вулканическаго характера и состоятъ изъ очень пористой темносѣрой и красноватой лавы. Выше сел. Сѣданка берега рѣки значительно возвышаются и заключаютъ пласты плохого коричневаго угля, состоящаго изъ рыхлаго дерева, т. е. частей ствола, вѣтвей и корней, тогда какъ листья и нѣжныя части совершенно отсутствуютъ.

Первый западный параллельный хребетъ, начиная съ Красной сопки, сложенъ изъ трахитовыхъ массъ, перемѣшанныхъ мѣстами съ базальтомъ. Приподнятыя породы вездѣ произвели значительное измѣненіе въ залегающихъ здѣсь третичныхъ пластахъ дѣйствіемъ или высокой температуры выдвинутыхъ массивныхъ породъ, или же отъ горячихъ паровъ и газовъ, прорывавшихся изъ расщелинъ хребта. Берега рр. Аманино и Этолоханъ представляютъ совершенно тождественный характеръ образованія: сверху лежалъ слой третичнаго песку, иногда до 100 ф. толщиною, въ береговыхъ обрывахъ;

подъ нимъ четыре пласта каменнаго угля съ прослойками изъ песку и желѣзныхъ рудъ, а внизу залегаетъ темносѣрая глина съ небольшими камнями. Только по р. Аманино эти третичные песчаники и глины имѣли удивительно бѣлый цвѣтъ, залегаютъ почти горизонтально и дальше отъ хребта, почему вѣроятно и меньше подверглись контактовому метаморфозу, т. е. меньше измѣнились отъ соприкосновенія съ внутренними расплавленными массами. Съ р. Воямполки измѣненіе третичныхъ пластовъ замѣтнѣе и на р. Кахтанѣ достигаетъ большей степени, гдѣ въ тоже время рѣзче выступаетъ вулканическая дѣятельность, о которой говоритъ масса валуновъ красной и черной вулканической породы. Чѣмъ дальше вы будете подниматься къ сѣверу, тѣмъ всѣ болѣе и болѣе трахитовыя и базальтовыя породы вытѣсняютъ третичныя отложенія.

Это воздѣйствіе массовыхъ породъ, при ихъ поднятіи, на третичныя отложенія, по мнѣнію Дитмара, послужило къ образованію небольшихъ конусообразныхъ (до 12′) возвышеній или холмиковъ, называемыхъ камчадалами «кучигори». Эти холмики разбросаны на всемъ протяженіи отъ хребта до морского берега, представляя странную картину моховыхъ шапокъ. Каждый такой холмикъ покрытъ толстымъ слоемъ моха, подъ которымъ вы находите или распавшійся камень, или же комъ глины, т. е. продуктъ распада.

Глинистый сланецъ встрѣчается на Камчаткѣ лишь второстепеннымъ и является по большей части въ видѣ темной, очень толстой массы.

Очень важную роль въ Камчаткѣ играютъ плотныя, несомнѣнно метаморфизированныя сланцевыя породы, изъ которыхъ почти исключительно состоятъ нѣкоторыя горы полуострова. Породы эти во множествѣ поднимались, сбрасывались и измѣнялись, такъ что только лишь тамъ и сямъ трудно узнаваемое напластованіе указываетъ на бывшія осадочныя породы.

Многочисленные и сильные кварцовые жилы принесли этимъ сланцевымъ породамъ такую значительную массу кремнезема, что можно подумать, будто всѣ горы состоятъ изъ напластованнаго кварца, роговика или изъ красной и зеленой яшмы (Авачинская губа, Нижне-Камчатскъ, Начики и западн. берегъ). Въ другихъ мѣстахъ вмѣстѣ съ этими кварцовыми породами преобладаетъ глиноземъ и придаетъ этимъ породамъ болѣе глинисто-сланцеватый характеръ, но зато потомъ является почти всегда съ расщелинами и окрашенъ

бурымъ желѣзнякомъ (Авачинская губа, Начика, Нижне-Камчатскъ, на м. Шипунскомъ, на р. Крестовской у Милькова, на западномъ берегу).

Всѣ вышеприведенныя породы образуютъ такую пеструю смѣсь разрушенныхъ и, конечно, измѣнившихся породъ, много разъ переходившихъ одна въ другую, что точная классификація ихъ до сихъ поръ едвали возможна.

Наконецъ остается упомянуть о диллювіальныхъ и аллювіальныхъ отложеніяхъ, занимающихъ почти всю тундру западнаго берега Камчатки отъ 56° с. ш. до Явино и долину р. Камчатки, гдѣ встрѣчаются многочисленные костяки и зубы мамонта. Эта долина имѣетъ старо-вулканическую почву съ примѣсью гранитовъ и діоритовъ, покрытыхъ диллювіальными наносми, которые, наприм. у сел. Машурскаго, имѣютъ высоту до 50 ф. Въ однихъ мѣстахъ вулканическій пепелъ лежитъ подъ слоемъ свѣтло-желтаго песку, въ другихъ расположенъ на поверхности. Кромѣ того, эти наносные пласты встрѣчаются въ устьяхъ и долинахъ почти всѣхъ здѣшнихъ рѣкъ, гдѣ иногда попадаются бивни мамонта, какъ напр. найденный нами на р. Воямполкѣ.

На сѣверной оконечности Камчатской долины интереснымъ уголкомъ являются окрестности сел. Еловки. Здѣсь, по Эрману, не смотря на близость дѣйствующихъ вулкановъ, нѣтъ ни лавы, ни вулканическихъ шлаковъ, ни золы; только въ породахъ, приносимыхъ двумя маленькими притоками (10—15 в.), р. Еловки, изъ которыхъ одинъ начинается на сѣверной перемычкѣ, а другой — близь сопки Шевелючъ, Эрманъ нашелъ дымчато-сѣрую лаву, заключающую авгитъ, съ Шевелючи, и кирпично-красныя шлаки Срединнаго хребта; здѣсь ему впервые попадались куски гранита и сіенита, а также порфиръ, діоритъ и стекловидный альбитъ.

Сопоставляя геогностическія данныя въ ихъ генетической связи, Эрманъ приходитъ къ тому заключенію, что первоначально эту часть земли въ одинъ изъ первыхъ геологическихъ періодовъ занимали плутоническія породы; затѣмъ чрезъ эту первозданную почву выступили наружу вулканическія массы Шевелюча и Срединнаго хребта, а потомъ, въ болѣе поздніе періоды, слѣдовали уже осадочныя породы. Онъ находитъ, что здѣшніе діориты, по своему строенію и составу, напоминаютъ подобныя породы сѣверно-азіатскихъ хребтовъ, начиная отъ Урала и до Охотска, и относятся къ силурійской, или сѣро-вакковой формаціи; самый же гранитъ здѣсь, какъ и вездѣ, по

отношенію къ этимъ старымъ породамъ занимаетъ подчиненное и ограниченное распространеніе. Въ долинѣ Еловки гранитную кору прорвалъ андезитъ Шевелюча, а на мѣстѣ теперешняго Срединнаго хребта—выступили полевошпатовыя породы, заключающія авгитъ; этотъ послѣдній вмѣстѣ съ лабрадоромъ выдвинутъ здѣсь изъ глубокихъ нѣдръ земной коры.

Чтобы покончить съ орографіей и геогностическимъ строеніемъ полуострова, мы должны теперь остановиться на Камчатскихъ вулканахъ, или, какъ принято здѣсь называть, сопкахъ.

Раньше сказано было, что чрезъ общій хаосъ старовулканическихъ и трахитовыхъ образованій прорвались нынѣ дѣйствующіе, а отчасти уже потухшіе вулканы. На общемъ фонѣ камчатскихъ хребтовъ поднимаются красивые, правильные и остроконечные конусы сопокъ съ ихъ постояннымъ снѣжнымъ украшеніемъ. Всѣ камчатскіе сопки расположены группами на востокъ отъ Срединнаго хребта, и только немногія стоятъ особнякомъ или входятъ въ составъ параллельныхъ горныхъ цѣпей.

Къ первой категоріи нужно отнести всѣ сопки, начиная отъ Лопатки до Шевелюча, и группу старыхъ вулкановъ около вершины р. Сѣданки. Рядъ этихъ сопокъ входитъ въ составъ вулканическаго кольца, начинающагося на о. Явѣ и охватывающаго всю восточную сторону Азіатскаго материка и его прибрежныхъ острововъ. На Явѣ [1]) и Филиппинскихъ островахъ вулканическая дѣятельность достигаетъ наибольшей напряженности, потомъ постепенно ослабѣваетъ на Японскихъ и Курильскихъ островахъ, переходя изъ Камчатки по Алеутской грядѣ на западный берегъ Америки.

Въ Камчаткѣ обыкновенно считаютъ 38 вулкановъ, изъ которыхъ 12 дѣйствующихъ и 26 потухшихъ, но эта цифра, нужно думать, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, потому что сѣверная часть полуострова мало обслѣдована, а между тѣмъ, какъ мы лично убѣдились, по рр. Лѣсной и Вирувеѣ находятся старые вулканы и есть значительныя отложенія сѣры, какъ продуктъ ихъ дѣятельности.

Къ числу теперь дѣйствующихъ вулкановъ полуострова принадлежатъ слѣдующіе, считая съ юга на сѣверъ, по Дитмару:

---

[1]) На Явѣ находится 30 дѣйствующихъ вулкановъ; въ Японіи — 18, на Формозѣ — 4, на Курильскихъ островахъ — до 20, изъ которыхъ половина потухшихъ.

		Сѣверная широта.	Абсолютн. высота въ футахъ.	Годъ последняго изверженія кратера.
1	Асача	52° 2′	—	1848
2	Авача	53° 20′	8,730	1828
3	Жупанова	53° 36′	8,854	—
4	Малый Семячикъ	—	—	—
5	Большой Семячикъ	—	—	1851
6	Кихпиниская	—	—	—
7	Узонъ	—	—	—
8	Кизименъ	55°	—	—
9	Кунцекла	—	—	—
10	Б. Толбачикъ	—	8,313	1739
11	Ключевская	56° 8′	16,131	1841 [1]
12	Шевелючъ	56° 40′	9,791	1854
	Сюда нужно еще прибавить:			
13	Мутновскую	—	—	—
14	Коряцкую	53° 19′	11,522	1895

Установить постоянное число дѣйствующихъ вулкановъ трудно, такъ какъ дѣятельность большинства ихъ носитъ періодическій характеръ, — и нерѣдко вулканъ, считавшійся долгое время потухшимъ, снова проявляетъ свою грозную силу. Такъ Коряцкая сопка уже давно считалась потухшей, и только осенью 1895 г. послѣ землетрясенія поднялись изъ ея зазубреной вершины облака дыму, а затѣмъ широкой полосой полилась лава. Точно также изборожденная острыми, неправильными ребрами, сопка Шевелючъ со времени занятія русскими Камчатки никогда не обнаруживала своей живучести; всѣ считали ее потухавшимъ вулканомъ, пока сосѣдній колоссальный конусъ царя сибирскихъ сопокъ,—Ключевской, послѣ небольшого отдыха (съ 1841 г.), въ октябрѣ 1853 г. снова не напомнилъ о себѣ грозными предвѣстниками: послѣ массы пепла, страшныхъ раскатовъ подземнаго грома и ослѣпительнаго зарева по ночамъ, онъ выбросилъ такую массу лавы, которая широкимъ потокомъ полилась по ея крутому склону и достигла р. Камчатки у отдаленнаго Козыревска. 17 февр. 1854 г. вулканъ затихъ,

[1] Въ зиму 189⁶/₇ снова было сильное изверженіе, одновременно съ которымъ начался потокъ сильной лавы изъ Коряцкой сопки.

но это временное спокойствіе произвело цѣлую катастрофу съ Шевелючемъ: со стороны этого дремавшаго великана начали раздаваться подземные толчки и сильныя колебанія почвы; въ сѣверной его части кратеръ началъ выбрасывать густыя облака дыму; къ декабрю 1853 г. всѣ проявленія вулкана усилились, и тогда открылся громадный потокъ лавы, катившійся со всѣхъ сторонъ сопки и достигшій р. Еловки. Изверженіе пепла и сажи достигло такихъ размѣровъ, что вся громадная низина была покрыта толстымъ слоемъ черной мелкой массы на одинъ футъ. Этотъ пепельный дождь былъ замѣтенъ даже по ту сторону Срединнаго хребта, у Тигиля. Потомъ, со страшнымъ грохотомъ, вершина этой сопки обрушилась и образовалось много боковыхъ кратеровъ. Съ тѣхъ поръ вулканическая дѣятельность Шевелюча, вообще болѣе энергичная, чѣмъ прежде, періодами то усиливалась, то ослабѣвала.

Ключевской вулканъ въ различные времена: 1729, 1737, 1790, 1796, 1829 гг. давалъ изверженія; предпослѣднее изъ нихъ было въ 1841 г.

Въ 1896 г. въ декабрѣ Ключевская сопка снова проявила тревожную дѣятельность; на этотъ разъ громадный потокъ лавы направился въ сторону моря; во время нашего проѣзда, въ іюнѣ 1897 г., потокъ лавы уменьшился, но зато Шевелючъ сталъ болѣе грознымъ: то закутывался облаками пара и дыма, то своими сильными подземными толчками наводилъ панику на жителей сел. Ключевскаго; у самаго основанія вулкана появились трещины, изъ которыхъ распространялся удушливый дымъ.

Изъ исторіи этихъ двухъ сопокъ нужно заключить, что онѣ имѣютъ подземное соединеніе и что лава ихъ идетъ изъ одного и того же источника. При этомъ замѣчается слѣдующая странность, хорошо подмѣченная жителями: подземный гулъ Ключевской и Шевелюча жители хорошо различаютъ, а толчки и сотрясенія почвы всегда исходятъ отъ послѣдней. Это обстоятельство настолько рѣзко бросается въ глаза, что замѣтно даже съ перваго раза, въ чемъ мы ежедневно убѣждались въ теченіи двухъ недѣль, проведенныхъ въ долинѣ Камчатки, въ іюнѣ 1897 г.

Б. Толбачинская сопка въ древнія времена только немного дымила, но съ 1838 г. начались подземные толчки и землетрясенія; въ слѣдующемъ году произошло сильное изверженіе, которыми выжгло лѣсъ верстъ на 50 кругомъ. Козельскую сопку разсматриваютъ, какъ старый кратеръ Авачи, стоящій на широкомъ основаніи; видимо,

она перенесла двѣ страшныхъ катастрофы, судя по кратерамъ разной величины и высоты. Авача со страшнымъ трескомъ обрушилась въ 1737 г., покрывъ землю пепломъ и сажей[1]). Ея сосѣдка, Корякская сопка считалась потухшей, но въ 1895 г. снова проявила свою дѣятельность; въ слѣдующую зиму потокъ ея лавы достигъ громадныхъ размѣровъ. Когда я видѣлъ сопку Семячикъ лѣтомъ 1852 г., пишетъ Дитмаръ, она имѣла форму сильно притупленнаго конуса, изъ кратера котораго поднималось густое черное облако дыма. Зимою того же года послѣдовало маленькое изверженіе съ сильнымъ дождемъ пепла. 50 лѣтъ тому назадъ, этотъ вулканъ находился въ безпрерывной дѣятельности и имѣлъ видъ высокаго остроконечнаго конуса, и тогда же обрушился.

Какъ въ Срединномъ хребтѣ, такъ и по западному берегу Камчатки нѣтъ дѣйствовавшихъ въ историческое время вулкановъ.

Было время, говоритъ Кенанъ[2]), когда дѣйствующіе вулканы въ Камчаткѣ были столь же многочисленны, какъ рыцари вокругъ стола короля Артура,—и полуостровъ дрожалъ отъ ихъ громовыхъ возгласовъ. Большинство ихъ теперь замолкло, а нѣкоторые совсѣмъ разрушились или сгорѣли въ собственномъ потокѣ лавы — въ сравнительно недавнее время. Сюда нужно отнести вулканъ около слiянія рр. Байдарки и Сѣданки, лава котораго застыла какъ будто вчера, и вулканъ около Курильскаго озера, на правомъ берегу вытекающей изъ него р. Озерной, о которомъ упоминаетъ Тайлоръ (1728 г.); въ 1732 г. этой сопки уже не было; о ней напоминали разбросанные на 30 в. кругомъ камни, да глыбы лавы. Въ то время на Курильскомъ озерѣ и по р. Камбальной было много камчадаловъ и немного русскихъ; во время этой катастрофы громадная морская волна закрыла всю южную часть Камчатки и унесла съ собой большую часть жителей; затѣмъ волна отхлынула, — и между Лопаткой и о. Шумшу обнажилось морское дно, по которому обезумѣвшіе отъ страха жители перебрались на этотъ островъ.

Правильность линейнаго или рядового расположенія вулкановъ обусловливается общими законами тектоники земной коры, въ силу

---

[1]) Вершину Авачинской сопки посѣтилъ Гофманъ, плававшій на «Предпріятіи» (1823—26 гг.); по его описанію, жерло сопки въ окружности имѣетъ нѣсколько сотъ футъ, на днѣ закрыто, а по бокамъ ограждено стѣною въ 30 ф. высоты. Видны трахитовыя породы съ кристаллами полевого шпата по восточному склону.

[2]) Кенанъ. Степная жизнь въ Сибири. Спб. 1871 г., перев. съ англ., стр. 75.

которыхъ вулканы находятся, говоритъ Мушкетовъ [1]), въ областяхъ опусканія материка, располагаются по трещинамъ большихъ сдвиговъ и преимущественно по краямъ разломовъ горъ; но такъ какъ главнѣйшіе и крупнѣйшіе пояса разлома земной коры находятся на окраинахъ материковъ и морей, то, очевидно, наибольшее количество вулкановъ группируется вблизи океановъ.

Въ Камчаткѣ точно также мы имѣемъ три параллельныхъ ряда вулкановъ: первый рядъ на восточномъ склонѣ полуострова, состоящій изъ слѣдующихъ группъ: а) Явинско-Курильской, б) Опально-Голыгинской, в) Асача-Вилючинской, г) Авачинской, д) Жупановой, е) Кроноцкой и ж) Толбача-Ключевской.

Второй рядъ вулкановъ идетъ вдоль Срединнаго хребта, частію входя въ его составъ, частію располагаясь по его западной сторонѣ; изъ нихъ самымъ главнымъ нужно признать Ичинскій. Третій рядъ сопокъ группируется около западнаго берега Камчатки, начиная съ Сопочной рѣки: Сопочная, Морошечная, Еллелихинъ (или Еллейлекенъ) и Тепапа.

Вотъ списокъ недѣйствующихъ сопокъ, считая съ юга на сѣверъ:

По восточному берегу:

1) Кошелева, или Камбальная, 2) Ильина, 3) Ходутка, 4) Гойхонгенъ, 5) Поворотная (7,932 ф.) 6) Вилючинская (7,372 ф.), 7) Бенникенъ (или Баккенингъ по Дитмару), 8) Хамченъ, 9) Кроноцкая (10,608 ф.), 10) Таунгшицъ, 11) Унана, 12) Щапина, 13) М. Толбачикъ, 14) Ушкинская (9,592 ф.), 15) Крестовая (12,799 ф.), 16) Зимина, 17) Юдина.

На западной сторонѣ южной оконечности Камчатки:

18) Чаохчъ, 14) Уташуть, 20) Ксудачъ, 21) Вынни, 22) Голыгина, 23) Опальная (или Апача).

Въ Срединномъ хребтѣ:

24) Кичуа (или Кечева), 25) Конкочъ (или Конктонгенъ), 26) Ича, 27) Япова, 28) Яканъ, 29) Ичинская (8,000 ф.), 30) Янгвай, 31) Сиссель (1,899 ф.), 32) Пирожникова (2,387 ф.), 33) Двухъюрточная (или Двуглавая), 34) Безымянная (провалившаяся), 35) Поворотная, и 36) Орлова.

Вдоль западнаго берега:

37) Сопочная, 38) Хлоаэнъ, 39) Морошечная, 40) Еллелихинъ

[1]) Мушкетовъ. Физическая Геологія. Спб., изд. 1-е, т. I, стр. 255.

(или Еллейлекенъ), 41) Тепана и нѣсколько другихъ малообслѣдованныхъ, по рр. Палана, Лѣсная, Хулбивея и пр.

Всѣ названныя сопки играли очень важную роль какъ въ очертаніи береговой линіи, такъ и въ рельефѣ Камчатки; дѣятельность многихъ вулкановъ относится къ доисторическому времени, какъ напр. Опальная — по Эрману.

Въ связи съ такимъ широкимъ распространеніемъ вулканической почвы находится значительное количество горячихъ минеральныхъ ключей, разбросанныхъ отъ Лопатки до р. Тымлаты и которые можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни лежатъ по близости селеній и служатъ для пользованія мѣстныхъ жителей; другіе, наоборотъ, находятся въ сторонѣ отъ жилья и путей сообщенія. Эти послѣдніе посѣщаются случайно зимой, во время охоты за соболемъ.

По мѣсту нахожденія всѣ минеральные ключи дѣлятся на восточные и западные, считая отъ Срединнаго хребта, и центральные; первыхъ по шести, а послѣднихъ извѣстно только три. Большая часть камчатскихъ минеральныхъ источниковъ лежитъ по долинамъ рѣкъ или вблизи горныхъ уваловъ и не отличается ни богатствомъ воды, ни содержаніемъ солей. Шмидтъ [1]), анализировавшій доставленныя Дыбовскимъ пробы, относитъ ихъ слѣдующимъ группамъ: 1) съ преобладаніемъ кремневой кислоты и хлористаго натра—Явинскіе ключи; 2) кремневой кислоты и сѣрнокислаго натра—Банные; 3) содержащіе главнымъ образомъ сѣрнокислый натръ—Начикинскіе; 4) Апачинскіе и Малкинскіе—съ сѣрно-и-углекислымъ натромъ; 5) Паратукскіе: а) ключъ Завойко — съ содержаніемъ сѣрно-известковыхъ и сѣрно-натровыхъ солей, по своей высокой температурѣ (81° С.) негодны для курорта; б) Серебрянникова и Голенищева источники по той же рѣкѣ Паратункѣ, въ 15 в. отъ Авачинской бухты, кромѣ названныхъ солей ключа Завойко, содержатъ еще сѣрноватисто-кислый кальцій; 6) Куреунскіе ключи кромѣ сѣрнощелочныхъ солей содержатъ еще поваренную соль, и наконецъ 7 и 8) Голыгинскіе и Укинскіе—чисто угле-и-сѣрно-известковыя воды.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, не смотря на незначительное содержаніе минеральныхъ солей, эти ключи, при большемъ къ нимъ вниманіи, могли бы служить значительнымъ подспорьемъ для леченія простудныхъ и конституціональныхъ болѣзней. Было время, когда устройствомъ ихъ занимались и строили больницы для прокаженныхъ и сифилитиковъ: Малкинскіе ключи въ комендантскій періодъ исторіи

[1]) C. Schmidt. Die Thermalwasser Kamtschatka's въ «Memoires de l'Academie Imp. des sciences», 1885, serie VII, t. XXXII, № 18.

Камчатки пользовались большой популярностью, а теперь отъ бывшей здѣсь ванны осталось два—три гнилыхъ бревна. При Головнинѣ и Серебренниковѣ Паратунскіе ключи у теперешняго селенія Паратунка были настоящимъ курортомъ, тогда какъ теперь принадлежатъ одному крестьянину, взявшемуся за устройство бассейна и небольшого домика, изъ котораго, чрезъ отверстіе въ полу, есть спускъ (лѣстница) въ минеральный ключъ, что даетъ возможность купаться въ немъ и зимой, безъ всякихъ неудобствъ, какъ въ этомъ мы неоднократно убѣждались.

Всѣ Паратунскіе ключи (за исключеніемъ одного) лежатъ по лѣвому берегу рѣки, прикрытые съ С. З. небольшимъ хребтомъ, идущимъ отъ мѣста соединенія Восточной и Срединной цѣпи горъ. Они выходятъ на поверхность у самаго берега небольшой рѣчки, весенніе разливы которой и мѣшаютъ пользоваться ими въ іюнѣ-іюлѣ. Въ 25 верстахъ выше по этой рѣкѣ отъ сел. Паратунка находится въ красивой и широкой долинѣ ключъ Вимунта, окруженный величественными хребтами; но по отдаленности отъ Петропавловска не посѣщается.

Переваливъ хребетъ по Петропавловско-Большерѣцкому тракту, вы сейчасъ попадаете въ сел. Начики, по близости котораго къ вершинѣ рѣки Озерной находится горячій небольшой ключикъ съ t° 80° С.; онъ вытекаетъ изъ вулканическихъ породъ и сланцевъ, между которыми встрѣчаются разноцвѣтныя глины, какъ продуктъ метаморфоза.

Въ 80 верстахъ (зимнимъ путемъ) отъ Начики на той же рѣкѣ находится сел. Апача, съ западной стороны прикрытое небольшимъ ровнымъ, какъ стѣна, валомъ; за нимъ, въ 10 верстахъ отъ селенія, по р. Сикулка (или Сику), въ обширной долинѣ, съ богатой травяной растительностью, протекаетъ нѣсколько мелкихъ ручейковъ, вода которыхъ при истокѣ имѣетъ 72,5°, а въ самомъ ручьѣ—43°.

Параллельно этой рѣчкѣ течетъ второй притокъ р. Плотникова (служащей продолженіемъ Большой)—рѣчка Банная, самое названіе которой характеризуетъ ея берега. На большомъ протяженіи лѣвой стороны тянутся, какъ намъ пришлось видѣть въ въ мартѣ 1897 г., большія площадки, окутанныя водяными парами; вода сочится изъ земли въ разныхъ мѣстахъ. Почва настолько мягкая и зыбучая, что подойти къ самымъ ключамъ нѣтъ возможности. Провалы то тамъ, то здѣсь наблюдаются довольно часто; мѣстами слышится шумъ и клокотанье. Въ 1889 г., послѣ сильныхъ подземныхъ ударовъ и землетрясенія, произошелъ провалъ большой площади, причемъ на большую

высоту выбросило песокъ, камни и фонтанъ кипящей воды. Вслѣдъ за этимъ образовалось горячее озеро, которое во время нашего проѣзда было только теплымъ (35—37° С.). По опредѣленію Дитмара температура нѣкоторыхъ Банныхъ источниковъ отъ 81 до 83° С.

Спускаясь дальше къ оконечности полуострова, мы встрѣчаемъ сначала Голыгинскіе ключи у хребта и потомъ—въ районѣ Курильскаго озера, по лѣвому берегу вытекающей изъ него р. Озерной, Явинскій источникъ, который лежитъ среди угрюмыхъ скалъ. Здѣсь у ключа Малиновка находится много разноцвѣтныхъ глинъ,—красной, желтой, голубой и пр., которыя мы находили также по р. Киреунской, въ Камчатской долинѣ. Въ Малиновскомъ источникѣ, по словамъ мѣстныхъ жителей, ощущается сильный запахъ сѣры, которая встрѣчается вообще кругомъ Курильскаго озера и по р. Озерной до ея устья.

Приводимъ слѣдующую таблицу положенія Камчатскихъ минеральныхъ ключей съ указаніемъ на близь лежащіе вулканы и температуру воды.

КЛЮЧИ.	Сѣверная широта.		Вост. долгота отъ Гринвича.		Температура С.	БЛИЖАЙШІЕ ВУЛКАНЫ.
	°	′	°	′		
Явинъ	51	26	156	16	81°	С. Озерная и Камбальная.
Голыгинъ	52	00	156	55	?	С. Голыгинская.
Банный	52	45	158	25	83—100°	С. Вилючинская, Асача и Опальная.
Апача	53	00	157	30	72,5	С. Опальная и Вилючинская.
Начики	53	07	158	20	70	С. Коряцкая.
Паратунка	53	00	158	25	25 45 и 81	С. Вилючинская и Асача.
Малка	53	24	158	03	71—82,2	С. Коряцкая и Бенникенъ.
Жупановъ	53	43	159	18	?	С. Жупанова.
Семячикъ	54	10	159	40	?	С. Жупанова, Кроноцкая и двѣ Семячикъ.
Усонъ	54	42	160	10	?	С. Усонъ.
Киреунъ	56	14	160	00	?	С. Б. Толбачикъ и Ключевская.
Сѣданка	57	15	160	00	?	С. Двухъюртяная и Безъимянный вулканъ.
Ука	58	16	161	18	?	С. Шевелючъ.
Русаковъ	59	00	162	00	?	?

Бродячіе тунгусы: Прокопій Хабаровъ съ семьей.

Перейдемъ теперь къ разсмотренію рѣкъ Камчатки.

Въ принятыхъ нами границахъ, на полуостровѣ считается больше 200 рѣкъ, которыя можно раздѣлить на восточныя и западныя, смотря потому, куда онѣ впадаютъ—въ Берингово или Охотское море. Почти всѣ рѣки Камчатки принадлежатъ къ этой категоріи за исключеніемъ 5—7, воды которыхъ текутъ въ меридіальномъ направленіи.

При первомъ взглядѣ на карту полуострова васъ поражаетъ прямолинейность рѣчныхъ потоковъ и сравнительная бѣднота притоками; таковы всѣ рѣки, берущія начало на Срединномъ и Восточномъ хребтѣ. Если первая особенность этихъ рѣкъ имѣетъ, въ дѣйствительности, нѣкоторое основаніе, зато послѣдняя, т. е. бѣднота притоками зависитъ только отъ нашего неполнаго знакомства съ гидрографіей края. Насъ всегда удивляло то обстоятельство, что нѣтъ ни одного переѣзда въ 40—60 верстъ между сосѣдними острожками, гдѣ бы вы не встрѣчали притоковъ, текущихъ то въ ту, то въ другую смежную рѣку.

Протяженіе здѣшнихъ рѣкъ зависитъ отъ орографіи мѣстности, а стремительность потока и глубина русла обусловливаются какъ уклономъ прибрежной полосы, такъ и характеромъ почвы. Всѣ онѣ начинаются горными истоками въ большинствѣ случаевъ и рѣдко изъ горныхъ озеръ; затѣмъ проходя въ узкихъ ущельяхъ, выходятъ на просторъ между пологими увалами или расходящимися хребтами и подъ конецъ, въ береговой полосѣ текутъ по широкимъ болотистымъ долинамъ. Это послѣднее обстоятельство настолько характерно, что всѣ рѣки западнаго берега отъ Явиной до Ичи и на востокъ отъ Русаковой до Кичиги похожи одна на другую. Ширина рѣчной долины отъ 3 до 10 в.; главный потокъ держится одного, большею частію лѣваго берега, а посрединѣ и у праваго борта долины пролегаютъ небольшіе ручейки.

Главной жизненной артеріей полуострова нужно признать р. Камчатку, какъ по ея сравнительной величинѣ, такъ и по населенности. Длину ея опредѣляютъ различно отъ 525 в. (по Крашенинникову) до 568 в. (по мнѣнію жителей); она течетъ въ обширной долинѣ (420 в. въ длину и отъ 10 до 60 в. въ ширину) и начинается двумя истоками: правый сходится съ вершиной р. Быстрой [1]) у вулкана

---

[1]) Эти вершины настолько сходятся, что камчадалы въ прежнее время переносили по тундрѣ живыхъ лососей изъ р. Камчатки въ р. Большую.

Беннякенъ на т. н. Камчатской вершинѣ, или Ганальской тундрѣ, высоту которой надъ уровнемъ моря Эрманъ опредѣляетъ въ 1,200—1,300 ф., тогда какъ окружающіе хребты поднимаются до 4,500 ф. Лѣвый истокъ выходитъ изъ небольшого озера, лежащаго въ Срединномъ хребтѣ; послѣ сліянія обоихъ истоковъ выше Пущинскаго острога, Камчатка становится шире и увеличивается отъ впаденія многихъ притоковъ съ обѣихъ сторонъ. У сел. Мильково она достигаетъ 50 саж. ширины и до 2 глубины; послѣ Машурскаго селенія долина ея расширяется и притоки впадаютъ только съ правой стороны, до р. Калью, гдѣ начинается совершенно обратная картина. Къ правому берегу близко подступаютъ отроги вулкановъ Б. Толбачика, Укинскаго и Крестоваго, а слѣва впадаютъ 4 притока; послѣ впаденія р. Крестовой Камчатка перемѣняетъ свое меридіальное направленіе и подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ къ востоку, проходя между сопками Ключевской и Шевелючемъ; потомъ, промывъ щеки въ Восточномъ хребтѣ, гдѣ въ нее изливаются съ юга р. Хапича, съ сѣвера Хабунхало, ниже Нижнекамчатска, она течетъ по низкой тундрѣ и, принявъ стокъ Нерпичьяго озера у самаго устья, изливается въ море. Этотъ стокъ при Крашенинниковѣ былъ гораздо шире, чѣмъ теперь, что ясно видно по очертанію его лѣваго берега. Видимо, съ тѣхъ поръ Камчатскій мысъ съ его хребтами значительно поднялся.

Въ устьѣ р. Камчатки вообще происходятъ значительныя перемѣны: съ южной его стороны въ старые годы было три длинныхъ залива, куда заходили суда и которые по всей вѣроятности служили прежнимъ русломъ Камчатки. Съ тѣхъ поръ устье подвинулось къ сѣверу; по поводу этого перемѣщенія устья сохранилось слѣдующее преданіе, которое передавали намъ старики Усть-Камчатскаго острога: говорятъ, что прежнее устье было на 20 верстъ южнѣе настоящаго и потому преставляло большія неудобства для лова рыбы: утомленная быстрымъ теченіемъ въ длинномъ устьѣ, рыба уже не шла вверхъ по рѣкѣ, а заходила прямо въ Нерпичье озеро, вслѣдствіе чего по р. Камчаткѣ были постоянныя голодовки. Кто то и когда то,—не помнятъ, убѣдилъ жителей Камчатской долины прорыть новое устье чрезъ песчаную и неширокую (50—70 саж.) кошку. Съ тѣхъ поръ голодовокъ по Камчаткѣ не стало. Но взамѣнъ этого явилось новое неудобство: когда устье рѣки отстояло отъ селенія гораздо дальше, напоръ морской воды при приливѣ былъ гораздо меньше у селенія: на вышеназванномъ изгибѣ берегъ не подмывало. Теперь, когда

устье стало ближе къ селенію и къ Озерной протокѣ, рѣчную воду больше спираетъ морской приливъ, а потому, думаютъ жители, и начались наводненія, разрушающія правый берегъ.

Чтобы уяснить гидрографическія особенности Камчатскаго устья, нужно обратить вниманіе на то, что между мысами Подкаменнымъ на югѣ и Лахтачьимъ на востокѣ вдается большой заливъ, береговая полоса котораго почти на всемъ протяженіи образована дамбой или песчаной кошкой. Высота этой кошки надъ уровнемъ моря измѣняется отъ 15 до 25 футъ, а ширина отъ 20 до 70 сажень; она состоитъ изъ рѣчныхъ наносовъ, т. е. песку, ила и глины, утрамбованныхъ морскимъ прибоемъ. Только въ одномъ мѣстѣ рѣка прорвала себѣ узкій выходъ въ море 50—70 саж., а на всемъ остальномъ протяженіи эта кошка къ сѣверу отдѣляетъ отъ моря Озерную протоку, длиною до 10 верстъ. Въ Ю.-З. части, ближе къ устью Камчатки образуется глухой узкій водный карманъ, который соединяется незначительными протоками съ озеромъ Кудахалъ, протянувшимся верстъ на 12, совершенно параллельно поперешнему ложу рѣки на мѣстѣ ея колѣна.

Въ отливъ или малую воду глубина на устьѣ рѣки 6—7 футъ, которая затѣмъ быстро возрастаетъ въ двухъ названныхъ заливахъ и по направленію къ острожку, до 10—20 и даже 30 футъ. Такое постепенное увеличеніе глубины, однообразіе наносной почвы, равно какъ и положеніе названныхъ двухъ глухихъ кармановъ рѣки—заливовъ, говорятъ за то, что эти послѣдніе безъ сомнѣнія представляютъ древнее ложе р. Камчатки. Да и весь районъ нижняго теченія ея, между Подкаменнымъ мысомъ и другими отъ него хребтами съ юго-западной стороны и между Новиковской вершиной, отходящей отъ Восточнаго хребта у сопки Шевелючъ и кончающейся гористымъ полуостровомъ между м.м. Камчатскимъ и Столбовымъ,— весь этотъ районъ въ древнія времена представлялъ заливъ, который вдавался въ полуостровъ. Вся эта болотистая низина, со множествомъ озеръ, рѣчныхъ протокъ и островковъ состоитъ изъ аллювіальныхъ наносовъ и есть ничто иное, какъ часть завоеванная у моря. Къ такому заключенію приводитъ насъ и характеръ Нерпичьяго озера, представляющаго остатокъ этого прежняго большого залива. Нерпичье озеро отдѣляется только топкой зыбучей тундрой на разстояніи 3 верстъ, отъ лежащаго на сѣверѣ Столбового озера.

Приливъ въ устьѣ Камчатки повторяется два раза въ сутки и поднимаетъ высоту воды на 9—13—25 ф., а около селенія—на

7 ф., такъ что даже въ малую воду сюда могутъ входить неглубоко сидящія суда; скорость теченія на устьѣ достигаетъ 7 в. въ часъ, а при отливѣ еще больше, такъ что слабосильный паровой катеръ едва въ состояніи преодолѣть его, какъ это и случилось на нашихъ глазахъ лѣтомъ 1897 г. Весьма непріятнымъ для плаванія затрудненіемъ является существованіе противъ устья бара, который часто и сильно мѣняется какъ по своему положенію, такъ и по очертаніямъ.

Въ верховьяхъ рѣки ледъ начинаетъ ломаться уже въ первой половинѣ марта, а на устьѣ онъ обыкновенно проходитъ между 20 апрѣля и 10 іюня; въ нижнемъ теченіи рѣка замерзаетъ въ срединѣ ноября. Такъ какъ въ долинѣ Камчатки и на сосѣднихъ хребтахъ выпадаетъ большое количество снѣгу, то весеній разливъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Выше Щекъ, на югъ до сел. Козыревскаго и къ сѣверу до сел. Еловки, вамъ представляется тогда величественная картина внутренняго моря, изъ котораго выступаютъ отдѣльные островки и высятся верхушки деревьевъ, среди которыхъ въ обыкновенное время пасется скотъ и вы можете путешествовать пѣшкомъ. Во время разлива уровень въ рѣкѣ поднимается больше $1^1/_2$ сажени верстъ на 250—300; тогда она судоходна для большихъ шлюпокъ и паровыхъ катеровъ; въ обыкновенную же воду суда могутъ подниматься до Нижне-Камчатскаго острога.

Прибыль воды во время разлива, въ низовьяхъ рѣки, начинается съ 1-го до 6 іюня и окончательно убываетъ около 20 іюля.

Со времени Охотско-Камчатскаго судостроительства, кажется ни одна шлюпка европейскаго типа не поднималась вверхъ по рѣкѣ; обыкновенно шхуны и катера доходили до сел. Усть-Камчатскаго (7 в. выше отъ устья), или ради спокойной стоянки и зимовки заходили въ вышеназванные заливы рѣки или въ Нерпичье озеро. Не смотря на все это, Камчатка должна быть признана судоходной рѣкой, по крайней мѣрѣ для неглубоко сидящихъ судовъ, что при современной техникѣ судостроительства не представляетъ никакихъ затрудненій.

Число всѣхъ притоковъ Камчатки простирается до 116, и большая часть изъ нихъ носитъ характеръ горныхъ рѣчекъ, имѣющихъ весьма небольшое протяженіе: 20—40 верстъ, рѣже 50—100; только одна р. Еловка простирается до 180 верстъ. Правыхъ притоковъ меньше и они сравнительно короче, потому что Восточный хребетъ на протяженіи $^1/_3$ теченія Камчатки проходитъ въ недалекомъ отъ нея разстояніи; тогда какъ долина вдоль лѣваго бе-

рега главнаго потока раскидывается на значительное протяженіе 40—60 в., послѣ чего уже поднимаются предгорія Срединнаго хребта. Всѣ притоки крайне мелки, даже въ своемъ нижнемъ теченіи 1—1½ аршина, и только въ немногихъ случаяхъ глубина ихъ достигаетъ 3 аршинъ.

Изъ правыхъ притоковъ Камчатки заслуживаютъ вниманія слѣдующіе; считая сверху.

1) Повыча (или Ковыча), впадающая противъ р. Андріановки, въ 80 верст. отъ вершины. Это незначительный притокъ, начинающійся съ Валагинскихъ горъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится такъ называемое Верблюжье горло, или опасный перевалъ—проходъ на восточный берегъ, откуда прежде всего попадаешь на р. Жупанову. По этой дорогѣ раньше часто ѣздили въ Петропавловскъ, быть можетъ по тому, что все здѣшнее восточное побережье было густо заселено камчадалами, откуда они послѣ оспенной эпидеміи были разселены по долинѣ Камчатки. Съ этого же перевала шла дорога на рр. Вагиль и Налычеву, гдѣ также были острожки. Во времена Завойко здѣсь попадались только слѣды юртъ, да каменныя орудія прежнихъ обывателей.

2) Щапина (Шепенъ по камчадальски) одинъ изъ большихъ притоковъ, вливающійся пятью устьями въ Камчатку, гдѣ расположенъ того же имени острогъ. Она интересна по Горному урочищу, отстоявшему на 33 в. отъ названнаго острога и сожженому самими камчадалами послѣ какой-то сильной эпидеміи, которая случилась еще до прихода русскихъ. Съ этой рѣки идутъ густыя заросли хвойнаго лѣса, главнымъ образомъ ели и лиственницы. Съ вершины ея у сопки Купцекла можно легко попасть на верховья р. Жупановой и къ Кроноцкому озеру.

3) Толбачикъ, Толбача (Тулуачъ) начинается двумя истоками, изъ которыхъ сѣверный подходитъ къ дѣйствующему вулкану Б. Толбачикъ, а южный направляется отъ огнедышащей сопки Купцекла; такимъ образомъ потухшій М. Толбачикъ находится между этими двумя верховьями. Рѣка Толбача протекаетъ по низкой и широкой долинѣ, съ болотистыми берегами, сильно извилиста; на днѣ ея часто послѣ разлива обнаруживаются кости цѣнныхъ скелетовъ мамонта. По долинѣ разбросано много мелкихъ озеръ съ кустарниковой растительностью и только вдали, на предгорьяхъ, начинается хвойный лѣсъ. Наибольшая ея ширина 25 саж., при глубинѣ въ 1½ арш. Толбачинскій острогъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣчки въ 5 верст.

отъ впаденія ея въ Камчатку, которая здѣсь имѣетъ 100 с. ширины, 5—7 арш. глубины и довольно быстрое теченіе. Съ вершинъ этой рѣчки есть удобные проходы на р. Чажму, впадающую въ Берингово море, и на р. Хапичи (Гыченъ), притокъ Камчатки, впадающій выше Камаковъ.

Лѣвые притоки Камчатки имѣютъ, за немногими исключеніями, крайне любопытное расположеніе: они впадаютъ въ тѣхъ мѣстахъ протяженія главнаго потока, гдѣ съ правой стороны таковыхъ вовсе нѣтъ, и на оборотъ. Между Пущиной и Верхне-Камчатскимъ справа впадаютъ три большихъ рѣчки, а слѣва—ни одной; между Мильково и Щапино (разстояніе 100 в.), справа мы имѣемъ только одинъ порядочной величины притокъ, а слѣва двѣ большихъ рѣки; отъ Машуры до Козыревска справа текутъ 4 притока, а слѣва одинъ; наконецъ отъ Толбачика внизъ до Щекъ только по лѣвой сторонѣ идутъ значительные притоки, тогда какъ справа ни одного болѣе или менѣе важнаго; а есть только стоки или ключики.

Главные и наиболѣе важные лѣвые притоки слѣдующіе, идя отъ вершины.

1) Андріановка впадаетъ въ Камчатку противъ праваго притока Повычи; сама по себѣ незначительная, она начинается двумя истоками, которые служатъ удобными проходами чрезъ Срединный хребетъ на западную сторону къ рр. Облуковиной и Колпаковой. Своимъ бурнымъ теченіемъ она причиняетъ много бѣдъ Верхне-Камчатску, не смотря на то́, что онъ расположенъ на правомъ берегу Камчатки. Въ 40-хъ годахъ она промыла новое устье и разрушила острогъ, прежнее мѣсто котораго называлось «Грѣшнымъ», потому что здѣсь были казнены въ 1731 г. Мерлинымъ виновники камчатскаго бунта.

2) Минуя маленькую Мильковскую рѣчку, съ большимъ русскимъ селеніемъ того же имени, мы попадаемъ въ весьма значительный притокъ Киргана (Кирганикъ, Кырчаникъ 60 в.), который начинается на склонахъ Срединнаго хребта двумъ истоками изъ озеръ. Одинъ служитъ для прохода на верховья р. Облуковины, а второй—сѣверный далеко уходитъ на сѣверъ и стекаетъ съ предгорій Ичинской сопки. Первый проходъ—съ очень крутымъ подъемомъ и считается очень опаснымъ. Далѣе къ сѣверу Камчатка дѣлаетъ большія извилины до селенія Машурскаго (35 в.), которое расположено недалеко отъ впаденія тоже значительнаго притока—Кимитиной; здѣсь лѣвый берегъ Камчатки гораздо выше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и образуетъ крутыя осыпи.

3) Кимитина состоитъ изъ двухъ рѣкъ, которыя соединяются недалеко отъ устья, и беретъ начало на Кимитинскихъ горахъ, составляющихъ восточный отрогъ Срединнаго хребта; съ вершинъ ея существуетъ зимняя дорога съ хорошимъ переваломъ на р. Ичи, оставивъ къ югу Ичинскую сопку. Рѣка сильно извилиста, съ высокими берегами диллювіальнаго характера, которые покрыты до самаго хребта густымъ хвойнымъ лѣсомъ, изъ лиственницы и главнымъ образомъ пихты.

Недалеко отъ Машурскаго селенія есть порядочное озеро, любопытное въ томъ отношеніи, что въ него рыба совсѣмъ не заходитъ. Въ этомъ озерѣ есть прѣсноводныя ракушки (Anodonta), въ которыхъ находятъ мелкій жемчугъ.

4) Пропустивъ рр. Калью, Козыревскую и Крестовую, съ которой есть неудобный лѣтній перевалъ на вершину Тигиля, мы достигаемъ р. Еловки, самаго значительнаго притока р. Камчатки, впадающаго въ нее недалеко отъ сел. Крестовскаго. Начинается она на восточномъ склонѣ Срединнаго хребта въ недалекомъ разстояніи отъ истоковъ р. Сѣданки и затѣмъ прорѣзываетъ Столбовую тундру; у сел. Еловка соединяется со вторымъ истокомъ — Разсосиной, которая подходитъ съ с.-в. Отсюда, сдѣлавъ большое колѣно, она течетъ на югъ среди обширной низкой долины, которую въ большія воды заливаетъ на значительномъ пространствѣ. Берега обѣихъ Разсосинъ вездѣ круты, обрывисты, трахитоваго характера; въ 6 верстахъ ниже селенія Еловка прорываетъ подошедшій пологій отрогъ Срединнаго хребта, образуя здѣсь опасный водоворотъ. Отсюда вдоль праваго берега идетъ, постепенно отклоняясь къ западу, небольшой холмъ, покрытый густымъ хвойнымъ лѣсомъ, — до такъ называемаго Горѣлаго мыса, гдѣ, по разсказамъ нашихъ спутниковъ, слышавшихъ это отъ стариковъ, было большое юртовище (поселокъ) нехристей, которое въ одну ночь все сгорѣло. Отсюда широко раскидывается долина, покрытая густой растительностью изъ ивы, осины, рябины, корявой березы и ольхи. Ложе рѣки какъ будто нарочно обсажено и представляетъ красивую, но сильно извилистую аллею, со множествомъ небольшихъ островковъ. Берега вездѣ состоятъ изъ песку, глины и толстаго слоя ила, съ роскошной травяной растительностью.

Еловка принимаетъ нѣсколько притоковъ; изъ нихъ рѣчка Киреунская замѣчательна горячими ключами, рр. Половинная и Хар-

чинская любопытны потому, что, не смотря на ихъ чистую воду, рыба никогда не заходитъ въ эти рѣки.

Жители Еловки разсказывали, что руно рыбы попробовавъ войти въ эту рѣку, сейчасъ же бросается назадъ; около сел. Харчинскаго впадаетъ слѣва протокъ изъ двухъ озеръ, окруженныхъ полукольцомъ высокихъ скалистыхъ береговъ, переходящихъ въ Тимашкинскій хребетъ. Среди Харчинскаго озера есть два островка, одинъ съ острой вершиной—Калаусъ, другой плоскій—Кильницъ, состоящій исключительно изъ наноснаго песку, высотою до 3—4 саж. Здѣсь когда-то жили камчадалы, судя по остаткамъ юртъ, кухоннымъ отбросамъ и человѣческимъ костямъ.

Длину всей Еловки нужно считать около 150 в.; ширина у Старичка (близь селенія)—50 с., а на низовьяхъ до 200 с., глубина въ большую воду отъ 2 аршинъ до 2 саж.

Ниже сел. Ключевскаго до самаго устья (120 в.) впадаетъ нѣсколько мелкихъ притоковъ (Хапичи, или Гыченъ, Кабанхало и Ратуга, или Оратъ), но всѣ они ни для торговли, ни для промысла значенія не имѣютъ; одна Ратуга памятна по неоднократнымъ сильнымъ размывамъ берега и разрушенію Нижне-Камчатскаго острога.

Р. Ратуга при устьѣ имѣетъ 100 с. ширины; но весною разливается на весьма большое разстояніе: въ 1806 г. наводненіе ея было такъ велико, что, не смотря на довольно высокое положеніе Нижне-Камчатска, жители ѣздили въ церковь на батахъ, а въ домъ областного правленія зашло немалое количество красной рыбы, которую поймали, когда вода стала спадать.

Относительно другихъ рѣкъ восточнаго побережья нужно предварительно замѣтить, что только весьма немногія изъ нихъ были кѣмъ либо изъ путешественниковъ осмотрѣны; а остальныя нанесены на карту только по разсказамъ жителей и по морскимъ описямъ береговой линіи.

Въ Авачинскую губу вливаются двѣ рѣки—Паратунка (или Корымчина), протекающая сначала по топкому болоту, выше 35 в.—въ ущельѣ высокихъ горъ до Вилючинской сопки, около которой изъ озера она начинается.

Авача (Суаачу) идетъ съ сѣвера и вытекаетъ изъ двухъ озеръ недалеко отъ вулкана Бенникэнъ, длиною около 150 в.; она пролегаетъ по обширной долинѣ, которая съ запада ограждена Ганальскими острякамп, а съ востока—сначала отрогомъ Жупановскаго вул-

кана, а затѣмъ горной цѣпью, исходящей изъ того же узла до Коряцкой и Авачинской сопокъ. Она принимаетъ 6 притоковъ, изъ которыхъ наиболѣе важнымъ нужно считать Коряцкую рѣчку (Конамъ), какъ путь въ Большерѣцкъ, чрезъ небольшой перевалъ, гдѣ ея вершина сходится съ Начикинской рѣкой на разстояніи 2 верстъ, занятыхъ плоскимъ уваломъ, на южномъ концѣ котораго высятся мрачныя, разорванныя пики Вуасказычъ и Ашхалигачъ.

Ложе рѣки до Коряцкаго острога каменисто, а ниже къ устью, съ расширеніемъ долины, состоитъ изъ песку и ила; берега топки и трудно проходимы; монотонный видъ болотистой долины изрѣдка прикрашенъ кустиками ольхи и ивняка.

Изъ рѣкъ восточнаго побережья къ сѣверу отъ Авачинской губы можно упомянуть развѣ только Жупанову, которая, начинаясь съ Восточнаго хребта, на параллели Машурскаго селенія, съ западнаго склона сопки Унана, все время проходитъ у подошвы этого хребта на югъ и, обогнувъ съ запада вулканъ М. Семячикъ, придерживается Жупановскаго отрога до самаго впаденія въ море.

Все время отъ самой вершины вдоль лѣваго берега Жупановой тянется низкая долина, которая южнѣе Малаго Семякина раскидывается въ обширную и топкую тундру. Она не имѣетъ ни одного значительнаго притока и простирается на 150 в.; теченіе довольно быстрое, и глубина рѣки варьируетъ отъ 8 до 15 и отъ 20 до 22 ф. Устье рѣки напоминаетъ песчаныя дюны, выше которыхъ она разбивается на многіе рукава, раздѣленные низкими безлѣсными островами; въ береговыхъ пескахъ попадается бѣлая, красивая пенза Жупановскаго вулкана.

Вся остальная часть побережья до устья Камчатки небогата даже малыми рѣчками и сѣвернѣе р. Камчатки, гдѣ уже нѣтъ слѣдовъ Восточнаго хребта, а продолжается только одинъ Срединный, характеръ берега становится пологимъ, низковолнистымъ и тундрянымъ.

Изъ здѣшнихъ рѣкъ нужно упомянуть: 1) Русаковку, вершина которой сходится съ Кахтаной, текущей въ Охотское море; обѣ рѣки начинаются нѣсколькими истоками, и у первой находятся горячіе ключи.

2) Совершенно такой же характеръ имѣетъ р. Ивашка; вершина ея сходится съ истоками Паланы; 3) съ рр. Дранки и Караги есть тоже удобные зимніе пути на западный берегъ, съ тою только разницей, что перевалъ съ Дранки короче, круче, но всегда покрытъ убойнымъ снѣгомъ, что указываетъ на сильные здѣсь вѣтры.

Долина р. Караги на всемъ протяженіи гораздо шире; отроги, окружающіе ея болѣе, пологи; подъемъ не такой крутой, какъ на Дранкѣ, но только здѣсь въ теченіи зимы наблюдаются сильные уброды, которые препятствуютъ ѣздѣ на собакахъ. Отсюда попадаешь на сѣверный истокъ р. Лѣсной.

Все пространство отъ береговой линія до видимыхъ вершинъ отроговъ представляетъ красивую и оригинальную картину, на которой рѣзко выступаютъ три ландшафта или полосы: сначала идетъ волнистая мокрая и безлѣсная тундра—оленная; за ней немного выше слѣдуетъ широкая полоса кедровой тундры; еще дальше, по склонамъ горъ—рѣдкія заросли Эрмановой березы; вершины горъ пологи и безлѣсны.

Р. Вальвуя, лежащая къ С. за большимъ уваломъ отъ сел. Кихчиги, служитъ послѣднимъ сѣвернымъ переваломъ на западный берегъ, къ р. Пустая. Сейчасъ выше устья, Вальвуя окружена то обрывистыми, разорванными стѣнами скалъ, то высокими хребтами, то кучами отдѣльныхъ сопокъ, пробравшись между которыми по узкому ущелью, вы чрезъ высокій правый берегъ попадаете на волнистое плоскогоріе, лежащее между Кихчигинскимъ отрогомъ и хребтомъ Гай—кивьягинъ, которые оба отходятъ отъ Срединнаго хребта близь перевала, называемаго Полковникъ. Этотъ перевалъ представляетъ ничто иное, какъ сѣдловину, т. е. разрывъ хребта, острые гребни котораго высятся еще футъ на 400—500; высота «Полковника» по анероиду въ день нашего переѣзда была 738 mm., тогда какъ на плоскогорьѣ къ востоку мы встрѣтили пологій увалъ, на которомъ анероидъ показывалъ 728 mm. Отсюда слѣдуетъ, что названное плоскогорье лежитъ немного выше Полковничьяго перевала, зато отдѣльные пункты послѣдняго сравнительно выше. Эта возвышенность отъ перевала тянется верстъ на 30 до спуска въ ущелье р. Вальвуя.

Дальше берегъ Камчатки поворачиваетъ на востокъ, образуя два большихъ залива: барона Корфа и Олюторскій; здѣсь впадаютъ три большихъ рѣки Вывнуки, Култушная и Олютора, памятная по своимъ столкновеніямъ корякъ съ русскими. Всѣ онѣ стекаютъ съ Камчатскаго хребта, но мало извѣстны.

Покончивъ съ рѣками восточной Камчатки, перейдемъ на западное побережье и начнемъ гидрографическій обзоръ также съ южной оконечности.

Въ прежней Курильской землицѣ, или на оконечности Камчатки мы имѣемъ исключительно горныя, стремительныя рѣки и рѣчки, съ

узкимъ каменистымъ ложемъ и скалистыми берегами; число ихъ невелико, но зато количество горныхъ ручьевъ значительно. Упомянемъ двѣ рѣки, которыя могутъ имѣть промысловое значенiе; это Камбальная и Озерная.

Камбальная (Питпуй по-курильски) вытекаетъ изъ значительнаго озера того же имени, со стороны моря отдѣленнаго горами. Названiе свое получила отъ того, что въ устьѣ ея всегда встрѣчается громадное количество камбалы. У самаго озера, равно какъ и на устьѣ, прежде жили курильцы; въ нижнемъ теченiи образуется небольшая долина съ высокими песчаными осыпями у рѣки. Впадаетъ въ большой заливъ, въ которомъ въ извѣстное время (августъ—сентябрь) плаваютъ цѣлыя стада китовъ; при незначительной длинѣ (до 50 в.) она доступна для шлюпокъ.

Озерная (Игдычъ) начинается изъ Курильскаго озера, стѣснена громадными утесами и ребрами потухшихъ сопокъ; при устьѣ образуетъ ковшеобразное расширенiе, весьма удобное для стоянки шлюпокъ, такъ какъ со всѣхъ сторонъ оно окружено то горами, то высокими увалами. Ширина устья не больше 15 сажень; противъ него начинаются *тресковыя банки*, идущiя на С. С. З., гдѣ давно американцы занимаются ловлей трески, о чемъ будетъ сказано позже.

Слѣдуя къ сѣверу, мы встрѣчаемъ три рѣки: Явину, Голыгину и Опальную; на первыхъ двухъ расположено по небольшому селенiю, причемъ въ Голыгинской рѣчкѣ и сосѣднихъ озерахъ встрѣчается рѣчная жемчужница (см. промыслы); эти рѣки берутъ начало на Восточномъ хребтѣ, а Опальная—у подошвы сопки того же имени.

Одной изъ самыхъ большихъ и важныхъ рѣкъ западнаго берега считается рѣка Большая (Кышка), которая подобно р. Тигилю, служитъ проѣзднымъ зимнимъ трактомъ для сообщенiя съ долиной Камчатки и съ Петропавловскомъ. При устьѣ ея есть узкiй, но длинный, глубокiй заливъ, долгое время служившiй убѣжищемъ для судовъ Охотскаго порта. Вскорѣ послѣ возникновенiя охотскаго судоходства, въ этомъ заливѣ Чекавка (по имени впадающей въ него тундряной рѣчки) возникъ небольшой портъ, куда перенесено было главное управленiе Камчатки (до 1783 г.) и гдѣ разыгралась упомянутая выше исторiя бунта и побѣга Бёньёвскаго.

Большая носитъ это названiе отъ устья (52° 45′ с. ш.) до теперешняго мѣстоположенiя Большерѣцка (40 в.), гдѣ образуется изъ двухъ рѣкъ одинаковой величины: прямо на востокъ поднимается рѣка Плотникова, а къ с.-в. идетъ р. Быстрая. Плотникова съ своими

притоками отличается быстротою теченія и значительной глубиной; на протяженіи 100 в. вполнѣ судоходна для шлюпокъ. Въ нижнемъ теченіи она протекаетъ по ровной тундрѣ, разбиваясь на нѣсколько протокъ и образуя много островов. Около 40 в. выше Большерѣцка берега обѣихъ рѣкъ становятся выше: широкую тундру смѣняютъ увалы, скоро переходящіе въ горныя цѣпи, которыя тянутся съ обѣихъ сторонъ вдоль рѣки. Къ березѣ, которая рѣдколѣсьемъ была у Большерѣцка, присоединяется тальникъ, тополь, ольха, изрѣдка черемуха, рябина, смородина и кедровникъ. Отъ с. Апача вдоль праваго берега тянется высокій хребетъ, тогда какъ по лѣвую сторону раскидывается низина, на окраинѣ которой стоитъ величественный массивъ Опальной сопки; но скоро этотъ горизонтъ закрывается, и рѣка проходитъ узкимъ ущельемъ, придерживаясь праваго, болѣе крутого берега. Не доѣзжая Начики ущелье немного расширяется и по лѣвому берегу тянутся безконечные сѣнокосы. Вершина Начикинской [1]) рѣки лежитъ въ районѣ дѣятельности старыхъ вулкановъ и окружена множествомъ горячихъ ключей.

Рѣка Начика вытекаетъ изъ озера, длина котораго 6 верстъ, а ширина 3 в. Озеро отстоитъ на югъ отъ селенія гораздо ближе, чѣмъ это показано на картахъ: жители доходятъ до него въ 3—4 часа. Берега его изъ крупной дресвы, въ озерѣ есть ракушки—мамай и широколиственная трава. Подобныя ракушки встрѣчаются и въ другомъ озерѣ Сокочъ, лежащемъ въ 12 в. ниже селенія съ правой стороны рѣки. Здѣсь, по разсказамъ жителей, есть особаго рода гольцы (рѣчная форель) желтаго цвѣта и съ широкой головой, какъ у вахни, которыхъ къ сожалѣнію намъ не удалось получить.

Съ правой стороны рѣки Начики нѣтъ значительныхъ притоковъ, точно также какъ съ лѣвой—у р. Быстрой, потому что между ними вклинивается широкій отрогъ, идущій отъ южной перемычки Камчатскихъ хребтовъ.

Быстрая рѣзко выдѣляется своей стремительностью и проходитъ среди скалъ, образуя пороги. Не доходя села Малки, она прорѣзываетъ Срединный хребетъ и восточнѣе его поднимается по долинѣ, постепенно расширяющейся къ Камчатской тундрѣ. Во многихъ мѣстахъ всю зиму она не замерзаетъ. Притоки ея: Ключевка, Поперечная, Песчаная, Ажогъ, Степанова и пр.

---

[1]) Та же самая Большая рѣка, только послѣ сел. Апачи называется Начикинской, а выше сел. Начики—Озерной. Это обычная система именованія всѣхъ здѣшнихъ рѣкъ.

Изъ другихъ рѣкъ чисто тундряного района западнаго берега сравнительно больше другихъ: Коловская, Воровская и Колпакова. Всѣ три названныхъ рѣки берутъ начало на Срединномъ хребтѣ у Верхнекамчатской параллели и принимаютъ много мелкихъ притоковъ, стекающихъ съ тундры. Протяженіе этихъ рѣкъ около 120—130 в., теченіе довольно быстро, глубина въ низовьяхъ 1—2—3 аршина; направленіе извилистое.

Коловская (или Княженичная, по-камчадальски Игдыхъ, теперь произносятъ Авдечъ) протекаетъ въ районѣ самой низкой мокрой тундры, а потому часто мѣняетъ свое ложе. Въ 1896 г. Коловскій острожекъ, стоявшій на правомъ берегу, началъ переноситься на лѣвый вслѣдствіе подмыва берега. Крашенинниковъ замѣчаетъ, что невѣдомо — по какой причинѣ эта рѣка названа Колъ; старики разсказывали намъ, что въ прежнія времена одинъ приказчикъ не хотѣлъ сдать управленіе Камчаткой присланному преемнику и бѣжалъ сюда изъ Большерѣцка. Новый начальникъ, розыскавъ его, посадилъ въ наказаніе на колъ. По р. Немчику поднимаются на хорошій и невысокій перевалъ въ Ганалы; къ сѣверу протекаетъ р. Сёможная, чисто тундряная рѣка, вершина которой находится близь сопки Кхукты; она изобилуетъ семгой.

Подъ именемъ Воровской рѣки нужно понимать два значительныхъ притока, соединяющіеся въ одно общее русло у самаго моря; русло изливается въ узкій, длинный (до 20 в.) и глубокій заливъ Чканыгичъ, какъ сказано на картахъ, хотя жители не знаютъ этого названія. Помимо этой главной рѣки сюда изливается нѣсколько тундряныхъ рѣчекъ (Кужа, Труномча, Унгта, Половинная, Брумкина и др.). Названіе свое рѣка получила вслѣдствіе того обстоятельства, что камчадалы здѣшняго острожка часто бунтовали и измѣннически убивали приказчиковъ-сборщиковъ ясака. Какъ бухта, такъ и устье рѣки довольно глубоки (2—5 саж.), при 12—15 с. ширины; здѣсь въ прежнее время зимовали суда. Лѣвый притокъ называется Уду или Куменжина, стекаетъ съ отроговъ Срединнаго хребта; тогда какъ правый—Хыкэхъ (Гыгъ) беретъ начало на самомъ хребтѣ; по берегу рѣки есть графитъ и интересная сопка Ашова съ круглыми глубокими дырами и большой пещерой.

Р. Колпакова (Компакова, Нухкую) одна изъ быстрыхъ рѣкъ, прорѣзывающихъ низкую тундру; она — сильно извилиста, вслѣдствіе размыва береговъ. Колпаковскій острожекъ въ 1894 г. долженъ былъ переселиться выше; но такъ какъ не всѣ жители перебрались, то

образовалось два острожка. Устье рѣки мѣняется почти каждый годъ; есть небольшой заливъ, образованный кошкой, море преглубо, а потому прежде иногда заходили сюда пароходы Филлипеуса для выгрузки товаровъ.

Всѣ главныя рѣки, какъ этого низко-тундряного района, такъ и слѣдующаго — холмисто-тундряного, имѣютъ замѣчательно однообразный видъ рѣчныхъ долинъ, о чемъ мы уже говорили.

Начиная съ Крутогорова, встрѣчаются болѣе высокіе холмы, а берега рѣкъ представляютъ часто крутые обрывы наносныхъ образованій, подъ которыми попадаются въ большомъ количествѣ отпечатки листьевъ и окаменѣлыя ракушки. Тамъ, гдѣ наблюдаются подобные высокіе берега, рѣка придерживается правой стороны, какъ напримѣръ, въ Крутогорово, Ичи и др.

Изъ рѣкъ этой второй группы упомянемъ Облуковину (Оглукомену, Шеагачъ), съ которой есть перевалы въ Камчатскую долину и на вершинахъ которой въ зиму 1897—98 гг. нашей экспедиціей найдено золото. Она впадаетъ въ небольшую губу; въ недалекомъ разстояніи (около 20 в.) отъ моря, расположенъ небольшой острожекъ на лѣвомъ берегу, отъ котораго тундра поднимается двумя уступами. Длина рѣки до 150 в.; она начинается четырьмя истоками на хребтѣ (столовыя горы — Шатучанъ). Одни истоки этой рѣки приближаются къ Ичинской вершинѣ, гдѣ находятся двѣ сопки; а другіе—къ Колпаковой. Между этими истоками, по разсказамъ ламутовъ, на хребтѣ находится большое и очень глубокое озеро, безъ истока.

Въ прежнее время, по р. Облуковиной существовалъ большой трактъ изъ Тигиля, чрезъ вершину этой рѣки, въ долину Камчатки на р. Кирганикъ; теперь онъ совершенно заброшенъ.

Ичинская рѣка одна изъ самыхъ большихъ на западномъ берегу, впадаетъ въ небольшую узкую бухточку Чканичъ; берега ея изъ крутыхъ осыпей и уваловъ, сопровождающихъ рѣку до хребта. Она принимаетъ много притоковъ (Альчъ, Сконъ, Чвыгычъ, Шапчикъ, Коконъ, Нисхонъ и др.) съ обѣихъ сторонъ, которые, подобно многимъ здѣшнимъ рѣчкамъ, зимою не вполнѣ замерзаютъ; этимъ объясняется, почему здѣсь зимуютъ утки и лебеди.

Селеніе расположено въ 20 в. отъ моря (сухимъ путемъ и 30 в. по рѣкѣ), на правомъ берегу, гдѣ рѣка разбивается на три рукава. Долина рѣки представляетъ одно изъ самыхъ топкихъ болотъ,—такъ называемый зыбунъ, по которому послѣ дождя невозможно перебраться.

Въ третьемъ районѣ, гдѣ боковые отроги главнаго хребта ближе всего подходятъ къ Охотскому морю, берега рѣкъ всегда круты и высоки; рѣчная долина теряетъ свой прежній характеръ. Большинство рѣкъ этой мѣстности имѣетъ болѣе высокій хребетъ по лѣвому берегу и близь морской черты высокую сопку: такъ, на-лѣво отъ р. Кавранъ, стоитъ сопка Еллейликенъ, отъ Бѣлоголовой—Морошечная, отъ р. Чикигенъ—Сопочная. Здѣсь, среди обычной растительности, чаще попадается кедровникъ. Изъ большихъ рѣкъ этой полосы, наибольшими считаются: Сопочная, Морошечная, Бѣлоголовая и Харьюзовка.

Сопочная (Петаай) почти у самаго устья составляется изъ двухъ главныхъ притоковъ или разсосинъ; правый называется собственно Сопочная и лѣвый—Сигиканъ, какъ прежде и самый острожекъ именовался. Въ углу, при сліяніи этихъ рѣкъ, стоитъ сопка Лохсоки, которую иногда называютъ Сопочной горой; между ними расположена кедровая тундра. Рѣка эта интересна въ ботаническомъ отношеніи, потому что здѣсь находится граница южнаго распространенія кемчиги (Claytonia), клубневиднаго растенія, и сѣверный предѣлъ Медвѣжьяго корня (Angelica).

Морошечная (Атихаѝ) принимаетъ много мелкихъ ручьевъ, причемъ, на протяженіи между моремъ и селеніемъ (70 в. на прямомъ и 100 рѣкою) всѣ притоки впадаютъ съ лѣвой стороны, и только выше селенія встрѣчаются на обѣихъ сторонахъ. Между лѣвыми притоками Морошечной—Ключь и Хахельтнымъ вдали виднѣется большой голецъ Хлоаэнъ.

Бѣлоголовая вѣроятно получила свое названіе отъ очень высокой сопки Анхвей (Бѣлая), которая отсюда хорошо видна; она протекаетъ болѣе 115 в. и впадаетъ въ небольшую губу, длина которой 12 в., а ширина отъ 2 до 4 в. Харьюзовская (Тулаганъ) въ своей верхней половинѣ составляется двумя рѣками,— собственно Тулаганомъ (правая—Тихая) и Плехаңомъ (т. е. Быстрая); первая начинается у подножія вулкана Тепана, а вторая беретъ свои воды съ Срединнаго хребта. Названіе получила отъ встрѣчавшейся въ водѣ рыбы — Харіусъ (Thymalus), хотя теперь жители и не знаютъ ея. Селеніе расположено въ 50 в. отъ моря въ весьма живописной мѣстности: позади селенія, съ восточной стороны, поднимается изолированный хребетъ съ крутыми подъемами,—Кохаңъ; въ сторону моря, къ западу, также хребтикъ, называемый Танчь, въ немъ рѣзко выдѣляется высокая сопка Ачванчь.

Лѣтъ десять тому назадъ, острожекъ стоялъ на лѣвомъ берегу

р. Быстрой, а теперь перенесенъ на правый берегъ р. Тихой, гдѣ окружающими хребтиками онъ лучше закрытъ отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ.

Съ р. Тигиль начинается пятый районъ западнаго побережья. Здѣсь западная половина Камчатки занята двумя параллельными хребтами, которые прорываетъ Тигиль. Эта рѣка имѣетъ очень важное значеніе для побережья; во-первыхъ, устье и русло ея доступно для морскихъ судовъ во время прилива; во-вторыхъ, по своей глубинѣ она судоходна для шлюпокъ до сел. Сѣданки, т. е., на протяженіи 100 верстъ, и въ третьихъ, съ давнихъ поръ служила трактомъ въ Камчатскую долину по двумъ направленіямъ: или по самому Тигилю до хребта, а потомъ на р. Крестовую, какъ здѣсь впервые прошелъ Атласовъ; или же по притоку Сѣданкѣ, чрезъ хребетъ и Столбовую тундру, въ сел. Еловку. Характеръ береговъ рѣки и сосѣднихъ горъ мы уже описали раньше; остается сказать, что вдоль берега и на большихъ островахъ тянутся прекрасные заливные луга съ богатою травяною растительностью. Около Сѣданки раскидываются возвышенныя ровныя площади съ крупнымъ березовымъ лѣсомъ и хорошей травой. Всѣ эти мѣста могли бы послужить для развитія большого скотоводства, еслибы жители получили возможность вывоза продуктовъ его.

Протяженіе рѣки Тигиль больше 180 верстъ, и, по Дитмару, вершина ея подходитъ къ вершинѣ рѣки Козыревской. Главные ея притоки справа, отъ вершины, Калгацъ, Сѣданка, Пирожникова, Гавенка и Хатанга; слѣва Напапа и Кульки. Напапа подходитъ къ Тепановскому вулкану, гдѣ, какъ мы видѣли раньше, начинается рѣка Харьюзовская. Вершины ихъ сходятся на низкой моховой тундрѣ, такъ что при высокой водѣ изъ Напапы можно попасть въ эту послѣднюю рѣку, перетащивъ батъ по тундрѣ на протяженіи шести верстъ.

Ширина устья рѣки при отливѣ не меньше 50 саж., глубина до 4 саж.; противъ устья въ морѣ находятся отмели и баръ, на которомъ въ малую воду глубина не бываетъ меньше 3 футъ, тогда какъ при полномъ приливѣ она увеличивается до $2^1/_2$ саж.

Изъ остальныхъ рѣкъ сѣвернаго района, какъ болѣе важныя, нужно назвать: 1) Кахтану, съ которой есть перевалъ на р. Русаковку, и у устья которой вытянулся скалистый мысъ того же имени; 2) Паланъ (Пиляланъ) съ его большимъ озеромъ — Паланскимъ.

Отъ р. Паланы къ сѣверу вдоль берега уже тянется хребетъ

Зимняя тунгузская юрта.

до р. Кинкиль, гдѣ снова образуется очень узкая прибрежная равнина наноснаго характера, тогда какъ названный хребетъ продолжается въ 5—10 в. отъ берега до сел. Лѣсновскаго.

Р. Лѣсновская—послѣдняя изъ большихъ по Западному берегу, которая восточнѣе хребта, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ Кимакырэнъ, составляется двумя главными разсосинами: сѣверной и южной Лѣсновской. Обѣ эти рѣки находятся въ небольшомъ ущельѣ среди скалистыхъ и высокихъ горъ, разорванныя вершины которыхъ кажутся то бывшими кратерами, то красивыми конусами сопокъ, то массивными пологими гольцами. Эти горы образуютъ одно изъ самыхъ дикихъ и мрачныхъ ущелій на Западномъ побережьѣ, послѣ р. Озерной.

Съ вершины этихъ истоковъ существуютъ два перевала на восточную сторону—въ Дранку и Карагу, о которыхъ говорилось выше.

Въ 18 в. къ сѣверу отъ сел. Лѣсновскаго на морскомъ берегу, при устьѣ р. Колкачуемъ найдены нами залежи каменнаго угля. По нижнему теченію и сѣверному притоку встрѣчается въ большомъ количествѣ крупная 1—1$^1/_2$ обхвата тополь.

Рѣки, лежащія дальше къ сѣверу и впадающія въ Пенжинскій заливъ, не важны, хотя и представляютъ большой научный интересъ.

Охотское море у западнаго берега Камчатки рѣдко замерзаетъ; чаще всего вдоль берега ледъ стоитъ неподвижно узкой полосой, а въ Пенжинской губѣ не всегда бываетъ; такъ какъ быстрые и высокіе приливы постоянно ломаютъ ледъ, нося его то взадъ, то впередъ. Здѣсь только у скалистыхъ береговъ, на мѣстахъ непропуска, остается такъ называемый припай, или хавли. Это узкая полоса льду (иногда $^3/_4$ вершка), примерзшая къ скалѣ при высокомъ стояніи воды въ тихую погоду; она виситъ въ воздухѣ надъ морской пучиной въ разстояніи отъ нея иногда на 2—3 сажени. Вотъ по этимъ то хавлямъ и объѣзжаютъ иногда лѣтніе непропуски.

Въ февралѣ и въ первой половинѣ марта и это небольшое количество прибрежнаго льду уносится въ море, такъ какъ начинается вскрытіе Камчатскихъ рѣкъ. Не утруждая читателя подробностями, отмѣтимъ только вскрытіе и замерзаніе трехъ западныхъ рѣкъ:

	Замерзаетъ.	Очищается ото льда.
Р. Большая на устьѣ	15—30 октября.	10 марта до 20 апрѣля.
» » у селенія Начики .	конецъ окт.	25 марта до 5 апрѣля.
» Тигиль на устьѣ	15 октября.	20 апрѣля до 20 мая.
» » у селенія Тигиль . .	15 ок.—1 нояб.	около 7 мая.
» Лѣсновская	конецъ окт.	около 6 мая.

Такимъ образомъ, не смотря на разницу широтнаго положенія въ 6°[1]), замерзаніе рѣкъ происходитъ почти въ одно и тоже время, тогда какъ теплые лучи весенняго солнца неодинаково нагрѣваютъ два крайнихъ удаленныхъ пункта,—и опаздываніе вскрытія происходитъ на два мѣсяца. Эта разница получается больше, если сравнить рр. Тигиль и Таловку (конецъ западнаго берега Камчатки); здѣсь рѣка замерзаетъ также во второй половинѣ октября, а если бываютъ дожди, какъ въ 1896 г., то въ декабрѣ. Ледъ проходитъ изъ Таловки только въ началѣ іюня, т. е. замедленіе увеличивается почти на три мѣсяца. Такая разница въ вскрытіи рѣкъ имѣетъ громадное значеніе для жизни здѣшнихъ инородцевъ, потому что съ удаленіемъ льдинъ отъ берега начинается приходъ морскихъ рыбъ, вахни и уйка, а послѣ прохода изъ рѣкъ льда появляются первыя лососи. Значитъ, по мѣрѣ удаленія къ сѣверу отъ оконечности Камчатки, каждый житель долженъ дѣлать все больше и больше зимнихъ запасовъ рыбьяго корма.

Въ большинствѣ случаевъ прямолинейный берегъ западной Камчатской тундры представляетъ арену борьбы двухъ противоположныхъ силъ: стремительныхъ потоковъ рѣчного разлива и волнъ морского прилива. Первые достигаютъ своего наибольшаго развитія послѣ таянія снѣжнаго покрова, хотя и повторяются каждый разъ, когда выпадаетъ масса дождевыхъ осадковъ, тогда какъ второй съ математической правильностью повторяется каждые сутки — разъ или два раза въ зависимости отъ извѣстныхъ физическихъ причинъ. Рѣчныя воды, неся массу минеральнаго матеріала, при встрѣчѣ съ приливнымъ прибоемъ, отлагаютъ его и такимъ образомъ даютъ начало для образованія прѣсноводно-морскихъ отложеній, которыя, смотря по характеру береговъ и направленію надвигающихся волнъ, образуютъ дельты, бары, плотины или кошки. Рѣчныхъ дельтъ на охотско-камчатскомъ побережьѣ нѣтъ; о барахъ мы говорили выше; развитіе же стрѣлокъ или кошекъ представляетъ частое явленіе на западномъ побережьѣ. Анализируя условія образованія намывной полосы у берега вообще, Мушкетовъ, въ своемъ капитальномъ трудѣ по физической геологіи, говоритъ: если волны набѣгаютъ перпендикулярно къ берегу, то намывная полоса получается шире, нежели въ томъ случаѣ, когда онѣ ударяютъ подъ какимъ-либо острымъ угломъ. Если же волны идутъ параллельно берегу, то намыванія почти не проис-

[1]) Большерѣцкъ 53° 15′, а Лѣсновское 59°—15′ с. ш.

ходитъ, а минеральный матеріалъ движется вдоль берега до тѣхъ поръ, пока встрѣтитъ благопріятный для отложенія берегъ. Если волны набѣгаютъ на берегъ подъ косымъ угломъ, то, очевидно, сила ихъ при ударѣ о берегъ раздѣлится на двѣ, изъ которыхъ одна перпендикулярна къ берегу, а другая — параллельна; первая производитъ намываніе, а вторая двигаетъ наносъ вдоль берега; чѣмъ уголъ острѣе, т.-е. чѣмъ волна ближе къ параллельному положенію, тѣмъ въ данномъ мѣстѣ меньше будетъ отлагаться и, напротивъ, больше переноситься. Иначе сказать, при остромъ по отношенію къ берегу углѣ направленія приливного теченія всегда будутъ образовываться узкіе береговые валы; дальнѣйшій ростъ этихъ валовъ будетъ зависѣть отъ очертаній береговой линіи, а также отъ того, есть ли здѣсь рѣчныя устья, съ напоромъ воды которыхъ приливной волнѣ приходится считаться. Если берегъ сильно иззубренъ и имѣетъ вдающуюся въ материкъ бухту безъ истока воды, то приливъ будетъ постоянно выполнять и заносить ее. Такъ образовалась низкая наносная площадка между м. Омбонъ и лѣвымъ берегомъ устья р. Тигиль, которая продолжаетъ расти и на которомъ теперь расположено лѣтовье тигильскихъ жителей. Въ случаѣ, если бухта питается текущими ручьями, то этотъ наносъ будетъ обильно отлагаться на мѣстахъ встрѣчи волнъ съ бухтою; въ результатѣ съ обоихъ краевъ бухты будутъ выдвигаться и постепенно расти намывныя косы или кошки. Если же при прямомъ направленіи берега приливъ, идущій подъ острымъ угломъ къ нему встрѣтитъ сильный напоръ воды изъ рѣки, несущей много минеральнаго матеріала, то онъ отклонитъ въ противоположную сторону направленіе истока и вмѣстѣ съ тѣмъ отнесетъ эти рѣчные выносы, которые, попавъ въ морскую воду, сейчасъ же начнутъ отлагаться и соединяться съ берегомъ тамъ, гдѣ этого сопротивленія не будетъ. Такимъ путемъ образовались всѣ кошки по западному побережью. Здѣсь приливная волна, войдя въ Охотское море изъ океана Курильскими проливами, заворачиваетъ, между прочимъ, къ сѣверу и подъ острымъ угломъ разбивается и катится по западному побережью. Форма этихъ кошекъ,—говоритъ Реклю [1]), служитъ, такъ сказать, нагляднымъ изображеніемъ законовъ распространенія волнъ. Эти песчаныя кошки или косы состоятъ здѣсь изъ мелкаго песку съ примѣсью небольшого количества ила и заключаютъ въ своихъ тонкослоистыхъ отложеніяхъ какъ остатки морской

[1]) См. «Земля», ч. I, стр. 128.

флоры и фауны, такъ и обломки рѣчной растительности. Съ измѣненіемъ силы одного изъ двухъ агентовъ, кошки то увеличиваются или уменьшаются, то мѣняютъ свое положеніе, но всегда сохраняютъ типическую особенность—параллельность берегу и сообщеніе съ берегомъ въ сѣверномъ концѣ, пройдя устье болѣе быстрой рѣки. Не смотря на свой рыхлый строительный матеріалъ, песчаныя кошки прочнѣе скалистыхъ мысовъ или базальтовой высокой стѣны здѣшняго побережья.

Длина этихъ кошекъ варьируетъ отъ 5 до 20 верстъ; онѣ находятся при устьѣ рѣкъ: Коловская, Воровская, Колпакова, Ичинская и др.

Боковое размываніе берега не только расширяетъ рѣчную долину, но часто способствуетъ болѣе или менѣе значительному перемѣщенію всего ложа. Это боковое отступаніе рѣкъ, извѣстное подъ именемъ закона Бэра [1]), наблюдается болѣе всего на меридіальныхъ потокахъ. Таковы здѣсь рѣки Камчатка и Жупанова, текущія въ противоположныхъ направленіяхъ вблизи правобережнаго хребта (Восточнаго).

Нѣкоторые ученые полагаютъ, что законъ Бэра проявляется также и на широтныхъ рѣкахъ, хотя къ этому трудно приложить математическія вычисленія, опредѣляющія величину бокового уклоненія: при меридіальномъ направленіи частицы воды, переходя изъ одной широты въ другую, или отстаютъ отъ скорости вращенія земли новой параллели, при переходѣ съ сѣвера на югъ, или же, при обратномъ теченіи, предваряютъ ее. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онѣ будутъ напирать на правый берегъ и разрушать его.

При широтномъ направленіи рѣкъ, т. е. съ востока на западъ, или наоборотъ, онѣ не подвергаются этой разницѣ скоростей; а если и наблюдаются уклоненія рѣчного ложа и его устья къ сѣверу или къ югу, то причины ихъ вѣроятно другого рода. Если же двѣ рѣки, одинаково богатыя водою, впадаютъ въ море близко одна отъ другой, то кошка растетъ съ обѣихъ сторонъ и образуетъ такимъ образомъ бухточку. Такая бухточка съ дальнѣйшимъ ростомъ берегового вала и съ отрицательнымъ движеніемъ моря со временемъ образуетъ расширеніе или карманъ у самаго устья рѣки. Таковы, напримѣръ, расширенія у двухъ рѣкъ: Опальная и Кадомость, изливающихся теперь общимъ устьемъ въ море, а прежде даже Голыгина имѣла съ ними общій выходъ. При описаніи рѣки Камчатки мы уже гово-

---

[1]) «Морской Сборникъ», 1857, № 1, стр. 110.

рили, что устье ея лежало гораздо южнѣе и повидимому два раза мѣняло свое мѣсто. Теперешнее устье отъ прежняго находится въ разстояніи по береговой линіи почти 20 верстъ. Съ 1880 г. стало наблюдаться обратное явленіе, т. е. устье, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое ложе рѣки въ нижнемъ теченіи снова стало подвигаться къ югу: какъ Усть-Камчатскъ, такъ и Ключевское, стоящія на правомъ берегу, теперь сильно подмываетъ.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ свѣдѣніями относительно другихъ рѣкъ восточнаго побережья, чтобы сказать, есть-ли это южное отклоніе Камчатскаго устья единичный фактъ, или же оно повторяется и въ другихъ мѣстахъ.

Что касается западнаго берега, то здѣсь мы также встрѣчаемся съ отклоненіемъ рѣчного ложа и устья. Въ южной части Камчатки мы знаемъ это относительно р. Голыгиной, которая сравнительно недавно южнѣе проложила себѣ устье, отдѣльное отъ Опальной. Большая часть рѣкъ отъ Большерѣцка до Ичи протекаютъ у лѣваго борта рѣчной долины, гдѣ расположены селенія. Эти послѣднія мѣняли и продолжаютъ мѣнять свое мѣсто, потому что рѣка подмываетъ лѣвый берегъ; тогда какъ сѣвернѣе всѣ 15 селеній лежатъ на правомъ берегу, а стоявшія прежде на лѣвомъ, должны были перенестись, потому что ихъ стало заливать.

Въ заключеніе гидрографическаго обозрѣнія Камчатки нужно сказать нѣсколько словъ объ озерахъ, бухтахъ и островахъ. Какъ мы уже видѣли, береговая линія крайне бѣдно развита; собственно говоря, только на восточной сторонѣ еще есть бухты и острова, о которыхъ нужно упомянуть и которые могли бы имѣть значеніе въ экономическомъ развитіи края.

Озеръ въ Камчаткѣ немного; одни изъ нихъ вулканическаго происхожденія, другія образовались на низкихъ тундрахъ. Къ первой группѣ принадлежатъ Кроноцкое, Курильское, Паланское и др., а вторыхъ гораздо больше, хотя всѣ они незначительной величины, какъ Нерпичье, Соленое, Каменское, Курарочное, Кабылханакъ, Гренадерское, Харчинское,—всѣ около низовьевъ р. Камчатки. Такія же озера встрѣчаются и по западной тундрѣ, какъ Кичингачикъ, Куаначикъ, Кэллатикъ и пр. Наибольшаго вниманія заслуживаютъ большія озера.

Кроноцкое озеро со всѣхъ сторонъ окружено кольцомъ дѣйствующихъ и потухшихъ вулкановъ: съ лѣвой стороны вытекающей изъ него рѣки Кроноцкой (Кродакичъ) лежитъ Кроноцкій вулканъ, за-

тѣмъ съ востока Кизименъ, на сѣверѣ—Щапина сопка, на западѣ Унана, Таунщицъ и Усонъ. У камчадалъ сохранилось преданіе, что на мѣстѣ этого озера въ древнія времена стояла сопка Шевелючъ, среди другихъ меньшихъ вулкановъ. Обезпокаиваемая долгое время овражками, она наконецъ рѣшила покинуть это горное мѣсто и перебралась въ долину Камчатки; но опираясь на сосѣдній вулканъ придавила ему верхушку, отъ чего послѣдній получилъ приплюснутый видъ.

Изслѣдованія Дитмара подтверждаютъ вулканическое происхожденіе этого озера, среди котораго поднимаются острые острова, какъ кусокъ застывшей лавы, покрытые отдѣльно стоящими березками.

Кроноцкое озеро занимаетъ громадную площадь 50 в. въ длину и 40 в. въ ширину; выше его съ пороговъ Щапинской сопки стекаютъ два ручья, а съ запада впадаетъ горячій ручеекъ, Шемчикъ, вытекающій изъ маленькаго озера, по близости обрушившагося вулкана Таунщицъ. Изъ Кроноцкаго озера единственный истокъ Кроданычъ, или Кроноцкая рѣка. На мѣстѣ выхода его, изъ озера выдвинулась громадная глыба, съ которой вода падаетъ огромнымъ водопадомъ. Не смотря на такое изолированное отъ рѣки положеніе, въ озерѣ очень много гольцовъ, которые не могутъ спускаться въ море для метанія икры, а подымаются вверхъ по ручейкамъ. Вся окрестность озера покрыта только сучковатой березой, ивнякомъ, да ягодными кустарниками. Длина рѣки Кродакичъ (или Кронокъ, иначе лиственичная)—до 56 верстъ; устье ея загорожено большимъ баромъ, который мѣшаетъ проходу шлюпокъ.

Курильское озеро (Ксуай) послѣ Кроноцкаго есть гигантское альпійское водовмѣстилище также вулканическаго происхожденія. Оно расположено среди дикаго и грознаго лабиринта горъ, вулкановъ и горячихъ ключей. Такая мрачная картина природы производила сильное впечатлѣніе на дѣтское воображеніе аборигеновъ, создавшихъ цѣлый сонмъ боговъ — добрыхъ и злыхъ. Эти божества, по вѣрованію жителей, то обитали на вершинахъ неприступныхъ кратеровъ, то спускались внизъ для плаванія по озеру, то выражали свой гнѣвъ вулканическими изверженіями или же совсѣмъ покидали Камчатку, поселяясь среди открытаго моря. Сохранилось преданіе, что громадная гора-островъ Алаидъ прежде стояла среди Курильскаго озера, поднимаясь гораздо выше сосѣднихъ горъ. Эти послѣднія часто негодовали и ссорились съ Алаидомъ изъ-за того, что послѣдній закрываетъ имъ горизонтъ и отнимаетъ много свѣту.

Обезпокаиваемый частою сварливостью своихъ сосѣдокъ, Алаидъ рѣшилъ удалиться и сталъ въ уединеніи среди моря, въ 50 верстахъ отъ берега Камчатки. Однако, въ память своего пребыванія, оставилъ на озерѣ свое сердце Учичи [1]) (или Нухяункъ), коническій островокъ, поднимающійся изъ средины озера.

Курильское озеро съ трехъ сторонъ окружено крутыми скалами и по величинѣ равняется Авачинской губѣ; съ южной стороны далеко въ озеро выдается мысъ, на которомъ когда-то жили русскіе казаки, стояла батарея, была часовня и при ней жилъ монахъ-миссіонеръ. Озеро очень бурливо и глубоко; въ недалекомъ разстояніи отъ берега 50-саженная веревка не достигала дна. Общая картина этого озера и его береговъ говоритъ о когда-то случившейся страшной катастрофѣ, которая дѣйствительно подтверждаетъ народное преданіе, именно, что когда-то здѣсь высился громадный вулканъ, который, во время сильнаго и послѣдняго изверженія провалился. Гигантскій кратеръ этого провала представляютъ теперь берега озера, а маленькій островокъ, называемый русскими Сердце-камень (Алаидскій пупокъ),—образованъ кускомъ застывшей вулканической массы.

Интересно это совпаденіе народныхъ легендъ о происхожденіи двухъ громадныхъ озеръ Камчатки съ ихъ дѣйствительнымъ вулканическимъ происхожденіемъ, которое доказано Дитмаромъ.

Озеро Паланъ—грушевидной формы и занимаетъ всю широкую долину или вѣрнѣе сказать—падь, образовавшуюся здѣсь, между Срединнымъ и Западнымъ параллельнымъ хребтами. Эти два хребта даютъ боковые отроги и такимъ образомъ замкнули долину, наполнившуюся атмосферными осадками; дно этой долины покато къ западу, а потому здѣсь находится наибольшая глубина озера. Дитмаръ говоритъ, что впадающіе въ него ручьи наполнены валунами изъ песчаника, трахита, базальта и глины; окаменѣлостей онъ не нашелъ. Далѣе къ Срединному хребту тянется волнистая страна съ небольшими холмиками изъ диллювіальныхъ отложеній; чисто вулканическихъ породъ совсѣмъ не встрѣчается. Поэтому онъ думаетъ, что оно не можетъ быть вулканическаго происхожденія, подобно Кроноцкому и Курильскому. Длину озера Дитмаръ даетъ 8 верстъ, а ширину въ 3 версты, тогда какъ по Крашенинникову оно гораздо больше, именно: длина 20 верстъ, ширина 18 верстъ. Жители Па-

---

[1]) Слова *Ксуай* и *Учичи* видимо японскаго происхожденія: ксуай значитъ озеро, у—высокій, большой, чичи—грудь.

ланскаго селенія не могли выразить величину этого озера (которое они теперь называютъ Гэттэгэнъ) цифрами, прибавляя при этомъ что чрезъ озеро едва видно медвѣдя на берегу. При проходѣ черезъ Западный хребетъ озеро каскадомъ катится по порогамъ и образуетъ рѣку, которую жители называютъ Инну-выя. Только послѣ присоединенія праваго притока Иннылыльга рѣка называется Паланомъ; здѣсь при сліяніи этихъ рѣкъ на самомъ ложѣ послѣдней стоитъ маленькая сопка.

Нерпичье озеро представляетъ, по Дитмару, остатокъ прежней Камчатской бухты, или по нашему взгляду остатокъ пролива, отдѣлявшаго Камчатскій островъ; южная, юго-западная и западная его стороны образованы рѣчными наносами. Собственно оно состоитъ изъ двухъ озеръ: большаго Нерпичьяго и меньшаго Култукскаго, раздѣленныхъ небольшимъ перехватомъ. Длина его 50 верстъ, а ширина съ сѣвера на югъ до 20 верстъ. Глубина его вездѣ незначительная 2—3 сажени, а въ западной части тянутся подводныя песчаныя банки, едва прикрытыя водой на 2—3 фута; по немъ разбросано нѣсколько большихъ острововъ: Танэханъ, Кирунъ и Сивучій. Сюда впадаетъ болѣе 10 рѣкъ, большая часть которыхъ течетъ съ хребта между Камчатскимъ и Столбовымъ мысами; съ сѣверо-западной стороны впадаетъ рѣчка Тархова, пролегающая по топкой низкой тундрѣ. Съ половины ея по такой же зыбучей тундрѣ перетаскиваютъ шлюпки и попадаютъ въ маленькую рѣчку Переволочную, которая изливается въ Столбовое озеро, отдѣляющееся отъ Култукскаго только высокой продолговатой горой Тарховской. По этому озеру и затѣмъ по рѣкѣ Столбовой вы попадаете опять въ Берингово море.

Такимъ образомъ Новиковская вершина, отходящая какъ отрогъ, отъ Восточнаго хребта у сопки Шевелючъ, не достигаетъ горъ, занимающихъ пространство между Камчатскимъ и Столбовымъ мысами, а кончается раньше, не доходя 3 названныхъ озеръ.

Самая главная и знаменитая по своей величинѣ Авачинская губа лежитъ на восточномъ берегу около 53° с. ш., глубоко вдаваясь въ полуостровъ съ Ю.-В. на С.-З. Она сообщается съ океаномъ узкимъ проходомъ и представляетъ громадный бассейнъ почти овальной формы (18 в. длины и 14 в. ширины), окруженный со всѣхъ сторонъ высокими горами; только къ сѣверу тянется широкая долина Авачинской рѣки, закрытая на второмъ планѣ также высокими хребтами и двумя дѣйствующими вулканами. Сейчасъ отъ входа по обѣ

стороны болѣе мелкія бухточки (Солеварня, Раковая, Петропавловская, Тарьинская, Ягодная и др.); изъ нихъ Петропавловская и Тарьинская считаются самыми удобными для стоянки судовъ по глубинѣ и закрытію отъ вѣтровъ.

Дальше на восточномъ берегу нѣтъ удобныхъ и большихъ бухтъ, кромѣ Карагинской при устьѣ рѣки того же имени подъ 59° с. ш. Она простирается въ глубину полуострова на 19 верстъ при ширинѣ отъ 7 до 14 верстъ; глубина 4—7 саженъ; и окружена небольшими горами, высшій пикъ которыхъ, въ видѣ отдѣльной сопки находится направо отъ входа, на сѣверной сторонѣ.

Противъ Карагинской бухты, на западномъ берегу острова того же имени, находится весьма удобная гавань «Ложныхъ вѣстей», закрытая отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ; туда заходятъ американскіе хищники для промысла моржей.

Послѣ поворота береговой полосы прямо на востокъ находится огромный заливъ барона Корфа, врѣзывающійся въ глубь на 50 в.; ширина залива до 17 в. Бухта эта глубока (отъ 4 до 27 саж.) и заключаетъ три второстепенныхъ рейда: «Сибирь», «Генералъ Скобелевъ» и «Гекъ».

Съ западной стороны къ этому заливу примыкаетъ еще неописанная бухта Яйгвынь или Выгувы, около которой нами найдена чистая сѣра толстыми пластами.

На западной сторонѣ настоящихъ бухтъ совсѣмъ нѣтъ, но зато при устьѣ многихъ рѣкъ находятся узкіе и длинные заливы, отгороженные со стороны Охотскаго моря низкой песчаной косой или, какъ здѣсь говорятъ,—кошкой. Образованіе и происхожденіе этихъ заливовъ крайне своеобразно и о нихъ говорилось выше.

Въ теченіи всей зимы губа не замерзаетъ и только маленькія бухты ея бываютъ окованы ледянымъ покровомъ.

Камчатка замѣчательно бѣдна островами; только вдоль берега кое-гдѣ тянутся небольшіе островки, оторванныя кекуры и столбы, иногда цѣлыми высокими группами, которыя называются то Братьями, то Сестрами. Единственный большой островъ на восточной сторонѣ—Карагинскій, лежитъ между 58° 28′ и 59° 12′ с. ш.; Онъ тянется въ длину на 95 верстъ, а ширина его простирается до 25 в.; пространство его приблизительно равняется 2,112 кв. в. Вдоль всего острова съ юга на сѣверъ, идетъ хребетъ горъ, отроги котораго выполняютъ почти все пространство, образовавъ узкое поперечное ущелье въ южной части; наивысшая точка этого хребта, по Литке,

достигаетъ 2,000 ф. Восточный берегъ высокій, скалистый и неприступный, тогда какъ, на западномъ есть небольшія низины и удобныя бухточки. На сѣверо-западной оконечности дугой выдается песчаная кошка, длиною до 6 миль (морскихъ), служащая любимымъ лѣтнимъ лежбищемъ для моржей. Островъ покрытъ небольшими чахлыми зарослями ольхи, рябины, кедровника и березы, хотя трава достигаетъ гигантскаго роста.

Познакомившись съ рельефомъ, геогностическимъ строеніемъ и распредѣленіемъ рѣкъ и озеръ въ Охотско-Камчатскомъ краѣ, перейдемъ къ изученію его климата.

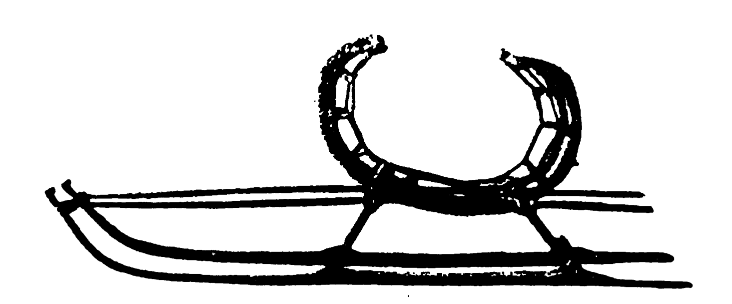

Рис. 3. Старинная нарта камчадаловъ.

ГЛАВА IV.

Климатъ.

Положеніе Охотско-Камчатскаго района на сѣверо-восточной окраинѣ Сибири хотя и представляется обособленнымъ, вслѣдствіе отграниченія его Становымъ и Колымскимъ хребтами, тѣмъ не менѣе охотско-камчатскія климатическія условія носятъ тотъ своеобразный характеръ, который еще первые завоеватели мѣтко обозначили словомъ «Сибирскій климатъ, Сибирская погода». Миддендорфъ писалъ (1862 г.), что Сибирь со стороны климата все еще остается страною чудесъ, которыя повергаютъ насъ въ изумленіе. Нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ, говоритъ онъ далѣе, климатъ не дѣйствуетъ такъ враждебно, какъ въ Сибири, на растительную и животную жизнь, не исключая и человѣка; нигдѣ, стало быть, какъ тамъ, характеръ страны до самыхъ мелкихъ особенностей не обусловливается въ такой степени климатомъ, и нигдѣ торжество жизненной силы надъ непріязнью внѣшняго міра такъ не велико, какъ въ Сибири.

Эта яркая характеристика, сложившаяся подъ живымъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ путешественникомъ изъ своихъ многочисленныхъ разъѣздовъ по обширной Сибири, примѣнима и къ Охотско-Камчатскому краю, уголокъ котораго онъ посѣтилъ въ 1844 г. Чтобы нагляднѣе показать эту своеобразную особенность климата, стоитъ только сравнить съ нимъ европейской уголокъ, расположенный въ одной и той же широтѣ. Брюссель и Лейпцигъ по своей широтѣ соотвѣтствуютъ южной границѣ Охотско-Камчатскаго побережья, а Христіанзундъ— самой сѣверной его точкѣ; въ первыхъ двухъ городахъ средняя годовая температура колеблется между $+8{,}5$ и $9{,}9^\circ$, а въ послѣднемъ— $+6{,}2^\circ$, тогда какъ въ Охотско-Камчатскомъ краѣ въ теченіи года эти

цифры оказываются гораздо меньше: вмѣсто Брюссельской годовой изотермы почти въ $+10°$ С. мы видимъ, что чрезъ южную оконечность Камчатки проходитъ годовая изотерма всего $+1°$; положеніе же сѣверной границы оказывается еще болѣе невыгоднымъ: вдоль Колымскаго хребта (около 62° с. ш.) проходитъ изотерма—6°. Эта разница климатическихъ условій еще рѣзче сказывается, если сравнить отдѣльные пункты Тихоокеанскаго побережья съ другими городами соотвѣтствующихъ широтъ. Такъ Петропавловскъ (53° с. ш.) имѣетъ среднюю температуру за январь—$8,_4$, лежащіе подъ той же широтой: Пенза—11°, Самара—$13,_5°$; Аянъ (56° 28′ с. ш.) въ среднемъ за январь на 1° холоднѣе Томска, почти на $1^1/_2°$—Митавы и на $13^1/_2°$ холоднѣе Либавы, расположенной также на берегу моря, подъ той же широтой.

Приходъ тепла за лѣтніе мѣсяца также ставитъ Охотско-Камчатскій край въ особыя условія: при одной и той же широтѣ ($59,_{21}$ с. ш.) іюль въ Охотскѣ на 5° холоднѣе (приблизительно) Вологодской фермы и на 7°—Нарыма. Даже на близкомъ разстояніи, только по другую, западную сторону Станового хребта, мы имѣемъ совершенно другія климатическія условія, чѣмъ въ Охотскѣ и Аянѣ, на берегу моря: наиболѣе холодный мѣсяцъ—январь въ Якутскѣ имѣетъ изотерму—40,2°, тогда какъ въ Гижигинскѣ она едва доходитъ до—25°.

Такимъ образомъ въ Охотско-Камчатскомъ районѣ мы находимъ сложный и своеобразный комплексъ климатическихъ условій, которыя съ одной стороны рѣзко отличаются отъ материковаго климата вообще и восточной Сибири въ частности, а съ другой представляютъ много уклоненій отъ того, что принято называть чисто морскимъ климатомъ, и тѣмъ, какой господствуетъ въ сѣверной части Тихаго океана.

Метеорологическое познаніе своеобразнаго «Сибирскаго» климата началось гораздо позже того, какъ русскіе хлѣбопашцы и промышленники подъ флагомъ предпріимчивыхъ казаковъ разсѣялись по необозримому пространству отъ Урала до Берингова моря. Гумбольдъ и Дове первые положили главныя основанія для изученія климата Азіи; раскинувшаяся затѣмъ сѣть метеорологическихъ станцій собрала массу драгоцѣннаго матеріала и познакомила насъ съ климатическимъ устройствомъ. Но нельзя сказать, чтобы эта сѣть наблюдательныхъ постовъ вполнѣ удовлетворяла ученыхъ климатологовъ; метеорологическія станціи крайне рѣдки въ средней Сибири, а по окраинамъ ихъ почти нѣтъ. Для Охотско-Камчатскаго же побережья метеорологическія наблюденія никогда не были чѣмъ то по-

стояннымъ, научнымъ учрежденіемъ, и представляли временныя, спорадическія явленія, вызванныя къ жизни то заѣзжимъ путешественникомъ, то любознательнымъ, хотя и невольнымъ обитателемъ непривѣтливаго уголка. Извѣстно, что Эрманъ въ свой проѣздъ чрезъ Якутскъ отыскалъ тамъ основателя окраинной метеорологіи въ лицѣ чудака-купца Невѣрова, многолѣтними трудами котораго онъ воспользовался для своихъ замѣчательныхъ выводовъ, подобно тому, какъ впослѣдствіи, и Миддендорфъ нашелъ у него болѣе, чѣмъ 15-лѣтнія наблюденія [1]), послужившія исходной точкой для самыхъ важныхъ метеорологическихъ заключеній.

Относительно собственно Охотско-Камчатскаго побережья мы не имѣемъ постоянной метеорологической лѣтописи, гдѣ-бы наблюденія производились съ требуемой для этого научной точностью и аккуратностью; а есть только рядъ разновременныхъ записей или отрывочныхъ журналовъ, подъ-часъ въ такой формѣ, что метеорологи при всемъ своемъ желаніи не могли извлечь изъ нихъ никакой пользы. Еще въ Охотскѣ и Петропавловскѣ дѣло изученія климата было поставлено нѣкоторое время удовлетворительно въ виду важности этого вопроса для существовавшаго тогда мореплаванія. Такъ въ Охотскѣ наблюденія были начаты еще въ прошломъ столѣтіи, съ конца 1785 г. по 1795 г., и велись вѣроятно кѣмъ то изъ портовыхъ служащихъ, но довольно неаккуратно; время наблюденій обозначалось неопредѣленными выраженіями, а не часами. Нѣсколько лучше было организовано дѣло, съ 1843 г. по 1852 г. при бывшемъ здѣсь Штурманскомъ училищѣ, подъ надзоромъ корпуса штурмановъ капитана Алексѣева. За этотъ же промежутокъ времени существуютъ журналы метеорологическихъ наблюденій отдѣльныхъ офицеровъ, которыми однако по ихъ неудовлетворительности не могъ воспользоваться Вильдъ [2]).

Для Аяна есть хорошія наблюденія д-ра Тилинга, когда тамъ существовала факторія Россійско-Американской Компаніи, а затѣмъ слѣдуютъ отрывочныя метеорологическія данныя, оставленныя намъ путешественниками Эрманомъ, Миддендорфомъ и др. Но не смотря на свою малочисленность, при полномъ отсутствіи другихъ данныхъ,

---

[1]) Kupffer. Résumés des observations meteorologiques. 1846 г.

[2]) Вильдъ. О температурѣ воздуха въ Россійской Имперіи. Спб. 1882 г., Прилож. къ III ч., стр. 290.

наблюденія Миддендорфа показались Дове [1]) «безцѣннымъ матеріаломъ.

Въ Камчаткѣ первыя наблюденія производилъ бывшій здѣсь начальникъ Станицкій (1828 г.), которыя потомъ были опубликованы in extenso Эрманомъ [2]); далѣе съ 1842 г. по 1853 г., съ небольшими пропусками, наблюденія дѣлалъ сначала агрономъ Кегель, а потомъ флотскіе офицеры. Матеріалъ этотъ обработанъ Вильдомъ; послѣ того наблюденія временно возобновлялись, но велись или крайне небрежно, или записи журналовъ были столь невѣроятны, что Вильдъ предпочелъ не пользоваться ими.

Впослѣдствіи метеорологическія наблюденія время отъ времени возобновлялись, но въ общемъ наши свѣдѣнія на этотъ счетъ до сихъ поръ крайне неудовлетворительны и оставляютъ желать очень многаго. Что же касается Гижиги, то, не смотря на весь метеорологическій интересъ этого самаго сѣвернаго уголка Охотскаго моря, гдѣ есть интеллигентные люди, тамъ почти не дѣлалось этихъ наблюденій.

Въ послѣдніе годы метеорологическія наблюденія возобновились въ Аянѣ, Охотскѣ, Гижигѣ и Петропавловскѣ, но, какъ мы видимъ изъ сводки ихъ въ Лѣтописи [3]) Главной Физической Обсерваторіи, они оставляютъ желать очень многаго. Во время нашихъ разъѣздовъ по Охотско-Камчатскому побережью велся метеорологическій дневникъ, который послѣ его обработки будетъ опубликованъ.

Вотъ тотъ небогатый метеорологическій матеріалъ, который мы имѣемъ болѣе чѣмъ за 200-лѣтнее обладаніе Охотско-Камчатскимъ краемъ. На протяженіи береговой линіи Охотскаго моря отъ Удского острога до Лопатки и потомъ отсюда, въ Беринговомъ морѣ, до Олюторскаго мыса, мы имѣли всего четыре обсерваціонныхъ пункта, географическое положеніе которыхъ, съ указаніемъ высоты надъ уровнемъ моря и времени наблюденія, слѣдующее:

---

[1]) См. Bericht über die Verhandl. der Akademie zu Berlin, 1851, S. 147. Они подробно сообщены путешественникомъ въ его «Sibirische Reise», т. I, ч. II, стр. 20—27.

[2]) Въ издававшемся Эрманомъ «Archiv für wissenschaftliche Kunde Russland. v. VI, S. 143—151.

[3]) См. во II томѣ, приложеніе № 3.

	Геогр. положеніе С. шир.	Вост. долг. отъ Гринвича.	Высота надъ уровнемъ моря.	Продолжительность наблюденій.
Удской острогъ [1]) .	54°30′	134°59′	80 метр.	2 л.
Аянъ [2])	56°28′	138°17′	10 »	6 »
Охотскъ [3])	59°21	143°17	10 »	19 »
Петропавловскъ [4]) .	53°	158°48′	10 »	14 »
Милько во [5]) . . .	54°45′	158°40′	280 »	8 мѣс.

Помимо этихъ сухопутныхъ наблюденій коммерческія и военныя суда, плавающія въ Охотскомъ и Беринговомъ моряхъ, постоянно ведутъ метеорологическіе журналы, матеріалъ которыхъ могъ бы быть очень цѣннымъ, еслибы не залеживался по долгу въ архивныхъ шкапахъ.

Не смотря однако на неполноту, разрозненность и частую неудовлетворительность всего метеорологическаго матеріала относительно Охотско-Камчатскаго края, попытаемся нарисовать общую картину его климатическихъ условій, пользуясь трудами нашихъ

---

[1]) Наблюденія Козмина напечатаны въ Зап. Гидрогр. Департ. 1846 г., ч. IV, и Веселовскимъ подвергнуты критическому анализу, въ его книгѣ «О климатѣ Россіи».

[2]) Наблюденія съ іюня 1843 г. по конецъ 1845 г. флотскихъ офицеровъ помѣщены въ Зап. Гидрографич. Департамента т. IV и V. Наблюденія д-ра Тилинга съ сент. 1848 г. по авг. 1849 г. помѣщены въ сводѣ магнитныхъ и метеоролог. наблюденій Главной Физической Обсерваторіи за 1847 г.; среднія цифры—за 1848—50 гг.—въ Зап. Гидрогр. Департ., т.т. VIII—X. Среднія за всѣ годы опубликованы Веселовскимъ въ Вѣст. Им. Русск. Геогр. Общ. 1852 г., ч. I, отд. VI, а потомъ въ его сочиненіи «О климатѣ Россіи».

За 1852—1853 г. наблюденія д-ра Шишкевича.

[3]) Журналы охотскихъ наблюденій большею частію разобраны и обработаны Вильдомъ въ его цитированномъ трудѣ. Раньше были напечатаны среднія для мѣсяцевъ за май 1813 г. по 1850 г., которыя однако подверглись новой обработкѣ Вильда.

[4]) Наблюденія Станицкаго съ 13 янв. 1828 г. по 21 янв. 1829 г. опубликованы Эрманомъ; наблюденіями Тахова съ 13 мая 1837 г. по 12 мая 1838 г., Вильдъ не могъ воспользоваться; наблюденія Кегеля взяты Веселовскимъ; данныя морскихъ офицеровъ съ средины ноября 1843 г. по конецъ 1853 г. частію были публикованы въ Зап. Гидрограф. Департамента, ч.ч. VI, VIII—X, и въ статьѣ Фритше: Ueber das Klima Ostasien, помѣщенной въ трудѣ Шренка «Reisen und Forschungen im Amur-Lande», т. IV, вып. 2, а главнымъ образомъ обработаны Вильдомъ.

[5]) Сел. Милько во нельзя считать метеорологическимъ пунктомъ, ибо здѣсь наблюденія были произведены въ теченіи всего 8 мѣс. ради сельскохозяйственныхъ затѣй агрономомъ Кегелемъ съ 9 марта по 12 нояб. 1841 г.; среднія вычислены Веселовскимъ, поправки сдѣланы Вильдомъ.

извѣстныхъ климатологовъ Веселовскаго, Фритше, Воейкова, Вильда и Тилло. Независимо отъ этихъ капитальныхъ трудовъ мы находимъ много указаній и данныхъ въ сочиненіяхъ путешественниковъ по этой и сосѣднимъ окраинамъ Сибири, какъ то Эрмана, Дитмара, Миддендорфа, Шперка, Маака, Радде, Максимовича и др.

Въ климатическомъ устройствѣ Охотско-Камчатскаго края слѣдующіе факторы играютъ выдающуюся роль: 1) извѣстное широтное положеніе; 2) пограничное прохожденіе на С. и З. высокаго хребта и 3) соприкосновеніе на всемъ протяженіи съ воднымъ бассейномъ. Изъ взаимодѣйствія этихъ трехъ агентовъ главнымъ образомъ и складывается мѣстный климатъ.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что по мѣрѣ удаленія отъ экватора температура мѣстности понижается и что высокія широты должны быть постоянно холоднѣе. Теоретически можно было бы ожидать, что климатъ каждой мѣстности вполнѣ соотвѣтствуютъ ея географической широтѣ. Если жаркому климату отвѣчаетъ чудная флора и баснословно богатая фауна, то въ около-полярныхъ поясахъ живительные лучи солнца даютъ только слабую возможность развитію наземнымъ представителямъ этихъ двухъ царствъ, а человѣка заставляютъ употреблять всѣ свои силы только на борьбу съ суровой, подъ-часъ леденящей средой. Это общее положеніе было бы непреложной истиной, еслибы орографическій характеръ земной поверхности былъ вездѣ одинаковъ и еслибъ не примѣшивалось сюда множества другихъ обстоятельствъ, вліяющихъ на тотъ или другой годовой балансъ получаемый землею солнечной теплоты.

Въ общемъ конечно вѣрно, что французскій Сайгонъ теплѣе Шанхая, а этотъ послѣдній значительно теплѣе Петропавловска; но съ другой стороны также не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ извѣстное время, напр. въ день солнцестоянія, сѣверный полюсъ получаетъ наибольшее количество тепла отъ солнечныхъ лучей. Если это количество теплоты за три мѣсяца (съ 3 мая до 7 авг.) мы примемъ за 1,000 единицъ подъ экваторомъ, тогда на сѣверномъ полюсѣ за то же время солнце посылаетъ 1,207, и даже въ широтахъ Охотско-Камчатскаго края 50—60° с. ш. земля получаетъ больше живительныхъ лучей: отъ 1,173 до 1,140. Но если, не смотря на большую получаемую отъ солнца теплоту, лѣто въ высокихъ сѣверныхъ широтахъ все-таки холоднѣе, то это объясняется исключительно таяніемъ снѣга и льда, когда солнечная теплота вмѣсто того, чтобы

Тунгузская ураса́ (малая юрта).

идти на нагрѣваніе воздуха, земли и воды, расходуется на механическую работу таянія.

Сплошь и рядомъ мы видимъ, что мѣстности, лежащія въ одной и той же сѣверной широтѣ и въ условіяхъ положенія на берегу моря, глубоко разнятся какъ по временамъ года, такъ и по общему, годовому итогу температуры. Достаточно указать, что Охотскъ ле-

Рис. 4. Изотермы января, по Вильду. На этомъ рисункѣ видно, что изотерма—22° С. проходитъ почти по береговой линіи, отъ Пенжинскаго залива до устья р. Амуръ; тогда какъ вся Камчатка находится между—22° С. на сѣверѣ и—8° С. на югѣ.

жить въ одной широтѣ съ Балтійскимъ портомъ, а между тѣмъ первый имѣетъ среднюю годовую температуру—5° С., тогда какъ второй+4,6°.

Еще больше оказывается разница, если мы сравнимъ среднія данныя для самаго холоднаго (январь) и самаго теплаго мѣсяцевъ въ указанныхъ пунктахъ:

	Среднія января.	Среднія іюля.
Охотскъ	—23,6°	+13°
Балтійскій портъ . . .	— 5,4°	+16,1°

Изъ этого сравненія съ очевидностью вытекаетъ, что ни одинаковая широта, ни приморское положеніе не опредѣляютъ окончательно главнаго климатическаго элемента, т. е. теплоты. Есть другія обстоятельства по близости Охотска, которыми обусловливается слишкомъ большая разница въ изотермахъ января, равно какъ и другихъ мѣсяцевъ. Чтобы отыскать эти обстоятельства, стоитъ только просмотрѣть январьскія карты изобаръ и изотермъ восточной Азіи. Дѣйствительно, при первомъ взглядѣ вамъ ясно бросается въ глаза своеобразная обособленность Якутской области; вы видите здѣсь рядъ концентрическихъ круговъ съ постоянно возрастающимъ барометрическимъ давленіемъ отъ 765 mm. до 780,—круговъ, которые захватываютъ всю громадную площадь Сибири, Китая и часть Индіи и которые у Охотска идутъ почти сплошными линіями, представляя на ограниченномъ протяженіи быстрое паденіе атмосфернаго давленія. Эта область высокаго давленія атмосферы называется антициклономъ. Рядомъ съ нимъ, дальше къ востоку, захватывая Гижигинскій округъ и Камчатку лежитъ другой рядъ концентрическихъ круговъ, съ убывающимъ барометрическимъ давленіемъ, отъ 760 до 755 mm. Это и есть зимній циклонъ, центръ котораго приходится на Алеутской грядѣ. Если теперь посмотрѣть на карту январьскихъ изотермъ (рис. 4), то оказывается, что изобарамъ наивысшаго давленія съ ихъ штилями соотвѣтствуетъ самая низкая температура, какая когда либо наблюдалась на земной поверхности: здѣсь находится полюсъ наибольшей стужи, испытанной человѣкомъ; здѣсь самая холодная зима на всей землѣ. Средняя января въ Верхоянскѣ равняется—49° C, а въ отдѣльныхъ случаяхъ температура опускалась ниже—60°. Циклону сѣверной части Тихаго океана соотвѣтствуютъ среднія январьской температуры отъ—25° до—50°.

Существованіе якутскаго антициклона въ теченіи почти всей зимы съ его громаднымъ барометрическимъ давленіемъ и замѣчательно низкой температурой воздуха естественно должно создавать постоянные токи холоднаго воздуха (вѣтры) въ сторону циклона, т. е. по направленію Охотскаго моря, для того, чтобы возстановить равновѣсіе въ атмосферѣ. Этимъ объясняется господство сѣверо-западныхъ вѣтровъ на западномъ побережьѣ, варьирующихъ между бурными, всесокрушающими порывами и легкимъ, слабымъ вѣтеркомъ. Такимъ образомъ сѣверо-западная часть Охотско-Камчатскаго края находится зимой подъ вліяніемъ этого антициклона и лежитъ на границѣ зависящихъ отъ него азіатскихъ муссоновъ; тогда какъ

Камчатско-Гижигинская половина подвержена дѣйствію взаимно противоположныхъ метеорологическихъ агентовъ: теплымъ и влажнымъ вѣтрамъ Тихаго океана, съ его теплымъ теченіемъ Куро-сиво, и полярнымъ токамъ воздуха съ Ледовитаго океана, иначе сказать, эта часть имѣетъ по преимуществу морской климатъ.

Теперь, если мы изъ центра зимней, лютой стужи, какимъ считается Якутскъ, будемъ постепенно подвигаться къ сѣверу, къ берегамъ Ледовитаго океана, то встрѣтимъ не возрастаніе холода, какъ могло бы показаться съ перваго раза, а уменьшеніе его. Крайніе градусы морозовъ на сибирскихъ берегахъ Ледовитаго моря, говоритъ Миддендорфъ [1]), можетъ быть, по временамъ близко достигаютъ предѣла стужи, видѣнной нами въ Якутскѣ, но средняя температура зимы и зимнихъ мѣсяцевъ поодиночкѣ замѣтно уступаетъ среднимъ Якутска. Даже подъ 70° сказывается смягчающее вліяніе Ледовитаго моря на температуру зимы. Это вліяніе моря на умѣреніе крайностей температуры проявляется рѣзче и яснѣе, если отъ Якутскаго меридіана идти на востокъ къ берегамъ Охотскаго моря, которое, при своемъ простираніи на югъ до 53° с. ш., однако должно быть признано полярнаго типа и представляетъ какъ бы заливъ Ледовитаго океана. Не смотря на такой свой характеръ, оно тѣмъ не менѣе служитъ запаснымъ магазиномъ тепла, которымъ снабжаетъ всѣ свои окрестности. Если взять Аянъ, лежащій на берегу моря, и Удской острогъ въъ 100 в. отъ устья рѣки и на два градуса южнѣе перваго порта, то получается слѣдующая интересная картина зимнихъ мѣсяцевъ:

	С. ш.	Декабрь.	Январь.	Февраль.
Аянъ . .	56°28′	15,49	16,73	12,64
Удской .	54°30′	23,79	22,13	20,67 [2]).

Изъ этой таблицы видно, что умѣряющее вліяніе моря гораздо сильнѣй въ Аянѣ, чѣмъ въ Удскомъ, гдѣ зимніе холода значительнѣе. Помимо этого, наблюденія Козмина даютъ намъ возможность непосредственно сравнить зависимость температуры на устьѣ рѣки Уды и въ Удскомъ отъ умѣряющаго вліянія моря. Онъ говоритъ [3]), что

[1]) L. С. Ч. I, отд. 3, стр. 329.
[2]) Миддендорфъ, 7, 1. стр. 323.
[3]) Записки гидрогр. Департамента. IV, 1816, стр. 78.

на устьѣ въ октябрѣ постоянно теплѣе на нѣсколько градусовъ, чѣмъ въ Удскомъ острогѣ.

Особенно рѣзко всегда измѣняютъ зимнюю температуру вѣтры, дующіе съ моря; напр. въ Гижигинскомъ округѣ послѣ 20—25° мороза въ декабрѣ, при южныхъ и юговосточныхъ вѣтрахъ, нерѣдко идетъ проливной дождь. Тоже самое наблюдалъ Врангель на сѣверо-восточной оконечности Азіи: каждую зиму съ юго-востока здѣсь, говоритъ онъ [1]), проносится теплый токъ воздуха, который едва ли проникаетъ западнѣе Колымы. Этотъ «теплый вѣтеръ» продолжается иногда одни сутки, но уже этого достаточно, чтобы поднять температуру среди зимы выше точки замерзанія, и иногда съ—44°С. до —2°С.

Чтобы нагляднѣе уяснить себѣ значеніе района съ высокимъ барометрическимъ давленіемъ для образованія Охотскаго климата, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, напомнимъ орографическій характеръ мѣстности.

Восточная Сибирь есть страна по преимуществу гористая. Правда, здѣсь нѣтъ хребтовъ и вершинъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, но зато болѣе низкія цѣпи занимаютъ большое протяженіе, оставляя между собою высокія плато и обширныя котловины. Надъ всей этой мѣстностью въ теченіи зимы, какъ это мы видимъ изъ изобаръ Воейкова и Вильда, господствуетъ высокое давленіе и самая низкая температура. Этотъ тяжелый и холодный воздухъ, наполняя долины и котловины Якутской области, расходится оттуда во всѣ стороны, гдѣ существуетъ наименьшее давленіе. Обыкновенно, болѣе холодный воздухъ скопляется въ долинахъ, при затишьѣ, тогда какъ на сосѣднихъ горахъ температура его всегда оказывается выше,— и эта болѣе низкая температура долинъ, чѣмъ горъ, въ Восточной Сибири становится явленіемъ преобладающимъ и имѣетъ самое рѣшительное вліяніе на среднія температуры зимы. Подобное явленіе часто приходилось наблюдать путешественникамъ Восточной Сибири при перевалахъ черезъ хребты въ долины. Такъ изъ дорожныхъ записей Врангеля между Якутскомъ и Нижне-Колымскомъ видно, что на обоихъ перевалахъ черезъ горы онъ находилъ температуру на 10°—21° выше, чѣмъ въ сосѣднихъ долинахъ. Подобныя же указанія Воейковъ приводитъ относительно разницы температуръ горъ

---

[1]) Врангель. Путешествіе. Т. I, стр. 229, 288; II, стр. 152. Прибавленіе, стр. 49.

и долинъ при перевалѣ чрезъ Верхоянскій хребетъ и въ Вознесенскомъ пріискѣ, у такъ называемаго Алиберова гольца, который лежитъ на 800 метровъ выше уровня моря и гдѣ температура зимнихъ мѣсяцевъ оказалась выше, чѣмъ по долинѣ р. Лены, на станціяхъ Олекминскъ, Усть-Куручанская и Матчинская, высота которыхъ надъ уровнемъ моря почти вчетверо меньше. Подобное же явленіе приходилось намъ наблюдать при многихъ перевалахъ по Охотскому и Петропавловскому округамъ.

Якутскій районъ наивысшаго атмосфернаго давленія, какое только извѣстно на всемъ земномъ шарѣ, занимаетъ обширную овальную площадь, центръ которой приходится почти на мѣстѣ слiянія Лены и Алдана. Въ сторону Охотскаго моря это давленіе быстро падаетъ, и въ виду того, что въ сѣверной части Тихаго океана находится самое малое давленіе (циклонъ), струи воздуха, какъ потоки горныхъ рѣкъ, стремительно направляются къ Охотскому побережью, чрезъ Становой хребетъ. Разница въ атмосферномъ давленіи на сѣверо-западномъ берегу Охотскаго моря бываетъ такъ велика, что пурги (снѣжные бураны) продолжаются иногда по три недѣли къ ряду, прекращая всякое сообщеніе, срывая камни со скалъ и унося нарты съ собаками, если послѣднихъ застигнутъ на открытой тундрѣ. Вслѣдствіе частаго господства такихъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ лѣсъ густой тайги получаетъ витое, закрученное строеніе ствола, а на открытыхъ мѣстахъ деревья принимаютъ причудливо-изуродованную форму (см. фототипію табл. 5).

Ограждающій Охотское побережье Становой хребетъ не служитъ достаточнымъ прикрытіемъ отъ этого стремительнаго воздушнаго потока, который, такъ сказать, притягивается сосѣднимъ циклономъ; но съ другой стороны онъ значительно умѣряетъ стужу якутскаго антициклона.

Высокіе хребты обыкновенно служатъ большой преградой для горизонтальнаго распространенія воздуха, тогда какъ чрезъ небольшіе увалы онъ свободно стекаетъ, какъ это мы видимъ напр., во Владивостокѣ. Становой хребетъ при своей высотѣ отъ 3,000 до 4,000 футъ не задерживаетъ воздушнаго потока, но сильно измѣняетъ его теплотныя свойства и влажность.

Съ другой стороны, если охотскій влажный воздухъ направляется въ Якутскую область, то, достигнувъ гребня, онъ даетъ тамъ обильные осадки и затѣмъ нисходитъ по западному склону; тогда въ

Якутской котловинѣ получится болѣе теплый и сухой воздухъ, чѣмъ на Охотскомъ побережьѣ [1]).

Въ теченіи лѣта получаются совершенно обратныя отношенія между сѣверною частью Тихаго океана и Якутскою областью: наиболѣе высокое барометрическое давленіе существуетъ надъ океанами, тогда какъ въ восточной Сибири господствуетъ низкое. Наиболѣе частые вѣтры получаютъ противоположное направленіе,—съ Ю.-В., отличающіеся значительной влажностью и высокой температурой. Въ это время, влажный вѣтеръ Охотскаго моря направляется въ Якутскую область; достигнувъ вершины хребта, онъ даетъ тамъ обильные осадки, питающіе горныя рѣки.

Тотъ же характеръ, какъ на западномъ побережьѣ Охотскаго моря, имѣютъ вѣтры и въ сѣверной его части: холодные сѣверные потоки тяжелаго воздуха должны перейти черезъ Колымскій хребетъ, чтобы съ замѣчательною силою устремиться по обширной тундрѣ къ Охотскому морю, находящемуся въ области низкаго давленія. Только тамъ, гдѣ вдоль берега идетъ Морской хребетъ, этой стремительности не наблюдается, а получаются районы затишья, господствующаго въ теченіи почти всей зимы. Такова напр. обширная долина р. Кавы, гдѣ при постоянномъ штилѣ наблюдается наинисшая температура и гдѣ сравнительно всегда больше выпадаетъ снѣга. Видимо, потоки холоднаго воздуха направляются по меридіанальнымъ долинамъ рѣкъ и, если въ вершинѣ рѣки Колымскій хребетъ не представляетъ преграды своимъ гребнемъ, а наоборотъ, имѣетъ сѣдловину (т. е. выемку), сила вѣтра достигаетъ исключительной степени, какъ по р. Вилига, о которой мы говорили выше

На ровныхъ и обширныхъ тундрахъ Гижигинскаго округа сѣверные вѣтры (отъ с., с.-з. и с.-в.), идущіе изъ Колымско-чукотскаго района и потерявшіе на пути большую часть своей влажности, замѣчательно постоянны и достигаютъ значительной силы; большая часть выпавшаго здѣсь снѣга сносится въ пади рѣкъ, въ море, или образуетъ на пологихъ мѣстахъ такъ называемыя «заструги», т. е. длинныя полосы съ острыми гребешками, которые почти не поддаются желѣзной лопатѣ: до того снѣгъ дѣлается крѣпкимъ и убойнымъ. Подобныя заструги причиняютъ путешественнику адскія пытки, когда вслѣдствіе толчковъ, при ѣздѣ на нартѣ, голова тре-

[1]) Подробности относящихся сюда соображеній, формулы и примѣры см.: Воейковъ—Климаты земного шара, гл. 2 и 3.

щитъ, зубы стучатъ, въ глазахъ показываются огненныя искры. Горе путешественнику, если во время переѣзда по застругамъ, собаки, почуявъ дикаго звѣря или бѣлыхъ куропатокъ, стремительно понесутъ! Удержать ихъ нѣтъ возможности, потому что остолъ [1]) не тормозитъ по застругамъ нарту,—и единственное спасеніе, чтобы не быть окончательно искалѣченнымъ, выброситься изъ нарты, рискуя при этомъ также поплатиться увѣчьемъ.

При своемъ проѣздѣ (январь—мартъ) по Гижигинскому округу мы нигдѣ не находили толстаго снѣжнаго покрова: въ долинахъ рѣкъ и въ кустарниковыхъ оазисахъ слой его рѣдко достигалъ $1^1/_2$ аршина, тогда какъ на тундрѣ вездѣ изъ-подъ снѣга торчали низкіе кусты ягодниковъ и стебли травяной растительности, что представляло большой контрастъ съ глубокимъ снѣгомъ широтныхъ рѣкъ Охотскаго округа: тамъ саженная палка иногда не достигала кровли занесенной снѣгомъ дорожной юрты.

Южные вѣтры въ Гижигинскомъ округѣ даютъ такіе густые мокрые туманы, отъ которыхъ пришелъ бы въ отчаяніе любой англичанинъ, а иногда сопровождаются дождемъ цѣлыми недѣлями подъ рядъ.

Лѣтомъ эти туманы и дожди здѣсь обычное явленіе; за цѣлый мѣсяцъ (августъ) своего пребыванія въ Гижигѣ мы могли насчитать пять-шесть дней, когда бы не было дождя или тумана; осенью это явленіе гораздо чаще, и ноябрьскіе—декабрьскіе бусы (мокрый туманъ, скоро замерзающій) представляютъ большую непріятность во время путешествія: они часто сопровождаются сильнымъ вѣтромъ, а пары воздуха, осаждаясь на платьѣ, быстро превращаютъ его въ ледяной панцырь. Тогда движенія становятся почти невозможны, и человѣкъ рискуетъ погибнуть въ ледяномъ мѣшкѣ.

Что касается Камчатки, врѣзывающейся узкой и длинной полосой между Охотскимъ и Беринговымъ морями, то она подвержена только морскимъ вѣтрамъ и имѣетъ чисто морской климатъ. Въ сѣверной ея части, на Парапольскомъ долѣ и по склонамъ къ заливу барона Корфа и Олюторскому мысу, еще господствуютъ сѣверные вѣтры, идущіе съ Ледовитаго океана; на всемъ же остальномъ полуостровѣ мы имѣемъ главнымъ образомъ два направленія вѣтровъ: съ сѣверной части Тихаго океана къ восточному берегу, а съ Охотскаго моря—на западный.

Положеніе этого полуострова крайне интересно въ климатологи-

---

[1]) Палка съ желѣзнымъ наконечникомъ.

ческомъ отношеніи: въ теченіи всей зимы на окраинахъ Восточной Сибири и въ западной части Сѣверной Америки господствуетъ высокое давленіе, которое изъ Якутской области гонитъ холодные сѣверо-западные вѣтры къ Охотскому морю, а съ американскаго берега отходятъ сравнительно теплые сѣверо-восточные потоки, выполняющіе низкое давленіе Тихо-океанскаго циклона. Этотъ послѣдній захватываетъ всю Камчатку, причемъ восточный ея берегъ испытываетъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ западный; иногда около Петропавловска образуется центръ второстепеннаго циклона.

Лѣтомъ точно также Камчатка оказывается на границѣ двухъ противоположныхъ метеорологическихъ явленій: низкаго давленія Восточной Сибири и Охотскаго моря и антициклона Тихаго океана; вліяніе котораго, на западный берегъ, какъ и въ первомъ случаѣ, значительно ослабляется Срединнымъ Камчатскимъ хребтомъ.

На западномъ берегу зима малоснѣжная, а лѣто замѣчательно равномѣрно теплое, хотя теплота эта обязана своимъ происхожденіемъ частымъ туманамъ, что дѣлаетъ лѣто крайне непріятнымъ и тяжелымъ для здоровья. Вѣтры съ Охотскаго моря приносятъ зимой снѣгъ и пургу, а лѣтомъ туманъ или дождь. Только позднею осенью эти легкіе вѣтры переходятъ въ болѣе постоянные и свѣжіе, являясь уже продолженіемъ начинающагося якутскаго антициклона. Поэтому то въ первыя времена Охотскаго мореходства принято было за правило выходить изъ Охотска въ Камчатку, съ этими попутными вѣтрами.

Восточный вѣтеръ на западномъ берегу дуетъ съ хребта, отъ долины р. Камчатки, почему здѣсь и называется Камчатскимъ; онъ имѣетъ нѣкоторую своеобразность зимой: въ началѣ онъ всегда теплый, дающій иногда оттепель, а потомъ сухой и холодный; причемъ наступаетъ ясная погода.

Кромѣ указанной противоположности есть еще другая: въ области якутскаго антициклона давленіе сухого воздуха постепенно уменьшается отъ холодныхъ мѣсяцевъ къ болѣе теплымъ и достигаетъ наименьшей степени въ самомъ тепломъ мѣсяцѣ; тогда какъ на сѣверо-западномъ берегу Америки, близь Ситхи, наблюдается обратное явленіе—именно, что давленіе сухого воздуха съ зимы на лѣто постоянно усиливается [1]), что, въ связи съ перемѣной температуры, должно повлечь за собой бурные токи воздуха съ востока на западъ: восходящій, сильно нагрѣтый токъ воздуха въ Восточной Сибири,

---

[1]) Миддендорфъ, Ч. 1, отд. 3, стр. 353.

какъ огромное жерло, отовсюду притягиваетъ къ себѣ массы воздуха, которыя, поднявшись на высоту и охладившись, стекаютъ на сѣверо-западномъ берегу Америки, чѣмъ Дове и объясняетъ наблюдаемое здѣсь вышеупомянутое лѣтнее высокое давленіе. Это послѣднее, въ связи съ лѣтнимъ Тихоокеанскимъ антициклономъ, и служитъ причиною постоянства восточныхъ (отъ С. В. до Ю. В.) вѣтровъ какъ въ Камчаткѣ, такъ и въ Охотскомъ морѣ.

На восточной сторонѣ Камчатки зима отличается изобиліемъ снѣга и незначительнымъ холодомъ, съ рѣзкими, впрочемъ колебаніями температуры въ теченіи всего года: послѣ большихъ морозовъ идетъ рыхлый снѣгъ, или стелется мокрый туманъ; а лѣтомъ жаркіе ясные дни смѣняются чуть не осеннимъ, холоднымъ ненастьемъ. Въ январѣ у Петропавловска бываетъ центръ циклона, тогда какъ лѣтомъ наблюдается высокое давленіе, которое усиливаютъ юго-восточные вѣтры, дующіе чрезъ Охотское море внутрь континента.

До сихъ поръ мы занимались разсмотрѣніемъ главныхъ пунктовъ съ наибольшимъ и наименьшимъ давленіемъ и температурой воздуха, пунктовъ, соприкасающихся съ Охотско-Камчатскимъ краемъ; такой краткой характеристики было бы недостаточно для полнаго и точнаго изученія климата.

Въ виду вышеизложеннаго, постараемся шагъ за шагомъ прослѣдить эту смѣну климатическихъ явленій, совершающихся на Охотско-Камчатскомъ побережьѣ, начиная съ западной части (Удское-Охотскъ). Жаркіе дни и высокое давленіе (сравнительно съ Якутской областью), господствующіе въ теченіи лѣта надъ Охотскимъ райономъ, подъ конецъ августа начинаютъ ослабѣвать. Въ теченіи лѣта земля нагрѣвалась сильнѣе моря, не смотря на то, что теплоемкость послѣдняго вдвое выше теплоемкости первой: вода была холоднѣй потому, что солнечная теплота расходовалась на механическую работу таянія льда, котораго много держится въ юго-западной части Охотскаго моря. Собственно Охотское море не замерзаетъ зимой; ледъ тянется только вдоль берега, но благодаря исключительнымъ условіямъ, о которыхъ скажемъ ниже, онъ застаивается около Шантарскихъ острововъ. Лѣтомъ 1896 г. охотники съ этихъ острововъ могли пробраться между льдинами и вернуться въ Чумиканъ только 8 іюля; но бываютъ исключительные годы, когда ледъ не расходится и не таетъ до болѣе поздняго времени. Такъ Миддендорфъ въ 1844 г. долженъ былъ прождать до августа, пока ледъ не открылъ ему дороги на эти острова. Послѣ таянія льдинъ, море быстро нагрѣвается и даетъ увеличенную

уже въ іюнѣ облачность; въ сентябрѣ разность температуры суши и воды почти сглаживается, въ мѣстѣ съ тѣмъ начинается борьба лѣтнихъ морскихъ съ холодными материковыми вѣтрами, которыхъ въ августѣ бываетъ почти поровну. Въ это время сѣверное побережье до Колымскаго берега успѣло уже сильно охладиться; точно также какъ и въ Якутской сторонѣ средняя мѣсячная температура августа понижалась на три градуса, а въ сентябрѣ еще упала на 10° съ лишнимъ. Вмѣстѣ съ охлажденіемъ земли и воздуха на этихъ мѣстахъ формируется высокое атмосферное давленіе,—и тогда потоки холоднаго воздуха порывисто устремляются къ Охотскому морю; образуя частыя сентябрьскія и въ особенности октябрьскія бури. Теплое, умѣряющее дѣйствіе моря повидимому ослабляется раньше, такъ какъ въ концѣ августа ночью замерзала вода въ ведрѣ около нашей палатки, въ какихъ-нибудь 10—20 в. отъ берега моря, въ окрестностяхъ Аяна. Въ началѣ сентября въ Тугурскомъ заливѣ Миддендорфъ нашелъ почти совершенно постоянный С. С. В. вѣтеръ; въ концѣ сентября 1896 г. въ Аянѣ часто были свѣжіе холодные вѣтры отъ С. и С. З., въ началѣ октября появился снѣгъ на сосѣднихъ горахъ и легкое сало въ бухтѣ.

Этотъ снѣжный покровъ на вершинахъ горъ постепенно понижался до уровня моря въ направленіи къ Охотску, гдѣ 10 окт. 1896 г. мы уже застали зиму въ полномъ разгарѣ съ рѣзкими сѣверными вѣтрами. Снѣгъ на четверть покрывалъ землю и здѣсь уже устанавливалась зимняя ѣзда на нартахъ. Изъ метеорологическихъ наблюденій видно, что первые легкіе морозы наблюдаются: въ Удскомъ 5 сент., въ Аянѣ—около 15 сент., въ Охотскомъ—между 5 авг., и 30 сент., въ Гижигѣ—въ половинѣ сент., а въ Петропавловскѣ—во второй половинѣ октября. Первый снѣгъ на горахъ Аяна появляется рано, 21 сент., а въ долинахъ выпадаетъ около 5—21 окт., бухта впервые замерзаетъ между первыхъ чиселъ ноября и декабря. Дальше по сѣверному побережью Охотскаго моря всѣ проявленія холодной осени и зимы наступаютъ раньше: въ Охотскѣ первый снѣгъ бываетъ въ началѣ октября, а въ срединѣ его морозы достигаютъ—15°. Обо всемъ округѣ, раскинувшимся на тысячи верстъ, трудно судить за отсутствіемъ метеорологическихъ наблюденій; но нѣкоторыя указанія даютъ замерзанія рѣкъ, которыя обыкновенно покрываются льдомъ въ первой половинѣ ноября, рѣже въ концѣ, тогда какъ поднимаясь къ сѣверу отъ Ямска до Гижиги замерзаніе рѣкъ происходитъ раньше на цѣлый мѣсяцъ; потому что, какъ мы

говорили выше, эта полоса гораздо раньше охлаждается. Въ то время, когда средняя температура октября по западному побережью (Удское—Охотскъ) варьируетъ (см. рис. 5) между—1,4° и—4°, въ Якутскѣ она достигаетъ — 9,4°, за Колымскимъ хребтомъ въ это время началась сразу зима и средняя температура того же мѣсяца опустилась въ Верхоянскѣ (67° 34′ с. ш., 133° 51) до—13,19°, а въ Нижне-Камчатскѣ (68° 32′ с. т, 160° 56′) до—14,35°. Установившійся антицик-

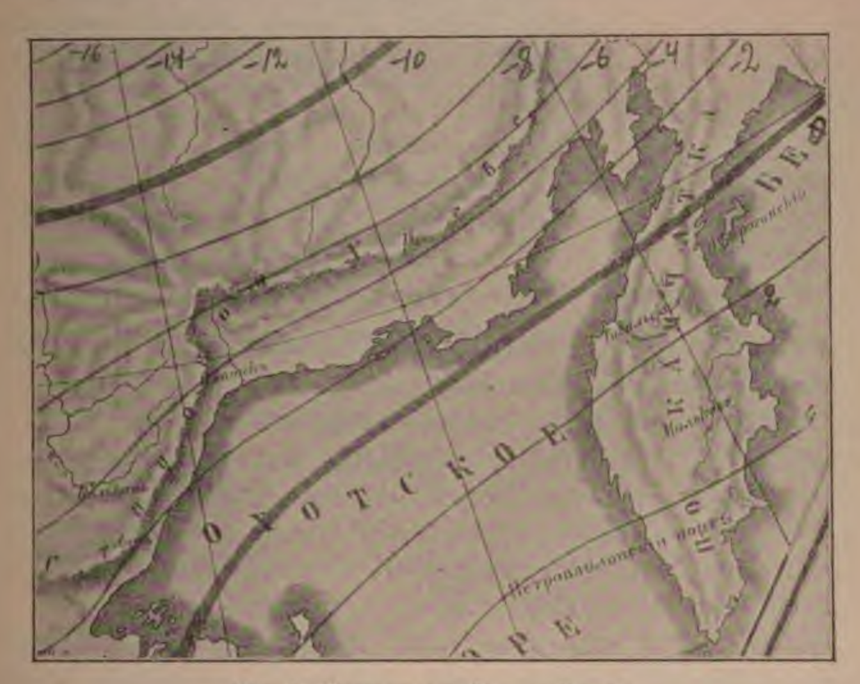

Рис. 5. Изотермы октября, по Вильду.

лонъ Восточной Сибири гонитъ холодные токи воздуха на Охотское побережье съ изумительнымъ постоянствомъ, которое наблюдается въ продолженіи почти семи мѣсяцевъ; создавая частыя мятели и пурги, такъ опасныя на открытомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ все сѣверо-западное побережье Охотскаго моря находится подъ вліяніемъ зимняго муссона Восточной Азіи и лежащаго за хребтами высокаго давленія атмосферы. Измѣненія въ давленіи воздуха одного района невольно поэтому должны отражаться на другомъ. Слѣдующая таблица показываетъ среднее стояніе барометра за три зимнихъ мѣсяца въ 1890—91 г. [1]).

[1]) Подробности см. во II т. Приложеніе 3-е, табл. I.

	Средняя давленія въ миллим.			
	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Среднее.
Аянъ.	758,9	757,8	761,4	759,3
Охотскъ. . . .	757,7	755,6	759,1	757.4
Гижига	758.6	755,6	756,1	756,7
Петропавловскъ .	756,6	746,7	753,2	752,1

Такимъ образомъ, начиная съ Удского до Гижиги, барометрическое давленіе въ среднихъ числахъ за зимніе мѣсяцы постепенно убываетъ, колебанія барометра между maximum и minimum въ среднемъ представляли разницу для:

	Декабрь.	Январь.	Февраль.
Аяна	31,2 mm.	24.3	26,3 mm.
Охотска	38,0 [1])	27,9	29,6
Гижиги	37,8	34,0	37,6
Петропавловска . . .	39,6	43,9	37,5

Иначе сказать, что барометрическія колебанія между крайними предѣлами также постепенно возрастаютъ отъ Аяна до Гижиги, гдѣ наблюдаются самыя низкія цифры атмосфернаго давленія: 735,3 въ январѣ и 737,6 въ февралѣ; въ Охотскѣ minimum самой большой былъ въ январѣ—742,6, а въ Аянѣ 741,6—въ декабрѣ. Такія быстрыя и рѣзкія скачки барометра въ Гижигѣ естественно сопряжены съ стремительностью воздушныхъ теченій и болѣе сильными пургами, которыми славится округъ.

Дѣйствительно, если внимательно просмотрѣть тотъ небольшой метеорологическій матеріалъ, какой имѣется въ литературѣ, то это постоянное волненіе атмосферы зимой въ Гижигѣ выступаетъ на первый планъ: въ Аянѣ бури рѣдки, въ Охотскѣ ихъ мало 8—10 въ годъ, тогда какъ для Гижиги мы имѣемъ въ зиму 1890—91 г.: ноябрь—17 дней съ бурей, декабрь—11, январь—24 и февраль—8. Относительно бурной погоды и въ частности количества бурь за зимніе мѣсяцы съ Гижигой можетъ спорить и даже превосходить ее Петропавловскій портъ. Число такихъ ненастныхъ дней въ годъ иногда бываетъ свыше 70: ноябрь здѣсь не отличается бурливой погодой, какъ въ Гижигѣ; и въ теченіи зимы распредѣленіе бурь другое, чѣмъ въ Гижигѣ: въ декабрѣ мало, въ январѣ и февралѣ,

[1]) Эта разница видимо свойственна исключительному декабрю, такъ какъ за другіе годы получается гораздо меньше. За 4 года въ среднемъ выводѣ 31,4.

напр. за 1895 г. ихъ было 27, но зато мартъ въ большинствѣ случаевъ славится сильнымъ ненастьемъ.

Въ теченіи зимы барометрическое давленіе распредѣляется слѣдующимъ образомъ въ среднихъ мѣсячныхъ цифрахъ (см. табл. I и II), причемъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что болѣе подробныя метеорологическія данныя напечатаны во второмъ томѣ.

ТАБЛИЦА I.

Мѣсто наблюденія.	Зима 1890—1891 гг.				Зима 1891—1892 гг.				Зима 1892—1893 гг.			
	Дек.	Янв.	Февр.	Сред.	Дек.	Янв.	Февр.	Сред.	Дек.	Янв.	Февр.	Сред.
Аянъ.	758,9	757,8	761,4	759,3	760,0	759,5	762,9	760,8	762,1	763,4	764,5	763,3
Охотскъ	757,7	755,6	759,1	757,4	758,6	757,4	762,8	759,9	762,4	763,2	763,9	763,1
Кушка (Гижига)	758,6	755,6	756,1	756,3	—	—	—	—	—	—	—	—
Петропавловскъ	756,6	746,7	753,2	752,1	—	746,3	756,7	—	752,6	751,8	754,5	752,9

ТАБЛИЦА II.

Мѣсто наблюденія.	Зима 1893—1894 гг.				Зима 1894—1895 гг.				Зима 1895—1896 гг.			
	Дек.	Янв.	Февр.	Сред.	Дек.	Янв.	Февр.	Сред.	Дек.	Янв.	Февр.	Сред.
Аянъ.	761,1	760,2	765,4	762,2	759,5	—	—	—	—	—	—	—
Охотскъ	760,9	759,0	764,9	761,6	756,7	761,0	766,0	761,2	760,9	758,0	—	—
Кушка (Гижига)	—	759,7	762,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Петропавловскъ	—	—	—	—	745,3	744,4	736,3	742,0	746,9	740,0	752,8	746,5

При разсмотрѣніи этой таблицы прежде всего бросается въ глаза, что въ теченіи всей зимы барометръ стоитъ въ Петропавловскѣ гораздо ниже, чѣмъ въ остальныхъ пунктахъ Охотскаго побережья, и что барометрическое давленіе за январь вездѣ ниже сосѣднихъ мѣсяцевъ. Рѣзкое исключеніе изъ этого составляетъ Петропавловская зима 1894—95 гг., когда въ февралѣ среднее давленіе атмосферы было крайне низко (736,3), что обусловливалось частыми бурями съ громадною скоростью вѣтра (отъ 10—до 12,3 метра въ секунду).

По мѣрѣ того, какъ на Камчатскомъ побережьѣ ослабѣваетъ

дѣйствіе азіатскаго муссона, а вмѣстѣ съ нимъ за Колымско-Становымъ хребтомъ уменьшается давленіе Якутскаго антициклона, давленіе атмосферы въ четырехъ описываемыхъ пунктахъ немного слабѣетъ, вездѣ постепенно понижаясь отъ марта къ апрѣлю. Да оно и понятно: весеннее солнце сокращаетъ царство зимы съ ея сильными пургами и, нагрѣвая землю и воду, подготовляетъ переносъ центра атмосферическаго давленія изъ Якутской области на поверхность Тихаго океана. Конечно, наблюдается масса уклоненій отъ такого движенія барометрической стрѣлки,—уклоненій, вызванныхъ или мѣстными условіями, или исключительными атмосферическими явленіями, но, въ общемъ, наиболѣе типичнымъ намъ представляется барометрическое давленіе (въ среднихъ цифрахъ) весной 1891 г., какъ это видно изъ слѣдующей таблицы.

	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Среднее.
Аянъ	759.4	757.3	753.7	756.8
Охотскъ	760.0	757.8	755.1	757.6
Кушка	759.5	757.5	756.0	757.6
Петропавловскъ . .	756.1	753.7	753.0	754.2

Это уменьшеніе давленія съ марта по май соотвѣтствуетъ повышенію температуры, когда май, являясь уже теплымъ мѣсяцемъ съ среднею положительною температуры, даетъ отъ нагрѣванія земли восходящіе токи воздуха, сказывающіеся на пониженіи барометра и на увеличеніи пасмурности неба. Антициклонъ изъ Якутской области отодвигается на западъ, а Охотское море занято низкой изобарой Тихо-океанскаго циклона.

Въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ мы имѣемъ картину распредѣленія атмосфернаго давленія, со всѣми его послѣдствіями, совершенно противоположную тому, какая наблюдалась въ зимнемъ сезонѣ: надъ сѣверною частью Тихаго океана барометръ достигаетъ высшихъ цифръ, тогда какъ циклонъ Якутской области, какъ раскаленное жерло, присасываетъ со всѣхъ сторонъ болѣе прохладный воздухъ взамѣнъ восходящихъ кверху горячихъ слоевъ. Земля уже значительно согрѣлась, послѣ таянія снѣжнаго покрова. Всѣ эти климатическія элементы совершенно измѣняютъ господство вѣтровъ. Уже въ мартѣ, по мнѣнію Вильда [1]), Становой хребетъ сталъ больше задерживать доступъ якутскихъ вѣтровъ на Охотское побережье; въ Аянѣ, напр.

[1]) О температурѣ воздуха въ Россійской Имперіи, ч. II, стр. 349.

вмѣсто С. В. и З. вѣтровъ получаютъ значительное развитіе чисто восточные, достигающіе въ іюнѣ наибольшаго числа. Тоже самое наблюдается за это время и въ Охотскѣ, гдѣ къ нимъ присоединяется Ю. В. Очевидно, что центъ давленія лѣжитъ къ юго-востоку отъ этихъ мѣстъ, и своей окраиной проникаетъ въ Охотское море, не захватывая впрочемъ восточнаго берега Камчатки, гдѣ, по мнѣнію Вильда[1]), есть мѣстный (въ іюлѣ) циклонъ.

Вотъ таблицы (III и IV) среднихъ барометрическаго давленія въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Анализируя эту таблицу, мы должны отмѣтить, что въ теченіи лѣта барометрическое давленіе въ общемъ понижается противъ весны на охотскихъ берегахъ, т. е. въ Аянѣ, Охотскѣ и видимо въ Гижигѣ (если судить по среднимъ числамъ за одно лѣто) и нѣсколько возрастаетъ по восточную сторону Камчатки, т. е. въ Петропавловскѣ.

Перейдемъ теперь къ осеннему распредѣленію атмосфернаго давленія: имѣющіяся данныя о которомъ читатель найдетъ во II томѣ этого описанія. Разбирая эти таблицы, вы замѣчаете, что, помимо единичныхъ уклоненій, въ теченіи сентября—ноября барометръ въ Аянѣ и Охотскѣ повышается, а въ Петропавловскѣ, наоборотъ, понижается, т. е. по отношенію распредѣленія барометрическаго давленія въ теченіи весеннихъ мѣсяцевъ, наблюдается почти обратный ходъ. Такъ въ Аянѣ, Охотскѣ и Кушкѣ барометръ постепенно падалъ съ марта по май, а здѣсь—осенью онъ постепенно поднимается, какъ это видно изъ слѣдующей таблички, представляющей среднія за три года 1891, 1893 и 1894 гг.

ТАБЛИЦА III.

Мѣсто наблюденія.	1891 г.				1892 г.				1893 г.				1894 г.			
	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сред.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сред.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сред.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сред.
Аянъ. . . .	759,8	753,0	756,5	756,4	756,4	750,5	—	—	758,1	756,8	754,6	756,5	754,5	758,2	756,7	756,4
Охотскъ . . .	760,7	752,4	756,2	756,4	756,9	752,0	757,0	755,3	758,9	757,2	753,7	756,6	755,4	758,2	757,4	757,0
Кушка. . . .	760,0	752,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	754,5	755,0	754,2	754,5
Петропавловскъ . .	760,1	752,7	756,4	756,4	754,8	757,4	755,8	756,0	759,0	754,3	752,6	755,3	—	—	747,4	—

[1]) Ib. стр. 353.

ТАБЛИЦА IV.

Мѣсто наблюденія.	1895 г.				1896 г.				1897 г.			
	Іюн.	Іюл.	Авг.	Сред.	Іюн.	Іюл.	Авг.	Сред.	Іюн.	Іюл.	Авг.	Сред.
Аянъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Охотскъ	761,0	758,6	759,9	759,8	758,5	757,4	760,6	758,8	761,3	760,3	756,1	759,2
Кушка.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Петропавловскъ	753,4	749,0	751,9	751,4	751,0	751,7	751,9	751,5	748,1	737,4	738,7	741,4

	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.
Аянъ.	757.6	760.2	763.3
Охотскъ	757.1	758.4	762.1

Что касается Кушки, т. е. Гижиги, то здѣсь барометрическое давленіе представляетъ какъ бы переходный пунктъ къ Петропавловску (сентябрь—759.8; октябрь—756.5; ноябрь—759) и видимо находится подъ вліяніемъ другихъ агентовъ, дѣйствующихъ болѣе осязательно на восточномъ берегу Камчатки. За исключеніемъ одиночныхъ отклоненій, стрѣлка барометра въ Петропавловскѣ падаетъ отъ сентября къ ноябрю, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ среднихъ цифръ за три осеннихъ сезона (1892, 1895, 1896 гг.).

	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.
Петровавловскъ	748.0	747.6	743.7
Тоже самое за 5 сезоновъ (1890, 1892, 1894—1896 гг.)	749.9	749.4	747.5 [1]).

Жители Охотскаго побережья долгимъ опытомъ пришли къ опредѣленному заключенію, что въ сентябрѣ и первой половинѣ октября погода всегда хуже, бурливѣй и ненастнѣй; потомъ полтора мѣсяца, съ 15 октября по 30 ноября, при порядочныхъ холодахъ, бываетъ больше ясныхъ дней, съ единственнымъ господствующимъ вѣтромъ отъ С. и отсутствіе бурь. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Охотское

[1]) Провести полную параллель за восемь лѣтъ нельзя, по отрывочности наблюденій, напечатанныхъ въ Лѣтописяхъ Главной Физической Обсерваторіи за 1890—1897 г.

Староста (тунгузскій князекъ) и жители сел. Ямска.

море представляетъ полную противоположность туманному ненастью и очень свѣжимъ погодамъ Берингова моря. Ходячая репутація насчетъ отвратительной осенней погоды Охотскаго моря въ дѣйствительности не оправдывается. Правда, разсматривая въ болѣе широкихъ размѣрахъ распредѣленіе атмосфернаго давленія, мы замѣчаемъ, что уже въ сентябрѣ въ Восточной Сибири образовалось высокое давленіе (антициклонъ), холодная, юго-восточная сторона котораго даетъ ненормальное пониженіе температуры на Амурѣ. Съ другой стороны Тихій океанъ, нагрѣтый сильно лѣтомъ, даетъ значительные минимумы этого давленія, т. е. ведетъ къ образованію циклоновъ, которыхъ, по Далю [1]), въ ноябрѣ одновременно существуетъ два: одинъ къ востоку отъ полуострова Аляски, а другой—вблизи Камчатки надъ западными Алеутскими островами. Вотъ этотъ послѣдній и обусловливаетъ постепенное пониженіе барометра въ Петропавловскѣ отъ сентября по ноябрь.

Барометрическія данныя Охотско-Камчатскаго края по временамъ года прекрасно иллюстрированы въ атласѣ Тилло [2]).

Перейдемъ теперь къ изученію второго климатическаго элемента, не менѣе важнаго, чѣмъ тяжесть воздуха, и находящагося съ послѣдней въ извѣстныхъ причинныхъ отношеніяхъ. Мы говоримъ о температурѣ воздуха.

Выше уже говорилось, что въ высокихъ сѣверныхъ широтахъ лѣтомъ получается отъ солнца больше тепла, чѣмъ въ низшихъ, т. е. лежащихъ ближе къ экватору. На основаніи теоретическихъ разсужденій Дове составилъ таблицу среднихъ температуръ для разныхъ широтъ въ сѣверномъ полушаріи, которыя считаются, такъ сказать, нормальными. Чтобы въ дальнѣйшемъ описаніи яснѣе и нагляднѣе выставить особенности климата Охотско-Камчатскаго края и такъ какъ намъ придется упоминать объ изономалахъ (т. е. линіи равныхъ отклоненій дѣйствительно наблюденныхъ температуръ отъ вышеупомянутыхъ нормальныхъ—Дове), то возьмемъ изъ таблицы Дове, исправленной Вильдомъ [3]), данныя среднихъ темпера-

---

1) Pacific Coast pilot. Coasts and Island of Alaska. Meteroloy by W. H. Dall. Washington, 1879.

2) Ал. Тилло. Распредѣленіе атмосфернаго давленія на пространствѣ Россійской Имперіи и Азіатскаго материка на основаніи наблюденій съ 1836 по 1885 г., съ атласомъ. Спб. 1890. См. изобары средняго давленія съ 1836 по 1885 г.

3) L. c. стр. 337.

туръ, относящіяся къ широтамъ нашего края (т. е. между 51° и 62° с. ш.[1]).

ТАБЛИЦА V.

Среднія температуры широтъ въ сѣверномъ полушаріи.

Широта.	Декаб.	Январь.	Февр.	Мартъ.	Апр.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Годъ.
50°	—4,8°	—6,8	—5,4	—1,6	5,5	10,6	14,9	17,0	16,4	12,2	6,4	0,0	5,4
55	—9,1	—11,3	—9,4	—5,1	2,0	8,0	12,8	15,2	13,9	9,7	3,6	—4,0	2,2
60	—13,5	—15,8	—13,5	—8,6	—1,6	5,4	10,8	13,5	11,4	7,1	0,8	—8,0	—1,0
65°	—18,6	—21,1	—18,5	—13,9	—6,6	1,6	7,6	10,9	8,9	3,6	—3,9	—13,5	—5,2

Такъ какъ въ зависимости отъ характера рельефа почвы и сосѣдства большихъ водоемовъ (океановъ, морей), въ большинствѣ случаевъ наблюдаемыя температуры представляютъ уклоненія отъ упомянутой нормы въ положительную или отрицательную сторону, т. е. превышаютъ или не достигаютъ ея, то это послужило къ нанесенію на карты цѣлой сѣти изономалъ, при помощи которыхъ, говоритъ Вильдъ[2]), мы можемъ гораздо легче прослѣдить неправильности въ распредѣленіи температуръ и отыскать зависимость ихъ отъ ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ причинъ.

Какъ при разсмотрѣніи барометрическаго давленія, начнемъ нашъ обзоръ измѣненій температуры съ зимняго сезона. Намъ кажется это болѣе удобнымъ потому, что въ теченіи ноября успѣлъ вполнѣ установиться и рѣзче обозначиться зимній контрастъ суши и воды.

Изъ сводки всѣхъ термометрическихъ наблюденій Вильда (до 1875 г.) мы получаемъ слѣдующія среднія температуры зимы для обсерваціонныхъ пунктовъ Охотско-Камчатскаго побережья:

Широта.		Декабрь.	Янв.	Февр.	Всей зимы.	Періодъ наблюденій.
54°30′	Удской	—30.00°	—27.90°	—26.00°	—27,98°	— 1½ г.
56°28′	Аянъ	—19.61	—20.40	—18.61	—19.54	— 9 »
59°21′	Охотскъ	—22.91	—23.68	—21.64	—22.74	— 17 »
62° 2′	Гижига	—19.8	—17.8	—24.6	—20.73	—
54°45′	Мильково				— 8.75	— 8 мѣс.
53°	Петропавловскъ . .	— 6.23	— 8.43	—10.04	— 8.23	— 12 г.

---

[1]) Большая часть Охотско-Камчатскаго края лежитъ въ этихъ предѣлахъ; только небольшой и пустынный уголокъ Гижигинскаго округа простирается до 63, с. ш., а потому мы и не принимаемъ его въ расчетъ.

[2]) L. c. ч. II, стр. 338.

Изъ сравненія этой таблицы съ предыдущей видно, что ни одинъ изъ упомянутыхъ пунктовъ не подходитъ вполнѣ подъ указанныя нормы Дове: большая часть цифръ Охотскихъ пунктовъ гораздо больше, какъ это ясно изъ слѣдующаго сопоставленія за январь:

	Нормальн.	Средній изъ наблюденій.
Удской	—10,85	—27,90
Аянъ	—12,65	—20,40
Охотскъ	—15,35	—23,68
Гижига	—17,92	—17,88
Петропавловскъ. .	— 8,05	— 8,43

Иначе сказать, что январьскій холодъ первыхъ трехъ пунктовъ больше вычисленной нормы, тогда какъ Гижига и Петропавловскъ близки къ ней, т. е.: что самый холодный зимній мѣсяцъ послѣднихъ находится въ нормальныхъ условіяхъ; но дѣло въ томъ, что январь для Гижиги и Петрапавловска не является такъ сказать кульминаціонной точкой зимняго холода, и что центръ зимней стужи перемѣщается на февраль. Въ атласѣ изотермъ Вильда для января мы видимъ (см. рис. 4) типичную картину распредѣленія температуры въ Охотско-Камчатскомъ краѣ: начиная отъ устья р. Уды вдоль всего берега (мѣстами его захватывая) идетъ январьская изотерма—22 до Ямска, оттуда прямо на востокъ до сел. Подкагирнаго (приблизительно) и потомъ по берегу Пенжинскаго залива до р. Пустой; все сѣверо-западное Охотское побережье лежитъ между изотермами января—30 и 22°. Первая проходитъ по Колымскому хребту, а съ 60 с. ш. переходитъ на западную сторону Становаго хребта, вдоль котораго и спускается въ Амурскую область къ верховьямъ р. Зеи.

Въ теченіи января Камчатка находится внѣ границъ указанныхъ изотермъ, т. е. лежитъ на югъ отъ изотермы—22°, тогда какъ чрезъ южную оконечность ея проходитъ изотерма—8, которая, спускаясь въ низкія широты, касается сѣверной оконечности о. Ессо. и сѣверной границы Кореи. Такимъ образомъ Камчатка подвержена постепенно возрастающимъ градаціямъ холода отъ Лопатки до сѣверной границы: изотермы—10°,—12°,—14 и—16° съ Ю.-З. на С.-В. въ косомъ направленіи пересѣкаютъ полуостровъ и только изотерма—20°, начиная съ р. Тигиля проходитъ почти по срединѣ его до сѣверной границы. Такое распредѣленіе температуры на Камчаткѣ остается безъ перемѣнъ въ общемъ въ теченіи февраля.

*

Въ продолженіи весны, когда приходъ солнечнаго тепла съ каждымъ днемъ увеличивается, совершается передвиженіе холодныхъ изотермъ къ сѣверу: уже въ мартѣ изотерма—20°, только-что въ февралѣ проходившая по сѣверному и западному берегамъ Охотскаго моря, перемѣстилась за Колымскій хребетъ; а въ теченіи мая Охотско-Камчатскій край лежитъ между теплыми изотермами +2 и +4. Только надъ Гижигинскимъ округомъ, сѣверною частью Охотскаго и надъ самимъ моремъ выдвигается языкообразно болѣе холодный районъ. Но такъ какъ линіи изотермъ, подобно тому, какъ и изобары, служа хорошимъ руководителемъ въ общемъ обзорѣ явленій, не даютъ точнаго и реальнаго представленія о распредѣленіи температуры, то пополнимъ этотъ недостатокъ цифрами среднихъ температуръ за послѣдніе годы изъ Лѣтописей Физической Обсерваторіи. Здѣсь рѣзче выступаютъ особенности каждаго пункта наблюденій, чѣмъ въ рядѣ многолѣтнихъ обобщеній (табл. VI и VII).

ТАБЛИЦА VI.

Среднія температуры весеннихъ мѣсяцевъ.

Мѣсто наблюденія.	1892 годъ.				1893 годъ.				1894 годъ.			
	Мартъ.	Апр.	Май.	Средн.	Мартъ.	Апр.	Май.	Средн.	Мартъ.	Апр.	Май.	Средн.
Аянъ	—7,3	—3,0	3,6	—2,2	—10,6	—1,5	2,9	—3,0	—8,3	—0,7	1,3	—2,5
Охотскъ	—14,2	—7,4	0,9	—6,9	—16,6	—5,5	0,0	7,3	—16,0	—4,2	—0,2	—6,8
Кушка	—19,3	—11,1	1,7	—9,5	—	—	—	—	—25,4	—6,5	0,3	—10,5
Петропавловскъ	—5,8	—1,0	3,3	—1,1	—6,9	0,0	3,8	—0,8	—	—	—	—

ТАБЛИЦА VII.

Мѣсто наблюденія.	1896 годъ.				1897 годъ.				Общее среднее
	Мартъ.	Апр.	Май.	Средн.	Мартъ.	Апр.	Май.	Средн.	
Аянъ	—10,6	—5,8	0,4	—5,3	—11,1	—3,9	1,5	—4,5	—3,5
Охотскъ	—14,2	—9,8	0,9	—7,7	—14,9	—4,6	2,0	—5,8	—6,9
Кушка	—	—	—	—	—	—	—	—	—10,0
Петропавловскъ	—8,6	—2,9	3,8	—2,5	—14,5	0,2	4,0	—3,4	—2

Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что въ общемъ весна Охотска и Кушки гораздо холоднѣе весны Аяна и Петропавловска и что сумма

весенняго тепла Петропавловска выше таковой же въ Аянѣ. Таяніе весенняго снѣга въ этихъ послѣднихъ портахъ идетъ энергичнѣе, такъ какъ максимумы всѣхъ трехъ мѣсяцевъ поднимаются выше нуля, а большіе морозы по ночамъ въ Охотскомъ (до—38°) и Гижигинскомъ (до—40°) округахъ создаютъ прекрасный для ѣзды настъ (т. е. замерзшій, ставшійся снѣгъ), по которому нарта легко катится, а собаки не проваливаются. Начало весны вездѣ отличается ясной и тихой погодой; получающееся тогда свѣтоотраженіе отъ наста создаетъ почти повсемѣстное воспаленіе глазъ, если только не защищать ихъ синими очками. На солнцѣ температура достигаетъ высокихъ градусовъ и вызываетъ иногда заболѣванія, напоминающія тропическій солнечный ударъ. По долинѣ вышеупомянутой знаменитой р. Вилиги въ мартѣ и апрѣлѣ царитъ полный штиль и такая теплынь, что какъ говорятъ здѣсь, обыкновенно при проѣздѣ каюры раздѣваются, оставаясь въ однѣхъ рубашкахъ. Но съ другой стороны отъ Лопатки до сел. Явино, по западному берегу Камчатки, въ мартѣ и апрѣлѣ господствуютъ такія пурги и холода, какъ рѣдко бываетъ зимой. Жители послѣдняго селенія, какъ мы лично убѣдились, въ это время по цѣлой недѣли не выходятъ изъ дому.

По мѣрѣ того, какъ апрѣльская температура повышается, снѣгъ быстро начинаетъ таять, ледъ по рѣкамъ ломаетъ,—въ атмосферѣ образуются сильныя теченія и небо большею частью бываетъ пасмурно. Въ Охотскѣ вмѣсто зимняго господства сѣверныхъ вѣтровъ начинаются В. Ю.-В. и С.-В., болѣе постоянно дующіе въ продолженіи всего лѣта; тогда какъ въ Петропавловскѣ преобладаютъ С.-З. С.-В. и З., восточныхъ и юго-восточныхъ бываетъ въ это время чрезвычайно мало.

Во всѣхъ пунктахъ Охотско-Камчатскаго края май является, въ среднихъ выводахъ, теплымъ мѣсяцемъ; вслѣдствіе чего суша продолжаетъ нагрѣваться сильнѣе и быстрѣе, чѣмъ сосѣдніе моря; такъ что въ первомъ лѣтнемъ мѣсяцѣ размѣщеніе изотермъ такое же, какъ въ маѣ, только температура ихъ выше: тамъ, гдѣ проходила изотерма 2°, теперь лежитъ, занимая совершенно то же положеніе, изотерма 8; вмѣсто кривой съ 4° расположилась изотерма 10°. Такимъ образомъ сразу получаются два центра термическаго максимума 14° въ долинѣ р. Камчатки и минимума въ 6—7° надъ сѣверной частью Охотскаго моря до параллели 53°; западное побережье между Удскимъ и Охотскомъ въ это время прохладнѣе Камчатской долины, и только въ слѣдующемъ мѣсяцѣ — іюлѣ темпера-

тура выравнивается. Охотское же море все время находится между болѣе низкими изотермами.

Подобно тому, какъ зимняя противоположность суши и земли въ температурномъ отношеніи достигаетъ своего высшаго предѣла въ январѣ, такъ и іюльскія изотермы указываютъ на такую же высокую степень лѣтняго контраста между материкомъ и моремъ. Это послѣднее, имѣя болѣе низкую температуру, охлаждаетъ лежащіе надъ нимъ слои воздуха, которые даютъ холодные морскіе вѣтры, стремящіеся на прибрежную полосу. Во второй половинѣ іюля, температура въ общемъ начинаетъ понижаться,—и тогда наступаетъ поворотъ и отступаніе теплыхъ изотермъ къ югу.

Чтобы наглядно показать на примѣрѣ это распредѣленіе лѣтняго тепла въ описываемомъ краѣ, возьмемъ изъ таблицъ Вильда среднія одного года [1]).

Мѣсто.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сред.
Удской (1844 г.)	13,7	16,3	15,7	15,2
Аянъ (1849 г.)	6,7	12,5	13,1	10,7
Охотскъ (1849 г.)	8,1	14,2	14,9	12,4
Кушка (1894 г.)	9,4	13,9	9,3	10,8
Тигиль (1849 г.)	8,5	14,0	11,9	11,4
Милькково (1844 г.)	12,7	15,3	15,1	14,3
Петропавловскъ (1849 г.)	9,8	16,1	15,2	13,7

Въ Аянѣ и Охотскѣ, какъ показываетъ эта таблица, самымъ теплымъ мѣсяцамъ оказывается августъ, тогда какъ въ остальныхъ, согласно нормѣ, іюль. Тоже самое подтверждается выводами изъ болѣе многолѣтнихъ наблюденій, приведенныхъ въ таблицахъ Вильда [2]).

Это опаздываніе болѣе теплаго мѣсяца и болѣе низкая средняя температура всего лѣта на Охотскомъ берегу стоятъ въ прямой зависимости отъ холоднаго теченія и массы льдовъ, остающихся подолгу въ Охотскомъ морѣ.

Съ другой стороны болѣе высокая и ровная средняя темпера-

---

[1]) Сравненіе за разные года среднихъ температуръ представляетъ большія неудобства и можетъ повести къ ошибочнымъ заключеніямъ, но дѣлается это въ виду отсутствія одновременныхъ наблюденій по разнымъ пунктамъ края.

[2]) Для Аяна за 9 л. (12.41) и для Охотска за 17 л. (13.33) средняя высшая температура была въ августѣ.

тура Удского и Милькова зависитъ отъ ихъ удаленнаго положенія отъ моря и напоминаетъ континентальный характеръ въ миніатюрѣ.

Около начала августа (нов. ст.) роса на Охотскомъ морѣ становится особенно обременительной и въ началѣ сентября выпадаетъ въ такомъ обиліи, что кажется, будто ночью шелъ дождь: наши деревянныя тарелки лежавшія безъ покрышки, наполнялись водой.

Рис. 6. Изотермы мая, по Вильду.

Въ половинѣ августа на берегахъ Лантара и Теймей насъ застали утренніе морозы, и вода въ ведрѣ покрывалась льдомъ. Еще сильнѣе и съ болѣе печальнымъ для себя послѣдствіемъ чувствуешь эту массу росы, когда бывало раннимъ утромъ пробираешься по тайгѣ пѣшкомъ или верхомъ на оленѣ или лошади: въ нѣсколько минутъ на васъ не остается ни одной сухой нитки, если только вы не позаботились плотно застегнуть дождевикъ, но и тогда масса воды съ листьевъ, вѣтвей и хвойныхъ иголъ брызжетъ вамъ въ лицо и попадаетъ за шиворотъ. Да оно и понятно: среди дня воздухъ все еще сильно нагрѣвается, поглощая испаренія съ морской поверхности; термометръ по временамъ показываетъ больше 20° тепла, тогда какъ въ теченіи ночи часто спускается до 0 и даже ниже.

Съ начала осени температура быстро идетъ на убыль; воздухъ надъ землей поэтому становится тяжелѣй, чѣмъ надъ моремъ, температура котораго вслѣдствіе его большой теплоемкости, теперь превышаетъ температуру суши. Начинается борьба воздушныхъ теченій: вѣтры восточные, Ю. В. и С. В. уступаютъ тяжелому воздуху, притекающему съ Станового и Колымскаго хребтовъ. Чтобы судить о быстротѣ пониженія температуры въ теченіи осеннихъ мѣсяцевъ, возьмемъ изъ лѣтописей Обсерваторіи среднія температуры осеннихъ масяцевъ за 1894—6 гг. (см. табл. VIII).

Средняя температура осени, такимъ образомъ, для Петропавловска представляетъ положительныя цифры, для Аяна она стоитъ около нуля, а въ Удскомъ, Охотскѣ и Кушкѣ опускается ниже нуля. Это климатическое неудобство имѣетъ и свою хорошую сторону. Какъ видно изъ таблицы, средняя октября въ Охотскѣ и Кушкѣ опускается почти до—5°, а въ минимальныхъ случаяхъ термометръ показываетъ даже—17° для Охотска и—23° для Кушки. Если лѣтомъ, почему-нибудь, былъ недоловъ рыбы, или туманъ и дождь совершенно попортили юколу, то эти ранніе морозы даютъ возможность жителямъ сохранить рыбу осенняго улова въ замороженномъ видѣ и такимъ образомъ предотвратить наступленіе неизбѣжнаго въ противномъ случаѣ голода.

ТАБЛИЦА VIII.

	1894 годъ.				1895 годъ.				1896 годъ.			
	Сент.	Октяб.	Нояб.	Сред.	Сент.	Октяб.	Нояб.	Сред.	Сент.	Октяб.	Нояб.	Сред.
Аянъ	9,4	—0,3	—8,5	0,06	10,6	1,3	—10,4	0,4	9,9	0,3	—11,1	—0,3
Охотскъ	7,2	—4,7	—13,4	—3,6	7,9	—2,6	—14,4	—3,0	8,9	—16,6	—10,5	—1,06
Петропавловскъ	9,4	3,4	—1,5	3,7	9,5	3,2	—4,3	2,8	9,5	5,7	1,5	5,5
Кушка (только за 1890 г.)	5,8	—5,0	—17,9	—5,7	—	—	—	—	—	—	—	—
Удское только за 1844 г.)	9,6	—1,4	—17,4	—3,0	—	—	—	—	—	—	—	—

Разсматривая карту октябрьскихъ изотермъ въ атласѣ Вильда (см. рис. 4), мы замѣчаемъ, что Камчатка лежитъ между изотермами—2° и+6°, тогда какъ сѣверная часть О.-К. края между—2° и—6°, а западная между—2° и—4°; въ ноябрѣ это расположеніе изотермъ вполнѣ соотвѣтствуетъ изгибамъ прибрежной полосы, которая ограничена ли-

ніями —12° и—18°. Сопоставляя съ этимъ ноябрьскія изономалы [1]), мы ясно убѣждаемся въ томъ, что развитіе восточно-сибирскаго антициклона сказывается значительнымъ противъ нормы пониженіемъ температуры на Охотскомъ побережьѣ и нѣсколько меньшимъ надъ самимъ моремъ и западною половиною Камчатки, юго-восточная часть которой однако имѣетъ температуру выше нормы въ зависимости отъ умѣряющаго дѣйствія Тихаго океана, съ проникающей сюда вѣтвью теплаго теченія Куро-сиво.

Рис. 7. Изотермы іюля, по Вильду.

Выше разсмотрѣнные центры наибольшаго и наименьшаго напряженія какъ барометрическаго давленія, такъ и атмосферной температуры служатъ главными причинами передвиженія воздушныхъ слоевъ, или образованія вѣтровъ. Въ зависимости отъ перемѣщенія этихъ центровъ господствуетъ тотъ или другой вѣтеръ. Такъ на устьѣ р. Уды преобладаютъ Ю. З. и З. Ю. З. вѣтры, дующіе съ непреодолимой силой: въ Аянѣ съ октября по февраль господствуетъ западный вѣтеръ, которому служитъ дополненіемъ Ю. З. и С. З.; въ центрѣ получаетъ перевѣсъ С. З., въ январѣ Ю. З., а въ

[1]) Взято у Миддендорфа, стр. 344.

срединѣ мы снова имѣемъ С. З. Въ декабрѣ мало-по-малу начинаютъ возникать С. и С. В. вѣтры, которые въ теченіи весны и лѣта обходятъ по направленію часовой стрѣлки, хотя Ю. В. и Ю. бываютъ рѣдки; ихъ замѣняютъ Ю. З. и В. Въ теченіи года получается слѣдующее цифровое отношеніе между разными вѣтрами: западныхъ—169, восточныхъ—96, сѣверо-восточныхъ—90, сѣверныхъ—62, юго-западныхъ—53 и сѣверо-западныхъ—48.

Въ Охотскѣ, за исключеніемъ времени съ мая по августъ, господствуетъ сѣверный вѣтеръ (въ теченіи года 416), которому значительнымъ дополненіемъ въ это время служитъ С. З. (143), съ апрѣля получаетъ преобладаніе Ю. В. (148), чередующійся съ В. (95) и Ю. (77). Эти вѣтры продолжаются до августа, и въ сентябрѣ быстро идутъ на убыль, хотя В. и Ю. В. все-таки берутъ въ это время перевѣсъ надъ остальными.

Въ Гижигѣ съ сентября по май самые частые вѣтры отъ С. и С. В., а съ мая—отъ Ю. З. и З., хотя зимніе, материковые вѣтры не прекращаются и лѣтомъ.

Что касается Петропавловска, то повторяемость вѣтровъ отъ разныхъ румбовъ слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ (какъ примѣръ—1891 г.): С. В.—131 разъ,—больше всего въ зимніе мѣсяцы; С. З. въ году было 94; онъ учащается съ сентября по декабрь, а съ мая по августъ наблюдается въ крайне небольшомъ числѣ. Въ это время дуютъ другіе вѣтры Ю. З. (54), Ю. В. (49) В. (45), отчасти Ю. (27); они захватываютъ отчасти весну, а съ другой стороны переходятъ на начало осени. Въ 1892 г. С. З. вѣтеръ (133) превалировалъ на С. В. (111) и дулъ безпрерывно съ сентября по январь включительно. Чисто восточный вѣтеръ считается по преимуществу весеннимъ.

Если теперь мы подведемъ годовые итоги барометрическому давленію и температурѣ въ обсерваціонныхъ пунктахъ, то получается слѣдующая картина (См. Прилож. 3-е, табл. III и IV, во II т.)

	Удской.	Аянъ.	Охотскъ.	Кушка	Петроп.	Мильково.
Среднее годовое давленіе	—	761.7	759.2		746.5	
Средняя годовая температура.	—3.50	—3.90	—5.06	—7.1[1])	2.29	1.25
Средняя t° за 5 мѣсяцевъ теплыхъ (растительный періодъ).	11.88	8.25	8.92	7.74	10.98	8.24

[1]) Средняя годовая составлена искусственно изъ двухъ разныхъ годовъ 1890 (сент.—дек.) и 1894 (янв.—авг.), для того, чтобы хотя приблизительно составить понятіе о температурѣ вегетаціоннаго періода.

Чтобы эти цифры не казались пустымъ звукомъ, а дѣйствительно вызывали у читателя опредѣленное представленіе о климатѣ отдаленной окраины, достаточно указать, что не только подъ тѣми же широтами, но и вообще въ Европѣ и Европейской Россіи очень мало мѣстъ съ такой низкой годовой температурой, какъ первые четыре указанныхъ пункта. Далѣе Архангельскъ, лежащій на $2^1/_2$ градуса сѣвернѣе Кушки, имѣетъ среднюю годовую температуру 0,75°; (59° 26′); Ревель находится въ той же широтѣ, какъ Охотскъ (59° 21′), а его годовая средняя температура 4,1°; средняя температура зимы перваго порта—6,1°, тогда какъ въ Охотскѣ, мы видѣли,—22,74°. Далѣе болѣе теплый Петропавловскъ съ своей годовой температурой около $2^1/_2$° уступаетъ соотвѣтствующимъ мѣстамъ въ Европейской Россіи, для которыхъ эта температура варьируетъ отъ 4° до 6°.

Послѣдній климатическій элементъ настолько же необходимъ для жизни въ ея растительныхъ и животныхъ формахъ, насколько въ извѣстныхъ предѣлахъ и вреденъ для нея,—это влажность воздуха. Если крайнія пониженія температуры воздушной атмосферы и суши въ геологическія эпохи стерли съ лица земли органическую жизнь своимъ ледянымъ покровомъ; если сильное разрѣженіе воздуха, иначе сказать, низкое барометрическое давленіе нарушаетъ нормальныя отправленія организма, вызывая у человѣка такъ называемую горную болѣзнь; то съ другой стороны влажность въ своихъ крайнихъ предѣлахъ является одинаково могучимъ климатическимъ условіемъ. Сухой воздухъ Сахары убиваетъ даже низшую растительную жизнь; а удушливые жаркіе (сухіе) вѣтры ея умерщвляютъ караваны путешественниковъ; сухой вѣтеръ «гарматтанъ» на западномъ берегу Африки препятствуетъ успѣшному оспопрививанію; большая сухость атмосферы задерживаетъ развитіе оспы и чумы и купируетъ малярійныя эпидеміи [1]). Зато слишкомъ сырой климатъ нѣкоторыхъ приморскихъ странъ создаетъ гнѣздо цынги, анеміи и многихъ простудныхъ болѣзней. Даже растенія въ такомъ сыромъ климатѣ имѣютъ особое строеніе древесины и принимаютъ уродливую форму. Въ созданіи растительныхъ климатическихъ поясовъ влажность атмосферы играетъ не послѣднюю роль.

Поэтому понятенъ тотъ интересъ, который мы придаемъ гигрометрическимъ наблюденіямъ.

---

[1]) Эрисманъ. Руководство къ гигіенѣ. Спб. 1872, ч. I, стр. 724.

Если мы страдаемъ отъ сырости въ Камчаткѣ, или жалуемся на осеннее ненастье, то, въ общежитіи, всегда подъ сыростью или влажностью воздуха подразумѣваютъ только относительное насыщеніе атмосферы водяными парами (т. е. отношеніе дѣйствительнаго къ возможному при данной температурѣ), а не то абсолютное, — вѣсовое или объемное количество водяного пара, которое въ ней находится. Это послѣднее какъ для географіи растеній и животныхъ, такъ и для жизни человѣка не имѣетъ большого значенія, а потому мы будемъ говорить только о первой, т. е. относительной влажности.

Насколько влажность воздуха колеблется въ большихъ предѣлахъ, припомнимъ, напр., что въ Аравіи по цѣлымъ годамъ не выпадаетъ ни одной капли дождя и въ рѣдкихъ случаяхъ дождевые осадки въ годъ даютъ только 200 m.m., тогда какъ въ Ситхѣ ихъ около 2,267 m.m., въ Бомбеѣ—2,844 m.m., въ Хабаровскѣ—602 m.m. и Перербургѣ—464 m.m.

Физико-географическое положеніе Охотско-Камчатскаго края таково, что мы теоретически должны ожидать здѣсь сравнительно большую влажность воздуха: окружающія его моря съ ихъ постоянными испареніями, медленное таяніе снѣга на хребтахъ и въ тѣнистыхъ ущельяхъ, наконецъ постоянная сырость почвы, обусловливаемая густой тайгой, на западномъ берегу, и близко на поверхности лежащимъ слоемъ глины, въ Камчаткѣ и Гижигѣ, которая не пропускаетъ глубоко водяныхъ осадковъ;—все это должно благопріятствовать накопленію водяныхъ паровъ въ воздухѣ.

Водонепроницаемость почвенныхъ слоевъ Камчатской и Гижигинской тундры даже послѣ небольшихъ дождей создаетъ замѣчательно оригинальную картину: въ обвалахъ рѣчныхъ береговъ по каждому корешку ягоднаго кустарника, по всякой былинкѣ нависшей травки струится серебристая влага, преломляя лучи проглянувшаго солнца; изъ торфяныхъ глыбъ падаютъ крупныя капли; тогда вся тундра, какъ говорятъ здѣсь, плачетъ. Такую волшебную картину наблюдаешь на протяженіи десятковъ верстъ, спускаясь по рѣкѣ на утломъ бату, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Горизонтальность тундры неблагопріятствуетъ быстрому стоку, а насыщенный парами воздухъ не хочетъ обратно поглощать лишнюю для него влагу. Эта невыносимая мокрота воздуха и суши иногда приводила насъ, какъ и прежнихъ путешественниковъ, въ полное отчаяніе: въ долинѣ р. Камчатки, на Столбовой и Гижигинской тундрахъ въ теченіи лѣта часто невозможно было найти не только сухого мѣста для ноч-

лега, но даже площадки, гдѣ-бы изъ мохового покрова вода не выступала, какъ изъ губки, при давленіи. Трудно представить себѣ, насколько бываетъ отвратителенъ лѣтній климатъ при такой теплой сырости, а съ другой стороны поражаешься закаленностью здоровья инородца, который болѣе пяти мѣсяцевъ подъ рядъ рѣдко бываетъ сухимъ.

Эта рѣзко выдающаяся сырость климата много стушевывается общими цифрами метеорологическихъ наблюденій. Миддендорфъ, приводя изъ таблицъ Веселовскаго годовое количество осадковъ (4″) Охотска, даже сомнѣвается [1]), чтобы въ этомъ гнѣздѣ скорбута было такъ мало дождей, какъ въ самыхъ сухихъ степяхъ. Это показаніе, согласимся съ путешественникомъ, не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія.

Если мы изъ метеорологическихъ лѣтописей послѣднихъ годовъ возьмемъ данныя о суммѣ осадковъ вообще, то для разныхъ пунктовъ этого края получимъ слѣдующія годовыя цифры:

	Годовая сумма осадковъ.		Годовая относительн. влажность.
Удское	882.0 [2]) mm.		—
Аянъ (за 2 года)	503.7.		—
Охотскъ (за 3 года)	293.2.	(за 4 г.)	71.1.
Кушка	134.9. [3])		—
Петропав. (за 3 г.)	1107.3.	(за 2 г.)	72.8.

Дѣйствительно, оказывается, что въ Охотскѣ выпадаетъ почти втрое больше осадковъ, чѣмъ это значится по прежнимъ наблюденіямъ (107 mm.), но во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ въ Аянѣ и Удскомъ на томъ же берегу моря. Въ Петропавловскѣ, находящемся въ особыхъ условіяхъ по своему барометричеекому давленію и температурнымъ даннымъ, сумма осадковъ вдвое больше, чѣмъ въ Аянѣ, хотя годовая относительная влажность вѣроятно близка, судя по Охотску. Но если мы будемъ разсматривать количество осадковъ по мѣсяцамъ или временамъ года, то сразу выступаетъ на первый планъ большая разница въ ихъ распредѣленіи. На западномъ берегу вся сумма осад-

---

[1]) L. c. стр. 385.

[2]) Это простой переводъ въ миллиметры 35″, взятыхъ у Веселовскаго.

[3]) Для Кушки нѣтъ ни одного цѣльнаго года наблюденій, а потому для сравнительной оцѣнки мы взяли сумму осадковъ съ января по авг. 1894 г., а съ сент. по дек. за 1890 г. Неполныя наблюденія для Кушки существуютъ всего за три года.

ковъ приходится на пять теплыхъ мѣсяцевъ, и зима поэтому малоснѣжна, за исключеніемъ Чумикана, на устьѣ р. Уды, какъ можно думать на основаніи показанія жителей; тогда какъ въ Петропавловскѣ осадки распредѣляются на всѣ 12 мѣсяцевъ и только лѣтомъ ихъ выпадаетъ сравнительно больше, хотя иногда въ декабрѣ и мартѣ ихъ бываетъ больше, чѣмъ въ іюнѣ и іюлѣ. Въ Аянѣ за одинъ сентябрь часто выпадаетъ почти половина всѣхъ годовыхъ осадковъ, болѣе 200 mm., что крайне рѣдко наблюдается въ Охотскѣ, но и и здѣсь въ теченіи холодныхъ мѣсяцевъ количество осадковъ замѣчательно мало—около 55 mm. за 7 мѣсяцевъ, а все остальное приходится на теплый періодъ (май-сент.). Это заставляетъ насъ думать, что по здѣшнему побережью зимніе или вообще холодные мѣсяца отличаются значительною сухостью, что вполнѣ оправдывается при разборѣ данныхъ объ относительной влажности за это время. Зимой въ Охотскѣ гигрометръ показываетъ влажность отъ 56 до 60%, въ маѣ-августѣ она поднимается съ 81 до 90%; въ Петропавловскѣ же относительная влажность иначе распредѣляется по временамъ года. Съ декабря по мартъ она колеблется здѣсь между 61 и 76%; съ апрѣля по іюнь немного и постепенно увеличивается, а самая большая влажность (80-88%) наступаетъ позже, чѣмъ въ Охотскѣ, именно съ іюля и рѣдко съ іюня и до сентября включительно.

Для болѣе наглядной иллюстраціи разности между Охотскомъ и Петропавловскомъ, приводимъ слѣдующую небольшую таблицу IX.

ТАБЛИЦА IX.

	Янв.	Февр.	Мартъ.	Апр.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.	Годов.
1894 г.													
ОХОТСКЪ.													
Сумма осадковъ	2,3	0,2	1,0	15,5	33,2	118,2	29,1	5,7	20,1	1,3	4,2	1,4	231,1
Средняя относит. влажность	65,6	57,3	61,6	7,3	89,3	87,6	8,8	8,3	61,6	50,3	64,3	7,0	70,9
Среднія облачности . .	5,2	2,7	2,8	6,5	8,8	8	7,3	6,3	3,3	3,5	4,5	1,9	5,1
1891 г.													
ПЕТРОПАВЛОВСКЪ.													
Сумма осадковъ	22,3	22,6	96,2	45,3	90,8	40,3	63.2	135,4	85,3	88,8	78,2	37,1	80,75
Средняя относит. влажность	74,3	60,6	63,3	68,0	76,3	77,0	81,0	87,3	83,0	72,0	69,6	70,6	73,3
Среднія облачности . .	5,9	4,0	4,8	6,2	7,3	5,6	6,6	8,1	4,6	5,3	4,2	5,9	5,7

Изъ этихъ цифръ читатель послѣдовательно можетъ прослѣдить, какъ измѣняется количество осадковъ, какова бываетъ влажность воздуха и насколько небо покрыто облаками въ разные мѣсяца Охотска и Петропавловска. Правда, сравненіе не вполнѣ удачно и научно, потому что соотвѣтствующія данныя взяты за разные года, но что же дѣлать, если наблюденія ведутся такъ отрывисто и неаккуратно, что нѣтъ возможности подобрать года съ цифрами трехъ соотвѣтствующихъ наблюденій. Но зная тяжелыя мѣстныя условія жизни[1]), и за это приходится сказать спасибо лицамъ, взявшимъ на себя обязанность пополнить метеорологическія наблюденія.

Спрашивается теперь, какъ согласовать непосредственное чувство сырости и приписываемую ей цынгу, которой когда-то славился Охотскій портъ, съ вышеприведенными метеорологическими данными? Изъ изученія этихъ послѣднихъ мы должны заключить, что, согласно классификаціи г. Вивено[2]), зимой на западномъ и сѣверномъ берегу Охотскаго моря климатъ сухой, а въ Петропавловскѣ большею частію умѣренно влажный; лѣто перваго района чрезмѣрно влажное, и только августъ можно признать умѣрено влажнымъ, тогда какъ въ Петропавловскѣ онъ является чрезмѣрно влажнымъ, а остальные лѣтніе мѣсяцы, какъ и осень, характризуются умѣренною влажностью.

Вотъ эти то исключительно влажные мѣсяцы, во время которыхъ приходится большею частію здѣсь путешествовать, и оставляютъ надолго воспоминаніе объ неудобствахъ и тягости мѣстнаго климата. Значительная облачность и морскіе вѣтры усиливаютъ это впечатлѣніе: лѣтомъ теплый и влажный воздухъ, вызывая общую слабость въ организмѣ, угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ на психическія отправленія; холодный и сырой, уменьшая до минимума испаренія кожи и значительно охлаждая поверхность нашего тѣла, тѣмъ самымъ производстводитъ разстройства въ разныхъ отправленіяхъ организма. Извѣстно потому, что сырыя зимы принадлежатъ къ самымъ нездоровымъ временамъ года, какъ это часто наблюдается и въ Камчаткѣ.

Такъ какъ осадки лѣтнихъ мѣсяцевъ больше всего отзываются

---

[1]) Одинъ окружной начальникъ, не имѣя ни помощника, ни дѣлопроизводителя, ни писаря, ни завѣдующаго почтой, самъ единолично совмѣщалъ всевозможныя профессіи; причемъ каждую зиму долженъ былъ объѣзжать округъ, растянувшейся на тысячу верстъ негостипріимной тундры, и все-таки находилъ время вести метеорологическій журналъ.

[2]) Vivenot. Ueber die Messung der Luftfeuchtigkeit zur richtigen Würdigung der Klimate. Refert in Constatt's Jahresbericht für 1864, 177.

на экономическомъ положеніи края, мѣшая рыбнымъ промысламъ, то мы ихъ разсмотримъ подробнѣе·

Просмотримъ прежде всего таблицу (X) осадковъ въ разныхъ мѣстахъ.

ТАБЛИЦА X.

Сумма осадковъ вообще въ миллиметрахъ.

Мѣсто.	1893 г.			Сред. одного лѣта.	1893 г.			Сред. одного лѣта.	1896 г.			Сред. одного лѣта.	Среднія за три лѣта.
	Іюн.	Іюл.	Авг.		Іюн.	Іюл.	Авг.		Іюн.	Іюл.	Авг.		
Аянъ.	158,5	66,5	84,6	103,2	61,2	205,7	151,8	139,5	149,7	41,8	154,2	115,2	119,3
Охотскъ.	13,7	100,4	21,6	45,2	16,5	11,0	14,0	14,0	112,4	120,8	84,1	105,7	54,9
									1894 г.				
Кушка (1891 г.)	15,3	55,0	—	—	—	—	—	—	17,2	28,0	42,9	29,3	—
Петропавловскъ. . . .	27,1	105,7	80,2	69,0	10,6	42,4	90,2	47,7	73,7	223,8	346,5	214,6	111,1

Конечно, эти немногія цифры не даютъ еще полнаго представленія о количествѣ выпадающихъ осадковъ лѣтомъ на Охотско-Камчатскихъ берегахъ, тѣмъ болѣе, что относительно Удского и западнаго берега Камчатки нѣтъ никакихъ наблюденій; относительно же Гижиги (Кушки) есть всего за два неполныхъ лѣта среднія данныя. Не смотря на все это, мы, однако, можемъ сказать, что Аянъ самое дождливое мѣсто; ему немного уступаетъ Петропавловскъ, а въ Охотскѣ выпадаетъ дождя вдвое меньше, чѣмъ въ первыхъ двухъ портахъ.

Что на устьѣ р. Уды (мѣстечко Чумиканъ) выпадаетъ вѣроятно еще больше дождя, чѣмъ въ Аянѣ, объ этомъ, за отсутствіемъ правильныхъ наблюденій, можно заключать изъ описанія Миддендорфа. Уже съ вершины Алданскаго (Станового) хребта онъ видѣлъ внизу къ востоку (въ Удскую долину) растилающееся море тумана. Ни по счету дней, ни по указаніямъ дождемѣра, говоритъ онъ [1]), нельзя себѣ представить, какъ пасмурно и влажно лѣто на южныхъ берегахъ Охотскаго моря, гдѣ воздухъ не только напитанъ густѣйшимъ туманомъ, но что туманъ этотъ постоянно осаждается въ видѣ туманнаго дождя, или, по выраженію тамошнихъ мореходовъ, буса, который все напитывалъ влажностью, но едва-ли оставляетъ достаточный слѣдъ въ дождемѣрахъ.

---

[1]) L. c., ч. I. отд. 3, стр. 386.

Бродячіе коряки: мужъ и жена.

на экономическомъ положеніи края, мѣшая рыбнымъ промысламъ, то мы ихъ разсмотримъ подробнѣе·

Просмотримъ прежде всего таблицу (X) осадковъ въ разныхъ мѣстахъ.

ТАБЛИЦА X.

Сумма осадковъ вообще въ миллиметрахъ.

Мѣсто.	1893 г.			Сред. одного лѣта.	1893 г.			Сред. одного лѣта.	1896 г.			Сред. одного лѣта.	Средніи за три лѣта.
	Іюнь.	Іюль.	Авг.		Іюнь.	Іюль.	Авг.		Іюнь.	Іюль.	Авг.		
Аянъ.	158,5	66,5	84,6	103,2	61,2	205,7	151,8	139,5	149,7	41,8	154,2	115,2	119,3
Охотскъ.	13,7	100,4	21,6	45,2	16,5	11,0	14,0	14,0	112,4	120,8	84,1	105,7	54,9
									1894 г.				
Кушка (1891 г.)	15,3	55,0	—	—	—	—	—	—	17,2	28,0	42,9	29,3	—
Петропавловскъ. . . .	27,1	105,7	80,2	69,0	10,6	42,4	90,2	47,7	73,7	223,8	346,5	214,6	111,1

Конечно, эти немногія цифры не даютъ еще полнаго представленія о количествѣ выпадающихъ осадковъ лѣтомъ на Охотско-Камчатскихъ берегахъ, тѣмъ болѣе, что относительно Удского и западнаго берега Камчатки нѣтъ никакихъ наблюденій; относительно же Гижиги (Кушки) есть всего за два неполныхъ лѣта среднія данныя. Не смотря на все это, мы, однако, можемъ сказать, что Аянъ самое дождливое мѣсто; ему немного уступаетъ Петропавловскъ, а въ Охотскѣ выпадаетъ дождя вдвое меньше, чѣмъ въ первыхъ двухъ портахъ.

Что на устьѣ р. Уды (мѣстечко Чумиканъ) выпадаетъ вѣроятно еще больше дождя, чѣмъ въ Аянѣ, объ этомъ, за отсутствіемъ правильныхъ наблюденій, можно заключать изъ описанія Миддендорфа. Уже съ вершины Алданскаго (Становаго) хребта онъ видѣлъ внизу къ востоку (въ Удскую долину) растилающееся море тумана. Ни по счету дней, ни по указаніямъ дождемѣра, говоритъ онъ [1]), нельзя себѣ представить, какъ пасмурно и влажно лѣто на южныхъ берегахъ Охотскаго моря, гдѣ воздухъ не только напитанъ густѣйшимъ туманомъ, но что туманъ этотъ постоянно осаждается въ видѣ туманнаго дождя, или, по выраженію тамошнихъ мореходовъ, буса, который все напитывалъ влажностью, но едва-ли оставляетъ достаточный слѣдъ въ дождемѣрахъ.

---

[1]) L. c., ч. I. отд. 3, стр. 386.

Бродячіе коряки: мужъ и жена.

Іюль въ Тигилѣ 1897 г. и августъ въ Гижигѣ, того же года, во времена пребыванія тамъ экспедиціи, рѣзко выдѣлялись своими сырыми туманами и дождями. Большая вода въ рѣкахъ съ одной стороны, а съ другой сплошные туманы въ двухъ названныхъ пунктахъ послужили причиной значительнаго недостатка въ рыбномъ продовольствіи.

Такъ какъ сушка юколы и порсы производятся главнымъ образомъ со второй половины іюня по 15 авг., то количество дождливыхъ и пасмурныхъ дней для инородца имѣетъ большое значеніе. Вотъ средняя сумма изъ числа лѣтнихъ дней съ осадками и пасмурныхъ дней за три года.

	Число лѣтнихъ дождливыхъ дней (1893, 1894, 1895).	Число лѣтнихъ пасмурныхъ дней
Аянъ.	36.0	47.3
Охотскъ.	31.3	44.3
Кушка (одинъ 1894) .	25.0	45.0
Петропавловскъ . .	27.3	45.6

Иначе сказать, на Охотско-Камчатскомъ побережьѣ треть лѣта дождлива и половина его занята пасмурными днями, что является далеко неблагопріятнымъ обстоятельствомъ для мѣстныхъ способовъ приготовленія рыбныхъ запасовъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго лѣто на Охотско-Камчатскомъ побережьѣ должно быть признано сырымъ, хотя въ этомъ отношеніи уступаетъ климату Амурской области, судя по прекрасной характеристикѣ г. Грумъ-Гржимайло [1]).

Какъ глубоко оттаиваетъ лѣтомъ земля и на какомъ разстояніи отъ поверхности лежитъ слой вѣчно мерзлой земли, вопросъ остается открытымъ за полнымъ отсутствіемъ наблюденій. Изъ замѣтокъ своего путешествія мы можемъ указать, что даже на незначительныхъ возвышенностяхъ обледенѣлый снѣгъ держится до конца августа; такія снѣжныя поля, большею частію не на самомъ хребтѣ, а всегда по склону, въ верхней его части, мы встрѣчали часто около Аяна и на Камчатскомъ хребтѣ по пути изъ Еловки въ Сѣданку. Хотя высоты Камчатскихъ хребтовъ и не достигаютъ снѣговой линіи (5000 ф. по Эрману), тѣмъ не менѣе можно ожидать, что тамъ, гдѣ

[1]) Описаніе Амурской области. Спб. 1894 г., стр. 277—8.

хребты имѣютъ значительную ширину, напр. въ вершинахъ рр. Тигиль и Сѣданка, могутъ быть ледники; во всѣхъ же другихъ мѣстахъ подошва хребтовъ настолько узка, а склонъ слишкомъ крутъ, что здѣсь едва ли могли сохраниться глетчеры или хоть небольшіе остатки прежнихъ ледниковъ. Нѣкоторыя камчатскія сопки поднимаются гораздо выше снѣговой линіи; на вершинахъ Ключевской, Шевелючъ, Ичинской, Кроноцкой въ теченіи всего теплаго времени виднѣется снѣгъ. На юго-западной сторонѣ Ключевской сопки, по разсказамъ жителей, есть, громадныя массы льду, заполнившаго ущелье этой горы.

На Столбовой тундрѣ мерзлая земля встрѣчалась на глубинѣ (въ концѣ іюня 1897 г.) отъ 2 до 3 четв.; въ долинѣ р. Камчатки немного глубже 3 арш., на сухихъ мѣстахъ, а на Гижигинской тундрѣ начиная 5 четв. до 2 арш. углубленія.

Извѣстно, что вѣчная мерзлота зависитъ отъ средней годовой температуры слоевъ воздуха, какое бы ни было географическое положеніе мѣстности. На основаніи этого и принимая во вниманіе годовыя изотермы Камчатки и Охотско-Гижигинскаго края, мы должны допустить, что вѣчная мерзлота въ послѣднемъ районѣ должна имѣть болѣе широкое распространеніе и лежать ближе къ поверхности. Помимо этого необходимо обратить вниманіе на теплопроводность покрова земной почвы, состоящаго здѣсь главнымъ образомъ изъ моховыхъ зарослей и торфа, которые, какъ мы знаемъ, считаются худыми проводниками. Въ любомъ мѣстѣ здѣшней моховой тундры вы найдете близко къ поверхности естественные ледники, въ которыхъ жители сохраняютъ рыбу и мясо въ замороженномъ видѣ. Эта мерзлота подъ моховымъ покровомъ переживаетъ лѣто, не смотря на то, что стоятъ знойные дни и термометръ достигаетъ въ тѣни 25° С.

Первые заморозки появляются въ срединѣ августа, а иногда около 20 іюля; за исключеніемъ южной половины Камчатки [1]) періодъ снѣжнаго покрова длится семь мѣсяцевъ, а иногда и больше. Въ южной Камчаткѣ, наоборотъ, даже среди зимы и при большихъ морозахъ вы находите незамерзающія рѣки, ключи и цѣльныя площадки, съ талой землей, что обусловливается просачивающейся теплой водой, температура которой поддерживается химическими процессами

---

[1]) Steller, l. c., S. 36 и 52; Ditmar относительно Тигиля, Melanges phys. et chimiq. T. II, p. 509.—Журналъ минист. внутр. дѣлъ, 1853, стр. 234.—Миддендорфъ, l. c. стр. 474.

окисленія. Не разъ приходилось наблюдать, что уже въ концѣ февраля распускалась верба, когда кругомъ лежало сплошное снѣжное поле.

Есть еще одно обстоятельство, которое поддерживаетъ мерзлоту здѣшней почвы [1]), это—камчатскія сопки.

Мы видѣли, что сопки достигаютъ значительной высоты и что вершины ихъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ. Снѣжная линія, по Эрману, лежитъ на высотѣ 5,000 ф. Шевелюча; въ періодъ жаркихъ дней на всѣхъ сопкахъ—Коряцкая, Вилючинская, Ключевская и др., вы видите снѣжныя полосы то увеличивающіяся, то значительно сокращающіяся, но никогда не исчезающія. Съ вершины Ключевской сопки массы снѣгу и льду спускаются и заполняютъ ущелья; такой же вѣчный ледъ или ледники, по словамъ жителей, находятся на вершинахъ Бѣлаго хребта и Ичинской сопки.

При описаніи климатическихъ условій Охотско-Камчатскаго края мы такъ часто упоминали о вліяніи морей, а съ другой стороны эти моря—Берингово и Охотское играютъ такую важную роль въ экономической жизни здѣшнихъ жителей, что намъ необходимо ближе познакомиться съ ихъ физическими и гидрографическими свойствами и особенностями.

Въ борьбѣ съ суровою природой море является такимъ же благодѣтельнымъ защитникомъ человѣка отъ рѣзкихъ колебаній температуры, какъ и его щедрымъ кормильцемъ при скудости сельскохозяйственныхъ растеній суши.

Для того, чтобы выяснить роль прилегающихъ морей въ жизни инородцевъ необходимо прежде всего ознакомиться съ ихъ физической географіей.

Сѣверная часть Тихаго океана, лежащая на сѣверѣ между двумя, сходящимися мысами Сѣверной Америки и Восточной Азіи, а съ юга ограниченная дугой Алеутскихъ и Командорскихъ островов, названа Беринговымъ моремъ въ честь великаго труженика моря— В. Беринга, умершаго отъ цынги на одномъ изъ послѣднихъ острововъ въ 1741 г. Это море, прежде называвшееся также Бобровымъ, впервые было открыто и отчасти описано русскими мореплавателями.

Находясь между двумя океанами совершенно разнаго характера, Берингово море подвержено вліяніямъ двухъ противоположныхъ те-

---

[1]) О мерзлотѣ по Охотско-Якутскому тракту, см. Эрманъ, Archiv, 1858, XV, S. 622; Миддендорфъ—по Удскому тракту, l. c., отд. 3, стр. 471.

ченій: холодный потокъ Ледовитаго океана, протекая чрезъ узкій и неглубокій Беринговъ проливъ, направляется къ югу, отклоняясь, вслѣдствіе закона Бэра, къ западу, т. е. проходя вблизи Азіатскаго материка. Извѣстно, что въ Тихомъ океанѣ и его южныхъ частяхъ существуетъ теплое теченіе, зарождающееся около Филиппинскихъ острововъ и поднимающееся далеко на сѣверъ. Проходя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Курильской гряды, оно, отдѣляя вѣтвь къ восточному берегу Камчатки, направляется южнѣе Алеутской гряды къ Америкѣ. Таково схематическое представленіе о постоянныхъ теченіяхъ Берингова моря, впервые высказанное гидрографомъ экспедиціи Перри, лейтенантомъ Бентомъ.

Такъ какъ морскія теченія обусловливаются рельефомъ морского дна, удѣльнымъ вѣсомъ и температурой воды, то для пониманія означеннаго явленія мы предварительно разсмотримъ эти главные факторы.

Вся площадь Берингова моря отъ узкаго пролива изъ Ледовитаго океана до южной окраины Алеутскихъ и Командорскихъ острововъ представляетъ мелкую котловину, которая южнѣе Алеутскихъ и Командорскихъ острововъ быстро достигаетъ значительной глубины.

Второй факторъ морскихъ теченій—удѣльный вѣсъ воды въ сѣверной части Тихаго океана распредѣляется такимъ образомъ. Въ широтахъ между 20° и 30° лежитъ продолговатый на пространствѣ 65° долготы бассейнъ морской воды съ наибольшимъ удѣльнымъ вѣсомъ 1,0270; затѣмъ по направленію къ сѣверу этотъ удѣльный вѣсъ правильно и постепенно понижается до 45° с. ш., гдѣ, какъ это видно изъ изслѣдованій и картъ адмирала Макарова [1]), онъ держится на 1,0255. Дальше на южной границѣ Берингова моря распредѣленіе солености морской воды, или ея удѣльнаго вѣса, не представляетъ уже такой правильности. Изъ изслѣдованій проф. Ленца, прошедшаго здѣсь въ 1824 г. (21 іюля—7 авг.) на «Предпріятіи» видно, что удѣльный вѣсъ колебался между 1,0246 и 1,0252, причемъ, между Беринговымъ моремъ и Камчаткой онъ постепенно убывалъ до 1,0246, а къ востоку проходила узкая полоса болѣе плотной воды 1,0254. Это и есть вѣтвь теплаго теченія Куро-сиво, которое заходитъ въ Берингово море. Насколько далеко это теплое теченіе поднимается къ сѣверу, конечно, постепенно охлаждаясь, трудно рѣшить, но изъ наблюденій «Веги», въ 1879 г., мы знаемъ, что въ Берин-

---

[1]) L. c. стр. 270.

говомъ проливѣ она нашла соленость 1,0233 — 1,0237, а на траверзѣ Олюторскаго мыса (60° с. ш.), встрѣтила уже значительно болѣе тяжелую воду 1,0252.

Такимъ образомъ оказывается, что вдоль всего восточнаго берега Камчатки лежитъ слой воды съ удѣльнымъ вѣсомъ въ 1,0250, который проходитъ и у Курильскихъ островов почти до Сангарскаго пролива, тогда какъ вся средина Берингова моря имѣетъ немного большій вѣсъ (1,0255), зависящій отъ теченія Куро-сиво.

Нужно прибавить, что Камчатское теченіе вѣроятно настолько поверхностно, что легко смѣщается въ сторону подъ вліяніемъ сильныхъ и продолжительныхъ вѣтровъ, какъ это бываетъ здѣсь въ теченіи пяти теплыхъ мѣсяцевъ.

Что касается до характера этого теченія, то, по даннымъ разныхъ наблюдателей, вначалѣ оно имѣетъ среднюю скорость 18 итальянскихъ миль въ сутки; противъ Петропавловска, при противныхъ С. В. и В. С. В. вѣтрахъ замѣчена скорость отъ 7 до 10 ит. миль, а въ Беринговомъ проливѣ Коцебу наблюдалъ скорость $1^1/_2$— 2 мили въ часъ. Въ среднемъ принимаютъ скорость Камчатскаго теченія около 8 миль въ сутки. Относительно ширины этого теченія въ «China sea Directory» мы находимъ слѣдующее указаніе: ширина струи до параллели 51° с. ш. опредѣляется около 200 ит. миль. Сѣвернѣе этого пункта, т. е. южной оконечности Лопатки, за недостаткомъ наблюденій, трудно прослѣдить его путь и ширину.

Прознакомимся теперь съ температурой воды какъ на поверхности, такъ и на глубинѣ въ Беринговомъ морѣ, имѣя въ виду, что термическія условія моря, помимо вліянія его на климатъ, обусловливаютъ время хода здѣшнихъ промысловыхъ рыбъ.

Температура морей, какъ извѣстно, служитъ главнымъ двигателемъ органической жизни и ея разнообразія, такъ какъ морскія животныя, подобно сухопутнымъ растеніямъ, для своихъ физіологическихъ отправленій требуютъ определенной суммы тепла. Мало того, нѣкоторыя формы морскихъ животныхъ служатъ прекрасными термометрами,— индикаторомъ теченія или бассейна всегда съ опредѣленной температурой.

Изотермы, выведенныя адмираломъ Макаровымъ изъ сравнительно небольшого числа наблюденій надъ поверхностною температурою моря, показываютъ, что распредѣленіе ея съ юга на сѣверъ для августа мѣсяца довольно равномѣрно, съ постепеннымъ пониженіемъ къ Берингову проливу; южную границу Берингова моря сопровождаетъ

августовская изотерма 10°, оставляя небольшой треугольникъ близь береговъ Камчатки, гдѣ температура на 1—2° выше. Такъ противъ Петропавловска температура моря около 11°, подъ 60° с. ш. идетъ, немного оклоняясь къ Ю. В., изотерма 9°, у мыса Ѳаддѣя и о. Св. Лаврентія +8°. Выше этого мѣста подобная правильность постепеннаго пониженія температуры къ сѣверу сильно нарушается встрѣчей двухъ противоположныхъ и различныхъ теченій, въ узкомъ пространствѣ Берингова пролива. Здѣсь изотермы располагаются кривыми, обхватывающими мысы Стараго и Новаго Свѣта, причемъ Азіатскій берегъ огибаетъ изотерма 2°, а Американскій подобная же кривая 10°.

Совершенно тому же порядку и той же правильности подчиняется въ общемъ температура на глубинахъ. Такъ на картѣ (V bis) изотермъ Макарова, на глубинѣ 400 метровъ, видно, что область высокой температуры отъ 13° до 16° находится между 20° и 30° с. ш. въ самой западной части Тихаго океана, на югъ отъ Японскихъ острововъ. Затѣмъ линіи изотермъ отъ Японіи волнообразно направляются къ Америкѣ, касаясь на сѣверѣ Алеутской гряды съ t° 4°. Только на мѣстѣ вышеупомянутаго Камчатскаго треугольника съ поверхностной температурой 11° дугообразно вдаются линіи холодныхъ изотермъ отъ 1° до 3°, находящіяся видимо въ зависимости отъ истока холодной воды Охотскаго моря. Дальше къ сѣверу эти изотермы не могли быть продолжены за неимѣніемъ подобной глубины; но изъ нѣкоторыхъ измѣреній можно заключить, что въ Беринговомъ морѣ вдоль Камчатскаго берега слой холодной воды гораздо толще, а по мѣрѣ удаленія отъ берега умѣньшается. Такъ, въ то время, когда на поверхности вода имѣла температуру 8—9°, на глубинѣ 50 метр. она ниже нуля (—0,1° до—0,5°); на глубинѣ 100 метр.—0,7°, а на 200 метр. снова поднялась до 0°. Ниже этого до самаго дна температура возрастала, имѣя напр. на глубинѣ 400 метр. +3,5°. Если мы на соотвѣтствующихъ глубинахъ отъ восточнаго берега Камчатки до о. Беринга будемъ слѣдить за температурой, то получится слѣдующая сравнительная картина (по Макарову):

	Шипунскій м.	Средина разстоянія.	Командорскіе о-ва.
Поверхностная t°	8,9° до 9,2°	9,9° до 10° .	9,1°
25 метровъ .	2,5° до 0,6°	2,0°	7,1°
50 » .	—0,1° до—0,6	0,9°	4,3°

	Шипунскій м.	Средина разстоянія.	Командорскіе о-ва.
100 »	. —0,7	0,4°	2,0°
200 »	. 0,0	3,7°	3,9°
400 »	. +3,5°	3,7°	—

Если съ этими данными температуры сопоставить распредѣленіе удѣльнаго вѣса, то оказывается, что у Камчатскаго берега удѣльно болѣе легкая вода представляетъ болѣе толстый слой, чѣмъ у о. Беринга и что линія уд. вѣса 1,0257 съ 350 метра у Шипунскаго мыса поднимается у послѣдняго острова до 150 м. Подобное же прилеганіе къ Камчатскому берегу болѣе легкой воды наблюдается по 60° 62° с. ш., что указываетъ на струю воды, направляющейся изъ Ледовитаго океана.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію температуры и теченій въ Охотскомъ морѣ.

По своему положенію, Охотское море представляетъ внутренній бассейнъ, дугообразно закрытый материкомъ и только въ одной четверти этой дуги идетъ сплошная цѣпь гористыхъ Курильскихъ острововъ. Ширина проливовъ, въ общемъ, не велика и варьируетъ между нѣсколькими стами саженей и десятками верстъ.

Для ознакомленія съ рельефомъ и орографіей дна Охотскаго моря мы имѣемъ чрезвычайно мало наблюденій, что, конечно, не позволяетъ намъ нарисовать общей картины. Средина Охотскаго моря, за исключеніемъ 10—15 отдѣльныхъ глубинъ, остается совершенно невѣдомой. Эти глубины, нанесенныя на карты въ атласахъ Сарычева, Крузенштерна, Тебенькова и Кашеварова (позднѣйшій 1846—1852 гг.), показываютъ, что уже вблизи самаго берега онѣ весьма значительны: 20—30 саж. и затѣмъ, по мѣрѣ удаленія отъ берега, возрастаютъ. Сопоставляя всѣ глубинные промѣры, можно предположить, что на западъ отъ о. Іоны лежитъ впадина вдоль западнаго берега, съ глубиной не свыше 200 саж., идущая къ Ю. З. и потомъ южнѣе означеннаго острова. Она ограждена повидимому отъ второй, болѣе глубокой впадины въ 350—380 саж., которая занимаетъ восточную половину Охотскаго моря.

Сѣверный предѣлъ ея съ 190 с. глубины лежитъ на 58° параллели, а въ южной ея части Онацевичъ[1]) нашелъ глубину 378 и 382 саж. (53° 43′, 53° 48′ с. ш. и 151° 58′, 152° в. д.).

[1]) L. c. стр. 39.

Разбирая вопросъ о характерѣ морского дна въ районѣ большой глубины въ 350 с., почти рядомъ съ 80 саженями, Старицкій высказываетъ предположеніе о существованіи въ Охотскомъ морѣ двухъ банокъ, раздѣленныхъ между собою глубокимъ каналомъ.

Со стороны Тихаго океана, т. е. по западную сторону Курильскихъ островов мы не имѣемъ измѣреній и даже не знаемъ глубины Курильскихъ проливовъ, которыми сотни, если не тысячи разъ проходили наши военныя и коммерческія суда. На востокъ отъ этихъ островов сейчасъ лежитъ глубокая бездна—самая большая глубина всего Тихаго океана

Обиліе выпадающихъ осадковъ и притокъ прѣсной воды рѣкъ отражается на удѣльномъ вѣсѣ воды Охотскаго моря. Дѣйствительно, разсматривая карту (VI, см. Макаровъ) поверхностнаго удѣльнаго вѣса, мы замѣчаемъ, что вся средина этого моря имѣетъ удѣльный вѣсъ отъ 1,0245 до 1,0250, тогда какъ вдоль юго-западнаго угла лежитъ узкая полоса менѣе соленой воды (1,0240), а отъ Шантарскихъ островов, чрезъ Амурскій лиманъ и вблизи восточной стороны Сахалина тянется кайма еще болѣе легкой, а слѣдовательно разбавленной морской воды (1,0230). Здѣсь сказывается главнымъ образомъ таяніе льдовъ и приливъ изъ Амурскаго лимана, какъ это можно судить по наблюденію напр. Крузенштерна, нашедшаго у сѣверной оконечности Сахалина соленость въ 1,0130.

Посмотримъ теперь, какъ мѣняется удѣльный вѣсъ на глубинахъ Охотскаго моря? Изъ изслѣдованій Макарова на переходѣ изъ четвертаго Курильскаго пролива почти прямо на западъ къ Сахалину, оказывается, что выбранныя имъ четыре станціи наблюденій расположены такимъ образомъ, что первая находится у пролива, съ Охотской стороны, вторая на полпути разстоянія, а послѣднія двѣ вблизи острова; удѣльный вѣсъ измѣнялся слѣдующимъ образомъ:

	1-я $\frac{49^\circ 53' \text{ с.ш.}}{155^\circ 11' \text{ в.д.}}$	2-я $\frac{50^\circ 07' \text{ с.ш.}}{149^\circ 40, \text{ в.д.}}$	3-я $\frac{49^\circ 40' \text{ с.ш.}}{147^\circ 06' \text{ в.д.}}$	4-я $\frac{49^\circ 28' \text{ с.ш.}}{145^\circ 40' \text{ в.д.}}$
На поверхности .	1,0251	1,0245	1,0245	1,0242
На 100 метр. . . .	1,0254	1,0253	1,0253	1,0253
300 м.	1,02551	1,02552	1,02558	1,02549

Спрашивается теперь, куда долженъ направиться дальше этотъ глубинный потокъ тяжелаго удѣльнаго вѣса? Вдоль Сахалина къ сѣверу онъ не можетъ подниматься для возмѣщенія образующейся тамъ убыли вслѣдствіе отлива болѣе легкой воды, такъ какъ на

пути его лежатъ небольшія глубины 150—200 м., которыя тянутся гораздо сѣвернѣе оконечности острова. Очевидно, что потокъ направляется по той глубокой долинѣ, къ сѣверу, которая, нужно предполагать, по имѣющимся глубинамъ, съ запада ограничена 146 меридіаномъ, на сѣверо-востокѣ упирается у входа въ Пенжинскую губу, гдѣ также найдены глубины 260 и 430 м., а съ восточной стороны, т. е. у западнаго берега Камчатки, также имѣетъ преграду въ небольшихъ глубинахъ и банкахъ, простирающихся отъ устья р. Явиной въ сѣверо-западномъ направленіи [1]). Вотъ въ этомъ то движеніи тяжелаго удѣльнаго вѣса воды въ сторону наименьшей ея плотности, направляемомъ подводными возвышенностями, мы, кажется, находимъ объясненіе тому загадочному вопросу, почему изъ Гижигинской губы образуется теченіе, направляющееся къ Охотску и Аяну.

На существованіе этого теченія впервые указалъ Эрманъ [2]) въ 1829 г. во время плаванія изъ Охотска въ Тигиль; то же самое приходилось наблюдать намъ во время переѣзда изъ Охотска въ Гижигу въ зиму 1896—1897 гг.: масса льдинъ около берега постоянно двигалась на западъ. Пройдя къ западу 150° меридіанъ и Тауйскій полуостровъ, мы этихъ льдинъ уже не встрѣчали: море представлялось въ концѣ ноября совершенно открытымъ и только около берега изрѣдка попадались отдѣльные куски льду.

Сопоставляя все вышеизложенное, мы приходимъ къ тому неизбѣжному заключенію, что въ Охотскомъ морѣ существуетъ одно круговращательное теченіе, зараждающееся подъ напоромъ тяжелой и теплой воды Тихаго океана чрезъ Курильскіе проливы и идущее къ Пенжинскому и Гижигинскому заливамъ. Здѣсь оно вытѣсняетъ холодную, но удѣльно болѣе легкую воду, стекающую въ сѣверо-западномъ направленіи двумя полосами: мимо о. Іоны и вдоль западнаго берега, гдѣ мы ясно наблюдали его въ теченіи лѣта 1896 г. Отъ Шантарскихъ островов это теченіе поворачиваетъ къ востоку, частію уходя чрезъ Амурскій лиманъ въ нижнихъ слояхъ, а главнымъ образомъ вдоль восточнаго Сахалина, какъ показано на картѣ.

Въ связи съ такимъ распредѣленіемъ температуры моря и его теченій находится образованіе и болѣе или менѣе продолжительное

---

[1]) Объ этихъ банкахъ, еще неописанныхъ, будетъ сказано особо въ отдѣлѣ о промыслѣ трески. Онѣ нанесены на нашей картѣ.

[2]) L. c. III, стр. 120—130.

плаваніе льдинъ. Конечно, ранніе морозы и первыя льдины появляются прежде всего въ высшихъ широтахъ. Первые морозы, а нерѣдко и снѣгъ на берегу Анадырскаго лимана бываютъ уже между 5 и 10 авг.; въ 1892 г. на Берингѣ не успѣлъ прошлогодній снѣгъ окончательно стаять къ 23 авг., какъ 24 уже была новая снѣжная мятель; первый снѣгъ идетъ въ Гижигѣ и Охотскѣ 5 окт., въ Аянѣ— 21 окт. Такимъ образомъ какъ въ Беринговомъ, такъ и Охотскомъ морѣ первыя льдины плывутъ съ сѣвера, несомыя теченіемъ, но ни то, ни другое море не замерзаетъ. Ледъ если и появляется сплошными массами или широкой полосой, то онъ держится около берега, въ бухтахъ, заливахъ и между мелкими островами, въ зависимости отъ вѣтровъ и теченія.

Немалую роль въ задерживаніи здѣсь льдовъ играютъ очертанія береговъ съ глубоко вдающимися въ материкъ заливами и господствующіе лѣтомъ вѣтры С.-В. В. и Ю.-В.

Въ теченіи двухъ зимъ (1896—1898 гг.) во время поѣздокъ по берегамъ Охотскаго моря наблюденія надъ льдами дали намъ слѣдующія указанія: съ 8 окт. по 25 ноября все побережье отъ Аяна до бухты Шилки совершенно свободно отъ льда до конца видимаго горизонта; лишь изрѣдка попадались мелкія льдины. Но на солончаковой низинѣ около́ сел. Инского (25 нояря 1896 г.) мы встрѣтили громадныя пластины льду толщиною около 1 арш., которыя, по словамъ жителей, были выброшены на берегъ волнами сильнаго шторма въ концѣ октября.

На разстояніи отъ Шилканскаго хребта до Тауйска (около 300 в.) наблюденія надъ ледянымъ покровомъ не могли быть произведены, такъ какъ проѣздная дорога идетъ по долинѣ р. Кавы, закрытой со стороны моря хребтомъ. Амахтонскій заливъ, противъ устья рр. Кавы и Яны, былъ больше наполненъ плавучими льдами, хотя у берега не было припаянной полосы въ началѣ декабря (2—8); къ востоку виднѣлись Ольскіе острова со множествомъ кекуръ, которыя трудно было отличить отъ приподнятыхъ рефракціей ледяныхъ глыбъ.

16 декабря съ высокаго утеса бухты Оджакъ все видимое пространство Тауйской губы было свободно отъ льда. 23—26 декабря Ямская бухта была занята разбитымъ, но довольно густымъ льдомъ, двигавшимся въ Охотскую сторону; далѣе лежала полоса длиною около 1 в. совершенно открытаго моря, а за ней сплошной ледъ тянулся, пока хваталъ глазъ. Дальше къ С.-В. вся прибрежная часть моря была занята ледянымъ покровомъ изъ спаянныхъ массивныхъ глыбъ.

Гижигинская губа въ своемъ сѣверномъ углу замерзаетъ, тогда какъ Пенжинская губа покрывается льдомъ только вдоль берега, да и то узкой полосой—въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сильные приливы (до 35 ф.) и отливы не выносятъ толстыхъ льдинъ. Приливное теченіе въ устьяхъ рр. Пенжины и Таловки (21 февр.) настолько сильно, что громадныя глыбы до 2 арш. толщины со страшнымъ шумомъ и особымъ трескомъ разбиваются у берега, превращаясь въ ледяную кашу. Здѣсь ѣзда по морскому берегу совершенно невозможна, такъ какъ ледъ никогда не стоитъ, а изъ сел. Мамечи, (24 февр.) при ясномъ небѣ и совершенномъ штилѣ, передъ нами разстилалась открытая, зеркальная поверхность Пенжинской губы, чрезъ которую на западѣ ясно видны Тайгоносскія горы. Среди залива, какъ бы вися въ воздухѣ и играя яркими цвѣтами преломляющихся солнечныхъ лучей, стояли высокія льдины; ихъ было такъ мало, что не хотѣлось вѣрить, чтобы въ этомъ пунктѣ охотскаго холода море никогда не замерзало.

По мѣрѣ нашего передвиженія на югъ вдоль берега, ледъ крѣпнулъ и площадь его возростала: у Лѣсновскаго селенія (15 марта) онъ тянулся уже широкой полосой, а въ Тигилѣ 20—26 марта 1897 г. занималъ весь видимый горизонтъ; отсюда же начиналъ снова убывать и отъ сел. Морошечнаго попадался только прибрежный ледъ: въ мартѣ мѣсяцѣ здѣсь наблюдаешь только разбитыя льдины.

Входъ въ Авачинскую губу, какъ и сама губа открыты круглый годъ; ея маленькая Петропавловская бухточка вскрывается около 30 апрѣля, а замерзаетъ крѣпко только въ концѣ декабря, хотя легкая ледяная пленка появляется уже 15 ноября.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ открывается судоходство въ Охотскомъ морѣ, и первыми являются американскіе китобои въ Пенжинскую губу, имѣя свои якорныя стоянки у сел. Итканы, на восточномъ берегу Тайгоносскаго полуострова, и на Камчаткѣ, въ Мамечинской бухтѣ, гдѣ они находятъ закрытіе отъ сильныхъ вѣтровъ.

По мѣрѣ наступленія весенней погоды и вскрытія рѣкъ прибрежный ледъ отгоняетъ отъ берега, а затѣмъ существующее теченіе постепенно уноситъ его въ сторону Охотска и Аяна, гдѣ около берега онъ появляется сплошными массами и задерживается до 15 іюня. Охотскій рейдъ дѣлается доступнымъ раньше Аянскаго, потому что въ началѣ марта въ первомъ порту море уже вскры-

вается, тогда какъ въ Аянѣ въ это время господствуютъ сильныя пурги, и бухта очищается отъ льда только въ первой трети іюня.

Вся масса прибрежнаго льду, накопившагося за зиму, уносится сѣверозападнымъ теченіемъ и задерживается круговоротомъ около Шантарскихъ островов. Иногда-же сѣверные и сѣверо-западные вѣтры отгоняютъ ледъ отъ западного берега на средину моря, и тогда онъ уносится въ Курильскіе и Лаперузовъ проливы.

Теперь, когда мы разсмотрѣли теченія, температуру и удѣльный вѣсъ воды въ Беринговомъ и Охотскомъ моряхъ, намъ станетъ яснымъ и совершенно понятнымъ ихъ вліяніе на климатъ прибрежнаго пространства. Незамерзающія моря какъ лѣтомъ, такъ и зимой умѣряютъ крайности стужи и жары, дѣлая климатъ болѣе мягкимъ и ровнымъ. Разсмотрѣніе влажности и атмосферныхъ осадковъ, зарождающихся на поверхности моря, показало намъ, что и въ этомъ отношеніи климатъ не оказываетъ рѣзкаго, неблагопріятнаго вліянія, за исключеніемъ развѣ Шантарскихъ островов, этого царства сырого холода и непривлядныхъ тумановъ: даже въ тихіе и жаркіе іюльскіе дни эти острова представились намъ (1896 г.) окутанными туманной пеленой. не поднимавшейся выше Шантарскихъ горъ.

Относительно вліянія холодныхъ теченій и долгаго стоянія льда на климатъ прилегающей мѣстности, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, но нельзя такъ далеко заходить, какъ это дѣлаетъ Шренкъ [1]). Вдоль всего западнаго берега Камчатки, до мыса Лопатки, пишетъ онъ, «тянется полоса земли съ такимъ полярнымъ характеромъ природы, какого нѣтъ въ одинаковыхъ широтахъ ни внутри этого полуострова, ни на восточномъ его берегу. Полоса эта имѣетъ, въ самомъ дѣлѣ, столь-же полярный видъ, какъ и берега Гижигинскаго и Пенжинскаго заливовъ или побережье Ледовитаго океана».

Печальный и монотонный видъ тундры западнаго побережья зависитъ отъ геологическаго строенія, но не отъ морозовъ зимы и холоднаго лѣта; здѣсь нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ колебаній температуры, какъ въ Гижигинскомъ округѣ, и зимой термометръ никогда надолго не опускается такъ низко, какъ тамъ; лѣтніе же мѣсяцы гораздо теплѣй. Ледъ въ рѣкахъ начинаетъ ломать по западному побережью уже во второй половинѣ марта, тогда какъ въ Гижигинскомъ округѣ прекрасная дорога по насту существуетъ еще въ апрѣлѣ. Полярность Камчатской тундры Шренкъ доказываетъ существованіемъ песцовъ; мы

[1]) L. c. стр. 56.

бы могли указать на зимовку лебедей и утокъ по незамерзающимъ рѣкамъ западной Камчатки, что уже совершенно противорѣчитъ означенному представленію о полярности климата.

Гораздо больше значенія имѣютъ здѣшніе туманы, которые доводятъ моряковъ до отчаянія. При проходѣ, напримѣръ, Курильскими проливами судно часто бываетъ вынуждено тратить цѣлыя недѣли на безполезное шатанье взадъ и впередъ, пока перемѣнившійся вѣтеръ не откроетъ контуровъ острова или чаще его вершины. Лаперузъ жаловался на глубокій и почти вѣчный мракъ, разстилающійся надъ Сѣверно-Японскимъ моремъ, пока не познакомился съ подобною же прелестью въ Курильскихъ проливахъ. Подобные туманы въ извѣстное время закрываютъ входъ въ Авачинскую губу, застилаютъ берега у Тигиля и совершенно до непроницаемости окутываютъ Шантарскіе острова.

Описанные туманы господствуютъ только въ опредѣленное время въ разныхъ мѣстахъ, оставляя свѣтлые и ясные промежутки, и съ окончательнымъ таяніемъ льдинъ прекращаются или теряютъ правильность своего распространенія, поэтому не могутъ служить большой помѣхой для мореплаванія въ этихъ мѣстахъ.

Рис. 9. Борьба за существованіе: издѣлія коряковъ изъ моржеваго клыка.

ГЛАВА V.

Флора.

Разсматриваемыя мѣстности, т. е. побережье Охотскаго моря, восточные склоны Станового (Алданскаго) хребта и полуостровъ Камчатка — по характеру растительности отнесены ботаниками къ такъ называемой лѣсной области стараго материка [1]).

Дѣйствительно, присутствіе хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ, а также громадное развитіе споровыхъ растеній—даютъ полное основаніе отнести эти мѣстности къ лѣсной области.

Но въ силу мѣстныхъ физико-географическихъ причинъ, растительность ихъ представляетъ, однако, нѣкоторыя особенности, а потому и выдѣляется ботаниками въ особые округа: Приохотскій и Камчатскій [2]). Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе этихъ особенностей, укажемъ только на главныя.

Лѣсная область Сибири характеризуется господствомъ хвойныхъ, которыми почти повсюду являются: лиственница (Larix sibirica Ldb.), кедръ (Pinus cembra L.), ель (Picea obovata Ldb.), сосна (Pinus silvestris L.) и пихта (Abies sibirica Ldb.). Но здѣсь эти виды уже не играютъ такой роли: — одни изъ нихъ развиты слабо, а нѣкоторые и совсѣмъ не встрѣчаются.

Уже на перевалѣ черезъ Становой (Джугджуръ) хребетъ подъ 60° с. ш. приходится разстаться съ кедромъ, причемъ ясно замѣчается измѣненіе и въ характерѣ лѣсовъ. Густые смѣшанные хвой-

[1]) Гризебахъ, Бекетовъ, Друде, Ледебуръ. При послѣднемъ Приамурская область и Сахалинъ еще не были русскими.

[2]) Бекетовъ. «Географія растеній». Спб. 1896, стр. 166.

ные лѣса—смѣняются однообразными еловыми и притомъ не обыкновенной сибирской елью, а новой — аянской (Picea ajanensis Fisch.). И чѣмъ ближе двигаться къ морю и далѣе на востокъ, тѣмъ все болѣе рѣдѣютъ эти лѣса, а на ихъ мѣсто выступаютъ лиственныя породы, которыя также характерны только для этихъ округовъ лѣсной области, а именно—береза (Betula Ermani Cham.), тополь (Populus suaveolens Fisch.), ольха (Alnus incana Willd. и Alnaster fruticosus Ldb. Эти породы начинаютъ играть уже болѣе видную роль, нежели еловые лѣса, особенно на самомъ побережьѣ и въ сѣверной части этихъ округовъ, гдѣ хвойные лѣса вообще рѣдѣютъ, а нѣкоторые виды совершенно отсутствуютъ.

Еще въ долинѣ р. Уды и на сосѣднихъ склонахъ мы встрѣчаемъ четыре вида хвойныхъ, гдѣ лиственница составляетъ $^5/_{10}$, ель $^3/_{10}$, сосна $^1/_{10}$ всего насажденія, причемъ послѣдняя не доходитъ до морского берега верстъ на 50—70, а сѣвернѣе этой рѣки вовсе не встрѣчается, какъ постоянная составная часть лѣсной растительности. Здѣсь мы разстаемся съ этой хвойной породой,—и только спорадическими случаями, въ видѣ небольшихъ оазисовъ — песчаныхъ и закрытыхъ хребтами сухихъ площадокъ; такихъ сосновыхъ оазисовъ между р. Удой и Аяномъ находится три, изъ которыхъ послѣдній на правомъ берегу р. Теймей, лѣваго притока Лантара. Дальше въ Охотскомъ, Гижигинскомъ и Петропавловскомъ округахъ сосны совсѣмъ нѣтъ. Сплошныя и довольно густыя заросли лѣса съ лѣваго берега Уды состоятъ изъ лиственницы $^4/_{10}$, ели $^2/_{10}$ по склонамъ горъ, и $^4/_{10}$ лиственныхъ породъ на распадкахъ и въ долинахъ рѣкъ; причемъ ель по мѣрѣ приближенія къ Охотску начинаетъ убывать, а съ р. Улья совсѣмъ удаляется отъ морского берега къ Становому хребту, по западной сторонѣ котораго она снова пріобрѣтаетъ господствующее значеніе. Обширная долина рѣкъ Охоты и Кухтуя въ нижней трети занята рѣдкимъ насажденіемъ лиственнаго лѣса: ольхи, тополи, березы, ёрника и пр., и только въ 50 — 80 в. отъ моря встрѣчается крупная (8—12 вершковъ діаметра въ срубѣ) лиственница, служившая главнымъ образомъ для постройки охотскихъ судовъ въ прежнее время.

Къ востоку отъ Оймеконскаго плоскогорья, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ Колымскій хребетъ, являющійся продолженіемъ Становаго, совершенно мѣняетъ свой характеръ, лѣсная растительность не имѣетъ вида прежней, Аянско-Удской тайги, а представляетъ рѣдкія и несплошныя насажденія, въ которыхъ лиственница занимаетъ $^5/_{10}$, а

остальная половина приходится на чернолѣсье; здѣсь даже кедровый сланецъ не всегдашній, но пріятный спутникъ путешественника, ибо въ ненастную погоду доставляетъ незамѣнимое, хорошее топливо для костра. Обширныя тундры, возвышенности, пологія покатости боковыхъ отроговъ Колымскаго хребта въ общемъ бѣдны растительностью, которая нѣсколько больше и гуще на сѣверной сторонѣ Морского хребта, идущаго отъ Шилкапскаго перевала и до Ямской губы.

На меридіанѣ Ямскаго селенія и верховьевъ рѣки Ямы, какъ въ орографическомъ, такъ и въ флористическомъ отношеніяхъ наступаетъ весьма замѣтная перемѣна: Колымскій хребетъ, какъ мы говорили въ главѣ II, изъ широко-пологаго становится крутымъ, съ острымъ гребнемъ, безъ всякой растительности, и довольно близко подходитъ къ береговой линіи, образуя узкую въ 40—60 в. почти безлѣсную полосу мокрой тундры. Около Ямска въ послѣдній разъ попадается ель въ видѣ чахлыхъ прорастаній на довольно ограниченномъ пространствѣ; лиственница (Larix dahurica Turcz.) рѣдѣетъ, а въ гористыхъ окрестностяхъ Гижигинской и Пенжинской губъ появляются незначительные ея островки; причемъ р. Гижига и ея окрестности лишены даже каменной березы, — единственнаго матеріала для постройки нартъ.

Такимъ образомъ изъ хвойныхъ представителей лѣсной области Сибири до побережья Охотскаго моря доходятъ у р. Уды пять видовъ, у Аяна—четыре, и Охотска — три; по сѣверному берегу его встрѣчаются только два вида, а вся западная половина Камчатки, или восточное побережье Охотскаго моря вовсе лишено хвойныхъ породъ, за исключеніемъ кой-гдѣ кедроваго сланца, да 5 — 10 экземпляровъ лиственницы въ верховьяхъ р. Харьюзовской. Иначе сказать, что, начиная съ р. Улья, лиственница не играетъ главной роли въ составленіи лѣсного ландшафта; она уступаетъ здѣсь господство тополю, березѣ, ольхѣ и осинѣ.

И только въ центральной, защищенной горами, долинѣ Камчатки снова встрѣчаются хвойные лѣса (Larix dahurica Turcz. и Abies sibirica Ldb.). Но хотя они достигаютъ здѣсь довольно богатаго развитія, тѣмъ не менѣе, въ составѣ лѣсовъ не играютъ такой роли, какъ въ Сибири, а на открытыхъ мѣстахъ и на горахъ уже совершенно теряются среди тополей, ольхъ, березъ и осинъ.

Вотъ почему въ этихъ округахъ и лѣсную границу (какъ сѣвернаго, такъ и вертикальнаго распространенія) образуетъ не лиственница, сохранявшая за собой первенство во всей области, а ольха

Сел. Каменское: юрты осѣдлыхъ корякъ.

(Alnaster fruticosus Ldb., Alnus incana Willd.) и береза (Betula Ermani Cham.) [1]).

Такимъ образомъ сѣверное побережье Охотскаго моря и Камчатка уже не связаны господствомъ хвойныхъ съ лѣсной областью материка; ихъ лѣсная область выражена, главнымъ образомъ, лиственными породами—тополемъ, ольхой, березой и осиной; изъ хвойныхъ болѣе распространена одна только лиственница (Larix dahurica Turcz.).

Нѣсколько благопріятнѣе для хвойныхъ лѣсовъ оказалось только южное побережье Охотскаго моря, гдѣ между лѣсами юго-восточныхъ и сѣверо-западныхъ склоновъ Станового (Джугджура) хребта нѣтъ замѣтной разницы, хотя при внимательномъ изученіи ее легко подмѣтить. На побережьѣ и береговыхъ хребтахъ господствующими являются хотя и хвойныя, но уже мѣстныя—Larix dahurica Turcz. и Picea ajanensis Fisch. Встрѣчаются съ ними и сибирскіе виды (Picea obovata Ldb., Larix sibirica Ldb., Pinus silvestris L. и Abies sibirica Ldb.), но нигдѣ не образуютъ большихъ и сплошныхъ лѣсовъ. Перевалъ отъ оз. Орелъ на Альскій хребетъ покрываютъ рощи ели ($^5/_{10}$), господствующей также на горахъ залива Св. Николая и по отрогамъ, окружающихъ р. Уду; но къ нимъ скоро примѣшиваются и берутъ перевѣсъ лиственница ($^7/_{10}$), сосна ($^1/_{10}$) и береза ($^1/_{10}$), а затѣмъ съ исчезаніемъ ели превалируютъ лиственныя породы ($^8/_{10}$) и только небольшая часть принадлежитъ хвойнымъ.

Кедръ (Pinus cembra L.) совсѣмъ не заходитъ сюда, а предѣлъ лѣсовъ по горамъ составляетъ также, какъ и на сѣверныхъ берегахъ—почти всегда Alnaster fruticosus Ldb., Alnus incana Willd., Betula Ermani Cham. и осина.

Какъ на другую характерную особенность этихъ округовъ, можно указать на весьма значительное развитіе здѣсь моховыхъ и лишайниковыхъ тундръ.

Такое бѣдное (сравнительно) распространеніе хвойныхъ лѣсовъ и значительное развитіе тундръ объясняется, главнымъ образомъ, неблагопріятными климатическими и почвенными условіями. Близость

[1]) Восточная граница лѣсной области идетъ здѣсь почти параллельно берегу. Еще Гумбольдъ замѣтилъ, что здѣсь лѣсная граница не подчиняется направленію изотермъ и изотеръ, а — удаленности отъ моря. Миддендорфъ (Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, 653 стр.) подтверждаетъ это, объясняя неблагопріятнымъ вліяніемъ моря.

холоднаго Охотскаго моря оказалась особенно губительной для растительности и не столько черезъ пониженіе ея вегетаціоннаго періода, сколько своими вѣтрами, бурями и густыми холодными туманами, которые не прекращаются почти въ теченіи всего года. Это вліяніе должно было сказаться особенно губительно на растительности открытыхъ мѣстъ. Вотъ почему сѣверное побережье Охотскаго моря и берега Камчатки, какъ открытые вліянію вѣтровъ и моря, имѣютъ весьма бѣдную растительность: она не находила здѣсь достаточной защиты и не могла свободно развиваться. Это замѣтно сказалось на лѣсахъ, которые здѣсь отсутствуютъ, кромѣ нѣкоторыхъ уродливыхъ деревцовъ:—Betula Ermani Cham., B. nana L., Alnaster fruticosus Ldb. и «изгородной» формы лиственницы (Larix dahurica Turcz.). Тогда какъ юго-западное побережье и центральная долина Камчатки, благодаря защитѣ горъ, даютъ возможность существовать лѣсамъ и болѣе разнообразной растительности.

Что здѣсь доминирующее вліяніе остается за суровыми морскими бурями и сильными континентальными вѣтрами, видно изъ того, что на защищенныхъ мѣстахъ побережья можно найти довольно богатую растительность, тогда какъ на открытыхъ склонахъ и на значительномъ разстояніи отъ берега—она очень бѣдна.

Примѣромъ этого могутъ служить нѣкоторыя долины рѣкъ: рѣки Керанъ, Мута, Вилига и пр., которыя, по орографическому расположенію, открыты для сильныхъ вѣтровъ, совсѣмъ лишены лѣса, даже 4—6 вершковаго діаметра въ срубѣ, тогда какъ рр. Немёй, Кава, Наяхана и др. покрыты во многихъ мѣстахъ могучимъ лѣсомъ [1]); бушующіе порывы вѣтра скручиваютъ толстые стволы деревьевъ или обезображиваютъ обычную форму расположенія вѣтвей, какъ видно на нашей фототипіи (Табл. IV).

И мы едва-ли преувеличимъ, если скажемъ словами Миддендорфа (сказанными про сѣверъ Сибири), что и здѣсь—«защита отъ вѣтра вышиною въ нѣсколько саженъ, способствуетъ древесному росту болѣе, нежели 50—100 тысячъ саженъ меньшаго сѣвернаго положенія мѣстности».

Послѣ этихъ общихъ, далеко неполныхъ замѣчаній о характерѣ и условіяхъ существованія растительности—перейдемъ къ частному описанію. Въ немъ будемъ слѣдовать уже высказанному дѣленію

---

[1]) Образцы котораго нами доставлены въ Сельско-Хозяйственный музей.

разсматриваемыхъ мѣстностей на два растительныхъ округа—Приохотскій и Камчатскій [1]).

Приохотскій округъ.

Сюда отнесемъ растительность береговъ Охотскаго моря и восточныхъ склоновъ Станового хребта.

Прибрежная растительность имѣетъ не вездѣ одинаковый характеръ, такъ какъ берега Охотскаго моря представляютъ разнообразныя условія существованія.

То они возвышаются надъ водой высокими крутыми горами, какъ напр. ю-з. берега отъ р. Уды до р. Кёкры, съ отвѣсными гребнями и скалами, уступами, простирающимися далеко въ море; то тянутся широкими каменистыми розсыпями, которыя затопляются наполовину приливами и почти совсѣмъ лишены растительности; только одинокіе уродливые кустарники дерна, да солянки находять себѣ пріютъ на такихъ пустынныхъ мѣстахъ. То берега представляютъ однообразную унылую тундру, какъ напр. между Ямскомъ и р. Тополовкой. И каждая такая мѣстность несетъ своеобразную растительность, болѣе или менѣе отличную отъ другихъ. Притомъ характеръ ея обусловливается не большимъ сѣвернымъ или южнымъ положеніемъ,

---

[1]) Матеріаломъ для составленія ботаническаго описанія служили: Миддендорфъ. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. 1860 г. Ditmar. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in 1853—55 г. Крашенинниковъ. Описаніе земли Камчатки. 1739 г. Trautvetter und Meyer. Florula Ochotensis phaenogama (in Middendorff. Reise. Botanik. I. в.). Regel und Tiling. Florula ajanensis. Herder. Plantae Raddeanae monopetalae (Bull. d. l. Soc. d. nat. de Mosc. 1864 г.—1 р., 1865 г.—2 р., 1867 г.—1, 2 р., 1868 г.—3 р. 1870 г.—1, 2 р., 1878 г.—1 р.; Act. Hor. bot. Petrop. 1872 г.—1, 2 р.). Kittlitz. 24 Vegetationansicht von Kustenland und inseln des stillen Oceans (и текстъ). Regel, Bach und Herder. Verzeichniss der vom H. Paullowski und v. Stubendorf in der Jhar. 1857—58 zwischen Jakutzk und Ajan gesammelten Pflanzen. Radde. Reisen in den Süde von Ostsibirien. Botanishce abtheilung (bearbeit. von Regel) I und II B., 1862 г.). Ermann. Reise um die Erde. II и III в. Ruprecht. Revision der Umbelliferen aus Kamtschatka (Beitr. zur Pflanzenkunde des Russischen Reichen 1859 г. 11 lief.). Borszszow. Musci et Fungi Taimyrensis, Boganidensis et Ochotensis (Middendorff. Reise. botan. I в.). Майдель. Путешествіе по сѣв.-восточной части Якутской обл. въ 68—70 г. 2 т. Ledebour. Flora Rossica I—IV vol. Ruprecht. Tange des Ochotskischen meeres (Midd. Reise. Botan. 2 lief.) Богородскій. Гижигинскій округъ. Ж. М. В. Д. 1853 г. 2 т. Сарычевъ. Путешествія. 1 т.

а только степенью защиты отъ холодныхъ вѣтровъ и удаленностью отъ береговъ.

Наиболѣе богатую и разнообразную растительность имѣютъ юго-западные берега моря [1]). Это разнообразіе и богатство объясняются, главнымъ образомъ, ихъ гористымъ характеромъ, который даетъ возможность укрыться растительности отъ губительнаго вліянія вѣтровъ и сырости. Особенно это замѣтно на лѣсахъ. По всему побережью Охотскаго моря они появляются только тамъ, гдѣ берега представляютъ прикрытія въ видѣ прибрежныхъ скалъ, горъ и т. п., на открытыхъ же мѣстахъ подходятъ къ берегу не ближе 7—10 вер., за исключеніемъ развѣ уродливой «изгородной» лиственницы (Larix dahurica Turcz.), березы (Betula Ermani Cham., B. nana L.), ольхи (Alnaster fruticosus Ldb.) и кедроваго сланца (Pinus pumila Pall.), которые появляются и на открытыхъ мѣстахъ [2]). Но если на берегу высятся гребни горъ, торчатъ высокіе утесы и скалы, образуя ущелья и долины,—въ такихъ защищенныхъ отъ вѣтра мѣстахъ встрѣчаются не рѣдко хорошіе лѣса и богатая травяная растительность.

Наиболѣе интересными, въ этомъ отношеніи, являются окрестности Тугурскаго залива, Удской губы и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей ю.-западныхъ береговъ, гдѣ подходятъ къ морю отроги горъ, достигающіе иногда 2000 ф. надъ моремъ.

По склонамъ горъ, долинамъ и ущельямъ тянутся не рѣдко густые хвойные лѣса, состоящіе изъ высокихъ стройныхъ лиственницъ, елей, пихтъ и сосенъ.

Начинаясь почти у самыхъ береговъ рѣдкими и небогатыми насажденіями, они тянутся уже въ глубь страны густыми полосами, занимая защищенные отъ вѣтра горные склоны. Мѣстами они спускаются въ глубокія долины рѣчекъ и тамъ смѣшиваются съ тѣнистыми рощами березъ и тополей, а на солнечныхъ сторонахъ пытаются достигнуть и вершинъ горъ, хотя при этомъ ряды ихъ рѣдѣютъ и появляются они тамъ уже не густыми насажденіями, а одинокими, низкорослыми и уродливыми.

Особенно замѣтную роль въ лѣсномъ ландшафтѣ играетъ здѣсь лиственница (Larix dahurica Turcz. и sibirica Ldb.). Она заняла господствующее положеніе почти на всѣхъ сухихъ склонахъ и за-

[1]) Ландшафты ю.-з. побережья составлены по Миддендорфу (l. c.), Regel und Tiling (l. c.) и Крашенинникову (l. c.).

[2]) Миддендорфъ (l. c. 501 стр. и др.), Ditmar (l. c. 487 s.), Майдель (l. c. 215 стр.), Богородскій (l. c.).

бирается на гребни горъ, а одинокіе экземпляры виднѣются даже среди скалъ и въ разсѣлинахъ утесовъ. Иногда ее можно встрѣтить и на моховыхъ болотахъ, которыя не рѣдки здѣсь въ котловинахъ, хотя растетъ уже на нихъ не такъ густо и не отличается толщиной. Но зато на нижнихъ склонахъ горъ она отличается богатымъ развитіемъ; не рѣдки экземпляры до 100 ф. вышиной и $2^1/_2$ ф. въ діаметрѣ.

Не меньшую роль играетъ и ель (Picea ajanensis Rgl. и obovata Ldb.). Лиственница и ель какъ-бы подѣлили между собою горы: — первая господствуетъ на сухихъ мѣстахъ, вытѣсняя тамъ другія породы; вторая (Picea obovata Ldb.) заняла сырыя мѣста горъ и долины. На такихъ мѣстахъ она образуетъ густыя насажденія, отличаясь стройностью и высотой. Насажденія эти замѣтно рѣдѣютъ на сухихъ и особенно на открытыхъ мѣстахъ. Повидимому, морскіе вѣтры оказываются для нея болѣе губительными, нежели для лиственницы. За свою попытку расти на открытыхъ склонахъ или на прибрежныхъ равнинахъ (напр. въ устьѣ Уды, около Аяна и пр.), она расплачивается своей формой—изъ стройной высокой—дѣлается здѣсь низкой и криворослой, теряетъ коническую форму, пріобрѣтая массу уродливыхъ вѣтвей на верхушкѣ. Нѣсколько счастливѣе, въ этомъ отношеніи, другой видъ ели (P. ajanensis Rgl.), которая не отстаетъ отъ лиственницы, т. е. идетъ ближе къ вершинамъ горъ, нежели по долинамъ; вблизи морского берега (напр. въ верховьяхъ рр. Аянка, Улья и пр.) она оказывается даже болѣе выносливой, нежели лиственница; по крайней мѣрѣ, ее можно встрѣтить по такимъ скалистымъ вершинамъ и на такихъ обрывахъ, куда рѣдко достигаетъ лиственница.

Изъ другихъ хвойныхъ встрѣчаются здѣсь пихта (Abies sibirica Ldb.) и сосна (Pinus silvestris L.). Но онѣ уже не играютъ такой роли въ составѣ лѣсовъ, какъ первыя. Пихта нигдѣ не образуетъ густыхъ лѣсовъ и встрѣчается почти всегда только среди лиственныхъ и еловыхъ лѣсовъ, по долинамъ нѣкоторыхъ рѣчекъ (Тугуръ, притоки Камчатки и др.). Также не образуетъ самостоятельныхъ лѣсовъ и сосна, хотя и встрѣчается не рѣдко, напр. по р. Удѣ, но смѣшанная съ лиственницами и елями [1]), и гдѣ она находитъ свою сѣверную границу.

Красивый ландшафтъ представляютъ склоны хребта Джугджура.

---

[1]) Миддендорфъ (l. c. 513—518 стр.).

Уйскаго, Шильскаго и др. То они густо одѣты щетинистымъ покровомъ хвойныхъ лѣсовъ, которые заполняютъ глубокія долины и ущелья; то вдругъ лѣса прерываются каменистыми розсыпями, утесами и голыми вершинами, увѣнчанными только жалкими стелющимися можевельникомъ (Juniperus communis L. и dahurica Pall.) и кедровымъ сланцемъ (Pinus pumila Pall.), или рѣдкими криворослыми лиственницами и березками (Betula Ermani Cham.). А рядомъ снова поднимаются высокія, раскидистыя лиственницы, перемѣшанныя съ густовѣтвистыми, стройными елями, красиво выдѣляющимися темнозеленымъ цвѣтомъ своихъ хвой; подъ сѣнью ихъ, среди гніющихъ лѣсныхъ великановъ, поросшихъ мхами и травами, поднимается на смѣну молодое поколѣніе — густая поросль елей и лиственницъ. Кругомъ яркозеленымъ ковромъ стелются небольшія полянки, пестрѣющія разнообразными цвѣтами. Тутъ можно встрѣтить: Clematis fusca Turcz., Atragene platysepala Traut. et Mey., Anemone dichotoma L., Pulsatilla patens L. var. Wolfgangii Traut. et Mey., Ranunculus propinqus Mey., Trollius Riederianus Traut. et Mey., Delphinium laxiflorum DC., D. elatum L. α. intermedium Ait., Aconitum volubile Pall., Trautvetteria palmata Traut. et Mey., Corydalis gigantea Traut. et Mey., Draba confusa Ehrh., Viola biflora L., V. Gmeliniana R. et Sch. V. canina L., Dianthus alpinus L. γ. repens Willd., Alsine verna Bartl., v. alpestris Bartl., Hypericum Gebleri Ldb., Acer ucurunduense Traut. et Mey., Impatiens nolitangere L., Vicia multicaulis Ldb., Potentilla fruticosa L., P. fragiformis Willd., Chrysosplenium alternifolium L. α. genuinum Traut. et Mey., Saxifraga brioides L., Heracleum barbatum L., Senecio palmatus Pall., Saussurea triangulata Traut. et Mey., Mulgedium sibiricum Less., Nardosmia corymbosa Hook., Inula britanica L., Taraxacum collinum DC., Ptarmica sibirica Ldb., Campanula expansa Rud., Swertia perennis L., Gentiana barbata Froel., Pedicularis resupinata L., Lilium spectabile Fisch. и др., а также хвощи (Equisetum silvaticum L., Eq. scirpoides Mich.) и папоротники (Aspidium fragrans Sw., Woodsia ilvensis R. Br., Cistopteris montana Lk., Polypodium Phegopteris L.).

Насколько дики, угрюмы и непривѣтливы склоны хребтовъ, на столько мягки и пріятны ландшафты многихъ горныхъ долинъ (Тугурской, Удской, Немейской и др.). Онѣ напоминаютъ ландшафтъ средней полосы Европы. Тутъ зеленѣютъ рощи стройныхъ и высокихъ березъ (Betula alba L.), громадныхъ тополей (Populus suaveolens Fisch.), осинъ, ольхъ (Alnus incana Willd); по берегамъ и логамъ

господствуютъ заросли кустарниковъ: боярки (Crataegus sanguinea Pall.), рябины (Pyrus sambucifolia Cham. et Schlecht.), малины (Rubus idaea L., v. macrophylla Turcz.), бузины (Sambucus racemosa L., v. pubens Traut. et Mey.), жимолости (Lonicera Chamissoi Bge, и coerulea L.), розы (R. cinnamomea Pall. v. intermedia Mey., R. acicularis Lind. v. Gmelini Mey.), княженики (Rubus arcticus L.), голубицы (Vaccinium uliginosum L.), ивъ (Salix cordyophylla Traut. et Mey., S. praecox Hop., S. depressa, v. cinerascens Fries., S. udensis Traut. et Mey., S. repens v. brachypoda L.) и др. Черемуха (Prunus padus L.) въ этомъ районѣ является спорадическимъ и рѣдкимъ гостемъ.

Травяной покровъ также богатый, особенно по берегамъ рѣчекъ, гдѣ часто встрѣчаются: Luzula campestris D. C. v. alpina Mey., Calamagrostis deschampsioides Trin., Triglochin palustris L., Calypso borealis Salisb., Cassandra calyculata Den., Campanula Steveni M. B., Aster sibiricus L., Senecio pseudo-arnica Lessing., Libanotis condensata Fisch., Peucedanum salinum Pall., Saxifraga Tilingiana Rgl. et Til., Epilobium palustre L., Dianthus repens W., Cochlearia oblongitola DC., Dentaria tenuifolia Ldb., Cardamine pedata Til., Parrya macrocarpa R. Br., Barbarea planisiliqua Mey., Papaver alpinum L. α. nudicaule Fisch., Aconitum Lycoctonum L. v. Cynoctonum Traut. et Mey., A. Kusnetzoffii Rchb. α. genuinum Rgl. et Til., Aquilegia parviflora Ldb., Ranunculus Flammula L. v. filiformis Hook., Anemone Richardsoni Hook., Atragene alpina L. β. ochotensis Pall., и др. Тамъ, гдѣ распадки шире или долина рѣки представляетъ просторное ложе для спокойнаго теченія, встрѣчаются моховыя болота съ различными видами Hypnum, Polytrichum, Sphagnum и др.

Такія зеленѣющія долины особенно красиво выдѣляются среди горъ, когда склоны послѣднихъ одѣты темнозеленымъ покровомъ хвойныхъ, образующемъ какъ бы кайму растительности долины. Однако, рѣзкихъ переходовъ не существуетъ: моховыя болота, съ малѣйшимъ измѣненіемъ почвеннаго горизонта, смѣняются кочковатыми лужайками съ мелкимъ кустарникомъ можжевельника, ерника и др., послѣ чего идетъ смѣшанный лѣсъ изъ хвойныхъ и лиственныхъ подростковъ: голубица, жимолость и княженика, прикрашенныя рѣдко стоящими голубыми ирисами, пропадаютъ, уступая мѣсто шиповнику, бояркѣ и курослѣпу. Далѣе въ рѣдкихъ заросляхъ хвойныхъ еще попадается подлѣсокъ лиственныхъ кустарниковъ съ мелкими экземплярами Лютиковыхъ и Зонтичныхъ; но по мѣрѣ развитія тайги, въ чащу которой почти не проникаетъ солнечный лучъ,

почва остается почти голой съ толстымъ слоемъ растительнаго распада. Самые отроги и Становой хребетъ съ голымъ и острымъ гребнемъ и конусообразныя вершины («гольцы») не только не отличаются разнообразіемъ растительности [1]), но и поднимаются далеко за предѣлъ сплошныхъ лѣсовъ, не смотря на свою незначительную высоту.

Изъ древесныхъ породъ здѣсь встрѣчаются только стелящіеся кустарники, какъ можжевельникъ (Juniperus communis L. и dahurica Pall.), кедровый сланецъ (Pinus pumila Pall.) и уродливая ольха (Alnaster fruticosus Ldb.); они покрываютъ верхнія части склоновъ, лѣпятся по крутымъ скатамъ и обрывамъ, появляясь иногда и на голыхъ скалахъ. Особенно значительно распространенъ здѣсь кедровый сланецъ. Даже тамъ, гдѣ казалось, не могло расти никакое растеніе, какъ напримѣръ на осыпяхъ,—онъ однако стелется змѣевидными вѣтвями, образуя по склонамъ куполовидный густой покровъ изъ перепутанныхъ вѣтвей и стеблей. «На такихъ мѣстахъ поросли кустарнаго, плотно стелящагося кедра образуютъ густую сѣть—говоритъ Миддендорфъ, — которая до невѣроятности затрудняетъ восхожденіе на гору. Ступая по колеблющимся сплетеніямъ кустарнаго кедра, часто не касаешься ногой почвы на довольно большомъ пространствѣ; наконецъ проваливаешься, ноги вязнутъ и, сидя верхомъ на сучьяхъ, видишь себя какъ бы пойманнымъ въ сѣти,—и нужны величайшія усилія, чтобъ освободить свои ноги [2])».

Иногда на «гольцахъ» появляются ель и лиственница, но онѣ совершенно неузнаваемы, благодаря своей низкой, уродливой формѣ, съ наростами, обросшія мхомъ и почти лишенныя вѣтвей. Вообще вершины Джугджура и отчасти Колымскаго хребта носятъ дикій, пустынный характеръ и рѣзко выдѣляются изъ нижележащей темно-зеленой полосы лѣсовъ. Ихъ нѣсколько оживляютъ кое-гдѣ желтоватые и розоватые островки Rhododendron chrysanthum Pall., R. dahuricum L., Cassiope ericoides Don. и Spiraea Pallasii Til., да небогатая рѣдкая травяная растительность: Diclytra tenuifolia DC., Parrya Ermani Ldb., Gypsophylla violacea Fenzl., Hedysarum Mackenzii Rich., Sieversia anemonoides. α. Pallasii Til., Sedum Aizoon L., Saxifraga nitida Screb., Nardosmia Gmelini DC., Artemisia Pallasiana Fisch., Saussurea discolor DC.

---

[1]) Альпійскій поясъ Становаго хребта (56° с. ш.) лежитъ, по Гризебаху (Растительность земного шара, 1 т., 161 стр.), на высотѣ 4000—6000 ф. надъ моремъ.

[2]) L. c. 623 стр.

Такая бѣдность древесной и травяной растительности объясняется здѣсь (на высотѣ отъ 3000—4000 ф. надъ моремъ) не тѣмъ, что «гольцы» простираются выше абсолютнаго предѣла лѣсной полосы, а только благодаря губительному вліянію холоднаго морского вѣтра, такъ какъ въ защищенныхъ мѣстахъ (ущельяхъ и логахъ) не рѣдко доходятъ до самыхъ вершинъ лиственница и ель (Picea ajanensis Fisch [1]).

Взбираясь на крутой хребетъ по непролазной чащѣ колючей ели, часто утѣшаешь себя тѣмъ, что тамъ, на голомъ гребнѣ, какъ бы внѣ предѣла лѣсной растительности, можешь отдохнуть и въ горной лужѣ обмыть исцарапанное лицо; но лишь поднимешься на самую вершину, какъ взору открывается второй болѣе высокій гребень, покрытый болѣе частой и здоровой лиственницей; затѣмъ встаетъ третій отрогъ, доминирующій надъ всѣми, склоны котораго еще выше покрыты опять нелюбезной съ путешественниками елью. Такое разочарованіе испытывали всѣ (отъ первыхъ казаковъ до послѣдней экспедиціи Сикорскаго), кому приходилось переваливать сердитый Джугджуръ.

Что касается прибрежныхъ утесовъ, скалъ и обращенныхъ къ морю склоновъ хребта, то здѣсь растительность представляется еще болѣе бѣдною.

Повсюду торчатъ сѣрые, обнаженные камни, своими контурами напоминающіе странныя позы человѣка; нѣтъ ни ярко-зеленыхъ березокъ и стройныхъ тополей, ни темно-зеленыхъ хвойныхъ лѣсовъ; не видно даже зеленѣющаго покрова травъ. Только кое-гдѣ, среди скалъ и разсѣлинъ вершинъ, ютятся одинокія уродливыя ели и лиственницы. Но что сталось здѣсь съ могучими, высочайшими деревьями края, подъ вліяніемъ бурь и морскихъ вѣтровъ! Они не достигаютъ и 2 арш. росту, принимаютъ видъ изгороднаго стелющагося кустарника; стволы покрыты массой наростовъ — слѣды безплодныхъ попытокъ произвести сучья; вѣтви богаты болѣзненными разращеніями, извѣстными здѣсь подъ названіемъ «вихря», а кора обвѣшана черными лишайниками и «бородатыми» мхами.

Только неизмѣнный спутникъ этихъ мѣстъ — кедровый сланецъ, растетъ здѣсь, не испытывая повидимому губительнаго вліянія ни вѣтра, ни морскихъ тумановъ. Обволакивая и плотно прилегая къ

---

[1]) По Гризебаху (Растительность земного шара, 1 т., 161 стр.) поясъ лѣсовъ на Становомъ хребтѣ (60° с. ш.) лежитъ на высотѣ 3500 ф. Для хвойныхъ (подъ 56° с. ш.) - 3500—4000 ф. надъ моремъ.

угрюмымъ скаламъ и камнямъ, цѣпляясь за разсѣлины и выступы, онъ вѣнчаетъ всѣ открытыя мѣста. Даже указанная «изгородная» лиственница—это дѣтище прибрежныхъ скалъ, выросшее подъ снѣжными бурями и холодными вѣтрами,—уступаетъ ему на сѣверныхъ мѣстахъ свое мѣсто.

Лишь изрѣдка прибрежныя скалы одѣты живымъ покровомъ растительности, но послѣдняя не ласкаетъ взора своей зеленью и яркими цвѣтами: такъ она неприглядна и невзрачна. Это царство лишайниковъ, своимъ необычайнымъ развитіемъ всасываясь въ эти сѣрые камни и утесы, какъ будто желаетъ предохранить ихъ отъ губительныхъ внѣшнихъ условій.—«Они—говоритъ Миддендорфъ—покрываютъ камни въ видѣ толстыхъ пышныхъ подушекъ, смыкающихся въ одинъ обманчивый коверъ, по которому приходится ступать очень осторожно. То онъ ускользаетъ изъ подъ ногъ, какъ какая-нибудь слизистая мазь, едва державшаяся на камняхъ; то сами камни, скрывающіеся подъ лишайниками, выходятъ изъ своего шаткаго положенія, то нога проваливается въ пустыя пространства, обманчиво обросшія пышными лишайниками» [1]).

Небогатая травяная растительность ютится здѣсь за камнями и выступами и состоитъ изъ немногихъ кустарниковыхъ формъ: Rhododendron dahuricum L., Salix caprea L., Juniperus dahurica Pall., Spiraea digitata W.

Изъ травянистыхъ растеній мы находимъ здѣсь: Erysimum Marshalianum Andr., Diclytra tenuifolia DC., Parrya Tilingii Rgl. et Til., Melandrium triflorum DC. β ajanensis Rgl. et Til., Cherleria sibirica Rgl. et Til., Arenaria capillaris Poir., Dryas octopetala L., Umbilicus spinosus DC., Sedum Rhodiola D.C. δ. Stephani Traut. et. Mey., Ribes fragrans Pall., Saxifraga dahurica Pall., S. cernua L., S. aestivalis Fisch., Bupleurum ranunculoides L., Sium cicutifolium Gmel., Artemisia norvegica Vahl., Tanacetum Pallasianum Traut. et Mey., Campanula stenocarpa Traut. et Mey., Allium lineare L.

Въ береговыхъ долинахъ, хорошо защищенныхъ отъ вѣтровъ, встрѣчаются довольно хорошіе лѣса изъ березъ, тополей (Populus suaveolens Fisch.), осинъ, а по склонамъ—изъ лиственницъ и елей. Также богаче здѣсь кустарниковая и травяная растительность; встрѣчаются заросли ивъ, рябины, жимолости и малины и отдѣльные экземпляры черемухи и смородины (Ribes Dikuscha Fisch.); среди нихъ пестрѣетъ довольно разнообразная растительность, мало чѣмъ отли-

[1]) l. c. 585 стр.

чающаяся отъ растительности болѣе внутреннихъ долинъ, это: Atragene platysepala Traut. et. Mey., Pulsatilla patens L. v. Wolfgangii Traut. et Mey., Trollius Riederianus Traut. et Mey., Dentaria macrophylla Willd., Aconitum Lycoctonum L. v. Cynoctonum Traut. et Mey., A. volubile Pall., Viola canina L., Moeringia laterifolia L., Geranium erianthum DC., Vicia multicaulis Ldb. v. latifolia Ldb., Sanguisorba tenuifolia Fisch. v. purpurea Traut. et Mey., Potentilla fragiformis Willd., Epilobium angustifolium L., Saxifraga punctata L., Physophium saxatile Turcz., Peucedanum salinum Pall., Galium trifidum L., Aster sibiricus L., Ligularia sibirica Cass., Scorzonera radiata Fisch., Gentiana auriculata Pall., Primula sibirica Jacq., Pedicularis euphrasioides Steph. и мн. др.

Но почти рядомъ съ такой богатой флорой, на открытомъ низменномъ побережьѣ (напр. въ устьѣ рр. Уды, Аянки, Кухтуя и пр.)— растительность уже рѣзко мѣняется и напоминаетъ пустынныя равнины Ледовитаго побережья: высокоствольныя деревья замѣняются только уродливыми березами (Betula Ermani Cham.), ольхой (Alnaster frutucosus Ldb.), елью (Picea ajanensis Fisch.) и кедровымъ сланцемъ, которые одиноко появляются среди монотоннаго сѣраго покрова тундровыхъ и болотныхъ растеній. Господствующей растительностью являются здѣсь различные виды мховъ изъ рода Polytrichum, Hypnum, Sphagnum, Brium и многихъ другихъ. А надъ ними возвышаются болотныя растенія: Eriophorum vaginatum L., E. Scheuchzeri Hoppe, Carex cryptocarpa Mey., C. Bongardiana Mey. v. gracilis Traut. et Mey., C. rhynchophysa Mey., C. vesicaria L., C. rotundata Wahlenb., Luzula rufescens Fisch., L. spadicea D.C. v. parvifolia Mey., Juncus balticus Dethr. v. culmo crasciole Lehm., Eriophorum Chamissonis Mey. Но такъ какъ прибрежныя долины рѣкъ и распадки представляютъ большую разницу въ своемъ строеніи и характерѣ образованія, то въ зависимости отъ этого находятся тѣ или другіе виды растеній. Почва, состоящая изъ мелкой гальки и наноснаго песку, легко просачиваетъ воду въ болѣе глубокіе слои; иногда даже рѣки, во время засухи, представляютъ оригинальную картину цѣлаго ряда мелкихъ озеръ съ текущей водой, въ промежуткахъ уходящей подъ поверхностныя образованія. Сырая, пористая почва съ поверхностно лежащими пластами зеленой глины, покрыта другими видами; атмосферныя осадки пропитываютъ такую почву, представляющую изъ себя подобіе губки, но если вода отсюда находитъ стокъ и получаются болѣе сухія площадки, то онѣ

*

часто заняты низкорослыми кустарниками: Cornus suaecica L., C. canadensis L., Linnea borealis L., Lonicera Chamissoi Bge., Salix oblongifolia Traut. et Mey., Rubus arcticus L., Rosa acicularis Lind. v. hypoleuca Mey., Pyrus sambucifolia Cham., B. nana L. v. sibirica Ldb., и нѣк. др. Изъ травянистыхъ растеній: Atragene platysepala Traut. et Mey., Thalictrum aquilegifolium L., Anemone dichotoma L., Ranunculus Pallasii Schlecht., Caltha palustris L. v. membranacea Turcz., Arabis petraea Lam. β. ambigua Rgl., Honkeneja peploides Ehrh., Geranium erianthum DC., Pisum maritimum L. (большія пространства), Pachypleurum alpinum Ldb., стелящаяся Adoxa Moschatellina L., Cacalia hastata L. v. pubescens Ldb., Primula farinosa L. v. chrysophylla Traut. et Mey., Androsace filiformis Retz. v. exscapa Traut. et Mey., Trientalis europaea L., v. arctica Ldb. et v. genuina Ldb., Menyantes trifoliata L., Mertensia maritima DC., Polygonum viviparum L., Poa udensis Traut. et Mey., Trisetum subspicatum Beanv., Veratrum viride Ait., Tofieldia calyculata Wahlenb., Pedicularis lapponica L., P. euphrasioides Steph. и др.

Но мѣстами эта небогатая флора смѣняется зарослями брусники (Vac. vitis idaea L.), которыя тянутся цѣлыми десятинами у подошвы горъ, а иногда поднимаются и на склоны.

Въ рѣчныхъ долинахъ, выходящихъ къ морю и представляющихъ болотистыя низменности, идутъ заросли черники (Vac. myrtillus L.), морошки (Rub. chamaemorus L.) и клюквы (Oxycoccus palustre Pers). Всѣ онѣ занимаютъ не рѣдко большія пространства, образуя сплошной ягодный коверъ. Если-же на такихъ мѣстахъ встрѣчаются хотя небольшіе лѣса изъ Betula Ermani Cham., осины и ели, то въ тѣни ихъ появляются также голубица (Vac. uliginosum L.) и княженика (Rubus arcticus L.), также занимающія обширныя полянки.

На низменныхъ, песчаныхъ или хрящеватыхъ берегахъ растительность весьма бѣдная. Она не образуетъ здѣсь сплошного покрова, а только кое-гдѣ, среди камней, кажется бурыми пятнами; сюда относятся: Cornus suaecica L., Adoxa Moschatellina L., Erysimum Marschalianus Andrz., Honkeneja peploides Ehrh. β. oblongifolia Fenzl., Ligusticum scoticum L., Heracleum barbatum Ldb., Artemisia vulgaris L., communis Ldb., Mulgedium Sibiricum Less., Zostera marina L., Mertensia maritima G. Don.[1]).

---

[1]) Изъ водорослей встрѣчаются по ю.-з. побережью моря: Atomaria dentata, A. ochotensis, Delleseria crenata, Crossocarpus Lamuticus, Ciliaria fusca, Dumontia contorta, Geramium nodulosum, Scytosiphon foeniculatus и др. (Ruprecht. in Midd. Reise, Band I, Lief. 2).

Таковъ общій характеръ растительности юго-западной прибрежной полосы Охотскаго моря.

Нѣсколько иной характеръ носитъ растительность сѣверной прибрежной полосы моря въ зависимости отъ орографическаго строенія поверхности и климатическихъ агентовъ. Здѣсь, какъ мы видѣли (гл. II), рельефъ почвы и характеръ хребтовъ имѣетъ другой видъ: начиная съ Оймеконскаго плоскогорья Колымскій хребетъ представляется широкимъ и пологимъ, давая покатые отроги, идущіе къ морю; но по мѣрѣ его приближенія къ морю, онъ суживается въ своемъ основаніи, образуя болѣе крупные склоны и наконецъ острый гребень (восточнѣе Ямска). Съ другой стороны мы указали, что отъ Шилкапскаго перевала включительно до того же Ямска рѣзко выдѣляется цѣпь Морского хребта; на протяженіи между этимъ послѣднимъ селеніемъ и Гижигой ѣдешь по открытой, слегка волнистой тундрѣ, вблизи Колымскаго хребта, и въ виду льдинъ Охотскаго моря. Только подъ самой Гижигой со стороны моря встаютъ разорванныя Бабушкины горы и Русскій хребетъ, защищая промежуточное пространство отъ сырыхъ тумановъ. Во всякомъ случаѣ горы и хребты занимаютъ гораздо меньше мѣста, предоставляя остальное пространство тундрѣ. Но не отличаясь высотой, они однако не нарушаютъ общаго характера мѣстности.

Такимъ образомъ растительность этой полосы была поставлена въ нѣсколько иныя условія существованія. Она не находила здѣсь достаточной защиты отъ морскихъ бурь и холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, а поэтому не могла такъ полно развиваться, какъ въ защищенныхъ мѣстахъ юго-западныхъ береговъ.

Кромѣ того частыя перемѣны двухъ противоположныхъ вѣтровъ и связанныя съ этимъ рѣзкія колебанія температуры должны неблагопріятнымъ образомъ дѣйствовать на растительность: послѣ сырыхъ и теплыхъ тумановъ, тянувшихся съ моря, иногда сразу наступали морозы по ночамъ, или послѣ сильной пурги въ декабрѣ идетъ проливной дождь. Эти крайности термическихъ явленій здѣсь достигаютъ своего наибольшаго развитія, равно какъ и сила вѣтра, разыгрывающагося на просторѣ, чему много способствуетъ меридіальное направленіе рѣкъ и отсутствіе Морского хребта на двухъ третяхъ прибрежья. На всемъ протяженіи до Камчатскаго полуострова есть нѣсколько закрытыхъ мѣстъ, такъ напр. долина р. Кавы, Ольско-Ямскій промежутокъ и нѣкоторые уголки по меридіальнымъ рѣкамъ, гдѣ жизненныя условія для растительности сложились болѣе благопріятнымъ образомъ.

Вотъ эти то особенности равнинно-тундровой поверхности замѣтнымъ образомъ сказались на лѣсахъ, которые нуждались въ защитѣ горъ.

На всемъ обширномъ пространствѣ этого побережья нѣтъ лѣсовъ въ полномъ смыслѣ слова, а есть только отдѣльныя площади или длинныя полосы вдоль рѣчныхъ береговъ, гдѣ встрѣчается крупная растительность единственнаго представителя хвойныхъ—лиственницы (Larix dahurica Turcz.). Съ сосной мы разстались на р. Удѣ [1]), съ елью—около Кекры и отчасти въ верховьяхъ Охоты, и только невзрачная ночлежная юрта «Сердце-Камень, близь Ямска напомнила намъ объ этомъ непремѣнномъ членѣ Сибирской тайги. Повидимому открытая равнинность мѣстности оказывается болѣе гибельной для другихъ хвойныхъ породъ, нежели для лиственницы, которая только въ указанныхъ мѣстахъ составляетъ фонъ лѣсного ландшафта, тогда какъ въ большинствѣ случаевъ онъ обязанъ лиственнымъ деревьямъ.

Наши личныя наблюденія во время продолжительныхъ разъѣздовъ по сѣверному побережью, а также разспросы бродячихъ тунгусовъ, которымъ хорошо знакомъ каждый его уголокъ до самаго Колымскаго хребта, убѣждаютъ въ отсутствіи здѣсь сосны [2]) и ели. Что касается лиственницы, то въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, она тянется рѣдкими насажденіями и не достигаетъ въ такихъ случаяхъ крупныхъ размѣровъ. Типичнымъ примѣромъ такой растительности могутъ служить «эдомки», на которыя вы попадаете послѣ переѣзда р. Шилкапъ. Это обширныя пологія котловины, прикрытыя со стороны моря острымъ и голымъ хребтомъ и тянущіяся на сѣверъ, гдѣ на краю горизонта высится угрюмая стѣна высокаго хребта. Вся площадь покрыта тонкими и невысокими жердями лиственницы, издали кажущимися искусственнымъ насажденіемъ: такъ онѣ рѣдки и правильно разсѣяны. Второй типъ немного болѣе круп-

---

[1]) Такъ какъ пески представляютъ нормальное мѣсто произрастанія сосны, то отсутствію ихъ во всемъ Охотско-Камчатскомъ краѣ и нужно приписать ея исчезновеніе. (Красновъ. Рельефъ, растительность и почвы Харьковской губ. Докладъ Общ. сельскихъ хозяевъ 1893 г.). Оазисъ сосновой рощицы на р. Теймей находится на песчаномъ сухомъ распадкѣ.

[2]) Только одинъ тунгусъ увѣрялъ, что въ вершинахъ рр. Б. Тополевка и Ольховка есть сосна. Сигланскіе тунгусы называли намъ рѣдко встрѣчаемое здѣсь растеніе «Баинкинъ», представляющее всегда маленькій кустарникъ съ иглами вмѣсто листьевъ. Между ними считается за счастье носить или имѣть кусокъ баинкина при себѣ; хранить его всегда нужно въ тайнѣ.

ныхъ (1—1$^1/_2$ четв. діаметра въ срубѣ) и болѣе частыхъ лѣсковъ этого дерева мы находимъ въ лабиринтѣ отроговъ хребта, лежащаго между Олой и Ямскомъ со стороны моря. Какъ примѣръ третьяго типа, мы можемъ указать могучія заросли весьма крупныхъ размѣровъ лиственницы въ слѣдующихъ, осмотрѣнныхъ нами мѣстахъ: 1) берега р. Кавы и въ особенности ея притока Челасины (отъ 5 до 10 вершковъ въ отсѣкѣ); 2) по рр. Колѣ и Ямѣ, гдѣ рощи высокой и стройной лиственницы попадаются въ разстояніи 10 — 15 верстъ отъ устьевъ; на послѣдней рѣкѣ лиственница въ отрубѣ даетъ не меньше 8 вершковъ; 3) по р. Наяханѣ (или Аяхтанѣ) въ верховьяхъ, на склонахъ хребтовъ, большія площади этого лѣса, бревна котораго, годныя на издѣлія, имѣютъ до 15 саж. длины, а размѣры діаметра пня, на высотѣ груди человѣческой, достигаютъ 12$^1/_2$ вершковъ.

Помимо указанныхъ мѣстъ лиственница крупныхъ размѣровъ встрѣчается только единичными экземплярами; болѣе же мелкую можно найти въ долинѣ каждой рѣки и по склону всѣхъ холмовъ и уваловъ болѣе или менѣе закрытыхъ. Такъ напр. около юрты Отворотной, у подножія Шилкапскаго перевала, на берегу рѣки того же имени, впадающей въ бухту Шилки, находятся небольшія рощицы; въ верховьяхъ рр. Сигланъ, Калалага и др.

Границу лѣса къ сѣверу и въ вертикальномъ направленіи здѣсь составляютъ не хвойныя, какъ въ Сибири отъ Урала до Верхоянскаго хребта—лиственница, а въ Сѣверной Америкѣ—мѣстная ель, а тополь и кедровый сланецъ [1]).

Лиственыя деревья главнымъ образомъ пріурочены къ рѣчнымъ долинамъ; здѣсь встрѣчаются четыре вида березы: (Betula alba L., или такъ называемая горная, идущая на постройку домовъ, домашней утвари и единственно годная для нартъ и луковъ), B. dahurica Pall., [2]) лишенная бересты, необходимой для кровли лѣтнихъ тунгуз-

[1]) Что здѣсь главную роль играетъ равнинность мѣстности и близость моря, видно изъ того, что исчезая здѣсь, лиственница снова появляется далеко на сѣверѣ—въ гористыхъ мѣстностяхъ между Анюемъ и Нижне-Колымскомъ (Майдель, l. c., стр. 245).

[2]) Внесеный въ текстъ новый видъ березы B. dahurica (Pall)—не есть-ли B. fruticasa Pall (или B. rotundifolia Spach или B. Gmelini Bge?—приводимые для побережья Ох. м. Миддендорфомъ, и Регелемъ и Тиллингомъ?. До сихъ поръ путешественники (Палласъ, Сарычевъ, Крашенинниковъ, Штубендорфъ, Миддендорфъ, Тиллингъ и др.) не упоминали для восточн. склон. Станов. хр. B. dahurica Pall. По Ледебуру же (F. R. III—651 c.) этотъ видъ встрѣчается только по р. Аргунь и др. близъ Нерчинска; а судя по этому—можно думать что B. dahurica Pall.—есть форма болѣе южная и невыносящая прибрежныхъ условій существованія. А. Сѣдельниковъ.

скихъ юртъ и приготовленія дорожныхъ сумокъ; Эрмановская и карликовыя березы (B. Ermanii et nana); ольха (Alnaster fructicosus Ldb.), которой жители различаютъ двѣ разновидности по бѣлымъ полосатымъ образованіямъ на корѣ—вертикальнымъ и горизонтальнымъ; первая употребляется для черненія кожъ; осина служитъ, благодаря своему крупному объему, главнымъ образомъ для выдѣлки батовъ (однодревокъ); стройная тополь [1]) (Populus suaveolens Fisch.) также утилизируется для постройки и издѣлій, какъ на р. Туманы, Гижига и Яма [2]). Тамъ, гдѣ побережье занято широкой полосой тундры, тополевыя и березовыя заросли удаляются отъ моря и встрѣчаются: первыя не ближе 40—50 в., а вторыя не ближе 20—30 верстномъ разстояніи отъ устьевъ рѣкъ, какъ напр. по р. Гижигѣ, да и то сначала низкіе и уродливые [3]).

Кустарниковая растительность то разсѣяна по тундрѣ и возвышеннымъ равнинамъ, то скучена у береговъ рѣкъ и прилегающимъ къ нимъ часто закрытымъ распадкамъ. Береговая ивовая изгородь (Salix viminalis L., S. caprea) иногда представляетъ мучительныя для проѣзжающаго чащи, съ наклоненными въ разныя стороны стволами и вывороченными корнями; сюда относятся другіе виды ивняка (S. depressa L. S. cinerea L., и др.); дальше отъ берега къ уваламъ растутъ кустарная береза (Betula fruticosa Pall.), карликовая (B. nana L.), кусты рябины, шиповника, жимолости (Lonicera coerulea L.), морошки и низкія поросли можжевельника, который даже при 10° мороза издаетъ характерный запахъ. Черемуха попадается только на нѣкоторыхъ рѣчкахъ, какъ Иня, Черемуховая (притокъ Кавы),

---

[1]) Родъ тополя всѣ жители хорошо знаютъ, но виды топольника («горины») отличаютъ по древесинѣ: есть съ бѣлой и красной древесиной, отличающійся курчавыми листьями; есть горина съ бѣлой корой, всей древесиной бѣлой и чернымъ внутри стержнемъ; но по р. Авековой жители въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находили особый видъ горины, который нигдѣ больше не встрѣчается.

[2]) Нѣсколько рѣкъ, окрещенныхъ этимъ именемъ—Тополевыхъ, далеко не соотвѣтствуютъ своему названію и получили эту кличку вѣроятно потому, что за отсутствіемъ всякой другой древесной растительности, кромѣ березы Эрмана и ольхи, небольшія тополи—единственное дерево, употребляемое для юртъ и дровъ путешествующихъ.

[3]) Миддендорфъ, l. c. стр. 536. Ditmar (l. c., стр. 517), разыскивавшій киноварь на Тайгоносскомъ полуостровѣ, говоритъ, что вся прибрежная тундра (западная) имѣетъ жалкую растительность и только выше, по рѣчнымъ долинамъ, попадаются красивыя тополи до 2 футъ въ діаметрѣ.

Н. В. СЛЮНИНЪ.

Рисунки упованов; работа корячекъ.

ı. Гижига, и является весьма рѣдкимъ растеніемъ [1]). Кедровый сла-ıецъ—довольно постоянное растеніе, хотя повидимому его присут-твіе, по нашимъ наблюденіямъ, имѣетъ какое-то отношеніе къ осо-ому геогностическому и химическому составу почвы и горныхъ породъ.

Монотонности тундры и унылому виду открытыхъ равнинъ со-твѣтствуетъ такая же бѣдность травяной растительности: здѣсь ме-ѣе яркій и болѣе скромный коверъ травъ; въ немъ меньше разно-бразія видовъ и окраски цвѣтовъ, чѣмъ это мы видѣли въ горныхъ олинахъ Удско-Аянскаго прибрежья. На болѣе сухихъ мѣстахъ встрѣ-аются: Papaver nudicaule L., Arabis camtschatica Fisch., Cardamine edata Rgl. et Til., Melandrium apetalum Fisch., Dryas octopetala ., Saxifraga punctata L., S. dahurica Pall., Loiseleuria procumbens)esv., Diapensia lapponica L., Lloydia serotina Rchb., Lycopodium lpinum L., Selaginella rupestris Sping., а также:—Woodsia ilvensis R. Br., spidium fragrans Sw., Equisetum variegatum Schleich., Carex pulla ., Poa arctica L., Trisetum subscpicatum Beaur., Hierochloa alpina chb. Значительно рѣже:—Aster sibiricus L., Pedicularis verticillata ., Valeriana capitata Pall., Myosotis silvatica Hoffm., Polygonum iviparum L., Lilium spectabile Lk. и др.

На болѣе холмистыхъ мѣстахъ изъ травянистыхъ видовъ, кромѣ казанныхъ, встрѣчаются и нѣкоторые другіе: Aconitum Kusnezoffii chb β. ochotensis Rgl. et Til., Draba hirta L. α. leiocarpa Rgl. et il., Sieversia anemonoides W. α. Pallasii Rgl. et Til., Potentilla agiformis W., β. intermedia Rgl. et Til., Sedum Rhodiola DC., γ. ob-ngum Rgl. et Til., Saussurea nuda Ldb. α genuina Ldb., а также мхи.

Такой небогатый растительный покровъ придаетъ побережью пу-стынный характеръ, который усиливается еще тѣмъ, что здѣсь весьма азвиты болота и тундры [2]). Мы видѣли, что они встрѣчались и по .-з. побережью моря, но почти всегда только въ долинахъ рѣкъ. дѣсь-же, благодаря равнинности мѣста,—они получили весьма зна-ительное распространеніе. Почти въ верховьяхъ многихъ рѣчекъ ожно встрѣтить болота, густо поросшія буроватыми мхами (Hypnum,

[1]) Говоря о кустарникахъ, нельзя не упомянуть объ одномъ небольшомъ астеніи съ красной корой (какъ карандашъ—по словамъ тунгусовъ), вѣтви эторагo расположены попарно, одна противъ другой; оно встрѣчается олько по р. Тауй. Тунгусъ ни за что не срубитъ этого дерева, и только ри заболѣваніи кровохарканьемъ онъ рѣшается нарѣзать этихъ вѣтвей, отребляя кору ихъ въ видѣ отвара, какъ лѣкарство.

[2]) Ditmar (l. c. 487 стр.), Крашенинниковъ (l. c.), Богородскій (l. c.), Мид-ендорфъ (l. c. 618 стр.).

Bryum, Polytrichum и др.), съ той-же травяной растительностью, какъ и на болотахъ ю.-з. побережья:—Juncus arcticus Willd., Eriophorum Chamissonis C. A. Mey., Carex dioica L., C. rotundata Wahlenb., C. alpina Sw., Poa pratensis L., Hierochlea alpina R. et S., Calamagrostis Langsdorffii Trin., Caltha palustris L., Ranunculus Cymbalariae Purch., Comarum palustre L.

Иногда на такихъ болотахъ плоскогорья появляются и кустарники: ивы (Salix viminalis L., Lapponum L. и др.), толокнянки (Arctostaphylos uva ursi Sprgl), ольхи и березы, или эти болота поросли брусникой, голубикой, княженикой и Empetrum nigrum L.

Названныя болота и болотистыя озера встрѣчаются даже въ верховьяхъ рѣчекъ, среди холмовъ и на открытыхъ берегахъ, вездѣ сохраняя свой характеръ, благодаря господству мховъ и однихъ и тѣхъ же кустарниковъ. Мѣстами болота смѣняются еще болѣе однообразными и пустынными тундрами. Растительность мокрой тундры мало чѣмъ отличается отъ болотной: кустарниковая состоитъ изъ рѣдкихъ, уродливыхъ Betula Ermani Cham., B. nana L., ольхи (A. fruticosus Ldb.), ивы (Salix viminalis L.), Empetrum nigrum L. и неизмѣннаго спутника—кедроваго сланца; травяная растительность слагается почти изъ тѣхъ же самыхъ мховъ Bryum, Polytrichum, Hypnum, среди которыхъ зеленѣютъ осоки (Carex pulla Good, C. rotundata Wahlb.) и другія растенія: Juncus castaneus Sm., Dryas octopetala L., Valeriana capitata Pall., Luzula rufescens Fisch., Arctosphylos alpina Sprgl., Potentilla nivea L., Silene tenuis L., Eryophorum angustifolium Roth., E. Scheuchzeri Hoppe. Морошка (Rubus chamaemorus L.) и голубика (Vac. uliginosum L.) — есть неотъемлемая принадлежность и украшеніе печальной тундры.

Тундры занимаютъ иногда болѣе высокое положеніе и вдали отъ береговъ, какъ напр. западная часть Колымскаго хребта около верховьевъ рр. Инп, Кавы и Ямы, сѣверный склонъ Морского хребта по правому берегу Кавы, западная половина Тайгонскаго полуострова и пр. Растительность такихъ, болѣе возвышенныхъ тундръ, мало отличается отъ только-что описанной. Кромѣ указанныхъ, здѣсь можно встрѣтить: Rhododendron kamtschaticum Pall., Diapensia lapponica L., Draba borealis DC., Lycopodium Selago L., Artemisia borealis Pall., Linnea borealis L., Salix reticulata L., S. ovalifolia Traut., Betula rotundifolia Spach.

И чѣмъ дальше мы подвигаемся на С. В. отъ Охотска, тѣмъ все больше и больше мѣста занимаетъ такая тундра на побережьѣ.

Иногда она тянется отъ морского берега въ глубь страны до водораздѣльнаго хребта, образуя однообразную унылую равнину, только кое гдѣ перерѣзанную волнистыми холмами, съ небогатой кустарниковой растительностью, или узкими долинами небольшихъ рѣчекъ, съ рѣдкими березовыми и тополевыми лѣсами. Послѣ сѣраго покрова такой тундры, растительный ландшафтъ этихъ рѣкъ останавливаетъ на себѣ вниманіе путешественника, встрѣчающаго здѣсь: Anemone narcissiflora L., Thalictrum alpinum L., Sisymbrium Sophia L., Hedysarum obscurum L., Sedum Rhodiola DC., Saxifraga punctata L., Chrysosplenium alternifolium Tr. et. Mey., Artemisia norvegica Wahl., Saussurea alpina DC. v. angustifolia Ldb., Myosotis silvatica Hoff. β. alpestris Koch., Allium Schönoprasum L., Lloydia serotina Rchb. и нѣкоторыя другія, а также Empetrum nigrum L., Spiraea betulifolia Pall., княженика, брусника, морошка и осока (Carex rotundata Wahl., C. capillaris L., C. pulla Good.)

Но и эта растительность, съ приближеніемъ къ берегу теряетъ свое разнообразіе. Лѣса смѣняются криворослыми березками (Betula Ermani Cham.) и ольхами (Alnaster fruticosus Ldb.), а травянистая—болотами и тундрами, или-же каменистыми (хрящеватыми) равнинами, съ еще болѣе жалкой растительностью (Mertensia maritima G. Don, Honkeneja peploides L., Zostera marina L., Atriplex patula L. α. halolepis Ldb. и др.)

Благодаря такому значительному распространенію болотъ и тундръ, сѣверные берега носятъ болѣе пустынный и унылый видъ. Небогатая лѣсная и травяная растительность ихъ совершенно теряется среди громадныхъ однообразныхъ моховыхъ пространствъ съ жалкими уродливыми кустарниками.

Мѣстность становится безотрадной: лѣтомъ тонешь по этой тундрѣ и вязкимъ болотамъ, зимой не находишь даже корявой березы и сухого кедровника, чтобы сварить чаю послѣ утомительнаго переѣзда. Отправляясь изъ Гижиги въ Парень, въ объѣздъ Тайгоносскаго хребта, всегда запасаются дровами на случай могущей застать васъ здѣсь сухой пурги.

При всей бѣдности и однообразіи флоры, нужно удивляться изобрѣтательности инородческаго ума, что и изъ нея онъ сумѣлъ нѣкоторые виды утилизировать: изъ крапивы (по-корякски—лотэнъ) корякъ и камчадалъ готовитъ неводное прядево; изъ морской травы (по-корякски—тоаинъ) плететъ корзины, мѣшки и маты-ковры, рисунки ко-

торыхъ не уступаютъ работѣ и болѣе культурныхъ японцевъ; кора одного вида ольхи служитъ для красной окраски оленьихъ шкуръ, а съ примѣсью грязи точильнаго камня для черненія шкуръ и мѣховъ.

Камчатскій округъ.

Камчатскій полуостровъ, какъ мы видѣли, составляетъ обособленный районъ какъ въ климатическомъ, такъ и въ геогностическомъ отношеніяхъ, въ сравненіи съ Охотскимъ побережьемъ материка. Было даже время, нужно думать, что Камчатка представляла гораздо меньшій островъ, чѣмъ теперь—ея поверхность. Въ силу этого естественно ожидать, что растительность этого полуострова должна представлять нѣкоторыя особенности, обусловливаемыя въ настоящемъ климато-топографическими условіями страны; что же касается геологическаго прошлаго, то Камчатка, не смотря на богатство мѣстъ съ окаменѣлыми и обуглившимися деревьями и отпечатками листьевъ, хвой и и шишекъ, до настоящаго времени совершенно не изучена. Положимъ, большая часть этихъ геологическихъ памятниковъ относится къ лиственнымъ породамъ, но тѣмъ не менѣе есть данныя, заставляющія предполагать, что распредѣленіе флоры прежде было иное, чѣмъ теперь. Такъ напр. въ шарообразныхъ валунахъ, встрѣчаемыхъ въ изобиліи по р. Тигиль, мы часто находили въ центрѣ этихъ образованій хвойныя шишки, хотя доподлинно извѣстно, что по названной рѣкѣ хвойныхъ деревьевъ совсѣмъ теперь нѣтъ.

Что касается видовыхъ отличій растительнаго покрова полуострова, то, на основаніи геологическаго прошлаго, естественно возникаетъ вопросъ: была-ли Камчатка населена сибирскими породами, или же, можетъ быть, ея растительность имѣетъ болѣе общаго съ таковой же на японской группѣ островов?

«При разборѣ образчиковъ растеній Камчатки, писалъ [1]) Максимовичъ, получился неожиданный и весьма интересный выводъ, что хвойныя породы оказались различными отъ растущихъ въ Сибири породъ и болѣе схожи съ японскими; хотя и съ этими послѣдними не могутъ отождествляться».

Во всякомъ случаѣ, какъ бы не рѣшался спеціалистами вопросъ о генетической связи Камчатской флоры съ сибирской и японской,

[1]) Изъ бумагъ Петропавловскаго Архива.

растительность этого полуострова имѣетъ нѣкоторыя особенности, не свойственныя материку. По топографическимъ и климатическимъ условіямъ ее нужно разбить на двѣ главныя группы: 1) растительность береговая и 2) растительность центральной долины и окружающихъ ее хребтовъ.

Если взять крайніе признаки различія этихъ группъ, то первую можно охарактеризировать господствомъ кустарниковыхъ и тундровыхъ растеній, вторую—присутствіемъ хвойныхъ деревьевъ. Такое различіе въ характерѣ растительности объясняется, главнымъ образомъ, неравномѣрнымъ вліяніемъ морскихъ вѣтровъ и почвенно-геологическими условіями. Береговая полоса Камчатки и Парапольскій долъ открыты губительному воздѣйствію вѣтровъ; почему здѣсь и могла существовать только небогатая травяная и кустарниковая растительность, а благодаря чрезмѣрному обилію атмосферной и почвенной влаги преимущественно—тундровая. Для древесной растительности эти условія были также неблагопріятны, почему она и выражена здѣсь только кустарниковыми формами.

Между тѣмъ долина р. Камчатки (и нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ ней рѣчекъ) находится въ гораздо лучшихъ условіяхъ, благодаря высокимъ окутывающимъ хребтамъ; отчего и растительность ихъ какъ травяная, такъ и древесная развиты значительно полнѣе. Большая часть видовъ, находимыхъ въ такихъ закрытыхъ пространствахъ, поражаетъ путника своимъ громаднымъ ростомъ и густотой произрастанія: зонтичныя, крестоцвѣтныя и злаки образуютъ непролазныя заросли, въ которыхъ едва замѣтно человѣка, сидящаго на лошади. Помимо разнообразной травяной растительности, съ ея гигантскими Angelophillum, Heracleum, Angellica, Fritillaria и др., мы находимъ по Камчатской долинѣ колоссальныя и стройныя тополи, крупную березу, а также лиственницу (до 39—40 арш. длины и $1^3/_4$ арш. въ срубѣ) и пихту, что является особенно интереснымъ, такъ какъ онѣ нигдѣ, въ другихъ мѣстахъ полуострова,—болѣе не встрѣчаются [1]).

Между этими двумя группами растительности рѣзкой разницы,

---

[1]) Миддендорфъ (l. c. 509 стр.) говоритъ, что здѣсь господствуетъ лиственница и ель, о пихтѣ совсѣмъ не упоминаетъ. Ледебуръ (Flora Ross. III—669 стр.) говоритъ только о лиственницѣ и пихтѣ (Abies sibirica Ldb.). Ditmar (см. ниже) упоминаетъ послѣдніе два вида. Kittlitz (l. c. XIX стр.) говоритъ о двухъ видахъ ели и лиственницѣ. Мы можемъ указать, что пихта встрѣчается по берегу Кроноцкаго залива къ сѣверу отъ р. Семячикъ.

однако, не существуетъ, такъ какъ небольшія тундры встрѣчаются и по долинѣ р. Камчатки.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію растительности первой группы. Въ ней будемъ отдѣльно разсматривать растительность береговъ и Парапольскаго дола.

Восточный берегъ Камчатки, какъ мы выше говорили (гл. III), отъ Лопатки до Авачинской губы представляетъ гористую мѣстность, сплошь заполненную отрогами хребта и вулканическихъ сопокъ, между которыми встрѣчаются небольшіе распадки или вѣрнѣе тѣсныя ущелья; отъ Авачинской губы до Укинской, гдѣ кончаются послѣднія развѣтвленія Восточнаго хребта, мѣстность носитъ менѣе гористый характеръ и имѣетъ широкія распадки рѣчныхъ долинъ, представляющія характеръ болотъ и отчасти тундръ и тянущіяся далеко въ глубь страны. Дальше на сѣверъ отроги Срединнаго хребта не доходятъ до морского берега, оставляя полосу для унылой тундры, которая кончается сейчасъ у сел. Кичиги; послѣ этого боковыя отроги снова упираются въ море крутыми утесами и вертикальными обрывами, или же на морскомъ побережьѣ снова встаютъ самостоятельныя вершины вулканическаго характера (судя по нахожденію здѣсь сѣры).

Вся южная часть [1]) исключительно поросла кустарниками ольхи (Alnaster fructicosus Ldb.), березы (Betula Ermanii Cham.), ивы, таволги и кое-гдѣ, на каменистыхъ холмахъ, кедроваго сланца (Pinus pumila Pall.); только въ небольшихъ и закрытыхъ бухточкахъ здѣсь встрѣчается болѣе богатая травяная и кустарниковая растительность; есть и крупная береза (B. alba) довольно густыми площадками.

Тамъ, гдѣ ущелья и рѣчныя распадки кончаются широкими площадями, эти послѣднія (какъ напр. противъ о. Старичковъ) состоятъ изъ песчаныхъ дюнъ, слегка прикрытыхъ иломъ, поверхъ котораго тянутся обширныя заросли гороха (Pisum maritimum L.) съ виднѣ-

---

[1]) Этотъ гористый и труднопроходимый уголокъ Камчатки никогда не привлекалъ на жительство мѣстныхъ инородцевъ. Изъ путешественниковъ, бывшихъ въ Камчаткѣ, также никто не посѣтилъ внутренней части, а большая часть ихъ довольствовалась или разсказами камчадаловъ или осматривала побережье на шлюпкѣ на ограниченномъ протяженіи. Намъ лично удалось осмотрѣть лѣтомъ 1892—1893, и 1897 гг. только нѣкоторыя мѣста. Поэтому при составленіи картины ландшафтовъ побережья приходилось пользоваться указаніями Крашенинникова, Сарычева, Китлица и Дитмара.

ющимися по мѣстамъ Mertensia maritima L. и Honkeneja peploides L.

Если въ названныхъ распадкахъ и рѣчныхъ долинахъ встрѣчаются озерки, то они окружены рѣдкими кустарниками: Lonicera Chamissoi Bge., Spiraea betulifolia L., Rosa alpina Pall., Sedum palustre L., Cassiope ericoides D. Don., Linnea borealis L.; травянистая растительность состоитъ изъ Atragene alpina L., Ranunculus pygmeus L. β. kamtschaticus Rgl., Coptis trifolia Salsb., Nasturcium palustre DC., Arabis Gerardi Bess., Cochlearia oblongifolia D.C., Viola palustris L., Silene repens Patrins, Arenaria graminifolia Willd., Stellaria ruscifolia Willd. α. typica Rgl., Allium victoriale L., Saussurea alpina DC., Cineraria palustris L. α. genuina Hrd., Artemisia glomerata Ldb., Cacalia hastata L., Poa arctica R. Br., Limnas Stelleri Trin. и осоки.

По склонамъ хребтовъ, кромѣ упомянутой выше древесной растительности, травяной покровъ составляютъ: Atragene alpina L., Anemone caerulea Güld., Aconitum kamtschaticum Pall., Papaver alpinum L. δ. nudicaule Rgl., Corydalus paeonifolia Pers., Draba incana L. ε. kamtschatica Rgl., Sisymbrium arenosum L., Barbarea vulgaris R. Br. β. stricta Rgl., Viola canina L. β. silvestris Lam., Gypsophilla violacea Ldb., Silene inflata Sm. β. typica Rgl., Alsine macrocarpa Fenzl. v. Riederiana Rgl., Stellaria borealis M.B. α. apetala Fenzl., Bupleurum triradiatum Adams., Sium cicutifolium Gmel., Cacalia auriculata D.C., Mulgedium kamtschaticum Ldb., Saussurea Ledebouri Herd. β. subsinuata Herd., Scorzonera radiata Fisch., Cineraria frigida Rich., Elymus arenarius L., Bromus purgans L., Avena flavescens L.

Но въ общемъ — флора этой мѣстности носитъ однообразный характеръ, съ которымъ гармонируетъ мрачный видъ крутыхъ береговыхъ скалъ и голыхъ склоновъ сопокъ. Такой характеръ растительности сохраняется и на сѣверѣ отъ Авачинской губы, хотя измѣнившійся орографическій видъ побережья вноситъ нѣкоторое разнообразіе въ болѣе частой смѣнѣ ландшафтовъ. Береговыя каменистыя розсыпи покрыты зарослями гороха (Pisum maritimum L.), къ которому только изрѣдка примѣшиваются: Artemisia Stelleriana Bess., Ligusticum scoticum L., Cicuta virosa L. β. tenuifolia Gmel., Senecio pseudo-arnica Less. β. major Herd., Honkeneja peploides L. Sedum Rhodiola DC., Saxifraga punctata L., а также Cassiope ericoides D. Don., Arctostaphylos alpina Sprngl.

Встрѣчаются на такихъ мѣстахъ и кустарники приземистой ольхи

(Alnaster fruticosus Ldb.), ветлы (Salix viminalis L., arctica S. Pall.) и кедроваго сланца, но только среди прибрежныхъ скалъ, или въ устьяхъ нѣкоторыхъ рѣчекъ. Такъ въ устьѣ р. Семячикъ берега покрыты довольно богатой кустарниковой растительностью, состоящей изъ зарослей ивы, боярки, жимолости (Lonicera coerulea L.), бузины (Sambucus racemosa L.), розъ и таволги (Spiraea sorbifolia L., S. betulifolia L. α. glabra Pall.) Вмѣстѣ съ тѣмъ становится богаче и травяная растительность, среди которой особенно выдаются: Epilobium angustifolium L., Heracleum dulce L., Fritillaria kamtshatcensis Fisch. и злаки: Festuca, Bromus erectus Huds., Poa loxa Henke, P. arctica R. Br., P. compressa L., Avena sesquifolia Ldb., Agrostis laxiflora R. Br., Phleum alpinum L. и др., а также: Ranunculus Cymbalariae Purch., Draba hirta L., leiocarpa Rgl., Cardamine pratensis L., Möhringia lateriflora Fenzl. β. typica Rgl., Cerastium dahuricum Fisch., Hieracium umbellatum L., Aster silenifolius Turcz., Matricaria discoidea DC., Achillea Ptarmica L. v. speciosa Herd., Sanguisorba tenuifolia Fisch., Potentilla stolonifera Lehm., Stachys Riederi Cham., Pedicularis lapponica L. и др.

Однако, эта растительность не доходитъ до самаго берега, гдѣ она замѣняется Pisum maritimum L., и Diapensia lapponica L., или же берега совершенно пустынны. Такъ въ устьѣ р. Камчатки тянутся на довольно значительныя пространства дюны; ближе къ морю онѣ едва прикрыты осокой, злаками и рѣдкими экземплярами Pisum maritimum L., но въ верховьяхъ дельты на нихъ встрѣчаются болота, поросшія довольно густо уже высокими злаками (Bromus, Aira, Calamogrostis, Festuca); на болѣе сухихъ мѣстахъ видны хвощи (Equisetum scirpoides Mich., hyemale L., limosum L.), Sedum Rhodiola DC., Elymus mollis Trin.; а еще далѣе, по долинѣ рѣки, встрѣчаются уже и кустарники уродливой ольхи, ветлы и березника. Мало измѣняется растительность и внутрь страны на такихъ открытыхъ мѣстахъ до Восточнаго хребта: высокоствольныхъ деревьевъ здѣсь нѣтъ, а травяная растительность не рѣдко переходитъ въ тундру, которая тянется то безпрерывной полосой, то островками; на низкихъ мѣстахъ и въ логахъ она переходитъ въ болота, но составъ ея почти не измѣняется; господствующими формами остаются все тѣ-же бурые и сѣроватые мхи, а болѣе общими: Ranunculus acris L. ε. frigidus Rgl. et Maack., R. repens L., Barbarea vulgaris R. Br., Cardamine angulata Turcz. v. kamtschatica Rgl., Cochlearia oblongifolia DC., Draba alpina L. α legitima Rgl., Viola kamtschatica Gings.

Cerastium alpinum L., Beeringianum Cham., Cherophyllum nemorosum Sprngl., Conioselinum kamtschaticum Rup., Ligusticum scoticum L., Aster sibiricus L., Erigeron acris L. β. kamtschaticus Herd., Artemisia arctica Less., Dryas octopetala L., Poa stenantha Trin., P. arctica R. Br., а также многія изъ осокъ.

Только по берегамъ и островамъ нѣкоторыхъ рѣчекъ можно встрѣтить болѣе разнообразную и лучше развитую растительность: изъ кустарниковъ:—жимолость, калину, боярку, рябину, черемуху, таволгу и ивы; изъ травянистыхъ Anemone narcissiflora L., montantha DC., Ranunculus Flammula L., γ. filiformis Hook., R. radicans Mey., Delphinium brachycentrum Ldb. Aconitum kamtschaticum Pall. β. maximum Rgl., Arabis Gerardi Bess. β. borealis Rgl., Stellaria radians L., humifusa Rot., β. oblongifolia Rgl., Vicia amaena Fisch., Lathyrus pratensis L. v. pilosa L., Potentilla elegans Cham., Epilobium latifolium L., Sedum Rhodiola DC., Cherophyllum nemorosum Sprgl, Carum Carvi L., Pedicularis adunca MB., Erigeron uniflorus L., Bidens radiata Thuill., leucanthemum arcticum DC., Artemisia sachalensis Tiles., glomerata Ldb., Cineraria campestris Retz, α. Ledebouri Herd., Poa annua L., serotina Ehrh., Hierochloa borealis R. et Sch., Calamagrostis deschampsioides Trin., Bromus purgans L., Elymus dasistachys Trin. и др.

И чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ однообразнѣе становится растительность, чему способствуетъ равнина и тундряной характеръ мѣстности. Заросли сѣроватаго Pisum maritimum L. съ нѣкоторыми другими видами, какъ Honkeneja peploides L., Senecio pseudoarnica Less., Cicuta virosa L, Artemisia borealis Pall. и др. тянутся на большія пространства. По берегамъ рѣчекъ онѣ смѣняются зеленѣющей полосой луговыхъ растеній (Poa, Bromus, Festuca, Avena) и особенно осокъ, или небольшими кустарниковыми зарослями таволги и ивъ. Или же уступаютъ свое господство моховымъ тундрамъ, которыя поросли мѣстами брусникой, морошкой, толокнянкой (Arctostaphylos uva ursi Spngl.) и черникой. Травяная растительность еще менѣе богата, нежели на южномъ побережьѣ. Кустарники разныхъ ивъ, ольхи, жимолости и таволги здѣсь болѣе уродливы и приземисты.

Чрезвычайно характерной является мѣстность между селеніями Холюлино и Кичиги: гребень Срединнаго хребта находится всего какихъ нибудь въ 35—40 верстахъ отъ морского берега; склоны его круты, а отроги не длинны; остающаяся полоса между этими по-

слѣдними и моремъ представляетъ небольшой уклонъ, который рѣзко дѣлится на слѣдующія полосы: отъ 3 до 5 верстъ тянется мокрая болотистая тундра, за ней слѣдуетъ волнистая и кочковатая тундра—оленная, почти исключительно покрытая оленьимъ мохомъ; далѣе слѣдуетъ кедровая тундра съ ерникомъ и торчащими изъ-подъ мохового покрова полуразрушенными глыбами горныхъ породъ и наконецъ по самому склону отроговъ и хребта слѣдуетъ полоса кустарниковъ ольхи, ерника и Эрмановой березы, которая составляетъ ея фонъ.

На мшистомъ коврѣ моховой тундры мы находимъ различные виды: Hypnum Sphagnum, Polytricum, Bryum и др.; изрѣдка попадаются Atragene alpina L. (β. ochotensis Regel et Til.), Anemone narcissiflora L., (α fasciculata D.C.), Ranunculus Flammula L., Papaver alpinum L., (δ nudicale Rgl.), Barbarea vulgaris L. (β stricta Rgl.), Draba alpina L., Capsella Bursa pastoris L., Viola kamtschatica Gings., Aesine arctica Fenzl; macrocarpa Fenzl. β. sibirica Rgl., Galium trifidum L., Saussurea glomerata Poir., Cineraria palustris L., Poa cenisia All., Allium splendens Willd. и пр.

Тундра богата морошкой (Rubus chamaemorus L.) и черникой (Vaccinium Myrtillus L.), но мѣстные жители коряцко-камчадальской помѣси не собираютъ ихъ; они запасаютъ только коренья—«пинаты», похожія на камчадальскую макаршу, а изъ крапивы (Urtica dioica L. v. angustifolia Ldb.), растущей по берегамъ рѣкъ, приготовляютъ прядево для рыбныхъ и соболиныхъ сѣтей.

Прослѣдивъ флору прибрежныхъ мѣстъ, вернемся немного назадъ къ среднему району (Авача-Уки) и остановимся на растительности гористыхъ мѣстностей, расположенныхъ въ окрестности Авачинской и Бичевинской бухтъ и Шипунскаго мыса [1]), гдѣ растительность нашла для себя лучшія условія существованія, такъ какъ защищена отъ непосредственнаго вліянія морскихъ вѣтровъ; а рельефъ, кромѣ того, способствовалъ и ея большему разнообразію. Вотъ почему въ такихъ мѣстностяхъ можно встрѣтить и зеленѣющія долины, поросшія разнообразными травами и кустарниками, и хорошіе березовые и тополевые лѣса, и альпійскія лужайки съ ихъ яркими цвѣтами; но съ другой стороны вы находите также и однообразную пустынную тундру съ зарослями кедроваго сланца.

По долинамъ и въ устьяхъ рѣчекъ, текущихъ здѣсь, встрѣча-

[1]) Ditmar, S. 272.

ются, обыкновенно, луговыя пространства. Они покрыты высокой, довольно разнообразной и богатой растительностью. Тутъ находятся: Atragene alpina L. β. ochotensis Rgl., Anemone narcissiflora L., Delphinium brachycentrum Llb., Aconitum kamtschaticum Pall. Cardamine silvatica Bess., Draba nemorosa L., a biocarpa Ldb., Viola epipsila Ldb., Parnassia palustris L., Stellaria media Willd. β. oligandra Fenzl., Cerastium dahuricum Fisch, Nardosmia frigida Hook. Aster silenefolius Turcz., Matricaria discoidaea DC., Solidago virgaurea L., Achillea impatiens L., Arnica angustifolia Vhal. et Turcz., Senecio Jacobea L., Cirsium kamtschaticum Ldb., Mulgedium hastatum Less., Allium ursinum L. и разнобразные злаки.

Иногда эти луга переходятъ въ болота, съ преобладанiемъ злаковъ и осокъ. Вообще злаки и осоки занимаютъ здѣсь особенно видное мѣсто, благодаря однообразiю другихъ растенiй.

Почти всегда на лугахъ встрѣчаются кустарники таволги, ивъ, розъ, жимолости, калины, малины, смородины (Ribes rubrum L. и alpinum C. A. M.), достигающихъ здѣсь весьма богатаго развитiя.

Далѣе отъ берега, особенно по долинамъ и ущельямъ горъ растительность становится еще богаче. Кустарники ивъ, таволги, жимолости, бузины, калины, розъ, черемухи, образуютъ уже сплошныя заросли, среди которыхъ поднимаются высокостебельные: Angelica silvestris L.. Heracleum dulce L., Epilobium angustifolium L., Senecio palmatus Pall., Fritillaria kamtschatcensis Fisch. и много другихъ: Aster silenifolius Turcz., sibiricus L., Leucanthemum Gmelini Ldb., Saussurea pycnocephala Ldb., Cirsium oleraceum Scop., Mulgedium kamtschaticum Ldb., Scorsonera radiata Fisch., Valeriana capitata Pall., Anemone narcissiflora L., Atragene alpina L. Trollius patulus Salsb., Aconitum Kusnetzoffii Rchb. v. genuinum Rgl., лютики, фiалки, герани (Geranium erianthum DC., sibiricum L.) и многiя другiя, особенно злаки (Elymus mollis, Trin., E. arenarius L., Poa laxa Henke., P.pratensis L., compressa L., Stenantha Trin., annua L , Hierochloë borealis R. et Sch., glabra Gor., Avena sesquiflora Ldb., Calamagrostis deschampsioides Trin., Agrostis laxiflora R. Br., Phleum alpinum L.) и осоки.

Ближе къ горамъ растительность становится еще гуще, особенно на солнечныхъ мѣстахъ; тамъ она обыкновенно сливается съ небольшими рощами березъ (Betula alba L. и Ermani Cham., послѣдняя хотя и здѣсь сохраняетъ свою «дубовидную» форму, но имѣетъ болѣе густую листву, нежели на открытыхъ берегахъ. Среди нихъ встрѣчаются осины, тополя Populus suaveolens Fisch.) и ольхи

(Alnus incana Willd.). И чѣмъ глубже удаляться въ страну, тѣмъ лучше становится растительность. По долинамъ будутъ встрѣчаться цѣлыя рощи высокихъ стройныхъ березъ (Betula alba L.), тополей и ольхъ (Alnus incana Willd.), а въ болѣе защищенныхъ мѣстахъ и рѣдкіе экземпляры хвойныхъ: лиственница и пихта.

Но высоко въ горы эта растительность, однако, не поднимается: тамъ уже сказывается неблагопріятное вліяніе моря и вѣтровъ. Такъ, тополь и хвойныя совсѣмъ не выходятъ изъ долинъ. Нѣсколько выше растутъ березы и ольха; а на верхнихъ склонахъ горъ господствуютъ уже Betula Ermani Cham., ольха (Alnaster fruticosus Ldb.), осина и масса кустарниковыхъ: Spiraea kamtschatica Pall., betulifolia L., Pyrus sambucifolia Cham., Rosa Gmelini Ldb., alpina Pall. и разныя ивы (Salix myrtilloides L., caprea L. [1]) и др.

Еще выше растительность уже замѣтно мѣняется. Изъ древесныхъ породъ преобладаютъ заросли кедроваго сланца, который появляется не только на скатахъ горъ, но и на каменистыхъ вершинахъ, гдѣ можно найти хотя незначительный слой земли. Тамъ къ нему пристаетъ только стелющаяся ольха (Alnaster fruticosus Ldb.); оба эти вида не поднимаются отъ поверхности выше фута и такъ густо переплетаются между собой вѣтвями, стволами и корнями, что образуютъ непроходимыя пространства. Изъ травянистыхъ растеній здѣсь встрѣчаются весьма немногія: низкрослые лютики—Ranunculus auricomus L., Bupleurum triradiatum Adams., Conioselinum Gmelini Friss., Cineraria frigida Rich., Artemisia arctica L., Draba incana L., Saxifraga nitida Schreb., Sedum Stephani Rgl. et Tib., Potentilla villosa L. β. gracilis Rgl., Veronica Aphylla L., Pedicularis amoena Adams., Poa laxa Henke., Elymus arenarius L., Avena flavescens L.

Такую небогатую высокогорную растительность можно наблюдать, особенно, на прибрежныхъ горахъ, болѣе подверженныхъ вліянію морскихъ бурь и холодныхъ вѣтровъ (напр. на Шипунскомъ мысу [2]). На нихъ растительность носитъ совершенно альпійскій характеръ. Подъ прикрытіемъ скалъ здѣсь растутъ одинокія уродливыя Betula Ermani Cham., чаще—низкорослыя ольхи (Alnaster fruticosus Ldb.), кедровый сланецъ и ивы. Оставшіяся отъ послѣднихъ свободныя пространства густо поросли лишайниками. Они обволакиваютъ плот-

---

[1]) Ditmar, l. c. 109 стр. Kittlitz (t. c. XXI cap.)
[2]) Ditmar, l. c. 252 стр.

нымъ ковромъ все, что осталось не заселено другими растеніями; въ особенности укутаны сыровато-слизистой лишайниковой массой скалы и утесы, обращенные къ морю. Изрѣдка виднѣются островки ярко-желтаго, почти стелящагося Rhododendron Chrysanthum Pall., или ярко-краснаго и болѣе высокаго Rhododendron Kamtschaticum Pall. и различныя Saxifragae. Кое-гдѣ между скалъ зеленѣютъ небольшія лужайки, поросшія альпійскими травами: Papaver alpinum Ldb., Trollius patulus Salsb., α genuinus Rgl., Aconitum Kusnetzoffii Rchb. v. genuinum Rgl., Viola blanda Hook., Möhringia lateriflora Fenzl. β. gracilis Rgl., Bupleurum triradiatum Adams., Aster alpinus L., Gnaphalium margaritaceum L., Cacalia auriculata DC., Saussurea Ledebouri Herd., β. subsinuata Herd., Astragalus alpinus L., Gentiana glauca Pall., Veronica Stelleri Pall., Iris setosa Pall., Eritrichium Chamissonis DC.

Полную противоположность открытымъ мѣстамъ прибрежныхъ горъ представляютъ ихъ долины и бухты, гдѣ растительность была защищена отъ губительнаго вліянія вѣтровъ, не смотря на близость моря. Такъ растительность береговъ Талигерской губы, особенно въ устьѣ рѣчки, представляетъ полный контрастъ съ растительностью прилежащихъ вершинъ. Здѣсь кругомъ виднѣется ярко-зеленый покровъ густыхъ высокихъ травъ, на которомъ тянутся густыми полосами заросли разнообразныхъ кустарниковъ, а кое-гдѣ появляются небольшіе березовые и тополевые лѣски.

Иногда такую растительность можно встрѣтить и на открытыхъ мѣстахъ, но болѣе удаленныхъ отъ берега. Въ этомъ отношеніи интереснымъ является среднее теченіе р. Семячика, гдѣ на небольшихъ холмахъ, среди березоваго лѣса, находится небольшой островокъ пихтъ [1]).

Тундры, являясь господствующими на открытыхъ берегахъ, не исчезаютъ однако и въ гористыхъ мѣстностяхъ; такова напр. Столбовая тундра, отъ сел. Еловки до перевала Камчатскаго хребта. Онѣ появляются какъ среди горныхъ вершинъ, такъ и по берегамъ защищенныхъ бухтъ, вездѣ сохраняя свой характеръ. Буроватые мхи:

---

[1]) Ditmar, l. c. 765 стр. По Миддендорфу (l. c. 626 стр. 508 и др.) на Камчаткѣ растетъ ель, а не пихта. Крашенинниковъ (l. c. 44 стр.) еще въ 1795 г. писалъ—«здѣсь по Семячикѣ растетъ малое число пихтовнику, каковаго дерева нигдѣ болѣе по Камчаткѣ не примѣчено. Оный лѣсъ у камчадаловъ, какъ заповѣдный хранится». Kittlitz (l. c. XIX с.) говоритъ о «настоящей ели» и похожей на нее; послѣдняя изъ нихъ вѣроятно и есть пихта.

Hypnum, Polytrichium, Bryum) съ Empetrum nigrum L., Rubus chamemorus L., Rhododendron kamtschaticum Pall., Linnea borealis L., Dryas octopetala L. и нѣк. другія—ясно говорятъ объ этомъ.

Таковъ общій характеръ растительности восточнаго побережья Камчатки.

Тундра, песчаныя равнины или плоскія возвышенности занимаютъ всю западную половину полуострова отъ Срединнаго хребта; даже его короткіе отроги, въ нѣкоторыхъ пунктахъ приближающіеся къ морю, подъ конецъ получаютъ характеръ плоскихъ уваловъ, по которымъ тянется тотъ же тундряной покровъ, за исключеніемъ рѣдкихъ и небольшихъ площадокъ березника. Отъ р. Озерной до сел. Кругогорово тянется сплошная и мокрая тундра, трудно проходимая лѣтомъ, а между рѣками послѣдняго селенія и Колпаковымъ имѣетъ характеръ дышащаго болота, въ которомъ тонетъ человѣкъ и олень. На такой почвѣ, понятно, не можетъ быть и рѣчи о богатой флорѣ; сравнительно полнѣе и разнообразнѣе она еще встрѣчается по берегамъ рѣкъ.

Растительность западнаго побережья, въ общемъ, мало разнится отъ только-что описанной, но бѣднота и однообразіе ея достигаютъ крайнихъ предѣловъ.

Изъ травяной растительности морского берега нужно прежде всего упомянуть морской горохъ (Pisum maritimum L.), видъ зарилюбисты (Ligusticum scoticum L.), Cicuta virosa L., Stellaria humifusa Rot., Honkeneja peploides L., v typica Fenzl., Mertensia maritima G. Don., Chenopodium album L.

Изъ кустарниковыхъ формъ здѣсь появляется изрѣдка кедровый сланецъ, ольха (Alnaster fruticosus Ldb.), разные виды таволги, ивы и жимолость (Lonicera Chamissoi Bge.)

Далѣе отъ моря растительность становится богаче. Изъ кустарниковъ встрѣчаются Lonicera coerulea L., Spiraea betulifolia L., Pyrus sambucifolia Cham., розы и изрѣдка Betula Ermani Cham., B. nana L. Но всѣ они растутъ разбросанно и только тамъ, гдѣ мѣстность начинаетъ холмиться, образуютъ небольшія заросли. Травяная растительность также не богата; сюда относятся: Conioselinum kamtschaticum Rup., Carum carvi L., Cineraria frigida Rich., Saussurea alpina DC., δ. maxima Ldb., Leucanthemum arcticum DC., Allium splendens Willd., Alsine macrocarpa Fenzl. ς. Riederiana Rgl., Veronica incana L., Sedum kamtschaticum Ldb., Poa nemoralis L. β. cearctata Ldb., Elymus mollis Trin., Avena flavescens L., а на

тундрѣ около Большерѣцка растетъ анисъ (или же Peucedanum?) большими площадями, ягодные кустарники въ огромномъ количествѣ составляютъ необходимую принадлежность западнаго берега и нѣкоторое разнообразіе въ пищѣ жителей: Empetrum nigrum L., брусника, морошка, черника, клюква и Arctostaphylos uva ursi Sprgl.

Значительно богаче и разнообразнѣе растительность по берегамъ рѣкъ. По Тигилю, Ичѣ и др. можно встрѣтить густыя заросли кустарниковъ—ивы, жимолости, калины, рябины, черемухи, розъ, малины и Pyrus sambucifolia Cham. Среди нихъ иногда появляются осина, береза (Betula alba L.), а изрѣдка и тополь (Populus suaveolens Fisch.), хотя онѣ не достигаютъ здѣсь значительныхъ размѣровъ и не образуютъ лѣсовъ, какъ по рѣкамъ, впадающимъ въ Авачинскую губу [1]).

Травяная растительность здѣсь также довольно богатая. Ее образуютъ: разнообразные лютики, вѣтреницы (Anemonae), герани и многія другія: Bidens radiata Thuill, Senecio palmatus Pall., S. nemorensis L., Aster silenifolius Turcz., Matricaria Chamomilla L., Gnaphalium uliginosum L., Cineraria palustris L., γ. genuina Herd., Draba nemorosa L., Arenaria Redowskii Cham. et Schlecht., Stellaria radians L., Epilobium augustifolium L., E. latifolium L., Geum macrophyllus Willd., Potentilla fruticosa L., Gentiana frigida Hock., Sedum kamtschaticum Ldb., Oxytropis campestris DC., Hedysarum Setigerum Turcz., Pedicularis lapponica L., Langsdorfii. Fisch., Scutellaria scordifolia Fisch.; а также разнообразные злаки, осоки и весьма частая на западныхъ берегахъ,—крапива (Urtica dioica L., angustifolia Ldb.) [2]).

Но въ общемъ мѣстность носитъ характеръ тундры, поросшей мхами, надъ которыми высятся заросли брусники, черники, морошки и голубицы.

Такую же небогатую растительность имѣютъ и прибрежные холмы, которые тянутся отъ Лопатки до р. Озерной, отъ р. Бѣлоголовой до мыса Омгонъ (или Амбонъ у р. Тигиль) и потомъ между Паланой и сел. Кинкильскимъ; растенія тундряного характера съ кустарниками кедроваго сланца, карликовой и Эрмановой березы. Только берега здѣшнихъ рѣкъ даютъ нѣсколько лучшій пріютъ ра-

---

[1]) Ditmar, l. c. 625 стр.

[2]) Крапива занимаетъ, по нашимъ наблюденіямъ, большія поля, начиная отъ сел. Бѣлоголоваго включительно до р. Лѣсновской; далѣе между рр. Таловка и Куэлъ; на восточной сторонѣ между сел. Дранкой и Кичигой. Она достигаетъ высоты роста человѣческаго.

стительности: береза и ольха крупнѣе, ива—гуще, боярка, розы и жимолость имѣютъ болѣе пышный видъ; травяная растительность по островамъ рѣкъ и отлогостямъ сосѣднихъ уваловъ достигаетъ могучаго роста 20—30 вершковъ. Особенный интересъ и крайне оригинальную картину представляютъ зонтичныя: на сотни саженъ, иногда на цѣлыя версты по склонамъ уваловъ и рѣчнымъ долинамъ тянется этотъ своеобразный лѣсъ медвѣжьяго корня (Angelophyllum ursinum Rup.)[1]) и сладкой травы (Heracleum dulce L.). Господствующимъ является послѣднiй, достигая 15 футъ въ высоту и 5 дюймовъ въ толщину. Такiя обширныя заросли великановъ—зонтичныхъ—мы встрѣчали главнымъ образомъ по западному берегу Камчатки, по рѣкамъ Палана, Крутогорова, Утка, Большая и пр.; здѣсь они достигаютъ такихъ размѣровъ, какiе рѣдко приходилось встрѣчать въ болѣе плодородной и тихой долинѣ р. Камчатки.

Нѣсколько иной характеръ представляетъ изъ себя растительность Парапольскаго дола.

Уже къ сѣверу отъ р. Подкагирной горы переходятъ въ невысокiе холмы и начинается пустынная равнина то песчаная, то болотистая, а мѣстами переходящая въ тундру. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ мѣстность становится ровнѣе и ниже и тѣмъ все большiя и большiя пространства захватываетъ тундра; наконецъ выше 60° тундры сливаются въ одно необозримое море мховъ.

Унылую картину представляетъ эта мѣстность. Однообразная жалкая растительность съ общимъ грязнобурымъ фономъ мховъ виднѣется всюду предъ глазами, тянется безъ конца и исчезаетъ гдѣ-то въ мутной дали горизонта. Кажется, что здѣсь нѣтъ никакой другой растительности кромѣ разныхъ видовъ мховъ и лишайниковъ. Только внимательно присматриваясь, можно разсмотрѣть нѣкоторыя другiя растенiя. Но они не блещутъ здѣсь рѣзкой окраской цвѣтовъ и яркой зеленью листьевъ: они какъ будто стѣсняются нарушить это утомительное однообразiе и не рѣшаются выдѣлиться на грязнобурой поверхности мховъ. Кустарниковыхъ зарослей почти совершенно нѣтъ; одинокiе экземпляры ольхи (Alnaster fruticosus), кедроваго сланца и ивъ почти не поднимаются надъ поверхностью тундры; часто принимаютъ стелящiяся формы, покрытыя лишайниками, ко-

[1]) Дитмаръ (l. c., стр. 608) считаетъ здѣсь ихъ сѣверную границу, что не вполнѣ вѣрно; мы эти виды встрѣчали между Карагой и Кичигой.

торыя, какъ хлопья, висятъ на стволахъ и вѣтвяхъ. Но зато здѣсь богатаго развитія достигаютъ разные виды мховъ: Bryum, Polytrichium, Hypnum, Dicranum, Sphagnum и др. Только на ихъ покровѣ виднѣются кое-гдѣ, одинокіе Empetrum nigrum L. Linnea borealis L., Dryas octopetala L. Cassiope ericoides D. Don., Senecio frigidus, Draba incana L., Sedum Rhodiola DC., Valeriana capitata Pall. и особенно осоки (Carex glareosa Wahlb., circinata C. A. M., frigida All. и др.). На болѣе сухихъ мѣстахъ виднѣются коралловыя сѣроватыя формы лишайниковъ, между которыми оленій мохъ-Cladonia rangiferina L. имѣетъ важное экономическое значеніе для бродящихъ инородцевъ.

Только берега рѣкъ представляютъ нѣкоторое разнообразіе среди монотонно-унылыхъ тундръ. Они пріютили у себя болѣе богатую растительность, дали ей большой просторъ для развитія, защищая отъ губительныхъ вѣтровъ моря. Тутъ можно встрѣтить всѣ тѣ растенія, которыя затерялись среди мховъ тундры: Ranunculus nivalis L., Draba alpina L., α legitima Rgl., Stellaria longipes Gold., α stricta Rgl., Alsine arctica Fenzl., Parrya nudicaulis Rgl., Senecio resedaefolius Less., α genuinus Herd., Pedicularis sudetica Willd, Gentiana glauca Pall., Myosotis silvatica β alpestris Hoff., Cornus suaecica L., Rhododendron kamtschaticum Pall, Polemonium coeruleum L. и различные злаки.

Также нѣкоторое разнообразіе представляетъ растительность немногихъ холмовъ, поднимающихся какъ острова, среди этого мохового моря. На нихъ гуще растутъ кустарники, особенно сланецъ, Betula nana L., B. Ermani Cham. и Alnaster fruticosus Ldb. Но и холмы не избѣжали мховъ, а на торчащихъ острыхъ обломкахъ горныхъ породъ пестрѣютъ оранжевыя, красныя и зеленовато-желтыя пятна прилипшихъ лишайниковъ.

Такое пустынное море тундръ, съ волнистой грязно-бурой поверхностью, тянется до 62°, т. е. заходитъ на материкъ и тамъ кончается у подножья Колымскаго хребта; на сѣверо-востокъ оно проходитъ съ небольшими перерывами, за р. Анадырь до Чукотскаго полуострова. На всемъ этомъ пространствѣ Парапольскій долъ вездѣ сохраняетъ свой однообразно-унылый характеръ, который усиливается еще тѣмъ, что и животный міръ избѣгаетъ этой мертвой долины, гдѣ нѣтъ убѣжища для лисицы, соболя и даже жадной россомахи.

Съ этой стороны Парапольскій долъ вполнѣ напоминаетъ тундру

полярной Сибири, и является какъ бы отголоскомъ ея флоры, выросшей въ суровыхъ условіяхъ далекаго сѣвера.

Самую богатую и разнообразную растительность имѣетъ долина р. Камчатки [1]).

На устьѣ р. Камчатки растительность носитъ еще береговой характеръ. На низменныхъ рѣчныхъ берегахъ встрѣчаются ветлы, жимолость, таволга, ольха и кедровый сланецъ; травяной покровъ небогатый, его составляютъ немногіе лютиковые, крестоцвѣтные и нѣкоторые сложноцвѣтные (Aster sibiricus L., Cacalia hastata L. α pubescens Ldb., Saussurea alpina DC.) и полыни, а также Mertensia maritima G. Don., Stellaria borealis MB., petrala Bge, Hedysarum sibiricum Poir., мѣстами появляются во множествѣ хвощи и осоки.

Въ глуби долины изъ кустарниковыхъ чаще встрѣчаются: рябина, жимолость, ивы и березки (Betula Ermani Cham). Особенно замѣтно мѣняется растительность выше Камчатскихъ щекъ и въ средней части долины, гдѣ горы достигаютъ весьма значительной высоты.

Луга, высокіе, мѣстами скалистые, берега, мѣстами—крупныя песчаныя осыпи, склоны и вершины горъ—все это несетъ резнообразную и довольно богатую растительность. Особенно пышнаго развитія достигаютъ луговыя травы [2]) на обширныхъ пространствахъ по обѣ стороны рѣки; онѣ образуютъ густой и высокій покровъ, на которомъ пестрѣютъ различные цвѣтки, среди которыхъ можно встрѣтить: Anemone narcissiflora L., β. montana D. C., Pulsatilla patens L., β. Wolfgangiana Rgl., Delphinium elatum L., v. subglabrum Ldb., Corydalus pauciflora Pers., различныя крестоцвѣтныя (Nasturcium palustre DC., α genuinum Rgl., Cardamine prorepens Fisch., purpuraea Cham. et Schlecht., Draba nemorosa L., Sisymbrium Sophia L.), фіалки, герани, розоцвѣтныя (Potentilla multifida L., norvegica L.), камнеломки (Saxifragae), зонтичныя (Lybanotis condensata Fisch., Angelica silvestris L., Heracleum dulce L.) и сложноцвѣтныя (Leucanthemum Gmelini Ldb., Inula britanica L. Senecio nemorensis L., Cirsium kamtschaticum Ldb., Scorconera radiata Fisch).

Также разнообразны и богаты здѣсь по составу кустарниковыя

---

[1]) Описаніе ландшафтовъ составлено по Kittlitz'y (l. c. text XIX и XXI cap.), Ditmar'y, Крашенинникову, Сарычеву и собственнымъ наблюденіямъ.

[2]) Крашенинниковъ (l. c. 153 стр.) говоритъ, что травы здѣсь растутъ быстро и жители косятъ 3 раза въ году. Kittlitz (l. c. 54 стр.) также упоминаетъ объ этомъ, но замѣчаетъ, что осенью, какъ только наступитъ первый морозъ, травы скоро исчезаютъ безъ слѣда.

заросли; кромѣ разныхъ ивъ (Salix nigricans Fris., ovalifolia Traut., v. glauca L., pentandra L. и др.), розъ (Rosa cinnamomaea L., v. Gmelini Ldb.), таволги (Spiraea sorbifolia L., Aruncus L., A. betulifolia L. v. glabra Pall.), встрѣчается черемуха, малина, жимолость, Pyrus sambucifolia Cham. и смородина.

Не менѣе густо растутъ эти кустарники по логамъ и подошвамъ горъ, но по склонамъ горъ господствующими является Pyrus sambucifolia Cham., нѣкоторыя ивы и Betula Ermani Cham. Изъ травянистыхъ растеній изобилуютъ: популярный въ жизни камчадаловъ Epilobium angustifolium L., сердцевина котораго извѣстная подъ именемъ кипрея служитъ для приготовленія пирожковъ, приправы къ кушаньямъ, а также для варки напитка вродѣ русскаго кваса; Senecio palmata Pall., Fritillaria kamtschatkensis Pall., замѣняющая отчасти хлѣбъ и муку сарана разныхъ видовъ—Lilium Martagon L. и spectabile Lnk., Angelica silvestris L., Heracleum dulce L., употребляемая въ пищу и служившая прежде для приготовленія «травяного вина»; Urtica dioica L. v. angustifolia Ldb. и др.

Господство Epilobium особенно замѣтно во время цвѣтенія; тогда склоны горъ принимаютъ на значительныя пространства розовато-красный оттѣнокъ; мѣстами онъ смѣняется ярко-желтымъ цвѣтомъ Senecio palmata Pall; а среди нихъ не менѣе красиво выдѣляются то оранжево-красныя, то пурпурово-черныя кудри лилейныхъ (Lilium Martagon L., L. spectabile Lank. и виднѣется много другихъ красивыхъ цвѣтовъ: Sanguisorba anemonoides W., v. Pallasii Rgl., Potentilla stolonifera Lehm., Dracocephalum grandiflorum L. α latifolium Ldb., Gentiana auriculata Pall., purpuraea L., Iris laevigata Fisch., Aster alpinus L., Calimeris tartarica Lindl., Campanula kamtschatica Pall., Astragalus alpinus L., Eritrichium pectinatum DC., Polemonium pulchellum Bge., Rhododendron kamtschaticum Pall.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ древесная растительность, такъ какъ достигаетъ здѣсь наилучшаго развитія, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ полуострова.

Ольха (Alnus incana Willd.), которая встрѣчается на побережьѣ нерѣдко въ уродливой кустарной формѣ, дѣлается здѣсь неузнаваемой: она достигаетъ значительной высоты и толщины и образуетъ нерѣдко лѣса. Также большихъ размѣровъ достигаетъ береза (Betula alba L.) и B. dahurica Pall., лѣса которой тянутся на десятки верстъ.

Наиболѣе важными и характерными для долины являются хвой-

ныя—лиственница и пихта, а также тополь, которыя рѣдко гдѣ встрѣчаются внѣ этой долины и всегда только въ гористыхъ мѣстностяхъ [1]).

Лиственница (Larix dahurica Turcz) и пихта (Abies sibirica Ldb.) не образуютъ здѣсь дремучихъ лѣсовъ (подобныхъ сибирской тайгѣ), а въ соединенiи съ лиственными деревьями и кустарниками, скорѣе носятъ паркообразный характеръ. Иногда по берегамъ рѣки, а чаще вдали отъ нихъ и въ защищенныхъ логахъ, у подножiя хребтовъ, хвойный лѣсъ встрѣчается густыми полосами; причемъ лиственницы не рѣдко достигаютъ 35 метр. высоты. Но на горахъ, онѣ, обыкновенно, встрѣчаются вмѣстѣ съ лиственными породами и не такъ часто. Среди послѣднихъ особено выдаются высокiе, стройные съ серебристой корой тополи (Populus suaveolens Fisch), менѣе высокiя, но такiя-же стройныя березы (Betula alba L). и ольхи (Alnus incana Willd.), которымъ сопутствуютъ черноталина (Salix pentandra), Betula Ermani Cham., Alnaster fruticosus Ldb. и множество кустарниковъ. Можно сказать, что въ лѣсной полосѣ долины и кустарники достигаютъ наилучшаго развитiя. Нерѣдко они образуютъ на опушкѣ лѣсовъ густое предлѣсье, составленное изъ разнообразныхъ видовъ таволги (среди которыхъ особенно выдается своимъ высокимъ и стройнымъ ростомъ Spiraea kamtschatica Pall розы, черемуха, малина, смородина, рябина, жимолость, калина, карагана и боярышникъ (Crataegus sanguinea Pall) [2]).

Также богата и разнообразна сопутствующая лѣсамъ травяная растительность. На яркозеленомъ густомъ коврѣ изъ различныхъ камнеломокъ (Saxifragae) поднимаются яркiе цвѣтки и всевозможныя травы: Atragene alpina L., Anemone nemorosa L., Cimicifuga foetida L., simplex Rgl., Aconitum kamtschaticum Pall., α typicum Willd., Papaver alpinum L., P. crocaeum Rgl., Cardamine prorepens Fisch., Draba alpina L., α legitima Rgl., Viola kamtschatica Gings., Arenaria grami-

---

[1]) Лѣсная полоса лежитъ здѣсь на высотѣ 0—2900 ф. (Гризебахъ l. c. 161 стр.). Такой низкiй уровень объясняется исключительно присутствiемъ холоднаго моря, которое понизило здѣсь всѣ растительные пояса. Ditmar (l. c. 348 стр. и карта) отмѣчаетъ главную область хвойнаго лѣса по среднему теченiю р. Камчатки отъ Еловки до Кирганика на югѣ.

[2]) Ягоды боярышника употребляются въ пищу и имѣютъ вяжущiй сладковатый вкусъ. Камчатскiе жители называютъ боярышникъ чернымъ вслѣдствiе темнаго цвѣта спѣлыхъ ягодъ, утверждая, что краснаго боярышника совсѣмъ нѣтъ въ Камчаткѣ.

nifolia Willd., v. parvifolia Fenzl., Stellaria humifusa Roht., Heracleum dulce L., Cherophyllum nemorosum Sprngl., Angelica silvestris L., Angelophyllum ursinum Rup., Nordosmia Gmelini DC., Saussurea Ledebouri Herd. Hieraclium vulgatum Friss., Mulgedium hastatum Less., Senecio nemorensis L., palmatus Pall., Gnaphalium uliginosum L., Leucanthemum Gmelini Ldb., Galatella dahurica DC., также разнообразные злаки, хвощи и папортники (Woodsia glabella R. Br., ilvensis R. Br., Cystopteris montana Link., Asplenium crenatum Fr., Adianthum pedatum L.)

Высокоствольные лиственные и хвойные лѣса распространены, однако, не по всей долинѣ равномѣрно: первые чаще всего тянутся довольно широкой полосой вдоль береговъ р. Камчатки, а вторые отступаютъ къ подножію хребтовъ; въ среднемъ теченіи этой жизненной артеріи полуострова хвойныя породы представляютъ по своимъ размѣрамъ мачтовый лѣсъ, а къ сѣверной и южной границамъ онѣ мельчаютъ, хотя это болѣе приложимо къ послѣднему пункту, чѣмъ къ первому, гдѣ у такъ называемаго м. Старичка, близь сел. Еловки, мы встрѣчали большія рощи очень крупной лиственницы За указанными предѣлами хвойная растительность становится рѣже и уступаетъ свое мѣсто Betula Ermani Cham., Alnus incana Willd. и различнымъ кустарникамъ. Особенно это замѣтно на высокихъ горахъ. У подножья ихъ встрѣчается растительность долины, включая тополь, лиственницу и пихту [1]).

Но выше хвойныя отстаютъ и замѣщаются Betula Ermani Cham., горной ольхой и различными кустарникамп, которые доходятъ до 2—2½ тыс. фут. надъ поверхностью моря; нижнюю границу ихъ образуютъ Pyrus sambucifolia Cham. На болѣе высокихъ вершинахъ появляется уже, главнымъ образомъ, кедровый сланецъ и уродливая ольха (Alnaster fruticosus Ldb.) да немногія альпійскія растенія: Gentiana frigida Hock., Eritrichium Chamissonis Dec., Chrysosplenium Kamtschaticum Rgl., Draba incana L. в kamtschatica Rgl., Conioselinum Gmelini Tries., Rhododendron chrysanthum Pall., Artemisia arctica Less. и др.

Остается сказать нѣсколько словъ о растительности сопокъ.

Наиболѣе богатая флора встрѣчается на центральныхъ сопкахъ

---

[1]) Альпійскій поясъ доходитъ до 4,900 футовъ (снѣжная линія), т. е. значительно пониженъ (Гризебахъ l. c. 161 стр.), между тѣмъ высота нѣкоторыхъ сопокъ достигаетъ 17,000 ф.

полуострова (Корякской, Авачинской, Кроноцкой и др.), но она довольно однообразна.

Такъ какъ высота сопокъ довольно значительная (Ключевская до 17,000 футъ н. м.), то по склонамъ ихъ можно наблюдать различныя растительныя зоны. Подошвы почти всѣхъ центральныхъ вулкановъ одѣты небольшими березовыми и тополевыми лѣсами и зарослями кустарниковъ таволги, жимолости, караганы, розъ в нѣкоторыхъ пвъ. Травяной покровъ также довольно разнообразный; встрѣчаются: Heracleum dulce L., Rhododendron kamtschaticum Pall., Draba nemorosa L., Anemone narcissiflora L., Delphynium brachycentrum Ldb., Stellaria radians L., Potentilla fruticosa L., Hedysarum obscurum L., Sedum Rhodiola DC., Gnaphalium margaritaceum L., Cacalia auriculata DC., Matricaria Chamomilla L., Aster alpinus L,; полыни, злаки и нѣкоторыя другія.

Березы (Betula alba L.) и тополи, обыкновенно, по склонамъ не поднимаются; кустарники (ивы, таволга, жимолость), а по западнымъ склонамъ осина, Betula Ermani Cham., Alnus incana Willd., образуютъ средній поясъ. Выше идутъ кедровый сланецъ, Alnaster fruticosus Ldb. и можжевельникъ Juniperus nana L.; изъ травянистыхъ: Rhododendron chrysanthum Pall., Alsine macrocarpa Fenzl., Cacalia auriculata DC., Eritrichium villosum Bge., Aster alpinus L., Conioselinum Gmelini Tries.; нѣкоторыя полыни, злаки и др.

Менѣе богатую растительность имѣютъ береговые сопки-вулканы (какъ напр. Семячикъ, Вилюча). У подошвы ихъ почти всегда разстилаются однообразныя небольшія тундры. И это сосѣдство видимо отразилось на растительности сопокъ—она также, какъ тундра, бѣдна и однообразна. Мхи, брусника, морошка, княженика, голубица и уродливые кустарники виднѣются всюду, куда ни падаетъ взоръ, такъ что издали склоны сопокъ незамѣтно сливаются съ тундрами; только вершины этихъ гигантскихъ сопокъ-вулкановъ, находясь выше предѣла растительности, остались для нея недоступными, за исключеніемъ развѣ лишайниковъ, распространенію которыхъ также кладетъ предѣлъ вѣчно снѣжный покровъ и раскаленные потоки вулканической лавы или удушливые пары, извергаемые подземными силами: тамъ начинается царство смерти. Но укутанныя порой облаками, часто въ темную ночь освѣщаемыя взрывомъ ракетъ, вылетающихъ изъ жерла, или играя блескомъ своего снѣжнаго покрова при косопадающихъ лучахъ заходящаго за Камчатскій хребетъ солнца, эти сопки-красавицы говорятъ нашему воображенію гораздо больше о жизни—

прошлой и будущей, нежели жалкое растительное царство однообразно-унылыхъ тундръ, разстилающихся у ихъ подножія.

Такова флора побережья Охотскаго моря и полуострова Камчатки.

Она, какъ мы видѣли, не богата по составу: лѣсная растительность выражена всего только 11 видами;—береза (2 в.), тополь (2 в.), осина, ольха (1 в.), лиственница (2 в.), ель (2 в.) и пихта—вотъ всѣ представители деревьевъ. Значительно богаче развиты кустарниковыя формы, но по сравненію съ другими округами лѣсной области Сибири онѣ также незначительны. Наиболѣе богатыми по числу видовъ будутъ роды Salix (до 25 вид.) и Spiraea (10 вид.). Всѣхъ-же кустарниковыхъ формъ можно считать около 80 (не считая деревянистыхъ растеній, какъ Vaccinium [1]). Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ кедровый сланецъ (Pinus pumila Pall.).

Типичный кустарникъ суровыхъ мѣстъ альпійскихъ высотъ, подверженныхъ всѣмъ климатическимъ невзгодамъ, житель безплодныхъ скалъ побережья,—въ этихъ округахъ сланецъ спускается кромѣ того и до морского уровня, покрывая не только скалы, но не менѣе обильно произрастая и на мшистыхъ болотахъ. Какую-жъ выносливую организацію имѣетъ эта, уродливая и жалкая на видъ, форма,—чтобъ приспособиться къ существованію въ такихъ совершенно различныхъ условіяхъ!..

Не богата и травяная растительность, особенно цвѣтковыми растеніями. Число представителей тѣхъ семействъ, которыя считаются характерными для лѣсной области, распредѣляется здѣсь такимъ образомъ:

Compositae	85 вид.
Ranunculaceae.	60 »
Cyperaceae	50 »
Gramineae	45 »
Cruciferae	35 »
Umbelliferae	30 »
Alsineae	30 »

[1]) Брусника, голубица, черника, клюква, а также смородина, морошка, малина и княженика растутъ здѣсь весьма обильно и достигаютъ удивительно-пышнаго развитія. (Миддендорфъ 663, Крашенинниковъ, 124 стр., Kittlitz, l. c. XIX cap., Ditmar, l. c. 552 стр. и др.) и занимаютъ обширныя площади.

Papillionaceae		30 вид.[1])
Scrophulariaceae		25 »

Всѣхъ явнобрачныхъ можно считать около 600 видовъ. Значительно богаче представлена флора тайнобрачныхъ; для высшихъ—число видовъ таково:

Filices	20.
Equisetum.	8.
Lycopodiaceae	10.

Для низшихъ:

Algae	57.
Musci	30.
Fungi	8.

Всего—133 вида[2]).

Не смотря на то, что списокъ тайнобрачныхъ весьма неполонъ, не трудно замѣтить, какой громадный процентъ составляютъ они въ данной флорѣ. Съ этой стороны эти округа уступаютъ только арктическимъ странамъ, гдѣ процентъ тайнобрачныхъ еще больше.

Не смотря, однако, на такую бѣдность видами, растительность здѣсь—особенно въ горныхъ долинахъ, кажется довольно богатой. Зависитъ это отъ того, что большинство растеній не пріурочено строго къ опредѣленному мѣстообитанію (за исключеніемъ нѣкоторыхъ растеній, какъ напр. Honkeneja peploides L.—которая всегда встрѣчается на берегу моря); такъ что одинъ и тотъ-же видъ можно встрѣтить не только на болотѣ или въ долинѣ, но и на сухихъ горахъ (напр.:—Vaccinium uliginosum L., Primula cuneifolia Ldb., Platanthera obtusata Ledb и др.). Кромѣ того почти всегда близкіе между собой виды растутъ вмѣстѣ и въ большомъ количествѣ.

Все это дѣлаетъ флору на взглядъ болѣе обильною, нежели она

[1]) Изъ нихъ на Камчаткѣ—10 видовъ, между тѣмъ въ лѣсной области это семейство одно изъ самыхъ многочисленныхъ, не менѣе 200 в. Ditmar (l. c. 131 s.) объясняетъ это недостаткомъ извести въ почвѣ.

[2]) Свѣдѣнія о тайнобрачныхъ весьма не полны и касаются, главнымъ образомъ, побережья Охотскаго моря. Они взяты изъ Траутфеттера (Flora ochotensis въ Middend. Reise), Борщова (Musci ochotensis, ibid.) и Ruprecht'a (Tange des Ochotskischen Meers, ibid.). Сюда совсѣмъ не вошли лишайники, низшіе грибы и нѣкоторые классы водорослей.

Два старика-камчадала.

Камчадалки сел. Облуковино.

есть въ дѣйствительности. «Къ такимъ удачнымъ пріемамъ прибѣгаетъ здѣсь природа, чтобъ скрыть то, что не уйдетъ отъ опытнаго взгляда наблюдателя»—говоритъ Тилингъ [1]). И въ этомъ выразился здѣсь, можетъ быть, естественный подборъ наиболѣе приспособленныхъ, этотъ могучій законъ борьбы за существованіе.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ древесныхъ породахъ.

Хвойныя.

Сибирская лиственница (Larix sibirica Ldb.). Встрѣчается, главнымъ образомъ, по с.—з. склонамъ Становаго хребта (верховья Уды) и Джукджура; рѣже въ долинахъ. Достигаетъ 80—90 футъ высоты и 2 ф. въ діаметрѣ. Отличается крѣпкой древесиной, почему особенно цѣнится въ постройкахъ.

Даурская лиственница (Larix dahurica Turcz.). Распространена значительно болѣе предыдущей; образуетъ большіе лѣса по всему юго-восточному Становому хр.; встрѣчается на всѣхъ прибрежныхъ хребтахъ (Джукджуръ, Уйскій и др.), въ верховьяхъ рѣчекъ, текущихъ въ юго-западной части Охотскаго моря, на прилежащихъ островахъ (Шантарскіе острова) и въ долинѣ р. Камчатки; имѣетъ красивый стройный видъ; достигаетъ 100 ф. в. при толщинѣ до $1^1/_2$ и даже $2^1/_2$ ф. Избѣгаетъ луговыхъ мѣстъ, а селится въ гористыхъ мѣстахъ. Весьма плодовита [2]). Доставляетъ лучшій строевой лѣсъ, пригодный для кораблестроенія. Но страдая отъ сильныхъ вѣтровъ и значительной влаги, она часто получаетъ уродливую, извитую форму, а при высыханіи бревна сруба трескаются и раскалываются до того, что получаются сквозныя, черезъ все бревно, щели. Зависитъ-ли это обстоятельство отъ строенія древесины, или же отъ привычки употреблять на срубъ прямо срубленныя бревна, рѣшить не беремся, но не можемъ не замѣтить, что дома и церкви въ Камчаткѣ изъ лиственичнаго лѣсу больше 10 лѣтъ не держатся и сгниваютъ. На открытыхъ прибрежныхъ скалахъ встрѣчаются уродливыя формы «изгородная» (Hecken-Lärchen) лиственница; высота ихъ не рѣдко 1—2 ф. [3]).

---

[1]) Regel und Tiling. Florula ajanensis. S. 11.

[2]) Миддендорфъ. l. c. 502 стр.

[3]) Ibid. 510 стр.

Сѣверная ель (Picea obovata Ldb. На Охотскомъ побережьѣ у якутовъ—Charja или Taangs'a; по-тунгузски—Ngookle). Главнымъ образомъ въ долинахъ и ущельяхъ Станового хребта (юж. часть); рѣже на прибрежныхъ хребтахъ. Весьма рѣдко на сѣверномъ побережьѣ Охотскаго моря. Встрѣчаются экземпляры въ $2^1/_2$ ф. діаметромъ.

Аянская ель (P. ajanensis Fisch.). Образуетъ лѣса, главнымъ образомъ по юго-восточному склону Станового хребта; доходитъ до береговъ и появляется на островахъ. Въ противоположность предыдущей—ее можно считать, преимущественно, альпійскимъ деревомъ [1]). На югъ идетъ до Уссури [2]), сѣверная граница точно не установлена. Достигаетъ 90 ф. при 1 ф. толщины. Древесина довольно крѣпкая и считается хорошимъ строевымъ матеріаломъ.

Сибирская пихта (Abies sibirica Ldb.)—по-якутски сазыханъ-харья; на Охот. м.—анчта. Въ южной части Станового хребта на влажныхъ почвахъ; весьма рѣдка по юго-западнымъ берегамъ Охотскаго моря; на сѣверныхъ не указана; въ Камчаткѣ по берегу Кроноцкаго [3]) залива и по р. Камчаткѣ.

Кустарный кедръ (Pinus pumila Pall.). Весьма распространенъ по всѣмъ горамъ и побережью Охотскаго моря и на Камчаткѣ [4]). Достигаетъ не выше 3 ф. Весьма пахучъ; шишки собираются жителями, какъ лакомое блюдо (орѣшки).

Лиственныя.

Бѣлая береза (Betula alba L.). На хребтахъ Становомъ и Колымскомъ среди хвойныхъ лѣсовъ; чаще, по долинамъ рѣкъ (Уды, Тугура и др.) въ окрестностяхъ Авачинской губы, верховьяхъ р. Камчатки. Достигаетъ въ защищенныхъ мѣстахъ значительныхъ размѣровъ [5]). Встрѣчается въ окрестностяхъ Пенжинской и Гижигинской губъ, но только не по р. Гижигѣ. На сѣверъ идетъ до р. Колымы; на югъ до Сунгари и Уссури [6]).

---

[1]) Ibid. 511 стр.

[2]) Регель. Опытъ флоры Уссурійской страны. 149 стр.

[3]) Крашенинниковъ, l. c. 44 стр., Ditmar, l. c. 765 стр.

[4]) Крашенинниковъ, Сарычевъ, Эрманъ, Ditmar, Kittlitz, Миддендорфъ въ цитированныхъ сочиненіяхъ.

[5]) Сарычевъ (182 стр.) считалъ ее годной для постойки судовъ. Изъ коры одного дерева туземцы дѣлали прежде лодки на 6—7 чел. (Крашенинниковъ и Миддендорфъ).

[6]) Миддендорфъ, 530 стр., Регель, l. c. 147 стр.

Не можемъ не отмѣтить слѣдующаго любопытнаго для ботаниковъ обстоятельства: недалеко отъ Большерѣцка на берегу р. Большой въ теченіи двухъ послѣдовательныхъ зимъ мы встрѣчали 2 березы, всѣ листья которой на зиму совсѣмъ не опадаютъ. По заявленію большерѣцкихъ жителей, это явленіе повторяется каждый годъ, и только передъ новыми листьями старыя сваливаются.

Эрманова береза (желтая) (Betula Ermani Cham.) На Охотскомъ побережьѣ отличается скудостью кроны; имѣетъ почти вездѣ «дубовидную» форму; стволъ кривой, перегнутый въ разныя стороны. Только изрѣдка въ защищенныхъ долинахъ встрѣчаются экземпляры въ 50 ф. в. и около 2 ф. діам. (Большой Шантаръ) [1]. На Камчаткѣ въ долинахъ между центральными горами густолиственна; переходитъ на Курильскіе острова. Сѣверная граница до 62°, на югъ—до Малаго Хингана [2]. Древесина ея отличается большой крѣпостью; кора очень тонка и мягка. Лѣсовъ не образуетъ.

Бѣлая ольха (Alnus incana Willd.). На Становомъ хребтѣ, особенно по южному побережью Охотскаго моря, она достигаетъ большихъ размѣровъ; на Камчаткѣ встрѣчается всюду: въ долинахъ и защищенныхъ бухтахъ—отличается величиной и годна на постройки [3]; на горахъ и открытыхъ берегахъ мельчаетъ. На югъ идетъ до Уссури, на сѣверъ — до Анадыри [4].

Душистый тополь (Populus suaveolens Fisch.). По долинамъ Станового хребта и прибрежныхъ горъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Хорошо растетъ въ центральныхъ долинахъ Камчатки и окрестностяхъ р. Авачи; открытыхъ береговъ избѣгаетъ; встрѣчаются только кривослыя формы. Въ верхнемъ теченіи р. Пенжины встрѣчается строевой лѣсъ. На сѣверъ идетъ до Анюя, на югъ—до береговъ Кореи [5].

Осина (Populus tremula L.). Повсюду, какъ на побережьѣ Охотскаго моря, такъ и на Камчаткѣ, достигаетъ значительной величины [6].

Два послѣднихъ вида употребляются на подѣлку батовъ, кото-

---

[1] Миддендорфъ — 533 стр.

[2] Ibid., Ditmar, 552 стр., Регель, l. c. 148 стр.

[3] Сарычевъ (182 стр.) построилъ изъ нея судно. Камчадалы часто предпочитаютъ ее передъ лиственницей при постройкѣ избъ.

[4] Ледебургъ (Flora Rossica, III т.), Регель (l. c. 150 стр.)

[5] Ditmar, l. c. 517 стр., Майдель, l. c. 246 стр., Миддендорфъ, 536 стр., Kittlitz, XIX cap. text.

[6] Ditmar (l. c.), Майдель (l. c.), Kitlitz (l. c. XIX cap.)

рые, безъ окраски, выдерживаютъ только 2—3 года, а потомъ загниваютъ.

Послѣ обзора ландшафтовъ и перечисленія видовъ встрѣчающихся въ Охотско-Камчатскомъ краѣ растеній не безъинтересно поставить вопросъ: можетъ-ли растительный покровъ имѣть практическое и утилитарное значеніе?

Вопросъ этотъ настолько важенъ, что то или другое рѣшеніе его можетъ имѣть вліяніе на дальнѣйшую судьбу окраинъ и ея обитателей. Какія бы мы ни взяли климатическія условія, жизнь человѣка не мыслима безъ тѣхъ или другихъ растительныхъ видовъ, необходимыхъ ему для пищи, одежды, топлива и хозяйственныхъ построекъ. Даже любитель открытой тундры, бродячій корякъ — и тотъ нуждается въ нѣсколькихъ шестахъ для постановки юрты и въ мохѣ—для корма оленей. Съ развитіемъ культуры потребности человѣка возрастаютъ, — и тогда кромѣ юртяного сруба и нарты ему необходима шлюпка, а затѣмъ и парусное судно, какъ для мѣновой торговли, такъ и для морского промысла; еще шагъ впередъ, — и человѣкъ, желая болѣе широкимъ образомъ эксплоатировать то, что даетъ ему окружающая природа, приходитъ къ сознанію необходимости каботажнаго плаванія и къ вывозу тѣхъ богатствъ, которыми онъ отъ избытка можетъ дѣлиться съ другими.

Въ этомъ смыслѣ какъ ни бѣдна здѣшняя флора, она все-таки можетъ служить источникомъ экономическаго благосостоянія края и дать матеріалъ для вывоза. Другой вопросъ, какъ это сдѣлать и почему до сихъ поръ этимъ не пользовались; для насъ важенъ тотъ выводъ изъ флористическаго обзора, что нѣкоторыя мѣстности Охотско-Камчатскаго края изобилуютъ прекраснымъ строевымъ и мачтовымъ лѣсомъ, экспортъ котораго можетъ имѣть значеніе въ виду того, что обширный Китай, вступившій въ новую эру развитія съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, всегда въ немъ нуждался. Главные его поставщики лѣсного матеріала—Америка и Японія, не смотря на всю свою коммерческую энергію, по нашему мнѣнію, находятся далеко не въ выгодныхъ условіяхъ: первая слишкомъ далека отъ китайскихъ рынковъ, а вторая уже начинаетъ истощать свои лѣсные запасы; кромѣ того строительное качество японской ели, лиственницы и сосны гораздо хуже здѣшней. Помимо этого при густотѣ японскаго населенія, строевой и подѣлочный лѣсъ крайне необходимъ ему самому.

Здѣсь же, съ рѣдкимъ населеніемъ окраины, мы смѣло можемъ

эксплоатировать лѣсныя богатства, тѣмъ болѣе, что главныя заросли крупныхъ хвойныхъ находятся по долинамъ рѣкъ или на сосѣднихъ хребтахъ. Правда, большинство здѣшнихъ рѣкъ маловодны, мелки и носятъ горный характеръ, но въ гидрологическомъ обзорѣ мы уже упоминали, что сплавъ по нимъ, по крайней мѣрѣ, въ полую воду, всегда и вездѣ возможенъ.

Изъ наиболѣе заслуживающихъ въ этомъ отношеніи рѣкъ нужно упомянуть рр. Тугуръ, Уду, Немей, Лантаръ и Уя; вообще все юго-западное побережье Охотскаго моря до р. Алдомы. Рѣки Охота и Кухтуй издавна эксплоатировались для постройки судовъ и когда-то сюда назначенъ былъ лѣсничій для надзора за лѣсами. По сѣверному побережью въ этой сторонѣ весьма интересны рѣки Кава съ своими притоками, Кола, Яма и Туманы, гдѣ встрѣчаются крупные экземпляры лиственницы и тополя на большихъ площадяхъ. Хвойные лѣса Камчатской долины представляютъ непочатый уголъ, который въ цвѣтущую пору Охотскаго судостроительства почему то остался забытымъ.

Съ устройствомъ лѣсного вывоза изъ Охотско-Камчатскаго края пароходы не будутъ возвращаться оттуда пустыми, какъ въ настоящее время, нагружаясь для баласта камнями и землей; вывозъ лѣса понизитъ теперешній высокій фрахтъ, а жителямъ доставитъ значительный заработокъ.

Первоначальныя попытки къ вывозу лѣса уже не разъ дѣлались. Жители Удского района разсказываютъ, что американскія китобойныя шхуны, при неудачѣ промысла, нагружались въ устьѣ рѣки сосновымъ и лиственичнымъ лѣсомъ. Филиппеусъ, бывшій контрагентомъ Правительства по снабженію продовольствіемъ сѣверныхъ округовъ, вывозилъ изъ Удского значительное количество лѣса, платя жителямъ за рубку и доставку на устье по 1 р. съ бревна извѣстныхъ размѣровъ; но увлекшись болѣе выгодной пушниной, потомъ оставилъ это предпріятіе.

Во время нашего пребыванія въ Аянѣ также производилась порубка хвойнаго лѣса по р. Уя для продажи въ Петропавловскѣ [1]).

Помимо этого возможно допустить техническую обработку дерева на мѣстѣ для полученія разныхъ химическихъ продуктовъ, какъ-то

---

[1]) Вообще, говоритъ авторъ статьи о лѣсныхъ богатствахъ Приморской области, — много вывозится лѣсу разными предпринимателями тайнымъ образомъ, конечно, не безъ помощи дѣятелей края. См. «Амурская газета» 1895 г., № 14, 1 окт.

канифоли, скипидару и пр., а необыкновенная гибкость и крѣпость здѣшней березы (Betula alba L.) съ удобствомъ могла бы служить для приготовленія такъ называемой вѣнской мебели, доказательствомъ чему служатъ сдѣланные нами опыты.

Хотя у насъ въ Россіи, пишетъ Тищенко [1]), сосновыхъ лѣсовъ больше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ государствѣ Европы, тѣмъ не менѣе правильной подсочки ихъ для добыванія сѣрнаго скипидара и канифоли почти не существуетъ. Лиственница еще болѣе распространена въ Сибири, какъ и ель, и даетъ лучшіе и другіе сорта живицы, изъ которой путемъ перегонки получается скипидаръ. Еще Ѳоминъ въ путешествіи академика Лепехина говоритъ [2]), что лиственичный терпентинъ лучшей руки могъ-бы быть выцѣживанъ изъ множества сего рода лѣса.

Отсутствіе культурнаго образованія и техническихъ знаній служатъ, конечно, главной причиной отсутствія смолокуренія и подсочки съ коммерческими цѣлями; но наблюдательный умъ здѣшняго инородца не могъ не замѣтить образованія смолы на хвойныхъ деревьяхъ и найти ей житейское примѣненіе. Камчадалы и тунгусы, подобно вогуличамъ и другимъ сибирскимъ инородцамъ, о которыхъ писалъ Палласъ, часто жуютъ эту «смолку», которая, по ихъ словамъ, способствуетъ пищеваренію, утоляетъ жажду, очищаетъ полость рта и укрѣпляетъ зубы.

Въ виду того, что канифоль и терпентинъ имѣютъ громадное практическое примѣненіе и что изъ хвойныхъ породъ получаются другіе химическіе продукты, находящіе широкій сбытъ въ торговлѣ, крайне желательно, чтобы на развитіе этого промысла среди здѣшнихъ жителей было обращено вниманіе.

Могучая травяная растительность по долинамъ и распадкамъ Камчатки какъ будто нарочно создана для разведенія обширнаго скотоводства. Апатичный камчадалъ, издавна вскормленный на юколѣ, и не помышляетъ объ этомъ съ одной стороны потому, что въ скотскомъ мясѣ не нуждается при изобиліи рыбы, а съ другой и главнымъ образомъ потому, что онъ не знаетъ и не можетъ самъ устроить сбыта мясныхъ и молочныхъ консервовъ, хотя бы въ видѣ солонины и масла.

---

[1]) Канифоль и скипидаръ. Спб. 1895 г., стр. 102.

[2]) Путешествіе академика Лепехина въ 1772 г., въ С.-Петербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1805 г., т. IV, стр. 435.

На эту сторону хозяйства въ теченіи всей исторіи края мало обращали вниманія,—и мы думаемъ, что попытки въ этомъ отношеніи не остались бы безъ результатовъ и подъема экономическаго благосостоянія инородцевъ.

О пищевыхъ растеніяхъ, клубняхъ, ягодахъ и о медицинскомъ примѣненіи ихъ будетъ сказано ниже.

Для полноты обзора слѣдовало бы коснуться морской флоры Охотскаго и Берингова морей, но наши свѣдѣнія по этому вопросу такъ незначительны и неполны, что мы не рѣшаемся познакомить читателя съ красивыми и роскошными садами и парками подводной растительности. Здѣсь также есть густыя и богатыя насажденія бурыхъ (Phaeosporeae) и багряновыхъ (Florideae) водорослей, помимо микроскопическихъ діатомовыхъ, на ряду съ подводными песчаными равнинами, илистыми тундрами и гребнями голыхъ подводныхъ скалъ. По термическимъ даннымъ воды названныхъ морей, здѣшнія водоросли принадлежатъ къ бореальной, или сѣверной флористической области [1]).

Между ними первое мѣсто должно быть отведено морской капустѣ, встрѣчающейся сплошными зарослями. Широкій листъ этой водоросли достигаетъ нѣсколькихъ саженей длины, иногда такъ переплетаясь, что образуетъ постель для отдыха морскимъ бобрамъ. Она встрѣчается какъ въ Беринговомъ, такъ и въ Охотскомъ морѣ, но сплошныя заросли ея—явленіе далеко не повсемѣстное. Мы встрѣчали ее въ громадномъ количествѣ около Трехъ Сестеръ, близь бухты Инканюши, гдѣ находятся бобровыя ложбища въ Камчаткѣ; у Камчатскаго мыса, на западной сторонѣ островов Мѣднаго и Беринга; на сѣверномъ берегу Охотскаго моря у Иретскаго мыса, близь Ямска, между Олой и Тауйскомъ, въ окрестностяхъ Аяна и пр.

Морская капуста, какъ пищевой матеріалъ, имѣетъ громадный сбытъ въ Китаѣ и Японіи и до сихъ поръ вывозилась съ нашего болѣе южнаго побережья, въ особенности съ о. Сахалина, гдѣ у Семенова и Демби давно организованъ большой ея промыселъ и вывозъ достигаетъ отъ 50 т. до 100,000 пудовъ.

Кромѣ этого можемъ указать на другія водоросли, изъ которыхъ японцы и китайцы варятъ клей, спеціально употребляемый при вы-

---

[1]) Въ морской флорѣ ученые признаютъ только три области: бореальную, тропическую и южную, или австралійскую, см. Drude. Handbuch der Planzengeographie. S. 546 и слѣд.

дѣлкѣ шелковыхъ матерій и фунтъ которыхъ продается на мѣстныхъ рынкахъ по 2—3 рубля. Большею частію это темныя волосовидныя водоросли [1]) розоваго, пурпуроваго, ярко-зеленаго или темнаго цвѣта Наиболѣе яркими и красивыми изъ нихъ будутъ: [2]) Crassocarpus Lamuticus Rup. — лентовидная кровяно-красная водоросль; Dellesseria Middendorfii Rup. — не менѣе красивая водоросль вишневаго цвѣта; по виду напоминаетъ маленькій кустарникъ; блѣдно-розовыя коралловидныя Calliphyllis rhynchocarpa Rup., Callithamnion corallina Rpr. и Atomaria ochotensis Rup. Но наиболѣе изящными по формѣ, хотя и скромными по окраскѣ, будутъ — Fuscaria tenuissima Rpr. и Polystea gemmifera Rpr.; это — волосовидныя темно-коричневыя водоросли съ весьма тонкой внѣшней структурой.

Рис. 9. Слабецъ, или якутское сохсо, — пасть на зайцевъ.

[1]) Коллекція образцовъ подобныхъ водорослей была передана авторомъ проф. Гоби.

[2]) Ruprecht l. c.

Семья Якутовъ.

ГЛАВА VI.

Фауна.

Подобно тому, какъ ботаники для удобства обозрѣнія растительнаго покрова дѣлятъ всю земную поверхность на области съ второстепенными подраздѣленіями, такъ и зоологи пользуются подобнымъ же пріемомъ для своей зоогеографической группировки, обыкновенно принимая, что сумма жизненныхъ и климатическихъ условій, наиболѣе благопріятная для птицъ и млекопитающихъ, одинаково удовлетворяетъ потребностямъ напр. насѣкомыхъ и пресмыкающихся. Эти попытки фито-и-зоо-географовъ, не смотря на рядъ капитальныхъ трудовъ [1]), по мѣрѣ накопленія нашихъ знаній и всесторонняго изученія представителей растительнаго и животнаго міра, оказываются неудовлетворительными и требуютъ болѣе детальнаго расчлененія прежнихъ областей и подобластей.

Ботаники, при своемъ болѣе богатомъ матеріалѣ, давно уже выдѣлили спеціальныя области меньшихъ размѣровъ, какъ напр. Приохотская и Камчатская, тогда какъ зоогеографія [2]) принуждена пока довольствоваться широкими рубриками.

Въ основаніе дѣленія на зоологическія области, впервые высказаннаго почти 40 л. тому назадъ Склэтеромъ, было положено изученіе главнымъ образомъ орнитологической фауны. Фауна каж-

---

[1]) De-Candolle. Geographie botanique, см. Dictionaire des sciences naturelles, v. 18. Ioakim Fr. Schauw. Grundzuge einer allgemeinen Planzengeographie, Berlin, 1823. Grisebach H. R. A. Die Wegetation der Erde nach ihrer klimatischer Anordnung, 1872. Wallace. Die geographische Verbreitung der Thire, 1876; Sauvage Recherches sur la faune ichtyologique de l' Asie, въ Nouv. arch. du Mus. d' histoire naturelle, 2 serie, v. IV.

[2]) М. Мензбиръ. Птицы Россіи. Москва, 1895 г., в. 7, стр. XXII.

дой такой области представляетъ совокупность разныхъ группъ, родовъ и видовъ птицъ, находящихся въ зависимости отъ одинаковыхъ жизненныхъ условій, какъ современныхъ, такъ и въ прошлыя эпохи. Эти орнитологическія области, подробно характеризованныя, далеко не всегда совпадаютъ съ демаркаціонными линіями распространенія млекопитающихъ, насѣкомыхъ, моллюсковъ. Достаточно указать на то, что водная жизнь дѣлаетъ напр. рыбную фауну болѣе независимой отъ наземныхъ условій жизни и не позволяетъ расчленить сѣверную, европейско-сибирскую подобласть на полосы тундры, тайги и пр., какія установлены для птицъ и млекопитающихъ.

Миддендорфъ, въ своемъ классическомъ трудѣ о Сибирской фаунѣ, желая, путемъ изученія какъ водныхъ, такъ и сухопутныхъ животныхъ, освѣтить дѣленія зоологической географіи, предложилъ новые отдѣлы или районы распространенія всего животнаго царства сѣвера. Всю фауну этого послѣдняго онъ дѣлитъ: 1) на кругополярную, съ подраздѣленіемъ послѣдней на гипербореальную и кругобореальную и 2) на полярныхъ и бореальныхъ животныхъ. Первая группа животныхъ свойствена только полюсу и прилегающей къ нему полосѣ, тотъ или другой характеръ которой опредѣляетъ отдѣлы морскихъ, льдистыхъ, тундряныхъ и лѣсныхъ животныхъ; причемъ разница между глубоко-сѣверными и кругобореальными состоитъ въ томъ, что послѣднія также встрѣчаются кругополярно, но не имѣютъ, какъ первыя, неограниченнаго круга распространенія на глубокомъ сѣверѣ, а подъ извѣстными широтами достигаютъ своего полярнаго предѣла, главнымъ образомъ, линіи произрастанія лѣсовъ; экваторіальный же предѣлъ распространенія тѣхъ и другихъ одинаковъ.

Подвигаясь мысленно отъ полюса къ югу, вы за глубоко-сѣверной группой животныхъ встрѣчаете также поясъ полярныхъ и бореальныхъ представителей, охватывающій какъ старый, такъ и новый свѣтъ; этотъ поясъ дѣлится на древне-полярныхъ, древне-бореальныхъ, ново-полярныхъ и ново-бореальныхъ. Не смотря, однако, на все свое философское значеніе, географическое дѣленіе Миддендорфа на отдѣлы не получило широкой популярности; обыкновенно зоогеографы, при обзорѣ распредѣленія животнаго царства, пользуются рубриками Склэтера, Уоллеса, Гюнтера, Соважа и др., далеко не охватывающими все извѣстное животное населеніе [1]). Если къ этому

---

[1]) См. по этому поводу замѣчанія Варпаховскаго и Герценштейна (Замѣтки по ихтіологіи бассейна р. Амура, Спб. 1887 г., стр. 6), Варпаховскаго: Данныя по ихтіологической фаунѣ бассейна р. Оби. Спб. 1897 г., ч. I, стр. 2—6.

прибавить, что фауна сѣверо-восточной Сибири и въ частности Охотско-Камчатскаго края далеко не вполнѣ изучена, даже въ отдѣлахъ млекопитающихъ и птицъ, то станетъ совершенно понятнымъ затрудненіе, къ какой подобласти и зонѣ нужно отнести мѣстную фауну. Миддендорфъ, коснувшійся югозападнаго уголка Охотскаго побережья, писалъ въ свое время въ Академію Наукъ, что ему приходится вращаться въ той чрезвычайно любопытной полосѣ земли, гдѣ лицомъ къ лицу встрѣчаются гербы сибирскій и бенгальскій—соболь и тигръ, и гдѣ, мы можемъ прибавить отъ себя, въ долинѣ р. Уды кончается яркость и красивая пестрота пернатаго царства, а дальше къ сѣверу идетъ монотонно-сѣрая, бурая или бѣлая окраска животныхъ и птицъ, гармонирующая съ продолжительнымъ снѣжнымъ покровомъ и мертвеннымъ безмолвіемъ тайги и тундры.

Окраинное положеніе страны, при небольшихъ широтахъ, но съ суровымъ характеромъ околополярнаго климата, сосѣдство съ одной стороны съ классически-холодной зимой Якутска, а съ другой—съ незамерзающимъ океаномъ; чередованіе непролазной тайги съ голой тундрой, — все это взятое вмѣстѣ должно дать смѣшанную картину наземнаго населенія животныхъ. Сюда съ сѣвера проникали глубоко-полярныя и круго-бореальныя животныя; съ юга добирались представители Китайско-Гималайской подобласти; американскія птицы, перелетая чрезъ гряду Алеутскихъ и Командорскихъ острововъ, появлялись въ Камчаткѣ; изъ Европы черезъ Сибирь по слѣдамъ охотниковъ и колонистовъ двигались сорока и домашній воробей, а отъ преслѣдователей уходили соболь, лось и лисица. Измѣненіе лѣсного покрова, подъ вліяніемъ колонизаціи, создавало другую жизненную среду; тамъ, гдѣ уничтожалась лиственичная тайга, ея пернатое царство мѣнялось: сойка-ромжа (Garrulus infaustus), поползень-ящикъ (Sitta europea), славка-зарничка (Silvia proregulus) и др., уступали мѣсто славкѣ сибирской, спутницѣ березы, или большому дятлу, если получалось насажденіе сосны.

Съ другой стороны геологическое прошлое съ отдѣльными находками ископаемыхъ остатковъ мамонта [1]), ящерицъ и пр., гово-

---

[1]) Американскій слонъ, остатки котораго особенно обильны въ Соединенныхъ Штатахъ, не отличался отъ мамонта, въ ту-же самую эпоху населившаго всю сѣверную часть Стараго Свѣта отъ Британскихъ острововъ до Камчатки и Берингова пролива. Америка съ одной стороны была первоначальной родиной верблюдообразныхъ животныхъ, которыя отсюда перешли въ Старый Свѣтъ уже въ окончательно выработанномъ видѣ, а съ другой

рятъ за то, что совокупность жизненныхъ условій Охотско-Камчатскаго края въ былыя эпохи была одинакова съ сѣверомъ Сибирскаго материка, и что современное наземное населеніе отвѣчаетъ тѣмъ явленіямъ, которыя господствовали въ диллювіальную эпоху, господствовавшую на всемъ пространствѣ Европы, сѣверной полосы Азіи и въ Америкѣ. Америка и Азія, говоритъ Мензбиръ [1]), съ геологической точки зрѣнія, недавно соединялись другъ съ другомъ, и возможность перехода европейско-азіатскихъ формъ въ Америку и американскихъ въ Азію и чрезъ Азію въ Европу прекратилось лишь съ исчезновеніемъ этой связи,—разумѣя здѣсь сухопутныхъ животныхъ, тогда какъ для морскихъ эта возможность перекочевыванія видимо продолжается и теперь. Такъ напр. на бревнахъ и плахахъ съ клеймомъ С.-Франциско, приносимыхъ въ концѣ зимы къ мысу Лопатка, возможно передвиженіе сидячихъ морскихъ животныхъ; кромѣ того прямыя находки въ водахъ Камчатки зубатки (Anarrhichthys)—Калифорнской рыбы, длиннорукаго рака (Macrocheria Kempheri), мягкохвостнаго рака (Dermaturus), обитателя Берингова и Магелланова проливовъ, говорятъ за подводную колонизацію.

Во всякомъ случаѣ не нужно понимать, что зоологическія области представляютъ что-то постоянное и строго опредѣленное; напротивъ, какъ въ геологическія эпохи, такъ и въ настоящее время онѣ подвергаются значительнымъ измѣненіямъ; тѣмъ болѣе, что въ каждой названной области, вслѣдствіе самыхъ разнообразныхъ причинъ, даже въ историческое время, сильно измѣнялось населеніе: недостатокъ пищи заставлялъ одно животное идти на западъ, другое на востокъ; проникновеніе волка оттѣсняло полярный предѣлъ козули, охотникъ, преслѣдуя соболя, тѣснилъ его на сѣверо-востокъ Сибири; вулканическія явленія отгоняли бобровъ отъ береговъ Камчатки, а морскихъ котовъ и сивучей съ о. Урупа. Колонизація сибирскихъ пустынь доставила новые виды мѣстной фаунѣ; такъ за человѣкомъ слѣдо-

---

сама получила изъ Сибири вмѣстѣ съ представителями полорогихъ жвачныхъ (мускусный быкъ, баранъ и пр.) и оленей, потому что въ міоценовыхъ отложеніяхъ Америки совершенно ихъ не найдено, тогда какъ въ соотвѣтствующую эпоху Европа была очень богата ими; въ пліоценовыхъ отложеніяхъ найденъ только одинъ мало развитой видъ оленя, а въ плейстоценовыхъ большой видъ американскаго оленя (Cervus americanus), размѣры роста котораго и другіе отличительные признаки говорятъ за его древнее сюда переселеніе. См. Вымершія животныя Сѣверной Америки, Знаніе, 1877 г. № 3 стр. 54—57.

[1]) L. c. стр. L XVII.

вала сорока и воробей; съ грузомъ муки въ Камчатку прибыли крысы и тараканы, которыхъ прежде тамъ не было. Даже политическія событія производили измѣненія въ распредѣленіи животныхъ по областямъ и районамъ; Миддендорфъ говоритъ [1]), что при каждой войнѣ и каждомъ возстаніи въ Польшѣ потревоженные въ своихъ убѣжищахъ волки во множествѣ вторгались въ Лифляндію и такія мѣста, гдѣ прежде совсѣмъ ихъ не было.

Усмирители камчатскихъ безпорядковъ въ старое время доставили на полуостровъ коровъ и лошадей, встрѣчающихся теперь недалеко отъ сел. Козыревскаго въ полудикомъ состояніи; россомаха также считается историческимъ переселенцемъ въ Камчатку, гдѣ по первымъ извѣстіямъ [2]) ея не было. Но колонизація пустынныхъ районовъ имѣла и отрицательные результаты: слишкомъ довѣрчивыя животныя истреблялись охотниками и окончательно вымирали. Такъ случилось въ Беринговомъ морѣ съ морской коровой. Исчезновеніе здѣшней птицы корморана (Phalacrocorax perspicilaris) также служитъ примѣромъ исторической перемѣны въ составѣ мѣстной фауны.

Какъ бы то ни было, но, суммируя все доселѣ извѣстное животное населеніе края, мы должны признать, что оно представляетъ пеструю смѣсь обитателей кругополярной, полярной и бореальной областей, со включеніемъ представителей Китайско-Гималайской подобласти на южномъ предѣлѣ, въ районѣ р. Уды, а съ другой—американскихъ типовъ—въ Камчаткѣ.

Такимъ образомъ составъ животнаго населенія Охотско-Камчатскаго края будетъ опредѣляться: 1) европейско-сибирскими видами; 2) чисто сибирскими формами; 3) тихоокеанскими представителями, одинаково свойственными какъ описываемому побережью, такъ и западному берегу Сѣверной Америки; 4) кругополярными обитателями, достигающими какъ Камчатки и Охотскаго округа, такъ въ одинаковой степени встрѣчающимися на сѣверѣ Новаго Свѣта; 5) чисто американскими птицами не залетающими дальше въ Восточную Сибирь, а иногда останавливающимися только на Командорскихъ островахъ и при устьѣ Анадыри, и наконецъ 6) южными гостями, появляющимися здѣсь только на короткій лѣтній сезонъ. Это по преимуществу островныя птицы, придающія камчатской фаунѣ японскій характеръ и не поднимающіяся дальше

---

[1]) L. c. ч. II, стр. 283.
[2]) Ссылка Миддендорфа на Sammlung Russische Geschichte, III, S. 550.

на сѣверъ. Къ послѣдней группѣ нужно отнести нѣкоторые виды сухопутныхъ птицъ Удского района и 2 — 3 представителя млекопитающихъ, для которыхъ р. Уда служитъ сѣверной границей ихъ распространенія.

Орографія страны и ея растительный покровъ также оказываютъ значительное вліяніе на распространеніе и группировку животныхъ. Такъ мы имѣемъ здѣсь обитателей тайги, преимущественно лиственичной, какъ Picoides tridactylus, Embezia aureola, Tetrao urogalloides, Driocopus martius, виды Fringula, Nucifraga caryocotactes, и др.; тундра характеризуется: изъ птицъ Anthus cervinus, Plectophanes lapponicus, Lagopus albus; изъ млекопитающихъ — бѣлка, россомаха, маленькая ласка и пр.; въ рѣчныхъ долинахъ встрѣчаются: Uragus sanguinolentus, Erithacus calliope, Hirundo erithrogastra, нѣкоторые дрозды. На скалистыхъ утесахъ и вообще въ горной мѣстности мы находимъ единственнаго представителя — горнаго барана, а по морскому побережью — перелетныхъ морскихъ птицъ то съ сѣвера, какъ хохлатаго топорка (Lunda cirrhata Pall.), то съ юга—какъ японскаго дубоноса (Coccothraustes vulg. japonicus), маленькую синичку (Parus minor Temm.), розоваго снигиря (Pyrrhula rosacea Seel.), Chloris kawarahiba и др.

Хребетъ горъ, отдѣляющій Охотское побережье отъ Сибирскаго материка, служитъ значительнымъ препятствіемъ для проникновенія туда европейско-сибирскихъ формъ. Какъ примѣръ этого, можно указать на отсутствіе здѣсь ястреба, домашняго воробья и сороки, которой нѣтъ отъ Удского до Тауйска, гдѣ она появилась лѣтъ 10—12 тому назадъ и видимо прикочевала изъ Камчатки.

Такимъ образомъ, въ зоогеографическомъ отношеніи Охотско-Камчатскій край представляетъ нѣкоторыя особенности и уклоненія отъ общепринятыхъ областей распространенія животныхъ. Такъ напр. 1) на картѣ Сѣверцова Камчатка отнесена ко второй области—сибирской тайгѣ, раздѣленная только клиномъ сѣверной тундры Гижигинскаго округа. Между тѣмъ на полуостровѣ встрѣчается полярный, бѣлый песецъ и водятся соболя, чего совсѣмъ нѣтъ въ Охотскомъ округѣ, отнесенномъ также къ полосѣ тайги; 2) Аянско-Удской районъ причисленъ къ четвертой подобласти тайги, тогда какъ по составу пернатаго царства [1]) и млекопитающимъ представителямъ

[1]) Въ долинѣ Уды встрѣчается до 30 видовъ птицъ, которыхъ нѣтъ въ Аянско-Охотской сторонѣ.

граница этой подобласти должна кончаться не на рѣкѣ Улья, какъ у Сѣверцова, а по р. Уда. Если даже сравнить шантарскихъ и камчатскихъ соболей, одинаково высокихъ по достоинству, то тотчасъ бросается большая разница между ними: камчатскій соболь имѣетъ длинную пушистую шерсть полярныхъ животныхъ, тогда какъ у шантарскихъ она ближе подходитъ къ буреинскимъ и вообще амурскимъ.

Послѣ общей характеристики Охотско-Камчатской фауны перейдеме къ болѣе частному знакомству съ ея представителями.

Свѣдѣніями о фаунѣ Охотско-Камчатскаго края мы обязаны членамъ прежнихъ экспедицій Палласу, Крашенинникову, Стеллеру и Миддендорфу; позже о мѣстной фаунѣ писали Китлицъ, Дитмаръ, Дыбовскій и Стейнегеръ; богатыя и интересныя коллекціи изъ Камчатки доставилъ Вознесенскій, описанія которыхъ не появлялось въ мемуарахъ Академіи наукъ. Помимо этихъ капитальныхъ изслѣдованій, много указаній о здѣшней фаунѣ встрѣчается въ описаніяхъ разныхъ путешественниковъ и мелкихъ статьяхъ повременныхъ изданій. Всѣ эти изслѣдованія и замѣтки далеко не исчерпываютъ наличія здѣшней фауны, а главное неравномѣрно распредѣляются между разными отдѣлами и классами животныхъ. Такъ птицы и классъ млекопитающихся изучены сравнительно лучше; о рыбахъ мы располагаемъ почти такими же свѣдѣніями, какія были въ рукахъ Палласа и Крашенинникова; фауна рыбъ восточнаго склона Станового хребта, говоритъ Герценштейнъ, пока почти совершенно неизвѣстна. Кромѣ главныхъ проходныхъ рыбъ, служащихъ предметомъ туземнаго промысла, мы не знаемъ разновидностей ихъ, которые извѣстны инородцамъ подъ разными названіями; вся остальная фауна моря[1]) представляетъ непочатый интересный матеріалъ. Прѣсноводныя рыбы здѣшнихъ рѣкъ еще менѣе извѣстны, хотя Гюнтеръ почему-то относитъ подобныхъ рыбъ Камчатки къ сѣверо-американской фаунѣ. Что касается моллюсковъ, то этотъ богатый и разнообразный классъ только затронутъ Миддендорфомъ, Вознесенскимъ и нѣкоторыми другими; вся остальная фауна еще мало изучена.

Такимъ образомъ нашъ обзоръ фауны, по указаннымъ причинамъ, долженъ быть далеко неполнымъ. Изъ помѣщеннаго во II томѣ списка животныхъ видно, что она заключаетъ:

---

[1]) Нѣсколько лучше изучена сѣверо-восточная часть Берингова моря американскими учеными, труды которыхъ появились въ послѣдніе годы въ изданіяхъ Вашингтонскаго музея. См. библіографію.

изъ 43	сухопуныхъ	млекопитающихъ	15	видовъ	хищныхъ (Carnivora)
» —	»	»	2	»	насѣкомоядныхъ (Insectivora).
» —	»	»	4	»	рукокрылыхъ (Chiroptera)
» —	»	»	17	»	грызуновъ (Glires)
» —	»	»	5	»	жвачныхъ (Ruminantia)[1]

Иначе сказать, что Охотско-Камчатскій край гораздо бѣднѣе сухопутными млекопитающими, чѣмъ Амурская область съ ея 53 представителями, Маньчжурія—съ 55 видами; въ Якутской области встрѣчаются почти тѣ же представители (29), что и здѣсь, за исключеніемъ рыси, барсука, колонка (Mustella sibirica) и водяной крысы (Arvicola amphibius). Если изъ млекопитающей сухопутной фауны описываемаго края исключить кабаргу, лося и косулю, доходящихъ до р. Уды и нераспространяющихся далѣе на сѣверъ, также нѣкоторыя породы мышей, вѣроятно также встрѣчающихся въ Якутской области, но не упоминаемыхъ Сѣрошевскимъ[2]), то окажется что Охотско-Камчатская фауна млекопитающихъ гораздо бѣднѣе и далеко уступаетъ въ этомъ отношеніи вообще восточной Сибири, гдѣ насчитывается 38 видовъ общихъ съ Амурскою областью. Такимъ образомъ изъ млекопитающихъ животныхъ Охотско-Камчатскаго края общи ему[3]) и

Амурской области	24
Маньчжуріи	24
Якутской области	22
Полярной странѣ	14
Европѣ	15

Иначе сказать, что Охотско-Камчатская фауна сухопутныхъ млекопитающихъ, имѣя менѣе половины представителей въ европейскихъ формахъ, ближе всего подходитъ къ прилегающимъ областямъ, выходцами которыхъ она и населена; такъ изъ 18 видовъ гипербореальныхъ и кругобореальныхъ, по Миддендорфу, она содержитъ 14, т.е. большую часть всего населенія; остальная часть приходится на

---

[1]) Дикій кабанъ изрѣдка попадается въ районѣ р. Уды и потому не можетъ быть причисленъ къ мѣстной фаунѣ О.-К. края.

[2]) См. его «Якуты».

[3]) Здѣсь также мы не беремъ въ разсчетъ лося, козулю и кабаргу, свойственныхъ только Удскому краю и принадлежащихъ къ фаунѣ Амурской области.

выходцевъ съ юга и запада; даже съ Сахалинской фауной сухопутныхъ млекопитающихъ, которая состоитъ изъ переселенцевъ съ материка, наша окраина имѣетъ весьма близкое соотношеніе (одинаковыхъ формъ 17).

Такимъ образомъ въ здѣшней окраинѣ встрѣчаются представители различныхъ областей: въ Камчатку чрезъ Гижигинскій край спускается полярный бѣлый песецъ, а съ долины Амура приходитъ въ Удской край сохатый, косуля, кабарга и даже изрѣдка дикій кабанъ. Главный же характеръ фауны составляютъ кругоборейскія животныя, обитатели сибирской тайги и отчасти тундры и беринго-борейскія, которыя съ первыми имѣютъ одинаковое значеніе по своему распространенію въ однѣхъ и тѣхъ же широтахъ, какъ къ сѣверу, такъ и къ экватору, но которыя съ другой стороны представляютъ опредѣленную локализацію въ смыслѣ широтности, т. е. что они занимаютъ меньшее продольное распространеніе—сосредоточены около Берингова моря и имѣютъ въ разныхъ своихъ представителяхъ много сходнаго съ соотвѣтствующими формами восточнаго берега этой сѣверной части Тихаго океана. Характернымъ для Камчатки животнымъ является разновидность простой лисицы, такъ называемой огневки, которую съ тѣми же особенностями окраски мы встрѣчаемъ и на западномъ берегу Сѣв. Америки; такимъ же типичнымъ представителемъ беринго-борейской фауны Миддендорфъ считаетъ горнаго барана (Ovis matana), хотя онъ встрѣчается, по словамъ Шренка, въ Амурскомъ краѣ, Маньчжуріи и Kopeѣ; по мнѣнію Миддендорфа, камчатскіе суслики и сурокъ тождественны съ американскими формами.

Еще рѣзче и яснѣе это обстоятельство выступаетъ при сравненіи фауны птицъ, рыбъ и морскихъ животныхъ, какъ увидимъ ниже.

Въ силу такого положенія края, такъ сказать, на перепутьѣ, мы находимъ много пролетныхъ птицъ, только временно останавливающихся на побережьѣ, а съ другой стороны здѣсь мало мѣстныхъ, чисто эндемическихъ животныхъ, какъ между млекопитающими, такъ и птицами.

Что касается морской фауны, то она даже въ ея крупныхъ представителяхъ млекопитающихъ не вполнѣ изучена; считая вмѣстѣ съ исчезнувшей морской коровой (Rhytina borealis) мы имѣемъ 24 вида, т. е. 11 китовъ, 11 ластоногихъ и 1 видъ морского бобра, принадлежащаго, какъ извѣстно, къ семейству куницъ и служащаго связующимъ звеномъ между рѣчными выдрами и тюленями. Иначе

сказать, что водная стихія здѣшняго края гораздо богаче и содержитъ больше половины изъ всего извѣстнаго числа крупныхъ китовъ и почти столько же изъ ластоногихъ; причемъ исключительно мѣстными видами нужно признать тихоокеанскую разновидность моржа, охотскую (разновидность тюленя) акибу, морского бобра и котика, принадлежащихъ къ беринго-борейскимъ животнымъ.

Такъ какъ большинство млекопитающихъ представляетъ нѣкоторыя особенности въ своемъ разселеніи по краю и служитъ предметомъ промысла, то мы остановимся нѣсколько подробнѣй на зоогеографической сторонѣ этого вопроса.

Бурый медвѣдь, Ursus arctos L. у аянскихъ тунгусовъ — эгё удскихъ—галягá, якутовъ—эсе, арманьскихъ тунгусовъ—кэки, ольскихъ — накатъ, камчатскихъ ламутовъ—мэмачанъ, гижигинскихъ чукчей—кейнгинъ, каменскихъ корякъ—каппинъ, лѣсновскихъ—кэйнгынъ, камчадаловъ сел. Морошечнаго—гунтель.

За исключеніемъ западнаго берега Охотскаго края медвѣдь равномѣрно распространенъ, хотя и предпочитаетъ гористыя мѣстности Камчатки.

Статистика упромышленнаго звѣря (прил. 6) не даетъ вѣрнаго представленія объ его количествѣ, такъ какъ оно зависитъ отъ многихъ причинъ: отъ большаго или меньшаго числа взрослыхъ членовъ семьи, ибо охота за нимъ совпадаетъ съ рыбными промыслами; отъ запаса пороха, такъ какъ иногда не на что бываетъ его купить; наконецъ отъ племенного характера: камчадалы и тунгусы считаются безстрашными охотниками, тогда какъ русское населеніе поселковъ Охотскаго округа въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ трусовъ; даже казакъ съ винчестеромъ никогда одинъ не пойдетъ на медвѣдя.

Составляетъ ли здѣшній медвѣдь одинъ видъ, или мы имѣемъ три и даже четыре разновидности, трудно сказать за отсутствіемъ прямыхъ изслѣдованій.

По окраскѣ шерсти, кромѣ обыкновенно бурыхъ [1]), встрѣчаются съ желтыми пятнами на шеѣ, или какъ говорятъ здѣсь, съ ошейникомъ, болѣе злого характера, чѣмъ первые; есть совершенно черные съ короткой шерстью. Не смотря на признаваемое видовое един-

---

[1]) Въ Камчаткѣ убили медвѣдя, у котораго спина была совершенно черная, бока—кирпичнаго цвѣта, съ бѣлымъ ошейникомъ. Въ 1896 г. около Лопатки добыли другого медвѣдя, голова, спина и наружныя стороны ногъ котораго имѣли свѣтло-бурую окраску, тогда какъ вся остальная часть была совершенно бѣлая.

ство бураго медвѣдя, длина его шерсти сильно варьируетъ: въ то время, когда у кавказскихъ она достигаетъ только 57 миллиметровъ, у Камчатскихъ мы имѣемъ у медвѣдей съ ошейникомъ: черныхъ—80 милл., бурыхъ—95 милл.; безъ ошейника медвѣди имѣютъ самую густую и длинную шерсть—130 милл.

Здѣшніе медвѣди отличаются крупными размѣрами, т. е. что ихъ вѣсъ и черепъ больше европейскихъ. Миддендорфъ [1]) и Шренкъ [2]) приводятъ размѣры исполинской головы медвѣдя; доставленные нами изъ Камчатки въ Московскій Зоологическій музей черепа немногимъ уступаютъ. Такъ, при измѣреніи, оказались слѣдующіе размѣры:

	Длина отъ отростка верхне-затылочной кости до передняго края межчелюстной кости.	Ширина между наиболѣе выдающимися точками ossa zygomatica.
№ 1	1 ф. 3,7 дюйма	10,5 д.
№ 2	1 » 4 »	10,3 »
№ 3	1 » 3,8 »	10,35 »

Изобиліе медвѣдей такъ велико, что вмѣстѣ съ Миддендорфомъ его можно назвать допотопнымъ; по всѣмъ склонамъ горъ и холмовъ вы встрѣчаете широкія протоптанныя дороги, по которымъ онъ ежедневно спускается къ рѣкамъ и озерамъ для рыбной ловли. Цѣлыми часами сидитъ онъ, помѣстившись на камнѣ, выбирая наименѣе лощалую рыбу; пресытившись, медвѣдь съѣдаетъ только голову рыбы, а туловище бросаетъ въ воду. Въ концѣ іюня и августа онъ переходитъ на растительную пищу, лакомясь голубицей, шикшой и брусникой, и въ это время часто попадается на глаза женщинамъ, собирающимъ ягоды. Иногда питается въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ рыбныхъ рѣкъ, тюленемъ и морскимъ выбросомъ, какъ это не разъ приходилось наблюдать. Къ концу осени онъ такъ жирѣетъ [3]), что не можетъ долго и скоро бѣжать отъ преслѣдованія охотника.

Изъ берлоги медвѣдь выходитъ съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней; поэтому въ южной части Камчатки раньше, чѣмъ въ

[1]) L. c. ч. II, стр. 214.

[2]) L. c. ч. I, стр. 58.

[3]) Въ голодный годъ, при недоходѣ рыбы, медвѣдь долго не ложится въ берлогу; онъ ѣстъ масло своего собрата.

Гижигинскомъ округѣ; въ мартѣ уже начинается первая охота. Въ берлогу ложится на зимнюю спячку въ концѣ октября.

Медвѣдица приноситъ обыкновенно 2 — 3 дѣтеныша, съ которыми и ходитъ до трехъ лѣтъ [1]).

Лисица, по-якутски—сулаки, у майскихъ тунгусовъ—сагылъ, причемъ красная — кыгылъ — сагылъ, сиводушка — керамясь, чернобурая — бурей, черная — харà; по-якутски някчаринъ; у корякъ лѣсновскихъ — таато, у камчадаловъ сел. Морошечнаго — куттяхъ.

Главнымъ райономъ ея мѣстопребыванія служатъ Камчатка и Охотскій округъ, тогда какъ западный берегъ Охотскаго моря крайне бѣденъ этимъ звѣремъ. Здѣсь ея добывается очень мало, а иногда въ теченіи зимы не видятъ ни одного слѣда.

Здѣшняя лисица имѣетъ три или даже четыре различныхъ окраски; въ Охотскомъ округѣ больше попадается обыкновенная, свѣтло-красная, тогда какъ камчатская отличается интенсивной окраской, она огненно-краснаго цвѣта (такъ называемая огневка), иногда съ болѣе темно-красной полосой по загривку (крестовка); если къ этой темно-красной окраскѣ прибавляется темно-сѣрый, или черновато-красный цвѣтъ съ бѣловатыми остями, то такая лисица называется сиводушкой; наконецъ есть еще чернобурая и даже совершенно черная лисица. У первой окончательно пропадаетъ естественный красный цвѣтъ, замѣняясь чернымъ разной интенсивности, съ преобладаніемъ бѣлой ости на задней половинѣ туловища и бѣлымъ пятномъ на шеѣ снизу. Мы видали совершенно черныхъ, равномѣрно окрашенныхъ лисицъ.

Красная лисица самая распространенная, крестовокъ меньше; сиводушекъ во всѣхъ здѣшнихъ округахъ добывается не больше 50 шт., а чернобурыхъ можно считать только единицами; за послѣдніе два года отсюда вывезено около 10 шт.

Подобно другимъ животнымъ, окраска здѣшней лисицы получаетъ иногда ненормальный оттѣнокъ; такъ въ Охотскѣ мы видѣли блѣдно-розоватую лисицу, всѣ ости (длинные волоски) которой были совершенно бѣлыми. Между всѣми названными цвѣтами существуетъ множество переходныхъ формъ, такъ что подобрать одинаковыхъ напр. сиводушекъ весьма трудно.

---

[1]) По опредѣленію проф. А. Н. Холодковскаго, въ кишечникѣ медвѣдя водится Ascaris simplex Rud., доставленная нами изъ Камчатки.

Лисица—обитательница не тайги, а криволѣсья, гдѣ животная жизнь богаче и гдѣ она находитъ больше средствъ пропитанія; поэтому въ Петропавловскомъ округѣ ея больше, чѣмъ въ Охотскомъ и Гижигинскомъ. Держится по верховьямъ рѣкъ и рѣчнымъ уваламъ; зимой пробирается только опушкой лѣса, а по ночамъ посѣщаетъ рѣчныя отмели, гдѣ всегда находитъ рыбный кормъ, оставшійся отъ осени.

Соболь, у тунгусовъ Уды—сагонъ; у корякъ—кись, сарба сел. (Ола — хыгыпъ; Каменское — кыттыгымъ; Явино — чумхмилъ; Облуковино—хэуппъ; Шеромы—кымхымъ.

Соболь встрѣчается въ довольно значительномъ количествѣ на Камчатскомъ полуостровѣ, гдѣ осенью живетъ по кедровнику и ольховнику, а зимой перебирается въ березнякъ; на лѣто забирается въ верховья рѣкъ и хребты, устраивая себѣ заранѣе логовище между камнями. Въ Гижигинскомъ округѣ онъ рѣдко попадается; весь Охотскій округъ соболя не знаетъ; по западному побережью моря его очень мало; на р. Лантаръ, напр., за 10 л. убито всего два соболя. Затѣмъ въ р. Керанъ онъ снова появляется и по Удскому району опять достигаетъ значительнаго количества. Такимъ образомъ, въ Охотско-Камчатскомъ краѣ распространеніе соболя совершенно противоположно мѣстамъ изобильнаго промысла бѣлки; поэтому нельзя утверждать, что «соболь вслѣдъ за бѣлкой держится преимущественно въ хвойныхъ лѣсахъ» [1]).

Какъ хищникъ, соболь питается животной пищей: мелкими звѣрьками, птицей и только отчасти кедровыми орѣхами, рябиной и шиповникомъ. По увѣренію здѣшнихъ опытныхъ охотниковъ, соболь появляется въ большомъ количествѣ періодически, черезъ три года, слѣдуя нашествію полевыхъ мышей, которыя также показываются черезъ указанный промежутокъ времени.

Соболь табунится съ началомъ марта [2]), а плодится въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, принося отъ двухъ до шести дѣтенышей, рѣдко 7—8, а приплоду въ 9 штукъ здѣшніе охотники не вѣрятъ. Вскорѣ послѣ этого наступаетъ періодъ линянія, которое начинается всегда съ головы; на ногахъ старая шерсть держится дольше всего; 15 мая видятъ соболей уже съ новой, низкой и гладкой шерстью.

---

[1]) См. у Грумъ-Гржимайло, стр. 331, примѣчаніе 2-е.

[2]) Произведенное нами вскрытіе 20 собольихъ матокъ, убитыхъ между 15 и 30 февраля доказало, что въ это время беременности нѣтъ.

До перваго снѣга дѣтеныши не покидаютъ матери, а иногда и ранѣе отстаютъ; думаютъ, что годовалая соболиха уже приноситъ потомство.

Уменьшеніе соболя, равно какъ и лисицы, въ послѣдніе годы сильно замѣтно: еще 25 л. тому назадъ въ Камчаткѣ добывали до 3,000 штукъ, тогда какъ теперь—меньше половины этой цифры.

Объ окраскѣ звѣря мы поговоримъ въ отдѣлѣ о промыслахъ; замѣтимъ только, что, какъ большая рѣдкость, попадаются совершенно бѣлые соболя.

Бѣлка, у тунгусовъ майскихъ—улюки; якутовъ—тингъ, тинь; коряковъ—явуня.

Она исключительно держится хвойныхъ лѣсовъ и въ Камчатку не заходитъ; появляется, подбно соболю,—періодически, въ зависимости, видимо, отъ урожая хвойныхъ шишекъ и кедровыхъ орѣховъ. Образъ жизни здѣшняго звѣрька отличается отъ якутскаго типа тѣмъ, что онъ въ большемъ количествѣ попадается не въ высокоствольныхъ лѣсахъ, а по рѣдкимъ зарослямъ лиственницы, какъ напр. по сѣверному побережью Охотскаго моря.

О жизни выдры (ювинъ — тунгусовъ) и россомахи жители мало знаютъ; первая распространена почти повсемѣстно и можетъ считаться чисто ночнымъ животнымъ, хотя въ ясные и тихіе дни грѣется на солнцѣ, лежа на лѣсинѣ; тогда какъ послѣдняя—водится только въ Камчаткѣ, гдѣ вначалѣ ея будто бы не было. Злой и сильный хищникъ, россомаха однако не любитъ открытой тундры, а всегда придерживается хребтовъ или горныхъ ущелій. Какъ глубоко-сѣверное животное, она прибыла съ ледовитаго побережья, не остановившись на мало прикрытой древесною растительностью Гижигинской тундрѣ, а поселилась въ Срединномъ Камчатскомъ хребтѣ до р. Бѣлоголовой. Въ южной части Камчатки она — рѣдкій гость.

Олень, вообще, оронъ—у тунгусовъ; сѣверный, дикій—буюнъ, у корякъ — коянгъ; сел. Лѣсновское — корревы; с. Морошечное—Льгытелвыкинъ; с. Явино—элли-вухъ.

Сѣверный олень приходитъ съ Ледовитаго океана до сел. Явино по Камчаткѣ и южнѣе Охотска; въ одиночку рѣдко путешествуетъ, а всегда по нѣсколько штукъ; въ мѣстахъ пустынныхъ иногда остается лѣтовать въ Камчаткѣ, какъ намъ разъ пришлось убить его по восточному берегу противъ о. Старичковъ, въ августѣ.

Одомашненный олень составляетъ драгоцѣнное животное для инородца, удовлетворяя почти всѣмъ его жизненнымъ потребностямъ. Различаютъ нѣсколько варіацій по росту и вѣсу; такъ напр. кам-

чатскій и гижигинскій олень меньше дикаго; гижигинскій быкъ (поросъ) равенъ по величинѣ охотской важенкѣ (т. е. самкѣ); охотскій теленокъ равняется ламутской важенкѣ.

Зимой питается исключительно мохомъ, котораго инородцы различаютъ пять видовъ: одни полезны осенью, другіе весной; лѣтомъ кормится главнымъ образомъ листьями ивняка и нѣкоторыми травами. Любовь оленя къ грибамъ такъ сильна, что онъ никогда не пропускаетъ случая съѣсть ихъ по дорогѣ.

Табунятся съ 1 сентября по октябрь; телятся самое раннее къ 25 марта, а поздніяя—къ 23 апрѣля; послѣднія всегда дольше носятъ рога (до 30 апрѣля); приносятъ на третьемъ году по одному, рѣдко по 2 дѣтеныша въ годъ. Весь приплодъ важенки считается до 10 штукъ. Нѣкоторые экземпляры самокъ остаются навсегда безплодными; ихъ называютъ «катямъ» и узнаютъ по прямымъ рогамъ и грубому стану. У новорожденныхъ рога остаются мягкими въ теченіи двухъ мѣсяцевъ и къ концу лѣта достигаютъ въ длину 1 четверти; до 3 лѣтъ они растутъ и вѣтвятся, и потомъ, послѣ смѣны, уже не измѣняются. Олень, не смотря на свою выносливость при холодѣ и ѣздѣ, сильно страдаетъ какъ отъ оленьяго овода, такъ и разныхъ болѣзней. Оленій оводъ или вѣрнѣе слѣпень (Tabanus tarandinus) является настоящимъ бичемъ этого животнаго: носовая полость, кишечникъ и печень бываютъ переполнены личинками этого слѣпня; если оленью ровдугу (шкуру съ удаленной шерстью) посмотрѣть на свѣтъ, то она является красивой мозаикой и интересной иллюстраціей развитія личинки.

Мы привезли изъ путешествія другую личинку, которая, по изслѣдованію, любезно произведенному г. Порчинскимъ, принадлежитъ оленьему оводу (Oedemagena tarandi L.); она оказалась во второй, крайне мало еще иследованной стадіи развитія. Этотъ взрослый оводъ имѣетъ ротовыя части въ зачаточномъ состояніи, а потому объ укушеніи оленя не можетъ быть и рѣчи. Проникновеніе подъ кожу оленя названной личинки является загадочнымъ. По разсказамъ тунгусовъ, когда еще не сталъ снѣгъ, олень начинаетъ тереть свой носъ объ снѣгъ и фыркать, причемъ выбрасываетъ нѣсколько мелкихъ червей (т. е. личинокъ). При осмотрѣ носовой полости вплоть до горла замѣтны на слизистой оболочкѣ маленькія бѣлыя точки, изъ которыхъ потомъ выходятъ названные червячки. Въ связи съ этимъ, по увѣренію тунгусовъ, находится появленіе на листьяхъ тальника маленькаго

червя, и олень, поѣдая листья, будто-бы, заражается. Болѣзнь [1]) эту тунгусы называютъ эдермянь: животное кашляетъ, сильно худѣетъ; линяніе шерсти наступаетъ позже. Названная личина, пишетъ Порчинскій [2]), живетъ въ кожѣ оленя, но какимъ путемъ она туда проникаетъ, еще въ точности неизвѣстно. Одни думаютъ, что личинка проникаетъ въ кожу прямо извнѣ; другіе полагаютъ, что путь этотъ гораздо сложнѣе и что въ кожу она проникаетъ чрезъ пищеводъ, его стѣнки и чрезъ цѣлый рядъ другихъ тканей.

Изъ другихъ болѣзней оленя нужно назвать капатà, или болѣзни рогъ, джахъ [3]), или копытную болѣзнь и татаръ, т. е. паршу.

Капатà, или нагноеніе въ основаніи рога, переходящее потомъ въ воспаленіе мозга, происходитъ отъ ушиба или надлома рога въ основаніи или на концѣ. Въ первомъ случаѣ появляется опухоль вокругъ, а во второмъ развиваются личинки мухъ, проникающія по извилистому каналу вдоль рога и вызывающія зараженіе.

Джахъ сначала обнаруживается воспаленіемъ и небольшою опухолью около копыта, которое является результатомъ страданія небольшой копытной железы, лежащей между пальцами надъ копытомъ. Въ дальнѣйшемъ теченіи, какъ показали намъ вскрытія павшихъ оленей, болѣзнь представляетъ бурную картину эксудативно-гнилостнаго пораженія. Она крайне заразительна и уничтожаетъ въ одно лѣто цѣлые табуны. Причина ея неизвѣстна; тунгусами замѣчено, что, когда весной трава начинаетъ вянуть вслѣдствіе развитія какого-то червя, величиною въ булавочную головку, появляется копытная болѣзнь. Сначала заболѣваніе имѣетъ ограниченное мѣсто — около копыта, въ видѣ нарывовъ; потомъ, если послѣдніе не вскрываются, наступаетъ пораженіе главнымъ образомъ грудныхъ органовъ, съ серозно-гнойными эксудатами подъ кожей; тогда какъ всѣ брюшные органы остаются повидимому мало затронутыми. Мы со-

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія, собранныя нами о болѣзняхъ оленей, будутъ впослѣдствіи опубликованы, въ виду прямого недостатка знаній по этому вопросу.

[2]) Въ письмѣ къ автору книги.

[3]) Благодаря любезному письму знатока якутскаго языка г. Пекарскаго мы узнаемъ, что людская чесотка называется куччанга, и что слово татаръ относится только къ опредѣленному заболѣванію скота; джахъ или днахъ— копытянка, гніеніе между копытами и пальцами. У камчатскихъ ламутовъ первая болѣзнь называется ынхгы, вторая—бутука, третья—нетилыкъ.

мнѣваемся, что оленій джахъ походитъ на ящуръ рогатаго скота; а скорѣе онъ составляетъ особое заболѣваніе.

Татаръ начинается съ сильнаго зуда въ кожѣ и послѣдовательнаго выпаденія шерсти, послѣ чего кожа напоминаетъ лайковую перчатку. Потомъ на ней появляются прыщи и трещины, покрывающіеся сухой коркой. При изслѣдованіи послѣдней нами найденъ клещъ, похожій на чесоточнаго, но меньше его по размѣрамъ. Кожа, снятая съ упавшаго оленя, пронизана мелкими дырками,—словно пробита крупною дробью. Болѣзнь заразительна и отъ одного больного оленя погибаетъ все стадо; длится 4—6 мѣсяцевъ, а иногда нѣсколько лѣтъ. Она передается людямъ, но проявляется не между пальцами и на кистяхъ, какъ настоящая чесотка, а на лицѣ и на наружной сторонѣ плечевыхъ костей.

Есть еще одна паразитная болѣзнь, когда подъ кожей оленей находятъ длиннаго и тонкаго (какъ нитка) червя; мясо такого оленя, какъ говорятъ тунгусы, студенисто и имъ брезгаютъ.

Перейдемъ теперь къ морскимъ промысловымъ млекопитающимъ; изъ нихъ упомянемъ 1) моржа, водящагося только въ Беринговомъ морѣ—на Карагинскомъ островѣ и Шипунскомъ мысу[1]); въ Охотское море заходятъ только случайно молодые экземпляры. Такъ лѣтъ 10 тому назадъ на одномъ изъ острововъ (Талыковъ) противъ Ямска видѣли молодого моржа; что прежде моржи водились въ Охотскомъ морѣ, указываютъ находки клыковъ въ береговыхъ осыпяхъ около сел. Кинкильскаго.

2) Сивучъ, подобно моржу, также доходитъ до Шипунскаго мыса, но встрѣчается и въ Охотскомъ морѣ: въ Пенжинской губѣ и на Ямскихъ островахъ, гдѣ ихъ убиваютъ до 350 шт. въ лѣто. Дальше къ западу онъ не распространяется: въ Тауйскѣ, Охотскѣ и Аянѣ его нѣтъ, но около Шантарскихъ береговъ и Сахалина снова показывается (?). Такое распредѣленіе его совпадаетъ съ ограниченными холодными районами воды въ названныхъ моряхъ.

Описанный впервые спутникомъ Беринга Стеллеромъ въ 1741 г. морской левъ, или сивучъ, плодится съ половины мая до половины іюня; длина его достигаетъ 10 ф. 7 дюйм.; это замѣчательно зловонное животное, живущее полигамически, подобно морскому котику.

---

[1]) Моржей промышляютъ около устья р. Жупановой, тогда какъ Дитмаръ полагалъ ихъ южную границу у Кроноцкаго мыса.

3) Морская корова [1]), описанная также Стеллеромъ, принадлежитъ къ числу вымершихъ морскихъ животныхъ. Она была истреблена промышленниками ради ея вкуснаго мяса, но нужно допустить и другія причины ея исчезновенія. Единственное мѣсто, гдѣ находятъ остатки ея скелетовъ, это островъ Беринга; тогда какъ ни въ Камчаткѣ, ни на Охотскомъ побережьѣ ихъ нѣтъ. Послѣдній разъ морскую корову видѣли въ 1768 г. Стейнегеръ допускаетъ, что она обитала вблизи другихъ береговъ, какъ напр. на о. Атту.

Изъ другихъ промысловыхъ морскихъ животныхъ заслуживаютъ особаго вниманія, по цѣнности своего мѣха, морской бобёръ и котикъ, а также киты—по массѣ получаемыхъ отъ нихъ жиру и уса.

4) Морской боберъ встрѣчался у береговъ Камчатки съ давнихъ временъ; о немъ говорятъ Крашенинниковъ и Стеллеръ. Это осторожное и пугливое животное, послѣ сильныхъ землетрясеній въ южной части полуострова, оставило свои лежбища и переселилось, видимо, на Командорскіе и Алеутскіе острова. Съ теченіемъ времени оно снова появилось около бухты Инкапюши и «Трехъ Сестеръ» и служитъ предметомъ промысла, еще мало организованнаго.

Живетъ онъ вездѣ на мѣстахъ съ подводными камнями, въ заросляхъ морской капусты; это моногамическое животное отличается большою любовью къ дѣтямъ, которыхъ вначалѣ держитъ на животѣ, ложась въ водѣ на спину, пока послѣднія не научатся плавать. Листья морской капусты стелятся по морской поверхности такъ густо, что представляютъ большую плавучую поверхность; густота заросли прекращаетъ волненіе моря, что даетъ бобру возможность во время бури спокойно находиться на этой поверхности. Въ спокойномъ состояніи боберъ почти всегда плаваетъ на спинѣ, держа голову и конечности ногъ кверху; если намѣревается выйти на берегъ, то прежде всего внимательно осмотритъ мѣстность и, повернувъ спиною кверху, вылазитъ на камень. Съ этихъ лежбищъ онъ удаляется почти ежедневно въ море; выходитъ на берегъ чаще: съ мая по іюль и съ сентября по октябрь, послѣ 2 ч. дня и ночью.

Одно лежбище около Лопатки отстоитъ отъ берега на 250 саж., а второе—Гаврюшкинъ камень—въ 3 верстахъ.

---

[1]) См. литературу о ней: Büchner. Die Abbildungen der Nordischen Seekuh. въ Mem. Acad. Imper. des Sciences. St. Petersb. 7 serie, t. XXXVIII, 1891, № 7.— Stejneger. Proc. Unit. St. Natur. Museum, 1883 и 1884; Его же On the Extermination of the Great Northen Sea Cow. Americ. Geogr. Soc. Bull. 1886, № 4.— Americ. Natural. 1887, XXI № 12. Другія указанія см. въ Библіографіи.

5) Морской котикъ составляетъ спеціальный промыселъ Командорскихъ острововъ, описаніе которыхъ не входитъ въ нашу задачу; о немъ мы упоминаемъ только потому, что у Кроноцкаго и Столбового мысовъ американскіе хищники занимаются промысломъ, какъ это ясно видно изъ діаграммъ Стейнегера [1]). О географическомъ распредѣленіи китовъ удобнѣе будетъ сказать при описаніи промысловъ.

Перейдемъ теперь къ фаунѣ птицъ.

Пернатое царство Охотско-Камчатскаго края носитъ еще болѣе смѣшанный характеръ, чѣмъ группа млекопитающихъ. Изъ 508 видовъ птицъ Восточной Сибири мы находимъ здѣсь около 264, тогда какъ

на Сахалинѣ	152	вида
въ Якутской Области	183	»
» Амурской »	244	»
» Маньчжуріи	268	»
» Забайкальѣ	328	»
» Японіи	359	»

При сличеніи списка Охотско-Камчатскихъ птицъ съ прилегающими областями и Европой оказывается, что:

153 вида общи съ Маньчжуріей,
144 » » » Амурской областью,
126 » » » Восточной Сибирью и Монголіей,
125 » » » Европой.
95 » » » Полярной областью [2]).

Подобно тому, какъ въ ботаническомъ отношеніи, Камчатка составляетъ особый районъ, такъ и птице-фауна полуострова отличается отъ таковой же въ Удскомъ районѣ: на полуостровѣ насчитывается около 60 видовъ, которыхъ нѣтъ въ окрестностяхъ р. Уды, и съ другой стороны и этотъ округъ имѣетъ до 50 видовъ, не найденныхъ въ Камчаткѣ. Первыя птицы принадлежатъ къ беринго-бореальнымъ и японскимъ, а послѣднія относятся къ материковымъ амуро-маньчжурской подобласти [3]).

---

[1]) См. его The Asiatic Fur—sial Islands and Fur—seal industry. 1898, p. IV, карта № 88.

[2]) Число это вѣроятно больше въ дѣйствительности, потому что мы не располагаемъ подробными списками птицъ сѣвернаго побережья Сибири.

[3]) По Герценштейну и Варпаховскому; извѣстный орнитологъ проф. Мензбиръ, вмѣстѣ съ Сѣверцовымъ, выдѣляетъ Маньчжурію съ сѣвернымъ Китаемъ, Кореей и Японіей въ особую подобласть.

Благодаря суровымъ климатическимъ условіямъ, въ Охотско-Камчатскомъ краѣ весьма немного зимующихъ птицъ: помимо полярной куропатки, нѣсколькихъ видовъ совъ, бѣлаго кречета, ворона и сороки, мы встрѣчаемъ московку съ ея унылымъ пискомъ, изрѣдка чернаго воробья, глухаря, тетерьку, орла-беркута, кедровку и нѣсколько морскихъ птицъ. Въ дополненіе нельзя не упомянуть о зимующихъ въ Камчаткѣ лебедяхъ и 2—3 видахъ утокъ. Словомъ, зимой въ здѣшней тайгѣ и на тундрѣ охотнику за пернатыми нечего дѣлать.

Но лишь только начались теплые весенніе дни и показались проталины на увалахъ и по хребтамъ, какъ эта мертвая тишина воздуха нарушается крикомъ и щебетаньемъ пернатыхъ гостей, прибывающихъ сюда или для гнѣздованья, или останавливающихся временно, чтобы, отдохнувъ, потомъ скрыться за Колымскимъ хребтомъ, дальше къ сѣверу. Этотъ прилетъ въ Аянско-Удскомъ районѣ начинается раньше, чѣмъ въ Камчаткѣ; по нашимъ наблюденіямъ и собраннымъ даннымъ, первые гуси въ Аянѣ показываются 5—7 марта, какъ горы бываютъ покрыты снѣгомъ, въ бухтѣ стоитъ ледъ, а температура воздуха колеблется между—0,6° и—29°; полный же пролетъ и прилетъ птицъ начинается обыкновенно послѣ перваго дождя (10—15 мая). Время пролета первыхъ гусей зависитъ отъ большей или меньшей суровости предшествовавшей зимы; такъ въ 1892 г. они показались 25 апр., въ 1893 г.—22 апр., въ 1894 г.—2 мая; въ 1896 г.—26 апр. Утки всегда являются позже; въ 1893 г. острохвостъ прилетѣлъ 29 іюня, а на канунѣ показались кулики.

Въ Охотскѣ, по словамъ Херсонскаго, прилетъ птицъ начинается 10 апрѣля и оканчивается 15 іюня; первыми и здѣсь показываются лебеди и гуси, а за ними уже слѣдуетъ болѣе мелкая птица.

Въ Камчатѣ проявленіе весны сказывается прежде всего отлетомъ гаги, которая держится зимой въ открытой бухтѣ; почти одновременно съ этимъ появляются жаворонокъ и трясогузка (плиска—по мѣстному). Чтобы дать приблизительное понятіе о прилетѣ птицъ, приводимъ слѣдующія записи изъ своего дорожнаго дневника:

	1897 г. Петропавловскъ.	1897 г. Сел. Апача.	1898 г. Петропавловскъ.	1896 г. Охотскъ.
Мартъ . 25	—	—	—	орлы
Апрѣль. . 1	—	мелкія пташки	—	вороны
» 2	—	тоже	жаворонокъ	—
» 3	—	—	плиска	—

Апрѣль .	8	—	—	чирокъ	—
»	9	—	—	гусь	—
»	10	улетѣла гага	жаворонокъ	—	—
»	13	—	—	острохвостъ	—
»	15	гусь	гусь, селезень, чирокъ	пестрая пташка	—
»	16	плиска и др. пташки	—	—	—
»	18	жаворонокъ	—	—	селезень-кряква, гоголь
»	19	—	острохвостъ	—	—
»	20	рѣчная утка	—	малая чайка	крохоль
»	22	—	чайка-каменушка	—	—
»	26	—	—	гагара	лебедь, чайка
»	28	черноголовая чайка	—	селезень	гуменникъ, казарка, пискунъ (пищуха)
Май . . .	1	всѣ морскія птицы улетѣли для гнѣздованья	скопа	каменушка	чирокъ [2])
»	2	—	—	чернеть	шилохвостъ
»	5	кулики	чернеть	куликъ большой долгоносый, саксунъ	гагара, свіязь
»	6	—	куликъ-красношейка	темнобрюхая пѣночка	турпанъ, хохотушка, чернеть
»	7	—	куликъ большой долгоносый	свіязь, селезень косатчатый	—
»	8	—	—	мартышка	—
»	10	—	мартышка	2 вида куликовъ	холостежъ-гуменникъ и крохоль
»	11	клестъ (capr. erythr) [1])	крохоль, свіязь	—	—
»	12	—	селезень косатчатый	—	—

[1]) Прилетъ этого краснаго воробья, поющаго «чавыча, чавычу видѣлъ» всегда совпадаетъ здѣсь съ появленіемъ первыхъ экземпляровъ чавычи. Въ 1898 г., уѣзжая изъ Петропавловска 23 мая, мы не слышали этой радостной пѣсни и не видѣли первой чавычи.

[2]) Кулики, кроншнепы и вальдшнепы появляются между 1 и 10 мая.

Май. .	. 17	—	—	кукушка	—
»	19	—	кукушка	—	—
»	20	—	—	ласточка	—
»	22	кукушка	ласточка	темнобрюхая пѣночка	—
»	23	ласточка	—	—	—
»	28	—	клестъ (carp. erythr)	—	—

Въ этомъ хронологическомъ перечнѣ мы назвали только наиболѣе рѣзко бросавшихся въ глаза птицъ, но въ общемъ весеннее оживленіе края идетъ одинаково быстро какъ въ фаунистическомъ, такъ и въ ботаническомъ отношеніи: изъ подъ снѣга показываются зеленовато-желтые стебельки травъ и пробиваются подснѣжки и лишенныя аромата фіалки; въ небесной выси парятъ стада гусей, какъ бы осматривая мѣсто для отдыха, а воздухъ оглашается трелью жаворонка и мелодичнымъ крикомъ краснаго воробья. Къ концу мая гнѣздованье закончено, въ долинахъ рѣкъ собираются громадныя стада утокъ, передъ наступленіемъ линьки, а на тундрахъ Ямска сѣрѣютъ тысячи гусей, также закончившихъ свою лѣтнюю функцію и передъ отправленіемъ въ теплыя мѣста собравшихся здѣсь для смѣны своего брачнаго наряда.

Изъ пернаго царства только гуси, лебеди и утки имѣютъ промысловое значеніе, о чемъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ, а въ заключеніе общаго обзора орнито-фауны приводимъ статью проф. М. А. Мензбира, опредѣлившаго нашу коллекцію птицъ (см. въ концѣ главы).

Фауна Охотскаго и Берингова морей представляютъ глубокій научный и большой практическій интересъ.

Населяющая ихъ фауна состоитъ изъ беринго-бореальныхъ животныхъ, съ нѣкоторыми американскими и японскими видами.

Распредѣленіе промысловыхъ рыбъ и морскихъ млекопитающихъ въ Беринговомъ и Охотскомъ моряхъ представляетъ много особенностей. Что касается китовъ какъ зубатыхъ, такъ и усатыхъ, то они одинаково встрѣчаются въ обоихъ моряхъ, но чаще въ Охотскомъ морѣ; главнымъ мѣстомъ ихъ привала или кормежки нужно считать Пенжинскую губу, окрестный районъ Шантаровъ и Камбальный заливъ у Лопатки. При переходѣ съ одного мѣста на другое, ихъ часто видятъ противъ устья рѣкъ восточнаго и сѣвернаго береговъ.

Изъ ластоногихъ моржъ и котикъ свойственны только Берингову морю, хотя первый иногда приходитъ на Ольскій островъ и въ Тауйскую губу, южнѣе Шипунскаго мыса въ Камчаткѣ онъ не спускается.

Изъ рыбы чавыга и семга должны считаться камчатскими рыбами, потому что въ устьяхъ рѣкъ Гижигинскаго и Охотскаго округовъ онѣ не заходятъ, только первая спорадически и весьма рѣдко тамъ попадается; причемъ семга, какъ обитательница часто тундряныхъ рѣкъ, встрѣчается главнымъ образомъ между селеніями Большерѣцкъ и Крутогорово. На восточномъ берегу Камчатки она появляется сѣвернѣе р. Озерной и только случайно въ р. Калахтырка, близь Авачинской губы. Остальныя лососевыя рыбы свойственны всему Охотской-Камчатскому побережью, хотя нѣкоторые види предпочитаютъ тѣ или другія рѣки; небольшая лососевая рыба «ыннакачъ» добытая нами по западному берегу Камчатки (по опредѣленію А. М. Никольскаго Hipomesus olidus) исключительно, руномъ, заходитъ только въ Ичинскую и сосѣднія рѣки.

Уйки и корюха свойственны больше Охотскому морю, гдѣ ихъ встрѣчаются огромныя массы; на восточномъ Камчатскомъ побережьѣ ихъ не промышляютъ; селедочное руно [1]) проходитъ въ устья рр. Уды, Кухтуя, Колы, Гижиги и Авачинскую губу; въ другихъ мѣстахъ ея меньше появляется. Во всѣхъ названныхъ мѣстахъ она появляется только одинъ разъ въ началѣ весны, но въ Петропавловской бухтѣ—дважды; при изслѣдованіи оказалось, что во второй разъ приходитъ не селедка, а, по опредѣленію нашего экземпляра А. М. Никольскимъ, сигъ (Coregonus Merckii Günth).

Треска въ Охотскомъ морѣ встрѣчается на банкахъ между селеніями Явино и Большерѣцкъ, и затѣмъ ея много ловится около Командорскихъ острововъ.

Помѣстивъ во II т. списокъ извѣстныхъ рыбъ [2]) (см. приложеніе

---

[1]) Селедка чаще всего бываетъ у устьевъ; по рѣкамъ поднимается вмѣстѣ съ приливомъ и прѣсной воды не любитъ; въ 1893 г. въ р. Пятибратскую зашло большое руно сельди, что удивило жителей, такъ какъ ни раньше, ни позже она такъ высоко не поднималась по рѣкѣ. Все руно потомъ уснуло.

[2]) Списокъ этотъ составленъ на основаніи главнымъ образомъ работъ Вашингтонскаго музея, какъ напр., Жордана, Жильберта, Аллена, Стейнегера и др. Наши коллекціи 1892—3 г. и 1896—8 гг. остаются пока не обработанными: первыя находятся въ Московскомъ зоологическомъ музеѣ, вторыя—частію въ сельско-хозяйственномъ, частію въ Академическомъ музеѣ, въ Петербургѣ.

5, табли. II), а описаніе рыбныхъ промысловъ отнеся на гл. о занятіяхъ жителей, мы здѣсь коснемся нѣкоторыхъ подробностей, — небезъинтересныхъ въ виду неполноты нашихъ свѣдѣній о рыбахъ здѣшнихъ морей. Такъ мы знаемъ только одинъ видъ красной рыбы (S. lycaodon), тогда какъ всѣ жители Камчатки различаютъ Азабачъ, Арабачъ и Дикую красную. Азабачъ встрѣчается очень крупныхъ и самыхъ малыхъ размѣровъ съ характернымъ кривымъ носомъ и мелкой икрой; она всегда вдвое шире красной.

Повидимому близко къ описанію разновидности стоитъ арабачъ, съ бѣлой, серебристой чешуей; послѣдняя крупнѣе, чѣмъ у обыкновенной красной; голова меньше и въ этомъ отношеніи схожа съ гольцомъ, но по длинѣ короче его. Тѣло у ней красное, икра мелкая, въ оболочкѣ. Арабачъ сильно увеличивается въ ростѣ послѣ того, когда вошла въ рѣку; подъ конецъ лѣта выростаетъ горбъ, а нижняя челюсть загибается крюкомъ кверху. Мясо очень нѣжно и скорѣй другихъ рыбъ портится. Чаще всего по р. Быстрой.

Дикая красная идетъ только въ Ичинскую и сосѣднія рѣки, вмѣстѣ съ кижучемъ въ концѣ августа. По чешуѣ похожа на чавычу, съ краснымъ мясомъ; по внѣшнему виду она отличается еще тѣмъ, что не лощаетъ до конца осени, т. е. не измѣняетъ своей формы и цвѣта.

Въ сел. Шеромы жители отличаютъ еще копыловку, появляющуюся одновременно съ хайко, съ которой она отчасти схожа; голова маленькая, чешуя пестрая, мясо красное, но икра мельче, чѣмъ у послѣдней, а скорѣе одинакова съ икрой кижучъ. Находятъ нѣкоторое сходство съ семгой.

Въ р. Воровской попадается другой малоизвѣстный видъ, конфигурація головы у которой такая же, какъ у кижучъ, но корпусомъ похожа на семгу, съ бѣлымъ мясомъ. Встрѣчается довольно рѣдко. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ различаютъ также лѣтнюю кижучъ отъ осенней.

На всемъ побережьѣ жители насчитываютъ пять видовъ гольцовъ: 1) каменные; 2) лошетинцы, круглые и толстые; 3) бѣлые, гораздо тоньше предыдущаго; 4) гольчики, самые малые по размѣрамъ и 5) озерные отъ 2 до 8 фунтовъ вѣсу, съ оранжевыми пятнами и красными полосами по бокамъ. Всѣ они зимуютъ въ рѣкахъ и озерахъ, а весной выходятъ въ бухту для метанія икры. На р. Карагѣ и въ сосѣднихъ озерахъ водится голецъ—макао (по-корякски), который въ море никогда не выходитъ.

Русскіе жители сел. Усть-Камчатска.

Въ р. Дранкѣ встрѣчается впервые конекъ, съ темно-желтой кожей и крупной чешуей, водящійся только въ р. Анадырь; здѣсь также есть рыба, прозванная утконосомъ—за свое широкое рыло.

Въ озерахъ, около р. Тымлаты, водится щука, которая, по увѣренію жителей, выходитъ на отмели по берегамъ.

Изъ другихъ чисто прѣсноводныхъ рыбъ, которыя никогда не выходятъ въ море, нужно назвать камчатскую миногу (Petromyzon branchialis L., по опредѣленію нашего экземпляра А. М. Никольскимъ), щуку, харитона, или харіуса (Thymalus), который попадался намъ въ рр. Авачѣ, Быстрой, Янѣ и Кухтуѣ; валька — въ рѣкахъ отъ Охотска до Ины; въ другихъ мѣстахъ Охотскаго округа его не встрѣчается. Два послѣднихъ вида спускаются въ низовья рѣкъ около 20 марта.

Въ 260 в. отъ Охотска, въ озерахъ, около Уяги, имѣющихъ стокъ въ р. Кухтуй, водится особая рыба, которая, по описанію тунгусовъ, своей чешуей похожа на валька, плоская; ширина ея около 4 поперечныхъ пальцевъ, толщина—два пальца; цвѣтъ кожи бѣлый. По конфигураціи головы и своимъ плавникамъ, она схожа съ валькомъ, и очень жирная. Тунгусы всегда различаютъ эти двѣ рыбы.

Изъ случайно попадающихся въ Охотскомъ морѣ упомянемъ, со словъ жителей, акулу, которую выбрасываетъ всегда въ августѣ мѣсяцѣ около Облуковь ы и Тигиля; длина ея около сажени. Около устья р. Сиглань, а больше у р. Средней (впадающей въ Бабушкину бухту) тунгусы ловятъ для пищи рыбу малаятъ, голую, безъ чешуи, темнаго цвѣта и съ синими (или голубыми) костями, длина около $1^1/_2$ арш.

Изъ случайнаго улова, видимо заблудившихся рыбъ, упомянемъ рамжу съ ея громадной головой, занимающей $^1/_3$ всего туловища (Аянъ), одинъ видъ осетровыхъ, пойманный въ 1896 г. у Ямска, котораго жители описывали такимъ образомъ: на хребтѣ идутъ острыя костяныя пластинки, сама спина чернаго цвѣта, голова горбатая, ротъ на нижней сторонѣ морды, больше кзади; у хвоста на спинѣ маленькій плавникъ.

Противъ устья р. Явиной живетъ особый видъ хрящеватой рыбы (совершеннаго окостенѣнія нѣтъ даже въ позвонкахъ), темнаго цвѣта; какъ говорятъ жители, смирная, держится у дна рѣки, длиною около сажени, и, не смотря на эту величину, ее достаютъ крючкомъ въ то время, когда ловятъ треску.

Большинство названныхъ рыбъ намъ не пришлось видать, но мы привели эти мѣстныя указанія, потому, что они имѣютъ интересъ для географическаго распредѣленія ихтіо-фауны.

Изъ прѣсноводныхъ и сухопутныхъ молюсковъ можемъ назвать интересную въ промышленномъ отношеніи Margaritana complanata Solander[1]), изъ которой жители сел. Голыгина добываютъ весьма недурного качества жемчугъ, величиною отъ конопляного зерна до крупной чечевицы.

Что касается морскихъ ракообразныхъ, молюсковъ и другихъ низшихъ животныхъ, то въ литературѣ описано около 100 видовъ (молюсковъ 70 в., ракообразныхъ 21 в., нереидъ 2 в., и другихъ низшихъ 10). Не говоря о мелкой плавучей фаунѣ, мы можемъ указать изъ собственныхъ наблюденій, что данное число низшихъ морскихъ животныхъ должно быть значительно увеличено:[2]) однихъ гидроидовъ, медузъ, плавающихъ полиповъ и гребневиковъ мы знаемъ для Берингова моря болѣе 25 видовъ; морскихъ червей, т. е. анелидъ, гефирей, круглыхъ и плоскихъ (Nematodes и Platodes) нами собрано до 30 видовъ.

Изъ ракообразныхъ Охотскаго моря 11 видовъ эндемичныхъ, 5—тихо-океанскихъ и 5 кругополярныхъ; изъ ракообразныхъ Берингова моря 42 описано для Прибылова островов; они принадлежатъ къ кругополярнымъ и арктическимъ типамъ; нѣкоторые же свойственны только этому морю, какъ Telmessus, Erimacrus, Gapalogaster, Eupagurus Middendorfii и др.

Молюсками Охотское море необыкновенно богато и въ этомъ отношеніи превосходитъ Берингово море и Ледовитый океанъ. Изъ 70 описанныхъ видовъ 31 принадлежитъ кругополярнымъ; 15 полярнымъ идентичны съ Беринговскими формами, 14 — тихоокеанскихъ и 10 экдемичныхъ.

Въ Беринговомъ морѣ изъ 86 видовъ молюсковъ, описанныхъ для Прибылова островов, 31 встрѣчается у Камчатскихъ береговъ, 10—свойственны Японіи, 17—Калифорніи и 42 Ледовитому океану[3]).

---

[1]) Опредѣленіе рѣчной жемчужницы, находимой въ озерахъ и рѣкѣ Голыгиной, сдѣлано для насъ Н. М. Книповичемъ.

[2]) Только нѣкоторыя изъ привезенныхъ нами низшихъ морскихъ животныхъ опредѣлены: Octopus punctatus Gabb.—Жубеномъ (Memoires de la Soc. zoolog de France, t X, p. 110, 1897 г.); изъ медузъ Catablema sp; Cyanea ferruginea Eschsch.—пр. Коротневымъ.

[3]) Dall. The Molusk fauna ott he Pribilof Jslands, въ The Fur-Seal and Fur-Seal Jsland—Jordan, Washington, 1899 p. III, стр. 539—543.

На о. Беринга собрано 23 вида молюска, изъ нихъ 15 прѣсноводныхъ [1]).

Остальныя группы животнаго царства еще менѣе изучены и отличаются бѣднотою видовъ; такъ мы знаемъ только по одному виду ящерицы (Salamandrilla Dybowsky) и лягушки, найденныхъ въ Камчаткѣ; фауна насѣкомыхъ также крайне бѣдна.

Изъ Coleoptera, собранныхъ на Командорскихъ островахъ Стейнегеромъ и Б. Гамильтономъ [2]) въ числѣ 28 видовъ, и опубликованныхъ Шварцемъ для Прибылова острововъ—20 видовъ, мы находимъ въ Камчаткѣ семь видовъ первой категоріи: Elaphrus riparius L., Nebria dubia Sahb., Lirus melanogastricus Dej., Celia remotestriata Dej, Dyticus dahuricus Gebl., Lyrosoma opacum Mann. и Cryptogypnus littoralis Esch; изъ второй категоріи оказывается только четыре общихъ вида: Carabus Sruncaticolis Esch, Nerbia bifaria Mannh., Pterostichus empetricola Dej и Lyrosoma opacum Mannh.

Приводимъ слѣдующій списокъ чешуекрылыхъ на Охотско-Камчатскомъ побережьѣ, составленный г. Грумъ-Гржимайло, опредѣлившимъ собранную нами коллекцію: Papilio machaon v. kamtschadalus Alph., Parnassius delius v. Corybas F. d. W. (Камчатка). *P. d. v. intermedius Mén. (побережье Охотскаго м.: Аянъ, Лантаръ и т. д.); *P. Stubbendorfi Mén. (Аянъ); *Pieris napi v. bryoniae, O.; *Colias palaens v. orientalis, Stgr.; Chrysophanis phlaeas v. americanus, D'Urbar; Lycaena argus v. melissa, Edw.; L. optilete, Knoch (var?); L. eumedon v. fylgia, Spnbrg.; L. orbitulus v. Wosnesenskii, Mén.; L. minima, Fucssl.; *Limenitis lucilla, F.; Grapta progne, Cr. (?).; *Vanessa urticae v. polaris, Srgr.; *V. cardui, L. (Аянъ); Melitaea athalia v. orientalis, Mén.; *Argynnis selene, Schiff.; A. euphrosyne, L.; A. pales v. arsilache, Esp.; *A. thore v. borealis, Stgr.; *A. amphilochus, Mén (Аянъ); *A. ino, Esp. A. eugenia, Ev.; *A. aglaja, L. (Лантаръ); *Erebia ligea v. ajanensis, Mén.; A. embla v. succulenta, Alph.; *Oeneis sp.? (Crambis, Frr.? [3]); *Coenonymphu tiphon, Rott., var.? (Аянъ,

---

[1]) Stejneger, l. c. p. 33.

[2]) Ashmead. Report upon the insects, collect. by Dr. Stejneger and. B.—Hamilton, въ Fur-Seal and Fur-Seal Island., 1898 p. 4, стр. 328.

[3]) Экземпляръ настолько попортился въ дорогѣ, что ближайшимъ образомъ опредѣленъ быть не можетъ; взятъ въ августѣ мѣсяцѣ въ окрестностяхъ Аяна.

Лантаръ), C. t. var. mixturata, Alph. (Камчатка), Cartecocephalus palaemon v. albiguttata, Chr.; C. silvius, Knoch.; Setina irrorella v. insignata, Stgr.; *Nemeophila plantaginis v. floccosa, Grues.; *Arctia cajer, L. (Камчатка, сел. Ключевское); Acronycta auricoma v. pepli, Hb.; Agrotis candestina, Harr.; A. kollari, Ld.; A. festiva v. lamentanda, Alph.; A. boja, F.; A. rubi, View.; A. rectangula v. anderaggii, B.; A. cuprea Hb.; A. alpestris, B.; A. fennica, Tausch.; A. confinis, Stgr.; A. nigricans, L.; A. islandica, Stgr.; A. ononensis, Brem.; A. robusta, Er. (Аянъ); A. occulta, L.; Mamestra glauca, Hb.; Oncocnemis nigricula, Ev.; *Hadaena ferrago, s. terrago, Ev.; H. adusta, Esp. Hydroecia nictitans, Bkh.; Leucania pallens v. melania, Stgr.; L. conigera, F.; Hydrilla palustris, Hb.; Dyschorista suspecta, Hb.; Xanthia flavags, F.; Xylina ingrica, HS.; Plusia dives, Ev.; P. mandarina, Frr. *P. hochenwarthi, Hoch.; Herminia tentacularia, L., modestalis, Heyd.; *Zanalognatha tarsipennalis, Tr. (Лантаръ); Hypena rostralis, L.; *H. proboscidalis v. deleta, Stgr.; Brephos parthenius, L.; Acidalia frigidaria, Möschl.; *A. paludata, L. (Лантаръ); Timandra putziloi, Ersch.; Abraxa marginata, L.; Cabera exanthemata, Sc.; *Numeria pulveraria, L. (Лантаръ); Selenia bilunaria, Esp.; Bourmia extinctaria, Ev.; *Pygmaena fusca, Thub. (Камчатка, сел. Ключевское); Ematurga atomaria, L.; Phasiane clathrata, L.; *Lygris populata, L.; Cidaria taeniata, Stph.; C. truncata, Hufn.; C. ferrugata v. spadiceata, Bkh.; C. sociata, Bkh. C. unangulata, Hw.; C. lugubrata, Hb.; C. hastata, L.; C. tristata, L. C. lapidata, Hb.; *C. datuta, L. (Аянъ); *C. caesiata (Аянъ, Лантаръ); *C. dilutata (Лантаръ); *C. prunata (Лантаръ); *C. turbata (Лантаръ) [1]).

Кончая нашъ обзоръ, мы должны замѣтить, что здѣшняя морская фауна представляетъ много своеобразнаго и интереснаго въ практическомъ отношеніи: 1) всѣ лососевыя рыбы послѣ нерестованія погибаютъ, и такимъ образомъ каждый экземпляръ только разъ въ жизни мечетъ икру; 2) всѣ онѣ, а также и низшія животныя замѣчательно быстро подвергаются порчѣ на воздухѣ, отличаются нѣжнымъ строеніемъ и очень чувствительны къ реактивамъ разныхъ соленыхъ растворовъ. Послѣднее обстоятельство въ особенности нужно имѣть въ виду при консервированіи и посолки въ прокъ: наши четырехлѣтнія наблюденія показали, что европейскіе пріемы и способы приготовленія консервовъ для здѣшней рыбы не годятся.

---

[1]) Всего собрано д-ромъ Н. Слюнинымъ 32 вида.

Птицы Тихоокеанскаго побережья Сибири.

По матеріаламъ, собраннымъ д-ромъ Н. В. Слюнинымъ, обработалъ
пр. М. А. Мензбиръ.

Не смотря на то, что литература по орнитологіи Сибири очень богата и что существуетъ даже общее описаніе орнитологіи Сибири покойнаго В. К. Тачановскаго, Сибирь никоимъ образомъ не можетъ считаться вполнѣ изслѣдованной въ орнитологическомъ отношеніи. Особенно недостаточно изслѣдованы части, прилежащія къ Алтаю, и Тихоокеанское побережье. Мы до сихъ поръ еще очень слабо знакомы съ распространеніемъ въ восточной Сибири американскихъ формъ, съ границами ихъ проникновенія на западъ и югъ, съ существованіемъ переходовъ между американскими и европейско-азіятскими видами. Къ тому же нѣкоторые зоологи считаютъ сѣверную часть Тихаго океана даже центромъ распространенія нѣкоторыхъ группъ, и, въ виду всего этого, тщательное изслѣдованіе Тихоокеанскаго побережья Сибири, параллельно изслѣдованію Тихоокеанскаго побережья сѣверной Америки, настоятельно необходимо. Коллекція птицъ, собранная въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ указанной области д-ромъ Слюнинымъ, представляетъ несомнѣнный интересъ въ рѣшеніи намѣченныхъ вопросовъ и въ этомъ легко убѣдится всякій, кто ознакомится съ ниже приводимымъ спискомъ.

Colymbus arcticus, L.—Гагара чернозобая.

Самецъ, надѣвающій зимній нарядъ, добытъ 10/22. IX на р. Авачѣ, у Петропавловска. Кромѣ того добыты и другіе экземпляры, но къ сожалѣнію точное мѣстонахожденіе ихъ неизвѣстно.

Colymbus arcticus pacificus, Lawr.—Гагара чернозобая американская.

Самецъ въ брачномъ нарядѣ добытъ въ маѣ на р. Анадырѣ, что указываетъ на гнѣздованье здѣсь этой формы.

Colymbus septentrionalis, L.—Гагара краснозобая.

Въ маѣ и іюнѣ добыта подъ Петропавловскомъ, въ іюлѣ на р. Тигилѣ.

Cepphus columba, Pall.—Чистикъ свистунъ.

Двѣ взрослыя особи, изъ которыхъ одна начинаетъ пріобрѣтать зимній нарядъ, добыты въ Авачинской губѣ, у Петропавловска 9/21. VIII.

Uria troile californica. Bry.—Кайра калифорнiйская.

Взрослая особь. въ началѣ мая добыта у Петропавловска.

Uria lomvia. Pall.—Кайра.

15/27. VII добыта на р. Уѣ, 18/30. VIII у Аяна.

Synthliborhamphus antiquus. Gmel.—Старикъ.

Молодой экземпляръ добытъ 9/21. X. у Желтаго мыса, близъ Петропавловска.

Brachyrhamphus perdix. Pall.—Пыжикъ.

8/20. VIII добытъ у Петропавловска, 12/24. VIII, у Аяна.

Lunda cirrhata. Pall.—Игылька.

Въ сентябрѣ, 1/13—7/19, нѣсколько взрослыхъ самцовъ и самокъ и одна молодая птица добыты на о. Беринга, взрослый самецъ 18/30. V, у Петропавловска.

Fratercula corniculata, Naum.—Топорикъ.

18/30. V, добытъ у Петропавловска.

Simorhynchus pusillus. Pall.

Лѣтомъ добытъ на о. Беринга.

Diomedea albatros, Pall.—Альбатросъ.

9/21. VIII, одинъ экземпляръ добытъ по пути съ Алдомы, въ морѣ.

Stercorarius parasiticus. L.—Поморникъ длиннохвостый.

Самецъ въ брачномъ нарядѣ добытъ 6/18. V, на Анадырѣ; нѣсколько экземпляровъ въ iюлѣ на р. Тигилѣ.

Rissa tridactyla. L.—Чайка трехпалая.

8/20. VIII, добыта на Алдомѣ (у Аяна).

Larus schistisagus. Stejn.—Большая морская чайка (восточ. раса).

Въ iюлѣ добыта на р. Тигилѣ. Очень темный молодой самецъ вѣроятно этого же вида добытъ 3/15. IX на Берииговомъ о-вѣ.

Larus cachinnans, Pall.—Чайка хохотунья.

Взрослый самецъ добыть 27. VII/8. VIII, на Анадырѣ.

Larus canus, L.—Чайка сизая.

Въ іюнѣ взрослая самка добыта у Петропавловска, въ іюлѣ на р. Тигилѣ (ulna 15,5 и 14,75), 8/20. VIII, на р. Алдомѣ.

Larus ridibundus, L.—Чайка рѣчная.

Въ іюнѣ добыта у Усть-Камчатска и позднѣе у Петропавловска.

Scolopax gallinago, Briss.—Бекасъ барашекъ.

12/24. VIII, обыкновенный бекасъ добыть на Лантарѣ.

Tringa pectoralis, Horsf.—Песочникъ зобатый.

Американская форма зобатаго песочника найдена на Анадырѣ, гдѣ повидимому гнѣздится. 2♂♂ добыты здѣсь 10/22 и 11/23. VII.

Tringa ptilocnemis, Coues.—Песочникъ американскій.

Самецъ и самка этого куличка добыты 2/14. IX, на о. Беринга, и этимъ рѣшается въ положительномъ смыслѣ вопросъ о нахожденіи американскаго песочника на группѣ Командорскихъ о-въ, хотя бы на осеннемъ пролетѣ. Къ этому однако надо прибавить, что оба экземпляра молодые, линяющіе въ первый осенній нарядъ.

Tringa Temmincki, Leisl.—Песочникъ воробей.

Добытъ на р. Удѣ.

Tringa damacensis, Horsf.—Песочникъ крошка.

Въ іюлѣ добытъ на рр. Тигилѣ и Удѣ.

Tringa ruficallis, Pall.—Песочникъ краснозобый.

Лѣтомъ добытъ въ Камчаткѣ, 8/20. VIII, на Алдомѣ (Аянъ), въ маѣ на р. Удѣ.

Tringa arenaria, L.—Песчанка.

8/20. VIII, добыта на р. Алдомѣ (Аянъ).

Tringa alpina, L.—Чернозобикъ.

19/31. VIII, и 26. IX/8. X добытъ у Аяна.

Tringa crassirostris, Temm. & Schl.—Песочникъ японскій.

13/25. VII, взрослый самецъ добытъ на Анадырѣ, въ іюлѣ же другіе на р. Тигилѣ.

Eurynorhynchus pygmaeus, L.—Песочникъ лопатоносый.

Вѣроятно гнѣздится на Анадырѣ, гдѣ добытъ между прочимъ 28. VII/9. VIII.

Strepsilas interpres, L.—Камнешарка.

Самка и самецъ добыты 1/13—4/16. IX, на о. Беринга.

Limosa melanuroides, Gould.—Сукаленъ восточный.

Взрослый самецъ добытъ 11/23. VII на Анадырѣ; затѣмъ еще эти птицы добыты 20. V/1. VI. у Петропавловска, въ іюлѣ на р. Тигилѣ и въ концѣ мая на р. Удѣ.

Limosa uropygialis, Gould.—Сукаленъ малый сибирскій.

Въ іюлѣ добытъ на р. Тигилѣ.

Machetes pugnax, Briss.—Турухтанъ.

Во множествѣ гнѣздится на Анадырѣ, гдѣ пѣтушки въ брачномъ опереніи добыты въ первой половинѣ іюля.

Totanus hypoleucus, L.—Перевозчикъ.

1/13. VIII добытъ у Аяна.

Totanus glareola, L.—Фифи.

Въ концѣ іюля (20. VII/1. VIII, 29. VII/10. VIII) и началѣ августа (2/14. VIII) добытъ у Аяна, въ началѣ іюня на р. Удѣ.

Totanus incanus, Gm.—Куликъ сѣрый.

Самецъ этого вида добытъ 9/21. VII на Анадырѣ.

Totanus glottis, L.—Улитъ большой.

Въ маѣ добытъ на р. Удѣ и подъ Петропавловскомъ.

Totanus fuscus, L.—Щеголь.

Самецъ въ брачномъ нарядѣ добытъ на о. Беринга въ іюнѣ.

Numenius cyanopus, Vieill.—Кроншнепъ австралійскій.

14/26. VI добытъ въ Усть-Камчатскѣ, въ іюлѣ на р. Тигилѣ.

Charadrius mongolicus, Pall.—Зуекъ монгольскій.

Нѣсколько экземпляровъ добыто въ маѣ на р. Удѣ.

Tetrao falcipennis, Hartl.—Дикуша.

22. III/3. IV добыта на р. Удѣ, въ іюлѣ у Аяна.

Bonasa canescens, Sparrm.—Рябчикъ.

Добытъ на р. Удѣ.

Mergus albellus, L.—Лутокъ.

21. IX/3. X—23. IX/5. X добытъ у Аяна.

Mergus serrator, L.—Крохаль длинноносый.

25. IX/7. X добытъ у Аяна, въ сентябрѣ же на р. Авачѣ, у Петропавловска.

Mergus merganser, L.—Крохаль большой.

Добытъ на Удѣ, Алдомѣ и Тигилѣ; на Тигилѣ въ іюлѣ пуховые птенцы, на Алдомѣ 10/22. VIII птенцы оперяющіеся.

Somateria V—nigra, Gray.—Гага тихоокеанская.

Въ маѣ самцы и самки этой гаги добыты на Анадырѣ.

Somateria spectabilis, L.—Гага гребенушка.

Самецъ въ маѣ добытъ подъ Петропавловскомъ.

Somateria stelleri, Pall.—Гага сибирская.

Великолѣпные самцы и самки добыты въ маѣ на Анадырѣ; въ концѣ марта, въ концѣ апрѣля, въ маѣ и 11/23. XI добыты подъ Петропавловскомъ.

Glaucion clangula, L.—Гоголь.

Добытъ въ маѣ на р. Удѣ.

Harelda glacialis, L.—Морянка.

Самцы въ лѣтнемъ и брачномъ нарядѣ, а также молодыя, линяющія изъ зимняго въ первый брачный нарядъ добыты у Петропавловска въ маѣ и іюнѣ, и на Анадырѣ во второй половинѣ мая.

Oidemia carbo, Pall.—Турпанъ тихоокеанскій.

24, 25. IX/6, 7. X нѣсколько экземпляровъ добыто у Аяна.

Cosmonetta histrionica, L.—Каменушка.

Взрослые самцы добыты въ маѣ у Петропавловска, гдѣ позднѣе добытъ также птенецъ; въ маѣ же добыты на о. Беринга, гдѣ въ сентябрѣ добытъ еще молодой экземпляръ; наконецъ 10/22. IX и 27. IX/9. X добыты у Аяна.

Fuligula marila, L.—Чернеть морская.

Самцы и самки морской чернети добыты въ маѣ и іюнѣ на Анадырѣ, и въ концѣ сентября у Аяна.

Anas crecca, L.—Чирокъ свистунокъ.

Добыты весною и осенью у Аяна и подъ Петропавловскомъ.

Anas formosa, Georgi.

18/30. VII добыта у Аяна.

Anas falcata, Georgi.

11/23. V добыта у Петропавловска, въ іюлѣ на р. Тигилѣ.

Anas boschas, L.—Кряква.

Гнѣздится въ окрестностяхъ Петропавловска, куда самцы возвращаются, еще не вполнѣ надѣвши брачный нарядъ.

Anas acuta, L.—Шилохвость.

Добыта на р. Удѣ, у Аяна, на р. Авачѣ, у Петропавловска, и на Анадырѣ (во второй половинѣ мая и позднѣе).

Anas penelope, L.—Свіязь.

Добыта на р. Тигилѣ и подъ Петропавловскомъ.

Branta nigricans, Lawr.—Казарка черная американская.

Самцы и самки американской породы чернозобой казарки добыты въ маѣ на Анадырѣ.

Anser Middendorfii, Sew.—Гуменникъ сибирскій.

Гнѣздится на Анадырѣ, гдѣ 12/24. V добытъ самецъ въ весеннемъ нарядѣ.

Philacte canagica, Sevast.—Императорскій гусь.

Этотъ великолѣпный гусь гнѣздится на Анадырѣ, гдѣ 2/14. V добытъ молодой самецъ прошлогодняго вывода, линяющій изъ гнѣздоваго пера въ первое взрослое. Голова и задняя сторона шеи почти перелиняли, но среди бѣлыхъ съ желтоватымъ налетомъ перьевъ взрослаго наряда можно найти очень немногочисленныя перышки съ черными концами — остатокъ гнѣздоваго оперенія. Передъ глазомъ небольшое черноватобурое пятно. Щеки съ густымъ рыжимъ оттѣнкомъ. Передняя сторона шеи бурая, съ черными пробивающимися перышками, гораздо болѣе развитыми по бокамъ шеи. Спина, крылья и нижняя сторона тѣла только-что начали линять. Перья верхней стороны съ широкой буроватой полосой передъ вершиной и широкимъ грязно-охристымъ вершиннымъ краемъ. Къ надхвостью буроватыя полосы постепенно свѣтлѣютъ, свѣтлые края становятся уже и потому все надхвостье болѣе однообразно сѣрое. Большія и среднія верхнія кроющія крыла окрашены, какъ спинныя, но съ болѣе широкими бурыми предвершинными пятнами; мелкія, утрачивая пятна, становятся почти однообразно сѣрыми. Плечевыя и второстепенныя изъ маховыхъ сѣрыя съ широкими темнобурыми предвершинными пятнами и узкими грязноохристыми краями. Такъ же окрашены большія маховыя, но ихъ бурыя вершины блѣднѣе и переходъ между сѣрымъ и бурымъ цвѣтомъ постепеннѣе. Стволы маховыхъ бѣловатые. Рулевыя бѣлыя, совершенно обтрепанныя. Среди гнѣздовыхъ перьевъ на спинѣ въ довольно большомъ количествѣ пробились новыя перья взрослаго наряда, болѣе чистаго сѣраго цвѣта съ черной предвершинной полосой и грязнобѣловатымъ вершиннымъ краемъ. Перья всей нижней стороны принадлежатъ гнѣздовому наряду, сѣрыя съ чуть буроватой предвершинной полосой и охристымъ краемъ. Новыя перья взрослаго наряда показываются на бокахъ зоба и туловища и окрашены также, какъ новыя перья спины.

Въ XXVII томѣ каталога птицъ Британскаго музея графъ Т. Сальвадори описываетъ невзрослый нарядъ этого гуся, какъ характеризующійся тѣмъ, что голова по бѣлому фону густо покрыта черными пятнами, молодую же птицу находитъ отличающеюся отъ старой, между прочимъ тѣмъ, что у нея голова и шея свинцоваго цвѣта съ бѣлыми пестринами. Описанный мною линючій экземпляръ совершенно противорѣчитъ тому, что говоритъ гр. Сальвадори, такъ какъ у него можно видѣть линьку изъ гнѣздоваго наряда прямо въ взрос-

лый, причемъ гнѣздовый сходится съ тѣмъ, который гр. Сальвадори назвалъ «невзрослымъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ экземпляръ совершенно подтверждаетъ слова Нельсона (Edw. Nelson, Report upon Natural History Collections made in Alaska, p. 91), что первый нарядъ императорскаго гуся узнается по присутствію черныхъ или темныхъ пятенъ на бѣлой шапочкѣ. Въ какомъ нарядѣ описываемый видъ имѣетъ свинцовую окраску головы и шеи, для меня совершенно непонятно, если только это не относится къ пуховому наряду.

Phalacrocorax pelagicus, Pall.—Бакланъ морской.

13/25. VIII добытъ у Аяна, въ сентябрѣ на о. Беринга.

Pandion haliaëtos. L.—Скопа.

Гнѣздящаяся птица Камчатки.

Hypotriorchis subbuteo. L.—Чеглокъ.

9/21. VIII добытъ на Алдомѣ.

Hierofalco candicans, Gm.—Кречетъ полярный.

Превосходный старый экземпляръ добытъ въ іюлѣ въ Камчаткѣ, около Стараго Острога.

Thallassaëtus pelagicus, Pall.—Орланъ бѣлоплечій.

Изъ Камчатки и изъ другихъ мѣстъ Тихоокеанскаго побережья доставлено нѣсколько экземпляровъ какъ вполнѣ взрослыхъ, такъ и невзрослыхъ. У взрослыхъ птицъ клювъ въ свѣжемъ состояніи не желтый, какъ его обыкновенно рисуютъ, а яркооранжевый.

Aquila nobilis. Pall.—Беркутъ.

Въ февралѣ добыты у Облуковины молодые экземпляры орла можетъ быть названнаго вида, а можетъ быть и A. fulva canadensis; не имѣя стариковъ изъ этой мѣстности, нельзя дать безошибочное опредѣленіе вида.

Astur candidissimus, Dyb.—Ястребъ бѣлый.

Одинъ экземпляръ добытъ на о. Беринга (въ сентябрѣ).

Surnia ulula. L.—Сова ястребиная.

Нѣсколько экземпляровъ добыты у Аяна и въ Камчаткѣ. Въ общемъ окрашены гораздо свѣтлѣе европейскихъ, особенно голова; въ обношенномъ перѣ темя совершенно какъ у молодой бѣлой совы.

Nyctala Tengmalmi, Lm.—Сычъ мохноногій.

Экземпляръ изъ Камчатки необычайно свѣтелъ, какъ вслѣдствіе сильнаго развитія бѣлой окраски, такъ и отъ блѣднаго тона бурой.

Ulula uralensis, Pall.—Неясыть длиннохвостая.

Экземпляры съ р. Уды по окраскѣ сходны съ архангельскими.

Nyctea nivea, L.—Сова бѣлая.

Обыкновенная птица на Анадырѣ.

Cuculus intermedius, Vahl.—Кукушка малая.

Въ разныхъ числахъ августа (13/25—19/31) добыта у Аяна.

Cuculus canorus, L.—Кукушка обыкновенная.

Обыкновенная кукушка добыта у Петропавловска.

Dendrocopus major cissa, Pall.—Дятелъ большой сибирскій.

Нѣсколько экземпляровъ добыто въ маѣ на р. Удѣ и одинъ самецъ у Охотска.

Dendrocopus minor pipra, Pall.—Дятелъ малый сибирскій.

Нѣсколько экземпляровъ добыто въ маѣ на р. Удѣ.

Dendrocopus minor kamtschatkensis, Bnp.—Дятелъ малый камчатскій.

Одна самка добыта 28. IX/10. X въ окрестностяхъ Петропавловска.

Upupa epops, L.—Удодъ.

15/27. VII добытъ на р. Уѣ, близъ Аяна, гдѣ его прежде не замѣчали.

Alauda japonica, Temm. & Schl.—Жаворонокъ полевой.

15/27. IV добытъ на р. Удѣ, 20. IX/2. X у Аяна.

Corvus corax, L.—Воронъ.

20. IV/2. V на р. Удѣ.

Corvus pastinator, Gould.—Грачъ восточный.

Въ маѣ добытъ на р. Удѣ.

Perisoreus infaustus, L.—Кукша.

Нѣсколько экземпляровъ добыто въ маѣ на р. Удѣ.

Nucifraga caryocatactes, L.—Кедровка.

Въ іюлѣ и октябрѣ добыта подъ Петропавловскомъ. Іюльскій экземпляръ очень обношенъ и съ сильно выцвѣтшимъ, даже порыжѣвшимъ надхвостьемъ. Въ первой половинѣ августа въ большомъ количествѣ добыта на р. Удѣ.

Plectrophanes nivalis, L.—Пуночка.

Въ маѣ добытъ на р. Удѣ (повидимому *Pl. nivalis foronsendi)* и 19/31. X съ судна въ Охотскомъ мѣстѣ.

Plectrophanes lapponicus, L.—Подорожникъ лапландскій.

14/26. VI добытъ въ Усть-Камчатскѣ. Обыкновененъ на о. Беринга.

Emberiza pusilla, Pall.—Овсянка крошка.

6/18. VI добыта на р. Удѣ.

Emberiza rustica, Pall.—Овсянка ремезъ.

Въ половинѣ сентября (13/25 и 15/27) добыта у Аяна.

Emberiza leucocephala, Gm.—Овсянка бѣлошапочная.

Въ концѣ апрѣля добыта на р. Удѣ.

Emberiza aureola, Pall.—Дубровникъ.

Обыкновенна въ Камчаткѣ.

Emberiza personata, Temm.—Овсянка японская.

2/14. VIII у Аяна добытъ одинъ экземпляръ, повидимому, этого вида, а не *Emb. spodocephala*. Впрочемъ, экземпляръ очень плохъ.

Loxia leucoptera, Gm.—Клестъ американскій.

Старый самецъ добытъ 10/22. V на Мѣдномъ островѣ.

Loxia bifasciata, Brhm.—Клестъ бѣлопоясый.

Въ маѣ многочисленные самцы добыты на р. Удѣ, 5/17. VII у Аяна.

Loxia curvirostra, L.—Клестъ еловикъ.

Въ маѣ добыты на р. Удѣ. По размѣрамъ ближе къ *L. americana*.

Corythus enucleator, L.—Щуръ.

Нѣсколько экземпляровъ добыто на р. Удѣ. По большимъ клювамъ вѣроятно *var. kodiaca, Ridg.*

Pyrrhula coccinea, De Sel.—Снѣгирь.

Типичнѣйшіе экземпляры *P. coccinea* (не *var. camtschatica)* добыты на р. Удѣ.

Carpodacus erythrinus, Pall.—Чечевица.

Добыта въ концѣ мая и началѣ іюня на р. Удѣ, въ іюлѣ у Аяна; обыкновенна въ окрестностяхъ Петропавловска.

Acanthis linaria, L.—Чечетка.

Обыкновенная чечетка добыта 1/13. IV на Мальгинѣ и 18/30. IV на р. Удѣ.

Acanthis linaria holbölli, Brhm.—Чечетка большеносая.

18/30. IV и въ теченія декабря добыта на р. Мальгинѣ.

Leucosticte brunneinucha, Brdt.—Вьюрокъ съ рыжимъ затылкомъ.

20. VII/1. VIII нѣсколько экземпляровъ, въ томъ числѣ и взрослые самцы, добыты у Аяна.

Fringilla montifringilla, Briss.—Юръ.

Добытъ у Аяна 5/17. VII и 19/31. VIII.

Chrysomitris spinus, L.—Чижъ.

5/17. VII добытъ у Аяна.

Anthus maculatus, Hodgs.—Конекъ пятнистый.

Добытъ у Аяна 20. VII/1. VIII и 19/31. VIII.

Anthus spipoletta, var. japonica Temm. & Schl.—Конекъ горный.

Добытъ на р. Удѣ.

Motacilla taivana, Swinh.—Трясогузка молуккская.

Старыя и молодыя особи этого вида въ большомъ количествѣ добыты на р. Удѣ и на песчаной косѣ у моря, близъ Аяна. Въ маѣ добыты на р. Удѣ.

Motacilla borealis, Sundev.—Трясогузка зеленая.

Въ маѣ добыта на р. Удѣ.

Motacilla flava, L.—Трясогузка желтая.

Въ маѣ добыта на р. Удѣ, 10/22. VI подъ Усть-Камчатскомъ.

Motacilla ocularis, Swinh.—Трясогузка китайская.

Въ маѣ добыты на р. Удѣ, въ іюнѣ, августѣ и сентябрѣ у Аяна.

Motacilla lugens, Pall.—Трясогузка камчатская.

Въ маѣ и іюлѣ добыта у Петропавловска, 11/23. IX у Аяна.

Sitta albifrons, Tacz.—Поползень камчатскій.

Типичный экземпляръ добыть въ окрестностяхъ Петропавловска, нетипичный на р. Удѣ.

Certhia scandulaca, Pall.—Пищуха.

Добыта у Охотска.

Poecile kamtschatkensis, Bnp.—Гаичка камчатская.

Настоящая камчатская гаичка добыта подъ Петропавловскомъ.

Poecile baicalensis, Nick.—Гаичка байкальская.

19/31. VIII добыта на Лантарѣ (около Аяна), 18/30. XII на р. Мальгинѣ.

Parus ater, L.—Московка.

29. IX 11. X у Аяна, 18/30. XII на р. Удѣ.

Erythacus calliope, Pall.—Соловей камчатскій.

Довольно обыкновенна въ окрестностяхъ Петропавловска.

Охотскій округъ: Женщины сел. Туманы.

Erythacus succicus, L.—Варакушка.

10/22. VI добыта у Усть-Камчатска.

Turdus chrysolaus, Temm.—Дроздъ японскій.

17/29. X добытъ у Аяна.

Turdus naumanni, Temm.—Дроздъ красный.

Въ маѣ добыта на р. Удѣ.

Turdus fuscatus, Pall.—Дроздъ темный.

19/31. VIII на Лантарѣ (около Аяна), 15/27. IX и 20. IX/2. X у Аяна.

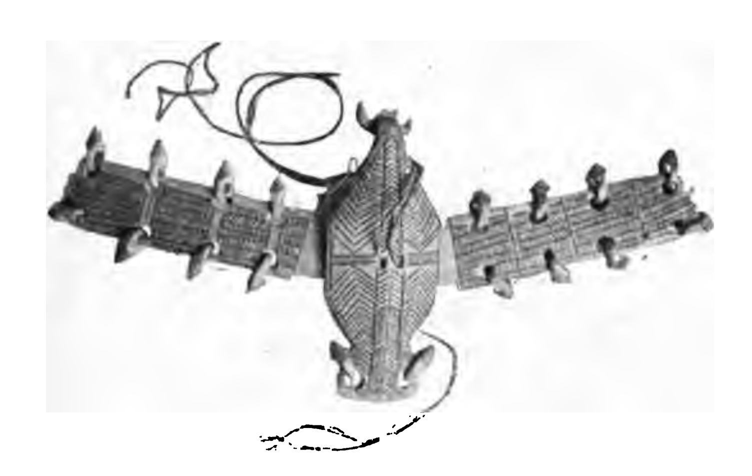

Рис. 11. Орелъ—игрушка коряцкихъ дѣтей.

ГЛАВА VII.

Населеніе.

Племенной составъ населенія Охотско-Камчатскаго края въ существеномъ мало измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ русскіе вышли на побережье Тихаго океана: какъ прежде, такъ и теперь основной элементъ составляютъ бродячіе инородцы охотской полосы и осѣдлые жители Камчатскаго полуострова. Осѣдлость послѣднихъ создалась до прихода русскихъ и, видимо, была вызвана ихъ соціальнымъ строемъ жизни и мѣстными географическими условіями, тогда какъ осѣдлые поселки сѣвернаго берега Охотскаго моря, увеличившіеся со времени нашего владычества, всегда комплектовались обѣднѣвшими, т. е. потерявшими оленей, тунгусами и коряками. Это не былъ культурный шагъ впередъ, переходъ отъ кочевья къ осѣдлости, а только роковая необходимость заставляла инородца отказаться отъ привольнаго кочевья и усѣсться на устьѣ рѣки, за невозможностью перевозить свой убогій скарбъ и зимніе запасы единственнаго рыбнаго продовольствія. Непосѣда, завзятый таежникъ—тунгусъ или угрюмый корякъ-скиталецъ неохотно мирились съ своимъ новымъ положеніемъ, послѣ того когда повальная болѣзнь уничтожила ихъ большія стада оленей.

Эта «невольная» осѣдлость инородцевъ по сѣверному побережью была значительно увеличена ради административныхъ и торговыхъ цѣлей водвореніемъ на извѣстныхъ пунктахъ подобной бѣдноты и приселеніемъ якутовъ и русскихъ крестьянъ по тракту, начиная отъ Якутска до Авачинской губы. Не смотря однако на всѣ старанія и заботы Правительства, эта искусственная колонизація никогда не достигала значительной цифры, и переселенцы скоро разбредались съ почтоваго тракта, а иногда вымирали раньше, чѣмъ могли быть по-

строены дома на казенныя средства (якуты Охотско-Якутскаго тракта). Таковы были результаты хлопотъ графа Сперанскаго по заселенію пустыннаго Гижигинскаго округа; тѣмъ же кончились затѣи Россійско-Американской Компаніи, при участіи Правительства, о водвореніи русскихъ и якутовъ по Якутско-Аянскому тракту.

Не смотря на всѣ эти неудачи, часть пришлаго населенія осталась въ краѣ, образовавъ отдѣльныя, разбросанныя по побережью, гнѣзда смѣшанной осѣдлости: къ прежнимъ корякамъ присоединились якуты, съ тунгусами смѣшались русскіе, образовавъ такимъ образомъ потомство довольно запутанной метисаціи; среди камчадаловъ водворились ленскіе и тобольскіе хлѣбопашцы, которыхъ теперь весьма трудно отличить отъ аборигеновъ полуострова. Да и найденные здѣсь первыми русскими завоевателями инородцы, видимо, не отличались чистотой племенной крови.

Вообще все населеніе восточной Сибири и Камчатки было не что иное, какъ намывъ обломковъ, выброшенныхъ изъ Средней Азіи. При первоначальномъ знакомствѣ съ краемъ, распредѣленіе инородческихъ племенъ было другое, чѣмъ въ настоящее время. Такъ все югозападное и западное побережье Охотскаго моря, начиная отъ рр. Тугуръ и Уда, до сел. Инского, было занято тунгусами, къ востоку отъ нихъ на всей приморской полосѣ до м. Олюторскаго и береговъ Берингова моря пестрѣли многочисленныя стойбища коряковъ, которые въ прежнее время кромѣ того владѣли сѣверной частью Камчатки до Тигиля на западномъ и до Караги на восточномъ берегу; по Гижигинскимъ тундрамъ среди корякъ разбросано было нѣсколько родовъ чукчей, переселившихся сюда съ сѣвера; всю остальную Камчатку приблизительно до р. Большой заселяло полуосѣдлое племя ительменовъ, или камчадаловъ, а къ югу отъ нихъ до м. Лопатка жили курилы.

Среди этой массы главныхъ аборигеновъ пестрѣло нѣсколько мелкихъ группъ другихъ инородцевъ; на материкѣ противъ Шантарскихъ острововъ и на этихъ послѣднихъ имѣли промысловое пристанище гиляки, постоянно тѣснимые тунгусами; въ сѣверо-восточномъ углу Охотскаго моря доживали свой вѣкъ незлобивые и мирные чуванцы. Въ настоящее время тѣ и другіе покинули Охотское побережье, переселясь, одни на югъ—въ низовья Амура, другіе—къ сѣверу, на Анадырскую тундру. Только впослѣдствіи къ четыремъ кореннымъ обитателямъ присоединились якуты и русскіе крестьяне и казаки, водворенные въ краѣ.

Какъ бы тамъ ни было, изъ современныхъ инородцевъ Охотско-Камчатскаго края, по согласному мнѣнію историковъ и антропологовъ, тунгусовъ нужно признать болѣе древними обитателями сѣверо-восточной части Азіатскаго материка.

Первоначальной родиной тунгузскаго племени считаютъ Маньчжурію, и впервые это племя въ исторіи упоминается подъ именемъ Су-шеней. Су-шени занимали Корею, часть Ляотунгскаго полуострова, всю Маньчжурію до р. Амура, а можетъ быть и дальше къ сѣверу. Мѣстность, время и историческія обстоятельства уже въ самомъ началѣ рѣзко раздѣлили тунгусовъ на южныхъ и сѣверныхъ.

По свѣдѣніямъ древнѣйшей китайской лѣтописи, эти Су-шени, или сѣверные тунгусы, обитали въ горахъ и лѣсахъ, ища добычи и нападая на сосѣдей, если земля послѣднихъ изобиловала дикими звѣрями. Не слѣдя за исторіей тунгусовъ подробно, отмѣтимъ только, что въ VIII ст. по Р. Хр. изъ нихъ возвысилось поколѣніе (домъ) Бо-хай, подъ властью котораго находились такъ называемые Чернорѣчные тунгусы, обитавшіе на обширномъ пространствѣ по обѣимъ сторонамъ Амура и въ 806—820 г. переселившіеся въ Монголію. Это было смѣлое, воинственное и охотничье племя.

Наступившія бурныя времена политическихъ переворотовъ въ Китаѣ и образованіе по сосѣдству могущественной орды Чингисъ-хана послужили важнымъ толчкомъ къ разселенію тунгузскаго племени. Зависимое, подневольное положеніе (1234 г.) тунгусовъ съ одной стороны, а съ другой постоянныя войны и громадныя сооруженія Чингисъ-хана усилили ихъ эмиграцію: коренные обитатели Маньчжуріи, тунгусы устремились снова на Амуръ и его притоки, разбредаясь по хребтамъ и горнымъ ущельямъ съ своими стадами, откуда они перебрались чрезъ Становой хребетъ въ долину Лены.

Послѣдніе тунгусы,—выходцы временъ Чингисъ-хана и Дайцина, нужно думать, только увеличили численность своихъ сородичей, пришедшихъ въ сѣверо-восточную Сибирь въ болѣе раннюю эпоху, потому что якуты, оттѣсненные съ береговъ Байкала Чингисъ-ханомъ, уже застали ихъ въ долинѣ Лены [1]).

По свидѣтельству Гмелина [2]), еще въ его время между якутами

---

[1]) Степановъ, (Енисейская губернія, Спб. 1835 ч. II, стр. 43), относитъ появленіе тунгусовъ на Енисеѣ къ XII или XIII в.; Миддендорфъ—къ XIV ст., см. его Путешествіе, ч. II, стр. 548—690.

[2]) Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743, Göttingen, 1751. Bd. II. S. 344—5.

ходило преданіе о гнетѣ, который они терпѣли отъ бурятъ и вслѣдствіе котораго, покинувъ Байкальское озеро, должны были переселиться въ Ленскую долину, тѣсня постоянно мѣстныхъ аборигеновъ-тунгусовъ и мало-по-малу отвоевывая себѣ новое пристанище [1]). У живущихъ по Ленѣ тунгусовъ, пишетъ сибирскій историкъ [2]), сохранилось преданіе, что они симъ чужимъ гостямъ всею силою противились, чтобы не давать имъ проходу. Дѣло видимо не разъ доходило до жестокихъ стычекъ, изъ которыхъ однако тунгусы не всегда выходили побѣдителями, уступая силѣ и хитрости новыхъ пришельцевъ.

Такимъ образомъ въ обширный районъ тунгузской земли вторглись новые и болѣе сильные пришельцы—якуты, принудивъ аборигеновъ края искать себѣ новыхъ пастбищъ и мѣстъ для промысла.

Пронырливый, хитрый и съ болѣе высокой жизнеспособностью, якутъ добился того, что исконная тунгузская земля мало-по-малу стала переходить въ его пользованія.

Тѣснимые теперь якутами, тунгусы естественно должны были въ свою очередъ подвигаться на окраины, вторгаясь въ районъ другихъ племенъ и выживая послѣднихъ.

Эти частыя переселенія и постоянныя сношенія съ сосѣдними племенами, посредствомъ родственныхъ связей, настолько измѣняли основныя черты племени и такъ разнообразили привычки и обычаи, что теперь совершенно невозможно возстановить чистый типъ ни тунгуса, ни камчадала. Эта вѣковая метисація дала такія уклоненія, что этнографамъ и антропологамъ очень трудно разобраться даже въ томъ небольшомъ матеріалѣ, которымъ мы располагаемъ относительно народовъ Охотско-Камчатскаго побережья. Собственно говоря, эти послѣдніе народы, при многочисленныхъ экспедиціяхъ, никогда не были предметомъ спеціальнаго изслѣдованія и описанія, и намъ приходится судить о нихъ только по аналогіи, на основаніи изслѣдованій въ другихъ районахъ.

---

[1]) Такого мнѣнія держатся историки Сибири: Миллеръ, Фишеръ, Степановъ и изслѣдователи Миддендорфъ, Шренкъ и др.

Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства. Спб. 1750, стр. 28.

Фишеръ. Сибирская исторія. Спб. 1774, стр. 68.

Степановъ. Енисейская губернія. Спб. 1835, ч. II, стр. 45.

Іакинфъ. Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. Спб. 1851, ч. II, стр. 479.

Миддендорфъ. L. c., ч. II, стр. 763, 766.

Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго края. Спб. 1883, т. I, стр. 95.

[2]) Миллеръ. L. c. стр. 28.

Первыя этнографическія попытки нанести на карту мѣста обитанія разныхъ сибирскихъ инородцевъ мы находимъ въ книгѣ «Сибирскаго чертежа» [1]), составленіе котораго относится къ XVII в. и который не захватываетъ однако сѣверо-восточной окраины Сибири. Георги въ своемъ классическомъ трудѣ пытался дать точную характеристику не отдѣльныхъ вѣтвей того или другого народца, а цѣлаго племени; но въ его время наука объ изученіи разновидностей или племенъ человѣка была въ зачаткѣ, и потому онъ долженъ былъ ограничиться только описательнымъ способомъ. Онъ далъ прекрасные рисунки разныхъ народовъ, тогда обитавшихъ въ Россійскомъ государствѣ, но не составилъ карты разселенія. Подобныя попытки сдѣланы были позже, при большемъ накопленіи фактическаго матеріала. Таковы карты Говгарда [2]), Венюкова [3]) и наиболѣе интересныя для насъ карты Дитмара [4]) и Шренка.

При бѣгломъ взглядѣ на карту Венюкова (1873 г.), вамъ бросается въ глаза та широкая полоса, которая, начинаясь отъ Владивостока и всего лѣваго берега Амура и обхватывая о. Байкалъ, тянется къ сѣверу; потомъ на 60 параллели у Олекминска дѣлится на двѣ вѣтви; изъ нихъ западная, захватывая бассейнъ Нижней Тунгузки до Туруханска, потомъ по рр. Пясина и Хатанча доходитъ до Ледовитаго океана; восточная идетъ по р. Алдану и у сел. Якутскаго поворачиваетъ къ востоку; отъ устья р. Коркодонъ спускается къ сел. Наяханскому.

Этнографическая карта Дитмара въ этомъ отношеніи даетъ болѣе точное распредѣленіе разныхъ инородцевъ по Охотско-Камчатскому побережью, хотя съ тѣхъ поръ и произошли нѣкоторыя перемѣщенія.

Что касается этнографической карты Шренка [5]), то она только отчасти касается южнаго угла Охотскаго побережья; на ней показано, что полуостровъ Сеньяка и все побережье Ульбанскаго залива включительно до Амурскаго лимана занято гиляками.

---

[1]) См. атласъ Ремезова, а также у Миддендорфа. ч. I, стр. 35—37.

[2]) Howgart. Schematiche vebersicht der ethnographichen Ferhaltnisse von Asien. 1887.

[3]) См. Венюковъ. Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи. Спб. 1873 г. Эта карта потомъ была перепечатана въ Petermann's Geograph. Mittheilung. 1877 XXIII.

[4]) См. его: Ueber die Karäken und die ihnen sehr nache verwandten Tschuktschen. Avec une planche, въ Melanges Russes tirés du Bull. Historico-philol. de l'Academie Imp. des scienes de St. Petersb. 1856. t. III, liv. 1.

[5]) Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго края. Спб. 1883 г. 2 т.

Всѣ вышеупомянутыя карты имѣютъ только историческій интересъ, но не даютъ точнаго представленія о современномъ распространеніи инородцевъ на Охотско-Камчатскомъ побережьѣ, какъ увидимъ ниже.

Въ бытовомъ отношеніи всѣ здѣшніе инородцы, какъ главная часть населенія, дѣлятся на три группы: бродячихъ, кочевыхъ и осѣдлыхъ. Подобная группировка, простая и повидимому удобная на первый взглядъ, въ дѣйствительности оказывается не совсѣмъ удовлетворительной, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Для того, чтобы познакомить читателя съ обитателями описываемаго края, попробуемъ въ общихъ чертахъ нарисовать физическій типъ, очертить характеръ и представить картину жизни и умственныхъ способностей каждаго племени. Начнемъ съ тунгусовъ [1]).

Происхожденіе названія тунгусъ не установлено точно учеными: Фишеръ говоритъ [2]), что это названіе дано татарами племени, питающемуся свининой (тонгусъ значитъ свинья); по Страленбергу, имя тунгузъ произошло отъ слова тонге-кзе, что на языкѣ исчезнувшаго народа Ариновъ обозначало людей троякаго рода—по роду занятій. Пріурочивали также это названіе татарскому слову тенгизъ—море; сами же тунгусы называли себя Овенъ, а теперешніе аянскіе употребляютъ слово Аванти для обозначенія своего племени. Какъ бы то ни было, но тунгусы сѣверные, по Фишеру [3]), бодрый, веселый народъ, отъ природы хорошимъ разумомъ одаренный. Первые моряки Охотскаго моря были очарованы тунгусами: мужествомъ и человѣчествомъ, и смысломъ, писалъ одинъ изъ нихъ, тунгусы всѣхъ кочующихъ и въ юртахъ живущихъ превосходятъ. Такое впечатлѣніе производили они на всѣхъ почти путешественниковъ; Миддендорфъ восторгался [4]) чрезвычайно красивымъ нарядомъ тунгуса при его тонкомъ, ловкомъ, приличномъ обращеніи.

Кастренъ выразился [5]) очень мѣтко, назвавъ тунгусовъ дворя-

---

[1]) Паласъ. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. Руск. перев. Спб. 1788, стр. 330.—Георги. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ народовъ. Спб. 1799, стр. 35. О. Пешель. Народовѣдѣніе. Спб. 1890.—Петри. Антропологія I и II т. Спб. Topinard. Elements d'anthropologie general.—Heikisch. Die Tungusen. St. Pet. 1879. Топинаръ. Антропологія. Спб. 1879.

[2]) L. c. стр. 69.

[3]) L. c. стр. 68.

[4]) L. c. стр. 702.

[5]) Cestren. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, стр. 250.

нами среди инородцевъ Сибири. Во всѣхъ подобныхъ отзывахъ нашихъ путешественниковъ много правды, но нельзя не замѣтить того, что здѣсь сквозитъ субъективное настроеніе человѣка, скитавшагося по безграничной монотонной тундрѣ или съ опасностью для жизни впервые пробиравшагося чрезъ дикія горныя ущелья и затѣмъ нашедшаго теплый пріютъ въ пологѣ тунгузской юрты.

Проживъ почти два года среди этихъ инородцевъ, мы не разъ убѣждались не въ ихъ откровенности, а въ ихъ болтливомъ «себѣ на умѣ», въ извѣстномъ, постоянномъ расчетѣ. Правда, онъ подѣлится съ вами послѣднимъ кускомъ юколы или залежавшейся оленины, но это—не настоящій хлѣбосолъ, какъ думалъ Миддендорфъ; въ нуждѣ и голодающему онъ дастъ оленя, но всегда съ расчетомъ на будущее. Это совсѣмъ не то, что корякъ Гижигинской тундры, кормящій до отвала всѣхъ проѣзжающихъ и ихъ собакъ своими оленями и пригоняющій свои стада туда, гдѣ онъ прослышалъ голодовку осѣдлыхъ жителей. Корякъ, правда, грубъ и суровъ по характеру, не съ такими «ловкими и тонкими» манерами, но онъ съ доброй, отзывчивой душой, — и потому Дитмаръ совершенно правъ, говоря, что нравственность коряка-язычника выше нравственности православнаго тунгуса.

Физическое строеніе тунгуса не разъ служило предметомъ научныхъ изслѣдованій, хотя въ общемъ итогѣ мы располагаемъ далеко недостаточнымъ еще матеріаломъ, чтобы придти къ окончательному заключенію. Для опредѣленія этнологическаго типа какого-нибудь народа обыкновенно имѣютъ первенствующее значеніе физическія свойства, главнымъ образомъ, измѣренія черепа, и потомъ языкъ. Если первыя, по Шренку[1]), не даютъ никакихъ общепримѣнимыхъ, абсолютныхъ отличительныхъ признаковъ для разныхъ народностей, то во всякомъ случаѣ служатъ намъ удобнымъ и часто точнымъ указателемъ при группировкѣ расъ и племенъ. Зато въ первенствущей роли языка, какъ этнологическаго признака при изученіи народности, можно однако усомниться. Языкъ въ силу историческихъ и жизненныхъ условій такъ часто подвергается измѣненіямъ, заимствованіямъ и даже полной переработкѣ, что намъ пришлось бы Туруханскихъ тунгусовъ отличить отъ Усть-майскихъ, а этихъ послѣднихъ отъ камчатскихъ ламутовъ; южно-маньчжурскіе тунгусы совершенно окитаились; забайкальскіе говорятъ только по-русски; въ XVII ст. все населеніе Вер-

---

[1]) L. c. т. 1, стр. 205.

хоянскаго края говорило на тунгузскомъ языкѣ, въ наши дни почти вытѣсненомъ—якутскимъ; тунгусы охотскаго побережья также не обходятся безъ якутскаго языка. Пройдутъ вѣка, и жители сѣверо-восточной Сибири, забывъ свой языкъ, какъ камчадалы теперь, всѣ будутъ говорить по-русски. Но, теряя и забывая свой языкъ, племя все-таки еще долгое время передаетъ по наслѣдству свои типичныя, характерныя черты. Вотъ это-то антропологическое наслѣдство, эти физическія черты: ростъ, физіологія, конфигурація головы, строеніе черепа, глазъ, ноги и пр., являются болѣе стойкими элементами. Къ сожалѣнію, данныхъ по этому вопросу очень мало.

Нѣсколько тысячъ кропотливыхъ измѣреній, произведенныхъ Миддендорфомъ, какъ извѣстно, потонуло во время гибели его шлюпки, на Таймырскомъ озерѣ; Блюменбахъ, кажется, первый описалъ черепъ тунгуса; послѣ него академикъ Бэръ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи большое количество череповъ, приходитъ къ тому заключенію, что они носятъ ясные признаки длинноголовости. Онъ заключаетъ, что тунгузскіе черепа по отношеніямъ длины, ширины и высоты, но отнюдь не по строенію лица, довольно сходны съ черепами германскихъ народовъ. Гексли на основаніи своихъ измѣреній также полагаетъ, что, подобно чукчамъ, эскимосамъ и другимъ сѣв. народамъ, тунгусы принадлежатъ къ числу народовъ съ особенно длинными головами. Однако Велькеръ и Шренкъ пришли къ другимъ заключеніямъ. По взгляду перваго тунгусы принадлежатъ къ чрезвычайно плоскоголовымъ [1]), и въ этомъ отношеніи представляютъ родовое сходство съ бурятами и калмыками. Въ измѣреніяхъ Шренка долихоцефальныхъ и гипсицефальныхъ вовсе не оказалось; онъ находитъ, что длинные и высокіе черепа у тунгусовъ встрѣчаются лишь рѣдко и въ видѣ исключенія, и что, напротивъ, обыкновенная, преобладающая типическая форма ихъ черепа платибрахицефальная. Кромѣ того къ характеристическимъ чертамъ типической для тунгусовъ формы черепа принадлежатъ, по Шренку [2]), еще слѣдующія: покатый лобъ, большой затылочный бугоръ, вогнутыя носовыя кости, значительно припухлыя надбровныя дуги, большія, почти квадратныя глазницы, сильно развитыя скулы, вообще плоское и широкое лицо, хотя не такое широкое, какъ у калмыковъ и бурятъ.

Описанныя двѣ конфигураціи черепа находятъ себѣ полную

[1]) Цитировано по Шренку, стр. 318.
[2]) L. c. т. I, стр. 322.

аналогію въ другихъ физическихъ особенностяхъ тунгусовъ, между которыми теперь различаютъ два главныхъ типа — южныхъ и сѣверныхъ тунгусовъ. Эта двойственность тунгузскаго типа давно бросилась въ глаза, и еще Миддендорфъ упоминаетъ о семьѣ Норильскихъ тунгусовъ, поразившихъ его своими рѣзкими монгольскими чертами лица; Шренкъ, Сѣрошевскій и Майновъ также упоминаютъ о двухъ типахъ. Южные тунгусы отличаются довольно большимъ ростомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; умѣренно короткоголовы, съ широкимъ, четырехъ-угольнымъ лбомъ и почти прямымъ, не особенно толстымъ, короткимъ носомъ. Глаза узки, но прорѣзаны почти прямо, вслѣдствіе чего корень носа не расплывается, какъ у многихъ якутовъ, японцевъ и монголовъ; скулы широки, со впалыми щеками; ротъ очень большой съ тонкими губами; руки и ноги по своей сравнительной величинѣ рѣзко отдѣляютъ этихъ тунгусовъ отъ многихъ сѣверныхъ инородцевъ. Цвѣтъ лица очень смуглый съ просвѣчивающимъ румянцемъ и желтоватымъ оттѣнкомъ кожи на покрытыхъ мѣстахъ.

Главное отличіе сѣверныхъ тунгусовъ состоитъ въ ихъ весьма маломъ ростѣ и умѣренной длинноголовости, съ немного покатымъ и невысокимъ лбомъ; совершенно плоскоголовыхъ между ними совсѣмъ почти не встрѣчается; носъ короткій и широкій, узкое лицо бросается въ глаза своими менѣе выдающимися скулами, чѣмъ у южныхъ, и своей бѣлизной или, если можно такъ выразиться, дымчатымъ оттѣнкомъ; о смуглости съ яркимъ румянцемъ здѣсь нѣтъ и помину. Рука и нога поражаютъ своими малыми размѣрами.

Во всемъ остальномъ южный и сѣверный типъ [1]) представляютъ много сходнаго; такъ волосы на головѣ у всѣхъ черные и прямые [2]), растительность на лицѣ жидкая и короткая; глаза въ большинствѣ

[1]) Къ этой общей характеристекѣ прибавимъ цифровыя данныя, взятыя у Майнова (L.c. стр. 103—116).

	Южные тунгусы.	Сѣверные.
Вся длина лица	18.5	17.8
Наибольшая ширина лица	15.1	14.1
Лицевой указатель	81.62	79.25
Головной указатель	82.69	81.39
Діаметръ передне-задній головы	19.2	18.9
Поперечный діаметръ	15.9	15.3
Ростъ мужчины	163.6	154.8
» женщины	153.0	147.6

[2]) По разсказамъ стариковъ, прежніе тунгусы носили косы, какъ теперь китайцы.

случаевъ темно-каріе, почти черные, при спокойномъ душевномъ состояніи тускловаты, какъ бы немного задумчивы, но при малѣйшемъ гнѣвѣ или въ моментъ проявленія радости и веселья красиво разгораются, становясь влажными. Есть пріятныя лица, между мужчинами, и нѣкоторыя женщины не дурны собой, но въ общемъ онѣ широколицы и съ болѣе плоскимъ носомъ, чѣмъ мужская половина. Есть еще особенность, на которую впервые обратилъ вниманіе Миддендорфъ, это «тунгузскія» уши съ маленькой мочкой.

Въ Охотско-Камчатскомъ краѣ мы встрѣчаемъ оба эти типа, причемъ типъ южныхъ, рослыхъ тунгусовъ встрѣчается исключительно въ Удскомъ районѣ и отчасти по западному побережью до Аяна; во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ преобладаетъ второй типъ сѣверныхъ, низкорослыхъ, съ рѣдкими уклоненіями или исключеніями великорослости. Это распредѣленіе какъ бы подтверждаетъ предположеніе Шренка и Майнова, [1]) что сѣверный типъ произошелъ отъ нѣкоторой древней расы не тунгузской по крови, но лишь денаціонализированной тунгусами подобно тому, какъ нынѣ сами тунгусы денаціонализируются якутами, а что южный типъ слѣдуетъ считать собственно тунгузскимъ.

По своему характеру, тунгусъ вѣчный непосѣда, и мы не знаемъ среди сибирскихъ инородцевъ болѣе бродячаго, скитальническаго племени, какъ тунгусы: нужны какія-нибудь исключительныя условія, чтобы онъ усѣлся на мѣстѣ; двѣ — три сосѣднихъ юрты уже тяготятъ его, какъ бы закрываютъ короткій горизонтъ тайги или обширную, безпредѣльную панораму, открывающуюся со Станового хребта. Онъ тотчасъ собираетъ свои сюрики (дорожныя сумы) и, закинувъ ружье за плечи, на короткихъ и легкихъ лыжахъ отправляется искать новаго уединеннаго мѣста. Сравните съ этой валкой походкой, съ этими порывистыми, быстрыми движеніями тунгуса, едва прикрытаго ровдужнымъ кафтаномъ съ распахнутыми полами— грузную фигуру коряка, одѣтаго въ двѣ широкія кухлянки, на лыжахъ съ большими деревянными шипами, съ его широкими нартами для перевоза скарба,—и вы увидите глубокую разницу между представителями этихъ двухъ сѣверныхъ народовъ. Нѣтъ ни одного холмика, ущелья и рѣченки, которыхъ бы не зналъ тунгусъ; нѣтъ озерка, гдѣ бы онъ не поинтересовался живущими тамъ рыбами и молюсками; нѣтъ камня на хребтѣ, бросающагося въ глаза своимъ

---

[1]) L. c. стр. 110.

видомъ или странной формой, котораго не захватилъ бы съ собой тунгусъ. Для путешественника это лучшій собесѣдникъ и проводникъ, хотя подчасъ и жестокій: онъ не остановится передъ тѣмъ, чтобы заставить васъ карабкаться на хребты, при 30° мороза, или въ дождливый день пробираться чащей глухой тайги, только ради того, что онъ никогда не ходилъ этими мѣстами. Способность его оріентироваться поразительна,—будетъ-ли то непроглядная пурга, замораживающая вѣки, или частый боръ, сквозь вѣтви котораго не видно даже клочка неба; знатокъ пустыннаго захолустья, онъ отличается удивительнымъ зрѣніемъ или чутьемъ, которое позволяетъ ему узнавать присутствіе напр. бѣлки тамъ, гдѣ вы принуждены тратить цѣлый часъ, чтобы найти этого маленькаго звѣрька. Даже путешествуя, онъ не остается безъ дѣла въ пути: здѣсь на лѣсинѣ сдѣлалъ зарубку, обозначая прямой путь; тамъ загнулъ вѣтку, давая знать другимъ, что онъ здѣсь по близости остановился съ своей урасой или стадами оленей; въ другомъ мѣстѣ поперекъ дороги положитъ плаху въ знакъ того, что дальше проситъ не ходить, ибо онъ поставилъ недалеко кулемку или капканъ на звѣря. Лишенный литературы и письменныхъ знаковъ, онъ выработалъ такимъ образомъ особый, примитивный способъ подѣлиться новостями съ рѣдкимъ гостемъ этой мертвой тайги.

Жизнь тунгуса проходитъ въ безпрерывномъ кочеваніи; на зиму онъ ставитъ большую юрту съ отвѣстными стѣнами (джу) и конусообразной вершиной, въ которой оставляется отверстіе для выхода дыма. Остовъ такой юрты (фот. Табл. XII) составляется изъ жердей и все покрывается оленьими дымлеными шкурами [1]); внутри по срединѣ постоянный костеръ съ чайниками и котелками, а по бокамъ устраиваются отдѣленія или пологи, завѣшиваемые также оленьими шкурами, съ которыхъ шерсть не удаляется, но онѣ предварительно подвергаются дубленію и дымленію, благодаря чему подобная шкура не такъ раскисаетъ. На полу поверхъ мелкихъ вѣтокъ настилаются постели, т. е. тѣ же оленьи шкуры въ нѣсколько слоевъ, такой пологъ представляетъ какъ бы широкій и продолговатый ящикъ, ширина котораго обыкновенно около 6 футовъ, вышина 4 ф., а длина зависитъ отъ числа членовъ или зажиточности хозяина. Съ трехъ сторонъ

---

[1]) По тунгузски — ылбытынгъ; если покрышка изъ рыбьей кожи, то называется — гарми; занавѣсъ двери — когартъ; юрта малая,—конусомъ, называется джюмъ.

онъ обтянутъ дублеными шкурами, шерстью внутрь, а пятая, обращенная къ очагу, поднимается; потолокъ полога также натянутъ горизонтально. Если опустить эту занавѣску и подвернуть ея края, то получается герметически закупоренное пространство, куда, даже въ страшныя пурги, ни малѣйшее дуновеніе не проникаетъ. Въ такихъ пологахъ, среди большихъ морозовъ, можно сидѣть въ легкомъ платьѣ; если же погода стоитъ сравнительно теплая, то передній занавѣсъ на половину поднимается.

Тонкія жерди, служащія для остова юрты[1]), такъ размѣщены, что выдерживаютъ не только тяжесть кожанаго покрывала, но даже сильные порывы вѣтра, и только въ рѣдкихъ случаяхъ приходится прибѣгать къ ихъ дополнительному крѣпленію.

Въ рѣдкихъ случаяхъ здѣшніе тунгусы устраиваютъ юрты изъ плахъ, косо поставленныхъ, или даже имѣютъ настоящія избы съ печами; это уже составляетъ переходъ отъ бродячей къ кочевой и даже полуосѣдлой жизни. Подобныя жилища съ амбарчиками возводятся на излюбленныхъ мѣстахъ—зимнихъ на тундрѣ и лѣтнихъ при взморьѣ становищъ. Подобные примѣры мы знаемъ у Усть-Майскихъ и Ольскихъ тунгусовъ, по рр. Ланковой и Сиглану (родъ Хабаровыхъ).

Лѣтомъ, при болѣе легкихъ перекочевкахъ, тунгусъ довольствуется берестяной юртой, которую онъ тутъ же на мѣстѣ бросаетъ, а болѣе цивилизованные завели теперь юрты или палатки изъ дрели и миткаля. Изголовье и одѣяла также готовятся изъ оленьихъ шкуръ. Одинъ изъ лучшихъ пологовъ занимаетъ хозяинъ или уступаетъ его заѣзжему гостю; въ остальныхъ ютятся другія семьи, работникъ или взрослыя дѣти. Въ большой урасѣ бываетъ 6—8 пологовъ; такимъ образомъ населеніе ея оказывается довольно многочисленно. Чаще всего для работниковъ ставится отдѣльная юрта; ураса бѣдняковъ дѣлается меньше и просто конусообразной, съ 2—4 пологами, и покрывается въ одинъ рядъ оленьими шкурами или ровдугой (т. е. выдѣланной отъ шерсти шкурой); здѣсь меньше постелей. (Фот. Табл. XIV). Намъ приходилось не разъ видать зимнія урасы такой крайней бѣдности, что онѣ были обтянуты только рыбьими шкурами, сшитыми въ полотнища; единственная постель, старый, рваный пологъ да дырявая кухлянка—вотъ всѣ теплыя вещи, которыя должны защитить бѣдняка отъ 30—40° мороза.

---

[1]) Хэрангъ—нижнія, короткія, экатынъ—длинныя.

Внутренняя обстановка юрты крайне однообразна: при входѣ лежитъ вязка дровъ, на жердяхъ сушатся мокрыя обувь и одежда, рядомъ съ ними дымятся части убитаго оленя, виситъ пузырь съ жиромъ бѣлуги или нерпы,—самое любимое лакомство тунгуса; ничѣмъ лучше нельзя угостить тунгуса, какъ масломъ, а за неимѣніемъ его—жиромъ,—черта, общая съ якутами; только послѣдніе просто объѣдаются масломъ, въ особенности на ночь. Передъ отправленіемъ въ дальнюю дорогу какъ тунгусы, такъ и другіе инородцы всегда ѣдятъ жиръ или масло, увѣряя, что тогда не замерзнешь.

Придя съ охоты или отъ табуна оленей, тунгусъ снимаетъ тарбасы [1]) (обувь изъ оленьей кожи, взятой съ голени), мѣховые чулки, наколѣнники [2]) — нѣчто вродѣ гамашей, кухлянку и малахай (шапку), — и все это отдаетъ женѣ, которая должна сырое просушить, а мужу дать сухое; затѣмъ забирается въ пологъ и, закуривъ трубку, предается отдыху или разсказамъ о своемъ похожденіи; тогда какъ жена или вообще женщина должна въ это время вскипятить чайникъ, сварить оленины, нарубить дровъ, разбить оленьи кости, сырымъ мозгомъ которыхъ теперь наслаждается хозяинъ дома. Въ котелъ обыкновенно столько кладутъ оленины, сколько можетъ помѣститься; когда она сварится, хозяйка особымъ крючкомъ [3]), съ побрякушками, достаетъ мясо, и кладетъ на доску или маленькое корыто, жидкость же выливается на снѣгъ; причемъ ни соли, ни крупы, ни другой приправы не кладется,—и тунгусы, подобно другимъ инородцамъ, не понимаютъ, что такое супъ. Раньше обѣда, тунгусъ поѣстъ юколы (сушеной на солнцѣ рыбы) и попьетъ чаю,—и только тогда примется за настоящій обѣдъ. Обычай подобной ѣды существуетъ у всѣхъ сѣверныхъ инородцевъ. Ѣдятъ обыкновенно много: большой котелъ вареной оленины съѣдаютъ 2 — 3 лица и затѣмъ снова запиваютъ чаемъ. Такимъ образомъ главной пищей оленнаго тунгуса служитъ оленина въ вареномъ или валеномъ видѣ; разнообразіемъ въ его столѣ служитъ рыба, мясо и жиръ медвѣдя и нерпы (тюленя). Рыба употребляется въ видѣ сушеномъ (юкола) или мороженномъ,—тогда изъ нея дѣлаютъ строганину, или варятъ, причемъ уха также выливается; копченая извѣстна подъ

---

[1]) Длинные тарбасы—мырунъ, короткіе или обутки—нухду.

[2]) Хыури.

[3]) Уріонъ или уріунъ.

именемъ балыковъ; или, наконецъ, готовятъ изъ рыбы порсу (порошокъ изъ вареной рыбы); послѣднюю смѣшиваютъ съ топленымъ нерпичьимъ жиромъ. Ни соли, ни хлѣба обыкновенно тунгусъ, какъ и всѣ здѣшніе инородцы, не употребляетъ, — и только удскіе тунгусы приготовляютъ слегка соленую рыбу, а аянскіе или вообще усть-майскіе приготовляютъ прѣсныя тонкія лепешки изъ муки, поджаривая ихъ на дощечкѣ противъ костра. Какъ особое блюдо, мы должны отмѣтить крошеное мясо, сваренное въ котлѣ съ мозгомъ или жиромъ. Лакомыми кусочками считаются мозгъ изъ голени оленя, хрящи носовой полости, которые поѣдаются въ сыромъ видѣ, и оленій языкъ. Эти послѣдніе нарочно запасаются и берегутся для какого-нибудь параднаго случая; подаются всегда вареными. Весьма своеобразное кушанье составляетъ такъ любимая толкуша; это невообразимая смѣсь для европейскаго вкуса: нерпичій жиръ, икра рыбы, ягоды (брусники),—все это превращается въ густое тѣсто и замораживается; такимъ лакомствомъ тунгусъ наслаждается чаще послѣ тяжелой охоты или труднаго переѣзда.

Тунгусъ—совсѣмъ не любитъ растительной пищи, какъ чукча или камчадалъ; съѣдобныхъ растеній и корней онъ не запасаетъ на зиму, въ огородныхъ овощахъ находитъ мало вкусу, а яблоки, которыя мы давали для пробы, онъ находилъ очень невкусными. Это интересная этнологическая черта: извѣстно, что антропологи вегетаріанизмъ считаютъ признакомъ первобытныхъ расъ.

Тунгусъ вообще любитъ подѣлиться своимъ столомъ съ заѣхавшимъ къ нему гостемъ, но еще больше поразспросить его о новостяхъ. Скитаясь цѣлыми недѣлями, а иногда мѣсяцами, среди мертвой тайги, вы начинаете понимать этотъ интересъ новостей, ради которыхъ тунгусъ всегда остановитъ незнакомаго встрѣчнаго или сдѣлаетъ большой крюкъ въ 30—50 верстъ, лишь бы только поговорить.

Живой, подвижный, онъ съ жаднымъ интересомъ слушаетъ разсказъ о результатахъ охоты, увлекается критическими положеніями, какъ бы переживая опасности, въ какія иногда попадаетъ охотникъ за медвѣдемъ; начавъ разсказы о быломъ, онъ проговоритъ цѣлые часы, оттѣняя характеръ лицъ, рисуя обстановку и картину мѣстности.

Вся беззаботность и вѣтренность тунгуса сказывается въ танцахъ. Намъ приходилось видать пляски чукчей, камчадаловъ, коряковъ и алеутовъ, представляющія много интереснаго и своеобразнаго;

тогда какъ пляска тунгусовъ замѣчательно монотонна и однообразна. Обыкновенно, схватившись за руки или взявъ другъ друга подъ мышки, молодежь, взрослые и старухи образуютъ замкнутый кругъ, слегка подпрыгивая и притоптывая ногами подъ общій припѣвъ, состоящій изъ одного слова [1]). По мѣрѣ оживленія пляски, восклицанія становятся энергичнѣй и шумнѣй, публика приходитъ въ такое восторженное экзальтированное состояніе, что рѣшительно удивляешься тому, какъ немного нужно, чтобы подобный танецъ превратился въ демонскую пляску, продолжающуюся часами, иногда цѣлую ночь, когда каждый танцоръ обливается десятымъ потомъ, съ осиплымъ голосомъ, и наконецъ въ изнеможеніи или падаетъ на землю или уходитъ въ лѣсъ.

Подобной сильной впечатлительностью можно объяснить и ту массу суевѣрій и предразсудковъ, которыми переполнена голова тунгуса: перебираясь благополучно черезъ Становой хребетъ, онъ непремѣнно положитъ листъ табаку или плеснетъ водки на землю — какъ даръ «дѣдушкѣ Джугджуру». Когда тунгусъ убилъ медвѣдя, онъ долженъ черепъ его повѣсить на сучкѣ, подвязавъ нижнюю челюсть и вложивъ въ зубы кусокъ желѣза; причемъ привѣшиваетъ нѣсколько лоскутковъ новаго ситца, спеціально купленныхъ въ лавкѣ для медвѣжьей охоты. Носъ у шкуры отрѣзаютъ, а глаза зашиваютъ. Смыслъ всего этого такой: желѣзо означаетъ твердость копья, съ которымъ часто охотится тунгусъ; черепъ оставляется въ лѣсу, чтобы звѣрь не могъ прослѣдить охотника; глаза зашиваются съ тою цѣлью, чтобы онъ не видалъ противника. Передъ отправленіемъ на шлюпкѣ нельзя трясти медвѣжью шкуру, иначе поднимется ненастье; также тунгусъ не продастъ живого оленя на разводку, боясь, чтобы его не перевелись и пр.

Одежда тунгусовъ представляетъ много особенностей и отличается легкостью и франтовскимъ покроемъ. (См. фототипію табл. XII). Это кафтанъ съ расходящимися полами, вышитый бисеромъ, гарусомъ, крашеной шерстью и ремешками; на женскомъ нарядѣ всегда масса всевозможныхъ привѣсокъ изъ монетъ, китайскихъ пуговицъ, стеклянныхъ бусъ и даже жестяныхъ бляхъ, вырубленныхъ изъ разныхъ консервныхъ банокъ, случайно попадающихъ имъ отъ европейцевъ. Такой кафтанъ

---

[1]) Эти припѣвы, часто не переводимые, слѣдующіе: 1) ходжа (приглашеніе); 2) хыдда (т. е., приблизительно, иди со мной); 3) хäкка (топчи); 4) хунда (сообща, вмѣстѣ); 5) хурья (не переводимо); 6) хандэ (приглашеніе); 7) хумыга и 8) хäрга (послѣднія два слова не переводимы).

надѣвается прямо на голое тѣло. Покрой тунгузскаго кафтана [1]) крайне оригиналенъ и въ сущности весьма простъ; это, такъ сказать, шкура оленя, снятая съ передними ногами, мѣшки которыхъ изображаютъ рукава, а задняя часть отрѣзана на высотѣ поясничныхъ позвонковъ и, ради свободы движеній, разставлена треугольными клиньями. Подобные же клинья вставлены подъ мышками и составляютъ лацканы. Спереди кафтанъ плотно застегивается только на одну пуговицу у

Рис. 12. Кукла—модель костюма тунгузки.

шеи, а ниже полы расходятся (рис. 12), тогда какъ въ якутскомъ кафтанѣ борты заходятъ одинъ за другой. Къ бокамъ и на спинѣ онъ, посредствомъ вырѣзокъ, пригоняется въ талію и плотно обхватываетъ сзади туловище: широкаго платья тунгусъ не любитъ. Такой покрой дѣлаетъ необходимымъ ношеніе передника (д а л ы с ъ), который ремешками завязывается вокругъ шеи и на таліи, а нижнимъ концомъ спускается до колѣнъ [2]). Этотъ передникъ составляетъ пред-

[1]) Ровдужный, лѣтній называется а р ы м р ы.

[2]) Передникъ дѣвушки всегда съ колокольчиками или металлическими кольцами; у замужней—безъ этого.

метъ гордости у женщинъ, вышивается и украшается съ особой заботливостью. Намъ приходилось покупать такіе передники, на которыхъ однѣхъ серебряныхъ монетъ было почти на десять рублей (рис. 13).

Смотря по времени года, кафтанъ шьется или изъ ровдуги, или изъ выдѣланныхъ шкуръ шерстью наружу. Его легкость и простота покроя вполнѣ соотвѣтствуютъ подвижности и своеобразнымъ порывистымъ движеніямъ тунгуса; въ такомъ кафтанѣ онъ отправляется на охоту или занимается рыбной ловлей. Для ѣзды на нартахъ часто надѣваютъ кухлянку, болѣе свободную, покрой которой одинаковъ какъ у тунгусовъ, такъ и другихъ инородцевъ. О ней мы скажемъ при описаніи одежды корякъ.

Нижняя часть костюма одинакова какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ; она состоитъ изъ тарбасовъ, наколѣнниковъ (только въ дорогѣ) и мѣховыхъ или ровдужныхъ штановъ, причемъ тарбасы различаются по длинѣ и отдѣлкѣ, смотря по своему назначенію; дорожные обыкновенно—длинные, безъ шитья и украшеній, тогда какъ для домашняго обихода имѣются короче и отдѣлываются бисеромъ: зажиточный тунгусъ всегда въ такихъ тарбасахъ ходитъ дома или отправляется въ гости (рис. 14). Мужчины волосы стригутъ, тогда какъ женщины и дѣвушки заплетаютъ двѣ косы, ввязывая въ нихъ ленты, бусинки и цвѣтные ремешки; первыя носятъ ихъ спущенными, а вторыя убираютъ на головѣ. Головной уборъ замужней тунгузки напоминаетъ формой и покроемъ чепецъ китаянки, весь зашитый бисеромъ и шелкомъ (рис. 15).

Всѣ заботы по дому и весь хозяйственный трудъ лежитъ на женщинѣ, тунгусъ знаетъ только охоту да рыбную ловлю; даже пасти стада оленей онъ посылаетъ молодыхъ дѣвушекъ. Перевезти, поставить и устроить юрту, уложить весь домашній скарбъ, выдѣлать постели, ровдугу и камасы для тарбасовъ, сшить все платье и обувь; распластать, просушить и убрать рыбу, наготовить порсы и балыковъ, вычернить шкуры,—словомъ все хозяйство должна вести женщина, даже снять шкуру съ убитаго оленя и раздѣлать тушу она же должна: тунгусъ всегда является ко всему готовому; даже за ѣду женщина не садится съ мужемъ, и только когда взрослая дочь ведетъ все хозяйство, мать и отецъ обѣдаютъ вмѣстѣ. Между тѣмъ это не то подневольное, боязливо рабское положеніе женщины, какое мы видимъ напримѣръ у коряковъ; въ средѣ тунгусовъ отношенія между мужемъ и женой дружественны и симпатичны. Въ важныхъ дѣлахъ онъ совѣтуется съ ней; намъ ни разу не приходилось слышать, чтобы

мужъ обращался жестоко съ женой. Дѣти пользуются большой любовью и заботой и въ свою очередь крайне почтительны къ родителямъ, хотя на глазахъ тѣхъ и другихъ никогда не появляется слезъ при потерѣ любимаго существа: тунгусъ никогда не плачетъ. Взрослый сынъ служитъ помощникомъ отцу или попросту работникомъ: онъ не имѣетъ собственности; даже упромышленную пушнину

Рис. 13. Передникъ и поясъ тунгузки.

отецъ отбираетъ; но разъ онъ женился, онъ имѣетъ своихъ оленей и свой пологъ. Взрослая дѣвушка совершенно свободна въ выборѣ жениха и при раздѣлахъ получаетъ часть отцовскаго наслѣдства,— меньше, чѣмъ братья.

Чувство взаимопомощи сильно развито между тунгусами: родовичи, даже отдаленные, не только прокармливаютъ цѣлыя семьи, но часто платятъ при нуждѣ за нихъ ясакъ; эта взаимопомощь носитъ исключительно родовой характеръ и, при довольно высокомъ развитіи тунгуса не достигаетъ той гуманной идеи помочь вообще нуждающемуся, кото-

рая такъ широко развита у коряковъ и составляетъ ихъ отличительную черту.

Тунгусъ отличается живымъ и быстрымъ умомъ, легко осваивается со всякимъ дѣломъ и техникой, но лишенъ самостоятельной изобрѣтательности: ставъ христіаниномъ онъ даже не сдѣлалъ себѣ желѣзнаго или мѣднаго креста, а до сихъ поръ покупаетъ его у якутскихъ кустарей-кузнецовъ и слесарей (рис. 16). Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить отсутствіе куколъ и игрушекъ у тунгузскихъ дѣтей [1]); въ массѣ тунгузскихъ семействъ мы видали единственный примѣръ около сел. Ямска, когда тунгусъ, по просьбѣ мѣстнаго священника, сдѣлалъ нѣсколько деревянныхъ куколъ крайне неприхотливаго вида, тогда какъ у другихъ инородцевъ вы встрѣчаете массу всевозможныхъ издѣлій и рѣзьбы изъ кости, дерева и камня, которыя отличаются техникой и подъ часъ художественнымъ вкусомъ. Не менѣе того насъ удивляло слабое развитіе эпической поэзіи и отсутствіе дѣтскихъ игръ; только на Сигланѣ староста могъ разсказать намъ, что въ прежнее время были игры, теперь забытыя, и что прежде вообще жили веселѣе; отъ него же мы узнали про существованіе немногочисленныхъ сказокъ и пѣсенъ, сюжетами которыхъ служатъ дикіе олени, лисицы и бѣлки. Вліяніе ли это русской культуры, или борьба съ тяжелыми условіями жизни наложила такой суровый отпечатокъ на беззаботный умъ тунгуса, трудно рѣшить; или же наконецъ привычка жить въ свое удоволствіе, по эпикурейски.

Даже во время переѣздовъ, тунгуса тяготитъ лишній сюрикъ (сума изъ оленьей ровдуги) или батанга (та же сума, только обшитая внутри березовой корой), и вотъ по пути онъ оставляетъ часть своего скарба въ разныхъ мѣстахъ, въ кладовкахъ на высокихъ сваяхъ, расчитывая при случаѣ вернуться сюда обратно.

Если тунгузскія вышивки кафтановъ, тарбасовъ и передниковъ отличаются пестротой и нѣкоторой щеголеватостью, то въ этомъ отношеніи все сводится на личное франтовство, съ нѣкоторой дозой заимствованія у другихъ иногородцевъ.

---

[1]) Побрякушки изъ зубовъ сѣверныхъ оленей, соболиныхъ челюстей и пр., о которыхъ упоминаютъ нѣкоторые писатели, есть вѣроятно дѣло случайности: плачущему ребенку тунгузка, если у ней нѣтъ подъ руками куска жиру, сунетъ все, что попадетъ подъ руку. Намъ часто приходилось наблюдать, какъ въ подобныхъ случаяхъ, чтобы утѣшить ревуна, мать давала копыто оленя, кость, кожу и пр.

Какъ вѣтреникъ, тунгусъ не отличается высокими нравственными качествами; вспыльчивый при ревности, онъ, однако, послѣ пляски «ходжо» забываетъ свою половину, доказательствомъ чего могутъ служить довольно частые случаи незаконнорожденныхъ дѣтей; поэтому совершенно не вѣрно утвержденіе, что сожитіе съ наложницами тунгусамъ не извѣстно [1]). По крайней мѣрѣ, тунгусы охотскаго побережья представляютъ совершенно обратное явленіе, не смотря на всю свою обрядовую религіозность. Дѣловую и торговую правду отъ

Рис. 14. Тунгузскіе тарбасы, кошелекъ для табаку и (вверху) дощечка-счетъ.

тунгуса трудно узнать; въ этомъ случаѣ на его слово нельзя положиться: онъ никогда не скажетъ, куда и зачѣмъ идетъ, сколько упромыслилъ звѣря, какое у него число оленей; отвѣтъ его уклончивый и плутоватый. Встрѣтивъ на промыслѣ конкурента, каждый старается убѣдить другого, что онъ возвращается домой по какимъ-нибудь причинамъ, но что вотъ въ такой-то сторонѣ много звѣря. Узнавъ это, вы смѣло можете не идти туда, такъ какъ навѣрно не увидите ни одного слѣда лисицы или бѣлки.

Послѣ этой краткой характеристики, посмотримъ какъ распредѣляется жизнь тунгуса.

---

[1]) Грумъ-Гржимайло, l. c. стр. 371.

Жизнь тунгуса, какъ и всякаго другого оленнаго инородца, дѣлится на два періода: 1) кочеваніе въ горахъ и зимняя охота и 2) жизнь на взморьѣ для рыбныхъ запасовъ.

Какъ только рыба перестаетъ изъ моря идти въ рѣки, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончается періодъ мошкары и комаровъ, тунгусъ начинаетъ мало-по-малу удаляться отъ моря; съ этого времени, т. е. съ осени тунгусъ по прежнему начинаетъ новый годъ, согласно чему и сдѣланъ его календарь (рис. 17). Всѣ домашнія вещи—постели, полога, покрышка юрты, посуда, запасы рыбы,—все это укладывается въ разныя сумы, которыя смотря по назначенію, различно приготовляются. Сума изъ оленьей ровдуги, внутри съ деревянной обшивкой, или такъ называемой мюрючанъ, употребляется для укадки посуды: для порсы сумки внутри обшиваются березовой корой. Все это аккуратно взвѣшивается на рукахъ и на ремнѣ перекидывается черезъ сѣдло; такимъ образомъ составляется длинный караванъ вьючныхъ оленей, которыхъ, привязавъ въ одну линію по 3-5, обыкновенно ведетъ одинъ тунгусъ или тунгузка; чаще всего онъ самъ сидитъ верхомъ, понукая оленя палкой [1]) въ бокъ или ударяя его по рогамъ, что причиняетъ мучительную боль животному.

Пройдя не больше 10-15 в., онъ, остановившись, разбиваетъ урасу; начинается чаепитіе и ѣда. На ночь, для надзора за стадомъ отправляются нѣсколько работниковъ, если это богатый тунгусъ, или молодые парни и дѣвушки. Такъ какъ олени не долго держатся на одномъ мѣстѣ, то пастухамъ всю ночь приходится зорко слѣдить за стадомъ; съ утра уже опять нужно вьючить оленей и двигаться дальше.

Съ первымъ снѣгомъ начинается охотничій періодъ,—и тогда тунгусъ изъ юрты пропадаетъ. Положивъ въ суму принадлежности охоты, кусокъ жиру, чайникъ и нѣсколько юколъ, тунгусъ, надѣвъ лыжи, съ ружьемъ и посохомъ надолго пропадаетъ [2]). Нужно удивляться его закаленности и охотничьему задору, когда цѣлыми недѣлями тунгусъ бродитъ въ хребтахъ и по долинамъ верховьевъ рѣкъ, выслѣживая звѣря: тогда онъ не знаетъ ни усталости, ни холода, ни голода. Ночуетъ подъ кустомъ или въ снѣгу; спитъ мало, да и то лишь, когда сильная пурга мѣшаетъ охотѣ; ѣстъ и пьетъ еще меньше, проходя въ день 40—80 верстъ.

---

[1]) По—тунгузски—мо, т. е. палка, по-якутски—таняхъ, т. е. трость.

[2]) Въ это время жена—главный работникъ; не только домашнее хозяйство, но и стада оленей требуютъ ея надзора. Кромѣ того, мужъ, уходя, часто назначаетъ мѣсто встрѣчи, куда хозяйка должна къ извѣстному сроку перекочевать.

Въ мартѣ или въ другое условленное время тунгусы собираются на стойбища для взноса ясака, послѣ чего снова разбредаются по ближайшимъ хребтамъ, продолжая промыселъ, а въ началѣ апрѣля уже направляются ко взморью, куда приходятъ въ концѣ апрѣля и началѣ мая, когда большинство Охотскихъ рѣкъ вскрывается. Тогда наступаетъ большею частію тяжелая пора для тунгусовъ: рыба еще не идетъ въ рѣки, тюлени не вездѣ бываютъ, зимніе запасы всѣ

Рис. 15. Чепецъ богатой тунгузки.

истощились,—и начинается обычная весенняя голодовка: оленя убить жалко, въ надеждѣ, что скоро покажется проходная рыба, а ея, какъ на зло, иногда долго не бываетъ. Перебиваются съ большой нуждой, то ловя камбалу или уйковъ, то выслѣживая медвѣдя, вышедшаго изъ берлоги. Но лишь только начался ходъ морской рыбы, тунгусъ не отходитъ отъ рѣки и сѣтки, пока не пресытится; тогда ловитъ уже съ меньшей охотой и энергіей, предоставляя весь трудъ по уборкѣ и заготовкѣ юколы, порсы и балыковъ исключительно женщинамъ.

Побочныхъ занятій или заработка у оленныхъ тунгусовъ не

бываетъ; только аянскіе и отчасти ольскіе тунгусы занимаются перевозкой товаровъ.

Одна изъ особенностей разговорной рѣчи тунгусовъ та, что они про мужчину до сихъ поръ говорятъ она, про женщину—онъ пришелъ; маленькую дочку называютъ тата, мальчика—мама. Здѣшніе тунгусы говорятъ различными нарѣчіями; составленные нами словари будутъ напечатаны впослѣдствіи.

Для примѣра приведемъ нѣсколько словъ:

	Аянъ.	Армань.	Ламуты Камчатки.
Большой.	экдинге	мыка	эгдянъ.
Слѣпой.	бали	мейкаса	баликачъ
Медвѣдь	накита	кэки	мэмачанъ
Лисица.	сулаки	сулей	холичанъ.

Перейдемъ теперь къ этнографической характеристикѣ другого инородческаго племени, именно къ корякамъ.

Бродячіе коряки сами себя называютъ тумугуту, а рыбныхъ, т. е. живущихъ у берега, чаучу [1]). Они кочуютъ со своими стадами главнымъ образомъ въ Гижигинскомъ округѣ, начиная съ Тайгоносскаго полуострова и до Берингова моря; на сѣверѣ ихъ границей служитъ Анадырскій водораздѣльный хребетъ, а въ Камчаткѣ они доходятъ теперь до Большерѣцка по западной сторонѣ; по восточному склону Срединнаго Камчатскаго хребта имъ запрещено кочевье. Тогда какъ прежде районъ ихъ распространенія и кочевья былъ гораздо больше, и только подъ натискомъ тунгусовъ и изъ любви къ дикой независимости они скучились на Гижигинскихъ тундрахъ: хребтовъ и горъ корякъ не любитъ. Осѣдлыхъ или рыбныхъ коряковъ въ свою очередь нужно раздѣлить на двѣ группы: одни православные, почти совершенно ассимилировавшіеся съ русскими и другими осѣдлыми инородцами; таковы нѣкоторые поселки: Ямскъ, Туманы, Наяхано и жители острожковъ сѣверной части Камчатки, какъ укинцы, паланцы, которыхъ Дитмаръ также считаетъ коряками. Другіе—тоже осѣдлые, но остались по прежнему язычниками и сохранили прежніе обычаи, живя въ земляныхъ юртахъ по берегамъ Пенжинскаго залива.

Коряки, говоритъ Майдель [2]), пролили больше русской крови и

---

[1]) Словцовъ, l. c. кн. I, стр. 139.
[2]) L. c., т. I. стр. 197.

Удской округъ. Жители сел. Чумиканъ.

Удской округъ. Мѣстечко Чумиканъ на устьѣ р. Уды.

причинили больше вреда, чѣмъ какой бы то ни было другой народъ. Не только во все время существованія Анадырскаго острога (1666—1771 гг.), но даже послѣ основанія Гижигинской крѣпости они проявляли свои враждебныя отношенія къ русскимъ то систематическими войнами, то отдѣльными случаями нападенія на проѣзжающихъ русскихъ.

Въ антропологическомъ отношеніи это совершенно не изученное племя; откуда оно пришло и каково его отношеніе къ другимъ племенамъ, ученые до сихъ поръ довольствуются гипотезами и од-

Рис. 1. Кресть и поясъ тунгузки.

нѣми догадками. Первыя свѣдѣнія о корякахъ доставили казаки-завоеватели; а первое подробное описаніе коряковъ далъ Крашенинниковъ; по его словамъ, оленные чукчи и коряки составляютъ одинъ народъ, тогда какъ сидячіе, по его мнѣнію, житьемъ и обрядами больше сходствуютъ съ камчадалами.

Наоборотъ, Словцовъ думаетъ, что оленные коряки болѣе походятъ на намолловъ [1]), т. е. на осѣдлыхъ чукчей, а сидячіе—на

[1]) Намолло-эскимосское племя, тѣснимое передвиженіями азіатскихъ народовъ, отброшено было къ Берингову проливу, чрезъ который перебралось въ Америку. Что оно занимало часть теперешней Чукотіи, можно судить по многочисленнымъ слѣдамъ жилищъ, находимымъ тамъ, и совершенно непохожимъ на жилища чукчей, т. е. врытыхъ на половину въ землю. Нужно думать, что въ этихъ соприкосновеніяхъ оно дало племенные помѣси. Эти намолло извѣстны у путешественниковъ подъ именемъ «носовыхъ» чукчей,

чаукчу, или оленныхъ чукчей. Дитмаръ [1]), познакомившійся съ тѣмъ и другимъ племенемъ, также признаетъ большое родство между ними; Пешель [2]) и другіе антропологи указываютъ на близкое сходство, но не даютъ антропометрическихъ данныхъ.

Совершенно того же мнѣнія держится Майдель, замѣчая по поводу коряковъ-оленеводовъ [3]), что сходство ихъ съ чукчами тотчасъ бросается въ глаза, не говоря уже о языкѣ, который настолько близокъ, что до прихода переводчика онъ могъ объясняться съ ними нѣсколько обученными у чукчей фразами и словами,—и это сходство простирается до самыхъ мелочей: сани, одежда, домашнія принадлежности, рѣшительно все одинаково у обоихъ народовъ. Какъ мнѣ кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оба эти народа составляли прежде одинъ и что ихъ теперешнее раздѣленіе произошло только благодаря пространственному обособленію.

Каковы бы не были догадки путешественниковъ, антропологія отъ этого ничего не выигрываетъ: мы не знаемъ хорошо ни типа коряцкаго черепа, ни происхожденіе этого народа.

Антропологическихъ изслѣдованій никто не дѣлалъ, да это и невозможно: коряки слишкомъ невѣжественны и суевѣрны и ко всякому измѣренію относятся враждебно. На нашу просьбу въ этомъ отношеніи, они всегда и рѣшительно отказывали, не смотря на полное гостепріимство въ своей юртѣ. Съ другой стороны, такъ какъ они покойниковъ всегда сожигаютъ, то понятно, почему коряцкіе черепа составляютъ большую рѣдкость въ музеяхъ.

Съ физической стороны корякъ представляетъ большую противоположность тунгусу: въ большинствѣ случаевъ рослый, широкоплечій, съ богато развитой мускулатурой, онъ тяжелъ на подъемъ; движенія его грубоваты (угловаты) и медленны; говоритъ всегда не спѣша, какъ-бы обдумывая. Лицо большею частію продолговатое, крайне

т. е. живущихъ у Восточнаго (Нэкъ) мыса; они говорятъ совершенно отличнымъ отъ настоящихъ осѣдлыхъ чукчей языкомъ, съ которымъ и Сергѣевъ, и Словцовъ ихъ смѣшиваютъ: намолло, айгванъ, айгунъ, онкилонъ и ангкали,—это одно и тоже эскимосское племя. См. путешествіе Биллингса, изд Сарычевымъ, Спб. 1811, стр. 67; Майдель, Извѣстія Сибирск. Отд. Имп. Русск Геогр. Общ., 1871, № 1 и 2; Врангель, Путешествіе по сѣверному берегу Сибири, Спб. 1841, ч. II, стр. 333; Нейманъ, Изв. Сибирск. Отд. Геогр. Общ. т. 1, № 4 и 5; Шренкъ, l. c., т. 1, стр. 260—261.

[1]) Koräken und die ihnen sehr nach verwandten Tschuktschen, въ Melanges Russs, 1856, v. III, livr. 1.

[2]) Пешель. Народовѣдѣніе, Спб. 1890, стр. 401.

[3]) L. c. т. 1, стр. 226.

рѣдко короткое, безъ рѣзкой скуластости; носъ прямой, переносье не западаетъ; губы средней толщины, лобъ прямой и высокій, но не покатый; всѣ почти отличаются коротко-головостью; брови густыя и нависшія, что еще больше придаетъ суровое выраженіе коряку.

Рис. 17. Тунгузскій календарь[1]).

Женщины въ общемъ — средняго роста, но съ наклонностью къ великорослости; настоящихъ малорослыхъ крайне мало, — явленіе, совершенно обратное тому, что мы видѣли въ тунгузской средѣ; сложенія довольно плотнаго; сухопарыхъ совсѣмъ нѣтъ; лицо правильнаго очертанія, безъ выдающихся скулъ, съ прямымъ носомъ и часто отличается относительной миловидностью въ ранней молодости, тогда какъ въ 30—40 л. женщина всегда выглядитъ корявой, забитой по характеру, старухой, что объясняется положеніемъ ея въ семьѣ, какъ безмолвной рабыни, и тяжелымъ, безпрестаннымъ трудомъ. Она не

Рис. 18. Сумки изъ крапивы,—работа корячекъ.

смѣетъ даже взять кусокъ оленины, когда мужъ и работники ѣдятъ; только послѣ нихъ, она можетъ довольствоваться остатками.

---

[1]) На доскѣ сдѣланы въ горизонтальномъ направленіи дырочки; каждое число отмѣчается вставленіемъ палочки, начиная слѣва направо календаря. Звѣздочки означаютъ переходящіе праздники. Мѣсяца называются именами святыхъ при слѣдующемъ странномъ сочетаніи словъ: сентябрь—Семеновъ-числа, октябрь—Покровъ-числа, ноябрь—Кузминъ, декабрь—Николинъ, январь—Новый-числа, февраль—Среднiй, мартъ—Евдокіевъ, апрѣль—Маріинъ, май—Николинъ, іюнь—Ильинъ, августъ—Спасной-числа.

Такое рабское положеніе женщинъ наблюдается только у оленныхъ коряковъ, тогда какъ сидячіе или осѣдлые относятся къ женамъ гораздо лучше и даже съ извѣстнымъ вниманіемъ, хотя и здѣсь женщина ѣстъ и пьетъ всегда послѣ мужчинъ и только то, что осталось, а у осѣдлой бѣдноты эти остатки бываютъ жалкими крохами.

Каждая корячка не безъ кокетства занимается своимъ костюмомъ и заботится объ украшеніяхъ; но это кокетство не бьющее въ глаза, какъ у тунгузки, а всегда сдержанное, стыдливое: подстрекаемая любопытствомъ, она придетъ въ юрту, гдѣ вы остановились, но сядетъ спиной къ вамъ и только изрѣдка, мелькомъ, будетъ осматривать заѣзжаго гостя. Корячки также сильно любятъ бусы и бисеръ, какъ тунгузки металлическія бляхи; первыя, подобно чукчанкамъ, при выходѣ замужъ татуируютъ, или, какъ здѣсь говорятъ, вышиваютъ лицо. Татуировка бываетъ на лбу и на лицѣ въ видѣ отдѣльныхъ пятенъ и кружковъ, а иногда широкими полосами, начинаясь у угловъ рта и кончаясь у ушной раковины; производится ли татуировка на закрытыхъ частяхъ тѣла, какъ у чукчанокъ, мы немогли допроситься, потому что ревнивый корякъ не охотно говоритъ о женщинѣ. Начало этого украшенія коряки ведутъ, по преданію, отъ дѣтей первосозданной Богомъ пары, когда мать, любя сильно сына и ревнуя своего красавца, вымазала его сажей; когда онъ умеръ, его сестра въ память любимаго брата также вышила себѣ лицо. Эта операція производится такимъ образомъ, что нитка, намазанная сажей, проводится подъ кожей, гдѣ сажа остается, а нитка снова натирается и проводится подъ кожей рядомъ. Такой способъ татуировки, общій чукчамъ и другимъ сѣвернымъ инородцамъ, отличается отъ японской и индѣйской манеры расписывать себѣ лицо и тѣло. Кромѣ того въ самомъ мотивѣ татуированія большая разница: коряки ввели это обезображиваніе ради ревности, тогда какъ послѣдніе народы расписывали всегда все свое тѣло ради воинственности и угрожающаго вида. Татуировка встрѣчается какъ у сидячихъ, такъ и оленныхъ коряковъ, хотя значительно потеряла свою прежнюю прелесть и стала выходить изъ моды.

Дѣти пользуются бо́льшею заботливостью и любовью родителей, чѣмъ у тунгусовъ. Корячки кормятъ молокомъ гораздо дольше тунгузокъ и неразъ приходилось видѣть, какъ 4 лѣтній бутузъ отталкивалъ отъ груди матери шестимѣсячнаго малыша, самъ принимаясь за его занятіе.

Одежда коряковъ рѣзко отличается отъ тунгузскаго костюма; пиж-

няя часть одежды [1]) у мужчинъ имѣетъ одинаковый покрой; верхняя представляетъ широкій мѣшокъ оленьей кожи, надѣваемый шерстью на голое тѣло. Это и есть домашняя коряцкая кухлянка, обязательно съ собачьимъ воротникомъ (каганы); для ѣзды и занятій въ тундрѣ онъ сверхъ этого надѣваетъ вторую мѣховую кухлянку съ капюшономъ и шерстью наружу; первая кухлянка всегда носится съ поясомъ, вторая, ради свободы движеній,—безъ онаго. Кромѣ тарбасовъ [2]) коряки носятъ такъ называемые обутки, т. е. короткіе тарбасы, сшитые иногда изъ лоскутковъ разной окраски шерсти, съ оторочкой бусами и вышивками, что считается своего рода щегольствомъ и употребляется только молодежью. Наколѣнники составляютъ необходимую принадлежность въ дорогѣ и при короткихъ тарбасахъ значительно предупреждаютъ простудныя заболѣванія колѣна.

Женскій костюмъ состоитъ изъ сплошного мѣхового мѣшка, который надѣвается съ ногъ и затягивается на шеѣ [3]); онъ всегда носится шерстью наружу; причемъ нижняя часть (штаны) сшивается изъ бѣлыхъ и темныхъ продольныхъ полосъ и дѣлается довольно широкой. Въ общемъ эта нижняя часть туалета напоминаетъ турецкій костюмъ и выглядитъ довольно красиво, благодаря разноцвѣтнымъ полосамъ. Дома поверхъ этой рубашки надѣвается короткая дубленая кухлянка [4]) шерстью внутрь съ воротникомъ или чаще съ капюшономъ; на спинной ея части подвязываются крашеные ремешки съ бусами и окрашенныя шерстяныя кисточки; въ дорогу кухлянка надѣвается шерстью наружу (рис. 22). Лѣтомъ нижній костюмъ корячки не носятъ, а надѣваютъ только отдѣльные шаровары и дубленую кухлянку, которая

Рис. 19. Календарь камчадаловъ.

---

[1]) Брюки мужскія—ичіочи-хайнаты (изъ пыжиковъ), изъ кожи голени оленя (камасы) панта-хайнаты.

[2]) Лулатъ-плакетъ, или Лауты.

[3]) Ичанъ, или Нимайка.

[4]) Олисиганъ.

во время работы подвязывается широкимъ поясомъ; мужчины же подпоясываются нерпичьимъ ремнемъ. У молодоженовъ и молодыхъ парней мы также встрѣчаемъ разнаго рода подвѣски къ верхней одеждѣ (фототипія табл. XVI).

Особенность коряцкой кухлянки составляетъ ея двойной мѣхъ: у рукавовъ и шеи онъ скрѣпляется, тогда какъ подолъ совершенно свободенъ. Вторая щегольская особенность и въ то же время chef d'oeuvre работы корячки—это шитый упованъ [1]). Упованомъ называется кайма вдоль подола кухлянки; шириною бываетъ она $1^1/_2$ до 3 вершковъ и подшивается, немного отступивъ отъ края. Упованы главнымъ образомъ бываютъ трехъ сортовъ: 1) сшиваются изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ кожи узорчатымъ или шахматнымъ рисункомъ; 2) дѣлаются изъ окрашенныхъ тонкихъ полосокъ ровдуги, причемъ эта работа по ея кропотливости и чистотѣ можетъ быть названа образцовой; 3) упованы вышиваются по цвѣтной ровдугѣ или плису гарусомъ и шелками. Работа эта настолько кропотлива и требуетъ большого вниманія, что рѣдкая корячка въ теченіи всей продолжительной зимы едва ли можетъ приготовить два упована, въ особенности, если рисунокъ сложенъ и отдѣлка замысловата (см. фототипію табл. XVIII).

Головного убора корячки не носятъ, а обыкновенно, выходя изъ юрты, закрываются капюшономъ; въ волосы, заплетаемые въ двѣ косы, ввязываютъ много разнообразныхъ украшеній [2]): ремешки, пуговицы, нитки бусъ, которыя въ тоже время служатъ и ожерельями. Серги [3]) (рис. 21) носятъ или изъ корольковъ и бисеру, или же самодѣльныя, изъ желѣза и мѣди; равно какъ и браслеты [4]) (рис. 20). Эти два украшенія особенно любимы корячками, и неудивительно, что техника кустарнаго ихъ производства доведена у коряковъ до большого совершенства. Впрочемъ коряки-кузнецы не вездѣ распространены, а есть особые ихъ поселки, какъ читатель увидитъ ниже, въ отдѣлѣ о занятіяхъ и ремеслахъ.

Коряки, какъ и тунгусы, спятъ безъ всякаго одѣянія, залѣзая въ мѣховой мѣшокъ или прикрываясь такимъ же одѣяніемъ. Въ мѣховомъ пологѣ, со всѣхъ сторонъ почти герметически закрытомъ, бываетъ даже жарко; но эта манера спанья, какъ мы лично убѣдились,

---

[1]) Чемпычень, или чимпичимъ.
[2]) Атынмывкынъ.
[3]) Выгунъ—алычитъ.
[4]) Мынгахча.

спасаетъ васъ до нѣкоторой степени отъ паразитовъ (Pediculus vestimenti), которыми такъ изобилуютъ всѣ юрты и полога. Если на ночь не снимать бѣлья, то они разъѣдаютъ кожу и производятъ цѣлыя язвы.

Рис. 20. Бронзовые браслеты корячекъ.

Юрта оленнаго коряка тяжеловѣсна, какъ и самъ хозяинъ; способъ ея постановки такой же, какъ у тунгусовъ—на тонкихъ жердяхъ, сходящихся вверху и образующихъ отверстіе для дыма; только она покрывается въ нѣсколько слоевъ шкурами и имѣетъ полога больше, чѣмъ у тунгусовъ. Вся покрышка юрты вѣситъ двадцать и больше пудовъ и для перевозки ея коряки строятъ особыя нарты—широкія и высокія, которыя только и годны для ѣзды по открытой и ровной тундрѣ. Для другихъ цѣлей существуетъ еще два сорта нартъ (санокъ): болѣе длинныя—для перевозки пассажировъ и груза, и короткія, высокія, со спинкой сзади—для скорой ѣзды и катанья (рис. 23). Насколько тунгусъ—лихой наѣздникъ верхомъ на оленѣ, настолько корякъ удалой спортсменъ-ѣздокъ на бѣговыхъ оленныхъ нартахъ. Такая ѣзда въ запуски — одно изъ самыхъ любимыхъ удовольствій богатаго коряка: онъ загонитъ до смерти пару своихъ любимыхъ, бѣлыхъ оленей, но отстать отъ соперника считаетъ для себя большимъ позоромъ. Эта страсть оленнаго спорта свойственна какъ корякамъ, такъ и тунгусамъ, но никто изъ нихъ не можетъ поспорить въ верховой ѣздѣ съ тунгусомъ: при 30° мороза, въ одномъ ровдужномъ легкомъ кафтанѣ, безъ стремянъ въ сѣдлѣ, онъ стрѣлой несется по отлогостямъ и склонамъ хребта и съ досадой бросаетъ

Рис. 21. Серга коряцкой работы.

оленя, если послѣдній въ изнеможеніи задыхается и тутъ же околѣваетъ.

Архитектура постройки юртъ у сидячихъ коряковъ сразу показываетъ вамъ, что вы имѣете дѣло не съ тѣмъ же народомъ, а, повидимому, съ совершенно другимъ, по происхожденію, племенемъ. Юрта осѣдлыхъ (фотот. табл. XVII) коряковъ устраивается изъ бревенъ и плахъ: на четырехъ основныхъ столбахъ кладется рама, надъ которой крѣпится вторая, меньшая рама на устояхъ, а поверхъ этой послѣдней настилается потолокъ, съ четырехугольнымъ отверстіемъ для дыма и зимняго входа (см. рис. 1). Отъ первой рамы косо ставятся плахи, изъ частокола которыхъ образуются юртяныя стѣны; общій видъ ея напоминаетъ стогъ сѣна или форму стариннаго улья. Съ западной стороны юрты пристраивается длинный корридоръ-сѣни, съ выходными дверями и круглымъ окномъ въ потолкѣ. Въ эту дверь входятъ только лѣтомъ, со дня спуска байдары въ море до момента ея обратнаго подъема на берегъ. Открытіе и закрытіе дверей для входа сопровождается особымъ религіознымъ праздникомъ, о которомъ скажемъ ниже; тогда какъ зимой исключительно лазятъ въ дымовое отверстіе, поднимаясь на крышу юрты и спускаясь въ нее по плахѣ, въ которой вырублены ступеньки: лѣстницы коряки не знаютъ, да едва-ли она была бы удобна для ихъ жизненныхъ потребностей. Спускаясь съ охапкой дровъ или выносл изъ юрты «коня»[1]), корячка лѣвой рукой обхватываетъ плаху, держа въ правой ношу, и такимъ образомъ ловко и граціозно скользитъ по плахѣ; тогда какъ по крутой лѣстницѣ такой способъ ношенія былъ бы неудобенъ.

Каждая такая юрта разбивается на нѣсколько пологовъ, отъ 3 до 5, размѣщаемыхъ обыкновенно только съ трехъ сторонъ; въ срединѣ юрты, сейчасъ подъ спускомъ, помѣщается очагъ, или вѣрнѣе нѣсколько камней, на которыхъ разводится огонь. Этимъ способомъ, при варкѣ пищи или чаю, и нагрѣвается временно юрта. Въ западной части ея находится выходная въ корридоръ дверь; здѣсь же помѣщаются склады сухой рыбы и стоитъ большой котелъ для таянья снѣга или льда.

Съ наружной стороны стѣны юрты обкладываются дерномъ, засыпаются землей и снова обставляются плахами. Верхъ юрты, занесенной снѣгомъ, имѣетъ своеобразное устройство и походитъ на распущенный зонтикъ, обращенный ручкой вверхъ. Этотъ широкій

---

[1]) Ночное корыто.

карнизъ образуетъ такимъ образомъ большое углубленіе на крышѣ, гдѣ складывается собачья упряжь, оленьи шкуры, запасы рыбы и мяса. Такое устройство крыши замѣчательно практично: такъ какъ на Пенжинскомъ побережьѣ господствуютъ сильныя сѣверныя и сѣверо-восточныя пурги, то юрта безусловно была бы занесена снѣгомъ, если бы не было названнаго карниза. Вѣтеръ, проходя между плахами, уноситъ весь снѣгъ, и такимъ образомъ крыша юрты, а слѣдовательно и входъ въ нее всегда чисты и свободны. Это же входно-дымовое отверстіе служитъ и для освѣщенія юрты днемъ, почему оно остается всегда открытымъ, а задвигается только на ночь.

Рис. 22. Желѣзный браслетъ.

Подобная постройка юрты имѣла стратегическое значеніе: толстыя земляныя стѣны съ частоколомъ изъ плахъ служили прекрасной защитой при нападеніи непріятеля и въ то же время давали возможность корякамъ чрезъ малыя отверстія въ стѣнахъ стрѣлять въ непріятеля изъ луковъ. Въ одномъ изъ корякскихъ поселковъ Пенжинскаго побережья старикъ разсказывалъ намъ о нападеніи чукчей и описанномъ способѣ обороны, причемъ на память подарилъ часть чукотскаго шлема, сдѣланнаго изъ толстыхъ пластинокъ моржеваго клыка.

Рис. 23. Легкая оленная нарта коряковъ.

Полъ юрты, равно какъ и всѣхъ пологовъ—утрамбованный, земляной; только въ одномъ пологѣ, прямо противъ входа, устраивается возвышенный деревянный помостъ. Это особое отдѣленіе—почетный уголъ для дорогого гостя; только у крайне бѣдныхъ, когда нѣсколько семействъ помѣщается въ одной юртѣ, такого почетнаго полога не бываетъ. Бѣдныя семьи тѣснятся обыкновенно въ одномъ пологѣ, тогда какъ достаточный корякъ, въ большинствѣ случаевъ, двоеже-

нецъ, для каждой изъ своихъ женъ имѣетъ отдѣльные пологи, съ особымъ скарбомъ и хозяйствомъ.

Отношенія между мужемъ и женой не имѣютъ того суроваго и грубаго характера, какъ у бродячихъ; и что особенно поражаетъ европейца въ такихъ семьяхъ, это замѣчательно дружественныя и миролюбивыя отношенія одной жены къ другой, хотя одна изъ нихъ всегда считается старшей и голосъ ея болѣе авторитетенъ.

Каждый корякъ, согласно своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, моможетъ имѣть двухъ женъ и беретъ или женится на третьей только тогда, когда одна изъ первыхъ умираетъ. Въ этомъ отношеніи строй коряцкой семьи рѣзко отличается отъ чукотской: чукчи въ большинствѣ случаевъ одноженцы; вторую жену заставляетъ его брать или нужда—чтобы пасти оленей въ то время, когда онъ самъ проводитъ лѣто на устьѣ для запасовъ рыбнаго корма; или же это зависитъ отъ достатка, богатства и извѣстной степени распущенности чисто сѣвернаго характера.

Въ семейномъ вопросѣ коряки интересны еще потому, что всегда брезгали смѣшивать свою кровь съ сосѣдями и вступать съ ними въ родственныя связи. Судя по постояннымъ и жестокимъ войнамъ, существовавшимъ между чукчами и коряками, нужно думать, что послѣдніе до самаго послѣдняго времени сохранили чистоту своего племени и только недавно, съ измѣненіемъ ихъ характера и нравственныхъ понятій (въ началѣ XIX ст.), они стали брать себѣ женъ изъ чукотской семьи. Чукчанка болѣе самостоятельнаго и рѣшительнаго характера, и потому, попадая въ коряцкую семью, естественно отстаиваетъ свои права и такимъ образомъ вноситъ въ коряцкую среду новый, болѣе культурный элементъ: она протестуетъ противъ роли самки и работницы, не мирится съ суровымъ и крайнимъ деспотизмомъ прежняго коряка, а хочетъ быть матерью дѣтей и хозяйкой дома, гдѣ бы и ея голосъ всегда брался во вниманіе. Мы видѣли одну молодую семью коряка и чукчанки, симпатичныя отношенія которыхъ на правахъ равенства насъ сильно заинтересовали. Отецъ этого коряка былъ суровый деспотъ прежняго закала, и требовалъ, чтобы его сынъ взялъ себѣ вторую жену и такимъ образомъ освободился бы отъ вліянія первой; чукчанка на отрѣзъ отказалась уступить и убѣдила въ этомъ своего мужа, угрожая въ противномъ случаѣ зарѣзать себя и первенца-сына.

Дѣвушка коряцкой семьи выходитъ по желанію или съ расчетомъ, за старика; два брата не могутъ жениться на родныхъ сест-

рахъ. Если старшій братъ умираетъ, то младшій обязательно долженъ взять его жену себѣ; на теткѣ-вдовѣ обязанъ жениться племянникъ, хотя бы ему было три года. Супружеская жизнь для дѣвушки начинается съ 15 л., для юноши — съ 18, хотя иногда берутъ въ жены маленькихъ дѣвушекъ (5—6 л.), которыя потомъ переселяются въ пологъ своего будущаго мужа.

Коряки—единственное племя изъ сѣверныхъ инородцевъ, которое чуждо эротическихъ проступковъ; чукчи могутъ служить примѣромъ другой крайности.

Внутренній, психическій міръ коряка сложнѣе, чѣмъ сосѣда—тунгуса: первый болѣе озабоченъ воспитаніемъ своихъ дѣтей и при-

Рис. 24. Издѣлія коряковъ: сцена изъ охоты на медвѣдя.

думалъ для нихъ множество игрушекъ, работа которыхъ весьма удовлетворительна; въ минуты горя онъ часто обращается съ жертвоприношеніями къ своимъ богамъ, а во время радости шаманитъ, предаваясь подъ звуки бубна дикимъ танцамъ, до истощенія силъ. Пѣсни коряковъ по содержанію разнообразнѣе; въ нихъ онъ обращается къ небу, прося у него себѣ лучшаго, а для бѣдныхъ и сиротъ—помощи; море называетъ матерью; танцы отличаются чрезвычайно характерными комическими фигурами, мимикой и позами танцующихъ, изображая то охоту, то сцены изъ домашняго быта, и поражаютъ находчивостью и остроуміемъ.

Коряцкія издѣлія изъ моржевой кости и рога даютъ намъ хорошую иллюстрацію бытовой жизни и ихъ техники (рис. 24).

Религія коряковъ носитъ слѣды первобытныхъ грубыхъ вѣрованій;

всѣ они шаманисты — язычники. Детальное изученіе ихъ религіозныхъ воззрѣній и обрядовъ показываетъ, что, при нѣкоторыхъ чертахъ племенного сходства, осѣдлые и сидячіе коряки глубоко разнятся между собой и какъ-бы представляютъ двѣ различныхъ народности, только въ силу топографическихъ условій своей жизни немного денаціонализированныя. Въ самомъ дѣлѣ, бродячій корякъ, въ своемъ тускломъ представленіи, допускаетъ высшее существо (Этынмалянъ) живущее въ небесахъ, которое, насколько можно было уяснить себѣ изъ многихъ разспросовъ, повидимому, не имѣетъ никакого отношенія ни къ нему, ни къ міру вообще; онъ создалъ человѣка, тогда какъ землю—Куйкинахъ, другой богъ, потомъ совсѣмъ куда-то скрывшійся. Злого духа не признаютъ, о загробной жизни не имѣютъ представленія. Для нихъ важенъ Аппапель, этотъ добрый и умный старикъ, который въ давнія поры жилъ и ходилъ по землѣ, преподавая корякамъ кодексъ нравственной и житейской мудрости. Онъ жилъ всегда среди острыхъ камней на хребтахъ, гдѣ, умирая, и просилъ его сжечь; оттого всѣ коряки теперь сожигаютъ своихъ покойниковъ у подобныхъ камней (инахувинъ). Покойника наряжаютъ въ особую кухлянку, съ опушкой изъ собачьей кожи (см. рис. 25); во время двухдневнаго пребыванія покойника въ юртѣ, происходитъ пиръ горой и игра въ карты и шашки. По ихъ понятіямъ, покойнику отъ этого веселѣй. Два бѣлыхъ оленя запрягаются для отвоза его на возвышеніе, причемъ строго соблюдается, чтобы: 1) всѣ присутствующіе держались за нарту, а 2) чтобы на ходу, приближаясь къ костру, заколоть обоихъ оленей. На костеръ вмѣстѣ съ покойникомъ и санками кладутъ копье, ножъ, лукъ, огниво, лыжи, чашку и др. вещи. Убитыхъ оленей тутъ же варятъ и съѣдаютъ. При сожиганіи, продолжающемся обыкновенно 5—6 час., наблюдаютъ много примѣтъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгаютъ за совѣтомъ и указаніями къ шаману, хотя въ меньшей степени, чѣмъ осѣдлые; для послѣднихъ онъ имѣетъ громадное значеніе.

Пѣшіе коряки также признаютъ высшее существо, считая его хозяиномъ всего видимаго міра и обитающаго въ небесахъ, которому они приносятъ въ жертву собакъ, вѣшая ихъ на шестахъ, на крышѣ юрты или около поселка. Въ случаѣ какой-нибудь эпидеміи или голода, число этихъ жертвъ бываетъ значительно даже на одной юртѣ. Такъ, во время проѣзда чрезъ сел. Куэло насъ поразило это множество жертвоприношеній въ связи съ переживае-

мой голодовкой. Жители перебили всѣхъ своихъ собакъ, такъ что отбывать подводную повинность не могли: мало того, они покупали у казаковъ и тунгусовъ собакъ, отдавая послѣдніе свои пожитки или запасы нерпичьяго жира, чтобы сдѣлать новыя жертвоприно-

Рис. 25. Кухлянка покойника (видъ сзади).

шенія. На шею жертвенной собаки надѣвается вѣнокъ изъ травы, и она, головой къ небесамъ, прикрѣпляется къ шесту у входной площадки; вмѣстѣ съ ней прикрѣпляется пучекъ травы, свободные концы которой должны развѣваться по вѣтру. Аппапеля также, какъ и бродячіе, признаютъ, но онъ не играетъ опредѣленной роли въ религіозномъ воззрѣніи осѣдлыхъ корякъ; видимо, это позднѣйшее наслоеніе, которое вызвано близкимъ сожительствомъ съ оленными.

Существенной, отличительной чертой осѣдлыхъ служитъ ихъ вѣрованіе въ загробную жизнь. По ихъ воззрѣніямъ, души умершихъ послѣ смерти имѣютъ жилище на небѣ, и добрымъ будутъ доставлены всѣ удобства, хорошее питаніе и множество бѣлыхъ оленей, тогда какъ тѣ, которые при жизни занимались волшебствомъ или порчей людей, или производили смуты, клеветали, а главное занимались прелюбодѣяніемъ (буквально съ коряцкаго нужно перевести: которые приводили дѣвушекъ и женщинъ въ слезы), будутъ подвергнуты разнымъ мученіямъ. Убитые на войнѣ или сами себя умертвившіе прямо попадаютъ въ блаженные чертоги коряцкаго рая; если же человѣкъ умираетъ естественной смертью, то коряки думаютъ, что его пожираетъ дьяволъ, или злой духъ, которыми переполненъ видимый міръ. Нравственный кодексъ пѣшихъ корякъ учитъ, что они должны жить мирно, не причинять мукъ не только людямъ, но и скоту, котораго безъ особой нужды не слѣдуетъ убивать, иначе души этихъ обиженныхъ будутъ мѣшать переселиться въ уготованный покой: собака будетъ при входѣ кусать, а олень бодать рогами.

По преданію осѣдлыхъ корякъ, хозяинъ вселенной (Ахытнинъ или анхганъ) создалъ первую пару людей: Куйкеняха, или Куй-кула, и его жену Митъ. Эти прародители отличались необыкновенной силой и громаднымъ ростомъ, такъ что ни одна гора не превышала ихъ; когда они шли, позади ихъ, отъ тяжести, образовались углубленія и пади, а когда ложились спать, то получался обширный провалъ земли, вслѣдствіе чего земля получала неровную поверхность. У Куй-кула и Митъ было двое дѣтей: сынъ Еммемхутъ и дочь Мангулъ, которые сильно любятъ другъ друга, но потомство коряковъ произошло не отъ нихъ, потому что они оба погибли, а отъ другихъ дѣтей.

Два раза въ годъ совершаютъ праздники—«кита и байдары», которые въ жизни оленныхъ коряковъ не имѣютъ никакой аналогіи. Самый большой праздникъ совершается, когда сами убьютъ кита: во новь построенной юртѣ на первомъ мѣстѣ ставится идолъ вычгинъ, покровитель оленей (рис. 26), съ мешечкомъ на шеѣ, въ которомъ хранится талисманъ: кусочекъ Penis balenae и находимая рѣдко подъ кожей оленя сумка съ шерстью. Во время этого праздника, посредствомъ тренія, добываютъ огонь, какъ видно по углубленіямъ на рисункѣ. Послѣ праздника вычгинъ у осѣдлыхъ забрасывается въ уголъ юрты, безъ всякаго уваженія, а у бродячихъ—виситъ въ углу юрты съ почетомъ. Если пропадаютъ и падаютъ

олени, корякъ-номадъ бьетъ идола палкой по губамъ—лѣвой рукой; если олени вернутся, то его кормятъ мозгомъ изъ лѣвой голени животнаго.

Коряки считаютъ начало года съ перваго лѣтняго мѣсяца[1]) и видимо интересуются звѣзднымъ міромъ, имѣя особыя названія для каждаго свѣтила; такъ млечный путь называютъ чичайва, т. е. древяная рѣчка; имѣютъ понятіе о падающихъ и неподвижныхъ звѣз-

Рис. 26. Коряцкій идолъ; съ одной стороны—дорожный ножъ, съ другой—аутъ-скребокъ.

дахъ, говоря, что послѣднія—харкапъ-анхай, т. е. прибиты гвоздемъ; созвѣздія — вакахаранъ, т. е. самка оленя съ телятами.

Если къ этому прибавить, что языкъ осѣдлыхъ корякъ значительно отличается отъ языка бродячихъ, то мы естественно должны придти къ заключенію, что это—двѣ различныхъ народности, хотя физически, т. е. по конфигураціи головы и лица, росту, цвѣту глазъ

[1]) Мѣсяцъ по коряцки называется ырлгынъ, и это слово прибавляется къ каждому названію; такъ напр. іюнь—ара̀-ырлгынъ, іюль—чейпе-ырлгынъ, августъ—амисхуй (начало холода); сентябрь-аттомпа́, октябрь—чючянъ-япиль, ноябрь—хамэтва, декабрь—лаутъ (т. е. голова), январь—ивй, февраль—тенлю, мартъ—лыгы-хояйонъ, апрѣль—ульвайонъ, май—ангоѐ.

и кожи и пр. ничѣмъ не отличаются, но что происхожденіе ихъ вѣроятно было различно. Умственныя и техническія способности осѣдлыхъ и бродячихъ корякъ представляютъ значительныя особенности: осѣдлые развитѣй, воспріимчивѣй, славятся, какъ кузнецы (Куэлъ) и рѣзчики по кости (олюторцы), болѣе нравственны и общительнѣе въ обращеніи; хлѣбосольствомъ не славятся, но попрошайствомъ—въ значительной степени. Лѣнь и апатія у осѣдлыхъ достигаютъ крайнихъ предѣловъ: онъ будетъ цѣлыми днями голодать, и, повѣсивъ жертвенную собаку, дожидать счастливаго случая, не дастъ ли кто юколы или оленины, но не тронется съ мѣста, чтобы пойдти на охоту за куропатками или на берегъ моря за рыбой и ракушками, которыми они впрочемъ брезгаютъ даже во время голодовки. Гостепріимство и помощь нуждающемуся составляютъ отличительную черту бродячаго коряка. Разъ вы къ нему относитесь съ довѣріемъ и справедливо, по его понятіямъ, онъ готовъ сдѣлать для васъ все.

Исторія Гижигинскихъ и Камчатскихъ голодовокъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, съ убѣдительной ясностью показываетъ трогательную черту коряцкой отзывчивости въ нуждѣ и при голодовкахъ.

Сравнивая коряковъ прежнихъ временъ съ настоящими, невольно приходишь къ тому заключенію, что характеръ ихъ значительно измѣнился; одно только крѣпко держится,—это ихъ языческая религія. Попытки обращенія коряковъ въ христіанство начались въ половинѣ XVIII в. проповѣдью Флавіана, котораго убили возмутившіеся коряки. Съ тѣхъ поръ проповѣдь не имѣла успѣха. Даже Иннокентій Веніаминовъ, просвѣтившій язычниковъ бывшихъ Р.-А. владѣній, съ горечью сознается, что грубая душа коряка остается закрытой для христіанскаго ученія. На основаніи разсказовъ теперяшняго миссіонера и своихъ собственныхъ наблюденій, мы думаемъ, что душа эта измѣнилась и, быть можетъ, оказалась бы доступной ученію Христа, еслибы наша миссія была поставлена въ лучшія условія: на тысячеверстномъ разстояніи безотрадной тайги разбросаны стойбища и поселки коряковъ, которые не слышатъ ученія Христа и никогда не видятъ богослуженія. Коряки-христіане въ настоящее время уже есть, но нѣтъ только миссіонеровъ и средствъ для проповѣди Евангелія.

Перейдемъ теперь къ обитателямъ Камчатки.

При началѣ завоеванія этого полуострова, сѣверная его часть до Тигиля, т. е. до 57° параллели, была занята коряками, частію

осѣдлыми по берегамъ, частію оленными. Послѣдніе вполнѣ сохранили до нашихъ дней свои племенные особенности и обычаи, тогда какъ первые подверглись культурному вліянію русскихъ и почти совершенно ассимилировались съ ними. Они оставили свою вѣру предковъ, измѣнили костюмъ, насколько это соотвѣтствуетъ климатическимъ условіямъ, и вмѣсто прежнихъ юртъ построили русскія избы. Южная граница юртяныхъ жилищъ коряцкаго типа спускается до 59° с. ш., а затѣмъ уже идутъ до самой Лопатки постройки русскаго характера съ немногими остатками прежнихъ юртъ единственно только въ сел. Лѣсновскомъ. Но и эти остатки, судя по описанію Крашенинникова, подверглись значительнымъ измѣненіямъ и усовершенствованію. Это маленькій четырехугольный срубъ, въ родѣ колодца, поставленный прямо на землю, съ четырехугольнымъ отверстіемъ въ плоской крышѣ для свѣта и выхода дыма; прежній очагъ-костеръ замѣненъ печью безъ трубы, какъ въ нашихъ курныхъ избахъ; входятъ черезъ двери.

Прежняя камчадальская юрта также была четырехугольная, на четырехъ столбахъ, а снаружи вслѣдствіе обкладки дерномъ и землей она казалась круглою, какъ у коряковъ, хотя и представляла существенную разницу въ устройствѣ и внутреннемъ размѣщеніи. Нужно думать, что существующія теперь въ сел. Лѣсновскомъ юрты составляютъ варіацію камчадальскаго, а не корякскаго типа. Характеръ постройки жилищъ дикими племенами имѣетъ большое этнологическое значеніе и служитъ указателемъ родства народностей или частаго ихъ соприкосновенія. Первобытное жилище человѣка состояло изъ земляной ямы, или землянки, варіаціи которой составляютъ отличительную черту народности. Мы знаемъ, что въ земляномъ жилищѣ обитали аборигены Кіу-сіу и Нипона, которыхъ встрѣтили переселившіеся съ материка японцы и потому назвавшіе ихъ «земляными пауками». Земляныя жилища мы находимъ у многихъ инородцевъ Амурскаго края: у камчадаловъ, коряковъ, чукчей, эскимосовъ, алеутовъ и пр., но устройство ихъ не одинаково. Земляная юрта камчадала отличается отъ гиляцкой тѣмъ, что у ней есть пристройка-корридоръ съ выходной дверью, чрезъ которую дозволялось зимой ходить дѣтямъ, женщинамъ и женоподобнымъ мужчинамъ (коскчучей), и которая служила для притока воздуха къ очагу. Эта юрта обносилась небольшимъ землянымъ валомъ, чтобы предохранить отъ прониканія дождевой воды. Юрта пѣшихъ коряковъ, какъ мы описали, существенно разнится внѣшнимъ видомъ, внутреннимъ распо-

женіемъ и назначеніемъ сѣней съ боковыми дверями, чрезъ которыя не только не дозволяется ходить дѣтямъ и женщинамъ, но коряки даже не уступали настойчиво-грознымъ требованіямъ окружныхъ начальниковъ.

Понятно, что происхожденіе такого устройства юрты связано у даннаго народа съ его историческимъ прошлымъ и религіей праотцевъ. Такъ напр. устройство камчадальской юрты доказываетъ старинное сходство съ китайской юртой по своимъ нарамъ, продолговатому внутреннему помѣщенію и существованію очага [1]), сдѣланнаго изъ камней — прежде, а теперь изъ самодѣльныхъ кирпичей. Уже это одно говоритъ за нѣкоторую близость камчадаловъ къ китайцамъ и монголамъ въ ихъ историческомъ прошломъ, а съ другой стороны показываетъ, что жители острожковъ на сѣверъ отъ Тигиля, такъ называемые паланцы, имѣютъ больше сходства съ южными камчадалами, а не съ коряками [2]), какъ это признавалось до сихъ поръ.

На этой пограничной полосѣ, понятно, камчадалы и осѣдлые коряки [3]) приходили въ постоянное соприкосновеніе, а, по Крашенинникову, послѣдніе будто-бы жили даже въ Тигилѣ; но, принимая во вниманіе вѣковую отчужденность и замкнутость ихъ племени, скорѣе нужно думать, что основной элементъ сѣверныхъ жителей состоялъ изъ камчадаловъ, обособившихся отъ своихъ южныхъ сородичей и подвергшихся небольшой метисаціи съ коряцкими женщинами; иначе трудно понять, почему эти тигильскіе коряки и такъ называемые паланцы (т. е. селеній: Лѣсновскаго, Кинкильскаго, Напаны, Кахтаны и Ваямполки) и укинцы (отъ м. Озерного до р. Тымлаты) строили юрты камчадальскаго типа; по языку они также представляли больше сходства съ камчадалами, да и по своему физическому типу были ближе къ послѣднимъ.

Камчадалы были воинственный, мстительный народъ, думавшій только объ удовольствіи и разныхъ наслажденіяхъ въ жизни, и потому почти ничего нѣтъ удивительнаго, что послѣ удачныхъ сты-

---

[1]) См. подробное описаніе у Крашенинникова, т. 1, стр. 37—38.

[2]) Названіе юрты у Южн.-Камч. — тгомкегсчичь, Сѣв. Камч. — кузучь или тумуычичь; олен. коряки:—Яянга; сидяч. коряковъ — кистъ; карагинскихъ коряковъ—шиштіу.

[3]) По Крашенинникову въ Тигилѣ жили коряки, тогда какъ Дитмару жители разсказывали, что до прихода русскихъ въ Тигилѣ и по сосѣднимъ рѣкамъ жили камчадалы, которыхъ выгнали русскіе; l. c. стр. 559.

чекъ съ коряками они брали женщинъ въ плѣнъ и дѣлали ихъ своими женами. Что вообще въ прежнія времена по западному берегу Камчатки происходили болѣе частыя передвиженія инородцевъ съ юга на сѣверъ и болѣе частая помѣсь, это было замѣчено еще Стеллеромъ, который удивлялся различію и наслоенію нарѣчій тамошнихъ жителей: съ юга шла примѣсь Курильскаго нарѣчія къ языку большерѣцкихъ камчадаловъ; отъ сел. Воровского до р. Тигиля нарѣчіе этихъ камчадаловъ смѣшивалось съ сѣвернымъ; враждебность и вслѣдствіе этого родовая изолированность развивала мѣстныя уклоненія въ языкѣ, такъ что почти въ каждомъ острожкѣ вырабатывался свой языкъ. Далѣе къ сѣверу камчадалы приходили въ соприкосновеніе съ коряками, и такъ какъ торговля служитъ главнымъ рычагомъ въ распространеніи языка, то понятно, что сѣверные камчадалы, нуждавшіеся въ пріобрѣтеніи отъ коряковъ оленьихъ шкуръ для своей одежды, хорошо усвоили ихъ языкъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, видоизмѣнили и свой. Совершенно такому же измѣненію подвергся и языкъ коряковъ, которые чѣмъ ближе живутъ къ камчадаламъ, тѣмъ больше сходствуютъ по языку, и чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ чище говорятъ по-коряцки.

Поэтому мы можемъ признать, что отъ Тигиля до Лѣсновскаго прежде жили камчадалы, сильно измѣненные примѣсью коряцкаго элемента, тогда какъ на пограничной полосѣ восточнаго берега (селенія Карага, Дранка и Укинское) наблюдается обратное явленіе: здѣсь основные жители—осѣдлые коряки съ теченіемъ времени сильно окамчадалились, хотя и сохранили свой злобный характеръ и хитрость.

Оставляя этотъ спорный вопросъ до выясненія антропологическими изслѣдованіями, отмѣтимъ тотъ важный историческій фактъ, что осѣдлые коряки, живущіе въ Камчаткѣ, давно уже стали христіанами, усвоили русскія постройки, занялись скотоводствомъ (олени, лошади, коровы) и такимъ образомъ доказали, что способны къ мирной жизни и культурѣ, и если пенжинскіе ихъ собратья остались на той ступени своего развитія, на какой были при учрежденіи Гижигинска, то это объясняется ихъ рѣдкими и кратковременными сношеніями съ русскими. Еслибы въ сел. Каменскомъ и на Олюторскомъ побережьѣ поселить нѣсколько русскихъ и водворить тамъ миссіонеровъ, то въ скоромъ времени отъ прежнихъ язычниковъ осталось бы одно воспоминаніе.

Основное населеніе Камчатки составляли, какъ мы уже говорили

рили, камчадалы, или какъ они сами себя называли,—ительмены (т. е. житель. Въ прежнее время камчадалы занимали площадь отъ параллели Петропавловскъ-Большерѣцкъ на сѣверъ по долинѣ рѣки до сел. Еловки и Уки. Здѣсь какъ по долинѣ, такъ и у восточнаго морского берега было гораздо больше острожковъ, чѣмъ въ настоящее время. Дитмаръ находилъ между Шипунскимъ мысомъ и Камчатскимъ заливомъ еще множество слѣдовъ прежнихъ юртъ. Въ щекахъ и на устьѣ р. Камчатки, а также на островѣ среди Харчинскаго озера мы встрѣтили также остатки юртовищъ съ кухонными отбросами и орудіями каменнаго и костяного періода.

Различаютъ три отдѣльныхъ группы камчадаловъ: первая занимала долину рѣки Камчатки; вторая обитала по западному берегу отъ Большерѣцка до Облуковины; это такъ называемые большерѣцкіе камчадалы, а къ сѣверу до Аманино — пенжинскіе; дальше слѣдовали уже коряки-паланцы, а восточному берегу къ С. отъ мыса Озерной—укинцы и олюторцы. Въ южной части полуострова жили курильцы (куриллы, или айны). Дѣленіе это основано главнымъ образомъ на нарѣчіи, изученіемъ которыхъ мы обязаны Крашенинникову, Стеллеру, а главнымъ образомъ Дыбовскому [1]), а также на нѣкоторыхъ особенностяхъ характера.

Такъ рѣчные считались коренными аборигенами, были не такъ суровы и нравами лучше. Дальше шла помѣсь нарѣчій и племенъ камчадальскаго, коряцкаго и курильскаго. Коряки, какъ мы видѣли, напирали съ сѣвера, а съ юга камчадаламъ приходилось отстаивать землю и свободу отъ натиска курильскаго народа.

Слово Камчатка повидимому произошло отъ коряцкаго названія ительменовъ — хончало, или коочь-ай, кончатъ, что значитъ — житель р. Еловки, съ которыми корякамъ часто приходилось воевать. Въ исторіи Камчатки и вѣроятно раньше еловцы, какъ отчаянные и храбрые воины, играли очень важную роль и наводили страхъ на окрестныхъ жителей. Весьма естественно допустить, что коряки сѣверныхъ жителей назвали именемъ «кончатъ», которое потомъ русскими передѣлано въ «Камчатку» [2]).

Всѣ первые обитатели Камчатки жили въ земляныхъ юртахъ,

[1]) Ign. Radlinski. Słowniki narzeczy ludów Kamczackich. Kraków. 1891, 5 частей.

[2]) Названіе Паланцы происходитъ отъ слова палаланъ — водопадъ, олюторцы—отъ коряцкаго слова, означающаго холопъ.

занимаясь охотой и рыболовствомъ и представляли полуосѣдлое племя: съ уменьшеніемъ того или другого промысла они покидали свои юрты и даже острожки и перебирались на новыя мѣста, изъ-за которыхъ вели междоусобныя войны. Еще теперь сохранились преданія, которыя передавали намъ старики Харчинскаго и Еловскаго селеній объ этихъ походахъ отрядами родовичей подъ начальствомъ тайона съ верховьевъ Камчатки на Еловку, а еловцевъ—на низовыхъ камчадаловъ.

Жизнь камчатскихъ аборигеновъ рисуется въ описаніяхъ Крашенинникова, Стеллера, Головнина и др. самыми непривлекательными красками. Жили они такъ грязно, что ихъ юрты Крашенинниковъ называетъ гнусными; безпечность, неряшливость и половая распущенность составляли ихъ отличительныя черты. Они довольствовались только настоящимъ, не заботясь о будущемъ: ни богатство, ни слава, ни честолюбіе никогда не волновали душу камчадала; рукъ и лица они никогда не мыли, о чистоплотности не имѣли никакого понятія; на жизнь смотрѣли съ точки зрѣнія постояннаго наслажденія.

Грубые по натурѣ, камчадалы не понимали никакой учтивости и даже между собой никогда не обмѣнивались привѣтствіемъ при встрѣчѣ; умственный уровень ихъ развитія былъ крайне низокъ и, по словамъ первыхъ бытописателей Камчатки, немногимъ отличался отъ безсловесныхъ животныхъ.

Камчадалъ предпочиталъ лучше умереть, чѣмъ жить не такъ, какъ ему нравится. Если что ему понравилось у заѣзжаго гостя, хозяинъ не считалъ безнравственнымъ обобрать его до нага и потомъ отпустить; поэтому не удивительно, что между камчадалами существовало воровство, за которое впрочемъ полагалось наказаніе или удаленіе изъ общества [1]).

Смѣлый въ опасности, легкомысленный въ злополучіи, веселый въ кручинѣ, всегда безпечный, камчадалъ услаждалъ себя сказками и пѣснями любовнаго характера; то бѣшено шумливый, то апатичный, онъ не дорожилъ жизнью, если она не развлекала его и не доставляла ему удовольствія. Неряшливая и грязная съ головы до до пятокъ, камчадалка ѣла изъ одной немытой посуды съ собаками и въ тоже время красила лицо и губы. Ей нужны были украшенія, вышитая корячкой кухлянка, — поэтому камчадалъ со всѣми своими родовичами отправлялся въ походъ, на войну, для грабежа.

---

[1]) Подробности см. у Крашенинникова, т. I, стр. 33—34.

Религіозныя воззрѣнія камчадаловъ носили характеръ фетимизма первобытныхъ народовъ; они признавали высшее существо, бога Кутху, котораго хотя и почитали, но въ несчастныхъ случаяхъ поносили и злословили, подобно тому, какъ коряки по словамъ Куэлскаго старосты [1]), бьютъ своего идола ремнями, если онъ ихъ обманываетъ.

Считая Кутху создателемъ вселенной (рис. 27), они населили горы, рѣки и море особыми духами, которыхъ на случай промысла, охоты или похода нужно было задабривать. Эти духи, по ихъ воззрѣніямъ, были враждебны человѣку; такова была Камакъ [2])—злая женщина-русалка, живущая въ водахъ; таковъ былъ злой демонъ Сосочелнъ, жившій среди міра, который всячески имъ вредилъ и мѣшалъ во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, такъ что его чаще всего нужно было умилостивлять чрезъ шамановъ (рис. 28).

Были еще духи—карлики «пихлячь», которые жили въ лѣсахъ и на невысокихъ хребтахъ; зимой и лѣтомъ они ѣздили въ маленькихъ нарточкахъ, запряженныхъ бѣлыми куропатками, для сбора мѣховъ. Когда камчадалъ на охотѣ попадалъ на слѣдъ этого карлика, онъ долженъ былъ ударить ивовой палкой по слѣду, и тогда пихлячь будетъ просить пощады, потому что его санки въ это время опрокинутся. За оказанную помощь камчадалъ можетъ просить у него всего, а главнымъ образомъ черныхъ лисицъ и соболей; но горе тому человѣку, который пойдетъ за нимъ: ему предстоитъ неминуемая гибель.

У теперь живущихъ камчадаловъ сохранилось то же преданіе, только съ другими названіями; такъ, жена Кутху называется Какэ э, сынъ—Трель-Кутанъ, а дочь—Ши-Шахельсъ. Точно также дальнѣйшая судьба этихъ боговъ передается иначе: когда Камчатка заселялась ихъ потомками, боги перебрались на вершину высокихъ сопокъ, огонь которыхъ употребляли для варки пищи; камчатскій міръ они совсѣмъ оставили, и живутъ теперь тамъ въ полномъ уединеніи и безсиліи, за что камчадалы перестали ихъ уважать.

У Кутху, по преданію, была жена Илькхумъ, которая, гуляя по морю, родила сына Сымскалина; изъ него Кутху и сотворилъ землю. По другой варіаціи этого преданія, Кутху съ своей сестрой Хутлыжичь съ неба принесъ землю и утвердилъ ее на морѣ, которое

---

[1]) Выписка изъ дневника Гижигинскаго миссіонера о. Логинова за 1895 г.
[2]) Ditmar, S. 409.

раньше было создано другимъ богомъ Утлейгыномъ. Когда Кутху съ женой поселился на Камчаткѣ, то у него пошли дѣти, отъ которыхъ размножилось все населеніе Камчатки. Въ этомъ религіозномъ преданіи интересны два обстоятельства: 1) что Кутху удалился на лыжахъ, какъ у коряковъ,—но куда, неизвѣстно, только отъ его прохода образовались горы и долины; а 2) что эта божеская чета и его

Рис. 27. Изображеніе добраго божества древнихъ камчадаловъ, по Стеллеру.

семья носили платье, сшитое изъ листьевъ, и питались березовою и тальниковою корой (теперешняя хэнгри тунгусовъ), потому что они не умѣли ловить рыбы.

Первое обстоятельство, какъ мы теперь знаемъ, сближаетъ камчатскаго Кутху съ богомъ пѣшихъ корякъ, а второе указываетъ на происхожденіе камчадаловъ съ материка, гдѣ въ своемъ первобытномъ состояніи они не были охотниками или скотоводами, а питались растительнымъ матеріаломъ. Дѣйствительно, гдѣ вы найдете племя, спрашиваетъ Словцовъ [1]), съ такимъ удивительнымъ знаніемъ

[1]) L. c., ч. I, гл. VI, стр. 138.

ботанизирующее? Камчадалъ и камчадалка, самоучки, какъ бы дѣти перваго человѣка, нарекшаго имена всѣмъ твореніямъ по внутреннимъ качествамъ, знаютъ вредоносныя, питательныя, цѣлебныя, лакомыя силы всѣхъ прозябаній и травъ, на ихъ полуостровѣ растущихъ.

Дѣйствительно, знакомство камчадала съ растеніями и образомъ жизни животныхъ удивляло каждаго путешественника и изслѣдователя; тунгусъ, какъ истый охотникъ, тоже хорошо знаетъ нравы и привычки промысловыхъ животныхъ, но камчадалъ превосходитъ его своимъ знаніемъ мѣстныхъ растеній. Видимо, что Камчатка уже давно служила родиной ительменовъ. Они вѣковымъ опытомъ дошли до того, что изъ клубней трехъ сортовъ сараны можно приготовить муку и лепешки; они подмѣтили, что полевыя мыши собираютъ коренья — макаршу и въ своихъ подземныхъ кладовкахъ заготовляютъ ихъ на зиму. Вмѣсто копанья этихъ кореньевъ въ полѣ, камчадалъ нашелъ болѣе выгоднымъ для себя ограбленіе этихъ мышиныхъ кладовокъ, а самую макаршу сталъ употреблять въ смѣси съ жиромъ, какъ пріятно-горьковатую приправу. Онъ открылъ кемчигу (Claytonia), клубни которой въ жареномъ видѣ напоминаютъ по вкусу молодой картофель. Вообще нужно замѣтить, что растительные продукты въ столѣ камчадала занимали прежде, да и теперь занимаютъ видное мѣсто. Онъ употребляетъ кромѣ того кипрей, толокнянку (Arbutus uva ursi), сладкую траву (Heracleum dulce), баранникъ или козью траву (Senecio cannabifolius изъ сем. Крестовниковыхъ), шаламайникъ (Spirea kamtschatica) и множество разнообразныхъ ягодъ, которыми изобилуетъ Камчатка.

Кромѣ этихъ пищевыхъ растеній, камчадалъ знаетъ много лекарственныхъ, которыя и употребляетъ въ своемъ домашнемъ быту; такъ медвѣжій корень (Angelophyllum) онъ прикладываетъ къ порѣзамъ, черемшу употребляютъ отъ цынги, цвѣтъ ромашки—отъ ломоты; пьяная трава (Rhododendron chrysanthum) — прекрасное лекарство противъ внутреннихъ кровоизліяній. Всѣхъ упомянутыхъ растительныхъ матеріаловъ камчадалы дѣлаютъ большіе запасы и очень любятъ ихъ, что составляетъ рѣзкую противоположность съ тунгусами-охотниками. Отсюда нужно заключить, что въ древнія времена растительная пища составляла главную основу продовольствія, да и камчатскіе боги, по преданію, исключительно питались ею. Понятно, что такія привычки могли выработаться у камчадаловъ, когда они занимали болѣе южное положеніе и жили въ странѣ, климатическія и

Камчатка. Сел. Нижне-Камчатскъ.

Камчатка. Лѣтній поселокъ на устьѣ р. Тигиль.

ботаническія условія которой были гораздо благопріятнѣй, чѣмъ нынѣшняя Камчатка. Окуда же пришли камчадалы?

Прямое рѣшеніе этого вопроса совершенно невозможно; камчадалы, не имѣя литературы и письменныхъ знаковъ, не сохранили никакихъ указаній о своемъ происхожденіи. Въ былинахъ якутовъ и даже тунгусовъ есть намеки на ихъ прежнюю родину и южное происхожденіе; камчадалъ, занятый только удовольствіями настоящей минуты, всегда былъ индиферентенъ къ старинѣ; даже кровавыя распри съ русскими и коряками сравнительно недавняго времени изгладились въ его воспоминаніяхъ. Антропологическихъ данныхъ мы также не имѣемъ, чтобы судить о родствѣ комчадаловъ съ другими азіатскими народностями; поэтому приходится довольствоваться предположеніями на основаніи этнологическаго матеріала. Принимая во вниманія ихъ внѣшній видъ, склонности, обычаи, покрой платья, привычку женщины румяниться, религіозныя воззрѣнія, словомъ сумму бытовыхъ, нравственныхъ и умственныхъ особенностей, нужно допустить, что комчадалы переселились на полуостровъ изъ Монголіи въ весьма отдаленную эпоху. Такъ думали Крашенинниковъ [1]) и Стеллеръ; Словцовъ замѣчаетъ, что у камчадаловъ по окончаніи осени былъ праздникъ очищенія грѣховъ, обряды котораго напоминаютъ индійскія вѣрованія. Послѣдній историкъ на своемъ образно фигуральномъ языкѣ говоритъ слѣдующее [2]): чуждое для вселенной и безвѣстное для исторіи, племя ительменовъ можетъ быть большинствомъ своимъ погрязло въ глубинѣ океана вмѣстѣ

Рис. 28. Изображеніе злого демона прежнихъ камчадаловъ, по Стеллеру. Оба изображенія имѣютъ замѣчательное сходство съ современными китайскими религіозными картинами.

[1]) L. c. ч. I, стр. 139.
[2]) L. c. т. I, стр. 16—21.

съ землею вулканическою и можетъ быть сюда зашло изъ отчества Ніочжей во время оно, когда гряда Курильскихъ островов тянулась поверхъ воды, въ видѣ сплошной насыпи, до материка Татарскаго.

По языку [1]) камчадалы, подобно корякамъ, чукчамъ и гилякамъ, занимаютъ изолированное положеніе въ азіатской семьѣ народовъ, но по внѣшности имѣютъ монгольскій типъ; земляная юрта, по своему устройству и внутреннему расположенію носила китайскій типъ. Поэтому можно заключить, что камчадалы представляютъ болѣе древнихъ выходцевъ изъ средней Азіи, чѣмъ тунгусы; Зибольдъ [2]) думаетъ, что они прошли чрезъ страну, занятую айнами, которые, по его предположенію, тогда жили въ низовьяхъ Амура.

Теперь мы уже не имѣемъ достаточно основаній, чтобы отличать не только жителей долины р. Камчатки отъ большерѣцкихъ камчадаловъ, но даже и отъ пенжинцевъ и паланцевъ: языкъ и старую вѣру они утратили; въ атропологическомъ отношеніи и раньше представляли мало различія, какъ по строенію черепа, такъ и въ отношеніи роста и цвѣта кожи; по нравамъ и обычаямъ совершенно обрусѣли. Этотъ переворотъ совершился на нашихъ глазахъ: изъ прежняго костюма [3]) уцѣлѣли только кухлянка да тарбасы, какъ наиболѣе удобныя по здѣшнему климату (фототипія, табл. XIX).

Не коснулась жизни камчадала и промышленно-техническая культура, о развитіи которой мало заботились въ прежніе годы.

Легкій и безпечный взглядъ на жизнь остался по прежнему; изрѣдка еще приходилось слышать старыя пѣсни «камкачъ» и «ходило» съ любострастными тѣлодвиженіями; танцы замѣнены европейскими, съ мѣстными дополненіями въ духѣ камчадаловъ. Напротивъ, прежняя нечистоплотность смѣнилась замѣчательной чистотой въ домѣ. Въ умственномъ отношеніи не замѣтно прогресса: камчадалъ и теперь поражаетъ васъ своей тупой апатіей, не увлекаясь ни охотой, ни рыбнымъ промысломъ; въ скотоводствѣ и огородничествѣ онъ видитъ не статью хозяйства, которая улучшаетъ его матеріальное положеніе, а скорѣй непріятное занятіе, къ которому его понуждаетъ начальство.

---

[1]) Напр. огонь—бромучъ (Ганалы), хымлихъ Облук.), паничъ (Явино) рукавица—ср'улелитъ, лиль и киллюпиль.

[2]) Цитировано по Шренку, т. I, стр. 265.

[3]) См. рисунки: Krascheninnikoff. Voyage en Siberil, v. II. Paris.

Какъ прежде, такъ и теперь онъ не умѣетъ ковать и сваривать желѣзо; русская крестьянка также не смогла пропагандировать прялки, и сученіе нитокъ и неводнаго прядева до сихъ поръ производится руками, какъ у коряковъ. Единственно, что привилось среди камчадаловъ, это—погоня за франтовствомъ, неудержимое пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, чаю и табаку.

Южная часть Камчатки, при завоеваніи, заселена была курильцами, вліяніе которыхъ, по Крашенинникову, простиралось, судя по языку, почти до сел. Укинскаго на восточномъ берегу, и которые занимали гряду острововъ того же имени. Эти курильцы (или курилы) ничто иное, какъ островное племя айновъ (или айносовъ), или, по древнему японскому названію, земляныхъ пауковъ, когда-то занимавшихъ Кіу-Сіу, Нипонъ и Матсмай и впослѣдствіи оттѣсненныхъ къ сѣверу—на Сахалинъ и Курильскіе острова. Будучи хорошими мореходами, они чрезъ Курильскую гряду достигли южной Камчатки, до прибытія туда русскихъ, гдѣ пришли въ соприкосновеніе съ камчадалами. Но курильцы никогда не были постоянными обитателями Камчатки; жители перваго Курильсккго острова и Лопатки только назывались курильцами, но въ сущности были больше камчадалы, подвергшіеся метисаціи съ курильцами южныхъ острововъ, какъ показали еще Стеллеръ и Крашенинниковъ [1]).

Эти постоянныя соприкосновенія съ одной стороны съ японцами, а съ другой—камчадалами и гиляками способствовали тому, что курильцы уже во время перваго знакомства съ ними русскихъ представляли много заимствованнаго въ языкѣ, одеждѣ, привычкахъ и занятіяхъ. Главное отличіе этой народности состояло въ богатой растительности на лицѣ и тѣлѣ, что послужило къ названію ихъ мохнатыми людьми.

Этой народности очень посчастливилось въ литературѣ,—и мы имѣемъ много описаній и изслѣдованій айновъ [2]); но для современной

[1]) Русское названіе—курилы обыкновенно производятъ отъ курящихся сопокъ острововъ; по изслѣдованію Шренка (стр. 132) оно произошло отъ слова куръ, или куру, что на айнскомъ языкѣ означаетъ «человѣкъ»; у Клапрота это слово переведено: племя, родъ.

[2]) См. литературу о курилахъ или айнахъ: Siebold. Aardez en volkenkund. toelicht. tot de ontdekk van Maert. Gerr Vries. benev. eene verhand. over de Aino-taal en de voortbrengs. der Aino-landen. Amsterdam, 1858. — Siebold. Nippon.—Kannemon. Jeso-ki ou Decription de l'ile Jesso, drad. du japon. par Titsingh въ Annales des voyages publiées par Malte-Brun, v. XXIV. Paris, 1814.— Bickmore. The Ainos or hairy men of Jesso, Saghalien and the Kurile islands въ

Камчатки они потеряли всякое значеніе, такъ какъ теперь на полуостровѣ не осталось никакого слѣда. Въ южной Камчаткѣ между Большерѣцкомъ и Лопаткой находится всего два селенія, жители которыхъ ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ обрусѣлыхъ камчадаловъ и если была прежде какая-нибудь помѣсь съ курильцами, то наслѣдственность не сохранила намъ ихъ племенного отличія.

Сравнивая остатки явинскаго нарѣчія съ курильскими словами, приведенными у Крашенинникова, Лаперуза), Броутона[2]), Клапрота и др. мы не нашли ничего общаго; поэтому мы въ правѣ думать, что курильцы давно исчезли съ лица камчатской земли и представляютъ одинъ только историческій интересъ.

Изъ другихъ элементовъ населенія нужно упомянуть откочевавшихъ къ сѣверу юкагировъ, которые когда-то жили близъ Гижиги; гиляки также вытѣснены тунгусами съ устья Тугура, р. Ульбана и полуострова Сеньяка, гдѣ ихъ встрѣчалъ еще Миддендорфъ.

Въ замѣнъ этихъ выбывшихъ инородцевъ появились въ Гижигинскомъ округѣ отдѣльныя семьи чукчей, прикочевывавшихъ сюда изъ Анадырскаго округа; враждебные прежде корякамъ, они теперь живутъ съ ними въ согласіи и даже роднятся по семейнымъ отношеніямъ.

Наибольшое значеніе имѣетъ другое пришлое племя—якуты, которые, послѣ покоренія русскими окраины, частію появились добровольно, частью были водворены по разнымъ трактамъ для отбыванія подводной повинности.

Эти кочевники-торговцы, какъ мы уже говорили, вторглись въ родовую тунгузскую землю въ Якутской области и оттуда уже перебрались на Охотское побережье.

Якуты сохранили свои племенныя особенности, тогда какъ другіе, болѣе бѣдные, разселились по разнымъ селеніямъ Охотскаго округа, гдѣ совершенно смѣшались съ русскими и осѣдлыми тунгусами.

Americ. journal of science, 1868, May. — Klaproth. Asia poliglotta. — Полонскій. Курилы, въ Зап. Геогр. Общ. по отдѣл. этнографіи, т. IV, 1871.—Добровольскій. Айнорусскій словарь, 1876.—Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго края.—Анучинъ. Изв. об. любит. естеств. т. XX, кн. 2. 1876.—О нихъ говорятъ: Крашенинниковъ, Стеллеръ, Головнинъ, Лаперузъ, Крузенштернъ и др.

[1]) Voyage autour du monde, III. Paris, 1797.

[2]) A Voyage of discovery to the North Pacific Ocean, London, 1804, p. 390.

Якуты въ настоящее время хорошо изучены какъ съ антропологической и лингвистической сторонъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи, и представляютъ устойчивую народность, съ болѣе высокой жизнеспособностью. Что это такъ, мы видимъ изъ сравненія цифровыхъ данныхъ, приводимыхъ Майновымъ [1]), который говоритъ, что уже въ тридцатыхъ годахъ XVIII ст. якуты Олекминскаго округа успѣли обогнать въ своей численности коренныхъ жителей края— тунгусовъ раза въ два, если не въ три, а со временъ историка Миллера до 2-й ясачной комиссіи численность ихъ возросла въ семь разъ, тогда какъ тунгусовъ—только вдвое. Это увеличеніе якутскаго населенія тѣмъ интереснѣе, что численныя отношенія половъ и составъ средней семьи, по изслѣдованію того же автора, почти одинаковы съ тунгузскими семействами, и можетъ быть объяснено только разнымъ соціальнымъ положеніемъ кочевника и осѣдлаго скотовода; иначе сказать, здѣсь проявилась побѣда коровы надъ оленемъ, торжество скотоводческой культуры надъ культурой охотничьяго племени.

Въ физическомъ отношеніи якутъ [2]) составляетъ обособленный типъ народности: ростъ его средній, занимающій какъ-бы средину между русскимъ и тунгусомъ (147,3 — 165,1 сант.); наиболѣе взрослые попадаются въ богатыхъ семьяхъ, между старшинами и въ нѣкоторыхъ родахъ (до 198,15 сант.); такъ напр., по Мааку [3])— 147,32—165,10 сант., по Геккеру [4])—161,39. Въ массѣ же якуты ниже средняго роста [5]), съ большой наклонностью къ совсѣмъ низкому росту. Огромная разница между наибольшимъ и наименьшимъ ростомъ якутовъ составляетъ отличительную черту, которой мы не находимъ ни у одного изъ тюркскихъ и монгольскихъ племенъ.

Есть еще одна важная особенность, выдѣляющая якутовъ, — это благопріятное процентное отношеніе объема груди къ данному росту. По изслѣдованію Геккера, оно составляетъ у якутовъ 56,39%, что является крупной цифрой въ сравненіи съ подобными данными относительно другихъ народностей.

---

[1]) П. Майновъ. Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края. Иркутскъ, 1898, стр. 18.

[2]) Геккеръ. Къ характеристикѣ физическаго типа якутовъ. Иркутскъ, 1896, стр. 25.

[3]) Вилюйскій округъ, ч. III, стр. 82—4.

[4]) По Топинару средній ростъ равняется 165 сант. Антропологія, перев. И. Мечникова, 1879, стр. 310.

[5]) L. c. Ч. III, стр. 83.

Физіономія якута также представляетъ большія варіаціи: одинъ высокоголовый, длиннолицый и длинноносый (фототипія, табл. XX); другой — съ большой шарообразной головой, съ короткимъ, плоскимъ лицомъ, выдающимися немного скулами и короткимъ низкимъ носомъ. Глаза съ косымъ разрѣзомъ; цвѣтъ кожи смуглый, волосы черные и прямые, растительность на бородѣ почти отсутствуетъ.

Уже со временъ изслѣдованій Кастрена, якуты по языку причисляются къ Урало-Алтайской семьѣ, именно къ тюркскому племени, которое по своимъ физическимъ чертамъ отождествляется съ монгольскимъ или же выдѣляется въ особый типъ. Позднѣйшія изслѣдованія сводятся, однако, къ близкому антропологическому родству между тюрками и монголами.

Содержаніе рогатаго скота и лошадей составляло прямое и любимое занятіе якута, а охотой онъ пробавлялся только при случаѣ и въ свободное время, подобно оленному коряку. Разведеніе рогатаго скота прибавилось впослѣдствіи [1]), тогда какъ древнее, племенное занятіе якутовъ было коневодство. Они страстно любятъ лошадей, говоритъ Сѣрошевскій; лишенные лошадей, они тоскуютъ по нимъ, что замѣтно въ пѣсняхъ и преданіяхъ дальнихъ сѣверянъ. Однако, въ настоящее время рогатый скотъ беретъ перевѣсъ надъ коневодствомъ и составляетъ главное богатство и основу ихъ жизни; тогда какъ конь исключительно употребляется для верховой ѣзды, а кумысъ и кобылье молоко сдѣлались привилигированной пищей богачей.

Физическій типъ якута представляется въ слѣдующемъ видѣ, судя по описанію другихъ путешественниковъ и нашимъ собственнымъ наблюденіямъ.

Съ небольшой, почти шаровидной головой, съ горбатымъ, средней величины, носомъ, что считается идеаломъ красоты какъ между мужчинами, такъ и женщинами; приземистый, коренастый, но на тонкихъ ногахъ [2]), якутъ имѣетъ черные, довольно большіе, продолговатые глаза на удлиненномъ лицѣ; тогда какъ якутки отличаются болѣе круглымъ оваломъ; цвѣтъ кожи у всѣхъ однородно смуглый, изъ желта сѣрый, но есть лица совершенно желтыя, какъ латунь. При взглядѣ на якута, въ особенности же на женщинъ, васъ поражаетъ непропорціональность средней части лица со лбомъ

[1]) Это замѣтно въ языкѣ якутовъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ особыхъ названій для этихъ животныхъ; такъ напр. волъ называется адъ-огусъ, т. е. конь-быкъ, быкъ для приплода—атиръ-огусъ, т. е. жеребецъ-быкъ и пр.

[2]) Замѣчательно слабое развитіе икряныхъ мышцъ.

и подбородкомъ: первый замѣчательно низокъ, и второй какъ-бы урѣзанъ. Медленный, тяжеловѣсный, якутъ соблюдаетъ солидность во всѣхъ своихъ движеніяхъ и обстоятельность въ рѣчи, какъ будто мышцы и нервы его привыкли медленно работать. Это не тотъ экспансивный, съ вѣчнымъ трепетомъ въ мышцахъ, характеръ, какимъ отличается его сосѣдъ-тунгусъ; даже въ порывѣ ярости и злобы якутъ какъ будто скрываетъ то-что въ душѣ и таитъ проявленія волнующихъ его чувствъ, а при испугѣ и сильномъ страданіи лицо его принимаетъ тупое и глупое выраженіе. Соображенія его медленны, но разъ онъ освоился съ дѣломъ, онъ быстро достигаетъ совершенства.

Органы чувствъ развиты хорошо, въ особенности слухъ; но въ цвѣтовыхъ ощущеніяхъ повидимому есть какой-то недостатокъ: они всегда путаютъ голубые, синіе, фіолетовые и зеленые цвѣта, для которыхъ въ ихъ языкѣ есть одно общее названіе (кюохъ), чего нѣтъ у тунгусовъ, какъ это думалъ Шренкъ, утверждая, что всѣ дополнительные цвѣта они смѣшиваютъ съ чернымъ, что совершенно невѣрно: у нихъ для этихъ оттѣнковъ есть особыя названія.

Выносливость якута равняется тунгузской; но зато онъ превосходитъ своего сосѣда умѣньемъ спать цѣлыми сутками, неумѣренностью въ питьѣ и обжорствомъ, какъ разсказывалъ якутъ про своихъ собратій, которые могли выпивать по 20-30 фунтовъ растопленнаго масла.

Не смотря на всю тяжеловѣсную фигуру, якутъ отличается впечатлительностью, любитъ шумное общество, веселыя игры и танцы и славится, какъ отчаянный карточный игрокъ. Если якутъ на 20-30 минутъ остановилъ лошадь для отдыха,—онъ уже достаетъ карты и готовъ проиграть все до послѣдней кухлянки, не смотря на жестокій морозъ или сильную мятель.

Строй семьи у прежнихъ якутовъ сводился къ многоженству и помѣсямъ; посягательство на женъ въ предѣлахъ рода несомнѣнно существовало въ прежнія времена. Жена составляла домашнюю работницу и не имѣла ни правъ, ни собственности. Въ якутскомъ языкѣ есть много поговорокъ, въ которыхъ высказывается пренебреженіе къ женщинѣ и унизительное къ ней отношеніе. Въ сказкахъ надъ ней насмѣхаются; въ былинахъ и преданіяхъ герои презрительно обзываютъ другъ друга бабами. Якуты въ старину брезгали женщиной, считая ее поганой. Все это заставляло якутскую женщину привыкать къ сознанію своей ничтожности и полному безправію. Это однако не исключаетъ нѣкоторой вольности якутскихъ женщинъ. Если у якутовъ

съ одной стороны много средствъ въ нравахъ и даже платьѣ для охраненія цѣломудрія; то съ другой всѣмъ имъ хорошо извѣстна любимая поговорка «Бываетъ ли древо, на которомъ не сидѣла бы птичка?» Въ отношеніяхъ мужчины и женщины якутской среды весьма характернымъ обстоятельствомъ является то, что въ якутскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ слова мужъ, такъ какъ эрэ значитъ только мужчина; а въ нѣкоторыхъ якутскихъ наслегахъ вы вызовете общій смѣхъ, употребивъ слово жена. Якутъ знаетъ только женщину, старуху хозяйку и эрэмсахъ, т. е. любительницу мужчинъ; имъ такъ же неизвѣстно слово вдова, такъ какъ дѣйствительная вдова, послѣ смерти своего мужа, со всѣмъ своимъ имуществомъ и дѣтьми, переходитъ къ его братьямъ, дядьямъ и племянникамъ, и въ прошломъ, вѣроятно, кромѣ, роли безсловесной рабыни исполняла роль наложницы [1]).

Есть еще одна характерная черта якутской натуры—это страсть къ торговлѣ и умѣнье вести коммерческіе обороты. Вотъ этотъ то спекулятивный духъ и заставлялъ якута мириться съ русскими завоевателями, и, слѣдуя за ними, подъ прикрытіемъ казацкаго ружья, обдѣлываютъ свои дѣлишки. Точно такъ же, какъ и теперь, онъ гонитъ якута изъ Якутска въ Удской и Охотскъ въ стойбище тунгусовъ и другихъ инородцевъ ради торговыхъ цѣлей.

Вотъ въ общихъ чертахъ типъ и характеръ якута. Конечно, встрѣчаются уклоненія, выработанныя или наслѣдственныя путемъ чрезъ браки съ другими народами, или же жизненными условіями, которыя заставили якута забыть свой родной языкъ и перестать мечтать о стадахъ коровъ и табунахъ лошадей. Таковы въ большинствѣ случаевъ обрусѣвшіе якуты Охотскаго округа, гдѣ ихъ теперь крайне немного: по оффиціальнымъ цифрмъ, насчитывается всего около 150 душъ обоего пола (прилож. 6-е, таб. I).

Юрты якутскихъ поселковъ невысоки, съ плоскими крышами, и обмазаны смѣсью навоза, глины, песку и травы (см. фототипію табл. XXVI). Стѣны юрты образуются или частоколомъ, косо поставленнымъ, или же срубленны на подобіе русскихъ избъ. Каждая юрта имѣетъ прямое сообщеніе съ коровьимъ хлѣвомъ; вдоль стѣнъ ея устроены нары; каминъ всегда стоитъ по срединѣ юрты и имѣетъ своеобразное устройство, какъ нельзя болѣе приспособленной для холоднаго климата. О чистотѣ воздуха въ помѣщеніи не

---

[1]) См. подробности у Сѣрошевскаго, т. 1. гл. Бракъ и любовь.

можетъ быть и рѣчи; по крайней мѣрѣ, всѣ видѣнные нами близь Охотска юрты и поселки были до невозможности грязны.

Охотскіе якуты одѣваются частью въ русскій, частью въ мѣстный сѣверный костюмъ—кухлянки и тарбасы; якутки ходятъ въ платьяхъ и сарафанахъ, но не имѣютъ того наряднаго верхняго костюма (сангыяхъ—шуба особаго покроя) и бобровой шапки, которыми такъ гордятся ихъ землячки Якутской области.

Главное продовольствіе охотскихъ якутовъ та же юкола, которая питаетъ цѣлый край, съ прибавленіемъ разныхъ молочныхъ скоповъ; любимымъ кушаньемъ служитъ сора, заквашенное кислой смѣтаной вареное молоко, урюмя—пѣнки съ вареннаго молока, таръ—прокислое и замороженное молоко. Это послѣднее подается въ особомъ блюдѣ—кыттаххъ, по краямъ котораго въ особомъ углубленіи кладется рыба, а въ срединѣ стоитъ чашка съ жиромъ. Употребляютъ ханняхъ, т. е. кислое масло, кёрчахъ, взбитыя сливки и прочія.

Всѣ якуты-христіане, хотя не такъ набожны, какъ тунгусы; они обращены въ христіанскую вѣру въ началѣ XVIII ст. заботами ревностнаго тобольскаго митрополита Ѳилоѳея; но, не смотря на эту давность просвѣщенія, догматы христіанства и истина Христова ученья до сихъ поръ остались совершенно чужды и непонятны якутамъ: они ходятъ въ церковь, бываютъ на исповѣди, а когда его спросишь, сколько боговъ, то отзывается, что и Святой Никола, и Божія Матерь, и два Спаса—все это Боги. Не удивительно, послѣ этого, что въ якутской душѣ много сохранилось языческихъ суевѣрій и обрядовъ, которые окрасили душу якута мрачной безнадежностью: онъ любитъ жизнь, только—то, что есть теперь, а за тѣмъ у него нѣтъ никакихъ представленій, надеждъ и упованій. Все, что будетъ послѣ смерти, для него скверно или вѣрнѣе онъ надъ этимъ почти не задумывается, встрѣчая смерть безстрашными глазами. Въ ихъ смутныхъ преданіяхъ или суевѣріяхъ о скитаніи по землѣ душъ умершихъ и ихъ воплощеніи чувствуются отклики религіозныхъ воззрѣній Индіи и центральнаго Китая.

Охотскіе якуты представляютъ пришибленные, угнетенные остатки сородичей Якутской области, гдѣ и поэзія, и ремесла, и напыщенное краснорѣчіе и наконецъ шаманство достигаютъ полнаго расцвѣта; даже у гижигинскихъ коряковъ шаманство не имѣетъ такого широкаго примѣненія и не обставлено такъ поэтически, какъ

у якутовъ Колымскаго округа, судя по описанію Сѣрошевскаго [1]. Апатія бѣдноты и тяжелыя формы болѣзней (проказа и сифилисъ) окончательно убиваютъ случайно заброшенныя сюда семьи этого жизнеспособнаго народа.

Наконецъ намъ остается упомянуть о русскомъ элементѣ населенія. Оно составилось изъ потомковъ первыхъ завоевателей, присланныхъ впослѣдствіи казаковъ, крестьянъ-переселенцевъ какъ Сибири, такъ и Европейской Россіи, и наконецъ ссыльныхъ. О физическихъ и нравственныхъ качествахъ первыхъ двухъ категорій трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Это была казацкая вольница, всякій сбродъ, недовольный своей неудавшейся жизнью и отрекшійся давно отъ всякихъ принциповъ даже тогдашней узкой морали.

Дѣйствительно, исторія показываетъ намъ, что всѣ эти піонеры скоро акклиматизировались съ мѣстной природой и жизнью и въ своихъ взглядахъ и жизненныхъ потребностяхъ нивеллировались до уровня почти дикарей.

Также неудачна была и крестьянская колонизація отдаленнаго края. Мы видѣли цѣлый рядъ мѣропріятій высшаго правительства и сибирскихъ администраторовъ, заботившихся о заселеніи края и развитіи хлѣбопашества.

Крестьяне-поселенцы не сдѣлали Камчатку земледѣльческой страной, а наоборотъ превратились въ звѣролововъ и ихтіофаговъ.

Послѣ изученія племенного состава населенія Охотско-Камчатскаго края, строя жизни, обычаевъ и вѣрованій, перейдемъ къ статистическимъ даннымъ.

Численность населенія Охотско-Камчатскаго края, не смотря на неоднократныя ревизскія сказки инородцевъ и частыя, почти ежегодныя объѣздки начальства для сбора ясака, никогда точно не была извѣстна. Въ первое время кочевья и становища были повидимому чаще и многочисленнѣе; острожки осѣдлыхъ также были многолюднѣе, но то «выжиганіе, острожковъ, которое часто практиковали завоеватели, впервые поубавило населеніе. Вскорѣ къ этимъ причинамъ уменьшенія населенія присоединились занесенныя изъ Якутска эпидеміи, которыя, какъ страшный пожаръ, поглотили тогда почти половину безпомощныхъ инородцевъ. Однихъ камчадаловъ, въ началѣ XVIII ст., по вычисленію Словцова, было до 10 т.,

---

[1] L. c., стр. 623—650.

а по другимъ отъ 12 до 15 т. Тунгусовъ видимо тоже было больше, но отсутствіе прироста или даже положительная убыль ихъ вызывалась то разными эпидеміями, то другими соціальными бѣдствіями, между которыми падежъ оленей долженъ быть поставенъ на первомъ планѣ. Къ числу причинъ, обусловливающихъ убыль мѣстнаго населенія, нужно отнести перекочевки тунгусовъ; такъ 2-й Эджанскій родъ Усть-Майскихъ тунгусовъ, покинувъ лѣтовье на Охотскомъ побережьѣ, откочевалъ въ низовья Амура и на Сахалинъ. Далѣе слѣдуетъ упомянуть о пагубномъ вліяніи занесеннаго сифилиса и широкой торговлѣ спиртными напитками, которая одна, по мнѣнію Майделя, способна стереть съ лица земли все инородческое населеніе.

Чтобы судить о численности населенія, приведемъ слѣдующія цифровыя данныя, заимствованныя изъ оффиціальныхъ источниковъ:

	1893	1894	1895	1896 гг.
Охотскій округъ . . .	4.060	4.109	4.113	4.462
Гижигинскій	5.510	5.039	5.081	7.565
Петропавловскій . . .	7.382	7.385	7.512	7.953
Удской [1])	7.086	7.374	9.185	5.633
Портъ Аянъ [2]). . . .	—	—	—	42
Всего	24.038	23.907	25.907	25.655

Данныя эти заимствованы изъ отчетовъ губернатора на основаніи донесеній окружныхъ начальниковъ. Статистическія свѣдѣнія о кочевомъ населеніи основываются на переписи инородцевъ, или на такъ называемыхъ ревизскихъ сказкахъ, которыя, согласно закону, должны производиться чрезъ каждыя десять лѣтъ. Такія сказки для Охотскаго округа мы нашли въ мѣстномъ архивѣ за 1871, 1886 и 1896 гг., тогда какъ въ Гижигинскомъ и Петропавловскомъ окружныхъ управленіяхъ ихъ не оказалось. Что касается осѣдлаго православнаго населенія, то эти данныя заимствуются изъ метрическихъ книгъ. Какъ тотъ, такъ и другой источники заслуживаютъ мало вѣ-

[1]) Мы беремъ всю цифру населенія округа изъ отчетовъ, а самыхъ статистическихъ таблицъ мы не имѣли въ своемъ распоряженіи. Лично мы посѣтили устье р. Уды, гдѣ въ окрестностяхъ кочуетъ около 1700 д. обоего пола.

[2]) Населеніе Аяна варьируетъ въ небольшихъ предѣлахъ, отъ 30 до 60 д. об. пола.

роятія, потому что ревизскія сказки не производятся аккуратно, чрезъ каждыя десять лѣтъ, а записи духовенства, приходы которыхъ разбросаны на сотни верстъ, не отличаются полнотою. Чтобы показать эту неудовлетворительность оффиціальной статистики, укажемъ численность населенія Оходскаго округа, взятую нами непосредственно изъ родовыхъ и подворныхъ записей. Слѣдующая таблица показываетъ эту разницу:

	1893	1894	1895
Охотскій округъ по оффиціальному отчету.	4.040	4.109	4.113
По нашему подсчету.	5.115	4.573	4.442

Цифры нашего счисленія выше оффиціальныхъ и показываютъ постепенную значительную убыль населенія; для Петропавловскаго округа такое же сравненіе даетъ слѣдующую картину:

	1893	1894	1895 гг.
Петропавловскій округъ по оффиціальному отчету.	7.382	7.385	7.512
По нашему подсчету.	7.173	6.960	7.090

Такъ какъ наши цифры взяты изъ статистическихъ таблицъ окружного управленія, на мѣстѣ, то мы не имѣемъ права не довѣрять имъ, хотя онѣ стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ первыми данными. Очевидно, разногласіе происходитъ отъ неудовлетворительной регистраціи бродячихъ инородцевъ, численность которыхъ мѣняется каждый годъ вслѣдствіе перекочевокъ: въ Охотскомъ округѣ—тунгусовъ якутскихъ и колымскихъ, въ Петропавловскомъ—коряковъ, чукчей и ламутовъ съ Гижигинскихъ тундръ.

Еще болѣе странные выводы получаются при подробномъ изученіи статистики населенія: то изъ суммы населенія Удского округа пропадаютъ въ 1896 г. $3^1/_2$ т. сравнительно съ предыдущимъ годомъ; то въ Петропавловскомъ округѣ населеніе съ 1895 по 96 г. сразу увеличивается на 400 д.

Понятно, что подобная оффиціальная статистика заслуживаетъ мало довѣрія, и единственно вѣрное указаніе на численность населенія мы должны искать въ результатахъ послѣдней Всероссійской переписи. По ея даннымъ, населенность округовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Мужч.	Женщ.	1897 г. Всего душъ.	1872 г. Всего душъ.
Охотскій округъ. . .	2,394	2,338	4,732	4,608
Гижигинскій	3,837	3,655	7,492 [1])	6,901
Петропавловскій. . .	4,241	4,124	8,365	5,468
Удской.	7,710	4,838	12,548 [2])	1,454
Всего. . .	18,182	14,955	33,137	18,431

Если теперь мы отбросимъ населеніе Удского округа, который только небольшимъ уголкомъ входилъ въ наши изслѣдованія и населеніе котораго представляетъ большія колебанія, то окажется, что всего въ трехъ описываемыхъ округахъ числилось въ

1872 г.	1897 г.
16,977	20,589 душъ обоего пола,

иначе сказать, что въ теченіи 25 лѣтъ общее населеніе увеличилось на 3,612 д., что составитъ въ общемъ за годъ 8,5°°/оо, а въ частности

для Охотскаго округа. . . .	0,10	pro mille
» Гижигинскаго.	0,34	»
» Петропавловскаго . . .	21,20	»

т. е. только послѣдній округъ далъ значительный приростъ, тогда какъ въ первыхъ двухъ онъ весьма незначителенъ.

Анализируя приведенную статистику, мы наталкиваемся на сложный вопросъ о вымираніи инородцевъ вообще и Охотско-Камчатскаго края въ особенности,—вопросъ, на которомъ не лишне будетъ остановиться. Приростъ населенія каждой страны, помимо многихъ другихъ обстоятельствъ, обусловливается прежде всего численнымъ отношеніемъ между полами и плодовитостью женщинъ. Посмотримъ теперь, каковы же отношенія въ средѣ инородческаго населенія Охотско-Камчатскаго края? Какъ извѣстно, преобладаніе мужчинъ въ инородческомъ населеніи Восточной Сибири составляетъ общее правило; заимствуя по этому вопросу данныя изъ отчетовъ окружныхъ начальниковъ и послѣдней переписи, мы получаемъ слѣдующее соотношеніе между полами по округамъ:

[1]) По счету полицейскаго правленія всего—7,558 д.

[2]) По даннымъ центральнаго статистическаго комитета, см. таб. 4 къ статьѣ «Пространство и населеніе Восточной Сибири, въ Сборникѣ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири. Спб. 1876, т. I.

	Отчеты: на 100 мужчинъ.	Перепись 1897 г. на 100 мужчинъ.
Охотскій округъ . .	97,2 женщинъ.	99,7 женщинъ
Гижигинскій . . .	96,3 »	95,2 »
Петропавловскій . .	95,3 »	97,2 »

Иначе сказать, что по прежнимъ отчетамъ Петропавловскій округъ находился въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ для размноженія, чѣмъ два предыдущихъ, а въ послѣдней переписи—онъ занимаетъ второе мѣсто, тогда какъ въ Гижигинскомъ округѣ отношенія менѣе нормальны. Это отношеніе половъ въ здѣшнемъ краѣ гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Сибири и въ особенности въ Удскомъ округѣ. Если выдѣлить теперь три народности населенія Камчатки, тогда напр. за 1890 г. получится слѣдующая пропорція половъ:

	На 100 мужчинъ.
Коряки	93,0 женщины
Камчадалы . . .	94,1 [1]) »
Тунгусы (ламуты) .	98,9. »

Это показываетъ, что среди камчатскихъ коряковъ, выходцевъ Гижигинскаго округа, встрѣчается много безсемейной бѣдноты, которая состоитъ работниками у болѣе зажиточныхъ, тогда какъ между тунгусами числовое отношеніе половъ приближается къ нормѣ. Совершенно подобное отношеніе мы находимъ и среди тунгусовъ Охотскаго округа [2]), если только выдѣлимъ ихъ изъ общей массы населенія.

---

[1]) Для нѣкоторыхъ острожковъ Камчатки это отношеніе крайне неблагопріятно; такъ напр. для нижепоименованныхъ селеній мы имѣемъ слѣдующее отношеніе:

		На 100 мужчинъ.
Колпаково	за 1895 г. . .	127,8 ж.
Голыгино	» 1893 » . .	112,1 »
Явино	» 1895 » . .	75 »
Малка	» 1893 » . .	51,7 »

[2]) Ни изъ предисловія, ни изъ текста «Приморской области» (XXXVI тетр. I), первой всероссійской переписи населенія Росс. имперіи, 1897 г. изд. центральнаго статистическаго комитета, подъ редакціей Н. Тройницкаго, 1899, Спб., не видно, куда отнесенъ портъ Аянъ съ его немногочисленнымъ населеніемъ.

Сравнивая выведенное процентное отношеніе между мужчинами и женщинами Охотско-Камчатскаго края съ таковымъ же у инородцевъ другихъ мѣстъ, мы получаемъ чрезвычайно интересную параллель:

	на 100 мужчинъ.
Буряты Верхоленскаго округа.......	89 женщинъ
Тунгусы Якутскаго округа	91 »
Буряты кочевые Иркутскаго округа....	92 »
Тунгусы Верхоленскаго округа......	94 »
Осѣдлые буряты Иркутскаго округа ...	98 »

Иначе сказать, здѣшніе инородцы вообще находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для увеличенія прироста, чѣмъ только что перечисленные, за исключеніемъ развѣ зажиточныхъ иркутскихъ бурятъ. Это указываетъ намъ, что причину уменьшенія населенія или отсутствіе нормальнаго прироста въ средѣ Охотско-Камчатскаго населенія нужно искать въ чемъ-нибудь другомъ, а не въ малочисленности женской половины.

Вторымъ не менѣе важнымъ факторомъ въ вопросѣ объ увеличеніи населенія, является рождаемость и плодовитость; но свѣдѣнія по этому вопросу крайне ограничены, а регистрація рожденій и числа дѣтей у семействъ кочевниковъ почти невозможна.

Найденныя нами по этому вопросу кое-какія отрывочныя свѣдѣнія въ литературѣ и архивахъ управленій, хотя полны противорѣчій, тѣмъ не менѣе мы ихъ приводимъ здѣсь для выясненія вопроса объ естественномъ ростѣ населенія. Такъ, перевѣсъ рожденій надъ числомъ умершихъ, или чистый приростъ населенія выразится въ слѣдующихъ цифрахъ по даннымъ Статистич. Комитета:

1872 г.

Округа:	Петропавловскій.	Охотскій.	Гижигинскій.
на 1000 жителей приходилось рожденій......	42,4	32,3	5,2
на 1000 жителей приходилось умершихъ.....	23,6	17,4	0,7
на 1000 жителей приходилось прироста......	18,8	14,8	4,6
на 1000 жителей приходилось чистой прибыли..	103	69	35

1873 г.	Петропавловскій.	Охотскій.	Гижигинскій.
на 1000 жит. рожденій было. . . .	36,0	30,5	4,9
на 1000 жит. умершихъ было . . .	15,6	17,5	1,0
на 1000 жит. прирость	20,4	13,0	3,9
чистой прибыли.	114	61	27

	1891	1892	1893	1894	1895	1896	среднее за 6 лѣтъ
Охотскій округъ чистая прибыль . . .	20	68	21	80	15	29	38,8 д. 8,7°/₀°/₀

Только-что приведенная таблица показываетъ, что число рожденій въ Петропавловскомъ округѣ близко къ таковому же въ Россіи вообще (50,7 на 1000), въ Охотскомъ—къ цифрамъ рождаемости въ Европѣ (38,7); низкій процентъ рождаемости Гижигинскаго округа можно объяснить неудовлетворительностью статистики. Изъ тетради 1-й Всероссійской переписи населенія 1897 г. въ Приморской области видно, что дѣтей моложе года оказалось въ Петропавловскомъ округѣ — 262 об. пола, Охотскомъ — 116, Гижигинскомъ—182; эта сумма дѣтей въ 560 душъ, очевидно, составляетъ число рожденій [1]) 1896 г.; иначе сказать, при указанной наличности населенія, на 1000 душъ приходится въ Петропавловскомъ — 31 рожденіе, въ Охотскомъ и Гижигинскомъ по 24. Такимъ образомъ прежнія статистическія данныя и сдѣланныя изъ нихъ выводы оказываются маловѣроятными и уступаютъ не только проценту рожденій въ Европѣ и Россіи, но даже въ сосѣдней, Якутской области.

Послѣдняя рубрика объ общей чистой прибыли по Охотскому округу указываетъ на значительныя колебанія, обусловливаемыя вѣроятно чисто соціально-экономическими причинами и эпидеміями.

Болѣе подробными свѣдѣніями мы располагаемъ относительно роста православнаго населенія, на основаніи отчетовъ приходскихъ священниковъ (см. т. II, прилож. 6-е, табл. IV). Изъ этихъ данныхъ видно, что чистая прибыль была въ:

	1891	1892	1893	1894	1895	Среднее за 5 л. °/₀°/₀
Охотск. приходѣ (448 д.)	27	11	6	22	5	+ 9,8—21
Петропавловскомъ (724)	29	29	25	18	4	+ 19,0—26
Гижигинскомъ (577) . . .	54	48	40	15	41	+ 31,6—54
Ямскомъ (526)	27	27	12	48	53	+ 33,4—63

[1]) За исключеніемъ умершихъ до переписи въ теченіи 11 мѣсяцевъ.

[2]) Въ послѣдніе два прихода включены бродячіе тунгусы.

Самый малый приростъ, какъ видно, дали Охотскій и Петропавловскій приходы, хотя послѣдній заключаетъ 11 поселковъ; причину этого нужно искать въ значительномъ развитіи сифилиса, который также поразилъ многія семейства сел. Ямскаго, но значительный приростъ послѣдняго селенія дали, очевидно, бродячіе тунгусы этого прихода, подобно тому, какъ это наблюдается въ Гижигинскомъ приходѣ, гдѣ собственно осѣдлое населеніе русскихъ имѣетъ крайне ограниченный приростъ (5,5⁰⁰/₀₀), а все увеличеніе также относится на счетъ бродячихъ тунгузскихъ семействъ.

Чрезвычайно интересно было бы имѣть семейные списки, которые могли бы опредѣлить составъ каждой бродячей или осѣдлой семьи, но этихъ данныхъ мы не могли получить. Въ виду вышеприведенныхъ процентныхъ отношеній между полами, мы должны допустить, что плодовитость инородцевъ должна быть значительна, тѣмъ болѣе, что коряки и чукчи имѣютъ въ большинствѣ случаевъ по двѣ жены.

Что касается тунгусовъ, то въ этомъ отношеніи мы находимъ цѣнныя указанія въ трудѣ Майнова, занимавшагося антропологическими изслѣдованіями тунгусовъ Якутскаго края; онъ говоритъ, [1]) что средняя плодовитость ихъ супружествъ равняется 6,4 и что это племя могло бы плодиться и множиться не хуже другихъ обитателей. Какъ по общему составу семьи, такъ и по наибольшей плодовитости (13 дѣтей) тунгусы стоятъ высоко, иначе сказать имѣютъ всѣ условія для увеличенія племени. Если же этого не наблюдается, то причины такого явленія кроятся въ характерѣ бродячей жизни и въ губительной силѣ стихійныхъ бѣдствій, которыя вызываютъ большую смертность въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ. Болѣе тяжелымъ образомъ отзываются плохія условія жизни и питанія. Кромѣ того смертность дѣтей роковымъ образомъ увеличивается отъ наслѣдственной передачи дурной болѣзни, уже пустившей глубокіе корни во многихъ семьяхъ. Убыль дѣтей замѣтна главнымъ образомъ въ теченіи перваго и второго года среди кочевниковъ, тогда какъ у осѣдлыхъ камчадаловъ этого не наблюдается; затѣмъ она начинаетъ увеличиваться среди бродячихъ съ 6-го года, когда подростокъ уже несетъ тяжелую службу пастуха и работника при юртѣ.

---

[1]) Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края, въ Трудахъ Восточно-Сибирскаго отдѣла Им. Русск. Географ. Общ. — Иркутскъ, 1898; стр. 58—59.

Смертность же взрослыхъ и особенно женщинъ оказывается больше, чѣмъ въ полтора раза, смертности русскихъ (61 на тысячу). Эпизоотіи оленей и недоходъ рыбы ведутъ къ голоданію, а эпидеміи на людяхъ производятъ такія опустошенія среди бродячихъ инородцевъ, о которыхъ мы не имѣемъ никакого представленія. Въ своемъ мѣстѣ мы познакомимъ съ этими картинами бѣдствій, а теперь только замѣтимъ что, въ случаѣ болѣзни или смерти кормильца, иное семейство безпомощно погибаетъ отъ голода. Находятъ скелеты, пустыя юрты со скарбомъ, или замѣчаютъ, что недостаетъ знакомыхъ,—всѣ они погибли безслѣдно.

Плодовитость тунгусовъ (численность семьи 4,38—4,52) выше таковой же у камчадаловъ и смѣшаннаго населенія сѣвернаго берега Охотскаго моря; точно также продолжительность жизни довольно значительна, и встрѣтить лицъ глубокой старости среди бродячихъ инородцевъ не составляетъ рѣдкости.

Нѣкоторыя указанія о числѣ браковъ и незаконнорожденыхъ читатель найдетъ во II томѣ (приложеніе 6-е, табл. IV), но дѣлать изъ нихъ какіе-нибудь выводы мы не находимъ возможнымъ.

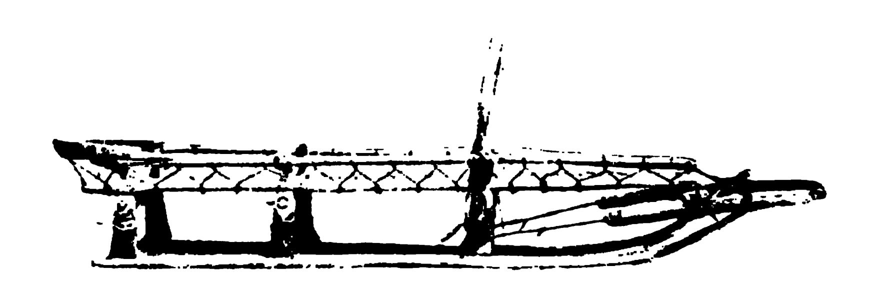

Рис. 29. Обыкновенная собачья нарта.

ГЛАВА VIII.

Населеніе
(продолженіе).

Населеніе края, какъ мы говорили, состоитъ изъ бродячихъ, кочевыхъ инородцевъ, и осѣдлыхъ, разбросанныхъ по устьямъ разныхъ рѣкъ морского побережья; тогда какъ самыя рѣки и ихъ долины остаются незаселенными, не смотря на свои удобства для промысла и скотоводства. Только одна долина р. Камчатки составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе и представляется сравнительно заселенной. Точно также прибрежные острова, частію по своей незначительной величинѣ, частію по оро-географическимъ условіямъ, лишены постояннаго населенія. Уже первые землепроходы не застали жителей на Шантарскихъ и Карагинскомъ островахъ; на первыхъ Миддендорфъ нашелъ остатки старыхъ гиляцкихъ юртъ, а второй, лежавшій на главномъ пути сообщенія изъ Анадырска въ Камчатку чрезъ Олюторскій острогъ, былъ совершенно пустыннымъ; только въ самое послѣднее время туда переселилось нѣсколько семействъ оленныхъ коряковъ.

Причину подобнаго распредѣленія населенія по устьямъ рѣкъ нужно искать въ главныхъ промыслахъ инородцевъ и въ его исключительномъ рыбномъ пропитаніи.

Пѣшій корякъ или камчадалъ выбираетъ себѣ мѣсто для жилья тамъ, гдѣ много рыбы и откуда ближе заниматься морскимъ промысломъ тюленей, сивучей и китовъ. Не смотря на повсемѣстное изобиліе рыбы здѣсь, есть однако рѣки и рѣчки, куда по разнымъ причинамъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже, рыба или совсѣмъ не идетъ, или заходитъ для метанія икры въ крайне ограниченномъ количествѣ. Устья такихъ рѣкъ, хорошо извѣстныя туземцамъ, по-

нятно, не могли дать рыбнаго продовольствія и потому всегда обходились; русскіе же, не обращавшіе первоначально вниманія на это обстоятельство, а иногда ради административныхъ цѣлей, поселялись часто въ такихъ мѣстахъ и по такимъ рѣкамъ, гдѣ дальнѣйшее существованіе становилось крайне затруднительнымъ или даже почти невозможнымъ. Вообще нужно замѣтить, что выборъ большинства мѣстъ для поселковъ русскими казаками былъ весьма неудаченъ: то въ рѣкахъ не оказывалось рыбы, какъ напр. въ рр. Пенжина, Подкагирная, Аянка и др.; то рѣки отличались своими бурными разливами и постоянно подмывали берега, снося образовавшіеся поселки и города, какъ Охотскъ, Гижигу, Тигиль и пр.

Нѣкоторые поселки, преимущественно для административныхъ цѣлей, такъ неудачно были поставлены, что въ окрестностяхъ ихъ не оказывалось ни прѣсной воды, ни строевого лѣсу, ни рыбьяго и нерпичьяго промысловъ, какъ Парень и Мамечи, — и нужно удивляться, какъ населеніе ихъ, лишенное всякихъ средствъ къ жизни, до сихъ поръ окончательно не вымерло.

Орографія края показываетъ намъ, что всѣ мѣста, удаленныя отъ морского берега, и вообще внутренность страны совершенно неудобны для осѣдлаго населенія, главный источникъ существованія котораго составляетъ рыбный промыселъ и звѣрная охота. Селясь по рѣкѣ, мѣстный житель достигалъ и другого удобства въ своей жизни: долина ея служила удобной дорогой въ хребты для соболинаго и лисьяго промысловъ зимой; въ рѣчномъ тальникѣ онъ находилъ возможность скрываться отъ пурги и стужи, а съ другой стороны изъ рыбы, поднявшейся въ верховья, дѣлать запасы собачьяго корма на весь промысловый сезонъ, такъ какъ доставка его изъ селенія была бы крайне обременительна, и много отнималось бы дорогого времени. Эти же долины рѣкъ служили проходными путями черезъ хребты и ущелья, для сообщенія съ другими инородцами, въ видахъ взаимнаго обмѣна товаровъ.

Такимъ образомъ все осѣдлое населеніе края силою обстоятельствъ пріурочено къ устьямъ рѣкъ; бродячіе же инородцы пользуются также далеко не всей площадью отъ хребта до моря, а только нѣкоторыми районами, гдѣ находятъ кормъ для оленей. Поэтому густота населенія [1]) въ краѣ весьма слаба: на квадратную версту при-

[1]) Пространство Удского округа 88,902 кв. версты, Охотскаго—158,365 кв. верстъ, Гижигинскаго—185,347 в. и Петропавловскаго—339,697 кв. верстъ.

ходится: въ Удскомъ округѣ 0,21 душа, Охотскомъ—0,03 д., Гижигинскомъ—0,04 и Петропавловскомъ—0,02.

Въ отдѣлѣ гидрографіи мы видѣли, что Охотско-Камчатское побережье изобилуетъ рѣками и рѣчками, тогда какъ число поселковъ въ его четырехъ округахъ крайне незначительно. Такъ, по всему западному берегу Охотскаго моря, отъ устья р. Уды до Охотска, т. е. на протяженіи почти 1,200 в., мы имѣемъ всего два жилыхъ пункта, которые нужно разсматривать, какъ остатки прежнихъ административныхъ плановъ и торговыхъ затѣй. На р. Уда первый острогъ былъ основанъ казаками въ 1678 г. въ 80 в. отъ устья; лѣтъ 15 тому назадъ, только по настоянію контрагента Русскаго Правительства по снабженію провіантомъ сѣверныхъ округовъ, Филиппеуса, жители Удского острога должны были покинуть прекрасную и плодородную долину и перебраться на низкое и топкое мѣсто, гдѣ находится теперешній поселокъ Чумиканъ [1]).

Второй жилой пунктъ—портъ Аянъ возникъ и созданъ былъ въ 1847 г., благодаря дѣятельности Р.-А. Компаніи, которой нужна была удобная стоянка для судовъ, свозившихъ сюда всю богатую пушнину. Когда-то шумный, по-американски обстроенный, портъ Аянъ въ настоящее время неизвѣстно зачѣмъ существуетъ: 5—6 полуразрушенныхъ домиковъ и около 40 душъ случайнаго населенія.

Далѣе къ сѣверу на протяженіи почти 700 в. береговой полосы до самаго Охотска нѣтъ жилыхъ мѣстъ. Эта безлюдность края объясняется его сильно гористымъ характеромъ, гдѣ нѣтъ пастбищъ ни для скота, ни для оленя, и гдѣ почти отсутствуетъ промысловый звѣрь. Нѣкоторое оживленіе въ эту безмолвную полосу тайги вносятъ тунгусы, приходящіе сюда на лѣто съ западной стороны Станового хребта, и—затѣмъ обширная прибрежная полоса опять замираетъ подъ свистъ и вой якутскихъ вѣтровъ.

Въ Охотскомъ округѣ на протяженіи почти 1½ тысячи верстъ береговой полосы, мы имѣемъ всего девять поселеній; въ Гижигинскомъ округѣ, при протяженіи береговой линіи въ 1.800 в.,—17 поселковъ; въ Камчатскомъ округѣ береговая линія, при современныхъ административныхъ границахъ, тянется на 2.360 верстъ, а число селеній полуострова простирается до 60 верстъ. Иначе сказать, одно селеніе приходится на слѣдующее число верстъ береговой полосы въ

[1]) Часто пишутъ и произносятъ Чумуканъ, тогда какъ селеніе названо тунгузскимъ именемъ—Чумиканъ, означающимъ мысокъ.

Охотскомъ округѣ приблизительно на	150	верстъ.
Гижигинскомъ округѣ приблизительно на	90	»
Петропавловскомъ [1]) округѣ приблизительно на . .	54	»

Во всѣхъ трехъ случаяхъ мы считали протяженіе всей береговой полосы, удобной для заселенія и входящей въ составъ такъ называемаго почтоваго тракта, за исключеніемъ побережья Берингова моря, семь селеній котораго лежатъ въ сторонѣ отъ этого сообщенія и потому избавлены отъ подводной повинности.

Распредѣленіе населенныхъ пунктовъ по побережью не вездѣ одинаково; разстояніе между поселками въ среднемъ колеблется въ

			Наименьшее.
Охотскомъ округѣ отъ	100 в.	до 400 в.	—75 в.
Гижигинскомъ округѣ отъ . . .	100 »	» 300 »	—20 »
Петропавловскомъ округѣ отъ . .	20 »	» 200 »	—13 »

Такимъ образомъ условія переѣзда по округамъ и доставки грузовъ далеко неодинаково благопріятны; въ то время, когда въ Камчаткѣ мы имѣемъ только одинъ большой переѣздъ въ 200 в. изъ Еловки въ Сѣданку, черезъ Срединный хребетъ, въ Гижигинскомъ округѣ такихъ переѣздовъ—большинство по совершенно пустынной и безлѣсной тундрѣ, славящейся своими пургами и мятелями; единственный, наиболѣе заселенный уголокъ—это побережье Пенжинской губы отъ р. Парень до р. Таловки, гдѣ на протяженіи 220 верстъ находится шесть поселковъ осѣдлыхъ коряковъ. Въ Охотскомъ округѣ переѣзды въ большинствѣ случаевъ гораздо больше—300—400 в., причемъ частыя рѣки, поздно замерзающія, сильно гористая мѣстность и крутые склоны хребтовъ представляютъ непроходимыя трудности для проѣзда.

Что касается лѣтняго времени, то условія сообщенія во всѣхъ четырехъ округахъ еще болѣе затруднительны, а во многихъ мѣстахъ почти невозможны. Помѣхой этому служатъ то топкія болота, то бурливыя горныя рѣки, которыя хотя узки и неглубоки, но вездѣ не имѣютъ мостовъ; въ случаѣ же пролеганія пути по морскому берегу, частые и скалистые непропуски окончательно заграждаютъ путнику дорогу.

Начиная съ апрѣля, т. е. времени вскрытія здѣшнихъ рѣкъ, со-

[1]) Исключивъ отсюда 16 острожковъ центральной долины р. Камчатки.

общеніе въ здѣшнихъ мѣстахъ въ большинствѣ случаевъ прекращается до зимняго пути, т. е. средины ноября. Правда, въ отдѣльныхъ районахъ и между нѣкоторыми селеніями еще возможно пробраться или верхомъ на лошади, или на бату по рѣкѣ, но и этому сообщенію высокіе разливы бурныхъ рѣкъ ставятъ большую преграду.

Такъ называемая конная дорога всегда идетъ по хребтамъ, или вдоль ихъ и одинаково тяжела какъ для путешественника, такъ и для животнаго.

Что касается морского сообщенія на шлюпкахъ, байдарахъ и шхунахъ, вдоль берега, то здѣшніе жители, какъ русскіе, такъ и инородцы, за исключеніемъ развѣ осѣдлыхъ коряковъ, такъ боятся моря и такъ плохо управляются парусомъ, что каждый изъ нихъ охотнѣе согласится тонуть по недѣлямъ въ болотѣ, или мучиться съ грузомъ въ хребтахъ, чѣмъ переплыть изъ устья одной рѣки въ другую. Въ особенности этой трусостью отличаются жители Охотска и Петропавловска, т. е. тѣхъ мѣстъ, гдѣ когда-то строились свои суда и жили сотни моряковъ.

Орографическія неудобства края обособляютъ поселки и изъ каждаго создаютъ какъ-бы замкнутый и изолированный отъ остального міра уголокъ, что затрудняетъ административную дѣятельность и лишаетъ возможности своевременно придти на помощь въ случаѣ появленія напр. голода или заразной эпидеміи.

Послѣ краткаго обзора распредѣленія населенныхъ пунктовъ Охотска-Камчатскаго края перейдемъ къ подробному ихъ описанію, начиная съ юго-западнаго угла Охотскаго моря.

Ульбанскій и Тугурскій заливы, не смотря на богатство рыбы и лѣса впадающихъ здѣсь рѣкъ и хорошія якорныя стоянки, остаются совершенно пустынными со времени появленія здѣсь первыхъ завоевателей. На побережьѣ, равно какъ и на близлежащихъ островахъ видимо когда-то жили осѣдлые гиляки, и еще Миддендорфъ встрѣтилъ) на р. Ульбанъ, въ трехъ верстахъ выше ея впаденія въ заливъ, поселеніе, состоявшее изъ двухъ зимнихъ и одной лѣтней юрты, почему и назвалъ крайній пунктъ своего путешествія на востокъ Гиляцкимъ мысомъ. Ульбанскій заливъ отдѣляется отъ Тугурской губы гористымъ узкимъ и длиннымъ полуостровомъ, который по срединѣ протяженія (у залива Великаго князя Константина) образуетъ низменную песчаную косу, гдѣ была устроена гиляцкая переволока. Ею пользовались сначала гиляки, а потомъ тунгусы для того, чтобы при помощи собакъ перетаскивать свои лодки во избѣжаніе затруднитель-

наго и опаснаго обхода длиннаго полуострова Сеньяка [1]) съ крутыми скалистыми берегами. Здѣсь, какъ и по р. Тугуръ, при впаденіи въ нее р. Кутинъ, были найдены юрты, рыбныя вѣшала и вообще слѣды жилья. Поплавскій и Орловъ также встрѣчали здѣсь гиляковъ; но въ настоящее время отъ нихъ не осталось никакихъ воспоминаній и все прибрежье занято лѣтними кочевьями тунгусовъ, принадлежащими къ Удскому округу.

Объ Удскомъ округѣ (2-й участокъ) мы можемъ говорить настолько, насколько онъ входилъ въ районъ изслѣдованій экспедиціи и насколько о немъ можно судить по Чумикану, замѣнившему прежній Удской острогъ. Устройство этого послѣдняго имѣло значеніе только въ началѣ, для усмиренія и объясачиванія здѣшнихъ тунгусовъ, которые, нужно замѣтить, гораздо раньше своихъ собратьевъ того же побережья приняли русское подданство и успокоились. Здѣсь тогда не было такихъ кровавыхъ стычекъ, которыми выдѣляется исторія Охотска и сел. Инского, но съ другой стороны и административная жизнь этого уголка проходила болѣе мирнымъ путемъ.

Удской острогъ былъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки среди широкой долины, на довольно возвышенномъ холмѣ. Окрестности этого забытаго и упраздненнаго острожка представляютъ живописную картину: въ 30 в. выше впадаетъ р. Половинная, по обоимъ берегамъ которой далеко раскинулись луга, съ богатой травой; здѣсь встрѣчаются вѣковые тополи, огромныя ели; пихта и лиственница въ перемѣшку съ кустами шиповника и бузины подступаютъ къ самому берегу многоводной рѣки. Теперь острогъ представляетъ группу брошенныхъ и развалившихся зданій, утративъ прежнее значеніе и не получивъ новаго, а прежде, какъ пишетъ авторъ «Сибирскихъ писемъ», здѣсь стояла крѣпость съ высокимъ оплотомъ и шестью башнями, около которыхъ виднѣлись пушки на колесахъ. Внутри крѣпости былъ воздвигнутъ Божій храмъ и рядомъ цейхгаузъ; на горкѣ, въ лѣсу, гдѣ нынѣ высится деревянный крестъ, поставленный какимъ-то

[1]) Названіе этого полуострова и одноименнаго мыса пишутъ различно: то Сегнека, то Сенека; изъ подробныхъ разспросовъ чумиканскихъ тунгусовъ оказывается, что они называютъ Сеньяка́. По р. Вельботной свободно можно входить въ озеро того же имени (не нанесенное на картѣ). Въ глубинѣ Ульбанскаго залива находится обширная и удобная бухта къ сожалѣнію заштрихованная морскимъ министерствомъ въ знакъ того, что она мелка и неудобна для якорныхъ стоянокъ; въ дѣйствительности она вездѣ имѣетъ глубину 4-5 саж., съ хорошимъ песчано-глинистымъ грунтомъ; этой бухтой, по словамъ китобоя Гутчинсона, пользуются китобойныя шхуны.

Камчатка. Сел. Харьюзовское.

Охотскій округъ. Сел. Ольское.

торговцемъ, стояли хоромы комиссара, а подъ ними ясачная изба. Ниже по рѣкѣ Удѣ, гдѣ впадаетъ Безъимянная рѣчка и гдѣ теперь разбросано до десятка развалившихся избушекъ и юртъ, когда-то находились казармы и лазаретъ мѣстной роты, да около 150 крестьянскихъ домиковъ. Вышеупомянутый авторъ писемъ приходитъ въ восторгъ, любуясь красивой рѣкой, на правомъ берегу которой раскинулись богатые луга, за ними тянется могучій лѣсъ, а тамъ далеко далеко виднѣются грозныя вершины гольцовъ.

Все это было, но теперь быльемъ поросло: послѣ проекта контръ-адмирала Фомина объ устройствѣ порта и проведенія изъ Якутска въ Удское дороги, значеніе острожка начало падать, не смотря на повторявшіяся попытки торговцевъ обосновать здѣсь торговую факторію. Вслѣдствіе малочисленности пушного звѣря, торговля шла плохо, и предпріятія лопались, не внося оживленія въ пустынный край. Топкая, илистая почва современнаго поселка Чумиканъ представляется непроходимой даже въ сухое время года; на обширномъ протяженіи нѣтъ ни пастбища для скота, ни удобнаго мѣста для огородовъ. Климатъ сравнительно съ прежнимъ мѣстоположеніемъ имѣетъ всѣ невыгодныя для жилья условія: весна отличается сплошными густыми и холодными туманами, вслѣдствіе застоя льдинъ между Шантарскими островами; въ началѣ лѣта туманы чередуются съ проливными дождями; осенью до наступленія холодныхъ западныхъ вѣтровъ туманы не покидаютъ злополучнаго уголка; наконецъ съ наступленіемъ зимы наступаетъ царство пурги и мятелей. Эти послѣднія бываютъ настолько сильны, что заносятъ избушки и прерываютъ всякое сообщеніе между ними (фототипія, табл. XXIII).

Переселенные, по предложенію Филиппеуса, казаки и осѣдлые тунгусы составляютъ населеніе теперяшняго Чумикана; здѣсь насчитывается до 15 жилыхъ построекъ. Казенный, полусгнившій провіантскій магазинъ и часовня, съ жалкой внутренней обстановкой,— вотъ незавидная картина Чумикана. Большею частію это жалкія грязныя избушки казаковъ, и убогія деревянныя, обложенныя землей, юрты пѣшихъ тунгусовъ. Число жителей осѣдлыхъ около 100; лѣтомъ какъ здѣсь, такъ и по Тугуру появляются оленные тунгусы для рыбнаго промысла. Кто совершаетъ здѣсь богослуженіе и отправляетъ христіанскія требы, на это затруднилась бы отвѣтить и духовная консисторія. То пріѣзжаетъ изъ Аяна (500 в.) верхомъ на оленѣ старикъ-священникъ, по доброй волѣ и не получающій никакого жало-

ванья; то является съ золотыхъ пріисковъ иногда духовное лицо для совершенія богослуженія.

Положеніе здѣшнихъ казаковъ [1]) крайне своеобразно, судя по ихъ собственнымъ разсказамъ; ихъ всего шесть человѣкъ съ пятидесятникомъ во главѣ, который есть ближайшій управитель окраины и замѣститель окружного начальника, рѣдко сюда заглядывающаго. Они принадлежали къ Якутскому городскому полку, а теперь перечислены на службу въ Приморскую область, вслѣдствіе чего и потеряли по 15 десятинъ пахатной земли (согласно положенію 1833 г.), взамѣнъ которой имъ предоставлена, здѣсь, широкая и неплодородная тайга.

Не менѣе того ихъ стѣсняетъ и другое распоряженіе, по которому каждый казачій мальчикъ до 7 лѣтъ получаетъ $^{1}/_{2}$ продовольственнаго пайка, отъ 7 до 16 лѣтъ—цѣлый паекъ, послѣ чего выдача его прекращается и казакъ не принимается на службу.

Лошадей здѣсь нѣтъ; рогатаго скота 5—10 головъ; ѣздовыхъ собакъ мало, потому что жители, находясь въ сторонѣ отъ почтоваго тракта, держатъ ихъ только для домашней необходимости. Батъ есть не у каждаго хозяина и одна утлая шлюпченка, такъ называемый казенный вельботъ, служитъ лоцману-тунгусу для выѣзда на встрѣчу каждому пришедшему на Удской рейдъ судну, которое по причинѣ незначительной глубины залива принуждено становиться на якорь за 15—20 верстъ, а иногда и гораздо дальше.

Такъ какъ огородныя овощи въ Чумиканѣ не родятся, то единственнымъ пропитаніемъ служитъ рыба и отчасти мясо нерпъ, медвѣдя, птицъ, дикаго оленя и лося, который изрѣдка попадается (100—200 шт. въ годъ). Въ Удскомъ острогѣ огороды давали громадный сборъ, окрестные луга служили кормовищемъ для скота, да и самый промыселъ звѣрей былъ ближе и лучше; кромѣ того въ ближайшихъ озерахъ, на случай недохода рыбы, всегда можно было добыть пропитаніе ловлей тайменей, сиговъ, карасей и щукъ, хотя туземцы и презираютъ прѣсноводныхъ рыбъ. Здѣсь же, въ Чумиканѣ, приходится полагаться на приходъ морской рыбы лососевыхъ породъ, изъ которыхъ въ р. Уду идутъ главнымъ образомъ кэта и горбуша,

[1]) Жалованья якутскому казаку полагается 12 р. 40 к. въ годъ; кромѣ того дается добавочное—16 р. казаку и 21 р. урядинку; квартирныхъ 5 р. 50 к. и аммуничныхъ—6 р. 50 к. Двѣ послѣднія статьи здѣсь совершенно преданы забвенію. Казацкій паекъ состоитъ изъ 1 п. 27 ф. 93 зол. ржаной муки.

около начала іюля; корюха и селедка громадными стадами появляется раньше, но жители не промышляютъ ихъ для себя.

Такимъ образомъ вопросъ о продовольствіи чумиканцевъ является дѣломъ случайности, и продержись льды въ Удскомъ заливѣ дольше обыкновеннаго, жители обречены на тяжелую голодовку.

Съ другой стороны вслѣдствіе сбыта пушнины въ Николаевскъ и на Кербинскихъ пріискахъ, торговля въ Удскомъ районѣ значительно упала. Русское товарищество котиковыхъ промысловъ доставляетъ сюда крайне ограниченное количество товаровъ; такъ въ іюнѣ 1896 г. здѣсь не хватило ни муки, ни чаю, ни табаку, а неводнаго прядева вовсе не было доставлено.

Болѣе или менѣе постоянными жителями Удского района (т. е. 2-го участка Удского округа) являются слѣдующіе пять наслѣговъ инородцевъ: 1) Батальскій, 2) Лалыгирскій, 3) первый Еджанскій, 4) третій Еджанскій и 5) Жерскій. Первые четыре наслѣга состоятъ изъ бродячихъ тунгусовъ, послѣдній составляютъ якуты; ясачныхъ плательщиковъ числится 246 душъ, а всего населенія — около 1700 душъ обоего пола, хотя эта цифра, по увѣренію мѣстнаго старосты, далеко не вѣрна. Они бродятъ со своими стадами по Удской и Тугурской долинамъ и сосѣднимъ хребтамъ. Къ концу рыбнаго промысла (конецъ іюля—начало августа) всѣ эти наслѣги собираются въ Чумиканѣ для рѣшенія разныхъ общественныхъ вопросовъ и сбора ясака, который потомъ доставляется старостами каждаго рода въ Николаевскъ.

Портъ Аянъ, какъ мы говорили выше, созданъ для торговыхъ цѣлей Россійско-Американской Компаніи, на средства которой былъ построенъ и содержался; даже бывшій здѣсь полицiймейстеръ получалъ жалованье отъ Компаніи; впослѣдствіи сюда былъ назначенъ священникъ, который тоже получалъ отъ Компаніи 600 р. жалованья и 2 пайка. Въ настоящее время консисторія сочла нужнымъ прекратить ему выдачу жалованья, оставивъ только 3 п. 25 ф. ржаной муки: ни соли, ни чаю, ни сахару, ни приварочныхъ священникъ не получаетъ. Теперь ни священникъ, ни полицiймейстеръ (онъ же пятидесятникъ) отъ торговой компаніи не получаютъ жалованья, да она и не обязана дѣлать это; а если что и даетъ означеннымъ лицамъ, то скорѣй въ видѣ награды за разныя услуги.

Аянъ расположенъ въ небольшой пади, охваченной кольцомъ невысокихъ горъ, и имѣетъ небольшую, но удобную бухту, открытую на югъ. Съ горъ беретъ начало небольшой ручеекъ, единственный

источникъ прѣсной воды, скрывающійся въ теченіи лѣта подъ наносными камнями. Сохранилось преданіе, что окрестности Аяна представляли непролазную тайгу, съ чѣмъ можно согласиться, судя по вѣковымъ пнямъ вырубленныхъ елей и лиственницъ; теперь только остались мелкія заросли, которыя не могутъ достигнуть крупныхъ размѣровъ и отъ вліянія сильныхъ вѣтровъ получаютъ уродливыя формы. Въ связи съ этой порубкой и отчасти съ проложеніемъ просѣки и тракта на Нельканъ (на западной сторонѣ Станового хребта) находится уменьшеніе пушного звѣря. Еще старикъ Карамзинъ (отецъ теперешняго тунгузскаго старосты), недавно умершій на 110 г., разсказывалъ о богатыхъ здѣсь промыслахъ соболя и лисицы; въ настоящее время въ этомъ районѣ соболя совсѣмъ не встрѣчается, лисицъ также мало—за три года (1893—95 гг.) добыто всего 130 штукъ. Единственнымъ промысловымъ звѣремъ остается бѣлка, которой здѣсь промышляется среднимъ числомъ около 7 т. въ годъ.

Сохранившіеся остатки прежнихъ зданій говорятъ о довольствѣ и роскоши служилыхъ людей компаніи «Вольшъ-Хольмъ». Громадный компанейскій домъ, половина котораго была перевезена въ Тигиль, еще теперь напоминаетъ барское помѣстье со множествомъ комнатъ и танцовальнымъ заломъ. Мягкая европейская мебель, музыкальныя машинки, англо-французская библіотека и недурныя гравюры по стѣнамъ,—все это указываетъ на европейскій, или вѣрнѣе говоря, американскій комфортъ.

Въ настоящее время Аянъ производитъ грустное впечатлѣніе: церковь приходитъ въ упадокъ, благолѣпіе храма божьяго давно забыто; дома и зданія рушатся. Отъ шумнаго порта осталось четыре жилыхъ (компанейскихъ) дома, въ которыхъ помѣщаются: 1) исправляющій должность полиціймейстера; 2) приказчикъ; 3) священникъ-старикъ и 4) рабочіе (якуты и тунгусы) компаніи. Кромѣ того, находятся двухэтажное помѣщеніе для магазина, сгнившій домъ бывшей школы, мастерская, баня и два пакгауза для склада привозимыхъ компаніей товаровъ, а также казеннаго провіанта, для храненія котораго нѣтъ казенныхъ магазиновъ [1]). Если къ этому

---

[1]) Умершій въ 1889 г. Филиппеусъ уступилъ пристройку къ своимъ магазинамъ, длиною въ 3 саж., въ которой прежде хранилась купеческая соль; но не требуя за это никакой платы, отказался на будущее время отъ ремонта. Зданіе пришло въ ветхость и стало протекать, о чемъ доносили по начальству бывшіе здѣсь въ 1851 г. засѣдатель Атласовъ, а въ 1893 г. чи-

прибавить 5 земляныхъ юртъ, занимаемыхъ бѣдными якутами и тунгусами [1]), то мы получимъ полное представленіе о современномъ состояніи Аяна (фототипія, табл. VI и VII).

Эти бѣдняки пробиваются частными заработками при выгрузкѣ чая лѣтомъ и при отправкѣ его зимой; рабочіе, которыхъ въ 1896 г. было 9 семействъ, получаютъ отъ компаніи продовольственный паекъ и жалованье 15—20 р. въ мѣсяцъ, выдаваемое товаромъ.

Климатъ Аяна отличается, подобно Чумикану, обиліемъ атмосферныхъ осадковъ, но весна и лѣто здѣсь гораздо лучше; термометръ въ лѣтніе мѣсяцы въ этой маленькой котловинѣ поднимается высоко; зато вторая половина осени сопровождается частыми туманами и проливными дождями. Зимой хребтовый вѣтеръ достигаетъ значительной силы, неся цѣлые камни и уродуя растительность. Около 10 октября начинаются заморозки, хребты покрываются снѣгомъ, хотя дорога черезъ хребетъ устанавливается только въ срединѣ декабря и держится до 15—20 марта. Самый ненастный мѣсяцъ весной—мартъ, а осенью—сентябрь.

Бухта замерзаетъ въ началѣ ноября, а вскрывается въ зависимости отъ вѣтровъ между 15 мая и 5 іюня; этому всегда предшествуетъ перемѣна вѣтровъ и дожди, выпадающіе въ началѣ мая. Въ началѣ іюня бухта всегда совершенно свободна; равно какъ и въ морѣ ледъ проноситъ въ юго-западномъ направленіи.

При Завойко здѣсь были заведены огороды, о поддержаніи которыхъ много заботился Филиппеусъ; сборъ всегда былъ прекрасный, но благодаря безпечности жителей, а главнымъ образомъ отсутствію сѣмянъ, теперь окончательно заброшены.

Единственное неудобство Аяна и его бухты состоитъ въ отсутствіи значительныхъ рѣкъ, а слѣдовательно и проходной рыбы; даже сосѣднія рѣки: Уя, Килькина, Сибикчанка и др. не отличаются изобиліемъ и прокормить большое населеніе Аяна были бы не въ состояніи. Въ этомъ отношеніи гораздо благопріятнѣе для заселенія

новникъ особыхъ порученій Савримовичъ. Въ 1894 г. былъ запросъ отъ военнаго губернатора о состояніи пристройки и характерѣ ремонта; не смотря на подробное донесеніе аянскаго полиціймейстера П. въ теченіи 1895—1896 гг. не послѣдовало никакого рѣшенія. Совершенно то же самое повторяется и въ Чумиканѣ: окружной начальникъ изъ Николаевска предписываетъ урядинку Р. доставить смѣту на ремонтъ вахтернаго дома, а его и въ поминѣ здѣсь никогда не было.

[1]) Въ одной изъ такихъ юртъ живетъ единственный здѣсь казакъ якутскаго полка.

р. Алдома и Лантаръ, гдѣ тунгусы запасаютъ рыбу въ большомъ количествѣ.

Какъ прежде, такъ и теперь, Аянъ служитъ мѣстомъ отправленія товаровъ въ Якутскъ; поэтому заботы объ устройствѣ путей сообщенія стоятъ на первомъ планѣ. Графъ Муравьевъ-Амурскій возлагалъ большія надежды на Аянъ и потому сдѣлалъ распоряженіе, чтобы по Аянскому тракту были поселены «семейскіе для отбыванія почтовой гоньбы». Чтобы судить о трудности пути и грандіозности сооруженія, нужно вспомнить, что все пространство отъ Аяна до самаго перевала выполнено боковыми отрогами Алдомскаго и Становото хребтовъ, поросшими густымъ лѣсомъ. Благодаря чему скопленіе почвенной воды настолько велико, что не только пади въ ущельяхъ горъ, но и самые склоны отроговъ представляютъ вязкое и топкое болото; есть долины, гдѣ, вслѣдствіе отсутствія стока воды, и лошади, и люди обязательно вязнутъ и нерѣдко погибаютъ [1]). Крутой и скалистый подъемъ на перевалъ Джугджура имѣетъ другія, трудно преодолимыя неудобства, къ которымъ зимой присоединяются порывы бурь, сбрасывающіе вьючныхъ лошадей и оленей съ нартами въ пропасти. По западную сторону хребта дорога проходитъ сначала по сильно гористой мѣстности, а затѣмъ начинается открытая и топкая тундра. Вотъ при такихъ-то физико-географическихъ условіяхъ нужно было создать трактъ для свободнаго движенія грузовыхъ каравановъ лошадей и оленей; въ началѣ 50-хъ годовъ прорублено много просѣкъ, устроено множество мостовъ, сдѣланы жердьевыя настилки на протяженіи цѣлыхъ верстъ, срѣзаны выступы скалъ и пр. Зависѣло ли это отъ характера мѣстности, или отъ неисполненія самыхъ элементарныхъ требованій дорожнаго искусства, только эта вьючная тропа скоро пришла въ полную негодность и не только не облегчала, а напротивъ увеличивала трудности путешествія: отъ снесенныхъ мостовъ торчали одни устои; бревна настилокъ, положенныя прямо на землю, сгнили, отчего лошадь ежеминутно проваливалась и, утопая въ грязи, рисковала сломать ноги; просѣки заросли,—и путь оказался никуда негоднымъ. Наконецъ въ 1867 г. Аянскій трактъ былъ упраздненъ. Якутское купечество, терпя отъ этого убытки, неоднократно обращалось къ мѣстному губернатору съ просьбой объ улучшеніи тракта,—и одна изъ послѣднихъ ремонт-

[1]) Напр. на Майльской тундрѣ; это «гиблое» мѣсто, которое нельзя обойти, тянется больше версты и представляетъ сплошной «бадаронъ», поросшій мелколѣсьемъ и замаскированный мхомъ.

ныхъ работъ была произведена въ 1890 г. [1]). Дѣло почему-то остановилось на 11 верстѣ отъ Нелькапа и на 6-й—отъ Аяна, гдѣ у такъ называемаго Краснаго моста сваленныя по тракту десятки тысячъ бревенъ вызвали такой застой воды и образовали такую трясину, что проѣздъ здѣсь въ настоящее время совершенно невозможенъ. Между тѣмъ, начпная въ 1885 г. Филиппеусомъ, доставка кирпичнаго чая чрезъ Аянъ-Нельканъ въ Якутскъ съ каждымъ годомъ увеличивалась; вмѣстѣ съ тѣмъ, по утвержденнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ (14 дек. 1890 г.) правиламъ о довольствіи сѣверныхъ округовъ, всѣ припасы для мѣстечка Нельканъ сдаются въ Аянѣ, изъ котораго отправляются при посредствѣ вольно-наемныхъ возчиковъ. Вотъ этотъ-то растущій провозъ чая, а съ другой стороны доставка казенныхъ грузовъ снова выдвинули на сцену вопросъ объ Аянскомъ трактѣ, и въ 1894 г. съ этою цѣлью была командирована экспедиція подъ начальствомъ дорожнаго техника Сикорскаго, задачи котораго сводились къ отысканію удобнаго перевала черезъ Джугджуръ и изслѣдованію о возможности постройки телѣжнаго пути между двумя указанными пунктами. Экспедиція увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, результатомъ котораго явился проектъ дороги (по приблизительной смѣтѣ отъ 400 до 600,000 р.), представленной иркутскому генералъ-губернатору.

Кирпичный чай, при его удобствѣ формовки и портативности при перевозкѣ, быстро распространился среди сѣверныхъ инородцевъ и теперь составляетъ главную статью мѣновой торговли. Количество его,—доставленные въ 1885 г. нѣсколько десятковъ ящиковъ, теперь въ Аянѣ возросло до 10 тысячъ мѣстъ. Перевозкой его занимаются главнымъ образомъ тунгусы Усть-Майскаго вѣдомства (27—30 хозяевъ, 1 русскій и 2 якута), которые въ концѣ ноября или въ началѣ декабря пріѣзжаютъ въ Аянъ. Въ теченіи зимы они успѣваютъ

---

[1]) Наиболѣе долговѣчнымъ памятникамъ этого ремонта является слѣдующая краснорѣчивая надпись, выжженная на доскѣ, прибитой на лиственницѣ у р. Донкахъ: «пріидите странствующіе и блуждающіе къ сей пути и найдете себѣ спасеніе. Сія путь не мало приняла нашего человѣческаго труда, и печально мѣсто отягощало насъ своею тяжелой, сырой и пасмурной погодой. Не знали и не радовались къ приходящимъ великимъ праздникамъ, только и радовалъ насъ вечерній звонокъ колокола, который придавалъ намъ радость и отдыхъ въ ночной тиши. Сей вечеръ дожидали съ отрадой, какъ приходу великому празднику, 1890 года, Сентября 1 дня. Работы эти производились подъ наблюденіемъ мѣщанина Охлопкова въ теченіи двухъ лѣтъ». См. Я. Стефановичъ. Отъ Якутскаго Аяна. Иркутскъ. 1896, стр. 95.

сдѣлать три переѣзда: 1-й—въ началѣ декабря, 2-й—съ 15-го января, 3-й— въ началѣ марта; при хорошей дорогѣ и благопріятной погодѣ въ одинъ конецъ съ грузомъ требуется 12 дней, съ двумя дневками (ёрё-тё) въ разныхъ мѣстахъ, смотря по состоянію оленей и кормовищъ. Ночью обыкновенно не ѣдутъ, отпуская оленей на подножный кормъ, а для себя ставя легкую урасу или калты (т.-е. простой навѣсъ отъ вѣтра). Въ оленномъ караванѣ опытный и ловкій возница ведетъ 8 нартъ, олени которыхъ привязаны; на каждую нарту кладется по 3 чайныхъ мѣста, вѣсомъ каждое въ 4 пуда. Плата считается съ мѣста по 4—5—6 руб. за 200 в. разстоянія до Нелькана. Подобная тяжелая и спѣшная работа оказывается непосильной для оленя, и обыкновенно около 5% ихъ погибаетъ въ дорогѣ. При неблагопріятныхъ условіяхъ погоды одинъ рейсъ тянется 1½—2 и даже 4 мѣсяца.

Съ провозимыхъ черезъ Аянскій портъ товаровъ поступаетъ добровольный сборъ на улучшеніе означеннаго тракта (съ 1888 года): съ иностранныхъ—по 40 к., а съ русскихъ—по 20 к. съ пуда, что въ настоящее время составило значительную сумму, которая дѣйствительно могла бы поступить для выполненія проекта Сикорскаго. Насколько эта телѣжная дорога окажется удобной для зимняго перевоза чаевъ и что отъ этого выиграютъ возчики-тунгусы—трудно сказать. Одно только остается неопровержимымъ фактомъ, что доставка чая уменьшаетъ количество оленей, а частыя соприкосновенія табуновъ служатъ причиною сильнаго развитія эпизоотій. Уже теперь нѣкоторые роды майскихъ тунгусовъ, посѣщавшихъ Аянское побережье, какъ напримѣръ Дьячковы, сдѣлались бѣдняками.

Перейдемъ теперь къ описанію Охотскаго округа, въ которомъ считается 12 поселковъ; изъ нихъ только четыре разбросаны по долинѣ рѣки Охоты и Якутскому тракту, а остальные—по сѣверному морскому побережью.

Многія жилыя мѣста даже нельзя назвать поселками, потому что они состоятъ изъ 1—2 жалкихъ юртъ или избъ, заброшенныхъ въ лѣсу. Такихъ выселковъ въ окрестностяхъ Охотска много; время отъ времени они мѣняютъ мѣста, чѣмъ и объясняется исчезновеніе селеній въ спискахъ округовъ (см. Приложеніе 6-е, табл. I). Каждая изба въ этихъ выселкахъ является убѣжищемъ небольшой семьи, занятой скотоводствомъ и погруженной въ заботы домашняго хозяйства.

Центромъ управленія считается Охотскъ, бывшій многолюдный и шумный портъ для зарождавшагося тогда мореплаванія. Онъ рас-

положенъ на низкомъ, солончаковомъ треугольникѣ, образуемомъ изгибомъ рѣки (лѣваго берега) Кухтуй при впаденіи въ море, на такъ называемой Тунгузской кошкѣ. Со дня перваго основанія сначала Охотскій острогъ, а потомъ Охотскій портъ неоднократно переносился съ одного мѣста на другое. Главной причиной этого переноса служили большіе разливы рѣки и подмывъ берега, влекшій за собою разрушеніе частныхъ домовъ и казенныхъ магазиновъ. На послѣднее мѣсто, гдѣ теперь стоитъ Охотскъ, онъ перенесенъ въ 1815 г.

Трудно себѣ представить картину печальнѣе той, какую имѣютъ окрестности этого злополучнаго порта. По близости самого Охотска нѣтъ ни прѣсной воды, ни какой бы то ни было растительности. Во время морскихъ приливовъ соленая вода такъ высоко поднимается по Кухтую, что пить воду изъ рѣки тогда совершенно невозможно. Рытье колодцевъ на Тунгузской кошкѣ показало наносные слои морской гальки, песку, илу и водорослей и присутствіе солоноватой воды, негодной для употребленія.

Кругомъ на десятки верстъ (кромѣ С.-В. стороны) тянется низкая, илисто-топкая долина, съ мелкимъ и рѣдкимъ кустарникомъ; по близости Охотска не только нѣтъ строевого лѣса, но даже негдѣ нарубить дровъ, за которыми приходится ѣздить десятки верстъ вверхъ по Кухтую или къ старому руслу Охоты. Вслѣдствіе соланчаковаго характера почвы устройство огородовъ и культура огородныхъ овощей почти невозможна или вознаграждается крайне плохо.

Открытая для всѣхъ вѣтровъ Охотская низина лишена также травяного покрова, годнаго для корма скота; почему нѣкоторые хозяева предпочитаютъ переселяться изъ Охотска въ окрестности, какъ мѣстечки Елань, Булгинка, Сергеляхъ и пр., гдѣ есть лѣсъ и пастбища и гдѣ возможно огородничество.

Каждый городъ или поселокъ въ здѣшней окраинѣ большею частью дѣлится на обыкновенныя зимнія жилища и лѣтники, или балаганы, куда жители перебираются на время рыбнаго сезона. Этимъ и объясняется значительное число разныхъ построекъ и юртъ.

Главный элементъ населенія Охотска—казаки Якутскаго полка; кромѣ того, есть нѣсколько купцовъ и мѣщанъ. Въ прежнее же время число жителей Охотска достигало нѣсколькихъ тысячъ душъ.

Въ Охотскѣ числится домовъ 68, съ 277 душами обоего пола [1]); юртъ и разныхъ построекъ—107, а въ 1888 г. населеніе его со-

[1]) По переписи 1897 года—304 души.

стояло изъ 248 душъ. (Фототипія, табл. V, представляющая южную и сѣверную части города). Какъ съ внѣшней стороны, такъ и внутри домики современнаго Охотска выглядятъ опрятно; до нѣкоторой степени въ нихъ поддерживается чистота, насколько это позволяетъ характеръ промысловъ и рыбнаго довольствія. Мужчины и женщины носятъ европейское или, лучше сказать, русское платье и бѣлье, кромѣ верхней одежды и обуви, которыя — мѣстнаго покроя и дѣлаются изъ оленьихъ шкуръ. Рѣдко кто надѣваетъ шубу, пальто или сапоги — и то только по праздникамъ или во время посѣщенія церкви. Женщины, какъ во всѣхъ здѣшнихъ портовыхъ городахъ, отличаются страстью къ нарядамъ и щегольству, что далеко не соотвѣтствуетъ ихъ заработку или матеріальнымъ средствамъ.

Отъ прежнихъ построекъ въ Охотскѣ сохранились ветхая церковь съ интересною живописью и гостиный дворъ, напоминающій подобныя деревянныя постройки русскаго захолустья. Очень недурной архитектуры построена новая (деревянная) церковь; ни для больницы, ни для школы зданій нѣтъ, хотя первая когда-то здѣсь существовала даже послѣ уничтоженія порта. Еще недавно съ юго-западной стороны Охотска существовалъ садикъ, съ большимъ трудомъ возращенный однимъ окружнымъ начальникомъ и съ легкимъ сердцемъ вырубленный на дрова другимъ.

Море у Охотска никогда не замерзаетъ, хотя плавучій ледъ, несомый теченіемъ или приливами, встрѣчается у берега съ декабря по конецъ апрѣля. Кухтуй и Охота замерзаютъ въ концѣ октября и вскрываются ото льда въ концѣ апрѣля.

Въ климатическомъ отношеніи Охотскъ пользовался плохой репутаціей, и прежніе моряки считали его гнѣздомъ цынги. Въ главѣ о климатѣ мы уже указали на неосновательность этого взгляда и отмѣтили тотъ важный фактъ, что начиная съ южной части Охотскаго округа количество атмосферныхъ осадковъ значительно уменьшается сравнительно съ Аяномъ и Чумиканомъ. Нѣкоторыя особенности Охотскаго климата зависятъ отъ его положенія въ концѣ обширной низкой долины на берегу моря. Уже въ началѣ мая воздухъ надъ материкомъ значительно нагрѣвается, а между тѣмъ таяніе снѣга по хребтамъ и весенній ледоходъ поддерживаютъ низкую температуру воды какъ въ рр. Охотѣ и Кухтуѣ, такъ и въ открытомъ морѣ. Такъ напр., 31 мая въ устьѣ Охоты температура воды была $+ 3{,}6°$ R., а дальше, гдѣ не шелъ ледъ, она поднялась до $+ 4°$, тогда какъ

температура воздуха въ то же время стояла на + 6,5°; 20 іюня температура воздуха 9,2°, воды Кухтуя 8,7°, а въ морѣ 7°. Такъ какъ начало вѣтровъ съ моря (отъ В. и Ю) совпадаетъ съ ледоходомъ въ рѣкѣ (съ 15 мая по 15 іюня), то это задерживаетъ ледъ у берега и создаетъ частые туманы и бусъ,—своеобразный, мокрый туманъ, представляющій какъ-бы дождь въ взвѣшанномъ состояніи и не переходящій въ капельно-жидкое состояніе. Чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ меньше буса; ближе къ хребтамъ воздухъ чище и теплѣе. Разныя направленія вѣтра отъ Ю. ЮВ. и В. имѣютъ прямое вліяніе на ясность или заволакиваніе неба, какъ вездѣ въ Европѣ; вѣтры съ материка въ теченіи весны и лѣта здѣсь рѣдки, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало и ясныхъ дней. Существованіемъ морскихъ вѣтровъ и холоднымъ теченіемъ изъ Гижигинской губы объясняется, почему въ теченіи самаго теплаго времени въ Охотскѣ холодно сравнительно съ материкомъ; нигдѣ въ Сибири въ полдень не бываетъ такъ прохладно, какъ въ Охотскѣ, но съ другой стороны нигдѣ на континентѣ охлажденіе воздуха, послѣ заката солнца, не бываетъ такъ мало, какъ здѣсь: теплыя ночи составляютъ отличительную особенность Охотскаго порта 59° 36 с. ш. и сходны съ подобнымъ же явленіемъ на западномъ американскомъ берегу подъ 39° с. ш.

Въ самомъ Охотскѣ, подобно Чумикану, культура огородныхъ овощей невозможна, потому что дресвяная почва абсолютно не плодородна; только на Булгинѣ, около стараго русла Охоты, и выше сѣютъ картофель и рѣпу; о хлѣбопашествѣ не можетъ быть и рѣчи. Поэтому, единственнымъ средствомъ пропитанія какъ русскихъ, такъ и осѣдлыхъ инородцевъ являются рыбные промыслы. Только въ извѣстное время года и то рѣдко охотскій казакъ разнообразитъ свой столъ мясомъ ластоногихъ и птицъ: первыхъ промышлютъ ранней весною и осенью, а послѣднихъ добываютъ на ружье или загоняютъ въ сѣтку во время линячія. Живущіе на Бульгинѣ, Медвѣжьей головѣ (эгё-бага) и въ Кёхтеряхъ русскіе и якуты лучше обезпечены продовольствіемъ, потому что содержатъ достаточно рогатаго скота, а съ другой стороны всегда имѣютъ возможность добыть свѣжей рыбы (малма и валекъ) въ постоянныхъ проталинахъ рѣкъ.

Главное количество лошадей (12) и рогатаго скота (162) Охотска приходится на эти окрестные выселки, куда даже охотчане отдаютъ свой скотъ для пастбища.

Трактъ, по которому въ прежнее время ежегодно проходили тысячи вьючныхъ лошадей и сотни каравановъ нартъ съ служилыми людьми,

*

въ настоящее время находится въ худшемъ положенiи; по немъ разбросано нѣсколько поселковъ, какъ Арка и Мѣта; въ первомъ живутъ пѣшiе тунгусы (8 сем.), а во второмъ—якуты (10 сем.), ближе къ хребту находятся еще два поселка Амгинскъ и Кетанда. Единственными невольными пассажирами по Охотско-Ямскому тракту въ настоящее время являются казаки по службѣ до пограничнаго пункта, да почтальоны, ежемѣсячно зимой совершающiе переѣзды изъ Якутска въ Охотскъ.

Впрочемъ, въ 1891 г. бывшимъ Приамурскимъ Товариществомъ была сдѣлана попытка снова оживить этотъ трактъ и разбудить уснувшую жизнь Охотска посредствомъ доставки чая и товаровъ чрезъ этотъ портъ. Переѣздъ до Алдана (800 в.) на оленяхъ занималъ немного больше времени (17—20 дней), чѣмъ по Аянскому тракту, при платѣ по 8 р. за мѣсто чаю, но зато былъ болѣе надеженъ и не угрожалъ тѣми неожиданностями, какъ на Аянскомъ перевалѣ. Отъ Алдана чай шелъ уже на пароходахъ до Якутска; но, озабочиваясь улучшенiемъ сообщенiя, названное товарищество обслѣдовало р. Юдому и, убѣдившись въ ея судоходности, взорвало пороги (1896 г.), которые мѣшали проходу паузковъ съ грузомъ. Это значительно сократило оленный перевозъ, и въ настоящее время, послѣ удачнаго опыта, доставка изъ Охотска товаровъ сухимъ путемъ тянется всего 250 в. до новаго мѣста сплава, а вмѣстѣ съ тѣмъ провозная плата до Якутска за мѣсто чаю обходится около 7 р., тогда какъ изъ Аяна—не меньше $11^1/_2$ р., такъ какъ одна доставка на оленяхъ отсюда обходится 6 р. за мѣсто.

Къ сожалѣнiю, дѣятельность Приамурскаго Товарищества скоро прекратилась (1897 г.) вслѣдствiе неудачнаго и неумѣлаго выбора довѣреннаго лица, которое завѣдывало всей торговлей въ сѣверныхъ округахъ. Вызванное нѣкоторое оживленiе въ жизни Охотскаго округа снова утихло; возросшiй привозъ товаровъ (1888 г. на 13 т. р., а въ 1893 г. на 138,000 р.) опять упалъ, а вмѣстѣ съ этимъ возросли и цѣны на предметы первой необходимости, какъ видно изъ слѣдующей сравнительной таблицы цѣнъ:

	1888 г.	1893 г.	1897 г.
1 ф. байховаго чаю	3 р.	1 р. 80 к.	2 р. 50 к.
Кирпичъ чаю	1 р.	50 к.	70 к. до 1 р. 20 к.
1 п. табаку черкасскаго	30 р.	$15^1/_2$ р.	отъ 40 р. до 70 р.
Кулекъ (55 ф.) муки бѣлой 3 сорта.	5 р.	2 р. 50 к.	6—7 р.
1 арш. ситцу	35 к.	отъ 12 к. до 25 к.	20—40 к.

Ближайшимъ жилымъ пунктомъ на востокъ отъ Охотска является сел. Инское (100 в.), расположенное въ 2 в. отъ устья р. Ини[1]), на одной изъ правыхъ протокъ, среди обширной низины съ мелкимъ лѣсомъ. Домики (21) разбросаны въ безпорядкѣ и почти каждый огороженъ частоколомъ. Это одно изъ самыхъ старыхъ селеній, гдѣ русскіе завоеватели уже нашли осѣдлыхъ тунгусовъ; оно интересно и въ томъ отношеніи, что здѣсь были сдѣланы первые опыты хлѣбопашества. Когда-то на устьѣ р. Ини стоялъ маякъ для Охотскихъ мореходовъ, а въ 50—60 г.г. это селеніе усердно посѣщалось американскими китобоями, оставившими жителямъ тяжелое, до сихъ поръ неизлеченное наслѣдство.

Разныхъ построекъ и балагановъ въ Инскомъ 75; школы нѣтъ; церковь заботливо содержится, но давно умершій священникъ до сихъ поръ не замѣщенъ новымъ. Населеніе (1896 г.)—132 души обоего пола изъ крестьянъ и помѣси тунгусовъ и якутовъ. Лошадей 35, рогатаго скота 80 головъ. Каждый домъ бревенчатой постройки, крытый морской травой, имѣетъ сѣни съ кладовкой, къ которой прилегаетъ теплый хлѣвъ для скота. Въ нѣкоторыхъ домахъ, напр. старосты, псаломщика и др. живутъ чисто и достаточно; въ святомъ углу и по стѣнамъ много образовъ, лубочныхъ картинъ и иллюстрацій американскаго и русскаго происхожденія. Населеніе въ общемъ крѣпкаго тѣлосложенія, средняго роста; черты лица большею частію тунгузскаго и якутскаго типа. Общинное начало въ промыслахъ рыбы, а главнымъ образомъ нерпъ болѣе или менѣе равномѣрно обезпечиваетъ продовольствіе населенія. Есть хозяева, у которыхъ по 12 коровъ и по 90 ѣздовыхъ собакъ; столярное ремесло—одно изъ любимыхъ занятій, и потому въ каждой избѣ много самодѣльной, очень недурной мебели съ рѣзными рисунками. Здѣсь процвѣтало даже горшечное производство, глину (трехъ цвѣтовъ) для котораго жители брали въ 15 в. отъ устья по р. Ульбеѣ. Лѣтъ 25—30 тому назадъ сюда ежегодно заходило 5—8 китобоевъ.

Населеніе Инского еще недавно было гораздо больше, но отъ появившейся въ 1874 г. оспы, а затѣмъ кори (скарлатина?) много вымерло. Промысла прежде были лучше, но въ настоящее время все больше и больше стало приходить съ Камчатскаго хребта (съ Голомянки[2]), 200 в., и Верховового озера, изъ котораго беретъ начало

[1]) Иня по тунгузски значитъ «да».

[2]) Голомянка или Гономия—названіе двухъ хребтовъ, лежащихъ по обѣ стороны р. Ини.

р. Иня) тунгусовъ, до 30 юртъ, составляющихъ имъ большую конкуренцію.

Изъ прежнихъ якутскихъ юртъ осталось только одно жилье на долинѣ при р. Харьюзовкѣ, въ которомъ мы встрѣтили Герасима Летяева. Сынъ какого-то мѣщанина, воспитанный съ ранняго дѣтства якутомъ, Летяевъ представляетъ чистый типъ якута и по характеру, и по физическимъ чертамъ. Онъ живетъ одинъ съ женой и дочерью-пріемышемъ и ведетъ большое хозяйство (18 коровъ и до 30 лошадей). Для проѣзжающихъ это теплый и гостепріимный уголокъ, гдѣ ночлежникамъ отводится чистая половина съ недурной мебелью, лампой, 2 зеркалами и 5 стѣнными часами. Стѣны украшены картинами и портретами, среди которыхъ Кольцовъ и Лермонтовъ помѣщены рядомъ съ красоткой; знаменитый Либихъ составляетъ компанію какому-то старику съ длинными баками и дипломатическимъ лицомъ; видъ Москвы прибитъ подъ образами. Объ этомъ Летяевѣ мы сочли нужнымъ упомянуть еще потому, что осенью передъ нашимъ проѣздомъ онъ спасъ и вытащилъ изъ моря двухъ тонувшихъ и почти замерзшихъ крестьянъ сел. Инского; кромѣ того и прежде онъ спасъ трехъ, но объ этомъ человѣколюбивомъ подвигѣ мы впервые доводимъ до свѣдѣнія общества.

Отъ сел. Инского на востокъ на протяженіи 400 в. нѣтъ жилья, и только на устьѣ р. Тауй вы встрѣчаете небольшое селеніе Тауйскъ, состоящее изъ 19 домовъ, 23 лѣтнихъ юртъ и 30 разныхъ построекъ, съ опрятно содержимою церковью; онъ расположенъ на правомъ берегу рѣки, почти у самаго моря, а сзади тянется обширная ровная возвышенность, ограниченная съ юга р. Кавой, а съ сѣвера р. Яной. Все пространство покрыто рѣдкимъ лѣскомъ лиственницы и березы и состоитъ изъ нѣсколькихъ уступовъ, понижающихся къ морю. Среди этой равнины возвышается отдѣльная сопка, визави которой противъ устья рѣки поднимается изъ моря сопка-островъ; правый берегъ Кавы огражденъ крутыми скалами, а лѣвый берегъ р. Яны представляетъ наносныя массы, высотою до 4—5 саж., круто обрывающіяся у моря. Селеніе Гербея, которое нанесено на картахъ при устьѣ р. Кавы, давно уже не существуетъ.

Тауйскъ, по оффиціальнымъ даннымъ, населенъ якутами (16 сем.); правда, жители его переселены сюда были изъ Якутска и Томской губерніи, но, судя по теперешнимъ чертамъ лица, это были скорѣе русскіе, женатые на якуткахъ, племянныя черты которыхъ лучше сохраняются и рѣзче передаются по наслѣдству, какъ въ этомъ мы

не разъ убѣждались, при изученіи такихъ смѣшанныхъ семей. Кромѣ того, здѣсь между жителями еще хорошо сохранилось преданіе, изъ котораго видно, что послѣ разоренія какого-то города на Амурѣ (Альбазинъ?) нѣсколько казаковъ бѣжало въ Удской острогъ, а другіе отсюда поплыли на кочахъ и въ здѣшней бухтѣ заштилѣли цѣлую недѣлю. Считая кого-нибудь виновнымъ въ этомъ несчастіи, они бросили жребій, но онъ ни на кого не выпадалъ въ теченіи трехъ разъ; тогда бросили жребій на бывшій у нихъ образъ Покрова Пресвятыя Богородицы, и когда онъ выпалъ, пришедшіе люди поставили крестъ, къ которому прикрѣпили икону съ надписью: «да просвятится мѣсто сіе». Тогда въ этомъ мѣстѣ обитала «нехристь» (т. е. коряки); икона долгое время оставалась на крестѣ, съ оградой, и только впослѣдствіи пріѣхавшіе изъ Охотска священники порѣшили построить на этомъ мѣстѣ церковь. Послѣдняя сгорѣла, но икона осталась и теперь находится въ новой церкви. Вышеприведенное преданіе, помимо антропологическихъ признаковъ, также указываетъ на русское происхожденіе первыхъ жителей Тайуска, которые впослѣдствіи сильно смѣшались съ якутами и тунгусами и пріобрѣли нѣкоторые манеры отъ американскихъ китобоевъ.

Характеръ жилыхъ построекъ такой же, какъ въ Инскомъ, только здѣсь больше чистоты въ домѣ и меньше зажиточности. Прежде паслись большіе табуны лошадей, но бывшая лѣтъ 15 тому назадъ гололедица истребила больше половины; изъ наличнаго числа (34) они уже не могутъ употреблять на мясо, какъ прежде, а держатъ только для лѣтней ѣзды; рогатаго скота 70 головъ, собакъ 220, что объясняется сильною безпечностью: на всѣхъ лежитъ отпечатокъ тупой апатіи и даже мало слышишь жалобъ на судьбу и недостатки. Напр. въ лѣто 1896 г. пароходъ «Хабаровскъ» не доставилъ въ сел. Олу казеннаго груза, и тауйцы, не зная этого до самаго послѣдняго времени, остались на всю зиму безъ пороха и дроби, а слѣдовательно и безъ пушного промысла; въ Охотскѣ же, при поздно установившейся зимней дорогѣ (500 в. въ одинъ конецъ), они ѣхать не могли. Единственнымъ подспорьемъ въ продовольствіи имъ служилъ хорошій урожай картофеля (съ 1 пуда посѣва получилось до 40 п. сбору), изъ котораго они готовили нѣчто въ родѣ хлѣба и суррогатъ кофе, чтобы замѣнить недостатокъ чая: помимо рыбной голодовки здѣсь бываетъ еще чайная, отъ которой люди при своемъ однообразномъ и тяжеломъ столѣ страдаютъ не меньше, чѣмъ отъ первой.

Пролегающая по близости долина р. Кавы, отличающаяся своими тихими зимними погодами, по изобилію звѣря и рыбы могла бы прокормить цѣлый десятокъ селеній, подобныхъ Тауйску, а обширныя заросли крупнаго лѣса, при эксплоатаціи послѣдняго, доставили бы хорошій заработокъ жителямъ. Вся пустынная долина Кавы, какъ и морское побережье отъ сел. Инского до Тауйской бухты, лѣтомъ оживляется прикочевывающими съ Колымскаго хребта тунгусами Уягинскаго рода, которые запасаютъ здѣсь нерпичій жиръ и рыбное продовольстіе, часть котораго всегда оставляютъ для будущей весны въ кладовкахъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ на высокихъ столбахъ, чтобы спасти его отъ похищеній лисицъ и медвѣдя.

Въ началѣ марта бухта открыта и отдѣльныя льдины держатся только съ ея южной стороны у скалистыхъ мелкихъ острововъ; въ первой половинѣ декабря 1896 г. мы видѣли только разбитыя льдины. Яна и Кава вскрываются ото льда одновременно, около 20 мая, а замерзаютъ 20 декабря (въ 1896 г.—3-го декабря).

Такъ какъ остальныя селенія Охотскаго округа имѣютъ совершенно такой же невзрачный видъ, то, не описывая ихъ подробно, приводимъ только статистику населенія, рогатаго скота, лошадей и ѣздовыхъ собакъ.

За 1896 г.	Домовъ.	Душъ об. п.	Рог. скота.	Лошадей.	Собакъ.
Армань . .	14	89	28	30	350
Ола	21 д. и 20 юрты	116	24	26	250
Ямскъ . . .	53 » и 31 »	233	59	30	600
Иреть . . .	1 » и 3 »	12	—	—	12
Тахтоямскъ	2 » и 3 »	15	1	3	20
Туманы . .	1 » и 4 »	24	3	1	80

Изъ этого списка видно, что только Ола и Ямскъ могутъ считаться селеніями, тогда какъ въ остальныхъ поселкахъ живетъ крайняя бѣднота, половина которой поражена старыми формами дурной болѣзни.

Ола имѣетъ теперь торговое значеніе съ учрежденіемъ рейсовъ пароходовъ Добровольнаго флота и открытіемъ Ольско-Колымскаго тракта, по которому начали отправлять какъ казенный, такъ и частный грузъ въ Колымскій округъ. Въ Олѣ живетъ казакъ для надзора за выгрузкой частныхъ товаровъ, а въ Ямскѣ — фельдшеръ, единственный для всѣхъ поименованныхъ селеній.

Въ Олѣ и Ямскѣ существуютъ церковно-приходскія школы, находящіяся въ завѣдываніи мѣстныхъ священниковъ, и заботливо содержимыя церкви, въ которыхъ поетъ хоръ пѣвчихъ изъ дѣтей. Въ каждомъ изъ этихъ селеній находится лавка.

Ольская бухта замерзаетъ до Ольскаго острова (25 в. отъ устья рѣки) въ концѣ октября, хотя морозы начинаются уже съ сентября; рѣка очищается ото льда въ началѣ мая. Глубокаго снѣгу не бываетъ. Огородныя овощи всегда даютъ хорошій сборъ, хотя картофель имѣетъ особый вкусъ и консистенцію.

Въ виду новизны вышеупомянутаго тракта считаемъ необходимымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Устье р. Баянды [1]) отстоитъ отъ Ольской бухты на 500 в.; а съ Колымскаго перевала считаютъ только 100 в.

И правительственныя экспедиціи, и масса казеннаго и частнаго груза всегда отправлялись изъ Якутска чрезъ Оймеконское плоскогорье, по хребтамъ и тундрамъ. Старый вьючный трактъ пролегаетъ чрезъ Верхоянскъ, Зашиверскъ, Уяндинъ, Алазейскъ и Средне-Колымскъ [2]) до низовьевъ главной рѣки на протяженіи 2,315 в. Сообщеніе съ Якутскомъ происходило не больше двухъ разъ въ году, когда приходила почта и всѣ жизненные припасы, въ замѣнъ которыхъ мѣстные торговцы отправляли пушнину, рухлядь, мамонтовые бивни и моржевые клыки. Понятно, что вслѣдствіе громадности разстоянія и примитивнаго способа доставки, цѣны на всѣ жизненные припасы въ Средне-Колымскѣ достигали невѣроятныхъ размѣровъ. Такъ, пудъ крупчатки стоилъ 40 р., кирпичъ чаю $2^1/_2$ р., 1 ф. простого мѣлу 1 р. и пр.

Въ виду этого и администрація, и торговцы отнеслись съ большимъ вниманіемъ къ идеѣ Калинкина, который въ зиму 1893 г. первый прошелъ съ оленнымъ караваномъ груза до Колымы, намѣтивъ дорогу и устроивъ нѣсколько дорожныхъ юртъ. Узнавъ объ этомъ, Охотскій окружной начальникъ, Херсонскій, обратился съ просьбой къ Приморскому областному начальству о разрѣшеніи изслѣдовать намѣченный путь изъ Олы и объ ассигнованіи на это средствъ. И только черезъ $1^1/_2$ года Херсонскому удалось осмотрѣть этотъ новый путь [3]), который создавалъ новый періодъ торговли въ

[1]) Баянда по-тунгузски значитъ дикій олень.
[2]) Словцовъ. L. c., т. II, стр. 78.
[3]) Дневникъ Херсонскаго при проѣздѣ для изслѣдованія Ольско-Колымскаго пути, съ 24 февр. по 5 апр. 1894 г. Приложеніе къ № 61 «Приамурскихъ Вѣдомостей», 1895 г.

сѣверныхъ округахъ, вызывая оживленіе среди мертвой пустыни и значительно понижая стоимость жизненныхъ припасовъ въ отдаленномъ краѣ; одна доставка казеннаго пайка служащимъ Колымы стоила около 19,000 р., а при доставкѣ чрезъ Олу пудъ муки, стеариновыхъ свѣчей, мыла, сахару и пр. понижался въ цѣнѣ на мѣстѣ на 25—30 р.

Морское министерство, съ своей стороны, желая облегчить возникновеніе новаго порта, командировало въ 1895 г. штурмана Михельсона для изслѣдованія и промѣра Ольской бухты [1]). Результаты также получились весьма удовлетворительные; климатическія и топографическія особенности даннаго мѣста также повидимому благопріятствовали возрожденію края. Остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Устье р. Колы, впадающей къ сѣверу у восточнаго угла Тауйской губы, находится подъ 59° с. ш. и 125° в. д.; долина ея представляетъ обширную равнину, покрытую богатыми кормовыми травами; ближе къ горамъ (около 8—10 в. отъ устья) стелется густой покровъ оленьяго моху; еще дальше, въ 15 в., начинается густой строевой лѣсъ, преимущественно изъ лиственницы, осины и березы. Послѣдняя, хотя и нестроевого качества, но въ жизни сѣвернаго инородца играетъ очень важную роль, такъ какъ безъ нея немыслима постройка нартъ. Окрестные лѣса и долины рѣкъ изобилуютъ бѣлкой, медвѣдями, волками, горнымъ барапомъ, горностаемъ и сѣвернымъ оленемъ; здѣсь, какъ увѣряютъ, попадается кабарга и сохатый (лось), который водится только въ Удской долинѣ. Соболя здѣсь нѣтъ; масса глухарей, тетеревовъ, рябчиковъ и куропатокъ до сихъ поръ не составляли предмета охоты. Лучшимъ временемъ считается іюль и августъ. Южные вѣтры способствуютъ раннему замерзанію бухты, потому что нагоняютъ съ моря льдины, а сѣверные—наоборотъ уносятъ его въ море.

Когда такимъ образомъ въ общихъ чертахъ былъ обслѣдованъ путь и бухта, Приамурское Товарищество, къ сожалѣнію, прекратило свою дѣятельность; Русское Товарищество котиковыхъ промысловъ не имѣло тогда торговыхъ интересовъ въ Колымѣ, а Приморское Областное Управленіе не аккуратно направляло казенные грузы въ Олу.

---

[1]) Промѣры Михельсона изданы Гидрографическимъ департаментомъ Морского Министерства, Восточный океанъ, № 444. Его замѣтки см. «Владивостокъ» 1896, №№ 4—5.

Такимъ образомъ зарождавшійся новый трактъ, обѣщавшій экономическое облегченіе для далекой окраины, повидимому, былъ брошенъ въ самомъ началѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Въ окрестностяхъ Ольскаго сел. кочуетъ много оленныхъ тунгусовъ по рр. Кола, Ланковая, Сиглань и пр.; они собираются въ январѣ на ярмарку, куда также пріѣзжаетъ начальство для сбора ясака.

Болѣе или менѣе значительнымъ поселкомъ на востокъ отъ Олы (200 в.) является Ямскъ, при устьѣ р. Ямы, состоящій изъ 53 домовъ, 31 юрты и 45 разныхъ построекъ, въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе больница, построенная и содержимая на средства, пожертвованныя однимъ тунгусомъ. Жителей въ Ямскѣ 233 души, изъ нихъ женскаго пола 109; съ 1870 г. общая сумма жителей стала больше на 30 человѣкъ, но это зависитъ отъ переселенія изъ другихъ мѣстъ, а не отъ естественнаго прироста, потому что за послѣднія 10 л. ясачныхъ плательщиковъ убавилось на 20.

Жители, осѣдлые коряки Икжурскаго рода, представляютъ потомки той «нехристи», съ которою русскимъ долго пришлось возиться до окончательнаго усмиренія. Прежній острогъ стоялъ ниже, у самой бухты, гдѣ на о. Буянѣ коряки приносили жертвы, приходя сюда съ Ямскаго полуострова, на которомъ они кочевали со стадами оленей. По берегамъ бухты и теперь видны слѣды прежнихъ юртъ, поросшія травой и кустарникомъ, а въ осыпяхъ находятъ черепки горшковъ съ рисунками. По сохранившимся преданіямъ, сначала сюда пришли тунгусы изъ Китая и долго воевали съ коряками. Въ виду постоянной рѣзни между этими племенами, въ Ямскъ прислали казаковъ и устроили крѣпость для успокоенія непокорныхъ инородцевъ. Ямскъ когда-то былъ многолюдной крѣпостью, но въ настоящее время домашняя обстановка и видъ жителей производятъ грустное впечатлѣніе: это соединеніе крайней бѣдноты съ широкимъ развитіемъ дурной болѣзни. Давно распространенное здѣсь христіанство, видимо, не вполнѣ понято осѣдлымъ корякомъ и неглубоко проникло въ его душу. Множество суевѣрій и слѣды шаманства служатъ тому доказательствомъ: у нѣкоторыхъ по наслѣдству сохраняются шаманскіе костюмы, бубенъ и куклы, которымъ приносятся жертвы.

Не смотря на всѣ эти печальныя и отрицательныя стороны жизни ямскихъ обитателей, это селеніе интересно въ томъ отношеніи, что показываетъ возможность прогрессивнаго развитія коряцкаго пле-

мени и христіанской проповѣди среди нихъ. Извѣстно, что даже лучшіе миссіонеры, какъ Иннокентій, епископъ Камчатскій, думали, что проповѣдь христіанства среди коряковъ еще долгое время не будетъ возможна. Разсказы мѣстнаго священника показываютъ, что ямскіе коряки очень богобоязненны, набожны и съ большимъ довѣріемъ относятся къ духовному отцу. Онъ разсказывалъ нѣсколько примѣровъ, когда корякъ, мучимый угрызеніями совѣсти и смущаемый шаманами, обращался къ своему духовному отцу со слезной просьбой «спасти его отъ этихъ людей, которые терзаютъ его и рвутъ на части».

Широкое радушіе и способность къ кузнечному и столярному ремеслу сохранились отъ прежнихъ временъ: домашняя мебель собственной и недурной работы; ямскія байдары славятся и поднимаютъ грузъ 60—100 пуд.; ямскія женщины выдѣляются своимъ искусствомъ шить мѣховые ковры.

Перейдемъ теперь къ Гижигинскому округу.

Изъ историческаго очерка мы видѣли, что въ то время, когда въ Охотскѣ началось мореходство, а Камчатка была усмирена, Ижигинскъ (впослѣдствіи Гижигинскъ и Гижига) былъ незначительнымъ острожкомъ, предназначеннымъ частью для замиренія строптивыхъ коряковъ, а частью для поддержанія сообщенія между двумя названными пунктами, такъ какъ правительство, послѣ многихъ затратъ и кровавыхъ стычекъ съ чукчами, рѣшило упразднить Анадырскій острогъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтожить трактъ чрезъ Анадырскъ въ Камчатку.

Гижигинскій округъ прежде занималъ гораздо большую площадь, но въ теперешнихъ административныхъ границахъ тянется по Охотскому побережью отъ р. Вилиги, чрезъ сѣверную Камчатку до Берингова моря; сѣверной его границей служитъ Колымскій хребетъ и Анадырскій водораздѣлъ, куда входятъ съ одной стороны отроги послѣдняго хребта, а съ другой—совершенно самостоятельное поднятіе, по мнѣнію барона Майделя, извѣстное подъ именемъ хребта Полъ-Полъ. Южная граница округа проходитъ по сѣверной Камчаткѣ между селеніями Подкагирное на западѣ и Тымлаты на востокѣ.

Площадь Гижигинскаго округа равняется 185,347 кв. в. при населеніи въ 7,492 д. об. п. или на каждую квадратную версту по 0,04 души; такимъ образомъ, сравнительно, онъ многолюднѣе Охот-

скаго и Петропавловскаго округовъ. Изъ общей суммы населенія болѣе 7 т. приходится на инородческое населеніе.

Преобладающимъ контингентомъ населенія являются инородцы: коряки, тунгусы и отчасти чукчи.

Русскіе неохотно шли въ Гижигинскій округъ, и только служба или неволя заставляли ихъ селиться въ Гижигинскѣ и Пенжинѣ, изъ которыхъ первый стоитъ въ 25 в. отъ моря посреди совершенно голой тундры, на безплодной и болотистой почвѣ, вдали отъ всякой древесной растительности; а второй поселокъ отстоитъ отъ моря на 200 в. въ крайне бѣдномъ рыбою мѣстѣ. Только въ этихъ двухъ пунктахъ встрѣчаются русскіе, тогда какъ остальные заняты исключительно коряками, и потому весь округъ, беря во вниманіе его аборигеновъ и историческое прошлое, долженъ быть признанъ коряцкимъ.

Жилые пункты округа слѣдующіе: 1) Гижига съ ея 8 окрестными выселками; 2) Наяхано; 3) Иткана; 4) Парень; 5) Куэлъ (или Куэло) 6) Тылхово; 7) Микино; 8) Шестаково; 9) Каменское; 10) Пенжина; 11) Таловка; 12) Мамечи; 13) Рекинники; 14) Пусторѣцкъ; 15) Подкагирное; 16) Тымлаты; 17) Кичига; 18) Вывнуки; 19) Тиличики; 20) Култушное; 21) Олюторское; 22) Пахача, 23) Халюлино; 24) Ватвея (или Ветвея); 25) Опуки; 26) Хаилино и 27) Лываты [1]).

Во всѣхъ этихъ поселкахъ, кромѣ Гижиги и Пенжины, живутъ осѣдлые некрещенные коряки,—и только въ одномъ Наяханскомъ селеніи мы встрѣчаемъ православныхъ, болѣе или менѣе обрусѣлыхъ коряковъ, замѣнившихъ свои ульеобразныя юрты русскими избами съ якутскимъ каминомъ.

Возстановить прошлое Гижиги въ настоящее время почти невозможно за уничтоженіемъ мѣстнаго архива; въ Приморскомъ областномъ управленіи мы тоже ничего не могли получить въ виду неприведенія въ порядокъ архивныхъ бумагъ. Знаемъ только, что коряки и чукчи не разъ нападали на эту крѣпость, и въ память одного кровопролитнаго сраженія съ послѣдними былъ поставленъ большой деревянный крестъ, поддерживаемый и теперь, а одно озеро Гижинской тундры, гдѣ много потонуло чукчей, названо Чукотскимъ. Извѣстно также, что Гижига три раза мѣняла свое мѣсто и прежде стояла на правомъ берегу, гдѣ была подмыта вмѣстѣ съ кладбищемъ.

---

[1]) Нѣкоторыя селенія, существовавшія прежде, теперь уничтожились, какъ напр. Чивитинское, Германда, Квихпахъ и др.

Число жителей Гижиги въ старые годы [1]) было гораздо больше теперешняго; чѣмъ обяснить эту постепенную убыль населенія Гижиги, начиная съ 1830 и до 1875 г., и затѣмъ постепенное возрастаніе, мы рѣшительно затрудняемся за неимѣніемъ историческихъ матеріаловъ; играла ли тутъ роль торговля американцевъ, или зависимое положеніе отъ Охотска, сказывавшееся тяжелымъ гнетомъ постоянныхъ разъѣздовъ почты, начальства и служилыхъ людей, — трудно сказать; періодъ же возрастанія явно совпадаетъ съ прекращеніемъ торговли «Хольмъ Вольшъ и К°.», представителемъ которой былъ Филиппеусъ. Быть можетъ, въ этомъ вымираніи Гижиги играли не послѣднюю роль разныя эпидеміи, какъ напр. въ 1875 г. оспенная, и частыя голодовки вслѣдствіе недохода рыбы, но съ другой стороны извѣстно, что онѣ не имѣли такого постояннаго характера, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ были даже сомнительныя.

Въ 60-хъ годахъ изъ Гижинскаго округа вывозилось; бѣлки 100,000 шт., соболей—1,000, лисицы до 10,000, песцовъ болѣе 3,000; не смотря на это экономическое положеніе жителей было не лучше, чѣмъ напр. въ 1891 г., когда, при продажѣ пушнины въ количествѣ вдвое меньшемъ цѣны привезенныхъ товаровъ понизились втроевчетверо, благодаря заботамъ окружного начальника, и когда, слѣдовательно, каждый житель, съ меньшою затратою силъ и здоровья (во время промысла), могъ лучше себя обезпечить.

Неудачно выбранное для Гижиги мѣсто всегда заставляло жителей искать себѣ новыхъ пристанищъ и образовывать выселки; даже сама администрація края, по страннымъ соображеніямъ бывшаго окружного начальника Раткевича, перенесла казенныя постройки на устье рѣки за 25 в. отъ Гижиги и образовала урочище Кушку. Выборъ этого мѣста безусловно хуже Гижигинской тундры: лѣтомъ топкое болото постоянно прикрыто мокрыми туманами, а зимой — постоянное завываніе непогоды; кругомъ нѣтъ ни лѣсу, ни мѣста для огородовъ, ни пастбища для скота. Здѣсь три казенныхъ дома и нѣсколько избушекъ для дежурныхъ часовыхъ казаковъ, пріѣзжающихъ сюда изъ Гижиги.

---

[1]) Въ половинѣ 60-хъ годовъ, говорится въ оффиціальномъ изданіи, жителей считалось въ Гижигѣ до 400 человѣкъ (210 м. и 187 ж.); теперь же въ 1879 г. ихъ почти на половину меньше. См. Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири. Изд. хозяйственнаго департамента М-ва внутреннихъ дѣлъ. Спб. 1882, стр. 418.

Крестьяне или купцы, выбирая мѣста для поселковъ, поступали практичнѣе и осмотрительнѣе, имѣя въ виду близость лѣса и пастбищъ и почву, годную для огородничества. Таковы поселки по долинѣ р. Гижиги: Бычекъ, Шельниково, Травка, Липино, Базулино, Левчики и Кресты. Всѣ они причислены къ Гижигѣ и населеніе ихъ (435 д. об. п.) считается вмѣстѣ съ послѣдней. Гижига производитъ унылое впечатлѣніе какъ зимой, такъ и лѣтомъ: въ первомъ случаѣ постоянные вѣтры и мятели съ тундры заносятъ жалкія и низкія избушки (до 54), образуя цѣлыя горы и снѣжные валы между зданіями, какъ это видно по нашей фототипіи (таблица IX); во второмъ случаѣ ровная тундра, при отсутствіи уклона высоколежащихъ слоевъ глины, не имѣетъ стока почвенныхъ водъ, а потому лишь только сошелъ снѣжный покровъ, или выпалъ дождь, собщеніе между домами затруднительно; приходится настилать помосты, или утопать въ грязи. Дома большею частію плохи, низки, покрыты, а иногда даже обшиты древесной корой; печи русскія изъ кирпичей, но закрываются у многихъ снаружи, для чего каждый разъ нужно лазить на чердакъ. При домахъ есть маленькія пристройки или сѣни, но ни амбаровъ, ни дворовъ, ни огородовъ почти ни у кого нѣтъ. Всѣ постройки такъ плохо произведены, что крыши протекаютъ даже въ лучшихъ домикахъ мѣстныхъ купцовъ, а сквозь дыры въ стѣнкахъ зимой наноситъ снѣгъ. Такой небрежности или неумѣнья строить намъ не приходилось видѣть даже въ жалкихъ избушкахъ охотскихъ бѣдняковъ.

Лучше по виду и внутреннему устройству дома здѣшнихъ торговцевъ. Черная баня есть только у старика-фельдшера. Безпризорный видъ церкви, единственной на весь округъ, съ развалившейся оградой и бѣднымъ внутреннимъ убранствомъ, мало говоритъ въ пользу христіанскихъ чувствъ гижигинцевъ.

Среди этого унылаго вида еще болѣе мрачными кажутся почернѣлыя отъ времени, безъ оконъ и дверей, угрожая каждую минуту паденіемъ—старыя постройки окружного управленія, бывшей больницы и домъ американца Роста, ведшаго здѣсь большую торговлю, но потомъ лѣтъ 20 тому назадъ, беслѣдно пропавшаго.

Есть еще общественный домъ для остановки проѣзжающихъ, половину котораго занимала церковно-приходская школа; учителемъ ея состоялъ мѣстный священникъ. Въ 1881 г. отпущено было 200 р. на покупку учебныхъ пособій, но объ обученіи мало заботились, такъ какъ эти учебники во время нашего проѣзда (1897 и 1898 г.) были даже не разрѣзаны, а священникъ отказался отъ

занятій, говоря, что ему мало платятъ. Огородничествомъ и скотоводствомъ занимаются въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ; главною причиной этому, помимо отсутствія удобныхъ мѣстъ по близости, служитъ своеобразная черта здѣшнихъ казаковъ и крестьянъ, нигдѣ больше не встрѣчаемая,—жить насчетъ бродячихъ.

Р. Гижига славится богатствомъ рыбы, но иногда, въ зависимости отъ разныхъ климатическихъ условій, случаются недоходы ея; кромѣ того множество озеръ на Гижигинской тундрѣ изобилуютъ или, вѣрнѣе сказать, кишатъ щуками, между тѣмъ жители голодаютъ и привыкли заявлять объ этомъ начальству, увѣренные всегда въ томъ, что послѣднее пошлетъ приглашеніе или приказаніе бродячимъ корякамъ помочь своими оленями голодающимъ гижигинцамъ.

Поэтому неудивительно, что рыбные запасы дѣлаются въ Гижигѣ въ ограниченномъ количествѣ и что ихъ рѣдко хватаетъ до новаго года, когда жители буквально садятся на шею кочевникамъ.

Инородцы Гижигинскаго округа дѣлятся на осѣдлыхъ и бродячихъ; первые исключительно состоятъ изъ коряковъ, причемъ сел. Наяхано населено православными, обрусѣвшими коряками; бродячіе—тунгусы, коряки и чукчи.

Въ Гижигинскомъ округѣ находится два центра коряцкихъ селеній: первый на Пенжинскомъ побережьѣ, а второй—на Беринговскомъ; изъ нихъ мы посетили десять (изъ 12) поселковъ только первой группы.

Всѣ, осмотрѣнныя нами, селенія имѣютъ много общаго въ своемъ мѣстоположеніи и устройствѣ юртъ; всѣ они крайне бѣдны и немноголюдны; нѣкоторыя состоятъ всего изъ 2—3 юртъ. Наиболѣе значительнымъ является сел. Каменское, расположенное при устьѣ р. Пенжины, на правомъ берегу, у подошвы подступившаго хребта. Здѣсь 21 жилая юрта и до 30 разныхъ построекъ (всѣ на столбахъ); жителей обоего пола считается (1897 г.), если вѣрить старостѣ, 116, но еще недавно было вдвое больше, именно въ 1884 г.—267. Нужно думать, что голодовки 1884—1886 гг. служили главной причиной уменьшенія населенія частію отъ смертей, а частію вслѣдствіе выселенія въ другія мѣста, что очень часто наблюдается между здѣшними жителями (фотот., табл. XVII).

Каменцы вмѣстѣ съ обитателями сел. Таловки принадлежатъ къ двумъ родамъ и каждый изъ этихъ послѣднихъ имѣетъ своего старосту. Главное пропитаніе каменцевъ, какъ и всѣхъ осѣдлыхъ коряковъ, рыба и нерпичій жиръ; въ рѣдкихъ случаяхъ имъ представ-

Охотскій округъ: Якутскій поселокъ Кёхтёряхъ.

ляется возможность полакомиться олениной, которую они вымѣнивають у бродячихъ или за свои желѣзныя издѣлія, какъ пареньцы, или на нерпичій жиръ и ремни изъ шкуръ ластоногихъ. Видя свою полную необезпеченность въ случаѣ плохого улова рыбы, каменцы превратились въ торговцевъ послѣ того, когда гижигинскіе купцы устроили здѣсь складъ товаровъ, и осѣдлые стали пріобрѣтать оленей и заводить свои стада. Такимъ образомъ, каменскіе коряки, за невозможностью разводить рогатый скотъ и лошадей, занялись оленнымъ скотоводствомъ, которое, благодаря обширной сосѣдней тундрѣ, является вполнѣ возможнымъ при осѣдломъ образѣ жизни. Подобное же явленіе мы наблюдаемъ въ нѣкоторыхъ коряцкихъ поселкахъ Берингова побережья и у жителей сел. Лѣсновскаго въ Камчаткѣ.

Остальныя поселенія по виду и расположенію одинаковы, а потому мы здѣсь приводимъ только данныя о численности жителей:

1) Иткана на восточномъ берегу Тайгоносскаго полуострова, у выдающагося мыса того же имени: 30 м. 43 ж.=всего 73 души.

2) Лываты, сѣвернѣе, тамъ же (оно же Орночки, Агачи): 28 м. 18 ж.=46 душъ.

3) Парень, 7 юртъ, при устьѣ рѣки того же имени, 150 в. отъ Гижиги, 84 м. 66 ж.=150 душъ.

4) Куэло [1]), 8 юртъ, среди тундры, у озера, 42 м. 39 ж.=81 душа.

5) Тылхово, или Тылхачъ, 15 в., 2 юрты, при устьѣ р. Тылхачъ, 5 м. 8 ж.=13 душъ.

6) Микино, 60 в., 6 юртъ жилыхъ и 5 пустыхъ, при устьѣ рѣки того же имени, 44 м. 31 ж.=75 душъ.

7) Шестаково, 26 в., 3 жилыхъ юрты и 2 пустыхъ; при устьѣ р. Шестаковки [2]), 9 м. 12 ж.=21 душа.

8) Таловка, 20 в. отъ Каменскаго, на правомъ берегу р. Таловки, при устьѣ, 12 юртъ, 22 м. 29 ж. =51 души.

10) Мамечи, 150 в., на берегу залива при устьѣ р. Исхитнынъ, 2 юрты, 4 семьи, около 20 душъ.

11) Рекинники, 150 в., при устьѣ р. Рекинники, впадающей въ большую бухту, 7 юртъ, 24 м. 26 ж.=50 душъ.

---

[1]) Это селеніе на картѣ Майделя, какъ и на другихъ, показано не вѣрно.

[2]) Рѣка эта, извѣстная по воспоминанію о сраженіи съ коряками и смерти А. Шестакова, называлась прежде Егачъ, а теперь у коряковъ Лынглынчонъ.

12) Пусторѣцкъ, 25 в. по р. Пустой, въ 12 в. отъ устья, 2 юрты, всего 9 душъ.

13) Подкагирное, 100 в., при устьѣ, 4 юрты, сколько осталось послѣ голодной смерти зимой 1896—97 г. неизвѣстно; а было 52 души.

14) Вывнуки, 2 юрты, при устьѣ р. Вальвуя, впадающей въ Берингово море, 13 душъ.

15) Кичиги, 27 в. отъ предыдущаго, при р. Кичигѣ, на берегу Берингова моря, въ четырехъ пунктахъ, 67 м. 62 ж.=129 душъ.

16) Тымлаты, 62 в., недалеко отъ устья рѣки того же имени, 3 юрты, около 20 душъ.

17) Наяхано [1]), на рѣкѣ того же имени, православные коряки Германдинскаго рода, 100 в., на западъ отъ Гижиги, въ Охотскую сторону, 10 домовъ и юртъ, 34 м. 25 ж.=59 душъ.

Въ Петропавловскомъ округѣ населеніе является большею частію осѣдлымъ и совершенно обрусѣвшимъ; изъ бродячихъ здѣсь встрѣчаются нѣсколько семействъ чукчей въ сѣверной части, до 400 ламутовъ и болѣе 550 коряковъ. Ламуты и коряки бродятъ со своими стадами по всему западному берегу Камчатки отъ сел. Лѣсновскаго до Большерѣцка. Прежде бродячимъ инородцамъ разрѣшалось доходить только до Тигиля, а въ настоящее время, благодаря частнымъ соглашеніямъ съ сельскими обществами, они спустились больше на югъ, хотя это и вызываетъ различныя жалобы со стороны камчадаловъ на то, что они распугиваютъ и раньше положеннаго срока промышляютъ пушного звѣря, чѣмъ и обездоливаютъ аборигеновъ. Въ Камчатскую долину имъ безусловно запрещено перебираться со своими стадами, но около Караги, Тымлаты и Кичиги коряки свободно пасутъ свои стада оленей. Протестуя противъ вторженія посторонняго элемента, камчадалы тѣмъ не менѣе въ случаѣ нужды или голода всегда обращаются къ бродячимъ инородцамъ, отъ которыхъ также заимствуютъ путемъ обмѣна всю свою теплую одежду и обувь. Эти взаимныя недоразумѣнія будутъ подробно разсмотрѣны въ главѣ о промыслахъ.

Осѣдлое камчадальское населеніе разбросано по рѣкамъ: западнаго берега 26 острожковъ; на пути изъ Большерѣцка въ Петропавловскъ—5, въ окрестностяхъ Авачинской губы 7; съ Камчатской вершины и по долинѣ главной рѣки и ея притокамъ 19; восточный

---

[1]) Статистическія свѣдѣнія о другихъ населенныхъ пунктахъ Гижигинскаго округа приведены во II томѣ.

берегъ, въ силу географическихъ условій, а также трудности сообщеній, представляется совершенно пустыннымъ: на всемъ протеженіи отъ Лопатки (51° с.ш.) и до м. Начикинскаго (58°) только въ двухъ притокахъ есть жилье,—это около Авачинской губы и на устьѣ Камчатки. Далѣе къ сѣверу, начиная съ м. Начикинскаго, имѣется 6 острожковъ.

Въ прежнее время на этомъ берегу было много острожковъ, слѣды которыхъ еще теперь можно видѣть. Такимъ образомъ въ Камчаткѣ въ настоящее время считается 58 острожковъ, а включая сюда отдѣльные выселки, мы получимъ 64 населенныхъ пункта; изъ нихъ съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ только 10.

Всѣ острожки расположены по рѣкамъ, рѣже при устьѣ, а чаще въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, отъ 5 до 40 в.; въ рѣдкихъ случаяхъ такое разселеніе было вызвано жизненными удобствами, а скорѣе обусловлено административными цѣлями при началѣ завоеванія и удобствами при переѣздѣ и перевозкѣ, которые въ первое время играли очень важную роль. Что именно этими мотивами руководствовались первые администраторы края, достаточно будетъ указать, что нѣкоторые острожки основаны на рѣкахъ, гдѣ рыбы всегда бываетъ крайне мало, а потому жители ихъ обречены на постоянное голоданіе, или принуждены, для цѣлей продовольствія, отправляться далеко въ сосѣднія рѣки или спускаться на устья.

Таково напр. сел. Подкагирное, прежде принадлежавшее къ Петропавловскому округу, рѣка котораго, какъ и слѣдующая р. Пустая, славится своимъ малорыбьемъ, хотя по-близости къ первому, въ р. Шаманкѣ, рыбы всегда бываетъ много; таково сел. Голыгино, жители котораго чаще запасаютъ рыбу на р. Опальной въ 15 в. И прежній, и настоящій Тигиль стоитъ далеко отъ устья, удобнаго для пароходства и богатаго помимо рыбы еще нерпами и бѣлухой; въ виду частыхъ разливовъ бурнаго Тигиля, сносящаго рыбные запоры, жители основали при устьѣ лѣтній поселокъ, куда спускаются для рыбнаго промысла.

Только по Камчатской долинѣ мы имѣемъ рядъ селеній (17), которыя расположены по одной рѣкѣ отъ устья до ея вершинъ.

Всѣ острожки отстоятъ другъ отъ друга на 30—50 верстъ., и, какъ исключеніе, разстояніе между нѣкоторыми достигаетъ 80—90 в.; перевалы же черезъ Камчатскій хребетъ въ сѣверной части равняются 200 — 250 в. Величина острожковъ не вездѣ одинакова и

число домовъ колеблется отъ 5 до 55; численность населенія рѣзко сказывается на экономическихъ нуждахъ жителей. Такъ напр., по западному берегу Камчатки отъ сел. Аманинскаго до границы округа (сел. Лѣсновское) на протяженіи 300 в. мы видѣли шесть острожковъ съ населеніемъ болѣе 1 т. (1046), тогда какъ на противоположномъ, восточномъ берегу при гораздо большемъ разстояніи оказывается всего 287 д. об. пола (1896 г.). Подобная неравномѣрнось въ населеніи сказывается уменьшеніемъ пушного звѣря въ первомъ участкѣ и богатой добычей—во второмъ; провозъ почты и казаковъ по службѣ зимой, въ сезонъ охоты, крайне обременителенъ для жителей Берингова моря, которые, при своей малочисленности, кромѣ того не въ силахъ ставить рѣчные запоры, а за покупкой неводного прядева должны ѣздить 300 — 500 в. въ одинъ конецъ. Нѣкоторые изъ окружныхъ начальниковъ возбуждали вопросъ о ненормальности такого положенія острожковъ и объ урегулированіи населенности, по этому дѣлу не было дано никакого хода.

Всѣ острожки, съ внѣшней стороны, имѣютъ много общаго: разбросанные большею частью въ безпорядкѣ по берегу рѣки, они всѣ состоятъ изъ бревенчатыхъ избъ съ крытыми сѣнями или пристройками для склада домашняго скарба; безъ фундамента, съ деревяннымъ поломъ, рѣже—безъ него; внутри обклеиваются обоями и обиваются ситцемъ, чаще всего ровно обтесываются. Крыша изъ травы или древесной коры; окна со стеклами составляютъ рѣдкое явленіе, а чаще всего вставляется рама, на которую натянуты и прикрѣплены полоски изъ кишечника медвѣдя или нерпы; съ этою же цѣлію употребляется тонкая ровдуга (отъ молодого оленя), которая при разсматриваніи на свѣтъ даетъ зоологу любопытную картину постепеннаго развитія личинокъ овода, откладывающаго свои яйца подъ кожей животнаго. Эти пластины, понятно, не даютъ яркаго освѣщенія въ комнатѣ, а только — матовый просвѣтъ, при которомъ, однако, въ ясный день совершенно свободно можно читать. Подобная замѣна дорогого здѣсь стекла названными пластинами практикуется не только въ Камчатскихъ острожкахъ, но и по всему Охотскому побережью. При сырой погодѣ эти пластины раскисаютъ и сильно хлопаютъ, при каждомъ открываніи и закрываніи дверей; въ сухую погоду и жаркіе дни онѣ лопаются, и если затѣмъ случится ненастье или пурга, то подобныя окна доставляютъ много непріятностей; обыкновенно запасовъ ихъ не бываетъ, но чинить ихъ тоже нельзя,—и комната пронизывается сильнымъ сквознякомъ; поэтому

при постоянной топкѣ не удается поднять температуру жилья выше 4°, а ночью температура опускается даже до—10°С.

Каждая изба обыкновенно дѣлится на три отдѣленія: при входѣ нѣчто вродѣ передней съ русскою печью; на право—чистая половина со столомъ, божницей, лавкой, 2—3 самодѣльными стульями и обязательно съ деревяннымъ диваномъ, который служитъ кроватью для проѣзжающаго. Перегородка, чаще неполная, отдѣляетъ эту гостиную отъ хозяйскаго помѣщенія и спальни. Во всѣхъ острожкахъ, за исключеніемъ домовъ Петропавловска и близь лежащихъ поселковъ, насъ всегда поражала замѣчательная чистота не только красной половины, но и хозяйскаго угла: полы, стѣны, потолокъ и мебель, — все вымыто до безукоризненной чистоты; столъ даже въ избушкахъ бѣдняковъ прикрытъ скатертью или кускомъ ситца; божничка со множествомъ иконъ всегда завѣшана матеріей съ изображеніемъ креста; часто встрѣчались недогорѣвшія восковыя свѣчи, а иногда даже лампадки. По стѣнамъ часто попадаются лубочныя картины, изображенія святыхъ, или вырѣзки изъ иллюстрированныхъ изданій, американскія рекламы и пр.

При каждомъ домѣ есть отдѣльная вышка (балаганъ) съ навѣсомъ, на который ставятся нарты и куда складывается собачій кормъ и юкола для людей.

Для рогатаго скота и лошадей есть крытые хлѣвы; у каждаго хозяина есть яма, недалеко отъ избы, а чаще всего по берегу рѣки, гдѣ хранится кислая рыба для собакъ, ѣдкій и противный запахъ которой всегда отравляетъ воздухъ. Пока яма не открыта, зловонія мало, но стоитъ только разъ достать оттуда рыбу, удушливая атмосфера надолго распространяется по всей окрестности, и ее всегда обоняешь, не доѣзжая 2 — 3 версты до селенія; собаки же видимо чуютъ привычный ароматъ за десять верстъ.

Съ точки зрѣнія санитарной, эти ямы, сайбы и лѣтнія вѣшала, всегда расположенныя близь селенія и вдоль рѣки, изъ которой берутъ воду для питья, составляютъ вопіющее зло, но видимо надъ этимъ вопросомъ и этимъ источникомъ заразы никогда не задумывались. Намъ не разъ приходилось наблюдать лѣтомъ развитіе гастрическихъ разстройствъ и даже появленіе эпидемій брюшного тифа съ употребленіемъ подобной питьевой воды, какъ это было напр. въ Тигилѣ, въ іюнѣ 1897 г. Небрежный къ удобствамъ жизни, лѣнивый и апатичный, каждый камчадалъ окружаетъ свое жилье складомъ вонючихъ, разлагающихся рыбинъ и рыбныхъ отбросовъ,—

и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ не размножается, а вымираетъ.

Лѣсъ для постройки избъ употребляется тополевый, березовый или ветловый, только по долинѣ р. Камчатки отъ Верхне-Камчатска до Еловки употребляется лиственница. Лиственныя породы, какъ увѣряютъ жители, по строенію своей древесины, непрочны, легко трескаются и скоро гніютъ. Домъ, построенный изъ тополя и березы, рѣдко можетъ простоять 10 лѣтъ, а затѣмъ становится ветхимъ и гнилымъ; вслѣдствіе этого жилища сыроваты и холодны, хотя послѣднее обстоятельство скорѣе зависитъ отъ устройства оконъ. Но, какъ вездѣ, у заботливаго хозяина онъ выглядитъ чистымъ, опрятнымъ и теплымъ уголкомъ даже для требовательнаго европейца.

Только въ 2—3 сѣверныхъ острожкахъ мы встрѣтили по нѣсколько земляныхъ юртъ своеобразнаго устройства. Якутская юрта—это четырехугольный хлѣвъ съ наклонными стѣнами изъ стоячихъ жердей, обмазанный смѣсью навоза, песку и соломы, крыша плоская; коряцкая юрта держится на четырехъ устояхъ, скрѣпленныхъ рамой, на которой настилается плоская крыша съ квадратнымъ отверстіемъ для входа и вѣерообразнымъ карнизомъ, защищающимъ отъ снѣжныхъ заносовъ.

Прежняя камчадальская зимняя юрта, какъ мы говорили выше, если и поддерживалась четырьмя столбами, но въ деталяхъ имѣла много особенностей, по сравненію съ коряцкой, представляла типъ китайско-гиляцкой постройки.

Земляныхъ юртъ прежняго типа теперь совершенно нѣтъ въ Камчаткѣ, а встрѣчающіяся на сѣверѣ ея земляныя постройки имѣютъ видъ четырехугольныхъ палатокъ, съ наклонными изъ жердей стѣнами и дымовымъ отверстіемъ-окномъ; для входа служитъ дверь, прежній очагъ-костеръ замѣненъ русской печкой или якутскимъ каминомъ. Обитатели юрты, крайніе бѣдняки, помѣщаются обыкновенно на полу изъ утрамбованной земли, съ ежедневной свѣжей настилкой изъ травы или сѣна. Въ теперешнемъ своемъ видѣ камчадальская юрта напоминаетъ якутскую съ тою только разницей, что очагъ или печь помѣщается въ углу, тогда какъ у якутовъ всегда по срединѣ.

Отъ стараго типа камчадальскихъ построекъ болѣе сохранились конусообразныя лѣтнія юрты на сваяхъ, или, какъ ихъ русскіе называютъ, балаганы; лѣтомъ въ нихъ живутъ, зимой сохраняютъ запасы рыбы и всякую рухлядь. Нѣкоторые этнографы Шренкъ, Шперкъ и пр. думаютъ, что постройка зимнихъ юртъ отдѣльно отъ лѣтнихъ

вызывается климатическими условіями. Правда, съ наступающей теплой погодой, земляная юрта, вслѣдствіе проникновенія воды чрезъ стѣны и почву, становится негодной и сырой, а потому и замѣняется болѣе легкой и удобной—лѣтней. Мы думаемъ, что это далеко не такъ: осѣдлый корякъ и лѣтомъ не покидаетъ своей земляной юрты, а если камчадалы, гиляки, ольчи и др. племена выселяются въ свайныя постройки, то это зависитъ исключительно отъ характера ихъ промысловъ: высушенная на вѣшалахъ юкола, балыки и другого рода рыбные консервы подлежатъ уборкѣ въ такомъ помѣщеніи, гдѣ бы ни собака, ни медвѣдь не могли расхитить зимнихъ запасовъ и чтобы во время пурги не заносило его снѣгомъ; вотъ эти-то соображенія и заставили инородца строить балаганы или вышки на высокихъ столбахъ, куда можно попасть по лѣстницѣ или плахѣ съ зарубками, каждый разъ нарочно подставляемой.

Устраиваемыя по Охотскому округу сайбы, или деревянные срубы, наполовину въ землѣ, для храненія рыбы, служатъ лучшимъ тому доказательствомъ: медвѣдь часто разворачиваетъ сайбу, а лисицы расхищаютъ остатки рыбныхъ запасовъ. Очевидно, камчадалы давнимъ опытомъ дошли до свайныхъ построекъ и не страдаютъ отъ проказъ хищниковъ, какъ ихъ собратья въ Охотской сторонѣ.

Во всѣхъ Камчатскихъ острожкахъ считается (1896 г.), по оффиціальнымъ даннымъ, 836 домовъ и 91 юрта; если къ этому прибавить 74 дома и 1 юрту Петропавловска, то получится всего 1012 жилыхъ помѣщеній съ населеніемъ 1896 г. въ 7268 д. обоего пола [1]), иначе сказать на каждое жилое помѣщеніе, въ общемъ крайне небольшихъ размѣровъ, приходится болѣе 7 душъ (7, 1.), что должно создавать скученность и связанныя съ нею плохія стнитарныя условія жизни. Если взять во вниманіе продолжительность холоднаго времени, исключительное питаніе юколой, съ прибавкой нерпичьяго жиру съ ѣдкимъ, специфическимъ запахомъ, отсутствіе бань и непривычку обмывать свое тѣло, то въ каждой избѣ мы должны получить такую тяжелую атмосферу, которая неизбѣжно и сильно отражается на частомъ заболѣваніи дыхательныхъ органовъ. Только этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить бурное развитіе легочныхъ эпидемій, опустошающихъ Камчатку въ послѣдніе годы, массу больныхъ съ хронической пневмоніей и въ общемъ короткую про-

[1]) Эти цифры разнятся отъ данныхъ переписи 1897 г. на 1,097 д., что нужно объяснить болѣе точной регистраціей бродячихъ. По даннымъ переписи, 8,365 д., а по счету на мѣстѣ—8,344 д.

должительность жизни. Старики за 50—60 л. рѣдко встрѣчаются въ Камчаткѣ, тогда какъ среди бродячихъ тунгусовъ, коряковъ и чукчей, повидимому, находящихся въ болѣе тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ, мы видимъ совершенно обратное явленіе. Въ зимы 1896—97 и 1897—98 гг., когда инфлюэнца, осложненная крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, опустошила много селеній по р. Камчаткѣ и на западномъ берегу, кочующіе здѣсь ламуты и коряки, по ихъ разсказамъ, почти не болѣли, хотя и приходили въ частое соприкосновеніе съ жителями пораженныхъ острожковъ.

При подробномъ описаніи населенныхъ пунктовъ Камчатки мы не будемъ останавливаться на всѣхъ острожкахъ, такъ какъ по своему виду, экономическому положенію и образу жизни они всѣ похожи, а коснемся наиболѣе важныхъ въ торговомъ и административномъ отношеніяхъ.

Изъ всѣхъ сѣверныхъ округовъ только Петропавловскъ удержалъ названіе и сохранилъ права города, имѣя въ лицѣ городского головы представителя своихъ интересовъ, тогда какъ всѣ права и обязанности городского старосты, за упраздненіемъ этого мѣста, въ Гижигѣ и Охотскѣ возложены на окружное полицейское управленіе.

Петропавловскъ красиво раскинутъ амфитеатромъ по довольно крутому склону хребта, подымающагося съ восточной стороны Авачинской губы, а съ запада огражденъ небольшимъ хребтомъ, съ завѣтной березовой рощей, извѣстнымъ подъ названіемъ Никольской горы. Между ними врѣзывается небольшая, но удобная для стоянки судовъ, Петропавловская бухта съ отдѣльнымъ ковшемъ, на кошкѣ котораго когда-то стояли камчадальскія лѣтнія юрты и батареи, а теперь стоитъ красивый памятникъ «Славы» въ честь геройской побѣды горсти храбрецовъ. Сзади города на сѣверной сторонѣ, сейчасъ за небольшимъ озеромъ, поднимается Мишенная гора, а за ней вдали, на ярко-голубомъ небѣ обрисовываются разорванныя вершины двухъ сопокъ: Коряцкой и Авачинской, большую часть года покрытыя снѣгомъ (фототипія, табл. I и II). Населеніе города 383 д. об. п.

Зданія Петропавловска расположены въ два ряда, выше которыхъ домики ютятся уже въ безпорядкѣ; вдоль всего города тянется только одна улица, поросшая травой, съ ямами и ветхими мостиками чрезъ горные ключи, текущіе съ Бабьяго хребта. Улица не мощена и не утрамбована; послѣ дождей и въ ненастные осенніе дни грязна до непроходимости, такъ что нѣкоторые домохозяева дѣлаютъ временныя настилки-панели. Дома окружены огородами изъ частокола, съ

грядами для огородовъ и пристройками для скота. На зиму, вслѣдствіе большихъ снѣговъ, эти частоколы убираются, чтобы не задерживать снѣгъ, и, не смотря на это, всѣ дома до половины, а иногда до самыхъ крышъ бываютъ занесены сугробами снѣга. На главной улицѣ снѣгъ лежитъ часто слоемъ толщиною въ 1—2 сажени.

Жилыя помѣщенія выстроены изъ плохого лѣсу, покрыты древесной корой, травой, тесомъ и желѣзомъ и всѣ испещрены жестяными заплатами изъ подъ керосиновыхъ банокъ. Внутри грязь и нечистота наряду съ предметами роскоши, — и это является отличительной чертой петропавловскихъ жителей. Лѣтомъ одни работаютъ по выгрузкѣ товаровъ или нанимаются на коммерческіе пароходы для Охотскаго рейса; другіе убиваютъ время на военныхъ судахъ, дожидаясь обѣда команды и случайной чарки; вечеромъ слышатся звуки гармоники, плясъ и буйныя, пьяныя рѣчи. О промыслѣ рыбы они мало заботятся, расчитывая на зимніе заработки отъ торговли и извознаго промысла. Поэтому, какъ видъ города, съ его разваливающимися избушками, такъ и самихъ жителей, худосочныхъ, оборванныхъ и пропившихся, производитъ крайне непріятное впечатлѣніе. Попадая въ первый разъ въ Петропавловскъ, не вѣришь собственнымъ глазамъ при взглядѣ на эти жалкіе, заплатаные, покосившіеся курени, между которыми, въ верхнихъ рядахъ нѣтъ даже порядочной тропинки: идешь всегда на прямикъ, чрезъ овраги, кучи навозу и горы отбросовъ, объ уборкѣ которыхъ никто никогда не помышлялъ, не смотря на предписаніе генералъ-губернатора (февр. 1875 г.)

Полный контрастъ съ мѣстными избушками представляютъ постройки и дома торговой компаніи, которой принадлежитъ почти половина всѣхъ зданій Петропавловска. Они построены въ американскомъ стилѣ изъ привознаго матеріала, обшиты тесомъ, всѣ окрашены, крыты желѣзомъ или деревянной черепицей. Ей принадлежатъ четыре большихъ дома въ самомъ городѣ и десять магазиновъ съ 2 банями и ледникомъ; по берегамъ бухты, за исключеніемъ двухъ казенныхъ магазиновъ, до десятка складовъ также принадлежатъ ей. Очевидно, не смотря на печальный видъ города, торговые обороты были настолько хороши, что требовали такого числа построекъ и позволяли значительную роскошь въ обстановкѣ.

Къ числу лучшихъ домовъ по виду, хотя сильно обветшалыхъ, принадлежитъ казенный домъ для окружного начальника съ прекраснымъ садомъ изъ бѣлыхъ тополей, и полицейское управленіе. Городская школа министерства народнаго просвѣщенія, единствен-

прежніе сторожевые и административные пункты, выглядятъ теперь жалкими деревушками, въ особенности первый. Еще Головнинъ, во время своего путешествія по Камчаткѣ (1810 г.), задавался вопросомъ: что такое Верхне-Камчатскъ? Городъ, село или острогъ,—я право назвать не умѣю [1]). Въ настоящее время здѣсь десятокъ бѣдныхъ и грязныхъ избушекъ, за исключеніемъ большого и стараго дома старосты, оклееннаго обоями и украшеннаго лубочными картинами. Населеніе острожка не превышаетъ 73 душъ об. п.; на каждый домъ приходится по одной лошади и по 4 коровы.

3) Наиболѣе многолюдными селеніями долины Камчатки считаются Ключевское и Мильково. Первое расположено на берегу рѣки у подошвы высочайшаго вулкана полуострова Ключевскаго. Почва селенія образована старыми потоками лавы, слоями вулканическаго пепла и наносныхъ массъ, прикрытыхъ порядочнымъ слоемъ (отъ $^3/_4$ до $1^1/_2$ арш.) чернозема. Ровная площадка вокругъ селенія и болѣе теплый климатъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Камчатки, обусловливаемый дѣйствующей сопкой, какъ нельзя болѣе благопріятствуютъ земледѣлію, огородничеству и скотоводству, на что было обращено вниманіе еще въ самомъ началѣ авантюристомъ и монахомъ-миссіонеромъ Козыревскимъ.

Селеніе выглядитъ опрятно и зажиточно, правильно расположено вдоль берега, гдѣ тянется рядъ рыбныхъ балагановъ. Здѣсь впервые вы находите всѣ принадлежности русскаго домоводства: огороды, дворы, погреба, амбары, сараи, двухколесныя телѣги и орудія хлѣбопашества. Есть даже садикъ, искусственно посаженный однимъ крестьяниномъ. Большая церковь чисто содержится и богата старинной утварью и иконами. Особенно интересны и красивы два мѣстныхъ образа замѣчательной чеканной работы, перенесенные сюда изъ Нижне-Камчатскаго острога; есть крестъ 1796 г. и священный сосудъ 1793 г. На церковной колокольнѣ сохранился отъ пожара небольшой колоколъ, называемый «Камчадалъ», отлитый, по преданію, въ 1793 г. въ Нижне-Камчатскѣ (фототипія, табл. III).

При церкви—школа въ особомъ хорошемъ помѣщеніи и богатая библіотека для учениковъ и чтенія; есть лавка. Жилыхъ домовъ 55, разныхъ построекъ—134, жителей—376 д. об. п.; лошадей—63, ко-

---

[1]) Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана. Спб. 1861, в. 2, стр. 28—29.

ровъ—127. Населеніе исключительно русское, съ примѣсью камчадальской крови.

Первые поселенцы—нѣсколько семей пахатныхъ были водворены здѣсь еще въ 1733 г. [1]).

4) Мильково лежитъ въ верхнемъ теченіи Камчатки, въ 420 в. отъ устья, на обширной низинѣ лѣваго берега; правильно распланировано вокругъ большой площади, по срединѣ которой стоитъ церковь съ прилегающимъ школьнымъ домомъ. Здѣсь 50 домовъ, большая половина которыхъ выглядитъ бѣдно и отличается заброшенностью построекъ; жителей 342 д. об. п.,—русскіе потомки крестьянъ и казаковъ. Первые переселены сюда по указу Императрицы Анны Іоанновны (отъ 26 іюля 1738 г.) съ береговъ Лены для земледѣлія въ количествѣ пяти семействъ въ 1738 и 1744 гг.; когда же земледѣльческіе опыты въ Большерѣцкѣ окончательно не удались, тогда вторая партія этихъ крестьянъ въ количествѣ 9 семействъ была переселена также въ Мильково въ 1758 г., для тѣхъ же цѣлей хлѣбопашества, завѣдывать которымъ былъ назначенъ лейтенантъ Холмовскій.

Нужно замѣтить, что въ культурной жизни Камчатки, какъ ни незначительна она была, Мильково, подобно Ключевскому, играло довольно видную роль. Помимо опытовъ хлѣбопашества, уже съ 1774 по 1780 г. (при начальникѣ Бэмѣ) здѣсь пробовали добывать желѣзную руду, но въ виду плохого ея качества оставили разработку; потомъ, при неудачѣ посѣвовъ конопли, начали готовить прядево и даже полотно изъ повсемѣстно растущей здѣсь въ изобиліи крапивы; по этому случаю выписаны были даже прялки, но все это скоро было брошено и забыто, и русскіе окамчадалились.

Здѣсь двѣ торговыхъ лавки, дѣла которыхъ, по разсказамъ, идутъ хорошо. Съ 1897 г. здѣсь водворенъ фельдшеръ, въ виду значительной болѣзненности всѣхъ острожковъ верховьевъ Камчатки.

5) Изъ сѣверныхъ селеній по восточному берегу имѣетъ значеніе Карагинскій острогъ [2]), по своей прекрасной бухтѣ и какъ по-

---

[1]) Словцовъ, l. c., т. 2, стр. 85.

[2]) Карага теперь по-камчадальски называется Каре-гыннынъ, а прежде—Кыталгынъ; въ старыя времена каждый балаганъ былъ огороженъ особливымъ тыномъ. Крашенинниковъ разсказываетъ много чудесъ про этотъ уголокъ (т. I, стр. 75), въ которыхъ мы не могли убѣдиться. Лежащій противъ селенія Карагинскій островъ впервые упоминается въ донесеніи казака Кобелева (1700 г.), а жители Карагинскаго острога крещены въ 1777 г., послѣ чего часть ихъ была переселена въ Олюторскій острогъ, опустѣвшій послѣ оспы.

граничное селеніе Петропавловскаго округа. Онъ расположенъ на правомъ, возвышенномъ берегу рѣки. въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья; въ немъ считается 8 домовъ и 3 юрты, 114 душъ обоего пола; скотоводствомъ почти не занимаются по трудности доставки рогатаго скота. Огородничество здѣсь, какъ и въ смежныхъ 4 селеніяхъ, совершенно отсутствуетъ. Передъ нашимъ проѣздомъ (1897 г.) крестьянинъ Маркъ купилъ корову въ Дранкинскомъ селеніи, которая будетъ первою въ Карагѣ. Живутъ настолько плохо, что не у каждаго хозяина найдется собачій потягъ (упряжь изъ 9—11 собакъ); это объясняется тѣмъ, что оленные коряки, пріѣзжая сюда, много покупаютъ собакъ для своихъ жертвоприношеній. Избы малы, грязны; есть черныя (безъ трубы), въ которыхъ вся обстановка состоитъ изъ наръ, едва прикрытыхъ оленьими постелями. Населеніе крайне грубо и мало развито, выглядитъ чахлымъ и болѣзненнымъ. Причину этого, при изобиліи рыбы и звѣря, можно искать только во вліяніи спирта, привозимаго американцами. Въ 1896 г. въ бухту заходила шхуна, а въ проливѣ видали еще двѣ и пароходъ, на сѣверной оконечности Карагинскаго острова. Рѣка вскрывается 25 мая, а замерзаетъ въ началѣ октября.

Находясь въ сторонѣ отъ почтоваго тракта и почти не посѣщаемые мѣстнымъ начальствомъ, карагинцы плохо и не всѣ говорятъ по-русски. А между тѣмъ, въ виду ежегоднаго прихода сюда американскихъ шхунъ для моржевого промысла на Карагинскомъ островѣ, Карагинская бухта, какъ и все это побережье, заслуживаетъ большаго вниманія.

Познакомившись теперь съ главными поселками восточной стороны, перейдемъ на западную. Это побережье гораздо больше населено и въ прошломъ имѣло болѣе важное значеніе, какъ ближайшій берегъ для охотскихъ судовъ, малоопытные капитаны которыхъ такъ плохо управлялись парусами, что зачастую терпѣли большія аваріи. Большерѣцкъ былъ главнымъ пунктомъ, куда приставали суда съ грузомъ и людьми, хотя мы до сихъ поръ не имѣемъ подробнаго прибрежнаго промѣра. Пенжинская губа совершенно не изслѣдована въ смыслѣ глубины и потому не каждый командиръ рѣшится туда идти, а тѣмъ болѣе пристать къ берегу въ устьѣ какой нибудь рѣки; между тѣмъ на Камчатскомъ берегу этого залива давно былъ извѣстенъ каменный уголь около сел. Подкагирнаго; во время зимняго проѣзда (1896—1897 гг.), по указанію жителей, мы познакомились со вторымъ мѣстомъ залежей хорошаго каменнаго угля, ко-

торымъ, какъ теперь оказывается, давно пользовались американскія суда, близь сел. Лѣсновскаго.

Единственное мѣсто, относительно котораго существують лоцманскія указанія, это устье р. Тигиля, но есть другія устья рѣкъ, еще болѣе удобныя для якорной стоянки, относительно которыхъ въ морской литературѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Это тѣмъ болѣе жаль, что подобный пробѣлъ съуживаетъ дѣятельность коммерческихъ пароходовъ и мѣшаетъ основанію торговыхъ складовъ на западномъ берегу Камчатки. Если доставка провіанта изъ Петропавловска въ Большерѣцкъ не считается здѣсь далекой, то ее нельзя назвать и легкой, такъ какъ путь пролегаетъ черезъ хребетъ и по долинамъ двухъ рѣкъ, которыя начинаютъ вскрываться уже въ началѣ марта, когда только что кончается пушной промыселъ, а слѣдовательно когда населеніе становится свободнымъ. Доставка грузовъ въ острожки къ сѣверу отъ Большерѣцка становится уже рискованной, потому что напр. камчадалъ, выѣхавъ изъ Облуковины въ началѣ марта на собачьихъ нартахъ, за вскрытіемъ рѣкъ, можетъ и не попасть обратно домой. Между тѣмъ къ числу удобныхъ для якорной стоянки устьевъ нужно отнести р. Воровскую, гдѣ когда-то зимовало охотское судно и гдѣ нѣтъ бара, какъ въ другихъ мѣстахъ, мѣшающаго проходу шлюпокъ и даже судовъ. Въ 1893 г. бывшій окружной начальникъ Х. измѣрялъ съ казаками устье этой рѣки и прибрежныя глубины; понятно, подобный промѣръ не имѣетъ практическаго значенія, а развѣ только можетъ служить указаніемъ морякамъ на ихъ прямыя задачи.

Сосѣдняя на сѣверѣ рѣка Колпакова (30 в. разстоянія), если не имѣетъ такой глубины, какъ Воровская, и такого же удобства, потому что устье ея мѣняется почти каждый годъ, тѣмъ не менѣе представляетъ интересъ въ торговомъ отношеніи; такъ Филиппеусъ не разъ выгружалъ здѣсь товары на кошку. Кромѣ указанныхъ мѣстъ нужно обратить вниманіе на устья рр. Камбальной и Озерной, по которымъ теперь нѣтъ жителей, но изобиліе рыбы уже начинаетъ привлекать сюда промышленниковъ. Помимо этого и прилегающая къ устью р. Озерной часть моря имѣетъ также большое промышленное значеніе, такъ какъ сюда давно стали приходить американскія суда для трескового промысла.

Изъ населенныхъ пунктовъ этого берега самымъ старымъ острожкомъ былъ теперешній Большерѣцкъ, основанный въ 1711 г. Съ 1785 г. Большерѣцкъ теряетъ свое первенствующее значеніе и

главная администрація края сначала переселяется въ Нижне-Камчатскъ, а потомъ съ 1812 г. въ Петропавловскъ, тѣмъ не менѣе онъ долго носилъ характеръ военнаго поста. Еще въ 1802—10 гг. имъ завѣдывали поручики или капитаны, а солдаты и казаки составляли главный элементъ населенія. Небезъинтересны свѣдѣнія, почерпнутыя нами изъ обрывковъ большею частію пропавшаго мѣстнаго архива, изъ которыхъ, правда, трудно судить о населеніи самого Большерѣцка, но они даютъ понятіе о численности населенія Большерѣцкаго прихода и его колебаніяхъ:

	Домовъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
1803	44	235	175	410
1813	52	200	186	386 [1])
1823	44	149	150	299
1833	54	186	177	383
1843	64	247	238	485
1854	69	229	218	447
1864	55	185	184	369
1884	81	261	249	510
1894	90	302	271	573

Незначительное увеличеніе обязано не естественному приросту,— иначе оно должно было бы по крайней мѣрѣ удвоится; эта статистика почти за 100 л. Большерѣцкаго прихода показываетъ намъ, что мѣстное населеніе постепенно вымираетъ и замѣчаемое періодическое увеличеніе нужно отнести на расширеніе этого прихода и на причисленіе новыхъ поселковъ.

Въ теперешнемъ своемъ видѣ, уже на третьемъ мѣстѣ [2]), Большерѣцкъ представляетъ маленькую русскую деревушку изъ 16 домовъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ на низкомъ островѣ, образуемомъ протоками р. Большой. Маленькая ветхая церковь уже покосилась и грозитъ паденіемъ; постройка новой вслѣдствіе отдаленной доставки лѣса тянется уже нѣсколько лѣтъ; небольшая грязная школа

---

[1]) Собственно въ Большерѣцкѣ было до 20 домовъ и около 150 душъ обоего пола.

[2]) Прежній Большерѣцкъ стоялъ при впаденіи р. Старой Катановой, повыше Чекавки, потомъ перебрался на р. Новую Катанову и наконецъ еще дальше отъ устья. При Крашенинниковѣ онъ распадался на пять отдѣльныхъ заимокъ.

и двѣ-три лавки мѣстныхъ торговцевъ служатъ дополненіемъ. Дома или ветхи, или производятъ впечатлѣніе временныхъ, недоконченныхъ построекъ, часто безъ сѣней и кладовокъ. Окна или пестрѣютъ мозаикой изъ мелкихъ кусковъ стекла, связанныхъ палочками и заклеенныхъ бумагой, или затянуты полосами изъ медвѣжьихъ и нерпичьихъ кишекъ и рыбьей кожей. Безпечность и недомовитость сквозитъ въ каждой мелочи: наряду съ рваной кухлянкой вы встрѣчаете шелковое платье и плисовый пиджакъ, — видимо, близость гавани, какъ здѣсь говорятъ, т. е. Петропавловскаго порта отрицательнымъ образомъ сказывается на мѣстной жизни: то самъ съѣздитъ въ гавань и пропьетъ выручку отъ пушнины, то землякъ по пути завезетъ бутылку «русскаго добра» (т. е. недогара), и такимъ образомъ на обзаведеніе хозяйства остается весьма немного. Даже домъ и обстановка мѣстнаго батюшки по своей неряшливости и бѣднотѣ произвели тяжелое впечатлѣніе; такой обстановки мы не видѣли на всемъ длинномъ пути [1]), начиная съ Охотска.

Такой бѣдноты всего селенія нельзя объяснить его неудобнымъ положеніемъ: кругомъ обширныя пастбища для скота, рыба въ изобиліи; въ окрестныхъ хребтахъ пріѣзжаютъ охотиться за соболемъ даже изъ другихъ селеній; огороды даютъ хорошій урожай; лошадей (24) и рогатаго скота (89 головъ) достаточно, а между тѣмъ часто приходилось видѣть на столѣ у здѣшнихъ жителей только протухшую, плохо посоленую рыбу и дрянную юколу, тогда какъ всѣ продукты хозяйства пропиваются. Селеніе, подъ вліяніемъ разныхъ неблагопріятныхъ условій, а главнымъ образомъ отъ водки и дурной болѣзни, видимо, вымираетъ: все населеніе его состоитъ изъ сравнительно молодыхъ лицъ 25—40 л., только единственной старухѣ во всемъ селеніи считается 56 л., — и смертность дѣтей, обусловливаемая наслѣдственностью болѣзней, здѣсь всегда давала большой процентъ какъ прежде, такъ и теперь. Такъ въ 1806 г. на 14 родившихся было 18 умершихъ; въ 1816 г. на 7 рожденій 10 смертей, въ 1826 г. на 10 рожд.—9 умершихъ.

Большая рѣка вскрывается около 10 марта, а ледъ окончательно проходитъ около 20 апрѣля; замерзаетъ всегда около 15 октября.

На югъ отъ Большерѣцка находится всего два небольшихъ се-

---

[1]) Исключеніе составляютъ одинъ крестьянинъ Максимъ и дьячекъ съ многочисленнымъ семействомъ изъ красивыхъ дочерей. По странной случайности такихъ же красивыхъ дѣвушекъ въ семьѣ дьячка видѣлъ и Головнинъ (l. c., т. II, стр. 48).

ленія: Голыгино (53 души) и Явино (33), интересныя развѣ по своей задолженности прежней торговой фирмѣ. Прежде эта окраина Камчатки была густо населена курильцами, къ которымъ потомъ присоединились русскіе, имѣвшіе даже батарею и церковь на берегу Курильскаго озера.

Къ сѣверу слѣдуетъ рядъ острожковъ разной величины и населенности, хотя также, какъ и на югѣ, видны слѣды болѣе многочисленнаго населенія: тамъ, гдѣ прежде было 7—8 острожковъ, теперь стоитъ одно Уткинское селеніе изъ 9 домовъ, наполовину заброшенныхъ, вслѣдствіе большой смертности во время эпидеміи зимой 1897—98 гг.; дальше идутъ два небольшихъ селенія Кихчики и Коловское, расположенныя недалеко отъ взморья, которое здѣсь почти никогда не замерзаетъ. Эти два острожка едва обитаемы; населеніе бѣдно, тупо и до безконечности апатично; занимаются огородничествомъ и скотоводствомъ, и скотину сбываютъ въ Петропавловскъ.

По мѣрѣ удаленія отъ столицы Камчатки, вы замѣчаете отрадное явленіе: дома больше, чище и уютнѣй, стѣны побѣлены, обстановка очень опрятная и каждый стулъ и скамья видимо сдѣланы хозяиномъ старательно, судя по рѣзьбѣ и украшеніямъ; оконныя рамы крашены и со стеклами; наконецъ сами жители привѣтливѣе и толковѣй.

Статистическія данныя о всѣхъ острожкахъ Камчатки читатель найдетъ во II томѣ (Прилож. 6-е, табл. II); наиболѣе важнымъ въ историческомъ и экономическомъ отношеніяхъ является сел. Тигиль, прежде Шипинскій острогъ (по имени таіона Шипа), который въ 1744 г.[1]) былъ обнесенъ рвомъ, тыномъ и получилъ названіе Тигильской крѣпости, служа опорнымъ пунктомъ противъ коряцкихъ набѣговъ. До водворенія здѣсь русскихъ, по р. Тигилю было нѣсколько многолюдныхъ камчадальскихъ острожковъ, которые потомъ были частью истреблены, частію вымерли, а жители разбрелись по другимъ мѣстамъ.

Въ 1756 г. къ устью Тигиля въ первый разъ пришло казенное судно «Николай», которое и зимовало въ рѣкѣ. Въ эту зиму, на правомъ берегу лѣваго притока Тигиля, рѣчки Гаваньки, построена,

---

[1]) Еще раньше открытія и завоеванія Камчатки, казакъ Морозко послѣ сбора ясака съ корякъ на р. Опуки, проникъ до р. Тигиль въ 1696 г., разгромилъ здѣсь камчадальскій острогъ и вывезъ отсюда невѣдомыя (японскія) письмена; впослѣдствіи двѣ партіи Атласова тоже здѣсь соединились, отправились отсюда на югъ до р. Голыгиной (Ныигугу).

по распоряженію Чередова, небольшая крѣпость для защиты судна отъ нападенія коряковъ; внутри крѣпости стояли казармы, а снаружи—часовня. Кромѣ того въ 5 в. ниже, при самомъ устьѣ Тигиля, также поставлены казармы, магазины и маякъ.

Камчатскій баталіонъ, хотя и увеличилъ временно численность населенія Тигильской крѣпости, но ничего не далъ для экономическаго развитія: разъѣзды и доставка грузовъ еще больше разорили окрестные острожки.

Дальнѣйшая судьба Тигильской крѣпости теряетъ всякое значеніе, такъ какъ инородцы успокоились; часть оставшихся уволенныхъ солдатъ освоилась съ туземнымъ населеніемъ и вмѣсто прежняго казеннаго пайка стала готовить запасы рыбы. Между тѣмъ Тигиль считался крѣпостью до начала 50-хъ годовъ и населеніе его состояло исключительно изъ русскихъ; такъ, по архивнымъ записамъ видно, что въ Тигилѣ числилось:

1830 г.

Дворовъ	Мужчинъ	Женщинъ
28	110	115

Послѣ этого крѣпость была упразднена, а селеніе перенесено выше по рѣкѣ, гдѣ въ настоящее время (45 в. отъ устья) расположено на маленькой площадкѣ праваго берега р. Тигиля и прикрытое сзади небольшимъ хребтикомъ, по склону котораго лежитъ мѣстное кладбище. Такимъ образомъ создаются крайне неблагопріятныя въ гигіеническомъ отношеніи условія: дождевые осадки, промывая кладбищенскую почву, проходятъ въ почвѣ селенія къ рѣкѣ, а стоящія вдоль берега рыбныя вѣшала загрязняютъ воду, которую жители тутъ же берутъ для питья, чѣмъ и объясняется какъ значительная смертность, такъ и частыя эпидеміи въ этомъ селеніи.

Дома расположены въ двѣ линіи, образуя по срединѣ села улицу, и обнесены частоколомъ или заборомъ, съ воротами и калиткой. При каждомъ домѣ находится задній дворъ для скота съ теплымъ помѣщеніемъ, гдѣ также стоятъ амбарчики, кладовки и вышки на столбахъ для рыбныхъ запасовъ. Это первое и единственное на всей окраинѣ селеніе, которое напоминаетъ наши деревни своими постройками.

Внутренняя обстановка, какъ вездѣ у русскихъ на окраинѣ, довольно неряшлива и грязновата; одѣваются всѣ по-русски, и только зимой надѣваютъ кухлянки; видна нѣкоторая достаточность, да оно

и понятно, такъ какъ всѣ казаки получаютъ казенный паекъ, служащій имъ большимъ подспорьемъ.

Среди селенія на небольшой площадкѣ стоитъ старая, построенная въ 1856 г., церковь и рядомъ съ ней новый домъ для церковно-приходской школы, въ которой обучаются дѣти и другихъ ближайшихъ селеній.

Въ селеніи въ настоящее время двѣ лавки и въ виду того, что это единственное мѣсто по западному берегу, куда заходятъ казенные и частные пароходы, дѣла ихъ идутъ прекрасно; дома торгующихъ построены съ нѣкоторою роскошью и удобствомъ. Помимо этого, при устьѣ Тигиля, есть цѣлый поселокъ, гдѣ у каждаго торговца свой домъ и магазинъ; здѣсь же находится часовня и казенный провіантскій складъ. Всего 4 дома и пять юртъ; въ нихъ зимуютъ нѣкоторыя бѣдныя семьи, которымъ видимо нравится это уединенное житье (фотот. табл. XXIV).

Лѣтомъ же этотъ поселокъ оживляется, такъ какъ многіе изъ жителей Тигиля перебираются сюда для рыбной ловли и нерпичьяго промысла. При Филиппеусѣ здѣсь жило нѣсколько постоянныхъ рабочихъ якутовъ, занимавшихся промысломъ бѣлухи (Delphinus leucas).

Во всѣхъ острожкахъ къ сѣверу отъ Тигиля населеніе, обыкновенно принимаемое за коряцкое, вѣроятно задолго до нашего знакомства съ Камчаткой, уже представляло давнишнюю помѣсь съ камчадалами и потому говорило особымъ нарѣчіемъ; ихъ скорое подчиненіе и принятіе христіанства также говоритъ за уступчивую и податливую натуру камчадала, но не упрямаго и закоренѣлаго въ своихъ традиціяхъ коряка. Устройство особыхъ юртъ, о которыхъ мы выше говорили, слѣды которыхъ мы еще теперь видимъ, повѣрья и религіозныя воззрѣнія съ нахожденіемъ идоловъ Кутху и Емми (въ лѣсу около Лѣсновскаго) [1],—все это говоритъ больше за камчадальское, чѣмъ за коряцкое происхожденіе, да и самое ихъ нарѣчіе представляетъ пеструю смѣсь камчадальскаго и коряцкаго языковъ.

Въ этихъ сѣверныхъ селеніяхъ начинаютъ попадаться юрты, большее число которыхъ совпадаетъ съ близостью къ торговымъ пунктамъ и какъ-бы указываетъ на нѣкоторую зависимость экономическаго состоянія жителей отъ присутствія или отсутствія торговцевъ; видимо, на этой окраинѣ жителямъ лучше живется, когда нѣтъ соблазняющаго магазина, а, можетъ быть, и той эксплоатаціи, которой

[1] Въ 1840 г.

подвергаются инородцы. Дѣйствительно, ближайшіе острожки къ Тигилю—самые бѣдные съ наибольшимъ числомъ юртъ; то же самое мы видимъ на сосѣднихъ селеніяхъ Большерѣцка и Облуковины. Особенно ясно это выступаетъ при сравненіи, напр. сел. Паланскаго и Лѣсновскаго; въ первомъ видна нѣкоторая наружная культурность; домики съ чистой половиной, дворъ обнесенъ рѣшеткой, въ окнахъ стекла, мужчины въ брюкахъ и даже штиблетахъ, женщины—въ ситцевыхъ юбкахъ и съ шелковымъ иногда платкомъ на головѣ, но въ избѣ грязь и недомовитость; корму часто не хватаетъ, не смотря на то, что рѣка славится рыбой и сюда для промысла пріѣзжаютъ изъ 4 окрестныхъ селеній. Во второмъ хотя всѣ одѣты по-коряцки и въ окнахъ вмѣсто стекла натянута рыбья кожа или медвѣжьи кишки, но зато даже земляныя юрты отличаются чистотой; вездѣ ежедневно мѣняется настилка изъ травы; рыбныхъ запасовъ всегда хватаетъ съ избыткомъ до новаго улова; оленеводство служитъ подспорьемъ въ продовольствіи и даетъ большой запасъ теплаго платья. Жители привѣтливы, откровенны и добродушны, чего нельзя сказать про населеніе, гдѣ есть торговля. Сумируя все населеніе по группамъ, получаемъ: инородцевъ Гижигинск. окр. 6,869 д. об. п., Петропавловскаго—5,737, Охотскаго — 4,246; крестьянъ Петропавловскаго окр.—1,196 д., Охотскаго—184, Гижигинскаго—30; казаковъ Петропавловскаго окр. 655 д. об. п., Гижигинскаго — 260, Охотскаго—123; мѣщанъ во всѣхъ округахъ—781 д.

Познакомившись съ распредѣленіемъ и характеромъ населенныхъ пунктовъ Охотско-Камчатскаго края, перейдемъ къ его общественной жизни и управленію.

Рис. 30. Издѣлія коряковъ: собака преслѣдуетъ оленя.

ГЛАВА IX.

Администрація, общественный строй и пути сообщенія.

Управленіе Охотско-Камчатскаго края долгое время находилось въ рукахъ приказчиковъ, комиссаровъ и городничихъ, деспотизмъ и произволъ которыхъ доводили жителей до разоренія и отчаянія. Не только предписанія ближайшаго начальства, но даже грозныя слова Высочайшихъ указовъ мало дѣйствовали на этихъ представителей русской власти. Ни челобитныя, ни жалобы казаковъ, ни доносы служащихъ на злоупотребленія другъ друга не спасали отъ бѣдствія, а только вызывали постоянную смѣну должностныхъ лицъ, изъ которыхъ каждое стремилось къ тому, чтобы по возможности поскорѣе и больше обезпечить себя. Одни смѣненные начальники предавались суду или возвращались въ каторгу, какъ другіе, ихъ преемники, уже на пути слѣдованія къ мѣсту службы, занимались принудительной торговлей и грабежемъ. Иногда дѣло доходило до вооруженнаго столкновенія новаго начальника съ тѣмъ, котораго онъ долженъ былъ смѣнить; въ другой же разъ преданный суду и увезенный подъ конвоемъ, управитель снова назначался на прежнее мѣсто и, понятно, съ большимъ произволомъ угнеталъ и грабилъ всѣхъ и все.

Въ безконечной серіи должностныхъ лицъ мы встрѣчаемъ пять-шесть честныхъ и гуманныхъ правителей, которые являлись большимъ диссонансомъ въ концертѣ сибирскаго грабежа и произвола; тѣмъ не менѣе несправедливая судьба не спасла и ихъ отъ гнусной клеветы. Трудно изобразить то горестное положеніе, которое переживала окраина, когда терялся всякій смыслъ словъ «собственность, семья и честь»; инородецъ падалъ духомъ и тупѣлъ, совершенно не помышляя объ удобствахъ жизни, такъ какъ рано или поздно все это отбиралось у него.

При такомъ прошломъ общемъ строѣ и духѣ администраціи, понятно, сибирская окраина не могла развиваться въ экономическомъ отношеніи, а если время отъ времени и предпринимались попытки къ улучшенію, то онѣ скорѣй служили къ удобствамъ начальниковъ и чиновниковъ. Исторія сохранила намъ нѣсколько судебныхъ дѣлъ, изъ которыхъ видно, какую громадную сумму денегъ и пушнины накопляли люди въ самое короткое управленіе.

Торговцы подъ прикрытіемъ казаковъ и землеходцевъ, на флагѣ которыхъ написано было «Ясакъ—Царю», и въ интимномъ сообществѣ съ начальниками и даже высшими духовными лицами продолжали туже политику обиранія инородца и, жалуясь на трудности жизни и путешествія, въ короткое время накопляли большіе капиталы. Не касаясь большихъ и малыхъ компаній, достаточно будетъ указать на большерѣцкаго купца Казаринова, который, будучи посаженъ въ тюрьму по мнимому обвиненію въ покушеніи отравить Бёньёвскаго, отказался отъ своего состоянія въ 60,000 р., прибавивъ: «мнѣ и одного года довольно быть сборщикомъ ясака на Курильскихъ островахъ, чтобы возвратить утраченное».

Послѣ приказчиковъ правленіе поручается начальникамъ, которыхъ потомъ замѣнили коменданты и управляющіе портомъ.

Гижигинскій районъ, еще неусмиренный, подчинялся то Охотску, то Анадырску; а Удской острогъ зависѣлъ отъ Охотска; въ 1772 г. Удской отчисленъ въ Якутскому округу, хотя черезъ три года получилъ званіе отдѣльнаго комиссарства.

Сибирская администрація, мало знакомая съ мѣстными условіями и потребностями инородцевъ описываемой окраины, иногда предлагала проекты и положенія, которые мало согласовались съ дѣйствительными нуждами края. По указамъ 1782 и 1783 гг. въ Сибири учреждены намѣстничества и особая Охотская область, независимая отъ Якутской, въ составъ которой вошли три подчиненныхъ округа: Гижигинскій, Акланскій и Камчатскій. Главное управленіе Охотскою областью поручено было охотскому коменданту, которымъ назначенъ Козловъ-Угренинъ; въ прочихъ же городахъ положено имѣть разныя присутственныя мѣста и городничихъ, а въ округахъ—исправниковъ. Вскорѣ послѣ этого даны были гербы Охотску, Гижигѣ и Нижне-Камчатску (1790 г.), а въ Удской острогъ комендантомъ назначенъ контръ-адмиралъ Фоминъ (1787 г.).

Это новое положеніе, создавъ централизацію власти на далекомъ побережьѣ, при низкомъ уровнѣ нравственныхъ качествъ начальни-

ковъ, принесло болѣе вреда, чѣмъ пользы краю; доказательствомъ чего можетъ служить дѣятельность Угренина и Бухарина. Дальнѣйшее развитіе новыхъ началъ управленія скоро привело къ созданію камчатскаго батальона, съ назначеніемъ туда коменданта. Такимъ образомъ въ военно-административномъ отношеніи Камчатка обособилась, а потомъ, въ виду нѣкоторыхъ неудобствъ, камчатскій комендантъ генералъ Кошелевъ просилъ подчинить ему Охотскъ.

Для устраненія административныхъ неурядицъ и внутреннихъ безпорядковъ въ Охотской области и Камчатскомъ округѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ образованіи особаго комитета министровъ съ участіемъ сибирскаго генералъ-губернатора, о чемъ мы говорили выше. Заключеніе названнаго комитета сводилось къ признанію двухъ самостоятельныхъ областей и къ упраздненію городовъ Гижиги и Акланска, съ подчиненіемъ ихъ Камчаткѣ (1803 г.).

Крузенштернъ, вернувшійся изъ своего путешествія, первый подалъ мысль о непригодности камчатскаго батальона; иркутскій губернаторъ Трескинъ, враждебно относившійся къ Кошелеву, также представилъ записку объ упраздненіи этого батальона. Тогда снова особому комитету пришлось разбирать дѣла и судьбы дальняго Востока и составлять подробныя соображенія насчетъ новаго преобразованія управленій Камчатки и Охотскаго края (1811 г.). Комитетъ выработалъ 90 подробныхъ параграфовъ, а Трескинъ составилъ подробную инструкцію для управленія Камчаткой.

Эти правила дѣйствовали до переноса порта изъ Охотска въ Петропавловскъ, который сдѣлался на короткое время главнымъ областнымъ городомъ. Тогда по новому положенію (2 дек. 1849 г.), Охотскій край присоединенъ къ Якутской области, а Гижигинскій отошелъ, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ въ своихъ границахъ, къ Камчатскому Приморскому Управленію, гдѣ были военный губернаторъ,—онъ же и командиръ порта, и полиціймейстеръ. Кромѣ того въ каждомъ округѣ положено имѣть исправника и окружного стряпчаго; въ селеніяхъ учреждены должности волостныхъ и сельскихъ старшинъ, а бродячіе инородцы по прежнему управлялись родовыми старшинами. Новый штатъ имѣлъ очень сложную организацію и большой, дорого стоившій комплектъ служащихъ: помимо окружного суда съ его членами, появилась масса всякаго рода канцеляристовъ, чиновниковъ особыхъ порученій, землемѣръ, горный чиновникъ, медицинскій инспекторъ, окружные врачи съ лекарскими ученками и

Охотскій округъ: Прокаженныя женщины въ поселкѣ Ҁёхтёряхъ.

повивальной бабкой, не говоря уже о спеціалистахъ морского вѣдомства.

Это широкое развитіе административныхъ органовъ при многочисленности населенія и его патріархально-полукочевомъ образѣ жизни, вѣроятно, мало принесло бы пользы странѣ; къ счастію для нея, послѣ знаменитаго Петропавловскаго сраженія, когда вся команда и административныя лица были заняты постройкою и поправкою укрѣпленій, 3-го марта 1855 г. чрезъ безконечную тайгу, хребты и тундры, прибылъ въ Петропавловскъ адъютантъ генералъ-губернатора Муравьева-Амурскаго съ его предписаніемъ перевести ранней весной всѣ учрежденія и всю команду въ Николаевскъ на Амурѣ, оставивъ въ Камчаткѣ только одно земское управленіе.

Послѣ того широкаго расчлененія административныхъ функцій и той кипучей дѣятельности, которая связана была съ существованіемъ порта и судоходства, въ Охотско-Катчатскомъ краѣ съ 1856 г. наступила тишина. Интересы и нужды края, до того времени мало понятые, теперь окончательно отошли на задній планъ: инородцы давно успокоились, казаки окамчадалились, да и въ поступкахъ административныхъ лицъ не было тѣхъ крайнихъ формъ, которыми такъ характерна исторія здѣшней окраины.

Потомъ образована Приморская область и утверждено новое положеніе объ образованіи четырехъ равноправныхъ округовъ съ назначеніемъ въ каждый отдѣльнаго окружного исправника; впослѣдствіи исправники замѣнены окружными начальниками, въ непосредственномъ вѣдѣніи которыхъ и теперь находится край.

Въ настоящее время, по введеніи штатовъ окружного управленія, (1888 г.) окружной начальникъ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ самыя разнообразныя функціи: онъ—администраторъ—военный и гражданскій; онъ—полиція, судья, сборщикъ ясака и государственныхъ повинностей; онъ — судебный слѣдователь, таможенный надзиратель, часто почтмейстеръ и письмоводитель. Онъ радѣетъ интересы края, печется о здравіи и благонравномъ поведеніи; онъ помощникъ въ случаѣ голода и повѣтрія; онъ одинъ рѣшаетъ торговые и промысловые вопросы и даетъ позволеніе на въѣздъ и выѣздъ инородца изъ порта; онъ несетъ обязанности по дѣламъ мѣстнаго казначейства и интендантства. Словомъ, нѣтъ такого общественнаго, бытового, административнаго и даже семейнаго вопроса, который не подлежалъ бы его санкціи. Поэтому и понятны въ инородцѣ то обаяніе и

страхъ передъ начальствомъ, которые приходилось наблюдать въ каждомъ селеніи и стойбищѣ.

До 1896 г. въ Охотскомъ и Петропавловскомъ округахъ полагался начальникъ и помощникъ, съ письмоводителемъ, тогда какъ въ Гижигинскомъ — всего только одинъ начальникъ, который въ то же время обязанъ былъ принимать простую и денежную корреспонденцію; въ Петропавловскѣ же назначался отдѣльно почтмейстеръ (почтовой конторы 3-го класса). Ближайшими помощниками и исполнителями полицейскихъ распоряженій начальника являются казаки, положеніе которыхъ въ настоящее время довольно неопредѣленно. Въ Чумиканѣ, Аянѣ, Охотскѣ и Гижигѣ они — изъ Якутскаго городского казачьяго полка и служба ихъ считается обязательной и наслѣдственной. Современные казаки суть потомки давно переселенныхъ и присланныхъ сюда изъ Якутска на службу казаковъ; тогда какъ въ Камчаткѣ казачья команда, первоначально комплектовавшаяся изъ того же полка, представляетъ отчасти остатокъ бывшаго батальона. Кромѣ караульной и часовой службы у порохового погреба, провіантскихъ магазиновъ и при полицейскомъ управленіи, казаки служатъ для разсылки по округу со служебными приказами и предписаніями старостамъ; при поѣздкѣ по округу они сопровождаютъ окружного начальника для охраны денежнаго сундука и ясачной пушнины. Иногда посылаются для надзора за выгрузкой товаровъ, провозомъ спирта и за своевременнымъ заготовленіемъ рыбныхъ запасовъ, ибо практика показала, что инородецъ даже не всегда заботится о томъ, чтобы прокормить себя зимой.

Эта казачья команда, на основаніи существующихъ положеній, обязана безсрочною службой и снабжается отъ казны денежнымъ и пайковымъ довольствіемъ. Послѣднее состоитъ изъ 1 пуда, 27 ф. и 93 золотн. ржаной муки и 10 ф. крупы для взрослаго, начиная съ 17 л., а до этого года каждый казачій сынъ получаетъ половину означеннаго пайка; причемъ положеніе указываетъ (ст. 1294), что малолѣтки Якутскаго городового полка не пользуются дачею крупъ (5 ф.), кромѣ дѣтей Охотскаго края, которые довольствуются и крупою. Удская казачья команда, находящаяся въ Чумиканѣ и переведенная на службу въ Приморскую область, довольствуется на особомъ положеніи: паекъ получаютъ только прежніе казаки, дѣти же ихъ до 7 л. получаютъ ½ пайка, съ 7 до 16 л. полный паекъ, выдача котораго потомъ прекращается и казачій сынъ на службу не

зачисляется. Такимъ образомъ мѣра эта ведетъ къ уничтоженію казачьей мѣстной команды.

Помимо провіантскаго довольствія, каждый казакъ получаетъ денежное жалованье (12 р. 40 к.), квартирныя (5 р. 50 к.), аммуничныя (6 р. 58 к.) и приварочныя деньги (до 40 р. въ годъ). Эти статьи получекъ съ обозначеніемъ суммы указаны нами для казаковъ Удского округа, гдѣ между прочимъ квартирныя и аммуничныя деньги теперь уже не выдаются, какъ это дѣлается напр. и въ Петропавловскомъ округѣ.

Хотя казакамъ Якутскаго полка и Камчатской команды присвоено платье военнаго образца, но у большинства его вовсе не имѣется, и казаки ходятъ въ чемъ попало, надѣвая на себя смѣсь отрепьевъ европейскаго покроя съ инородческимъ одѣяніемъ. Странное впечатлѣніе производитъ напр. камчатскій казакъ при исполненіи своей службы на часахъ у порохового погреба: онъ одѣтъ въ камлейку (рубашка изъ оленьей кожи) и въ тарбасы; на головѣ форменная фуражка съ краснымъ околышемъ; никакого оружія при немъ нѣтъ, потому что не у каждаго казака есть сабля. Въ дурную погоду онъ спитъ, закутавшись кухлянкой и забившись въ землянную юрту или будку, а въ хорошую—вяжетъ сѣть или ловитъ рыбу, покуривая трубочку. Въ Аянѣ, Чумиканѣ и Тигилѣ даже этой формальности казаки не соблюдаютъ.

Во всѣхъ округахъ Охотско-Камчатскаго края казаки и ихъ семьи составляютъ главный элементъ русскаго населенія и содержаніе ихъ обходится довольно дорого правительству. Какъ военная сила, они не имѣютъ никакого значенія по своей малочисленности и отсутствію военной выправки и дисциплины. Лѣтомъ 1897 г. бывшимъ въ Петропавловскѣ генералъ-губернаторомъ Духовскимъ оставленъ былъ одинъ офицеръ для обученія камчатской команды строевой службѣ и ружейнымъ пріемамъ. Нужно было видѣть ихъ удивленіе и тѣ трудности, съ какими давались имъ маршировка и умѣнье держать ружье по командѣ: цѣлые дни они выбивались изъ силъ и обливались пóтомъ, маршируя въ то время, когда нужно было ловить рыбу.

Казачье населеніе Гижиги и Охотска достигаетъ 383 д. об. п., а въ Камчаткѣ—653 д. (1897 г.). Команда дѣлится на четыре разряда: a) служащихъ, b) отставныхъ и льготныхъ, c) взрослыхъ и d) малолѣтнихъ. Камчатскіе казаки размѣщены въ трехъ пунктахъ полуострова: Петропавловскѣ, Тигилѣ и Усть-Камчатскѣ; кромѣ

того, отсюда же посылаются казаки для службы въ Анадырскій округъ и на Командорскіе острова.

Слѣдующая таблица для примѣра показываетъ всѣ статьи довольствія камчатской команды и ихъ постепенное уменьшеніе:

	Жалованье.	Приварочи.	Пайковое довольствіе.	
			Мукой.	Крупой.
1892 г.	2,059 р. 12 к.	2,346 р. 54 к.	— —	— —
1893 г.	1,682 р. 50 к.	2,208 р. 25 к.	3,059 п. 29 ф.	450 п. 6 ф.
1894 г.	1,226 р. 73 к.	2,004 р. 40 к.	3,008 п. 37 ф.	442 п. 26 ф.

Помимо казачьей команды, правительство доставляетъ казенный паекъ чинамъ гражданскаго вѣдомства и духовенству и вообще предметы продовольствія для обывателей, какъ-то муку, крупу, соль, порохъ и свинецъ для шести сѣверныхъ пунктовъ. Правила этого снабженія утверждены министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1890 г. и касаются порядка заготовленія, храненія, отпуска и продажи продовольственныхъ припасовъ. Согласно этимъ правиламъ, весь провіантъ заготовляется (§ 11) интендантскимъ управленіемъ и хранится въ магазинахъ гражданскаго вѣдомства, за которыми слѣдятъ вахтера, получая за это особое вознагражденіе, до 300 руб. въ годъ[1]) (240 р. жалованья и 60 р. на канцелярскіе расходы); причемъ областному начальству предоставляется право назначать вознагражденіе большее или меньшее, сообразуясь съ цѣнами на личный трудъ.

Въ силу этого, въ каждомъ такомъ складочномъ пунктѣ существуютъ или по крайней мѣрѣ должны быть казенные магазины для храненія продовольственныхъ запасовъ, пороху и свинцу и домà для вахтеровъ, между тѣмъ въ Аянѣ нѣтъ складовъ, а въ Чумиканѣ не существовало вахтерскаго дома, о ремонтѣ которыхъ между тѣмъ,

[1]) Это вознагражденіе распредѣляется довольно неравномѣрно: аянскій пятидесятникъ, принимающій грузы и хранящій ихъ для Аяна и Нелькана, за 1891 и 92 гг. получилъ по 134 р., тогда какъ чумиканскій за это же время— по 300 р., но послѣ 1892 г. совсѣмъ не получаетъ. Нельканскій урядникъ въ 1893 г. обратился съ просьбой въ Якутское областное правленіе о выдачѣ ему вознагражденія за исполненіе обязанностей вахтера; послѣднее отказало, препроводивъ бумагу къ военному губернатору Приморской области, который отвѣтилъ (1894 г., за № 6621), что для мѣстечка Нельканъ предметы снабженія заготовляются по распоряженію приморскаго областного начальства, попеченіе же, о снабженіи продовольствіемъ относится къ обязанностямъ иркутскаго генералъ-губернатора. Такимъ образомъ видно, что спустя 4 года послѣ введенія означенныхъ правилъ, далеко не точно была обозначена сфера дѣятельности управленія въ смежныхъ областяхъ.

какъ видно изъ мѣстныхъ бумагъ, областное правленіе дѣлало запросы.

Продовольственныхъ припасовъ въ 1896 г. доставлено пудовъ въ:

	Муки.	Крупы.	Соли.
Охотскій округъ.	820	70	500
Гижигинскій округъ.	820	70	500
Петропавловскій округъ	8.000	820	2.150

они отпускаются или безденежно: служащимъ—въ опредѣленномъ количествѣ, а обывателямъ,—въ случаѣ сильной голодовки, по особому разрѣшенію, или же по цѣнамъ, установляемымъ отдѣльно на каждый годъ областнымъ начальствомъ. Что касается пороха, то торговцы могутъ продавать его не дороже казенной цѣны (20 р. 10 к. за пудъ), согласно предписанію военнаго губернатора (отъ 27 сент. 1894 г.). Продовольствіе казачей команды, имѣющей довольно проблематическое назначеніе, являясь обременительной статьей, не разъ озабочивало мѣстную администрацію, и въ 1894 г., на ряду съ другими вопросами объ улучшеніи края, военнымъ губернаторомъ былъ поставленъ вопросъ о мѣстныхъ казакахъ, ихъ пользѣ и вредѣ, причемъ предлагалось окружнымъ начальникамъ рѣшить: не находятъ ли они возможнымъ замѣнить казачью команду вольно-наемной полицейской стражей?

Къ сожалѣнію, окружное начальство, принимая за исходную точку существующее число служащихъ казаковъ, какъ напримѣръ для Петропавловскаго округа 55 чел., пришло къ отрицательному по этому вопросу заключенію, указывая на то, что, при вольномъ наймѣ, содержаніе полицейской стражи обойдется дороже.

Мы рѣшительно отказываемся понять мотивы подобнаго заключенія: на окраинѣ, гдѣ нѣтъ ни воровства, ни дракъ, ни убійствъ, ни другого рода преступленій, содержаніе большого числа полицейской стражи является прямо анахронизмомъ. Во всѣхъ портахъ, по причинѣ кратковременной стоянки пароходовъ, судовая команда рѣдко сходитъ на берегъ, мѣстнаго пьянства не существуетъ и не должно быть въ силу запрещенія ввоза спиртныхъ напитковъ; содержаніе часовыхъ у хлѣбныхъ магазиновъ и пороховыхъ погребовъ есть простая формальность, далеко не вездѣ соблюдаемая. Мы видѣли, что петропавловскій часовой у порохового склада занятъ рыбной ловлей, покуриваніемъ трубки или спаньемъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ Олѣ, Аянѣ, Чумиканѣ и проч., всѣ казенные склады

всегда обходятся безъ часовыхъ, да и невозможно было бы имѣть таковыхъ въ первыхъ двухъ портахъ при наличіи единственнаго казака. Даже въ Петропавловскѣ, куда чаще заходятъ военные крейсеры и коммерческіе пароходы, наличіе 20 казаковъ-полицейскихъ— большая роскошь, ничѣмъ не оправдываемая. Содержаніе же въ Тигилѣ, куда пароходъ заходитъ всего на нѣсколько часовъ, 273 казачьихъ душъ совершенно излишне, тѣмъ болѣе, что и строй, и порядокъ внутренней жизни инородцевъ рѣшительно не требуютъ этого.

Обязанные безсрочной службой (въ извѣстныхъ предѣлахъ), обезпеченные даровымъ жалованьемъ и казенными пайками, казаки вездѣ представляютъ непривлекательный типъ плохого, лѣниваго и безтолковаго служаки, самаго плохого хозяина и деморализующій элементъ.

При многократныхъ перемѣнахъ формы управленія краемъ, инородцы остались при своемъ наслѣдственно родовомъ самоуправленіи: князьцы, тайоны и старшій въ родѣ до сихъ поръ сохранились среди бродячаго населенія. Только въ сравнительно недавнее время была сдѣлана попытка ввести выборное начало старостъ между осѣдлыми инородцами; нѣкоторые изъ этихъ старостъ сохранили свое названіе князьцовъ и право носить кортикъ, дарованный имъ при Екатеринѣ II.

Родовой строй первобытной семьи хорошо извѣстенъ, а среди народа, который съ природною вольностью, по словамъ Фишера [1]), скитается повсюду съ своими оленями, и не могло быть другого начальника, какъ хозяина юрты или наслѣга, старшаго въ родѣ, господина-собственника. Всѣ заботы о семьѣ и родѣ, о табунахъ оленей и пастбищѣ принадлежали старшему; въ случаѣ обиды его родовичей или столкновенія съ другими инородцами, онъ являлся защитникомъ и вождемъ. Выработанныя обстоятельствами и освященныя временемъ права старшаго передавались по наслѣдству и такимъ образомъ узаконили положеніе представителей отдѣльныхъ родовъ.

Въ своей первоначальной формѣ эти унаслѣдованныя права тайона были гораздо шире, чѣмъ въ настоящее время, когда всѣ обязанности сводятся къ сбору и уплатѣ ясака его родомъ и въ рѣдкихъ, чисто добровольныхъ случаяхъ къ попеченію и заботамъ о дряхлыхъ, престарѣлыхъ, сиротахъ и обѣднѣвшихъ. Нужно, впрочемъ, правду

---

[1]) Сибирская исторія, стр. 69.

сказать, что это родовое начало отеческихъ заботъ еще вполнѣ сохранилось среди бродячаго населенія. Приходилось, однако, видѣть отдѣльные примѣры, когда такой представитель рода эксплоатировалъ своихъ родовичей ради личныхъ, корыстныхъ цѣлей.

Что касается старостъ осѣдлаго населенія, то они выбираются мірскимъ сходомъ и утверждаются окружными начальниками; причемъ послѣдніе часто сами назначаютъ извѣстное лицо для выбора въ старосты, въ виду его большей распорядительности и дѣловитости.

Съ точки зрѣнія общественнаго управленія, три округа представляютъ нѣкоторыя особенности; такъ въ Охотскомъ округѣ въ каждомъ селеніи есть староста и помощникъ, которые носятъ особый нагрудный знакъ; это даетъ ему извѣстныя права и полномочія, какъ должностному лицу, тогда какъ въ Гижигинскомъ и Петропавловскомъ округахъ старосты не имѣютъ этого знака, а потому на сходахъ, во мнѣніи поселянъ, не пользуются соотвѣтствующимъ почетомъ. Для малоразвитой инородческой среды такой внѣшній знакъ присвоенной власти имѣетъ важное значеніе и потому въ интересахъ края и его благоустройства желательно, чтобы эта мѣра была распространена на всѣхъ старостъ какъ осѣдлыхъ, такъ и бродячихъ инородцевъ. Въ Охотскомъ округѣ кромѣ того есть много старшинъ, которые за долголѣтнюю и примѣрную службу награждены медалями, въ двухъ другихъ округахъ этого совсѣмъ почти нѣтъ, не смотря на то, что есть лица, безпорочно прослужившія въ должности старосты болѣе 20 л., и только въ 1897 г., по случаю 200-лѣтняго юбилея Камчатки, генералъ-губернаторъ Приморской области генералъ-лейтенантъ Духовской наградилъ медалями нѣсколькихъ инородческихъ старшинъ.

Вопросъ объ устройствѣ сельскихъ обществъ и управленіи инородцами давно возбуждался въ правящихъ сферахъ и, не смотря на различныя мѣропріятія, до сихъ поръ остается въ неопредѣленномъ положеніи, что вредно отзывается на благоустройствѣ края. Уже одно разсмотрѣніе ряда проектовъ и мѣропріятій окружныхъ начальниковъ съ одной стороны, а съ другой — подробныхъ инструкцій и вопросныхъ пунктовъ военнаго губернатора — говоритъ за ненормальное положеніе указаннаго вопроса. Одни начальники хлопочутъ о расширеніи правъ сельскихъ старостъ, другіе—объ измѣненіи надзора за хозяйствомъ инородцевъ; въ одномъ случаѣ предлагается распространить на камчадалъ положеніе объ управленіи

крестьянами[1]); въ другомъ—военный губернаторъ дѣлаетъ (1885 г.) запросъ окружнымъ начальникамъ, какія причины могутъ препятствовать къ скорѣйшему воспріятію со стороны инородцевъ русской культуры, какъ умственной, такъ равно нравственной и религіозной; и какія мѣры могутъ быть приняты къ устраненію этихъ причинъ и вообще къ поднятію уровня духовнаго и матеріальнаго благосостоянія инородческаго населенія края? Разбирая факты изъ инородческой жизни, этотъ циркуляръ приходитъ «къ безотрадному размышленію о полной несостоятельности настоящаго порядка управленія инородцами вообще»[2]).

Дѣйствительно, изучая подробности быта осѣдлаго населенія края, мы приходимъ къ заключенію, что кличка «инородецъ» давно уже отжила свое право гражданства, что осѣдлый инородецъ — такой же мирный поселянинъ, какъ въ любой русской деревушкѣ, только силою особыхъ, физическихъ и экономическихъ обстоятельствъ поставленъ въ исключительныя условія. Тяжелая среда его обстановки и безконечныя разстоянія между населенными пунктами, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, даютъ ему право на нѣкоторыя соціальныя и государственныя льготы; но крайняя безпечность и апатія, выработанныя тяжелыми условіями прошлаго, требуютъ въ нѣкоторой степени воспитательно-административнаго надзора за нимъ. Мы знаемъ много примѣровъ, когда съ подъемомъ экономическаго положенія инородецъ ободрялся, оживалъ и болѣе старательно велъ свое хозяйство. Видя напр. отеческія заботы Завойко и его всегдашнюю готовность прійти на помощь въ затруднительныхъ положеніяхъ, камчадалъ развилъ огородничество, посѣвы ячменя и конопли до такихъ размѣровъ, какъ никогда послѣ. Да и неудивительно, потому что всѣ огородныя овощи, кромѣ рѣпы, не даютъ въ Камчаткѣ сѣмянъ; высылка ихъ туда идетъ крайне неаккуратно. Завойко, снабжая хорошими сѣменами, строго взыскивалъ съ тѣхъ, кто не имѣлъ огорода, и для присмотра за хозяйствомъ назначалъ одного блюстителя,

[1]) Въ 1881 г., на основаніи предписанія генералъ-губернатора, въ Камчаткѣ введено устройство сельскихъ обществъ въ селеніяхъ: Николаевскомъ, Мильковскомъ, Ключевскомъ и Нижне-Камчатскомъ, но дальнѣйшее введеніе этихъ правилъ въ осѣдлыхъ инородческихъ поселеніяхъ пріостановлено, а введеніе волостного правленія, въ виду бѣдности жителей, оказалось труднымъ. Въ 1883 г. поступило предложеніе проэкта для руководства общественнымъ управленіемъ въ сельскихъ обществахъ, образованныхъ въ губерніяхъ и областяхъ Восточной Сибири.

[2]) Въ бумагахъ полицейскаго архива въ Петропавловскѣ, 1884 г. отъ 23 и 29 мая.

«удѣльнаго тайона», который слѣдилъ за своевременными работами и понуждалъ камчадаловъ заниматься огородничествомъ.

Въ архивахъ мѣстныхъ управленій мы находимъ большую переписку о высылкѣ сѣмянъ и неводного прядева; изъ нея видно, что семена высылаются неаккуратно, а иногда не тѣхъ сортовъ, какіе здѣсь могутъ расти; или что неводное прядево доставлялось безъ расцѣнки; почему и не могло поступить въ продажу. Въ 1894 г. вмѣсто прядева высылаютъ восемь сѣтей для селедки, которую инородцы не ловятъ и не употребляютъ въ пищу.

Все это на первый взглядъ мелочные факты, но въ жизни инородца они имѣютъ огромное значеніе, такъ какъ касаются двухъ главныхъ источниковъ пропитанія. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, критическое положеніе инородца, которому, даже за любую цѣну, не выслали ни ружейныхъ замковъ, ни неводного прядева, ни огородныхъ сѣмянъ; или наоборотъ, при имѣніи ружей, въ 1896 г. всѣ инородцы сѣвернаго побережья Охотскаго моря, какъ осѣдлые, такъ и бродячіе, остались совершенно безъ пороха и дроби, такъ какъ казенный пароходъ «Хабаровскъ», долженствовавшій доставить въ Олу казенный грузъ для Охотскаго и Колымскаго округовъ, не зашелъ. Частные же торговцы, имѣя этотъ рейсъ въ виду и казенную продажу охотничьихъ принадлежностей, не запаслись ими: жители безъ промысла бѣдствовали, жалуясь на то, что въ этомъ году имъ нечѣмъ уплачивать ясака и податей.

Инородцы сѣверныхъ округовъ, смотря по своему положенію и образу жизни, несутъ разныя повинности: бродячіе платятъ только ясакъ; тогда какъ кочевники вносятъ подушную подать, сборъ въ государственный капиталъ, губернскія земскія повинности съ ревизской души, въ межевой капиталъ и частныя повинности; осѣдлое населеніе, какъ крестьянское, такъ и инородческое, платитъ: подати или ясакъ, сборъ на земскую повинность, страховой сборъ и въ пожарный капиталъ; кромѣ того оно отбываетъ натуральную повинность. Эта послѣдняя заключается въ исправленіи пути и ночлежныхъ юртъ, въ поддержаніи мостовъ и переправы черезъ рѣки, въ постановкѣ вѣхъ въ зимнее время и подводной гоньбѣ.

Въ 1896 г. поступило	Ясаку.	Подушной подати.
Охотскій окр.	1.409 р. 13½ к.—	77 р. 40 к.
Гижигинскій окр. . . .	1.150 » 48 »—	16 » 20 »
Петропавловскій окр. . .	3.038 » 23 »—	396 » 90 »

Всѣ эти повинности неодинаково распредѣляются какъ между бродячими, такъ и осѣдлыми жителями; съ другой стороны, въ каждой изъ этихъ двухъ группъ инородцевъ распредѣленіе какъ ясака, такъ и податей представляетъ много своеобразнаго и часто несогласующагося съ дѣйствительнымъ положеніемъ плательщиковъ.

Ясакъ съ первыхъ временъ составлялъ одну изъ главныхъ заботъ правительства. Онъ впервые упоминается въ полномъ сводѣ законовъ, какъ положеніе, выработанное еще въ 1624 г. тобольскимъ воеводой, бояриномъ княземъ Ю. Сулешевымъ. Въ первые годы исторіи Восточной Сибири всѣ наказы воеводамъ и управителямъ направлены къ «умноженію ясака, царской казны, къ ограниченію воровства и злоупотребленій ясачныхъ сборщиковъ». Послѣднимъ вмѣняется въ прямую обязанность подъ угрозой наказанія, съ ясачными людьми обращаться ласкою, уговоромъ и привѣтомъ; налоговъ никакихъ имъ не чинить и даже не крестить, чтобы отъ этого не было Государевой казнѣ убыли и людей ясачныхъ не отогнать. Ясачные не могли подвергаться (по указу 26 дек. 1695 г.) ни пыткамъ, ни казнямъ безъ доклада Государю; въ улусы ясачныхъ, особенно неосѣдлыхъ, всѣми наказами и особливыми повелѣніями воспрещалось вводить игру картами и зернью, и ввозить табакъ и вино для обмѣна на мягкую рухлядь.

При покореніи «новыхъ землицъ» ясакъ брался по возможности, но, при вымогательствѣ казаковъ, достигалъ большой суммы: бралось 10—20 и даже больше соболей съ каждой взрослой души, что по расчету Словцова [1]) на тогдашнія цѣны составляло отъ 50 до 100 р. съ души. Поэтому неудивительно, что на первыхъ же порахъ послѣ завоеванія за инородцами оказались большія недоимки. Ясакъ былъ податной, десятинный (10-й упромышленный звѣрь) и поминочный, въ видѣ добровольнаго приношенія Государю, воеводѣ и дьячему; двѣ послѣднія категоріи ясака далеко превосходили первый.

Въ первое время ясакъ собирался различно: то съ каждой юрты, то съ волости, или съ рода, то съ каждаго человѣка въ отдѣльности. Сборъ съ непосредственныхъ плательщиковъ представлялъ большія трудности: люди то укрывались, то расходились по тайгѣ и хребтамъ,—и только П. Бекетовъ, единственный дѣльный въ старину управитель Якутской области, по выраженію барона Майделя [2]), ввелъ

---

[1]) L. c. ч. I, стр. 27.
[2]) L. c. т. I, стр. 438.

правило, потомъ санкціонированное Екатериной II [1]), чтобы ясакомъ облагались не единичныя лица, а всегда цѣлое племя, улусъ или родъ, старшій котораго или тайонъ отвѣчалъ за правильность сбора и своевременность доставки. Эта мѣра послужила къ учрежденію стойбищъ, или сбора бродячихъ родовичей въ одномъ мѣстѣ, для рѣшенія ихъ общественныхъ вопросовъ и уплаты ясака.

Съ теченіемъ времени ясачный вопросъ разбирался въ нѣсколькихъ ясачныхъ комиссіяхъ и былъ болѣе или менѣе урегулированъ. Первая ясачная комиссія была въ 1768 г.; вторая—съ 1828 по 1835 г. Мы не имѣли возможности ознакомиться съ трудами второй комиссіи и главнымъ образомъ съ ея принципами ясачной раскладки, но, судя по разнообразію платящихъ группъ, нужно думать, что она входила во многія детали инородческаго быта. По ея опредѣленію, платежъ каждаго инородческаго рода зависитъ отъ наличнаго числа работниковъ, т. е. здоровыхъ мужчинъ въ возрастѣ между 18 и 50 годами; старики выше этихъ лѣтъ не платили ясака, равно какъ разрѣшалось исключать изъ плательщиковъ слѣпыхъ и калѣкъ, хотя бы они принадлежали къ платящему возрасту. Величина оклада, ложившагося на одного работника, опредѣлялась приблизительно доходностью всѣхъ промысловъ данной податной группы, т. е. между тунгусами и коряками—рода, а между якутами—наслега.

Уменьшеніе пушнины, ухудшеніе ея качествъ и въ тоже время вздорожаніе мѣховъ выше оцѣнки ясачной комиссіи послужили къ новой регламентаціи ясачнаго платежа, который былъ переведенъ на деньги. Для Сибири этотъ переводъ ясачной подати на деньги совершился рано, — въ 1626 г., а для Охотско-Камчатскаго края гораздо позднѣе; закономъ было предоставлено инородцамъ вносить ясакъ вмѣсто пушнины деньгами по казенной расцѣнкѣ, утверждаемой на три года; но съ этой таксой всегда выходили недоразумѣнія. Такъ утвержденная для 1876—1879 гг. расцѣнка существовала въ Охотскомъ округѣ включительно до 1888 г., когда торговыя цѣны на пушнину стояли значительно выше. Такимъ образомъ въ настоящее время ясакъ въ кабинетъ Его Величества вносится или пушниной, или деньгами, съ чрезвычайно разнообразнымъ расчетомъ на

---

[1]) Тогда соболь стоилъ 15—50 к., и въ рѣдкихъ случаяхъ цѣнился 8 р. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича самая высшая цѣна «сорока» соболей была 300 р., а самая низкая $5^1/_2$ р. См. П. Буцинскій. Заселеніе Сибири. Харьковъ. 1889 г., стр. 313.

каждаго работника, какъ видно изъ статистическихъ таблицъ (см. т. II, прил. 6-е).

Законъ гласитъ [1]): «къ разряду бродячихъ принадлежатъ тѣ инородцы, кои, не имѣя никакой осѣдлости, переходятъ съ одного мѣста на другое по лѣсамъ и рѣкамъ или урочищамъ, для звѣроловнаго и рыболовнаго ихъ промысловъ, отдѣльными родами или семействами. Къ разряду кочевыхъ принадлежатъ тѣ инородцы, кои имѣютъ осѣдлость, хотя постоянную, но по временамъ года перемѣняемую, и не живутъ деревнями». Осѣдлыми будутъ тѣ, которые живутъ деревнями, или въ городахъ, занимаясь хлѣбопашествомъ или торговлею.

Основой для такой классификаціи инородцевъ послужило «Положеніе 1822 г.», авторомъ котораго былъ графъ Сперанскій; Гагенмейстеръ въ своемъ «Статистическомъ описаніи Сибири» (1853 г.) принялъ во вниманіе указанія ясачной комиссіи 1827 г. и измѣнилъ дѣленіе всѣхъ инородцевъ, хотя его дѣленіе и не вошло въ общее употребленіе [2]). Между тѣмъ вопросъ о принадлежности къ той или другой группѣ имѣетъ экономическое значеніе и тѣсно связанъ съ уплатой неодинаковаго ясака, несеніемъ земскихъ сборовъ и отбываніемъ натуральной (подводной) повинности.

Поэтому чрезвычайно важно уяснить себѣ настоящее положеніе инородца и точный смыслъ вышеприведенной классификаціи.

Бурятъ съ своими стадами лошадей и рогатаго скота, живущій нѣсколькими юртами родовичей въ степи, остается на мѣстѣ годъ—два, до тѣхъ поръ, пока эти степи доставляютъ кормъ его стадамъ; потомъ перебирается на новое мѣсто, оставаясь здѣсь опять до истощенія кормового матеріала. Онъ живетъ не деревнями, а только въ нѣсколькихъ юртахъ или избахъ; эта осѣдлость до нѣкоторой степени постоянная, которую потомъ приходится мѣнять сообразно нуждамъ скотоводства. Такой инородецъ—безъ сомнѣнія кочевникъ. Тунгусъ, потерявъ стада оленей, остается на устьѣ рѣки главнымъ образомъ ради рыбнаго и морского промысла, и не въ состояніи отсюда двинуться; его единственное достояніе—кожаная юрта, которую онъ не въ силахъ на себѣ перенести на болѣе промысловое мѣсто. Кто онъ—осѣдлый, кочевникъ или бродячій? Оставляя свою урасу, онъ бродитъ зимой по хребтамъ ради пушного промысла,

---

[1]) Сводъ законовъ, 1857, т. II, ч. II, кн. 7, ст. 2 и 3.

[2]) См. подробности въ статьѣ Венюкова «Краткія Свѣдѣнія о Сибирскихъ инородцахъ», въ Приложеніи къ № 1 Извѣст. Имп. Р. Геогр. Общ. на 1874 г.

живетъ у знакомыхъ или родныхъ по другую сторону хребта, и потомъ снова возвращается въ свое убогое обиталище. Онъ дѣйствительно осѣлъ на мѣстѣ, хотя никакихъ свойствъ осѣдлости не представляетъ: добрые родовичи на своихъ оленяхъ перевезли весь его скарбъ,—и онъ является въ другомъ устьѣ рѣки на долго, быть можетъ на всегда, не принадлежа въ сущности ни къ осѣдлымъ, ни къ кочевникамъ. Мы знаемъ группы юртъ такихъ бѣдняковъ на устьяхъ рр. Лантара, Алдомы, Сиглана, Мамечи и пр., изъ которыхъ одни считаются бродячими, другіе—кочевниками, третьи—осѣдлыми, какъ на рр. Мамечи и Куэлъ (по двѣ корякцихъ юрты). Эти послѣдніе помимо увеличеннаго ясака должны отбывать еще подводную повинность, когда у нихъ едва хватаетъ собакъ на то, чтобы привезти себѣ вязанку дровъ.

Мало того: значительная часть оленныхъ тунгусовъ Усть-Майскаго вѣдомства зиму проводитъ по западнымъ склонамъ Станового хребта, ради прекрасныхъ пастбищъ, которыхъ зимой совершенно нѣтъ на восточной сторонѣ; весною же, они, охраняя единственное свое достояніе и богатство—оленей отъ истиннаго бича послѣднихъ—мошкары, комаровъ и пауковъ, перекочевываютъ со всѣмъ своимъ скарбомъ къ берегамъ Охотскаго моря, гдѣ морской бризъ спасаетъ оленя отъ напасти, а идущая изъ моря въ рѣки рыба доставляетъ значительные запасы зимняго продовольствія. Таковы 1-й и 3-й Эджанскіе и Мякягирскій роды этихъ тунгусовъ; всѣ они находятся въ одинаковыхъ жизненныхъ и промысловыхъ условіяхъ, а между тѣмъ Эджанскіе роды считаются бродячими тунгусами, тогда какъ Мякягирскій перечисленъ въ кочевники, и потому, помимо ясака, уплачиваетъ государственную подушную подать, губернскую земскую и частную повинность, вноситъ въ хозяйственный и межевой капиталъ, какъ это видно изъ имѣвшихся у насъ окладныхъ листовъ.

Мы думаемъ, что ни лѣтнія берестяныя юрты, ни амбарчики-кладовки для рыбныхъ запасовъ на случай зимняго промысла пушнины (ихъ вездѣ встрѣчаемъ по тайгѣ, на путяхъ перекочевокъ), ни зимніе ўтаны—срубы не могутъ считаться признакомъ осѣдлости. По характеру жизни и своихъ занятій, тунгусъ представляетъ типъ чистаго номада, бродячаго, подобно тому, какъ коряки и чукчи Охотскаго побережья.

Къ сожалѣнію, отцы сибирской этнографіи Георги, Миддендорфъ и Шренкъ нигдѣ не даютъ точнаго опредѣленія того, что такое кочевникъ и бродячій, Кастренъ считалъ, что за осѣдлыхъ нужно при-

нимать земледѣльцевъ, кочующіе — это пастухи, а бродячіе — охотники; но опредѣленіе первой категоріи не примѣнимо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по широтнымъ условіямъ никакое земледѣліе, даже огородничество, не мыслимо. Кромѣ того мы знаемъ, что большія группы людей, цѣлые поселки, не занимаясь земледѣліемъ, а только рыбнымъ промысломъ или скотоводствомъ, представляютъ всѣ отличительныя черты осѣдлости. Возьмите большія деревни зажиточныхъ тунгусовъ Забайкалья, гдѣ въ домѣ каждаго хозяина можно найти все, что даетъ большое сельское хозяйство, и гдѣ не осталось ни тунгузскаго типа, ни языка, ни охотничьяго духа, а между тѣмъ, совершенно обрусѣвъ, они по странной случайности продолжаютъ платить только ясакъ и освобождены отъ всякихъ другихъ податей, лежащихъ на крестьянинѣ. Почему старикъ или калѣка крестьянинъ Ямска или Верхне-Камчатска, имѣющій 5 — 10 тщедушныхъ собакъ, долженъ везти почту, платить разные налоги, тогда какъ корякъ съ его 10—20 тысячами оленей — взноситъ только ничтожный ясакъ? Въ Охотско-Камчатскихъ поселкахъ, представляющихъ часто хаотическую смѣсь четырехъ народностей, иногда есть слѣды земледѣлія въ формѣ жалкихъ огородовъ, какъ напр. въ Инѣ, Тауйскѣ, Олѣ и пр., тогда какъ на берегахъ Пенжинскаго залива большинство коряковъ никогда этимъ не занималось, а между тѣмъ живетъ большими сравнительно поселками. Кромѣ того опредѣленіе Кастрена страдаетъ и другой неточностью: коряки во всякомъ случаѣ больше пастухи, чѣмъ тунгусы Мякигирскаго рода Усть-Майскаго вѣдомства, а между тѣмъ никто Гижигинскихъ, тундряныхъ коряковъ не признавалъ за кочующихъ, а всегда за бродячихъ. Майдель вводитъ еще бо̀льшую путаницу въ понятіе о кочевникахъ и бродячихъ [1]). По его воззрѣнію, подъ бродячими нужно разумѣть охотниковъ и рыболововъ; они платятъ только ясакъ, да кромѣ того освобождены отъ воинской повинности. Отъ послѣдней, какъ извѣстно освобождены не только бродячіе, но и осѣдлые; съ другой стороны не охота и рыболовство заставляютъ коряка или тунгуса бродить по тайгѣ и тундрѣ, доходя до взморья, а главнымъ образомъ забота о продовольствіи своихъ стадъ оленей: олень и его продукты удовлетворяютъ всѣмъ его жизненнымъ потребностямъ; охотой онъ занимается попутно, а рыба служитъ лишь разнообразіемъ его пищѣ.

Ясакъ инородцевъ здѣшняго края колеблется отъ 85 к.

---

[1]) L. c. т. I, стр. 439.

до 2 р. 86 к.; въ одномъ округѣ какъ осѣдлые, такъ и бродячіе, платятъ одинаково; таковы напр. инородцы Гижиги; въ другихъ— осѣдлые больше бродячихъ, или наоборотъ. Но такъ какъ ясакъ взимается не лично съ плательщика, а съ цѣлаго рода, остальнымъ приходится нести довольно большую ясачную повинность. Такъ напр. случилось съ тунгусами Мякягирскаго рода Усть-Майскаго вѣдомства, родичи которыхъ ушли на Сахалинъ и въ низовья Амура. Въ настоящее время 49 ясачныхъ плательщиковъ вносятъ ясакъ за 93 души; вслѣдствіе чего окладъ увеличился съ каждаго до 10—13 р., различно для каждаго года. Кромѣ того часть ихъ перечислена изъ бродячихъ въ кочевниковъ и потому обязана вносить земскія повинности [1]), которыя не одинаковы для разныхъ округовъ [1]).

Въ Удскомъ округѣ крестьяне подушными окладами и прочими казенными сборами не облагаются [2]).

Сравнивая раскладку ясака и разныхъ платежей въ трехъ названныхъ округахъ между разными родами бродячихъ и между осѣдлыми инородцами, а съ другой стороны беря во вниманіе ихъ теперешнее экономическое положеніе, зависящее отъ улова рыбы, промысла звѣря и количества оленей, наталкиваешься на слѣдующій рядъ вопросовъ.

Начнемъ прежде всего съ бродячихъ. Между этими послѣдними, здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ Сибири, встрѣчаются бѣдняки-оленеводы, имущество которыхъ опредѣляется 3—10—15 оленями; далѣе слѣдуетъ вторая группа оленныхъ номадовъ, которые считаютъ свое стадо уже сотнями головъ: 200—500; наконецъ между ними есть настоящіе богачи, стада оленей которыхъ исчисляются въ 5—10—15 тысячъ штукъ. А между тѣмъ всѣ эти группы оленеводовъ иногда принадлежатъ къ одному и тому же роду, а слѣдовательно и платятъ одинаковый ясакъ. Тунгусъ, имѣющій 3—5 оленей, служащій работникомъ у богатаго при табунѣ, не только для продажи не имѣетъ ни ровдугъ, ни тарбасовъ, ни кухлянокъ и постелей, но для себя и своей семьи долженъ ихъ пріобрѣтать или отрабатывать, платя тотъ же ясакъ, какъ и его хозяинъ, у котораго отъ пяти тысячъ

---

[1]) Земскія повинности введены съ 27 дек. 1893 г.; для Гижигинскаго округа онѣ назначены въ суммѣ $57^1/_2$ к. съ души, Охотскаго $38^1/_2$, а въ Петропавловскомъ—52 к. Этотъ окладъ мѣняется чрезъ каждое трехлѣтіе; страховой сборъ 15 к. и въ пожарный капиталъ 4 к. остаются неизмѣнными.

[2]) Изъ отчета окружного начальника за 1893 г. Бумаги Приморскаго Областного Управленія.

оленей получаются сотни пыжиковъ, выпоротковъ, камасовъ и пр. и который, обмѣнявъ все это на товаръ и деньги у купца, живетъ съ чаемъ, табакомъ, обновками для себя и семьи и по мѣстному ни въ чемъ не нуждается. У него есть хорошее ружье, всегдашній запасъ пороху и свинцу не только для себя, но и для продажи своимъ работникамъ и родовичамъ. Въ отношеніи промысла онъ даже находится въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ, имѣя работниковъ при табунѣ, можетъ чаще отлучаться на охоту за пушнымъ звѣремъ.

Въ этомъ смыслѣ раскладка ясака на каждаго работника даннаго рода, не беря во вниманіе его имущественнаго состоянія, т. е. количества оленей, является несправедливой. Инородецъ, при современныхъ его взглядахъ, несетъ дань Царю за то, что пользуется угодьями Царской земли, т. е. правомъ промысла и пастбища. Намъ не разъ приходилось слышать на Гижигинской тундрѣ отъ неплатящихъ ясака коряковъ и чукчей, что они сознаютъ свою несправедливость и слышать упреки земляковъ за то, что «они пользуются чужимъ добромъ и что по этому Царь не знаетъ ихъ».

Если ясакъ имѣетъ политическое значеніе, какъ знакъ подданства, то это не мѣшаетъ тому, чтобы онъ соотвѣтствовалъ платежнымъ силамъ и средствамъ каждаго инородца и распредѣлялся по группамъ наличнаго числа оленей, какъ основы благосостоянія номада. Поэтому оленеводство и должно быть взято во вниманіе при нормальномъ распредѣленіи ясака.

Положеніе сидячаго или пѣшаго инородца представляется въ другомъ видѣ. Находя пропитаніе въ рыбѣ и морскихъ животныхъ, осѣдлый инородецъ оказывается въ худшихъ жизненныхъ и платежныхъ условіяхъ, чѣмъ бродячій; уже одно то, что онъ долженъ на сторонѣ, у тѣхъ же бродячихъ, покупкой пріобрѣтать все свое платье и обувь, ставитъ его въ крайне зависимое положеніе. Спрашивается, на что же онъ можетъ купить? Номадъ, спасая свои стада оленей отъ комаровъ и мошки, лѣтомъ прикочевываетъ на взморье, гдѣ на досугѣ дѣлаетъ рыбные запасы на зиму. Такимъ образомъ исключительныя условія житья осѣдлаго при устьѣ, на берегу моря, не могутъ служить средствомъ заработка у бродячаго тунгуса. Условія пушного промысла для послѣдняго складываются также болѣе благопріятнымъ образомъ: кочуя зимой у хребтовъ и по вершинамъ рѣкъ, онъ всегда ближе къ мѣстамъ промысла и обезпеченъ продовольствіемъ (олениной) на всю зиму, тогда какъ сидячій долженъ проѣзжать часто сотни верстъ, везя съ собой кормъ для себя и для со-

бакъ, по истощеніи котораго принужденъ возвращаться въ селеніе, чтобы возобновить запасы. Отсюда ясно, что пушной промыселъ для осѣдлаго инородца, болѣе бѣднаго, чѣмъ бродячій, имѣетъ первостепенную экономическую важность. Количество упромышленнаго звѣря составляетъ весь его главный годовой бюджетъ; оно служитъ для уплаты ясака, для пріобрѣтенія предметовъ первой необходимости и покупки одежды. Для него каждая копѣйка въ тысячу разъ дороже, чѣмъ для бродячаго: первый въ сравненіи съ тепло одѣтымъ корякомъ или тунгусомъ голый бѣднякъ, да и «осѣлъ» онъ только потому, что лишился своихъ оленей, т. е. потерялъ все свое состояніе.

По силѣ статьи 587 Устава о прямыхъ налогахъ, т. V, изд. 1893 г., хотя ясакъ и зачисляется по числу работниковъ, но «инородцы въ каждомъ родѣ всегда имѣютъ право уравнивать части его между собою по состояніямъ». Такое благое пожеланіе составителей кодекса объ ясакѣ рѣшительно нигдѣ не примѣняется, поэтому-то и желательно ввести другія основанія для его раскладки.

Во всякомъ случаѣ съ юридической точки зрѣнія, вопросъ о кочевникахъ и бродячихъ племенахъ долженъ, по нашему мнѣнію, подвергнуться пересмотру и болѣе точному опредѣленію. Между тунгусами, коряками и чукчами Охотско-Камчатскаго края, занятыми главнымъ образомъ оленеводствомъ, по ихъ характеру жизни и роду занятій, мы не видимъ никакой разницы и всѣхъ относимъ къ группѣ бродячихъ; по нашему мнѣнію, кочевниковъ здѣсь нѣтъ; кромѣ этого есть осѣдлые и полуосѣдлые инородцы, хотя нужно признать большую разницу между осѣдлостью напр. камчадаловъ и коряковъ Пенжинскаго залива: въ смыслѣ уплаты податей и отбыванія разныхъ повинностей они находятся въ неодинаковыхъ условіяхъ.

Изъ приведенныхъ, между тѣмъ, выше данныхъ мы видимъ, что осѣдлые инородцы въ большинствѣ случаевъ вносятъ такой же ясакъ, какъ бродячіе; если же къ этому прибавить разные взносы на земскія повинности, страховой и пожарный капиталы, то оказывается, что сидячій бѣднякъ платитъ больше богатаго номада.

Кромѣ указанныхъ взносовъ осѣдлый долженъ отбывать разныя натуральныя повинности, которыя сами по себѣ обременительны и при томъ требуютъ большой затраты времени, тогда когда ему дорогъ каждый день промысловаго сезона. Мы говоримъ объ исправленіи пути, о подводной и почтовой повинностяхъ.

Употребляя слово «путь», «почтовый трактъ», невольно приходишь въ смущеніе отъ того разлада, или несоотвѣтствія европейскаго понятія съ сибирской, окраинной дѣйствительностью. Это—непроѣзжая дорога между двумя глухими деревушками; это даже не тропинка чрезъ чащу лѣса или топкое, безконечное болото обширной тундры. Это—почтовый трактъ, какъ говорятъ здѣсь, изъ Охотска въ Камчатку, по которому лѣтомъ проѣхать крайне затруднительно, осенью—совершенно невозможно, весной чрезвычайно тяжело, а зимой до безконечности опасно: всегда рискуешь или заблудиться въ тайгѣ, или замерзнуть въ пургу, или умереть отъ голода вмѣстѣ съ собаками. Обыкновенно, зная общее направленіе отъ одной рѣчки до другой и отъ одного перевала до другого хребта, каюръ, проѣзжая лѣсомъ, дѣлаетъ зарубки или затеси на стволахъ деревьевъ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Вотъ эти-то затеси и служатъ руководящей нитью въ таежномъ лабиринтѣ; при переѣздѣ изъ одной чащи въ другую на полянкахъ ставятся козлы изъ кольевъ, которые обыкновенно сильными вѣтрами срываются или заметаются снѣгомъ. На тундрѣ за отсутствіемъ лѣса ставить такія вѣхи очень трудно, такъ какъ колья для этого приходится возить изъ-далека, за сотни верстъ. Это—первая обязанность при исправленіи пути.

Такъ какъ селенія Охотскаго побережья отстоятъ другъ отъ друга на большія разстоянія, чаще всего на 300—400 в., гдѣ во время сильной пурги и снѣжныхъ заносовъ приходится спасаться и отсиживаться цѣлыми недѣлями, то на такихъ переѣздахъ устроены заѣзжія избы или ночлежныя юрты (см. фототипію, табл. XXVIII). Это обыкновенно бревенчатый срубъ, съ нарами по стѣнамъ и якутскимъ каминомъ въ углу, съ маленькимъ окномъ, закрытымъ ледяной глыбой, и безъ сѣней; или же это земляная юрта, землянка алеутскаго типа. Такія юрты обыкновенно зимой заноситъ снѣгомъ, весной подмываетъ и разрушаетъ водой; медвѣдь выворачиваетъ двери и доски пола, чуя запахъ юколы и ища себѣ пищи.

Постройка ночлежныхъ юртъ лежитъ на обязанности осѣдлыхъ жителей; исправленіе ихъ и заготовка дровъ для топлива должны быть произведены по первому зимнему пути. Поэтому староста, обыкновенно, какъ только станутъ рѣки, отправляетъ 5—10 нартъ, съ двойнымъ количествомъ людей для приведенія заѣзжихъ избъ въ надлежащій видъ. Юрты раскинуты чрезъ каждыя 50—60 верстъ или поставлены въ опасныхъ мѣстахъ, и каждой такой партіи приходится работать въ теченіи 1—3 недѣль на разстояніи 200—300 в.; если

же частыя непогоды не благопріятствуютъ этому, то исправленіе юртъ затягивается, а иногда совсѣмъ оставляется, за истощеніемъ собачьяго корма, котораго каждая нарта можетъ взять только въ ограниченномъ количествѣ.

Тѣмъ не менѣе устройство подобныхъ заѣзжихъ юртъ является настоящимъ благодѣяніемъ для жителей, совершающихъ переѣзды.

Къ сожалѣнію, устройство подобныхъ юртъ не вездѣ принято; такъ по Охотскому округу за ними заботливо слѣдятъ, взимая съ каждаго проѣзжающаго по 10 к. за юрту, что идетъ въ доходъ жителей. Въ Гижигинскомъ округѣ прежде были юрты, но въ настоящее время или заброшены и не ремонтируются, или сожжены проѣзжими на дрова; въ самомъ же опасномъ мѣстѣ, по Парапольскому долу, при его безлѣсности, ихъ никогда не существовало: на пути между Таловкой и Лѣсновскимъ на протяженіи 625 в. есть всего 4 жилыхъ пункта, а на опасныхъ переѣздахъ по 200 в. не находимъ ни одной юрты, гдѣ можно было бы укрыться отъ жестокихъ мятелей. Точно также на большихъ переѣздахъ въ Пенжину (около 250 в.), въ Кичигу (120 в.) и Опуку (150 в.) нѣтъ ни одного пристанища,—и путнику предоставляется право искать спасенія у бродячаго инородца, если таковой въ данное время можетъ оказаться по близости. Въ Петропавловскомъ округѣ, гдѣ острожки отстоятъ одинъ отъ другого на 50—70 в., въ заѣзжихъ юртахъ не представляется прямой необходимости, хотя въ мѣстахъ наиболѣе опасныхъ переѣздовъ онѣ поставлены.

Такимъ образомъ, въ двухъ послѣднихъ округахъ жители избавлены отъ траты времени на постройку и исправленіе юртъ, хотя съ другой стороны, въ Гижигинскомъ округѣ, они сами же страдаютъ и жестоко платятся во время переѣздовъ. Ненастье такъ быстро и неожиданно разыгрывается здѣсь, что даже на переѣздѣ въ 100 в. люди часто страдаютъ.

Вслѣдъ за этой тяжелой повинностью на осѣдлаго жителя падаетъ другая, не менѣе обременительная. Дѣло въ томъ, что жители должны выставлять казенныя (т. е. даровыя) подводы при проѣздѣ всѣмъ должностнымъ лицамъ края, т. е. чинамъ Окружного управленія, доктору, священнику и посылаемымъ по службѣ казакамъ. Кромѣ того, они обязаны доставлять изъ запасныхъ магазиновъ провіантъ причтамъ церквей и фельдшерамъ и возить почту, которая разъ въ зиму проходитъ изъ Охотска въ Петропавловскъ и обратно.

Всѣ эти сообщенія и переѣзды обыкновенно совершаются зимой

на собакахъ; въ рѣдкихъ же случаяхъ, въ виду экстренныхъ обстоятельствъ и крайности, лѣтомъ и осенью вьючнымъ путемъ, на лошадяхъ, а по рѣкамъ—на батахъ.

Такимъ образомъ главный трудъ по подводной повинности приходится на зиму, т. е. на промысловое время. Чтобы лучше уяснить себѣ всю тяжесть этой повинности, возьмемъ какое-нибудь разстояніе между двумя сосѣдними селеніями и посмотримъ, что приходится жителямъ ихъ дѣлать при отбываніи подводной повинности и сколько для этого тратить времени. Возьмемъ напр. сел. Туманы. Здѣсь числится 34 д. обоего пола, изъ нихъ 12 ясачныхъ душъ; нѣкоторые обзавелись оленями и потому кочуютъ въ окрестностяхъ; всѣхъ собакъ въ селеніи 60; значитъ, только на пять нартъ. Отсюда дорога идетъ по совершенно пустынному мѣсту, съ частыми и крутыми перевалами, со всегда опаснымъ переѣздомъ по р. Вилигѣ, на протяженіи 450 в. до сел. Наяханскаго. Мы, при сравнительно благопріятной погодѣ, на легкихъ нартахъ, употребили на этотъ переѣздъ 8 сутокъ; если присчитать два дня отдыха собакъ, то такой путь въ оба конца, при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ, займетъ 20 дней.

Въ такомъ же положеніи находятся жители Инского и Тауйскаго селеній, разстояніе между которыми также равняется 450 верстамъ, гдѣ вмѣсто опасной р. Вилиги стоитъ угрюмый Шилкапскій перевалъ съ тремя крестами и множествомъ образовъ,—какъ даръ проѣзжающихъ. Допустимъ теперь, что въ теченіи зимняго времени (съ 15 ноября по конецъ марта) прослѣдуетъ два раза почта (6—10 нартъ); два конца сдѣлаютъ: начальникъ округа для сбора ясака (8—10 нартъ), врачъ (2—3 нарты), священникъ (3 нарты), три казака по служебнымъ дѣламъ (9 нартъ); кромѣ того въ Тауйскъ, Олу и Ямскъ долженъ быть доставленъ казенный паекъ духовенству и фельдшеру и наборъ лекарствъ, что вмѣстѣ потребуетъ по меньшей мѣрѣ 8—10 нартъ. Итого жители напр. сел. Инского должны выставить 45 нартъ, съ 500 собакъ, изъ которыхъ каждый потягъ долженъ пробыть въ пути, при хорошей погодѣ, по 20 дней; всего 900 разъѣздныхъ дней. Въ 1896 г. здѣсь числилось 21 домъ, 32 ясачныхъ души и 340 собакъ, или 30 потяговъ; иначе сказать на каждую нарту и каждаго каюра приходится 30 дней пути. Если къ этому прибавить неизбѣжныя случайности пути и невольное сидѣнье въ ночлежныхъ юртахъ во время ненастья, то окажется, что каждый каюръ долженъ проѣхать съ своими собаками 1,200 верстъ и пробыть внѣ дома,

при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ пути и питанія, около $2^1/_2$ мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, отъ всего зимняго промысловаго сезона ему остается только 15—20 дней, т. е. такой срокъ, чтобы только одинъ разъ сходить въ горы за соболемъ; между тѣмъ мы выше доказали, что пушной промыселъ имѣетъ болѣе важное значеніе для осѣдлаго жителя, чѣмъ для бродячаго, такъ какъ служитъ ему единственнымъ источникомъ удовлетворенія жизненныхъ нуждъ.

Если мы теперь сопоставимъ, что такія постоянные разъѣзды зимой требуютъ излишнихъ запасовъ собачьяго корма, приготовленіемъ котораго нужно заниматься лѣтомъ, что помимо этого времени, каждый житель долженъ разставлять вѣхи, поправлять трактовыя избы и возить къ нимъ дрова и глину для камина, то выходитъ, что такія селенія, какъ Инское, Тауйское, Туманское—въ Охотскомъ округѣ, Наяханское, Мамечинское Подгагирное—въ Гижигинскомъ, и Дранкинское, Еловское и Сѣданкинское въ Петропавловскомъ, существуютъ только для того, чтобы отбывать подводную повинность, не имѣя возможности заняться пушнымъ промысломъ и позаботиться о личныхъ нуждахъ.

Подводная повинность осѣдлыхъ жителей давно обращала на себя вниманіе Правительства и всегда считалась обременительной. Еще съ утвержденіемъ новаго положенія объ управленіи Камчатки (1812 г.), была составлена инструкція начальнику этой области, гдѣ между прочимъ говорится, что каюрная гоньба есть одна изъ тягостнѣйшихъ повиностей; по мнѣнію Иркутскаго губернатора Трескина, она была причиною разоренія жителей, потому что камчадалы и прочіе жители почти во всякое время года только тѣмъ и занимаются, что развозятъ всѣхъ, начиная отъ начальника и до послѣдняго казака.

Почта изъ Якутска въ Охотскъ приходитъ каждый мѣсяцъ и въ томъ же порядкѣ слѣдуетъ обратно какъ лѣтомъ, такъ и зимой. Наоборотъ изъ Охотска отходитъ только разъ въ годъ чрезъ Гижигу до Петропавловска, какъ только станутъ рѣки, т. е. въ концѣ ноября; въ Гижигу приходитъ въ концѣ января, а въ Петропавловскъ около средины марта. Изъ Петропавловска въ Гижигу зимняя почта отправляется въ началѣ декабря, гдѣ ея дожидается охотскій казакъ. Лѣтнее почтовое сообщеніе съ Петропавловскомъ гораздо лучше, чѣмъ остальныхъ окружныхъ городовъ; потому что помимо двухъ обязательныхъ рейсовъ (конецъ апрѣля и іюля), которые дѣлаютъ пароходы Добровольнаго флота, приходятъ военныя и коммерческія суда, также доставляющія корреспонденцію. По портамъ Охотскаго

моря казенный пароходъ дѣлаетъ только одинъ рейсъ, заходя въ Тигиль около 15 авг., Гижигу — 20 авг., Олу — 30 авг., Охотскъ — 2 сент., Аянъ — 5 сент. и Чумиканъ — 10 — 15 сент. Если погода благопріятствуетъ, то случается, что пароходъ изъ послѣдняго порта, т. е. Чумикана уходитъ около 20—25 авг. Послѣ этого оффиціально прекращается пересылка почты, но военные крейсера, обыкновенно, уходящіе изъ Петропавловска около 20 чиселъ октября, всегда берутъ какъ простую, такъ и денежную корреспонденцію.

Въ нѣкоторыхъ округахъ казаку, сопровождающему почту и такимъ образомъ теряющему весь зимній промыселъ, выдается особое вознагражденіе изъ суммъ полицейскаго управленія; въ другихъ же этого нѣтъ.

Въ экстренныхъ случаяхъ посылаются курьеры «съ перомъ», т. е. въ казенную печать припечатывается небольшое перо птицы (рис. 54), увидѣвъ которое, сельскій староста немедленно долженъ дать человѣка, лошадей или собакъ, смотря по времени года, и тотчасъ-же его отправить дальше. При такой «гоньбѣ» переѣздъ изъ Охотска въ Петропавловскъ совершается вдвое скорѣй.

Разстоянія между административными центрами здѣшняго края слѣдующія: Отъ Якутска до Охотска—1,200 в.; отъ Охотска до Гижиги—1,775 в., далѣе до Тигиля—1,141 в., отъ Тигиля чрезъ Ключевское и Верхне-Камчатскъ до Петропавловска—920 в., всего отъ Охотска до Петропавловскаго порта—3,836 в., хотя при здѣшнемъ способѣ ѣзды это разстояніе превышаетъ въ дѣйствительности 4,000 верстъ.

Интересенъ почтовый тарифъ за пересылку вещей; такъ до Якутска взимается за 1 ф. 90 коп., но если посылка адресована во Владивостокъ, или обратно, то уплачивается только 5 коп. съ фунта. Такимъ образомъ, въ случаѣ недостатка товаровъ, пересылка ихъ по почтѣ изъ Якутска становится совершенно невозможной.

Прежде Якутская почтовая контора высылала напр. въ Гижигинское полицейское управленіе 48 р. за провозъ почты по округу, на разстояніи 1,600 верстъ въ одинъ конецъ; что, при двухъ почтахъ, составляетъ плату $1^1/_2$ коп. за всѣ нарты, которыхъ бываетъ 3—4. Съ 1892 г. почтовые прогоны должны были уплачиваться управленіемъ Приморскаго почтово-телеграфнаго округа, но, по словамъ окружного начальника, ни изъ Якутска, ни изъ Владивостока денегъ не высылалось.

Плата за проѣздъ пассажировъ считается 3 коп. съ версты и нарты; за доставку купеческихъ грузовъ по округу плата вездѣ по

обоюдному соглашенію; напр. отъ Петропавловска до Облуковины (450 верстъ)—25 р., отъ Охотска до Ямска (950 в.)—45 р. съ нарты на своемъ довольствіи, въ оба конца.

Отправляясь въ дорогу, каюръ, казакъ и вообще каждый проѣзжій, помимо надѣтаго платья, долженъ взять съ собой мѣховой мѣшокъ для спанья, лишнюю кухлянку, тарбасы и чижи, котелокъ, чайникъ и чашку, запасы продовольствія всегда въ $1^1/_2$—2-номъ количествѣ противъ нормы проѣзда, а главное собачій кормъ. Такимъ образомъ, на каждой нартѣ получается довольно значительное количество собственнаго, необходимаго груза, тогда какъ провозоспособность потяга невелика. Грузъ нарты обыкновенно опредѣляется въ 10 пудовъ, рѣдко въ 12, если снѣгъ твердый и нѣтъ крутыхъ переваловъ; для легкой нарты тяжесть вмѣстѣ съ сѣдокомъ не должна превышать 6—7 пудовъ, не считая вѣсъ каюра, который всю дорогу почти не сидитъ. Въ нарту запрягается отъ 11 до 15 собакъ, всегда нечетное число, ибо во главѣ идетъ такъ называемая передовая собака, понимающая командныя слова хозяина, по которымъ она сворачиваетъ въ сторону, останавливается или прибавляетъ ходу. Такая собака всегда отличается умомъ, хорошей памятью мѣстности и замѣчательнымъ чутьемъ, которое спасаетъ и ее, и хозяина въ критическомъ положеніи. Она бѣжитъ всегда оглядываясь, какъ будто что-то соображая или припоминая: настоящая передовая собака въ непроглядную пургу или темною ночью рѣдко сбивается съ дороги, т. е. извѣстнаго направленія, и всегда придетъ по назначенію. Намъ часто приходилось видѣть, какъ передовая собака, не слушая приказаній каюра, сворачиваетъ въ другую сторону и упрямо держится своего направленія. Подъ часъ, какъ-бы въ досадѣ на несообразительность хозяина, собака останавливается и садится: понуканія, крики «тахъ, тахъ!» и даже удары, ничто не помогаетъ: словно съ упрекомъ, оглядываясь назадъ на хозяина, она не трогается съ мѣста. Каждый толковый каюръ хорошо понимаетъ такіе капризы или предостереженія собаки: ясно, что сбились съ пути. Остальныя собаки впрягаются попарно къ одному общему ремню (потягъ), закрѣпленному на передкѣ нарты, при помощи алыковъ или лямки, которая дѣлается изъ нерпичьихъ ремней и надѣвается на шею собаки такимъ образомъ, что она тянетъ грудью. На концѣ алыка привязываются костяные кляпы или крючки съ пружинами, которые вкладываются въ кольца или петли на общемъ потягѣ. Кромѣ того на собаку надѣвается широкій кожаный ошейникъ съ кольцомъ,

отъ котораго также идетъ къ потягу ремень или цѣпочка, закрѣпляемая обычнымъ образомъ немного впередъ. Цѣпочка эта служитъ къ тому, чтобы собаки не разбѣгались въ сторону и не отставали отъ прочихъ.

Собачья упряжь составляетъ особый предметъ заботъ хозяина и иногда носитъ слѣды щегольства: такъ, алыкъ бываетъ обшитъ сукномъ, выдѣланъ особымъ образомъ и окрашенъ, съ узорами и побрякушками. Заботливый хозяинъ ошейники шьетъ изъ медвѣжей шкуры, шерстью внутрь, чтобы собака не натирала себѣ кожи. Собаки управляются не возжами или ремнями отъ уздечки, а только командными словами [1]) и остоломъ. Онѣ всегда слушаются только своего хозяина, любятъ его ласки, ободренія и даже разговоры, которыя состоятъ въ подражаніи звукамъ оленя или другихъ животныхъ. Управлять чужими собаками сущее наказаніе: бѣгутъ плохо, не слушаются, часто останавливаются и потому запутываются, — приходится то и дѣло поправлять. Остолъ (или оштолъ) представляетъ березовую палку длиной отъ 3 до 4 футъ; въ нижнемъ своемъ концѣ онъ толще и немного изогнутъ, съ желѣзнымъ наконечникомъ, а рукоятка — съ самодѣльными колокольчиками и побрякушками, встряхивая которыми каюръ понукаетъ собакъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, если собаки лѣнивы или устали, или не ладятъ между собой, каюръ бросаетъ остолъ въ ту собаку, которая плохо везетъ, и потомъ подхватываетъ; но главнымъ образомъ остолъ служитъ для того, чтобы затормозить или остановить нарту, поддержать на косогорахъ и раскатахъ и отвести ее въ сторону, если на пути стоитъ дерево или пень, объ который онъ можетъ сломать нарту или ушибить пассажира. Въ особенности опасны случаи при спускѣ съ горы въ лѣсу и между камнями, когда собаки стремительно несутъ и когда на всемъ скаку каюръ долженъ то сдерживать остоломъ собакъ, то поправлять на раскатахъ, то отводить отъ дерева, то соображать, пройдетъ ли нарта между вѣтвями и повалившимися деревьями, не забывая, что изъ кустовъ можетъ выскочить звѣрь или спорхнуть птица, — и тогда собакамъ нѣтъ никакого удержу, а сѣдоку грозитъ неминуемая гибель. Случаи сильныхъ ушибовъ и увѣчій, даже со смертельными исходами, въ подобныхъ обстоятельствахъ не составляютъ рѣдкости. И нужно имѣть особую снаровку и ловкую изворотливость, чтобы умѣть управлять нартой; обыкновенно всѣ инородцы ловко справ-

---

[1]) Направо—тахъ-тахъ, налѣво—хугэ.

отъ котораго также идетъ къ потягу ремень или цѣпочка, закрѣпляемая обычнымъ образомъ немного впередъ. Цѣпочка эта служитъ къ тому, чтобы собаки не разбѣгались въ сторону и не отставали отъ прочихъ.

Собачья упряжь составляетъ особый предметъ заботъ хозяина и иногда носитъ слѣды щегольства: такъ, алыкъ бываетъ обшитъ сукномъ, выдѣланъ особымъ образомъ и окрашенъ, съ узорами и побрякушками. Заботливый хозяинъ ошейники шьетъ изъ медвѣжей шкуры, шерстью внутрь, чтобы собака не натирала себѣ кожи. Собаки управляются не возжами или ремнями отъ уздечки, а только командными словами[1]) и остоломъ. Онѣ всегда слушаются только своего хозяина, любятъ его ласки, ободренія и даже разговоры, которыя состоятъ въ подражаніи звукамъ оленя или другихъ животныхъ. Управлять чужими собаками сущее наказаніе: бѣгутъ плохо, не слушаются, часто останавливаются и потому запутываются, — приходится то и дѣло поправлять. Остолъ (или оштолъ) представляетъ березовую палку длиной отъ 3 до 4 футъ; въ нижнемъ своемъ концѣ онъ толще и немного изогнутъ, съ желѣзнымъ наконечникомъ, а рукоятка — съ самодѣльными колокольчиками и побрякушками, встряхивая которыми каюръ понукаетъ собакъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, если собаки лѣнивы или устали, или не ладятъ между собой, каюръ бросаетъ остолъ въ ту собаку, которая плохо везетъ, и потомъ подхватываетъ; но главнымъ образомъ остолъ служитъ для того, чтобы затормозить или остановить нарту, поддержать на косогорахъ и раскатахъ и отвести ее въ сторону, если на пути стоитъ дерево или пень, объ который онъ можетъ сломать нарту или ушибить пассажира. Въ особенности опасны случаи при спускѣ съ горы въ лѣсу и между камнями, когда собаки стремительно несутъ и когда на всемъ скаку каюръ долженъ то сдерживать остоломъ собакъ, то поправлять на раскатахъ, то отводить отъ дерева, то соображать, пройдетъ ли нарта между вѣтвями и повалившимися деревьями, не забывая, что изъ кустовъ можетъ выскочить звѣрь или спорхнуть птица, — и тогда собакамъ нѣтъ никакого удержу, а сѣдоку грозитъ неминуемая гибель. Случаи сильныхъ ушибовъ и увѣчій, даже со смертельными исходами, въ подобныхъ обстоятельствахъ не составляютъ рѣдкости. И нужно имѣть особую снаровку и ловкую изворотливость, чтобы умѣть управлять нартой; обыкновенно всѣ инородцы ловко справ-

---

[1]) Направо—тахъ-тахъ, налѣво—хугэ.

ляются съ этой трудной задачей, но все-таки хорошій каюръ довольно рѣдкое явленіе. (Рис. 24).

Помимо всего этого онъ долженъ распутывать собакъ и поправлять ихъ упряжь; перепрягать съ одного мѣста на другое, смотря по тому, лѣнива или рѣтива собака. Иногда бываетъ непріязнь между собаками,—и тогда онѣ не могутъ бѣжать рядомъ, то и дѣло огрызаясь и вступая въ драку: снова приходится поправлять и перепрягать. Словомъ каюръ—не кучеръ, который спокойно сидитъ на козлахъ; онъ или держится на облучкѣ, упираясь одной ногой объ полозъ, а другой болтая въ воздухѣ, или же постоянно вскакиваетъ для разныхъ услугъ, или помогаетъ собакамъ тащить въ гору, поощряя ихъ своимъ примѣромъ.

Вотъ обычная роль труженика-каюра, который на всемъ переѣздѣ три четверти пути въ движеніи, на ногахъ и въ постоянномъ напряженіи, а на большихъ разстояніяхъ въ сотни верстъ онъ несетъ этотъ трудъ подъ рядъ 10—15 дней.

Обычный трактъ отъ Охотска пролегаетъ по морскому берегу или около него, чрезъ камни, кучи наноснаго песку, глыбы льду и наброшенныя корчаги, которыя по мѣстамъ образуютъ цѣлыя горы. Снѣгъ и ледъ отъ морской воды покрыты солью и сильно тормозятъ полозья. Слѣда или ѣзжалой дороги обыкновенно не бываетъ,—все скоро заносится снѣжными мятелями, а каждый караванъ нартъ самъ прокладываетъ себѣ новую дорогу; вдоль берега трудно сбиться въ пути, и дорога сносная, если только не встрѣтишь непропуска, припайка и «хавлей». Для объѣзда непропуска часто требуется дѣлать большой и трудный крюкъ, почему каюры и рѣшаются пробираться по «хавлямъ». Чтобы дать понятіе объ этихъ, какъ ихъ называютъ жители, чертовыхъ мостахъ, представьте себѣ гряду огромныхъ глыбъ и камней, оторванныхъ отъ береговыхъ скалъ и торчащихъ изъ воды; зимой во время высокой воды или прибоя сюда набрасываетъ кучу колоссальныхъ льдинъ, и вода вмѣстѣ съ ними замерзаетъ при высокомъ уровнѣ. Когда буря стихнетъ и вода убудетъ, около береговыхъ скалъ образуется висячій карнизъ, съ торчащими острыми кусками льду, ширина котораго бываетъ отъ 2 до 3/4 аршина, съ наклонностью къ морской безднѣ, гдѣ внизу, иногда на 2—3 саженяхъ, клокочутъ морскія волны. Вотъ по этимъ то висячимъ ледянымъ карнизамъ и приходится пробираться; если ширина «хавли» позволяетъ, нарта съ собаками осторожно подвигается, поддерживаемая при помощи остраго остола каюромъ со сто-

роны моря. Всплескъ воды, трескъ льда, упавшій сверху камень,— все заставляетъ васъ содрогаться, и нервное напряженіе доходитъ до крайнихъ предѣловъ: запутавшаяся собака, поскользнувшійся каюръ, а хуже всего вспорхнувшая куропатка,—и вамъ грозитъ неминуемая гибель въ холодной морской пучинѣ. Но мѣстами эти «хавли» сходятъ на нѣтъ: онѣ уже нарты, и тогда положеніе становится до невозможности затруднительнымъ: собаки выпрягаются и проводятся отдѣльно, нарты перетягиваются людьми на ремняхъ такимъ образомъ, что за одинъ ремень тянутъ впередъ, вторымъ поддерживаютъ сзади, и она на половину виситъ въ воздухѣ надъ морской бездной. Къ счастію, такіе непропуски не занимаютъ больше 50—100 саж., но и на это требуется два—три часа, во время которыхъ переживаешь много тяжелыхъ ощущеній.

Не меньше тревоги и горя испытываешь при переѣздѣ черезъ такъ называемые перевалы. Непропускъ еще можно объѣхать, употребивъ на это 1—2 лишнихъ дня, но перевалъ нельзя миновать. Къ числу такихъ трудныхъ переваловъ нужно отнести Аянскій, Шилкапскій, Дранкинско-Лѣсновскій и др. Къ числу путевыхъ затрудненій нужно отнести снѣжные навѣсы, пропарины и наледи.

Во время пурги съ тундры и разныхъ возвышенностей снѣгъ обыкновенно сноситъ въ долины рѣкъ и на морской берегъ. Если этотъ берегъ находится съ подвѣтренной стороны, то снѣгъ, заметая по обрыву, образуетъ огромные навѣсы (козыри), красиво очерченные и подогнутые, вродѣ художественнаго карниза, далеко выступающаго въ просвѣтъ ущелья. Въ теченіи времени они достигаютъ огромныхъ размѣровъ, а слѣдовательно и громадной тяжести, готовые рухнуть въ каждый данный моментъ. Наученные горькимъ опытомъ, каюры зорко слѣдятъ за этими снѣжными карнизами, которые стараются объѣзжать на далекомъ разстояніи, или, если этого нельзя, то обыкновенно проѣзжаютъ по одному, тихо, осторожно, стараясь не разговаривать, не понукать собакъ. Иногда, увѣряютъ каюры, бываетъ достаточно одного громкаго слова, чтобы вся эта снѣжная масса обрушилась и задавила проѣзжающихъ. Сотрясеніе воздуха при этомъ бываетъ настолько сильно, что людей отбрасываетъ на десятки сажень въ сторону отъ нартъ и засыпаетъ снѣгомъ въ самыхъ невѣроятныхъ позахъ. Въ мѣстахъ постояннаго образованія такихъ навѣсовъ, вечеромъ каюры ни за что не соглашаются ѣхать и принуждены останавливаться на ночевку.

По своему горному характеру и быстрому теченію здѣшнія

рѣки, даже при 20—30°С. мороза, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не замерзаютъ, образуя пропарины. Эти послѣднія, чаще всего бывающія на крутыхъ поворотахъ или при впаденіи притоковъ, такъ хорошо подъ-часъ замаскированы снѣгомъ, вѣтвями нависшаго кустарника или густымъ туманомъ отъ испареній, что ихъ легко просмотрѣть даже днемъ и такимъ образомъ попасть въ бѣду. Если же на мелкихъ мѣстахъ рѣчка промерзаетъ до дна, то новый притокъ ключевой воды прокладываетъ себѣ дорогу большею частію у берега или черезъ трещины, около островов, и, разливаясь по уклону рѣчки, образуетъ ледяныя террасы въ нѣсколько слоевъ. Такія наледи чаще всего покрыты тонкимъ и гладкимъ льдомъ, невыдерживающимъ собакъ и нарту; сначала эти провалы мелки и потому не обращаютъ на себя вниманія; но по мѣрѣ поднятія по истоку и по этимъ террасообразнымъ наледямъ неопытный каюръ попадаетъ въ ужасную западню: желая распутать собакъ и вытащить ихъ изъ воды, онъ проламываетъ тонкую ледяную покрышку нижней террасы, представляющей какъ-бы замкнутый бассейнъ. Подоспѣвшіе на помощь спутники своею тяжестью продавливаютъ покровъ второго водяного бассейна,—и тогда положеніе всѣхъ становится чрезвычайно критическимъ: собаки и нарта погружаются въ воду; промокшіе каюры если и выбираются изъ этой ловушки, то, намочивъ трутъ и спички, бываютъ лишены возможности развести костеръ, чтобы обсушить свое единственное платье.

Къ той же группѣ явленій принадлежатъ тарыны [1]), т. е. тѣ же скопленія слоистаго льда, встрѣчающіяся какъ на рѣкахъ, такъ и на совершенно открытыхъ или мелкихъ долинахъ рѣкъ. Какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по характеру происхожденія, тарыны отличаются отъ наледей и, не представляя такихъ опасностей, какъ послѣднія для путешественника, тѣмъ не менѣе приносятъ ему и животнымъ много горя и муки. Вопросомъ о происхожденіи въ Сибири тарыновъ и тарынныхъ полей занимались Миддендорфъ, Дитмаръ и Майдель и всѣ пришли къ разнымъ заключеніямъ относительно того процесса, которымъ создаются эти подъ-часъ обширныя ледяныя поля съ куполообразными возвышеніями, не растаивающія иногда до конца лѣта.

Снѣжный покровъ и снѣжныя мятели имѣютъ для сибирскаго инородца гораздо больше значенія, чѣмъ для европейскаго россіянина:

---

[1]) Отъ якутскаго слова таръ, что значитъ творогъ.

безснѣжіе лишаетъ сибиряка какъ возможности сообщенія, такъ и пушного промысла, ибо охотникъ только по свѣжимъ слѣдамъ на рыхломъ снѣгѣ преслѣдуетъ и находитъ звѣря. Вотъ эти-то слѣды и есть та пріятная инородцу «перенога», которую онъ ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ. При безснѣжіи здѣсь прекращается всякое сообщеніе, какъ на нартахъ, такъ и верхомъ: помимо уже самаго неудобства ѣзды верхомъ зимою, она крайне затруднительна еще потому, что олень и лошадь быстро сбиваютъ и портятъ свои копыта (они раскалываются и трескаются) объ острые камни и замерзшія кочки.

При большомъ снѣгѣ ѣзда по уброду также крайне тяжела и медлительна: собаки проваливаются и плохо везутъ, не имѣя подъ собой точки опоры; нарта тонетъ и забивается снѣгомъ, часто опрокидываясь на ту или другую сторону. Чтобы облегчить трудъ собакамъ, одинъ или два каюра надѣваютъ лыжи и отправляются впередъ для протаптыванія дороги. Наиболѣе удобными для этого считаются тунгузскія лыжи; это топоромъ обдѣланная березовая доска, длиною болѣе 2 арш. и шириною 4 — 5 вершковъ, съ загнутымъ кверху переднимъ концомъ. Для того, чтобы лыжи лучше скользили, ихъ обтягиваютъ нерпичьею шкурою, которая приклеивается самодѣльнаго издѣлія рыбьимъ клеемъ. Такія лыжи тонки, гибки и хорошо скользятъ; съ верхней стороны придѣлывается петля изъ ремня, куда вставляется ступня, но не привязывается, что позволяетъ быстро снимать и надѣвать лыжи. Есть и коряцкаго изобрѣтенія лыжи: это продолговатая, 1¹/₄ арш., рама съ острыми концами и переплетомъ изъ ремней; съ нижней стороны этой рамы вставляются два деревянныхъ шипа. Эти лыжи не скользятъ по снѣгу, но зато представляютъ больше удобства при ходьбѣ по хребтамъ и уваламъ.

Если убродъ большой, то проходъ впереди двухъ лыжниковъ мало помогаетъ; приходится или еще отряжать помощниковъ, или же посылать каюровъ раньше проѣзда,— и тогда они дѣлаютъ два конца взадъ и впередъ. Въ такихъ случаяхъ люди достигаютъ сильнаго изнеможенія, а ѣзда въ день ограничивается 20—30 верстами.

Послѣ такого уброда и снѣжныхъ горъ на защищенныхъ мѣстахъ вы выѣзжаете на безконечный просторъ открытой тундры. Не даромъ сравниваютъ снѣжную равнину тундры съ снѣжнымъ моремъ.

При сѣромъ, пасмурномъ небѣ, которое низко виситъ надъ вашей головой, снѣгъ кажется матовымъ, горизонтъ ограниченъ; вы всматриваетесь въ даль, куда держите путь, и, скользя взглядомъ по

слегка волнистой поверхности, стараетесь на чемъ-нибудь остановится, что-нибудь разглядѣть; но сѣро-туманный небосклонъ сливается съ матовымъ снѣгомъ, и вы чувствуете самое угнетенное состояніе, — словно въ какой-то безграничной и мертвой темницѣ. Въ ясный и солнечный день видъ тундры представляетъ волшебную картину: вокругъ яркаго, но совсѣмъ негрѣющаго солнца, горятъ радужные столбы, съ контурами и блѣдными полудисками ложнаго свѣтила.

Около радужныхъ столбовъ и ложныхъ солнцъ волшебнымъ свѣтомъ искрятся снѣжные кристаллы перистыхъ облаковъ [1]); необыкновенно прозрачный и сухой воздухъ, также переполненный мельчайшими кристалликами снѣжной пыли, рисуетъ чудные миражи, то показывая снѣжную вершину съ острыми зазубринами на краю горизонта, то увеличивая маленькую былинку, едва торчащую изъ-подъ снѣга до размѣровъ большого кустарника, то соблазняя усталаго путника лѣсными оазисами, гдѣ онъ расчитываетъ найти нѣсколько полѣнъ сухого кедровника, чтобъ сварить крѣпкаго кирпичнаго чаю.

Подулъ вѣтеръ, понизу понесло тучи горящаго брилліантами снѣга,—и призраки исчезли. Холодное солнце поблѣднѣло и подернулось дымкой; впереди, на горизонтѣ, надвинулись темно-синія тучи съ бѣлыми посрединѣ кучами, которыя то рвались на части, то уносились впередъ, какъ-бы исчезая; то снова, но уже ближе къ вамъ появлялись, затягивая горизонтъ мрачнымъ покрываломъ. Барометръ дрогнулъ и быстро, скачками, пошелъ внизъ; не проходитъ послѣ этого часу—двухъ, какъ вы среди открытой тундры покрыты грозными тучами; вѣтеръ завылъ, усиливаясь порывами, и вихри снѣжной пыли заслѣпили вамъ глаза. Нетолько сосѣднихъ нартъ, но своихъ собакъ и сидящаго рядомъ съ вами каюра уже не видать. Снѣгъ колетъ и жжетъ вамъ щеки, вѣки замерзаютъ, причиняя сильную боль, отъ которой собаки визжатъ и постоянно останавливаются, чтобы процарапать глаза. Яростные порывы вѣтра кружатъ несчастныхъ животныхъ, сбиваютъ съ ногъ каюра и несутъ вашу нарту по ровной, хотя и ухабистой тундрѣ, пока не сбросятъ васъ съ обрыва въ морскую бездну. Ни ваши усилія, ни торможеніе остоломъ не помогаютъ; вы боязливо вглядываетесь въ не-

---

[1]) По Гильдебрандсону максимумъ средней высоты перистыхъ облаковъ лѣтомъ 8,176 метровъ; зимой меньше; Экхольмонъ и Хагстремъ нашли ихъ крайнюю высоту въ 13,376 метровъ, или болѣе 12 верстъ.

проглядную мятель, ища спасенія въ какой-нибудь кочкѣ или кустикѣ, чтобы удержать нарту и розыскать спутниковъ.

Вы чувствуете, что холодный вѣтеръ проникаетъ чрезъ швы вашей кухлянки, забирается въ каждое отверстіе, забивая туда снѣжную пыль; вскорѣ около васъ и вашей нарты является снѣжный бугоръ, настолько плотно и крѣпко обхватывающій васъ, что всякія движенія становятся невозможными. Во время одной такой пурги, наше желаніе, во чтобы то ни стало поставить урасу, кончилось потерей цѣлаго полотнища ровдуги, которую у насъ вырвало вѣтромъ и унесло. За нѣсколько часовъ передъ этимъ, мы благодушно чаевали на небольшомъ холмикѣ, собирая для костра кедровникъ и осматривая породы торчащихъ изъ подъ снѣга камней; а теперь, столпившись въ одну кучу, терзаемые разными галлюцинаціями слуха и зрѣнія, съ подавленнымъ сознаніемъ, терпѣливо ждали исхода бури. Это случилось на переѣздѣ между Гижигой и Паренью, въ четвертомъ часу дня, и только на другой день, около полудня, порывы стали немного тише и рѣже: почти 18 часовъ оставаясь на волоскѣ между жизнью и смертью, измученные нравственно, и физически, мы бросились бѣжать, чтобы добраться до лѣска у рѣки, которая по расчетамъ отстояла отъ насъ всего въ 8—10 верстахъ.

Это была настоящая снѣжная сухая мятель, вихри которой то несли кристаллическія пылинки по поверхности земли, то обдавали сверху, то какъ будто зарождались на первомъ снѣжномъ выступѣ и рвались кверху, снимая съ васъ послѣднюю теплую кухлянку. Если такая пурга бываетъ встрѣчной, то вы рѣшительно не можете двигаться впередъ; помимо механической трудности, она леденитъ лицо и глаза и душитъ васъ: вы чувствуете какъ-бы недостатокъ воздуха и стараетесь чаще и глубже вздохнуть, но вмѣсто этого испытываете сильно-колющую боль въ зѣвѣ, бронхахъ и вообще во всѣхъ легкихъ. Не менѣе тяжела и страшна влажная, съ большими хлопьями снѣга, пурга. Эти хлопья липнутъ и садятся на васъ, и ваше платье въ теченіи часа можетъ совсѣмъ обледенѣть.

Наконецъ, есть третій и болѣе мучительный видъ пурги, когда вслѣдствіе быстрой и рѣзкой перемѣны барометрическаго давленія потоки воздуха, какъ морскія разъяренныя волны, устремляются въ сторону меньшаго давленія, взрывая убитый, крѣпкій снѣгъ, царапая обнаженныя плѣши возвышенностей и срывая цѣлые камни съ горныхъ хребтовъ. Около р. Шилкапъ и близь знаменитаго перевала, а также по долинѣ памятной р. Вилиги мы наблюдали резуль-

татъ работы и разрушенія такихъ частыхъ воздушныхъ пертурбацій.

Во время такой пурги, начинающейся всегда мятелью снизу, снѣга не падаетъ; выстающій кустъ, торчащая палка кедровника, острая глыба, а иногда даже жалкая вѣтка, — все служитъ началомъ развитія лабиринта снѣжныхъ волнъ или снѣжныхъ застругъ. Такія бури обыкновенно продолжительны; если мокрыя снѣжныя пурги тянутся мучительными часами, то эти длятся днями и даже недѣлями тяжелыхъ страданій. Правда, въ этихъ случаяхъ вы успѣваете поставить палатку или урасу и хорошо закрѣпить ее, но опасность наступаетъ на васъ медленнымъ и тяжелымъ шагомъ: разыскать топлива вы не рѣшаетесь, изъ опасенія быть унесеннымъ и сбитымъ съ ногъ; но если у васъ съ собой есть даже дрова, то сильный вѣтеръ, насыщенный снѣжными пылинками парализуетъ всѣ ваши тщетныя попытки развести костеръ,—и тогда вы цѣлыми сутками остаетесь при 25—30° С. мороза безъ теплаго питья. Сухой холодный воздухъ создаетъ мучительную жажду, которую вы напрасно стараетесь заглушить комками снѣгу; палатка ваша все больше и больше забивается снѣгомъ съ подвѣтренной стороны; снѣжная пыль проникаетъ внутрь и также уменьшаетъ пространство. Юртяные шесты гнутся подъ тяжестью и жалобно скрипятъ; просвѣтъ между стѣнами все уменьшается,—и наконецъ остается узкое пространство, въ которомъ вы еле можете повернуться; но тутъ рвутся веревки и ремни, которыми была закрѣплена ураса; вамъ грозитъ окончательная опасность быть заживо погребеннымъ подъ образовавшимся надъ вами снѣжнымъ бугромъ или застругой, плотность которой отъ напора и силы вѣтра бываетъ такъ велика, что топоръ при ударѣ звенитъ — словно объ кусокъ желѣза.

Послѣ такой сухой и низовой пурги вся необозримая тундра покрывается, какъ мы говорили, снѣжными застругами, съ острымъ гребнемъ и кривыми зазубренными линіями по бокамъ. Высота гребней варьируетъ отъ ½ до 3 фут.; боковые уступы крайне неправильны и всегда съ одной стороны обрывисты; направленіе ихъ крайне запутанно, вслѣдствіе повторенія такихъ пургъ отъ разныхъ румбовъ. Но если вы путешествуете въ началѣ зимы и, попавъ въ такую передрягу, такъ сказать, присутствуете при развитіи застругъ, то легко замѣтить, что исходной точкой всегда является какое-нибудь физическое препятствіе по направленію несомой снѣжной пыли и что образующіяся заструги въ общемъ располагаются по напра-

вленію вѣтра; но очертанія ихъ причудливыхъ формъ зависятъ отъ многихъ мѣстныхъ причинъ и ихъ взаимодѣйствія другъ на друга. Вы видите обширное снѣжное поле, крайне неправильно изборожденное гребнями и ихъ отрогами, которые все-таки располагаются по направленію вѣтра.

Ѣзда по такимъ застругамъ можетъ сравниться съ адскими муками: вы постоянно опрокидываетесь, каюръ падаетъ, желая васъ удержать; собаки визжатъ, попадая подъ нарту, которую бросаетъ во всѣ стороны; полозья трещатъ. При каждомъ спускѣ съ гребня заструги, нарта падаетъ,—и вы получаете сильный толчекъ въ спину и бока, а главное — страшную боль въ затылочной части головы, послѣ чего часто наступаютъ головокруженія и дурнота.

Чтобы покончить съ зимними трудностями путешествія, намъ остается еще упомянуть объ одномъ физическомъ явленіи, которое, безъ предосторожностей, дѣлаетъ каюровъ калѣками. Весной, когда солнце поднимается выше надъ горизонтомъ и когда при постоянныхъ и тихихъ погодахъ оно начинаетъ значительно пригрѣвать, верхній слой снѣжнаго покрова таетъ и затѣмъ ночью леденѣетъ. Вслѣдствіе этого получается ослѣпительный отблескъ отъ гладкой поверхности снѣга, сильно раздражающій глаза. Человѣкъ совсѣмъ не можетъ смотрѣть, не прищуриваясь и не сокращая сильно глазного зрачка; отъ чего получается приливъ крови, краснота и воспаленіе вѣкъ, а иногда и всего глазного яблока. Глаза слезятся, слизистая оболочка все больше набухаетъ и краснѣетъ; потомъ наступаетъ нагноеніе съ мучительною болью, вызывающею сильную раздражительность, и наконецъ появляется «снѣжная» слѣпота, которая лишаетъ васъ всякой способности различать окружающіе предметы. Скрываясь отъ солнечнаго свѣта, инородецъ прячется въ юрту, но дымъ сырого костра еще болѣе разъѣдаетъ болѣющіе глаза.

Единственной защитой отъ этого служатъ синія очки съ боковыми сѣтками; но кто видалъ и знаетъ условія мѣстной жизни и торговли, тотъ невольно улыбнется при этомъ предложеніи. Гдѣ ихъ достать и на что вымѣнять, при массѣ другихъ, неотложныхъ нуждъ? Не смотря на то, что такіе глазные консервы продаются въ Китаѣ и Японіи по 10 коп., здѣсь они охотно раскупаются по рублю, но и для имѣющихъ возможность вымѣнять, ихъ никогда не хватаетъ. Но разъ каюръ завелъ синія очки, онъ бережетъ ихъ дѣйствительно какъ зѣницу ока.

Путешествіе лѣтомъ хотя не сопряжено съ такими опасностями,

какъ зимой, тѣмъ не менѣе подвержено многимъ непріятностямъ. Одну изъ тяжелыхъ сторонъ его составляютъ постоянные дожди и сырость. Переѣзды лѣтомъ совершаются верхомъ на лошадяхъ или оленяхъ, а по рѣкамъ на батахъ или паромахъ (см. фототипію табл. XXX). Дождь здѣсь идетъ не только цѣлыми сутками, но даже часто недѣлями, смѣняясь на короткое время густыми и сырыми туманами. Послѣ такихъ частыхъ дождей рѣки быстро и сильно разливаются, преграждая переправу верхомъ; тундра образуетъ сплошное, безконечное болото, въ которомъ лошадь вязнетъ по животъ при каждомъ шагѣ.

Въ сухое время, воздухъ наполняется сплошными тучами мошекъ и комаровъ. Уже въ маѣ ихъ появляется много въ разныхъ мѣстахъ, но настоящимъ бичемъ они становятся только въ іюнѣ и іюлѣ. Въ каждой избѣ окна забиты или заставлены, у порога поддерживается постоянный дымокуръ, для чего наиболѣе подходящимъ матеріаломъ служитъ гнилое дерево и древесные грибы; около скота тоже дымятъ костры. Нельзя спокойно остановиться на одну минуту, чтобы всѣ открытыя части тѣла не были облѣплены сплошной массой больно жалящихъ комаровъ; не смотря на темноту комнатъ и лабазовъ и густые клубы ѣдкаго дыма, вы все-таки не спасаетесь отъ крохотнаго, но жестокаго врага. Олени доходятъ до сильнаго нервнаго состоянія и бѣшенства; рогатый скотъ худѣетъ, привязанныя собаки мечутся изъ стороны въ сторону, пока наступившая темнота не избавитъ ихъ на время отъ болѣзненныхъ укусовъ. Человѣку приходится не лучше, тѣмъ болѣе, что въ эту пору онъ больше всего занятъ рыбнымъ промысломъ.

Всѣ инородцы, къ счастію, мало чувствительны къ укусамъ этихъ насѣкомыхъ, но между заѣзжими встрѣчаются лица, у которыхъ обыкновенно вся кожа распухаетъ и покрывается болѣзненными прыщами.

Перейдемъ теперь къ средствамъ передвиженія и ѣздовымъ животнымъ.

Для переѣздовъ зимой служитъ исключительно нарта, съ ея дальнѣйшими усовершенствованіями, какъ-то: бѣговыя санки, кряква и повозка, и лыжи; лѣтомъ же ѣздятъ верхомъ на оленѣ и лошади, а по рѣкамъ—только ходятъ на батахъ. Нарта въ общемъ напоминаетъ наши салазки, на которыхъ въ деревняхъ, во время веселой масляницы, катаются съ горъ (см. фототипію, таб. XXIX). Она длиною въ 9 футъ, ширина 2 ф., съ загнутыми кверху передними концами; ширина полоза 5 д., а толщина—въ $1^1/_2$ д.; въ нѣкоторомъ разстояніи

другъ отъ друга, въ продолбленыя отверстія вставляются 3 или 4 копыла, имѣющія отверстіе для поперечинъ; на нихъ кладется изъ тонкихъ дощечекъ настилка, которая служитъ дномъ нарты, а борта ея обводятся тонкимъ шестомъ, который крѣпится за верхній конецъ копыльевъ. Пространство между дномъ и бортомъ переплетается часто ремнями; надъ передними копыльями прикрѣпляется и возвышается на 3 четверти дуга, называемая барано̀мъ, позади котораго обыкновенно помѣщается каюръ, на поперечно положенной дощечкѣ, и за который онъ держится при ѣздѣ лѣвой рукой. Это есть главная точка опоры для всевозможныхъ манипуляцій ловкаго каюра. Передніе концы полозьевъ также привязываются къ горизонтальной дугѣ, отъ которой идутъ крѣпленія къ переднимъ копыльямъ и за которую привязывается потягъ или ремень, замѣняющій такъ сказать дышло экипажа. Длина и толщина потяга зависитъ отъ количества запрягаемыхъ собакъ. Нарты съ четырьмя копыльями употребляются для провоза пассажировъ, а съ тремя, болѣе короткія, служатъ для груза. На такой нартѣ можно сидѣть, свѣсивъ ноги, бокомъ, или же протянувъ ноги вдоль нарты, лицомъ впередъ; но такая ѣзда на длинныхъ переѣздахъ крайне утомительна, поэтому сзади устраивается ящикъ изъ досокъ, и тогда нарта называется кряквой. Въ это углубленіе кладется что-нибудь мягкое, напр. постель и волчій кукуль [1]), и тогда для спины является опора, вслѣдствіе чего сидѣнье становится гораздо удобнѣе. Такую крякву, на случай мятели, обшиваютъ ровдугой, придѣлывая къ ней картузъ и передній пологъ. Если подобная нарта вся изнутри обшита медвѣжьими шкурами, а снаружи—ровдугой или парусиной, то она называется повозкой; тогда передняя полость дѣлается тоже теплой, съ окномъ, и плотно застегивается. Въ такой повозкѣ тепло, мягко и удобно; можно лежать и спать; при надобности зажигается фонарь.

Главныя достоинства такой нарты—ея легкость и необыкновенная крѣпость, при замѣчательно упруго-податливомъ сочетаніи и крѣпленіи всѣхъ частей.

Описанный нами типъ нарты теперь повсемѣстно употребляется въ Охотско-Камчатскомъ краѣ, хотя сравнительно недавно для легкой ѣзды въ Камчаткѣ служила другая нарта (какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ 3), теперь вышедшая изъ употребленія.

Обыкновенная оленная нарта устроена по тому же типу и при-

---

[1]) Дорожный спальный мѣшокъ.

ципу, хотя дѣлается всегда съ тремя копыльями; въ нее впрягаютъ два оленя; потягъ перекидывается черезъ переднюю дугу, а концы его закрѣпляются къ алыку, обхватывающему шею, и проходящему между переднихъ ногъ. Потягъ не привязывается глухо у дуги нарты для того, чтобы олени везли равномѣрно; одинъ изъ нихъ идетъ впереди нарты, а другой всегда сбоку; кромѣ того, отъ уздечки коренного оленя идетъ возжа, которою правитъ каюръ, прибѣгая въ тоже время къ длинной тонкой палкѣ съ костянымъ наконечникомъ.

Для перевозки большихъ тяжестей и главнымъ образомъ тяжелыхъ коряцкихъ юртъ устраиваются болѣе широкія и болѣе массивныя нарты такого же характера, а для легкой ѣзды служатъ особыя санки: онѣ короче, выше, помѣщаются на дугообразныхъ копыльяхъ и сзади всегда имѣютъ задокъ (рис. 15).

Скорость ѣзды на собакахъ зависитъ отъ характера мѣстности и снѣга, качества собакъ, количества груза и другихъ причинъ. На нарту принято класть отъ 10 до 14 пудовъ груза; и такой потягъ обыкновенно ѣдетъ шагомъ; въ рѣдкихъ случаяхъ—по уклону или ровному, убойному снѣгу—небольшой рысью. Среднимъ числомъ эту скорость опредѣляютъ въ 4—5 в. въ часъ; при ѣздѣ налегкѣ, т. е. съ однимъ пассажиромъ и при 13—15 собакахъ скорость гораздо больше, 10—12 и даже 15 верстъ, если имѣются въ виду небольшія станціи. На однѣхъ и тѣхъ же собакахъ намъ приходилось дѣлать перегонъ около 500 в., и при заботливомъ уходѣ онѣ хорошо выдерживаютъ и не болѣютъ. Запрягаютъ обыкновенно кастратовъ, а самки идутъ въ потягъ только въ случаѣ крайности и недостатка животныхъ: онѣ менѣе выносливы и часто заболѣваютъ разными болѣзнями.

Олень [1]), какъ ѣздовое животное, стоитъ гораздо ниже собаки. Правда, онъ покоренъ, терпѣливъ и спокойно переноситъ постоянные удары до крови костянымъ наконечникомъ своеобразнаго хлыста [2]),

[1]) Миддендорфъ, любившій рыться въ литературѣ, приводитъ много указаній относительно скорости ѣзды на оленяхъ; такъ, онъ приводитъ баснословный примѣръ Гордона, по словамъ котораго олень не отдыхая можетъ пробѣжать 200 миль; невѣроятное указаніе даетъ Бикте, что онъ проѣхалъ 150 англ. миль (т. е. болѣе 210 верстъ) въ сутки; Шренкъ приводитъ случай, когда 200 верстъ проѣхали въ 12—14 часовъ, но потомъ олени пали. Самъ Миддендорфъ съ замѣчательною аккуратностью и большимъ подраздѣленіемъ на группы даетъ таблицу скорости оленьяго бѣга, словно, все это онъ вымѣрялъ на пробной милѣ, какъ это дѣлаютъ пароходы и военныя суда на пробѣ. (См. ч. 2, стр. 492, 494, 510—513).

[2]) Тонкая, длинная въ сажень, палка, съ костянымъ наконечникомъ, прикрѣпленнымъ перпендикулярно къ ней.

но онъ вяло слушаетъ понуканія каюра, не оживляется въ бѣгѣ при разговорѣ [1]), какъ собака, и не понимаетъ ласки, какъ эта послѣдняя.

Въ грузовыя нарты [2]), большого размѣра, впрягаютъ 3—4 оленя, и тогда ѣзда совершается почти шагомъ или небольшою рысью; тогда грузъ достигаетъ 25—30 пудовъ, а на обыкновенныхъ грузовыхъ нартахъ, при двухъ оленяхъ, кладется отъ 12 до 14 пудовъ; при скорой же ѣздѣ собачій потягъ изъ 11 собакъ можетъ везти большій грузъ, чѣмъ при тѣхъ же условіяхъ два оленя.

Олень кромѣ того употребляется зимой и для верховой ѣзды, хотя рѣдко и въ исключительныхъ условіяхъ; но для этого нужно быть такимъ ловкимъ акробатомъ, какъ тунгусъ, чтобы ежеминутно не падать съ сѣдла, которое всегда безъ стремянъ.

Зато лѣтомъ, по тайгѣ и тонкой тундрѣ, олень является незамѣнимымъ верховымъ животнымъ: тамъ, гдѣ увязаетъ лошадь и тонетъ пѣшеходъ, олень съ своею легкою и осторожною поступью свободно пробирается, плавно покачивая своего сѣдока; даже на зыбунахъ, гдѣ подъ двухвершковымъ торфомъ лежитъ глубокое озеро, олень пробирается съ удивительной легкостью. Въ чащѣ тайги, по острымъ камнямъ крутого ската, олень также лучше верховой лошади: онъ ловко пробирается тамъ, гдѣ, казалось, не было просвѣта; при спускѣ съ хребта онъ ногой предварительно пробуетъ каждое мѣсто и каждый камешекъ, видимо соразмѣряя, выдержитъ ли онъ его съ сѣдокомъ, или нѣтъ. Только въ случаѣ нападенія оводовъ и другихъ насѣкомыхъ, онъ повидимому теряетъ самообладаніе и тогда бросается изъ стороны въ сторону, ничего не разбирая.

Какъ грузовое верховое животное, онъ можетъ нести тяжесть 4—5 пудовъ, т. е. немного меньше, чѣмъ лошадь (5—6 пудовъ), но при этомъ требуетъ большаго надсмотра и частыхъ поправокъ сѣдла.

Ѣзда верхомъ какъ на оленѣ, такъ и на лошади большею частію совершается шагомъ, и рѣдко, небольшими дистанціями, ма-

---

[1]) Названія собакъ бываютъ крайне разнообразны и подъ часъ комичны; вотъ нѣсколько такихъ названій: Урядникъ, Кабачекъ, Заплатка, Голый, Брусенникъ (фамилія бывшаго управляющаго казачей командой въ Охотскѣ), Двоеглазка, Пѣтухъ, Сиволапка, Крылатка (видъ нерпы), Хулакнія (по-тунгузски—красный), Капутка и пр.

[2]) Олень болѣе нѣжное животное, чѣмъ собака, при перевозкѣ тяжестей.

денькою рысью, къ которой, повидимому, якутская порода лошадей мало пригодна [1]).

Намъ остается упомянуть о послѣднемъ способѣ лѣтняго передвиженія—на батахъ. Къ сожалѣнію, инородецъ здѣшняго края застылъ на степени развитія рѣчной культуры и, не смотря на многіе примѣры, не перешелъ къ морскому плаванію. Обычная пѣсенка приморскихъ жителей: «плыви мой челнъ по волѣ волнъ» не только ему незнакома, но даже вызываетъ дѣтскій страхъ, и зеркальная гладь безпредѣльнаго океана не манитъ его на просторъ; даже мучительный голодъ съ трудомъ заставляетъ его рѣшиться отчалить отъ берега въ легкой байдарѣ для нерпичьяго промысла, а на утлыхъ батахъ онъ осмѣливается отходить отъ твердой земли до тѣхъ поръ, пока его шестъ хватаетъ до дна.

Во всѣхъ трехъ бывшихъ портахъ жители совсѣмъ не плаваютъ вдоль берега, и на 2—3 смѣльчаковъ, ходящихъ на охоту за сивучами изъ Петропавловска къ Шипунскому мысу, смотрятъ, какъ на особыхъ героевъ-удальцовъ. Только одни коряки—каменскіе и олюторскіе на своихъ кожаныхъ байдарахъ съ семьями и дѣтьми путешествуютъ на сотни верстъ, нисколько не страшась моря. Европейскаго типа парусныхъ шлюпокъ почти нѣтъ въ краѣ; въ покупкѣ онѣ страшно дороги, а жители у своихъ предковъ-моряковъ не научились судостроенію.

Все водное сообщеніе края совершается только по рѣкамъ, вверхъ и внизъ, на батахъ допотопнаго типа. Батъ есть ничто иное, какъ сибирская вѣтка, или кусокъ толстой тополи, длиною отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ сажень, вся внутренность котораго вырублена топоромъ и вычищена стружками—такъ, что съ обоихъ заостренныхъ концовъ постепенно съуживается. Когда произведена эта главная работа, хозяинъ старается сдѣлать борта такого челнока шире, поэтому, наливъ его водой, бросаетъ раскаленные камни до тѣхъ поръ, пока вода не закипитъ. Подъ вліяніемъ горячей воды древесина распаривается и становится податливой: тогда онъ между бортами вбиваетъ распорки

---

[1]) Что касается стоимости ѣздовыхъ животныхъ, то она сильно колеблется по годамъ и мѣстности: лошадь цѣнится въ 40—50 р., ѣздовая собака отъ 1 до 3 р., рѣдко, если породистая, 5 р., хорошая передовая—рѣдкое животное и тогда стоитъ 30—40 р. и даже 80 р. для любителя; обыкновенная передовая 5—15 р.; ѣздовые олени 15—20 р. въ Удскомъ краѣ, 20—25 р. около Аяна; въ Охотскѣ покупали оленей 10—15 р., а въ Гижигинскомъ округѣ можно было добыть такихъ оленей по 3—5—8 р.; въ Камчаткѣ цѣна немного дороже, но не превышаетъ 15 р.

до желаемой ширины, и въ такомъ видѣ подвергаетъ сушкѣ на солнцѣ; послѣ этого батъ уже подвергается окончательной отдѣлкѣ.

Гребля на батахъ бываетъ двоякаго рода: или одинъ гребецъ, который обыкновенно сидитъ на остромъ концѣ кормы, загребая небольшой лопаточкой то справа, то слѣва; или же два каюра [1]), тогда носовой сидитъ на днѣ шлюпки съ вытянутыми ногами или же гребетъ стоя на колѣняхъ. Какъ то, такъ и другое положенiе далеко невыгодно для сильной гребли; даже при стоячей водѣ оно даетъ весьма небольшую скорость, да и вообще здѣсь не любятъ грести веслами. Поднимаясь или спускаясь по рѣкѣ, гребцы всегда держатся берега и мелкихъ мѣстъ и толкаютъ шлюпку длинными шестами, стоя на кормѣ и на носу; одинъ забрасываетъ шестъ справа, другой слѣва, и затѣмъ проводитъ батъ до тѣхъ поръ, пока хватаетъ шестъ. При каждомъ движенiи гребцовъ батъ крѣнится, а иногда бросается въ сторону, что во время сильнаго разлива и бурнаго теченiя, является крайне опаснымъ.

Поднимаясь, при весеннемъ разливѣ, нѣсколько разъ по рр. Камчаткѣ, Еловкѣ, Тигилю и пр., мы могли наблюдать всю силу стремительнаго потока и тѣ ловкiя, чисто акробатическiя ухищренiя, къ кототорымъ прибѣгаетъ гребецъ при проѣздѣ такихъ опасныхъ мѣстъ: то онъ такъ напираетъ на тонкiй шестъ, что тотъ дрожитъ, шурша мелкой галькой на днѣ; то, бросая шестъ, онъ сремительно хватается за весло и усиленно загребаетъ, не давая бату уклониться въ средину потока; если и это не помогаетъ, гребецъ съ ловкостью обезьяны цѣпляется за повисшiя вѣтви и, держась за нихъ, проталкиваетъ батъ чрезъ кипящую стремнину. Крайне грустнымъ становится положенiе путешественника на бату, если свѣжiй вѣтеръ застигнетъ его среди широкаго озера или большой рѣки: высокiя волны бросаютъ батъ, какъ легкую щепу, жестокимъ образомъ врываясь черезъ низкiй бортъ внутрь шлюпки; вода разливается по всему дну, подмачивая васъ и пропитывая вашу постель и одежду. Камчадалъ съ тупымъ равнодушiемъ вычерпываетъ ковшомъ излишекъ воды, направляя въ то же время свой челнъ и слѣдя за волной. Нужно удивляться, какъ онъ, при неустойчивости и вертлявости бата съ одной стороны, а съ другой при короткой и неправильной волнѣ,

---

[1]) Въ Камчаткѣ и гребцовъ называютъ каюрами; батъ служитъ для отбыванiя подводной повинности и замѣняетъ нарту: за батъ съ 2 гребцами также считается три копѣйки съ версты.

при разныхъ своихъ манипуляціяхъ, всегда сохраняетъ спокойное равновѣсіе.

Если такое путешествіе на бату, при всѣхъ его неудобствахъ, оставляетъ много поэтическихъ впечатлѣній, зато путешествіе на плоту прямо можно назвать наслажденіемъ.

Плотъ состоитъ изъ 3—4 описанныхъ батовъ, связанныхъ между собою; въ средней части его настилается досчатый помостъ, ставится парусинная палатка, въ которой на мягкой душистой травѣ растилается медвѣжья шкура. По бокамъ, на кормѣ и на носу, сидятъ гребцы съ своими легкими и короткими веслами, помогая стремительному потоку нести плотъ внизъ по теченію. Собственно говоря, они даже не гребутъ, а только направляютъ паромъ, напѣвая камчадальскія или русскія пѣсенки; вы можете свободно писать и читать, прохлаждаясь отъ палящаго солнца чаемъ.

Описанные нами—характеръ пути, дорожныя приключенія и средства передвиженія даютъ ясное представленіе о томъ, насколько затруднительно сообщеніе въ здѣшнемъ краѣ какъ лѣтомъ, такъ и зимой, и это въ свою очередь не можетъ не отражаться на экономическомъ благосостояніи жителей и дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ. Окружной начальникъ только разъ въ годъ, да и то съ стремительностью проѣзжаго туриста, объѣзжаетъ округъ въ концѣ пушного промысла, т. е. въ февралѣ и мартѣ; послѣ чего; за вскрытіемъ рѣкъ и таяніемъ снѣга, ѣзда на нартахъ становится чрезвычайно затруднительной. Возьмемъ для примѣра Петропавловскій округъ: въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, считая тутъ и невольныя остановки по случаю пурги, мятели и уброда, начальникъ долженъ объѣхать болѣе 60 населенныхъ пунктовъ и сдѣлать на собакахъ около 2.700 верстъ, считая, по почтовому дорожнику, тогда какъ въ дѣйствительности не меньше 3.000 верстъ, или круглымъ счетомъ по 50 верстъ въ сутки. Если къ этому прибавить остановки въ каждомъ селеніи для сбора ясака, записи расчетныхъ листовъ за забранный казенный провіантъ, порохъ и свинецъ, провѣрки запасовъ корма, скота, собакъ и добытой пушнины; наконецъ для пріема разныхъ заявленій и жалобъ, то одно это потребуетъ въ 60 мѣстахъ болѣе 300 часовъ; прибавивъ 7 дней задержки ненастьемъ, вы для ѣзды имѣете всего 40 дней или по 75 в. въ сутки. Иначе сказать, начальникъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, при всевозможныхъ трудностяхъ, долженъ ѣхать днемъ и ночью; понятно, такой трудъ не можетъ быть далеко благопріятнымъ для изученія нуждъ и положенія края. Въ каждомъ округѣ есть такіе

окраинные уголки, гдѣ жители никогда не видятъ своего начальника, а обыкновенно староста ихъ выѣзжаетъ съ ясакомъ на встрѣчу начальства «на трактъ». Изъ окружныхъ начальниковъ весьма немногіе посѣщали округъ лѣтомъ, и, кажется, только одинъ Завойко съ отеческой заботливостью осматривалъ острожки лѣтомъ, самъ наблюдая за ходомъ земледѣльческихъ работъ и рыбными промыслами.

Посмотримъ теперь, каково положеніе здѣшняго духовенства и народнаго образованія. Въ Камчаткѣ девять церквей съ духовнымъ причтомъ; въ Охотскомъ округѣ на протяженіи 1.500 в. при 4 церквахъ — три священника; въ Гижигинскомъ — всего одна церковь со священникомъ, а другой считается миссіонеромъ спеціально для коряковъ и живетъ не въ центрѣ осѣдлыхъ и бродячихъ инородцевъ, а вдали отъ нихъ, въ самой Гижигѣ. Такимъ образомъ, если въ Камчаткѣ районъ церковнаго прихода тянется на сотни верстъ въ разныя стороны, то въ Охотскомъ округѣ эти разстоянія утраиваются, а относительно Гижигинскаго можно сказать, что духовныя нужды инородцевъ предоставлены на произволъ судьбы, или находятся подъ паническимъ обаяніемъ шамановъ. Церковныя требы крещенія и похоронъ, при такомъ положеніи церковныхъ пастырей, совершаются сплошь и рядомъ спустя годъ, послѣ совершившагося факта, а обрядъ вѣнчанія подгоняется или къ поѣздкѣ по приходу священника, или, какъ у бродячихъ тунгусовъ, къ ихъ передвиженію на устья рѣкъ вблизи отъ селеній. О нравственномъ просвѣщеніи тутъ не можетъ быть и рѣчи: отправленіе церковной службы, безъ объясненія принциповъ христіанскаго ученія и нравственныхъ основъ, далеко не достигаетъ своей цѣли, а внутренняя жизнь инородца, безъ постояннаго пастырскаго слова, часто управляется случайностями непохвальнаго качества. Достаточно будетъ указать на значительное число незаконно-рожденныхъ дѣтей и вольность нравовъ, оставшуюся у большинства инородцевъ отъ первобытныхъ временъ.

Вообще религіозно - нравственныя нужды народа и положеніе мѣстнаго духовенства оставляютъ желать многаго; повидимому, даже въ историческомъ прошломъ мы видимъ больше заботъ о положеніи духовенства, о постройкѣ церквей и открытіи при нихъ народныхъ училищъ.

Что касается образованія или, точнѣе говоря, грамотности жителей, то этотъ вопросъ находится въ крайне плачевномъ положеніи. Правда, въ отчетахъ значится довольно порядочное число школъ въ особенности въ Охотскомъ и Петропавловскомъ округахъ, тогда какъ

въ дѣйствительности и число этихъ школъ, и самое преподаваніе стоятъ гораздо ниже оффиціальныхъ свѣдѣній.

Въ Чумиканѣ давно уже совсѣмъ не существуетъ школы; въ Аянѣ, когда населеніе его было многочисленнѣй, въ 1885 г. мѣстный священникъ Казнаковъ занялся, по собственному желанію, обученіемъ якутскихъ и тунгузскихъ дѣтей; учебниковъ и букварей никакихъ не было; онъ самъ написалъ азбуку, молитвы и заповѣди и по этимъ тетрадкамъ обучалъ грамотѣ. Въ 1887 г. на помощь этой школѣ пришелъ Филиппеусъ, давъ подъ помѣщеніе компанейскій домъ и снабдивъ ее книгами и другими принадлежностями; школьниковъ набралось 14 душъ: мальчиковъ и дѣвочекъ, которые охотно учились, но часто отрывались для домашнихъ работъ, или ребенку не во что было одѣться. Школа просуществовала до 1895 г., не получая никакихъ пособій и средствъ, а потомъ, не встрѣчая поддержки и поощренія, совершенно закрылась.

Въ Гижигинскомъ округѣ также нѣтъ ниодной школы, хотя для помѣщенія ея отведена половина общественнаго дома, затѣяна постройка новой школы, выписано много вспомогательныхъ пособій, но мѣстный священникъ не заботится объ ея поддержаніи [1]).

Нужно замѣтить, что въ здѣшнихъ округахъ школы—церковно-приходскія, находящіяся въ исключительномъ вѣдѣніи мѣстнаго духовенства, за исключеніемъ одноклассдаго городского училища въ Петропавловскѣ, которое находится съ 1893 г. въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Помимо этого, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ открыты школы грамотности, содержимыя на добровольныя средства поселянъ и инородцевъ; въ Охотскомъ округѣ такія школы открыты въ 1888 г. стараніями окружного начальства съ жалованьемъ въ 60—70 р., которое уплачивается живыми оленями.

Церковно-приходскія школы содержатся на обязательный взносъ съ каждой ясачной души. Такая постановка дѣла практикуется во всей своей полнотѣ только въ Камчаткѣ, и далеко не привилась въ остальныхъ двухъ округахъ. Обыкновенно, приходъ долженъ поставить зданіе школы и ежегодно запасать на зиму дрова; съ каждой ревизской души до 50 л. на школу, т. е. въ пользу учителя взимается по 50 к. Здѣсь этотъ сборъ производится даже съ ламутовъ, которые никогда не посылаютъ своихъ дѣтей для обученія. Кромѣ

[1]) Прежде здѣсь существовало училище, гдѣ обучалось 20 мальчиковъ, для которыхъ на покупку учебныхъ пособій было отпущено въ 1881 г. 200 р., какъ видно изъ бумагъ Окружного Правленія.

того, съ каждой души взимается по 75 к. на церковнаго сторожа, который въ то же время состоитъ работникомъ при школѣ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, какъ напр. въ Большерѣцкѣ и Ключевскомъ, этотъ сборъ неизвѣстно кѣмъ увеличенъ, и каждый ясачный платитъ по 1 р.

При обширности приходовъ школьный сборъ такимъ образомъ достигаетъ значительной цифры; кромѣ того, областное управленіе ежегодно высылаетъ 300 р., какъ поощрительную плату, за обученіе инородческихъ дѣтей; деньги эти распредѣляются по усмотрѣнію Петропавловскаго протоіерея.

Точныхъ свѣдѣній о количествѣ учениковъ трудно было получить; какъ въ окружномъ управленіи, такъ и въ церковныхъ бумагахъ годовыхъ записей не оказалось. Есть только отрывочныя данныя, изъ которыхъ видно, что

Въ 1893 г.

	Число школъ.	Число ученик.	1 учебн. завед. на число душъ населенія.
Въ Охотскомъ окр. . .	6	66	176
» Гижигинскомъ . . .	—	—	—
» Петропавловскомъ. .	8	168[1])	972

Въ 1895 г.

Въ Охотскомъ окр. . .	3	—	1,454
» Гижигинскомъ . . .	1	—	5,081
» Петропавловскомъ .	7	—	1,132

Въ 1896 г.

	Число душъ дѣтск. возр.	Число школьниковъ.	Изъ 10 дѣтей обучаются.
Въ Охотскомъ окр. . .	714	48	6,7
» Гижигинскомъ . . .	1,135	39	2,8
» Петропавловскомъ .	1,249	181	14,5

Въ дѣйствительности, относительно большинства школъ мы можемъ засвидѣтельствовать, что приведенныя цифры говорятъ объ уче-

[1]) За 1892 г. однимъ усерднымъ чиновникомъ-путешественникомъ число учащихся показано 610.

никахъ числившихся при школахъ, тогда какъ нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ ни разу въ зиму не открывались.

Если изъ суммы школьниковъ Петропавловскаго округа исключить 35 учениковъ городской школы и сравнить ее съ прежними годами, то получается слѣдующая таблица, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ:

	1886 г.	1889 г.	1895 г.	1896 г.
Въ Петропавловскомъ окр. обучалось въ шести школахъ [1] .	155	128	136	146 [2]

Изъ этихъ данныхъ совершенно ясно вытекаетъ, что въ настоящее время дѣло обученія въ Петропавловскомъ округѣ стоитъ хуже, чѣмъ даже 10 лѣтъ тому назадъ, а въ прежнія года мѣстное духовенство по собственному желанію и частію по указанію архіереевъ прилагало гораздо больше старанія и заботливости въ дѣлѣ обученія камчадальскаго юношества. Въ мѣстныхъ архивахъ съ 1837 по 1845 г. мы встрѣчали рядъ бумагъ, трактующихъ о мѣстныхъ нуждахъ образованія, о лучшей постановкѣ преподаванія (инструкція для занимающихся обученіемъ 1840 г.), о средствахъ содержанія школьниковъ изъ отдаленныхъ селеній и пр. Нѣкоторые изъ бывшихъ начальниковъ оставили по себѣ добрую память неусыпными заботами о народномъ образованіи, какъ напр. Хмѣлевскій, оставшійся послѣ Завойко; жители Большерѣцка также добрымъ словомъ поминаютъ священника Богословскаго, прилагавшаго особое усердіе къ дѣлу образованія, котораго нѣсколько разъ въ своихъ циркулярахъ благодарилъ Иннокентій, архіепископъ Камчатскій.

Здѣсь сама жизнь уже выработала основу для обязательнаго обученія обложеніемъ каждой ясачной души; нужно было бы только подробно разработать эту сторону: обязать каждаго взрослаго (а не ясачнаго—въ виду большихъ промежутковъ между переписью и ревизкими сказками) заботиться объ устройствѣ небольшихъ интернатовъ и найти средства для продовольствія школьниковъ [3]);—и тогда дѣло инородческаго образованія стало бы на твердую почву, при незначительной помощи Правительства.

Въ виду порядочнаго въ общемъ вознагражденія, можно было бы

---

[1]) О Большерѣцкой и Апачинской нѣтъ свѣдѣній.

[2]) Тогда какъ въ 1761 г. было 14 школъ, гдѣ обучалось 284 школьника.

[3]) См. подробности въ докладѣ Охотскаго окружного начальника Х. за 1885 г., № 160, въ дѣлахъ Приморскаго Областного Управленія.

ожидать, а пожалуй и требовать большаго прилежанія и заботливости со стороны мѣстныхъ священниковъ, но, къ сожалѣнію, пустѣвшія школы и безграмотныя дѣти доказывали обратное. Преподаваніе ведется крайне неаккуратно и плохо, по стариннымъ методамъ, а иногда по такой своеобразной системѣ, которую даже трудно понять образованному человѣку, знакомому съ педагогикой. Въ Ключевской школѣ, напр. одинъ мальчикъ читаетъ псалтырь и ни одного слова не можетъ разобрать въ «Родномъ Словѣ» Ушинскаго; другой бѣгло отчеканиваетъ по книгѣ молитвы и не понимаетъ, т. е. не въ состояніи прочесть строку «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ»; тотъ и другой, какъ и всѣ ученики, знали только іероглифы своей книги и не понимали основы чтенія, т. е. сложенія буквъ или звуковъ.

Такъ какъ городское училище въ Петропавловскѣ представляется единственнымъ во всемъ Охотско-Камчатскомъ краѣ, то нелишне будетъ нѣсколько подробнѣе остановиться на его положеніи, задачахъ и средствахъ.

Петропавловская школа первоначально (1865 г.) содержалась на средства городскихъ доходовъ и общества, подъ именемъ городской школы, а съ 1893 г. поступила въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, съ отпускомъ отъ казны 1,590 р., которые идутъ главнымъ образомъ на жалованіе двумъ учителямъ и законоучителю и на наемъ квартиры. Петропавловскъ, по своей бѣдности и при ограниченности городскихъ доходовъ, не можетъ построить помѣщенія для училища, которое вслѣдствіе этого находится въ досчатомъ амбарѣ типа лѣтнихъ американскихъ построекъ; оно холодно, сыро и крайне тѣсно. При самыхъ ограниченныхъ гигіеническихъ требованіяхъ, въ немъ можетъ помѣститься не болѣе 27 человѣкъ, тогда какъ число учениковъ уже теперь значительно превышаетъ эту цифру. При этомъ амбарчикѣ нѣтъ ни учительской комнаты, ни помѣщенія для библіотеки, ни рекреаціоннаго зала, гдѣ послѣ ученія дѣти могли бы посидѣть. Обыкновенно, приходится поступать такимъ образомъ, что сейчасъ же послѣ урока, для провѣтриванія комнаты, открываются окна, а ученики, не смотря ни на какую погоду, должны оставаться подъ открытымъ небомъ, на снѣгу.

До преобразованія школы, въ ней совмѣстно обучалось въ

1891 г.	 20	мальчиковъ	и	10	дѣвочекъ,
1892 »	 24	»	»	6	»
1893 »	 23	»	»	4	»

Но такъ какъ, по положенію (1872 г.) о городскихъ училищахъ, обучаются въ этихъ заведеніяхъ только мальчики, то съ преобразованіемъ школы дѣвочки уже не допускались въ нее. Число учениковъ было въ

1894 г.	23
1895 »	18
1896 »	35
1897 »	29

Прибывшій въ 1894 г. новый учитель возбудилъ предъ окружнымъ инспекторомъ ходатайство о допущеніи къ совмѣстному обученію и дѣвочекъ, на что послѣдовало разрѣшеніе, съ ограниченіемъ возраста послѣднихъ отъ 8 до 11 лѣтъ. Поэтому въ 1897 г. было принято 12 дѣвочекъ, а общая цифра обучающихся въ школѣ возросла до 41 души.

Хорошее и толковое преподаваніе и преданность дѣлу этого учителя сразу создали репутацію петропавловскому училищу и привлекли много желающихъ поступить туда; но, къ сожалѣнію, ограниченность помѣщенія заставляла отказывать этимъ послѣднимъ.

Въ 1897 г. предположено было ввести въ этомъ училищѣ ремесленное отдѣленіе, съ назначеніемъ отъ казны на это послѣднее 600 р. въ годъ. Какъ ни незначительна эта сумма, но открытіе ремесленнаго отдѣленія отвѣчало давно существующей здѣсь потребности въ знаніи столярнаго и бондарнаго мастерства. Съ прекращеніемъ портовой дѣятельности на Охотско-Камчатскомъ побережьѣ, жители уже не видятъ ни пилы, ни рубанка, ни долота. Каждый гвоздь покупается въ магазинѣ, внутренность батовъ вырубается топоромъ, доски привозятся изъ Санъ-Франциско, оконныя рамы и двери доставляются оттуда же готовыми; желѣзные котелки, ножи, цѣпи для собакъ, боченки, деревянныя ведра,—словомъ каждая мелочь хозяйственнаго обихода должна быть пріобрѣтена въ магазинѣ по дорогой цѣнѣ. При обиліи березоваго и тополеваго лѣса повсемѣстно въ Камчаткѣ, а хвойнаго—въ Камчатской долинѣ, развитіе столярнаго и бондарнаго мастерства можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на подъемъ экономическаго благосостоянія теперь бѣдствующей страны.

Санитарная часть и врачебная помощь въ краѣ находится еще въ болѣе печальномъ положеніи,—и только отдаленная изолированность и большой просторъ до нѣкоторой степени спасаютъ населеніе отъ вымиранія. Конечно, трудно примѣнять къ инородческой

средѣ и обстановкѣ требованія научной гигіены; равнымъ образомъ нельзя задаваться санитарными вопросами тамъ, гдѣ сама природа ставитъ этому непреодолимыя препятствія. Нельзя ослабить ослѣпляющую яркость весенняго солнца среди необозримой, блестяще-снѣжной поверхности; невозможно дезодорировать отвратительную вонь аргиза и кочемаза, которыми кормятъ собакъ, привязанныхъ по близости избы; трудно не страдать постоянной болью подъ ложечной, если изо дня въ день ваше меню состоитъ изъ одной сухой юколы; дымъ въ юртѣ всегда будетъ ѣсть глаза, пока вы не убѣдите инородца въ превосходствѣ хотя бы якутскаго камина передъ простымъ костромъ, посрединѣ помѣщенія. Тѣмъ не менѣе мы наблюдаемъ цѣлый рядъ обстоятельствъ и привычекъ, вредно отзывающихся на здоровьѣ, устраненіе которыхъ вполнѣ возможно.

Начнемъ прежде всего съ построекъ. Каждое селеніе разбросано въ безпорядкѣ у берега рѣки; всякій хозяинъ вблизи своей избы строитъ рыбныя вышки, стойла для скота и частоколъ для собакъ; рыбные балаганы и вѣшала, а также ямы, гдѣ хранится кислая рыба, тянутся тутъ же вдоль рѣки, а иногда расположены въ центрѣ селенія. Лишь только сошелъ снѣгъ и растаяла почва, какъ поверхность сельскаго участка представляетъ изъ себя топкое, вонючее болото, съ остаткомъ собачьяго корма и всякихъ изверженій, начинающихъ быстро разлагаться подъ вліяніемъ лѣтней температуры. Наступившій уловъ рыбы и ея распластываніе тутъ же, у избы, или на берегу рѣки, затѣмъ закисаніе повѣшенныхъ пластинъ подъ вліяніемъ сырой погоды и массы развивающихся личинокъ,—все это даетъ огромный гнилостный матеріалъ, частью проникающій въ почву, частью стекающій въ рѣку, изъ которой жители съ наивнымъ невѣдѣніемъ берутъ питьевую воду. Къ осени, когда большая часть проходной рыбы поднимется въ вершины рѣкъ и послѣ метанія икры засыпаетъ, т. е. подвергается гніенію, рѣчная вода надолго, а мѣстами даже зимой подо льдомъ, сохраняетъ специфическій вкусъ и запахъ. Такимъ образомъ, одна изъ главныхъ причинъ загрязненія воды и почвы—это устройство рыбныхъ вѣшалъ, ямъ и собачьихъ стойлъ какъ въ самомъ селеніи, такъ и близъ его по берегу рѣки; при извѣстномъ вниманіи къ дѣлу народнаго здравія подобное обстоятельство легко устранить, обязавъ жителей имѣть, гдѣ можно, колодцы, а главное всѣ поименованныя постройки ставить ниже и вдали отъ селенія: лучше заставить и убѣдить жителя ходить за кормомъ лишнія 50—100 саженей, чѣмъ потомъ считаться

съ вреднымъ вліяніемъ подобнаго расположенія разныхъ домашнихъ построекъ. Образцомъ невозможнаго, анти-санитарнаго положенія можетъ служить Петропавловскъ: склонъ горы, по которому разбросаны домишки, изрѣзанъ ключевыми протоками, изъ которыхъ жители берутъ воду для питья, между тѣмъ вся эта покатость хребта завалена кухонными отбросами и скотскимъ навозомъ, объ уборкѣ и вывозѣ котораго никому никогда не приходило въ голову, и который вмѣстѣ съ отрепьями обуви и одежды смывается дождевой водой и поступаетъ въ горные ключи. Какой-то странной ироніей, въ виду сказаннаго, звучитъ предписаніе генералъ-губернатора Восточной Сибири, отъ февр. 1875 г., въ которомъ предлагается имѣть постоянное и неослабное наблюденіе за чистотою въ городѣ улицъ, площадей, базаровъ, дворовъ и пр. Прежде окружные начальники, съ наступленіемъ весны, обязательно требовали, чтобы рогатый скотъ пасли за чертой города и чтобы собаки содержались на указанныхъ пунктахъ морского побережья, а теперь даже это не всегда соблюдается. Въ виду улучшенія санитарнаго состоянія селеній, желательно: не позволять жителямъ селиться на низкихъ, топкихъ мѣстахъ только ради того, что тутъ у него вода, что называется, подъ носомъ,—тѣмъ болѣе, что почти всѣ здѣшнія избы ставятся не на фундаментахъ или устояхъ, а прямо на землѣ, вслѣдствіе чего земляной полъ, съ высокой подпочвенной водой, даетъ массу испареній и создаетъ постоянную сырость, которая бываетъ настолько велика, что по стѣнамъ текутъ прямо ручьи. Если количество расходуемаго мыла прямо говоритъ о большей или меньшей культурности даннаго народа, то въ этомъ отношеніи всѣхъ инородцевъ здѣшняго края нужно признать стоящими внѣ всякой цивилизаціи: не только потребленіе мыла минимально, но даже нѣтъ привычки обмывать свое тѣло послѣ грязной работы заготовленія рыбы. Тунгусъ, корякъ и чукча носятъ свои мѣховыя кухлянки, камлейки и брюки прямо на голомъ тѣлѣ до тѣхъ поръ, пока за ветхостью онѣ становятся негодными къ употребленію; камчадалы, если и смѣняютъ и моютъ бѣлье, тѣмъ не менѣе довольно неряшливы, не моются въ банѣ и никогда не купаются въ рѣкахъ и озерахъ. Даже теплые ключи вблизи нѣкоторыхъ селеній не пользуются популярностью, какъ это можно было бы ожидать при ломотныхъ заболѣваніяхъ: камчадалъ скорѣе натретъ свое тѣло медвѣжьимъ жиромъ, который никогда не смоетъ, чѣмъ будетъ купаться въ минеральныхъ ключахъ. Это не мѣшаетъ однако франтихѣ-камчадалкѣ помадить волосы и

наряжаться въ шелковое платье и вышитый китайскій платокъ. Камчадалы и осѣдлые тунгусы, по крайней мѣрѣ, знакомы съ омовеніемъ лица и рукъ, тогда какъ корячка не признаетъ этого, а если и употребляетъ съ означенной цѣлью жидкость, то одно названіе этой послѣдней вызываетъ въ европейцѣ чувство брезгливости.

Не въ этой ли грязи, лежащей толстымъ слоемъ на тѣлѣ и въ нарушеніи функцій кожи лежитъ необыкновенная чуткость и воспріимчивость ко всякаго рода заболѣваніямъ? Исторія этой окраины передаетъ намъ мрачныя картины тѣхъ громадныхъ опустошеній, которыя производили завезенныя русскими заразныя болѣзни. Эпидемія оспы въ 1767 г. [1]), «сомовское повѣтріе» или эпидемія тифа (1798 г.), повторившаяся въ 1875 г. оспа, которая по почтовому сообщенію проникла въ Гижигу и Камчатку, опустошая и безъ того рѣдкіе и малочисленные острожки, и цѣлый рядъ позднѣйшихъ эпидемій (1883, 1887—1888, 1896—1897 гг.),—все это уменьшало населеніе, которое оставалось безъ всякой медицинской помощи. Для борьбы съ распространеніемъ оспы основаны были оспенные комитеты; для леченія тяжелыхъ формъ заболѣванія существовали больницы; въ 1873 г. командирована партія врачей-спеціалистовъ для леченія сильно распространившагося сифилиса; но теперь ни больницъ, ни спеціалистовъ нѣтъ. Въ послѣдніе годы вспышки «повѣтрій» сдѣлались почти обычнымъ явленіемъ во всемъ краѣ, въ особенности инфлюэнца съ осложненіемъ заболѣванія легкихъ. Въ подобныхъ случаяхъ положеніе жителей оказывается совершенно безпомощнымъ: острожки разбросаны на тысячи верстъ, пути сообщенія въ теченіи трехъ временъ года затруднительны, а мѣстами прямо невозможны, тогда какъ окружной врачъ постоянно живетъ въ порту, что всегда приходится на окраинѣ округа; такимъ образомъ онъ не занимается не только леченіемъ острыхъ, инфекціонныхъ случаевъ, но даже и хроническихъ боль-

---

[1]) Оспа — одна изъ первыхъ заразныхъ болѣзней, которая, слѣдуя по пятамъ бродячихъ людей, начала опустошать Сибирь съ первыхъ годовъ завоеванія: въ 1664 г. она уже вторично свирѣпствовала въ Нарымѣ и среди остяковъ; въ 1681, 1691 и 1695 гг. она распространилась въ якутскихъ и сѣверно-тунгузскихъ уѣздахъ и тогда погубила племя юкагировъ; въ 1691 г. она дошла до Колымы и Чукотіи; въ 1731 г. она захватила енисейскихъ остяковъ въ третій разъ, которыхъ на этотъ разъ истребила почти до тла, по словамъ Словцова. Неудивительно, что при постоянномъ движеніи землепроходовъ она дошла до береговъ Тихаго океана, гдѣ разразилась съ особенной силой.

Повозка и нарта.

ныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую пользу можетъ принести докторскій совѣтъ и даже данное имъ лекарство во время единичнаго проѣзда по округу? Правда, въ распоряженіи каждаго окружного врача есть помощники фельдшера: въ Охотскомъ округѣ — 3, Петропавловскомъ—4 и Гижигинскомъ—1, которые живутъ въ разныхъ пунктахъ округа, но большею частію это или нетрезвые, или малограмотные невѣжды, часто исполняющіе фельдшерскую обязанность только по пріемству отъ отца. Съ другой стороны, получая казенный паекъ и только около 15 р. жалованья, они совершенно не обезпечены и потому силою необходимости должны заниматься какъ рыбными, такъ и звѣриными промыслами. Отправляясь къ больному за сотни верстъ, фельдшеръ теряетъ лучшія недѣли рыбнаго хода и такимъ образомъ остается на зиму безъ запасовъ для себя и собакъ. Эти же фельдшера должны заниматься оспопрививаніемъ, за что получаютъ особое небольшое вознагражденіе.

Самый же главный пробѣлъ въ организаціи медицинской помощи—это недостатокъ медикаментовъ и полное отсутствіе больницъ въ краѣ. При отправленіи изъ Охотска мы взяли съ собой большой запасъ экспедиціонныхъ лекарствъ и перевязочныхъ матеріаловъ, но, помогая всѣмъ больнымъ въ каждомъ селеніи, мы уже въ Ямскѣ, къ сожалѣнію, должны были отказаться отъ этого: всѣ запасы были израсходованы, а между тѣмъ въ юртахъ и избушкахъ бѣдняковъ мы нашли дѣтей, юношей и взрослыхъ съ такими обширными язвами и такими глубокими пораженіями организма (Lues), что одинъ видъ ихъ бередилъ нервы даже врача.

Жалобы на недостатокъ лекарствъ приходилось слышать въ каждомъ селеніи и отъ каждаго фельдшера.

Въ Охотско-Камчатскомъ краѣ три аптеки, которыя снабжаются лекарствами и всѣмъ необходимымъ изъ Областного управленія; причемъ для леченія казаковъ Иркутскаго полка Охотска и Гижиги присылаются медикаменты изъ Иркутскаго интендантства, которымъ и отпускаются даромъ, тогда какъ всѣ остальные жители должны пріобрѣтать ихъ по установленной таксѣ безъ взиманія платы за приготовленіе. Вотъ этотъ-то вопросъ о платныхъ лекарствахъ и составляетъ корень зла и несчастія для инородца.

Заработки, какъ увидимъ ниже, весьма ничтожны; собственно денегъ, монеты, инородецъ почти никогда не видитъ, потому что добытую имъ пушнину онъ не за деньги продаетъ, а вымѣниваетъ на нужный ему товаръ. Теперь спрашивается, на какія же деньги

инородецъ можетъ покупать лекарства? Этотъ вопросъ, неоднократно ставившій въ затруднительное положеніе какъ окружныхъ начальниковъ, такъ и врачей, составляетъ больное мѣсто въ инородческой жизни и нѣсколько разъ становился на очередь, но судьбѣ неугодно было рѣшить эту несложную дилемму.

Такимъ образомъ только немногіе [1]), 20—30 семействъ во всемъ краѣ, еще могутъ лечиться, т. е. покупать лекарства, а остальные лишены этой возможности, и потому неудивительно, что разныя эпидеміи производятъ здѣсь громадныя опустошенія каждый разъ.

Больныхъ сифилисомъ въ каждомъ округѣ нужно считать сотнями; напр. изъ отчета д-ра Башинскаго, завѣдывавшаго больными только долины р. Камчатки, въ Ключевской больницѣ, видно, что изъ 1691 души обоего пола 170 оказалось больныхъ, иначе сказать 10,05% всего населенія этой половины Камчатки. Еще большее число больныхъ приходилось на Охотскіе поселки, разбросанные по берегу моря. Нѣкоторые изъ нихъ, часто посѣщавшіеся американскими китобоями, до сихъ поръ сохранили, и не безъ основанія, такую дурную репутацію, какъ напр. сел. Ямскъ и Армань, что изъ этихъ селеній не берутъ дѣвушекъ замужъ, говоря, что всѣ онѣ больныя.

Едва только дѣло врачеванія этихъ больныхъ было въ нѣкоторой степени организовано (1875 г.), какъ интересъ къ нимъ видимо охладѣлъ, и командированные врачи должны были вернуться, не смотря на донесенія врачей и окружныхъ исправниковъ, что больныхъ еще

---

[1]) Сибирскіе городскіе казаки и ихъ семейства, на основаніи существующихъ закоположеній (статьи 364 и 410, XIII т. Врачебнаго устава, изд. 1857 г., и ст. 1301 и 1302, II т., 2 ч. Учрежденія сибирскихъ казаковъ, изд. 1857 г.), пользуются медицинской помощью и нужными для нихъ лекарствами безденежно.

Камчатскіе казаки, представляющіе что-то неопредѣленное въ нашемъ законодательствѣ, долгое время не пользовались указанными льготами. Въ 1891 г. окружное начальство возбудило объ этомъ вопросъ, который былъ рѣшенъ военнымъ губернаторомъ (20 апр. 1892 г.) слѣдующимъ образомъ: «впредь до выясненія возбужденнаго вопроса объ отпускѣ камчатской казачьей командѣ медикаментовъ отъ военнаго вѣдомства, медикаменты служащимъ казакамъ, примѣнительно къ ст. 1302 (т. II, ч. 2-я) будутъ отпускаться изъ аптеки Петропавловскаго окружного врача безплатно. Что же касается неслужащихъ казаковъ, то таковые должны уплачивать за медикаменты наравнѣ съ прочими жителями округа».

То же предписаніе военнаго губернатора предусматриваетъ, «что, въ случаѣ плохого улова рыбы или другихъ бѣдствій, взиманіе денегъ за медикаменты можетъ быть отсрочено до болѣе благопріятнаго времени лицамъ, дѣйствительно подвергшимся означеннымъ бѣдствіямъ».

много и что болѣзнь упорна. Отъ 27 окт. 1876 г. генералъ-губернаторъ извѣщаетъ, что хотя вопросъ о продленіи командировки врачей еще не рѣшенъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но онъ признаетъ возможнымъ отпустить денежныя суммы (по 3 т. р. на двѣ камчатскія больницы) на содержаніе въ 1877 г.

Въ слѣдующемъ году главное управленіе Восточной Сибири извѣщаетъ исправниковъ, что существованіе больницъ во всѣхъ округахъ продолжено еще на три года, хотя въ отношеніи и указывается, что «до настоящаго времени нѣтъ положительно никакихъ свѣдѣній о количествѣ ежегоднаго расхода на больницы, равно какъ не имѣется въ виду опредѣленнаго числа больныхъ, извѣстныхъ въ округѣ и требующихъ еще пользованія въ больницѣ» [1]).

Въ настоящее время во всѣхъ округахъ нѣтъ ни одной больницы, за исключеніемъ сел. Ямска, гдѣ таковая содержится па частныя пожертвованія, а въ Аянъ и Чумиканъ даже не посылается ни фельдшеръ, ни лекарства. Такое ненормальное положеніе края, конечно, не могло не озабочивать мѣстныхъ дѣятелей и управителей, которые представляли по этому вопросу доклады, рисующіе безвыходное положеніе больныхъ. Время отъ времени областное управленіе и военный губернаторъ присылали запросы относительно постройки и содержанія небольшихъ больничекъ; такъ напр. въ 1893 г., запрашивались свѣдѣнія и мнѣнія окружныхъ начальниковъ касательно мѣръ къ поднятію матеріальнаго положенія и быта инородцевъ, но обыкновенно этимъ и кончалась переписка. Сифилисъ и эпидеміи продолжаютъ и понынѣ опустошать населеніе округовъ.

Отчеты мѣстныхъ врачей, при настоящемъ положеніи дѣла, не даютъ сколько-нибудь точныхъ статистическихъ цифръ относительно заболѣваемости населенія; въ сущности, каждый врачъ и фельдшеръ пользуютъ больныхъ только своего района мѣстожительства; иногда цѣлыя эпидеміи охватываютъ селенія и прекращаются раньше, чѣмъ врачъ можетъ добраться по непроходимымъ тундрамъ или во время

---

[1]) Всего израсходовано 87 т. р., хотя отдѣльныя статьи этого расхода трудно уяснить изъ находящагося въ Петропавловскомъ Окружномъ Управленіи отчета; для Охотскаго округа расходы простирались до 75 т. р., относительно Гижиги мы не видѣли документовъ.

За 1882 г. еще высылались деньги для 3 камчатскихъ больницъ въ Петропавловскѣ, Малкѣ и Тигилѣ; послѣдняя была закрыта уже въ 1887 г., а имущество Петропавловской за негодностію продано въ 1882 г.

осенней и весенней распутицы; бродячее же населеніе округовъ совершенно ускользаетъ отъ медицинской регистраціи. По оффиціальнымъ даннымъ за 1896 г. всѣхъ случаевъ заболѣванія было въ:

		Всего числа больныхъ Приморской области.
Удскомъ округѣ	6,303 или	17,1%
Охотскомъ »	484 »	1,3%
Гижигинскомъ округѣ	545 »	1,5%
Петропавловскомъ округѣ	438 »	1,1%

Въ двѣ послѣдовательныя зимы 1896—1898 гг. въ Камчаткѣ свирѣпствовала инфлюэнца съ разными осложненіями; по оффиціальнымъ даннымъ всѣхъ пользовано было въ 1897 г. 1,225, изъ которыхъ въ четырехъ селеніяхъ помѣчено одной инфлюэнцой 225 случаевъ, тогда какъ въ дѣйствительности она обошла почти всѣ селенія, жители которыхъ болѣли поголовно.

Разсматривая рубрики обычныхъ болѣзней края мы замѣчаемъ, что на первомъ мѣстѣ стоятъ желудочно-кишечныя страданія. Этотъ фактъ понятенъ самъ по себѣ и находится въ связи съ обычнымъ продовольствіемъ инородцевъ и русскихъ. Какъ бы ни приспособился инородческій желудокъ, нужно однако думать, что при такомъ питаніи онъ долженъ страдать, что и выражается частыми заболѣваніями этого органа. Боль и тяжесть подъ ложечкой—вотъ обычныя жалобы въ каждомъ селеніи всякаго встрѣчнаго. Въ связи съ рыбнымъ питаніемъ находится частое страданіе солитеромъ, которое настолько распространено, что окружные врачи даже не вносятъ эту болѣзнь въ свои отчетныя рубрики.

Подобно желудочно-кишечнымъ разстройствамъ, также часты и повсемѣстны глазныя заболѣванія: мы не видали ни одной юрты и семьи, гдѣ бы не было нѣсколько случаевъ тяжелаго пораженія вѣкъ и даже всего глаза (катаракта). Главными причинами подобнаго заболѣванія являются дымное помѣщеніе въ связи съ обычной нечистоплотностью и сильное свѣтоотраженіе отъ снѣга весной; даже лѣтомъ въ темномъ балаганѣ инородецъ долженъ прибѣгать къ ѣдкому дымокуру, чтобы спастись отъ мучительныхъ комаровъ. Это воспаленіе вѣкъ, ведущее впослѣдствіи къ пораженію всего глаза и потери зрѣнія, обездоливаетъ населеніе, дѣлая его неспособнымъ къ добыванію жизненныхъ средствъ. Оно такъ сильно распространено, что врачи не въ силахъ оказать медицинской помощи.

Третье мѣсто по частотѣ заболѣванія занимаютъ нервныя болѣзни; во всѣхъ отчетахъ врачей онѣ регистрируются большими цифрами. Больше всего видна неустойчивость нервной системы и связанные съ этимъ нервные припадки. Первымъ признакомъ такого состоянія являются мучительныя головныя боли, отъ которыхъ человѣкъ не находитъ себѣ мѣста: онъ бѣжитъ въ лѣсъ, скачетъ по тундрѣ, забирается на хребты, ища облегченія, и иногда покушается на самоубійство.

Въ связи съ этимъ нужно разсматривать нѣкоторыя мѣстныя заболѣванія нервнаго характера, носящія особыя названія. Такъ напр. между аянскими тунгусами извѣстна болѣзнь «ана́», откуда русскіе создали глаголъ **аналарить** для обозначенія разнообразныхъ проявленій этой болѣзни; ею страдаютъ преимущественно женщины, но изрѣдка и мужчины. Припадки упомянутой болѣзни напоминаютъ наше кликушество и появляются внезапно: больная кричитъ, воетъ, бросается изъ угла въ уголъ, разсказываетъ всякій вздоръ; лицо краснѣетъ, глаза наливаются кровью; потомъ начинаются подергиванія личныхъ мышцъ, судороги въ рукахъ, причемъ развивается страшная сила; наконецъ послѣ долгихъ физическихъ и душевныхъ страданій, больная впадаетъ въ обморокъ съ забрасываніемъ головы назадъ. Смотря по комплексу припадковъ, тунгусы различаютъ три вида названной болѣзни, изъ которыхъ намъ пришлось видать только-что описанный; лучшимъ средствомъ леченія такой больной они считаютъ щипанье шеи и переносицы; или же краемъ мѣдной, лучше старой монеты натираютъ локтевой сгибъ съ внутренней стороны до той поры, пока появятся синяки и ссадины. Больная тогда приходитъ въ сознаніе, но въ теченіи всего дня чувствуетъ себя сильно разбитой и вздрагиваетъ при малѣйшемъ стукѣ; тогда про нее тунгусы говорятъ: анала-бытъ.

Эта болѣзнь напоминаетъ якутскую «мäнріеръ» [1]), о которой упоминаетъ Сѣрошевскій [2]).

Съ болѣзнью «ана̀» не нужно смѣшивать болѣе распространенную по всему сѣверо-востоку Сибири другую, извѣстную подъ названіемъ: мерячество, мерячки, эмирякъ, эмюряхъ» [3]). Съ этой формой заболѣванія мы знакомы въ районѣ, начиная отъ Аяна чрезъ

---

[1]) W. Radloff. Die Alttürkischen Inschriften, S. 148.

[2]) В. Сѣрошевскій. Якуты. Спб., 1896 г., стр. 257.

[3]) **Амiракъ** значитъ у телеутъ—мягкосердечный; **амыракъ**—согласный, см. Radloff. l. c. S.S. 648, 957.

Гижигу до устья Анадыри. Передъ проявленіемъ этой болѣзни человѣкъ находится въ угнетенномъ состояніи; онъ какъ будто не слышитъ и не видитъ окружающаго міра, тоскуетъ, мало и неохотно говоритъ; потомъ достаточно какого-нибудь посторонняго слова или неожиданнаго стука, чтобы больной пришелъ въ возбужденное состояніе. Глаза его блестятъ и блуждаютъ, движенія становятся порывисты и трудно удержимы; онъ какъ будто прислушивается къ несуществующему говору или звуку; судя по тому, что онъ не понимаетъ разспросовъ и участія ближнихъ, отвѣчаетъ не въ попадъ, нужно думать, что сознаніе его сильно подавлено. Послѣ этого часто являются крикъ, слезы, повтореніе чужихъ словъ и подражаніе всевозможнымъ звукамъ. Но эта имитація слышимыхъ звуковъ и словъ вѣроятно ассоціируется въ мозгу съ прежде полученными, но временно забытыми впечатлѣніями, которыя теперь воскресаютъ; вслѣдствіе этого въ отрывочныхъ фразахъ больного, выкрикиваемыхъ рѣзкимъ, визгливымъ голосомъ, вы часто слышите отъ русской женщины смѣсь словъ якутскихъ, чукотскихъ, англійскихъ и др., которыя въ нормальномъ состояніи ей совершенно непонятны. Дальнѣйшее проявленіе этой нервной болѣзни или фиксируется на одномъ какомъ-нибудь предметѣ, который больная требуетъ принести, достать или убить, какъ напр. собаку; или возбужденное состояніе больного, при неумѣломъ, а часто предиамѣренномъ обращеніи окружающихъ, достигаетъ крайней степени; тогда больная теряетъ сознаніе и волю и приходитъ въ каталепсическое состояніе. Суевѣрный инородецъ и шаманъ говорятъ, что теперь злой духъ совершенно овладѣлъ больной и что наступило самое удобное время спросить у этого духа самыя сокровенныя вещи. Въ состояніи воскового оцѣпенѣнія, не владѣя произвольными движеніями, больная отвѣчаетъ безсвязныя фразы и продѣлываетъ все то, что ей приказываютъ. Сѣрошевскій говоритъ [1]), что якуты часто устраиваютъ себѣ даровыя зрѣлища такихъ вынужденныхъ кривляній; но среди кукчей и коряковъ намъ неразу не приходилось наблюдать такого жестокаго обращенія съ больными. Правда, ихъ часто спрашивали о будущемъ, но никогда не издѣвались.

Всякаго рода истерическія явленія чрезвычайно распространены между инородцами и часто принимаютъ эпидемическій, заразительный характеръ. Намъ не разъ приходилось наблюдать такіе курьез-

---

[1]) L. c. стр. 257.

ные случаи, что напр. среди пирушки или семейнаго мирнаго разговора стоитъ одному закричать и заплакать, какъ вслѣдъ за этимъ всѣ присутствующіе, одинъ за другимъ, начинаютъ продѣлывать то же самое,—и въ результатѣ вся изба наполняется воемъ и плачемъ, появляются корчи и судороги, потеря сознанія,—и передъ вами на полу во всевозможныхъ позахъ валяется куча неожиданныхъ больныхъ.

Изъ другихъ болѣзней, хотя и менѣе распространенныхъ, но крайне тяжелыхъ, мы должны упомянуть о проказѣ (фототипія, табл. XXVII).

Европейцы хорошо знакомы съ этимъ, внушающимъ ужасъ словомъ; «сторониться прокаженнаго»—сдѣлалось общимъ выраженіемъ. Инородецъ не меньше того боится прокаженныхъ больныхъ и потому бѣжитъ отъ нихъ сломя голову, ничего не разбирая. Проказа есть болѣзнь хроническая, глубоко поражающая организмъ; она характеризуется развитіемъ новообразованій въ кожѣ, слизистыхъ оболочкахъ, нервной системѣ и другихъ внутреннихъ органахъ.

Одни историки относятъ ее къ глубочайшей древности Египетской исторіи (4260 л. до Р. Хр.)[1]; другіе считаютъ несомнѣннымъ[2]), что она совершенно не была извѣстна въ библейское время. Достовѣрно одно, что въ послѣднемъ столѣтіи до Р. Хр. проказа не составляла рѣдкости въ Римѣ, а семь столѣтій спустя Франціи пришлось устраивать особыя помѣщенія для такихъ больныхъ. Послѣ наиболѣе интенсивнаго развитія въ XIII в., проказа, повидимому, стала ослабѣвать въ Европѣ; въ Россіи она впервые появилась при Іоаннѣ Васильевичѣ. По словамъ Рихтера[3]), въ 1462 г. она сильно распространилась по Дону, Яику и Волгѣ; но когда она проникла въ Сибирь, мы не имѣемъ точныхъ указаній. Словцовъ, имѣвшій въ рукахъ рукопись Сибирскаго лѣтописца Новицкаго, говоритъ[4]), что проказа свирѣпствовала среди остяковъ еще во время проповѣди Филофея (съ 1702 г.)

Самое понятіе о проказѣ до послѣдняго времени было крайне неопредѣленнымъ; еще Шперкъ, посѣтившій Охотско-Камчатскій край

---

[1]) См. Проказа въ «Реальной Энциклопедіи» Эйленбурга. Спб. 1875 г., стр. 388 и слѣд.

[2]) Минхъ. Была-ли проказа въ Египтѣ во времена Моисея. Медиц. Газета, 1893 г.

[3]) Richter. Geschichte der Medicin in Russland, 1831 г.

[4]) L. c., ч. I, стр. 277. Рукопись Новицкаго относится къ 1715 г.

и изложившій свои наблюденія надъ прокаженными въ диссертаціи (1863 г.), говоритъ[1]), что сифилисъ и проказа по симптомамъ не только сходны, но и вполнѣ тождественныя болѣзни.

Открытіе Ганзеномъ палочекъ проказы (лепрозныя бациллы) (1871 г.) если и освѣтило вопросъ съ научной стороны, указавъ на постоянное присутствіе этихъ микроорганизмовъ въ тканяхъ и органахъ больныхъ, но не дало пока практическому врачу вѣрнаго орудія или средства бороться съ этимъ ужаснымъ бичемъ. По современнымъ воззрѣніямъ, признаютъ главнымъ образомъ двѣ формы проказы—узловатую, въ формѣ бугорковъ и возвышеній кожи, и анэстетическую, когда тѣло покрывается неправильной формы пятнами то розовато-красными, то блѣдно-розоватыми, съ болѣе бѣлымъ центромъ.

Мы не станемъ входить въ подробности научнаго діагноза той или другой формы; замѣтимъ только, что болѣзнь тянется годами и десятками лѣтъ, но бываютъ и скоротечныя формы. Въ Охотскомъ и Петропавловскомъ округахъ намъ приходилось наблюдать обѣ эти формы, изъ которыхъ въ одномъ случаѣ больные умирали послѣ 1—2 лѣтъ съ момента появленія первыхъ признаковъ, тогда какъ въ другихъ болѣзнь тянулась мучительно долго. На Паратунскихъ ключахъ мы видѣли одну дѣвушку 37 л., которая была больна проказой съ пяти лѣтъ, т. е. въ теченіи 32 годовъ.

По нашимъ наблюденіямъ, при узловатой формѣ скорѣе наступаетъ ухудшеніе общаго состоянія здоровья; больной съ самаго начала обращаетъ на себя вниманіе, и потому удаляется изъ общества; между тѣмъ нервная, или анэстетическая форма проказы, не сопровождаясь въ началѣ сильнымъ разстройствомъ здоровья, долгое время остается незамѣченной даже для самого больного.

Въ исторіи Охотско-Камчатской проказы есть нѣсколько интересныхъ обстоятельствъ, на которыя мы хотимъ обратить вниманіе: 1) образованію кожныхъ узловъ первой формы проказы всегда предшествуетъ появленіе темно-мѣдно-красныхъ пятенъ или плотныхъ «одеревенѣлыхъ» отековъ съ полною потерею болевой чувствительности. Пятна—рѣзко очерченной формы отъ пятачка до 20-копѣечной монеты, чаще всего обнаруживаются на тыльной сторонѣ предплечія и запястья, рѣже на другихъ мѣстахъ, и держатся около 1—1½ года; послѣ чего безслѣдно проходятъ. Спустя нѣкоторый промежутокъ

[1]) Шперкъ. Медикотопографическія замѣтки о сифилисѣ въ Сѣверо-восточной Сибири, называемомъ тамъ проказою. Спб. 1863 г.

времени (въ нашихъ случаяхъ около 1 года) развиваются бугры около угловъ носа и на надбровныхъ дугахъ, и только впослѣдствіи на кистяхъ рукъ и ногъ. Отекъ всегда бываетъ на лицѣ и имѣетъ бѣловатоглинистый видъ; онъ держится около 2—4 мѣсяцевъ и совершенно проходитъ съ возстановленіемъ кожной чувствительности. Въ этомъ случаѣ, видимо, развитіе кожныхъ узловъ наступаетъ позже, чѣмъ въ первомъ случаѣ, и вообще думаютъ, что въ данномъ слу-случаѣ процессъ будетъ болѣе медленнымъ, затяжнымъ. 2) Въ наукѣ признаютъ, какъ твердо установленный фактъ, что между узловатой и нервной формами не существуетъ принципіальной разницы и что первая переходитъ во вторую, равно какъ и при нервной формѣ временно могутъ наблюдаться явленія узловатости. Большинство случаевъ, видѣнныхъ нами — въ этой окраинѣ съ 1892 по 1898 г., представляетъ повидимому двѣ отдѣльныя группы. 3) Географическое распространеніе этой болѣзни показываетъ, что она встрѣчается во всякомъ климатѣ и на всякой почвѣ; иначе сказать, что она поражаетъ всѣ племена и народы, не переходя и не прививаясь никакимъ животнымъ. Только Штюрмеръ, бывшій здѣсь въ 1875 г. замѣчаетъ относительно Охотска, что среди якутовъ немало прокаженныхъ, тогда какъ среди русскихъ онъ не наблюдалъ таковыхъ. Во-первыхъ, этотъ фактъ оказывается невѣрнымъ, а во-вторыхъ, на основаніи своихъ подробныхъ и повсемѣстныхъ разспросовъ мы пришли къ слѣдующему интересному заключенію: чистые камчадалы и чистокровные коряки повидимому никогда не болѣютъ проказой: русскіе же, якуты и отчасти тунгусы подвержены этому заболѣванію, точно также, какъ помѣсь отъ камчадалки и русскаго, якута и камчадалки. Этотъ чрезвычайно-интересный этіологическій фактъ, какъ намъ кажется, до сихъ поръ мало обращалъ на себя вниманіе. Наконецъ, въ 4) есть еще одно весьма любопытное обстоятельство, подмѣченное нами въ жизни этихъ больныхъ и географическомъ ихъ распредѣленіи въ краѣ. Оставивъ въ сторонѣ темный вопросъ о ближайшей причинѣ появленія болѣзни и отрѣшившись временно отъ бациллярной теоріи проказы (что бацилла лепры, открытая Ганзеномъ и окрашенная Нейзеромъ есть ея болѣзнетворный агентъ), посмотримъ, нѣтъ-ли какихъ-нибудь особенностей въ питаніи жителей, среди которыхъ потомъ развивается проказа? Наши наблюденія показали, 1) что въ нѣкоторыхъ рѣкахъ здѣшняго побережья встрѣчается больная рыба, называемая по мѣстному «саранной». Внѣшнее отличіе такой рыбы съ перваго взгляда бросается въ глаза и состоитъ въ томъ,

что вся поверхность ея покрыта возвышеніями, величиною въ конопляное зерно, заложенными въ слоѣ мышцъ и поднимающими чешую. По сходству этихъ возвышеній съ отдѣльными дольками клубня сараны, жители назвали такую рыбу саранной. Она попадается не всегда и не вездѣ; есть года, когда ея ловятъ много, но иногда въ теченіи всего лѣтняго улова не попадается ни одного экземпляра; кромѣ того, есть рѣки, гдѣ она почти постоянное явленіе, но въ другихъ старики, хорошо знакомые съ ея наружнымъ видомъ, не помнятъ ни одного случая улова саранной рыбы.

Сопоставляя теперь съ одной стороны нахожденіе саранной рыбы въ извѣстныхъ рѣкахъ или ея постоянное отсутствіе, а съ другой—случаи проказы на людяхъ по этимъ районамъ, мы замѣчаемъ постоянное соотношеніе, именно, что прокаженные наблюдаются только въ районахъ тѣхъ рѣкъ, гдѣ встрѣчается саранная рыба, и что такихъ больныхъ старожилы не помнятъ тамъ, гдѣ никогда не видѣли этой рыбы. Является-ли подмѣченный нами фактъ простымъ географическимъ совпаденіемъ, или же тутъ есть извѣстная причинная зависимость, рѣшить не беремся, предоставляя бактеріологамъ заняться подробнымъ изученіемъ этого вопроса.

Наши предварительныя микроскопическія изслѣдованія такой саранной рыбы показали, что въ шарообразныхъ фокусахъ больной рыбы встрѣчается паразитъ изъ рода Myxosporidiae, сем. Sporozoa. Онъ помѣщается главнымъ образомъ въ спинныхъ мышцахъ и вызываетъ перерожденіе ткани; совмѣстно съ нимъ развиваются различныя бактеріи (вторичная инфекція). Среди такихъ болѣзнетворныхъ Myxosporidiae извѣстенъ одинъ видъ Mixololus Pfeifferi, вызывающій тяжелыя эпидеміи у рыбъ [1]) и найденный нами въ саранной рыбѣ.

Не находится-ли развитіе проказы у человѣка въ звязи съ употребленіемъ такой больной рыбы въ пищу, въ сыромъ и копченомъ видѣ?

Собрать подробныя свѣдѣнія о прокаженныхъ больныхъ Охотско-Камчатскаго края за прежніе года совершенно невозможно, потому что эта болѣзнь смѣшивалась съ сифилисомъ [2]).

---

[1]) Balbiani. Leçons sur les Sporozoaires. 1884. — Lablé. Recherches zoologiques et biologiques sur les parasites du sang des vertebrés.—Thilogan. Recherches sur les myxosporidies.—Le Dautec et Berard. Les Sporosoaires. 1895.

[2]) Впервые смертельный случай въ Камчаткѣ отъ проказы упоминается за 1843 г., хотя нужно думать, что эта болѣзнь появилась съ переселеніемъ якутовъ. Дитмаръ также упоминаетъ о ней: l. c., стр. 181 и 691—692.

Въ настоящее время въ Камчаткѣ числится прокаженныхъ (1898 г.) 23, которые главнымъ образомъ сосредоточены въ сел. Николаевскомъ, а отчасти въ двухъ юртахъ вдали отъ селеній Ключевскаго и Нижне-Камчатска; въ 1889 г.,—ихъ было 39 чел.; въ 1891 г.— 24 чел. Если исключить два новыхъ случая заболѣванія 1897—98 г., то становится яснымъ, что прокаженные Камчатки вымираютъ.

Въ Охотскомъ округѣ—только пять больныхъ, остальные умерли.

Положеніе больныхъ съ самаго начала было плачевное; медицинской помощи и врачебнаго ухода на ними не было; ихъ выселяли въ пустынныя и отдаленныя мѣста, и только сострадательныя лица или родственники доставляли провизію. Въ 1890 г. участь прокаженныхъ наконецъ обратила на себя вниманіе, и министерство внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ юстиціи выработало слѣдующія мѣры противъ распространенія заразы.

1) Устройство для прокаженныхъ особыхъ домовъ—лепрозоріевъ, съ достаточнымъ числомъ мѣстъ, и изолированіе въ нихъ всѣхъ такихъ больныхъ; причемъ повинность по отводу подобныхъ помѣщеній законъ возлагаетъ на сельскія общества.

2) Воспрещеніе прокаженнымъ отправлять нѣкоторыя профессіи, представляющія несомнѣнную опасность зараженія, каковы напр. приготовленіе пищи, мытье бѣлья, шитье платья и бѣлья и пр.

3) Предоставленіе полицейской и медицинской власти, примѣняясь къ ст. 948 Устава медицинской полиціи, т. XIII, Свода Законовъ, изд. 1857 г., права удалять въ упомянутые, особо устроенные дома, или лепрозоріи, тѣхъ больныхъ проказою, которые не могутъ или не соглашаются принять мѣры строгаго изолированія себя и разобщенія отъ окружающихъ, а также лишены возможности имѣть до́ма правильный, обставленный предосторожностями уходъ, и наконецъ по образу жизни и роду своихъ занятій представляютъ опасность зараженія лицъ, приходящихъ съ ними въ соприкосновеніе.

Только-что приведенныя мѣры, если и могли имѣть значеніе, то только въ большихъ сельскихъ обществахъ и населенныхъ районахъ, а отнюдь не въ здѣшней окраинѣ. Положимъ, камчадалы и якуты Охотскаго округа могли устроить земляную юрту или поставить деревянный срубъ, но затѣмъ все-таки вопросъ о продовольствіи, призрѣніи и врачебной помощи оставался совершенно открытымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришли на помощь этимъ несчастнымъ благотворители и церковно-приходскія попечительства, въ дру-

гихъ—само общество удѣляло часть рыбныхъ запасовъ; но еще оставалось много нуждъ, безъ удовлетворенія которыхъ жизнь казалась немыслимой.

Въ настоящее время представилась возможность не только купить дома для камчатскихъ прокаженныхъ, но даже давать имъ продовольственный паекъ, включая сюда чай, сахаръ и освѣщеніе, и снабжать бѣльемъ и одеждой. Впослѣдствіи предполагалось назначить фельдшера и сестру милосердія въ эту колонію прокаженныхъ, куда больные должны быть собраны со всего полуострова. Положеніе больныхъ въ Охотскомъ округѣ остается по старому.

Говоря объ организаціи врачебной помощи, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что помимо другихъ причинъ, значительная смертность мѣстнаго населенія обязана ея плохому устройству, въ особенности во время эпидемій; смертность дѣтей также вездѣ велика; но это общее правило плохихъ экомомическихъ условій и бродячаго образа жизни: у тунгусовъ 20,2% всѣхъ родившихся, по Майнову [1]) не доживаетъ пяти-лѣтняго возраста, а 6%, переживъ этотъ возрастъ, не достигаетъ 20 лѣтъ. Занесенный и широко распространившійся сифилисъ безусловно похититъ всѣ свои жертвы, отъ которыхъ не останется потомства, и тогда нѣкоторыя селенія, какъ Ямскъ, Армань, Большерѣцкъ и Голыгино, совершенно опустѣютъ. При особой чуткости инородческаго населенія къ острымъ заразнымъ болѣзнямъ, все чаще повторяющіяся эпидеміи будутъ продолжать его опустошеніе: въ двѣ послѣдовательныя зимы (1896—1898 гг.) въ нѣкоторыхъ камчатскихъ острожкахъ населеніе уменьшилось на половину. Оффиціальныя данныя не даютъ по этому поводу точныхъ указаній; такъ напр. по отчету окружного Петропавловскаго врача за 1897 г. по всему восточному берегу Камчатки пользовано (фельдшеромъ) 371 случай, изъ нихъ умерло 15, тогда какъ въ одномъ Мильковскомъ приходѣ эпидемія похитила 98 д., а въ предыидущемъ—89, всего 187 д. изъ населенія въ 342 д. обоего пола.

Если мы сопоставимъ цифру переписи 1804 г. 1,200 камчадаловъ [2]), послѣ извѣстнаго «Сомовскаго повѣтрія», и число однихъ камчадаловъ за 1894 г. въ Камчаткѣ (4,400), то окажется, что, не смотря на всѣ неблагопріятныя экономическія и санитарныя условія, населеніе за 90 л. увеличилось болѣе чѣмъ въ 3,6 раза, т. е. пре-

---

[1]) L. c., стр. 46.

[2]) Головнинъ, l. c., 2, стр. 119.

вышаетъ норму удвоенія населенія въ Россіи за 60 лѣтъ. Нужно къ этому прибавить, что смертность дѣтскаго и юношескаго возраста во всякой инородческой осѣдлой средѣ обусловливается плохими условіями питанія и раннимъ тяжелымъ трудомъ. Ребенокъ, питаясь еще грудью матери, грызетъ сухую юколу, а мальчикъ въ 10—12 л., за отлучкой отца на зимнюю охоту, несетъ тяжелую работу по хозяйству.

Тѣ же условія для дѣтскаго возраста, если только не худшія, мы встрѣчаемъ въ бродячей средѣ; относительно вымиранія или вырожденія этой послѣдней статистическія свѣдѣнія крайне скудны и неточны.

Что касается тунгусовъ Охотскаго и Гижигинскаго округовъ [1]), то по 7 ревизской сказкѣ (1824 г.) первыхъ считалось 1,990 д., а вторыхъ 332 д. об. п.; всего 2,322 д. [2]); въ 1895 г. первыхъ значилось 3,317, а вторыхъ 1,642 д. об. п., всего 4,959; иначе сказать, что за 71 годъ численность больше, чѣмъ удвоилась (2,13). Если прибавить сюда камчатскихъ ламутовъ (386), охотскихъ выходцевъ, то получимъ общую сумму 5,345, т. е. тунгузское населеніе за этотъ періодъ увеличилось въ 2,3 раза. Не смотря на большую обезпеченность и плодовитость бродячихъ тунгусовъ, мы видимъ, что естественный ихъ приростъ стоитъ ниже камчадальскаго. Въ этомъ нельзя не видѣть общаго закона вліянія быта на ростъ населенія, т. е. что осѣдлый образъ жизни самъ по себѣ болѣе благопріятствуетъ размноженію. Совершенно тѣ же результаты получилъ и Майновъ при изслѣдованіи тунгусовъ Майскаго и Кангалскаго вѣдомствъ Якутской области [3]); но помимо этого вліянія, здѣсь есть другое, не менѣе важное обстоятельство, играющее большую роль въ жизни Охотско-Гижигинскихъ тунгусовъ. Нервно-чуткій организмъ тунгусовъ болѣе страдаетъ отъ эпидемій, которыя къ тому же и чаще поражаютъ ихъ, на пути распространенія изъ Якутской области. Такъ, послѣ ревизской сказки 1871 г., населеніе бродячихъ тунгусовъ, подъ вліяніемъ двухъ сильныхъ эпидемій въ Охотскомъ округѣ, съ 3,210 д. уменьшилось къ 1886 г. на 3,083 д. обоего пола, но затѣмъ къ слѣдующей ревизіи 1896 г. снова поднялось до 3,317.

---

[1]) Данныя объ этихъ двухъ округахъ мы разсматриваемъ вмѣстѣ потому, что гижигинскіе тунгусы очевидно пришельцы Охотской и Якутской стороны, которые потомъ отсюда постепенно подвигались въ Камчатку; прежде ихъ здѣсь не было, а въ настоящее время около 400 д. об. п.

[2]) Сгибневъ, «Морской Сборн.», 1869, № 12, стр. 24.

[3]) L. c., стр. 38.

Въ 1883 г. легочная эпидемія изъ Петропавловска перенесена въ семь окрестныхъ селеній; въ 1888 г. скарлатина изъ Олюторска завезена въ Усть-Камчатскъ, а отсюда обошла всю долину Камчатки и перебралась на западную сторону; въ 1897 крупозное воспаленіе изъ Мильково перенесено каюрами въ село Коловское, Утку и др., и произвело большія опустошенія.

Такимъ образомъ, современная постановка медицинской помощи во всѣхъ округахъ не достигаетъ своей цѣли: мы наблюдали цѣлыя семьи, пораженныя старыми язвами, безъ всякаго леченія; мы видѣли десятки горячечныхъ больныхъ, для которыхъ неоказывалось 10—20 гранъ хины... Въ трехъ округахъ—ни одного пріемнаго покоя, куда можно было бы изолировать заразнаго больного,—и эпидемія, переходя отъ одного члена семьи къ другому, распространяется по всему острожку и переносится въ сосѣдніе.

Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отвергнуть общераспространенное мнѣніе, что здѣшніе инородцы вымираютъ подъ вліяніемъ особенностей мѣстнаго климата и образа жизни. Среди почти невозможныхъ соціальныхъ и экономическихъ условій, здѣшній тунгусъ, корякъ и камчадалъ, какъ мы выше видѣли, отличается плодовитостью и даетъ значительный прирость, а если по временамъ численность ихъ сильно падаетъ, то это пониженіе создаютъ только эпидеміи и заразныя болѣзни. Не нужно забывать, что для культуры края мы почти ничего не дали, а между тѣмъ жизненныя потребности усложнились и увеличились въ значительной степени: прежде инородецъ не зналъ ни табаку, ни чаю, ни ситцевой рубахи и суконнаго пиджака; развивъ вкусъ къ этимъ послѣднимъ предметамъ, мы не облегчили способъ пріобрѣтенія ихъ, не познакомили съ хозяйственными ремеслами и не дали возможности эксплоатировать мѣстныя богатства. Прежнее пушное богатство отходитъ въ область преданій, тогда какъ другихъ новыхъ богатствъ абориrенъ не знаетъ и не умѣетъ къ нимъ приступить. Такимъ образомъ, инородецъ, при теперешнихъ, даже худшихъ условіяхъ жизни, не вымираетъ. Мало того, онъ не вырождается въ широкомъ значеніи этого слова. Правда, камчадалы проявляютъ значительную чахлость и болѣзненность, но вѣдь это совершенно понятно, потому что половина ихъ носитъ примѣсь русской, бродячей крови, крови, испорченной пьянствомъ, разгулами и дурными болѣзнями. Что касается коряковъ, то благодаря своей племенной замкнутости, они избавились отъ этой

расслабляющей примѣси и до сихъ поръ сравнительно хорошо сохранили свой здоровый типъ.

Въ заключеніе обзора общественнаго строя края замѣтимъ, что городскіе бюджеты крайне ничтожны и что доходы ихъ составляются изъ сборовъ за торговые документы, аукціонной продажи, и изъ процентовъ съ капитала, а для Петропавловска кромѣ того еще изъ ластоваго сбора съ судовъ. Прежде поступленія взносовъ превосходили всѣ расходы по содержанію болѣе сложной администраціи края, тогда какъ теперь доходы Петропавловскаго округа напр. за 1896 г. равнялись въ общей сложности 11,610 р., а содержаніе его обходилось въ 22,451 р. Въ общемъ эти городскіе бюджеты выражаются слѣдующими цифрами за 1896 г.

Городскія доходы и расходы:

Петропавловскъ	1,127 р. 84 к.	1,051 р. 11 к.
Охотскъ	206 » 46 »	260 » — »
Гижига	146 » 68 »	21 » 23 »

Изъ этихъ цифръ совершенно ясно видно, какъ несложна городская дѣятельность и какъ мало можетъ сдѣлать каждый изъ названныхъ пунктовъ для своихъ нуждъ.

Рис. 31. Издѣлія коряковъ изъ кости: лисица и ѣздовая собака.

ГЛАВА X.

Занятія жителей.

Занятія жителей здѣшней окраины, какъ вообще народовъ, стоящихъ на низкой ступени культурнаго развитія, опредѣляются элементарными заботами о сохраненіи личности и семьи и согласуются какъ съ условіями климата, такъ и съ тѣмъ, что даетъ имъ суровая природа полярной окраины. Охотско-Камчатскій край былъ отдаленнымъ и какъ-бы закрытымъ отъ Сибири тихимъ уголкомъ, гдѣ укрывались разноплеменные инородцы, гонимые изъ центра Азіи то взаимной, воинственной враждой, то недостаткомъ мѣстъ для привольнаго кочевья стадъ животныхъ и для пушной охоты. Различныя группы этихъ мирныхъ выходцевъ избирали для своего житья тѣ мѣста, которыя больше всего соотвѣтствовали ихъ прежнему бытовому строю: тунгусъ останавливался на моховой тундрѣ, для подножнаго корма оленя, но всегда вблизи хребтовъ и горныхъ цѣпей, куда его тянулъ охотничій инстинктъ. За нимъ пошелъ якутъ съ своими стадами лошадей и рогатаго скота, отвоевывая у своихъ предшественниковъ тѣ долины рѣкъ, которыя въ сущности были не нужны и неудобны для оленьяго пастбища. Всѣ народности, прибывшія на новыя мѣста уже съ готовымъ, отчасти сформировавшимся соціальнымъ, экономическимъ и умственно-религіознымъ строемъ, должны были приспособиться и вѣками акклиматизироваться къ той жизненной средѣ, какую создавалъ климатъ и природа негостепріимной окраины. Въ новомъ мірѣ флоры и фауны инородецъ искалъ для себя средствъ какъ для пропитанія, такъ и для защиты отъ стужи и непогоды; вѣчный странникъ, тунгусъ зналъ лучшія мѣста охоты и мельчайшія привычки каждаго промысловаго животнаго, различая по слѣ-

дамъ на снѣгу не только, когда прошелъ звѣрь, но даже такія тонкости, пробѣжала ли здѣсь простая, красная лисица, или чернобурая. Съ самаго начала сдѣлавшись полуосѣдлымъ, камчадалъ, подъ вліяніемъ прежнихъ своихъ привычекъ, занялся ловомъ рыбы въ рѣкахъ, а не въ морѣ, на берегу котораго онъ теперь жилъ; въ скоромъ времени свои ботаническія познанія онъ развилъ до того, что въ мѣстной флорѣ нашелъ множество ядовитыхъ и лекарственныхъ растеній, знакомство съ которыми такъ удивляло Крашенинникова и Стеллера. Въ этомъ собираніи съѣдобныхъ растительныхъ запасовъ сараны, кэмчиги, макарши и пр. мы видимъ какъ-бы урокъ, позаимствованный камчадаломъ у мѣстной полевой мышки, которую онъ потомъ сталъ обкрадывать и которая для этого зимняго провіанта устраивала при своей норѣ особыя кладовыя, по временамъ просушивая его отъ сырости на солнцѣ и для скучной жизни въ зимнемъ обиталищѣ припасая луковицы лютика, «пьянаго корня» Камчатки, который дѣйствительно вызываетъ у ней опьяненіе, подъ грѣющими лучами весенняго солнца.

Вотъ эти то особенности физической и жизненной среды опредѣлили и въ нѣкоторыхъ случаяхъ довели до совершенства родъ и характеръ занятій здѣшнихъ жителей. Но, съ другой стороны, та же самая суровость природы и своеобразный орографическій ея характеръ, затруднявшій сообщеніе съ сосѣдями и остальнымъ міромъ, послужилъ и тормазомъ для дальнѣйшаго развитія мѣстной культуры. Сѣверъ никогда не служилъ родиной цивилизаціи; перекочевавшіе сюда народы не принесли съ собой письменныхъ знаковъ, что навсегда лишило насъ возможности знать ихъ прошлое, а условія суровой борьбы за существованіе не благопріятствовали возникновенію и развитію ни народнаго эпоса, ни строительной архитектуры, ни хозяйственно-промышленной техники. Вся энергія природнаго ума сводилась на элементарныя приспособленія охотничьяго лука, собачьей нарты и оленьей одежды и обуви; вѣками выработанныя усовершенствованія передавались устно или примѣромъ, усвоеніе которыхъ зависѣло отъ личныхъ способностей воспринимавшаго субъекта.

Вся несложная по своимъ требованіямъ, жизнь инородца, будетъ ли онъ осѣдлый или бродячій, сводится главнымъ образомъ къ промыслу рыбы и звѣря и опредѣленному животноводству. Всѣ мѣстные инородцы занимаются одинаково названными промыслами; тогда какъ характеръ животноводства варьируетъ съ бытовыми условіями: у осѣдлыхъ жителей собака занимаетъ первое мѣсто, а у бродячихъ—

олень. Огородничество и отчасти хлѣбопашество существуютъ только у первыхъ; ремеслами же и разными хозяйствено-домашними работами занимается какъ та, такъ и другая часть населенія. Поэтому при описаніи разныхъ занятій инородческаго населенія, мы не будемъ слѣдить отдѣльно за бродячими и осѣдлыми, а разсмотримъ ихъ въ извѣстной группировкѣ.

Основнымъ факторомъ экономической жизни инородцевъ являются рыбные и звѣриные промыслы. Не только небогатый тунгусъ съ 1—2 сотнями оленей на лѣто перекочевываетъ на устье рѣкъ, для рыбнаго лова, но даже мѣстный крезъ-корякъ съ 10—15 тысячами этихъ животныхъ также выходитъ на взморье, чтобы запастись на зиму рыбнымъ кормомъ; это онъ дѣлаетъ не столько по нуждѣ, сколько ради разнообразія своего продовольствія; тогда какъ для всего осѣдлаго населенія и пѣшихъ, т. е. обѣднѣвшихъ инородцевъ, уловъ рыбы служитъ единственнымъ и исключительнымъ источникомъ существованія.

Рыбные промыслы жителей дѣлятся на вспомогательные и основные; первые служатъ для временнаго продовольствія уже начинающаго ранней весной голодать населенія, а во время вторыхъ все вниманіе населенія направлено къ заготовкѣ корма какъ для себя, такъ и для собакъ.

Еще бѣлѣетъ сплошной снѣгъ на низинѣ морского побережья носимыя морскими волнами ледяныя глыбы подъ-часъ заграждаютъ всякое сообщеніе на шлюпкѣ съ открытымъ моремъ, какъ на взморьѣ начинаютъ появляться то тамъ, то здѣсь утлые баты или большія, разлатистыя байдары. До сихъ поръ безлюдные берега, посѣщавшіеся зимой только лисицами, бѣлыми песцами и орломъ-беркутомъ, быстро оживляются: около батовъ и байдаръ суетятся группы инородцевъ, еще закутанные въ мѣховыя кухлянки, то поправляя ихъ, то починяя сѣтки; вездѣ смѣхъ, веселье, оживленныя лица, слышна даже пѣсня казацкой удали. Видимо, съ первыми признаками весны и первыми проталинами на буграхъ, какъ-бы спадаетъ лѣнивая апатія инородца, а, можетъ быть, однообразіе и недостатокъ пищи гонитъ его къ морю поискать свѣжей пищи у морского берега. Самой ранней рыбой, приближающейся къ берегу, всегда бываетъ камбала и вахня, которыя, смотря по состоянію льда и географическому положенію мѣста, показываются между 10 марта и 20 апрѣля; по западному берегу Камчатки вообще гораздо раньше, чѣмъ по сѣверному побережью Охотскаго моря. Напримѣръ, близь Паланы вахня

появляется около средины января, гдѣ ея выбираютъ черпаками (халмынгынъ), а въ Олѣ и Ямскѣ ловъ ея начинается въ половинѣ мая. Одновременно съ вахней подходитъ на мелкія мѣста камбала, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показывается въ значительномъ количествѣ селедка (Армань, Ола и пр.). Ловятъ обыкновенно волосяными сѣтками, сачками (чиручъ) и просто желѣзнымъ крюкомъ,—въ ограниченномъ количествѣ, только для дневной, насущной потребности, чтобы, послѣ долгаго поста, наѣсться до сыта. Вездѣ дымятъ костры, топятся камины, и вездѣ въ котелкахъ варится свѣжая рыба, которой объѣдается и старъ, и малъ, до немоготы, чтобы сейчасъ-же уснуть, а пробудившись снова приняться за рыбу. Такая картина повторяется цѣлыми недѣлями, иногда мѣсяцами; потомъ вскорѣ послѣ названныхъ морскихъ рыбъ по рѣкамъ къ устью спускаются мальма (или гольцы, Salmo calaris), кунджа (S. leucomainis), валекъ, харіусъ и микижа (S. purpuratus, Pall.). Между кочеваніемъ названныхъ рыбъ, зимующихъ въ рѣкѣ, есть извѣстная правильность, которая обусловливается ихъ характеромъ и нравами. Голецъ исключительно горная рыба и зимуетъ на глубокихъ мѣстахъ въ верховьяхъ рѣкъ, откуда около средины марта спускается въ среднее теченіе рѣкъ; здѣсь остается нѣкоторое время, когда, около 20 марта, къ нему подходятъ валекъ и харіусъ. Отсюда всѣ вмѣстѣ идутъ внизъ, когда сверху, въ началѣ апрѣля, спускается кунджа; первые три вида держатся близь устья до конца мая, когда кунджа ихъ снова настигаетъ. Вотъ въ это то время онѣ и служатъ предметомъ весенняго лова. Мальму и гольцовъ ловятъ обыкновенно около 20 апрѣля волосяными сѣтками изъ бѣлаго конскаго волоса, длиною въ 10—12 саж. Эти сѣтки готовятся самими жителями или чаще пріобрѣтаются у тунгусовъ, которые оказываются на этотъ счетъ большими мастерами. Въ концѣ мая сверху является кунджа, а съ моря подходитъ селедка (Clupea harengus); такимъ образомъ въ началѣ іюня на устьѣ почти каждой рѣки скопляется громадное количество какъ рѣчной рыбы, такъ и селедки. Передвиженія этой послѣдней рыбы крайне своеобразны: въ однихъ устьяхъ она, въ первыхъ числахъ іюня, появляется небольшими стадами, а потомъ—громаднымъ руномъ, которое запружаетъ напр. лиманъ р. Кухтуя; тогда какъ въ р. Охотѣ ея меньше, но за то здѣсь больше идетъ кунджи; въ р. Уду она тоже поднимается верстъ на 5—7, а около Олы и Гижиги всегда остается только въ бухтѣ и въ рѣки не заходитъ. По западному же берегу Камчатки ея почти нѣтъ, а взамѣнъ появляется,

часто въ громадномъ количествѣ, корюха (Osmerus sp.) и уйки (Salmo socialis), которыхъ выбрасываетъ на берегъ морскимъ прибоемъ цѣлыми валами, преимущественно между Охотскомъ и р. Улья, а также около Большерѣцка, Тигиля, Паланы и пр.

Не смотря на все это изобиліе, почти никто изъ жителей не помышляетъ о приготовленіи запасовъ на зиму, имѣя въ виду лѣтній сезонъ морскихъ, крупныхъ проходныхъ рыбъ. Только весьма немногіе заботливые хозяева изъ мальмы готовятъ для себя балыки, пупки и головки; два послѣдніе консерва обыкновенно слегка засаливаются вслѣдствіе чего развивается броженіе, придавая головкамъ острый, кислый вкусъ, что составляетъ мѣстную гастрономію, невозможную для европейца. Селедкой жители брезгаютъ; изъ кунджи, которую также не всѣ любятъ, корюхи и уйковъ готовятъ кормъ только для собакъ. Кунджа выходитъ въ море во время привала сельди и питается послѣдней, такъ какъ въ ея желудкѣ находятъ цѣлые экземпляры; вѣситъ обыкновенно 10—12 фунтовъ, но вмѣстѣ съ нею идетъ и молодь отъ 2 до 4 ф., которую главнымъ образомъ и ловятъ. Сельдь ловятъ большимъ неводомъ, который всегда стараются забрасывать по краю идущаго руна, такъ какъ въ противномъ случаѣ его почти невозможно вытащить; въ одинъ пріемъ попадаетъ отъ 5 до 10 т. штукъ. Возможную добычу этой рыбы только около Охотска, Олы и Гижиги нужно опредѣлить, по словамъ жителей и окружныхъ начальниковъ, въ нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ. Для лова корюхи употребляются такъ называемыя «тильпушки» (или чернуши), родъ мѣшка съ мелкими ячейками, напяленнаго на двѣ палки; такая сѣтка называется по-камчадальски канаачъ. Корюха весной, съ 20-хъ чиселъ мая, поднимается въ рѣки иногда на 20—30 в. и послѣ 2—3 дневной кочевки возвращается въ море; подобно сельди и другимъ рыбамъ, она капризна въ своемъ выборѣ и, заходя напр. въ большемъ количествѣ въ р. Кавранскую, въ то же время никогда не заглядываетъ въ р. Утхолокскую, лежащую рядомъ въ 45 в. къ сѣверу.

Всѣ названныя рыбы для корма собакъ сохраняются или въ земляныхъ ямахъ, или въ бочкахъ — недѣли $1^1/_2$—2, въ прокисломъ видѣ, такъ какъ собака всегда предпочитаетъ свѣжей испорченую рыбу; послѣ этого рыба выбрасывается, потому что жителямъ бочки нужны для посолки рыбы на зимній сезонъ. Съ первыхъ чиселъ іюня почти повсемѣстно начинается настоящая рыбная страда, которой всегда предшествуютъ извѣстные предвѣстники: рѣки очистились

отъ льда, долины и увалы вмѣсто снѣжной пелены быстро покрылись зеленымъ ковромъ; гуси и утки давно уже пролетѣли; печальный крикъ кукушки заглушаетъ пѣснь жаворонка; вода въ рѣкахъ начинаетъ прибывать и среди разнообразной пѣвучей мелкоты наконецъ является боязливый клестъ въ пунцово-красномъ нарядѣ (Caprodacus eritrinus), однообразная, но выразительная пѣсенка котораго «чавычу видѣлъ, чавыча! чавычу видѣлъ?» заставляетъ радостно встрѣпенуться инородческое сердце. Какъ-бы вторя этому радостному вѣстнику, мальчишки оглашаютъ воздухъ своими криками: чавыча, чавыча! Зная это, каждый торопится на взморье или къ устью рѣки и, дѣйствительно, достаетъ изъ сѣтки громадную рыбину съ синевато-серебристымъ блескомъ чешуи. Трудно передать картину психическаго настроенія жителей при видѣ этого дара богатаго моря: радостные крики, сіяющія лица, остроумныя шутки,—все это сливается въ общій концертъ инородческаго веселья. Рыба торжественно разрѣзается на мелкіе кусочки и разсылается всѣмъ сосѣдямъ и знакомымъ. Этотъ священный обычай древней старины строго соблюдается не только инородцами, но даже живущими здѣсь русскими, и неудивительно, такъ какъ въ этомъ циклѣ періодическихъ явленій природы они видятъ залогъ своего благосостоянія.

Не смотря на всю свою апатію и лѣнь, не взирая на классическую безпечность, къ этому времени каждая община или селеніе и въ частности каждый хозяинъ приводитъ въ исправность сѣти, сѣтки, чиручи, баты, вѣшала, поварни и заготовляетъ массу тонкихъ прутьевъ и плахъ для устройства запоровъ, мордъ, ловушекъ и другихъ мѣстныхъ приспособленій лова. Кто не позаботился обо всемъ этомъ своевременно, тотъ рискуетъ остаться безъ зимнихъ запасовъ, будетъ терпѣть крайнюю нужду въ продовольствіи и испытаетъ всѣ ужасы здѣшняго голода. Достаточно незначительнаго ненастья, сравнительно меньшаго количества рыбы или случайнаго прихода парохода, чтобы безпечный камчадалъ остался безъ рыбныхъ запасовъ, утѣшая себя тѣмъ, что красная и чавыча еще подойдутъ и что въ крайнемъ случаѣ можно будетъ запастись горбушой или хайко. Дѣйствительно, изобиліе рыбы такъ велико и она идетъ изъ года въ годъ такими массами, что невольно зарождается безпечная надежда на осенній уловъ. Такая жизнь на «авось», въ расчетѣ на благопріятный случай, еще болѣе присуща инородцу сѣверной Сибири, чѣмъ коренному хлѣбопашцу средней Россіи. И тутъ, не согласуясь съ условіями мѣстности и климата, мужикъ ждетъ благо-

датнаго дождя, не прибѣгая къ искусственному орошенію, лелѣетъ надежду на хорошій урожай, когда завѣдомо истощенная почва можетъ дать только жалкій стебель и плохо налитой колосъ. Здѣсь еще больше шансовъ для сладостной надежды инородца, въ роковомъ законѣ кочеванія рыбъ, хотя разныя климатическія и другія еще мало изученныя условія повидимому ставятъ непреодолимую преграду такому неудержимому инстинкту «кочеванія до смерти», по выраженію Миддендорфа.

Въ самомъ дѣлѣ, оставляя въ сторонѣ частности и мѣстныя особенности, мы видимъ слѣдующую замѣчательную и грандіозную картину этого кочеванія морскихъ рыбъ въ рѣки. Чтобы видѣть ее во всей полнотѣ, стоитъ только въ солнечный день подняться на высокій увалъ полуденной стороны и посмотрѣть въ прозрачныя воды бухты или горной рѣки. Вы видите безконечную вереницу, тянущуюся широкой полосой, большихъ рыбинъ, съ неудержимой силой стремящихся вверхъ по рѣкѣ; ихъ масса такъ плотно соприкасается другъ къ другу, что отклоненіе въ сторону невозможно, малѣйшее обмелѣніе рѣки или съуженіе русла заставляетъ рыбу выскакивать изъ воды, бросаться на песчаныя отмели, ползти животомъ по камнямъ, стирая съ него чешую и царапая кожу. Послѣ плаванія въ тихой глубинѣ морской стихіи рыба попадаетъ въ совершенно другія условія рѣчной жизни: болѣе легкій удѣльный вѣсъ воды, богатство ея кислородомъ, наконецъ стремительность потока,—все это служитъ большимъ препятствіемъ для передвиженія и вызываетъ громадную затрату силъ со стороны организма. Если къ этому мы прибавимъ, что во все время своего кочеванія, судя по пустымъ желудкамъ, находимымъ при вскрытіи, она ничего или по крайней мѣрѣ мало ѣстъ, то мы легко поймемъ тѣ глубокія измѣненія, которыя вызываются въ организмѣ новой средой и его особымъ, нерестическимъ состояніемъ. Впереди такого руна обыкновенно плыветъ каюрка, эти недоразвитые холостяки, меньше по размѣрамъ, часто безъ икры и молокъ; онѣ сравнительно медленно и мало измѣняются; зато взрослыя особи, едва успѣли преодолѣть быстрый напоръ устья, какъ приходятъ въ какое-то возбужденное, нервное, если можно такъ выразиться, состояніе. На самомъ устьѣ рыба вначалѣ какъ будто освапвается съ новой средой, отдыхаетъ, подвигаясь у берега и заглядывая въ каждое береговое углубленіе, или ўлова, гдѣ нѣтъ теченія или даже образуется стоячая вода. Уже въ это время мясо рыбы настолько измѣняется, что жители узнаютъ по вкусу и по его конси-

стенціи; прежній, синевато-серебристый или слегка оранжевый блескъ тускнѣетъ, появляются желтыя пятна и полосы, которыя затѣмъ переходятъ въ ярко-красныя, темно-малиновыя, синевато-багровыя и наконецъ черно-синія, напоминая какъ-бы цынготныя язвы и кровоподтеки. Конфигурація головы, въ особенности рыла и всего корпуса сильно мѣняется; челюсти вытягиваются, нижняя загибается вверхъ крючкомъ и покрывается сильно выдающимися кривыми зубами. Это наблюдается у красной, горбуши, кижучъ и хайко; у первыхъ двухъ, въ особенности у горбуши, измѣненія идутъ дальше и около спинного плавника образуется цѣлый наростъ, горбъ, давшій названіе рыбѣ, котораго у нея совсѣмъ не бываетъ, когда она живетъ въ морѣ. Этотъ наростъ состоитъ изъ бѣловатой, студенистой массы, съ сильнымъ специфическимъ вкусомъ, которую не только жители не любятъ, но даже собаки не ѣдятъ, если только онѣ не умираютъ съ голоду.

Величина руна бываетъ зачастую настолько значительна въ узкихъ и неглубокихъ мѣстахъ, что вода буквально кишитъ рыбой, весла не погружаются въ воду, и рыба, теряя всякій страхъ при видѣ людей, собакъ и медвѣдей, только рвется впередъ, на болѣе мелкія мѣста, въ тихіе затоны и въ ключевыя озера, которыя тогда представляютъ оригинальную картину сплошь торчащихъ изъ воды разноцвѣтныхъ плавниковъ, еле шевелящихся на поверхности. Нужно имѣть привычный глазъ инородца, чтобы въ этихъ истощенныхъ, облѣзшихъ и обезображенныхъ лососяхъ, съ ноздреватымъ, поблекшимъ мясомъ узнать прежнихъ рѣзвыхъ красавцевъ, стрѣлой проносившихся въ прозрачной водѣ и неудержимо стремившихся на мѣста, удобныя для нерестованія каждаго вида.

Конечно, не всегда и не въ каждой рѣкѣ вы видите такую поражающую массу, которая мѣшаетъ вамъ грести веслами, но всетаки руно заключаетъ тысячи экземпляровъ каждаго вида.

Изъ морскихъ проходныхъ рыбъ, какъ мы говорили выше, на Охотско-Камчатскомъ побережьѣ, встрѣчается изъ семейства Salmonidae только пять видовъ лососей, которые, зайдя въ рѣки, послѣ нерестованія, всѣ погибаютъ. Вотъ эти-то породы и служатъ главной основой пропитанія: чавыча (S. orientalis), красная (S. Lycoodon), горбуша (S. proteus), хайко, или кэта (S. lagocephalus) и кижучъ (S. sanguinolentus). Хотя между морскими проходными рыбами есть извѣстная правильность и послѣдовательность, но это послѣднее обстоятельство колеблется въ большихъ предѣлахъ, а

иногда получается, въ зависимости отъ неизвѣстныхъ, но видимо постоянныхъ причинъ, обратный порядокъ. Чтобы систематизировать порядокъ прихода всѣхъ рыбъ, мы привели (во II т., Прил. 10-е) таблицу, въ которой указаны разные пункты побережья, а въ соотвѣтствующихъ графахъ цифрою указаны число и мѣсяцъ появленія каждой рыбы, начиная съ перваго морского вида.

Изъ разсмотрѣнія этой таблицы ясно вытекаетъ, что порядокъ хода рыбы и географическое ихъ распространіе представляетъ много особенностей для сравнительно небольшихъ районовъ одного и того же побережья: въ однѣ рѣки идутъ первыми чавыча и красная, а въ другія—горбуша или кэта; но въ общемъ рыбные промысла распредѣляются слѣдующимъ образомъ: едва только инородцы успѣютъ немного поправиться на свѣжемъ продовольствіи—рыбами, уходящими изъ рѣкъ въ море, какъ съ другой стороны появляются морскіе лососи, сначала отдѣльными экземплярами и небольшими группами, а потомъ большимъ руномъ въ началѣ іюня.

Главной промысловой рыбой южной Камчатки и р. Камчатки является чавыча. Это громадная, красивая и замѣчательно вкусная лосось отъ 15 до 20 ф.; иногда она достигаетъ 6 футъ длины и вѣситъ до 1½ пуда. Рунный ходъ ея начинается, когда вода вслѣдствіе весеннихъ разливовъ становится мутной, что позволяетъ напр. жителямъ низовьевъ р. Камчатки прямо черпать эту рыбу небольшими сѣтками на обручѣ (т. е. чиручемъ). Отправившись на пробную ловлю чавычи съ усть-камчатскими казаками, мы въ теченіи 1½ часа нагрузили верхомъ свои баты, куда помѣщается около сотни экземпляровъ. Въ обыкновенную сѣтку попадаетъ за одинъ разъ 12—18 шт., а при хорошей погодѣ въ теченіи дня одинъ работникъ можетъ наловить до 70 шт. Заготовка ея длится до начала іюля, когда попадаются только отдѣльные экземпляры, да и самое мясо ея оказывается въ это время уже сухимъ и не такимъ вкуснымъ.

Не успѣла пройти чавыча, какъ показывается, въ концѣ мая, на устьяхъ, красная; руномъ она идетъ спустя 2 недѣли послѣ чавычи и всегда отъ 3 до 8 дней; потомъ количество ея немного уменьшается, но зато постоянный ходъ продолжается до начала августа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она идетъ съ перерывомъ, въ два пріема, и тогда первая называется, какъ мы говорили, весенней, а вторая—лѣтней. Она меньше чавычи, до 8 ф. вѣсу, но зато въ посолкѣ лучше сохраняется. Хайко и горбуша идутъ въ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ, съ 20 чиселъ іюня до конца августа; первая идетъ только днемъ,

Путешествіе на паромѣ по теченію.

останавливаясь на ночь въ тихихъ затонахъ; вѣситъ 6—8 ф.; вторая вѣситъ отъ $3^1/_2$ до 5 ф. и мало цѣнится. Жители увѣряютъ, что когда горбуши бываетъ много, тогда кэта (хайко) является въ незначительномъ количествѣ, и наоборотъ. Жители замѣчаютъ, что крупная красная останавливается въ теплыхъ и мелкихъ рѣчкахъ, тогда какъ мелкая для метанія икры всегда заходитъ въ озера. Такъ напр. весенняя красная бываетъ у Большерѣцка, а около сел. Малки—никогда.

Кэта или хайко составляетъ самую распространенную породу и большимъ руномъ идетъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца, такъ что расторопный ловецъ въ теченіи дня можетъ наловить до тысячи штукъ. Она очень боязлива и избѣгаетъ чистой, прозрачной воды; поэтому лучше всего ловится, когда прибываетъ верховая вода, послѣ дождей, или при отливѣ, когда отливающая вода мутится у берега. Она поднимается до самыхъ вершинъ рѣкъ или по пути остается въ озерахъ. Вѣситъ отъ 10 до 12 ф.

Немного позже двухъ названныхъ видовъ показывается кижучъ, и къ 20 іюля количество его достигаетъ наибольшей цифры; въ мелкихъ рѣкахъ скоро избивается, т. е. лощаетъ; въ концѣ октября попадается съ икрой, а въ р. Голыгиной—даже въ началѣ января. Рѣдко поднимается въ верховья рѣкъ.

Горбуша одна изъ самыхъ неразборчивыхъ рыбъ; идетъ во всѣ рѣки; она меньше другихъ лососей, вѣсомъ 4—5 ф., и никогда не превышаетъ 10 ф. Послѣ прихода скоро лощаетъ.

Съ появленіемъ кижуча, т. е. около начала сентября начинаютъ возвращаться въ рѣки гольцы, и вообще этотъ періодъ называется осеннимъ; вмѣстѣ съ ними идутъ семга, кунджа и микижа. Ходъ этихъ рыбъ продолжается до наступленія морозовъ, и даже послѣ того, когда рѣка покрылась льдомъ, онѣ тянутся къ верховьямъ, часто выбирая теплые, незамерзающіе ключи. Необыкновеннымъ упорствомъ и изворотливостью отличаются нѣкоторые виды гольцовъ, когда поднимаются въ озера, на высоту 2 т. футъ, и по такимъ крутымъ быстринамъ, гдѣ, казалось бы, всякое кочеваніе рыбы становится абсолютно невозможнымъ.

Что касается географическаго распространенія промысловыхъ рыбъ, то чавыча, семга и микижа по преимуществу должны считаться камчатскими; Дитмаръ не правъ, утверждая, что микижа свойственна только р. Большой. Валекъ исключительно охотскій видъ, нигдѣ болѣе не встрѣчающійся. Селедка принадлежитъ сѣверо-запад-

ному берегу Охотскаго моря, имѣя излюбленныя мѣста для привала, и отчасти восточной Камчаткѣ.

Побережье Пенжинской губы оказывается бѣднѣе всего какъ числомъ видовъ, такъ и ихъ количествомъ; поэтому осѣдлые коряки нѣкоторыхъ селеній для рыбнаго промысла должны отправляться на другія рѣки; такъ изъ Рекинники и Таловки ходятъ на устье р. Пенжины; изъ Пусторѣцкаго селенія на р. Шаманку, куда и слѣдовало бы переселить (40 в. южнѣе) пусторѣцкихъ коряковъ.

Теперь посмотримъ, какія орудія и средства употребляетъ здѣшній житель при рыбной ловлѣ?

Прежде всего нужно замѣтить, что въ неводномъ прядевѣ здѣсь чувствуется повсемѣстный недостатокъ; цѣны на него у мѣстныхъ торговцевъ крайне высоки, да вдобавокъ за нимъ приходится ѣздить часто за 200—300 верстъ. Въ силу этого въ Охотскомъ округѣ отчасти пользуются волосяными сѣтками, до приготовленія которыхъ еще не дошли въ Камчаткѣ; кромѣ того, какъ коряки, такъ и камчадалы готовятъ изъ мѣстной крапивы прядево, изъ котораго и вяжутъ сѣтки. При неумѣньѣ предварительной обработки волокна крапивнаго стебля, это прядево является весьма непрочнымъ,—и такая сѣтка хватаетъ на одно, рѣдко на два лѣта. Поэтому легко понять, какую массу времени должна потратить женщина, чтобы насучить между ладонями потребное количество; а въ слѣдующую зиму снова приходится браться за тотъ же неблагодарный трудъ. При такихъ обстоятельствахъ каждый хозяинъ долженъ, экономя прядево, вязать небольшія сѣтки, которыя бываютъ обыкновенно отъ 7 до 12, рѣже до 15 саженей; большіе сѣти или невода бываютъ только общественные и встрѣчаются въ немногихъ селеніяхъ.

Ловъ сѣткой производится такимъ образомъ, что, закрѣпивъ одинъ ея конецъ посредствомъ веревки на берегу, рыбакъ, отъѣзжая по теченію, наискосокъ отъ берега выбрасываетъ сѣть до другого конца, который ставитъ на якорь, т. е. на привязанный камень. Такимъ образомъ, между этимъ концомъ и берегомъ образуется острый трехъугольникъ,—и рыба, поднимаясь на быстромъ теченіи вдоль берега, обязательно попадаетъ въ сѣть и запутывается, о чемъ можно судить по колебанію поплавковъ изъ дерева или нерпичьихъ пузырей. Тогда рыбакъ, столкнувъ съ берега батъ, тянется вдоль сѣти, и доставъ изъ нея рыбу, ударомъ полѣна по головѣ оглушаетъ ее; бросивъ въ батъ, снова возвращается къ берегу до новаго случая. Попавшую рыбу обязательно доставать тотчасъ-же, иначе она будетъ

распугивать другихъ и мѣшать успѣху лова. Такія сѣтки бываютъ весьма небольшія, тогда какъ нормальная сѣть при длинѣ въ 15 саж., въ ширину имѣетъ 2 саж.: при существующемъ способѣ лова употреблять болѣе длинныя сѣти было бы неудобно. Ловъ сѣтью производится иначе: именно сначала расправляютъ ее на берегу; конецъ ея, обращенный къ вершинѣ рѣки, отталкиваютъ отъ берега карбасиной (тонкій шестъ до 10 саж. длины изъ лиственичнаго лѣсу) на средину рѣки; теченіе быстро уноситъ его, а за веревку другого конца быстро тащутъ по берегу, по теченію; такимъ образомъ неводъ идетъ поперекъ рѣки, захватывая проходящихъ рыбъ. Когда сѣть начинаетъ колыхаться, а поплавки погружаются въ воду,— признакъ того, что поймана рыба, тогда ее вытаскиваютъ на берегъ и по очисткѣ отъ травы и рыбы снова продѣлываютъ тотъ же пріемъ. Такъ производится ловъ рыбы въ теченіи дня; ночью обыкновенно не ловятъ, потому что пойманную рыбу нужно распластать и повѣсить, хотя этимъ занимаются больше всего женщины; если же рыбы идетъ мало и позволяетъ тихая вода бухты или у́лова, то сѣть оставляютъ на ночь, ставя ее на два якоря.

Иногда такой способъ варьируется слѣдующимъ образомъ, преимущественно для чавычи, когда въ рѣкѣ вода бываетъ мутная: между двумя батами растягиваютъ сѣть (30 саж.) съ крупными ячейками и затѣмъ плывутъ по теченію; рыба, идя вверхъ, запутывается въ ней и начинаетъ сильно биться, тогда рыбаки, сближая баты, выбираютъ сѣть и достаютъ рыбу, а потомъ снова расходятся и идутъ ниже по рѣкѣ, повторяя тѣ же пріемы. Хорошимъ уловомъ считается, если въ теченіи дня, съ нѣсколькими перерывами, оба бата будутъ наполнены.

Большими сѣтями или неводами крайне трудно пользоваться въ рѣкахъ—по причинѣ быстраго теченія, а въ морѣ—за отсутствіемъ килевыхъ большихъ шлюпокъ; кромѣ того и самая масса рыбы не позволяетъ употреблять ихъ. Когда въ іюнѣ 1897 г. прибывшіе въ устье р. Камчатки японцы закинули свой большой неводъ, то оказалось, что 50 человѣкъ не могло его вытащить; онъ набитъ былъ рыбой, и, чтобы спасти рыболовную снасть, японцы отпустили одинъ конецъ, чтобы выпустить рыбу, и только тогда могли подтащить ее къ берегу; но и при такихъ условіяхъ они поймали около 6 т. экземпляровъ,—количество, буквально поразившее рыбаковъ.

Вторымъ, крайне элементарнымъ приспособленіемъ для лова рыбы является такъ называемый запоръ, видный на нашей фототипіи

(табл. XXXI). Основная идея его состоитъ въ томъ, чтобы, перегородивъ поперекъ всю рѣку частоколомъ, преградить свободный проходъ рыбы, оставивъ въ немъ нѣсколько отверстій или промежутковъ, закрытыхъ спереди и съ боковъ щитами, въ видѣ узкаго коридора, попадая въ которые рыба однако не можетъ пройти чрезъ запоръ или повернуть назадъ, а должна идти въ отверстіе длиннаго, круглаго цилиндра изъ прутьевъ, называемаго мордой; откуда ей уже невозможно выбраться на свободу. Морда дѣлается изъ пластинъ въ одинъ вершокъ разстоянія, которыя крѣпятся къ обручамъ въ 3 четверти діаметромъ; одинъ конецъ ея задѣланъ наглухо, другой—съ круглымъ, конусообразнымъ отверстіемъ для входа рыбы. Здѣсь вставляется доска, которой закрываютъ это отверстіе при подъемѣ морды на поверхность, во избѣжаніе ухода рыбы. Морда въ длину бываетъ до 2 саж. и горизонтально укрѣпляется на двухъ столбахъ, по которымъ она опускается на извѣстную глубину или поднимается на поверхность, и тогда чрезъ нарочно сдѣланное окно въ верхней части рыбу достаютъ крюкомъ или руками. Запоръ на рѣкѣ устраивается такимъ образомъ, что сначала въ дно рѣки вбиваются колья отъ одного берега до другого, иногда съ подпорками со стороны, противоположной теченію; они переплетаются тальникомъ; потомъ къ этимъ столбамъ, въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого, прикрѣпляются щиты, заранѣе приготовленные изъ тонкихъ и узкихъ дощечекъ; просвѣтъ между послѣдними дѣлается такой, чтобы рыба не могла проходить. Эти рѣшетки время отъ времени поднимаются для очистки отъ застрявшей травы и всякаго мусора, уносимаго съ верховьевъ теченіемъ. Въ постановкѣ такого запора принимаетъ участіе все населеніе; для этого избирается главное русло рѣки, по которому проходитъ рыба, съ глубиной не больше сажени, иначе запоръ не выдерживаетъ напора воды. Заколачиваніе въ дно рѣки основныхъ столбовъ является довольно кропотливымъ и труднымъ дѣломъ, а разъ, послѣ сильныхъ дождей, вода начинаетъ сильно прибывать и покрывать верхній, выходящій на поверхность, край, то она обязательно снесетъ запоръ и помѣшаетъ лову; такимъ образомъ жителямъ снова приходится браться за постановку запора. Хорошо, если это случится днемъ и жители успѣютъ спасти щиты; въ противномъ случаѣ ихъ приходится вязать вновь, что требуетъ много времени, а рыба между тѣмъ успѣваетъ пройти вверхъ.

Запоръ, какъ общественная постройка, долженъ дать каждому хозяину семьи мѣсто для постановки боковыхъ коридоровъ и ловушки-

морды: иногда нѣсколько семействъ имѣютъ одну морду, а нѣкоторые, наиболѣе заботливые хозяева, преимущественно изъ русскихъ крестьянъ, поставивъ такую морду, часть своихъ взрослыхъ членовъ посылаютъ на устье рѣки для ловли рыбы сѣткой. Въ случаѣ сноса запора наводненіемъ, такія семьи не остаются безъ запасовъ. Ловля запорами, какъ видно, не представляетъ большого труда; морды осматриваются и очищаются отъ рыбы, смотря по ея ходу, 1—2—3 раза въ день, чаще же всего одинъ разъ. Доставаніе рыбы изъ морды, если она даже была биткомъ набита, занимаетъ $^1/_2$—1 часъ времени, а остальные часы дня хозяинъ баклушничаетъ или, наѣвшись рыбы, спитъ. При 20 — 30 мордахъ въ запорѣ 60 человѣкъ почти цѣлый день не работаютъ, тогда какъ, еслибы уловъ въ запорахъ былъ сдѣланъ и признанъ общественнымъ, съ соотвѣствующимъ дѣлежемъ, тогда половина работниковъ могла заняться сѣточнымъ ловомъ для общихъ цѣлей или сѣнокосомъ, который обыкновенно бываетъ во время этого хода рыбы. Такой организаціей общественнаго труда жители много бы выиграли; нѣкоторыя попытки къ этому мы наблюдали въ охотскихъ селеніяхъ, среди коряковъ, на промыслѣ нерпъ, и при ловлѣ утокъ на Харчинскомъ озерѣ, въ Камчаткѣ.

Запоры ставятся на всѣхъ рѣкахъ, гдѣ позволяютъ мѣстныя условія и гдѣ нѣтъ множества селеній, лежащихъ выше; правда, у одного берега всегда оставляется небольшой, свободный проходъ со стороны селенія, но присутствіе людей и собакъ на берегу отпугиваетъ рыбу, и она можетъ подниматься этимъ просвѣтомъ вверхъ только въ теченіи ночи.

Запоры, устраиваемые на протокахъ изъ озеръ, нѣсколько другого вида; здѣсь ставятся двѣ переборки изъ частокола; въ первой, обращенной къ озеру, продѣлывается подъемное окно-рама для пропуска рыбы; вторая на разстояніи 1—2 саженей отъ первой дѣлается съ постояннымъ просвѣтомъ. Рыба, неудержимо стремясь въ озеро, заходитъ въ этотъ ящикъ и набивается биткомъ; какъ бы вы ея не распугивали, она не уйдетъ внизъ, обратно, а все время будетъ биться у первой стѣнки, чрезъ которую проходитъ озерная вода. Эту рыбу достаютъ длиннымъ шестомъ съ желѣзнымъ крюкомъ, которымъ цѣпляя рыбу, то и дѣло выбрасываютъ на берегъ. Эта операція довольно тяжелая и рыбакъ въ теченіи дня больше 200 штукъ не можетъ достать, такъ какъ подъ конецъ руки совершенно нѣмѣютъ. Проходное окно въ передней перегородкѣ открывается на ночь, и на весь день только по воскресеньямъ.

Эти три главныхъ, хотя и первобытныхъ, способа лова рыбы основаны на ея постоянной массѣ и при нѣкоторомъ прилежаніи даютъ хорошіе результаты. При среднемъ ходѣ рыбы на р. Тигиль запоръ давалъ около тысячи экземпляровъ въ день или до 150 пудовъ рыбы, тогда какъ уловъ неводами на устьяхъ, во время хода, почти всегда за одинъ разъ приносилъ нѣсколько тысячъ штукъ, какъ это мы наблюдали на рр. Авачѣ и Камчаткѣ. Баснословное изобиліе рыбы не побуждаетъ лѣниваго инородца дѣлать усовершенствованія въ способахъ и пріемахъ лова; ему ловля скучна, если въ теченіи часа онъ поймаетъ въ сѣтку 10—15 штукъ: «изъ-за этого не стоитъ хлопотать», какъ говоритъ онъ.

Въ дополненіе къ этимъ основнымъ орудіямъ лова нужно прибавить нѣкоторыя мѣстныя, имѣющія спеціальное назначеніе. Таковы напр. нижне-камчатскій чиручъ, тильпуша и др. Чиручъ есть большой сачекъ, основу котораго составляетъ грушевидно-согнутый обручъ, прикрѣпленный къ длинному шесту, а переплетъ мѣшка дѣлается изъ неводного прядева; онъ съ большой ячейкой и употребляется для крупной рыбы, а съ мелкой и частой—для хахальцовъ (колюшка), которыхъ добываютъ сотни батовъ въ одномъ Усть-Камчатскѣ. Для пѣшаго тунгуса даже маленькая сѣтка въ 5—7 саж. является недоступной; вотъ это обстоятельство заставило его изобрѣсти особый способъ лова.

Къ концу длиннаго шеста привязывается тонкій ремень въ 1 арш. длины, другой конецъ котораго прикрѣпляется къ желѣзному крюку, имѣющему видъ удочки съ зазубриной; передъ началомъ лова этотъ крюкъ вставляется въ углубленіе шеста (рис. 32). Рыбакъ помѣщается на берегу рѣки съ солнечной стороны и, держа шестъ наготовѣ, ударяетъ этимъ крюкомъ въ проходящую рыбу; остріе крюка входитъ въ ея тѣло, рыба бросается въ сторону и тянетъ за собой крюкъ, который тогда выскальзываетъ и повисаетъ. Такимъ способомъ тунгусы налавливаютъ въ день 40—50 штукъ, а иногда довольствуются нѣсколькими экземплярами для временнаго продовольствія. Камчадалы также пользуются этимъ способомъ съ тою только разницей, что желѣзный крюкъ наглухо вдѣлывается въ конецъ шеста и своимъ свободнымъ концомъ обращенъ вверхъ. Завидя рыбу около берега въ ямахъ рѣки, рыбакъ крайне осторожно подводитъ этотъ крюкъ и затѣмъ стремительно дергаетъ его; чтобы ловить такимъ образомъ рыбу, требуется большая сноровка и опытность. Подобное рыболовство практикуется только осенью, когда уровень воды

въ рѣкахъ значительно понижается, и даетъ хорошіе результаты: 80—100 штукъ въ день.

Способъ уженія совсѣмъ почти не употребляется здѣсь; имъ забавляются въ концѣ зимы дѣтишки на пропаринахъ, ловя маленькихъ гольчиковъ, да осѣдлые коряки Карагинскаго и Дранкинскаго селеній.

Говоря о мѣстныхъ орудіяхъ лова, основанныхъ на вѣковомъ опытѣ, нельзя пройти молчаніемъ изобрѣтательности одного авантюриста изъ Вѣны, желавшаго осчастливить всю Сибирь своими усо-

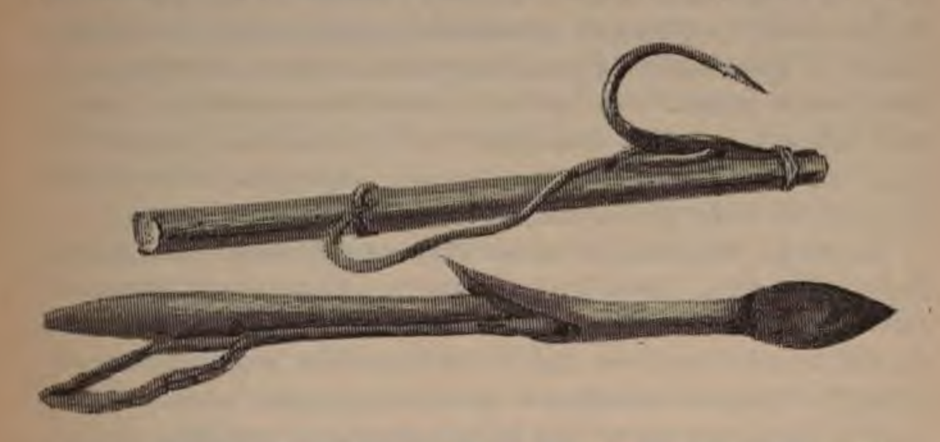

Рис. 32. Вверху тунгузскій крюкъ для лова рыбы, а внизу коряцкій гарпунъ для китовъ и тюленей.

вершенствованными удочками. Въ 40-хъ годахъ корреспондентъ министерства финансовъ донесъ министру и прислалъ образцы этого новаго изобрѣтенія; министерство признало ихъ годными для Сибири, поэтому въ 1844 г., по распоряженію министра государственныхъ имуществъ, было отправлено въ Иркутскъ 32 такихъ удочки, а оттуда въ слѣдующемъ году казенная палата отправила 2 экземпляра въ Камчатку съ предписаніемъ произвести подробные опыты и донести потомъ о результатахъ.

Первый опытъ, по предписанію исправника Федорова, сдѣланный авачинскимъ удѣльнымъ старостой, оказался вполнѣ неудачнымъ. Департаментъ сельскаго хозяйства, получивъ объ этомъ увѣдомленіе, объяснилъ неудачу неумѣніемъ инородцевъ обращаться съ этимъ хитрымъ вѣнскимъ изобрѣтеніемъ и потому выслалъ дополнительныя объясненія, затребованныя отъ изобрѣтателя.

Второй разъ ухитрялся ловить этой удой староста Ключевского селенія и также вполнѣ неудачно; видя это, а съ другой стороны не желая обидѣть начальство, настоятельно рекомендовавшее вновь изобрѣтенную уду, начальникъ Камчатки послалъ 70 р. 70 к. въ департаментъ, прося его побольше выслать такихъ удочекъ, чтобы судить объ ихъ достоинствѣ.

Нужно было видѣть изумленіе камчадала, когда, при видѣ проходящаго тысячами руна рыбы, его заставляютъ ловить удочкой, предполагая, что рыба во время нерестоваго кочеванья измѣнитъ своей привычкѣ не употреблять пищи и начнетъ клевать наживу удочки! Мы дѣлали опыты съ рѣчными проходными рыбами и даже съ осѣдлыми лохами во время зимы, на незамерзающихъ мѣстахъ: рыба проходила мимо всякой наживы и не трогала удочки; только молодые, видимо мало опытные гольчики попадались на крючекъ. Но съ другой стороны они такъ небоязливы, что, бросивъ свѣжую икру или другую приманку въ воду, ихъ можно ловить руками.

Впрочемъ, въ послѣдніе десять лѣтъ жители камчатскихъ селеній Явино и Голыгино хорошо познакомились съ крючковымъ способомъ лова трески и его выгодами. Какъ мы уже говорили, противъ этихъ селеній въ 15—25 в. отъ берега въ Охотскомъ морѣ существуютъ банки, на которыхъ скопляется треска; въ другихъ мѣстахъ Охотскаго и Берингова морей она не появляется, по крайней мѣрѣ въ такомъ поразительномъ количествѣ; только съ восточной стороны о. Мѣднаго въ 1892—1893 г. мы наблюдали громадное количество крупной трески, которая ловилась даже на пустыя удочки.

Съ этимъ богатствомъ камчадалы познакомились отъ американцевъ, приходившихъ на большихъ шхунахъ къ западному берегу Камчатки для трескового промысла.

Въ виду важности этого промысла помѣщаемъ здѣсь подробныя свѣдѣнія, собранныя нами на мѣстѣ у жителей, а главнымъ образомъ сообщенныя американскимъ эмигрантомъ, уроженцемъ Финляндіи, Карлсономъ-Сѣвернымъ, который сначала занимался этимъ промысломъ на шхунахъ, а потомъ, обзаведясь семейнымъ очагомъ въ Явино, поселился въ Камчаткѣ, ходатайствуя о принятіи его въ русское подданство.

Американцы открыли Явино-Озерныя тресковыя банки въ 1860 г.; тотчасъ образовалось въ С.-Франциско три промышленныхъ компаніи (Lyndh and Hough C°, Bishard's C° и Mc. Collanan's C°), которыя ежегодно посылали по 10—12 судовъ и имѣли богатый уловъ

трески. Послѣ того, когда въ 1882 г. русское Правительство объявило, что безъ разрѣшительнаго свидѣтельства нельзя промышлять въ нашихъ водахъ, американцы стали осторожнѣе, и только M-c—Collan's C° посылала свои суда, промышлявшія даже въ 1895 и 1896 гг.

Здѣсь, на банкахъ, какъ мы говорили выше, съ первыхъ чиселъ іюня начинаетъ собираться треска. Положеніе этихъ банокъ не обслѣдовано въ морскомъ отношеніи, но въ общемъ онѣ тянутся, какъ видно изъ нашей карты, отъ сел. Явино на С. С.-З., постепенно понижаясь, въ зависимости отъ чего находится распредѣленіе рыбы разнаго достоинства. Кочеванія этой рыбы довольно хорошо изучены для Атлантическаго океана, тогда какъ въ Охотскомъ морѣ и въ западной части Берингова ея переселенія намъ мало извѣстны; въ общемъ они зависятъ отъ температуры воды, періода нерестованія и обилія пищи.

Извѣстно, что для каждаго рода рыбы существуетъ наиболѣе благопріятная температура воды, которую она избираетъ въ своемъ путешествіи; такъ напр.: форель живетъ въ водѣ при t° отъ $2^1/_2$ до 16° С., семга не мечетъ икры ниже + 10° С., а для трески любимой температурой считаютъ 8° С. (около 47° F.). Нужно, однако, думать, что это далеко не точныя указанія и, быть можетъ, что даже разновидности трески, такъ называемая стадовая и береговая, хорошо извѣстныя рыбакамъ, избираютъ въ своемъ кочеваніи и на мѣстахъ кормежки разныя температуры. Это можно допустить на основаніи того обстоятельства, что на Явинскихъ банкахъ до глубины 20 саж. встрѣчается треска бо̀льшихъ размѣровъ, но хуже; она не отходитъ дальше и глубже, и потому здѣсь американцы обыкновенно не ловятъ; настоящая промысловая треска ловится только на глубинѣ 30—40 саж. и стоитъ по морскому дну полосой, шириною около 1 версты, направляясь всегда противъ теченія, идущаго около этихъ мѣстъ съ сѣвера. Треска раньше всего появляется противъ рр. Озерной и Явинской и держится здѣсь, пока не подойдетъ проходная рыба; тогда первая начинаетъ постепенно подвигаться къ С. С.-З. до траверза озера Келатикъ, оттуда поворачиваетъ на С.-З. и поднимается до параллели Большерѣцка. Отсюда треска уходитъ въ концѣ сентября прямо на З., — и тогда ловъ ея прекращается. Эта полоса тресковаго стойбища рѣзко ограничена; стоитъ только даже на 2 саж. удалиться за черту, то обыкновенно ничего не ловится. Рыбаки, бывшіе здѣсь нѣсколько разъ, хорошо знаютъ эти условія, а также

и характеръ морского дна, что крайне важно для успѣшнаго промысла.

Береговая треска большею частію покрыта ракообразными паразитами и мясо ея хуже вкусомъ; изъ второй группы (т. е. съ глубины 30—40 саж.) ловится исключительно крупная, не меньше 28 дюймовъ (т. е. 1 аршина), остальная выбрасывается за бортъ шхуны; причемъ, какъ только треску достанутъ на палубу, сейчасъ отрѣзаютъ голову, чтобы спустить кровь. Тогда мясо ея бываетъ совсѣмъ бѣлое и лучше на вкусъ. Американскія шхуны обыкновенно имѣютъ 20—25 человѣкъ команды, съ отдѣльной шлюпкой для каждаго рабочаго, имѣющаго отъ 4 до 6 удочекъ, которыми онъ и ловитъ треску, опуская ихъ всегда до дна. Лучшія мѣста лова трески находятся противъ сел. Явино и р. Итудиски, гдѣ напр. въ 37 дней 15 рыбаковъ поймало 180.000 шт.; здѣсь не такое сильное теченіе, какъ въ другихъ пунктахъ тресковыхъ банокъ, въ особенности во время полнолунія. Въ теченіи дня обыкновенно вылавливаютъ отъ 600 до 900 штукъ на каждаго; самъ рыбакъ вычищаетъ внутренности и солитъ (около $2^1/_2$ ф. соли на штуку), отдѣльно собирая печени, которыя идутъ на приготовленіе такъ называемаго жира; причемъ они обязаны слѣдить, не попадется ли зеленая печень, что означаетъ больную рыбу, отъ которой жиръ уже не годится. Для приготовленія жира на каждой шхунѣ есть паровая машинка; добыча жиру за $1^1/_2$ мѣсяца лова равняется приблизительно 10 тысячамъ галлоновъ.

При посолкѣ, кости вынимаются прочь, языки солятся отдѣльно и составляютъ большое лакомство; на 1000 шт. при судовой, крутой посолкѣ, идетъ около, тонна соли; такимъ образомъ для 180,000 штукъ трески, что считается нормой улова, каждая шхуна въ 360 регистрованныхъ тоннъ водоизмѣщенія, запасается солью около 200 тоннъ.

Спрашивается теперь, что же давалъ тресковый промыселъ американцамъ? Шхуна плаваетъ изъ Санъ-Франциско и обратно пять мѣсяцевъ; мѣсячное содержаніе ея, съ жалованьемъ и содержаніемъ служащимъ обходится около 2 т., или за 5 мѣсяцевъ=10,000 долларовъ; задѣльная плата: первому штурману 35 долл. за тысячу, второму — 30 долл., третьему — 27 долл. и рабочимъ—по 25 долл.; или за все количество 5,775 долл.; всего расходовъ около 16,000 долларовъ., а получается за продажу въ сыромъ видѣ соленой трески 40 т. долл., за жиръ, считая по $1^1/_2$ долл. за галлонъ = 15,000,

итого хозяину остается около 39.000 долл., не считая конечно стоимости шхуны, ея вооруженія, расходовъ по документамъ, страховкѣ и пр. Иначе сказать, что одна только задѣльная плата служащимъ на шхунѣ почти равняется стоимости всего соболинаго промысла южной Камчатки; отсюда съ очевидной ясностью вытекаетъ вся важность трескового промысла и его экономическая роль въ будущей жизни камчадаловъ; — промысла, который до сихъ поръ для нихъ пропадалъ даромъ [1]).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другого, возможнаго на Охотскомъ побережьѣ, промысла сельди, уйковъ и корюхи. Эти три сорта рыбы въ пищу не употребляются и только въ 3—4 пунктахъ заготовляются для собачьяго корма; впрочемъ, раза два приходилось видѣть въ коряцкихъ поселкахъ Пенжинской губы, зимой 1896—7 г., какъ жители во время голода питались сушеной корюшкой. Но въ общемъ каждый инородецъ брезгаетъ этой мелкой и на его взглядъ невкусной рыбой. Между тѣмъ количество названныхъ породъ рыбъ такъ колоссально велико, что могло составить предметъ выгодной эксплоатаціи для приготовленія какъ пищевыхъ консервовъ, такъ и удобрительнаго тука, для сбыта котораго главнымъ рынкомъ является Японія. При этомъ невольно вспоминается исторія астраханской селедки, которая также, до изслѣдованія Бэра, громадными массами входила изъ Каспійскаго моря въ Волгу, не принося жителямъ никакой пользы и не играя никакой роли въ экономической жизни края. Только немногіе жители устья Волги въ то время занимались жиротопленіемъ селедки; Бэръ первый указалъ на каспійскую селедку

---

[1]) На восточномъ побережьѣ Сибири было нѣсколько русскихъ попытокъ заняться ловомъ и вывозомъ трески; такъ въ 1863 г. судохозяинъ Тунишевъ въ заливѣ Де-Кастри ловилъ треску въ 7—8 миляхъ отъ берега; на глубинѣ 20—30 саж.; въ маѣ треска нэ ловилась; 7-го іюня добыто 284 рыбины, а самое большее 24-го іюня—271 шт. Съ 1884—5 г. Семеновъ (на Сахалинѣ) заготовилъ 3.000 пудэвъ соленой трески и вывезъ въ Японію; въ 1896 г. только 709 пудовъ (по даннымъ у Крамаренко). Этой послѣдней цифрѣ мы мало придаемъ вѣроятія, потому что, живя конецъ зимы и весну 1895—6 г. въ Японіи, мы вездѣ, въ Нагасаки, Кобе и Іокогамѣ встрѣчали сушено-соленую треску, составляющую любимое кушанье японцевъ. Эта треска, по словамъ торговцевъ, привозится съ Сахалина чрезъ Хакодате, гдѣ главная биржа японскихъ сахалинскихъ рыбопромышленниковъ. Количество вывозимой съ Сахалина японцами рыбы возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Такъ, по оффиціальнымъ даннымъ видно, что въ 1893 г. на 44.202 іены; въ 1894 г. — на 63.197 іенъ; въ 1895 г. — на 107.144, а въ 1895 г. — на 251.781 р. Очень возможно, что соленая треска входитъ въ рубрику другихъ рыбъ, иначе трудно объяснить себѣ ея широкое распространеніе въ Японіи.

(Clupla caspica), какъ на важный пищевой продуктъ. Съ тѣхъ поръ эта рыба служила неисчерпаемымъ источникомъ дешеваго народнаго продовольствія и средствомъ обогащенія какъ для жителей всего Волжскаго побережья, такъ и сотенъ рыболовныхъ компаній. Богатство нѣсколькихъ извѣстныхъ фирмъ нажито исключительно селедочнымъ промысломъ.

Совершенно въ такомъ же положеніи теперь находится наше побережье Тихаго океана по отношенію селедочнаго промысла: прибрежные жители—русскіе и инородцы, избалованные обиліемъ крупныхъ лососевыхъ породъ, не интересуются маленькой селедкой и, благодаря своему низкому уровню образованія и отсутствію предпріимчивости, не понимаютъ тѣхъ громадныхъ выгодъ, какія имъ могла доставить подобная эксплоатація. Начиная отъ теперешней нашей границы съ Кореей, т. е. отъ р. Тюмень-Улы, селедка въ опредѣленное время идетъ вдоль берега такимъ громаднымъ руномъ, которое трудно выразить какими-нибудь приблизительными цифрами.

Къ числу промысловыхъ мѣстъ нужно отнести устья рр. Уды и Кухтуя, бухту Оджанъ, Авачинскую губу и восточный берегъ Гижигинскаго залива. Казаки послѣдняго округа передавали намъ, что, разъ попавъ въ селедочное руно, они съ большимъ трудомъ изъ него выбрались.

Кочеваніе селедки въ водахъ сѣверной части Тихаго океана представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ бухтахъ, лежащихъ около Владивостока, какъ напр. Славянка, Американская гавань и пр., селедка показывается около 10 Апрѣля и держится три недѣли; почти одновременно она появляется у Сахалинскихъ береговъ, главнымъ образомъ въ заливахъ Анива, Терпѣнія, и отчасти по западной сторонѣ острова. Эта селедка называется весенней и по своей формѣ напоминаетъ астраханскую; такъ называемая лѣтняя приходитъ въ іюлѣ мѣсяцѣ; она гораздо меньше первой (всегда не болѣе 5 вершковъ), но зато гораздо жирнѣй. Японцы-рыбаки признаютъ ее за особый видъ.

Въ Авачинской бухтѣ, если весна ранняя, то селедка обязательно появляется къ 9 мая; держится у береговъ, гдѣ мечетъ икру, которую, по увѣренію жителей, поѣдаютъ выходящіе изъ рѣкъ гольцы.

Второй разъ селедка приходитъ въ Петропавловскую гавань около половины іюля и также отличается по своей величинѣ, внѣшности и количеству жира. Около устья р. Камчатки селедка появляется иногда, одинъ разъ, въ концѣ августа, значительнымъ руномъ и за-

ходитъ въ Нерпичье озеро для метанія икры. Не смотря на массу, жители не промышляютъ ее даже для собачьяго корма, такъ какъ съ этою цѣлью уже успѣли запасти хахальцевъ, которыхъ черпаютъ чиручемъ прямо съ берега.

Дальше къ сѣверу селедка появляется около острожковъ Ивашкинскій, Дранка и Карага, гдѣ показывается, въ среднемъ, съ 15 іюня; она подходитъ къ устьямъ руномъ, но не промышляется жителями.

Наоборотъ по западному берегу Камчатки селедки мало и ея никогда не промышляютъ. Если разсматривать числа прихода селедки къ устью разныхъ рѣкъ, то оказывается, что она приходитъ почти одновременно (20—23 мая) въ Гижигу, Наяхано, Аянъ, Олу, Тауйскъ и Охотскъ. Приходъ всѣхъ рыбъ въ рѣки около Аяна и въ Уду наступаетъ гораздо позже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; такъ въ 1895 г. въ Аянѣ первая чавыча поймана 13 іюня, въ Удѣ кэта обыкновенно появляется около 1 іюля; между тѣмъ селедка приходитъ всего нѣсколькими днями позже (около конца мая), чѣмъ къ сѣверному берегу. Иначе сказать, что главное сельдяное руно проходитъ вдали отъ западнаго берега Камчатки, вѣроятно, въ западной половинѣ Охотскаго моря, и затѣмъ одновременно раздѣляется на нѣсколько вѣтвей къ своимъ роднымъ пунктамъ, причемъ удская вѣтвь, обходя затертые въ это время льдомъ Шантарскіе острова, должна немного опаздывать въ своемъ появленіи у устья рѣки.

Во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ масса сельди настолько велика и идетъ такъ густо, что, по словамъ всѣхъ жителей, тогда бываетъ невозможно гресть веслами на шлюпкѣ. Спрашивается теперь, какъ мы относимся къ этому богатству, которое предоставляетъ въ наше распоряженіе благодѣтельное море? Что касается Владивостоко-Сахалинскаго района, то селедочный промыселъ переживаетъ тотъ періодъ, какой былъ на устьѣ Волги 45 л. тому назадъ; въ Охотско-Камчатскомъ краѣ это добро просто пропадаетъ даромъ. По оффиціальнымъ даннымъ, приведеннымъ у Крамаренко [1]), въ 1896 г. съ Сахалина вывезено японцами селедочнаго тука 268,796 пудовъ; но такъ какъ въ среднемъ изъ одного пуда сырыхъ сельдей (140 штукъ) получается 10 фунт. тука, или на 1 пудъ тука нужно 560 шт. сырыхъ сельдей то, перемноживъ 560.268,796, получимъ болѣе 150 милл. (150.525,960)

---

[1]) Г. Крамаренко. Рыбопромышленность на южномъ Сахалинѣ. Отд. оттискъ. 1897 г.

селедки, которую японцы, превращая въ пресованный навозъ, вывозятъ на свою родину для удобренія рисовыхъ полей.

Послушаемъ теперь, что говоритъ по поводу ввоза въ Россію иностранной селедки главный инспекторъ рыбнаго дѣла, д-ръ Гриммъ [1]: въ Россію ежегодно ввозятъ иностранной селедки на сумму до 7 милл. рублей.

Такъ въ 1870 г.	привозъ	былъ	3.308,376	пуд.
» въ 1880 г.	»	»	4.422,951	»
» въ 1890 г.	»	»	5.432,252	»

Далѣе онъ замѣчаетъ, что привозъ этого товара сильно возрастаетъ; дѣйствительно въ 1896 г. этотъ ввозъ достигъ высшей цифры.

Если теперь стоимость нашей селедки, продающейся въ розницу, согласно указанію Гримма, примемъ въ 8 копѣекъ и допустимъ, при щедромъ расчетѣ, что на пудъ соленыхъ сельдей идетъ также 140 шт., то окажется, что японцы увозятъ въ видѣ удобрительнаго навоза ту массу сельдей, которую мы потомъ сами выписываемъ изъ-заграницы и уплачиваемъ за нее 12 милл. рублей (150.000,000 × 8 коп. = 12 милл. р.)

Въ послѣдніе годы, съ уменьшеніемъ астраханскаго сельдяного промысла и возрастаніемъ цѣнъ какъ на нашу, такъ и на привозную селедку, уплачиваемая нами за границу сумма возрасла до почтенной цифры 17 милл. рубл. вмѣсто 40 т. р., которые мы выручаемъ, какъ пошлину, съ японскихъ и русскихъ промышленниковъ Сахалина. Нельзя сказать, чтобы такое хозяйство можно было назвать расчетливымъ и раціональнымъ; существующую потребность русскаго населенія въ сельди мы съ избыткомъ могли бы удовлетворить товаромъ отечественнаго производства: для этого мы располагаемъ чрезвычайно богатыми настоящею сельдью пунктами не только на Сахалинѣ, но и во многихъ мѣстахъ Охотскаго и Берингова морей. Сдѣланные намъ опыты засолки камчатской сельди въ 1892, 1893 и 1897 гг., дали прекрасные результаты, не смотря на то, что для посола употреблялась американская, японская и русская (изъ Одессы) соль. Извѣстно, что сельдь по своей нѣжности требуетъ соли опредѣленной крѣпости и состава, разумѣя подъ послѣднимъ

[1]) Гриммъ. Къ вопросу о ввозѣ сельди и сельдяномъ промыслѣ. Отд. отт. изъ «Вѣстн. рыбоводства и рыболовства» 1894, № 12.

извѣстныя постороннія примѣси другихъ солей, для того, чтобы дать хорошій консервъ. Мы не могли въ этихъ опытахъ употребить лучшую для посолки сельди португальскую соль (St. — Vbes), за неимѣніемъ ея въ продажѣ на Востокѣ, а нѣсколько измѣнили способъ посолки примѣсью другихъ веществъ. Полученные результаты оказались настолько хороши, что мѣстные торговцы и жители, для собственныхъ нуждъ, стали пользоватся этимъ способомъ.

Сельдяной промыселъ Охотско-Камчатскаго побережья мы считаемъ настолько важнымъ не только въ экономической жизни окраины, но и всей Россіи, что недалеко то время, когда вся иностранная селедка, стоящая намъ теперь около 17 милл. руб., будетъ замѣнена отечественнымъ продуктомъ.

Съ другой стороны, не желая терять сбыта удобрительнаго тука, идущаго главнымъ образомъ въ Японію, мы могли бы для этой цѣли эксплоатировать тѣ массы уйковъ и корюхи и тѣ горы этихъ рыбъ, которыя выбрасываетъ на берегъ морской прибой въ разныхъ мѣстахъ. Уйки являются какъ-бы антогонистами сельди и показываются массами тамъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ не бываетъ первой: на восточномъ берегу Камчатки ихъ нѣтъ, только къ сѣверу, около Дранки, они изрѣдка показываются въ іюнѣ мѣсяцѣ; зато западный берегъ изобилуетъ настолько, что ихъ прямо черпаютъ мѣшками, ковшами и всякой другой посудой. Эта операція удобна еще потому, что уекъ идетъ только противъ вѣтра, т. е. тогда, когда вѣтеръ съ берега и когда значитъ прибой не мѣшаетъ такому патріархальному способу лова. Начиная отъ Большерѣцка до Каменскаго и Парени уйка встрѣчается, съ конца мая и весь іюнь, какъ говорятъ жители, «шибко много»; впрочемъ на этомъ пространствѣ есть рѣки, которыхъ не любитъ эта маленькая рыбка: таковы рр. Морошечная, Бѣлоголовая, Кавранская и Микина. За послѣднія 40 лѣтъ въ бухты Ольскую и Оджанъ только одинъ разъ уйки зашли вмѣстѣ съ селедкой, и кажется одно побережье г. Охотска одинаково посѣщается руномъ селедки и уйковъ.

Среди промысловыхъ рыбъ, малолюбимыхъ жителями, но современемъ могущихъ служить предметомъ дорогого экспорта нужно упомянуть семгу (Salmo Salar), свойственную только западному берегу Камчатки отъ Большерѣцка до Облуковины, попадающуюся иногда сѣвернѣе Авачинской губы, напр., у озера Калахтырка, и найденную Гекомъ въ заливѣ барона Корфа. Въ другихъ мѣстахъ Охотскаго побережья, какъ постоянная рыба, она вовсе не встрѣчается, а какъ

рѣдкость, ее видѣли въ рр. Армань и Тигиль. Главные промысла семги могутъ быть на рр. Утхолокской, Коловской, Крутогоровой, Сёможной и Нѣмчикъ, хотя эта рыба попадается и во всѣхъ промежуточныхъ рѣкахъ, за исключеніемъ Бѣлоголовой и Морошечной, гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ. Семга выбираетъ, какъ мы уже говорили, тундряныя и глубокія рѣки, а мелкихъ, какъ напр. Кавранская, избѣгаетъ. Зимуетъ въ рѣкахъ, въ глубокихъ илистыхъ ямахъ, къ веснѣ спускается на устье, но въ это время ее, даже при недостаткѣ пищи, не ловятъ, находя мясо ея сухимъ и невкуснымъ. На лѣто выходитъ въ море, откуда возвращается въ концѣ августа и въ началѣ октября чрезвычайно жирной.

Особыхъ консервовъ изъ нея не готовятъ, а, пользуясь наступающими заморозками, сохраняютъ въ цѣломъ видѣ.

Семга одна изъ пѣжныхъ рыбъ и начинаетъ метать икру только тогда, когда температура воды достигаетъ 10° С., хотя бы она зашла въ рѣки и раньше этого. Икрометаніе продолжается 5—12 дней; число икриьокъ отъ 5 до 6 т. на рыбу вѣсомъ въ 8 фунтовъ.

Разсмотрѣвъ рыбныя богатства края, которыя пока еще не эксплоатируются, перейдемъ къ тѣмъ рыбамъ, которыя служатъ для населенія насущнымъ хлѣбомъ и разсмотримъ туземные способы заготовленія запасовъ.

Такъ какъ рыба для здѣшняго жителя составляетъ, что называется, хлѣбъ и кашу, а подъ-часъ въ извѣстной формѣ деликатное лакомство, то способы приготовленія рыбныхъ консервовъ должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ. Но для того, чтобы войти въ подробности этого заготовленія и храненія, а вмѣстѣ понять самый способъ продовольствія, необходимо, на время покинувъ европейскую обстановку и извѣстную брезгливость, помириться съ мѣстными условіями суровой окраины и неряшливыми пріемами инородца.

Самымъ распространеннымъ и пожалуй по мѣстному самымъ удобнымъ консервомъ является ю к о л а. Для приготовленія юколы только что пойманную рыбу распластываютъ прямо на травѣ такимъ образомъ, что срѣзаютъ лоскутъ брюха вмѣстѣ съ брюшнымъ плавникомъ,—это по мѣстному называется п у п о к ъ. Затѣмъ вдоль позвоночнаго столба отъ головы снимаютъ двѣ пластины б о ч к о в ъ, не раздѣляя ихъ у хвоста и оставляя на костяхъ часть мяса; голова нѣкоторыхъ рыбъ также отрѣзается. Такимъ образомъ изъ одной рыбы получаются слѣдующія части: 1) двѣ боковыя пластины, соединенныя хвостомъ, которыя потомъ вѣшаются на шестахъ для подвяли-

ванія и просушки; 2) головки, которыя слегка засаливаются въ деревянной посудѣ; вслѣдствіе небольшого количества соли, съ теченіемъ времени, эти головки, какъ говорятъ здѣсь, закисаютъ, пріобрѣтая специфическій запахъ и вкусъ. Названный консервъ считается большимъ лакомствомъ, къ которому пристращаются даже европейцы; 3) пупки отдѣльно солятся и очень круто, иначе быстро портятся; 4) оставшійся позвоночникъ рыбъ, чаще съ головой, и небольшимъ слоемъ мяса сушится отдѣльно и служитъ только для собачьяго корма (фототипія, табл. XXXII).

Всѣ части рыбы, употребляемыя въ пищу человѣкомъ, раздѣлываются прямо на землѣ, гдѣ ходитъ скотъ и собаки, гдѣ вчера валялись кучки рыбнаго отброса, растасканныя щенками; никогда не обмываются и вѣшаются на жердяхъ; дальнѣйшая судьба этого консерва предоставляется капризной погодѣ и по временамъ сильно припекающему солнцу. Названные бочкй должны хорошо высохнуть и затвердѣть, чтобы сдѣлаться юколой. Дѣйствительно, при ясной и сухой погодѣ юкола скоро поспѣваетъ, т. е. сохнетъ на открытомъ воздухѣ; но уже съ конца іюня, а въ особенности въ іюлѣ появляется такъ называемый «плевокъ»: масса народившихся большихъ, сизо-стального цвѣта, мухъ начинаетъ осаждать васъ уже въ моментъ распластыванія рыбъ, откладывая кучи и длинныя ряды бѣлыхъ яичекъ. Инородецъ тутъ же соскабливаетъ всю эту дрянь ножомъ, но новыя тучи мухъ продолжаютъ снова залѣплять своими яйцами всю поверхность разрѣзанной рыбы. До нѣкоторой степени помогаютъ отъ мухъ дымокуры; но разъ вы повѣсили рыбу, отбиться отъ мухъ нѣтъ никакой возможности. Черезъ нѣсколько дней изъ этихъ яицъ развиваются прожорливыя личинки, тысячи которыхъ копашатся и ѣдятъ повѣшенную пластину; если не употреблять сильнаго дымокура и частыхъ сѣтокъ для огражденія рыбныхъ вѣшалъ, то отъ будущей юколы остается только голая и сухая кожа: все мясо частію съѣдено червями, частію закисло и отвалилось. Весь трудъ улова, пластованія и обкуриванія юколы пропалъ даромъ; инородцу приходится снова начинать приготовленіе запасовъ.

Совершенно тотъ же результатъ получается, если наступаютъ дожди и сырые теплые туманы: юкола тогда начинаетъ прѣть, закисаетъ, распространяя вокругъ нестерпимое зловоніе. Въ такихъ случаяхъ жители говорятъ, что юкола потекла; дѣйствительно, вы видите, что даже въ тихую погоду лоскутъ за лоскутомъ отрывается отъ кожи рыбы и падаетъ; мясо становится жидковато-слизистымъ,

блѣднымъ, иногда глинистаго цвѣта. При такомъ закисаніи, рыбная кожа превращается въ настоящій пергаментъ, а кости позвоночника—въ прекрасно-очищенный анатомическій препаратъ; такія кости потомъ не ѣдятъ даже собаки.

При сушеніи юколы чрезвычайно важное значеніе имѣетъ устройство вѣшалъ. Эти вѣшала дѣлаются различно: 1) открытыя, какъ въ Петропавловскѣ и Усть-Камчатскѣ; это обыкновенно четыре столба, соединенные между собою поперечными перекладинами, на которые кладутся тонкія жерди, а на эти послѣднія вѣшаются пластины рыбы, почти въ плотную, или небольше 1 вершка разстоянія. Подобныя вѣшала хотя и ставятся на открытыхъ мѣстахъ, по берегу рѣки, но они подвержены дѣйствію дождя и тумановъ, нападенію мухъ, откладывающихъ свои яица, и хищной птицы—воронъ, чаекъ и пр., которыя стадами держатся у такихъ кормовищъ; 2) закрытыя сверху вѣшала дѣлаются или одноэтажныя, въ формѣ обыкновенныхъ балагановъ (Тигиль, Апача, Облуковино, и пр.), или же 2—3 этажныя, какъ въ Нижне-Камчатскѣ и Ключевскомъ. Это есть общій типъ свайныхъ построекъ; на четырехъ—восьми столбахъ, разной высоты въ первой и второй категоріяхъ, въ верхней части укрѣпляются перекладины, скрѣпляющія угловые столбы и составляющія, такъ сказать, раму, на которой дѣлается изъ плахъ помостъ, ставятся балки и настилается крыша изъ травы или березовой коры, а въ Ключевскомъ изъ соломы. Такимъ образомъ, на высотѣ $1^1/_2$ до 2 саж. отъ земли получается кладовая, напоминающая чердаки нашихъ крышъ и служащая для зимняго храненія юколы. Если балаганъ одноэтажный, то юкола вѣшается въ одинъ горизонтальный рядъ на поперечныя жерди; въ двух этажныхъ вѣшалахъ, на высотѣ сажени, ставятся поперечныя перекладины изъ толстыхъ брусьевъ, а надъ ними на 2—3 аршина выше вторичныя перекладины, на которыхъ помѣщаются уже жерди съ развѣшанной юколой. Обыкновенно, сначала вѣшаютъ внизу, въ первомъ этажѣ, а какъ только юкола немного подвянетъ, ее переносятъ наверхъ, и тогда это отдѣленіе обтягивается старой сѣткой для защиты отъ хищныхъ птицъ.

Въ большинствѣ селеній Охотскаго округа вѣшала бываютъ двухъ родовъ: сначала юкола вянетъ на совершенно открытыхъ жердяхъ, при хорошей погодѣ; если же начались дожди или сырые туманы, то опасаясь, чтобы юкола не потекла, ее немедленно переносятъ въ особаго устройства балаганы. На столбахъ въ 4 арш. высоты кладется по два бревна (7 арш. длиной и 4—5 арш. шириной) вплот-

ную; затѣмъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, уменьшая длину, кладутъ еще два бревна плотно и т. д. Такимъ образомъ получается видъ обыкновеннаго балагана, только съ просвѣтами, которые всегда дѣлаются по направленію господствующихъ лѣтнихъ вѣтровъ; просвѣты двухъ нижнихъ бревенъ обшиваются корьемъ, а въ остальные кладутся жерди, на которыхъ развѣшиваютъ юколу. Она не выдается изъ-подъ нижняго вѣнца, закрыта отъ дождя и птицъ, а вслѣдствіе разницы температуры наружнаго воздуха и подъ этимъ куполомъ всегда получается достаточный токъ воздуха. Въ туманные дни при тихой погодѣ, для поддержанія тяги воздуха, а отчасти искусственной сушки, поддерживаются въ ямахъ небольшіе костры, отъ которыхъ нагрѣтый воздухъ проходитъ чрезъ ряды юколъ и подвяливаетъ ихъ.

Изъ этого описанія мы видимъ, что процессъ приготовленія пищевой юколы крайне неряшливъ, а самыя вѣшала не спасаютъ рыбы ни отъ массы мухъ и ихъ личинокъ, ни отъ закисанія въ дождливое время; дымокуры поддерживаются только во время распластыванія и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ при началѣ сушки. Найти пластину юколы не разъѣденную червями бываетъ крайне трудно; правда, охотскій способъ сушки юколы представляетъ нѣкоторый шагъ впередъ, хотя тоже не вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію. Во избѣжаніе напрасной затраты времени и труда, мы совѣтовали коптить рыбныя пластины, но жители увѣряютъ, что копченая юкола вредна для собакъ; съ искусственной сушкой жители не знакомы, хотя при богатствѣ лѣса это не представило бы большого затрудненія. Теперь же, при первобытныхъ пріемахъ, инородецъ часто бываетъ поставленъ въ безвыходное положеніе; представимъ себѣ, что въ селѣ, когда бываетъ главный ходъ рыбы, появилась муха и наступили дождливые или туманные не дни, а цѣлыя недѣли, какъ это мы наблюдали лѣтомъ 1897 г. въ Тигилѣ; всѣ сдѣланные запасы юколы попортились, а позже жители могли заготовить только ограниченное количество. Въ результатѣ получилась голодовка въ теченіи слѣдующей зимы;—и мѣстное начальство должно было придти само на помощь и пригласить коряковъ и ламутовъ принять участіе въ благотворительности нуждающимся.

Къ этимъ голодовкамъ Правительство всегда относилось крайне отзывчиво; мѣстные начальники предлагали много разныхъ мѣръ для предупрежденія и борьбы съ этимъ несчастіемъ, какъ увидимъ ниже, но никто, насколько мы знаемъ, до сихъ поръ не задавался вопро-

блѣднымъ, иногда глинистаго цвѣта. При такомъ закисаніи, рыбная кожа превращается въ настоящій пергаментъ, а кости позвоночника—въ прекрасно-очищенный анатомическій препаратъ; такія кости потомъ не ѣдятъ даже собаки.

При сушеніи юколы чрезвычайно важное значеніе имѣетъ устройство вѣшалъ. Эти вѣшала дѣлаются различно: 1) открытыя, какъ въ Петропавловскѣ и Усть-Камчатскѣ; это обыкновенно четыре столба, соединенные между собою поперечными перекладинами, на которые кладутся тонкія жерди, а на эти послѣднія вѣшаются пластины рыбы, почти въ плотную, или небольше 1 вершка разстоянія. Подобныя вѣшала хотя и ставятся на открытыхъ мѣстахъ, по берегу рѣки, но они подвержены дѣйствію дождя и тумановъ, нападенію мухъ, откладывающихъ свои яица, и хищной птицы—воронъ, чаекъ и пр., которыя стадами держатся у такихъ кормовищъ; 2) закрытыя сверху вѣшала дѣлаются или одноэтажныя, въ формѣ обыкновенныхъ балагановъ (Тигиль, Апача, Облуковино, и пр.), или же 2—3 этажныя, какъ въ Нижне-Камчатскѣ и Ключевскомъ. Это есть общій типъ свайныхъ построекъ; на четырехъ—восьми столбахъ, разной высоты въ первой и второй категоріяхъ, въ верхней части укрѣпляются перекладины, скрѣпляющія угловые столбы и составляющія, такъ сказать, раму, на которой дѣлается изъ плахъ помостъ, ставятся балки и настилается крыша изъ травы или березовой коры, а въ Ключевскомъ изъ соломы. Такимъ образомъ, на высотѣ $1^1/_2$ до 2 саж. отъ земли получается кладовая, напоминающая чердаки нашихъ крышъ и служащая для зимняго храненія юколы. Если балаганъ одноэтажный, то юкола вѣшается въ одинъ горизонтальный рядъ на поперечныя жерди; въ двух этажныхъ вѣшалахъ, на высотѣ сажени, ставятся поперечныя перекладины изъ толстыхъ брусьевъ, а надъ ними на 2—3 аршина выше вторичныя перекладины, на которыхъ помѣщаются уже жерди съ развѣшанной юколой. Обыкновенно, сначала вѣшаютъ внизу, въ первомъ этажѣ, а какъ только юкола немного подвянетъ, ее переносятъ наверхъ, и тогда это отдѣленіе обтягивается старой сѣткой для защиты отъ хищныхъ птицъ.

Въ большинствѣ селеній Охотскаго округа вѣшала бываютъ двухъ родовъ: сначала юкола вянетъ на совершенно открытыхъ жердяхъ, при хорошей погодѣ; если же начались дожди или сырые туманы, то опасаясь, чтобы юкола не потекла, ее немедленно переносятъ въ особаго устройства балаганы. На столбахъ въ 4 арш. высоты к..детсѧ по два бревна (7 арш. длиной и 4—5 арш. шириной)

ную; затѣмъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, уменьшая длину, кладутъ еще два бревна плотно и т. д. Такимъ образомъ получается видъ обыкновеннаго балагана, только съ просвѣтами, которые всегда дѣлаются по направленію господствующихъ лѣтнихъ вѣтровъ; просвѣты двухъ нижнихъ бревенъ обшиваются корьемъ, а въ остальные кладутся жерди, на которыхъ развѣшиваютъ юколу. Она не выдается изъ-подъ нижняго вѣнца, закрыта отъ дождя и птицъ, а вслѣдствіе разницы температуры наружнаго воздуха и подъ этимъ куполомъ всегда получается достаточный токъ воздуха. Въ туманные дни при тихой погодѣ, для поддержанія тяги воздуха, а отчасти искусственной сушки, поддерживаются въ ямахъ небольшіе костры, отъ которыхъ нагрѣтый воздухъ проходитъ чрезъ ряды юколъ и подвяливаетъ ихъ.

Изъ этого описанія мы видимъ, что процессъ приготовленія пищевой юколы крайне неряшливъ, а самыя вѣшала не спасаютъ рыбы ни отъ массы мухъ и ихъ личинокъ, ни отъ закисанія въ дождливое время; дымокуры поддерживаются только во время распластыванія и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ при началѣ сушки. Найти пластину юколы не разъѣденную червями бываетъ крайне трудно; правда, охотскій способъ сушки юколы представляетъ нѣкоторый шагъ впередъ, хотя тоже не вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію. Во избѣжаніе напрасной затраты времени и труда, мы совѣтовали коптить рыбныя пластины, но жители увѣряютъ, что копченая юкола вредна для собакъ; съ искусственной сушкой жители не знакомы, хотя при богатствѣ лѣса это не представило бы большого затрудненія. Теперь же, при первобытныхъ пріемахъ, инородецъ часто бываетъ поставленъ въ безвыходное положеніе; представимъ себѣ, что въ селѣ, когда бываетъ главный ходъ рыбы, появилась муха и наступили дождливые или туманные не дни, а цѣлыя недѣли, какъ это мы наблюдали лѣтомъ 1897 г. въ Тигилѣ; всѣ сдѣланные запасы юколы попортились, а позже жители могли заготовить только ограниченное количество. Въ результатѣ получилась голодовка въ теченіи слѣдующей зимы;—и мѣстное начальство должно было придти само на помощь и пригласить коряковъ и ламутовъ принять участіе въ благотворительности нуждающимся.

Къ этимъ голодовкамъ Правительство всегда относилось крайне отзывчиво; мѣстные начальн[illegible]лагали много разныхъ мѣръ для предупрежденія и [illegible]іемъ, какъ увидимъ ниже, но никто, нас[illegible]ь не задавался вопро-

крыши хорошо конопатятся и кромѣ того обшиваются двойнымъ слоемъ древесной коры, такъ что даже въ продолжительные дожди не бываетъ никакой течи; въ трубѣ устраивается особая крыша—колпакъ, который предохраняетъ отъ попаданія дождя. Если дождь сильный, тогда этимъ колпакомъ совсѣмъ закрываютъ отверстіе, а огонь поддерживаютъ маленькій. Надъ одной изъ такихъ коптиленъ въ Охотскѣ мы видѣли недурное приспособленіе: надъ дымовымъ отверстіемъ, на невысокихъ столбикахъ, сдѣланъ навѣсъ, далеко выходящій за края трубы, нижній край котораго находится выше отверстія послѣдней; такимъ образомъ, какой бы ни былъ сильный дождь съ вѣтромъ, вода никогда не попадетъ въ трубу поварни.

Жерди размѣщаются въ три послѣдовательныхъ ряда, одинъ надъ другимъ; такимъ образомъ позволяютъ копченіе гораздо большаго числа балыковъ, чѣмъ въ облуковинской коптильнѣ, именно отъ 2½ до 3 тысячъ разомъ. Посрединѣ коптильни вырывается яма, туда набрасывается исключительно выкидной тальникъ, лучше морской, чѣмъ рѣчной, который также не даетъ большого огня, а только клубы ѣдкаго дыма, отгоняющаго къ тому же мухъ. Огонь разводится прямо на полу; если поварни ниже указанныхъ, то вырываютъ ямы; когда навѣшано много балыковъ, то по угламъ разводятъ дополнительные маленькіе дымокуры.

Предварительно спинки рыбы обваливаются въ толченой и сухой соли, потомъ укладываются рядами въ бочкѣ и немного снова пересыпаются солью; причемъ спинки никогда не моются, иначе вкусъ балыковъ получается другой. Въ бочкахъ балыки оставляются нѣсколько дней, смотря по породѣ рыбы; такъ напр. кэтовые лежатъ 8—10 дней, а нярички 12 дней[1]). Послѣ этого споласкиваются не въ проточной водѣ, какъ въ Облуковинѣ, а въ разсолѣ; если дни ясные и жаркіе, балыки вывѣшиваются на солнце, на однѣ сутки, а потомъ переносятся въ поварню; если погода пасмурная и дождливая, то послѣдней операціи не дѣлается.

Въ коптильнѣ прежде всего балыки размѣщаются на верхнихъ жердяхъ (рукой человѣку не достать) на одинъ день, потомъ ихъ

---

[1]) Практика Ключевскихъ жителей выработала слѣдующія указанія для приготовленія балыковъ: спинки круто солятся и лежатъ также 10—12 дней, причемъ за это время ихъ перекладываютъ въ бочкѣ: верхніе слои внизъ, а нижніе—наверхъ; потомъ провяливаютъ и даютъ стечь разсолу. Коптятся въ теченіи мѣсяца и больше на сырыхъ дровахъ изъ тальника, гнилой березы и сырого кедровника; послѣднія дрова даютъ болѣе вкусную рыбу.

спускаютъ во второй рядъ, гдѣ они остаются отъ 10 до 14 дней, такъ какъ жителямъ хорошо извѣстно, что кэтовые балыки доходятъ скорѣе нyричьихъ; на верхній рядъ въ это время вѣшаются новыя. Отсюда балыки спускаются еще ниже, въ третій рядъ (на высотѣ плечъ человѣка) и остаются здѣсь до окончанія процесса копченія. Въ общемъ копченіе длится 45 дней, съ 1-го іюня до 15 августа; судить о превосходствѣ того или другого способа копченія балыковъ мы не рѣшаемся; для этого требуется рядъ сравнительныхъ наблюденій, но не можемъ не замѣтить, что облуковинскіе балыки гораздо выше охотскихъ по своему достоинству и по своимъ качествамъ ближе подходятъ къ донскимъ консервамъ.

Балыки не составляютъ распространеннаго консерва среди здѣшняго населенія, и готовятся только болѣе старательными и зажиточными жителями. Этотъ консервъ лучше, вкуснѣй и не подверженъ всѣмъ климатозоологическимъ невзгодамъ, какъ юкола; въ лѣсѣ для постройки коптиленъ никогда почти нѣтъ недостатка, за исключеніемъ 3—4 селеній всего побережья, а выкидной лѣсъ для дымокуровъ всегда можно найти на взморьѣ. Главная причина, почему не всѣ готовятъ балыки, это племенная лѣнь и апатичное равнодушіе къ удобствамъ собственной жизни, находящееся въ связи съ низкимъ уровнемъ развитія; она можетъ быть устранена только съ общимъ подъемомъ экономическаго быта и развитіемъ судоходства, когда представится возможность вывоза этого консерва.

Это уже и теперь сказывается на тѣхъ портахъ, куда аккуратнѣе и чаще заходятъ коммерческіе пороходы и военные суда. Такъ напр. въ послѣдніе годы вывозилось изъ Петропавловска и Усть-Камчатска порядочное количество балыковъ вмѣстѣ съ соленой сельдью, красной и пупками въ С.-Франциско и Владивостокъ; вывозъ, начавшійся съ нѣсколькихъ бочекъ рыбы и сотенъ балыковъ, уже теперь значительно улучшилъ положеніе жителей, занимавшихся приготовленіемъ консервовъ. Казаки и мѣщане Охотска ежегодно продаютъ на суда до 10,000 балыковъ—изъ кэты по 12 р., изъ нярки—по 15 р. за сотню, тогда какъ во Владивостокѣ они сбывались по 50—80 р. за сотню; иначе сказать комиссіонеры торговцы наживали на балыкахъ отъ 300 до 500%! Но и это уже было большимъ благодѣяніемъ для населенія, потому что отъ продажи балыковъ каждая семья зарабатывала около 100 р.

Соленіемъ рыбы въ краѣ мало занимаются, да и то преимущественно русскій элементъ населенія; только тунгусы Удского района

приготовляютъ небольшіе запасы соленой рыбы; остальнымъ инородцамъ соль недоступна и, можно сказать, не составляетъ необходимаго пищевого ингредіента. Какимъ образомъ совершаются въ организмѣ пищеварительные процессы безъ всякихъ слѣдовъ соли въ пищѣ и какъ это отражается на структурѣ и силахъ инородца, мы не знаемъ,—мѣстные врачи не интересовались этимъ вопросомъ; повидимому, этотъ пробѣлъ въ пищевомъ составѣ не имѣетъ серьезныхъ, вредныхъ послѣдствій, и съ несоленой пищей—мясомъ и рыбой инородецъ давно свыкся.

Мы уже говорили выше, что солятъ пупки, т. е. жирный лоскутъ брюшной стѣнки рыбы-самца, употребляемый въ пищу въ сыромъ или слегка свареномъ видѣ. Но главная посолка дѣлается изъ чавычи и красной; для этого съ рыбы срѣзается пластина, какъ для юколы; слизь кожи соскабливается ножомъ. Потомъ въ корытѣ или ночвахъ обваливается въ соли внутренней стороной; далѣе укладывается въ бочки, гдѣ слегка пересыпаютъ солью. Эту послѣднюю, также какъ и для балыковъ сушатъ, толкутъ и просѣваютъ чрезъ рѣшето; на 100 штукъ чавычи, т. е. на 200 пластинъ обыкновенно расходуютъ 2—$2^1/_2$ пуда соли. Такая посолка годна только для мѣстнаго потребленія и не сохраняетъ долго нѣжной и жирной рыбы, не смотря на то, что бочки все время стоятъ въ ледникахъ; если рыба готовится для вывоза, то ее перекладываютъ въ другую посуду и пересыпаютъ свѣжей солью. Но и этотъ способъ при длинныхъ перевозахъ не удовлетворяетъ своему назначенію; хорошая посолка, которая долго сохраняла бы рыбу и не вредила бы ея нѣжности, должна быть выработана эмпирически, на мѣстѣ, а не можетъ быть перенесена съ европейскихъ рыбъ и пріемовъ. Дѣло въ томъ, что всѣ породы здѣшнихъ морскихъ лососей отличаются необыкновенно нѣжнымъ мясомъ, отдѣльные слои котораго обособлены довольно значительнымъ слоемъ междумышечнаго вещества желатинозной консистенціи. При сохраненіи этихъ рыбъ въ спирту (70—85°/₀) этотъ слой свертывается и легко распадается при малѣйшемъ движеніи, а вмѣстѣ съ нимъ разъединяются и отваливаются мышцы. Указанное обстоятельство и служитъ непреодолимой помѣхой для доставки съ Востока спиртовыхъ препаратовъ; обыкновенное соленіе вызываетъ такое же распаденіе ткани, и рыба приходитъ въ Европейскую Россію или попорченой, если посолка была слаба, или въ видѣ трухи при крутой посолкѣ. Попытки Г. доставлять соленую чавычу и красную изъ Петропавловска въ Петербургъ, продолжавшіяся три

Рыбный запоръ на рѣкѣ.

сомъ объ улучшеніи способа сушки юколы и реорганизаціи существующихъ вѣшалъ. Это обстоятельство играетъ такую важную роль въ жизни инородца, что распространеніе болѣе усовершенствованнаго способа консервированія улучшило бы продовольствіе жителей.

Когда юкола окончательно высохла, то ее складываютъ въ балаганы или вышки, часто вмѣстѣ съ собачьимъ кормомъ.

Въ самомъ началѣ юколу иногда немного подсаливаютъ—конечно достаточные жители, и тогда она становится гораздо вкуснѣй.

Почти такимъ же образомъ, но еще болѣе неряшливо, готовится кочемазъ: рыба цѣликомъ распластывается вдоль на двѣ половины такимъ способомъ, что на одной сторонѣ остается костякъ позвоночника, а на другой—голова; внутренности выбрасываются, за исключеніемъ икры, которая сушится отдѣльно. Потомъ эта рыба подвѣшивается на жердяхъ и подвяливается; вслѣдствіе бо̀льшей толщины слоя мяса, а отчасти отъ присутствія костей она сохнетъ хуже и дольше, и скорѣй закисаетъ. Для пищи человѣка кочемазъ употребляется только въ исключительныхъ условіяхъ, а больше идетъ для корма собакъ.

Юколу ѣдятъ обыкновенно безъ всякаго приготовленія, отдирая зубами куски отъ кожи; иногда ее поджариваютъ на кострѣ, и если она соленая, то сильно возбуждаетъ жажду, отчего всѣ инородцы употребляютъ ее въ большомъ количествѣ. Часто юкола единственное и послѣднее блюдо; но если обѣдъ болѣе разнообразенъ и состоитъ изъ вареной рыбы, толкуши и другихъ мѣстныхъ приготовленій, то юкола всегда раньше съѣдается. Въ теченіи долгаго зимняго путешествія мы такъ привыкли къ юколѣ, не смотря на всю неврачность ея приготовленія, что принимались за чай или обѣдъ не иначе, какъ поѣвъ предварительно ея. Если бока рыбы срѣзываются тонкими пластинками и они не жирны, то ихъ ѣдятъ съ топленымъ и мерзлымъ жиромъ; послѣдній считается вкуснѣе.

Приготовленіе квашеныхъ, или кислыхъ головокъ рыбы, составляющихъ для многихъ здѣшнихъ жителей лакомое кушанье, является крайне неаппетитнымъ процессомъ: въ бочку кладутъ рыбью икру, иногда со всѣми внутренностями, и въ эту массу бросаютъ отдѣльныя головки, прижимая сверху доской. Здѣсь онѣ квасятся отъ 3 до 5 дней; затѣмъ, сполоснувъ ихъ въ водѣ, прямо употребляютъ, или немного засаливаютъ, для сохраненія на зиму въ погребахъ.

Второй, наиболѣе распространенный въ краѣ рыбный консервъ—это балыкъ. Для приготовленія балыка срѣзывается спинка рыбы съ

позвоночникомъ, а ребра съ мясомъ и голова удаляются прочь; связанные у хвоста два балыка перекидываются черезъ жерди (карбасникъ) въ поварняхъ или коптильняхъ и въ нѣсколько рядовъ помѣщаются другъ надъ другомъ. Балыки готовятся главнымъ образомъ изъ чавычи и красной, а у аянскихъ тунгусовъ—изъ микижи.

Мы опишемъ способъ приготовленія прекрасныхъ балыковъ, со словъ облуковинскаго торговца, который приготовляетъ лучшіе консервы, чѣмъ въ сел. Ключевскомъ и на Ключахъ, близь Петропавловска. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: у только-что пойманной чавычи срѣзается вся спина съ позвоночнымъ столбомъ, предварительно соскобливъ слизь ножомъ, но не обмывая; рядъ такихъ спинокъ въ деревянной посудѣ засыпается толченой и высушенной обыкновенной солью; черезъ сутки спинки вынимаются изъ соли, споласкиваются въ проточной водѣ и затѣмъ развѣшиваются на жердяхъ въ коптильнѣ. Устройство послѣдней слѣдующее: прямо на землю кладутся два вѣнца сруба; въ нихъ укрѣпляются по угламъ четыре столба, на высотѣ плечъ человѣка; на столбы опять кладутся 3—4 вѣнца, поверхъ которыхъ размѣщаются шесты для подвѣшиванія; крыша дѣлается изъ древесной коры, конусомъ, безъ потолка. Оставшееся по бокамъ коптильни пустое мѣсто забирается жердями и представляетъ прекрасныя условія вентиляціи; въ каждой сторонѣ верхней части сруба продѣлывается по одному окну для выхода дыма и нагрѣтаго воздуха по всѣмъ направленіямъ. Внутри такой коптильни, со входной дверью, въ земляномъ полу вырывается квадратная яма, глубиною около аршина, въ которой разводится не костеръ, а дымокуръ изъ гнилыхъ березовыхъ плахъ; дымокуръ аккуратно поддерживается днемъ и ночью; въ особенности это важно въ самомъ началѣ. Всѣ заботы хозяина направлены на то, чтобы совсѣмъ не было сильнаго огня, а чтобы поднимался только густой дымъ отъ тлѣющихъ плахъ. Въ такихъ коптильняхъ балыки остаются съ іюня до половины августа, что требуетъ массы хлопотъ и тщательнаго присмотра; но зато эти балыки всегда бываютъ толсты, сочны и замѣчательно нѣжны.

Въ Охотскѣ, гдѣ казаки занимаются приготовленіемъ большого количества балыковъ на продажу въ Якутскъ и Владивостокъ, коптильни устраиваются иначе: дѣлается обыкновенный бревенчатый срубъ изъ 15 вѣнцовъ, 7—8 арш. въ сторонѣ, съ плотно затворяющейся дверью; крыша дѣлается изъ бревенъ такимъ образомъ, что представляетъ четырехугольную пирамиду, съ усѣченной вершиной, которая служитъ отверстіемъ для выхода дыма. Стѣны и бревна

крыши хорошо конопатятся и кромѣ того обшиваются двойнымъ слоемъ древесной коры, такъ что даже въ продолжительные дожди не бываетъ никакой течи; въ трубѣ устраивается особая крыша—колпакъ, который предохраняетъ отъ попаданія дождя. Если дождь сильный, тогда этимъ колпакомъ совсѣмъ закрываютъ отверстіе, а огонь поддерживаютъ маленькій. Надъ одной изъ такихъ коптиленъ въ Охотскѣ мы видѣли недурное приспособленіе: надъ дымовымъ отверстіемъ, на невысокихъ столбикахъ, сдѣланъ навѣсъ, далеко выходящій за края трубы, нижній край котораго находится выше отверстія послѣдней; такимъ образомъ, какой бы ни былъ сильный дождь съ вѣтромъ, вода никогда не попадетъ въ трубу поварни.

Жерди размѣщаются въ три послѣдовательныхъ ряда, одинъ надъ другимъ; такимъ образомъ позволяютъ копченіе гораздо большаго числа балыковъ, чѣмъ въ облуковинской коптильнѣ, именно отъ $2^1/_2$ до 3 тысячъ разомъ. Посрединѣ коптильни вырывается яма, туда набрасывается исключительно выкидной тальникъ, лучше морской, чѣмъ рѣчной, который также не даетъ большого огня, а только клубы ѣдкаго дыма, отгоняющаго къ тому же мухъ. Огонь разводится прямо на полу; если поварни ниже указанныхъ, то вырываютъ ямы; когда навѣшано много балыковъ, то по угламъ разводятъ дополнительные маленькіе дымокуры.

Предварительно спинки рыбы обваливаются въ толченой и сухой соли, потомъ укладываются рядами въ бочкѣ и немного снова пересыпаются солью; причемъ спинки никогда не моются, иначе вкусъ балыковъ получается другой. Въ бочкахъ балыки оставляются нѣсколько дней, смотря по породѣ рыбы; такъ напр. кэтовые лежатъ 8—10 дней, а няричьи 12 дней [1]). Послѣ этого споласкиваются не въ проточной водѣ, какъ въ Облуковинѣ, а въ разсолѣ; если дни ясные и жаркіе, балыки вывѣшиваются на солнце, на однѣ сутки, а потомъ переносятся въ поварню; если погода пасмурная и дождливая, то послѣдней операціи не дѣлается.

Въ коптильнѣ прежде всего балыки размѣщаются на верхнихъ жердяхъ (рукой человѣку не достать) на одинъ день, потомъ ихъ

---

[1]) Практика Ключевскихъ жителей выработала слѣдующія указанія для приготовленія балыковъ: спинки круто солятся и лежатъ также 10—12 дней, причемъ за это время ихъ перекладываютъ въ бочкѣ: верхніе слои внизъ, а нижніе—наверхъ; потомъ провяливаютъ и даютъ стечь разсолу. Коптятся въ теченіи мѣсяца и больше на сырыхъ дровахъ изъ тальника, гнилой березы и сырого кедровника; послѣднія дрова даютъ болѣе вкусную рыбу.

спускаютъ во второй рядъ, гдѣ они остаются отъ 10 до 14 дней, такъ какъ жителямъ хорошо извѣстно, что кэтовые балыки доходятъ скорѣе няричьихъ; на верхній рядъ въ это время вѣшаются новыя. Отсюда балыки спускаются еще ниже, въ третій рядъ (на высотѣ плечъ человѣка) и остаются здѣсь до окончанія процесса копченія. Въ общемъ копченіе длится 45 дней, съ 1-го іюня до 15 августа; судить о превосходствѣ того или другого способа копченія балыковъ мы не рѣшаемся; для этого требуется рядъ сравнительныхъ наблюденій, но не можемъ не замѣтить, что облуковинскіе балыки гораздо выше охотскихъ по своему достоинству и по своимъ качествамъ ближе подходятъ къ донскимъ консервамъ.

Балыки не составляютъ распространеннаго консерва среди здѣшняго населенія, и готовятся только болѣе старательными и зажиточными жителями. Этотъ консервъ лучше, вкуснѣй и не подверженъ всѣмъ климатозоологическимъ невзгодамъ, какъ юкола; въ лѣсѣ для постройки коптиленъ никогда почти нѣтъ недостатка, за исключеніемъ 3—4 селеній всего побережья, а выкидной лѣсъ для дымокуровъ всегда можно найти на взморьѣ. Главная причина, почему не всѣ готовятъ балыки, это племенная лѣнь и апатичное равнодушіе къ удобствамъ собственной жизни, находящееся въ связи съ низкимъ уровнемъ развитія; она можетъ быть устранена только съ общимъ подъемомъ экономическаго быта и развитіемъ судоходства, когда представится возможность вывоза этого консерва.

Это уже и теперь сказывается на тѣхъ портахъ, куда аккуратнѣе и чаще заходятъ коммерческіе пороходы и военные суда. Такъ напр. въ послѣдніе годы вывозилось изъ Петропавловска и Усть-Камчатска порядочное количество балыковъ вмѣстѣ съ соленой сельдью, красной и пупками въ С.-Франциско и Владивостокъ; вывозъ, начавшійся съ нѣсколькихъ бочекъ рыбы и сотенъ балыковъ, уже теперь значительно улучшилъ положеніе жителей, занимавшихся приготовленіемъ консервовъ. Казаки и мѣщане Охотска ежегодно продаютъ на суда до 10,000 балыковъ—изъ кэты по 12 р., изъ нярки—по 15 р. за сотню, тогда какъ во Владивостокѣ они сбывались по 50—80 р. за сотню; иначе сказать комиссіонеры торговцы наживали на балыкахъ отъ 300 до 500%! Но и это уже было большимъ благодѣяніемъ для населенія, потому что отъ продажи балыковъ каждая семья зарабатывала около 100 р.

Соленіемъ рыбы въ краѣ мало занимаются, да и то преимущественно русскій элементъ населенія; только тунгусы Удского района

приготовляютъ небольшіе запасы соленой рыбы; остальнымъ инородцамъ соль недоступна и, можно сказать, не составляетъ необходимаго пищевого ингредіента. Какимъ образомъ совершаются въ организмѣ пищеварительные процессы безъ всякихъ слѣдовъ соли въ пищѣ и какъ это отражается на структурѣ и силахъ инородца, мы не знаемъ,—мѣстные врачи не интересовались этимъ вопросомъ; повидимому, этотъ пробѣлъ въ пищевомъ составѣ не имѣетъ серьезныхъ, вредныхъ послѣдствій, и съ несоленой пищей—мясомъ и рыбой инородецъ давно свыкся.

Мы уже говорили выше, что солятъ пупки, т. е. жирный лоскутъ брюшной стѣнки рыбы-самца, употребляемый въ пищу въ сыромъ или слегка свареномъ видѣ. Но главная посолка дѣлается изъ чавычи и красной; для этого съ рыбы срѣзается пластина, какъ для юколы; слизь кожи соскабливается ножомъ. Потомъ въ корытѣ или ночвахъ обваливается въ соли внутренней стороной; далѣе укладывается въ бочки, гдѣ слегка пересыпаютъ солью. Эту послѣднюю, также какъ и для балыковъ сушатъ, толкутъ и просѣваютъ чрезъ рѣшето; на 100 штукъ чавычи, т. е. на 200 пластинъ обыкновенно расходуютъ 2— 2½ пуда соли. Такая посолка годна только для мѣстнаго потребленія и не сохраняетъ долго нѣжной и жирной рыбы, не смотря на то, что бочки все время стоятъ въ ледникахъ; если рыба готовится для вывоза, то ее перекладываютъ въ другую посуду и пересыпаютъ свѣжей солью. Но и этотъ способъ при длинныхъ перевозахъ не удовлетворяетъ своему назначенію; хорошая посолка, которая долго сохраняла бы рыбу и не вредила бы ея нѣжности, должна быть выработана эмпирически, на мѣстѣ, а не можетъ быть перенесена съ европейскихъ рыбъ и пріемовъ. Дѣло въ томъ, что всѣ породы здѣшнихъ морскихъ лососей отличаются необыкновенно нѣжнымъ мясомъ, отдѣльные слои котораго обособлены довольно значительнымъ слоемъ междумышечнаго вещества желатинозной консистенціи. При сохраненіи этихъ рыбъ въ спирту (70—85%) этотъ слой свертывается и легко распадается при малѣйшемъ движеніи, а вмѣстѣ съ нимъ разъединяются и отваливаются мышцы. Указанное обстоятельство и служитъ непреодолимой помѣхой для доставки съ Востока спиртовыхъ препаратовъ; обыкновенное соленіе вызываетъ такое же распаденіе ткани, и рыба приходитъ въ Европейскую Россію или попорченой, если посолка была слаба, или въ видѣ трухи при крутой посолкѣ. Попытки Г. доставлять соленую чавычу и красную изъ Петропавловска въ Петербургъ, продолжавшіяся три

Рыбный запоръ на рѣкѣ.

года, дали вполнѣ неудачные и отрицательные результаты. Опыты посолки лососей, предпринятые въ Корсаковскомъ посту, въ послѣдовательныхъ разсолахъ разной крѣпости, какъ это мы видѣли въ іюнѣ 1896 г., дали сравнительно лучшіе, хотя и не вполнѣ прекрасные результаты: взятые нами образцы, спустя двѣ недѣли, представляли въ разрѣзѣ слои неодинаковой посолки и цвѣта. Это указывало, что чрезъ болѣе продолжительные сроки подобная рыба могла оказаться внутри испорченной.

Мы отмѣчаемъ этотъ интересный фактъ, чтобы предупредить будущихъ предпринимателей отъ прямого переноса и приложенія русскаго способа посолки на охотско-камчатскую рыбу.

Посолка чавычи въ Камчаткѣ продолжается только до 1 іюля, такъ какъ послѣ этого она идетъ сухая и мало вкусная; пряностей никакихъ не кладутъ въ рыбу; головки, шаглы (жаберная крышка), спинки и пупки солятся отдѣльно отъ пластинъ, съ небольшимъ количествомъ соли (около 10 фунтовъ на 100 шт.).

Въ Охотскомъ округѣ, гдѣ чавыча появляется единичными экземплярами, а также въ нѣкоторыхъ камчатскихъ острожкахъ, описаннымъ способомъ солятъ красную рыбу, причемъ на сотню рыбинъ употребляется только 20 ф. соли; бочки и корыта съ соленой рыбой держатся въ амбарахъ и рѣдко въ погребахъ; благодаря этому, такая соленая рыба всегда съ особымъ «душкомъ», который даже нравится жителямъ, не вызывая разстройства желудочно-кишечнаго канала.

Кромѣ трехъ названныхъ консервовъ готовятъ, хотя въ ограниченномъ количествѣ и рѣдко, порсу. Порса есть порошокъ изъ рыбы, или рыбная мука; она приготовляется или изъ юколы, которая, будучи высушена хорошо, растирается въ порошокъ, или изъ вареной рыбы, которая потомъ подвяливается и окончательно, въ истертомъ видѣ, сушится на рогожахъ. Въ Камчаткѣ рыба для порсы варится въ соленой водѣ и не вполнѣ и потомъ уже превращается въ порошокъ. Хорошо просушенная, она долго сохраняется въ оленьихъ сумкахъ, изнутри обшитыхъ березовой корой (т.-н. батангà), и употребляется инородцами съ примѣсью разныхъ ягодъ, какъ-то: брусники, шикши, морошки, голубицы; все это толкутъ въ ступкѣ и затѣмъ прибавляютъ какого-нибудь, чаще нерпичьяго, жиру. На каждую семью запасаютъ порсы, тамъ, гдѣ ее готовятъ, немного, 2—3 пуда. Намъ приходилось ѣсть супъ изъ порсы съ прибавлені-

емъ небольшого количества сухой зелени, который оказался вкуснымъ и питательнымъ.

Принимая это во вниманіе, а съ другой стороны въ виду дешевизны и портативности такого консерва, мы приготовили нѣсколько мѣшковъ такой порсы, которые были отправлены въ Тянь-зинъ для пробы. Дѣло въ томъ, что бѣдный китайскій рабочій, дорожащій каждой минутой времени и каждымъ кэшомъ (1/10 копѣйки), въ этой порсѣ могъ бы получить очень дешевый препаратъ для приготовленія супу: для этого нужно было только положить ложку—другую порсы въ чашку съ кипяткомъ, и черезъ нѣсколько минутъ получалось довольно хорошее кушанье, которое представляло для китайца еще то удобство, что стоило всего отъ нѣсколькихъ кэшъ до 1 цента. Къ сожалѣнію, проба, отправленная поздней осенью 1896 г., не дошла по назначенію; вторая проба, посланная изъ Камчатки въ маленькихъ деревянныхъ ведрахъ, и приготовленная нѣсколько иначе, дала хорошіе результаты по отзыву одного изъ русскихъ старожиловъ Тянь-зина. Конечно, для массоваго приготовленія порсы придется сдѣлать нѣкоторыя усовершенствованія въ сушкѣ и измѣненія въ способѣ приготовленія, примѣняясь ко вкусу китайцевъ; но во всякомъ случаѣ это дѣло обѣщаетъ хорошій успѣхъ и найдетъ себѣ обширный сбытъ среди рабочаго люда Китая.

Наконецъ, послѣдній способъ приготовленія рыбныхъ запасовъ это замораживаніе. Къ нему прибѣгаютъ уже тогда, когда начались морозы: пойманная рыба со всѣми внутренностями оставляется на воздухѣ и замерзаетъ, послѣ чего убирается на вышки; или же добытую въ октябрѣ (при началѣ холодовъ) рыбу подвѣшиваютъ на шестахъ, для чего въ хвостѣ дѣлается потомъ разрѣзъ въ особо-устроенныхъ ямахъ, называемыхъ **сайбами**. Сайба вырывается въ землѣ, преимущественно песчаной, на $1^1/_2$ арш. въ глубину и 5—6 арш. въ длину и ширину. Въ яму вставляется бревенчатый срубъ, который выходитъ на поверхность и въ стѣнки котораго вставляются въ горизонтальномъ положеніи рожны, или тальниковые шесты. Рыба размѣщается на этихъ шестахъ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и чтобы голова ея не касалась земли; тогда, какъ говорятъ инородцы, съ нея стекаетъ сокъ и рыба не портится. Но это послѣднее выраженіе нужно понимать примѣнительно къ мѣстнымъ вкусамъ и привычкамъ; пока рыба окончательно промерзнетъ, проходитъ нѣсколько дней, а иногда недѣли, и процессъ броженія, подъ вліяніемъ разложенія внутренностей и дѣятельности кишечныхъ паразитовъ, ощутительно да-

етъ себя чувствовать. Не смотря на то, что такія сайбы поверхъ бревенъ завалены землей и травой, запахъ сайбовой рыбы чувствуется издалека: подходя къ какой-нибудь избѣ селенія, вы никогда не ошибетесь насчетъ питанія подобной рыбой.

На каждый рожонъ вѣшается 10—20 рыбинъ и это называется грядкой; въ одной сайбѣ можетъ помѣститься до 2 т. штукъ.

Въ сайбахъ развѣшиваются большею частію осеннія рыбы, т. е. гольцы, осенняя кэта и пр. Охотскій ленокъ (его здѣсь называютъ ланокъ) идетъ позже въ рѣки, съ конца августа и въ началѣ сентября. Эта нѣжная и очень вкусная рыба переживаетъ сильныя метаморфозы при переходѣ изъ моря въ прѣсную воду. Какъ только онъ показался въ рѣкѣ осенью, мясо его краснаго цвѣта, носъ небольшой и короткій; спустя приблизительно недѣлю рыло вытягивается, дѣлается крючковатымъ и краснѣетъ, мясо становится бѣлымъ, а иногда бѣло-синеватымъ; причемъ замѣчается слабость и вялость движеній. Два послѣднія обстоятельства служатъ признакомъ заболѣванія, и тогда рыба выбрасывается; а обыкновенно въ замор номъ видѣ идетъ на строганину: это мѣстное, техническое выраженіе обозначаетъ, что мерзлую рыбу потомъ строгаютъ, какъ щепки для растопки, и въ этомъ сыромъ видѣ со всѣми внутренностями употребляютъ въ пищу. Для той же строганины употребляется прѣсноводный валекъ, котораго ловятъ главнымъ образомъ зимой, и ѣдятъ, обливъ «рыбныя стружки» уксусомъ, такъ какъ онъ очень жирный. Но вальковая строганина съ уксусомъ — деликатесъ мѣстной интеллигенціи, но — не населенія.

Въ дополненіе къ описаннымъ консервамъ нужно прибавить приготовленіе рыбьяго жиру, подъ которымъ не слѣдуетъ понимать нашъ, медицинскій жиръ, получаемый, какъ извѣстно, изъ печени трески; здѣшній рыбій жиръ получается изъ мяса рыбы подобно тому, какъ у насъ топятъ скотское сало. Этотъ жиръ готовится главнымъ образомъ изъ нярки, поэтому и называется нярчьимъ, или «постнымъ» жиромъ; онъ очень вкусный (по нашему безъ всякаго вкуса), жидкій, не застываетъ при обыкновенной температурѣ и прозрачный. Точно такой же жиръ вытапливается изъ осенней микижи; кромѣ того готовятъ топленый жиръ изъ нерпы (Phoca canina) и бѣлухи (Delphinus leucas), видъ кита, который всегда преслѣдуетъ рыбу по устьямъ рѣкъ; первый съ сильнымъ запахомъ, а второй — безцвѣтная, глицериноподобная жидкость, застывающая при 4—5° С. Всѣ названные сорта жировъ употребляются съ юколой, порсой, раз-

ными ягодами, горькими кореньями и въ чистомъ видѣ и, по увѣренію жителей, служатъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ, чтобы не замерзнуть въ дорогѣ, въ случаѣ сильной пурги: ни одинъ якутъ или тунгусъ не поѣдетъ въ дальній путь при большомъ морозѣ, не поѣвъ предварительно порядочнаго количества жиру или масла.

Изъ другихъ рыбныхъ запасовъ намъ остается упомянуть о собачьемъ кормѣ. При приготовленіи юколы мы уже говорили о томъ, что спинной хребетъ съ остатками мяса и головой сушится исключительно для собакъ; для нихъ идетъ кочемазъ, о которомъ упоминалось, или иначе называемая юхола; сушатъ хахальцы и рыбью икру. Вообще сухой кормъ исключительно употребляется въ дорогѣ и на большихъ переѣздахъ; для домашняго же прокорма, когда собаки мало работаютъ, служатъ аргизъ и квашеная рыба.

Охотскій аргизъ отличается отъ квашеной рыбы въ Камчаткѣ, хотя въ сущности для той и другой рыбы одинъ способъ сохраненія. Вырывается въ землѣ, преимущественно въ глинистомъ грунтѣ [1]) квадратная яма (4×4 арш.) глубиною до 2 арш., безъ бревенчатаго сруба, въ Охотскѣ и Камчаткѣ; въ нее пойманная рыба сваливается цѣликомъ. Въ большинствѣ мѣстъ на этой глубинѣ встрѣчается уже мерзлая земля, поэтому рыба частію замерзаетъ, частію начинаетъ киснуть, превращаясь въ безформенную массу съ отвратительнымъ и стойкимъ запахомъ. Поверхъ этой ямы набрасывается топольникъ, прикрываемый землей, это называется жополовая крышка. Въ Камчаткѣ эту рыбу прямо прикрываютъ шаламайникомъ (Spirea, s. Filipendula kamtschatica) и баранникомъ (Senecio cannabifolius) и засыпаютъ землей; въ этомъ видѣ она хранится до зимы, когда яму разрываютъ и когда вся окрестная атмосфера разитъ невозможнымъ зловоніемъ. Ямы для квашеной рыбы устраиваются не только вдоль рѣки, рядомъ съ селеніемъ, но даже между жилыми избами. Черезъ $1^1/_2$—2 года квашеная рыба превращается въ компактную глинообразную массу, которую собаки еще ѣдятъ; на 3-й годъ въ ней заводятся мелкіе черви (личинка моли, по увѣренію жителей); отъ кормленія такой квашеной рыбой собака начинаетъ сохнуть и теряетъ шерсть.

---

[1]) Въ песчаной почвѣ квашеная рыба, а равно и нерпичье мясо хуже сохраняется. Въ одной изъ такихъ ямъ около устья р. Тигиль мы видѣли цѣлую тушу нерпы со всѣми внутренностями, плавающими въ водѣ; туша лежала 2 недѣли съ мало измѣненнымъ мясомъ и, по словамъ хозяина, она сохранится до заморозковъ.

Вотъ тѣ немногіе и незатѣйливые консервы, которые мѣстные жители готовятъ изъ прекрасныхъ и замѣчательно вкусныхъ мѣстныхъ породъ рыбъ. Жалко смотрѣть, какъ нѣжное мясо чавычи и красной превращается въ мало симпатичную юколу, а жирная рѣчная форель—въ вонючій кочемазъ. Ихтіофагъ—инородецъ застылъ на низкой ступени развитія и въ заботахъ о собственномъ продовольствіи остался тѣмъ же полудикаремъ, какимъ нашли его первые завоеватели, 200 лѣтъ тому назадъ. Инородца никогда не учили ни раціональному способу лова, ни усовершенствованнымъ способамъ консервированія. Его даже не вразумили, что теперь практикуемый способъ сушки юколы крайне непрактиченъ и подверженъ всѣмъ случайностямъ погоды, и что безъ большого труда, но гораздо лучшихъ результатовъ можно достигнуть искусственнымъ способомъ высушиванія—даже въ первобытныхъ поварняхъ охотскаго обитателя.

Посолка рыбы медленно и туго развивается потому, что жители незнакомы съ производствомъ посуды, которую теперь выдѣлываютъ простымъ и плохимъ топоромъ; а главное, что соль, даже по казенной цѣнѣ, дорога и мало доступна инородцу, выручки котораго отъ обмѣна пушнины не всегда хватаетъ на уплату ясака и податей и на покупку чаю, табаку, прядева и другихъ предметовъ домашняго обихода. Правда, уже съ давнихъ поръ были устроены солеваренные заводы въ Охотскѣ и Камчаткѣ, но они предназначались для казачьей команды и матросовъ. Отъ этихъ заводовъ остались только одни воспоминанія [1]), но не сохранилось умѣнья добывать соль изъ морской воды; и странно, что только въ селеніяхъ Тауйскомъ и Ямскомъ, гдѣ не было этихъ казенныхъ солеваренъ, мы нашли соль мѣстнаго приготовленія, довольно оригинальнаго. Наливаютъ большую бочку [2]) морской воды, прибавляютъ туда золы отъ выкидного лѣса 1—2 пуда и даютъ отстояться въ теченіи 1—2 дней. Потомъ эту воду наливаютъ на небольшія сковороды и выпариваютъ; съ каждой сковороды получается отъ 1 до 1½ ф. соли грязноватаго

[1]) Существовавшій 80 л. близъ Охотска солеваренный заводъ упраздненъ въ 1877 г.; при работѣ каторжныхъ соль обходилась 15 р. 44½ коп., тогда какъ доставлявшаяся изъ Якутска стоила 8 р. за пудъ.

[2]) До Бэма соль продавалась въ Камчаткѣ по 6—8 р. за пудъ; въ 1764 г. Высочайше разрѣшено жителямъ солевареніе изъ морской воды, но по неимѣнію средствъ къ пріобрѣтенію всѣхъ необходимыхъ приспособленій частныя лица не могли начать этого производства. Бэмъ вываривалъ на казенномъ заводѣ соль, продавая ее жителямъ по 35 к. за пудъ; теперь она стоитъ около 2 р. за пудъ.

цвѣта, немного горьковатой. Въ теченіи дня одинъ человѣкъ можетъ приготовить едва 10 ф. соли. Этотъ оригинальный способъ добычи показываетъ, что жители не сохранили никакого воспоминанія о градирняхъ и варницахъ прежнихъ временъ; между тѣмъ распространеніе свѣдѣній о разныхъ способахъ добычи соли изъ морской воды могло бы оказать грамадное подспорье при заготовленіи рыбы.

Посмотримъ теперь, какое же количество описанныхъ рыбныхъ консервовъ необходимо для каждой семьи и каждаго собачьяго потяга.

Во второмъ томѣ читатель найдетъ ститистическія таблицы этихъ запасовъ для большинства селеній; здѣсь же мы разберемъ такъ сказать норму, паекъ рыбнаго довольствія, который нужно припасти лѣтомъ для зимняго сезона, начиная въ общемъ съ 1 ноября до 1 мая, когда къ сухому корму начинаетъ уже примѣшиваться свѣжая вахня, камбала, нерпичье и медвѣжье мясо.

Такъ по оффиціальнымъ даннымъ было заготовлено:

	Чис. душъ обоего пола.	Мороженой рыбы.	Соленой.	Юколы.	Всего штукъ [2].	На 1 душу въ 183 дня.	На 1 душу въ день.
Въ Охотскомъ окр. [1].	1.182	114.380	51.640	173.700	339.720	287 шт.	1.5 шт.
» Петропавловскомъ	6.300	103.112	166.475	1,264.300	1,533.887	227 шт.	1,2 шт.

И такъ, главнаго продовольствія на каждую душу и каждый день приходится въ Охотскомъ округѣ по $1^1/_2$ рыбины, а въ Петропавловскомъ по 1,2 штуки въ общей совокупности, что составляетъ около 1 ф. рыбной пищи.

Ниже мы увидимъ, что въ составъ довольствія здѣшнихъ жителей входятъ молочные продукты, мясо домашняго скота и дикихъ животныхъ, птица, картофель, ягоды и нѣкоторыя коренья и клубни; но въ общемъ все это составляетъ крайне незначительную часть зимнихъ запасовъ,—главной же основой все-таки служитъ рыба въ той или другой формѣ.

Мы исключаемъ изъ этого режима служащихъ казаковъ, получающихъ казенный паекъ муки и крупы; мы не говоримъ о бродя-

---

[1]) Мы беремъ число только однихъ осѣдлыхъ жителей, такъ какъ для нихъ рыба составляетъ все продовольствіе. Для Гижигинскаго округа, больше всего подверженнаго голодовкамъ, такихъ записей не ведется.

[2]) Цифры, приводимыя въ памятной книжкѣ Приморской области на 1896 г. не согласуются съ таковыми же, взятыми изъ отчетовъ окружныхъ начальниковъ.

чихъ инородцахъ, довольствующихся главнымъ образомъ олениной въ такомъ размѣрѣ, сколько можетъ съѣсть человѣкъ, а останавливаемся на питаніи осѣдлаго населенія, которое, какъ это ясно изъ приведенныхъ расчетовъ, всю свою жизнь живетъ въ проголодь.

Если мы возьмемъ за норму довольствія матросскій раціонъ изъ $3^1/_2$ ф. хлѣба, помимо мяса, крупы, масла и соли, то спрашивается, что же можетъ представлять только 1 ф. сушеной или вареной рыбы, какъ не голодный паекъ, какъ дачу ad minimum того, чтобы не умереть съ голоду?! Постоянное недоѣданіе, вѣчно одна и та же рыба безъ всякой приправы, безъ хлѣба и соли, всю жизнь этотъ тяжелый, неудобоваримый режимъ,—чего же можно ожидать отъ человѣка при такомъ плохомъ довольствіи? Онъ постоянно хочетъ поѣсть, мучимый въ то же время постоянной ноющей болью подъ ложечкой, т. е. упорнымъ катарромъ желудка; представился случай поѣсть много,—онъ объѣдается до отупѣнія и, какъ пьяный, засыпаетъ непробуднымъ сномъ.

Вотъ гдѣ кроется настоящій источникъ той лѣни и апатіи, которыя поражаютъ каждаго путешественника при первомъ знакомствѣ; здѣсь же лежатъ причины умственной непроизводительности и соціально-экономическаго застоя. Тамъ, гдѣ условія жизни сложились иначе, гдѣ не было такого постояннаго голоданія или потому, что окрестность представляла болѣе богатые пушные промысла, какъ сел. Апача, или осѣдлость не исключала оленеводства, какъ напр. въ Олюторскомъ и Вывнукахъ, жители, помимо высшаго уровня общаго здоровья, проявляли интересъ къ умственному развитію, зажиточности и разнымъ техническимъ производствамъ. Апачинцы сами содержатъ школу для дѣтей; пареньцы выработались въ прекрасныхъ кузнецовъ, снабжая теперь большую часть бродячихъ коряковъ своими издѣліями; олюторцы оказались рѣзчиками-художниками.

Запасы рыбнаго продовольствія, какъ видно изъ приложенныхъ таблицъ (т. II, прилож. 6-е), сильно колеблются; малое количество ихъ приходится на дождливые и сырые года, или обусловливается недоходомъ рыбы. Каждый осѣдлый инородецъ ѣстъ въ сутки не менѣе трехъ разъ; помноживъ это число на 183 (дни зимнихъ запасовъ), мы получаемъ такъ сказать норму продовольствія каждой взрослой души, т. е. почти 550 штукъ юколы, или на семью изъ 8 душъ—4,400. Если дѣти съѣдаютъ на половину меньше, тогда расчетъ ключевскаго старосты оказывается вѣрнымъ, (2,500 шт.). Между тѣмъ, какъ видно изъ бумагъ Петропавловскаго архива, особая комиссія,

цвѣта, немного горьковатой. Въ теченіи дня одинъ человѣкъ можетъ приготовить едва 10 ф. соли. Этотъ оригинальный способъ добычи показываетъ, что жители не сохранили никакого воспоминанія о градирняхъ и варницахъ прежнихъ временъ; между тѣмъ распространеніе свѣдѣній о разныхъ способахъ добычи соли изъ морской воды могло бы оказать грамадное подспорье при заготовленіи рыбы.

Посмотримъ теперь, какое же количество описанныхъ рыбныхъ консервовъ необходимо для каждой семьи и каждаго собачьяго потяга.

Во второмъ томѣ читатель найдетъ ститистическія таблицы этихъ запасовъ для большинства селеній; здѣсь же мы разберемъ такъ сказать норму, паекъ рыбнаго довольствія, который нужно припасти лѣтомъ для зимняго сезона, начиная въ общемъ съ 1 ноября до 1 мая, когда къ сухому корму начинаетъ уже примѣшиваться свѣжая вахня, камбала, нерпичье и медвѣжье мясо.

Такъ по оффиціальнымъ даннымъ было заготовлено:

	Чис. душъ обоего пола.	Мороженой рыбы.	Соленой.	Юколы.	Всего штукъ [2]).	На 1 душу въ 183 дня.	На 1 душу въ день.
Въ Охотскомъ окр. [1]).	1.182	114.380	51.640	173.700	339.720	287 шт.	1.5 шт.
» Петропавловскомъ	6.300	103.112	166.475	1,264.300	1,533.887	227 шт.	1.2 шт.

И такъ, главнаго продовольствія на каждую душу и каждый день приходится въ Охотскомъ округѣ по $1^1/_2$ рыбины, а въ Петропавловскомъ по 1,2 штуки въ общей совокупности, что составляетъ около 1 ф. рыбной пищи.

Ниже мы увидимъ, что въ составъ довольствія здѣшнихъ жителей входятъ молочные продукты, мясо домашняго скота и дикихъ животныхъ, птица, картофель, ягоды и нѣкоторыя коренья и клубни; но въ общемъ все это составляетъ крайне незначительную часть зимнихъ запасовъ,—главной же основой все-таки служитъ рыба въ той или другой формѣ.

Мы исключаемъ изъ этого режима служащихъ казаковъ, получающихъ казенный паекъ муки и крупы; мы не говоримъ о брода-

---

[1]) Мы беремъ число только однихъ осѣдлыхъ жителей, такъ какъ для нихъ рыба составляетъ все продовольствіе. Для Гижигинскаго округа, больше всего подверженнаго голодовкамъ, такихъ записей не ведется.

[2]) Цифры, приводимыя въ памятной книжкѣ Приморской области на 1896 г. не согласуются съ таковыми же, взятыми изъ отчетовъ окружныхъ начальниковъ.

чихъ инородцахъ, довольствующихся главнымъ образомъ олениной въ такомъ размѣрѣ, сколько можетъ съѣсть человѣкъ, а останавливаемся на питаніи осѣдлаго населенія, которое, какъ это ясно изъ приведенныхъ расчетовъ, всю свою жизнь живетъ въ проголодь.

Если мы возьмемъ за норму довольствія матросскій раціонъ изъ 3½ ф. хлѣба, помимо мяса, крупы, масла и соли, то спрашивается, что же можетъ представлять только 1 ф. сушеной или вареной рыбы, какъ не голодный паекъ, какъ дачу ad minimum того, чтобы не умереть съ голоду?! Постоянное недоѣданіе, вѣчно одна и та же рыба безъ всякой приправы, безъ хлѣба и соли, всю жизнь этотъ тяжелый, неудобоваримый режимъ,—чего же можно ожидать отъ человѣка при такомъ плохомъ довольствіи? Онъ постоянно хочетъ поѣсть, мучимый въ то же время постоянной ноющей болью подъ ложечкой, т. е. упорнымъ катарромъ желудка; представился случай поѣсть много,—онъ объѣдается до отупѣнія и, какъ пьяный, засыпаетъ непробуднымъ сномъ.

Вотъ гдѣ кроется настоящій источникъ той лѣни и апатіи, которыя поражаютъ каждаго путешественника при первомъ знакомствѣ; здѣсь же лежатъ причины умственной непроизводительности и соціально-экономическаго застоя. Тамъ, гдѣ условія жизни сложились иначе, гдѣ не было такого постояннаго голоданія или потому, что окрестность представляла болѣе богатые пушные промысла, какъ сел. Апача, или осѣдлость не исключала оленеводства, какъ напр. въ Олюторскомъ и Вывнукахъ, жители, помимо высшаго уровня общаго здоровья, проявляли интересъ къ умственному развитію, зажиточности и разнымъ техническимъ производствамъ. Апачинцы сами содержатъ школу для дѣтей; пареньцы выработались въ прекрасныхъ кузнецовъ, снабжая теперь большую часть бродячихъ коряковъ своими издѣліями; олюторцы оказались рѣзчиками-художниками.

Запасы рыбнаго продовольствія, какъ видно изъ приложенныхъ таблицъ (т. II, прилож. 6-е), сильно колеблются; малое количество ихъ приходится на дождливые и сырые года, или обусловливается недоходомъ рыбы. Каждый осѣдлый инородецъ ѣстъ въ сутки не менѣе трехъ разъ; помноживъ это число на 183 (дни зимнихъ запасовъ), мы получаемъ такъ сказать норму продовольствія каждой взрослой души, т. е. почти 550 штукъ юколы, или на семью изъ 8 душъ—4,400. Если дѣти съ[illegible]ловину меньше, тогда расчетъ ключевскаго ста[illegible](2,500 шт.). Между тѣмъ, какъ видно [illegible]хива, особая комиссія,

береговъ и устья рѣкъ; 2) сильное разлитіе рѣкъ; 3) загрязненіе рѣкъ и пр.

Второе обстоятельство въ сущности не мѣшаетъ ходу рыбы, а неуловъ ея обусловливается сносомъ запоровъ и маленькими сѣтками, ловить которыми на глубокой и быстрой водѣ нѣтъ возможности: рыба проходитъ или черезъ сѣтку или вдали отъ берега.

Въ вопросѣ о недоходѣ рыбы играютъ роль и другія обстоятельства; такъ недоходъ рыбы въ р. Гижигѣ 1897 г. безусловно зависѣлъ отъ пожара тундры предшествующимъ лѣтомъ, когда масса золы была смыта весенними водами.

Помимо этихъ причинъ, есть повидимому какія-то особенности рѣкъ (физико-химическаго характера), которыя не благопріятствуютъ проходу въ нихъ рыбы. Общее убѣжденіе то, что каждая морская лосось возвращается для икрометанія только въ свою родную рѣку и никогда не ошибается въ выборѣ, еслибы даже было два смежныхъ устья, причемъ первое забросано морскимъ прибоемъ и рѣчными наносами; рыба перебрасывается черезъ песчаную кошку и все-таки попадаетъ въ родную воду. Если устье рѣки заброшено иломъ или пескомъ, то лохи, перебрасываясь черезъ мели и борясь съ стремительными потоками, проникаютъ сомкнутыми рядами изъ моря. Съ удивительнымъ знаніемъ мѣста они попадаютъ наконецъ въ воду родной рѣки, на короткое время останавливаясь; это дѣлаютъ почти всѣ рыбы здѣшняго края, какъ-бы развѣдывая свойства знакомой среды. Мы часто наблюдали слѣдующую оригинальную картину: среди большого руна на самомъ устьѣ вдругъ однадвѣ рыбы начинаютъ бросаться изъ стороны въ сторону, отъ одного берега къ другому, выскакивая изъ воды и кувыркаясь въ воздухѣ. Такъ длится $^1/_2$—1 часъ; потомъ эти рыбы если поднимаются выше по рѣкѣ, то переворачиваются животомъ вверхъ и засыпаютъ у берега, въ самомъ началѣ; чаще же всего послѣ такихъ ажитированныхъ метаній, рыба поворачиваетъ назадъ и стремительно уходитъ въ море: жители говорятъ, что это чужая рыба, т. е. развившаяся изъ икры въ другой рѣкѣ и по ошибкѣ, съ руномъ другихъ, попавшая не въ свою родную воду. Поэтому нужно думать, что химическій составъ воды разныхъ рѣкъ, протекающихъ чрезъ неодинаковые геогностическіе породы и механическая примѣсь мелкихъ частицъ этихъ послѣднихъ очень легко узнаются рыбами, избирающими для себя болѣе благопріятную и сродную среду. Есть рѣки, куда не заходятъ горбуша и чавыча, а есть и такія, куда

совсѣмъ не идетъ рыба. Иннокентій, бывшій архіепископъ Камчатскій и Алеутскій, въ своихъ воспоминаніяхъ о поѣздкѣ по Камчаткѣ, упоминаетъ о р. Лѣсновской, какъ безрыбной, хотя это теперь только отчасти вѣрно; потому что изъ лососевыхъ рыбъ здѣсь нѣтъ чавычи и всегда мало красной, тогда какъ другихъ породъ много. Самыми безрыбными рѣками мы можемъ назвать р. Исхытнинъ, при устьѣ которой стоитъ поселокъ Мамечи, и р. Подкагирную; въ нихъ нѣтъ ни горбуши, ни красной, ни хайко, и потому жители вынуждены ѣздить въ другія мѣста: изъ Мамечи въ р. Пенжину, изъ Подкагирнаго на р. Шаманку.

Отчего бы не зависѣлъ недоходъ рыбы, но фактъ этотъ, къ сожалѣнію, повторяется черезъ извѣстные промежутки времени, разоряя и уменьшая и безъ того немногочисленное населеніе, и съ этимъ приходится считаться администраціи. Неуловъ рыбы напр. въ 1883 г. составляетъ исключительное явленіе и далеко превосходитъ бѣдствіе 1879 г., когда умерло голодной смертью около 300 душъ. Главныя причины постигшаго край бѣдствія лежали въ исключительныхъ метеорологическихъ явленіяхъ: послѣ снѣжной зимы долго тянется большой разливъ рѣкъ, во время котораго, какъ мы уже говорили разъ, жители не могли сдѣлать запасовъ, отчасти надѣясь на осенній ходъ; но тутъ, съ 10 авг., пошли проливные дожди, не прекращаясь до самыхъ заморозковъ.

Казна отпустила деньги, на которыя было пріобрѣтено 3.541 олень по $1^1/_2$ р. за голову [1]); въ дополненіе къ этому выдавалась мука изъ казенныхъ складовъ. Благодаря этому, случаевъ смерти не было; 19 іюня 1884 г. появилась рыба, и, по донесенію исправника, голодъ прекратился.

Осенью снова оказались въ Гижигѣ нехватки рыбныхъ запасовъ, требовавшія помощи правительства; въ 1886 г. возобновляется ходатайство объ отпускѣ 10 т. р. для пособія. Такимъ образомъ голодъ оказался хроническимъ явленіемъ и создавалъ привычку жить на счетъ другого и вѣчно обирать оленныхъ корякъ. Попрошайство до того сдѣлалось обыденнымъ явленіемъ, что даже при хорошемъ уловѣ каж-

[1]) По поводу голодовки 1883 и 1885 гг. жителей Гижиги существуетъ много интересныхъ подробностей; такъ одинъ тунгусъ, отказавшійся продать оленей, былъ посаженъ въ карцеръ и тамъ умеръ; у одного коряка взято было 200 оленей; спустя нѣкоторое время являются снова посланцы—казаки съ новымъ требованіемъ оленей. Тогда корякъ отвѣтилъ посланцамъ: вы еще хотите убить моихъ оленей, такъ вотъ сначала убейте моихъ дѣтей, а потомъ — и оленей: иначе мнѣ нечѣмъ будетъ ихъ кормить.

дый казакъ ѣдетъ къ бродячему коряку и заявляетъ по-корядки: братъ, у меня голодъ, дай оленя. Добродушный оленеводъ, руководимый чувствомъ своего религіознаго убѣжденія, что Аппапель дастъ за это больше, убиваетъ 1—2 оленей, не подозрѣвая хищническихъ наклонностей просителя.

Нужно замѣтить, что озера Гижигинской тундры изобилуютъ щуками, что стоитъ только на древкѣ или ремнѣ бросить кусокъ ровдуги въ озеро, какъ говорятъ сами казаки, такъ непремѣнно вытащишь щуку. Не смотря на то, что большинство этихъ озеръ лежитъ по близости и что щуки попадаются въ р. Черной, притокѣ Гижиги, никто изъ жителей не думаетъ, въ случаѣ недохода морской рыбы, заняться ловомъ прѣсноводной. Одновременное и широкое распространеніе голода въ Гижигинскомъ и Петропавловскомъ округахъ съ 1883 по 1886 гг. вызвало рядъ мѣропріятій, какъ со стороны окружного начальства, такъ и военнаго губернатора Приморской области. Въ первомъ случаѣ обращаютъ на себя вниманіе практичныя мѣры предупрежденія голодовокъ, предложенныя Гижигинскимъ окружнымъ начальникомъ и одобренныя высшей властью. Онѣ состояли въ слѣдующемъ:

1) Ежегодное полное снабженіе инородцевъ порохомъ и свинцомъ и, при отсутствіи у нихъ въ данное время платежей, выдача этихъ припасовъ въ долгъ, чего никогда не дѣлалось прежде; казенный долгъ, по свидѣтельству всѣхъ окружныхъ начальниковъ, инородецъ считаетъ самымъ важнымъ, и по этому предмету никогда не было недоимокъ.

2) Возможно большій привозъ въ Гижигу (до 25 пудовъ) казеннаго неводного прядева и соотвѣтствующее количество бѣлаго конскаго волоса для сѣтокъ на мальму.

3) Продажа главныхъ предметовъ жизненнаго обихода населенію по казенной цѣнѣ и отпускъ ихъ, при очевидной необходимости, въ долгъ подъ росписку старосты и на отвѣтственность общества.

и 4) Присылка въ Полицейское Управленіе 1,000 р. изъ инородческаго капитала для выдачи ссудъ подъ % нуждающемуся населенію и покупка на эти деньги существенныхъ предметовъ потребленія.

Послѣдняя мѣра дала особенно хорошіе результаты: тысяча рублей теперь возвращена, а взамѣнъ ея образовался мѣстный инородческій капиталъ, въ 3 т. рубл., на который ежегодно покупается желѣзо, чай, табакъ, продаваемые жителямъ вдвое дешевле, чѣмъ у

мѣстныхъ торговцевъ; та же самая мѣра была введена въ Охотскомъ округѣ, но потерпѣла неудачу. Тогда же случился полный недоходъ, захватившій все Гижигинско-Камчатское побережье; уже въ началѣ зимы жители стали терпѣть сильную нужду, не думая больше о своихъ собакахъ, между которыми открылся сильный падежъ.

Всякое сообщеніе на полуостровѣ прекратилось; не на чемъ было доставлять даже казенной муки; бродячіе коряки и ламуты, давшіе много оленей во время предшествовшихъ голодовокъ, теперь были въ безвыходномъ положеніи, при новомъ обращеніи къ нимъ за помощью, хотя и пожертвовали безплатно 500 оленей, да столько же могли уступить за плату. Изъ 60 острожковъ только 6—7 заявили, что хотя у нихъ ощущается недостатокъ корма какъ для себя, такъ и для собакъ, но они кое-какъ могутъ пробиться и на свои средства добыть пропитаніе. Къ этому несчастію прибавилось новое: зима 1890—91 г. настолько была снѣжная и съ такими вѣтрами, что весь кедровникъ, шишки котораго служатъ соболю пищей, забило; вслѣдствіе этого пушной промыселъ оказался настолько ничтожнымъ, что жители не запомнятъ ничего подобнаго.

Тогда по предложенію военнаго губернатора при окружномъ управленіи образована была комиссія, съ участіемъ сельскихъ старостъ, для изысканія мѣръ: 1) по предупрежденію въ будущемъ голодовокъ, происходящихъ въ средѣ камчадальскаго населенія, и 2) къ сохраненію соболинаго промысла и предупрежденія отъ совершеннаго его истребленія.

Въ своихъ протоколахъ названная комиссія приходитъ къ тому заключенію, что въ недоходѣ рыбы, падежѣ собакъ и въ своемъ голодѣ виноваты сами камчадалы, и полагаетъ, что для безбѣднаго продовольствія населенія и собакъ достаточно по одной рыбкѣ на душу и собаку и что для всего населенія Камчатки требуется упромыслить 2.204,090 рыбъ для людей и 2.453.730 штукъ для собакъ; всего 4.657,820 рыбъ.

Если эти расчеты комиссіи сравнить съ бывшими заготовками корма какъ для себя, такъ и для собакъ, напр. за 1895 г., то оказывается, что въ этомъ году для жителей было запасено разнаго вида рыбныхъ консервовъ 1.533,887 штукъ и для собакъ 1.387,230 штукъ, всего 2.921,117, или круглымъ числомъ 3 милл. рыбинъ,—и голода не было; между тѣмъ изъ данныхъ той же комиссіи (§ 4) оказывается, что въ 1889 г. всего добыто рыбъ 3.174,183 шт.,

а между тѣмъ свирѣпствовалъ голодъ въ 27 селеніяхъ и былъ сильный падежъ на собакъ.

Правда, относительно нѣкоторыхъ селеній, въ бумагахъ окружного архива помѣчено, что собаки падали отъ кашля, насморка и воспаленія глазъ, но въ большинствѣ случаевъ, нужно думать,—отъ голоду. Иначе сказать, въ одномъ случаѣ не было голода (1895 г.) при сравнительно меньшемъ запасѣ рыбнаго корма, а въ другомъ (1889 г.)—при почти нормальномъ, по оффиціальнымъ даннымъ, запасѣ рыбы былъ сильный голодъ между людьми и моръ собакъ; такимъ образомъ причина голода осталась невыясненной.

Что неводное прядево изъ купеческихъ лавокъ не по карману инородцамъ и что въ нѣкоторыхъ острожкахъ не оказалось ни одной сѣтки и бата, въ этомъ служитъ помѣхой «не безпечность о личномъ существованіи и не незнакомство съ болѣе тяжелымъ трудомъ при легкомъ взглядѣ на жизнь», какъ полагала комиссія, а простая, печальная невозможность купить неводного прядева и создать «должныя приспособленія для экономичной заготовки рыбы въ прокъ». Самая комиссія указываетъ, что отъ пушного промысла, т. е. единственнаго въ краѣ заработка, въ 1890 г. на каждую душу приходилось, за уплатой податей, ясака и и другихъ повинностей, по 4 р. 77 к., а по западному берегу полуострова еще меньше (3 р. 30 коп.), то спрашивается, откуда же взять камчадалу средствъ на покупку прядева для сѣтки?

Что касается «должныхъ приспособленій и экономической заготовки рыбъ», то камчадалъ или корякъ, подавленный тяжелою борьбою съ суровыми условіями жизни, вѣчно полуголодный, могъ-ли онъ придумывать и создавать усовершенствованія въ орудіяхъ лова и способахъ заготовленія, не имѣя никакого представленія ни о чемъ другомъ, кромѣ своей жалкой среды; безграмотный и не въ состояніи позаимствоваться отъ кого-нибудь техническими знаніями, гдѣ онъ могъ научиться, какъ лучше солить рыбу, какъ выварить изъ морской воды соль и какъ предупредить гніеніе бата окраской его посредствомъ того же нерпичьяго жира съ прибавленіемъ какой-нибудь цвѣтной глины (какъ здѣсь называютъ нѣкоторыя природныя минеральныя краски, встрѣчающіяся въ изобиліи)?

Во всѣхъ жгучихъ вопросахъ крайней нужды, вмѣсто образованія и обученія инородца техникѣ промысла и ремеселъ, мы встрѣчаемъ часто только предписанія, чтобы жители занялись огородами и завели въ каждомъ хозяйствѣ (предписаніе 1890 г.):—1) лодку, сѣть,

амбаръ для склада продовольствія, вѣшала для сушки; 2) чтобы жители въ соотвѣтствующее время приступали къ заготовленію сѣна, дровъ, рыбныхъ запасовъ въ размѣрѣ годового потребленія. Камчатская комиссія 1891 г. снова подняла вопросъ о переселеніи камчадаловъ съ одного берега на другой, о запрещеніи имъ принимать отъ купцовъ на храненіе товары и самимъ заниматься торговлею по развозному свидѣтельству. Кромѣ того жители обязывались имѣть двойной запасъ рѣчныхъ запоровъ и вѣшалъ и кромѣ того поварни, личныя сѣти и общественный неводъ. 14 мѣропріятій этой комиссіи должны были облагодѣтельствовать камчадаловъ; но, къ сожалѣнію, большинство ихъ осталось на бумагѣ мѣстнаго архива, а съ другими не согласился военный губернаторъ.

Жители однако продолжали влачить свое неприглядное существованіе, довольствуясь, за незнаніемъ лучшаго, рѣчными запорами, маленькими сѣтками и прежними вѣшалами, на которыхъ рыба также киснетъ и пропадаетъ.

Перейдемъ теперь къ другому не менѣе важному занятію жителей—промыслу звѣря. Среди промысловыхъ животныхъ, безспорно, первое мѣсто принадлежитъ соболю, который послужилъ рычагомъ открытія новой землицы, когда-то составлялъ неисчерпаемое богатство края и наконецъ навлекъ на жителей несчастіе разоренія вслѣдствіе хищническаго способа добычи.

Въ исторіи завоеванія Сибири и ея колонизаціи соболь игралъ самую важную роль,—и на знамени всѣхъ дружинъ, начиная съ Ермака до пятидесятника Атласова нужно было бы изобразить это красивое, злое и боязливое животное съ черно-пушистымъ и дорогимъ мѣхомъ.

Соболь, какъ извѣстно, принадлежитъ къ многочисленному семейству «благородныхъ» хищниковъ—хорьковыхъ (Mustellidae), представители котораго, говоритъ Сабанѣевъ [1]), не смотря на свою незначительную, даже малую величину, занимаютъ видное мѣсто въ экономіи человѣка. Соболь теперь истребленъ въ Европѣ и оттѣсненъ къ сѣверо-востоку, гдѣ также почти съ каждымъ годомъ уменьшается.

Уменьшіе соболя [2]) въ Охотско-Камчатскомъ краѣ не есть ис-

[1]) Соболь. «Природа», № 2, 1874 г., стр. 185.

[2]) Сарычевъ говоритъ (Путешествіе 1, стр. 74), что въ Средней Колымѣ число соболя положительно уменьшается, а при Врангелѣ тамъ совсѣмъ не было соболей.—Вѣстникъ Географич. Общества, 1857, XX.—Миддендорфъ,

береговъ и устья рѣкъ; 2) сильное разлитіе рѣкъ; 3) загрязненіе рѣкъ и пр.

Второе обстоятельство въ сущности не мѣшаетъ ходу рыбы, а неуловъ ея обусловливается сносомъ запоровъ и маленькими сѣтками, ловить которыми на глубокой и быстрой водѣ нѣтъ возможности: рыба проходитъ или черезъ сѣтку или вдали отъ берега.

Въ вопросѣ о недоходѣ рыбы играютъ роль и другія обстоятельства; такъ недоходъ рыбы въ р. Гижигѣ 1897 г. безусловно зависѣлъ отъ пожара тундры предшествующимъ лѣтомъ, когда масса золы была смыта весенними водами.

Помимо этихъ причинъ, есть повидимому какія-то особенности рѣкъ (физико-химическаго характера), которыя не благопріятствуютъ проходу въ нихъ рыбы. Общее убѣжденіе то, что каждая морская лосось возвращается для икрометанія только въ свою родную рѣку и никогда не ошибается въ выборѣ, еслибы даже было два смежныхъ устья, причемъ первое забросано морскимъ прибоемъ и рѣчными наносами; рыба перебрасывается черезъ песчаную кошку и все-таки попадаетъ въ родную воду. Если устье рѣки заброшено иломъ или пескомъ, то лохи, перебрасываясь черезъ мели и борясь съ стремительными потоками, проникаютъ сомкнутыми рядами изъ моря. Съ удивительнымъ знаніемъ мѣста они попадаютъ наконецъ въ воду родной рѣки, на короткое время останавливаясь; это дѣлаютъ почти всѣ рыбы здѣшняго края, какъ-бы развѣдывая свойства знакомой среды. Мы часто наблюдали слѣдующую оригинальную картину: среди большого руна на самомъ устьѣ вдругъ однадвѣ рыбы начинаютъ бросаться изъ стороны въ сторону, отъ одного берега къ другому, выскакивая изъ воды и кувыркаясь въ воздухѣ. Такъ длится ½—1 часъ; потомъ эти рыбы если поднимаются выше по рѣкѣ, то переворачиваются животомъ вверхъ и засыпаютъ у берега, въ самомъ началѣ; чаще же всего послѣ такихъ ажитированныхъ метаній, рыба поворачиваетъ назадъ и стремительно уходитъ въ море: жители говорятъ, что это чужая рыба, т. е. развившаяся изъ икры въ другой рѣкѣ и по ошибкѣ, съ руномъ другихъ, попавшая не въ свою родную воду. Поэтому нужно думать, что химическій составъ воды разныхъ рѣкъ, протекающихъ чрезъ неодинаковые геогностическіе породы и механическая примѣсь мелкихъ частицъ этихъ послѣднихъ очень легко узнаются рыбами, избирающими для себя болѣе благопріятную и сродную среду. Есть рѣки, куда не заходятъ горбуша и чавыча, а есть и такія, куда

совсѣмъ не идетъ рыба. Иннокентій, бывшій архіепископъ Камчатскій и Алеутскій, въ своихъ воспоминаніяхъ о поѣздкѣ по Камчаткѣ, упоминаетъ о р. Лѣсновской, какъ безрыбной, хотя это теперь только отчасти вѣрно; потому что изъ лососевыхъ рыбъ здѣсь нѣтъ чавычи и всегда мало красной, тогда какъ другихъ породъ много. Самыми безрыбными рѣками мы можемъ назвать р. Исхытнинъ, при устьѣ которой стоитъ поселокъ Мамечи, и р. Подкагирную; въ нихъ нѣтъ ни горбуши, ни красной, ни хайко, и потому жители вынуждены ѣздить въ другія мѣста: изъ Мамечи въ р. Пенжину, изъ Подкагирнаго на р. Шаманку.

Отчего бы не зависѣлъ недоходъ рыбы, но фактъ этотъ, къ сожалѣнію, повторяется черезъ извѣстные промежутки времени, разоряя и уменьшая и безъ того немногочисленное населеніе, и съ этимъ приходится считаться администраціи. Неуловъ рыбы напр. въ 1883 г. составляетъ исключительное явленіе и далеко превосходитъ бѣдствіе 1879 г., когда умерло голодной смертью около 300 душъ. Главныя причины постигшаго край бѣдствія лежали въ исключительныхъ метеорологическихъ явленіяхъ: послѣ снѣжной зимы долго тянется большой разливъ рѣкъ, во время котораго, какъ мы уже говорили разъ, жители не могли сдѣлать запасовъ, отчасти надѣясь на осенній ходъ; но тутъ, съ 10 авг., пошли проливные дожди, не прекращаясь до самыхъ заморозковъ.

Казна отпустила деньги, на которыя было пріобрѣтено 3.541 олень по 1½ р. за голову [1]); въ дополненіе къ этому выдавалась мука изъ казенныхъ складовъ. Благодаря этому, случаевъ смерти не было; 19 іюня 1884 г. появилась рыба, и, по донесенію исправника, голодъ прекратился.

Осенью снова оказались въ Гижигѣ нехватки рыбныхъ запасовъ, требовавшія помощи правительства; въ 1886 г. возобновляется ходатайство объ отпускѣ 10 т. р. для пособія. Такимъ образомъ голодъ оказался хроническимъ явленіемъ и создавалъ привычку жить на счетъ другого и вѣчно обирать оленныхъ корякъ. Попрошайство до того сдѣлалось обыденнымъ явленіемъ, что даже при хорошемъ уловѣ каж-

[1]) По поводу голодовки 1883 и 1885 гг. жителей Гижиги существуетъ много интересныхъ подробностей; такъ одинъ тунгусъ, отказавшійся продать оленей, былъ посаженъ въ карцеръ и тамъ умеръ; у одного коряка взято было 200 оленей; спустя нѣкоторое время являются снова посланцы—казаки съ новымъ требованіемъ оленей. Тогда корякъ отвѣтилъ посланцамъ: вы еще хотите убить моихъ оленей, такъ вотъ сначала убейте моихъ дѣтей, а потомъ — и оленей: иначе мнѣ нечѣмъ будетъ ихъ кормить.

дый казакъ ѣдетъ къ бродячему коряку и заявляетъ по-коряцки: братъ, у меня голодъ, дай оленя. Добродушный оленеводъ, руководимый чувствомъ своего религіознаго убѣжденія, что Аппапель дастъ за это больше, убиваетъ 1—2 оленей, не подозрѣвая хищническихъ наклонностей просителя.

Нужно замѣтить, что озера Гижигинской тундры изобилуютъ щуками, что стоитъ только на древкѣ или ремнѣ бросить кусокъ ровдуги въ озеро, какъ говорятъ сами казаки, такъ непремѣнно вытащишь щуку. Не смотря на то, что большинство этихъ озеръ лежитъ по близости и что щуки попадаются въ р. Черной, притокѣ Гижиги, никто изъ жителей не думаетъ, въ случаѣ недохода морской рыбы, заняться ловомъ прѣсноводной. Одновременное и широкое распространеніе голода въ Гижигинскомъ и Петропавловскомъ округахъ съ 1883 по 1886 гг. вызвало рядъ мѣропріятій, какъ со стороны окружного начальства, такъ и военнаго губернатора Приморской области. Въ первомъ случаѣ обращаютъ на себя вниманіе практичныя мѣры предупрежденія голодовокъ, предложенныя Гижигинскимъ окружнымъ начальникомъ и одобренныя высшей властью. Онѣ состояли въ слѣдующемъ:

1) Ежегодное полное снабженіе инородцевъ порохомъ и свинцомъ и, при отсутствіи у нихъ въ данное время платежей, выдача этихъ припасовъ въ долгъ, чего никогда не дѣлалось прежде; казенный долгъ, по свидѣтельству всѣхъ окружныхъ начальниковъ, инородецъ считаетъ самымъ важнымъ, и по этому предмету никогда не было недоимокъ.

2) Возможно большій привозъ въ Гижигу (до 25 пудовъ) казеннаго неводного прядева и соотвѣтствующее количество бѣлаго конскаго волоса для сѣтокъ на мальму.

3) Продажа главныхъ предметовъ жизненнаго обихода населенію по казенной цѣнѣ и отпускъ ихъ, при очевидной необходимости, въ долгъ подъ росписку старосты и на отвѣтственность общества.

и 4) Присылка въ Полицейское Управленіе 1,000 р. изъ инородческаго капитала для выдачи ссудъ подъ % нуждающемуся населенію и покупка на эти деньги существенныхъ предметовъ потребленія.

Послѣдняя мѣра дала особенно хорошіе результаты: тысяча рублей теперь возвращена, а взамѣнъ ея образовался мѣстный инородческій капиталъ, въ 3 т. рубл., на который ежегодно покупается желѣзо, чай, табакъ, продаваемые жителямъ вдвое дешевле, чѣмъ у

мѣстныхъ торговцевъ; та же самая мѣра была введена въ Охотскомъ округѣ, но потерпѣла неудачу. Тогда же случился полный недоходъ, захватившій все Гижигинско-Камчатское побережье; уже въ началѣ зимы жители стали терпѣть сильную нужду, не думая больше о своихъ собакахъ, между которыми открылся сильный падежъ.

Всякое сообщеніе на полуостровѣ прекратилось; не на чемъ было доставлять даже казенной муки; бродячіе коряки и ламуты, давшіе много оленей во время предшествовшихъ голодовокъ, теперь были въ безвыходномъ положеніи, при новомъ обращеніи къ нимъ за помощью, хотя и пожертвовали безплатно 500 оленей, да столько же могли уступить за плату. Изъ 60 острожковъ только 6—7 заявили, что хотя у нихъ ощущается недостатокъ корма какъ для себя, такъ и для собакъ, но они кое-какъ могутъ пробиться и на свои средства добыть пропитаніе. Къ этому несчастію прибавилось новое: зима 1890—91 г. настолько была снѣжная и съ такими вѣтрами, что весь кедровникъ, шишки котораго служатъ соболю пищей, забило; вслѣдствіе этого пушной промыселъ оказался настолько ничтожнымъ, что жители не запомнятъ ничего подобнаго.

Тогда по предложенію военнаго губернатора при окружномъ управленіи образована была комиссія, съ участіемъ сельскихъ старостъ, для изысканія мѣръ: 1) по предупрежденію въ будущемъ голодовокъ, происходящихъ въ средѣ камчадальскаго населенія, и 2) къ сохраненію соболинаго промысла и предупрежденія отъ совершеннаго его истребленія.

Въ своихъ протоколахъ названная комиссія приходитъ къ тому заключенію, что въ недоходѣ рыбы, падежѣ собакъ и въ своемъ голодѣ виноваты сами камчадалы, и полагаетъ, что для безбѣднаго продовольствія населенія и собакъ достаточно по одной рыбкѣ на душу и собаку и что для всего населенія Камчатки требуется упромыслить 2.204,090 рыбъ для людей и 2.453.730 штукъ для собакъ; всего 4.657,820 рыбъ.

Если эти расчеты комиссіи сравнить съ бывшими заготовками корма какъ для себя, такъ и для собакъ, напр. за 1895 г., то оказывается, что въ этомъ году для жителей было запасено разнаго вида рыбныхъ консервовъ 1.533,887 штукъ и для собакъ 1.387,230 штукъ, всего 2.921,117, или круглымъ числомъ 3 милл. рыбинъ,—и голода не было; между тѣмъ изъ данныхъ той же комиссіи (§ 4) оказывается, что въ 1889 г. всего добыто рыбъ 3.174,183 шт.,

а между тѣмъ свирѣпствовалъ голодъ въ 27 селеніяхъ и былъ сильный падежъ на собакъ.

Правда, относительно нѣкоторыхъ селеній, въ бумагахъ окружного архива помѣчено, что собаки падали отъ кашля, насморка и воспаленія глазъ, но въ большинствѣ случаевъ, нужно думать,—отъ голоду. Иначе сказать, въ одномъ случаѣ не было голода (1895 г.) при сравнительно меньшемъ запасѣ рыбнаго корма, а въ другомъ (1889 г.)—при почти нормальномъ, по оффиціальнымъ даннымъ, запасѣ рыбы былъ сильный голодъ между людьми и моръ собакъ; такимъ образомъ причина голода осталась невыясненной.

Что неводное прядево изъ купеческихъ лавокъ не по карману инородцамъ и что въ нѣкоторыхъ острожкахъ не оказалось ни одной сѣтки и бата, въ этомъ служитъ помѣхой «не безпечность о личномъ существованіи и не незнакомство съ болѣе тяжелымъ трудомъ при легкомъ взглядѣ на жизнь», какъ полагала комиссія, а простая, печальная невозможность купить неводного прядева и создать «должныя приспособленія для экономичной заготовки рыбы въ прокъ». Самая комиссія указываетъ, что отъ пушного промысла, т. е. единственнаго въ краѣ заработка, въ 1890 г. на каждую душу приходилось, за уплатой податей, ясака и и другихъ повинностей, по 4 р. 77 к., а по западному берегу полуострова еще меньше (3 р. 30 коп.), то спрашивается, откуда же взять камчадалу средствъ на покупку прядева для сѣткп?

Что касается «должныхъ приспособленій и экономической заготовки рыбъ», то камчадалъ или корякъ, подавленный тяжелою борьбою съ суровыми условіями жизни, вѣчно полуголодный, могъ-ли онъ придумывать и создавать усовершенствованія въ орудіяхъ лова и способахъ заготовленія, не имѣя никакого представленія ни о чемъ другомъ, кромѣ своей жалкой среды; безграмотный и не въ состояніи позаимствоваться отъ кого-нибудь техническими знаніями, гдѣ онъ могъ научиться, какъ лучше солить рыбу, какъ выварить изъ морской воды соль и какъ предупредить гніеніе бата окраской его посредствомъ того же нерпичьяго жира съ прибавленіемъ какой-нибудь цвѣтной глины (какъ здѣсь называютъ нѣкоторыя природныя минеральныя краски, встрѣчающіяся въ изобиліи)?

Во всѣхъ жгучихъ вопросахъ крайней нужды, вмѣсто образованія и обученія инородца техникѣ промысла и ремеслъ, мы встрѣчаемъ часто только предписанія, чтобы жители занялись огородами и завели въ каждомъ хозяйствѣ (предписаніе 1890 г.):—1) лодку, сѣть,

амбаръ для склада продовольствія, вѣшала для сушки; 2) чтобы жители въ соотвѣтствующее время приступали къ заготовленію сѣна, дровъ, рыбныхъ запасовъ въ размѣрѣ годового потребленія. Камчатская комиссія 1891 г. снова подняла вопросъ о переселеніи камчадаловъ съ одного берега на другой, о запрещеніи имъ принимать отъ купцовъ на храненіе товары и самимъ заниматься торговлею по развозному свидѣтельству. Кромѣ того жители обязывались имѣть двойной запасъ рѣчныхъ запоровъ и вѣшалъ и кромѣ того поварни, личныя сѣти и общественный неводъ. 14 мѣропріятій этой комиссіи должны были облагодѣтельствовать камчадаловъ; но, къ сожалѣнію, большинство ихъ осталось на бумагѣ мѣстнаго архива, а съ другими не согласился военный губернаторъ.

Жители однако продолжали влачить свое неприглядное существованіе, довольствуясь, за незнаніемъ лучшаго, рѣчными запорами, маленькими сѣтками и прежними вѣшалами, на которыхъ рыба также киснетъ и пропадаетъ.

Перейдемъ теперь къ другому не менѣе важному занятію жителей—промыслу звѣря. Среди промысловыхъ животныхъ, безспорно, первое мѣсто принадлежитъ соболю, который послужилъ рычагомъ открытія новой землицы, когда-то составлялъ неисчерпаемое богатство края и наконецъ навлекъ на жителей несчастіе разоренія вслѣдствіе хищническаго способа добычи.

Въ исторіи завоеванія Сибири и ея колонизаціи соболь игралъ самую важную роль,—и на знамени всѣхъ дружинъ, начиная съ Ермака до пятидесятника Атласова нужно было бы изобразить это красивое, злое и боязливое животное съ черно-пушистымъ и дорогимъ мѣхомъ.

Соболь, какъ извѣстно, принадлежитъ къ многочисленному семейству «благородныхъ» хищниковъ—хорьковыхъ (Mustellidae), представители котораго, говоритъ Сабанѣевъ [1]), не смотря на свою незначительную, даже малую величину, занимаютъ видное мѣсто въ экономіи человѣка. Соболь теперь истребленъ въ Европѣ и оттѣсненъ къ сѣверо-востоку, гдѣ также почти съ каждымъ годомъ уменьшается.

Уменьшіе соболя [2]) въ Охотско-Камчатскомъ краѣ не есть ис-

---

[1]) Соболь. «Природа», № 2, 1874 г., стр. 185.

[2]) Сарычевъ говоритъ (Путешествіе 1, стр. 74), что въ Средней Колымѣ число соболя положительно уменьшается, а при Врангелѣ тамъ совсѣмъ не было соболей.—Вѣстникъ Географич. Общества, 1857, XX.—Миддендорфъ,

ключительное явленіе, а также подчиняется непреложнымъ законамъ, какъ говоритъ Сабанѣевъ, которыми управляются человѣческія расы; однородичи—куницы, бѣлодушка и соболь, по своему характеру, образу жизни и пищѣ, расселяясь при разныхъ условіяхъ, проявили неодинаковые шансы въ борьбѣ за существованіе: куница заняла чернолѣсье, смѣнившее хвойныя лѣса; болѣе неприхотливая бѣлодушка примѣнилась къ нѣкоторымъ безлѣснымъ мѣстностямъ и измѣнила свои привычки, не страшась жилья, тогда какъ капризный и боязливый соболь долженъ былъ покинуть рѣчныя долины, гдѣ показалось населеніе, и укрываться отъ постояннаго преслѣдованія человѣка въ гористыхъ мѣстностяхъ и дикихъ мало доступныхъ утесахъ.

Но помимо этихъ общихъ причинъ, обусловливающихъ географическое распространеніе соболя и его кочеваніе, есть повидимому еще частныя и мѣстныя, отъ которыхъ зависитъ его нахожденіе или эмиграція. Такъ, напр., соболиный промыселъ существуетъ въ Удскомъ районѣ, включая сюда и Шантарскіе острова, и въ Камчаткѣ, тогда какъ въ Гижигинскомъ округѣ онъ по своей незначительности не имѣетъ экономическаго значенія, а въ Охотскомъ—совсѣмъ нѣтъ соболя.

Статистическихъ свѣдѣній относительно Удского района мы не могли получить на мѣстѣ; выдѣлить же изъ общаго отчета объ Удскомъ округѣ то, что собственно приходится на названный районъ, совершенно невозможно; но въ общемъ получаются слѣдующія данныя:

	1876	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Удской округъ . . .	?	—	—	1,963	2,456	683	354 [1])
Гижигинскій округъ .	?	33	19	41	?	53	36
Петропавловскій » .	2,504	1,837	?	1,748	1,838	1,675	1,562 [2])

Сибирская фауна, стр. 82.—См. также статью Кларка: Записки Сибирск. отд. Имп. Р. Г. Общества, 1864, 7, стр. 119.

[1]) Насколько эти цифры отчета вѣрны, видно изъ того, что при насъ въ Чумиканѣ получено въ 1896 г. Товариществомъ котиковыхъ промысловъ 518 соболей, не считая увезенныхъ зимой якутами въ Якутскъ и 30 штукъ, проданныхъ въ частныя руки.

[2]) Количество соболя, упромышленнаго бродячими инородцами, не регистрируется окружными начальствами; выставленныя цифры взяты нами изъ бумагъ полицейскаго управленія и совершенно противорѣчатъ даннымъ, приводимымъ въ оффиціальныхъ отчетахъ: за 1894 г., 3,302 соболя, 1895—2,285, 1896 г.—1,048.

Будемъ считать, что приведенныя цифры относительно вѣрны; но и изъ этой статистики ясно слѣдуетъ, что количество звѣря убываетъ.

Во время путешествія Миддендорфа, всякій тунгусъ въ годъ добывалъ отъ 70 до 250 штукъ соболей, хотя эту цифру нужно признать преувеличенной, такъ какъ въ ту пору изъ окрестностей Удского острога поступало около 1,160 соболей, а съ Олекминскаго улуса—меньше 1,000 шт.

Въ Камчаткѣ теперешніе жители не помнятъ добычи въ 50 соболей на одну душу; обыкновенно 1—3, рѣдко пять штукъ; самую большую добычу одного промышленника здѣсь мы знаемъ 16 соболей, которая была единственной въ его 30-лѣтней практикѣ.

Промыселъ соболя въ Удскомъ районѣ ничѣмъ не регулируется, хотя и увѣряютъ, что будто-бы на Шантарскіе острова за промысломъ ходятъ черезъ 2 — 3 года; относительно Камчатки есть особое положеніе, выработанное, по предложенію военнаго губернатора, мѣстной комиссіей въ 1882 г., которое остается въ силѣ и до настоящаго времени. Правилами названной комиссіи 1) опредѣленъ срокъ для соболинаго промысла съ 1 ноября по 1 марта; 2) отведены такъ называемыя заповѣдныя мѣста, гдѣ по предположенію членовъ комиссіи, соболь размножается; 3) запрещены всякія ловушки (кулемки) и 4) признано необходимымъ разграничить промысловые участки каждаго общества.

Что касается срока соболинаго промысла, то съ одной стороны онъ опредѣляется выпаденіемъ снѣга и такъ называемой переногой, а съ другой обстоятельствами семейной жизни. Прежде въ Камчаткѣ звѣропромышленники уходили за соболями въ концѣ августа или въ началѣ сентября, но это вело къ напрасной потерѣ времени и убиванію звѣря въ такое время, когда его зимній нарядъ не вполнѣ достигъ своей пушистости.

Какъ только подмерзла земля и выпалъ рыхлый и тонкій снѣжокъ, охотникъ, взявъ ружье, сѣтку и собаку, отправляется на хребетъ, въ пустынныя мѣста, гдѣ соболь, разыскивая себѣ добычу ночью, оставляетъ на снѣгу слѣдъ,—это и называется переногой.

Характеръ такой переноги имѣетъ большое значеніе для охотника, и изученіе ея особенностей составляетъ цѣлую науку, которую можно понять только на опытѣ. Лучшей переногой считается та, когда тихій и рыхлый снѣгъ перестаетъ идти послѣ полуночи—тогда звѣрь не могъ уйдти далеко; всѣ охотники знаютъ, что соболь ходитъ чисто; онъ никогда не чиркнетъ задними ногами и

прячетъ всѣ свои съѣстные припасы, расположены отдѣльно и соединены проходомъ, иногда въ 1 саж. длины; рыбу прячетъ большею частію въ дуплѣ лѣсины, а тетерьку и глухаря, которыхъ не можетъ дотащить до магазина, зарываетъ на мѣстѣ. Какъ чистоплотное животное, онъ вдали отъ логовища подъ снѣгомъ устраиваетъ «уютный уголокъ», а если этого не позволяетъ характеръ мѣстности, то выходитъ на свѣжій воздухъ.

Сабанѣевъ говоритъ (стр. 219), что соболь норъ не дѣлаетъ, да и врядъ-ли можетъ дѣлать, а занимаетъ всегда готовыя, раньше вырытыя бурундуками. Дѣло въ томъ, что въ Камчаткѣ нѣтъ бурундуковъ, или по крайней мѣрѣ такъ мало, что жители почти не видятъ этого красиваго полосатаго звѣрька, напоминающаго отчасти крысу, отчасти бѣлку; поэтому соболь и принужденъ самъ устраивать себѣ убѣжище. Чаще всего онъ дѣлаетъ это между торчащими камнями хребта или рѣчной осыпи; зная это, жители и подкарауливаютъ его здѣсь. Если не удастся выгнать соболя въ сѣтку или это оказывается невозможнымъ по мѣстнымъ условіямъ, то прибѣгаютъ къ выкуриванію его. Тогда отверстіе норы закладываютъ сухой гнилушкой или зеленымъ кедровникомъ съ березовой корой и поджигаютъ: ѣдкій дымъ, распространяясь по ходамъ и между расщелинъ камней, обязательно выгонитъ соболя, который тогда бросается стремглавъ и чаще всего попадаетъ въ сѣтку или въ лапы собаки.

Камчатскія соболиныя сѣтки имѣются у каждаго охотника, дѣлаются изъ тонкаго прядева, съ ячейками въ три поперечныхъ пальца и длиною отъ 15 до 30 сажень; охотникъ всегда носитъ ее за плечами (рис. 40).

Охота за соболемъ, помимо навыка, знанія мѣстности и привычекъ животнаго, сопряжена съ тяжелымъ трудомъ и большими лишеніями. Добравшись до хребтовъ или соболинаго мѣста, промышленникъ, чуть только начинаетъ свѣтать, разыскиваетъ слѣдъ, по которому иногда понапрасну проходитъ 20—30 верстъ; приходится разыскивать другой и сидѣть цѣлыми днями у норы, пока выведенное изъ терпѣнія животное не рѣшится показаться на свѣтъ. Совершая длинные переходы, звѣропромышленникъ, понятно, долженъ быть налегкѣ и все носить съ собой, т, е. сѣтку, ружье, чайникъ и провизію, не смѣя освѣжиться затяжкой трубки или согрѣться чайкомъ, потому что чуткій къ дыму звѣрь сейчасъ уйдетъ далеко. Цѣлыми днями бродитъ онъ по склонамъ горъ, въ чащѣ березняка, засыпая на часъ въ снѣгу или первой попавшейся берлогѣ; пошелъ

снѣгъ или поднялась мятель, — тогда переноrа испорчена, да и соболь въ такую погоду не любитъ покидать свое мягкое ложе. Соболь замѣчательно чувствителенъ къ перемѣнѣ погоды и всякимъ метеорологическимъ явленіямъ; поэтому съ начала промысла при маломъ снѣгѣ охотникъ идетъ за соболемъ на хребты, а если долго длится пурга и большой снѣгъ, онъ спускается къ рѣчкѣ, въ березнякъ, на которомъ въ тихіе и ясные дни соболь любитъ нѣжиться и грѣться.

Помимо всего этого нужно имѣть охотничье чутье, чтобы сразу опредѣлить выгодность намѣченнаго мѣста; иногда проходятъ цѣлыя недѣли совмѣстной охоты, одинъ промышленникъ кромѣ старыхъ слѣдовъ ничего не находитъ, а другой за это время успѣлъ добыть 2—3 и даже 4 соболей.

Если, по соображеніямъ, надолго наступаетъ ненастье, то охотникъ возвращается домой или въ сборную юрту, устроенную въ верховьяхъ рѣки, гдѣ у него оставлены собаки и припасенъ кормъ; послѣ нѣкоторой передышки, онъ снова начинаетъ бродить, не высыпаясь и не доѣдая.

Къ Рождеству, обыкновенно, охотники возвращаются въ острожки; соскучившіяся и наголодавшіяся собаки, почуявъ близость жилья, весело бѣгутъ по убойному снѣгу, только самъ хозяинъ что-то сидитъ съ поникшей головой и грустнымъ, изможженнымъ лицомъ: оно потемнѣло отъ вѣтра, глаза красные, носъ отмороженъ, и въ калаусѣ у него за цѣлый мѣсяцъ тяжелаго скитанья всего только одинъ соболишко, котораго нужно отдать въ лавку за старый долгъ, а къ празднику не на что будетъ купить даже «мучички»...

Послѣ новаго года та же поѣздка въ хребты, то же безконечное бѣганье на лыжахъ, та же жизнь на открытомъ морозѣ въ проголодь—до 1 марта, когда, по существующимъ правиламъ, всѣ охотники должны быть въ селѣ. Этотъ предѣлъ промысла основанъ на томъ, что съ начала марта звѣрь табунится, собираясь въ парочки или группы, потому что за одной самкой бѣгаютъ обыкновенно 2—3 самца; эта гоньба продолжается около мѣсяца [1]).

При промыслѣ соболя хорошая собака играетъ очень важную

[1]) Около этого срока объѣзжаетъ острожки окружной начальникъ для сбора ясака, который разрѣшается уплачивать какъ пушниной, такъ и деньгами, но такъ какъ соболь стоитъ больше, чѣмъ причитающіяся повинности, то жителю крайне невыгодно отдавать лучшаго соболя за слѣдуемые съ него 3 руб. 87 коп., съ доплатой остальной суммы, выручаемой на аукціонѣ, ровно черезъ годъ, при слѣдующемъ проѣздѣ окружного начальника.

роль, но въ то же время является большою рѣдкостью. Промысловую, или, какъ говорятъ здѣсь, ламутскую собаку нетрудно отличить по наружному виду: она должна имѣть острую морду и уши, крупныя ребра, заднія ноги короче переднихъ. Кромѣ того камчадалы обращаютъ вниманіе на размѣры затылочнаго гребня, присутствіе большого количества рубцовъ не нёбѣ, во рту, и лишній пятый палецъ (пáноготокъ) на заднихъ ногахъ. Въ Камчаткѣ обращаютъ особое вниманіе на надбровныя дуги, которымъ придаютъ большое значеніе при опредѣленіи качествъ охотничьей собаки. Этимъ внѣшнимъ признакамъ должны соотвѣтствовать бойкость и находчивость собаки, хорошее зрѣніе и сильно развитые слухъ и чутье, или обоняніе. Безъ первыхъ трехъ качествъ собака всегда будетъ терять соболя и мучить хозяина; что касается послѣдняго качества, то оно буквально неоцѣнимо.

Намъ приходилось видѣть хорошихъ охотничьихъ собакъ, которыя рвались съ привязи, танцуя на заднихъ ногахъ въ то время, когда другія спокойно лежали, ничего не чуя; такая собака за нѣсколько верстъ чуетъ звѣря, и потому всегда служитъ прекраснымъ руководителемъ на охотѣ.

Выбравъ щенка съ описанными физическими качествами, ламуты особымъ образомъ его воспитываютъ и прежде всего держатъ въ жилой юртѣ, въ теплѣ, съ человѣческими испареніями, которыя, по ихъ мнѣнію, необходимы для развитія тонкаго чутья у собаки. Промысловая собака сравнительно рѣдко попадается и цѣнится очень дорого: до 50 руб. въ Камчаткѣ — и отъ 100 до 150 руб. въ Удскомъ районѣ.

Заповѣдныхъ мѣстъ въ Камчаткѣ считается главныхъ два: такъ называемыя Асачинское и Жупаново. Помимо того вершины нѣкоторыхъ рѣкъ, по постановленію сельскаго схода, также закрыты для соболинаго промысла. Эти заповѣдныя мѣста занимаютъ двѣ большихъ площади на восточной сторонѣ Камчатки, центромъ которыхъ служатъ сопки тѣхъ же названій. Здѣсь промыселъ запрещенъ для всѣхъ и навсегда въ виду того предположенія, что тутъ долженъ плодиться соболь.

Уже раньше, говоря о жизни соболя (глава VI), мы замѣтили, что онъ преимущественно кочующее животное, держится въ безлюдныхъ мѣстахъ, гдѣ для него достаточно корму; лѣто проводитъ на вершинѣ рѣкъ, въ каменистыхъ берегахъ которыхъ устраиваетъ себѣ постель; осенью спускается на тундру для ягодъ, ютясь въ кедров-

никѣ и ольховникѣ и не удаляясь отъ своей норы дальше 15 верстъ. Только недостатокъ того или другого корма заставляетъ его кочевать и мѣнять мѣсто, и охотники хорошо отличаютъ мѣстнаго соболя, такъ сказать, жителя, по большему жиру, отъ пришлыхъ кочевниковъ. Кромѣ того, соболь не отличается привязанностью ни къ мѣсту, ни къ семейному очагу и бросаетъ дѣтей при первомъ снѣгѣ; плодится онъ тамъ, гдѣ живетъ и гдѣ находитъ кормъ.

Въ виду этихъ положительныхъ данныхъ о жизни соболя, признаваемыхъ нашими лучшими спеціалистами и охотниками, какъ Сабанѣевъ, Черкасовъ и др., трудно уяснить основанія для ограниченія названныхъ заповѣдныхъ мѣстъ. Сабанѣевъ, резюмируя

Рис. 34. Пастушка — на соболя. Звѣрь, тронувъ приманку на вѣткѣ во второмъ просвѣтѣ между кольями, нарушаетъ равновѣсіе, — и плаха падаетъ.

общее мнѣніе о жизни звѣрька, говоритъ [1]), что соболь не имѣетъ вполнѣ постояннаго мѣстопребыванія; всѣ охотники на наши разспросы отвѣчали, что онъ исключительно держится пустынныхъ мѣстъ, если они отвѣчаютъ его привычкамъ и доставляютъ достаточно корму. Совершенно невѣрно толкованіе, что соболь, напр., встрѣченный на рр. Воровской и Большой пойдетъ плодиться къ Авачѣ, а кочующій въ средней части Срединнаго или Восточнаго хребтовъ переберется въ мартѣ въ окрестности Жупанова вулкана: онъ плодится на мѣстѣ своего зимняго обитанія, которое на слѣдующую зиму, съ измѣнившимися условіями, промѣняетъ на новое.

Въ бумагахъ окружного управленія есть нѣсколько дѣлъ о нарушеніи этого запрета охоты въ заповѣдныхъ мѣстахъ; изъ нихъ видно,

[1]) L. c., стр. 219.

что промышленники, тайно пробиравшіеся въ указанные районы, добывали много соболей.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что съ зоологической точки зрѣнія учрежденіе заповѣдныхъ мѣстъ не имѣетъ достаточныхъ основаній; даже какъ предохранительная мѣра отъ истребленія звѣря, эти заповѣдныя мѣста не достигаютъ своей цѣли, неравномѣрно распредѣляясь между камчатскимъ населеніемъ. Размноженіе соболя въ мѣстахъ, гдѣ его не безпокоятъ, ведетъ къ уменьшенію корма, вслѣдствіе чего онъ и эмигрируетъ въ ближайшія окрестности, являющіяся всегда наиболѣе выгодными въ промысловомъ отношеніи. Изъ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ мы, дѣйствительно, видимъ, что количество добываемаго соболя въ этихъ окрестныхъ селеніяхъ всегда больше, чѣмъ въ другихъ; иначе сказать, что отъ заповѣдныхъ мѣстъ выигрываютъ только жители окрестныхъ острожковъ той или другой стороны, смотря по тому, куда пошелъ звѣрь по разнымъ причинамъ. Если уже хотятъ дѣлать запуски звѣря съ цѣлью его сохраненія, то съ точки зрѣнія экономіи и равноправности было бы справедливѣе раздѣлить всю Камчатку на нѣсколько поперечныхъ полосъ, идя по рѣкамъ съ одной вершины на другую, и тогда каждый годъ можно было бы въ одной изъ такихъ полосъ на одну зиму запрещать промыселъ, присоединяя жителей этой послѣдней къ смежному району.

Правда, вопросъ о разграниченіи промысловыхъ участковъ не разъ возбуждался сельскими обществами, въ виду все большаго и большаго наплыва со стороны Гижиги бродячихъ инородцевъ и ихъ постепеннаго движенія на югъ полуострова. Однако на приказъ окружного начальника въ 1892 г., по взаимному соглашенію, послѣдовали протоколы только изъ 16 острожковъ, и такимъ образомъ этотъ вопросъ до настоящаго времени остается нерѣшеннымъ. Кромѣ того, въ силу статьи 557, 2 ч. XII т. Св. Законовъ, изд. 1857 г., бродячіе инородцы, какъ пришельцы изъ Гижигинскаго округа, не имѣютъ права заниматься разными промыслами на земляхъ, другому племени принадлежащихъ, безъ согласія владѣльцевъ, а поэтому обязаны на право промысла соболей испрашивать письменное согласіе тѣхъ обществъ, въ мѣстности которыхъ желаютъ промышлять. Причемъ, по предписанію окружного начальника, бродячіе инородцы должны соблюдать слѣдующія правила: 1) не начинать промыселъ соболя ранѣе 1 ноября; 2) не промышлять ихъ послѣ 1 марта; 3) не ставить ловушекъ (кулемокъ) и 4) звѣ-

Рыбныя вѣшала и чиручъ (сѣтка).

Рыбныя вѣшала и вышки для юколы.

ровыхъ собакъ, находящихся при табунахъ оленей, держать все лѣто и осень на привязи. Эти предписанія, клонившіяся къ сохраненію промысла соболя и урегулированію отношеній между бродячими и осѣдлыми, далеко не всегда исполнялись; изъ дѣлъ правленія видно, что недоразумѣнія между ними и жалобы осѣдлыхъ повторялись довольно часто.

По самому положенію вещей, бродячіе, въ смыслѣ промысла, какъ мы говорили, находятся въ лучшихъ условіяхъ: кочуя зимой въ верховьяхъ рѣкъ и у хребтовъ, они ближе къ мѣсту промысла, которымъ и занимаются при первой возможности, тогда какъ осѣдлымъ для этого приходится дѣлать большія путешествія и въ случаѣ ненастья или недостатка корма прибѣгать къ тѣмъ же кочевникамъ. По донесенію Петропавловскаго начальника за 1890 г. видно, что въ 1884 г. оленными коряками 2 родовъ добыто 500 соболей, за 1888 г. 46 ясачными плательщиками ламутами упромышлено 275 соболей; если предположить, сказано въ донесеніи, что и остальные 84 ясачныхъ плательщика 2-хъ коряцкихъ родовъ убили въ 1888 г. около 500 шт., коряками и чукчами Гижигинскаго округа—200, то цифра ихъ промысла выразится въ 975 соболей, тогда какъ жители обоихъ побережій въ районѣ кочевья бродячихъ, при 443 ясачныхъ душахъ, добыли всего 215 шт. Съ другой стороны рядъ голодовокъ, въ которыхъ послѣдніе помогали, и желаніе получить оленя для разнообразія своего продовольствія, сами собой установили modus vivendi, преимущества котораго все-таки остаются на сторонѣ оленныхъ; до 1890 г. бродячимъ было разрѣшено кочевать сѣвернѣе р. Тигиля, а въ настоящее время они дошли почти до Большерѣцка; въ связи съ этимъ соболиный промыселъ осѣдлыхъ жителей западнаго берега долженъ уменьшиться.

На уменьшеніе звѣря, по мнѣнію «заповѣдной коммиссіи», имѣлъ большое вліяніе способъ лова разными ловушками, между которыми особому остракизму подверглись кулемки.

До знакомства съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, сибирскій инородецъ изобрѣлъ много, подчасъ остроумныхъ и простыхъ, ловушекъ; таковы самострѣлы, куркавки, слабцы, плашки, колодцы, кулемки и пр. Въ большинствѣ мѣстъ промысловой Сибири онъ пользуется ими и до настоящаго времени, въ виду дешевизны этихъ снарядовъ и ихъ самодѣльности; даже несложный капканъ меньше практиченъ, потому что при ломкѣ какой-нибудь желѣзной части не можетъ ыть исправленъ, тогда какъ для кулемки нужно только топоръ, да

бревно. Пользованіе этими самодѣльными снарядами нигдѣ въ Сибири не воспрещено. Устройство кулемки, какъ видно изъ нашего рисунка (33), крайне просто: между двумя лѣсинами вбивается четыре кола попарно—дворикъ (а); на землю между ними кладется брусъ—порогъ (q), вверху вставляется конецъ длиннаго бревна (cc), которое другими своими концами (b) лежитъ на подставкѣ-пнѣ; тяжелый конецъ жерди немного поднимается и укрѣпляется насторожкой. Сосѣдніе проходы между кустами и деревьями забрасываются вѣтками, равно какъ и ограждается ими дорога, ведущая къ дворику, по другую сторону котораго разбрасывается приманка. Соболь, зачуявъ приманку, бѣжитъ по дорожкѣ, и, вскочивъ на поперечную перекладину, передними ногами, нарушаетъ равновѣсіе, вслѣдствіе чего жердь падаетъ и убиваетъ звѣря. Вотъ эта-то кулемка и признана зловредной для соболинаго промысла.

Разсматривая вопросъ съ общей точки зрѣнія о приспособленіяхъ и снастяхъ для добычи звѣря, мы видимъ, что кулемка представляетъ остроумное изобрѣтеніе, основанное на привычкѣ звѣря и вполнѣ достигающее цѣли, какъ капканъ, самострѣлы и другіе инструменты, которыми въ правѣ пользоваться каждый инородецъ для своихъ нуждъ.

Правда, въ виду простоты устройства, кулемки ставились сотнями отъ одного промышленника, который дальше съ ружьемъ и собакой продолжалъ охоту на соболя, уходя отъ своихъ снарядовъ иногда за десятки верстъ. Попадавшагося въ это время въ кулемку соболя поѣдали россомаха, лисица и ворона, и хозяину чрезъ порядочное время снова приходилось настораживать ловушку. Гораздо раціональнѣе и въ большемъ соотвѣтствіи съ нуждами инородца было бы допустить кулемку, но въ извѣстномъ ограниченіи, напр., на каждаго хозяина не больше 25 штукъ, и съ обязательствомъ осматривать ихъ чрезъ 2 дня на третій; кромѣ того, къ первому марта всѣ кулемки должны быть сняты, чтобы не истреблять звѣря понапрасну.

Теперь же, при запрещеніи кулемокъ, мы заставляемъ инородца входить въ непосильные расходы и тратить больше времени и здоровья на добычу соболя ружьемъ: тамъ, гдѣ позволяютъ культурныя условія страны, охотникъ и самъ перейдетъ къ болѣе надежному ружью; здѣсь же, гдѣ видимъ цѣлыя селенія, въ которыхъ нѣтъ ни одной иглы и не на что ее купить, вводить такія мѣры и преждевременно, и жестоко.

После соболя наиболѣе цѣнными и важными животными являются

для камчадаловъ лисица, а для Охотскаго и Гижигинскаго округовъ— еще и бѣлка.

Означеннаго звѣря добыто слѣдующее количество:

ОКРУГА.	1891		1892		1853		1894		1895		1896		Среднее.	
	Лисица.	Бѣлка.	Лисица.	Бѣлка.	Лисица	Бѣлка.	Лисица.	Бѣлка.	Лисица.	Бѣлка.	Лисица.	Бѣлка.	Лисицы.	Бѣлки.
Петропавловскій .	818	нѣтъ	988	нѣтъ	376	нѣтъ	827	нѣтъ	620	нѣтъ	705	нѣтъ	722	—
Гижигинск.	1,042	41,500	1,470	56,400	1,055	57,125	1,030	? [1])	2,094	35,858	3,991	?	1,780	47,735
Охотскій .	327	43,683	297	36,665	1,327	62,387	954	44,450	1,341	52,868	441	53,013	783	48,844
Удской [3]) .	нѣтъ	с в ѣ	д ѣ	н і й	628	4,338	620	4,992	319	941 [2])	153	324	430	2,648
Аянъ . . .	нѣтъ	с в ѣ	в ѣ	н і й	15	5,300	86	13,400	30	7,960	130	5,000	65	7,915

Изъ этой таблицы видно, что по количеству добываемой лисицы, Гижигинскій округъ занимаетъ первое мѣсто, а Охотскій немного превышаетъ Камчатку; зависитъ ли это отъ дѣйствительнаго изобилія лисицы на гижигинскихъ тундрахъ, или же отъ большого усердія бродячихъ инородцевъ, — трудно сказать. Мы склонны думать, что послѣднее обстоятельство оказываетъ громадное вліяніе на промыселъ; во время своихъ зимнихъ разъѣздовъ мы встрѣчали не только массу лисьихъ слѣдовъ, но цѣлыя тропы и разрытыя площадки по берегамъ многихъ рѣкъ, куда жители не заглядываютъ; въ Камчаткѣ же житель предпочиталъ сидѣть дома, чѣмъ идти на лыжахъ въ ближайшій тальникъ или на опушку лѣса во время начинавшейся мятели. Кромѣ того, ненужно упускать изъ виду, что въ суммѣ гижигинскихъ лисицъ находится достаточное количество, привезенное изъ Анадырскаго края, такъ какъ торговцы каждую зиму ѣздятъ туда на собакахъ и всегда привозятъ большое количество пушнины.

Подобно соболю, лисица какъ крайне осторожный звѣрь, рѣдко ходитъ днемъ, а большею частью вечеромъ или рано утромъ; охотникъ отправляется дня на два выслѣживать добычу по рѣкамъ или на взморье.

---

[1]) Свѣдѣній ни въ полицейскомъ управленіи, ни у торговцевъ не оказалось; только Приамурское Т-во вывезло 13,400 бѣлокъ.

[2]) По отчету военнаго губернатора, въ этомъ году вообще былъ плохой промысловый годъ и значительное уменьшеніе всякаго звѣря.

[3]) Здѣсь взята общая цифра Удского округа, изъ которой нельзя было выдѣлить часть, приходящуюся на второй, т. е. Чумиканскій участокъ.

*

Обоняніе лисицы настолько сильно развито, что подъ снѣгомъ, даже на глубинѣ сажени, она чуетъ мерзлую рыбу или положенную приманку. Въ чащѣ лѣса лисица рѣдко ходитъ, а большею частію на опушкѣ и по скату уваловъ рѣчного берега; если при этомъ встрѣтитъ слѣды лыжъ или нарты, она никогда не пройдетъ прямо, и всегда перепрыгнетъ; ходитъ всегда чисто, не загребая лапами, — и хорошіе охотники всегда умѣютъ различать слѣды простой, красной лисицы отъ сиводушки или чернобурой.

Промыселъ начинается обыкновенно съ первой порошой и продолжается до марта. Промышляютъ луками, или самострѣлами (быркань по-тунгузски [1]) ставятъ европейскіе капканы, а чаще всего

Рис. 35. Самострѣлъ на лисицу.

добываютъ на ружье пулей или крупной дробью; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отравляютъ приманкой (стрихниномъ). Постановка какъ самострѣловъ, такъ и капкановъ требуетъ большого умѣнія и предосторожности, такъ какъ голыми руками нельзя браться за части этихъ снарядовъ,—иначе лисица почуетъ «духъ» человѣка и уйдетъ; причемъ самое мѣсто постановки ловушки должно быть замаскировано вѣтками и свѣжимъ снѣгомъ. Та же самая предосторожность должна быть и въ обращеніи съ приманкой: пилюлю съ отравой, бывшую въ голыхъ рукахъ человѣка, навѣрно не тронетъ ни одна лисица. Самымъ надежнымъ средствомъ представляется хорошее, дальнобойное ружье и охотничья собака, которая загоняетъ звѣря

[1]) Усть-майскіе тунгусы лукъ называютъ ая; аяларить—значитъ ставить лукъ; положенный лукъ называется беркякинъ.

въ ямы, расщелины камней и берлоги, откуда не выпустить звѣря до прихода хозяина. Зачастую лиса оказывается хитрѣе своихъ двухъ противниковъ и изъ засады успѣваетъ ускользнуть незамѣченной.

По разсказамъ жителей, въ Камчаткѣ до 1883 г. добывалось много лисицы; въ слѣдующую зиму среди этого звѣря было какое-то повальное заболѣваніе, такъ что охотники часто находили павшихъ звѣрей. Окружное начальство приписало это употребленію отравы изъ стрихнина, тогда какъ этотъ ядъ дальше окрестностей Петропавловска не проникалъ, падежъ же лисицъ наблюдался и въ

Рис. 36. Кляпса чукчей, видъ самодѣльнаго капкана.

сѣверной части полуострова. Очевидно, причина гибели лисицъ лежала не въ стрихнинѣ, а въ какой-то эпизоотіи, характеръ которой теперь трудно уяснить. Высказанное объясненіе невѣрно еще потому, что тотъ же стрихнинъ въ настоящее время употребляется въ Гижигинскомъ округѣ, въ Аянѣ и отчасти въ Охотскѣ, а между тѣмъ такого падежа лисицъ не наблюдается.

Коснувшись стрихниннаго вопроса, не можемъ не отмѣтить разногласія взглядовъ въ разныхъ округахъ. На основаніи статей 553, 536 и 556 XII т. 2-й ч. изд. 1856 Устава о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, инородцамъ предоставляется полная свобода заниматься во всякое время года всѣми мѣстными промыслами на земляхъ, ихъ роду дарованныхъ. Уставъ объ охотѣ, Высочайше утвержденный въ 1892 г., не касается отдаленной Сибири; въ виду этого,

а также беря во вниманіе нужды окраиннаго населенія, нужно быть крайне осторожнымъ при изданіи разныхъ запретительныхъ мѣръ, которыя недостаточно обоснованы ни въ научномъ, ни въ экономическомъ отношеніи. По примѣру администраторовъ прежнихъ временъ, теперешніе начальники чуть не ежегодно предлагаютъ разныя мѣропріятія для улучшенія края; къ числу этихъ мѣстныхъ мѣропріятій нужно отнести заповѣдныя мѣста и кулемки, о которыхъ мы говорили; потомъ подвергшійся запрету въ Камчаткѣ (конечно оффиціально только) стрихнинъ, продаваемый въ Гижигѣ съ разрѣшенія полицейскаго управленія. Если хищника-волка можно травить стрихниномъ, то почему же нельзя пользоваться той же отравой на другого хищнаго звѣря? Если стрихнинъ продается инородцамъ охотскаго побережья, то почему въ Камчаткѣ нашли его вреднымъ и опаснымъ?

Примѣры такихъ запретныхъ мѣръ далеко здѣсь не рѣдки; такъ въ 1895 г. запрещена въ Камчаткѣ лѣтняя охота за медвѣдемъ, вопреки статьямъ 172 и 173-й XII т. ч. II, Свода Законовъ изд. 1893 г., по которымъ позволяется его истреблять въ теченіи всего года всякими способами.

Мѣновыя цѣны на лисицу во всемъ краѣ одинаковы: т. е. красная лисица стоитъ отъ 4 до 5 р. на товаръ, сиводушка цѣнится 8—12—18 р., чернобурая попадается весьма рѣдко и идетъ отъ 80 до 200 р. Иногда попадаются совершенно черныя, съ густою просѣдью и длинной шерстью, лисицы, составляющія большую рѣдкость; одна изъ такихъ, добытая близь Аяна, пріобрѣтена была за 500 р. на товаръ и тотчасъ перепродана за 1.000 р.

Относительно промысла лисицъ между тунгусами существуютъ нѣкоторыя суевѣрія: убивъ лисицу, тотчасъ-же отрѣзаютъ ей нижнюю губу, и когда вносятъ въ юрту, всегда здороваются, хотя бы охотникъ только-что передъ этимъ вышелъ изъ нея; мяса ея не даютъ ѣсть собакамъ.

У Гижигинскихъ чукчей часто приходилось видѣть на поясѣ привѣшенную лисичку, сдѣланную изъ дерева. Если возвращаясь съ промысла, чукча по пути заходитъ въ юрту другого, сообщая о своей добычѣ, то хозяинъ тотчасъ обязанъ сдѣлать изъ щепы лисичку и подарить гостю.

Небольшой, безхитростный звѣрекъ, прыгающій и перелетающій съ вѣтки на вѣтку хвойнаго дерева, бѣлка распространена во всей Сибири и Маньчжуріи и доходитъ до Охотскаго моря, гдѣ она встрѣ-

чается вдоль западнаго и сѣвернаго береговъ и не спускается въ Камчатку. Промыселъ бѣлки, при ея изобиліи, составляетъ важную доходную статью населенія и потому привлекаетъ вниманіе охотниковъ; величина этого дохода зависитъ отъ качества мѣха, который въ разныхъ мѣстахъ не одинаковъ. Рыжеватая или сѣро-бурая бѣлка встрѣчается около Енисея, въ Вилюйскомъ и Олекминскомъ районахъ; въ верховьяхъ Лены она становится темнѣе, хотя вообще якутская бѣлка слегка пепельнаго цвѣта. Почти такого же достоинства бѣлка Удской долины, но отсюда какъ къ западной части Амурской области, такъ и къ Охотску качество бѣличьяго мѣха повышается: примѣсь красныхъ и бурovато-рыжихъ волосъ уменьшается, а окраска становится темно-сѣрой и даже почти черной. Самой лучшей бѣлкой считаютъ Аргуньскую, Охотскую и Нерчинскую.

Зависитъ ли окраска мѣха отъ географической широты, характера жизни или времени промысла, трудно сказать за отсутствіемъ прямыхъ наблюденій; очень возможно, что всѣ эти три агента играютъ роль въ окраскѣ звѣря. По крайней мѣрѣ, бѣлки, убитыя нами въ концѣ лѣта, всегда были свѣтлѣй и буроватѣй зимнихъ. По увѣренію главныхъ промышленниковъ бѣлки—тунгусовъ въ Охотско-Аянской сторонѣ существуетъ четыре разновидности бѣлки, изъ которыхъ темная съ рыже-краснымъ хвостомъ называется **самокатъ**.

Относительно промысла бѣлки здѣсь, какъ и вообще въ Сибири, нѣтъ установленныхъ правилъ, но инородцы, сами хорошо зная лучшее качество зимняго мѣха, начинаютъ промышлять, когда опадетъ листъ въ началѣ октября, а главный промыселъ открывается съ первой порошой мягкаго снѣга, когда легче наблюдать по слѣдамъ за переходомъ звѣря съ одного дерева на другое. Бѣлки иногда кочуютъ съ одного мѣста на другое большими стадами; это обстоятельство повидимому находится въ связи съ большимъ или меньшимъ урожаемъ хвойныхъ шишекъ и древесныхъ грибовъ, которыми онѣ питаются.

Бѣлка добывается исключительно мелко-калиберной кремневой винтовкой, извѣстной подъ именемъ сибирской, а иногда простымъ дробовикомъ. Не смотря на свою охотничью рѣтивость, тунгусъ никогда не заряжаетъ ружья, пока не увидитъ бѣлки; это объясняется тѣмъ, что бѣлка—не пугливый звѣрь, а съ другой стороны, бродя зимой по лѣсу и по рѣчнымъ долинамъ, охотникъ всегда можетъ встрѣтить другого звѣря, напр. лисицу, волка и пр., когда потребуется большой зарядъ. Для бѣлки же употребляется малень-

кій зарядъ (100 зарядовъ изъ одного фунта пороху и свинца) и пульки отливаютъ или приготовляютъ сами, величиною въ крупную дробь (№ 00). Считая 1 ф. пороха 55—60 коп. и 1 ф. свинцу 20 коп., мы видимъ, что добыча каждой бѣлки обходится среднимъ числомъ около 1 коп.; тогда какъ въ продажѣ 5—6 лѣтъ тому назадъ ее принимали по 20—22 к.; теперь торговцы уменьшили мѣновую цѣну до 15—18 коп. за штуку съ хвостомъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ, какъ Охотскомъ, она принимается въ казну по 24½ коп., а въ Гижигинскомъ—по 15 коп., съ доплатою остальной суммы послѣ аукціона, т. е. черезъ годъ.

Рис. 37. Чарканъ—ловушка для горностая.

Мѣстные торговцы жалуются, что бѣлки, подобно другимъ промысловымъ животнымъ, теперь стало меньше; напр. изъ Охотска, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, вывозилось до 150.000 бѣлокъ, тогда какъ теперь они продаютъ не больше 62—65 т. шкурокъ; а въ плохіе годы не набирается и 30.000 шт. Одна изъ главныхъ причинъ этого видимаго уменьшенія звѣря состоитъ въ его періодическихъ перекочевкахъ, за которыми жители не слѣдятъ, лишаясь добычи; во-вторыхъ, въ прежніе годы все осѣдлое населеніе, образовавшееся изъ бродячихъ инородцевъ, по старой памяти, больше занималось этимъ зимнимъ промысломъ, за которымъ отправлялось съ побережья въ тайгу и къ подножію горъ; современные жители селеній даже за лисицей не ходятъ далеко, а бѣлки совсѣмъ не промышляютъ (см. Прилож. 6-е).

Не менѣе важнымъ подспорьемъ въ жизни является добыча мед-

вѣдя: мясо его употребляется въ пищу, жиръ служитъ лакомствомъ или лекарствомъ; кожа идетъ на продажу по 6—8—10 р.; рѣдко шкура продается за 25—30 р. Кромѣ того въ большинствѣ селеній, въ особенности лежащихъ внутри полуострова, шкура его употребляется на ремни собачьей упряжи и на подошвы тарбасовъ. Судя по окраскѣ шерсти, медвѣди большею частію бурые, съ болѣе или менѣе длинной и густой шерстью, изрѣдка съ желтымъ ошейникомъ, что служитъ признакомъ ихъ свирѣпости; попадаются темно-бурые и даже совершенно черные. Эти послѣдніе всегда громадныхъ размѣровъ и съ короткой шерстью, какъ это мы видѣли въ Охотскѣ и Аянѣ. Здѣшній медвѣдь миролюбиваго характера, рѣдко бросается на охотника, если только онъ не раненъ, или это матка съ дѣтенышемъ; охота на послѣднюю считается опасной. Охота за медвѣдемъ начинается рано, съ появленіемъ весеннихъ проталинъ, когда звѣрь, послѣ зимней спячки, выходитъ изъ берлоги, и продолжается до снѣжнаго покрова, когда онъ снова забирается въ берлогу для зимней спячки; въ рѣдкихъ случаяхъ его добываютъ изъ берлоги. Среднимъ числомъ въ Камчаткѣ ежегодно добывается около 1.100 штукъ, въ Охотскомъ округѣ—150, въ Гижигинскомъ 100; въ этомъ отношеніи Камчатка должна быть признана медвѣжьимъ уголкомъ.

Промышляется на ружье пулей или копьемъ; кромѣ охотскихъ жителей, всѣ смѣло ходятъ въ одиночку на звѣря, хотя иногда и попадаютъ въ непріятное, критическое положеніе. У немногихъ охотниковъ есть винчестеръ, а большинство охотится съ кремневыми плохими ружьями, дуло которыхъ часто привязано къ ложу ремешками. Такія ружья плохого прицѣла, не далеко бьютъ и часто даютъ осѣчку, и тогда раненый медвѣдь расчитывается со своимъ врагомъ. Мы видѣли нѣсколько искалѣченныхъ лицъ въ борьбѣ съ медвѣдемъ, много обезображенныхъ физіономій, но съ другой стороны храбрость и удальство инородца проявлялись въ томъ, что послѣ неудачнаго выстрѣла онъ долженъ былъ защищаться отъ разъяреннаго звѣря ножомъ или кулаками. Мы видѣли одного коряка, съ обезображеннымъ лицомъ и шрамами на тѣлѣ, который однако переломалъ медвѣдю ребра; тогда тотъ оставилъ свою жертву и отойдя недалеко—околѣлъ.

Почти всѣ инородцы, въ особенности тунгусы, питаютъ много суевѣрій на счетъ охоты за медвѣдемъ: черепъ подвѣшивается на лѣснпѣ, глазныя орбиты на шкурѣ зашиваютъ и пр.

Въ 1895 г., какъ мы выше говорили, Петропавловскій окружной

начальникъ ходатайствовалъ о запрещеніи охоты на медвѣдя съ 1 мая по 1 окт., мотивируя это тѣмъ, что здѣсь онъ не хищное животное, а имѣетъ исключительное значеніе, какъ торговая шкура, и что въ это время послѣ линьки она не имѣетъ большой цѣны. На основаніи этого, приамурскій генералъ-губернаторъ отъ 14 мая 1897 г. извѣстилъ военнаго губернатора, что находитъ необходимымъ воспретить въ Петропавловскомъ округѣ охоту на медвѣдя въ указанное время, съ предоставленіемъ окружному начальнику допускать собственною властью изъятія изъ этого правила, въ исключительныхъ условіяхъ.

Эти послѣднія, однако, не были опредѣлены и точно указаны, и такимъ образомъ, въ то время, когда въ другихъ округахъ лѣтомъ промышляли звѣря, Камчатка лишена была продовольствія, дохода и матеріала для потяга нартъ; въ особенности это чувствительно сказалось на жителяхъ р. Камчатки, а также въ селеніяхъ Апача, Начики, Малка, Ганалы, Коряцкое и Старый Острогъ, гдѣ по отдаленности отъ моря нѣтъ промысла нерпъ, шкуры которыхъ употребляются на собачью упряжь. Помимо того, подобная мѣра запрета не имѣетъ фактическаго основанія: медвѣдь линяетъ здѣсь съ половины іюня по конецъ іюля, а къ концу августа онъ уже покрылся новой хорошей шерстью; точно также въ маѣ онъ имѣетъ прекрасную зимнюю шерсть.

Жалоба жителей на такія стѣснительныя мѣры была передана генералъ-губернатору С. М. Духовскому, при его посѣщеніи Петропавловска, и была уважена, съ ограниченіемъ промысла, по указанію жителей, съ 1 іюня по 1 августа.

Изъ другихъ промысловыхъ животныхъ нужно упомянуть слѣдующія:

Россомаха. Промышляется исключительно зимой, вмѣстѣ съ лисицой, за которой равно какъ и за оленемъ она охотится; главнымъ образомъ въ Камчаткѣ и Удскомъ районѣ; въ остальныхъ двухъ округахъ ея нѣтъ; такъ что гижигинскіе торговцы, отправляясь къ чукчамъ, всегда изъ Камчатки запасаются шкурами россомахи; для чукчей она служитъ мѣновымъ товаромъ съ американскими жителями. Въ Камчаткѣ добывается 40—50 шт., въ Чумиканѣ 10—15 шт.

Песецъ, только бѣлый, иногда встрѣчается по западному берегу Камчатки почти до сел. Голыгино; гораздо въ большемъ количествѣ—на Гижигинской тундрѣ, отъ 150 до 400 шт.; здѣсь же попадается голубоватая его разновидность, набѣгомъ съ Колымскаго

берега. Въ Камчаткѣ мы видѣли песца, который представлялъ среднее между бѣлымъ и голубымъ,—съ пепельно-грязноватой окраской; зависѣло ли это отъ климатическихъ условій, или то былъ результатъ помѣси, трудно сказать. Небезинтересно однако замѣтить, что на о. Мѣдномъ, гдѣ совершенно нѣтъ бѣлыхъ песцовъ, а одни только голубые, иногда наблюдаются ублюдки, и въ семьѣ изъ 5—7 дѣтенышей жителямъ попадались 1—2 совершенно бѣлыхъ.

Горностай не играетъ роли въ экономической жизни инородцевъ; въ Гижигѣ его почти совсѣмъ нѣтъ; въ Камчаткѣ и Охотскѣ—добывается 2—3 сотни, по цѣнѣ 10—20 коп. Горностаевъ добываютъ только ловушками—чарканами (рис. 37). Мясо горностая забрасываютъ на балаганъ, но не даютъ собакамъ, еслибы послѣднія даже помирали съ голоду. Это дѣлаютъ съ тою цѣлію, чтобы сильный запахъ его не переходилъ къ живому звѣрю.

Рис. 38. Коряцкія издѣлія изъ кости: горный баранъ и сивучъ.

Ушканъ, или бѣлый зимой, сѣрый лѣтомъ заяцъ, водится въ значительномъ количествѣ; шкурка его не идетъ въ продажу, а мясо жители не любятъ, поэтому почти не промышляется. Для него ставится пасть или слабецъ (по-якутски—сохсо, рис. 9).

Дикій баранъ водится въ скалистыхъ и пустынныхъ мѣстностяхъ; за нимъ охотятся съ ружьемъ осенью, когда онъ наиболѣе жирный. Любимымъ мѣстопребываніемъ его служатъ склоны сопокъ и дикія, непреступныя скалы, какъ напримѣръ, группа хребтовъ около Авачинской, Опальной и Велючинской сопокъ, скалы около сел. Мамечи и западнаго берега Охотскаго моря. Промышляется ради пищи.

Съ тою же цѣлію добывается и дикій олень. Гижигинскій округъ вѣроятно вслѣдствіе значительнаго оленеводства, а Аянскій районъ, по бѣдности звѣря, не занимаются промыслами этихъ двухъ животныхъ; за 1894 г. въ охотскомъ округѣ добыто 2.588 головъ названныхъ животныхъ, а въ Камчаткѣ—только 575 штукъ. Здѣсь олень доходитъ почти до оконечности Лопатки и на Голыгинской тундрѣ

*

иногда появляется большими стадами, когда жители добываютъ отъ 200—400 штукъ; въ другіе годы не видно ни одного оленя. Мы встрѣчали группы дикихъ оленей около Рекинники, Тигиля и Коловскаго острожка.

Судя по той многочисленной массѣ дикихъ оленей, которые каждую весну переправляются черезъ р. Анадырь, уходя съ юга на сѣверъ, нужно думать, что только весьма ограниченное число ихъ зимой появляется въ Камчаткѣ, другая вѣроятно остается на Гижигинской тундрѣ и мимо Охотска проходитъ въ Удскую сторону [1]). Эта ежегодная перекочевка связана съ пріисканіемъ корма и періодомъ тѣлежа (мартъ-апрѣль), для котораго необходимы болѣе умѣренные холода, чѣмъ на Ледовитомъ побережьѣ.

Охота на дикаго оленя исключительно на ружье; туша его даетъ около 6 пудовъ мяса, а шкура по грубости мѣха не годится на кухлянки и употребляется только на постели (т. е. подстилку). Въ Охотскомъ округѣ промышляютъ отъ 1,500 до 2,000, въ Петропавловскомъ до 1.000.

Въ Удскомъ районѣ крайне незначительный оленный промыселъ отчасти вознаграждается добычею лося или сохатаго. Это одно изъ большихъ жвачныхъ сухопутныхъ промысловыхъ животныхъ; вѣситъ не меньше 25-ти пудовъ. Онъ любитъ болотистыя мѣста, покрытыя сплошными зарослями хвои; зимой забирается въ горныя узкія пади, гдѣ питается тонкими молодыми побѣгами березы и ольхи; весной, въ мартѣ, спускается на южные склоны; лѣто проводитъ днемъ на вершинахъ горъ, а къ вечеру идетъ въ долины рѣчекъ для водопоя, медленно и съ крайней осторожностью; осенью перебирается на низменные острова рѣкъ, питаясь въ это время кореньями водяныхъ растеній, причемъ, уткнувъ морду въ воду, издаетъ особый звукъ, по которому охотники находятъ его. Кромѣ того охотники изобрѣли особую березовую дудку, посредствомъ которой подражаютъ мычанью самки и тѣмъ привлекаютъ самцовъ.

Волкъ представляетъ злѣйшаго врага домашняго оленеводства и стадъ дикихъ оленей, за которыми онъ охотится большею частью по ночамъ и рѣдко попадается днемъ. Онъ распространенъ по всему

[1]) Шренкъ встрѣтилъ множество сѣверныхъ оленей при устьяхъ Амура; Миддендорфъ самъ убилъ сѣвернаго оленя на южномъ берегу Охотскаго моря. Радде ошибался, полагая, что онъ не встрѣчается на южныхъ скатахъ Станового хребта (Beitrage zur Kenntniss des Russ. Reiches, XXIII S. 585, примѣчаніе).

краю, хотя избѣгаетъ многоснѣжныхъ мѣстъ; поэтому, напр., онъ почти не встрѣчается на восточномъ берегу Камчатки. Правильной охоты за волкомъ не существуетъ, а попадающіяся въ продажѣ шкуры есть случайное пріобрѣтеніе. Шерсть его длинная, жесткая, бѣлая съ черной полосой на хребтѣ; единственное ея достоинство то, что она составляетъ самый теплый мѣхъ, а потому употребляется на чижи (мѣховые чулки), кукули (спальный дорожный мѣшокъ) и отчасти на пальто. Тунгусы питаютъ къ волку какой-то паническій страхъ и называютъ его не иначе, какъ «оюръ-тайоно», т. е. лѣсной господинъ.

Между здѣшними волками изрѣдка, въ Охотскомъ округѣ, попадается альпійскій волкъ съ красновато-бурой окраской шерсти; а жители говорятъ, что онъ черный, какъ медвѣдь; онъ больше ростомъ и имѣетъ широкую спереди грудь. Какъ извѣстно, это самые дерзкіе и кровожадные волки, которые внушаютъ инородцамъ суевѣрный страхъ. Жители до того ихъ боятся, что никогда не стрѣляютъ, и на нашу просьбу и обѣщаніе хорошо заплатить за чернаго волка всегда рѣшительно отвѣчали отказомъ. Среди здѣшнихъ волковъ этотъ обыкновенно является коноводомъ, которому при нападеніи инородецъ всегда отдаетъ свою единственную добычу весенней нерпы, только что упромышленной для голодавшей семьи.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію промысла водныхъ животныхъ, какъ рѣчныхъ, такъ и морскихъ.

Единственнымъ промысловымъ рѣчнымъ животнымъ является рѣчная выдра, распространенная въ большинствѣ рѣкъ здѣшняго края; только въ мелкихъ и глубоко промерзающихъ рѣчкахъ ея нѣтъ, но зато рѣки не вполнѣ замерзающія или съ постоянными пропаринами отъ быстроты теченія служатъ ея любимымъ обиталищемъ. Кромѣ того вѣроятно есть еще физико-химическія особенности воды, въ силу которыхъ она или избѣгаетъ извѣстныхъ рѣкъ, или, наоборотъ, чаще попадается. Таковы напр., рр. Голыгина, Кола, Воровская и Камчатка въ среднемъ теченіи, гдѣ больше всего добывается выдры; въ Охотскомъ округѣ самая богатая выдрами рѣка Кава.

Выдра промышляется исключительно капканами, которые ставятъ въ береговыхъ трещинахъ льда или на пропаринахъ, чрезъ которыя она выходитъ на поверхность.

Выдра настолько лютый звѣрь, подобно горностаю, что, не смотря на свой незначительный размѣръ, бросается на человѣка, причиняя мучительные укусы; цѣлая упряжь собакъ (до 11), встрѣтивъ выдру

на землѣ, подъ-часъ не можетъ съ ней управиться, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ смертельно ранены. А между тѣмъ пойманная дѣтенышемъ, она становится комнатнымъ животнымъ и легко привыкаетъ къ человѣку.

Шкурка выдры, подобно другимъ животнымъ, разнится по своимъ размѣрамъ и, главное, по длинѣ шерсти и подшерстка. Выдра, какъ рѣчной боберъ, морской котикъ, покрыта двухъ родовъ шерстью: длинными жесткими волосками, красноватобураго цвѣта; между ними лежитъ второй густой слой нѣжнаго подшерстка, цвѣта какао; длина и густота этого послѣдняго служитъ для опредѣленія достоинства. Послѣ удаленія ости, окрашенныя въ черный цвѣтъ, шкурки выдры идутъ за морского котика, который также красится въ этотъ цвѣтъ и который въ торговлѣ цѣнится гораздо дороже. Количество добываемыхъ выдръ невелико; за 1895 г. упромышлено: въ Охотскомъ округѣ—41, Гижигинскомъ—17, Петропавловскомъ—355. Смотря по величинѣ и качеству мѣха, выдра на мѣстѣ стоитъ 6—8—12 р.

Изъ морскихъ животныхъ важное экономическое значеніе въ жизни инородца имѣетъ нерпа [1])—если не по торговой цѣнѣ шкурки, то по той утилизаціи, какую дѣлаютъ изъ нея жители. Мясо ея, не смотря на свой сильный специфическій запахъ, пользуется большою популярностью, а главнымъ образомъ звѣря убиваютъ ради его жира. Идя всегда за руномъ рыбы, нерпа, понятно, имѣетъ богатую добычу и скоро поэтому жирѣетъ; даже съ маленькаго экземпляра добывается полторы жестянки (изъ подъ керосина) жиру, а изъ большого—2—2$^1/_2$. Слой жира жители снимаютъ пластами, подобно тому, какъ въ Малороссіи—со свиней; потомъ это сало перетапливается и зимой употребляется, какъ приправа ко многимъ кушаньямъ, или же само по себѣ въ мерзломъ видѣ. Нерпичій жиръ, какъ всякій другой, считается полезнымъ кушаньемъ во время зимнихъ переѣздовъ и повидимому предохраняетъ отъ холода; также, если хотятъ, употребляя мѣстное выраженіе, повеселить собакъ въ дорогѣ, т. е. заставить ихъ бѣжать порѣзвѣе, то даютъ имъ по небольшому куску этого жира.

Нерпичья шкура представляетъ дорогую вещь въ хозяйственномъ обиходѣ инородца: она употребляется на подошвы тарбасовъ, на подбивку лыжъ, безъ которыхъ никуда нельзя тронуться, а главное изъ

---

[1]) Подъ общимъ именемъ нерпы мы разумѣемъ всѣ вышеописанные виды здѣшнихъ тюленей (гл. VI). О сивучахъ, кой-гдѣ попадающихся по берегамъ Камчатки, мы не будемъ говорить отдѣльно, такъ какъ этотъ промыселъ имѣетъ крайне ограниченное значеніе.

нея приготовляются ремни, служащіе для скрѣпленія всѣхъ частей нартъ и для собачей упряжи.

Промыселъ нерпъ начинается ранней весной, съ марта мѣсяца; жители на батахъ и байдарахъ выходятъ въ море и бьютъ ихъ на плавучихъ льдинахъ; охота производится исключительно ружьемъ и только въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Охотскаго округа на «носокъ», называемый по мѣстному маутъ. Это узкое желѣзное копье съ двумя зазубринами по бокамъ, укрѣпленное на длинномъ, нерпичьемъ ремнѣ (до 15 саж.); копье вдѣлывается въ шестъ (махальлё) длиною въ сажень. Подкравшись къ животному, охотникъ вонзаетъ копье въ его тѣло, а конецъ ремня закрѣпляетъ или на берегу, или на шлюпкѣ; когда животное послѣ болевыхъ метаній изъ стороны въ сторону устанетъ, охотникъ вытаскиваетъ его и закалываетъ ножомъ. Охотятся чаще всего партіями и добычу дѣлятъ поровну. Весенній ловъ продолжается до конца мая, когда изъ бухтъ весь ледъ исчезаетъ.

Осенній промыселъ гораздо богаче: нерпъ подстерегаютъ на лежбищахъ и отрѣзываютъ сообщеніе съ моремъ; тогда бьютъ палками (дрыгалками) по головѣ, или изъ ружья. Въ Нерпичьемъ озерѣ, при устьѣ р. Камчатки, протока замерзаетъ гораздо раньше, и нерпы, остававшіяся на лежбищахъ у Каменнаго мыса и Перешейка, тогда ползутъ по льду и убиваются жителями. Чтобы судить о размѣрахъ нерпичьяго промысла, приводимъ цифровыя данныя за 1895 годъ: въ Охотскомъ округѣ убито 2.122 штукъ, Петропавловскомъ—1.657, въ Удскомъ—612. Шкурка нерпы въ мѣстномъ употребленіи цѣнится отъ 1 до 3 р., а выдѣланные ремни продаются 6—8—10 коп. за сажень. Подошвы для тарбасовъ лучше изъ шкуры лахтака, пластина котораго ($^1/_2$) продается по 2 р. и изъ нея выходитъ 10—12 паръ подошвъ.

Въ границахъ описываемаго района сивучъ и моржъ имѣютъ ограниченное распространеніе. Моржъ—громадное, до 15 футъ длины, животное, покрытое, если онъ взрослый, совершенно желтой щетиной; въ противномъ случаѣ окраска темнѣе—красновато и желтовато-коричневая; самые маленькіе имѣютъ темно-коричневую окраску. Густая твердая шерсть вмѣстѣ съ толстой кожей служитъ прекраснымъ панцыремъ для животнаго, и охотники увѣряютъ, что изъ обыкновеннаго ружья его можно убить только въ ухо. Голова сравнительно съ туловищемъ мала, хотя черепъ поднять одному человѣку невозможно; крышка черепа мѣстами толщиною до двухъ поперечныхъ

пальцевъ; переднія конечности коротки и похожи на плавники, сидящія на нижней поверхности грудной клѣтки.

Промышляють моржей въ іюнѣ; изъ селеній Караги, Кичиги и Олюторскаго ходятъ на байдарахъ (20 человѣкъ въ каждой) на Карагинскій о. и остаются тамъ около мѣсяца; бьютъ изъ ружья и носкомъ, за ремень котораго удерживають звѣря и добивають на мѣстѣ; совсѣмъ маленькихъ моржeнятъ не видятъ въ іюнѣ. Туша моржа вѣситъ до 80 пуд., а кожа около 15—20 пудовъ; жиру изъ одного моржа добывается до 30 пудовъ. Кожа разрѣзывается на 50—60 кусковъ, въ $1^1/_2$ аршина длиной и $^1/_2$ арш. шириной; цѣна такому куску 4 р. Моржевые клыки идутъ на продажу и вѣсятъ до 30 ф. пара; а шкурка употребляется на обшивку байдары. Пара клыковъ, смотря по величинѣ, цѣнится на мѣстѣ отъ 12 до 15 р.

Это богатство, какъ и всякое другое, на здѣшнихъ безлюдныхъ берегахъ расхищалось и теперь расхищается хищниками-американцами. Въ 1878 г. на Карагинскій островъ спеціально за промысломъ моржей приходилъ на шхунѣ американецъ Праттъ съ довольно многочисленной командой, которая вмѣстѣ съ нанятыми инородцами сел. Карагинскаго на м. Семенова добыла 1.500 моржей. Вся эта масса труповъ была оставлена на мѣстѣ, издавая сильное зловоніе, подъ вліяніемъ котораго, а также отъ безпрерывной пальбы изъ ружей, звѣрь съ тѣхъ поръ уменьшился на лежбищѣ, не переставая однако привлекать иностранныхъ хищниковъ. Въ 1896 г. у острова, по словамъ жителей Карагинскаго селенія, промышляла парусная шхуна; въ 1895 г. было 2 шхуны и приходилъ пароходъ. Въ виду вѣроятно хорошей добычи этого лѣта, хищники ночью устроили пирушку, потому что съ материка видны были, по описанію, ракеты и большое освѣщеніе.

Бѣлуха, этотъ небольшой зубастый китъ, распространена въ обоихъ моряхъ, чаще въ ихъ сѣверной части. Больше всего изобилуетъ бѣлухой заливъ около Карагинскаго о., Анадырскій лиманъ, Пенжинская губа, Ямская и Ольская бухты. Какъ злой, прожорливый хищникъ, она появляется здѣсь у береговъ и устья рѣкъ во время сильнаго хода рыбы, за которою поднимается даже въ рѣки верстъ на 10—20 [1]). При малой водѣ она держится у береговъ, а когда приливъ достигаетъ значительной высоты, она входитъ въ рѣки, иногда табунами въ сотни штукъ. Замѣчательно красивую и ориги-

[1]) По р. Аргуни бѣлуха поднимается верстъ на 100 отъ устья (Шренкъ).

нальную картину представляетъ напр. гладкая поверхность Тигильскаго устья: лишь только начался приливъ и на барѣ забѣлѣли пѣнящіеся гребни морской волны, какъ въ этой пучинѣ пестрѣютъ бѣлыя спины громаднаго животнаго; бѣлухи, постоянно играя и кувыркаясь, нырнютъ, медленно показывая на поверхности воды сначала голову, выдыхая воздухъ съ глухими стонами и свистомъ, потомъ спину и наконецъ хвостъ; бѣлая кожа блеститъ на солнцѣ, и затѣмъ животное снова погружается. Если его не безпокоятъ и не раздается ружейныхъ выстрѣловъ, оно показывается черезъ 5—10 минутъ; пожираніе добычи задерживаетъ его въ водѣ. Но стоитъ только раздаться одному выстрѣлу, какъ всѣ бѣлухи на долго пропадаютъ. Способность опредѣлять мѣсто и направленіе выстрѣла такъ хорошо развита у бѣлухи, что она проходитъ подъ водой 1—2 версты и потомъ опять показывается на поверхности, не смотря на то, что выстрѣлы повторяются. Это обстоятельство и служитъ громаднымъ препятствіемъ для добычи ихъ на ружье; поэтому инородцы прибѣгаютъ къ другому способу промысла: помѣстившись со шлюпкой на мѣстѣ прохода, промышленникъ съ носкомъ или ножомъ въ рукѣ безмолвно и терпѣливо ждетъ прохода животнаго мимо и тогда вонзаетъ остріе въ спину, бросая длинный конецъ ремня съ поплавкомъ въ воду. Животное послѣ долгаго и стремительнаго плаванія, истекая кровью, умираетъ,—и тогда охотнику приходится разыскивать поплавокъ. Но и этотъ способъ нельзя назвать практичнымъ, потому что животное рѣдко проходитъ вблизи шлюпки. Въ 80-хъ годахъ Филиппеусъ хотѣлъ основать спеціальный ловъ бѣлухъ въ устьѣ р. Тигиль, перегораживая узкое устье одного лѣваго притока; такъ какъ при отливѣ оно мелѣло, то бѣлухъ били изъ ружья въ то время, когда онѣ не могли уйти за мелководьемъ.

Бѣлуха промышляется ради жиру, котораго получается съ одного экземпляра отъ 20 до 40 пудовъ; перетопленный жиръ имѣетъ видъ и консистенцію глицерина, застываетъ при температурѣ + 4—5° С., безъ запаху, и имѣетъ пріятный вкусъ, почему и пользуется любовью инородцевъ. Пудъ этого жиру продается около 8—10 р.

Къ числу дорогихъ промысловыхъ морскихъ животныхъ нужно отнести морского бобра и кита: первый встрѣчается только въ двухъ мѣстахъ восточнаго берега Камчатки, именно въ бухтѣ Инканюши, около камней «Три Сестры» недалеко отъ Лопатки, и потомъ, по показанію Дитмара, у Сивучьяго мыса, близь Кроноцкаго утеса, гдѣ видимо находится сѣверная граница этого животнаго.

Морской боберъ представляетъ хорошую иллюстрацію хищническаго истребленія дорогихъ животныхъ. Во время существованія Россійско-Американскихъ владѣній, въ періодъ съ 1821 по 1842 г. вывезено изъ колоній 25,416 бобровыхъ шкурокъ или ежегодно по 1,115 штукъ; въ настоящее время на американскихъ островахъ добывается немного бобровъ; у насъ, на о. Мѣдномъ, отъ 100 до 170 штукъ, а въ Камчаткѣ отъ 6 до 15 въ годъ. Мѣхъ бобра всегда высоко цѣнился за красоту и прочность, а потому и охота за нимъ всегда велась самымъ усерднымъ образомъ, пока не были приняты мѣры противъ окончательнаго его истребленія.

Боберъ принадлежитъ къ самымъ осторожнымъ, пугливымъ и капризнымъ животнымъ; онъ живетъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растетъ много морскихъ водорослей (морской капусты), на которыхъ онъ отдыхаетъ и среди которыхъ находитъ богатую для себя пищу. Появленіе человѣка на берегу, въ особенности дымъ избъ и костра его безпокоятъ,—и онъ уходитъ. Слухъ и обоняніе у него развиты до изумительности. Алеуты приписываютъ бобру почти человѣческій умъ и замѣчательную храбрость: во время промысла на сушѣ онъ не бѣжитъ отъ противника, а становится на задніе ласты и лезетъ на охотника.

Еще недавно бобры въ Камчаткѣ встрѣчались сѣвернѣе Авачинской губы, въ Кроноцкой бухтѣ и у Столбового мыса, а теперь ихъ промышляютъ только у Желтаго мыса, недалеко отъ названныхъ «Трехъ Сестеръ». Лежбище бобровъ представляетъ изъ себя группу камней въ порядочномъ разстояніи отъ берега, съ богатыми зарослями морской капусты. Въ 1877 г., послѣ передачи японцамъ Курильскихъ островов, русскіе подданные — алеуты въ количествѣ 83 чел. обоего пола были поселены въ Асачинской бухтѣ и имъ предоставлено было право боброваго промысла [1]); въ 1880 г. ими добыто 20 бобровъ, проданныхъ за 1,500 р. (!?); въ слѣдующемъ году алеуты разсказывали казаку, что видѣли до 200 бобровъ, но что бурная погода помѣшала промыслу, а большой байдары у нихъ не было; тогда привезено 22 бобра.

Изъ данныхъ о хищническихъ шхунахъ въ Беринговомъ морѣ

---

[1]) Эти алеуты промышляли бобровъ стрѣлами по совершенно своеобразному способу; они бросали стрѣлу не лопаткой, какъ теперь на Мѣдномъ островѣ, а изъ обыкновеннаго лука, и не прицѣльно, какъ въ первомъ случаѣ, а навѣсно, такъ что стрѣлка попадаетъ въ бобра сверху; въ случаѣ промаха, она не производитъ шума и всплеска воды и не пугаетъ бобра.

видно, что иностранцы продолжают расхищеніе мѣстныхъ богатствъ; въ 1892 г. окружной начальникъ снова выхлопоталъ разрѣшеніе послать изъ порта шесть промышленниковъ, которыми добыто только 7 бобровъ; изъ нихъ шесть продано въ пользу охотниковъ, а седьмой — въ пользу казны; на долю каждаго охотника досталось, по словамъ отчета, отъ 300 до 400 р.

Въ настоящее время партія охотниковъ, по выбору начальника, ежегодно отправляется изъ Петропавловска, подъ надзоромъ особаго казака; причемъ каждому промышленнику полагается по одному бобру, а лишнее количество идетъ въ депозитъ военнаго губернатора.

Ненормальность такой постановки дѣла очевидна; не смотря на значительное количество, бобровъ убивается немного: послѣдняя цифра за зиму 1896/7 г. достигла только 12 бобровъ, которые и проданы во Владивостокѣ почти за 11,000 р. Между тѣмъ, судя по разсказамъ очевидцевъ-охотниковъ и консульскимъ донесеніямъ изъ Японіи о томъ, что на мѣстныхъ рынкахъ появляются камчатскіе бобры, можно думать, что при другой организаціи боброваго промысла, онъ могъ бы оказать значительную экономическую поддержку населенію южной части полуострова.

Для нѣкоторой охраны звѣря отъ хищниковъ, промыслы разрѣшены только въ зимнее время и по 1 іюня; съ этого числа по конецъ сентября промысла не бываетъ и охотники возвращаются въ Петропавловскъ; изъ орудій промысла дозволены только ставныя сѣти и стрѣлы; но владѣть этими послѣдними камчадалы и казаки не умѣютъ, а потому и не пользуются. Изъ временныхъ правилъ на Командорскихъ островахъ для боброваго промысла между прочимъ видно, что тамъ запрещено убивать въ сѣтяхъ матокъ и кошлаковъ (т. е. бобровъ моложе одного года), а плавающихъ около острова не ближе 5 верстъ разрѣшено стрѣлять изъ ружья.

При теперешней постановкѣ вопроса и отдаленности мѣста, контроль надъ охотниками рѣшительно невозможенъ.

Камчатскій боберъ отличается необыкновенной пушистостью и длинной шерстью, съ частою просѣдью, и представляетъ не только цѣнную, но рѣдкую пушнину, если взять во вниманіе, что на весь бѣлый свѣтъ въ настоящее время ихъ добывается 12—15 штукъ!

Часть времени боберъ проводитъ, лежа на морской капустѣ, другую—онъ плаваетъ въ окрестности; иногда выходитъ на камни. На Желтомъ мысу, по словамъ казаковъ, онъ обитаетъ до 30 января, а

потомъ на цѣлый мѣсяцъ куда-то уходитъ, возвращаясь послѣ 20 февраля.

Цѣна камчатскаго бобра высока и колеблется, смотря по качеству, въ среднихъ числахъ между 500 и 1,500 р. за штуку; такъ какъ на такой дорогой товаръ въ Петропавловскѣ находится мало охотниковъ, то въ послѣднее время признано полезнымъ устраивать аукціонъ во Владивостокѣ.

Въ болѣе печальномъ положеніи находился и теперь находится китобойный промыселъ. Плавая по Охотскому и Беринговому морямъ болѣе 200 лѣтъ, русскіе промышленники и моряки никогда не обращали вниманіе на это богатство края; только съ 50-хъ годовъ и въ особенности послѣ экспедиціи Миддендорфа начинается наплывъ сюда иностранныхъ китобоевъ, флотилія которыхъ иногда достигала внушительной цифры—300! Всѣ эти суда нагружались китовымъ усомъ и жиромъ, увозя этотъ дорогой грузъ въ Америку, а жителямъ оставляя на память дурную болѣзнь, которая впослѣдствіи подкосила здоровье инородцевъ и опустошила цѣлыя селенія.

Рис. 39. Орудія китобойнаго промысла.

Китобойный промыселъ—одинъ изъ древнѣйшихъ, и начало его нужно отнести больше, чѣмъ за X столѣтій до нашей эры. Русское китобойство нашло первое покровительство въ лицѣ Великаго Петра, по повелѣнію котораго въ 1723 году заведено казенное китоловство на полуостровѣ Колѣ. Въ Охотскомъ морѣ китобойный промыселъ начинается съ 1846 г.; въ 1847 г. образовалось первое акціонерное общество въ Финляндіи съ участіемъ Рос.-Ам. К° для промысла китовъ въ нашихъ водахъ Тихаго океана; благодаря содѣйствію тогдашняго губернатора Муравьева, общество получило правительственную субсидію. Развитію этого предпріятія помѣшала наша война съ англо-французами; но въ 1869 г., съ цѣлію продолжать неудавшееся дѣло Рос.-Финск. китобойной К°, составилось оригинальное общество изъ

студента гельсингфорскаго университета, бывшаго шкипера корабля «Велик. Кн. Константинъ» Линдгольма и штурмановъ Тернквиста и Форселлеса. Съ 1.600 рубл. въ карманѣ и фотографическимъ аппаратомъ, эти молодые люди двинулись изъ Петербурга черезъ Сибирь въ Николаевскъ, гдѣ главный командиръ П. В. Казакевичъ принялъ въ нихъ горячее участіе и оказалъ имъ вспомоществованіе. Главнымъ центромъ дѣятельности этой компаніи былъ Шантарскій районъ, и молодые люди настолько успѣшно собирали китовый усъ и промышляли китовъ, что въ 1881 г., Линдгольмъ, бывшій хозяиномъ всего предпріятія, закончилъ тяжелый трудъ, пріобрѣтя солидное состояніе.

Основанная одновременно Р. А. К° китоловная станція въ бухтѣ Мамга, недалеко отъ устья р. Тугура, видимо также успѣшно вела свои дѣла, но черезъ три года К° бросила предпріятіе, вѣроятно, потому, что китобойный промыселъ не давалъ такихъ хорошихъ доходовъ, какъ торговля пушниной.

Въ 1889 г. продолжателемъ дѣла Линдгольма явился Дыдымовъ, при содѣйствіи министерствъ морского и финансовъ. Ловъ китовъ также былъ удаченъ, но вскорѣ этотъ піонеръ погибъ въ морѣ вмѣстѣ съ своимъ пароходомъ.

Въ 1891 г. на смѣну ему выступилъ также бывшій флотскій офицеръ графъ Кейзерлингъ, пріобрѣтшій, при содѣйствіи правительства, два спеціально-китобойныхъ парохода и избравшій райономъ своихъ операцій Японское море, намѣреваясь впослѣдствіи перейти въ Охотское. Дѣла его до настоящаго времени идутъ хорошо, а въ 1899 г. онъ съ цѣлію расширенія предпріятія учредилъ акціонерное общество.

Такимъ образомъ мы видимъ, что не смотря на широкое хищничество, въ 50—60 гг., киты доставляютъ богатую добычу даже въ южной части своего распространенія; въ Охотскомъ и Беринговомъ моряхъ китобойный промыселъ долженъ быть еще выгоднѣе. Это подтверждается тѣмъ, что и теперь ежегодно у нашихъ береговъ появляются китобойныя шхуны, хотя съ большей осторожностью и въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ прежде. Старики Чумикана помнятъ сотни китобойныхъ судовъ, промышлявшихъ около Шантарскихъ острововъ; въ Тауйской бухтѣ и Пенжинской губѣ ежегодно, по словамъ жителей, лѣтъ 30 тому назадъ, были десятки китобоевъ. Въ настоящее время они ходятъ только къ Шантарскимъ островамъ, въ Пенжинскую губу и къ Карагинскому острову; въ 1895—7 гг. также эти

шхуны посѣтили названныя мѣста, нанимая жителей въ помощь для промысла и отдавая имъ, по снятіи жира и уса, только мясо кита.

Что здѣсь дѣйствительно китовъ еще много, можно судить по разсказамъ жителей въ каждомъ селеніи по всему побережью, которое мы объѣхали въ теченіи двухъ зимъ 1896—1898 гг.

Лучшимъ мѣстомъ, какъ мы выше говорили, нужно признать четыре пункта въ Охотскомъ морѣ (Шантары, Ольско-Тауйскій заливъ, Пенжинскую губу и Камбальную бухту) и два—въ Беринговомъ: между Карагинскимъ островомъ и бухтой барона Корфа и вдоль западнаго берега о. Беринга. По всему сѣверному побережью Охотскаго моря ихъ видятъ только въ іюлѣ и августѣ, а около Шантарскихъ острововъ и въ Тугурской губѣ они появляются раньше. Ледъ въ послѣднемъ заливѣ размываетъ бурнымъ весеннимъ теченіемъ въ маѣ и, вынося его въ море, образуетъ изъ залива и между островами какъ бы отдѣльныя озера съ ледяными берегами, что зависитъ отъ водоворотовъ подъ вліяніемъ теченія, прилива и напора рѣчной воды.

Въ этихъ «озерахъ» всегда встрѣчается масса поверхностныхъ морскихъ животныхъ и здѣсь киты особенно любятъ играть. У о. Феклистова есть такія мѣста, гдѣ въ одинъ день убивали до 50 китовъ [1]) Промысловый сезонъ здѣсь съ іюня по сентябрь. Съ половины іюня до конца августа киты плаваютъ у Командорскихъ острововъ; около 20-хъ чиселъ августа 1892 г. мы часто встрѣчали стада китовъ какъ по западной сторонѣ о. Беринга, такъ и на восточной Мѣднаго (около бухты Глинки). Въ началѣ сентября киты видимо подвигаются съ сѣвера на югъ, задерживаясь у Лопатки, гдѣ противъ устья р. Камбальной 3-го сент. мы встрѣтили 5 китовъ, между которыми былъ безъ сомнѣнія полярный китъ.

Число видовъ здѣшнихъ китовъ пока невозможно опредѣлить, такъ какъ они не описаны съ достаточной полнотой. Всѣ они приходятъ раннею весной и пропадаютъ къ осени, держась не тающихъ льдовъ, какъ нѣкоторые думаютъ [2]), а указанныхъ мѣстъ, съ богатымъ плангктономъ [3]).

Полярный китъ (bowhead) считается самымъ цѣннымъ и даетъ до 200 баррелей [4]) жиру и свыше 3.000 фунтовъ уса.

---

[1]) Збышевскій. Корветъ «Рында», въ Морск. Сборн. 1862 г.

[2]) М. Васильевъ. Нашъ востокъ и его промысла. Спб. 1891, стр. 65.

[3]) Мелкія плавающія морскія животныя.

[4]) Баррель вѣситъ 6 пуд. 26 русск. фунтовъ. Тоннъ китоваго жиру (или 5 бочекъ) стоитъ 19 фунт. стерлинговъ; тоннъ уса—300 ф. стерл.; въ 1896 г.

Японская разновидность, или right w. Тихаго океана (кулямякъ алеутовъ Командорскихъ острововъ), отъ 60 до 70 ф. длины. По словамъ китобоевъ, этотъ китъ въ 100 миляхъ къ сѣверу отъ о. Іоны имѣетъ излюбленное мѣстопребываніе.

Число пластинъ (уса) на каждой сторонѣ доходитъ до 300 и вѣситъ около 2 тоннъ (стоимостью въ 600 фунтовъ стерлинговъ); жиру получается до 30 тоннъ (или на 570 ф. стерл.).

Горбатый китъ (humpback w.) даетъ отъ 40 до 110 баррелей жиру; усъ во рту короткій и грубый.

Главнымъ орудіемъ для промысла кита служитъ гарпунъ; первоначальный или точнѣе первобытный гарпунъ мы и теперь встрѣчаемъ у осѣдлыхъ коряковъ Гижигинскаго округа; это длинный и прочный шестъ съ кремневымъ наконечникомъ копьеобразной формы (рис. 32); впослѣдствіи послѣдній дѣлался изъ желѣза съ зазубринами и бородками; къ концу шеста привязывался длинный ремень или веревка съ поплавками. Такой гарпунъ бросался отъ руки и со шлюпки или шхуны. Усовершенствованія гарпуна состояли въ измѣненіи устройства бородки и въ способѣ метанія орудія; въ первомъ случаѣ между бородками вставлялся пороховой патронъ, — и въ то время, когда при энергичномъ бросаніи, бородки въ тѣлѣ кита откидывались, происходилъ сильный взрывъ, ранившій животнаго. Простое бросаніе гарпуна отъ руки замѣнено литыми чугунными ружьями, въ которыя поверхъ заряда вставлялся желѣзный штыръ гарпуна; тогда ударъ, конечно, былъ сильнѣе и больше ранилъ кита. Иногда для бросанія гарпуна пользуются небольшими пушками, съ сильными разрывными снарядами.

Въ прежнее время для китоваго промысла ходили только парусныя шхуны, съ 8—10 вельботами; теперь все чаще и чаще стали пользоваться спеціальнаго устройства пароходами для китоваго промысла; въ этомъ отношеніи мы имѣемъ два главныхъ типа—американскій (1882 г.) и норвежскій, представляющій послѣднее практичнонаучное слово китобойнаго искусства.

Преимущества такого промысла состоятъ въ томъ, что не нужно бываетъ дожидаться вѣтра или спускать вельботы на далекомъ разстояніи, рискуя при этомъ людьми и шлюпками, и что бомба-гарпунъ бьетъ обыкновенно съ одного удара на смерть. При морскомъ

баронъ Кейзерлингъ продавалъ въ Нагасаки китовый жиръ 7½ долларовъ японскихъ за 1 пикуль. Киты добывались малыхъ размѣровъ и помимо мяса (которое ѣдятъ японцы) и костей доставляли 1.000 долл. доходу съ каждаго

промыслѣ кита обыкновенно много тратится времени на распластываніе его и подъемъ жировыхъ пластинъ на судно; въ особенности эта операція при зыби и волнѣ становится еще болѣе трудной и кропотливой. Поэтому нѣкоторые китобои буксируютъ судномъ кита къ берегу, гдѣ для дальнѣйшей раздѣлки передаютъ другой партіи рабочихъ, имѣющихъ спеціальныя приспособленія для подъема кита на берегъ, снимапія и топленія жира; причемъ, мясо идетъ на приготовленіе пудрета, а кости вывариваются ради жира и потомъ обжижаются, служа хорошимъ удобреніемъ.

При развитіи китобойнаго промысла въ Охотскомъ морѣ устройство такихъ станцій—заводовъ, помимо своей доходности, доставило бы жителямъ значительный заработокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ давало бы имъ пропитаніе, такъ какъ инородцы очень любятъ китовое мясо. Дѣйствительно, намъ приходилось ѣсть въ жареномъ видѣ мясо нѣкоторыхъ китовъ, которое представляло прекрасную, мягкую и жирную говядину, а соленый жиръ напоминаетъ малороссійское сало. Туша кита, послѣ снятія жира, даже долго плававшая въ морѣ (3—4 дня), служитъ лакомымъ блюдомъ для здѣшнихъ инородцевъ. Жители сел. Мамечи съ большой похвалой и уваженіемъ отзывались объ одномъ старикѣ, американскомъ китобоѣ, который четвертый годъ подъ рядъ приходитъ въ Пенжинскую губу для китобойнаго промысла и всегда или самъ буксируетъ тушу кита къ берегу, или извѣщаетъ жителей объ этомъ; тогда какъ два другихъ китобоя, приходящіе вмѣстѣ съ нимъ, не дѣлаютъ этого. Онъ братъ нашъ, замѣчали мамечинцы: — мы всегда говоримъ ему спасибо и охотно ведемъ съ нимъ торговлю.

Изъ Охотскаго моря американцы увезли на нѣсколько милл. рублей китоваго уса и жиру, и одного этого достаточно, чтобы показать, какое громадное богатство мы оставляемъ безъ эксплоатаціи и какое широкое поле дѣятельности открывается предпріимчивому человѣку.

Чтобы покончить съ водными промыслами, мы должны упомянуть о могущемъ быть промыслѣ трепанговъ и жемчуга. Вдоль всего длиннаго Охотско-Камчатскаго побережья мы встрѣчали трепанговъ только между селеніями Тауйскъ и Армань и близъ поселка Инское, на морскомъ берегу. Валиковидное, покрытое множествомъ подвижныхъ эластичныхъ ножекъ, это животное достигаетъ длины 20—25 сант. и водится на мелкихъ песчаныхъ мѣстахъ въ прибрежной полосѣ; цвѣта то ярко-краснаго, то розоватаго, то темно-сѣраго. Вываренное,

высушенное и извѣстнымъ образомъ приготовленное, оно служитъ дорогимъ лакомствомъ для китайцевъ и высоко цѣнится; биржевыя цѣны на него въ разныхъ мѣстахъ Китая варьируютъ отъ 35 до 40 тэлей за пикуль, но въ розничной продажѣ онъ стоитъ иногда 2—4 р. за фунтъ. По отчетамъ китайской таможни, трепангъ служитъ предметомъ большого ввоза на значительную сумму [1]); что на него большой спросъ въ Китаѣ, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить недавнее развитіе трепанговаго промысла въ окрестностяхъ Владивостока.

Въ виду такой дороговизны трепанга крайне желательно распространеніе этого промысла на Охотскомъ побережьѣ, тѣмъ болѣе, что для него требуется только четырехъ-зубчатая острога да простая, такъ называемая, китайская драга.

Жемчугъ въ Камчаткѣ извѣстенъ со времени кажется только Дитмара, которому Явинскій тайонъ доставилъ прекрасные образцы изъ р. Голыгиной. Только въ послѣднее время нѣкоторые изъ окружныхъ начальниковъ стали интересоваться голыгинскимъ жемчугомъ и посылали образцы во Владивостокскій и Хабаровскій музеи. Во время своего двукратнаго пребыванія въ Камчаткѣ мы видѣли много этого жемчуга, между которымъ, правда, попадался бракъ тусклаго или даже коричневаго цвѣта, но большинство зеренъ прекраснаго цвѣта и блеска, величиною отъ чечевицы до крупной горошины и часто правильной, шарообразной формы.

Жемчугъ добываютъ изъ прѣсноводной ракушки Margaritana complanata Solnd. Зерна жемчуга находятся подъ оболочкой тѣла моллюска, а иногда прирастаютъ къ раковинѣ. Жемчужница попадается на каменистыхъ мѣстахъ и быстромъ теченіи р. Голыгиной и ея притоковъ, въ особенности по рѣчкѣ Жемчужной, которая вытекаетъ изъ озера, около 2 верстъ въ окружности, лежащаго на тундрѣ[2]). Ширина рѣки на мѣстѣ промысла всего до 3 саж., глубина около 1 арш.; ракушки сидятъ сплошными кучами, и по наружному виду жители узнаютъ, есть-ли жемчугъ, или нѣтъ: если наружная раковина попорчена, то внутри навѣрно можно найти жемчугъ. По словамъ Дитмара [3]), жемчугъ образуется въ сентябрѣ. Прежде жители добывали жемчугъ во всякое время лѣтомъ, лучшія зерна (они свѣт-

[1]) China Imperial Maritime Customs. 1885—1895 гг.

[2]) На тундрѣ близъ селенія есть еще озеро Келлатикъ (отъ камчадальскаго слова келлакъ—ракушка), гдѣ мы также нашли жемчужницу.

[3]) L. c., стр. 654.

лѣй) получались въ маѣ, а въ настоящее время разрѣшается ловить ракушекъ ради жемчуга съ 15 іюня по 15 августа. Кто установилъ это правило и ради какихъ цѣлей, мы не могли получить отъ голыгинскихъ жителей объясненія.

Привезенные нами образцы оцѣнены спеціалистомъ отъ 75 коп. зерно до 8 р.; допустимъ даже, что жители этихъ двухъ бѣднѣйшихъ селеній на жемчужномъ промыслѣ могли бы зарабатывать по 5—10 р. на работника, то и тогда онъ служилъ бы имъ значительнымъ подспорьемъ, такъ какъ промыселъ нерпъ, соболей и лисицъ до января здѣсь всегда плохой, вслѣдствіе постояннаго ненастья и частыхъ пургъ.

Довольно значительнымъ подспорьемъ въ продовольственномъ вопросѣ является въ нѣкоторыхъ мѣстахъ охота на птицъ. Собственно говоря, каждый инородецъ могъ бы пользоваться изобиліемъ прибрежной птицы, какъ-то разныхъ породъ утокъ и куликовъ; но для него, при ничтожныхъ платежныхъ средствахъ, каждый выстрѣлъ слишкомъ дорогъ, чтобы стрѣлять маленькаго кулика. Поэтому онъ занимается охотой на птицу только во время ея пролета большими стадами или въ періодъ линьки, когда гуси и утки, измѣнивъ свой уборъ, бываютъ не въ состояніи летать. Съ весеннимъ прилетомъ птицъ, какъ только началось гнѣздованье, жители отправляются на морскія кошки и болота рѣчныхъ долинъ для сбора яицъ разныхъ утокъ и морскихъ чаекъ, аръ и пр. Количество яицъ на плоскихъ прибрежьяхъ и островахъ бываетъ такъ значительно, что нельзя бываетъ пройти, чтобы не раздавить одинъ-другой десятокъ; яйца здѣсь не ищутъ, а только собираютъ — какъ грибы при хорошемъ урожаѣ. Яйца употребляются въ свѣжемъ видѣ и въ прокъ не заготовляются, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ зарыванія въ землю, послѣ чего они будто бы представляютъ гастрономическое кушанье— подобно тому, какъ это дѣлаютъ китайцы и японцы.

Изъ ружья птицу бьютъ иногда для временнаго довольствія; въ Камчаткѣ такъ промышляютъ гусей и лебедей; послѣдніе зимуютъ по незамерзающимъ рѣкамъ западного берега, отъ Большерѣцка до Ичинскаго острожка. Въ долинѣ р. Камчатки, недалеко отъ сел. Харчинскаго есть рядъ большихъ озеръ, на которыхъ утки собираются несмѣтными стадами; прилетъ здѣсь начинается съ 1 апрѣля и жители промышляютъ селезня, свизя, острохвоста, чирка, саксуна, савку, турпана, гагаръ, гоголя, лутка, крохоля, казарокъ и гусей. Когда, послѣ вывода птенцовъ, птица начинаетъ линять, то соби-

рается по озерамъ, изъ которыхъ Курарочное и Каменское служатъ главнымъ мѣстомъ промысла. Жители изъ разныхъ окрестныхъ селеній большими партіями, на шлюпкахъ, съ сѣтками, отправляются въ концѣ іюля и, развѣсивъ послѣднія надъ водой въ узкомъ мѣстѣ, на батахъ гонятъ стадо утокъ, главнымъ образомъ чѐрнять: птица, окруженная съ трехъ сторонъ, плыветъ къ проходу и, встрѣтивъ преграду, старается нырнуть или взлетѣть, — и то, и другое ей не удается: она запутывается въ сѣткѣ. Въ это время свободные концы сѣтки сводятся и образуютъ замкнутое кольцо; птицу руками выбираютъ и убиваютъ, нагружая цѣлые баты. Общій промыселъ ежегодно даетъ 12—16 тысячъ штукъ, которыя слегка засаливаются въ прокъ русскимъ населеніемъ.

Въ Охотскомъ округѣ птичій промыселъ болѣе распространенъ и пользуется широкою популярностью; онъ начинается также съ весенняго пролета птицъ и кончается ловомъ также во время ихъ линянія.

Сравнительно узкая территорія округа, такъ сказать прижатая пограничнымъ хребтомъ къ морю и во многихъ мѣстахъ заполненная сплошными горами, мало представляетъ удобства для лѣтовищъ птицы, которая поэтому пролетаетъ дальше, въ Колымскій и Верхоянскій округи, а здѣсь находитъ только временную станцію. Поэтому совершенно понятно, что мѣстные охотники называютъ весеннюю птицу — **пролетной**, а остающихся для вывода дѣтей — **жиловиками**. Сѣверное побережье Охотскаго моря и Колымскій хребетъ представляютъ большое удобство какъ для пролета и временной остановки, такъ и для гнѣздованья. Поэтому и самый промыселъ распадается на два срока; для пролетной птицы большая часть населенія разбивается на небольшія партіи по 2—4 человѣка и, вооружившись своими кремневыми и пистонными дробовиками, уѣзжаетъ на собакахъ верстъ за 10—20, по долинѣ рѣки, гдѣ остается около недѣли; наиболѣе бѣдные и малосемейные, а также наиболѣе лѣнивые ежедневно возвращаются на ночевку домой. На облюбованномъ мѣстѣ для промысла, обыкновенно у рѣчки, озера или просто лужи, охотникъ ставитъ прикрытіе изъ вѣтокъ, гдѣ и проводитъ цѣлый день, удѣляя всего одинъ часъ для ѣды.

Въ средѣ прежнихъ жителей, говорятъ, было больше охотниковъ до птичьяго промысла, а потому и птицы добывалось больше: привозили цѣлыя нарты гусей, лебедей и утокъ; послѣднихъ въ день убивалось иногда до 300 штукъ; теперь самою удачной охотой счи-

тается, если стрѣлокъ привезетъ за время съ 20 апрѣля по 15 мая 2—5 лебедей, десятка три гусей и съ полсотни утокъ.

Съ 1 мая по 10-е іюня, какъ только ледъ ушелъ отъ берега, появляются стада турпановъ-самцовъ, которые, вслѣдствіе значительнаго преобладанія мужского пола надъ женскимъ, большими кучами перелетаютъ съ одного мѣста на другое, преслѣдуя свою половину и вступая между собою въ ожесточенныя стычки. Въ это время самецъ-турпанъ буквально ошалѣваетъ и, забывъ всякую опасность, съ гордо поднятой головой, быстро плыветъ ко всякому предмету, напоминающему видъ самки, въ особенности, если заслышитъ свистъ охотника, подражающаго крику послѣдней. Для приманки самца, охотникъ дѣлаетъ изъ дерева чучело самки, окрашиваетъ его и привязываетъ на веревочку недалеко отъ берега (4—6 саж.); это грубое чучело «манчикъ» обоятельно дѣйствуетъ на самца, и онъ попадаетъ подъ выстрѣлъ. Особенно бываетъ хорошая охота съ манчикомъ при восходѣ и закатѣ солнца.

Во второй разъ на турпановъ охотятся во время линьки, когда они плаваютъ вблизи берега, съ 20 іюня; тогда жители на шлюпкахъ и батахъ выходятъ въ море и, завидѣвъ стадо турпановъ, стараются обойти его съ трехъ сторонъ, чтобы потомъ загнать въ устье рѣки, гдѣ задерживаютъ ихъ до конца отлива. Оставшаяся тогда на мели птица, неспособная еще летать, поголовно избивается; при удачномъ загонѣ получалось иногда 10—14 тысячъ турпановъ. Помимо цѣлаго мѣсяца продовольствія птицей, жители излишекъ засаливаютъ и сохраняютъ до зимы. Окружной начальникъ, лѣтъ восемь тому назадъ, счелъ нужнымъ запретить такой «негуманный и жестокій способъ промысла», лишивъ жителей такимъ образомъ лишняго куска пропитанія и принудивъ ихъ тратить порохъ и дробь на добываніе этой птицы.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ турпановъ ловили прежде носкомъ; это трехгранный желѣзный наконечникъ на шестѣ длиною въ 5—6 саж. съ зазубриной; носокъ осторожно подводился и цѣплялъ птицу. Рѣчную птицу кромѣ того ловятъ въ петли, или силки, привязываемыя къ тальнику. Иногда устраиваютъ «баргать»; это ничто иное какъ сѣтка, сдѣланная изъ шести палочекъ вдоль и такого же количества поперекъ; въ клѣткахъ ставятся силки изъ перьевъ альбатроса, которыя предварительно соскабливаютъ ножомъ въ тонкія нити и дымятъ цѣлую недѣлю.

На тундряныхъ равнинахъ сѣвернаго побережья гуси любятъ

останавливаться и лѣтуютъ огромными стадами. Помимо промысла на ружье, жители напр. Ямска добываютъ значительное количество ихъ во время линьки (съ 20 іюня) и засаливаютъ на зиму; промышляютъ нѣсколько тысячъ.

Въ общемъ нужно замѣтить, что обиліе птицы лѣтомъ, если не по числу видовъ, то по количеству, могло бы давать извѣстное продовольственное обезпеченіе и разнообразіе, еслибы эта охота была настоящимъ промысломъ. Но дѣло въ томъ, что здѣшній житель, избалованный изобиліемъ рыбы, оцѣниваетъ достоинство дичи не на вкусъ, а на вѣсъ. Пусть мясо гагары будетъ жестко, какъ подошва; пусть турпанъ напоминаетъ морскія водоросли; пусть осенній острохвостъ отвратительно пахнетъ рыбою, но разъ они представляютъ почтенную величину, охотникъ не смѣняетъ на нихъ никакихъ бекасовъ, кроншнеповъ и проч. Вкусъ для голоднаго человѣка—дѣло постороннее.

Никогда не нужно смѣшивать охоты, какъ спорта и забавы, охоты, правильно организованной въ культурныхъ странахъ, отъ охоты ради куска пропитанія голодающему человѣку. Конечно, хороши мѣры, охраняющія животное отъ окончательнаго истребленія; но запрещеніе добывать птицу во время линянія, т. е. послѣ того, какъ птенцы вывелись, мы называемъ жестокимъ и несоотвѣтствующимъ нуждамъ населенія. Кромѣ того: не все ли равно, въ сущности, будутъ-ли 300 гусей изъ моготысячнаго стада, направляющагося въ Колымскій край, убиты на Охотскомъ берегу или близь Ледовитаго океана: для того и другого немноголюднаго округа хватитъ перелетной птицы. Если слышатся подъ часъ жалобы, что упромышленной птицы становится меньше и меньше, что теперь въ срединѣ зимы у инородца въ числѣ его неприхотливыхъ блюдъ не появляется соленый гусь, то это нужно приписать меньшей заботливости о личномъ обезпеченіи, развившейся подъ вліяніемъ историко-экономическихъ условій; или же здѣсь играютъ роль общія климато-біологическія факторы, въ которыхъ винить хищность и варварскіе пріемы охоты инородца уже никакъ нельзя. Не запретительныя мѣры нужны, а развитіе и поощренія всѣхъ возможныхъ въ краѣ промысловъ, широкая эксплоатація тѣхъ богатствъ, которыми природа надѣлила эту суровую по климату окраину, и раціональная постановка какъ самыхъ промысловъ, такъ и надзора за ними, основанная на детальномъ изученіи, съ одной стороны, жизни и привычекъ промысловыхъ животныхъ, а съ другой—нуждъ и соціально-экономическаго положенія инородца.

Мы видѣли, что ни учрежденіе заповѣдныхъ мѣстъ для соболя, ни регламентація котиковаго промысла [1]) не привели къ увеличенію звѣря; очевидно, эти мѣры не отвѣчаютъ своей цѣли и не достигнутъ ея, пока не будетъ организованъ полный и научно-административный надзоръ за всѣми промыслами.

Кончая описаніе промысловъ здѣшнихъ жителей, не можемъ не остановиться на вопросѣ о принятіи мѣръ противъ хищническаго истребленія пушныхъ звѣрей здѣсь и вообще въ Сибири. Вопросъ этотъ неоднократно возникалъ какъ въ литературѣ, такъ и въ административныхъ сферахъ, и всегда кончался или общими разсужденіями, или частными и мѣстными мѣропріятіями, которыя, какъ показываетъ практика, не всегда вели къ желаемымъ результатамъ. Что звѣрь значительно уменьшился съ первыхъ временъ завоеванія края, это не подлежитъ сомнѣнію; «Сибирскій Вѣстникъ» [2]) приводитъ слѣдующую любопытную статистику: на Якутскую ярмарку привезено было:

	Соболей.	Лисицъ.	Песцовъ.	Бѣлокъ.	Рѣчныхъ бобровъ.	Горностаевъ.	Куницъ.	Выдръ.
въ 1830 г.	18.000	16.000	20.000	615,000	500	45.000	2.000	200
въ 1892 г.	80	4.000	3.300	107.000	100	нѣтъ.	нѣтъ.	нѣтъ.

Т. е. за 62 г. количество пушнины на ярмаркѣ уменьшилось почти въ шесть разъ; но уменьшеніе ярмарочной пушнины не есть еще дѣйствительное уменьшеніе промысла и самаго звѣря, а можетъ обусловливаться непоступленіемъ пушнины изъ нѣкоторыхъ пунктовъ и направленіемъ ея въ другія руки и на другіе рынки.

Такъ, напр., въ данномъ случаѣ за послѣднее время почти вся пушнина Охотско-Камчатскаго края, Колымскаго и Анадырскаго округовъ увозилась съ мѣста не чрезъ Якутскъ, а чрезъ Владивостокъ и Америку и поступала на заграничные рынки. По словамъ нельканскаго жителя, Харитонова, проживавшаго прежде въ Колымскомъ краѣ, изъ Якутска ежегодно ѣздили купцы, для покупки на мѣстѣ лисицъ, песцовъ и пр., тогда какъ теперь ярмарка въ Анюйской крѣпости упала; чукчи сбываютъ свою пушнину частію въ Гижигу, частію на устьѣ р. Анадыри и въ бухтѣ Провидѣнія русскимъ и американцамъ. Такимъ образомъ одно сокращеніе размѣровъ пушной торговли на Якутской ярмаркѣ ровно ничего не говоритъ объ

---

[1]) Н. Слюнинъ. Промысловыя богатства Камчатки, Сахалина и Командорскихъ острововъ. Спб. 1894 г.

[2]) «Сибирскій Вѣстникъ», 1896 г. № 63.

уменьшеніи всѣхъ звѣрей: соболь дѣйствительно уменьшился, чего однако нельзя сказать о бѣлкѣ.

Болѣе надежными данными являются статистическія свѣдѣнія окружныхъ управленій, но и они приводятся безъ всякой связи съ характеромъ зимы, обиліемъ корма, появленіемъ эпизоотій; эти факторы, вмѣстѣ взятые, такъ или иначе ограничиваютъ количество добычи. Часто повторяющіяся въ послѣдніе годы повѣтрія въ Камчаткѣ прямо лишаютъ жителей всякой возможности заниматься промысломъ; въ зимы 1896 и 1897 гг. цѣлыя селенія наповалъ были больны, и рѣдкій охотникъ, оправившись отъ разслабляющей инфлюэнцы, рѣшался пуститься за соболемъ.

Что касается разныхъ запретительныхъ мѣръ, то въ этомъ отношеніи можно пожелать болѣе детальной и всесторонней разработки правилъ, одинаковыхъ для всѣхъ округовъ: заповѣдныя мѣста, запуски, сроки промысла и самые способы и орудія лова должны быть снова пересмотрѣны—сколько въ интересахъ сохраненія звѣря, столько же ради нуждъ и потребностей жителей.

Что касается рыбныхъ промысловъ на Охотско-Камчатскомъ побережьѣ и появленія тамъ русскихъ и иностранныхъ компаній, то въ этомъ вопросѣ требуется крайняя осторожность.

Послѣ появленія отчета о первой нашей экспедиціи въ Камчатку, составилось нѣсколько рыбопромышленныхъ компаній; въ 1898 г. уже было арендовано 8 мѣстъ для эксплоатаціи рыбныхъ богатствъ, а на 1900 г. сдѣлано до 30 заявокъ. Привлеченіе промышленнаго люда на эту окраину, безъ сомнѣнія, будетъ содѣйствовать улучшенію торговли и подъему экономическаго благосостоянія края; но съ другой стороны не нужно забывать того, что развитіе здѣсь рыбопромышленнаго дѣла можетъ обездолить край и уменьшить его средства пропитанія. Уже первый опытъ лова японцевъ въ устьѣ р. Камчатки въ 1897 г. показалъ, что жители ея 17 острожковъ зимой испытали недостатокъ корма; по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, въ это лѣто они упромыслили на 100,000 рыбинъ меньше сравнительно съ 1895 г.

Въ томъ видѣ, какъ теперь ведутся рыбные промысла съ японскими рабочими, они не доставляютъ мѣстнымъ жителямъ никакого дохода и заработка. На основаніи предписанія военнаго губернатора (отъ 20 мая 1896 г. № 1) рыба должна была покупаться у жителей по 20 р. за сотню чавычи и по 5 р. за сотню красной; въ настоящее же время рыбопромышленной компаніи предоставлено право

ловить рыбу исключительно привозными рабочими. При подобной постановкѣ вопроса, жители не только лишаются какого-нибудь заработка, но совершенно устраняются отъ права владѣнія рыбными промыслами, на что они имѣютъ исторически-законное право.

Временныя правила о рыбныхъ промыслахъ въ Приморской области, введенныя въ 1895 г., почти не касаются описываемой окраины, и потому, въ интересахъ дѣла и жителей, желательна болѣе детальная ихъ разработка. Быть можетъ, учрежденіе должности рыбныхъ инспекторовъ (1898 г.) поможетъ раціональной постановкѣ этого новаго дѣла, хотя реформа и не коснулась Охотско-Камчатскаго края.

Рис. 40. Охотникъ за соболемъ и корячка въ дорожномъ костюмѣ.

ГЛАВА XI.

Занятія жителей.

(Продолженіе).

Собака и олень—лучшіе друзья сѣвернаго инородца, съ которыми онъ неразлучно живетъ и благодаря которымъ только и существуетъ; отнимите у него этихъ домашнихъ животныхъ,—и все инородческое населеніе здѣшняго края безусловно погибнетъ и перемретъ: ни домашній скотъ, ни изобиліе рыбы въ рѣкахъ не могутъ поддержать его существованіе. Насколько олень гонитъ инородца на обширную тундру и заставляетъ его постоянно мѣнять мѣста кочевокъ, по мѣрѣ уничтоженія оленьяго моха; настолько собака приковываетъ его къ одному мѣсту, пріучаетъ къ осѣдлости—ради большихъ рыбныхъ запасовъ, необходимыхъ для этого хищника. Олень зиму и лѣто находится на подножномъ корму, не требуя отъ хозяина лишнихъ хлопотъ; тогда какъ собака можетъ питаться только мясной пищей и потому должна держаться постоянно на морскомъ побережьѣ: если короткое лѣто она еще можетъ прокормиться сама, то для большей части года хозяинъ долженъ запасать рыбный кормъ, иначе онъ будетъ лишенъ средствъ сообщенія, охоты и замерзнетъ въ холодной юртѣ.

Въ виду всего этого, собаководство и оленеводство составляютъ болѣе важныя статьи здѣшняго хозяйства, чѣмъ обычное наше скотоводство. Помимо того, они больше отвѣчаютъ климатическимъ и орографическимъ условіямъ страны и меньше требуютъ со стороны инородца заботъ и тратъ времени для ухода. Только лѣтомъ и не въ каждомъ данномъ мѣстѣ можно проѣхать верхомъ на лошади, тогда какъ зимнее путешествіе на лошадяхъ чрезъ отвѣсные хребты,

при сильномъ убродѣ, на разстояніяхъ въ 200—500 верстъ, казалось бы нелѣпой затѣей, которая могла привести только къ роковой развязкѣ. Поэтому, понятны всѣ заботы и тревоги инородца, которыя вызываетъ уходъ за этими животными, служащими для переѣздовъ, охоты и въ частности олень—для всѣхъ житейскихъ потребностей.

Порода здѣшнихъ собакъ довольно смѣшанная, но, всматриваясь ближе въ строеніе головы, ростъ, пріемы и характеръ, не трудно выдѣлить слѣдующіе три типа. Всѣ путешественники по Сибири, начиная съ Марко Поло, описывавшіе ѣздовыхъ собакъ, признаютъ, что онѣ происходятъ отъ волка и имѣютъ съ послѣднимъ такъ много общаго, что иногда упряжную собаку называютъ прирученнымъ волкомъ. Небольшого росту, съ пушистой шерстью, опущеннымъ хвостомъ и острой мордой, ѣздовая собака имѣетъ конусообразное туловище съ бо̀льшимъ объемомъ груди, чѣмъ живота, и довольно длинными и тонкими ногами, приспособленными для быстраго бѣга.

Среди преставителей этой породы вы встрѣчаете экземпляры крупнаго тѣлосложенія съ широкимъ задомъ, короткими толстыми ногами и медвѣжьеобразной походкой; шерсть такихъ собакъ большею частію длинная, жесткая и черная; уши, хвость и голову она держитъ постоянно опущенными. Подобная собака отличается громадной силой и напоминаетъ монгольскую породу. У ѣздовой собаки рѣдко сохраняется хвостъ; обыкновенно на второмъ году его обрубаютъ между 2 и 3 позвонками въ виду того, что, по мнѣнію жителей, собака отъ этого становится крупнѣе и сильнѣй.

Особый, третій типъ составляетъ промысловая собака, извѣстная подъ именемъ тунгузской, или ламутской, съ длинной и острой мордой, короткой шерстью и сангвиническаго характера. Эта послѣдняя отличается необыкновенно сильно развитымъ чутьемъ, такъ необходимымъ на промыслѣ звѣря. Звѣровая собака вообще средняго роста, на тонкихъ и длинныхъ ногахъ, съ сильно развитыми грудными мышцами; одна изъ особенностей этихъ собакъ—это выразительныя глаза и особыя, цвѣтной шерсти, кружки или пятна подъ или надъ глазами, что часто даетъ имъ названіе «двоеглазки». Она всегда весела, рѣтива, неутомима, на бѣгу понятлива.

Среди этихъ трехъ типичныхъ представителей, вы встрѣчаете много варіацій и помѣсей, изъ которыхъ нужно выдѣлить коряцкую собаку: шерсть ея пушиста и часто очень коротка, морда длиннѣе, но шире, чѣмъ у ламутской; движенія медленны. Она хорошо знаетъ

своего хозяина и никогда не станетъ ласкаться къ постороннему, какъ ѣздовая или ламутская.

Сообразно своему назначенію, ѣздовая и промысловая собаки съ ранняго возраста подвергаются особой дрессировкѣ и воспитанію. Знатоки дѣла говорятъ, что щенка промысловой собаки обязательно постоянно нужно держать въ юртѣ или избѣ, для того, чтобы у него лучше развивалось «чутье»; тогда какъ предназначаемыя для ѣзды должны оставаться всю зиму на воздухѣ и вначалѣ сопровождать нарты, во время ѣзды. Питаніе тѣхъ и другихъ должно быть обильно ради лучшаго роста; по той же причинѣ хорошій хозяинъ никогда не запрягаетъ въ нарту собаку раньше 2 лѣтъ,—иначе она будетъ малосильной и захудалой. Обыкновенно пріучаютъ къ ѣздѣ съ 6—8 мѣс., всегда вмѣстѣ съ старыми собаками и то только для короткихъ и легкихъ поѣздокъ за водой и дровами. Собака, какъ упряжное животное, служитъ 8—10 л., послѣ чего становится слабой и глухой; продолжительность ея жизни зависитъ отъ работы и ухода, но свыше 18 л. мы рѣдко встрѣчали животныхъ. Не каждая собака оказывается годной для ѣзды, а тѣмъ болѣе быть передовой; рѣзвость и выносливость собаки, помимо природныхъ качествъ, много зависятъ отъ хорошаго за ними ухода и извѣстный системы кормленія. Для ѣзды употребляются только кобели и всегда кастрированные.

Среди упряжныхъ животныхъ всегда отличаютъ такъ называемую передовую, главныя достоинства которой состоятъ въ томъ, что она понимаетъ команду хозяина, куда и какъ нужно ѣхать, и что она должна обладать громадной памятью мѣстности, чтобы не блуждать по тундрѣ и въ тайгѣ и чтобы найти въ ненастную погоду дорогу.

Опредѣлить трудъ собаки очень трудно, и это зависитъ отъ частоты ѣзды, разстояній, величины груза и питанія. Въ этомъ отношеніи упряжная собака довольно выносливое и неприхотливое животное. Потягъ, или запряжка, какъ мы говорили, состоитъ изъ 9—11 собакъ; среднимъ числомъ такой потягъ везетъ грузъ 12 — 15 пудовъ, не считая вѣса самого каюра, который по временамъ присаживается на облучекъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ѣдетъ проѣзжій, вѣсъ груза нарты, конечно, меньше, но зато ѣзда всегда быстрѣй. Смотря по мѣстности и состоянію снѣга, скорость ѣзды на собакахъ колеблется между 3 и 15 верстами въ часъ.

Зимняя ѣзда обыкновенно вызываетъ цѣлый рядъ заболѣваній у

собакъ; здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно поставить страданіе лапъ. Подмерзшій, но неплотный снѣгъ, не выдерживающій собаку на ходу, рѣжетъ ей лапы, которыя тогда сильно кровоточатъ. Заботливый каюръ, отправляясь въ дальній переѣздъ, всегда запасается собачьими тарбасами, т. е. небольшими мешечками изъ оленьей ровдуги, которые надѣваются на больную ногу. Если появляется опухоль и собака начинаетъ сильно хромать, ее выпрягаютъ и пускаютъ на волю. При ѣздѣ по кочкамъ, ухабамъ или застругамъ, а также при неожиданной встрѣчѣ оленя и куропатокъ, собака, вслѣдствіе быстраго прыжка, получаетъ вывихъ передней лопатки, который въ большинствѣ случаевъ навсегда калѣчитъ животное.

Вслѣдствіе переутомленія, при плохомъ кормѣ въ пути, а также отъ ударовъ по головѣ и хребту тяжелымъ остокомъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, у собаки развиваются нервныя страданія, сопровождающіяся судорогами. Такая собака впослѣдствіи всегда будетъ плохой возницей.

Падежъ собакъ обусловливается главнымъ образомъ ихъ голодовкой; помимо этого есть повидимому и эпидемическія заболѣванія. Такъ, послѣ употребленія въ пищу долголѣтняго рыбнаго корма собаки начинаютъ худѣть, теряютъ шерсть и заболѣваютъ воспаленіемъ глазъ, которое передается даже человѣку, вызывая у него тяжелыя формы воспаленія глазного яблока, съ мозговыми явленіями. Намъ не разъ приходилось наблюдать подобныя страданія, трудно поддававшіяся обычному леченію.

Кромѣ этихъ заболѣваній мы встрѣчаемъ собачью чуму (или брюшной тифъ), отъ которой собаки (не кастрированныя) чаще всего погибаютъ въ началѣ второго года; съ леченіемъ этой болѣзни инородцы не знакомы. Жители отличаютъ еще особую форму болѣзни, которую они называютъ «дикуша»: собака дѣйствительно дичаетъ, бѣжитъ отъ жилья и хозяина; она сильно безпокоится, охотно залѣзаетъ въ темный уголъ и отчасти напоминаетъ наше бѣшенство собакъ (Lyssa). Не смотря на нѣсколько случаевъ укуса такими собаками человѣка и другихъ животныхъ, у послѣднихъ никогда не развивалось тяжелаго страданія; такъ что, къ счастію, нужно думать, что настоящее бѣшенство собакъ еще не проникло на далекую окраину [1]).

[1]) Палласъ думалъ, что здѣшніе собаки совсѣмъ неподвержены водобоязни: Zoographia Rosso-Asiatica, v. I, p. 60

Въ 1890 г. въ Камчаткѣ появилась на собакахъ новая, не наблюдавшаяся раньше болѣзнь, отличительными признаками которой были кашель, насморкъ и воспаленіе глазъ. Заболѣвшая собака сильно худѣла и потомъ пропадала. Болѣзнь наблюдалась эпидемически и быстро распространилась по округу.

Какъ хищное животное, питающееся исключительно рыбой, рѣдко мясомъ нерпъ и оленей и не любящее хлѣба, здѣшняя собака оказывается весьма неудобнымъ животнымъ для другихъ видовъ скотоводства и птицеводства: если собака не на привязи, она непремѣнно задушитъ курицу и растерзаетъ теленка. Въ этомъ сказывается только страсть хищника и непривычка жить въ средѣ домашнихъ животныхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда здѣшнія собаки чаще видятъ послѣднихъ и когда онѣ сыты, такихъ случаевъ не наблюдается. Намъ нужно было употребить полтора года на то, чтобы наша звѣровая чистокровная собака «Чукча» не трогала домашней кошки и курицы; но и послѣ этого иногда кровожадность хищника сказывалась, если собака забывала уроки прошлаго.

Вслѣдствіе этого, здѣшнія собаки подчинены особому административному режиму, въ силу котораго онѣ всегда должны быть на привязи: зимой въ самомъ селеніи или городѣ, а послѣ 1-го мая—внѣ черты жилья. Подобныя распоряженія существуютъ во всѣхъ здѣшнихъ округахъ, хотя выполняются съ неодинаковой точностью. На нашъ взглядъ, эта мѣра крайне тяжела для животнаго, а во вторыхъ затрудняетъ нѣкоторыя его отправленія. Представьте себѣ стаи собакъ, привязанныхъ далеко отъ жилья, часто безъ корма и воды, лѣтомъ, въ знойный день, при тѣхъ тучахъ комаровъ и мошкары, которыми славятся здѣшнія рѣки. Отъ боли собака теряетъ аппетитъ, вѣчно безпокоится и наконецъ совсѣмъ околѣваетъ, не имѣя возможности скрыться въ кустахъ или травѣ отъ надоѣдливаго насѣкомаго.

Особенность всѣхъ здѣшнихъ собакъ состоитъ въ томъ, что онѣ не лаютъ, а только воютъ: стоитъ только одной начать, какъ ея сверстницы, одна за другой, принимаютъ участіе въ общемъ концертѣ, оглашая окрестности. Воютъ онѣ или передъ обычнымъ часомъ кормежки, или зимой зачуявъ путника, приближающагося къ селенію. Кромѣ того, какъ мы убѣдились изъ многократныхъ наблюденій, ихъ вой всегда предвѣщаетъ перемѣну погоды—гораздо раньше, чѣмъ начинается измѣненіе въ стояніи барометра.

Цѣна ѣздовой собаки отъ 3 до 5 рубл., передовой—20—30 и

и даже 50 р.; простая охотничья цѣнится 10—25 р., но мы видѣли звѣровыхъ собакъ, которыхъ хозяева не уступали по 100 р.

Къ расширенію собаководства администрація предпринимала нѣкоторыя мѣры, въ большинствѣ случаевъ, недостигавшія результатовъ, такъ какъ вслѣдствіе плохого ухода и эпизоотій количество ихъ сильно уменьшалось—главнымъ образомъ въ Петропавловскомъ округѣ. Такъ въ 1889 г. ихъ было около 11,000, а въ 1891 г. убавилось до 5,900 [1]). Сильный надежъ собакъ повторяется каждый годъ, когда случается недоходъ рыбы или когда запасы приготовляемой юколы пропадаютъ отъ сырой погоды.

Особая комиссія, по предложенію военнаго губернатора, занимавшаяся вопросомъ объ улучшеніи экономическаго положенія жителей Камчатки, между прочимъ коснулась и собаководства. Для улучшенія породы собакъ, по ея мнѣнію, положено пріобрѣсти на средства казны отъ анадырскихъ чукчей [2]) 10 самцовъ и разослать ихъ по селеніямъ (въ 64 сел.!) западнаго и восточнаго береговъ въ вѣдѣніе сельскихъ старостъ. Въ 1896 г. мѣстная администрація также предлагала купить, для улучшенія породы, собакъ въ Гижигинскомъ округѣ, который, по оффиціальнымъ и нашимъ частнымъ даннымъ, меньше всего ими богатъ, да и самая порода ихъ, какъ ѣздовыхъ животныхъ, оставляетъ желать многаго. Словомъ, вмѣсто улучшенія ухода и содержанія собакъ, обращались къ старинному способу — покупать и доставлять всякую скотину на казенный счетъ.

Кормленіе собакъ съ начала зимы требуетъ особаго надзора: пока еще не установился санный путь, имъ даютъ большею частію аргизъ по одной штукѣ въ сутки, вечеромъ; собака быстро поправляется и становится тяжелой для ѣзды; передъ поѣздкой количество корма убавляютъ на половину. Такая діета продолжается 2—3 дня; при недостаткѣ корма даютъ въ 3—4 дня одинъ разъ, иногда только однѣ кости отъ юколы.

Какъ только устанавливается зимній путь, собакъ выѣзжаютъ на небольшихъ разстояніяхъ, какъ говорятъ здѣсь, разминаютъ, безъ

---

[1]) См. во II т. Приложеніе 6-е, табл. I.

[2]) Породы и качество упряжныхъ собакъ были описаны нѣсколько разъ: Геденштремъ: Сибир. Вѣстн. III, стр. 98—129; Врангель—особая глава во 2 т. его путешествія; Сарычевъ. Путешествіе, т. I, стр. 40—46. Камчатка имѣла свою хорошую породу, которую Миддендорфъ называетъ камчатско-американской: Путешествіе, ч. II, стр. 521 и 525.

чего пуститься въ дальній путь нельзя, иначе и каюръ, и пассажиръ измучаются.

Собаки одного хозяина везутъ дружнѣй, чѣмъ сборныя, и кромѣ того всегда оживленнѣй, если рядомъ, на свободѣ бѣжитъ годовалый щенокъ, этотъ добровольный спутникъ: онъ, забѣгая впередъ, вертится около передовой, ласкается съ ней и потомъ вдругъ пускается стремглавъ; тогда передовая, какъ бы не желая отстать, тоже подхватываетъ, а вмѣстѣ съ ней и весь потягъ стремительно несется. Но разъ потягъ догналъ свободнаго щенка, послѣдній, какъ-бы понимая, что его роль кончилась, сворачиваетъ въ сторону отъ дороги, пропуская мимо себя нарту,—и тогда собаки снова бѣгутъ тише.

Въ дорогѣ собакъ кормятъ обязательно сухимъ кормомъ, юколой, а на трудныхъ переѣздахъ даютъ нерпичій жиръ. Въ первые два—три дня ѣзды, собакамъ въ дорогѣ даютъ нѣсколько разъ передышку, не кормя ихъ; послѣ остановки на ночлегъ собакъ сейчасъ не кормятъ, а только послѣ отдыха; утромъ, передъ выѣздомъ снова даютъ имъ половину «кости». Такая діэта тянется первая три дня; послѣ этого собакъ кормятъ уже съ вечера, на ночевкѣ, давая по цѣлой юколѣ или кости. Если собака хорошо разомнется, даютъ по 2 кости и всегда подкармливаютъ верстъ за 5 до ночлега; тогда утромъ уже не кормятъ больше.

Съ марта мѣсяца, послѣ долгой ѣзды, когда собака хорошо «разобьется», ее кормятъ, когда и сколько придется, по 2—3 кости, нѣсколько разъ въ день: весной чѣмъ собака жирнѣй, тѣмъ лучше. Если наступаютъ очень сильные холода, собакъ стараются поправить лучшимъ кормленіемъ. Жирная лѣтняя собака (т. п. «начасный» жиръ) быстро худѣетъ въ зимніе дни, но пожирѣвшая въ холодное время хорошо и долго сохраняется.

Въ виду всего сказаннаго, собачій кормъ въ дорогѣ составляетъ весьма существенный вопросъ для проѣзжающаго; на длинныхъ переѣздахъ, даже при небольшомъ караванѣ собакъ, его требуется громадное количество. Разстояніе между селеніями Инскимъ и Тауйскомъ, съ разными небольшими задержками по случаю пурги, мы сдѣлали въ 16 дней, но еслибы по р. Кавѣ былъ сильный убродъ, то вѣроятно намъ бы пришлось потратить и 26 дней только въ одинъ конецъ, что, при составѣ каравана въ пять нартъ, требуетъ почти 2.000 собачьихъ юколъ, такъ что для погрузки ихъ потребуется 3—4 нарты, а слѣдовательно увеличивается и число собакъ, для которыхъ въ теченіи 16 дней нужно новую тысячу костей; т. е. ока-

зывается, что нарты заняты главнымъ образомъ не вашими вещами, а собачьимъ кормомъ. Положимъ, по мѣрѣ расходованія собачьяго корма, нарты освобождаются, но въ 1) за время ѣзды нѣсколько собакъ оказалось негодными, а 2) ни одинъ каюръ, хорошо зная здѣшніе капризы погоды, не согласится ѣхать обратно солистомъ. И дѣйствительно, оторвись собаки отъ потяга и уйди,—каюръ обязательно долженъ погибнуть.

Каждый каюръ беретъ такое количество собачьяго корма, чтобы ему хватило въ одинъ конецъ съ небольшимъ остаткомъ; на обратный путь приходится позаимствовать его, хотя это не всегда возможно.

На длинныхъ переѣздахъ, кромѣ большой траты времени, собачій кормъ составляетъ значительное неудобство и ложится тяжелымъ бременемъ на обывателей. Эти неудобства осложняются еще тѣмъ, что рѣдкій хозяинъ здѣшнихъ селеній, въ особенности въ Петропавловскомъ и Гижигинскомъ округахъ, такъ заботливъ, чтобы заготовить достаточное на зиму количество корма по расчету на количество собакъ. Во многихъ мѣстахъ его не хватаетъ уже въ концѣ февраля, а въ мартѣ начинается собачій недокормъ. Голодное животное съѣдаетъ ремень, которымъ бываетъ привязано, перегрызаетъ палку и уходитъ на берегъ рѣки, ко взморью или къ сайбамъ, гдѣ подбираетъ выпавшіе остатки кислой рыбы, если только вороны не успѣли ихъ поклѣвать.

Олень, обусловливая бродячій образъ жизни инородца, служитъ ему для всевозможныхъ переѣздовъ и перевозовъ, хотя въ настоящее время какъ между тунгусами, такъ и коряками замѣчается наклонность держать ѣздовыхъ собакъ для подвозки дровъ и поѣздокъ въ селенія. Извѣстно, что на оленѣ не только въ селеніе, но даже близко къ нему нельзя подъѣхать: собаки, почуявъ запахъ животнаго, обязательно сорвутся съ привязи и растерзаютъ оленя. Перекочевки и переѣзды вдали отъ населенныхъ пунктовъ совершаются на оленныхъ нартахъ; корякъ настолько любитъ ѣзду на оленяхъ, равно какъ и самихъ животныхъ, что гнушается ѣздой на собакахъ. Въ парадныхъ и важныхъ случаяхъ табуновладѣлецъ впрягаетъ лучшаго бѣлаго оленя въ легкія сани и стрѣлой несется по тундрѣ, не разбирая рытвинъ, ухабовъ и холмовъ. Закинувъ рога назадъ и высунувъ языкъ, олень какъ-бы вытягивается, дѣлая большіе скачки и отбрасывая на васъ кучи снѣга; только при сильно убитомъ снѣгѣ копыто оленя не тонетъ, а въ большинствѣ случаевъ онъ проваливается тамъ, гдѣ собака послѣ себя оставляетъ едва замѣтный отпечатокъ когтей. Эта

азартная ѣзда на небольшихъ разстояніяхъ отличается большою скоростью, и нужно имѣть замѣчательную ловкость, чтобы въ это время, сидя бокомъ на передкѣ, безъ барана собачьей нарты, удержаться на нартѣ. Скорость ѣзды въ такихъ случаяхъ достигаетъ 14 — 18 верстъ въ часъ, но это сильно утомляетъ животное, а иногда совсѣмъ губитъ.

Эта ѣзда и не должна приниматься во вниманіе, такъ какъ она скорѣе дѣло спорта, [1]) а не подводной повинности. Усть-Майскіе тунгусы, отправляясь изъ Нелькана въ Аянъ за чаемъ, обыкновенно прибываютъ туда въ 6—7 дней; если взять во вниманіе, что ѣзда совершается только днемъ, что оленя въ теченіи дня нужно покормить 2—3 раза, мы получаемъ 40—42 ѣздовыхъ часа, что составитъ пять верстъ въ часъ: ѣзда, какъ видно, не изъ скорыхъ, даже съ пустыми нартами, а съ грузомъ чая это разстояніе, при хорошей погодѣ, проѣзжаютъ приблизительно въ 12 дней, или при 6 часовой ѣздѣ въ день, по $3^1/_3$ версты въ часъ.

Бродячіе коряки хотя и не обязаны подводной повинностью, но охотно соглашаются давать оленныя нарты не только за плату, но даже даромъ, какъ напр., Гижигинскому миссіонеру, котораго впрочемъ они не любятъ. Нарта съ двумя оленями по хорошему снѣгу сначала бѣжитъ скоро, по нашимъ вычисленіямъ, 7—8 в., но потомъ олени скоро устаютъ. Быстрой ѣзды намъ не приходилось испытывать; по словамъ тунгусовъ, на однихъ и тѣхъ же оленяхъ можно проѣхать 150 в. въ сутки, а на перемѣнныхъ до 250.

Зимняя оленная нарта отличается отъ собачьей только нѣсколько большими размѣрами; пара оленей—быковъ везетъ обыкновенно 15—25 пуд. грузу; больше 10 л. олень, какъ ѣздовое животное, не служитъ.

Вьючатъ оленей или садятся верхомъ на нихъ надъ самыми передними лопатками, даже на шею. Оленье сѣдло такъ мало, что на немъ съ трудомъ, и то при особенномъ навыкѣ, можно держаться; къ тому-же оно безъ стремянъ и безъ подпруги, а подвязывается лишь тонкимъ ремнемъ. Вмѣсто узды также служитъ ремень, обхватывающій шею оленя. Все это при подвижности оленьей спины, отъ густой короткой и толстой шерсти и отъ подкожнаго жира, чрезвычайно неловко и ненадежно.

Гораздо больше значенія имѣетъ для бродячаго инородца олень, чѣмъ

[1]) Смотри описаніе оленнаго спорта у Майделя, т. I, стр. 145 — 148, 504—506.

собака для осѣдлаго: олень не только возитъ, но кормитъ, одѣваетъ, обуваетъ и согрѣваетъ кочевника. Оленеводство, если и не требуетъ приготовленія запасовъ корма и постройки зимнихъ помѣщеній, какъ для лошадей и рогатаго скота, тѣмъ не менѣе оказывается болѣе труднымъ видомъ скотоводства, чѣмъ два послѣдніе. Главная тяжесть оленеводства состоитъ въ ежедневномъ и неусыпномъ надзорѣ за животными, которыя или разбредаются на безконечной тундрѣ ради корма, или разбѣгаются во время сильной пурги, или же, при отсутствіи присмотра, сильно страдаютъ отъ волка, слѣдующаго такъ сказать по пятамъ за своей лакомой жертвой.

Большіе табуны оленей быстро уничтожаютъ мохъ, которымъ они питаются главнымъ образомъ зимой, — и это понуждаетъ хозяина искать новыхъ кормовищъ. По словамъ коряковъ и тунгусовъ, на пастбищахъ оленій мохъ снова выростаетъ только черезъ три года, но такъ какъ табуны у коряковъ достигаютъ значительной цифры 10—18 тысячъ головъ, то это обстоятельство заставляетъ разбивать табунъ на части, а, во-вторыхъ, постоянно мѣнять мѣсто. На одной Гижигинской тундрѣ намъ называли слѣдующихъ коряковъ и тунгусовъ съ большими стадами: Амміаузгинъ—4 т., Вачагыргинъ—5 т., Хаттинга—10 т., Окко—12 т., Арма—6 т., Аѳанасій—4 т., Аллалагъ съ сыномъ—12 т., Кулё (у Олюторска)—15 т., Тыпэга—5 т., Альвачи—5 т., Хачилхутъ съ братомъ—10 т., Эвмито—5 т., Тунгусы: Михаилъ — 5 т., братъ его — 3 т., Илья — 6 т., Ѳедоръ — 15 т., Абрамъ—18 т.; всего 215 т. оленей.

Лѣтомъ кормъ оленя обильнѣе, такъ какъ онъ большею частію питается листвой тальника, травой и грибами, но зато въ жаркое время сильнѣй страдаетъ это сѣверное животное. Помимо страданій отъ укусовъ комаровъ и мошекъ, которые вызываютъ малокровіе, олень мучается отъ слѣпней и оводовъ, одинъ звукъ которыхъ приводитъ животное въ сильное нервное состояніе. Олень бросается въ кусты, лезетъ въ воду и на костеръ, несется стремглавъ по долинѣ, сбрасывая неловкаго сѣдока, лишь бы только укрыться отъ этого страшнаго для него насѣкомаго. Двѣ группы этихъ жестококрылыхъ преслѣдуютъ оленя потому, чтобы положить свои яйца подъ кожей или въ носовой полости животнаго, гдѣ потомъ развиваются личинки, превращающіяся слѣдующей весной снова въ жестококрылое.

О болѣзняхъ оленей мы уже говорили (гл. VI); распространеніе названныхъ эпизоотій настолько бываетъ сильно и такъ быстро онѣ развиваются, что прошлую зиму корякъ или тунгусъ, считавшій

себя мѣстнымъ крезомъ, теперь является несчастнымъ бѣднякомъ, которому не только кормиться не чѣмъ, но даже не на чѣмъ перекочевать отъ хребта къ устью рѣки, чтобы тамъ добывать себѣ пропитаніе изъ морскихъ богатствъ. Эти эпизоотіи почти ежегодно повторяются въ разныхъ мѣстахъ; въ 1892 г. въ Петропавловскомъ округѣ погибло около 2000 оленей; въ 1893 г. родъ Марковыхъ Усть-Майскихъ тунгусовъ потерялъ всѣхъ своихъ оленей (около 3 т.).

Помимо этого на оленяхъ сильно сказываются суровыя и многоснѣжныя зимы. Зима 1896/7 г. ясно показала это вредное вліяніе: она отличалась необыкновенной суровостью и частыми пургами, свидѣтелемъ которыхъ намъ не разъ приходилось быть во время проѣзда. Всѣ моховыя тундры были завалены и забиты снѣгомъ такъ, что олень не могъ копытомъ его пробивать. Вынужденные такими невзгодами, бродячіе инородцы ушли съ тундры къ морскому берегу въ надеждѣ, что здѣсь меньше снѣга; но оказалось, что зима вездѣ была одинакова. Коряцкій староста около Тигиля жаловался намъ, что отъ подобной безкормицы онъ потерялъ въ эту зиму до 400 оленей.

Волки также производятъ значительныя опустошенія въ стадахъ оленей. Стаи этихъ хищниковъ слѣдуютъ по пятамъ за табунами, выжидая удобнаго случая для нападенія. Главнымъ образомъ, они нападаютъ ночью, когда нѣтъ возможности его стрѣлять за темнотой; но и днемъ, завидя отдѣлившагося оленя, хищникъ пускается за нимъ въ слѣдъ и всегда догоняетъ свою добычу.

Ѣздовые олени, подобно собакамъ, всегда кастрируются, и это сказывается какъ на общемъ видѣ животнаго, такъ и на формѣ роговъ [1]).

---

[1]) Для каждаго возраста и пола у тунгусовъ существуютъ особыя названія.

Вообще олень по-тунгузски—оронъ, по-коряцки ореви.

	Аянскіе тунгусы.	Камчатскіе ламуты.	Коряки.
Самецъ: до 1 году	тыгы	хангачанъ	каюйю
отъ 1 до 2 л.	энхяканъ (или мулканъ)	мулканъ	нэнуэль
до 3 л.	иктянá	иттá	кэймынта
4 л.	неэркянъ	нёркянъ	чечаманта
5 л.	амарканъ (быкъ)	амарканъ	ныйэ-карбаланъ.
6 л.	джюктери	джюпты	чимха.
Послѣ этого вообще называется	кёрба	гелрыкъ	нѣтъ названія.
Самка: 1 году	нямуканъ	одинаково съ самцомъ.	
до 2 л.	чагары	гулкы	чучуванъ-катъ.
3 л. (родитъ)	нями	нямы	вуэнкой.

Олень даетъ бродячему инородцу слѣдующіе продукты и матеріалы:

1) Прежде всего главное пропитаніе—мясо, которое употребляется только въ вареномъ видѣ; но тунгусы готовятъ вяленый консервъ, разрѣзая мясо на маленькія и тонкія пластинки, которыя высушиваются лѣтомъ на солнцѣ, а зимой—надъ костромъ. Инородцы ѣдятъ мясо въ громадномъ количествѣ; средній олень даетъ 4—5 пуда мяса съ костями, которое съѣдается небольшой семьей въ два дня. На потягъ собакъ каждый день для корма нужно по одному оленю.

2) Жиръ частію поѣдается съ мясомъ, частію собирается и въ перетопленномъ видѣ употребляется на освѣщеніе. Онъ въ плошкахъ изъ камня или жести горитъ оченъ свѣтло и не даетъ большой копоти, что не нравится корякамъ, потому что большая копоть отъ нерпичьяго жиру нужна для «дымленія» шкуръ, о чемъ мы скажемъ ниже.

Олeнiй мозгъ трубчатыхъ костей и языки служатъ большимъ лакомствомъ; первый—въ сыромъ видѣ, а второй — вареный или копченый.

3) Главное значеніе имѣютъ получающіяся шкуры трехъ сортовъ: шкура теленка утробнаго или умершаго вскорѣ послѣ появленія на свѣтъ, называется выпороткомъ и по своей нѣжности шерсти употребляется только на подкладку теплой одежды. 1—2 годовалый теленокъ даетъ шкуру, называемую пыжикомъ и считающуюся лучшей для мѣховой одежды. Шкура взрослаго оленя въ сыромъ необработанномъ видѣ употребляется для подстилки и называется постелью. Кожа съ голени оленя имѣетъ спеціальное назначеніе для шитья обуви (тарбасовъ) и называется тогда камасами.

Для разныхъ цѣлей домашняго обихода оленья шкура подвергается разнообразной выдѣлкѣ. Замѣтимъ только предварительно, что всѣ заботы и трудъ выдѣлки оленьихъ шкуръ, шитье платья и обуви, приготовленіе нитокъ изъ оленныхъ жилъ и пр. все это лежитъ на обязанности женщинъ главнымъ образомъ во время зимы. Наблюдая инородческую жизнь въ теченіи двухъ лѣтъ, мы всегда удивлялись трудолюбію, изобрѣтательности и извѣстному вкусу, которые проявлютъ инородческія женщины, въ особенности корячки, въ хозяйственномъ быту. Начнемъ съ кухлянокъ, для того, чтобы сшить кухлянку изъ оленьихъ шкуръ, нужно, чтобы онѣ предварительно хорошо высохли и провѣтрились; тогда хозяйка, разославъ шкуру на доскѣ шерстью внизъ, скоблитъ ножомъ (рис. 41) внутреннюю сторону, съ цѣлью удалить жиръ, остатки засохшаго мяса и сухожи-

лія. Только послѣ нѣсколькихъ такихъ манипуляцій шкура становится годной для шитья и становится мягкой. Совершенно такимъ же образомъ выдѣлываются выпоротки и пыжики.

Темныя и пестрыя шкуры идутъ главнымъ образомъ на верхнюю часть дорожныхъ кухлянокъ, а свѣтлыя — на мѣховую подкладку. Эти послѣднія подвергаются болѣе тщательной выдѣлкѣ и обработкѣ, съ цѣлію сдѣлать ихъ болѣе мягкими. Для этого женщина бьетъ и третъ ихъ особымъ камнемъ — халболомъ и потомъ уже скоблитъ аутомъ, въ которомъ круглый ножъ помѣщается по срединѣ деревянной рукоятки, или же въ концѣ (см. рис. 7). Кромѣ того для хорошей кухлянки изнанка нижняго мѣха красится въ кирпично яркій цвѣтъ. Окраска эта приготовляется слѣдующимъ образомъ: берется кора одного вида ольхи; иногда прибавляютъ еще тополевую кору, смотря потому, какой оттѣнокъ окраски хотятъ получить. Все это кипятится

Рис. 41. Ножъ коряцкой работы — для скобленія кожъ.

въ водѣ, въ которую, послѣ процѣживанія, кладутъ шкуру, или же рукой натираютъ ея оборотную сторону. Послѣ этого шкура свертывается въ четверо, шерстью наружу; даютъ немного полежать и затѣмъ начинаютъ мять ее руками. Когда послѣ этого шкура подсохнетъ, ее мнутъ ногами, пока не получится равномѣрная мягкость.

Если желаютъ получить черный цвѣтъ изнанки кожи, то къ ольховому отвару коряки прямо прибавляютъ грязную воду, остающуюся въ корытѣ точильнаго камня, — и этой смѣсью натираютъ. Спеціально для окраски шерсти, шкура должна быть хорошо вымыта мыльной водой или настоемъ золы, для удаленія съ нея жирныхъ веществъ. Тогда получается совершенно ровная, черно-матовая окраска.

Окрашенныя такимъ образомъ шкурки идутъ на узоры и украшенія кухлянокъ, камлеекъ (по-тунгузски наймн), упpopовъ, тарбасовъ и передниковъ и пр.

Выдѣлка ровдуги гораздо сложнѣе и требуетъ больше времени. Если ровдуга предназначается для покрыши юртъ или будетъ слу-

жить брезентомъ, то не особенно заботятся о выборѣ шкуръ. Мы уже упоминали, что оленья шкура иногда оказывается продырявленной, вслѣдствіе большого количества развитія личинокъ слѣпня; иногда оленя убиваютъ, когда эти личинки не успѣли окончательно сформироваться и проложить себѣ путь наружу. Тогда ровдуга, при разсматриваніи на свѣтъ, кажется странной мозаикой, и послѣ обработки выходитъ неровной и мохнатой; гораздо хуже, если личинки уже вышли на свѣтъ божій и на мѣстѣ ихъ развитія остались небольшія отверстія: такая ровдуга скоро рвется и не предохраняетъ отъ дождя. Выбрать оленью шкуру совершенно безъ дыръ чрезвычайно трудно, ибо въ теченія лѣта насѣкомое успѣло отложить подъ кожей громадное количество личинокъ.

Выдѣлка ровдуги начинается съ дымленія шкуръ; для этого послѣднія рѣдко развѣшиваются въ юртѣ надъ и около костра и жирника (т. е. плошки съ нерпичьимъ жиромъ), а въ большинствѣ случаевъ предварительно служатъ занавѣсой для полога, которая въ теченіи зимы достаточно продымится. Такимъ образомъ инородцы готовятъ ровдугу только для себя; для продажи же прибѣгаютъ къ болѣе упрощенному способу: послѣ разминанія и сдиранія жилъ при посредствѣ аута, шкуру подвѣшиваютъ надъ костромъ часовъ на 10 или на сутки; потомъ, смочивъ теплой водой и свернувъ шкуру шерстью внутрь, оставляютъ до утра, когда приступаютъ къ удаленію шерсти аутомъ на длинной ручкѣ. Шерсть удаляется легко, потому что успѣваетъ за ночь, какъ говорятъ здѣсь, подопрѣть; еще лучше и чаще она удаляется, если шкуру только что убитаго оленя завертываютъ изнанкой наружу и кладутъ въ тепломъ мѣстѣ: на другой день она легко вылѣзаетъ.

Дальнѣйшая выдѣлка ровдуги зависитъ отъ ея назначенія: для брезентовъ—она только высушивается, немного разминается и обязательно дымится,—отъ этого она не раскисаетъ при дождѣ и въ сырую погоду. Если ровдуга идетъ на разныя домашнія потребности, какъ напр. на тарбасы, передники, камлейки и упованы, то она самымъ тщательнымъ образомъ выскабливается аутомъ и нѣсколько разъ разминается, а потомъ съ цѣлью придать ей мягкость раза два намазывается массой изъ печени оленя и рыбы. Послѣ такой манипуляціи ее оставляютъ въ свернутомъ видѣ на нѣсколько часовъ и потомъ снова мнутъ халболомъ. Въ концѣ концовъ ровдуга получаетъ видъ прекрасной бѣлой замши, и продается 1—1 $^1/_2$ р. при мѣновой торговлѣ, т. е. въ переводѣ на понятный языкъ 1

кирпичъ чаю или 1 ф. русской папуши; обработка ея занимаетъ 2—4 дня; иначе сказать, что трудъ женщины цѣнится въ день 10—15 коп. Постель, т. е. въ сыромъ видѣ оленья шкура здѣсь цѣнится около 50—60 к. Ровдула также чернится и въ этомъ видѣ идетъ на тарбасы, брюки и перчатки. Послѣ обыкновенной выдѣлки ровдуга прежде всего дымится «гличиной», т. е. гнилой лиственницей въ теченіи 3—4 часовъ; далѣе сложивъ ее въ нѣсколько разъ, оставляютъ полежать такъ, чтобы она хорошо дымомъ пропиталась. Потомъ ее кладутъ въ обыкновенный холодный отваръ ольхи; когда ровдуга промокнетъ, ее натираютъ точильной грязью при помощи заячьей лапки или куска оленьей шерсти и сушатъ. Если окраска получилась неровная и слабая, то повторяютъ ту же операцію.

Камасомъ [1]) называется часть оленьей шкуры, снятой только съ голени; онъ употребляется спеціально для обуви, т. е. тарбасовъ, потому что не мокнетъ и не пристаетъ къ снѣгу. Снятый и высохшій камасъ представляетъ жесткій лоскутъ кожи, который въ рукахъ опытной корячки становится мягкимъ; здѣсь кромѣ обычнаго скобленія и разминанія прибѣгаютъ къ другому, чисто первобытному пріему для размягченія: послѣ обычныхъ манипуляцій корячка мнетъ его зубами, смачивая слюной. Чтобы судить о трудности обработки, нужно взять во вниманіе, что на тарбасы идетъ 12—16 штукъ камасовъ, а на длинные—25—30, съ которыми корячка должна провозиться 2—3 недѣли, отрываясь на короткое время для домашнихъ работъ; въ мѣновой торговлѣ, смотря по выдѣлкѣ и цвѣту шерсти, пара тарбасовъ идетъ за 3 р., т. е. за 2—3 кирпича чаю.

Съ голени оленя снимаются также жилы (т. е. сухожилія), которыя потомъ просушиваются; изъ нихъ женщины готовятъ нитки, исключительно употребляемыя для шитья обуви, одежды, ковровъ и уповановъ. Обыкновенно, нитяного прядева нѣтъ въ продажѣ, и нужно замѣтить, что обыкновенныя нитки совершенно негодились бы для шитья тарбасовъ; такъ какъ лѣтомъ и осенью въ здѣшней тайгѣ и тундрѣ обувь инородца постоянно мокрая, то при обыкновенномъ шитьѣ тарбасы не могли бы прослужить и одного мѣсяца, потому что нитки сгнили бы.

Обработка жилъ состоитъ въ томъ, что ихъ предварительно расщепляютъ на тонкіе шнурки и затѣмъ, дѣля еще на волокна, за-

---

[1]) Бѣлые камасы не употребляются для обыкновенныхъ тарбасовъ, и шьются только для покойниковъ.

кручиваютъ, и сучатъ нитки на рукахъ. Это довольно кропотливая операція: въ теченіи дня, какъ приходилось видѣть, женщина можетъ приготовить 50—100 нитокъ, длиною каждая около двухъ четвертей.

Расщепленіе жилъ и приготовленіе изъ нихъ нитокъ служитъ у коряковъ прекраснымъ средствомъ для испытанія характера и расторопности новобрачной.

4) Кровь оленя также утилизируется для пищи и на этомъ былъ основанъ старинный способъ убіенія оленей у тунгусовъ: обыкновенно, накинувъ петлю на шею, прикрѣпляли его къ тремъ лѣсинамъ; затѣмъ, привязавъ палку поперекъ оленя, тянули его и такимъ образомъ достигали удушенія. Это дѣлалось ради сбереженія крови, которую, впрочемъ, не всѣ здѣшнія инородцы ѣдятъ. Теперь просто закалываютъ оленя ножомъ въ сердце, но кровь, выходящую черезъ рану, всегда старательно собираютъ въ отдѣльную чашку и употребляютъ потомъ въ пищу. Кровь, излившаяся во внутренности, на первое время оставляется въ шкурѣ, чтобы послѣдняя была мягче, а потомъ служитъ для корма собакъ.

Говоря о выдѣлкѣ камлеекъ и ровдугъ, нельзя не упомянуть здѣсь и выдѣлку другихъ шкуръ, которая также лежитъ на обязанности женщины. Шкуры нерпъ, лахтаковъ, акибъ и сивучей имѣютъ большое примѣненіе въ житейскомъ быту инородца и подвергаются различной выдѣлкѣ, смотря по назначенію. Онѣ очищаются отъ жира и шерсти, красятся въ различные цвѣта и проч. Такъ, изъ шкуры акибы (Phoca ochotensis)[1]), какъ болѣе тонкой и нѣжной, приготовляется мандара̀, т.-е. ремни для подвязыванія тарбасовъ, которые дѣлаются бѣлыми, черными и красными. Снятая шкура завертывается шерстью внутрь и заворачивается въ сѣно; 2—3 дня ее такимъ образомъ «квасятъ», послѣ чего шерсть легко вылазитъ; далѣе—скоблятъ и намазываютъ икрой внутреннюю сторону; немного спустя—мнутъ руками. Когда кожа немного подсохнетъ, изъ нея шьютъ мѣшокъ, въ который кладутъ распаренную кору ольхи и золу отъ тополевыхъ полѣнъ; спустя сутки — окраска готова. Внутренняя сторона снова скоблится большимъ скребкомъ, а наружная только обтирается тополевыми стружками (хэгри или шагри). Бѣлые ремни для тарбасовъ называются нюлята.

Шкура той же акибы, очищенная отъ шерсти и черненая, упо-

---

[1]) Этотъ видъ нерпы въ Охотскомъ округѣ называютъ халюмка.

треблятся на бродни, т.-е. лѣтніе тарбасы, и отличается тѣмъ, что мало пропускаетъ воду.

Шкура отъ самокъ сивучей идетъ на ковры и тарбасы; сивучьи тарбасы считаются щегольствомъ, но на морозѣ плохо согрѣваютъ ноги. Шкура самцовъ сивучей идетъ на подошвы, а также на приготовленіе сѣтей, которыми ловятъ здѣсь вообще тюленей. Только что снятую кожу, сложивъ шерстью внутрь, парятъ однѣ сутки, а затѣмъ послѣ удаленія шерсти рѣжутъ спирально на тонкіе ремешки, изъ которыхъ и вяжутъ невода.

Шкуры нерпъ (Phoca canina) и ларгъ, главнымъ образомъ весеннія, употребляются на ремни, служащіе для собачьей упряжи и замѣняющіе въ хозяйственномъ быту нашу веревку. Осенняя шкура не годится для этой цѣли, такъ какъ захваченная морозомъ въ сыромъ видѣ, она потомъ ломается. Снятую шкуру разрѣзаютъ на пять частей и затѣмъ рѣжутъ спиралью ремень, шириною въ два пальца; послѣ чего его вытягиваютъ между двумя лѣсинами. Когда ремень просохнетъ, съ него соскабливаютъ шерсть, и потомъ протягиваютъ въ отверстіе доски меньшаго діаметра, съ цѣлію выравнить и закруглить его. Наконецъ, свернутый въ бухту, онъ подвергается дымленію. Такая бухта бываетъ длиной отъ 6 до 10 сажень ручныхъ и продается за $1^1/_2$—3 р.

Изъ шкуры ларги или черной нерпы (Phoca larga) чаще всего дѣлаютъ переметныя сумы для вьючныхъ грузовъ на оленяхъ и лошадяхъ.

Скотоводство есть уже культурное занятіе здѣшнихъ инородцевъ, за исключеніемъ развѣ якутовъ, привитое русскими. Мы уже говорили, что Правительство, озабачиваясь доставкой казенныхъ грузовъ и желая обезпечить продовольствіе мѣстныхъ инородцевъ на случай голодовокъ, прилагало много стараній къ размноженію лошадей и рогатаго скота въ Охотско-Камчатскомъ краѣ.

При первомъ знакомствѣ съ четырьмя здѣшними народностями, русскіе не нашли ни лошадей, ни рогатаго скота; только якуты, впослѣдствіи переселенные на Охотское побережье, привели съ собой домашнюю скотину. Это племя издавна извѣстно было за отличныхъ скотоводовъ и хорошихъ наѣздниковъ. Объ этомъ упоминается въ челобитныхъ по дѣлу Копылова (1639 г.)[1], о которомъ мы упоми-

[1]) Дополненіе къ Историч. Актамъ, т. II, стр. 232.
[2]) Т. II, S. 469.

нали; о скотоводствѣ у якутовъ писалъ еще старикъ Витсенъ[1]); во всякомъ случаѣ Сибирь обязана якутамъ распространеніемъ лошадей за полярный кругъ, въ возможности чего сомнѣвался еще Палласъ[2]). Точно также и въ Охотскомъ краѣ коневодство началось съ приходомъ туда якутовъ, и нужно сказать, идетъ у нихъ гораздо лучше, чѣмъ у камчадаловъ и русскихъ.

То же самое нужно замѣтить относительно рогатаго скота: какъ прежде, такъ и теперь онъ гораздо лучше у якутовъ, чѣмъ у русскихъ крестьянъ-переселенцевъ. Рогатый скотъ завезенъ въ Камчатку Павлуцкимъ (1733 г.), а немного позже—въ Удской острогъ, такъ какъ здѣсь, по архивнымъ розысканіямъ Миддендорфа, уже въ 1745 г. предписывались мѣры, которыя должны были быть приняты въ случаѣ появленія скотскаго падежа; черезъ два года удскимъ земледѣльцамъ посланы были «казенный рогатый скотъ, казенные жеребцы и казенные кобылы», которые въ теченіи 50 л. оставались, по выраженію Миддендорфа, при злополучномъ числѣ 22 головъ[2]). Относительно Камчатки Стеллеръ[3]) не могъ нахвалиться, что этотъ полуостровъ необыкновенно благопріятенъ для скотоводства, такъ какъ скотъ, привезенный туда, быстро увеличивается ростомъ и улучшается[4]).

Въ настоящее время скотоводствомъ занимаются въ Охотскомъ округѣ—якуты и осѣдлые тунгусы, въ Гижигинскомъ—коряки сел. Наяхано, въ Петропавловскомъ—камчадалы и давно осѣдлые корякипомѣсь; кромѣ того онъ существуетъ у русскихъ всѣхъ названныхъ округовъ.

Въ 1895 г. какъ видно изъ Приложеній 6 и 7, въ Охотскомъ округѣ числилось: лошадей 277, рогатаго скота 477; въ Петропавловскомъ—первыхъ 691 голова, а второго—1,997 г.; иначе сказать, что въ первомъ округѣ одна корова приходится на $2^1/_2$ души осѣдлаго населенія, а во второмъ—на 3 души.

Породу лошадей и рогатаго скота трудно опредѣлить, но, судя по историческимъ даннымъ, нужно думать, что это—якутская. Лошади низкаго роста, сутоловатаго сложенія, съ короткой шеей, небольшой головой и короткими толстыми ногами; шерсть довольно длинная.

---

1) Reise. III, S. 18, 23.

2) L. c., ч. II, стр. 551.

3) L. c., стр. 54, 86 и 140.

4) Бэмъ, Рейнике и Завойко особенно заботились о распространеніи скотоводства въ Камчаткѣ; въ 1781 г. здѣсь лошадей насчитывалось 138, а рогатаго скота 272 головы. При Завойко завезены были даже овцы, но скоро истреблены голодными собаками.

особенно на ногахъ. Ходятъ подъ верхомъ и съ грузомъ всегда шагомъ; при принужденіи—небольшой рысью, и то на короткое время. Главное достоинство здѣшней лошади—это ея спокойный нравъ и осторожная походка, въ особенности по болотамъ и тундрѣ: въ такихъ случаяхъ, прежде, нежели твердо ступить, она какъ будто пробуетъ почву подъ собой, и если проваливается до живота, то не рвется выбраться, а постепенно и осторожно вылѣзаетъ изъ «зыбуна». Выдимо, она настолько освоилась съ здѣшней почвой, что подъ часъ не слушаетъ хозяина въ выборѣ тропы, а руководствуется своимъ опытомъ, какъ намъ часто приходилось убѣждаться въ этомъ.

Лошадь употребляется только для верховой ѣзды и перевозки грузовъ вьюкомъ, причемъ быстро утомляется и скоро худѣетъ, не смотря на хорошій подножный кормъ; запрягать ее въ телѣгу или сани, по мѣстнымъ орогафическимъ особенностямъ, не приходится.

Лошади всегда пасутся на подножномъ корму, котораго лѣтомъ вездѣ большое изобиліе, тогда какъ зимой онѣ выбираютъ мѣста съ топкимъ и нетвердымъ снѣгомъ, разгребая его ногами; если, послѣ сильныхъ вѣтровъ, снѣгъ дѣлается убойнымъ и твердымъ, гложутъ кору ольхи, ветлы и тальника. Въ рѣдкихъ случаяхъ хозяинъ прикармливаетъ ихъ сѣномъ, запасы котораго всегда дѣлаются въ ограниченномъ количествѣ и которое дается только коровамъ. Вслѣдствіе этого за зиму лошади сильно худѣютъ и въ началѣ весны не годятся для ѣзды. Пасутся всегда на свободѣ, не стреноженныя, подъ охраной и управленіемъ одного жеребца, который, при появленіи не только волка, но даже посторонняго человѣка, сгоняетъ табунъ въ одну кучу, самъ оставаясь впереди, поодаль. Такіе табуны иногда годами не видятъ своего хозяина, и тогда дичаютъ настолько, что поймать ихъ становится невозможнымъ. Мы видѣли табуны такихъ одичалыхъ лошадей въ долинѣ р. Разсосины, у Столбовой тундры, близь хребтика Байдарка. По разсказамъ жителей, подобные же табуны встрѣчаются по р. Козыревской.

Жители охотятся за этими лошадьми, стрѣляя ихъ изъ ружья на кормъ для собакъ, но сами брезгаютъ кониной.

Малое развитіе здѣсь коневодства объясняется съ одной стороны отсутствіемъ на него потребности, такъ какъ для зимней перевозки служитъ собака, а съ другой — плохимъ уходомъ. Что ѣзда на лошадяхъ зимой по западному берегу полуострова и по долинѣ р. Камчатки возможна, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, такъ какъ здѣсь нѣтъ крутыхъ холмовъ и глубокаго снѣгу; но жителямъ не

приходится возить большихъ тяжестей, и потому они довольствуются собачьей упряжью. Когда одинъ командиръ парохода Добровольнаго флота заказалъ камчадаламъ доставить на устье р. Камчатки мачтовое бревно лиственницы, обѣщая за это хорошо заплатить, они были поставлены въ затруднительное положеніе и отказались. Съ развитіемъ лѣсопромышленности, нужно думать, коневодство получитъ другое назначеніе и разовьется какъ въ Камчаткѣ, такъ и по нѣкоторымъ рѣкамъ Охотскаго побережья, какъ напр. въ сел. Наяхано, Ямскъ, Тауйскъ и пр.

Цѣна лошади колеблется отъ 30 до 60 р.

Гораздо больше значенія для здѣшнихъ инородцевъ имѣетъ рогатый скотъ, но видимо они за 160 л. практики не научились должному за ними уходу. Оттого коровы всегда малорослы и малодойны; обыкновенно убитая корова даетъ 6—7 пудовъ мяса съ костями; молока получается въ сутки не больше двухъ бутылокъ. Зависитъ-ли послѣднее обстоятельство отъ ея породы, или-же обусловливается тѣмъ, что теленокъ долгое время остается сосуномъ, не беремся рѣшить: корова такъ привыкла къ сосуну, что безъ его присутствія никогда не дастъ молока.

По отношенію къ климату и корму здѣшній рогатый скотъ вполнѣ приспособленъ; питаясь лѣтомъ на обширныхъ пастбищахъ, онъ быстро поправляется, но уже осенью принужденъ довольствоваться сухой травой на корнѣ. Зимой, правда, ему даютъ сѣно, но держатъ большею частью въ холодныхъ хлѣвахъ, и потому онъ значительно худѣетъ; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ намъ приходилось видѣть зимой коровъ на одномъ подножномъ кормѣ.

У якутовъ Охотскаго округа этотъ видъ скотоводства находится въ лучшемъ положеніи: они запасаютъ больше сѣна и даютъ корма ad libitum; содержатъ ихъ въ теплыхъ хлѣвахъ, составляющихъ всегда половину ихъ юрты и имѣющихъ всегда открытое сообщеніе.

Молочные продукты гораздо больше цѣнятся якутами, чѣмъ камчадалами: якутъ никогда не сядетъ за столъ безъ «урюма» и «тары», тогда какъ камчадалъ рѣдко пьетъ молоко и не знаетъ ни творога, ни сливокъ, ни разныхъ якутскихъ молочныхъ приготовленій.

Помѣхой къ разведенію рогатаго скота отчасти служитъ омегъ, наѣвшись котораго коровы, обыкновенно, погибаютъ, и медвѣди: еслибы здѣсь паслись стада подъ надзоромъ пастуховъ, то подобныхъ несчастій не наблюдалось бы. Отсутствіе сбыта молочныхъ продуктовъ и трудная доставка скота даже въ Петропавловскъ лѣ-

томъ служатъ главными причинами малочисленности скотоводства; къ этому нужно прибавить время отъ времени повторяющіяся эпизоотіи, истребляющія много скота; при отсутствіи ветеринара и полномъ незнаніи способовъ леченія, жители оказываются въ безпомощномъ положеніи. Замѣтимъ кстати, что здѣшній рогатый скотъ очень часто страдаетъ жемчужной болѣзнью (туберкулёзъ), что по всей вѣроятности и вызываетъ частыя заболѣванія у камчадаловъ чахоткой.

Цѣны на рогатый скотъ сильно мѣняются, смотря по мѣсту и времени года; обыкновенно, за голову живого скота платятъ отъ 15 до 40 р. въ Камчаткѣ, а въ Аянѣ и Охотскѣ за пригнанный изъ Якутской области отъ 30 до 50 р. Мясо лѣтомъ продается 10—12 руб. за пудъ въ Петропавловскѣ, 6—8 р. въ Охотскѣ и Аянѣ; зимой, вслѣдствіе подвоза мороженаго мяса изъ округа цѣна опускается до 4—6 р. за пудъ. По своимъ качествамъ, оно низкаго сорта, такъ какъ жестко и нежирно. Молочные продукты также дороги: бутылка молока неменѣе 15 — 20 к., фунтъ водянистаго масла 60 — 70 к.; все это можно найти въ весьма ограниченномъ количествѣ.

Безпечность камчадала въ скотоводствѣ такъ велика, что мѣстная администрація, въ видахъ поддержанія послѣдняго, принуждена была прибѣгать къ запретительнымъ мѣрамъ насчетъ продажи. Камчадалъ могъ продать на мясо только 3—4-ую голову изъ наличія своего рогатаго скота.

Заготовка сѣна, не смотря на прекрасные повсюду сѣнокосы, производится не во-время и въ ограниченномъ количествѣ. Часто приходилось слышать жалобы, что время сѣнокосовъ совпадаетъ съ главнымъ ходомъ рыбы и что поэтому они не успѣваютъ справляться съ сѣнокосомъ: въ этомъ объясненіи можно видѣть только недомовитость камчадала и низкую ступень его общественнаго развитія. Если въ Охотскомъ округѣ существуютъ общественные неводы и паевой дѣлежъ нерпичьяго и даже рыбнаго промысла, то при существующемъ способѣ лова рыбы въ Камчаткѣ запорами, сельское общество всегда могло бы распредѣлить работниковъ, назначивъ одну часть ихъ для заготовки общественнаго сѣна. Если мѣстное начальство теперь посылаетъ казаковъ для наблюденія за своевременнымъ ловомъ рыбы, то скорѣй нужно было тѣмъ или другимъ способомъ достигнуть учрежденія общественнаго сѣнокошенія: какъ бы ни былъ лѣнивъ и безпеченъ инородецъ, все-таки скорѣй онъ позаботится о насущномъ кускѣ продовольствія для себя, чѣмъ для скота, который, по его мнѣнію, можно пустить зимой на подножный кормъ.

Посмотримъ теперь, каково хлѣбопашество и огородничество въ описываемомъ краѣ.

Трудно перечислить всю массу предписаній и распоряженій, направленныхъ къ развитію хлѣбопашества въ краѣ съ перваго времени его завоеванія: о хлѣбопашествѣ заботились въ Удскомъ острогѣ, Охотскѣ, Ямскѣ и въ особенности въ Камчаткѣ; но получавшіеся отрицательные результаты заставили въ большинствѣ этихъ опытовъ отказаться отъ мысли обезпечить населеніе мѣстнымъ зерновымъ хлѣбомъ. Общія климатическія условія края и прибрежное положеніе большинства здѣшнихъ селеній оказывались слишкомъ неблагопріятными для этого. Въ главѣ IV мы указали на то, что климатъ Охотско-Камчатскаго края несравненно суровѣе, чѣмъ это можно было бы ожидать по его широтному положенію; главныя причины этого лежатъ въ близости зимняго центра холода (въ Якутской области) и сосѣдствѣ края съ двумя холодными морями. Море, какъ извѣстно, производитъ всегда умѣряющее дѣйствіе на температуру воздуха, но Охотское море носитъ полярный характеръ и не можетъ достаточно согрѣть сѣверныхъ и западныхъ вѣтровъ. Болѣе благотворное вліяніе на растительность оказываетъ Тихій океанъ, съ его теплымъ теченіемъ Куро-сиво, но оно только небольшою вѣтвью касается южной части полуострова, а съ сѣвера вдоль берега проходитъ холодное теченіе. Холода въ Петропавловскѣ рѣдко превышаютъ — 20° C, а средняя температура самыхъ теплыхъ дней въ Авачинской губѣ держится не свыше 15° C; напротивъ, по западному берегу Камчатки зимніе морозы гораздо больше, а лѣто гораздо теплѣе (за три мѣсяца средняя въ Тигилѣ + 19 °).

Развитію хлѣбопашества по берегамъ Охотскаго моря мѣшаютъ главнымъ образомъ поздніе утренники весной и ранніе заморозки осенью, такъ что не только хлѣбные злаки, но и болѣе выносливый картофель не успѣваютъ созрѣвать. Близость моря и открытое положеніе также оказываютъ вредное вліяніе па огородно-хлѣбную растительность: въ Удскомъ острогѣ [1]) всегда были прекрасныя овощи и созрѣвалъ ячмень, а теперь въ Чумиканѣ, на устьѣ р. Уды, и въ Аянѣ даже картофель не родится.

Въ болѣе выгодныхъ условіяхъ находится долина р. Камчатки.

По наблюденіямъ, сдѣланнымъ агрономомъ Кегелемъ въ 1844 г.,

---

[1]) Въ 1780 г. въ Удскомъ посѣяно ржи 60 фунт., снято 531 ф.; въ 1781 г. посѣяно ячменя 17 ф., снято 150 ф.; въ томъ же году, но въ другомъ мѣстѣ посѣянный ячмень не созрѣлъ. Словцовъ, l. c. стр. 355.

съ 1 мая по 1 ноября, въ селеніи Мильковѣ, подъ 54,75° широты и на высотѣ около 900′ надъ моремъ, средняя температура трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ оказалась = + 14,32° самое большее тепло (23 іюля) = +26°, послѣдній весенній утренникъ 14 мая = —½°, а первый осенній 16 августа = —1°. Между тѣмъ средняя температура августа была + 12,32°, т. е. равна с.-петербургской; три же лѣтніе мѣсяца, противъ Петербурга, оказались на 2° теплѣе, а сентябрь и октябрь холоднѣе. Всего ближе шестимѣсячный климатъ Милькова подходитъ къ климату Томска и Иркутска, гдѣ хлѣбъ хорошо родится, а потому, еслибы 1844 годъ можно было принять за нормальный, нельзя сомнѣваться, что хлѣбъ въ долинѣ рѣки Камчатки, на высотѣ почти 1000′ надъ моремъ, долженъ созрѣвать. Внизъ-же по теченію рѣки, на мѣстахъ менѣе возвышенныхъ, но болѣе закрытыхъ отъ вѣтровъ, климатъ еще благопріятнѣе; но здѣсь особенно вредны посѣвамъ ранніе инеи, происходящіе отъ близости высокихъ горъ, которыя или покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, или весьма рано имъ покрываются; также не благопріятствуютъ болотистыя сырыя мѣста, которыми изобилуетъ долина рѣки Камчатки; ибо доказано, что инеи наиболѣе повреждаютъ посѣвы въ мѣстахъ низкихъ и сырыхъ, въ падяхъ и въ долинахъ, гдѣ воздухъ быстро охлаждается ночными испареніями. Дождя и снѣгу въ долинѣ рѣки Камчатки выпадаетъ немного: въ продолженіи 184 дневныхъ наблюденій агронома Кегеля было: дней ясныхъ 52 (всего болѣе въ августѣ, именно 13), дождливыхъ и снѣжныхъ 29 (всего болѣе въ сентябрѣ и октябрѣ, именно по 6). Въ нижней части Камчатской долины, отъ села Кирганика до сел. Ключи, снѣгу выпадаетъ такъ мало, что лошади цѣлую зиму ходятъ на подножномъ корму; далѣе же, до устья рѣки Камчатки, снѣгу опять болѣе и холода сильнѣе, чему причиною служитъ то, что понизившіяся уже въ тѣхъ мѣстахъ горы не останавливаютъ морскихъ вѣтровъ, несущихъ стужу и влагу. Для этой части Камчатской долины имѣютъ большое значеніе окружающіе ея дѣйствующіе вулканы Ключевской, Шевелючъ и др.: въ селеніяхъ Ключевскомъ, Крестахъ и Козыревскомъ зима мягче, а лѣто жарче.

Исторія камчатскаго земледѣлія начинается съ первой экспедиціи Беринга и водворенія пахатныхъ крестьянъ въ 1743 г. въ Большерѣцкѣ, Верхнекамчатскѣ и Нижнекамчатскѣ; Шмалевъ избралъ для хлѣбопашества урочище Кимитино, вблизи Машурскаго селенія; Пленеснеръ и Бэмъ приложили много труда на расширеніе хлѣбо-

пашества по Камчатской долинѣ; Голенищевъ, Рейнике и наконецъ Завойко продолжали эти опыты хлѣбопашества съ неодинаковымъ успѣхомъ: при Бэмѣ рожь родилась сама=11, ячмень самъ=12, а при другихъ посѣвы погибали отъ утренниковъ и инея, который жители научились предвидѣть заранѣе и для предупрежденія употребляли слѣдующее оригинальное средство: разъ воздухъ начинаетъ быстро охлаждаться, надъ нивой, по колосьямъ, проводятъ веревкой и такимъ образомъ стряхиваютъ съ нихъ росу.

Сопоставляя всѣ результаты камчатскаго хлѣбопашества за 170 л. [1]), приходимъ къ тому заключенію, что по климатическимъ условіямъ оно возможно только по р. Камчаткѣ между селеніями Верхнекамчатскъ и Ключевское, на весьма небольшой полосѣ, представляющей сухое мѣсто съ богатымъ черноземомъ и незанятой сплошными зарослями лѣса. Это годное для хлѣбопашества пространство, однако, нужно раздѣлить на двѣ слѣдующихъ полосы: 1) верхнюю, отъ сел. Верхнекамчатскаго до сел. Кирганика, лежащую приблизительно на 900′ выше моря; 2) среднюю, между послѣднимъ острожкомъ и сел. Ушки, и 3) южную, между Ушками и Ключевскимъ.

Въ первой полосѣ выпадаетъ много снѣгу, который сходитъ поздно, а потому и трава здѣсь является не ранѣе половины или конца мая; такъ какъ ширина долины на верховьяхъ рѣки не болѣе 10—15 верстъ и горы покрыты большею частію снѣгомъ, то струи холоднаго воздуха, часто побиваютъ растительность у подножья. Послѣдній отдѣлъ недостаточно заслоненъ горами отъ вѣтровъ, которые наносятъ туда влагу, покрывающую землю на зиму глубокимъ снѣгомъ; сверхъ того, находящееся въ этой части селеніе Ключевское, въ которомъ по сіе время производились главнѣйшіе опыты надъ хлѣбосѣяніемъ, стоитъ между двухъ огромныхъ сопокъ, вышиною въ 16.500′ и 11.000′, которыя, безъ сомнѣнія своими вершинами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ, и своимъ пепломъ оказываютъ большое вліяніе на температуру долины. Благопріятнѣе всѣхъ средній отдѣлъ Камчатской долины: тутъ встрѣчается лиственница, которой ниже нѣтъ; снѣгу выпадетъ очень мало; эта часть долины имѣетъ до 30 верстъ ширины, и горы, ея окаймляющія, лучше защищаютъ ее, а потому воздухъ менѣе охлаждается. Пространство, годное такимъ образомъ для земле-

[1]) См. опыты земледѣлія въ Камчаткѣ, въ Вѣстн. Имп. Р. Г. Общ., 7—8; т. II.—Труды Вольно-экономич. Общ. 1847, т. LXXXIII.—Гагемейстеръ. Статистическое обозрѣніе Сибири. Спб. 1854, ч. II. стр. 677 и слѣд.

дѣлія, никакъ не можетъ быть менѣе 3.000 кв. верстъ, или 30.000 десятинъ, за вычетомъ даже болотъ, неспособныхъ къ воздѣлыванію; одна нижняя его часть, между селеніями Ушки, Ключевское и Еловка, гдѣ хлѣбъ и теперь сѣется, имѣетъ въ себѣ около 5.000 кв. верстъ. Кромѣ того Голенищеву, по указанію бывшаго тогда садовника Ридера, было отведено близь Петропавловска для земледѣлія 28,658 десятинъ земли.

Такимъ образомъ въ Камчаткѣ, по этимъ даннымъ, оказывается до 60 т. десятинъ земли, на которыхъ возможно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, хлѣбопашество. [1]) Посмотримъ теперь, какое количество хлѣба собирается въ Камчаткѣ?

Изъ приложенныхъ во II т. статистическихъ таблицъ видно, что въ настоящее время сѣютъ только ячмень и коноплю, которые не вездѣ хорошо созрѣваютъ, и не всегда даютъ сѣмена; а отъ посѣвовъ ржи давно уже отказались, по ихъ малой пригодности.

Ячмень сѣется въ 3—5 острожкахъ и свѣдѣній о результатахъ посѣвовъ за 1891—1896 г. оказалось въ областномъ управленіи недостаточно. Самымъ земледѣльческимъ селеніемъ оказывается Ключевское, сборы ячменя въ которомъ немного превышаютъ 1.000 пудовъ, что, при наличности населенія, на каждую душу составляетъ около 3 пуд.,—количество весьма недостаточное даже при здѣшней нетребовательности къ хлѣбному довольствію.

Изъ бумагъ полицейскаго управленія за прежніе года однако видно, что подъ посѣвами ячменя считалось (за 1890 г.) до 600 десятинъ земли, что средняя цифра посѣва простиралась до 3.000 пудовъ, а сборъ достигалъ 20.000 пуд.; иначе сказать, что по расчету окружного правленія урожай ячменя равнялся самъ—шесть—семь. Если эти цифры признать вѣрными, то нужно допустить, что за послѣднія 7 лѣтъ хлѣбопашество въ Камчаткѣ пришло въ сильный упадокъ (см. Прилож. 6-е, табл. II, сборъ ячменя).

Одно изъ болѣе важныхъ обстоятельствъ, тормозящихъ развитіе хлѣбопашества, это не созрѣваніе ржи и ячменя и порча ихъ инеемъ. Первое зависитъ отъ недостаточнаго количества тепловыхъ единицъ, получаемыхъ въ вегетаціонный періодъ, и холодной сырости морскихъ вѣтровъ, а второе обусловливается, какъ мы говорили, ранними заморозками.

Посѣвы ячменя производятся между 10 и 20 мая, хотя и бы-

---

[1]) Т. е. почти по 7 десятинъ на каждую душу населенія.

ваютъ уклоненія въ зависимости отъ болѣе или менѣе долгаго лежанія снѣга; конопля всегда сѣется немного позже. Обработка полей производится такими первобытными орудіями, которыхъ теперь трудно найти даже въ глухихъ деревняхъ европейской Россіи: это небольшая, съ одной лопастью, соха и еле связанная тальникомъ борона, величиною не больше 2 арш. каждой стороны. Рыхлая почва тучнаго чернозема, смѣшаннаго съ вулканическимъ пепломъ, не требуетъ особаго размельченія, и потому земля подъ посѣвъ вспахивается всего одинъ разъ и затѣмъ, послѣ посѣва, боронится.

Уборка какъ конопли, такъ и ячменя производится между 15 и 25 августа; причемъ стебли съ женскими цвѣтами (или такъ называемыя замашки, по мѣстному *посконь*) совсѣмъ не собираютъ, говоря, что изъ нихъ прядево выходитъ всегда хуже. Это нужно объяснить тѣмъ, что здѣшнія женщины выбирали посконь передъ началомъ уборки конопли, когда она значительно попортилась. Стебель конопли не подвергается мочкѣ, какъ это практикуется у русскихъ, а прямо мнется для полученія волокна, идущаго главнымъ образомъ на неводное прядево. Снопъ конопли продается за $1^1/_2$—2 р., пудъ ячменя стоитъ 2—3 р.

Зерно ячменя толчется въ ступахъ или размалывается на ручныхъ мельницахъ японскаго типа: это два небольшихъ камня, одинъ изъ которыхъ приводится въ движеніе посредствомъ рычага изъ палки.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что хлѣбопашество, послѣ продолжительныхъ и усиленныхъ заботъ Правительства, не привилось въ Камчаткѣ и въ настоящее время не играетъ почти никакой роли въ жизни здѣшнихъ крестьянъ; камчадалы же никогда не занимались имъ.

Гораздо больше успѣха имѣло огородничество, которое даетъ нѣкоторое разнообразіе въ пищевомъ довольствіи жителей. Первые огороды въ Камчаткѣ были заведены при Бэмѣ, который и распространялъ картофель между населеніемъ. Огородныя овощи, какъ картофель, рѣпа, морковь, капуста, рѣдька и свекла распространены почти повсемѣстно, за исключеніемъ корякскихъ поселковъ Гижигинскаго округа и сѣверныхъ селеній Камчатки, начиная съ Кахтаны и Уки по обоимъ берегамъ. Отсутствіе здѣсь огородничества объясняется не климатическими и почвенными условіями, а нерасположеніемъ коряковъ къ этому занятію и нелюбовью къ огороднымъ овощамъ. Послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что чукчи, близкіе по происхожденію и сосѣди, копаютъ разныя

коренья растеній или собираютъ ихъ въ мышиныхъ норахъ. Карагинскіе коряки и паланцы, больше другихъ приходящіе въ соприкосновеніе съ русскимъ населеніемъ Тигиля, до сихъ поръ не садятъ кортофеля, а сарану хотя копаютъ лѣтомъ, но на зиму не запасаютъ. Въ Паланскомъ селеніи жители не занимаются огородничествомъ, ссылаясь на то, что у нихъ ничего не можетъ расти. Это предубѣжденіе существуетъ кажется со временъ Кегеля; но въ 1897, мѣстный священникъ посадилъ огородныя овощи: катофель, рѣпу, брюкву, и получилъ хорошіе результаты; даже капуста дала небольшіе вилки. Здѣсь даже пробовали сѣять табакъ черкасскій; листъ вышелъ хорошій, но дальнѣйшей обработки жители не знали.

Въ Охотскомъ округѣ на каждую душу осѣдлаго населенія въ среднемъ (за 6 л.) получается 1,7 пуда картофеля въ годъ, тогда какъ въ Петропавловскомъ—больше 3 пуд. [1]).

Приготовленіе грядъ начинается послѣ того, когда земля совершенно оттаетъ, причемъ въ это же время примѣшивается навозъ для удобренія. Садятъ картофель между 20 мая и 10 юня, а по сѣверному побережью—отъ 10 до 25 іюня. Гряды копаютъ желѣзными лопатами (см. фототипію, табл. XX), которыми также и выкапываютъ картофель; соха для этого, даже въ земледѣльческихъ селеніяхъ, не употребляется.

По изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, картофель требуетъ для полнаго созрѣванія болѣе 3.000° тепла [2]), между тѣмъ въ Охотско-Камчатскомъ краѣ вегетаціонный періодъ его продолжается отъ 75 до 85 дней; но такъ какъ средняя температура наиболѣе теплаго времени въ Петропавловскѣ равняется 15° С., то понятно, что на созрѣваніе картофеля расходуется гораздо меньше тепла, почему и величина его рѣдко достигаетъ большихъ размѣровъ, между тѣмъ, какъ въ Тигилѣ и Ямскѣ онъ всегда бываетъ крупныхъ размѣровъ. Уборка картофеля производится послѣ 1 сентября, когда по ночамъ наступаютъ порядочные морозы.

Картофель хранится только въ избахъ, потому что, при вѣчной мерзлотѣ на небольшихъ глубинахъ, здѣшніе погреба служатъ только ледниками. Кромѣ обычнаго употребленія въ вареномъ видѣ, картофель служитъ, при нуждѣ, для приготовленія суррогата кофе: для этого вареный картофель поджаривается на сковородахъ, пока от-

---

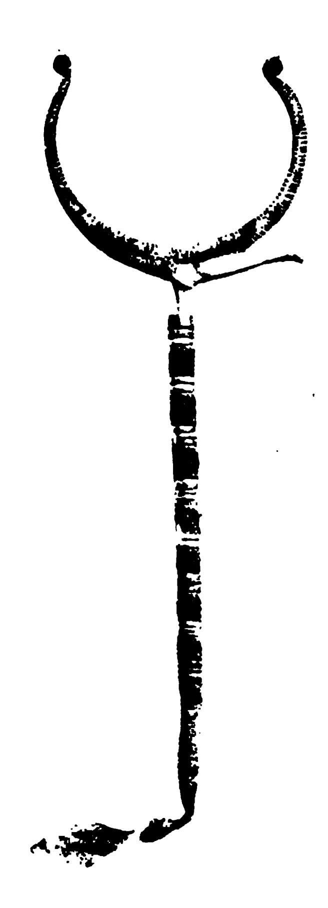
[1]) См. подробныя свѣдѣнія, т. II, прилож. 6, табл. II.

[2]) См. Статистич. обозрѣніе Сибири, ч. I, стр. 185.

части не обуглится и не получить вида жаренаго кофе. Такая масса завариваeтся кипяткомъ; вкусъ настоя горьковато-кислый, немного тошнотный.

Пудъ картофелю стоитъ отъ 1 до $1^1/_2$ р.

Что касается другихъ огородныхъ овощей, то рѣпа, брюква, а также рѣдька достигаютъ крупныхъ размѣровъ, но сѣмянъ почти никогда не даютъ, что значительно тормозитъ распространеніе этой вѣтви огородничества, и ихъ ежегодно приходится выписывать, причемъ часто сѣмена попадаютъ поздно или въ испорченномъ видѣ.

Рис. 42. Желѣзный игольникъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хорошо растетъ капуста, давая крѣпкіе вилки, такъ напр., въ Ключевскомъ и Ямскѣ; въ послѣднемъ селеніи посѣвы цвѣтной капусты также дали хорошіе результаты. Огурцы также могутъ расти, но требуютъ особаго ухода и прикрытія отъ утренниковъ.

Въ двухъ-трехъ селеніяхъ капусту квасятъ, но она никогда не имѣетъ вкуса нашей кислой капусты.

Въ Петропавловскомъ округѣ, оффиціально, считается подъ огородами около 300 десятинъ, тогда какъ въ Охотскомъ едвали найдется и 60 десятинъ: здѣсь осѣдлые тунгусы сохранили свою племенную черту, именно, что они не любятъ растительной пищи вообще; якуты въ большинствѣ случаевъ также мало занимаются огородничествомъ.

Гораздо болѣе распространено собираніе ягодъ, которыми изобилуетъ край. Ягоды употребляются въ пищу всѣми, хотя бродячіе тунгусы и коряки не запасаютъ ихъ на зиму. Изъ повсемѣстно встрѣчающихся ягодъ нужно назвать: шикшу (Empetrum nigrum), голубицу (Vaccinium uliginosum), чернику (V. mirtilis), жимолость (Jonicera coerulea), княженику (Rubus arcticus), морошку (R. Chamaemorus), бруснику (Vacc. vitis idaea), отчасти черемуху и бѣлую смородину. Нѣкоторыя изъ этихъ ягодъ употребляются въ пищу въ свѣ-

жемъ видѣ, только лѣтомъ, какъ княженика и голубица; другія же сушатся, какъ черемуха, или сохраняются въ замороженномъ видѣ. Въ большинствѣ случаевъ онѣ служатъ нѣкоторой приправой къ однообразному рыбному питанію, а иногда входятъ въ составъ такъ называемой **толкуши**. Чтобы приготовить толкушу, сначала въ ступкѣ толкутъ кипрей (т. е. полосы стебля Epilobium angustifolium) сънерпичьимъ или другимъ жиромъ и икрой, а потомъ прибавляютъ рябину или бруснику; все это образуетъ родъ тѣста. которое потомъ замораживается и хранится для дороги. Серцевина стебля кипрея имѣетъ сладковатый вкусъ, а потому иногда сама по себѣ служитъ закуской, или десертомъ.

Рис. 43. Игольникъ изъ моржевой кости.

Изъ другихъ разстеній, употребляемыхъ въ пищу, общею любовью пользуются горьковатыя корневища макарши и шаламайника (Fillipendula ulmaria), луковицы двухъ видовъ сараны: круглянки (Fritillaria kamtschatica) и овсянки (Lilium Martagon), медвѣжій корень (Angelophyllum ursinum) и баранникъ (Seneccio palmata). Коряки Гижигинскаго округа ѣдятъ съ жиромъ корни растеній, называемые ими **иммеинъ** и **иннаты**[1]). Кемчига (Claytonia), дающая клубни, напоминающія видомъ и вкусомъ молодой мелкій картофель, встрѣчается только въ Камчаткѣ отъ сел. Ичинскаго до Паланы; для пищи поджаривается съ масломъ.

Изъ сараны варятъ супъ съ рыбой, большею частію на охотѣ; причемъ овсянка, въ поджаренномъ видѣ, замѣняетъ иногда кофе; макаршу ѣдятъ въ сыромъ видѣ вмѣстѣ съ икрой, и тогда послѣдняя бываетъ вкуснѣй. По Охотскому побережью запасаютъ дикій лукъ и черемшу; первый ѣдятъ, какъ приправу къ рыбѣ,

Рис. 44 Шило для упованов.

---

[1]) Опредѣлить ботаническія названія ихъ трудно, но первый корень похожъ на обычную макаршу.

Тунгусы аянскіе собираютъ траву «кучукта», которую запасаютъ, какъ хорошее лекарство противъ проказы, и которая растетъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между Чумиканомъ и Аяномъ.

а вторая въ крошеномъ и немного посоленомъ видѣ хранится въ бутылкахъ и служитъ прекраснымъ лекарствомъ противъ цынги.

Почти всѣ жители грибовъ не любятъ и потому не собираютъ; исключеніе составляетъ мухоморъ (Amanita muscarina), который усердно собирается коряками и служитъ средствомъ для своеобразнаго опьяненія. Коряки такъ дорожатъ мухоморомъ, что платятъ за него большія деньги (по мѣстному—шкуры лисицъ и соболей); пользуясь этимъ пристрастіемъ къ одуряющему дѣйствію мухомора, нѣкоторыя лица ведутъ спеціальную ими торговлю. Корякъ Олюторскаго селенія

Рис. 45. Скалки коряцкой работы, для наматыванія полосъ упованов.

Тынакіевъ нажилъ на этой торговлѣ большое состояніе, т. е. большой табунъ оленей. Хотя торговля мухоморами, какъ и всякими ядовитыми травами и растеніями, запрещена закономъ, но помѣшать ей, при здѣшнихъ условіяхъ жизни и разстоянія, почти невозможно. Приказы окружного начальника, съ разъясненіемъ вреднаго дѣйствія мухоморовъ на человѣческій организмъ, не достигаютъ своей цѣли.

Дѣйствіе мухомора весьма своеобразно и напоминаетъ намъ картину опьяненія, бреда и галлюцинацій, которую намъ не рѣдко приходилось видѣть въ китайскихъ курильняхъ опія. Прекраснымъ противоядіемъ при опьяніи мухоморомъ служитъ рюмка крѣпкой водки или разбавленнаго спирта: черезъ четверть часа корякъ, до того времени не сознававшій всего окружающаго, приходитъ въ полное

сознаніе и только жалѣетъ объ исчезнувшемъ мірѣ грезъ: въ состояніи опьяненія онъ теряетъ представленіе о времени, и всѣ предметы кажутся ему въ сильно увеличенномъ видѣ, какъ при дѣйствіи гашиша; что иногда служитъ предлогомъ къ разнымъ шуткамъ.

Въ свѣжемъ видѣ мухоморъ, по мнѣнію коряковъ, сильно ядовитъ; и потому его не ѣдятъ. Предварительно онъ долго сушится на солнцѣ, а потомъ въ юртѣ надъ костромъ, и только послѣ этого, корякъ жуетъ его, запивая водой. Коряки увѣряютъ, что здоровье отъ упо-

Рис. 46. Корякскія сумки изъ оленьихъ шкуръ.

требленія мухомора не разстраивается, но мы видѣли постоянныхъ любителей этого удовольствія, исхудалый видъ, желтый цвѣтъ лица и расшатанная походка которыхъ могли быть приписаны только вредному вліянію отъ долгаго употребленія гриба. Дѣйствіе мухомора оказывается непродолжительнымъ, такъ какъ его ядъ (алколоидъ) быстро выводится изъ организма съ мочей, которая въ свою очередь производитъ вліяніе, подобно самому мухомору.

Случаи смерти отъ мухомора крайне рѣдки и приписываются только свѣжимъ, несушеннымъ грибамъ.

Сборы всѣхъ ягодъ, растеній, корневищъ и мухомора составляютъ

любимое занятіе здѣшнихъ женщинъ лѣтомъ, когда онѣ на цѣлый день уходятъ изъ дымной юрты или сырой избы.

Зимой, послѣ хлопотъ о кострѣ, чаѣ, пищѣ и малыхъ дѣтяхъ, женщина посвящаетъ свои досуги шитью одежды, обуви, рукавичекъ и малахаевъ (т. е. шапокъ съ наушниками); вышиванію упованов; плетенію сумокъ и матовъ, сученію нитокъ изъ крапивы и пр. Словомъ, зима — самое тяжелое время для инородческой женщины по массѣ разнообразнаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ сезонъ ея рукодѣлій. Не смотря на низкій уровень культурнаго развитія, инородческая женщина во всемъ обнаруживаетъ стремленіе къ изящному; ея вкусъ въ подборѣ пестрыхъ мѣховъ и лоскутовъ крашеной кожи, тонкость работы и оригинальность узоровъ на передникахъ и упованахъ, изя-

Рис. 47. Трубка изъ моржовой кости, коряцкой работы.

щество и чистота вышиванія шелкомъ, гарусомъ и бисеромъ, въ грязной обстановкѣ дымной юрты,—все это невольно останавливаетъ вниманіе. Наша фототипія (табл. XVIII) даетъ нѣкоторое понятіе о характерѣ работы на упованахъ; на ней въ одномъ ряду сгруппированы упованы, шитые шелкомъ и гарусомъ, а въ другомъ—узоры изъ мелкихъ кусочковъ кожи. Самая работа, при бродячемъ образѣ жизни, требуетъ нѣкоторыхъ приспособленій: корячкѣ нуженъ игольникъ (рис. 42 и 43) такой крѣпости, чтобы не ломался при переѣздахъ; ей нужно особое шило (рис. 44), чтобы, прокалывая ровдугу, продергивать цвѣтные и тонкіе ремешки, которые въ общемъ даютъ красивое сочетаніе цвѣтовъ и оригинальный рисунокъ. Такъ какъ эти ремешки иногда очень тонки и цвѣтныя, то для наматыванія ихъ, во избѣжаніе порчи, требуются особыя скалки (рис. 45). Своими работами кухлянокъ, сумокъ (рис. 46) и упованов корячка гордится,— подобно тому, какъ тунгузка все свое стараніе и умѣніе прилагаетъ

къ вышиванію бисеромъ тарбасовъ, чепцовъ[1]) (рис. 13 и 14), передниковъ, сумочекъ и верхняго платья (фототипія, табл. XII). Всѣ эти предметы щегольства требуютъ для своего изготовленія много труда и при дороговизнѣ здѣсь бисера, корольковъ и всякихъ металлическихъ украшеній доступны только богатымъ; но и бѣднякъ — работникъ иногда отдаетъ весь свой зимній промыселъ бѣлки, чтобы обзавестись щегольскими тарбасами и кафтаномъ.

Наряду съ этимъ женскимъ, профессіональнымъ трудомъ также высоко стоятъ по своей чистотѣ работы и издѣлія мужчинъ, исключительно коряковъ, такъ какъ ни тунгусъ, ни камчадалъ не обнаружили въ этомъ отношеніи никакихъ способностей. Въ смыслѣ кустарнаго производства нужно выдѣлить коряцкихъ кузнецовъ и рѣз-

Рис. 48. Трубка коряцкой работы.

чиковъ изъ дерева, кости и рога. Примѣромъ кузнечнаго промысла могутъ служить пареньцы, которые, покупая чрезъ окружного начальника желѣзо по казенной цѣнѣ (т. е. по цѣнѣ во Владивостокѣ), сами изъ него дѣлаютъ разныхъ сортовъ ножи, копья, гвозди и массу разныхъ украшеній, какъ-то браслеты, серьги, кольца, ожерелья, подвѣски и проч.

Всѣ эти издѣлія отличаются чистотой и изяществомъ работы; не смотря на примитивныя условія, почти на всѣхъ предметахъ пареньской работы вы находите насѣчку и украшенія.

Кузнечный промыселъ служитъ выгодной статьей въ мѣновой торговлѣ съ бродячими коряками; ножъ, который въ лавкѣ стоитъ рубль и больше, паренецъ вымѣниваетъ на 2—3 бѣлки, промыселъ которыхъ (т. е. стоимость заряда) обходится 5—8 коп.

[1]) Тунгузскія названія: чепецъ—аонъ-хурады; женскій передникъ—ныль, женск. тарбасы—несами, верхній женск. кафтанъ изъ пыжиковъ—кукуйды, нижній легкій кафтанъ—дудый.

Олюторцевъ можно прямо назвать художниками за ихъ тонкую рѣзьбу изъ моржеваго клыка и рога. Юрты коряковъ олюторской стороны полны этими издѣліями, служащими частію для дѣтскихъ игрушекъ (рис. 11 и др.), частію жизненныхъ потребностей, какъ трубки (рис. 47, 48 и 49), а большая часть ихъ представляетъ мѣстныя bibelots, въ которыхъ высказывается остроуміе, наблюдательность и техника инородца (рис. 50). Нужно думать, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ такія способности коряковъ получатъ болѣе широкое и болѣе практическое направленіе.

Нѣкоторыя другія стороны хозяйственныхъ потребностей также нашли своихъ профессіональныхъ мастеровъ. Такъ жители Тауйска и Инского отличаются своими столярными работами, и ихъ избы полны самодѣльной мебели и разныхъ рѣзныхъ украшеній на дверяхъ и оконныхъ наличникахъ; столярное мастерство камчадаловъ средней части полуострова также выдѣляется изъ общей безпечности аборигеновъ этого края, хотя и уступаетъ тауйскимъ работамъ. Нѣкоторыя селенія спеціально занимаются выдѣлкой батовъ, дорожныхъ ящиковъ и корзинокъ. Подѣлка нартъ не составляетъ общаго занятія жителей; какъ ни странно, но не каждый инородецъ можетъ сдѣлать хорошую, т. е. легкую и невалкую нарту, не смотря на то, что размѣры каждой ея части вездѣ одинаковы какъ для легкой, такъ и для грузовой.

Рис. 49. Трубка; издѣліе олюторцевъ.

Описывая всѣ издѣлія и подѣлки инородцевъ, мы должны помнить, что единственными инструментами для нихъ служатъ топоръ и ножъ,—и только въ рѣдкихъ случаяхъ поперечная пила и рубанокъ; даже доски для пола, скамеекъ и кадокъ обтесываются изъ цѣльной лѣсины однимъ топоромъ. Дороговизна столярныхъ инструментовъ и незнаніе этого мастерства ведетъ къ тому, что изъ Санъ-Франциско давно привозятся готовыя доски разнаго рода и оконныя рамы. Въ послѣднее время на техническое ремесленное образованіе

обращено вниманіе, и при Петропавловскомъ городскомъ училищѣ, какъ мы уже упоминали, положено открыть ремесленные классы. Какую пользу принесутъ ремесленные классы, покажетъ будущее, но одно можно сказать, что вліяніе ихъ будетъ ограничено и въ глубь округа не будетъ распростираться, такъ какъ составъ школьниковъ пополняется только дѣтьми петропавловскихъ жителей.

Рис. 50. Копье коряцкой работы.

Если теперь сопоставить всѣ свѣдѣнія о хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ и огородничествѣ въ здѣшнемъ краѣ, то нельзя не придти къ тому заключенію, что эти сельскохозяйственныя занятія не только не обезпечиваютъ продовольствія жителямъ, но даже не играютъ видной роли въ ихъ жизни. Ячменнаго хлѣба не хватаетъ даже для 4—6 острожковъ долины Камчатки въ тѣхъ ограниченныхъ размѣрахъ потребленія, къ какимъ привыкли крестьяне-переселенцы; изъ прядева мѣстной конопли вы не найдете ни одной рубахи и мѣшка; исключительное питаніе картофелемъ, какъ мы знаемъ, совершенно немыслимо безъ вырожденія организма. Поэтому, понятно, остается у здѣшняго обитателя одна надежда на рыбу, которая въ нормальные годы переполняетъ всѣ рѣки; но случаются, какъ мы говорили, недоходы,—и тогда наступаютъ тяжелыя времена голодовокъ, о которыхъ европейцу трудно составить себѣ точное понятіе. Не картофельнымъ хлѣбомъ, не хлѣбомъ изъ отрубей и лебеды, а старыми кожами сумокъ, обуви и байдаръ, тополевыми стружками здѣшній

Рис. 51. Ножъ коряцкой подѣлки.

инородецъ старается заглушить мучительное чувство голода: падаютъ отъ голода собаки, мрутъ люди, прекращается всякое сообщіе,—и только чрезъ бродячихъ коряковъ и тунгусовъ разносится по округу зловѣщее слово «голодовка».

Во всѣ подобныя тяжелыя годины бродящіе инородцы жертвовали своихъ оленей; Правительство раздавало даромъ провіантъ и

покупало оленей; администрація устраивала запасные склады рыбнаго корма; но все это нужно назвать только временными палліативными мѣрами, которыя ничего не дали для улучшенія экономическаго быта инородцевъ. Разъ рыба и пушные промысла составляютъ главный источникъ существованія осѣдлаго инородца, а оленеводство—для бродячаго, на нихъ должно быть обращено главное вниманіе; но для этого необходимо, чтобы инородецъ познакомился съ другими способами улова и сохраненія рыбы для себя и нашелъ возможность ея сбыта; важно, чтобы, въ случаѣ эпизоотій на оленяхъ, корякъ или тунгусъ зналъ, что дѣлать и чѣмъ лечить, чтобы за утратой ихъ не превратиться въ совершеннаго бѣдняка. Самое же главное, нужно измѣнить существующій способъ торговли, который больше всего тормозитъ экономическое развитіе края и къ разсмотрѣнію котораго мы перейдемъ.

Рис. 52. Издѣлія коряковъ: неудачная охота за медвѣдемъ.

ГЛАВА XII.

Торговля.

Торговля Охотско-Камчатскаго края носитъ исключительный и своеобразный характеръ: добывающая промышленность какъ въ самомъ началѣ, при завоеваніи, такъ и теперь сводится исключительно къ промыслу пушного звѣря; ни рыба, ни киты, ни лѣсъ, ни найденныя горныя богатства, какъ каменный уголь, сѣра и золото, до сихъ поръ не служили предметомъ эксплоатаціи, какъ мѣстныхъ жителей, такъ и постороннихъ компаній.

Обработка мѣстныхъ сырыхъ матеріаловъ представляется еще болѣе ограниченной и ничтожной: за отсутствіемъ хлѣбопашества, бобовыхъ и масляничныхъ растеній; здѣсь нѣтъ ни винокуренія, ни масляныхъ заводовъ; не смотря на изобиліе разныхъ породъ глинъ и даже каолина (на Ямскомъ полуостровѣ), здѣсь отсутствуетъ кирпичное и гончарное производство. Только въ немногихъ селеніяхъ, какъ Ямскъ, Тигиль и др., жители дѣлаютъ для собственныхъ нуждъ кирпичи, а въ большинствѣ случаевъ выписываютъ ихъ изъ Владивостока или Санъ-Франциско. При обиліи строевого лѣса здѣсь не развилось ни судостроеніе, ни столярное, ни бондарное мастерства; только среди бродячихъ коряковъ и тунгусовъ мы встрѣчаемъ обработку кожъ примитивными способами—и то большею частію для мѣстнаго потребленія, а вывозъ кухлянокъ, тарбасовъ и ровдуги внутрь Сибири крайне ограниченъ.

Каботажнаго плаванія и вообще мѣстной морской доставки товаровъ въ разные пункты не существуетъ; провозъ по рѣкамъ, за исключеніемъ 3-хъ, при гидрографическихъ особенностяхъ края, немыслимъ. Единственный способъ доставки товаровъ внутрь округовъ возможенъ

только зимой, на нартахъ, и въ рѣдкихъ случаяхъ лѣтомъ—вьюкомъ на лошадяхъ и оленяхъ, но послѣдній крайне затруднителенъ.

Вся вывозная торговля сводится къ мягкой пушнинѣ и въ небольшихъ размѣрахъ къ шкурамъ другихъ животныхъ, какъ олень и медвѣдь; ввозъ же состоитъ въ удовлетвореніи всѣхъ жизненныхъ потребностей инородца, начиная съ иголки и неводного прядева и кончая рубашечнымъ ситцемъ и кулькомъ муки. Можно даже сказать, что здѣшній житель покупаетъ больше ситцу, чѣмъ муки; такъ въ Гижигинскомъ округѣ за 1895 г. изъ 6,000 пудовъ муки 5 т. осталось отъ предыдущаго года, хотя изъ всего этого количества приходилось меньше пуда на каждую душу населенія въ годъ; въ Петропавловскомъ округѣ за 1892 г. изъ 3 казенныхъ магазиновъ продано муки меньше 2,000 пудовъ, или по $^1/_4$ пуда на душу. Главное мѣсто доставляемыхъ товаровъ, по количеству ихъ, занимаютъ чай, табакъ и галантерейный товаръ; соль имѣетъ значеніе только для Камчатки при посолкѣ рыбы и отчасти въ Охотскѣ; все остальное населеніе обходится безъ этого продукта, а въ Чумиканѣ казенная соль лежитъ годами, не находя покупателей. Какъ ни странно представить себѣ продовольствіе человѣка безъ соли, тѣмъ не менѣе это повсемѣстный обычай,—и инородецъ видимо не испытываетъ никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ неупотребленія этого пищевого ингредіента. Весь его режимъ можно назвать сухояденіемъ, и это обстоятельство опредѣляетъ характеръ привозимыхъ продовольственныхъ запасовъ. Не употребляя крупъ, не зная супу и щей, инородецъ съ тѣмъ большею охотою пристрастился къ чаю, безъ котораго онъ теперь не можетъ обходиться: жители увѣряютъ, что «чайныя голодовки» тяжелѣй и непріятнѣй рыбнаго недохода, или настоящаго голода. Камчадалъ поѣстъ кипрею, тунгусъ пожуетъ тополевыхъ стружекъ (хэнгри), но попить чаю и заглушить ноющія боли въ желудкѣ является для него настоящей отрадой. Вотъ это-то чувство и заставляетъ его съ одной стороны готовить невообразимый отваръ изъ жженаго картофеля, а съ другой—дорожить кирпичемъ чая при продажѣ своей пушнины.

Всѣ доставляемые для инородцевъ товары оплачиваются исключительно пушниной; весь край не знаетъ и не имѣетъ въ рукахъ денежной единицы; таковую для него замѣняетъ шкурка ходячаго звѣря. Поэтому весь счетъ въ Охотскомъ округѣ переводится на бѣлку, а въ Петропавловскомъ — на лисицу; Гижигинскій округъ служитъ переходной ступенью, и счетъ здѣсь ведется то пыжиками, то

лисицами, то бѣлкой; но въ общемъ по всѣмъ округамъ производится только мѣновая торговля, причемъ цѣны какъ на привезенные товары, такъ и на пушнину устанавливаются самими торговцами. Колебанія европейскаго пушного рынка сюда не доходятъ, а вліяніе мѣстной администраціи на урегулированіе этихъ мѣновыхъ цѣнъ весьма ограничено. Прежде, напр., при Завойко и другихъ начальникахъ, для надзора за торговлей съ инородцами и извѣстнаго контроля посылались въ округъ особые чиновники, которые должны были слѣдить за правильностью обмѣна и объявлять цѣны пушнины, существующія въ Петропавловскѣ, гдѣ тогда была значительная конкуренція между торговцами; тогда какъ теперь торговля стала свободной, безъ всякаго контроля. Такъ какъ, при настоящемъ положеніи инородцевъ, она регулируетъ всю ихъ жизнь и промыселъ, то, ради выясненія положительныхъ и отрицательныхъ ея сторонъ, мы войдемъ въ нѣкоторыя небезинтересныя подробности.

Съ самаго начала и до настоящаго времени торговля въ Охотско-Камчатскомъ краѣ носитъ характеръ частныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ, не подвергавшихся опредѣленной регламентаціи; всѣ правила о ней скорѣй охраняли права и выгоды торговцевъ, чѣмъ мѣстнаго инородческаго населенія, которое зачастую не знало ни вѣса, ни мѣры, ни денежной единицы, какъ не знаетъ этого и теперь большинство инородцевъ Охотско-Камчатскаго края. Правда, въ Положеніи объ инородцахъ совѣтуется (ст. 69): «устранить всякія препятствія въ торговлѣ и промышленности кочующихъ и бродячихъ инородцевъ»; ст. 156 гласитъ, что «всѣ казенныя продажи, учреждаемыя для кочующихъ, имѣютъ двойную цѣль: 1) доставленіе необходимаго пособія по продовольствію и промысламъ кочующимъ и 2) умѣреніе вольныхъ цѣнъ на необходимыя потребности»; тѣмъ не менѣе, однако, то же Положеніе прибавляетъ (ст. 157), «что казенныя продажи ни въ какомъ случаѣ не должны дѣлать ни малѣйшаго стѣсненія промышленности частныхъ людей».

Въ историческомъ очеркѣ мы говорили о томъ, какъ велась мѣновая торговля въ здѣшнемъ краѣ и какова была въ этомъ отношеніи монопольная дѣятельность Россійско-Американской Компаніи. Трудно судить въ точности, по какимъ цѣнамъ тогда продавались предметы первой необходимости и по какимъ обмѣнивалась у инородцевъ пушнина, потому что даже современная расцѣнка (см. Приложенія 9-е, во II т.) матеріаловъ скорѣе номинальная, чѣмъ дѣй-

ствительная, если вы станете ее провѣрять по разсказамъ самихъ инородцевъ.

Насколько привозимые товары еще недавно продавались по баснословнымъ цѣнамъ, видно изъ данныхъ за 1843 г. для Петропавловска[1]; такъ, напр., пудъ пшеничной муки тогда стоилъ 40 р. ассигнаціями, пудъ крупы ячной—20 р., ржаной муки и рису по 15 р., пудъ мыла—70 р. пудъ сахару—200 р.; аршинъ ситцу продавался отъ 2 до 3 р. Для характеристики тогдашней торговли приводимъ еще слѣдующія свѣдѣнія о цѣнахъ за 1841 г., объявленныхъ начальникомъ Камчатки, какъ для порта, такъ и всѣхъ острожковъ—съ цѣлію, чтобы торговцы не обижали инородцевъ. Свѣдѣнія эти взяты нами изъ бумагъ мѣстнаго архива: байховый чай 1 ф. стоилъ 17 р., сухари пшеничные за фунтъ 1½ р., всѣ ситцы и холстинка 1½—2 р. за аршинъ, простой платокъ 7—12 р. Не нужно упускать изъ виду, что въ это время всѣ цѣны значительно понизились послѣ того, когда завелась дѣятельная торговля съ американцами, изъ которыхъ одни поселились въ Петропавловскѣ, другіе—въ Гижигѣ и Охотскѣ.

Сорокъ лѣтъ монополія Россійско-Американской К° гнетомъ лежала на инородцахъ, заботливо отстранявшей всякую конкуренцію; затѣмъ слѣдовалъ рядъ монопольныхъ фирмъ то изъ С.-Франциско, то изъ Іокогамы,—монопольныхъ если не по предоставленнымъ правамъ, то во всякомъ случаѣ по обширнымъ оборотамъ и капиталу; отъ этихъ фирмъ зависѣли мѣстные торговцы и какъ-бы состояли ихъ агентами, такъ какъ обязаны были всѣ товары пріобрѣтать у нихъ и всю пушнину сдавать также имъ. Такимъ образомъ въ этой круговой порукѣ торговли беззащитнымъ являлся только инородецъ. Американскую компанію «Гутчинсонъ и Коль» смѣнилъ «Вольшъ-Поверсъ К°», дѣятелемъ которой по Охотско-Камчатскому побережью былъ Филиппеусъ; наконецъ, торговыя дѣла послѣдней компаніи купило Русское Товарищество котиковыхъ промысловъ, которое также не имѣло конкурентовъ до возникновенія дѣятельности Приамурскаго Товарищества.

Къ этому времени въ нѣкоторыхъ портовыхъ городахъ и селеніяхъ сформировались и окрѣпли мѣстныя фирмы, являясь хотя слабой конкуренціей двумъ названнымъ товариществамъ; но такъ какъ въ концѣ концовъ имъ пришлось и было отчасти выгоднѣе брать

---

[1] Статистическое обозрѣніе Сибири, ч. II, стр. 691.

товары, а слѣдовательно и сдавать свою пушнину этимъ товариществамъ, то онѣ скоро потеряли всякую торговую самостоятельность. Въ 1897 г. Приамурское Товарищество, какъ мы упоминали, прекратило свою дѣятельность по причинѣ плохой отчетности довѣреннаго лица, и торговля всего края, за исключеніемъ 2 — 3 мелкихъ торговцевъ, оказалась въ однѣхъ рукахъ.

Зная изъ всей исторіи края всѣ невыгоды безконкурентной торговли, нѣкоторые окружные начальники обратились къ Приморскому военному губернатору съ просьбой объ отпускѣ въ ихъ распоряженіе извѣстной суммы изъ такъ называемаго инородческаго капитала, съ уплатой процентовъ, на пріобрѣтеніе частнымъ путемъ необходимыхъ для инородца товаровъ. Закупка эта производилась во Владивостокѣ чрезъ Областное управленіе, и къ покупнымъ цѣнамъ прибавлялись: 1) стоимость фрахта и 2) 10%, которые поступали въ фондъ инородческаго капитала. Выписываемые товары, т. е. чай, табакъ, полосовое желѣзо и другіе главные предметы инородческаго потребленія продавались инородцамъ за пушнину по казенной расцѣнкѣ на каждое трехлѣтіе или даже отдавались въ долгъ, что, при образцовой добросовѣстности инородца, никогда не создавало никакихъ осложненій.

Главнымъ образомъ такая торговля, подъ надзоромъ и при содѣйствіи окружного начальника, происходила въ Охотскомъ и Гижгинскомъ округахъ; причемъ въ послѣднемъ начальникъ къ указанной цѣнѣ прибавилъ еще 3% для образованія самостоятельнаго инородческаго фонда. Результаты получились прекрасные,—и теперь Гижигинскіе инородцы, благодаря этому, имѣютъ свой капиталъ (около 3 т. р.) для пріобрѣтенія себѣ товаровъ.

Чтобы уяснить всю важность такой мѣры, приводимъ слѣдующія данныя, заимствованныя изъ отчета Охоткаго окружного начальника (за 1888 г.): мѣстныя цѣны въ Охотскѣ тогда были слѣдующія:

1 ф. кирпичнаго чаю	7 бѣлокъ;
1 ф. байховаго чаю	12 »
1 ф. сахару	3 »
1 ф. табаку папуши.	6 »

Принимая это за исходную точку, окружной начальникъ находитъ, что мѣстные инородцы должны были заплатить за купленные 50 мѣстъ кирпичнаго чаю—22,400 бѣлокъ, за 30 пуд. байховаго—

родцевъ, служившихъ въ сущности агентами петропавловскихъ фирмъ. Такіе магазины находились въ Старомъ острогѣ, Начикахъ, Апачѣ, Большерѣцкѣ, Голыгинѣ, Явинѣ, Воровскомъ, Коловскомъ, Облуковинѣ, Харьюзовскомъ, Паланѣ, Ключевскомъ и Мильково. Во всѣ названныя селенія товары доставлялись изъ ближайшаго пункта, куда заходилъ пароходъ, только зимнимъ путемъ на собакахъ.

Доставка грузовъ по округамъ служитъ небольшой доходной статьей для осѣдлыхъ и кочевыхъ инородцевъ. Такъ по Аяно-Нельканскому тракту тунгусамъ платятъ за доставку мѣста кирпичнаго чаю (считая его въ 4 пуд. вѣсомъ) 6 р.; за провозъ товаровъ по Охотско-Якутскому до ст. Уллахахъ—5 р.; за провозъ товаровъ изъ Охотска въ Олу (720 вер.) 1½ р. съ пуда, до Ямска—(920 вер.) 2 р. Въ Петропавломъ округѣ провозная плата, при болѣе частомъ населеніи, больше колеблется; но въ общемъ приблизительно равняется слѣдующему: отъ Петропавловска—до Большерѣцка (около 200 в.) съ нарты (считая ея грузъ въ 12 пудовъ) 5—8 р., до Мильково (340 в.)—8—10 р.—12 р. Но такъ какъ, везя грузъ, инородецъ не можетъ взять съ собой собачьяго корма на весь путь, который даже въ одинъ конецъ занимаетъ 10—15 дней, то его приходится или покупать, или же одолжаться по-товарищески, съ обѣщаніемъ въ свою очередь отплатить тѣмъ же. Обыкновенно же, торговцы берутъ у жителей кормъ для собакъ, какъ процентъ за оказываемыя ими услуги, или за мелкія подачки чаемъ и табакомъ.

До начала рейсовъ Добровольнаго флота въ Олу, все населеніе Охотскаго округа должно было ѣздить за тысячу верстъ, чтобы купить на весь годъ пороху, чаю и другихъ товаровъ; въ настоящее время такія поѣздки сократились на половину, хотя нельзя не пожелать, чтобъ въ будущемъ пароходы заходили въ сел. Ямскъ, Тауйскъ и др.

Насколько велико количество грузовъ, отправляемыхъ изъ Петропавловска въ округъ, видно изъ слѣдующихъ оффиціальныхъ свѣдѣній: изъ доставленныхъ въ 1886 г. въ Петропавловскъ товаровъ на сумму 110,345 р. отправлено въ округъ на 46,657 р.; въ 1892 г. развезено по округу почти на 50 т. р. изъ всей суммы товаровъ въ 84,292 р. которые были привезены въ портъ.

Помимо торговли на мѣстѣ, во всѣхъ округахъ существуетъ еще торговля въ развозъ. Въ Охотскомъ и Гижигинскомъ округахъ подобная торговля всегда пріурочивается къ объѣзду окружного начальника по округу и сбору бродячихъ инородцевъ на стойбища—

для исполненія христіанскихъ требъ, сдачи ясака и покупки предметовъ домашняго обихода. Въ большинствѣ случаевъ стойбища эти не имѣютъ никакихъ построекъ, а собравшіеся администрація, духовенство, торговцы и кочевники помѣщаются въ оленьихъ юртахъ; только въ двухъ мѣстахъ Охотскаго округа тунгусы построили бревенчатыя избы для помѣщенія начальства.

Въ Охотскомъ округѣ считается шесть тунгузскихъ стойбищъ: 1) Ульинское, на устьѣ р. Ульи, въ 100 в. южнѣе Охотска; собирается до 66 семействъ оленныхъ, въ іюнѣ; 2) Головнинское, близь сел. Инского, 76 семействъ; 3) Уягинское, 200 в. отъ Охотска, 163 семейства; 4) Тауйское, около селенія того же имени, въ 500 в. отъ Охотска, 60 семействъ; 5) Хабаровское на р. Ланковой, 750 в. отъ Охотска, 102 семейства и 6) Амамиче-Зыбинское, близь Ямска, 110 семействъ. Всѣ послѣднія стойбища собираются къ объѣзду окружного начальника, для чего они должны прикочевать съ Колымскаго хребта, иногда за 150—200 в. Это происходитъ между началомъ декабря и половиной января, т. е. въ самое лучшее промысловое время. Пробывъ здѣсь около недѣли, тунгусы снова разбредаются по хребтамъ для продолженія промысла. Правда, подобныя стойбища имѣютъ значеніе для самихъ инородцевъ, т. е. для пополненія предметовъ необходимости; но съ другой стороны они отрываютъ тунгуса отъ промысла и такимъ образомъ лишаютъ его заработка. Ульинскіе тунгусы поступаютъ гораздо практичнѣе, собираясь на стойбище въ началѣ лѣта, около устья р. Ульи, когда обыкновенно всѣ они прикочевываютъ на взморье для рыбнаго промысла, и когда можно было бы производить вообще сборъ ясака, еслибы только администрація имѣла средства и возможность посѣщать ихъ. Для этого необходимо, чтобы пароходъ заходилъ, помимо Ольской бухты, еще въ 3—4 пункта, какъ Тауйскъ, Сигланская бухта, Ямскъ и проч.

Въ Гижигинскомъ и Петропавловскомъ округахъ нѣтъ такихъ установленныхъ стойбищъ, которыя въ Анадырскомъ и Колымскомъ краѣ носятъ характеръ большихъ ярмарокъ. Окружные начальники для сбора ясака обыкновенно объѣзжаютъ поселкй въ концѣ промысловаго періода, а старосты бродячихъ инородцевъ должны прибывать въ заранѣе опредѣленные пункты; такимъ образомъ здѣсь развозная торговля не совпадаетъ со сборомъ ясака.

Статья 598 Устава о прямыхъ налогахъ (т. V, изд. 1893, г., пунктъ 3-й) гласитъ: «чтобы взносъ податей не былъ вынуждаемъ при самомъ началѣ ярмарки, но тогда уже приступать къ оному, когда частныя

условія къ концу приходить будутъ». Очевидно, при выработкѣ правилъ о сборѣ ясака имѣлась въ виду выручка денегъ отъ продажи пушнины; но въ дѣйствительности этого никогда не бываетъ. Поэтому на упомянутыхъ стойбищахъ прежде всего собирается ясакъ, который, по желанію старосты рода, можетъ быть тутъ же перепроданъ начальникомъ торговцамъ за наличныя деньги, на что послѣдніе не охотно соглашаются; или же этотъ ясакъ продается впослѣдствіи съ аукціоннаго торга, и излишекъ возвращается хозяину—только по прошествіи года. Это составляетъ большое неудобство въ ограниченномъ бюджетѣ инородческой семьи, и потому нѣкоторые окружные начальники, чтобы поддержать цѣнность пушнины и соблюсти выгоды инородца, выдаютъ авансомъ 2/3 стоимости соболя или лисицы, изъ каковой суммы онъ уплачиваетъ ясакъ, казенный (если былъ) долгъ за взятыя принадлежности охоты и наконецъ покупаетъ необходимые для себя товары.

Сумма торговыхъ оборотовъ выражена, по всѣмъ торговымъ пунктамъ, въ приложеніи 7-мъ (т. II); свѣдѣнія эти, къ сожалѣнію, не полны и невполнѣ достовѣрны, такъ какъ основаны главнымъ образомъ на показаніи самихъ торговцевъ, соблюдающихъ всегда коммерческую тайну. Въ среднемъ, торговые обороты колеблются въ слѣдующихъ границахъ: для Чумикана отъ 830 р. до 5.000 р., для Аяна (за исключеніемъ провознаго чаю) отъ 7 до 15 т. р.; въ Охотскѣ торговцы продаютъ на сумму отъ 15 т. р. до 33 т. р.; въ Гижигѣ — отъ 50 т. р. до 63 т. р.; наконецъ торговые обороты Камчатки занимаютъ первое мѣсто и измѣняются отъ 100.000 р. до 180 т. р. въ годъ. Въ среднемъ за три года, не беря во вниманіе указанную неполноту данныхъ, обороты всѣхъ торговыхъ предпріятій по всему Охотско-Камчатскому побережью равняются 282.156 р.

Этотъ валовой оборотъ около 300 т. р. выражаетъ только объявленную торговцами стоимость доставленныхъ товаровъ, но отнюдь не ихъ дѣйствительную, рыночную цѣнность, включая сюда фрахтъ за провозъ. Ведро спирту, которое во Владивостокѣ стоитъ 18 р., здѣсь цѣнится въ 35—45 р. при оптовой покупкѣ; куль черкасскаго табаку (папуши), продаваемый въ первомъ портѣ по 7—8 р. за пудъ, здѣсь при оптовой сдачѣ агентамъ и мѣстнымъ торговцамъ идетъ по 22—25 р. за пудъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигаетъ невѣроятной цифры 60—70 р. за пудъ [1]); ржаные сухари при насъ

[1]) См. примѣры въ нашемъ описаніи «Промысловыхъ богатствъ Камчатки» и пр.

въ селеніи Каменскомъ продавались по 30 коп. за фунтъ, т. е. по 2 бѣлки.

Общій характеръ торговыхъ сдѣлокъ состоитъ въ слѣдующемъ: торговцы, доставляя товаръ, назначаютъ ему цѣну при сдачѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляютъ расцѣнку пушнины, которой должна быть оплочена стоимость пріобрѣтенныхъ матеріаловъ. Брать деньги за товаръ считается невыгоднымъ, да это и невозможно при теперешнемъ положеніи торговли въ краѣ, такъ какъ торговцы, покупая у инородца пушнину, никогда не платятъ деньгами, а при извѣстномъ расчетѣ на опредѣленную сумму выдаютъ ему товаръ за лисицу или соболя. Въ таблицѣ сравнительныхъ цѣнъ пушнины (Прилож. 8-е, т. II) мы привели цифры, которыя выражаютъ ея стоимость на аукціонахъ, но отнюдь не ту сумму, которую торговецъ уплачиваетъ инородцу за каждаго звѣря. Эта послѣдняя всегда ниже,—и за хорошаго соболя камчадалъ или ламутъ никогда не получитъ на 20—25 р. кирпичнаго чаю, считая его даже по Петропавловской цѣнѣ, — 60 коп. за кирпичъ, т. е. 33 — 41 кирпичъ: онъ считаетъ себя уже счастливымъ и удовлетвореннымъ, если ему предложатъ 16—20 кирпичей. Чтобы нагляднѣе выразить практикуемые пріемы купли-продажи, приведемъ, со словъ камчадаловъ сел. Облуковино, нѣсколько примѣровъ. За лисицу-огневку торговецъ даетъ пять рублей товаромъ, т. е. промышленникъ получаетъ: двѣ чайныхъ чашки безъ блюдечекъ, три аршина синей нанки на брюки, 6 арш. простого ситцу на рубаху и немного сахару [1]). Если эти товары перевести на деньги по цѣнѣ Петропавловска, то выходитъ, что камчадалу заплатили не пять рублей, а всего 3 р. 80 коп. За россомаху (цѣна 8 р.) дали: 2 кирпича чаю, 10 арш. ситцу, 12 арш. дрили и 2 маленькихъ ситцевыхъ платочка, иначе сказать, ему уплатили, согласно объявленнымъ цѣнамъ, около 9 р., т. е. какъ будто даже больше того, во что оцѣнена шкура. Эта щедрая податливость торговца объясняется тѣмъ, что шкура россомахи не идетъ на европейскіе рынки, а исключительно отправляется въ Гижигу, гдѣ въ мѣновой торговлѣ съ чукчами играетъ очень важную роль: если у торговца нѣтъ россомахи, тогда чукча не станетъ покупать товаръ и мѣнять свою пушнину, а это и заставляетъ торговца быть щедрѣе.

Таковы условія мѣновой торговли за наличную пушнину; но такъ

[1]) Меньше фунта.

какъ послѣдняя бываетъ главнымъ образомъ разъ въ году, а жизненныя потребности, какъ-то: чай, табакъ, прядево, матеріалы для одежды, порохъ, мука и пр., требуютъ болѣе частаго удовлетворенія, то при отсутствіи денежнаго обращенія въ краѣ, каждому инородцу приходится должать, выпрашивая подъ будущую пушнину, въ кредитъ. Если мы всю упромышленную за 1891 г. пушнину Камчатки переведемъ на деньги, то на все населеніе округа (см. Приложен. 6-е, табл. II) въ 6,376 душъ обоего пола приходится выручки отъ промысла 45,236 р. или на каждую душу около 7 р., а на каждаго ясачнаго плательщика около 44 р. (отношеніе послѣднихъ къ массѣ населенія, какъ 1:6,3). На эти 44 р. плательщикъ долженъ пріобрѣсти все необходимое для своей семьи (въ среднемъ 6,3 души) на круглый годъ; понятно, что при такихъ условіяхъ жизни и заработка, инородецъ не можетъ обходиться безъ кредита. Получая, передъ началомъ зимы порохъ, свинецъ, чай, табакъ и спички въ долгъ у торговца, онъ обезпечиваетъ себѣ успѣхъ промысла, въ случаѣ удачи, но съ другой стороны торговецъ, довѣряя хотя и честному инородцу, при неудачѣ, рискуетъ въ слѣдующемъ году ничего не получить; поэтому и ставитъ цѣны на отпускаемый въ кредитъ товаръ по своимъ личнымъ соображеніямъ и съ такимъ расчетомъ, чтобы часть уплоченнаго долга уже окупала цѣнность задолженныхъ товаровъ. Записанный въ книгу торговца долгъ скоро достигаетъ большихъ, подъ часъ невѣроятныхъ суммъ, и такимъ образомъ создается кабала задолженности инородца, отъ которой онъ уже никогда не освобождается. На какую сумму инородецъ одолжился товаромъ, онъ по своей безграмотности не можетъ отвѣтить, но, какъ должникъ, онъ обязанъ прежде всего этому торговцу сдать всю пушнину и по той цѣнѣ, какую послѣдній назначитъ, иначе на будущее время онъ лишается всякой кредитоспособности.

Съ давнихъ временъ торговля, помимо выгодного обмѣна пушнины, нашла для себя удобнымъ, не пуская денегъ въ народное обращеніе, вести запродажу въ кредитъ подъ залогъ будущаго промысла. Допуская этотъ пріемъ, торговцы во всѣ времена жаловались на его убыточность, но тѣмъ не менѣе во всѣхъ почти поселкахъ имѣли кредиторовъ; такимъ образомъ исторически выработалась кабала задолженности инородца—и если торговецъ несъ убытки отъ неуплаты долга во время, то онъ старался вознаградить свои протори повышеніемъ цѣнъ на товары, раскладывая, такъ сказать, долгъ одного острожка на жителей всѣхъ остальныхъ. Иначе ска-

зать, торговецъ получалъ свое, но задолжаніе инородца росло съ каждымъ годомъ и достигало почтенныхъ цифръ. Изъ недавняго прошлаго мы можемъ привести свѣдѣнія, что у Филиппеуса осталось за жителями Охотско-Камчатскаго побережья 500 т. р. долгу; послѣ его смерти компанія Вольша насчитывала къ 1891 г. снова 250 т. р. инородческаго долгу. Одинъ купецъ, Г., торговавшій въ Петропавловскѣ всего нѣсколько лѣтъ, заявилъ претензію на 34 т. р.; другой, при своемъ годовомъ оборотѣ въ 6—7 т. р., считалъ задолженность камчадаловъ въ 20 т. р. Русское Товарищество котиковыхъ промысловъ, по заявленію его довѣреннаго, также не свободно отъ этой торговли въ кредитъ и за 7 лѣтъ своей дѣятельности въ Петропавловскѣ уже насчитываетъ около 15 т. р. долгу.

Собрать точныя свѣдѣнія о суммѣ долга инородцевъ торговцамъ рѣшительно невозможно; только отъ Приам. Т-ва мы получили данныя, что къ 1 авг. 1896 г. долгу состояло:

за разными торговцами	2,004	р. [1]).
» жителями сел. Олы	436	»
» » Тауйска	444	»
» » Ямска	132	»
» бродячими тунгусами	3,027	»
Всего	6,765	р.

Изъ подробностей этого расчета нужно отмѣтить тотъ небезинтересный фактъ, что весь долгъ за бродячими тунгусами приходится на самыхъ богатыхъ оленеводовъ; иначе сказать, что забранный ими товаръ служилъ не для собственныхъ потребностей, а употреблялся для мѣновой торговли съ тѣми бѣдняками-тунгусами, которымъ Т-во не хотѣло довѣрять.

Насколько эти долги дѣйствительны или фиктивны, можно судить по тому, что одинъ торговецъ, считая 20,000 р. долгу за камчадальскимъ небольшимъ острожкомъ (фирма существуетъ 12 лѣтъ) предлагалъ купить у него этотъ долгъ, прося только копѣйку за рубль...

Какъ мало денегъ въ обращеніи при здѣшней торговлѣ, видно изъ того, что при валовомъ оборотѣ Приам. Т-ва 65,000 р. въ Олѣ въ кассѣ наличными деньгами за годъ (1895 г.) оказалось только 700 р., а въ Гижигѣ при торговлѣ въ 61,000 р.—5½ т. р., т. е.

[1]) Копѣйки отброшены.

вся сумма получаемаго служащими жалованья; въ Петропавловскомъ округѣ за 1892 годъ продано товаровъ на 81,800 руб., изъ нихъ 74,362 р. уплочено пушниной.

Таковы, въ общихъ чертахъ, исключительныя условія здѣшней торговли: если торговля въ долгъ, на честное слово, связана съ извѣстнымъ рискомъ, для торговца, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, то съ другой стороны ея общепринятый мѣновой характеръ долженъ давать значительное вознагражденіе, если сравнивать европейскія цѣны пушнины съ мѣстными. Извѣстно, что ни въ Петропавловскѣ, ни въ Гижигѣ ни у одной фирмы вы не можете купить соболя или лисицы.

Чтобы судить о доходности здѣшней торговли, возьмемъ для примѣра два самыхъ распространенныхъ предмета: чай и табакъ.

	Стоимость съ доставкой въ Петропавловскъ.	Въ розничной продажѣ обходится.	%
Мѣсто кирпичн. чаю (72 кирп.)	—15 р. (приблизительно)	—72 р.	—480
Пудъ черкасской папуши . .	— 7 » »	—40 »	—571

Къ этимъ осязательнымъ процентамъ нужно прибавить еще выгоду отъ продажи пушнины на европейскихъ рынкахъ, гдѣ камчатскій соболь цѣнится 30—50 р.: торговецъ, мѣсто кирпичнаго чаю, стоившее ему 15 р., обмѣнялъ за 4¹/₄ соболя[1]), а этихъ послѣднихъ продалъ по крайней мѣрѣ за 150 р.

По этому расчету за все количество камчатскихъ соболей 1891 г. — 1,837 шт. обмѣнено 433,5 мѣста чаю, стоившихъ продавцу 6,500 р.; тогда какъ за соболей при продажѣ въ Петербургѣ [2]) должно получится 73,480 р.

Приведенныя цифры понятны безъ всякихъ объясненій.

Торговля во всѣхъ округахъ края производится или въ магазинахъ, по гильдейскимъ свидѣтельствамъ, или въ сельскихъ лавкахъ по свидѣтельству на мелочной торгъ, или, наконецъ, въ развозъ по особому развозному свидѣтельству. Первый родъ торговли одинаковъ съ практикующимся во всѣхъ городахъ Россіи, съ тою разницей, что порта сѣверныхъ округовъ—пользуются льготами порто-франко.

Для уясненія вопроса о таможенныхъ льготахъ края небезинтересно напомнить, что вся торговля Охотско-Камчатскаго побережья

---

[1]) Стоимость соболя принята въ 17 р.; кирпича чаю—въ округѣ въ 1 р.

[2]) Средняя цѣна 40 р.

находилась въ монопольныхъ рукахъ Р. А. К° до 1812 г., когда въ Петропавловскую гавань и Охотскъ пришли два коммерческихъ судна съ товарами американца Добеля. Товары быстро раскупались, потому что жители никогда не слышали о такихъ незначительныхъ цѣнахъ, по которымъ они впервые покупали у Добеля. По представленію министра финансовъ, въ виду благодѣтельнаго вліянія иностранной конкуренціи, комитетомъ министровъ (1813 г.) утверждена безпошлинная торговля. Это было не въ интересахъ могучей Р. А. К°, и послѣдняя въ 1821 г. снова добилась того, что иностраннымъ купеческимъ судамъ вовсе была запрещена торговля въ нашихъ приморскихъ окраинахъ.

Дальнѣйшая судьба торговли представляетъ постоянную борьбу между Р. А. К° и мѣстными начальниками, какъ Рикордъ, Голенищевъ и друг., которые указывали на все зло монополіи; наконецъ въ 1831 и 1838 гг. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе о безпошлинной иностранной торговлѣ на всемъ побережьѣ, которое нынѣ дѣйствующимъ таможеннымъ уставомъ ограничено на сѣверѣ г. Николаевскомъ. По существующимъ законоположеніямъ (Уставъ таможенный, Св. Законовъ, изд. 1897 г., т. VI) пошлина съ иностранныхъ товаровъ взыскивается только въ Иркутскѣ, если они провозятся чрезъ порты Охотскаго моря; спеціальныхъ статей объ ограниченіи иностраннаго ввоза въ порты Охотскаго и Берингова морей мы не находимъ въ томъ же уставѣ, не исключая и спирта. Между тѣмъ въ практикѣ встрѣчается множество недоразумѣній, потому что какъ окружные начальники, такъ и торговцы видимо не вполнѣ ясно понимаютъ существующія законоположенія: одни говорятъ, что ввозъ иностраннаго спирта безусловно запрещенъ, хотя въ дѣйствительности это запрещеніе касается только провоза крѣпкихъ напитковъ на стойбища инородцевъ; другіе взыскиваютъ пошлину съ привозимыхъ американскихъ (сѣрныхъ) спичекъ, какъ видно изъ дѣлъ Петропавловскаго полицейскаго управленія; въ одномъ округѣ взыскивается акцизъ за русскій сахаръ, табакъ и спиртъ, вывезенные раньше за границу (т. е. съ возвратомъ акциза), а въ другомъ — торговецъ получаетъ въ возвратъ извѣстную долю акциза только за сахаръ, привезенный прямо изъ Россіи. Очевидно, что даже въ такихъ общихъ вопросахъ торговли русскіе торговцы блюдутъ коммерческую тайну, въ дѣйствительности провозя и сахаръ, и спиртъ съ возвратомъ акциза, уплоченнаго за нихъ фабрикантомъ. Точно также долженъ подлежать возврату и акцизъ со спичекъ и табачныхъ из-

дѣлій, хотя послѣднія для края не имѣютъ никакого значенія: здѣсь исключительно употребляется листовой табакъ въ папушахъ, который по ст. 621 (т. V. Св. Зак. изд. 1897 г.) не облагается никакимъ въ пользу казны сборомъ.

Продажа разныхъ торговыхъ документовъ составляетъ главную мѣстную статью дохода казны; по сравненію съ другими округами, наиболѣе значительнымъ этотъ доходъ оказывается въ Петропавловскѣ; такъ за 1896 г. онъ равнялся 3,884 р. Этотъ округъ въ послѣдніе годы получилъ еще специальные доходы, которыхъ нѣтъ въ двухъ другихъ; напр. въ томъ же году поступило въ казну отъ боброваго промысла 1,614 р. и отъ рыбнаго—2,084 р.

Изъ разныхъ видовъ торговли наибольшее значеніе для края имѣютъ мелочной и развозный торги, производимые по особымъ свидѣльствамъ, платежъ за которыя, согласно существующимъ постановленіямъ, въ первомъ случаѣ равняется 10 (5 кл.) и 15 (4 кл.) р., а во второмъ—16 р., съ прибавленіемъ дополнительнаго 10% сбора, введеннаго съ 1887 г.

Такихъ свидѣтельствъ въ Гижигѣ за 1894 г. было выдано 59, и въ Петропавловскѣ за 1891—95; тогда какъ въ 1897 г. ихъ число уменьшилось до 24, изъ которыхъ было только 7 для мелочныхъ лавокъ. Развознымъ промысломъ занимается главнымъ образомъ русское населеніе, преимущественно казаки окружныхъ пунктовъ, проводя всю зиму не на пушномъ промыслѣ, а въ разъѣздахъ по селеніямъ. Товаръ или пріобрѣтается за наличныя, на сумму 40—50 р., или кредитуется у торговца, которому казакъ потомъ обязуется сдать пушнину. Чтобы судить о характерѣ подобной торговли, мы можемъ привести примѣръ изъ личныхъ наблюденій, когда Гижигинскій казакъ платилъ за коряцкую кухлянку только двѣ иголки и полкирпича чаю.

Цѣны на всѣ товары какъ у этихъ разъѣздныхъ торговцевъ, такъ и въ сельскихъ лавочкахъ сильно разнятся и не подчинены никакому контролю: въ то время, когда въ Петропавловскѣ и Охотскѣ кирпичъ чаю стоитъ 50 к., въ селеніяхъ, даже ближайшихъ къ портамъ, онъ цѣнится въ 1—1½ и даже 2 р. Для торговыхъ дѣлъ выбираются грамотные камчадалы, которые или пользуются извѣстнымъ процентомъ отъ компаніи, или же получаютъ опредѣленное жалованье, отвыкая отъ пушного промысла и не радѣя лѣтомъ о рыбныхъ запасахъ. Такимъ образомъ, заботы Правительства—поднять уровень образованія инородческаго населенія и желаніе, чтобы грамотные инородцы приносили пользу своему обществу, на практикѣ, по мнѣнію Петро-

павловской комиссіи, не достигаютъ цѣли, а эти грамотные инородцы обращаются въ самыхъ тяжелыхъ эксплоататоровъ своихъ же общественниковъ.

Тѣмъ не менѣе, при ограниченности пунктовъ выгрузки товаровъ и большихъ разстояніяхъ, мѣстныя нужды требуютъ удовлетворенія и создаютъ потребность въ мелочныхъ лавкахъ и развозномъ торгѣ. Торговые обороты этихъ двухъ видовъ торговли въ общемъ крайне ничтожны и не превышаютъ въ годъ нѣсколькихъ десятковъ рублей, между тѣмъ существующія цѣны на свидѣтельства и билеты, равно какъ и роспись товарамъ, разрѣшаемымъ въ продажу изъ мелочныхъ лавокъ, довольно обременительны. Достаточно будетъ указать на то, что по ст. 464 положенія о пошлинахъ (Св. Зак., изд. 1890 г.) въ нихъ запрещается продажа ситцу, платковъ, тесьмы, ваты и пр.

Въ случаѣ сильнаго раненія или смерти, родственники покойнаго бываютъ поставлены въ безвыходное положеніе: покойника не во что одѣть и нечѣмъ покрыть; приходится или наряжать его въ старую камлейку, или же ѣхать сотни верстъ за нѣсколькими аршинами миткаля; весной же и осенью, при отсутствіи сообщенія, и этого сдѣлать нельзя.

Каждая лавочка по мелочному свидѣтельству должна брать патентъ или свидѣтельство на продажу табачныхъ издѣлій туземнаго приготовленія, согласно установленному разряду; такъ въ 1897 г. по Петропавловскому округу за свидѣтельства на продажу листового табаку изъ лавокъ и въ развозъ поступило 411 р., т. е. сумма равняющаяся стоимости (по Владивостокскимъ цѣнамъ) 58 пудовъ махорки, которыхъ никогда не можетъ быть продано изъ мелочныхъ лавокъ и въ развозъ. Такимъ образомъ плата за патентъ на продажу листового табаку превышаетъ его стоимость.

Измѣненіе существующаго положенія тѣмъ болѣе желательно для здѣшнихъ округовъ, что даже въ европейской Россіи для нѣкоторыхъ мѣстъ сдѣланы исключенія и льготы; какъ напр. для г. Кинешмы, Мокшанъ и др. (по росписи VIII) разрѣшена въ подобныхъ лавкахъ продажа ситцевъ, платковъ, китайки низшаго достоинства русскихъ фабрикъ; точно также (по росписи Е, § 11, дополненіе къ ст. 40 положенія о пошлинахъ, изд. 1890 г.) для нѣкоторыхъ губерній сдѣлано исключеніе и разрѣшена, по свидѣтельству на мелочной торгъ, продажа простого русскаго ситца въ обрѣзкахъ и лоскуткахъ. Точно такими же льготами пользуются Архангельская, Олонецкая, Тобольская, Енисейская и Иркутская губерніи, которыя освобождены

отъ дополнительнаго сбора за свидѣтельства на мелочной торгъ (ст. 438, примѣч. 1, т. V, Свод. Зак., Уставъ о прямыхъ налогахъ).

Не менѣе того заслуживаетъ вниманіе и другое положеніе о пошлинахъ,—именно правила о развозномъ торгѣ. Они гласятъ слѣдующіе (ст. 46, ч. II, Полож. о пошлинахъ, изд. 2-е, 1890 г.): «По свидѣтельствамъ на развозный и разносный торгъ дозволяется производить сей торгъ мануфактурными и колоніальными товарами внѣ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ. Торгующій означенными товарами съ возовъ или въ разносъ обязанъ имѣть на свое имя свидѣтельство, по сей статьѣ установленное, безъ различія, торгуетъ-ли онъ на свое имя, или по порученію хозяина, или просто въ качествѣ возчика. Примѣч. Производящій торговлю по свидѣтельству на развозный торгъ можетъ продавать товаръ по одному свидѣтельству съ нѣсколькихъ возовъ. Но если при этихъ возахъ находятся и другія лица (въ качествѣ приказчиковъ или возчиковъ), то каждое изъ этихъ лицъ обязано имѣть особое свидѣтельство развознаго торга на свое имя (1870 г. № 32, Указаніе росписи по Министерству Финансовъ)». Вышеупомянутая статья требуетъ такихъ же свидѣтельствъ или документовъ съ лицъ, слѣдующихъ съ возомъ, въ качествѣ возчиковъ. Торговля должна производиться съ самихъ возовъ, подъ открытымъ небомъ, и товары отнюдь не должны для этого вноситься въ закрытое или жилое помѣщеніе.

Очевидно, при редактированіи этого положенія взяты во вниманіе условія торговли, производимой въ центрѣ Россіи, главнымъ образомъ лѣтомъ, и въ такомъ видѣ примѣнены къ окраинѣ, гдѣ условія ѣзды, перевоза и самаго климата представляютъ много исключительныхъ особенностей. При развозномъ торгѣ на подводѣ съ одной лошадью торговецъ можетъ везти 30—40 пудовъ груза, тогда какъ на собачьей и оленьей нартѣ количество груза не превышаетъ 12 пудовъ даже по хорошему, убойному снѣгу. Какъ зимой, такъ и лѣтомъ торговецъ въ Россіи можетъ имѣть цѣлый обозъ въ 4—5 подводъ, совершенно свободно управляясь съ ними въ дорогѣ, тогда какъ здѣсь, при мѣстныхъ условіяхъ пути, каждая нарта должна имѣть особаго каюра. Такимъ образомъ существующія правила о развозной торговлѣ ставятъ мѣстнаго торговца въ болѣе невыгодныя условія, возвышая и безъ того большую стоимость предметовъ первой необходимости. По силѣ статьи, на каждую нарту торговецъ долженъ имѣть особое свидѣтельство, одна пошлина за которое равняется 16 р.; при небольшой нагрузкѣ (изъ 12 пудовъ грузу

нужно еще вычесть 2—3 пуда на собачью юколу въ виду дальности разстояній здѣшнихъ поселеній) естественно должны увеличиться цѣны товаровъ. Въ однихъ округахъ это положеніе сохраняется во всей своей полнотѣ, тогда какъ въ другихъ мѣстная администрація разрѣшаетъ по одному свидѣтельству имѣть нѣсколько грузовыхъ нартъ.

Послѣднее условіе развознаго торга, именно только съ воза, совершенно невыполнимо по мѣстнымъ причинамъ: частыя пурги и вѣтры, въ особенности на открытой тундрѣ, среди бродячихъ инородцевъ рѣшительно не позволяютъ вести торговлю подъ открытымъ небомъ. Часто даже простыя нарты и повозки приходится убирать въ сѣни, чтобы не забило ихъ снѣгомъ; наконецъ величина самой нарты настолько незначительна и различные товары такъ бываютъ заложены, что каюръ или торговецъ не имѣетъ возможности въ ненастную погоду достать ту или другую требуемую вещь. Съ другой стороны самый способъ ѣзды таковъ, что обязательно требуетъ присутствія каюра у каждой нарты, тогда какъ въ Европейской Россіи возъ съ лошадью можетъ слѣдовать въ обозѣ и безъ кучера. Въ виду такого стѣснительнаго положенія, въ нѣкоторыхъ округахъ сама администрація предлагаетъ, въ обходъ вышеупомянутой статьи, брать не развозное свидѣтельство, а ярмарочное, въ силу котораго торговецъ имѣетъ право держать товары въ закрытомъ помѣщеніи.

Сопоставляя теперь всѣ главныя требованія «Положенія» о мелочномъ и развозномъ торгѣ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и нуждамъ края, мы находимъ, что они стѣснительны для торговцевъ и крайне обременительны для инородцевъ, экономическое положеніе которыхъ и безъ того незавидно. Ради подъема матеріальнаго благосостоянія жителей, желательно, чтобы существующія положенія этого рода торговли были вновь пересмотрѣны и согласованы съ потребностями окраины.

Что касается качества товаровъ и жизненныхъ припасовъ, доставляемыхъ на окраину, то въ большинствѣ случаевъ они удовлетворяютъ неприхотливымъ требованіямъ инородца; нельзя однако не замѣтить, со словъ жителей, что въ послѣдніе годы начали привозить товары гораздо худшаго достоинства, чѣмъ прежде. То же самое замѣтно и на кирпичномъ чаѣ, съ фабрикаціей котораго, по желанію торговцевъ, произошла перемѣна: прежде мѣсто чаю заключало 68 кирпичей, а теперь стали приготовлять кирпичи меньше по объему и вѣсу, увеличивъ число ихъ до 72 шт. О достоинствѣ такого чая, играющаго важную роль въ продовольственномъ вопросѣ инородца, равно

какъ объ суррогатахъ и фальсификаціи не можетъ быть рѣчи, такъ какъ мы точно не знаемъ всѣхъ условій даннаго производства, а съ другой стороны фальсификація кирпичнаго чаю находится внѣ всякаго контроля. Достаточно указать на то, что въ продажѣ приходилось видѣть самаго разнообразнаго качества кирпичный чай, отваръ котораго сильно разнился по вкусу и производилъ неодинаковое дѣйствіе на человѣческій организмъ. Примѣромъ этого можетъ служить такъ называемый японскій кирпичный чай, привезенный на Охотско-Камчатское побережье, впервые, кажется, въ 1895 году. Кирпичи этого чаю меньше, легко ломаются, сильно крошатся и отличаются большой гигроскопичностью, вслѣдствіе чего они скоро покрывается слоемъ плѣсени. Дѣйствіе его на организмъ оказалось весьма своеобразнымъ; такъ, инородцы Гижигинскаго округа заявили окружному начальнику и доктору, что послѣ такого чаю является сильная боль въ желудкѣ, рвота и кишечныя разстройства съ припадками головокруженія. Въ силу такихъ жалобъ окружной начальникъ принужденъ былъ запретить продажу японскаго кирпичнаго чаю, который, какъ оказалось, былъ доставленъ въ значительномъ количествѣ вмѣстѣ съ китайскимъ. Подобные же результаты отъ употребленія японскаго чаю мы наблюдали въ острожкахъ западнаго побережья Камчатки, гдѣ жители совсѣмъ отказались его пить.

Говоря о мѣстной торговлѣ нельзя не остановиться на одномъ вопросѣ, играющемъ чрезвычайно важную роль въ жизни сѣвернаго инородца. Это—спиртъ и торговля имъ.

Пристрастіе инородца къ спирту такъ велико, что ради его полученія онъ готовъ идти на всякія сдѣлки, продать пушнину за всякую цѣну и даже поступиться семейнымъ счастьемъ. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ суровой зимы въ лѣсу и на хребтахъ, коченѣя отъ стужи и страдая отъ голода, онъ за одинъ вечеръ угощенія остается безъ добытой пушнины и необходимыхъ запасовъ на цѣлый годъ. Торговля спиртомъ является лучшимъ и наиболѣе выгоднымъ средствомъ держать въ кабалѣ довѣрчиваго и честнаго инородца,— и онъ такъ привыкъ къ этому угощенію при сдѣлкахъ о пушнинѣ, что ему кажется страннымъ, если торговецъ не начинаетъ съ этого.

По существующимъ законоположеніямъ и неоднократнымъ предписаніямъ бывшихъ генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири, а также губернаторовъ Приморской области, провозъ спирта и спиртныхъ напитковъ въ стойбища и становища инородцевъ безусловно запрещенъ. Не смотря однако на такое категорическое запрещеніе,

ввозъ спирта въ инородческіе округа всегда практиковался въ широкихъ размѣрахъ; фактъ открытаго и поголовнаго спаиванія инородца былъ извѣстенъ всѣмъ, и никто не интересовался его послѣдствіями, хотя время отъ времени и раздавались голоса противъ подобныхъ злоупотребленій. Такъ, баронъ Майдель, въ 70 г. путешествовавшій по сѣверо-восточной окраинѣ, говорилъ, что водка окончательно сотретъ этотъ несчастный народъ съ лица земли [1]). Членъ той же экспедиціи, д-ръ Нейманъ, командированный для ревизіи Камчатки (1875 г.), какъ видно изъ бумагъ мѣстнаго управленія, писалъ, что не смотря на строжайшее запрещеніе, въ Петропавловскій округъ ввозится значительное количество горячительныхъ напитковъ. [2]) Къ сожалѣнію, мѣстные архивы не сохранили документовъ о количествѣ ввозившихся въ разные порта спирта, винъ, водки и другихъ напитковъ; имѣющіяся данныя будутъ представлены ниже, а теперь мы только прослѣдимъ исторію этого вопроса, играющаго такую первостепенную роль въ экономической жизни окраины.

Во время дѣятельности торговой компаніи «Гутчинсонъ, Коль и Филиппеусъ» и затѣмъ въ послѣдующее время до 1888 г. при этомъ послѣднемъ, какъ представителѣ Іокогамской фирмы «Хольмъ, Вольшъ и К°» ввозъ спиртныхъ напитковъ достигъ наибольшихъ размѣровъ, такъ что наконецъ съ 1890 г. мало-по-малу ограничительныя мѣры начинаютъ примѣняться къ дѣлу. На основаніи бывшихъ предписаній, нѣкоторые изъ окружныхъ начальниковъ объявили, что каждый разъ лица, желающія вывозить изъ порта для собственнаго употребленія спиртъ, должны испрашивать у нихъ особое разрѣшеніе, причемъ посуда будетъ опечатываться печатью окружного управленія. Понятно, такая мѣра, направленная къ соблюденію предписанія высшаго начальства, служила нѣкоторымъ послабленіемъ и представляла въ своемъ родѣ обходъ законныхъ строгостей. Нѣкоторые начальники пошли въ этомъ отношеніи дальше и наложили извѣстный запретъ и контроль на выписку напитковъ для собственнаго потребленія даже служащими и торговцами. Въ Охотскомъ округѣ на якутской границѣ зимой жилъ, по приказанію окружного начальника, казакъ, на обязанности котораго лежалъ таможенный досмотръ всего провозимаго и не-

---

[1]) L. c. т. I, стр. 217.

[2]) По свѣдѣніямъ исправника Попова, оказалось, что у Петропавловскихъ торговцевъ было въ наличіи джину 136 ящиковъ, спирту 80 ящ., ликеровъ 18 ящ., хересу 118 ящ., кюммелю 20 ящ., водки 90 ведеръ, рому 30 ведеръ.- Изъ бумагъ Петроп. Окр. Управленія.

пропускъ спиртныхъ напитковъ; а въ сел. Каменскомъ (Гижигинскаго округа) спиртъ выгружался безъ всякого вѣдома начальства; въ Удскомъ и Аянѣ хотя и обязаны были слѣдить за этимъ мѣстные пятидесятники, но это нисколько не затрудняло привоза спирту, въ чемъ мы лично убѣдились и на что раньше обращало вниманіе начальство. Такъ въ 1893 г. областное начальство, на основаніи донесенія русскаго консула въ Нагасаки министерству финансовъ о томъ, что американской фирмой Вольшъ, Хольмъ и К° доставлено значительное количество спирта въ Аянъ, сдѣлало запросъ мѣстному полицмейстеру (нужно замѣтить, получавшему 600 руб. жалованья отъ этой компаніи) и въ объясненіе получило отвѣтъ, что спиртъ дѣйствительно былъ сгруженъ, но сколько — неизвѣстно [1]), и что онъ расходовался при разгрузкѣ парохода мѣстными рабочими. Но такъ какъ главный центръ торговой администраціи находился въ Петропавловскѣ, то туда направлялось наибольшее количество спирта и горячительныхъ напитковъ, такъ какъ ввозъ туда былъ не запрещенъ, а затѣмъ съ слѣдующими рейсами, какъ видно изъ бумагъ, разсылался по всѣмъ мѣстамъ Охотскаго побережья. За нѣкоторые годы сохранились въ окружномъ управленіи Петропавловска документы, хотя и неполные, изъ которыхъ видно, что одинъ спиртъ доставлялся сотнями бочекъ, безъ указанія ихъ величины и вмѣстимости, а количество выгруженныхъ напитковъ въ годъ доходило до 35,000 бутылокъ.

Въ 1889 г. Амурская казенная палата запрашивала Петропавловскаго окружного начальника, для чего выписываютъ большое количество полугара мѣщанинъ Г. — 27 ведеръ и почтмейстеръ — 33 ведра. Въ отвѣтѣ значилось, что жена упомянутаго мѣщанина имѣетъ теперь ренсковый погребъ, а для чего выписываетъ послѣдній, мѣстному начальству ничего неизвѣстно.

Въ 1890 г. Петропавловское городское общество, видя крайній упадокъ экономической жизни своихъ сочленовъ и вредное вліяніе спиртной торговли на собирающихся зимой въ портѣ инородцевъ, постановило рѣшеніе о нежеланіи имѣть въ городѣ заведенія для продажи крѣпкихъ напитковъ и виноградныхъ винъ въ теченіи 3 лѣтъ, о чемъ вошло съ ходатайствомъ. По разсмотрѣніи дѣла, какъ видно изъ бумагъ окружного управленія, военный губернаторъ «не

---

[1]) По имѣющимся частнымъ записямъ 20 в. спирту; вмѣстѣ съ этимъ же прибывшимъ запросомъ сгружено въ 1893 г. 40 в., какъ видно изъ бумагъ Петропавловскаго окружного управленія.

нашелъ достаточныхъ основаній къ отступленію отъ общеустановленныхъ въ законѣ правилъ относительно торговли въ городахъ Имперіи крѣпкими напитками и виноградными винами, а между тѣмъ запрещеніе означенной торговли, помимо причиненія убытковъ казнѣ отъ непоступленія доходовъ съ питейныхъ заведеній, породитъ тайную безпатентную торговлю». Поэтому военный губернаторъ находитъ преждевременнымъ запретить открытіе питейныхъ заведеній въ г. Петропавловскѣ (9 іюля 1891 г.).

Въ 1894 г. всѣ окружные начальники получили подробную программу вопросныхъ пунктовъ относительно улучшенія края, гдѣ въ параграфѣ 9-мъ указывается на возможность ограниченія потребленія спирта — по примѣру о. Сахалина, гдѣ съ 1890 г., по приказу начальника острова генералъ-маіора Кононовича: 1) никто изъ частныхъ лицъ не можетъ заниматься спиртовою и водочною торговлей, а 2) ввозъ разрѣшается только Колонизаціонному Фонду на его собственныя средства и не иначе, какъ по формальнымъ удостовѣреніямъ начальника острова, на основаніи которыхъ акцизное управленіе будетъ выдавать провозныя свидѣтельства.

Эти благія начинанія не выработали новыхъ мѣропріятій, и торговля спиртными напитками осталась при старомъ, довольно неопредѣленномъ положеніи: въ Охотскѣ и Гижигѣ торговыхъ заведеній нѣтъ, но для собственнаго употребленія торговцы продолжаютъ выписывать спиртъ и разные крѣпкіе напитки въ довольно значительномъ количествѣ; въ Петропавловкѣ же существуетъ два ренсковыхъ погреба, а при насъ лѣтомъ 1897 г. открывался еще ресторанъ съ продажей питей. Сколько привозится въ послѣдній портъ спирта и разныхъ напитковъ, мы не могли себѣ точно выяснить этого вопроса при просмотрѣ бумагъ полицейскаго управленія; тѣмъ не менѣе есть отрывочныя данныя за отдѣльные годы, изъ которыхъ можно заключить, что ввозъ этотъ довольно значительный. Такъ, было выгружено въ:

	Спирту.	Разныхъ напитковъ.
1889 г.	—604 ведра	3,000 бутылокъ.
1893 »	—458 »	9,786 »

Къ этому нужно прибавить, что въ нѣкоторыхъ бумагахъ количество ввезенныхъ спиртныхъ напитковъ не обозначено ни ведрами, ни бутылками, а просто числомъ мѣстъ или вѣсомъ, и потому оно въ дѣйствительности должно быть гораздо больше. При малочислен-

ности взрослаго населенія (съ 19 л.) Петропавловска въ 180 душъ об. п. означенная масса напитковъ не можетъ быть потреблена мѣстными жителями (по 110 бутылокъ на душу), а видимо выпивается инородцами округа во время обмѣна пушнины.

Зная, по личному опыту и по свидѣтельству всѣхъ лицъ, изучавшихъ отдаленныя окраины Сибири, все вредное вліяніе спиртныхъ напитковъ въ инородческой средѣ, при цѣнѣ отъ 2 до 8 и даже 15 р. за 1 бутылку спирта, мы находимъ подобную исключительную торговлю въ Петропавловскѣ ненормальнымъ явленіемъ; жители этого порта и ближайшихъ поселковъ бѣднѣе и менѣе домовиты, чѣмъ камчадалы отдаленныхъ острожковъ.

Рис. 53. «Съ перомъ» — мѣстная эстафета.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Оканчивая естественно-историческое описаніе Охотско-Камчатскаго края, мы должны оговориться, что могли воспользоваться далеко не всѣми матеріалами, которые собраны нами во время двухлѣтняго путешествія по окраинѣ: мы хотѣли нарисовать только общую картину мѣстной природы и условій жизни инородцевъ. Изъ предыдущаго изложенія читатель можетъ видѣть, насколько неблагопріятны климатъ и орографическія условія и каково незавидное экономическое положеніе всего населенія. Единственнымъ источникомъ существованія служатъ пушной звѣрь, домашній олень да рыба; но количество дорогой пушнины сильно уменьшилось; отъ частыхъ эпизоотій рѣдѣютъ стада оленей, а изъ рыбы инородецъ не научился приготовлять другого пищевого консерва, кромѣ незатѣйливой юколы, да и этой послѣдней часто не хватаетъ или отъ недохода рыбы, или вслѣдствіе порчи во время ея консервированія первобытнымъ способомъ.

Надѣленный отъ природы хорошими способностями, инородецъ тратитъ всю энергію воли и ума на суровую борьбу за существованіе, изъ которой не всегда выходитъ побѣдителемъ: значительную плодовитость его сокращаетъ большая смертность дѣтей; эпидеміи опустошаютъ селенія и стойбища,—и численность населенія не даетъ нормальнаго прироста.

Экономическая сторона жизни инородца за время нашего обладанія краемъ не улучшилась, а скорѣе ухудшилась: взамѣнъ пушного богатства, которымъ когда-то славился край, мы не выработали и не создали другихъ средствъ существованія.

О народномъ образованіи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ

число школъ грамотности и въ настоящее время весьма ограничено; что же касается ремесленно-профессіональнаго знанія, такъ необходимаго въ жизни, въ особенности на окраинѣ, то это — задача будущаго.

Для религіозно-нравственнаго просвѣщенія инородцевъ, правда, въ прежніе годы сдѣлано много, но все-таки остался уголокъ Гижигинскаго округа, съ значительнымъ населеніемъ, которому пока чуждо и неизвѣстно Ученіе Христа. Правда, положеніе здѣшняго духовенства плохо обезпечено въ матеріальномъ отношеніи: священникъ часто ружьемъ добываетъ лисицу, нерпу или птицу; но съ другой стороны нельзя не пожелать улучшенія состава мѣстныхъ служителей церкви и бо̀льшаго образовательнаго ценза.

Этой общей характеристикой опредѣляются тѣ существенныя нужды края, по поводу которыхъ мы хотимъ высказать свой личный взглядъ, какъ результатъ многолѣтняго наблюденія (1892 — 93 и 1896 — 98 гг.).

Задачи Охотско-Камчатской горной экспедиціи состояли въ изслѣдованіи мѣстныхъ богатствъ—не только полезныхъ ископаемыхъ, но и другихъ, какъ-то: — лѣсъ, рыба, морскія и сухопутныя животныя, эксплоатація которыхъ могла бы оживить заброшенную окраину.

Полученные экспедиціей результаты превзошли ожиданія всѣхъ: во многихъ мѣстахъ открыто богатое золото и другія полезныя ископаемыя; найдены обширныя площади прекраснаго строевого лѣса; изученіе морскихъ промысловъ даетъ основаніе для развитія широкой эксплоатаціи этихъ богатствъ, которыя до сихъ поръ казнѣ не доставляли дохода, а мѣстнымъ жителямъ не приносили выгоды: киты, сельдь и разные виды чудныхъ лососей могутъ послужить громаднымъ экспортомъ, какъ на китайскій и японскій рынки, такъ и внутрь Россіи, и такимъ образомъ избавятъ ее отъ ежегодной уплаты за границу десятковъ милліоновъ рублей, за ввозимые рыбные консервы и въ особенности сельдь.

Мы думаемъ, что эксплоатація этихъ послѣднихъ богатствъ въ экономической жизни края будетъ играть болѣе важную роль, чѣмъ открытіе золота на Охотско-Камчатскомъ побережьѣ. Допустимъ даже (на что мы имѣемъ основаніе), что золото будетъ найдено и въ другихъ пунктахъ этой окраины; но все-таки въ концѣ концовъ металлъ будетъ выработанъ, извлеченъ изъ нѣдръ земли, тогда какъ морскія богатства могутъ служить постояннымъ и неисчерпаемымъ источникомъ благосостоянія. Нужно только придти на помощь пустынному краю и позаботиться о раціональной постановкѣ дѣла. Мы уже знаемъ изъ

прошлаго, что хищническій способъ промысла почти истребилъ соболя и морского бобра, а теперь истребляетъ морского котика; уроки прошлаго не слѣдуетъ забывать, а нужно во время позаботиться о томъ, чтобы подобная исторія не могла повториться съ рыбными и другими промыслами, которые только одни могутъ поднять край и улучшить его экономическое положеніе. Но для этого требуется организовать научно-административный надзоръ и разработать правила промысловъ, согласуясь съ нуждами страны и ея жителей; не одни только рыбные, но и всѣ мѣстные промысла должны быть подчинены особой инспекціи и изъяты изъ вѣдѣнія окружныхъ начальниковъ, которые въ этомъ дѣлѣ—не спеціалисты и на долю которыхъ выпадаетъ и безъ того масса труда и административныхъ заботъ. Въ виду уже начинающейся развиваться здѣсь эксплоатаціи рыбы, необходимо, чтобы жители-инородцы такъ или иначе были заинтересованы въ рыбныхъ предпріятіяхъ—тѣмъ болѣе, что подобные промысла производятся въ водахъ, имъ, какъ владѣльцамъ, принадлежащихъ.

На административные посты нужно привлечь новыя, молодыя силы, съ высшимъ образовательнымъ цензомъ, выдвинувъ на первый планъ вопросъ объ образованіи инородцевъ, изъ которыхъ каждый уже теперь вноситъ посильную лепту на содержаніе школы и учителя. Новая постановка школьнаго дѣла, конечно, потребуетъ небольшой помощи Правительства, но расширеніе ремесленно-профессіональнаго образованія научитъ жителя пользоваться мѣстными богатствами и извлекать пользу изъ своего рыболовства и животноводства, создастъ ремесла и кустарные промыслы и такимъ образомъ выведетъ его изъ того необезпеченнаго и печальнаго положенія, въ какомъ онъ теперь оказался.

Улучшеніе пароходнаго сообщенія съ окраиной и желательное учрежденіе мѣстнаго плаванія дастъ толчекъ развитію торговли, положеніе которой всегда было здѣсь весьма ненормально: отсутствіе конкуренціи повышало цѣны на всѣ жизненные припасы до баснословныхъ цифръ, а характеръ мѣновыхъ сдѣлокъ исключалъ обращеніе монеты въ краѣ и велъ къ пагубной для инородца торговлѣ въ кредитъ, создавая наслѣдственную задолженность: смерть не прерывала связи между духомъ покойника и его живущими родичами, на которыхъ долги переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе. При существующемъ положеніи инородцевъ и теперешнемъ характерѣ торговли, впредь до развитія конкуренціи, единственно возможное благодѣяніе для края состояло бы въ томъ, чтобы казна, не безъ пользы

для себя, взяла въ свои руки весь обмѣнъ пушнины и доставку предметовъ житейскаго обихода. Это сразу дало бы громадную экономію инородцу и улучшило его положеніе, еслибы даже взималось 20—30% на затраченный капиталъ; остатки подобной казенной торговой операціи могли бы послужить для устройства школъ и лучшей организаціи медицинской и ветеринарной помощи. Причемъ, торговля спирными напитками и ввозъ ихъ въ сѣверные огруга должны быть безусловно воспрещены закономъ, какъ это сдѣлано относительно Мурманскаго берега.

Изъ историческаго очерка мы также видимъ, что въ сурово-неприглядной жизни здѣшняго инородца были и свѣтлые моменты; тогда ему жилось легче, товары стоили дешевле, а пушнина оплачивалась безъ обиды; это достигалось не строгими предписаніями и требованіями закона, который часто оказывался здѣсь мертвой буквой, а зависѣло отъ людей и ихъ добраго, теплаго отношенія къ нуждамъ ввѣренной окраины. Вотъ этихъ то людей знанія и любви къ обездоленному инородцу и желательно привлечь на эту окраину.

Съ другой стороны и окраина не такъ обездолена, какъ это казалось до сихъ поръ: помимо найденныхъ розсыпей золота и залежей сѣры, угля, графита и пр., уже обратившихъ на себя вниманіе предпринимателей и вызвавшихъ дальнѣйшія частныя изслѣдованія:

1) сотни здѣшнихъ рѣкъ могутъ доставить обильный матеріалъ для рыбныхъ консервовъ;

2) во многихъ устьяхъ и нѣкоторыхъ заливахъ, гдѣ сельдь приваливаетъ громаднымъ руномъ, какъ рѣки Уда, Охота, Яна, бухты Оджанъ, Гижигинская и Авачинская, желательно устройство сельдяного промысла: пора перестать выписывать иностранную селедку на милліоны рублей, когда съ проведеніемъ Великаго Сибирскаго пути русскій консервъ можетъ найти обширный сбытъ по всей Сибири и дойти до Петербурга;

3) тресковыя банки около Явино — Большерѣцка даютъ новый промыселъ, на которомъ каждая американская шхуна, при расходѣ въ 10 т. р., получала чистой прибыли свыше 30 т. р. за 6 мѣсяцевъ; .

4) киты издавна служили доходной статьей для болѣе предпріимчивыхъ иностранцевъ; по оффиціальнымъ даннымъ, американскіе китобои у береговъ Приморской области ежегодно добываютъ (1889 г.) жиру и уса на 1.280,000 р. Этотъ промыселъ, не давая Правитель-

ству ни одной копѣйки, способствуетъ лишь хищническому истребленію звѣря [1]);

5) Масса уйковъ, корюхи и прочей мелкой рыбы, выбрасываемой, во время прибоя, огромыми кучами на десяткахъ верстъ побережья, могла бы послужить для приготовленія удобрительнаго тука, въ которомъ такъ нуждается Японія. Несложная техника варки и прессованія тука доставила бы большой заработокъ жителямъ, еслибы они получили возможность вывоза;

Наконецъ 6) крупный строевой и мачтовый лѣсъ, встрѣчающійся большими зарослями и обширными площадями по рр. Удѣ, Лантару, Кавѣ, Ямѣ, Наяханѣ, Камчаткѣ и пр., окажется далеко не лишнимъ въ дѣлѣ мѣстнаго экспорта, тѣмъ болѣе, что при улучшеніи пароходства и оживленіи окраины доставка отсюда въ бѣдный лѣсомъ Китай могла быть дешевле, чѣмъ изъ Санъ-Франциско; тогда какъ теперь бревна, плахи и доски доставляются въ Петропавловскъ изъ этого послѣдняго порта.

Въ общемъ, описаннымъ воднымъ богатствамъ Охотско-Камчатскаго края мы придаемъ громадное значеніе въ вопросѣ объ улучшеніи его экономическаго положенія, а устройство названныхъ промысловъ считаемъ дѣломъ первостепенной (государственной) важности: тогда и казна не будетъ нести только одни расходы на содержаніе управленія окраины и помощь при голодовкахъ, какъ это происходитъ теперь, и край подвинется въ культурномъ отношеніи, а разумное хозяйство принесетъ должные плоды.

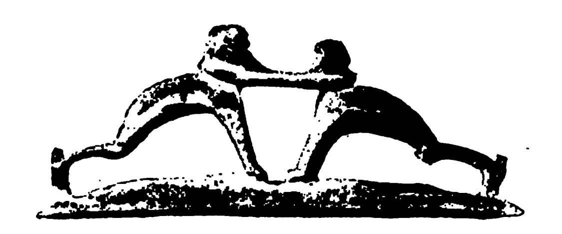

Рис. 54. Издѣлія коряковъ: борцы.

[1]) Русское Судоходство, 1894, № 14, стр. 37—38.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

СТРАН.

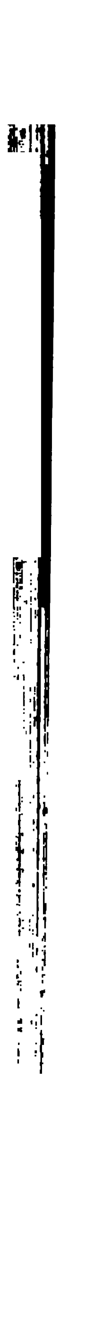
ГЛАВНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ПОГРѢШНОСТИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
9	10 сверху	въ началѣ	въ зародышѣ
10	12 »	1739 г.	1636 г.
14	6 »	отбирали	отбиралъ
15	6 »	Поярковымъ	Уваровымъ
—	33 »	1650	1649
17	Примѣч.	не менѣе 100	не менѣе 10 (т. е. «половица»)
19	31 сверху	полукамчатское	полукамчадальское
23	12 »	дѣленіемъ	дележомъ
24	23 »	Козыреву	Киргизову
29	Примѣч. 1-е	Пенжинскую	Гижигинскую
34	18 сверху	Качаловъ	Качановъ
36	10 »	для нападенія	для покоренія
38	18 сверху	Сына Ивана	Сына Василія и племянника Ивана
39	3 снизу	князька	князекъ
46	30 сверху	учениковъ	ученыхъ
50	1 »	Делиссъ	Делиль
56	4 снизу	повели	повлекли
77	20 сверху	сѣмянной хлѣбъ	сѣмена хлѣба
79	10 »	чрезъ Гижигу	до Гижиги
151	1 »	Тауйскъ	Тауй
164	4 снизу	Китачаднъ	Киталчанъ
169	6 »	плоскогорье	тундру
217	на картѣ	изотерма t° 8°	— 8°
253	8 снизу	определенной	опредѣленной
261	Рис. 9	моржеваго	моржоваго
350	10 сверху	мѣстѣ	морѣ
359	послѣдняя	Cestren	Castren
456	id.	огородами изъ частокола	изгородью изъ...
521	29 сверху	всѣмъ необходимымъ	далеко не всѣмъ...
542	8 снизу	онѣ	они

Томъ II, стр. 118, итого соболей 4,837 — 1,837

242510/m/36

100 a

Stanford University Libraries
3 6105 013 529 172

